UNSONG

Scott Alexander

UNSONG

Скотт Александер
Перевод с английского: Eva Maria Shelley
Издание 2024 года (paperback)

Выходные данные

Скотт Александер. *UNSONG*.
Первоначальная публикация: веб-сериал, 2015–2017.
Бумажное издание: 2024.

Все права на оригинальный текст принадлежат автору.
Настоящий перевод выполнен на некоммерческой основе, с разрешения автора на некоммерческое использование его произведений. Он предназначен исключительно для личного чтения и не может распространяться в коммерческих целях.

Перевод с английского: Eva Maria Shelley
Год перевода: 2026
При переводе библейских цитат за основу взят **Синодальный перевод Библии** (1876). Рифмованные фрагменты Уильяма Блейка даны в собственной редакции; классические русские переводы С. Я. Маршака, В. А. Потаповой, С. Стёпанова, А. Сергеева, В. Л. Топорова и Д. Смирнова-Садовского использованы как филологический и поэтический референс. Отдельные совпадающие с ними канонические строки сохранены с прямой атрибуцией.

Предисловие автора

1 I am honored to have the opportunity to introduce this Russian translation of Unsong.

2 You might ask - why be honored? Isn't it your book? But this is backwards. I only wrote the original. This was easy, just vomiting the most groanworthy puns I could think of onto the page. But translating Unsong - that's an accomplishment! To render a novel based so heavily on coincidences in the sounds of words (or what Aaron Smith-Teller would call the holy kabbalah) into a different language is such a monumental task that it boggles the mind. To reinterpret a novel grounded so heavily in trivial pieces of Americana into another culture is equally daunting, and makes me feel self-aware in my parochialism.

1 Для меня большая честь представить этот русский перевод «Unsong».

2 Можно спросить: почему честь? Разве это не ваша книга? Но всё наоборот. Я всего лишь написал оригинал. Это было легко: я просто изрыгал на страницы самые мучительные каламбуры, какие только мог придумать. А вот перевести «Unsong» — это достижение! Перенести на другой язык роман, так сильно построенный на случайных совпадениях в звучании слов (или на том, что Аарон Смит-Теллер назвал бы святой каббалой), — задача столь грандиозная, что от неё кружится голова. Не менее страшно заново осмыслить в другой культуре роман, так глубоко укоренённый в мелочах американской жизни; от этого я особенно ясно сознаю собственную провинциальность.

[3] As an American, I know about Russia only through rumors and stereotypes. One of these stereotypes is that Russians are the world experts in the stoic endurance of difficult and suffering-filled tasks. This is the only explanation I can imagine for how your diligent translator created the work you now hold in your hands.

[4] Some of this book is an extended allegory for my time among the effective altruists. If that interests you, you can find the Russian branch at https://ea-ru.org/.

[5] Thank you for picking this up, and I hope you enjoy it.

Yours,
Scott Alexander

[3] Как американец, я знаю о России лишь по слухам и стереотипам. Один из них гласит, что русские — мировые специалисты по стоическому преодолению трудных и мучительных задач. Только этим я могу объяснить, как ваша усердная переводчица создала работу, которую вы сейчас держите в руках.

[4] Часть этой книги — развёрнутая аллегория периода моей жизни среди эффективных альтруистов. Если вам это интересно, русскоязычное отделение движения можно найти по адресу https://ea-ru.org/.

[5] Спасибо, что взяли эту книгу в руки; надеюсь, она вам понравится.

Искренне ваш,
Скотт Александер

От переводчика

Есть книги, которые невозможно пересказать, — только прожить. «Unsong» Скотта Александера из таких. Это роман, в котором Бог реален, каббала работает буквально, а каламбуры — не украшение речи, а ткань мироздания. Действие разворачивается в 2017 году, но в мире, где ещё в 1968-м астронавты «Аполлона-8» врезались в хрустальную сферу, окружающую Землю. С тех пор законы физики стали ненадёжными, ангелы ходят среди людей, а по миру разошлись Имена Бога — каббалистические формулы, дающие произносящему реальную сверхъестественную власть.

Эта книга обращена к тем, кто способен одновременно любить теодицею, теорию множеств и дурацкие каламбуры про китов.

Каламбуры и сноски

Главная трудность «Unsong» — и главное её очарование — в том, что смысл здесь рождается из звучания. Автор выстраивает фонетические, этимологические и каббалистические цепочки, в которых английское слово вдруг раскрывается как ивритский корень, библейская аллюзия и физический каламбур разом. *Whale* (кит) звучит как *wail* (рыдание). *Harold be thy name* оказывается искажённым *hallowed be thy name*. Целая глава построена на том, что *one* звучит как испанское *Juan*.

Перевести это на русский — значит выбирать, что сохранить: смысл или звук. Я выбрала третий путь: основной текст читается по-русски, а каламбуры и непереводимые игры слов сопровождаются сносками, объясняющими, как устроена шутка в оригинале. Сносок

получилось много — 801. Без них значительная часть романа осталась бы непонятой.

Библия

Библейские цитаты даны по Синодальному переводу (1876) — самому узнаваемому для русскоязычного читателя. Синодальный выполняет здесь ту же роль, какую в оригинале выполняет King James Version: он звучит торжественно, чуть архаично и мгновенно узнаётся как Писание. Там, где герои цитируют Библию вольно или по памяти, перевод следует за ними, а не за каноническим текстом. Нумерация псалмов дана по Синодальной традиции.

Блейк

Названия всех семидесяти двух глав романа — строки из Уильяма Блейка. Блейк для «Unsong» — то же, что Вергилий для Данте: проводник, чей голос слышен за каждым поворотом сюжета. Рифмованные вставки Блейка в основном тексте романа даны в моём переводе; опубликованные версии С. Я. Маршака, В. А. Потаповой, С. Стёпанова, А. Сергеева, В. Л. Топорова, Д. Смирнова-Садовского и других переводчиков использовались как филологический и поэтический референс. В справочном Приложении Б отдельно приводятся и некоторые опубликованные переводы — каждый с прямой атрибуцией; отдельные заголовки, совпадающие с их каноническими строками, также сохранены.

Имена и термины

Имена библейских и традиционных ангелов переданы по устоявшейся русской норме: Уриил, Метатрон, Гавриил. Имена ангелов, придуманных автором, звучат

ближе к английскому оригиналу: Амоксиэль, Зиниэль, Гадириэль — чтобы читатель чувствовал разницу между каноном и авторским вымыслом.

Каббалистические термины — сефирот, клипот, Шем ха-Мефораш, нотарикон, гематрия — оставлены в ивритской форме, как принято в русскоязычной каббалистической литературе.

Об этом издании

Перевод выполнен по бумажному изданию 2024 года, которое автор существенно переработал по сравнению с оригинальным веб-сериалом (2015–2017). Ряд интерлюдий был удалён, добавлены новые, переписаны отдельные сюжетные линии. Приложение А — бонусная интерлюдия, не входящая в основной канон романа.

Я буду рада замечаниям и отзывам.

Eva Maria Shelley 2026

Оглавление

Выходные данные ii
Предисловие автора iii
От переводчика v
  Каламбуры и сноски v
  Библия vi
  Блейк vi
  Имена и термины vi
  Об этом издании vii

Пролог 1
Книга I: Бытие 5
Глава 1: Тёмные сатанинские мельницы 6
Интерлюдия ב: Трещины в небе 16
Глава 2: Восстань на духовную брань 21
Интерлюдия ג: Код мироздания 32
Глава 3: На облаке я увидел дитя 37
Глава 4: Дело рук — топор и плуг 45
Глава 5: Словом высказать нельзя 50
Интерлюдия ד: Канторы и певцы 86
Глава 6: Мы возведём Иерусалим 91
Глава 7: Гибнущая растительная память 102
Глава 8: Смеясь, презреть твои законы и угрозы 111
Глава 9: Искусством небесным 127
Глава 10: Принести быстрые стрелы света 134
Интерлюдия ה: N-Граммата 139
Глава 11: Загнать праведника в бесплодные земли 144
Интерлюдия ו: Десница Господня 151
Глава 12: На крыльях ангелов 153
Интерлюдия ז: В моём ведре дыра 161
Глава 13: Образ вечной смерти 167
Глава 14: Сердце людское — в груди Бессердечья 178
Глава 15: О, где скрыть мне лицо своё? 188
Глава 16: Коль мощью железной своё отчаянье он мог бы предотвратить 194
Интерлюдия ח: Человек на сфере 200
Книга II: Исход 211
Глава 17: Не знал земных родителей, признаюсь 212
Глава 18: Да спасутся дети Иерусалима от рабства 215
Глава 19: Образ ангельской земли 232
Глава 20: Когда звёзды сложили копья 248
Глава 21: Ты тоже обитаешь в вечности 271
Интерлюдия ט: Война и мир 281

Глава 22: Чей слух внимал Святому Слову 293
Глава 23: И сходит с неба город 301
Интерлюдия י: Генеральная Ассамблея 308
Глава 24: Зачем ты явился очам ангелов? 311
Глава 25: Ляг пред стопами моими, о Дракон 317
Интерлюдия כ: Трансляция 322
Глава 26: Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы и вся вселенная не страдала также 338
Интерлюдия ל: Внешние врата 346
Глава 27: Звёздный дол, берег вод 354
I. Джеймс 354
II. Лин 355
III. Симеон 356
IV. Эрин 358
V. Томас, Эдгар, Джон 360
VI. Амоксиэль 364
VII. Капитан 368
Глава 28: Сокрытый, как в ковчеге 369
Интерлюдия מ: Нью-Йорк 374
Глава 29: Кто веру детскую щадит 385
Глава 30: Над тёмными пустынями 400
Глава 31: Основание империи 410
Глава 32: Божественный человечий облик 419
Глава 33: Врата познания 426
Глава 34: Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим? 437
Глава 35: Голоса детей в его шатрах 445
Глава 36: Дело Отца Моего 451
Интерлюдия נ: Мисс «Американский пирог» 462
Глава 37: Любовь, которую нельзя поведать 471
Глава 38: Мой дух в борьбе несокрушим 481
Глава 39: Грозный образ 495
Глава 40: В грозном величии 511
Книга III: Откровение 519
Глава 41: Иди и люби без помощи чего-либо земного 520
Глава 42: Чьё наслаждение — лишь разрушение 524
Глава 43: Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении 531
Глава 44: Мир внутри, отверзающий врата 538
Глава 45: На самом дне отдалённейших пещер 547
Глава 46: Говорить о терпении страждущему 555
Глава 47: Ибо узрел он новые женские формы 566
Глава 48: Подайте мне колесницу из огня 571
Интерлюдия ס: Двоичность 581

Глава 49: Ужасы солнца и луны 586
Интерлюдия ע: Ад на Земле 592
Глава 50: Безмолвна, как отчаявшаяся любовь 598
Интерлюдии פ и צ: 80-е и 90-е 607
I. 1981 608
II. 1987. 609
III. 1993 610
IV. 1996 611
Глава 51: Он дивился, что чувствует любовь 613
Глава 52: Царь Света узрел её скорбь. 618
Глава 53: Любитель буйного мятежа 627
Интерлюдия ק: Буш. 635
Глава 54: Мой путь средь звёзд 639
Глава 55: Никто не может посетить его пределы 642
Интерлюдия ר: Novus Ordo Seclorum 650
Глава 56: Моление о чаше 653
Глава 57: Принимая облик Ахании.... 659
Глава 58: ...И вот облик Энион 666
Глава 59: Облачись в златую броню 676
Глава 60: О роза, ты больна! 685
Глава 61: И Ололон сказала: сойдём и мы, и предадим себя смерти в Ульро среди преступивших 689
Глава 62: Чтобы весь мир сорвался с петель 693
Глава 63: Мой гнев пылает до вершины неба 701
Глава 64: Иному, лучшему быть миру 704
Интерлюдия ש: Совершеннолетие 709
Глава 65: Плод моего таинственного древа 724
Глава 66: В глубине полночной чащи 728
Глава 67: Ночь радости Энитармон 735
Глава 68: ...И в ярость впал небес чертог 749
Книга IV: Цари 753
Глава 69: Любовь не для себя живёт. 754
Глава 70: Себе не ждёт она отрады 760
Глава 71: Но ближнему покой несёт 771
Глава 72: И строит Рай в отчаянье Ада 790
Эпилог 806
Приложение А. Интерлюдия נ: CHANGELOG. 811
Приложение Б. 816
Короткие стихи Блейка 817
Глава 2. Восстань на духовную брань 817
Глава 3. На облаке я увидел дитя 818
Глава 4. Дело рук — топор и плуг 818
Глава 5. Словом высказать нельзя 819

Глава 14. Сердце людское — в груди Бессердечья 819
Глава 17. Не знал земных родителей, признаюсь 820
Глава 20. Когда звёзды сложили копья 820
Глава 21. Ты тоже обитаешь в вечности 820
Глава 22. Чей слух внимал Святому Слову 821
Глава 27. Звёздный дол, берег вод 821
Глава 29. Кто веру детскую щадит 821
Глава 32. Божественный человечий облик 822
Глава 37. Любовь, которую нельзя поведать 822
Глава 39. Грозный образ 822
Глава 41. Иди и люби без помощи чего-либо земного . 823
Глава 60. О роза, ты больна! 823
Глава 65. Плод моего таинственного древа 823
Глава 66. В глубине полночной чащи 824
Глава 68. ...И в ярость впал небес чертог 824
Главы 69–72. «Любовь не для себя живёт...» 824
Preface to Milton 825
Глава 1. Тёмные сатанинские мельницы 825
Глава 6. Мы возведём Иерусалим 825
Глава 38. Мой дух в борьбе несокрушим 825
Глава 42. Чьё наслаждение — лишь разрушение 826
Глава 48. Подайте мне колесницу из огня 826
Milton 827
Глава 7. Гибнущая растительная память 827
Глава 8. Смеясь, презреть твои законы и угрозы 827
Глава 13. Образ вечной смерти 828
Глава 15. О, где скрыть мне лицо своё? 828
Глава 18. Да спасутся дети Иерусалима от рабства 829
Глава 40. В грозном величии 829
Глава 43. Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении 829
Глава 45. На самом дне отдалённейших пещер 830
Глава 61. И Ололон сказала: сойдём и мы, и предадим себя смерти в Ульро среди преступивших 830
Глава 63. Мой гнев пылает до вершины неба 831
Jerusalem 831
Глава 26. Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы и вся вселенная не страдала также 831
Глава 28. Сокрытый, как в ковчеге 832
Глава 34. Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим? 832
Глава 35. Голоса детей в его шатрах 833
Глава 62. Чтобы весь мир сорвался с петель 833

Four Zoas 834
Глава 9. Искусством небесным 834
Глава 10. Принести быстрые стрелы света 834
Глава 16. Коль мощью железной своё отчаянье он мог бы предотвратить 835
Глава 23. И сходит с неба город 835
Глава 25. Ляг пред стопами моими, о Дракон 836
Глава 44. Мир внутри, отверзающий врата 836
Глава 46. Говорить о терпении страждущему 837
Глава 47. Ибо узрел он новые женские формы 837
Глава 49. Ужасы солнца и луны 838
Глава 51. Он дивился, что чувствует любовь 838
Глава 52. Царь Света узрел её скорбь. 839
Глава 55. Никто не может посетить его пределы 839
Глава 57. Принимая облик Ахании.... 840
Глава 58. ...И вот облик Энион 840
Глава 59. Облачись в златую броню 840
Глава 64. Иному, лучшему быть миру 841
America / Urizen / Marriage 841
Глава 11. Загнать праведника в бесплодные земли ... 841
Глава 19. Образ ангельской земли 842
Глава 24. Зачем ты явился очам ангелов? 842
Глава 30. Над тёмными пустынями. 843
Глава 33. Врата познания 843
Глава 50. Безмолвна, как отчаявшаяся любовь 843
Глава 53. Любитель буйного мятежа 844
Письма, пометы, проза и драматические фрагменты ... 844
Глава 12. На крыльях ангелов. 844
Глава 31. Основание империи 844
Глава 36. Дело Отца Моего 845
Глава 54. Мой путь средь звёзд 845
Картины 845
Глава 56. Моление о чаше 845
Глава 67. Ночь радости Энитармон 845
Примечания 846
Библиография переводов 846
Глоссарий 848
Сноски и примечания 854

Пролог

I.

Если оглянуться назад, знамения и предвестия были.

(«Мы приближаемся к восходу Солнца на Луне, — сказал Уильям Андерс, — и для всех, кто остался на Земле, — экипаж Аполлона-8 хотел бы передать вам послание».)[1]

Реки потекли вверх. В ночном небе появилась новая звезда. На печени забитой свиньи обнаружили слово «OMEN»[2], выведенное отчётливыми буквами.

(«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною».)

Молнии били в ясную погоду. С неба падали жабы. Все десять тысяч озёр Миннесоты обратились в кровь; учёные винили «фитопланктон».

(«И Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы».)

Величественный беркут опустился на балкон Ватикана, когда папа Павел VI обращался к верующим. Птица осторожно сняла клювом очки с понтифика, затем выклевала ему левый глаз и улетела с жутким криком.

(«И назвал Бог свет днём, — читал Джим Ловелл, — а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».)

За сотни миль от моря, в глубине материка, нашли выбросившегося на сушу кита. Родился младенец с четырьмя глазами.

(«И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды».)

С неба падали листки бумаги со словом «OMEN». В ночном небе видели выброшенного на берег кита.

Оставленные без присмотра младенцы начинали медленно, но явственно катиться вверх по склону.

(«И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй».)

Оказалось, что один из дополнительных глаз четырёхглазого младенца — это левый глаз папы Павла VI, пропавший после инцидента с орлом. Откуда взялся четвёртый глаз, так и не выяснили.

(«И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, — читал Фрэнк Борман, — и да явится суша. И стало так».)

Серия удивительно точных ударов молнии выжгла слово «OMEN» на ржаво-красных песках пустыни Сонора; учёные винили «фитопланктон».

(«И назвал Бог сушу землёю, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо».)

Нью-Йоркская фондовая биржа одиннадцать дней подряд росла каждый раз ровно на целое число пунктов. Акушер опубликовал статью в малоизвестном медицинском журнале. По его утверждению, толчки нерождённых младенцев, если читать их как азбуку Морзе, складывались в невыразимые, леденящие кровь послания.

(«И от экипажа Аполлона-8 мы прощаемся с пожеланиями доброй ночи, удачи, счастливого Рождества — и да благословит Господь всех…» [внезапный треск помех, затем тишина])

II.

Если бы мне пришлось выбирать высшую точку в истории человеческого рода до наших дней, это было бы 24 декабря 1968 года.

1968-й был годом разбитых надежд. В апреле убили Мартина Лютера Кинга. В июне застрелили любимца демократов Роберта Кеннеди. В августе советские танки раздавили Пражскую весну. Казалось, каждую искру

надежды на лучший мир гасят — методично, одну за другой.

А затем, почти без предупреждения, американцы включили телевизоры и узнали, что к Луне летит космический корабль. 22 декабря корабль передал на Землю прямую телетрансляцию, и астронавты сообщили зрителям, что вот-вот станут первыми в истории людьми, вышедшими на орбиту другого небесного тела. Из-за проблем со связью трансляция продлилась всего семнадцать минут, но экипаж пообещал продолжение из окололунного пространства.

24 декабря 1968 года миллиард человек — столько не собирала ни одна телепередача в истории человечества ни до, ни после — смотрел короткий эфир Аполлона-8. Астронавты были полусонны, измотаны несколькими днями сложных расчётов и чередой происшествий, едва не обернувшихся катастрофой, — но их голоса звучали мощно и ясно сквозь помехи. Командир Фрэнк Борман представил двух других членов экипажа. Они описали Луну, увиденную вблизи. «Огромная, одинокая, неприветливая пустота». «Зловещий горизонт, довольно мрачное и неаппетитное на вид место». Затем — Землю, увиденную издалека. «Зелёный оазис в огромном просторе космоса».

Через две минуты восход Солнца на Луне должен был оборвать связь. Единственным указанием астронавтам от НАСА было «сделайте что-нибудь уместное».

— В начале, — прочёл Билл Андерс, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною.

И вот в рождественский сочельник, пока миллиард людей слушал, трое астронавтов две минуты читали Книгу Бытия из крошечной металлической банки в ста милях над поверхностью Луны.

А потом, на полуслове, они врезались в хрустальную сферу, окружающую мир, — потому что, как оказалось, в Небе и на Земле было куда *меньше* того, что снилось нашим мудрецам[3].

Книга I: Бытие

Я слышал: было Слово — свято чтимо,
Джала изрёк — и Бога нарёк им;
Его возносит ангельский хор наш.
Тав, следом реш — вот как оно звучит;
Восторг в нём страшен, пыл желанья в нём горит;
Король Комет твердит: Шем ха-Мефораш.

— Леонард Коэн, «Шем ха-Мефораш»

Глава 1

Тёмные сатанинские мельницы

Иерусалим отстроен как город,
находящийся в общественном достоянии.[4]
— kingjamesprogramming.tumblr.com

10 мая 2017 года
Пало-Альто

Апокалипсис начался в офисной кабинке.

Серые стены, серый стол, а пол выложен той серовато-невнятной плиткой, которую специально делают грязноватой на вид, чтобы никто не замечал, что она и вправду грязная. На полу стоял стул, а на стуле — я. Меня зовут Аарон Смит-Теллер, мне двадцать два года. Я крутил в пальцах резинку, отсчитывал минуты до того, как смогу уйти домой, и искал скрытые трансцендентные Имена Бога.

— АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИР, — произнёс я нараспев.

Это не было скрытым трансцендентным Именем Бога. Ничего удивительного. За шесть месяцев работы в «Каунтенанс»[5] я, должно быть, произнёс полмиллиона таких слов. Компьютер выдавал их с той же скоростью, с какой я успевал их выговаривать. Я произносил слово, проверял, что ничего не произошло, и нажимал ДАЛЕЕ. На каждое уходило секунд пять, приносило оно мне около двух центов и стоило небольшой доли достоинства. Ни одно не оказалось скрытым трансцендентным Именем Бога.

Таймер на моём компьютере показывал, что до конца рабочего дня оставалось четыре минуты тридцать три

секунды. 4:33 — это длительность и название знаменитой беззвучной пьесы Джона Кейджа. Итого 273 секунды, а −273 — абсолютный нуль по Цельсию. Пьеса Кейджа — совершенная тишина; абсолютный нуль — совершенная неподвижность. В 273 году нашей эры двух консулов Рима звали Тацит и Плацидиан; *tacitus* по-латыни означает «тишина», а *placidianus* — «неподвижность». 273 — это также гематрия греческого слова *eremon*, означающего «безмолвный» или «недвижный». Ничто из этого не было совпадением, потому что ничто никогда не было совпадением.

Бог создал Человека по Своему образу, но Он создал по Своему образу и всё остальное. Изучая устройство одной сущности — скажем, шкалы Цельсия, — мы узнаём факты, которые переносятся на другие структуры — греческий язык, или моральный закон, или мой рабочий день. Это и есть каббала. Всё остальное — лишь комментарий.[6] Очень, очень сложный комментарий, написанный по-марсиански и поджидающий неосторожных, чтобы их поглотить.

Ко мне сзади подошёл человек. Постучал по плечу. Серый костюм, серый галстук, рубашка того серовато-невнятного рисунка, который специально делают похожим на заляпанный, чтобы никто не замечал, что он и вправду заляпанный. Он жестом предложил следовать за ним. Я поставил на паузу программу, выдававшую мне слова для произнесения. Таймер замер вместе с ней — на 4:33. Совершенная неподвижность.

(Это ещё не тот момент, который привёл к апокалипсису. До него оставалось минут десять.)

Мы сели вместе в переговорной. Он назвался Девином. Devin происходит от ирландского имени Damhain, что означает «поэт». Но звучит оно ближе к санскритскому *devi*, латинскому *divinus* и английскому *divine*, и все они означают «божественный». Внешне имя называет объект в мире; втайне — отсылает к Богу. Как и всё остальное.

— Привет, Аарон, — сказал он тоном настолько дружелюбным, что я мгновенно насторожился. — Как у тебя дела в последнее время?

Что-то в нём заставило меня решить, что отвечать я буду как можно уклончивее.

— Да так, знаете, — сказал я. — По-разному.

— Расскажи о своей работе здесь, в «Каунтенанс».

— Я работаю экспериментальным теологом уже шесть месяцев.

В эпоху, когда домработницы — «инженеры по санитарии жилых помещений», а встречающие — «директора по первому впечатлению», «Каунтенанс», разумеется, именует меня «экспериментальным теологом». На самом деле платят мне так мало, а сама работа так унизительна, что я завидую работникам фастфуда. Я читаю слова с экрана компьютера по восемь часов в день, потом иду домой, заливаю горе алкоголем и возвращаюсь, чтобы делать всё то же самое снова.

Первые Имена Бога люди открывали через глубокое постижение Торы, через безмолвную молитву и медитацию, а порой и через прямое откровение от ангелов. Но американский капитализм взглянул на пророческое вдохновение и решил, что ему недостаёт одного важного свойства — возможности навязать его армии низкооплачиваемых взаимозаменяемых трутней. Отсюда современный метод: нанять людей за минимальную зарплату, чтобы те бубнили нараспев все слова, которые могут быть Именами Бога, и смотреть, не засветится ли какое-нибудь из них святым светом и не призовёт ли ангельское воинство исполнять его волю. Если да — закрепить авторские права на Имя и сколотить состояние.

— Ну отлично, — сказал Девин. — И как тебе здесь нравится?

В Книге Иова Бог берёт невинного человека и обрушивает на него разнообразные проклятия. Сперва убивает весь скот Иова — волов, овец и верблюдов. Потом убивает всех слуг, сыновей и дочерей Иова. Потом покрывает Иова с головы до ног нарывами и проказой. Но — и это ключевой момент — Он ни разу не спрашивает Иова: «Ну отлично, и как тебе здесь нравится?»

Хуже всего было то, что я не должен был здесь оказаться. У меня были все шансы выбиться в люди. Я изучал

каббалу в Стэнфорде и был в ней хорош. По-настоящему хорош. Возможно, звучало слово «гений». Классический учебник Норвига и Разиила[7] гласит, что лишь четверо каббалистов когда-либо созерцали Адама Кадмона обнажённым. Рабби Ицхак Лурия. Архангел Уриил. Король Комет. И восьмилетняя девочка. Не скажу, что я узрел его *обнажённым* — не совсем, — но в великой партии стрип-покера, которую каждый учёный ведёт со вселенной, я продвинулся дальше большинства.

А потом я впал в немилость. Моя карьера была загублена, не успев начаться. Меня отчислили за то, что я совался в Вещи, Знать Которые Человечеству Не Положено — то есть в алгоритмы шифрования, используемые крупными корпорациями. Никому не был нужен двадцатидвухлетний каббалист без диплома. Это как та сцена в Библии, где Бог явил Себя на горе Синай, но только тем из сынов Израилевых, кто окончил Гарвард или Йель. И вот я здесь, за минимальную зарплату. Не то чтобы я был озлоблен.

— Да так, знаете, на хлеб хватает, — сказал я.

Девин кивнул.

— А как здоровье?

Было бы враньём сказать, что я сохранял рассудок, просто держа ум в тонусе. Та острота ума, которой требует каббала, лежит почти перпендикулярно здравому рассудку — скорее это очень специфическая, управляемая шизофрения. Я сохранял *работоспособность*, удерживая разум в весьма специфическом состоянии, которое на длинной дистанции вряд ли было особенно полезно для здоровья.

— Не жалуюсь, — сказал я, снова подумав об Иове.

Девин кивнул, а затем захлопнул ловушку.

— Э-э. Я здесь потому, что три дня назад к нам поступил сигнал о нелицензионном использовании Пробуждающего Имени. Произнесённого напрямую, а не через свиток. Вам что-нибудь об этом известно?

Раз он спрашивал именно меня, значит, уже знал, что это сделал я. Он, вероятно, знал и то, что половина людей здесь делала то же самое, потому что кофе не всегда

спасает, а свитки дорого обходятся, если зарабатываешь восемь долларов в час. Но их не поймали. А меня — да. Над ушами у него не было вытатуированных Имён, а значит, поймал меня, вероятно, не он сам. Кто-то из начальства меня засёк, а его прислали — человеческое лицо для грязной работы. Теперь моя задача — врать и пресмыкаться, пока он не согласится, что это была нехарактерная ошибка, и не отпустит меня со штрафом или чем-нибудь в этом роде.

— Да, — сказал я. — Пару дней назад. Я очень устал и знал, что так нельзя, но плохо соображал и подумал, что сэкономлю пару долларов. Я не из тех, кто ненавидит UNSONG и делает это постоянно. Мне правда очень жаль.

— Приятно это слышать, — сказал он. — Я знаю, что иногда возникает искушение использовать Имена напрямую. Особенно в таком месте, где вы усердно трудитесь над разработкой новых Имён. Но вы получаете зарплату именно потому, что люди используют Имена правильно. Они покупают свитки у компании, которая ими владеет, и используют их по назначению. Применять Имена самостоятельно опасно и несправедливо по отношению к тем, кто так усердно трудился, чтобы их открыть. Верно?

— Верно, — соврал я, пресмыкаясь.

— Мы всё-таки должны выписать вам штраф, хотя это ваше первое нарушение.

Он достал из кармана маленькое устройство и нажал несколько кнопок. Оно распечатало небольшой чек, который он вручил мне. Семьдесят долларов. Целый дневной заработок. Не говоря уже о библейском пределе человеческого века («дней лет наших — семьдесят лет»), числе лет Божьего гнева у Захарии 1:12, годе, в который был разрушен Второй Храм, числе народов, на которые было рассеяно человечество после Вавилонской башни, числе израильтян, вошедших в землю порабощения во Второзаконии 10:22, и сроке, на который авторское право даёт создателю исключительные права на его произведение. Горькое, безнадёжное число.

Я откладывал пару сотен баксов в месяц. Со временем я мог бы накопить достаточно, чтобы добавить их

к кредитам на учёбу, может, где-нибудь найти ещё одну стипендию — да даже муниципальный колледж был бы лучше этого, — и всё-таки чего-то добиться. А теперь всё это отодвинулось ещё на семьдесят долларов. Мелкая неудача, но отчего-то бесившая до крайности. Возможно, она настроила меня не на тот лад, повлияла на то, как я воспринял дальнейшее.

— Вы, наверно, хотите вернуться к работе, — сказал он тоном, который явно давал мне разрешение уйти.

Я вернулся в свою кабинку, нажал ПЕРЕЗАПУСК на компьютере. Таймер начал обратный отсчёт заново. Компьютер выдал новые слова для произнесения. АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИШ. Потом АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИТ. Ни то ни другое не было скрытым трансцендентным Именем Бога.

Компьютер пожужжал секунду и выдал кандидатов подлиннее. Как правило, чем длиннее Имя, тем труднее его обнаружить, но тем могущественнее его действие. Самым длинным из известных было Гневное Имя — пятьдесят букв. Произнесённое вслух, оно сносило города до основания. В «Сефер Разиил» предсказано, что Шем ха-Мефораш, Явное Имя, заключающее в себе полноту Божественной сущности и дарующее говорящему почти всемогущество, будет состоять из семидесяти двух букв.

Но комбинаторный взрыв — суровый хозяин. Иврит-ский алфавит содержит двадцать две буквы, а значит, существует 22^36 тридцатишестибуквенных ивритских слов. Даже с тысячами трутней на минимальной зарплате вроде меня понадобятся миллионы лет, чтобы перебрать их все. Вот почему нужно было знать правила. Бог грозен в величии и бесконечен в славе. У Него не будет идиотского имени вроде ГЛБЛГЛГЛБЛБЛГЛФЛ-ФЛБГ. При достаточном понимании Адама Кадмона, тайной структуры всего сущего, можно выявить закономерности в природе Бога и сузить множество возможных Имён до чего-то почти обозримого, а затем заставить своих трутней бубнить это обозримое множество. Это и была прикладная каббала, проект некоторых величай-

ших гениев рода человеческого. Проект, частью которого я должен был стать. Вместо этого я был здесь.

Минуты на таймере таяли. Слова на компьютере продолжали появляться. Силы медленно иссякали. Костяшка домино, чьё падение должно было вызвать Конец Дней, покачнулась.

На таймере оставалось двадцать две секунды, когда компьютер выдал мне чудовище. Оно начиналось с РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… и всё не заканчивалось. Пятьдесят две буквы. На две длиннее Гневного Имени. Самое длинное Имя, которое мне вообще когда-либо давали на проверку. Я был поражён, что «Каунтенанс» вообще тратит на это время.

Я произнёс нараспев: «РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — и как раз когда я закончил, таймер дошёл до нуля и сообщил, что на сегодня я свободен — до завтрашнего утра, которое обрушится на меня, и всё начнётся сначала.

— Мэх, — сказал я. — Мэх. Мэх. Мэх. Мэх. Мэх.

Это и был тот момент, который привёл к апокалипсису.

Меня накрыла волна святого света. Небеса разверзлись и хлынули в меня. Моя душа зазвенела, как колокол.

Четыреста лет назад один старик в Праге объяснял своим ученикам, что да, создать голема[8] можно, можно наделить его *нефеш* — животной душой. При достаточном просветлении можно даже наделить его *руах* — моральной душой. Но *нешама* — божественная искра — ему недоступна, ибо это труд более великий и потребует Имени более великого, чем любое когда-либо открытое.

Шесть тысяч лет назад ветер Божий пронёсся над голой красной землёй Эдема и слепил из глины фигуру человека. Она стояла мгновение — грубая статуя, — а потом голос с Небес произнёс Имя, и глина ожила, грузно поднялась на ноги. Он произнёс второе Имя, и глаза её открылись, и в них были невинность, и любопытство, и способность удивляться и познавать. И Он произнёс

третье Имя, и словно свет зажёгся внутри, и прах осознал, что он прах, — и тем самым перестал быть прахом.

И это третье Имя было длиной в пятьдесят восемь букв.

Оно начиналось: РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…

И заканчивалось: …МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ.

Всё это я увидел, как во сне или видении. Шесть месяцев и пятьсот тысяч бессмысленных слов напрасных страданий — и вдруг всё искупилось. «Каунтенанс» давал одни и те же слова нескольким людям — на случай, если кто-нибудь отобьётся от рук и решит не сообщать об открытии. Но это не совпадало ни с одним из их вариантов. Оно было на шесть слогов длиннее любого из них. Они никогда не узнают, а я никогда им не скажу. Возможности поплыли передо мной, начали обретать форму. Это не просто Имя. Это царский путь. И оно было моим.

Я отметился на выходе, надел пальто и вышел из офиса. Направляясь к станции Калтрейна, я пытался успокоиться, дать разуму ту тишину, которая необходима для телепатии. Наконец я послал пробный сигнал.

[Нарвалы Иерихона],[9] — сказал я.

Ощущение, нечто большее, чем тишина. Кто-то был там.

[Злость], — произнёс внутренний голос, не вполне мой собственный, хотя телепатическая связь излучала лишь любовь. Затем: [Моави-Дик].[10]

[Ненавижу тебя], — подумал я в ответ, но послал вместе с этим всплеск нежности. У нас с Аной было постоянное соревнование: кто придумает худший библейский каламбур про китов. Она всегда выигрывала.

[Ана. Только что произошло нечто невероятное.]

[Да?] — спросил другой голос.

[Спорю, что смогу стать императором мира за месяц. Если я выиграю, ты должна меня поцеловать.]

Ощущение удивления — не моё. Затем подозрение. [А что я получу, если не сможешь?]

Так далеко я не думал. [Э-э. Свожу тебя на ужин.]

Пауза. [Нет. Ты слишком жадный. Ты бы не пообещал ужин, если бы не был уверен в победе. Так что происходит? Колись!]

[Я буду дома через несколько минут. Покажу тебе!]

[Ты помнишь, что у нас сегодня хор?]

[Забыл про это. Тогда покажу после.]

[Табарнакль],[11] — сказала Ана.

[Буду ненавидеть тебя вечно], — весело подумал я, а потом сел на «Калтрейн». Суета с поиском места разорвала связь, что было и к лучшему.

Мы начнём сегодня вечером. К концу недели у нас будут результаты. К концу месяца изменится весь мир. Будущее было мне совершенно ясно. Оно расстилалось передо мной, как видение Земли обетованной перед Моисеем.

— Пало-Альто! — объявил динамик поезда. — Пало-Альто!

Palo Alto по-испански означает «высокое дерево». Выражение «высокое дерево» встречается в Библии: Дан. 4:10 по английской нумерации, Дан. 4:7 — в Синодальном переводе. Царю Навуходоносору снится сон, и вот что в нём:

> *Видения же головы моей на ложе моём были такие: я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое. Большое было то дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краёв всей земли. И вот, нисшёл с небес Бодрствующий и Святый. Воскликнув громко, Он сказал: «Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его… Ибо повелением Бодрствующих это определено, дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим и даёт его, кому хочет, и поставляет над ним уничижённейшего из людей!»*

— Пало-Альто! — снова объявил динамик. — Двери скоро закрываются. Пало-Альто!

Это не было совпадением, потому что ничто никогда не было совпадением.

Интерлюдия בּ: Трещины в небе

14 марта 1969 года
Вашингтон, округ Колумбия

Ричард Никсон был сбит с толку и расстроен.

Нельзя сказать, что он не ожидал проблем. Он проработал на этом посту всего шесть недель, но понимал, что президент должен быть готов ко всему. Однако «всё» должно было означать экономические спады, или волны преступности, или Русских.

Вместо этого «Аполлон-8» врезался в какое-то странное космическое стекло, небо покрывалось трещинами, облака складывались в зловещие узоры, а вторники перестали наступать.

Вторники тревожили больше всего. Последние три недели люди по всему миру ложились спать в понедельник, а просыпались в среду. Всё было в порядке. Заводы продолжали работать. Газоны были подстрижены. Кое-какую канцелярскую работу даже успевали сделать. Но о прошедших двадцати четырёх часах ни у кого не сохранилось никаких воспоминаний.

Сегодня была пятница, и она случилась уже три раза. Президент заснул в пятницу вечером, а проснулся в пятницу утром от звонка руководителя аппарата, который сообщил, что все крайне встревожены, потому что снова пятничное утро, и *как это вообще происходит?* Всё, что случилось за минувшие сутки, как-то отменилось, откатилось назад. А может, субботне-утреннее сознание каждого забросило обратно в его пятнично-утреннее тело. Он понятия не имел, а американский народ начинал требовать ответов.

Он вызвал директора ЦРУ и велел ему разыскать тот отдел яйцеголовых, который выдал Розуэлл за метеозонд, — пусть состряпают какую-нибудь правдоподобную историю для нынешних хронологических фокусов.

Директор ЦРУ просто стоял с невозмутимым видом.

— Господин президент, Розуэлл *был* метеозондом. Никакого сокрытия не было. В нашей организации нет отдела, который занимался бы сокрытием необъяснимых явлений.

— Я [нецензурное слово удалено][12] президент! — заорал Никсон. — Мне не надо врать! Немедленно приведите мне ваших яйцеголовых из отдела прикрытия!

— Простите, господин президент, — холодно ответил тот, — такого агентства не существует.[13]

— [Нецензурное слово удалено] [нецензурное слово удалено], — ответил Никсон. — Убирайтесь [нецензурное слово удалено] отсюда!

Потом он обратился в НАСА, Министерство обороны и даже в [нецензурное слово удалено] Национальное бюро стандартов, которое, оказывается, отвечало за отсчёт времени и о [нецензурное слово удалено] существовании которого он до нынешнего сегодня даже не подозревал. Предыдущее сегодня. Вчерасегодня. [Нецензурное слово удалено] [нецензурное слово удалено]. Ни от кого из них не было больше толку, чем от [нецензурное слово удалено] ЦРУ.

Это всё из-за трещин в небе. Он был уверен. «Аполлон-8» врезался во *что-то важное*. Яйцеголовые из НАСА выдвинули гипотезу о некой «туманной оболочке», окружающей лунную орбиту, состоящей из «спрессованной пыли и газа». Столкновение «Аполлона-8» вызвало её «колебания», создав узор из светящихся, растущих паутинных трещин, видимых любому, кто поднимал глаза к ночному небу.

Ричард Никсон в это не верил, и никто другой, как ему казалось, тоже. Если бы только он мог найти тех людей, которые прикрыли историю с Розуэллом. Они бы знали, что делать.

Во все три этих сегодня ровно в 19:38 начинал звонить красный телефон на его столе. Это тревожило по двум причинам.

Во-первых, красный телефон был символом ядерной горячей линии между США и Россией — последним каналом связи для предотвращения ядерной войны.

Во-вторых, красный телефон был *символом* ядерной горячей линии. Это был реквизит, который он держал на столе, чтобы показывать репортёрам. *Настоящая* горячая линия соединялась с большим грозным аппаратом в Пентагоне, который выглядел на фотографиях куда менее эффектно. Красный телефон на его столе не был подключён к телефонной линии и, насколько ему было известно, даже звонить не мог.

В первое сегодня, когда телефон зазвонил, Никсон минуты три тупо пялился на него, прежде чем наконец взять трубку. Голос на другом конце говорил что-то непонятное. Никсону пришло в голову, что люди, которые обслуживали *настоящую* горячую линию, вероятно, говорили по-русски.

Во второе сегодня он уже подозревал, что телефон снова зазвонит в то же время, поэтому вызвал переводчика в Овальный кабинет. В 19:38 переводчик снял трубку.

— Алло, — сказал переводчик, и вид у него становился всё более озадаченным. — Это не русский, — сказал он. Потом добавил: — Это не похоже ни на один язык, который я знаю. Потом ещё: — По-моему, это вообще не язык.

Через несколько часов он прислал анализ из Государственного департамента, согласно которому «язык» состоял из названий столиц различных европейских государств XVI века, скомпонованных в, казалось бы, случайные сочетания.

В это сегодня-сегодня Никсон не стал заранее ничего предпринимать. Он просто сидел в Овальном кабинете и работал. У него была назначена встреча с человеком из Бюро погоды, который хотел доложить, что облака складываются в зловещие узоры. Никсон не купился.

— Я [нецензурное слово удалено] президент Соединённых Штатов, — сказал он, — вы что, хотите, чтобы я вам [нецензурное слово удалено] сообщал, холодный это фронт или тёплый?

Тот уточнил, что имел в виду *по-настоящему* зловещие узоры. Ну, например, крупные грозы в Скалистых горах начали наращивать высокие наковальнеобразные вершины — что укладывалось в нормальные вариации для данного времени года — но также начали формировать купола, минареты и аркбутаны — что не укладывалось. И хотя разрешение доплеровского радара не позволяло утверждать наверняка, некоторые аркбутаны начинали выглядеть так, словно на них сидели горгульи.

И прежде чем Никсон успел что-либо сказать, тот добавил, что в Мексиканском заливе формируется ураган пятой категории, а ведь сейчас только март, и такого буквально *никогда* не бывало раньше июля, и тут что-то *действительно* не так…

И тут, в 19:38, зазвонил красный телефон. Никсон подумал, стоит ли снимать трубку, но это хотя бы собьёт с толку *по-новому*.

К его удивлению, голос на другом конце теперь говорил на безупречном английском.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРЕЗИДЕНТ НИКСОН. ЭТО АРХАНГЕЛ УРИИЛ. ПРИНОШУ ИЗВИНЕНИЯ ЗА НЕДАВНИЕ СБОИ. МЕХАНИЗМ ВСЕЛЕННОЙ БЫЛ СЕРЬЁЗНО ПОВРЕЖДЁН. Я РАБОТАЮ НАД ТЕМ, ЧТОБЫ СДЕРЖАТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ, НО НА ДАННЫЙ МОМЕНТ МОИ ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНЫ, ПОСКОЛЬКУ Я ПО-ПРЕЖНЕМУ В ОСНОВНОМ МЕТАФОРИЧЕН. ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩИТЕ ВСЕМ, ЧТО Я СОЖАЛЕЮ О НЕУДОБСТВАХ. В КАЧЕСТВЕ КОМПЕНСАЦИИ ЗА ПРИЧИНЁННОЕ БЕСПОКОЙСТВО Я НАДЕЛИЛ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА СПОСОБНОСТЬЮ ИГРАТЬ НА ФОРТЕПИАНО.

— Минуточку, — сказал Никсон. — Одну [нецензурное слово удалено] минуточку!

Никакого ответа.

Начальник Бюро погоды смотрел на президента, который кричал в игрушечный красный телефон, служив-

ший реквизитом для репортёров и явно не подключённый ни к какой телефонной линии.

— Прошу прощения, я на минуту, — сказал президент.

— Конечно, — сказал чиновник.

Президент Никсон вышел из Овального кабинета и спустился вниз. Он прошёл по коридору, соединявшему Западное крыло с основным зданием Белого дома, и вошёл в Восточный зал, где на паркетном полу стоял знаменитый рояль Steinway Франклина Рузвельта.

Он сел на банкетку перед роялем и безупречно исполнил Первый концерт Баха ре минор.

— [Нецензурное слово удалено], — сказал президент.

Глава 2

Восстань на духовную брань

10 мая 2017 года
Сан-Хосе

Недалеко от станции Берриесса стоит большой дом с потайным подвалом. Люди, которые там живут — обычно от шести до восьми человек, редко одни и те же от месяца к месяцу, — из тех богемных студентов и неприкаянных двадцатилетних, которые считают, что у домов должны быть имена. Мы зовём его Итака. Шесть дней в неделю это обычная коммуна с обычными спорами о том, чья очередь готовить и когда наконец уберут в гостиной. Но по средам люди со всего залива Сан-Франциско собираются в подвале, чтобы совершать запретные обряды.

У них множество имён. Певцы. Канторы. Опенсорсеры[14]. Они — искатели, бунтари, анархисты, марксисты-лурианисты[15], все те разношёрстные изгои, которых Гинзберг назвал «ангелоглавыми хипстерами, пылающими жаждой древнего небесного единства со звёздным динамо в механизме ночи»[16]. Неважно, что древнее небесное единство с тех пор было окончательно обнаружено в гигантском урагане в трёхстах милях от побережья Луизианы, и что к этому моменту механизм ночи держался в основном на скотче и жвачке. Они всё ещё пылали.

Одна из них стояла у импровизированной трибуны. У неё на голове было нечто такое, рядом с чем ирокезы казались почти консервативными, и хотя сейчас этого не было видно, на плече у неё была татуировка с нотным знаком — символом Певцов. Это была Валери Лоури,

наша бесстрашная предводительница и редактор альтернативной газеты «Калифорнийский Хорист». А ещё — арендатор нашей коммуны. А ещё — кузина Аны. Она болтала с парнем в кожаной куртке, но расцвела, увидев меня.

— Аарон! — сказала она. — Я переживала, что ты не придёшь!

— Сегодня на работе творилось чёрт-те что, — сказал я. — А ещё «Калтрейн» минут на десять задержали в Пало-Альто — по каббалистическим причинам.

Валери привыкла к такого рода комментариям с моей стороны. Она одарила меня улыбкой и повернулась обратно к парню в кожаной куртке.

На другой стороне комнаты я заметил Ану Тёрмонд, любовь всей моей жизни и напарницу по телепатическим каламбурам про библейских китов. Она читала книжку и делала вид, что не замечает окружающих, а сама телепатически отпускала мне колкости про кое-кого из собравшихся. [О нет,] — мысленно сказала она мне, когда Билл Додд и Карен Хэппик вошли под руку, — [они наконец стали встречаться. Да поможет им обоим Бог.]

Прежде чем я успел ответить, Валери поднялась на трибуну и призвала собрание к порядку. Она всегда начинала с короткой проповеди, и сегодня та открылась стихотворением. «Нынешний кризис» Джеймса Расселла Лоуэлла:

Каждый смертный и народ однажды свой познает час —

В споре Правды с Кривдой чёрной сделать выбор здесь, сейчас;

Дело Божье — новый Мессия — всем несёт тлен иль расцвет,

Козлищ ставит он налево, а овец направо — в свет,

И навеки выбор сделан: мрак иль свет — иного нет.

Стихотворение было написано в 1840-х; нынешний кризис, давший ему название, — надвигающаяся Гражданская война. Но кое-что не меняется.

Мой народ, ты сделал выбор? С кем ты встанешь? Отвечай,
Прежде чем Судьба с сандалий прах стряхнёт на этот край.
Пусть сегодня Зло в почёте — всё же Правда лишь сильна;
Хоть изгнанницей блуждает — вижу: вкруг неё стена
Из прекрасных рослых ангелов, хранящая от зла.

Тут я не удержался и покосился на единственного ангела в комнате. Зиниэль безусловно был высок и прекрасен, но сейчас на его лице было какое-то растерянное выражение, как у оленя в свете фар — словно он переживал, что кто-нибудь попросит его оградить кого-нибудь от всякого зла, а он не будет знать, что делать.

Мститель кажется беспечным; но история всё снова
Пишет лишь о смертной схватке старых строев с Божьим Словом;
Правда вечно на эшафоте, Кривда вечно держит трон,
Но эшафот вершит грядущее; там, за мглою времён,
Бог стоит в тени, над Своими бодрствует Он.

Было что-то в Джеймсе Расселле Лоуэлле, что делало его совершенным для контркультуры. Правда вечно на эшафоте, Кривда вечно держит трон. Система была злом. Если бы она не была злом, она не была бы системой. Преследуемые праведны; если бы они не были праведны, их бы не преследовали. Ана была заслуженным исследователем теодицеи имени Августина в Стэнфорде и всю эту муть терпеть не могла.

В настоящем смутно видим, что ничтожно, что велико,

Вера медлит: слабой длани стальной руль Судьбы вращать дано;

Но душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом

Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце твоём:

«Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом».

— Да, — сказала Валери, и голос её отразился эхом в переполненном подвале. — Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом.

Затем она начала проповедь.

Она говорила о Соединённом Королевстве Великого Бассейна. На прошлой неделе хор Певцов, очень похожий на наш, мирно собрался в доме в Рино, и кто-то донёс в UNSONG, и люди в чёрном пришли за ними. Всё должно было пройти примерно как моя собственная стычка в тот же день. Нотации. Может, несколько арестов, потом скорые суды, потом штрафы или условные сроки. Или кто знает? Может, они бы попытались устроить показательный процесс. Это уже не имело значения, потому что кто-то произнёс Буревое Имя. Один из прихожан? Действуя рефлекторно, когда дверь разлетелась в щепки и дюжина человек навели на него оружие? Он произнёс Буревое Имя, и тогда оружие заговорило, и, когда всё закончилось, двое агентов UNSONG и одиннадцать Певцов лежали мёртвыми. Возможно, самая большая катастрофа, постигшая наше движение со времён смерти преподобного Стивенса. И хуже всего было то, что правительство не станет извиняться. Ни Соединённое Королевство Великого Бассейна, ни уж тем более не UNSONG. Они свалят всё на Певцов, заполнят выпуски новостей фотографиями двух убитых агентов и закрутят гайки вдвое сильнее.

И Валери говорила об этом, и говорила хорошо. Она пустила в ход весь арсенал. Говорила о том, как мы скор-

бим как часть всемирного сообщества Певцов и как мы негодуем как граждане Разъединённых Штатов.[17] Она говорила о том, что мы должны стоять мужественно и не позволить этому сломить нашу решимость. Она даже сделала дежурную ремарку о том, что мы не должны позволить этому подтолкнуть нас к насилию, хотя, вообще-то, насилие ей вроде как нравилось и произнести это убедительно было для неё трудно.

— Я не могу вам диктовать, что чувствовать, — заключила она. — Могу лишь сказать, что они знали, на что идут. И мы тоже знаем. Мы поклялись нести тысячу тысяч Имён Бога. И хотя я не могу обещать, что то же самое не произойдёт здесь, я могу обещать, что руководство церкви делает всё возможное, чтобы этого не допустить. А теперь — несколько слов о безопасности от нашего хормейстера, брата Аарона.

Да. Боже, помоги мне. Мне предстояло сказать несколько слов о безопасности. Мне — человеку, который в тот же день получил штраф в 70 долларов за то, что использовал Божественное Имя, чтобы проснуться, потому что кофейник опустел.

Я уверенно вышел вперёд, к собравшимся.

— Привет, — сказал я. — Я брат Аарон. Краткая версия нашего плана безопасности такая: будем вести себя как можно скучнее, делать всё по правилам, не высовываться и ничем не привлекать к себе внимания.

(— Привет, — сказал я в своём воображении. — Я Аарон Смит-Теллер. Знаю, что мы не должны называть полное имя в хоре, но раз вы знаете, где я живу и как выгляжу, ломать комедию с полными именами как-то глупо, нет? Нам, наверное, пора перестать делать вид, что наша милая игра в Анонимных Алкоголиков обеспечивает хоть какую-то реальную защиту. Если UNSONG когда-нибудь действительно за нами придёт, нам всем хана.)

— Каждый раз, когда вы используете охраняемое Имя Бога, — продолжал я, — агенты UNSONG, у которых Имя Стража вытатуировано над ухом, а задействованные Имена — на лбу, могут отследить ваше местоположение. На практике они редко это делают, потому что милли-

он человек проделывает это каждый день, а миллиона агентов или миллиона тюремных камер у них нет. Но если дюжина человек применяет всевозможные Имена в одном и том же месте каждый день, они понимают, что это место, где тусуются Певцы, и тогда, если им нечем заняться, они приходят с облавой. Вероятно, именно это и произошло в Рино.

(— Мы понятия не имеем, кого UNSONG может отследить, а кого нет, — сказал я в своём воображении. — Хор в Рино не был настолько глуп, чтобы систематически использовать Имена в своём убежище, потому что настолько глупых людей не бывает. Значит, дело в чём-то другом. Мы можем делать всё по правилам, и всех нас завтра арестуют.)

— Итак, — сказал я, — вот несколько вещей, которые можно делать, если вы идиот и хотите, чтобы вас поймали. Можно использовать Имена у себя дома. Можно использовать Имена здесь. Можно использовать Имя в одном и том же месте несколько раз. И можно использовать совсем свежее Имя, которое интересует кучу больших шишек.

(— Итак, — сказал я в своём воображении, — вот несколько вещей, которые я проделывал неоднократно. Использовал Имена, о действии которых понятия не имел. Использовал Имена способами, которые вызывали грандиозные катастрофы. Использовал то же Имя, которое вызвало катастрофу, повторно — просто чтобы посмотреть, не сработает ли оно вдруг само собой во второй раз, чего никогда не происходит. Был чуть ли не третьим человеком на Земле, применившим Имя, которое мне даже не было нужно, — просто ради адреналина и понтов.)

— Наконец, — сказал я, — помните, что мы можем ограничить любой ущерб. UNSONG обязан действовать в рамках закона. Никто не может вас пытать или силой вытянуть из вас информацию. Они не могут даже заставить вас замолчать без судебного ордера. Как только вы поймёте, что дело плохо, пропойте себе Имя Смятения и забудьте о нас. Если это не поможет, подкиньте им

одну из наших ложных наводок. Они туда нагрянут, увидят улики, которые мы подбросили, и решат, что мы испугались и свалили незадолго до их прихода.

(— Наконец, — сказал я в своём воображении, — генеральный директор Бентам, судя по всему, наводит ужас, и здесь, в нашем уютном безопасном подвале, очень легко говорить, что пытать вас не могут, — но кто-то в Рино заговорил, и я не знаю почему. Пара старых книг и дисков, оставленных нами в заброшенном заводском корпусе, может обмануть, а может и не обмануть лучшие умы UNSONG, но мне бы не хотелось оказаться тем бедолагой, который это проверит.)

— Ах да, — добавил я. — Если дело дойдёт до худшего и тайная полиция ворвётся в эти двери прямо когда я договорю — никакого Буревого Имени, пожалуйста. Лучше мы все получим пару лет за уголовное нарушение авторских прав, чем погибнем.

(В воображении я сказал то же самое, только более снисходительным тоном.)

— Итак, начинаем хоровую репетицию.

Пятьдесят лет назад «Аполлон-8» расколол небесный свод, и люди начали открывать Имена Бога. Десятилетие спустя корпорации стали их патентовать, требуя лицензионных отчислений от всякого, кто хочет творить с их помощью чудеса. Через несколько лет всю систему закрепили в международном праве и создали UNSONG — Подкомитет ООН по Именам Бога — для надзора за её соблюдением.

А ещё через несколько лет люди начали спрашивать: почему мы это позволяем? Всё, что мы знаем о Боге, указывает на то, что Он любит всех людей и не в восторге от того, что богатые богатеют. Сначала появился преподобный Стивенс и его книга. Затем — политическое движение, выросшее из местных церквей, которые настаивали: Бог любит всех одинаково, а значит, все одинаково должны знать Его Имена. И наконец, когда все законные пути сопротивления были подавлены, появились группы вроде нашей — мы крали Имена, какие могли найти, и учили друг друга в тёмных лесах и пота-

ённых подвалах. Распространяли запрещённое знание в преддверии… ну… ладно, конечная цель не была нашей сильной стороной. Преподобный Стивенс говорил, что когда достаточно людей узнают Имена, это зажжёт революцию сознания, имманентизацию эсхатона[18], ибо святая сущность отзовётся эхом в умах всего живого. Ну да. Пусть будет так.

Затем череда катастроф уничтожила федеральное правительство США, а UNSONG пропорционально расширил свои полномочия и стал высшим законом страны. Но ответный удар и революция — вот-вот начнутся, говорили мы себе. *Вот-вот начнутся*.

Я не был революционером по натуре. Но после того как меня отчислили из Стэнфорда, после работы за минимальную зарплату, чтобы сводить концы с концами, после того как в академической каббале все держали меня за отброс — ну, здесь мне достаточно было сносно разбираться в Именах, знать пару внушительно звучащих фактов о пермутациях Шехтера, — и вот я уже хормейстер и светило от науки. Это грело душу. И учитывая всё, что крупные теономические компании со мной сделали, возможность им подгадить была вишенкой на торте. Моя жизнь и так катилась под откос. Тот же саморазрушительный порыв, который заставил меня использовать Пробуждающее Имя на работе, привязывал меня здесь к Валери и её людям.

— Сегодня вечером, — сказал я, — мы разучим кое-что особенное. Это Имя Исчезновения. Кто-нибудь слышал об Имени Исчезновения?

Ни одна рука не поднялась.

— Это потому, что оно было открыто три недели назад, — сообщил я; по подвалу прокатились дружные «о-о-о» и «а-а-а». — Свежее мясо. Потогонная мастерская в Питтсбурге его засекла, и как-то оно просочилось к хору в Кливленде, а те сумели взломать клипу[19] и разослать письма дюжине хоров по всей стране в течение пятнадцати дней после открытия.

Я был почти уверен, что кое-какие мои собственные разработки в области алгоритмов клипотического обращения тоже внесли вклад, но я удержался от хвастовства.

— Что делает Имя Исчезновения? Ни больше ни меньше — это форма телепортации! Произнесите Имя, и вы исчезаете и появляетесь в другом месте в радиусе нескольких сотен миль. По моим данным, один из испытуемых в Питтсбурге оказался в Акроне, а другой — в Эри. Точный радиус неизвестен, и пункт назначения, похоже, не поддаётся сознательному выбору. Отсюда и название. Имя полезно, чтобы выбраться из ситуации, но необязательно чтобы в неё попасть. Полезно, к примеру, для подпольных участников хора, угодивших именно в те неприятности, которых мы стараемся избежать.

Так в чём же подвох этого, казалось бы, поразительного открытия? Во-первых, Имя Исчезновения телепортирует вас в ситуацию, комплементарную той, из которой вы пытались выбраться. Оба испытуемых в Питтсбурге, к примеру, оказались в лабораториях, где тестируют каббалистические Имена. То есть вы сидите в лаборатории и тестируете каббалистическое Имя в Питтсбурге, произносите Имя — и оказываетесь в лаборатории, тестирующей каббалистическое Имя в Акроне.

Понятно, что польза от него ограниченная. Я переписывался с руководителем хора в Сан-Антонио. Она оказалась в неблагополучном районе, и к ней пристали хулиганы. Она произнесла Имя Исчезновения. Оно телепортировало её в неблагополучный район Остина, где другая шайка хулиганов искала, к кому бы пристать. Она произнесла Имя во второй раз и снова оказалась в Сан-Антонио с первой шайкой хулиганов, потому что дополнение дополнения ситуации — это просто исходная ситуация. Тогда она прибегла к мирским средствам и воспользовалась перцовым баллончиком. Мораль ясна. Повторные применения Имени Исчезновения вряд ли принесут вам много пользы. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Во-вторых — и это связано с тем, что я говорил ранее. Мне не нужно напоминать вам, что использовать

это Имя было бы крайне глупо. Оно новое. UNSONG его ищет. Вы учите это Имя, потому что это ваш долг как Певца и человека — учить и распространять тысячу тысяч Имён Бога. Если только вы не находитесь в ситуации, когда для вашего благополучия и дальнейшего выживания абсолютно необходимо, чтобы к вам приставала другая шайка хулиганов, а не та, что пристаёт к вам сейчас, — это Имя следует считать приманкой для UNSONG и, следовательно, verboten. Вам понятно?

Прихожане поняли.

— Отлично, — сказал я. — Приступим к изучению Имени Исчезновения.

Нас было двадцать восемь: двадцать семь человек плюс Зиниэль. Ангелы не могут петь Имена, и из людей лишь двадцать были готовы участвовать. Остальные пришли ради моральной поддержки, политических дебатов, какой-то печальной контркультурной версии нетворкинга или бесплатных закусок после. Итак, я запел первым, а девятнадцать голосов подхватили.

Имена Бога длинны, с виду бессмысленны и трудны для запоминания. Не знаю, кто первый догадался, что если положить их на мелодию, они лучше задержатся в голове, но это действительно так. Вот почему мы называем это хоровой репетицией, вот почему я хормейстер, вот почему людей, которые учат Имена, называют Певцами и Канторами. Мы — двадцать человек — запели вместе.

— Асат! — пропел я.

— АСАТ! — подхватили девятнадцать голосов.

— Зам!

— ЗАМ!

— Раш!

— РАШ!

— Асат-зам-раш!

— АСАТ-ЗАМ-РАШ!

[Ты сейчас быстро закончишь, пропустишь еду и расскажешь мне, как вскоре станешь императором мира, верно?]

[Тшш! Я пытаюсь сосредоточиться!]

[Евангелие от Плавника][20]

[…эм… Послание к Филимонстру. И пошла ты @#$%.][21]

— Асат-зам… простите… на чём мы?.. Асат-зам-рашшан-север-лас-кён-дал-атен-трай-кофу-ли-мар-летаг-дэй!

— АСАТ-ЗАМ-РАШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КЁН-ДАЛ-АТЕН-ТРАЙ-КОФУ-ЛИ-МАР-ЛЕТАГ-ДЭЙ!

Это не было Именем Исчезновения. Оно не заканчивалось на *дэй* и не совсем начиналось с *асат*. Если бы вы пропели Имя как есть, вы бы его активировали, и тогда в зависимости от того, какое это Имя, вас бы телепортировало в хор за три города отсюда, или вы бы призвали бурю, или уничтожили город.

Поэтому, чтобы передать Имя, не активируя его, нужно было петь нечто почти, но не совсем совпадающее с настоящим Именем. Трансформацию. Такую, которую легко выполнить и обратить по желанию.

Одна такая трансформация была уже хорошо известна каждому настоящему американцу.

Это было странно и почти кощунственно. Но каждую неделю мы возвращались. Нельзя было позволить UNSONG и теономическим корпорациям безнаказанно пускать Имена Бога по рукам. Революция надвигалась, и мы собирались встретить её во всеоружии. Никто не получит монополию на Божественное без борьбы.

И вот почему каждую среду вечером несколько десятков человек собирались тайно в подвале в Сан-Хосе и пели скрытые трансцендентные Имена Бога на поросячьей латыни[22].

Интерлюдия ג: Код мироздания

«Код мироздания», Аарон Смит-Теллер
Опубликовано в мартовском выпуске *«Калифорнийского Хориста»* за 2017 год

Талмуд гласит, что Бог создал Тору за девятьсот семьдесят четыре поколения до того, как создал мир. Чьих поколений — понятия не имею. Талмуд вообще малость безумный.

Но Тора — это, по сути, несколько коротких историй о Сотворении мира и далёком прошлом, за которыми следует пространная и подробная биография Моисея. С чего бы Богу так заботиться об одном израильтянине, что Он с любовью выписывал его историю задолго до того, как над вселенной, в которой этому человеку предстояло жить, взошёл первый день?

В Талмуде есть ещё один эпизод, где Моисей восходит на гору Синай, чтобы получить Тору. Бог рассказывает, как тщательно Он писал Тору на протяжении бесчисленных эпох, и тут ангелы говорят: а зачем ты отдаёшь её какому-то там Моисею? Кто он вообще такой? Какой-то первый попавшийся смертный, пустое место! Мы — ангелы! Отдай нам! Моисей возражает, что народ Израиля грешен и потому нуждается в ней больше. Ангелов этот довод убеждает.

Но этот аргумент интересен не тем, что говорит, а тем, о чём умалчивает. Моисей *не* говорит: «Ребята, вы Тору вообще *читали*? Четыре книги из пяти целиком обо мне, лично. Там даже есть раздел о том, как Бог вручает мне Тору, — *в самой* Торе. Как вы можете оспаривать моё право на собственную биографию?»

Раввины объясняют это, разделяя Тору на историческую — то есть записи о жизни Моисея — и законодательную — то есть ритуальный кодекс. Бог заранее написал законодательную Тору. Ангелы хотели себе законодательную Тору. Но и это не вполне сходится. Откройте законодательную Тору — и там сплошь предписания о том, каких животных можно есть и какие близкие родственники слишком близки, чтобы с ними спать. Все эти правила тоже необязательно было окончательно формулировать за 974 поколения до сотворения мира. Да и ангелам об этом, пожалуй, не приходится особо беспокоиться. Так что же тут происходит?

Прежде чем предложить ответ, проведём обзор нескольких на первый взгляд не связанных между собой областей.

Космическая история начинается в глубоком прошлом, но вскоре после Большого Взрыва вселенная остыла достаточно, чтобы допустить появление *массы* и нарушение симметрии, породившее законы физики.

Естественная история начинается в глубоком прошлом, но набирает ход миллиарды лет назад с появлением *митоза* — механизма репликации, обеспечившего размножение и эволюцию всей последующей жизни. Митоз воспроизводит и сохраняет «генетический код» ДНК, определяющий фенотип животного.

История человечества начинается в глубоком прошлом, но набирает ход с появлением *месопотамской цивилизации* — первой в истории. Вскоре после этого месопотамцы создают Кодекс Хаммурапи — прародитель всех сводов законов, всех государств и правительств, что появились потом.

Американская история начинается в глубоком прошлом, но набирает ход, когда в *Массачусетсе* вспыхивает Американская революция. Вскоре после этого американцы ратифицируют Конституцию — закон страны.

Каждая из этих на первый взгляд не связанных между собой форм истории начинается в глубоком прошлом, однако переживает внезапный фазовый переход, отме-

ченный буквами M–S–S именно в таком порядке, за которым вскоре следует установление свода законов[23].

Так что, когда мы обнаруживаем, что Библия начинается с сотворения мира, но переживает фазовый переход, отмеченный человеком по имени *Моисей*, а затем — дарованием Закона на горе Синай, возможно, нам стоит воспринимать это как нечто большее, чем историю одного человека[24].

Норвиг и Разиил определяют каббалу как «скрытое единство, явленное через узоры символов» — и это как раз тот самый случай. Существует скрытое единство между структурами естественной истории, истории человечества, американской истории, библейской истории и так далее: в важной точке перехода в каждой из них появляются символы M–S–S и влекут за собой установление новых законов. Тот, кто отмахнётся от этого как от совпадения, вскоре обнаружит, что совпадения накапливаются до неправдоподобного уровня.

С каббалистической точки зрения совпадений не бывает. Мы верим, что вселенная фрактальна. У неё есть общая форма, называемая Адам Кадмон, и каждая её часть, сколь угодно малая, — от Византийской империи до женской репродуктивной системы — уменьшенная самоподобная копия целого. Иногда копии искажены, словно совершенно разные художники интерпретируют одну и ту же тему, но тем не менее это копии.

Рассмотрим, к примеру, возражение, что китайская история не укладывается в паттерн. Да, она начинается в безначальном прошлом и переходит в более цивилизованную форму с появлением законодателя, но этого законодателя зовут Конфуций, и в его имени нет звука [м], за которым следуют два звука [с]. Знак того, что структура дала сбой? Нет. Конфуций дал законы, но в полную силу они вошли лишь тогда, когда их записал и истолковал его преемник *Мэн-цзы*. Нарративный и фонологический аспекты оказались разделены между двумя близкими друг другу людьми[25].

В других случаях два отдельных библейских персонажа сливаются в одного персонажа. Возьмём Моисея

и Адама. Моисей выводит израильтян к свободе, уничтожает египетскую армию при переходе через Красное море, получает заповеди и становится первым лидером народа Израиля. Адам нарушает заповедь Небесного Отца не касаться плодового дерева.

Но в американской истории оба эти аспекта слиты в фигуре Джорджа Вашингтона. Именно Вашингтон ведёт американцев к свободе, уничтожает британскую армию при переправе через Делавэр, получает Конституцию и становится первым лидером американского народа. Но именно Вашингтон нарушает отцовский запрет не трогать плодовое дерево. При этом истории Адама и Вашингтона тонко различаются: Адам пытается переложить вину («Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел»), а Вашингтон смиренно принимает её («Я не умею лгать, отец, я срубил вишнёвое дерево»)[26]. Так Израиль рождается падшим, а Америка — чистой, «сияющим городом на холме»[27].

Здесь мы видим то же разделение семантического и фонетического[28] аспектов, что и в примере с Конфуцием: преемника Вашингтона звали Адамс. Обратите внимание, что библейский Адам был сотворён рядом с Древом Познания, а Джон Адамс родился в Брейнтри[29].

Другие соответствия разбросаны ещё дальше. Жену Моисея звали Циппора — по-еврейски «птица» (в женской форме), но её американский аналог появляется лишь при Линдоне Джонсоне[30]. И лишь на рубеже тысячелетий Америка прислушалась к кусту — и застряла в пустыне без стратегии выхода[31].

Как бы ни извивалось и ни растягивалось подобие, глубинное единство всегда находит способ проявить себя. Если вы человек науки, вспомните о клетках человеческого тела. Каждая клетка несёт одни и те же гены и ДНК, но поместите её в мозг — и она станет клеткой мозга; поместите в кожу — станет клеткой кожи. Единый код, порождающий бесконечное разнообразие. Если вы не понимаете глубинную структуру, общую для них всех, вы никогда *по-настоящему* не поймёте ни мозг, ни кожу, ни что-либо ещё.

Тора — это глубинная структура вселенной, и «структура» — именно то слово. Она чиста. Абсолютно формальна. Сама по себе лишена значения. Но поместите её в ситуацию — и её внутренняя логика начинает облекаться в мирское. Одни подструктуры находят выражение, другие увядают. Определённые связи заявляют о себе. И в итоге получается нечто. Коробчатые черепахи. Международный коммунизм. Африка. Что угодно. Если вы не ищете структуру, вы её не найдёте. Если ищете — она очевидна.

В ключевой момент еврейской Библии рождается человек по имени Моисей, устанавливает новые законы и меняет судьбу Израиля. Если вы библейский еврей, для вас это и есть Тора. Если вы ангел, Тора — нечто иное. А если вы — Бог за 974 поколения до сотворения мира, Тора — и всё это, и ничего из этого; лишь совокупность путей, связей и зависимостей, чреватая бесконечными возможностями. Семя.

Поймите семя — и вы поймёте всё, что из него произрастает. Это и есть каббала. Остальное — лишь комментарий. Сверхважный комментарий. Такой, что составляет разницу между отшелушившейся клеткой кожи и думающим мозгом.

Глава 3

На облаке я увидел дитя

29 сентября 1990 года
Мексиканский залив

С тех пор как небо раскололось, у побережья Луизианы стоит ураган, который никогда не сдвигается с места и не слабеет. В его глазу стоит архангел Уриил. Он пятисот футов ростом, и вокруг него вихрятся красочные потоки букв из всех алфавитов, силлабариев и абджадов[32] всех культур в истории, складываясь в тонкие и сложные геометрические узоры, прежде чем исчезнуть во вспышках радужного света. Время от времени он протягивает руку и выхватывает одну из них своей колоссальной ладонью, вставляя в другое место потока, — и тогда идёт дождь, или рушатся империи, или из глубин поднимаются новые острова. Сегодня он не делает ничего подобного. Сегодня он очень внимательно смотрит на нечто, чего больше никто не видит, и разговаривает сам с собой.

— ТИФЕРЕТ, — говорит он. — СОЛНЦЕ, КРАСОТА, ЧУДЕСА. НО ТАКЖЕ И ОБРАЩЕНИЕ ПОЛЯРНОСТИ. ЗЕРКАЛО, УСТАНОВЛЕННОЕ В ЦЕНТРЕ ДРЕВА, ОТРАЖАЮЩЕЕ ВСЁ, ЧТО ВИДИТ. — Теперь он вглядывается ещё пристальнее. — ИМПУЛЬС ЭНЕРГИИ ОТ БИНЫ К ХЕСЕД, ЗАТЕМ ОБРАТНЫЙ ИМПУЛЬС ОТ ХЕСЕД К БИНЕ. БУКВА КУФ. НО УДВОЕННАЯ. ОТРАЖЁННАЯ. — Теперь он замолкает. — ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ. ТИФЕРЕТ ДУГОЙ НИСХОДИТ К НЕЦАХ. ЮД. ДВА КУФА, ОТРАЖЁННЫЕ ВОКРУГ ЮДА.

Цветные потоки букв над его головой кружатся ещё неистовее.

— КУФ. ЮД. КУФ. КАЯК. НЕЧТО ВАЖНОЕ ПРОИСХОДИТ С УЧАСТИЕМ КАЯКА[33].

Потоки замедляются. Где-то в огромном мире происходит нечто, связанное с каяком, — нечто достаточно важное, чтобы потревожить тончайшие нити механизма Небес. Это пророк, которого несёт по реке в Азии? Будущий король, пересекающий океан в Европе? Может, каяк метафоричен? На Реке Времени? На Океане Знания? А может…

Каяк вылетел из стен облака на скорости двести миль в час и пролетел в полудюйме от головы Уриила.

— О Господи помоги я не умею управлять помогите помогите помогите кто-нибудь помогите я не умею управлять! — закричал кто-то.

Лишь слегка потеряв равновесие, архангел протянул руку и поймал сбившееся с курса судёнышко. Он поднял его на уровень своего лица и уставился на него гигантскими глазами.

— ЗДРАВСТВУЙ, — сказал архангел.

— О Боже мне так жаль мне так жаль я не хотела этого я не могла управлять, — сказала она. Она была юной даже для человека — может, лет семи или восьми. Светло-коричневая кожа, тёмно-карие глаза, чёрные волосы, заплетённые в косички. На ней был спасательный жилет. Она была явно в ужасе. Наконец ей удалось взять себя в руки, и она сказала:

— Меня зовут Соху. Мой отец сказал, что я должна попросить тебя научить меня каббале.

— ГМ. ЭТО НЕ СОВСЕМ ТО, ЧЕМ Я ЗАНИМАЮСЬ. ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЭТИМ ЗАНИМАЮТСЯ, ПО-МОЕМУ.

— Отец сказал, что это должен быть ты.

— Я ЗАНЯТ, — сказал Уриил.

Они смотрели друг на друга. Девочка, промокшая до нитки, всё ещё дрожащая, всё ещё сжимающая весло. Архангел, выше холмов, облачённый в сияющие белые одежды, с великими золотыми крыльями за спиной и глазами, сияющими, как солнце.

— Пожалуйста? — спросила девочка.

— Я ЗАНЯТ. Я ПЫТАЮСЬ ПОЧИНИТЬ ДРЕЙФ КОНТИНЕНТОВ.

— Я… не знала, что он сломался.

Лицо Уриила стало оживлённее, речь — быстрее.

— ОН СЛОМАН УЖЕ ПЯТЬ НЕДЕЛЬ И ПЯТЬ ДНЕЙ. КАЖЕТСЯ, ОН СЛОМАЛСЯ, КОГДА Я ПЕРЕЗАГРУЗИЛ НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ ИЗ РЕЗЕРВНОЙ КОПИИ, НО НЕ ПОНИМАЮ ПОЧЕМУ. МОЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ БЫЛА БЕЗУПРЕЧНОЙ, И ИЗМЕНЕНИЕ РАСПРОСТРАНИЛОСЬ ОДНОВРЕМЕННО ПО ВСЕМ СЕФИРОТ. ДУМАЮ, КТО-ТО ВАРИЛ КОЗЛЁНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО[34]. ТАК ВСЕГДА БЫВАЕТ. Я ПОСТОЯННО ГОВОРЮ ЛЮДЯМ ЭТОГО НЕ ДЕЛАТЬ, НО НИКТО НЕ СЛУШАЕТ.

Соху посмотрела на него с сомнением, затем осторожно положила весло себе на колени.

— Если ты научишь меня каббале, я могла бы попробовать помочь тебе починить дрейф континентов.

— НЕТ, — сказал Уриил. — Я РАБОТАЮ С НЕБЕСНОЙ КАББАЛОЙ. ОНА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ. ЕСЛИ БЫ ТЫ ПОПЫТАЛАСЬ ПРИКОСНУТЬСЯ К ЭМАНАЦИЯМ ВЫСШИХ МИРОВ, ОНИ ПРОШЛИ БЫ СКВОЗЬ ТВОИ РУКИ, КАК ТЕНИ.

Соху протянула руку и выхватила одну из букв из облака, кружившего вокруг них. Она потянула за неё, словно за нитку, и следом потянулась вереница других букв, собираясь в комок у неё в руке. Глифы стали сначала синими, потом фиолетовыми, потом одного из трёх безымянных цветов, которые видишь только во сне. Затем все они начали сменяться другими глифами быстрее, чем мог уследить глаз.

Уриил издал пронзительный вопль. Внезапно он весь пришёл в движение. Выронив девочку и каяк, он схватил светящиеся буквы и принялся сшивать их в новый узор со сверхчеловеческой скоростью, работая так быстро, будто у него разом действовали десятки рук. Волны цвета прокатились по грандиозному узору. За мгновение до того, как Соху разбилась бы об океан внизу, архангел протянул руку и подхватил каяк с девочкой, подняв их обратно на уровень своего лица.

— Прости прости прости что я наделала что я наделала? — спросила снова перепуганная Соху.

— ТЫ, ВОЗМОЖНО, ВРОДЕ КАК ТОЛЬКО ЧТО ЗАСТАВИЛА ВСЕ РЕКИ В МИРЕ ПОТЕЧЬ ВСПЯТЬ.

— Мне так жаль, правда, я не хотела.

— ВСЁ В ПОРЯДКЕ. Я ИХ ПОЧИНИЛ.

Затем он спохватился:

— ПОСТОЙ, КАК ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?

— Я просто протянула руку и схватила одну из этих букв.

— ЭТИ БУКВЫ ОХВАТЫВАЮТ МИРЫ. ОНИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ. ТЫ НИКАК НЕ МОГЛА К НИМ ПРИКОСНУТЬСЯ.

— Я играла во дворе на днях и увидела букву вроде этих, и схватила её, и повсюду начали расти цветы, а потом отец очень строго на меня посмотрел и сказал, чтобы я садилась в летающий каяк и нашла архангела Уриила и заставила его научить меня каббале.

— ПОСТОЙ, ТЫ — *ТА САМАЯ* СОХУ?

— Мне кажется, я единственный человек по имени Соху.

— О.

Они смотрели друг на друга.

— У ДРУГИХ В ТВОЕЙ СЕМЬЕ ЕСТЬ ЭТОТ ДАР?

— Нет, я спрашивала, — сказала Соху. — Но они и ушами шевелить не умеют.

— НИКТО НЕ УМЕЕТ ШЕВЕЛИТЬ УШАМИ.

Соху пошевелила ушами.

Архангел стоял мгновение в полной тишине. Вокруг него вереницы букв вились и сплетались над его головой, под руками, между пальцев. Иногда две вереницы сталкивались в беззвучных вспышках. Иногда они меняли язык прямо в воздухе, или разлетались на составные части, или роились, как шершни.

— С тобой всё в порядке? — наконец спросила Соху.

— Я ПЫТАЛСЯ ПОШЕВЕЛИТЬ УШАМИ.

Соху снова пошевелила ушами.

— ТЫ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ.

— Так ты научишь меня каббале?

— НЕТ.

— Почему?

— ТЫ, ВЕРОЯТНО, УНИЧТОЖИШЬ МИР.

— Ничего я не уничтожу, — сказала Соху. — Мне мир нравится. Я помогу тебе починить дрейф континентов.

— НЕТ, — сказал Уриил.

— Почему?

— УРОВЕНЬ КАББАЛЫ, КОТОРЫЙ ПОТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ТВОИМ ДАРОМ, ОЧЕНЬ СЛОЖЕН. ДЕЛО НЕ ПРОСТО В ТОМ, ЧТОБЫ ХВАТАТЬ БУКВЫ С НЕБА. ТЕБЕ ПРИШЛОСЬ БЫ ПОНЯТЬ БУКВЫ, И СЕФИРОТ, И ТЫСЯЧИ СООТВЕТСТВИЙ. ТЕБЕ ПРИШЛОСЬ БЫ ВЫУЧИТЬ НАИЗУСТЬ ВСЮ БИБЛИЮ.

— Я знаю Библию, — сказала Соху.

Великие золотые глаза Уриила сузились.

— НАВ. 1:8, — потребовал он.

Соху закрыла глаза, подумала секунду.

— Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять всё, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно.

— ИСХ. 31:3.

— И Я исполнил его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством.[35]

— ИЕЗУБОАД 4:33.

— Я… Нет такой Книги Иезубоада.

— ЕСТЬ.

— Нет.

— ЕСТ… ОЙ.

Уриил замер в полной тишине. Потоки букв прекратили течение. Затем, совершенно внезапно, он произнёс совсем не ангельское слово.

— КАЖЕТСЯ, Я ЗАБЫЛ ДАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ КНИГУ ИЕЗУБОАДА.

— Она была важная?

Архангел неловко заёрзал.

— ГМ.

Ещё немного ёрзанья.

— НЕТ?

— Я хочу узнать про Иезубоада и про все остальные книги. Ты научишь меня каббале?

— НЕТ, — сказал Уриил.

— Нууу пожааалуйста?

Уриил уставился на маленькую девочку, сидящую в каяке у него на ладони. Если он её уронит, ей потребуется 4,9 секунды, чтобы достичь поверхности океана на скорости 48,5 метра в секунду. Её энергия при ударе составит 29,4 килоджоуля, чего более чем достаточно, чтобы проломить человеческий череп. Отец девочки даже не рассердится. Чего вообще ожидал её отец, отправляя дочь сюда и выставляя напоказ дар, которым ни один человек не должен обладать?

Если он отошлёт её прочь, рано или поздно она попробует что-нибудь невинное на вид и снова заставит все реки мира потечь вверх по склону. Или вскипятит океаны. Или иным образом сотворит нечто столь ужасное, что его не решишь такими простыми мерами, как перезагрузка Новой Зеландии из резервной копии.

Но если он её обучит, тогда она сможет вскипятить океаны *когда пожелает*. Это вряд ли улучшение. К тому же он терпеть не мог общество. И был очень занят. Времени всегда не хватало.

С другой стороны, 4,9 секунды у него совершенно точно были. 4,9 секунды — и проблема решена.

Загвоздка в том, что он никогда раньше никого не убивал.

Ладно, это было совершенно неправдой. Он поражал города, которые, по его мнению, портили радующие глаз симметрии на картах. Он стёр Тайвань, когда не смог разобраться, как его отладить. Была вся та история с Красным морем. Он, может быть, вроде как создал бубонную чуму — просто чтобы проверить, сработает ли (сработала). Он устраивал землетрясения, чтобы эти дурацкие тектонические плиты наконец встали как надо. Был тот раз, когда он забыл выключить дождь, и значительная часть Бельгии ушла под воду с числом жертв в сотни тысяч. Но он никогда не убивал *конкретного* человека.

Нет, постойте, это тоже было совершенно неправдой. Он поражал людей, которые расходовали слишком много системных ресурсов. Или тех, кто пытался попасть в области, симуляцию которых он ещё не довёл до необходимого уровня детализации. И, разумеется, тех, кто варил козлёнка в молоке матери его. Или тех, кто собирался варить козлёнка в молоке матери его. Или тех, кто был похож на людей, которые могли бы это сделать.

Но он никогда не убивал восьмилетнюю девочку. Тем более такую, которая умеет шевелить ушами.

— ЭТО БУДЕТ ОЧЕНЬ ТРУДНО, И НИ ОДИН ИЗ НАС НЕ ПОЛУЧИТ УДОВОЛЬСТВИЯ, — сказал Уриил.

— Мне понравится! — сказала Соху.

— ТЕБЕ ПРИДЁТСЯ ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ, В УРАГАНЕ, БЕЗ ЕДИНОГО ДРУГА, С КОТОРЫМ МОЖНО ПОГОВОРИТЬ.

— Я могу дружить с тобой!

— СИСТЕМА МИРОЗДАНИЯ ПОСТЕПЕННО РАСПАДАЕТСЯ, И СКОРО ОНА РАЗВАЛИТСЯ ПОЛНОСТЬЮ. ПОДДЕРЖИВАТЬ ЕЁ ДО ТОГО МОМЕНТА — ДЕЛО НЕБЛАГОДАРНОЕ И ТЯГОСТНОЕ, И НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬСЯ НИ НА СЕКУНДУ, ИНАЧЕ ВСЕ УМРУТ.

— Я могу помочь! — сказала Соху.

Уриил протяжно вздохнул.

— НАЧНЁШЬ С ЗАУЧИВАНИЯ КНИГИ ИЕЗУБОАДА, ПОКА Я ЧИНЮ ДРЕЙФ КОНТИНЕНТОВ. — Его огромные пальцы скрутили потоки цветных букв вокруг него в облако, на которое он осторожно опустил девочку и каяк. Из другого потока он сформировал книгу и протянул ей.

— ЧИТАЙ, — сказал он.

1. *И случилось так, что в восьмой год Ахава Иезубоад принёс всесожжение в Храме Господнем,*

2. *и говорил он, возглашая: «О Боже, чья премудрость объемлет небеса и землю, я сведущ в Писании, но многое по-прежнему смущает меня.*

3. *Отчего столь многие кажущиеся противоречия? Откуда такое внимание к ритуальной чистоте? И какие книги следует понимать буквально, а какие предназначены лишь для назидания?»*

4. *Тогда из огненного облака пред ним явился архангел Уриил, чьи очи сияли, как солнце.*

5. *И сказал он гласом великим:*

6. *ЛАДНО, Я ПРЯМО СЕЙЧАС ВСЁ ЭТО РАЗЪЯСНЮ, ЧТОБЫ НИКОМУ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПРИШЛОСЬ ОБ ЭТОМ БЕСПОКОИТЬСЯ…*

Глава 4

Дело рук — топор и плуг

И вы будете скорбеть, но скорбь ваша обратится в действенные устройства, вычисляющие в любом направлении.[36]
— kingjamesprogramming.tumblr.com

10 мая 2017 года
Сан-Хосе

Ещё до того, как Валери официально закрыла собрание, я протиснулся сквозь болтливую толпу и поднялся по лестнице к себе в спальню. Схватил ноутбук со стола, затем постучал в дверь Аны. Она уже ждала меня.

Она села на кровать. Я сел на пол. Она потянулась, хрустнула спиной, хрустнула шеей, глубоко вздохнула.

— Ну и что там насчёт мира? — спросила она.

— Сегодня на работе я случайно обнаружил Имя, которое наделяет душой неживые предметы. В смысле, не просто превращает их в големов. А даёт им настоящие души. Никто о нём не знает. В рабочем списке его не было.

— Эвфемизм[37], — сказала Ана. *Она* мгновенно поняла, к чему это ведёт. — Подожди, за месяц? Ты должен стать императором мира за *неделю*!

Основой Информационного Века была генерация каббалистических Имён методом полного перебора. То есть я и тысячи таких же, как я, стояли в заводских цехах, зачитывали потенциальные Имена и проверяли, не сотворят ли они чудо. Учитывая миллионы возможных комбинаций, чтобы хоть куда-то продвинуться, нужна

была уйма работников, требовалась уйма рабочих часов и уходила уйма времени.

Все прочие области автоматизация уже перевернула. У портных были швейные машины, у строителей — бульдозеры, у производителей — промышленные роботы. И вот лет тридцать назад кому-то пришла в голову блестящая идея: а почему бы не автоматизировать генерацию Божественных Имён?

Фабрика со ста работниками, каждый из которых проверяет по одному Имени раз в двадцать секунд и трудится восемь часов в день, обнаруживает новое Имя длиной в десять и более букв примерно раз в год. Если бы компьютер мог проверять тысячу имён в секунду, двадцать четыре часа в сутки, он мог бы обнаруживать новое Имя почти каждый час.

Имя должно быть произнесено вслух. Нельзя просто проговорить его про себя или полностью воспроизвести в воображении. Ну и ладно. Подключите компьютер к динамику. Пусть он произносит Имена в тысячу раз быстрее любого человека, так что их поток будет звучать как ровный высокий гул. Затем напишите программу, которая вычисляет возможные Имена на основе какого-нибудь софта с открытым исходным кодом для работы с пространствами имён, воспроизводит их через динамик и записывает те, что срабатывают.

Эта программа называлась Ллулл. Ужасная и прекрасная вещь. Способная в теории разорить всю каббалистическую индустрию, увеличить магические возможности человечества в тысячу раз за несколько дней.

И в итоге — бесполезная. Компьютеры не способны произносить скрытые трансцендентные Имена Бога.

Вернее, *способны*. Но ничего не происходит. Никакая волна света не обрушивается на их кремниевые мозги. Никакое откровение не выжигает их интегральные схемы. Они просто продолжают пищать и щёлкать, ничего не замечая. И у теоретической каббалы есть лишь одно убедительное объяснение: компьютерам недостаёт божественной искры.

Ллулл написали энтузиасты и учёные, и практического применения у него не было. Его использовали в нескольких исследовательских проектах, а затем забросили — оставив на откуп любому любителю, который захочет с ним поиграть.

Но если бы кто-то нашёл способ *наделить* компьютер божественной искрой, одушевить его…

Ну, такой человек получил бы устройство, производящее Имена в десять тысяч раз быстрее средней потогонки. Поскольку по всему свету Божественные Имена ищет около сотни потогонок, один человек с одним компьютером открывал бы новые Имена в сто раз быстрее всего остального мира. Самое меньшее, на что он мог бы рассчитывать, — сказочно разбогатеть.

А что, если на все эти деньги он купит второй компьютер? А третий? А гигантский суперкомпьютер Cray, который думает так быстро, что сквозь него каждую секунду круглые сутки приходится прогонять жидкий азот, чтобы его маниакальное мышление не выжгло ему мозги? Подключённый к сотням динамиков параллельно, проверяющий миллионы Имён в секунду? За час можно было бы обрести больше колдовской силы, чем всё человечество открыло с тех пор как треснуло небо. Наймите толкового математика, чтобы сузить пространство поиска, и вам останется рукой подать до самого Шем ха-Мефораш — а с ним и до власти пересоздавать миры.

Я открыл не просто особенно длинное Имя. Я открыл царский путь.

— Ты собираешься рассказать Валери?

— Если я расскажу Валери, через час об этом будет знать половина Певцов Калифорнии. Валери замечательная, но она не из тех, кто умеет держать рот на замке. Я никому этого не доверяю. *Никому.*

— Ты доверился *мне*.

— У меня не было выбора!

— А. Ну да. — Ана выудила Животворящее Имя из моей головы. — Есть, — сказала она. — Итак, ты хочешь одушевить наши ноутбуки?

— Я хочу одушевить *мой* ноутбук, — сказал я. — Ллулл работает только на Маках, помнишь?

У меня был старый Макбук серии NE-1[38]. Я назвал его Сара — в честь обоев рабочего стола с Сарой Мишель Геллар в соблазнительной позе. У Аны был ещё более старый ПК. Она назвала его Капитан Смит — в честь офицера, впечатавшего «Титаник» прямо в айсберг, — из-за его склонности терпеть крушение и зависать.

— Они так и не выпустили, эвфемизм, версию для Windows? — спросила Ана.

— Разумеется, нет, — сказал я. — Это было бы каббалистически неуместно.[39]

У яблок и знания всегда были особые отношения. Адам вкусил знания и был изгнан из Эдема. На Ньютона знание свалилось вдруг, прямо с неба. Знание Тьюринга было горьким и свело его в раннюю могилу. Знание несёт раздор, знание зреет, знание отравлено. Люди жадно поглощают оболочку знания, но до сердцевины не добираются.

Знание было впервые одомашнено в южной Турции или северной Месопотамии, откуда распространилось по всему миру, хотя некоторые учёные утверждают, что его современный геном в большей степени обязан различным европейским предкам. Большинство историков полагает, что в Новый Свет его впервые завезли колонисты, но эта версия не учитывает местных американских сортов, которые, к сожалению, были в основном вытеснены и ныне находятся под угрозой исчезновения. Сегодня первое и второе место по производству знания занимают Америка и Восточная Азия. Хотя изначально знание размножалось путём перекрёстного опыления с другим знанием, современные промышленные производители перешли на прививку — способ, схожий с клонированием. В результате разновидности знания повсюду практически одинаковы. Это значительно упрощает производство знания для коммерческой продажи, но побудило некоторых высказать мнение, что некогда огромное разнообразие сортов знания безвозвратно утрачено.

Яблочный символ на крышке Сары зловеще светился.

Ана не вполне уловила мои мысли, но суть поняла и положила руку мне на плечо.

— Ты как?

— Прости, — пробормотал я.

— Большой шаг нам предстоит, — сказала она.

— Величайший, — согласился я.

— Окажешь честь?

Я дважды щёлкнул по маленькой иконке Ллулла, загрузил программу, поставил на автопилот. Компьютер издал странные звуки на пределе человеческого слуха. Имена, произносимые быстрее, чем ухо может уследить. Пока — безжизненно, механический перебор. Скоро это изменится.

Я встал во весь рост над белым корпусом компьютера. Воздел над ним руку жестом благословения, как Папа Римский, благословляющий малое дитя. На лице — блаженная улыбка. Я очистил разум. Фоном я *ощущал* присутствие Аны, связанной со мной телепатически, счастливой, сияющей.

Я начал: «РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…»

Из коридора донёсся голос Валери:

— Вы опять проводите тёмные ритуалы в спальне?! Если вы прожжёте ковёр, клянусь, можете призвать самого Тамиила, и все его ужасы покажутся ничем по сравнению с тем, что я с вами сделаю, если…

И я завершил: «МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ!»

Глава 5

Словом высказать нельзя

I.

Я помню, как впервые встретил Ану Тёрмонд.

Меня только что вышибли из Стэнфорда. Мать была сама не своя. Мне нужно было сбежать от неё. Я устроился на первую же работу с минимальной зарплатой, какую смог найти, — место продавца в «Скупке золота». Было не так уж плохо. В этом была своего рода каббала — свободное превращение символов в материальную реальность и обратно. Я мог это уважать. Я сидел за кассой и большую часть дня изучал Талмуд и Зоар, а время от времени заходила какая-нибудь пожилая дама, чтобы обменять украшения на сумму заметно меньше их настоящей цены, и я оформлял сделку.

Порой мне попадался особенно интересный талмудический трактат, и я засиживался после закрытия. Иногда — до глубокой ночи. Это была более приятная обстановка, чем мамина квартира. Никто не замечал, никому не было дела. Вот почему я всё ещё был там около одиннадцати вечера, когда услышал какую-то суматоху снаружи.

Я открыл дверь и тем самым заставил красивую девушку упасть со стремянки.

— Эвфемизм! — сказала она. Клянусь Богом, она сказала «эвфемизм».

— Ты не ушиблась? — спросил я. Она не ушиблась. В руках она держала две большие жёлтые буквы. Я посмотрел

на нашу вывеску. На ней не хватало двух больших жёлтых букв.

— Ты что, по-твоему, делаешь? — спросил я. Угрожающе у меня выходит плохо, но она была примерно метр шестьдесят два, может, метр шестьдесят пять, и к тому же лежала на земле с очень пристыженным видом, так что вложить угрозу в голос было легче, чем обычно.

— Каббала, — сказала она.

Я снова посмотрел на вывеску. Теперь она читалась CASH OR GOD[40].

— Это каббалистический протест, — слабым голосом сказала она. — Против общества, которое считает…

— Ты не каббалистка. Если бы ты была каббалисткой, у тебя было бы больше уважения! Нельзя просто так брать и убирать буквы с вывесок! Мф. 5:18: «Истинно говорю вам: ни одна буква и ни единая чёрточка буквы не будет удалена, доколе не исполнится всё»[41].

— А, хочешь помериться цитатами? — Она перевела дыхание и поднялась на ноги. — Мф. 16:4: «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему»[42].

Я моргнул. Может, она и была каббалисткой.

— Но, — сказал я, — убрав букву L, ты делаешь «God» из «gold». Однако предостережение против идолопоклонства в Исх. 20:23 гласит: «Не делай себе бога из золота».

— Но, — сказала девушка, — Исх. 25 говорит, что ты должен взять золото и обратить его к Господу.

Теперь я был раздражён.

— Ты сняла L и F, — сказал я. — Но в английской гематрии Агриппы L и F в сумме дают двадцать шесть. Гематрическое значение Тетраграмматона тоже двадцать шесть. Таким образом, снять L и F нумерологически равнозначно тому, чтобы взять Имя Бога. А Третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно»[43].

— Но звук L и F вместе, — сказала она, — это «алеф»[44], а алеф — беззвучная буква и обозначает ничто. Так что я ничего не взяла.

Я услышал вой сирены.

— Расскажи это полиции, — сказал я.

Она побежала. Даже стремянку не забрала. Просто развернулась и убежала.

Я ведь даже не вызывал полицию. Просто совпадение, если вы верите в такие вещи. Почему-то полицейский с сиреной оказался где-то там в одиннадцать часов вечера, занимаясь полицейскими делами, а она его услышала и убежала.

А мне следующие полгода предстояло почти каждую минуту бодрствования гадать, кто она такая.

Я проверил все университеты с программами по каббале — впустую. Ни одной зацепки. Как ни стыдно было спрашивать «Эй, тут не учится случайно симпатичная девушка со светлыми волосами, собранными в пучок, которая очень хороша в определённых видах странной словесной игры?», я переступил через себя и спросил в Стэнфорде, Беркли, даже Санта-Кларе — впустую. Я перешёл к ешивам, хотя большинство из них даже не принимали женщин. Ничего.

Был холодный осенний вечер. Я только что закончил расспросы в ешиве, которую считал абсолютно, категорически последней из тех, что собирался проверить, — как считал и в несколько предыдущих выходных. Слово за слово, мы ввязались в спор о сотворении вселенной и наконец решили продолжить его в баре, где я отплатил за их радушие тем, что засел в углу и ни с кем не разговаривал. Я только вполуха слушал, когда какая-то девушка подошла к одному из студентов-раввинов, сказала ему, что он симпатичный, и попросила поцеловать её.

Это была не моя девушка. Моя девушка была невысокая, со светлыми волосами, собранными в пучок, и говорила слишком быстро. Эта была высокая, с тёмными волосами, которые словно отвергли ирокез как слишком конформистский и, взяв с собой лишь вола да фургон «Конестога»[45], двинулись покорять новые и манящие рубежи диковинных причёсок.

Студент-раввин — ангельски-круглолицый юноша с совершенно идеальными кудрями, которого, кажется, звали Давид, — извинился и сказал, что он студент-раввин

и не любитель целоваться со странными девушками в барах, чьи причёски, по всей видимости, вдохновлены гребнями на головах вымерших видов рептилий. Или что-то в этом роде.

— Ого, — сказала девушка. — Настоящий студент-раввин. Давай так. Если я знаю что-то о Библии, чего ты не знаешь, — поцелуешь меня?

Я навострил уши.

Вы не представляете, как усердно эти люди учатся. Тора восемь часов в день с тех пор как они научились сидеть ровно. К этому моменту они вызубрили её наизусть, да ещё и сверх того.

— Если ты знаешь что-то о Библии, чего не знаю я, — можешь делать со мной всё, что захочешь, — сказал Давид, смеясь.

— Хмммммм, — сказала девушка-странная-причёска и сделала вид, что размышляет. — Вот. Сколько времени Иосиф провёл во чреве кита?

— Три дня и три ночи, — сказал он практически мгновенно, прежде чем я успел его предупредить.

— Ой, как жаль, — сказала девушка-странная-причёска.

Давид посмотрел на неё.

— Я могу процитировать тебе главу и стих. Ион. 1:17[46].

— …Это был бы прекрасный ответ, если бы я спросила об этом. Я спросила, сколько времени Иосиф провёл во чреве кита.

Раввинская ловушка захлопнулась. Его лицо покраснело.

— Э-э, — сказал он, — в Библии ведь нигде определённо не сказано, что Иосиф не проводил время в ките.

— Неа, — сказала девушка-странная-причёска. — Я не раввин, но я довольно уверена, что ноль, ни шиша, вообще никто в Библии не проводил время в ките, кроме Ионы.

— И жёны людей, убитых при вторжении Синаххериба в Иерусалим, — встрял я, прежде чем успел себя остановить.

Две пары глаз резко повернулись в мою сторону.

— Жёны людей, убитых при вторжении Синаххериба в Иерусалим, — сказал Давид, — не проводили время в ките.

— Ещё как проводили, — сказал я, потому что на этом этапе отступать было поздно. — Они об этом очень громко заявляли.

Девушка-странная-причёска подняла одну бровь.

— Всё есть у Байрона, — сказал я и процитировал: — «И вдовы Ашшура громко рыдали в ки́те»[47].

Девушка хлопнула глазами — раз, другой — и вдруг: «Я тебя ненавижу и надеюсь, ты сдохнешь». Потом: «Стой, нет, смерть — это слишком хорошо для тебя. Тебе нужно познакомиться с моей кузиной». Потом: «Пей». И утащила меня за свой столик и сунула мне пиво.

Итак, когда нить моей памяти возобновляется поздним утром следующего дня, я обнаруживаю, что лежу полуголый в чужой постели. Я молча дал себе зарок больше не пьянствовать со студентами-раввинами.

Стоп.

Надо мной, словно оценивая лошадь перед покупкой, стояла Девушка-Странная-Причёска. А рядом с ней, с точно таким же выражением лица, стояла моя маленькая блондинка со светло-голубыми глазами, девушка со стремянкой.

— Он рассказал ужасную шутку про кита! — протестовала Девушка-Странная-Причёска, — и сначала я хотела, чтобы он сдох, но потом поняла, что это слишком хорошо для него, и сказала ему, что он должен познакомиться с тобой.

— Что за шутка? — спросила моя блондинка.

— Это было… — Девушка-Странная-Причёска задумалась на секунду. — Ты знаешь, сколько кружек пива я выпила вчера вечером? И ты хочешь, чтобы я что-то помнила? Конкретные вещи?

— Хм, — сказала моя блондинка. Она посмотрела прямо на меня светло-голубыми глазами. По-моему, она меня не узнала. — Что за шутка?

Я запротестовал.

— Я даже не знаю, где нахожусь! Я даже не знаю, как вас зовут! В голове я звал её «Девушка-Странная-Причёска», а тебя —

Я осёкся, прежде чем сказать что-нибудь вроде «девушка, на которой я женюсь».

— Как я должен помнить шутку про кита?

Девушка, на которой я собирался жениться, раздражённо провела пальцами по светлым волосам, глубоко задумавшись.

— Раз ты придумал её вчера вечером, — сказала она, — значит, можешь придумать снова. Ты был со студентами-раввинами, следовательно, вы говорили о Библии. Библейские шутки про китов. Что приходит в голову?

— Ну, — сказал я. — Очевидно, библейский царь Ахав — подозреваемый, учитывая его тёзку. Итак… ага!.. Ахав гостил в Иерусалиме и всё пытался подстрелить Моби Дика оттуда, но город слишком далеко от моря — до воды гарпуном не достать, вот он и приказал построить огромный крепостной вал, чтобы получить преимущество в высоте…

Она уставилась на меня оценивающим взглядом.

— …и по сей день он известен как Китобойная Стена[48], — закончил я, и мы оба расхохотались.

— Стоп, — сказала Девушка-Странная-Причёска. — Зачем я решила, что знакомить вас двоих — хорошая идея? Это худшее, что когда-либо случалось.

— А потом Ахав умер и попал в ад, — добавила она, — где было много китобойства и скрежета зубовного[49].

— Но, — сказал я, — всё это было по китовой воле Божией[50].

— Стой, — сказала блондинка. — У меня есть. Почему море было таким шумным после разгрома армии Синаххериба?

Я подумал секунду. Потом подумал ещё одну секунду.

— Сдаюсь, — сказал я.

— Потому что, — сказала блондинка, — вдовы Ашшура громко рыдали в ки́те.

— СТОЙ, НЕТ, ЭТО ОНА И БЫЛА! ЭТО БЫЛА МОЯ ШУТКА ПРО КИТА! КЛЯНУСЬ БОГОМ, ЭТО БЫЛА МОЯ ШУТКА ПРО КИТА!

— Это была самая большая ошибка в моей жизни, и я надеюсь, что умру, — сказала Девушка-Странная-Причёска.

II.

Я помню своё первое утро там, утро, когда всё сложилось. Девушки наконец вытащили меня из постели и настояли на том, чтобы приготовить мне завтрак. Девушку-Странную-Причёску звали Валери. Девушку-На-Которой-Я-Когда-Нибудь-Женюсь звали Ана. Вместе они повели меня вниз, в просторную столовую.

— Добро пожаловать в Итаку! — сказала мне Ана, когда я сел и уронил голову на стол, всё ещё слегка страдая похмельем.

— Тебе нужна еда, — заявила Валери и скрылась на кухне, чтобы её раздобыть. Ана пошла с ней. Они шептались друг с другом. Кажется, не обошлось без хихиканья.

Это был большой дом, немного старый, но ухоженный. На одной стене висело что-то вроде знамени с большой еврейской буквой юд. Десятая буква алфавита, представляющая десятую заповедь, «Не пожелай», — с очевидным намёком на капитализм и накопление богатства. Большой юд был стевенситским символом. Это были стевенситы. Всё сходилось.

Но я мог и лучше. Я обратил внимание на книжную полку у дальней стены, попытался разобрать, что там есть. Стандартная научно-фантастическая и фэнтезийная классика: Толкин, Азимов, Солби. Затем кое-что посерьёзнее: Зейинти — экономист, Четлок — прогностик, Теткауски — футурист, Юдка — романист, старый добрый Каф бен Клиффорд.[51] Некоторые я узнал с ходу по обложкам. *«Божественность»* Нахмана Бернштейна. *«Каббала: современный подход»* Норвига и Разиила.

«Гематрия со времён Адама» Бен-Аарона. *«Эпоха механизированной духовности»* Рава Курцвейля.[52]

Я жадно уставился на полку. У меня не было и половины этих книг. Я надеялся, что к заповеди «Не пожелай» они относились не слишком серьёзно.

Лишь закончив осмотр книг, я обратился к другому возможному источнику информации в комнате.

— Привет, — сказал я парню, сидевшему в конце стола. Он был высокий и выглядел так, будто занимается спортом. — Я Аарон Смит-Теллер. Приятно познакомиться.

— Брайан Янг, — сказал он, едва оторвавшись от газеты. — Добро пожаловать в Итаку.

— Так я слышал. Это что-то вроде коммунального дома?

— Можно и так сказать, — ответил Брайан.

— Брайан — сильный, молчаливый тип, — сказала Ана, возвращаясь из кухни с кофе. Она налила мне кружку. — Вот почему они с Валери так хорошо ладят. Он никогда ничего не говорит, она никогда не затыкается. Да, мы коммунальный дом. Валери предпочитает слово «коммуна», но Валери много чего предпочитает.

— Я стою прямо здесь и готовлю вам еду! — крикнула Валери с кухни.

— Так вы какие-нибудь стевенситы, или… — начал я. Ана приложила палец к губам и прошептала: — Тшшшш. Она услышит.

Валери вошла с четырьмя тарелками тостов.

— О, отличный вопрос! — сказала она неуместно бодрым голосом и сняла с полки «Храм и Рынок» Стивенса.[53] — Ты это читал?

Первые годы после открытия первых Имён были головокружительным временем: начинающие волшебники осваивали новые заклинания и строили на их основе поразительные технологии. Люминесцентное Имя встраивали в различные молитвы, магические квадраты и конфигурации, производя свечения ошеломляющих форм и цветов. Изобретатели-умельцы в самодельных мастерских включали Кинетическое Имя во всевозможные устройства и приспособления. Лучшие каббалисты

разрабатывали обширные надстройки из молитв и бесплатно выкладывали их в ранних компьютерных сетях для всех, кто хотел экспериментировать.

Всё это закончилось с основанием великих теономических корпораций. Они постепенно захватили сцену прикладной каббалы в восьмидесятых; хватка усилилась в начале девяностых, после того как Президент и Король Комет объединились для создания UNSONG. Внезапно у каждого нового Имени появились авторские права, а сотни строк молитв и заклинаний, которые люди использовали для управления Именами и подчинения их своей воле, стали проприетарным материалом. Старые мастерские становились всё менее актуальными; старых гениальных каббалистов-одиночек либо расхватывали теономические корпорации, либо они превращались во всё более никому не нужных озлобленных стариков.

Именно в этой атмосфере преподобный Рэймонд Э. Стивенс из Унитарианской церкви[54] написал «Храм и Рынок». В книге было двести пятьдесят страниц местами чрезмерно тяжеловесных тирад, но суть её сводилась к тому, что целый ряд библейских заповедей — в первую очередь «не пожелай» и «не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» — лучше всего истолковывать как описание Божественных Имён, открытых после того как раскололось небо, — пророческие наставления, которые должны были обрести смысл лишь через тысячелетия после их записи. Взятые вместе, эти заповеди формировали схему идеальной экономики — «Храма» из заглавия книги, — в которой создающие богатство силы каббалы были общим достоянием. Современный мир игнорировал Божий замысел ради безудержного капитализма — «Рынка» из заглавия — и навлекал на себя страшную расплату. Стивенс видел себя новым Иеремией, призывающим израильтян покаяться, прежде чем они испытают всю мощь Божьего гнева.

Несмотря на то что по всеобщему мнению он был изрядным сумасбродом (его толкование размеров Соломонова Храма как оккультных отсылок к экономическим параметрам напоминает ньютоновское, только ещё ме-

нее внятное), он оказался в нужном месте в нужное время. Стивенсизм распространился среди озлобленных старых каббалистов, молодых марксистских панков, духовных-но-не-религиозных хиппи и всех, кто неожиданно для себя оказался за бортом новой экономики. Из до странности конкретной теории он превратился в Универсальный Знак Контркультуры, и те же люди, которые в шестидесятых говорили о «вибрациях», не совсем понимая, что имеют в виду, в девяностых говорили о тайных смыслах странных левитских заповедей.

— Вы Певцы? — спросил я.

— Мы — хаб Певцов, — сказала Валери. — Для всего северного Сан-Хосе. И я издаю газету Певцов. «Калифорнийский Хорист». Слушай!

Она встала на стул и начала то, что с того момента я всегда узнавал как Речь. Речь была одной из немногих констант жизни в Итаке. Соседи приходили и уходили, интеллектуальные увлечения расцветали великолепным цветом, прежде чем исчезнуть в облачке всеобщего смущения, но Речь оставалась. Валери могла произносить её убедительно на трезвую голову и блистательно в подпитии. Ей случалось обращать в свою веру посетителей целых баров — в особую разновидность радикального теологического анархизма. За годы практики она отточила Речь до короткой агитационной версии длиной две минуты семь секунд, которую к тому времени уже произносила в самых разных условиях: мертвецки пьяной, стоя на одной ноге, за рулём мотоцикла и во время секса с двумя мужчинами одновременно. В тот месяц, когда я её встретил, она работала над жонглированием, так что подобрала три мячика и начала ораторствовать:

— Бог рождается свободным, но повсюду Он в цепях![55] Имена — наше право по рождению, право детей Адама, наследие, которое должно было обеспечить нам эпоху изобилия, какой не знала человеческая история, — были у нас украдены корпорациями и проданы, чтобы покупать яхты для миллиардеров.

Плодородное Имя взращивает зерно из земли, ускоряя рост посевов почти наполовину. Дети в Эфиопии

умирают от голода, и эфиопские фермеры не могут использовать Плодородное Имя, чтобы вырастить кукурузу, которая бы их спасла. Почему? Потому что Амалик владеет патентом и требует от любого фермера 800 долларов авансом.

Очищающее Имя мгновенно убивает восемнадцать видов вредоносных бактерий, включая два, устойчивых ко всем антибиотикам, кроме самых токсичных. Но две трети американских больниц не имеют ни одного лицензированного пользователя Очищающего Имени. Почему? Потому что они не могут позволить себе лицензионные сборы, которые требует Гогмагог.

В старые времена мы говорили себе, что бедность — это неизбежность. Что еды, лекарств, одежды, жилья на всех не хватает. Тогда это было правдой. Теперь это ложь. Чтобы накормить голодного или исцелить больного, больше не нужны дефицитные ресурсы. Нужно лишь слово. Слово, которое вся международная система управления — корпорации, политики, UNSONG — объединилась, чтобы нуждающиеся его никогда не получили.

86% известных Имён принадлежат пяти крупным кор… чёрт!

Валери уронила мячики. Она подобрала их и продолжила.

— 86% известных Имён принадлежат пяти крупным теономическим корпорациям. Микропросопус. Гогмагог. Амалик. Каунтенанс. И Серпенс — крупнейшая, с активами в 174 миллиарда долларов. У её генерального директора состояние в 9 миллиардов, пять пляжных домов, разбросанных по Разъединённым Штатам, и собственная суперяхта.

Когда Маркс услышал о подобных несправедливостях, он потребовал захватить средства производства. Но сегодня средства производства — это не фабрики, которые можно захватить толпами с вилами. Это Имена, которые надо добывать в духовной борьбе и распространять по всему миру, пока система не будет разоблачена как фарс и не рухнет под собственной тяжестью. Вот что сказал Уильям Блейк:

Мой дух в борьбе несокрушим,
И меч в руке не задремал,
Пока мы возведём Иерусалим
Там, где зелёный край мой просиял.

И теономические корпорации не остановятся ни перед чем, чтобы нам помешать, — предупредила Валери. — Клипот — это…

— Я знаю, что это такое, — перебил я. — Меня отчислили из Стэнфорда за публикацию метода взлома клипот.

Валери уронила мячики и свалилась со стула.

— Чёрт! — крикнула она. — Я знала, что ты мне кого-то напоминаешь! Я организовала в твою поддержку протест!

Два года назад я был именно там, где хотел быть, — стэнфордским студентом, изучающим прикладную каббалу на хорошую стипендию. Я только что закончил курс по клипот и немного экспериментировал: в теоретической каббале клипот — это своего рода демонические наросты, коростой облепляющие божественный свет и делающие его недоступным, но в прикладной каббале это слово обозначает криптографические преобразования Имён Бога, позволяющие использовать их, не раскрывая слушателям. Представьте, что вы открыли Имя, исцеляющее рак, и хотите исцелить клиента от рака, но не хотите, чтобы тот узнал само Имя и мог отнять у вас этот бизнес. Вместо того чтобы произнести Имя вслух, вы применяете к нему шифр — скажем, заменяете все A на U, а все B на Z, так что *ABBA* становится *UZZU*, — и записываете шифр на свитке, удерживая в уме оригинал. Стоит разорвать свиток — и Имя активируется, а ваш неблагодарный клиент остаётся с бессмысленным словом *UZZU*, которое без исходного открытого текста совершенно бесполезно.

Проблема в том, что все Имена подчиняются определённым нумерологическим правилам. Перестановки Шахтера — самые известные, но их больше дюжины. Поэтому, если идти от клипы в обратную сторону, обыч-

но можно сузить круг вариантов исходного Имени до очень небольшого числа, а затем проверить их вручную. Возникает гонка между правообладателями Имён, которые пытаются разработать всё более совершенные клипот, и всеми остальными, которые пытаются найти всё более совершенные способы их взлома. Так вот, в колледже я вступил в Команду Всех Остальных и придумал довольно изящный новый алгоритм взлома НЕХЕМОТ — одной из крупных клипот, используемых корпорацией Гогмагог, — хлопот при этом уходило примерно в сто раз меньше, чем у всех прежде. Мой научный руководитель сказал мне не публиковать, а я его проигнорировал. Оказалось, гигантские злодейские корпорации не любят, когда их многомиллиардная собственность обесценивается. Формально я не нарушил закона, но они надавили на Стэнфорд, чтобы меня отчислили, отчислить они меня отчислили, а через несколько месяцев на тамошней кафедре прикладной каббалы появилась новая профессорская должность, учреждённая на деньги Гогмагога, а я был без гроша и жил с матерью. Не то чтобы я держал обиду.

— Да, — сказал я без энтузиазма. — Спасибо.

— Ты! — сказала Валери. — Ты должен к нам присоединиться! Ты настоящий борец за свободу! Мученик! Как израильтяне на Масаде! Ты боролся с законом![56]

— И закон победил, — сказал я. — Ана тебе рассказала, где она меня нашла? В старой скупке золота на Брайарстрит.

Валери едва слушала: «Ты — герой в борьбе с тиранией. И каббалист. Нам нужны каббалисты. Сейчас хором руководит Ана, но она любительница. Ты — профессионал. Ты должен к нам присоединиться. Брайан через пару недель съезжает. Освободится комната».

Я закатил глаза на «героя», потом на «борьбу с тиранией», и в третий раз на то, что я профессионал чего бы то ни было, пока не стал выглядеть так, будто у меня какое-то странное глазодвигательное расстройство. Я остановился, когда услышал «освободится комната».

— Сколько стоит аренда? — спросил я.

— Ого, — сказала Валери, — вот и интерес проснулся.

Ана и Валери быстро обменялись несколькими неловкими взглядами, изредка поглядывая и на Брайана; тот не желал отвечать ни на один взгляд и продолжал читать газету. Наконец заговорила Валери.

— Пятьсот долларов в месяц, — сказала она.

Я посмотрел ей в глаза: «В чём подвох?» Это был район Залива. Крысиная нора обходилась в четырёхзначные суммы.

— Ну… — сказала Ана. Валери закончила за неё: — Семья Аны очень состоятельна и любезно, хотя и не подозревая о том, согласилась субсидировать остальных из нас.

— Не подозревая? — спросил я.

— Я аспирантка в Стэнфорде, — сказала Ана, — и говорю им, что мне нужны деньги на проживание и питание.

— Сколько? — спросил я.

— Ну… несколько тысяч.

— И они верят?

— Ну, это же район Залива.

Она была права. Мой мозг добавил: красивая, и остроумная, и богатая.

III.

Я помню день, когда впервые увидел Ану в её стихии.

Она училась в Стэнфорде. Я проверял Стэнфорд, когда её искал, но проверял не то место. Она изучала не каббалу как таковую. Она была аспиранткой по философии. Её областью была теодицея. Вопрос о том, как совершенно благой Бог может допускать существование вселенной, в которой столько зла. Кто в наше время вообще изучает теодицею? После двух тысяч лет мучительных размышлений — что осталось сказать?

Что-то, видимо, оставалось, потому что журналы продолжали публиковать работы Аны, и за несколько месяцев до нашей встречи ей присвоили звание заслуженного исследователя теодицеи имени Августина — судя

по всему, крупная национальная награда, сопровождавшаяся изрядной суммой денег. Это было её страстью, её великой любовью, её смыслом существования: «Неужели ты не понимаешь, Аарон? — говорила она, воодушевлённая почти до маниакальности. — Мы смотрим на всё это неправильно. Божественные Имена. Законы физики. Мы спрашиваем „что“, когда должны спрашивать „зачем“. Зачем Бог создал вселенную именно такой? Зачем Имена? Если мы по-настоящему поймём благость Бога, мы сможем предсказать всё. Что будет с фондовым рынком в следующем году? То, что будет лучше всего. Кто победит на следующих президентских выборах? Тот кандидат, который лучше. Если бы мы по-настоящему постигли божественную благость, мы постигли бы всё — прошлое, настоящее и будущее».

Я осторожно указал, что мир ужасен.

— В этом-то всё и дело! — сказала Ана. — Как совместить наше знание о том, что Бог хочет наилучшей из возможных вселенных, с той ужасной вселенной, которая нам досталась? Реши эту квадратуру круга — и буквально всё остальное встанет на место.

Каждое воскресенье вечером Валери устраивала званый ужин. Каждое воскресенье вечером одному из гостей поручалось сделать презентацию. Что-нибудь, что их интересовало, что-нибудь, чтобы развлечь нас, пока мы ждали, когда будет готова еда. Несколько недель назад сама Валери рассказывала о том, как она ведёт «Калифорнийский Хорист» и как она собирается наладить сети распространения по всему Калифорнийскому Халифату и, может быть, даже в Свободное Государство Сэлиш. На прошлой неделе я рассказывал о новой работе из МТИ, расширяющей Решето Рубенштейна, — один из важнейших методов сужения пространства имён. Теперь была очередь Аны, и, разумеется, она собиралась говорить о Книге Иова.

Все стулья были заняты, как обычно. Я узнал Билла Додда. Он был аспирантом по физике в Беркли, прежде чем оказаться одним из выброшенных за борт науки учёных, которыми, похоже, был полон район Залива, — из

тех, кого мгновенно можно опознать по привычке реагировать на то, что их совершенно не касается, словами «Как физик, я думаю…»

Я узнал Элиота «Эли» Фосса. Спокойный, тихий Элиот — Валери нашла его на собрании Певцов в Окленде. Ходили слухи, что он по-настоящему религиозен, а не метаиронично религиозен, но никто не мог сказать наверняка, и от одной этой мысли нам становилось как-то неловко.

Я узнал Элли Ху, которая неловко улыбалась и говорила с Элиотом на своём чётком, чрезмерно артикулированном английском. Её семья была важными шишками в Дачжоу до последней волны чисток. Они бежали в Калифорнию, и теперь им принадлежала половина южной части долины Санта-Клара. Элли была по эту сторону мира всего шесть-семь лет, но уже успела связаться с дурной компанией — а именно с нами.

Раздался звонок в дверь, и я открыл. Я узнал Зои Фарр. На ней была обтягивающая розовая футболка с большим юдом. Карен Хэппик из Норт-Бей продавала их по себестоимости пару месяцев назад[57]; по-моему, у меня в глубине ящика лежала белая, ненадёванная.

— Ты опоздала, — сказала ей Валери. В её голосе не было злости, только недоумение, что кто-то может рисковать пропустить её стряпню. Она вложила кровь, пот и слёзы в создание нашего маленького сообщества, но тайным ингредиентом оказался суп. Готовила она превосходно, и там, где не помогали ни её журнал, ни редкие пламенные речи, могло помочь приглашение на званый ужин. Это было странно — как такие мелочи вращают колёса судьбы. Я всегда задавался вопросом, не недостаёт ли истории какого-нибудь рассказа — например, о том, как Отцы-основатели объявили независимость только потому, что Марта Вашингтон изумительно готовила рагу к каждому Континентальному конгрессу.

Я снова сел. Разговор сменил тему. Билл спрашивал Элли, почему дом называется Итака; Элли хихикала и говорила, что связана клятвой секретности.

Стул рядом со мной был пуст. Снова раздался звонок. Я опять открыл дверь.

— Здравствуйте, — сказал Зиниэль, неловко пригибаясь и протискиваясь в дверь всем своим высоким крылатым телом. — Я пришёл. Я принёс вам подношение. — Он протянул букет совершенно мёртвых цветов.

Я бросил на Валери взгляд, который, как я надеялся, выражал: «Ты пригласила падшего ангела на званый ужин? Серьёзно?» Она бросила взгляд в ответ, который я интерпретировал как: «Ну, он часть Дела, и он, наверное, редко куда-то выходит, и ещё — заткнись».

— Когда ты купил эти цветы? — терпеливо спросила Валери.

— Месяц назад, — сказал Зиниэль. — В тот день, когда вы меня пригласили. Я хотел убедиться, что не забуду.

— Ты помнишь, — спросила Валери, — что цветы вянут, если слишком долго пролежат срезанными?

Зиниэль поник. Было очевидно, что он забыл. Валери бросила на меня взгляд «не бросай на меня взглядов», и я не стал. Падшие ангелы вечно забывали такие мелочи — склонность земной жизни к тлену и гибели. Или удивлялись, почему сегодняшние новости отличаются от новостей полугодовой давности. Или снова и снова поражались тому, что люди оказываются не слишком добрыми. Вот почему они обычно были полными развалинами.

Ана, как ни странно, пришла последней, хотя она здесь жила. Спускаясь по лестнице с сумкой книг в руке, она была неземно прекрасна. Она дошла до стола, села рядом со мной и начала раздавать книги — по одной каждому.

— Братья и сёстры Певцы, перед вами Книга Иова.

Книг Иова на всех не хватило, что было либо метафорой, либо плохим планированием со стороны Аны. Зиниэль знал текст наизусть, что немного упростило дело, а Валери была у плиты, готовя основное блюдо, но мне всё равно пришлось делить экземпляр с Элли.

— Книга Иова, — сказала Ана. У неё был голос певицы с маленькой буквы, хотя, насколько мне было известно, она никогда не брала уроков вокала. Когда она гово-

рила, люди слушали. — Совершенно уникальна среди библейских рукописей. Действие происходит не в Израиле, а в Уце — где-то в Аравии, вероятно. Она, скорее всего, предшествует становлению Израиля как оседлого государства. Написана на гораздо более древней форме иврита, чем любая другая библейская книга. Её цитируют у Исаии, что означает — она старше пророков. Её цитируют в Псалмах, что означает — она старше царя Давида. Лексика совершенно иная, столько иностранных слов, что учёные подозревают: она была написана на чём-то другом и позже переведена, — так что, возможно, она старше самого иврита. Эта вещь древняя. И есть ещё одно отличие между Книгой Иова и остальной Библией. Иов — это… самосознательная книга. Она берёт те вопросы, которые мы все хотим задать, читая остальную Библию, — если Бог благ и всемогущ, почему в мире столько зла? — и вместо того чтобы их игнорировать, бросается на них с открытым забралом. То есть, вы ведь читали Библию и хотели задать вопросы, и мечтали задать их напрямую Богу? Книга Иова — это книга, где кто-то действительно это делает.

Воодушевление Аны нельзя было назвать заразительным, но оно было искренним. Не всегда проникаешься тем, о чём Ана говорит, но трудно не проникнуться самой Аной.

— Но это также и величайшее разочарование в истории литературы. Есть обрамляющая история, в которой очень праведный человек Иов попадает в беду, и он спрашивает друзей, почему это с ним происходит, а друзья говорят, что плохое никогда не случается с хорошими людьми, значит, Иов в чём-то провинился. Иов настаивает, что не провинился, и он прав — более того, позже Бог повелит его друзьям принести в жертву животных, чтобы искупить то, что они так оклеветали Иова. Иов — просто очень, очень праведный человек, который безмерно страдает. И наконец, мы подходим к кульминации: Иов требует ответа, Бог является в буре, и мы думаем, что наконец-то услышим официальный, библейски одобренный ответ на проблему, лежащую в самом сердце

религии и человеческого бытия, а Бог просто говорит… Он говорит… ну, откройте свои книги.

Ана глубоко вдохнула и, несмотря на малый рост и миловидность, сделала всё, что могла, чтобы говорить раскатистым голосом Бога:

— И отвечал Господь Иову из бури и сказал: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препоясшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чём утверждены основания её, или кто положил краеугольный камень её, при общем ликовании утренних звёзд, когда все сыны Божии восклицали от радости?»

Она продолжила в том же духе. Мы слушали. Одну вещь Ана не упомянула о Книге Иова — что это ещё и великолепная поэзия. Мы привыкли думать о Библии как о куче скучных родословий, но поэзия Иова поражает воображение сильнее, чем можно было ожидать.

— «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в своё время и вести Ас с её детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле? Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя? Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?»

— Как физик, — сказал Билл Додд, — я чувствую себя обязанным заметить, что мы можем посылать молнии! Нужно лишь что-то, что производит достаточно высокое напряжение, например большой генератор Ван де Граафа.

Ана повернулась к Биллу, и в глазах её горел огонь. Её вхождение в образ Бога становилось пугающе точным.

— Можешь ли ты удою вытащить левиафана и верёвкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою? Возьмёшь ли его навсегда себе в рабы? БУДЕШЬ ЛИ ЗАБАВЛЯТЬСЯ ИМ, КАК ПТИЧКОЙ?[58]

— Ну и ну, — сказала Элли Ху, которая забежала вперёд в нашем общем экземпляре. — Бог так одержим этим самым Левиафаном. Сначала Он говорит про землю, и звёзды, и облака, а потом решает — нет, Я брошу всё и сосредоточусь на Левиафане на три главы.

— Бог канонически весьма одержим Левиафаном, — сказал я. — В Талмуде Рав Йехуда говорит, что в сутках двенадцать часов. Бог тратит три из них на изучение Торы, три на суд над миром, три на ответы на молитвы и три на игры с Левиафаном. Это четверть Божьего времени, а оно, надо полагать, довольно ценно.

Все посмотрели на меня. Я пожал плечами: «Талмуд — довольно безумная книга».

— Знаете, — сказал Билл Додд, — а что такое Левиафан вообще? Гигантский кит, что ли? Так Бог говорит, что нам нужно заставить китов подчиняться нам, и служить нам, и плясать перед нами? Потому что я был в Си-Уорлде. Мы это уже давным-давно умеем.

— Левиафан — это что-то вроде гигантского морского динозавра, — сказала Зои Фарр. — Вроде плезиозавра. Смотрите, в следующей главе. Тут сказано, что у него чешуя и могучая шея.

— И вы думаете, если бы он и правда существовал, мы бы и этого гада не загнали в свой «Парк юрского периода»? — спросил Билл Додд.

— Там ещё сказано, что он извергает огонь, — заметил Эли Фосс.

— Значит, — предложила Валери, — если мы найдём огнедышащего кита с чешуёй и шеей и привезём его в Си-Уорлд, мы выиграем Библию?

— Мне кажется, моя достопочтенная кузина хотела сказать, — весело подхватила Ана, выходя из образа Бога, — что Бог здесь утверждает: мы слишком слабы и невежественны, а потому недостойны знать всё это. Но тогда встаёт вопрос: насколько умными нам надо стать, чтобы заслужить ответ? Теперь, когда мы, как выразился Билл, можем посылать молнии по небу, теперь, когда мы можем ловить китов и заставлять их показывать нам

трюки, — значит ли это, что мы вправе попросить у Бога объяснений? Обсуждайте!

— Может быть, — сказала Элли Ху, — Бог не говорит, что мы не заслуживаем. Может быть, Бог говорит, что мы не сможем понять. Что мы, может быть, недостаточно умны.

— Но, — сказал Эли Фосс, — когда дети недостаточно умны, чтобы что-то понять, мы даём им упрощённое объяснение. Вот когда дети спрашивают про молнию, мы говорим, что облака трутся друг о друга и высекают искры. Это не совсем правильно. Но лучше, чем ничего.

Валери встала во весь рост, изображая властную мамашу: «Кто сей, омрачающий совет словами без знания? Ты можешь окончить институт? Ты можешь пойти на работу и приносить домой 40 000 долларов в год? Когда посудомоечная машина ломается, ты её чинишь?»

Все засмеялись, кроме Зиниэля, который пробормотал что-то вроде: «Родители и правда так разговаривают?»

— Мой врач так разговаривает, — сказала Зои Фарр. — Каждый раз, когда я подвергаю что-нибудь сомнению, он просто смотрит на меня и говорит таким тоном: «Кто из нас учился в медицинском?»

— Серьёзно! — сказала Ана. — Кто так делает? Ну, кроме врачей. Иов задаёт совершенно разумный вопрос — почему я, праведный человек, безмерно страдаю? Бог-то знает ответ — потому что Он хотел выиграть пари с Сатаной, — но вместо того чтобы сказать это Иову, Он тратит три целых главы на то, чтобы вдалбливать, что Он всемогущ, а Иов — нет. Зачем так делать?

— Часть про Сатану странная, — сказала Элли Ху. — Если действительно это причина, тогда причина страдания Иова отличается от причины страдания всех остальных. Верно? Плохие вещи случаются с большинством людей, но, может быть, это не из-за пари между Богом и Сатаной каждый раз?

— Девочка дело говорит, — сказал Билл Додд.

— Я помню, — продолжила Элли Ху, — когда мы уезжали из Дачжоу. Я всё спрашивала родителей: «Что происходит? Куда мы едем?», потому что я была малень-

кая. Они говорят: «Мы едем в отпуск», а я говорю: «Но почему мы едем в отпуск во время школы?» Тогда они очень на меня рассердились и сказали, чтобы я занималась только своим ульем.[59]

— Своим пчелиным воском, — поправил Билл Додд.

— Но они пытались меня защитить. Они знали, что если я услышу настоящий ответ, я начну плакать, расстроюсь, может быть, убегу. Может быть, настоящая причина, по которой Бог допускает зло, — это что-то ужасное. Может быть, Он пытается защитить нас от знания.

Все замолчали на секунду.

— В Талмуде, — сказал Эли Фосс, — рабби Акива говорит, что видимое зло всегда служит большему благу. Например, он рассказывает историю о том, как однажды направлялся в какой-то город, и никто не позволил ему остановиться на постоялом дворе, так что он попытался заночевать в лесу, но костёр погас, и он остался один в холоде и темноте. Но той ночью банда разбойников напала на город и убила или поработила всех. Если бы Акива остановился на постоялом дворе или если бы у него горел костёр, они бы нашли его и убили.

— Это глупо, — сказала Валери. — Бог мог бы просто сделать так, чтобы разбойников не было. Да, иногда некоторое страдание необходимо, чтобы предотвратить ещё большее страдание, но тогда спрашиваешь, почему должно быть это большее страдание, и если продолжать отодвигать, то в конце концов доберёшься до наибольшего страдания, и там уже некуда отступать.

— В другой части Талмуда, — сказал я, — рабби Акива даёт другое объяснение. Он говорит, что даже праведники, которым суждён Рай, имеют несколько грехов, и поскольку эти грехи не будут наказаны на Небесах, они должны быть наказаны здесь, на земле. Поэтому праведники страдают на земле. Но даже нечестивцы, которым суждён Ад, имеют несколько добродетелей. И поскольку эти добродетели не будут вознаграждены в Аду, они должны быть вознаграждены здесь, на земле. Поэтому нечестивцы процветают на земле. А потом люди спрашивают, почему праведники страдают, а нечестивцы

процветают, и это выглядит загадкой, хотя на самом деле всё совершенно логично.

— Как физик, — сказал Билл Додд, — я бы предположил, что это можно смоделировать как бимодальное распределение страдания. Но интуитивно распределение страдания скорее нормальное. И хотя люди жалуются, что нечестивцы процветают, а праведники страдают, корреляция далеко не идеальная. Не знаю даже, есть ли корреляция вообще. Похоже, страдание распределяется случайным образом, независимо от того, насколько ты хороший человек.

— Я выросла католичкой, — сказала Зои Фарр. — В церковной школе нас всегда учили, что зло — это просто отсутствие добра. То есть Бог не создавал зла; Он просто создал конечное и ограниченное количество добра, не всегда столько, сколько нам хотелось бы. Поэтому люди не так добры, как могли бы быть, и иногда погода порождает бури и торнадо, но это не потому, что существует некая активная сила под названием Зло, — просто погода предоставлена самой себе: Бог не вливает в неё бесконечное количество Добра, чтобы направлять каждый процесс.

— Нет! — решительно сказала Ана, отказываясь от роли арбитра и включаясь в дискуссию. — Это неправильно. Конечно, есть плохие люди, которые просто дают волю природному эгоизму, и никакое добро им не мешает. Банкиры, руководители теономических корпораций, агенты UNSONG, полицейские, политики. Они просто делают то, что велит система, следуют стимулам, не заботясь о последствиях. Но есть и другие люди. Садисты. Серийные убийцы. Люди, которые наслаждаются, причиняя другим боль. Эли Визель сказал, что противоположность любви — не ненависть, а безразличие. Позволю себе не согласиться. Кто-нибудь из вас читал о том, что японцы делали с китайцами в Нанкине? Нацисты, знаете ли, в основном просто хотели, чтобы определённые люди были мертвы, и занимались этим с ужасающей эффективностью. Японцы — они наслаждались. Они старались. Они отклонялись от эффективности,

от корысти, жертвовали собственной выгодой, чтобы быть максимально жестокими. И Ад. Тамиил и его демоны. Они не безразличны. Они злы. Это разные вещи.

— Ну, нам-то кажется, что разные, — сказала Зои Фарр, — но, может, на метафизическом уровне подобная порочность — это просто то, как выглядит абсолютное, полное отсутствие добра.

— Я помню, как смотрела видео, — сказала Ана, — саммита Президента с Дьяволом. Это было в большом зале. Сначала вошёл Президент, и все сыграли «Звёздно-полосатое знамя». Потом вошёл Тамиил, и оркестр заиграл… заиграл гимн Ада. Это было чудовищно. Я даже не знала, что инструменты способны издавать такие звуки. Они все были расстроены, дрались друг с другом и брали странные интервалы, которые обманывали слух, так что мне хотелось рвать на себе волосы.

— И? — спросила Зои. — Может, адская музыка — это просто абсолютное отсутствие добра в музыке.

— Нет, — сказала Ана. — Есть хорошая музыка. Есть полная тишина. И есть это. Это не тишина. Это противоположность музыки.

— Непеснь[60], — предложил я.

Все, кроме Аны, засмеялись.

— Да, — сказала она. — Непеснь.

— Чесночные ангельские волосы! — объявила Валери в этот момент и принесла большую кастрюлю пасты к столу. Все издали одобрительные звуки, кроме Зиниэля, который спросил что-то насчёт того, где можно встретить этих чесночных ангелов, и которого пришлось отвести в сторонку для краткого объяснения. Ангел взял немного пасты и без энтузиазма положил её в свою чашку супа.

— Я всё это к тому, — сказала Ана, пережёвывая, — что вот мы здесь. Мы — Певцы. У нас есть Движение. Мы считаем, что мы на стороне Добра. Мы знаем, что такое зло. Зло — это когда UNSONG и теономические корпорации пытаются контролировать Имена Бога и не допустить их до людей. Мы думаем, что знаем, что должны делать. Мы должны подхватить крестовый поход преподобно-

го Стивенса и распространить Имена среди как можно большего числа людей. На политическом уровне всё это имеет смысл. Но на богословском — даже преподобный Стивенс едва это затронул. Почему у Бога есть Имена, творящие чудеса, но Он не говорит нам, какие? Почему Он допускает, чтобы они были рассеяны по пространству имён, которое можно обыскивать лишь сочетанием криптологического мастерства и полного перебора? Почему Он позволяет скрывать их клипот, через которые их можно покупать и продавать, не давая покупателю постичь их истинную структуру? Зачем создавать достаточно магии, чтобы превратить мир в рай для всего живого, а потом поместить её туда, где её можно запереть в сейф для обогащения немногих? Зачем, говоря библейским языком, ставить Свой светильник под сосуд?[61]

— Мне-то всё ясно, — сказал Билл Додд. — Бог — не большой мужик в небе. Он просто сила, вроде физических сил, только на более высоком уровне. Он не планирует всё это, точно так же, как никто не планирует гравитацию. Всё просто происходит само собой.

— То есть ты отрицаешь Библию? — сказал Эли Фосс, чуть менее внушительно, чем намеревался, потому что рот у него был набит пастой. — Мы сидим за одним столом с ангелом и каббалистом, и ты отрицаешь Библию?

— Слушайте, мы все знаем, что Библию дал Уриил, а не Бог. Большая её часть просто фиксирует вмешательства Уриила в мир: он обычно действует из лучших побуждений, но уж точно не всеведущ. Почему бы и Книге Иова не быть такой же? Иов задаёт трудный вопрос и получает нагоняй. Совсем как Уриил в плохой день. Я даже могу представить, как он часами разглагольствует о Левиафане, описывая, как интересен каждый из его плавников, зубов и прочего, а Иов всё больше и больше недоумевает.

Несколько человек фыркнули.

— Но Уриил, — сказал Эли Фосс, — всегда говорил, что лишь пытается следовать Божьему замыслу, как он его понимает.

— Папа Римский говорит то же самое, — сказал Билл Додд. — Это не значит, что он лично встречался с Господом.

— Кто-то же должен был создать мир! — возразила Элли Ху. — И всех ангелов, и Имена, и каббалу!

— Я не говорю, что нет Творящей силы, — сказал Билл Додд. — Я просто говорю, что её не следует представлять как личность.

— Фома Аквинский, — сказала Зои Фарр, — учит нас, что Бог — не личность, совсем нет, даже близко, но иногда может быть сравнён с личностью, поскольку личность — самая разумная сущность, с которой мы можем Его сравнить. Это как когда-то говорили, что мозг — это телефонная станция. Он гораздо больше этого, но если всё, что у вас есть в качестве метафоры, — это телефонная станция, то это лучше, чем ничего.

— Но если Бог даже не способен сообразить, — сказал Билл Додд, — что если хочешь совершенного добра, нужно избегать зла, — ну, чем бы Он ни был, это должно быть что-то довольно тупое.

— Ох, ох, — сказал Зиниэль, и в его глазах читалась тревога. — Вам не следует так говорить. Это богохульство.

— Будь добрее, Билл, — сказала Ана, — здесь ангелы присутствуют.

— Мне кажется, мы забываем кое-что довольно важное, — сказала Валери. — Мне не хочется впадать в дуализм, но мы знаем, что Ад существует. Мы знаем, что Дьявол существует. Я не утверждаю, что Бог и Дьявол точно равны по силе, но, может быть, расклад не настолько односторонний, чтобы Бог мог раздавить Тамиила, не задумываясь? Может быть, происходит какой-то стратегический баланс?

Ана выглядела потрясённой. Зиниэль выглядел ужаснувшимся. Но первым заговорил Эли Фосс: «Валери, — сказал он. — Бог един. В этом вся суть. Нельзя просто ходить и говорить, что существуют два отдельных существа со сходным уровнем божественной силы. Это всё равно что сказать, что есть два бога. Это серьёзное, серьёзнейшее богохульство».

— Ну, — сказала Валери, — может быть, если Бог не хочет, чтобы люди говорили, что Дьявол такой же могущественный, как Он, — Ему стоит перестать делать мир полным зла наравне с добром. Может, если Он не хочет, чтобы мы говорили, что Он слишком слаб, чтобы спасти всех больных, страдающих и пребывающих в Аду, — Ему пора поднять Свой космический зад и спасти их.

Когда Ана заговорила снова, голос её звучал очень серьёзно:

— И продолжал Господь и сказал Иову: «Будет ли состязающийся со Вседержителем ещё учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?»

— Ха! — воскликнул я. Все посмотрели на меня.

— Тот стих из «Рубайята». Тот, который использовал Никсон в семидесятых. Он звучит так… э-э…

О ты, кто, плача о горящих, сам горит,
Тебя в свой срок их адский жар найдёт и опалит;
Не мни, что милосердью Бога обучить ты мог бы:
Кто ты, чтоб Бога поучать, а Он — принять урок?[62]

— …это из Иова. Точно. Хайям наверняка читал Иова.

— Ну, — сказала Зои, — снисходительности тут точно столько же.

— О чём мы говорим? — спросил Зиниэль.

— «Такая ли у тебя мышца, как у Бога? — процитировала Ана. — И можешь ли возгреметь голосом, как Он?»

— Ладно, — сказал Билл Додд. — Мы поняли идею.

— «Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие;»

— Кто-то говорит, что есть два бога? — спросил Зиниэль. — Потому что Бог един.

— «Излей ярость гнева твоего; посмотри на всё гордое и смири его!»

— Ладно, — сказала Элли Ху. — Достаточно. — Она выхватила Книгу Иова из рук Аны. Ана в ответ вцепилась в книгу. Началось перетягивание каната.

— Десерт готов! — сказала Валери.

— Бог един, и Имя Его едино, — настаивал Зиниэль. — Это очень важно.

— Это торт «Пища дьявола»![63] — сказала Валери, неся тарелку к столу.

— Нет! — крикнул Зиниэль Валери и её торту. Вмиг он вскочил на ноги, в руках у него возник огненный меч, и Зиниэль бросился к ней.

Элли вырвала книгу у Аны.

— В этом доме теодицею так не делают! — крикнул я Элли и Ане.

— ПОМОГИТЕ! — закричала Ана. — ИММИГРАНТЫ КРАДУТ МОЮ РАБОТУ![64]

— СТОЙТЕ! — сказал Билл Додд. — Я только что понял! Дом называется Итака, потому что именно здесь происходит теодицея. Эвфемизм, эвфемизм, эвфемизм, эвфемизм, эвфемизм[65].

— Это просто десерт! — завопила Валери на приближающегося Зиниэля.

— Нет! — крикнула Ана. — В том-то вся суть Иова! Нет заслуженного воздаяния![66]

Я полез в карман, вытащил катушку со свитками[67] и активировал Имя Громового Раската. Оглушительный раскат наполнил комнату. Все замолкли.

— Спасибо, Аарон, — сказала Валери, сдаваясь.

— Всем сесть! — сказал я. — Зиниэль, меч убрать! Никакой теодицеи! Время для десерта!

IV.

Я помню день, когда позвал Ану на свидание.

Шла третья неделя моей жизни в Итаке. Я только что закончил перетаскивать кровать в свою комнату с помощью одного из соседей по дому — высокого азиата, который не любил разговаривать. Я весь вспотел и хотел пить, зашёл в общую комнату выпить гейторейда и обнаружил, что Ана уже сидела там с книгой. Мы разговорились, и разговор как-то сам собой свернул на тему Шем ха-Мефораш — Явного Имени Бога, Истинного Име-

ни, Святейшего из Имён, дающего его обладателю власть над всем Творением.

— Явное Имя — это «Гарольд», — сообщил я ей[68].

— Нет, — ответила она. — Явное Имя — это «Хуан»[69].

— Но, — сказал я, — в молитве «Отче наш» мы говорим: «Отче наш, иже еси на небесех, Гарольд имя Твоё».

— Но, — возразила Ана, — в Шма мы говорим: «Слушай, Израиль: Господь — Хуан».

— Но, — сказал я, — все ангелы суть ангелы Господни, и в песне поётся: «Чу, Гарольдовы ангелы поют».[70]

— Но, — возразила Ана, — молитва Алейну заканчивается словами: «Бог — Хуан, и Имя Его — Хуан»[71].

— Но, — сказал я, — христиане утверждают, что Иисус — это Бог. И записывают его имя как «Иисус Г. Христос». Что может означать «Г.»? Гарольд![72]

— Но, — возразила Ана, — подумай вот о чём. Кто называет своих детей Хесус? Мексиканцы, вот кто! А какие имена у мексиканцев? Такие, как Хуан! Ку точка Э точка Дэ точка![73]

Она и правда сказала «ку точка э точка дэ точка». На меня обрушилась волна нежности — сильнее всех, что я когда-либо знал. И прежде чем лобные доли успели наложить вето, я выпалил: «Ана, ты пойдёшь со мной на свидание?»

Лицо Аны помрачнело.

— Аарон, — сказала она. — Я асексуальна.

— И? — сказал я. — Я позвал тебя на свидание, а не в постель.

— Всё равно.

— На свидании мы бы разговаривали и наслаждались обществом друг друга. Мы этим и сейчас занимаемся. В чём проблема?

— Если не быть на свидании — это ровно то же самое, что быть на свидании, зачем тебе свидание? Давай останемся здесь, в гостиной.

— Эй! Это нечестно!

— Влечение между людьми никогда не бывает честным.

— Ну так должно быть!

Ана закатила глаза.

— Ты понимаешь, что говоришь с заслуженным исследователем теодицеи имени Августина? С девушкой, которая пикетировала Всемирную выставку в 2012 году с плакатом «НЕТ, МИР НЕ СПРАВЕДЛИВ»?[74] Ты проповедуешь эвфемистичному хору.

Я на мгновение утратил присутствие духа, но затем обрёл его снова.

— Послушай, — сказал я, — ты мне очень нравишься. Я хочу, чтобы я нравился тебе. Свидания — это всем известный знак того самого.

— А если я просто прямо скажу, что ты мне нравишься?

— Я хочу, чтобы это было официально!

— Я могу выдать тебе справку. У меня есть дядя, он нотариус. Попросим его заверить.

Я сдержал слезу.

— Ана, я серьёзно.

Выражение её лица изменилось.

— Я тоже серьёзно, — сказала она. — Ты мне нравишься. Ты смешной и интересный, и ты знаешь мистические тайны Хуана. Но всё, что связано с романтикой — цветы, томные взгляды, ужины при свечах, — мне не нужно. Я с удовольствием буду с тобой разговаривать, жить под одной крышей, даже сходить с тобой поесть, если ты голоден. Но я не хочу на свидание.

— Если ты и так готова пойти на ужин, почему не назвать это свиданием? Это всего лишь слово.

Она с силой захлопнула книгу.

— Ты правда сказал «всего лишь слово»? И ты называешь себя каббалистом! Слова обладают силой! Слова — единственный инструмент, связывающий высшие уровни нашего разума с тайнами реальности! Стоит описать что-то словом — и начинается! Оно обретает собственную жизнь! Ангелы приведены в боевую готовность, они творят свои тайные маленькие дела вокруг него, запускают вибрации, эхом разносящиеся по всей структуре мироздания! Слова — это одеяние божественности, сокровеннейшие ризы Хуана!

Я просто сидел и терпел. Не говорил ни слова, потому что был на грани слёз, и если бы заговорил, она бы заметила, и тогда бы я выглядел глупо, и она бы потеряла ко мне уважение, или что-то такое — ладно, когда записываешь, звучит по-идиотски, но войдите в положение. Я сидел молча, не тревожил сокровеннейших риз Хуана своей речью.

Ана поняла, что что-то не так.

— Ну, — сказала она, — если тебе поможет, я совершенно не против, чтобы ты писал мне пылкие любовные стихи.

— Немного помогает, — сказал я.

— И… хм… вот что. Валери на кухне готовит карри. Если ты сможешь съесть целый перец хабанеро и целую минуту не пить воду, я тебя поцелую.

— Правда? — спросил я и вскочил на ноги, потому что был идиотом.

V.

А ещё я помню день, когда мы с Аной поженились.

Дело было к концу моего первого месяца в Итаке. Меня только что уволили из «Скупки золота», и я работал над заявкой в «Каунтенанс». Валери готовила карри, и, поскольку она была ужасным человеком и любила меня мучить, она спросила, не хочу ли я ещё один целый хабанеро. Я вздрогнул и схватился за горло от одной мысли об этом, а затем очень вежливо отказался — в выражениях, которые, возможно, содержали отсылки к Данте и многочисленным ужасам осуждённых на муки Ада. Она засмеялась.

— Честно говоря, — сказала она, — никто больше ни разу не решился съесть один из этих перцев. О чём ты ДУМАЛ?

— Хотел впечатлить Ану, — сказал я.

Я посмотрел на Ану, сидевшую за столом, сканируя её на предмет обиды. Обида не обнаружена.

— Она мне нравится, и становилось неловко, так что Ана обманом заставила меня съесть перец чили — лишь бы самой выйти из положения.

Затем, чувствуя вину за умолчание, я рассказал Валери всю историю.

Валери пришла в восторг.

— Ты влюблён в мою кузину! — объявила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Я ей не интересен, — уныло сказал я.

Валери переварила услышанное, обмозговала пару секунд. И тут:

— Стоп! Придумала! Вам надо пожениться.

Я закатил глаза.

— Она даже не…

— Стоп, — сказала Ана. — Да! Валери, ты гений!

Наступила неразбериха.

— Ты не хочешь идти со мной на свидание, но выйдешь за меня замуж? Как это вообще…

Ана исчезла — стрелой взлетела по лестнице. Через несколько секунд вернулась с тетрадью.

— Так, — сказала она. — Значит, какое-то время назад я задумалась — Аарон, тебе понравится — знаешь ведь, что в Библии есть поздние вставки, вроде окончания Мк. 16 или фрагмента Ин. 7:53–8:11?[75] И каббалисты их в основном игнорируют, во-первых, из совершенно неоправданного предубеждения против Нового Завета, а во-вторых, потому что, если их добавили позднейшие читатели, они не могут метафорически представлять тайную структуру вселенной. Но я подумала: а что, если поздние вставки в Библию метафорически представляют поздние добавления в тайную структуру вселенной? Я прогнала пару из них через Решето Рубенштейна и нормализовала результаты, разделила всё на алеф-тет-нун как наиболее подходящий бостонский триплет[76], и точно — получились пять подфакторов, один из которых даёт правильный ранг Шахтера для потенциального Имени. После примерно недели попыток мне удалось высвободить его из относительно слабой клипы…

— Ты обнаружила Имя? — спросил я. Не больше дюжины ныне живущих каббалистов обнаруживали Имена по старинке, правильным способом — одной лишь силой гениальности.

— Это была чистая удача! — настаивала она. — И никому другому не хватило безумия искать в поздних вставках.

— Ну? — спросил я, едва сдерживая восторг. — Что оно делает?

— Неясно, — сказала Ана.

— Оно женит людей, — сказала Валери.

— Вроде того, — сказала Ана.

— Священный каббалистический брак разумов, — сказала Валери.

— Сокращённо СКАБМОМ[77], — сказала Ана. — Но я пока не добилась, чтобы оно работало как надо.

Она описала момент открытия. Первый вкус нового Имени, полного возможностей. Ощущение самого Имени, входящего в её мозг, отпирающего тайную мудрость. Ритуал. Определённые слова.

Она схватила Валери на кухне, невзирая на протесты, и утащила к себе в спальню, где расставила четыре свечи приблизительным квадратом. По периметру квадрата она насыпала цветной песок в форме еврейских букв: десять цветов, двадцать две буквы на сторону.

— Господи Боже, мы только что почистили эти ковры! — возмутилась Валери. — Ради твоего же блага надеюсь, что ты сможешь всё это убрать пылесосом.

— Тшш, — сказала Ана. — Повторяй за мной, только подставь своё имя. Я, Ана Тёрмонд…

— …Я, Валери Лоури…

— В полном осознании последствий призываю символы и ангелов мироздания…

— Стоп, а какие последствия?

— Тшш! Это просто проверка! Теперь из-за тебя надо начинать сначала! Я, Ана Тёрмонд…

— Я, Валери Лоури…

— В полном осознании последствий призываю символы и ангелов мироздания…

— В… бр… полном осознании последствий призываю символы и ангелов мироздания…

— Высшие и низшие сферы

— Высшие и низшие сферы

— И Владыку их всех

— И Владыку их всех

— Соединить нас у корня, как горы с Землёй

— Соединить нас у корня, как горы с Землёй

— И реки с океаном

— И реки с океаном

— И звёзды с твердью

— И звёзды с твердью

— И так мы взываем к Святому Имени: ИЙАР-НА-АВАНТЕ-ШОК-ТЕХАН-МИ-ЛЕВАН-ЗА-НАОНЕ-КХЕТ-УЛАТ

— И так мы взываем к Святому Имени: ИЙАР-НА-АВАНТЕ… э… ШОК-ТЕХАН… МИ? Э… ЛЕВАН? ША… нет, стой… ЗА… НАОНЕ-КХЕТ-УЛАТ

(тут свечи начинают меркнуть)

— Ибо Бог Един

— Ибо Бог Един

— И Имя Его Едино

— И Имя Его Едино

— И мы Едины

— И мы Едины

— И свершилось

— И свершилось

И тогда все буквы из цветного песка засветились красным, потом зелёным, потом белым. И расставленные кругом свечи издали высокий пронзительный звук и вспыхнули столбом света. И Валери кричит, а Ана, кажется, глядит куда-то вдаль. На миг у Аны начинается припадок, но она приходит в себя как раз вовремя, чтобы услышать Валери: «АНА, СМОТРИ, БУКВЫ ПРОЖГЛИ КОВЁР, ТЕБЕ КОНЕЦ».

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ана.

— В ЯРОСТИ, — ответила Валери.

— А помимо этого? — спросила Ана.

— НИЧТО ДРУГОЕ НЕ МОЖЕТ ПРОБИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ЖАРКОЕ ПЛАМЯ МОЕЙ ЯРОСТИ, — заявила Валери.

— Хм. Я тоже никакой разницы не чувствую.

— Но, — рассказала мне Ана, — в последующие пару недель мы стали получать друг от друга… отголоски. Например, я бывала на одном конце дома, и мне казалось, что-то не так, и я шла искать Валери, и оказывалось, что она только что случайно обожглась. Или мне было очень грустно, и Валери говорила «ты выглядишь грустной», хотя я ничем этого не показывала.

— Отлично, — сказал я. — Вы как те люди по телевизору, которые утверждают, что обладают экстрасенсорными способностями. Может, однажды зазвонит телефон, и ты заранее угадаешь, кто звонит. Жутковато.

— Мне кажется, мы сделали что-то не так, — сказала Ана. — Мы были не теми людьми. Я чувствовала изъяны в ритуале. И я думала — это же библейское, так что, может, брак должен быть между мужчиной и женщиной.

— Или хотя бы между двумя людьми, которые не кузины, — предположила Валери.

— Нет! — сказала Ана. — Библия целиком за то, чтобы жениться на кузинах! Исав женился на своей кузине! Иаков женился на обеих своих кузинах!

— Но, — сказал я, — твоё Имя было получено из какой-то поздней вставки, и к тому же из Нового Завета. Может, оно — продукт более развитой эпохи.

— Хммм, — сказала Ана. И затем: — Пойду за цветным песком!

— ТОЛЬКО В ЭТОТ РАЗ ДЕЛАЙТЕ ЭТО НА УЛИЦЕ, — потребовала Валери.

И вот всего лишь около получаса спустя, после множества сбоев и заминок из-за того, что песок сдувало ветром, мы стояли вдвоём среди свечей и произнесли святое Имя ИЙАР-НА-АВАНТЕ-ШОК-ТЕХАН-МИ-ЛЕВАН-ЗА-НАОНЕ-КХЕТ-УЛАТ.

И Ана сказала: «Ибо Бог Един».

И я ответил: «Ибо Бог Един».

— И Имя Его Едино.

— И Имя Его Едино.

— И мы Едины.

— И мы Едины.

— И свершилось.

— И свершилось.

Мы несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Что мы искали — не знаю. Оглядываясь назад, думаю, я втайне надеялся, что это наполнит её любовью ко мне. На что надеялась она, если на что-то вообще, — не знаю. Но мы смотрели друг на друга какое-то время, и наконец Ана сказала:

— Подожди. Пошли мне какую-нибудь мысль.

И я подумал: [Руфь и гренландский кит.][78]

— Святой эвфемизм, первое в истории телепатически переданное сообщение, и это один из твоих дурацких библейских китовых каламбуров, даже не самый удачный, всё, я умываю руки.

И я подумал: [Шаму Исраэль, ха-Шем элокейну…][79]

— А-а-а-а-а, прекрати, зачем я дала тебе возможность телепатически со мной общаться? Зачем? ЗАЧЕМ? Как там Валери всегда говорит? Ах да. Это была величайшая ошибка моей жизни, и я надеюсь, что умру.

Интерлюдия ד: Канторы и певцы

Тех, кто произносит Имена Бога вслух, называют канторами и певцами. Как и всё на свете, эти слова имеют явный и каббалистический смысл.

Явный смысл слова «кантор» — «тот, кто распевает»[80].

Каббалистический смысл — «тот, кто работает с бесконечностью».

Это прочтение мы выводим из фигуры Георга Кантора — немецкого математика, исследовавшего мощности бесконечных множеств. Он обнаружил, что хотя натуральные числа — 1, 2, 3 и так далее — бесконечны, их всё же меньше, чем «действительных» чисел вроде корня из 2, числа пи и 0.239567990052… Более того, не только существовали два различных уровня бесконечности, но, по-видимому, существовало бесконечное число различных бесконечностей (и, может быть, ещё одна сверх того — чтобы описать количество самих бесконечностей?).

Впечатление, которое это на него произвело, было очень похоже на историю того самого человека из лимерика:

Жил-был математик из Тринити
Извлёк корень квадратный из инфинити.
Но цифры тянулись,
И нервы сдавались —
В богословы ушёл — в дивинити[81].

Кантор начал говорить о том, что его открытия — непосредственные, личные откровения Бога, Который желает, чтобы он проповедовал евангелие бесконечности, дабы бесконечное Божество могло быть лучше понято. Он

постулировал Абсолютную Бесконечность, лежащую за пределами всех открытых им форм бесконечного, с которой можно отождествить Бога. Наконец он объявил:

> *«Я никогда не исходил из какого-либо Genus supremum актуально бесконечного. Совсем напротив, я строго доказал, что никакого Genus supremum актуально бесконечного абсолютно не существует. То, что превосходит всё конечное и трансфинитное, не есть Genus; это единственное, совершенно индивидуальное единство, в котором всё содержится, которое включает в себя Абсолютное, непостижимое для человеческого разума. Это есть Actus Purissimus, который многими именуется Богом».*[82]

Когда он наконец обнародовал свои открытия, он избрал любопытное обозначение:

> *«Мне уже много лет представлялось необходимым закрепить за трансфинитными мощностями, или кардинальными числами, какой-либо символ, и после долгих колебаний я остановился на первой букве еврейского алфавита, алефе. Обычные алфавиты представлялись мне слишком употребительными, чтобы годиться для этой цели; с другой стороны, я не хотел изобретать новый знак».*

Прагматичное изложение, совершенно лишённое ссылок на двухтысячелетнюю традицию использования алефа для обозначения Бога. Ничто никогда не было совпадением. Согласно генеалогиям, его дед и бабка были сефардскими евреями, и если они не были каббалистами, я съем свою шляпу.

Явный смысл слова «певец» — «тот, кто поёт».

Каббалистический смысл — «тот, кто стремится быть хорошим»[83].

Это прочтение мы выводим из фигуры Питера Сингера — австралийского философа, исследовавшего глубины моральных обязательств. Он представил себе человека в очень хорошем пальто, идущего мимо пруда. В пруду

он видит тонущего ребёнка, который кричит о помощи. Человек прекрасно плавает и легко мог бы спасти ребёнка, но его хорошее пальто было бы испорчено, а замена обошлась бы в 100 долларов. Он решает, что не хочет портить пальто, и проходит мимо, оставляя ребёнка тонуть. Морально ли это?

Разумеется нет, говорил Сингер, и это важно. Отсюда следует общий моральный принцип: если вам выпадает возможность спасти жизнь ребёнка за 100 долларов, вы обязаны это сделать. Но у нас есть множество возможностей спасти жизнь ребёнка за 100 долларов. Дети голодают в Индии — 100 долларов купили бы им еду. Дети умирают от малярии в Африке — 100 долларов купили бы им лекарства. Дети прячутся в зонах боевых действий — 100 долларов могли бы купить им билет в безопасное место. Если вы покупаете хорошее пальто за 100 долларов вместо того чтобы отдать эти деньги на благотворительность, вы принимаете то же решение, что и человек из притчи. Более того: если вы тратите деньги на что угодно, кроме благотворительности, вы принимаете то же решение — предпочитаете роскошь шансу предотвратить гибель невинных.

Это послание не пользовалось популярностью. Оппоненты осуждали его специфическую разновидность академической философии, утверждая, что проверенных временем моральных истин религии должно быть достаточно для всякого. Им, пожалуй, следовало бы внимательнее читать свои Библии. Мф. 19:21: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною».

Сингер назвал движение, выросшее вокруг него, «эффективным альтруизмом», и его боевой клич гласил: каждую унцию своей энергии человек должен тратить на то, что максимально облегчает людские страдания, — скорее всего, на то, чтобы кормить бедных или лечить тропические болезни. И снова — то, что его противники отвергали как невозможное, неосуществимое, очередной пример либерального фанатизма. Да неужели?

Каждую унцию энергии? И снова: им достаточно было просто читать свои Библии. Втор. 6:5: «и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всеми силами твоими».

А потом Сингер сменил тон. В 1970-х, после того как небо раскололось и мир изменился, он объявил, что благотворительность бесполезна, что кормить бедных бесполезно, что лечить тропические болезни бесполезно. Есть лишь одно дело, которому подлинно рациональный, подлинно добрый человек может посвятить свою жизнь.

Ад должен быть уничтожен.

Мысль о миллиардах людей, терпящих невыносимую боль целую вечность, настолько перевешивала наши маленькие земные проблемы, что те попросту не шли в счёт. Он начал тайно встречаться со своими учениками, обучая их скрытым Именам, которые, по его словам, были вверены ему ангелами. Тамиил назначил за его голову цену — весьма высокую, между прочим. Не обращая внимания на собственную безопасность, Сингер путешествовал по тому, что оставалось от цивилизованного мира, обращая людей всюду, куда бы ни приходил, призывая их быть совершенными, как совершенен Бог, и каждая речь заканчивалась одинаково. Ад должен быть уничтожен.

Он был убит взрывом заминированного автомобиля по дороге на выступление в Солт-Лейк-Сити. Виновного так и не нашли — если это вообще был человек. Его тело видели, его показали по всем телеканалам, но иные говорят, что он так и не умер, или что воскрес на третий день, или что является им во снах, или рассказывают о нём всевозможные странности. Когда Король Комет осадил Ад, одни утверждают, что он взял с собой кости Сингера как реликвию, другие — что Сингер был в его свите, переодетый. Но общепринятая версия гласила, что он действительно умер, — и это вполне устраивало людей с общепринятыми взглядами и их общепринятой моралью.

(«Но душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце

твоём: Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом».)[84]

(«Мы не миримся с грехом. Мы просто хотим иногда не быть святыми по максимуму».)

(«А что, по-вашему, и значит мириться с грехом?»)

Таков, стало быть, каббалистический смысл того, чтобы быть кантором и певцом, нарекателем Имён.

Кантор — тот, кто работает с бесконечностью.

А певец — тот, кто стремится быть хорошим.

Глава 6

Мы возведём Иерусалим

> *Боже, даруй мне душевный покой, чтобы смириться с тем, что мне никогда не обрести душевного покоя, чтобы смириться с тем, что я не в силах изменить.*[85]
> *— Стивен Каас*

Раннее утро, 11 мая 2017 года
Сан-Хосе

Компьютер гудел и стрекотал: динамик произносил Имена быстрее, чем ухо успевало их различать. Я смотрел в экран. Я уже знал, что этой ночью не засну.

В прошлом году я опубликовал свою статью «Эксплуатируемые нерегулярности в соответствиях НЕХЕМОТ—Шахтера» на одном из крупных онлайн-форумов Певцов. Я нервничал. С людьми, которые выкладывали Имена в сеть, случалось всякое. По закону, вебмастера были обязаны следить за своими сайтами; тот, кто не удалял Имя, был так же виноват, как и тот, кто его опубликовал. Но ходили слухи о вещах похуже: что вебмастеров навещали люди в чёрных мундирах UNSONG и вежливо «просили» выдать IP-адреса. Людей, стоявших за этими адресами, сажали в тюрьму — или они просто исчезали и больше не появлялись. В Дачжоу был сайт, на котором просто вывесили список примерно из сотни Имён — прямо так, для любого желающего прочитать, — но ни один поисковик его не показывал, а всех, кто давал на него ссылку, убирали во всех смыслах этого слова. Несколько месяцев назад я проверил: сайта больше не было.

Но публиковать методы взлома клипот было не противозаконно. Это была просто математика. Математику не запретишь. Это всё равно что запрещать треугольники.

Так что я нервничал, но не слишком. Помню, как сидел за ноутбуком — это было сразу после того как я обзавёлся Сарой, — и каждые несколько секунд нажимал кнопку обновления. Смотрел, как счётчик просмотров медленно ползёт вверх: от нуля до одного, от одного до двух. Потом первый комментарий — какое-то тупое математическое возражение, уже не помню какое. Потом другой: «Ого, кажется, ты и правда это сделал». Потом счётчик пошёл к пятидесяти, шестидесяти, ста — люди начали делиться ссылками.

Это засело в памяти именно из-за того навязчивого обновления страницы. Каждый щелчок по маленькой кнопке мог принести новую крупицу похвалы, привлечь внимание ещё нескольких человек и стать ещё одной ступенькой на пути к звёздной славе.

Но сейчас всё было ещё хуже. Каждую секунду Ллулл мог дать мне тот тихий гонг, который означал: Имя найдено.

— Иди спать, — пробормотала Ана. Мы были всё ещё в её комнате. Она лежала в кровати. Свет был выключен. Я сидел на полу, раз в минуту проверял Ллулл, а в промежутках листал соцсети. Только что выяснилось, что у Зиниэля есть аккаунт в Твиттере. Это была такая катастрофа, что я никак не мог от неё оторваться.

— Это историческое событие! — ответил я. — Когда нас спросят, с чего начался наш подъём к абсолютному господству, ты хочешь сказать им, что мы легли спать и утром проверили, сработало ли?

— Если у нас будет абсолютное господство, мы просто убьём всех, кто это спросит, — сказала Ана. — Иди спать.

— Я собираюсь быть милосердным правителем, — сказал я. Но шутить об этом мне было неловко. Странная мысль мелькнула в голове. А что если Ана собирается убить меня во сне? Что, если именно поэтому она…

— Нет, — сказала Ана. — Ну же, Аарон, нужно быть особенным человеком, чтобы параноить, когда мы читаем мысли друг друга. Иди ты уже спать, эвфемизм.

Я пытался придумать какой-нибудь способ продолжить разговор и избежать того, чтобы лечь спать, как

разумный человек, когда Сара издала мелодичный гонг. Ана буквально выпрыгнула из кровати и в мгновение ока оказалась рядом со мной у компьютера. Я свернул Ллулл и попытался открыть его выходной файл — получил сообщение об ошибке: файл занят. Застонал, поставил Ллулл на паузу, попробовал снова, сохранил в другой файл, перезапустил Ллулл.

Четырнадцать еврейских букв. Я внимательно просмотрел их, чтобы убедиться: не известное ли это Имя. В UNSONG есть люди, которые татуируют Имя Стража над ушами, а на лбу — другие Имена, подневольные Имена теономических корпораций. Они слышат почти любое произнесённое Имя в радиусе пары миль от себя, и если голос им незнаком или они услышат Имя, которым людям пользоваться не положено, — придут разобраться. Но татуировать Имя на себе можно лишь в том случае, если ты о нём знаешь. Если наше Имя было по-настоящему новым — мы были в безопасности. Я его не узнал.

Я удержал слоги в уме, попробовал их на вкус. Проверил соответствия.

— Подожди, — сказал я. — Я знаю, что оно делает.

Я произнёс: «КУХУ-ШЕН-ТАР-ТАВАЛ-АНАСАСИ-ВА».

В паре футов перед моим лицом вспыхнул яркий свет. Из света вырвался луч, направленный вверх и чуть на запад.

— Ого, — сказала Ана. Потом: — Что это такое?

Создание Имён было трудным делом отчасти потому, что большинство Имён были совершенно бесполезны. Имена, меняющие цвет цветков. Имена, делающие сахар горьким. Иногда приходилось перебрать пять-шесть штук, прежде чем находилось что-то дельное. Отбракованные Имена обычно всё равно закрепляли авторским правом — просто чтобы никто другой до них не добрался, если они вдруг окажутся полезными, — а потом они безвестно пылились в архивах UNSONG.

— Оно показывает, где находится луна, — сказал я.

— То есть — на небе?

— Ну, могло бы пригодиться, если ты моряк, занимаешься всякими навигационными штуками, а ночь очень

облачная. Или если ты застрял в подводной пещере и не знаешь, где верх.

— Да, но…

И мы замолчали. Не знаю, телепатия тут сыграла роль или что-то ещё, но в тот миг мы оба поняли: оно сработало. Что компьютер, способный дать нам Имя для поиска луны, очень скоро начнёт выдавать нам Имена, чтобы кипятить океаны или раскалывать горы. Мы просто смотрели друг на друга, потрясённые.

Потом компьютер снова дал мелодичный гонг.

Я подсчитал, что Имена должны находиться в среднем раз в несколько часов, но по законам средних величин иногда это происходит быстрее. Мы с Аной едва не столкнулись, бросившись к мышке. Снова пауза, снова перезапуск.

Имя было ХАНАФОР-КОТА-САЛУСИ-НАИ-АВОРА-СТЕКОРУСА. Я произнёс его один раз, потом снял очки. Зрение у меня стало идеальным — 20/20[86].

Мы снова остановились и уставились друг на друга. Если бы мы захотели соскочить, можно было заявить, что наткнулись на это Имя в ходе глубокого каббалистического исследования, а потом продать его любой теономической корпорации. Сколько бы люди заплатили за Имя, делающее очки ненужными? Миллионы? Миллиарды? Мы оба могли просто уйти на покой, купить дом в Малибу и два билета на «Небесную Деву»[87] — и больше никогда не работать.

— Ха, — сказала наконец Ана. — Ты бы на это пошёл не больше, чем Валери.

— Я не Валери. У меня, по-моему, нет ни одной революционной косточки в теле.

— О нет. Ты не из тех, кто раздаёт листовки, и не из тех, кто ходит на марши. Ты слишком интеллектуален для этого. Но это не значит, что ты не революционер. Просто твои революции — это революции в мышлении. Вот что делает тебя таким опасным. Маркс тоже не раздавал листовки. Ты любишь решать всё в голове, потом объявлять, что решение существует, и считать, что сделал своё дело. Это совершенно безвредно — пока тебя

не принимают всерьёз. Или пока у тебя не появляется достаточно власти, чтобы воплощать мечты, не платя за это лично.

— Ты даже не знаешь, о чём я мечтаю.

— Ты сам не знаешь, о чём мечтаешь.

В каком-то смысле это было правдой. С детства я хотел быть каббалистом. Потом поступил в Стэнфорд, потом меня оттуда выгнали — и с тех пор я в основном просто хандрил. К Певцам я примкнул не потому, что у меня были какие-то сильные политические взгляды, а потому что они считали мир несправедливым, я считал свою жизнь несправедливой — и у нас возникла своего рода синергия. По правде говоря, если бы какая-нибудь теономическая корпорация завтра предложила мне должность главного каббалиста, дала хороший офис и библиотеку, полную книг, — велика вероятность, что уже на следующий день я бы появился в новостях, защищая их и называя Певцов грязными хиппи. Ана, кажется, это понимала. Но признавать такое вслух я не мог.

— Моя мечта — стать новым Королём Комет, — сказал я.

Не знаю, откуда вырвалась эта фраза. Но, произнесённая вслух, она встала на место.

— Ты не можешь стать новым Королём Комет, — сказала Ана таким тоном, каким воспитательница в детском саду поправляет мальчика, заявившего, что хочет стать тираннозавром.

— Почему нет? — спросил я. — Он был каббалистом. Я — каббалист. Он знал всевозможные тайные Имена. Я буду знать всевозможные тайные Имена. Он начинал с нуля. Я начинаю с нуля.

— Он был рождён из небес, а ты — от обычных смертных родителей.

— Обычных смертных родителей? Ха! Моя семья способна *уничтожать миры*.

Это было правдой. Мой двоюродный дед Эдвард Теллер изобрёл водородную бомбу. Мой отец Адриан Теллер пошёл по его стопам и провёл девяностые, занимаясь какими-то неназванными ядерными исследованиями

в Ливерморской лаборатории к востоку от Фримонта. Моя мать работала официанткой в тамошней столовой. Они познакомились, закрутился короткий роман, она забеременела, сообщила ему. Он внезапно обнаружил, что у него имеются крайне важные дела государственной безопасности на другом конце страны — ужасно жаль, желаю успехов со всем этим воспитанием ребёнка. Мать осталась одна. С того самого дня, как я родился, она шептала мне на ухо, что я — дитя знаменитого физика и что я буду лучше всех остальных. Я изобрету следующее великое оружие судного дня, стану богатым и знаменитым — и тогда она тоже станет богатой и знаменитой, и все страдания, через которые ей приходилось проходить как матери-одиночке, перебивающейся на зарплату официантки, будут того стоить.

В детском саду я набрал запредельные баллы на каком-то тесте определения уровня и перепрыгнул через два класса. Мама была так счастлива. Я тоже радовался — я был её гордостью. Лишь позже я понял, что когда другие матери гордились, в их глазах не светился тот же блеск жадности, та же беспокойная энергия человека, сдерживающего желание потереть ладони и сказать: «Всё идёт по плану».

Сначала она залезала в скудные сбережения, чтобы покупать мне книги по физике — толстые тома из библиотеки по оптике и механике. Потом, когда теономика пошла в гору, она сообразила, что физика уходит в прошлое — и буквально, и фигурально, — и начала покупать мне книги по каббале: те, на обложках которых красуются псевдоеврейские буквы, а авторы пишут под псевдонимами на еврейский манер. Это, пожалуй, тот момент, когда нормальный ребёнок взбунтовался бы против навязанной ему роли. Но по счастливому стечению обстоятельств каббала мне понравилась. Мне нравилась её текучесть — возможность разобрать всё по косточкам и сложить заново в точности так, как мне хочется. Нравилась сила, которую я ощущал, используя игрушечные Имена, выпущенные UNSONG в открытый доступ.

Отца я встретил однажды, когда мне было тринадцать. Нашёл его в интернете наудачу, отыскал почту, написал. Он ответил: позднее в том же году будет в Калифорнии на конференции, не хочу ли я пообедать? Я хотел. Мы встретились в Бургер Кинге в Беркли. Вдвоём. Мама отказалась идти со мной. Отец спросил, как поживает мать. Я сказал, что хорошо, — потому что говорить, что она была подавленной и озлобленной всю мою жизнь и что, по всей видимости, это из-за него, показалось мне тем, что могло бы испортить нам обед. Он сказал, что гордится тем, что я изучаю физику и каббалу. Что, скорее всего, из меня выйдет гений, как из двоюродного деда. Похоже, оба моих родителя расписали мою жизнь в совершенно одинаковых выражениях. В подарок он вручил мне биографию Эдварда Теллера — а что же ещё? — и велел дать ему повод мной гордиться.

По дороге домой в поезде BART я листал книгу. Читал об изобретении бомбы. Размышлял о его уходе в почти фанатичный патриотизм — самооправдание? Заплата поверх ужаса от того, что он сделал? Узнал о его войне с симпатизировавшими коммунистам физиками. И прочитал одно из его интервью, где журналист спросил об «отцовстве» водородной бомбы:

ЖУРНАЛИСТ: Годится ли здесь ярлык «отец»?
ТЕЛЛЕР: Ну, я внёс несколько существенных вкладов.

Я не мог не представить себе этот же разговор часом ранее, всё в том же Бургер Кинге. «Годится ли здесь ярлык „отец“?» — спросил бы я. «Ну, — ответил бы он, — я внёс несколько существенных вкладов». Вот и весь Адриан Теллер. Вот и всё моё наследие.

Куда интереснее оказалось стихотворение. *Мой двоюродный дед написал традиционную каббалистическую азбуку.* Не думаю, что намеренно, не думаю, что он понимал: он пишет в жанре, который мудрецы любили веками, — думаю, он просто однажды сел и решил, что забавно было бы написать стихи о разных буквах алфавита. Начиналось так:

A — это атом, и так он мал,

Что глаз его ни один не видал.

B — это бомбы; теперь они стали крупней.

Так что, брат, на курок нажимай помедлей.[88]

Потом книга — наглость! — двигается дальше! Словно есть что-то важнее, чем соответствия моего двоюродного деда между буквами алфавита и гранями той гибели, что он выпустил в мир. Оппенгеймер, может, и был языческим индуистом, но Теллер в глубине души должен был быть каббалистом. С тех пор я искал повсюду, но нашёл лишь ещё два его двустишия.

H стала самой зловещей теперь:

Что-то больше — не лучше, уж верь.

S — это секрет: сохранишь ты вовек,

Коль рядом не сыщется умный человек.

В юности я был одержим этими строфами. Часть меня думала, что они — тайные послания ко мне лично. Отчасти — думает до сих пор. Взять хотя бы «брата» в строфе B — его братом был мой дед. Не говорите мне, что это совпадение. Ничто никогда не было совпадением.

— О чём ты думаешь, Аарон?

Телепатия была слабой — Ана никогда не могла уследить за мной, когда я уходил в себя.

— S — это секрет, — сказал я. — Сохранишь ты вовек. Коль рядом не сыщется умный человек.

— Это так по-ааронoвски, — сказала Ана. Не знаю, имела ли она в виду мои работы по криптографии или просто обвиняла меня в том, что я всегда считаю себя единственным умником.

— Думаешь? — спросил я. — На самом деле это от двоюродного деда. Может, те, кто велел мне вырасти точно таким, как он, всё-таки добились своего.

— Аарон, — сказала Ана. — Ты мне нравишься, но ты — не тот человек, которого я хотела бы видеть изобретающим оружие судного дня.

Для этого нам даже мысленная связь не была нужна. Очевидный ответ был очевиден. А чем, по её мнению, мы занимались?

— Так, — спросила Ана. — Если ты собираешься стать новым Королём Комет, это значит, что ты объявишь войну Аду, убьёшь Тамиила и спасёшь человечество?

— Да, — сказал я, хотя особо над этим не думал. Казалось, так и следует поступить, хотя я помнил, что где-то читал: Тамиил — это грань Бога, и убить его по-настоящему нельзя. Я решил, что новый Король Комет раздвинет это море, когда до него доберётся[89].

— Ах, — сказала Ана.

— А ты? — спросил я. — В смысле, жена Короля Комет была…

— Я не твоя жена, — сказала Ана. — Весь этот свадебный ритуал был проверкой. Я рада, что мы его провели. Это интересно. Но я не твоя девушка и не жена.

— Да я не это имел в виду…

— Но отвечая на твой вопрос, — сказала Ана, — я не знаю.

Я ждал.

— Теодицея… это очень тяжело. Я не ожидала так быстро столкнуться с практическим применением. В мире столько зла, и каждый хочет броситься его исправлять — более того, существует громадное моральное давление, требующее броситься его исправлять, — но всякий раз, когда кто-то пытается, что-то идёт ужасно не так. Это ведь то, что пытались сделать французские революционеры. И коммунисты. Пытаться исправить мир хоть чем-то серьёзнее скучной благотворительной распродажи выпечки в пользу местной школы — это гордыня. Но отказываться от этого, когда знаешь, что рядом люди голодают и умирают, — это чудовищно. Так кто же мы? Чудовища или гордецы?

— Я? — спросил я. — Гордец. Без вариантов.

— И я понимаю этот порыв. Соблазнительно броситься и сыграть Жанну д’Арк…

— Иона — кит, — поправил я. — Ной — ковчег.[90]

— …но я достаточно читала историю, чтобы знать, чем это кончается. Так что, отвечая на твой вопрос: что я хочу делать с этим открытием? Думаю, я хочу заниматься экспериментальной теодицеей. Я хочу понять, почему Бог создал вселенную, полную столь великого зла. Значит, можно попробовать… постепенно начать убирать из вселенной зло. А если что-то пойдёт не так, значит, именно этого Бог и опасался.

Я моргнул. Это было что-то жуткое даже по моим меркам.

— Не думаю, что дойдёт до этого, — сказала Ана, всё ещё серьёзно. — Думаю, мы достигнем какой-то точки — и тогда Бог вмешается. Я хочу увидеть, что это за точка. Как далеко нам позволено зайти, прежде чем наши планы начнут загадочно рушиться и все дальнейшие усилия окажутся тщетны…

— Ной — ковчег, — поправил я. — Иона — кит. Мы ведь только что это разобрали.

Ана стукнула меня. Я уклонился.

— Какова вероятность, что хоть кто-то из нас сегодня ляжет спать? — спросила она.

— Не знаю, как ты, — сказал я. — А я иду к Биллу Додду.

— Что?

Это было, как я понял, то, что сделал бы Король Комет. У меня было доказательство концепции: наш план по созданию Имён работал. Следующим шагом было раздобыть больше компьютеров. Ллулл работал только на компьютерах Apple. В конечном счёте у нас будет достаточно денег, чтобы нанять кого-нибудь для портирования под Windows, но пока мы были ограничены. У Аны и Валери были машины на Windows. Зато Билл уже несколько недель без умолку хвастался своим новым компьютером. Дорогой. Лёгкий. Чертовски быстрый. И это был компьютер Apple. Я собирался убедить его одолжить мне этот компьютер. Не знал как. Но собирался.

— Я, — сказала Ана, — буду держать оборону.

Она снова залезла в кровать.

— Тебе завтра понадобится либо Пробуждающее Имя, либо много кофе.

— Ты и правда думаешь, что я завтра буду работать? — спросил я. — И потом — разве Король Комет откладывал хотя бы один из своих планов по спасению мира из-за того, что завтра вымотается?

— Боже, Аарон, ты не Король Комет, эвфемизм. Ты слишком уж рьяно за всё это взялся.

Ладно. Но я был потомком человека, изобретшего водородную бомбу. Думать наперёд о последствиях своих открытий — не самая сильная сторона моей семьи. И Король Комет не был нерешительным. В нём не было ни тени неуверенности в себе. Говорят, всякий раз, когда Короля Комет спрашивали, почему он взвалил на себя тяжесть всего мира, он просто отвечал: «Кто-то должен — а больше некому».

Самонадеян ли я, проводя это сравнение? Может быть. Но я вышел за пределы нормальной человеческой жизни в тот самый момент, когда услышал Животворящее Имя и понял, что оно — кратчайший путь к всемогуществу. Там, где я стоял сейчас, не было ни образца, ни колеи, которой следовать, — кроме одной. Лишь один человек когда-либо имел доступ к такому объёму Имён, какой будет у меня, лишь один стоял в одиночестве и видел перед собой будущее человечества, пластичное, готовое принять любую форму. Что с ним случилось в итоге — лучше промолчать. Но теперь появился новый шанс.

— Увидимся через пару часов, — сказал я Ане и шагнул один в холодный ночной воздух.

Глава 7

Гибнущая растительная память

Раннее утро, 11 мая 2017 года
Сан-Хосе

Мои часы показывали 5 утра. Билл Додд жил в часе ходьбы, неподалёку от странной мешанины болот и илистых отмелей, которая в этих местах сходила за залив Сан-Франциско. Он просыпался около шести и уходил в семь на какую-то репетиторскую работу в Норт-Бее. Я прикинул: если выйти сейчас, доберусь к нему как раз к утру и застану, пока он собирается.

Улицы были пустынны, дома темны. Трещины в небе едва просматривались сквозь мутное зарево сливающихся уличных фонарей мегалополиса Кремниевой долины. Я различал несколько звёзд.

Было время, когда звёзды что-то значили. Блейк считал их ангелами. Байрон называл «поэзией небес». Шествие науки преобразило их, но не умалило. Они стали пылающими солнцами в триллионах миль от нас, вокруг которых человечество, быть может, когда-нибудь отыщет новые миры для заселения.

Из всех учёных лишь Энрико Ферми подобрался к истине вплотную — и в итоге отшатнулся от неё.

Где-то в пятидесятых Ферми обедал с моим двоюродным дедом в Лос-Аламосе, и разговор зашёл о том, куда подевались все инопланетяне.

Если в самом деле существуют миллиарды звёзд с миллиардами планет, а Вселенной уже миллиарды лет, то у жизни было достаточно возможностей зародиться на других мирах. Наше Солнце — космический младенец;

другие звёзды несравнимо старше. Почему за все эти миллиарды лет их цивилизации не обогнали нас, не добрались до Земли и не колонизировали её — так же, как земные цивилизации добирались до своих более изолированных соседей и колонизировали их?

Может, жизнь несказанно редка — грандиозная случайность? Чушь; даже тогда учёные знали: стоит поместить углеводороды в банку и хорошенько встряхнуть — и получишь соединения, похожие на биологические. Может, узкое место — многоклеточная жизнь? Вряд ли: она возникла на одной только Земле трижды — независимо друг от друга. Разумность? Дельфины практически разумны — значит, и это встречается на каждом шагу. Цивилизация? Возникала отдельно на Ближнем Востоке, в Китае, Мексике, Перу и так далее и тому подобное. Космические полёты? Хотите сказать, что среди миллиарда цивилизаций на миллиарде планет за миллиард лет ни одна не додумалась взять очень большую ракету и поставить её острым концом вверх?

Ферми прикинул разные числа и обнаружил, что даже при самых консервативных допущениях Землю к этому моменту должны были посетить примерно зиллион внеземных цивилизаций — вместо ровно нуля, наблюдаемого людьми в действительности. Он решил, что в его расчётах есть какой-то скрытый изъян, и до конца жизни это его слегка тревожило.

Он мог бы избежать многих мучений, если бы просто последовал за данными к их очевидному выводу и признал: звёзды, по всей видимости, не существуют.

Тогда, быть может, всё сложилось бы иначе. Ферми уважали — а уважать человека, который изобрёл атомную бомбу, всегда разумно, на случай если он изобретёт что-нибудь ещё. Его могли бы послушать. Космическая эра могла бы стать более сдержанной. Люди могли бы задуматься: а то, что там наверху, то, что хочет, чтобы люди верили в звёзды, и достаточно могущественно, чтобы поддерживать эту иллюзию, — не лучше ли его оставить в покое?

Но люди *не умеют* оставлять в покое то, что и без них работает, — и потому мы ввязались в Космическую гонку, попытались отправить «Аполлон-8» на Луну, врезались в хрустальную сферу, окружающую мир, и сломали огромную небесную машину архангела Уриила, которая удерживала реальность в рамках математических законов. Оказалось, что удерживать реальность в рамках математических законов — полезный трюк, не позволявший Дьяволу существовать. Сломай механизм — и вместе с Именами Бога, плацебомантией[91] и прочими приятными вещами мы получили обратно Дьявола. Мы какое-то время метались как куры с отрубленными головами, пока не явился Король Комет и не попытался организовать согласованный отпор. Теперь мы вернулись к тому же куриному безголовью.

По улице промчалась машина — так мчатся в пять утра, когда знают, что никто не стоит на пути; так мчатся придурки, которым плевать, сколько шума они производят на жилой улице, где люди пытаются спать. Я отпрыгнул в сторону в последний момент.

В каком-то смысле нам повезло. Реальность *по большей части* всё ещё подчинялась законам, потому что Уриил сжигал запасы божественной энергии, чтобы поддерживать работу небесных механизмов. Машина всё ещё может работать на двигателе внутреннего сгорания, если по какой-то причине не доверяешь Движущему Имени. Для работы компьютера всё ещё, как правило, можно использовать электронику — если не перебарщивать и если у Уриила как раз нет очередного приступа.

Но было время, когда мы смотрели на звёзды и думали: «Да, когда-нибудь мы доберёмся туда». Этой мечте пришёл конец. Не только потому, что звёзд не существовало. Но и потому, что исчезла сама идея всемогущества науки — идея, будто наука была джинном, которым человечество могло повелевать, заставляя исполнять самые фантастические желания. Если повезёт, мы ещё сумеем поддерживать работу электросети и интернета, но мысль о том, чтобы самим проложить путь в хромово-плазменное будущее безграничных возможностей, угас-

ла где-то в семидесятых. Теперь мы просто искали полезные Имена Бога и надеялись, что Уриил удержит науку от слишком громкого краха — хотя бы пока мы не угробим себя чем-нибудь другим.

Когда я добрался до квартиры, уже светало. Полуодетый Билл впустил меня. Невысказанный вопрос «что ты делаешь у меня дома в такую рань?» был настолько очевиден, что можно было его не задавать, — так и вышло.

— Привет, Билл, — сказал я, плюхаясь на диван. Наверное, это было бестактно, но в своё оправдание могу сказать: я час шёл пешком. — Мы с Аной хотели попросить у тебя на время игровой компьютер.

Он приподнял бровь.

— Мы запустили очень интересную функцию поиска, — сказал я, — пытаемся сопоставить фрактальные паттерны в Песни Песней с палеоклиматическими данными. Понимаю, звучит странно, но у нас уже есть неплохие предварительные результаты, и я думаю, если бы у нас было побольше вычислительной мощности, мы бы закончили за пару дней. А ты всё время говоришь, какой у тебя крутой новый Мас, вот я и подумал…

— Почему в Песни Песней должны быть фрактальные паттерны? — спросил Билл.

Я забыл самое главное про Билла: он любил воображать себя умнее всех и делал вид, что разбирается в любом вопросе лучше собеседника. Проблема в том, что я сам всё это придумывал на ходу — так что если он вдруг действительно что-то знал, очень быстро выяснится, что я *не* знаю ничего.

— Это Песнь Песней, — сказал я. — Конечно, там есть фрактальные паттерны. Более того… — я решил идти ва-банк, — я думаю, там может быть несколько уровней паттернов. Песнь песней песней.

— Да не в этом смысл Песни Песней! — возразил Додд. — В иврите это усилительная конструкция. Как «Царь царей» или «Святая святых»!

— Но задумайся, — сказал я, — о словах рабби Эзры Циона, который говорил…

И я заговорил по-арамейски.

Примерно в 200 году до н. э. арамейский язык вошёл в моду в Израиле, и большинство людей перешли с библейского иврита на новый язык. Некоторые начали молиться по-арамейски или пытаться переводить на него Тору. Раввины, желавшие любой ценой защитить священный язык, с жаром боролись с проникновением арамейского в литургию — и в пылу этой борьбы, может статься, несколько погорячились и объявили людям: молиться нужно на иврите, потому что ангелы не понимают арамейского. Кто-то это записал, одно потянуло за собой другое — и это попало в Талмуд. Я уже упоминал, что Талмуд слегка безумен?

Несколько веков спустя римляне разрушают Иерусалим, евреи рассеиваются по семидесяти народам мира и теперь говорят на всевозможных иностранных языках — идише, арабском, ладино. Иврита они не знают ни слова, но всё равно хотят молиться. Раввины готовы им это позволить, но на пути стоит старое постановление: молись на иврите, потому что ангелы не понимают арамейского.

Тогда раввины постановляют, что на самом деле ангелы понимают все языки, кроме арамейского. Это действительно произошло.[92]

Все думали, что это шутка, — но потом небо раскололось, мы встретили ангелов, и надо же: они говорили на всех языках от албанского до зулусского, но арамейский был для них бессмыслицей. Как они ни старались, выучить его не получалось. Какой-то ментальный блок. Почему странное ситуативное решение раввинов так идеально совпало с реальностью? Не знаю. Ничто никогда не было совпадением.

Но, возможно, есть вещи, которые людям не суждено знать. И когда люди начали спрашивать ангелов — был ли Иисус Сыном Божьим? Был ли он Мессией? — ангелы отвечали: понятия не имеем. Мы не понимали ни слова из того, что он говорил.

Однажды ночью мы с Аной обменивались мыслями — сплетничали о Билле, если уж быть честным, потому что он как раз предпринял комически неудачную по-

пытку соблазнить Валери, — и Ана начала испытывать угрызения совести: сплетничать — это грех.

Я спросил, как вообще кто-нибудь узнает, что мы сплетничаем, если мы делаем это телепатически, а других телепатов в мире нет — поговаривали, что Король Комет умел общаться мысленно, но он мёртв, — на что она ответила: мы ничего не знаем о каббалистическом браке, может, ангелы каким-то образом подслушивают.

Опасение вполне разумное. Кто-то ведь добавил в Библию тот раздел — из Евангелия от Иоанна, откуда Ана извлекла СКАБМОМ, — а ангелы выглядели именно как существа, способные редактировать Библию. Кто знает — может, Небеса прослушивали наш закрытый канал. Мы решили выучить арамейский, чтобы сплетничать сколько угодно, а ангелы не могли бы нас подслушать.

Ни один из нас пока не слишком преуспел, но это не имело значения — я произносил упражнения из «Арамейского без труда: руководства для начинающих».

— Собака находится в доме, — сообщил я Додду с интонациями Иудеи первого века. — Собака большая и коричневая. Симеон идёт в синагогу. Собака в синагогу не идёт.

Билл Додд внимательно слушал, и на лице у него проступали морщины. У него было лишь два варианта: принять сказанное мной за чистую монету или признать, что он не понимает арамейского — а значит, знает не всё. Я видел, как у него крутятся шестерёнки.

— Рабби Цион был очень мудрым человеком, — наконец произнёс он. Потом зашёл в комнату и вынес мне свой игровой ноутбук. — Если с ним что-нибудь случится, — сказал он, пока я запихивал его в рюкзак, — я найду тебя и убью.

Я кивнул и поспешил смыться, пока он не передумал.

Вернувшись в Итаку, я не удержался и заглянул к Ане в комнату: проверить, не нашла ли Сара за время моего отсутствия ещё каких-нибудь Имён. Не нашла — в общем-то, неудивительно: два Имени за столь короткое время были невероятной случайностью, — но по крайней мере моё появление разбудило Ану. Она протёрла глаза,

проворчала, что я её разбудил, — а потом волнение от происходящего прогнало усталость, и она велела мне наконец одушевить компьютер Билла.

Я достал из рюкзака элегантный MacBook, воткнул его в розетку, включил. Установил Ллулл. Отключил интернет-соединение — не хотел рисковать, что что-нибудь обновится автоматически и Билл узнает, чем мы занимаемся. Потом произнёс Животворящее Имя. «РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — начал я. Затем: «МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ».

Ничего не произошло.

Нет способа определить, есть у компьютера душа или нет. Но когда произносишь Имя — особенно такое мощное, как это, — тепло пронизывает тебя насквозь, на краткий миг ощущаешь Божественную силу — словом, непременно чувствуешь хоть что-то. Отчасти так люди и узнают, что обнаружили Имя; электрический эквивалент этого ощущения Ллулл запрограммирован улавливать, чтобы фиксировать попадания. И как раз этого я сейчас определённо не ощущал.

— Хм, — сказал я Ане. — Не сработало. Попробую ещё раз.

Снова я произнёс Имя Бога над компьютером Билла. «РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ».

Снова ничего.

— Может, ты ошибся? — предположила Ана.

Я не ошибся. Я был хормейстером Итаки. Моя память на Имена безупречна.

— РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… — начал я и продолжил. Я произнёс Животворящее Имя. Оно не сработало.

— Ана! — крикнул я. — У тебя есть это Имя! Попробуй ты!

— Я знаю только то, что взяла из твоей головы, — сказала Ана, но всё равно произнесла Имя так, как его помни-

ла. — РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…

По лицу Аны я видел: она тоже ничего не чувствует.

— Может, просто… мы ничего не чувствуем, потому что не выспались, — сказал я. Я покопался в настройках Ллулла, велел ему проверить только одно Имя — Имя Лунонахождения, которое мы открыли. Динамик издал своё странное гудение. Никакого отклика. Компьютер Билла не распознал его как Имя.

— Может, Имя перестало работать, — предположила Ана.

— Имена не перестают работать! Ты думаешь, Бог собрался и уехал в отпуск?

Наверное, о нас многое говорит уже то, что мы решили: эту гипотезу необходимо проверить — и принялись использовать все прочие известные нам Имена: простые, не истощающие сил и не создающие проблем. Я попробовал Имя Лунонахождения. В воздухе появилась большая яркая стрелка, указывающая на западный горизонт.

— Ладно, — признал я. — Бог не собрался и не уехал в отпуск. Тогда почему, чёрт возьми, Имя не работает?

Я видел, как мечта о неизбежном завоевании мира меркнет, уступая место сравнительно скромному будущему безграничного богатства. Один одушевлённый компьютер мог дать нам достаточно Имён, чтобы купить небольшое государство. Но без возможности одушевлять новые компьютеры петля обратной связи — та, что вела к тотальному господству над всем на свете и появлению второго Короля Комет, — становилась всё недостижимее.

Ана молчала. Через несколько секунд она просто произнесла: «Эвфемизм».

— Ты с самого начала этого ожидала, — сказал я. — Ты говорила, что Бог вмешается.

— Не думала, что вот так напрямую! — сказала она. — И не так скоро! И не вот так!

Мысли неслись вскачь.

— Ладно, — сказал я. — Это не катастрофа. Может, это вообще не Бог. Может, я ошибся. Может, нам просто нужны алгоритмы коррекции ошибок в Именах.

С учётом ограничений, которым подчиняются все Имена, можно найти наиболее вероятные варианты, соответствующие «неправильному Имени» с одной-двумя буквами не на своём месте. Хотя в теории это средство было создано именно для таких ситуаций, как наша, на практике люди почти никогда не забывали Имена, не сохранённые ещё где-нибудь, — так что коррекция Имён оставалась сугубо теоретической областью, которой занимались почти исключительно в рамках фундаментальных исследований. Всё это забавно ровно до тех пор, пока от этого не начинает зависеть план захвата мира.

— Думаешь, это поможет?

— Слушай, может быть, существует *ничтожный* шанс, что я мог забыть одну-две буквы. Но не больше! Мы помним Имя почти целиком. Так что если мне удастся раздобыть алгоритмы коррекции ошибок, мы прогоним их по тому, что помним от Животворящего Имени, и выясним, каким оно было на самом деле. Когда-то я проходил в Стэнфорде курс, на котором это упоминали. В библиотеке наверняка есть нужные книги. Дай мне свой читательский билет, я съезжу за ними. Ты поедешь со мной.

— Аарон, — сказала Ана. — Ты почти не спал всю ночь. Книги по коррекции ошибок и днём будут там же.

— Ана, — сказал я. — У нас было самое важное Имя в мире — уступающее разве что Шем ха-Мефораш — и мы его потеряли. Нет, мы не потеряли. Я *знаю* это Имя. Что-то здесь не так.

Я схватил со стола её читательский билет.

— Ты едешь или нет?

— Пас, — ответила она. Невыносимо.

С раскалённой от мыслей головой я двинулся к станции CalTrain — в Стэнфорд.

Глава 8

Смеясь, презреть твои законы и угрозы

Любовь — это закон, но исполняется он из рук вон плохо.
— Преподобный Рэймонд Стивенс, «Певцы в руках разгневанного Бога»[93]

20 марта 2001 года
Аглое

Священный город традиционной каббалы — Цфат в Израиле, где учил и умер рабби Ицхак Лурия. Священным городом современной каббалы по праву должен быть Аглое, штат Нью-Йорк.

История такова: двое картографов только что закончили сбор географических данных для исчерпывающей карты штата Нью-Йорк. Они опасались, что кто-нибудь украдёт их работу и выдаст за свою. Доказать плагиат было бы невозможно — все точные карты выглядят одинаково. Поэтому картографы пошли на маленькую хитрость: сложили из своих инициалов слово АГЛОЕ и нанесли его на карту как вымышленный город в глухом, никому не интересном месте. Любой другой картограф, на чьей карте оказался бы Аглое, тем самым был бы уличён в плагиате.

Однажды некий человек пришёл к пустынному перекрёстку и решил построить там магазин. Он заглянул в карту, обнаружил, что место называется Аглое, и назвал своё заведение «Универсальный магазин АГЛОЕ». Магазин процветал, место привлекало всё больше людей, и вскоре город Аглое возник по-настоящему.

В традиционной семиотике реальность представлена символами, которые сами по себе инертны. В каббале и реальность, и символы суть представления Адама Кадмона. Территория — представление Адама Кадмона, и карта — представление территории и Адама Кадмона. Расхождения между картой и территорией могут оказаться не простыми ошибками, а изменениями самой схемы представления, затрагивающими и карту, и территорию. Территория имеет власть над картой, но и карта имеет власть над территорией. Это и есть каббала. Всё остальное — лишь комментарий.[94]

Когда карта и территория зависят друг от друга, заявлять авторское право — опасный шаг. Двое картографов поставили своё имя на карту, притязая на владычество, но владычество над божественным порядком, порождающим и карту, и территорию, принадлежит одному лишь Богу.

Однако двое картографов назвали город, скомбинировав инициалы своих имён. Это древняя каббалистическая техника, именуемая нотарикон, при которой слова образуются из начальных букв более длинных фраз. Многие Имена Бога — нотариконы библейских стихов или молитв; некоторые утверждают, что *все* Имена, сколь бы длинны они ни были, суть нотариконы всё более точных описаний Бога. Но самый знаменитый из подобных нотариконов использует всего четыре слова: краткую литургическую формулу «атах гибор ле'олам А—и»[95], что значит «Ты могуч вовеки, о Господь». Начальные буквы этой фразы складываются в знаменитое четырёхбуквенное Имя — АГЛА.

Но обязательно ли это АГЛА? «Ле» в «ле'олам» означает «к»; «олам» означает «мир». Еврейское слово, переводимое как «вовеки», буквально значит «к (концу) мира». Красиво и поэтично, но «ле» и «олам» — два разных слова, и считать их следует по отдельности. А почему «А—и»? Да, это одно из распространённых божественных Имён в Библии, но в Библии есть и другие божественные Имена. Как насчёт более употребительного «Элохим»? Тогда формула становится «атах гибор ле олам Элохим», а Имя

— АГЛОЕ.[96] Это не совпадение, потому что ничто никогда не было совпадением.

Двое картографов наносят на карту город, названный в честь них самих, чтобы заявить авторское право. Поскольку карта и территория соответствуют друг другу, несколько лет спустя тот же город появляется на территории. Город на территории тоже служит заявлением авторского права, но поскольку нотарикон, породивший название города, совпадает с нотариконом, порождающим одно из Имён Бога, каббалистические следствия притязания на авторское право остаются верны.

Несмотря на всё это, в Аглое нет ни ешив, ни величественных синагог с золотыми куполами. Случайному путнику он покажется очередным сонным городком северной части штата Нью-Йорк. Но порой люди, которым нужно место с очень специфическими каббалистическими свойствами, находят название и историю этого городка весьма подходящими для своих целей.

И вот сегодня вечером руководство Американской Коллегии Ритуальной Магии проводило специальное заседание в старом особняке на холмах за городом.

Марк Маккарти, Архимаг Запада, вошёл в банкетный зал. Он опирался на посох из мескитового дерева и осматривал помещение. Вся мебель была вынесена, а в центре комнаты мелом была вычерчена изысканно точная карта Разъединённых Штатов. С потолка свисал длинный маятник, застывший над Средним Западом, а под Вайомингом виднелся люк в полу.

— Почему, — спросил он, — под Вайомингом люк?

Двое уже были на месте. Как и он сам, они были облачены в серые мантии и держали деревянные посохи. Он узнал Дэниела Ли, Архимага Юга, и Клару Лоуэлл, Архимага Северо-Востока и нынешнюю председательницу Коллегии.

— Это самое большое помещение, какое удалось арендовать в короткие сроки, — сказала Клара. — Люк ведёт в винный погреб. Одна из лучших коллекций в округе, как я слышала. Когда закончим с ритуалом, можно будет спуститься и отметить.

— Мне это не нравится, — сказал Марк. — Портит атмосферу.

Среди ритуальных магов это было тяжким обвинением. Атмосфера — жизненно важный ингредиент ритуалов. Именно поэтому комната была освещена мерцающими свечами. Именно поэтому все были одеты в серые мантии. Именно поэтому они собрались так поздно вечером — чтобы совершить дело ровно в полночь. И именно поэтому они были здесь, в Аглое, штат Нью-Йорк — городе, соответствующем одному из Имён Бога и фонетически, и процедурно.

— Ничего не портит, — сказала Лоуэлл. — Люк — прямоугольник. Вайоминг — прямоугольник. Всё в порядке. Вся эта затея и без того избыточна. Это ты настоял, что надо делать всё по высшему разряду. Я хотела поручить это пятерым стажёрам в подвале нью-йоркского офиса и не морочить нам голову.

— А я тебе говорю, — сказал Маккарти, — я знаю Альвареса. Может, со стороны он и не кажется особенно опасным — один человек, даже не полностью лицензированный, — но если мы оставим ему хоть одну лазейку, он в неё проскользнёт, и случится что-нибудь ужасное.

— Вижу, пророчества о конце света уже начались, — сказал Рональд Два Ястреба, Архимаг Тихоокеанского Северо-Запада, входя с посохом из ситкинской ели. — Я согласен с Кларой. Добираться сюда из Олимпии было сущим кошмаром. И ради чего?

— Чтобы разобраться с самой серьёзной угрозой, какую Коллегия и сама ритуальная магия когда-либо знали, — сказал Маккарти.

— Ну, маг низкого уровня подался в террористы, — сказал Рональд. — Убил сенатора. Позорно. Безусловно, нужно осудить. Но, придавая этому такое значение, мы лишь укрепляем его связь с нами в глазах общественности. Нужно было выпустить заявление о непричастности, послать кого-нибудь к федералам помочь его поймать и забыть обо всём.

Кэролин Пейс, Архимаг Среднего Запада, вошла в зал.

— Под Вайомингом люк, — сказала она.

— Да, — сказал Дэниел, — мы как раз об этом говорили.

— Начнём, — сказала Клара.

Вокруг карты был начерчен меловой круг. Клара встала на востоке, Дэниел — на юге, Марк — на западе, Рональд — на севере. Кэролин вошла в середину и встала точно в центре Разъединённых Штатов, возле Лебанона, штат Канзас. Её нос почти касался маятника; сила её дыхания сообщала ему едва уловимое колебание.

Часы показывали 23:54.

— Да не приблизится зло с Севера, — произнёс Рон и направил свой посох из ситкинской ели к Кэролин в центре круга.

— Est sit esto fiat,[97] — пропели остальные.

— Да не приблизится зло с Запада, — произнёс Марк и направил свой мескитовый посох к центру.

— Est sit esto fiat, — пронеслось песнопение.

— Да не приблизится зло с Юга, — произнёс Дэниел и выставил свой посох из магнолии.

— Est sit esto fiat.

— Да не приблизится зло с Востока, — закончила Клара и выставила свой посох из белого дуба.

— Est sit esto fiat.

Кэролин вознесла свой тополиный посох и провозгласила:

— Пылающий Круг удержит всё внутри! Алеф! Гимель! Ламед! Алеф! Пылающий Круг не впустит ничего извне! Алеф! Хей! Юд! Хей! Да раскроются Миры, но да устоит Круг!

Никакое чёрное пламя не взметнулось от границ круга, никакой потусторонний свет не вспыхнул внутри, но меловые линии, на которых они стояли, начали приобретать странный отблеск, чуть по-иному отражать свет свечей. Ритуальная магия не могла совершить невозможного, не могла нарушить законы физики в наблюдаемом масштабе. Но она меняла вероятности событий в пределах физически возможного, заставляя совпадения случаться гораздо чаще. Внезапное появление пламени нарушило бы законы природы, но ничего невозможного не было в том, что пятеро невыспавшихся людей

в необычном эмоциональном состоянии увидели блеск меловой линии чуть иначе. Вот они и увидели его по-другому.

— Предо мной — Михаил,[98] — произнёс Рональд на севере.

— Позади меня — Уриил, — произнёс Дэниел на юге.

— По левую руку мою — Разиил, — произнёс Марк на западе.

— По правую руку мою — Гавриил, — произнесла Клара на востоке.

— Quod est inferius est sicut quod est superius, — произнёс Дэниел на юге.

— Quod est superius est sicut quod est inferius, — произнёс Рональд на севере.

Затем Кэролин высоко подняла свой тополиный посох и провозгласила:

— Вокруг меня пылают пентаграммы, и в центре стоит шестилучевая звезда.

Каждая свеча в комнате погасла разом — не волшебством; в посох Клары была встроена электроника, управлявшая освещением, всё ради атмосферы. Луна вышла из-за тучи — вот это уже было магией — и пролила в комнату холодные белые лучи, и они причудливыми узорами отразились от паркета и оконных стёкол. На мгновение все увидели пентаграммы и шестилучевую звезду именно так, как их назвали. Потом луна снова скрылась за тучей, и видение исчезло прежде, чем кто-либо успел окончательно убедиться, что это не было совпадением.

Клара заговорила:

— Мы собрались здесь сегодня, чтобы призвать кару на того, кто нарушил наш закон. Дилан Альварес, ученик ритуальной магии, порвал с Коллегией. Он нарушил федеральные и штатные нормативы, запрещающие практику ритуальной магии без действующего членства в Коллегии. Он заявил о намерении продолжать практику без лицензии. Он убил нескольких местных представителей Американской Коллегии Ритуальной Магии, чтобы, по его собственным словам, «кое-что до-

казать». Он совершил политическое убийство сенатора Фрэнка Лаутенберга, главного союзника Коллегии в Конгрессе. Он объявил войну американскому магическому истеблишменту. Он высмеял ритуальную магию, назвав её «плацебомантией», и предал огласке тайны, которые поклялся хранить. За всё это он был осуждён нашей Коллегией и нашим орденом.

В зале стояла мёртвая тишина. Единственным светом был лунный свет из высоких окон. Часы показывали 23:58.

— Он нарушил законы Бога и человека, и мы свершим правосудие. Правосудие Божье нас не касается. Правосудие человеческое будет стремительным и беспощадным. Укажите нам местонахождение Дилана Альвареса, о Силы, дабы мы излили на него чашу нашего гнева.[99]

— Укажите! — произнёс Дэниел на юге.

— Укажите! — произнёс Марк на западе.

— Укажите! — произнёс Рональд на севере.

— Укажите! — произнесла Клара на востоке.

— УКАЖИТЕ! — произнесла Кэролин в центре и сильно толкнула маятник, после чего отступила за пределы круга.

Часы показывали полночь.

Гигантский маятник дико заметался над картой Разъединённых Штатов. Он висел на особой верёвке с причудливыми перегибами и спутанными участками, отчего двигался непредсказуемо и хаотично и никогда не оказывался в строго вертикальном положении. После нескольких ложных заходов и внезапных рывков он остановился, указывая на город Амарилло, штат Техас.

Клара взмахнула посохом, и свет зажёгся.

— Что ж, — сказала она. — Это было легко. Завтра утром свяжемся с Техасской Технократией и полицией Амарилло. Не должно быть слишком сложно.

— Лучше отправить федералов, — сказал Марк. — Я тебе говорю: с Диланом Альваресом ничего легко не бывает.

— Ты думал, что и этот ритуал будет трудным, — сказал Рональд. — Я знаю, ты был с ним знаком в колледже,

знаю, что у вас есть общая история, но хватит уже. Он нелицензированный маг. Такое случается. Мы их всегда ловим.

— Кто-то говорил о вине, нет? — сказал Дэниел. — Чего мы ждём? Давайте отпраздну—

Маятник резко дёрнулся и оказался над Литтл-Роком, Арканзас.

Рональд начал:

— Что за—

— О нет, нехорошо, — пробормотал Марк.

Клара шагнула внутрь магического круга и осмотрела маятник. Затем сказала:

— Расслабьтесь. Ритуал закончен. Свет горит. Сейчас движения маятника — просто случайный шум. Он в Амарилло.

— Случайный шум? — переспросил Рональд. — Вы же видели. Ничто не касалось этого маятника, а он взял и дёрнулся.

— Один из перегибов верёвки распрямился, — сказала Клара. — Могло быть совпадением.

— Конечно же, это *могло* быть совпадением, — сказала Кэролин. — Это ритуальная магия. Всегда может оказаться совпадением. Но никогда не оказывается.

— Глупости говоришь, — сказала Клара. — Из-за всей этой темноты, ритуала и прочего мы уже на всё смотрим как на сюжет фильма ужасов. Пойдёмте выпьем вина и забудем.

— Я говорю вам, — сказал Марк, — что-то не так. С Диланом ничего не бывает просто. Всегда вот так. Нам нужно разобраться, иначе он обставит нас на каждом шагу.

— И что, по-твоему, случилось? — спросила Клара. В её голосе нарастало раздражение. — Что он телепортировался из Амарилло в Литтл-Рок в тот самый миг, когда мы завершили ритуал? Дилан Альварес — мелкий деревенский колдун. Давайте просто—

Она едва увернулась от маятника, пролетевшего точно через место, где она только что стояла. Теперь он указывал на Линкольн, Небраска. Маятник качнулся снова.

Сент-Луис, штат Миссури. Потом ещё раз. Где-то в середине Северной Дакоты.

— Вы это видели! — закричал Марк. — Не смейте мне говорить, что не видели! Я знал, что так и будет! С ритуалом что-то не так, и *я говорил, что так и будет!*

— Марк, успокойся, — сказал Дэниел. — Дилан, скорее всего, проводит собственный ритуал, чтобы помешать нашему. Не то чтобы этот ритуал был такой уж тайной: нам всем пришлось добираться до Аглое, любой, кто следит за нашими перемещениями, знал бы, что мы что-то затеваем, и нетрудно было бы сообразить, что именно.

Солт-Лейк-Сити, Юта.

— Ты хочешь сказать, у Дилана Альвареса есть *шпионы* в Американской Коллегии Ритуальной Магии? — спросила Кэролин, ужаснувшись.

Северная оконечность Айдахо.

— Ну а почему нет? — спросил Рональд. — Я начинаю соглашаться с Марком. Может, мы недооценивали этого парня.

Самый центр Вайоминга.

— В последний раз повторяю, — сказала Клара, — Дилан Альварес — мелкий деревенский колдун, который ничего не смыслит в…

— СЮРПРИЗ, УБЛЮДКИ! — заорал Дилан Альварес, выпрыгивая из люка с двумя револьверами в руках.

Бах. Бах. Рухнул Дэниел Ли, Архимаг Юга. Бах, бах, бах. Рухнул Рональд Два Ястреба, Архимаг Тихоокеанского Северо-Запада.

Кэролин Пейс принялась чертить фигуры в воздухе тополиным посохом.

— Libera nos, Domine,[100] — произносила она, водя посохом. — Te rogamus, audi nos.

Бах, бах, бах. Три пули ушли мимо. Могло быть совпадением, но у ритуальных магов за работой совпадения случаются чаще. Бах, бах. Ещё два совпадения.

Дилан бросил пистолеты, опустил руку обратно в люк и выхватил посох. Буджумовую древесину получают из буджумового дерева[101] — причудливого растения, произрастающего лишь на крохотном клочке Нижней

Калифорнии. Оно напоминает перевёрнутую морковку высотой в семьдесят футов, изогнутую под самыми нелепыми углами. Дилан Альварес был родом из Нижней Калифорнии, и его посох был из буджумового дерева. Он обрушил его на Кэролин диким берсеркерским замахом. Кэролин парировала своим тополиным посохом, но Дилан провёл точнейший перевод оружия и проломил ей череп.

Клара и Марк уже почти вплотную подступили к нему, произнося свои заклинания.

— Imperet illi Deus, deprecamur, — пела Клара. — Defende nos in proelio.

— Caecilius est in horto, — пел Дилан. — Servus est in atrio.

Клара смотрела на него с ненавистью.

— Veni in auxilium hominum! — пела Клара. — Fugite partes adversae!

— Cerberus est canis! — пел Дилан. — Canis est in culina!

Посохи скрестились с раскатом, подобным грому. Дилан на миг отвлёкся, чтобы парировать удар Марка, а затем бросился на Клару со всех ног. Клара стояла непоколебимо, дубовый посох наизготовку перед ней.

В последний момент Дилан ушёл перекатом в сторону, и маятник — всё ещё отслеживавший его движение — врезался в Клару, сбив её с ног. Дилан вогнал посох ей в шею и добил её. Потом повернулся к Марку Маккарти, единственному, кто ещё стоял на ногах.

— Марк, скажи мне, пожалуйста, что тебе за этих людей так же стыдно, как и мне.

Марк Маккарти, Архимаг Запада, откинул капюшон.

— Дилан, — сказал он. — Хотел бы я сказать, что удивлён, увидев тебя здесь. Но нет, не особо. Смотри, я даже надел бронежилет.

Он слегка распахнул мантию, показав кевлар под ней.

Дилан рассмеялся и хлопнул его по спине.

— Марк! Я? Тебя обижу? Мы же вместе учились! Compadres para siempre![102]

— Таков был план, — сказал Марк. — А потом ты превратился в чокнутого магического террориста.

— Чокнутого магического борца за свободу — это точнее! — поправил Дилан и расхохотался собственной шутке. — Ты правда так обо мне думаешь? Я что, такой страшный?

— Дилан, ты убил сенатора Лаутенберга бомбой, присланной в письме, через два дня после того, как ФБР приставило к нему персональную сапёрную группу[103] для проверки всей почты. Как ты вообще это провернул?

— Думаешь, я не сумею убедительно выдать себя за агента ФБР, если захочу?

Марк застонал, когда до него дошло.

— Не было никакой сапёрной группы. Твои люди и были сапёрной группой.

— В своё оправдание скажу: если бы я хотел предложить сенатору группу *разминирования*, я бы так и сказал — группу разминирования.

Люди по-разному срываются, когда обстоятельства к тому вынуждают. Можно свернуться калачиком и бормотать что-то себе под нос. Можно впасть в бешенство и начать крушить всё вокруг. Можно замереть и погрузиться в глубочайшее молчание.

Марк Маккарти разразился громовым хохотом — чуть дольше, чем можно было бы счесть строго уместным.

Дилан нетерпеливо постучал буджумовым посохом.

— Твои таланты пропадают зря с этими людьми, Марк. В колледже ты всегда соглашался со мной насчёт правительства, Коллегии и всех этих придурков. Ну вот, я больше не работаю один. Я собираю группу… единомышленников. Мы называем себя БУДЖУМ.

— БУДЖУМ? А что за этим стоит?

— Солидарность с угнетёнными повсюду. Присоединяйся к нам, Марк. Нам пригодится человек с твоими навыками.

Марк Маккарти покосился на выход. Такой заманчивый — всего в нескольких десятках футов. Можно ведь просто рвануть и выбежать? Или Дилан снова на шаг впереди? Он посмотрел на дверь. Посмотрел на Дилана. Снова на дверь. Если он хочет выжить, придётся думать как Дилан.

Беда была в том, что Дилан был безумен.

Тридцать лет назад, когда небо треснуло, разномастные герметисты, виккане и непопулярные подростки, практиковавшие магию, заметили, что их заклинания начали работать по-настоящему. Никогда однозначно. Но вполне возможные вещи, которых они просили у своей магии, начали случаться чаще, чем допускала статистика. Разумеется, они принялись рассказывать об этом всем подряд, кто-то провёл контролируемые эксперименты, и наконец люди начали им верить. Сто разных школ ведьм и колдунов бросились исцелять болезни, благословлять морские путешествия и помогать людям найти настоящую любовь.

Когда первая волна стремительного расширения схлынула, школы начали конкурировать друг с другом. *Наша* магия — благая и действенная, *ваша* магия — злая и бесполезная. Как всегда, победили выпускники «Лиги плюща» с хорошими связями. Они объявили западную герметическую традицию Единственной Истинной Школой, убедили власть имущих, что все остальные опасны, и получили государственную монополию в виде Американской Коллегии Ритуальной Магии. Всякий, кто желал практиковать ритуальную магию, должен был пройти восьмилетнее ученичество под руководством лицензированного ритуального мага, в противном случае ему грозили штрафы или тюремное заключение за незаконную магическую практику.

Другие школы ушли в подполье, но так до конца и не исчезли. После десятилетия безвестности они обрели нового поборника в лице Роберта Антона Уилсона,[104] который выдвинул теорию, прямо противоречившую утончённому герметизму Коллегии. Согласно Уилсону, ритуальная магия относится к Реальности так же, как эффект плацебо — к людям. Скажите человеку, что сахарная пилюля вылечит его зубную боль, — и пилюля действительно заставит боль исчезнуть. Скажите Реальности, что ритуал вызовет дождь, — и ритуал обрушит ливень.

В системе Уилсона атмосфера была не просто самым важным — она была всем. Врачи давно знают, что всё, что сопровождает лечение, усиливает эффект плацебо: белый халат, стетоскоп, дипломы в рамках на стене подсознательно убеждают пациента, что перед ним настоящий врач, выписывающий хорошее, действенное лекарство. Точно так же ритуальный маг — или, в терминологии Уилсона, плацебомант — должен был устроить убедительное волшебное представление. Серые мантии, мерцающие свечи, заклинания, произнесённые в надлежащий день и час, даже святилища и священные места — всё это придавало дополнительную убедительность, пока наконец Реальность не оказывалась полностью одурачена.

Чтобы проверить свою гипотезу, Уилсон вместе с Робертом Ши поставил серию экспериментов. В своей работе «Плацебомант!» они испытали два ритуала вызова дождя: один призывал демона Амдусиаса, другой — демона Крхвано. Оба дали по паре сантиметров осадков, хотя Амдусиас был Великим Королём Ада, известным оккультистам уже много веков, а Крхвано — набором из семи букв, случайно вытащенных из мешка с фишками для «Скрэббла». Если ритуалы выглядели одинаково зловеще, то и призывы срабатывали одинаково.

Американская Коллегия Ритуальной Магии ответила на вызов, засадив Уилсона и Ши за нелицензированную магическую практику, а затем проплатив серию телевизионных роликов, где привлекательные женщины в мантиях сообщали зрителям, что их дети слишком важны, чтобы государство позволяло шарлатанам продолжать практику непроверенных магических заклинаний. На этом всё и кончилось. Несколько лицензированных магов выражали недовольство или прощупывали границы, установленные Коллегией, но, едва их деятельность начинала всерьёз угрожать Коллегии, та отзывала у них лицензии, и на том дело затихало.

Ибо лишение магической лицензии было ужасной вещью. Кто поверит плацебо, которое выписывает врач, лишённый диплома, одетый в обычную одежду и прини-

мающий пациентов у себя в гараже? Маг, потерявший лицензию, утрачивал способность убедить Реальность в чём бы то ни было. Американская Коллегия Ритуальной Магии, изначально совершенно заурядный пример подчинения государственного регулятора интересам той отрасли, которую он должен регулировать, приобрела онтологическое значение.

Поэтому никто не слишком обеспокоился, когда молодой ученик ритуальной магии Дилан Альварес разозлил слишком многих, был изгнан из Коллегии и поклялся отомстить. Он был всего лишь учеником — да и лицензию ведь потерял. Удачи ему в попытках убедить вселенную хоть в чём-нибудь.

Но Альварес сообразил, что есть люди без медицинского диплома, которые раздают убедительные плацебо. Просто они не унижаются до мольбы, чтобы люди поверили, будто они врачи. Они заявляют, что лучше врачей, что открыли тайное знание, что медицинский истеблишмент сговорился против них, но они ещё покажут этим глупцам — о да, они покажут. Хороший натуропат, вооружённый парой кристаллов и пузырящимся голубым раствором, может убедить тысячи, миллионы — даже вопреки огромному массиву опровергающих данных. Атмосфера, понял он, — лишь частный случай более могущественной силы. Силы нарратива. Литературных тропов, гласящих, что если дано А, за ним неизбежно последует Б.

Все прочие неудачники, изгнанные из Коллегии, умоляли, чтобы их приняли обратно. Или пытались скрыть изгнание от Реальности — утверждать, что они по-прежнему маги, что решение было несправедливым, что оно не считается, что это не так уж важно. Реальность на это не купилась.

Дилан заявил: если Коллегия решила стать его врагом — тем хуже для Коллегии. А Реальность проглотила это с восторгом. Теперь целой гильдии людей, гордившихся тем, что они всегда по правильную сторону нарративных тропов, приходилось иметь дело с дьявольски обаятельным идейным бунтарём, поклявшимся огнём и мечом

разрушить их окопавшуюся деспотическую бюрократию и проворачивающим остроумные трюки вроде того, как залечь в винном погребе, чтобы магически заряженный маятник отслеживал его реальное местоположение под полом, а не соответствующую ему по аналогии точку на карте.

Вообразите себе историю, в которой человек лежит в засаде, чтобы убить пятерых глав Американской Коллегии Ритуальной Магии в тот самый момент, когда они замышляют его убийство, обращает их ритуал в хаос, выпрыгивает из люка винного погреба в самый театрально эффектный момент, вскидывает посох из редкой экзотической древесины, растущей только на его далёкой родине, — и затем бесславно погибает, застреленный охранником, не успев даже рта раскрыть? Нет? Не можете представить себе историю с таким финалом? Реальность тоже не могла. В этом и был секрет Дилана Альвареса. Он всегда стремился быть протагонистом любой истории, в которую попадал, а протагонист не погибает.

Старый университетский приятель протагониста, продавшийся системе, такой защиты не имел — и Марк Маккарти мучительно сознавал, что попал именно в этот троп.

— Дилан, — сказал он. — У меня теперь жена. И дети. Ты ведь не убьёшь меня, если я откажусь?

Не мольба. Гамбит. Дилан Альварес хотел быть протагонистом. Но тот, кто убивает человека с женой и детьми, — это не просто злодейство. Это пошлость. Такое ломает нарратив, превращает лихого бунтаря в жалкого головореза.

— Марк! — воскликнул Дилан с искренне оскорблённым видом. — Не драматизируй! Compadres para siempre, помнишь?

Когда знаешь Дилана Альвареса достаточно долго — достаточно, чтобы научиться отличать сапёрную группу от группы разминирования, — начинаешь замечать, когда он не отвечает на вопрос прямо.

— Слушай, Дилан, дело не в том, что у меня нет… хороших воспоминаний о нашем прошлом. Просто — после того, что случилось с сенатором Лаутенбергом, и после всего, что произошло здесь этой ночью, — за тобой охотятся *все*. Полиция, ФБР — да, может, даже UNSONG. И — ну, как я сказал. У меня жена и дети. Нет, — сказал Марк наконец. — Я не террорист. Убей меня, если хочешь.

Он бросил посох на пол и поднял руки.

Дилан издал звук «пффффф», потом вернулся к люку. Он подобрал пистолеты, несколько странных приспособлений и бутылку вина, рассовал всё по карманам мантии. Потом подошёл к Маккарти и крепко его обнял.

— Удачи тебе, Марк. И если когда-нибудь передумаешь насчёт БУДЖУМА — ты знаешь, как меня найти.

— Вот уж нет, понятия не имею.

— Просто повесь ещё один маятник! — Альварес расхохотался так, словно это была самая смешная шутка на свете, хлопнул Маккарти по спине, подхватил свой посох и исчез за дверью в ночь.

Марк Маккарти, последний оставшийся Архимаг Северной Америки, глубоко вздохнул. Выдох. Потом вдох. Потом его затрясло, и он рухнул на колени от облегчения. Он подобрал мескитовый посох и прижал к себе, стоя на коленях, дрожа.

Через три с половиной минуты полиция вышибла дверь. Полицейские получили анонимную наводку от мужчины с лёгким мексиканским акцентом: тот сообщил, что они найдут человека, убившего четверых своих коллег-Архимагов, и тот будет сидеть один и рыдать среди тел своих жертв.

Глава 9

Искусством небесным

3 октября 1990 года
Мексиканский залив

— МЫ ГОВОРИМ, ЧТО ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ПО ОБРАЗУ БОЖИЮ, — сказал Уриил. — НО БОГ НЕИЗРЕЧЁН И НЕ ИМЕЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ. РАЗРЕШИ ЭТОТ ПАРАДОКС.

— Я хочу есть, — сказала Соху.

Она сидела на маленьком облаке около двенадцати метров в поперечнике. В середине облачная материя была нагромождена в некое бесформенное жилище, где она спала и хранила книги. На дальнем краю стоял летающий каяк, привязанный облачными верёвками.

— ХМ.

Уриил на мгновение задумался.

— Я МОГУ СДЕЛАТЬ ЕЩЁ МАННЫ.

— Вчера была манна, и позавчера. У неё вообще *никакого* вкуса нет!

— ХМ. ПРОСТИ. ТЫ ОЧЕНЬ ПРИВЕРЕДЛИВАЯ.

— Мы посреди океана! Там же есть рыба или что-нибудь?

— ХМ.

Архангел наклонился, запустил руку в глубину и водрузил на облако Соху гигантского групера размером с джип. Тот вяло забился, потом уставился на Соху безвекими глазами, каждый размером с обеденную тарелку. Вид у него был покорный.

— КАК Я И ГОВОРИЛ, БОГ НЕ ИМЕЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ, ПОЭТОМУ УТВЕРЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ЧЕЛОВЕК

СОЗДАН ПО ОБРАЗУ БОЖИЮ, ДОЛЖНО ИМЕТЬ КАКОЙ-ТО БОЛЕЕ ТОНКИЙ СМЫСЛ. РАББИ АКИВА ПРЕДЛОЖИЛ —

— Уриил! — запротестовала Соху. — Что ты делаешь?

— Я УЧУ ТЕБЯ КАББАЛЕ.

— Я не могу это съесть!

— ЭТО РЫБА. ОНА КОШЕРНАЯ И БОГАТА ПИТАТЕЛЬНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ.

— Она на меня смотрит!

— ЭТО ЛОГИЧНО. У НЕЁ НЕТ ВЕК.

— Уриил! Сделай, чтобы она перестала!

Молниеносно архангел переставил несколько светящихся букв перед собой, заставив их зловеще пульсировать и вращаться.

У рыбы появились веки. Она моргнула.

— Это не помогает!

— ТЫ ОЧЕНЬ ПРИВЕРЕДЛИВАЯ.

Бедная рыба испустила дух.

— Люди не едят вот так, целиком, гигантскую рыбу размером с джип! Её надо разделать, приготовить, обвалять в панировочных сухарях, а я люблю с кетчупом, хотя Отец говорит, что я дикарка.

С неба посыпались ножи, едва не задев голову девочки, и воткнулись остриями в облако. За ними последовали сковородки, целые плиты, бутылки кетчупа и, наконец, манна.

— ПРОСТИ, — сказал Уриил. — ЭТО БЛИЖЕ ВСЕГО К ХЛЕБУ ИЗ ТОГО, ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ.

Соху некоторое время смотрела на всё это, потом вздохнула и взяла один из ножей покрупнее.

— РАББИ АКИВА ПРЕДЛОЖИЛ, ЧТО ЭТОТ СТИХ БЫЛ НЕВЕРНО ИСТОЛКОВАН. «ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ПО ОБРАЗУ БОЖИЮ» ОЗНАЧАЕТ «БОГ СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБРАЗУ, КОТОРЫЙ У НЕГО БЫЛ». ИНЫМИ СЛОВАМИ, ЧЕЛОВЕК БЫЛ ПОСТРОЕН ПО ОПРЕДЕЛЁННОМУ НЕБЕСНОМУ ЧЕРТЕЖУ. МЫ НАЗЫВАЕМ ЭТОТ ЧЕРТЁЖ АДАМ КАДМОН, ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК». АДАМ КАДМОН — ЭТО ЧЕРТЁЖ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, НО И ДЛЯ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЭТИМ

ЧЕРТЕЖОМ И САМОЙ ВСЕЛЕННОЙ И ЕСТЬ ОСНОВА КАББАЛЫ.

Соху прорезала одну из чешуек и в награду получила струю крови. Она взвизгнула и едва не свалилась с облака.

— А-а-ак! — сказала она. Потом: — Прости. Я слушала. Честно.

— НОВИЧКИ В КАББАЛЕ ОЖИДАЮТ ПРОСТОГО СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ АСПЕКТАМИ АДАМА КАДМОНА И ОБЪЕКТАМИ ВО ВСЕЛЕННОЙ. НАПРИМЕР, ОДНА ЧАСТЬ АДАМА КАДМОНА МОЖЕТ ОПИСЫВАТЬ ЛЮДЕЙ, ДРУГАЯ — ДЕРЕВЬЯ, ТРЕТЬЯ — ЗВЁЗДЫ. ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО МОЖНО РАЗДЕЛИТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ВСЕЛЕННОЙ — КАК РЕЖУТ РЫБУ — И ПРОСТО…

— Нет, — сказала Соху, которая всё ещё пыталась оттереть с себя кровь. — Никаких метафор с разделкой рыбы.

— ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО МОЖНО РАЗДЕЛИТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ВСЕЛЕННОЙ — СОВЕРШЕННО НЕ ТАК, КАК РЕЖУТ РЫБУ, — поправил себя ангел. — НО НА САМОМ ДЕЛЕ КАЖДАЯ ЧАСТЬ ЧЕРТЕЖА СОДЕРЖИТСЯ В КАЖДОМ ОБЪЕКТЕ, А ТАКЖЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ В ЦЕЛОМ. ПРЕДСТАВЬ ЭТО КАК ФРАКТАЛ, В КОТОРОМ КАЖДАЯ ЧАСТЬ СОДЕРЖИТ ЦЕЛОЕ. ОНО МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕОБРАЗОВАНО ПОЧТИ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ. НО ЦЕЛОЕ ВСЁ РАВНО В НЁМ ПРИСУТСТВУЕТ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ИЗУЧЕНИЕ ЛЮБОГО ОБЪЕКТА ДАЁТ НАМ НЕКОТОРОЕ ЗНАНИЕ, НЕ ПРИВЯЗАННОЕ К ОДНОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ И ПРИМЕНИМОЕ К ЛЮБОМУ ДРУГОМУ ОБЪЕКТУ. ОДНАКО, ПОСКОЛЬКУ АДАМ КАДМОН УСТРОЕН ПРИНЦИПИАЛЬНО ИНАЧЕ, ЧЕМ НАШ СОБСТВЕННЫЙ РАЗУМ ОРГАНИЗУЕТ ИНФОРМАЦИЮ, ЭТО ЗНАНИЕ ДЬЯВОЛЬСКИ ТРУДНО ОБНАРУЖИТЬ И ПРИМЕНИТЬ. НУЖНО СНАЧАЛА ПРОРУБИТЬСЯ СКВОЗЬ ТОЛСТУЮ КОЖУ СЛУЧАЙНЫХ ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДОБРАТЬСЯ ДО СЕРДЦА —

— Никаких. Метафор. Про разделку, — сообщила архангелу Соху. Она наконец сделала хороший разрез и медленно извлекала из рыбы содержимое, откладывая отдельно всё, что с виду могло оказаться съедобным.

— БИБЛИЯ — ОСОБЕННО СОВЕРШЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ СИСТЕМЫ, ИЗОМОРФНОЙ АДАМУ КАДМОНУ. КАК И ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ. КАК И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО. КАК И ТАРО. КАК И ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА. КАК И НЕБО С СОЗВЕЗДИЯМИ.

Соху кивнула. Это была селезёнка? Разве у рыб бывает селезёнка?

— В БИБЛИИ ЧЕТЫРЕ ЕВАНГЕЛИЯ, В ТЕТРАГРАММАТОНЕ ЧЕТЫРЕ БУКВЫ, У ЧЕЛОВЕКА ЧЕТЫРЕ КОНЕЧНОСТИ, В ТАРО ЧЕТЫРЕ МАСТИ, У БЛЕЙКА ЧЕТЫРЕ ЗОА И ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ НЕБА. НОВИЧОК СЧИТАЕТ ЭТО СОВПАДЕНИЕМ. АДЕПТ ПОНИМАЕТ, ЧТО ЭТО ПРОИСХОДИТ ПОТОМУ, ЧТО ЧИСЛО ЧЕТЫРЕ — ВАЖНЫЙ ОРГАНИЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП АДАМА КАДМОНА, И ПОСКОЛЬКУ ВСЕ СИСТЕМЫ ОТРАЖАЮТ АДАМА КАДМОНА, ОНИ ТАКЖЕ РАЗДЕЛЕНЫ НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ.

Соху удалось извлечь из рыбы сердце. На миг ей почудилось, что в его аккуратном делении на четыре камеры есть какой-то странный смысл. Потом она встряхнулась и продолжила.

— В БИБЛИИ ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ, В СИСТЕМЕ СЧИСЛЕНИЯ ДЕСЯТЬ ЦИФР, НА РУКАХ ЧЕЛОВЕКА ДЕСЯТЬ ПАЛЬЦЕВ, В ТАРО ДЕСЯТЬ ЧИСЛОВЫХ КАРТ, У БЛЕЙКА ДЕСЯТЬ ПРОРОЧЕСКИХ КНИГ И ДЕСЯТЬ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ НА НЕБЕ.

— Десять небесных тел?

— ВОСЕМЬ ПЛАНЕТ, СОЛНЦЕ И ЛУНА. В ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИИ ДВАДЦАТЬ ДВЕ КНИГИ, В АЛФАВИТЕ ИВРИТА ДВАДЦАТЬ ДВЕ БУКВЫ, В ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА ДВАДЦАТЬ ДВЕ ПАРЫ АУТОСОМ, В ТАРО ДВАДЦАТЬ ДВА СТАРШИХ АРКАНА, В ЦИКЛЕ БЛЕЙКА «ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ ИОВА» ДВАДЦАТЬ ДВЕ ГРАВЮРЫ И ДВАДЦАТЬ ДВА СОЗВЕЗДИЯ В КАЖДОЙ ИЗ ЧЕТЫРЁХ СТОРОН НЕБА.

Соху вытерла руки. Кажется, она извлекла из рыбы всё, что теоретически могло оказаться съедобным. Она посмотрела на свои кучки. В них было двадцать два странных неопознанных рыбьих органа.

— Хм, — сказала она.

— ТОЧНО ТАК ЖЕ: В КАТОЛИЧЕСКОЙ БИБЛИИ СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ КНИГИ, В ШЕМ ХА-МЕФОРАШЕ СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ БУКВЫ, У ЗДОРОВОГО ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА СЕРДЦЕ СОВЕРШАЕТ СЕМЬДЕСЯТ ДВА УДАРА В МИНУТУ, СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ СТОРОНЫ У ЧИСЛОВЫХ КАРТ ТАРО, СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ СТРАНИЦЫ В «ПОЭТИЧЕСКИХ НАБРОСКАХ» УИЛЬЯМА БЛЕЙКА И СЕМЬДЕСЯТ ДВА ГОДА НА ОДИН ГРАДУС ПРЕЦЕССИИ ТОЧКИ РАВНОДЕНСТВИЯ.[105]

Соху наконец извлекла достаточно рыбьих потрохов, чтобы выложить их на сковородку. Поставила сковородку на плиту. Хотя плита не была подключена ни к какому источнику газа или электричества, на ней само собой загорелось тонкое голубое пламя.

— В КАББАЛЕ, — продолжал Уриил, — МЫ ПРИЗНАЁМ ОПРЕДЕЛЁННЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ АДАМА КАДМОНА ОСОБЕННО ВАЖНЫМИ. ЧЕТЫРЁХЧАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕМ КАК ЧЕТЫРЕ МИРА. ДЕСЯТИЧАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕМ КАК ДЕСЯТЬ СЕФИРОТ. ДВАДЦАТИДВУХЧАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕМ КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ПУТИ МЕЖДУ СЕФИРОТ. И СЕМИДЕСЯТИДВУХЧАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕМ КАК СЕМИДЕСЯТИДВУХЧАСТНОЕ ЯВНОЕ ИМЯ БОГА. ПОНЯВ ВСЕ ЭТИ ДЕЛЕНИЯ, МЫ УЗНАЁМ СТРУКТУРУ АДАМА КАДМОНА И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОРГАНИЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВСЕЛЕННОЙ. КАК ТОЛЬКО ОРГАНИЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВСЕЛЕННОЙ ПОНЯТЫ, ИХ МОЖНО ИЗМЕНИТЬ. ЭТО ТАК ЖЕ ПРОСТО, КАК СТРЕЛЯТЬ ПО РЫБЕ В БОЧКЕ.[106]

— Ты делаешь это нарочно!

— РЫБНЫХ МЕТАФОР ОЧЕНЬ МНОГО.

— Подожди. Если ты можешь создавать плиты и бутылки кетчупа из ничего, почему ты не можешь создать для меня еду из ничего?

— НАИБОЛЕЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ МИСТИЧЕСКОГО ТЕЛА БОГА — ЭТО ДЕСЯТЬ СЕФИРОТ. СЕФИРА — ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО, КОТОРОЕ КАББАЛИСТЫ СБЛИЖАЛИ СО СЛОВОМ «САПФИР», ПОТОМУ ЧТО МУДРЕЦЫ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕФИРОТ КАК ПОДОБНЫЕ САПФИРАМ САМОЦВЕТЫ, НАНИЗАННЫЕ НА НИТЬ. ДЕСЯТЬ СЕФИРОТ

— ЭТО РЯД СТУПЕНЕЙ, ИЛИ УРОВНЕЙ, ИЛИ САМОЦВЕТОВ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЕ БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА ПРОТЕКАЕТ В СВОЁМ ДВИЖЕНИИ ОТ БОГА К КОНЕЧНОМУ МИРУ. КАЖДАЯ СООТВЕТСТВУЕТ ОПРЕДЕЛЁННОМУ БОЖЕСТВЕННОМУ АТРИБУТУ. ПЕРВАЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВОЛЮ БОГА. ВТОРАЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ МУДРОСТЬ БОГА. И ТАК ДАЛЕЕ.

На пальце Уриила появилась искра, и огненными линиями он прочертил в небе перед собой схему.

[Схема сефирот]

— МЕЖДУ ЭТИМИ САМОЦВЕТАМИ ЕСТЬ ДВАДЦАТЬ ДВА РАЗЛИЧНЫХ ПУТИ. КАЖДЫЙ СООТВЕТСТВУЕТ ОПРЕДЕЛЁННОЙ ЕВРЕЙСКОЙ БУКВЕ.

Соху посмотрела на светящуюся схему.

— Ладно, — сказала она. — Но что всё это *значит*?

— ЭТО БЫЛА МАШИНА БОГА ДЛЯ СОЗДАНИЯ МИРА, — сказал Уриил. — В НЕЙ БЫЛО МНОГО ПРОБЛЕМ. ПОЭТОМУ Я ВЗЛОМАЛ ЕЁ И ЗАСТАВИЛ ЭМУЛИРОВАТЬ ДРУГУЮ МАШИНУ, КОТОРАЯ УПРАВЛЯЕТ МИРОМ ПОМОЕМУ. В НЕЙ ЗНАЧИТЕЛЬНО МЕНЬШЕ НЕОЖИДАННОСТЕЙ. ВАЖНО ЗНАТЬ СТРУКТУРУ ИСХОДНОЙ МАШИНЫ — КАК ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭМУЛЯЦИЕЙ, ТАК И ПОТОМУ, ЧТО ЭМУЛЯЦИЯ БОЛЬШЕ НЕ ПОЛНА.

— Значит, вся вселенная работает на этой системе сапфиров, соединённых путями?

— БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ РАБОТАЕТ НА САПФИРАХ НА ПУТЯХ, НО ДЛЯ РАБОТЫ С БАЗАМИ ДАННЫХ Я ИСПОЛЬЗУЮ RUBY ON RAILS[107].

— Что? Это что-то другое?

— МЫ НЕ МОЖЕМ СЕЙЧАС РАЗГОВАРИВАТЬ, — сказал вдруг Уриил. — БАБОЧКИ МИГРИРУЮТ.

— Что?

— Я ТОЛЬКО ЧТО ПОНЯЛ. БАБОЧКИ НАЧИНАЮТ МИГРИРОВАТЬ. СЕЙЧАС ТОЛЬКО ОКТЯБРЬ. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ МИГРИРОВАТЬ ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ. КАЖЕТСЯ, В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ, КОГДА Я СИНХРОНИЗИРОВАЛ АЛГОРИТМЫ МИГРАЦИИ НАСЕКОМЫХ, Я ДОПУСТИЛ ОШИБКУ СО СДВИГОМ НА ЕДИНИЦУ.[108]

— Нельзя ли просто позволить им мигрировать раньше?

— КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА БАБОЧКА МАШЕТ КРЫЛЬЯМИ, ЭТО ПОРОЖДАЕТ КАСКАДНУЮ ЦЕПЬ ПОСЛЕДСТВИЙ, СПОСОБНУЮ НАРУШИТЬ ВЕСЬ ХОД ИСТОРИИ. ЕСЛИ ВСЯ МИГРАЦИЯ БАБОЧЕК ПРОИЗОЙДЁТ В НЕПРАВИЛЬНОЕ ВРЕМЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ БУДУТ СЛИШКОМ УЖАСНЫ, ЧТОБЫ ИХ ПРЕДСТАВИТЬ.

— Ах. Извини.

— ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА. Я ИСПРАВЛЮ МИГРАЦИЮ БАБОЧЕК. НА СЕГОДНЯШНИЙ ВЕЧЕР Я ДАМ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ. ВСЕ ЯЗЫКИ ИЗОМОРФНЫ АДАМУ КАДМОНУ, НО ПО-РАЗНОМУ. ТЕБЕ НУЖНО БУДЕТ СРАВНИТЬ И СОПОСТАВИТЬ ИХ. ТВОЁ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ — ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ.

— Хм, людям такое не по силам.

— О. ТОГДА СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ, ЧТО ЛЮДЯМ ХОРОШО УДАЁТСЯ. ВЛЮБИСЬ. НАЧНИ ВОЙНУ.

— Но—

Архангел уже не слушал: он вперил сияющие золотые глаза в поток букв перед собой и с пугающей скоростью переставлял их.

Соху намазала один из кусков жареной рыбы кетчупом, осторожно попробовала, потом выплюнула. Убедившись, что Уриил занят своими бабочками, она украдкой начала выдавливать кетчуп из бутылки прямо на язык. Проглотила, пожала плечами и свернулась клубочком на своём облаке с книгой и одной из бутылок кетчупа, пока архангел жестикулировал над ней.

Глава 10

Принести быстрые стрелы света

11 мая 2017 года
Сан-Хосе

Университетская библиотека почти не изменилась с тех пор, как меня отчислили. Я оформил на абонемент три толстые книги, даже не услышав ничего вроде: «Вы что-то совсем *не похожи* на Ану Тёрмонд», — не говоря уж о том, чтобы какие-нибудь громилы UNSONG потащили меня неведомо куда. Спасибо автоматическим считывателям читательских билетов.

Зато у моего дома громилы UNSONG *были*.

Я заметил их, как только свернул на нашу улицу. Перед «Итакой» стояли три больших белых фургона. С дюжину офицеров? Солдат? Ладно, пускай будут громилы. Люди в чёрной форме выстраивались перед дверью в какое-то подобие строя.

Мысленно я перебрал все сценарии. Каким-то образом Билл выяснил, зачем нам нужен его компьютер, и сдал нас. Нет, у него не было возможности это вычислить, и хотя я не жаловал этого парня, Иудой он не был.

Ладно, может, UNSONG просто в целом надоели наши тайные собрания Певцов. Такое возможно. Они же накрыли ту группу в Рино. Может, затягивали гайки. Но тогда вся история с Животворящим Именем была бы совпадением, а ничто никогда не было совпадением.

Потом до меня дошёл до смешного простой, до ослепительности очевидный ответ: Ллулл перебирал варианты в строго заданном порядке. Если не задать ему случайное начальное значение, он всякий раз начинал с одного

и того же участка пространства Шахтера и шёл в одном и том же направлении, проверяя потенциальные Имена в одном и том же порядке. Так что, если бы люди из UNSONG захотели поймать кого-то, кому удалось заставить Ллулл работать, им достаточно было бы вручную пройти по его следу. По несчастливому совпадению, Ллулл добрался до своего первого Имени всего за пару часов — такой результат приличная потогонная мастерская могла бы воспроизвести за неделю. UNSONG передала этой мастерской порядок Шахтера, по которому Ллулл перебирал варианты, получила от неё первое Имя — то самое дурацкое Имя Лунонахождения, — а потом вытатуировала его на лбах своих стражей. На всякий случай. Блин. Они были умны. Они играли на таком недосягаемом для меня уровне, что я их даже разглядеть не мог. Я очень, очень облажался.

— S — это секрет, — словно доносился из могилы голос моего двоюродного деда, — сохранишь ты вовек, коль рядом не сыщется умный человек.

Что ж, другие люди оказались умны. Ана была права. «Никто не может быть таким же умным, как я» — эта мысль была *совершенно* в духе Аарона Смита-Теллера. Подумай я хоть *две секунды*, я бы задал Ллуллу случайное начальное значение, и…

Ана. Ана была в том доме. Ана была в опасности. И Валери тоже. И, в зависимости от того, кто в прошлом месяце сумел заплатить за аренду, ещё от шести до восьми других Певцов, с которыми я был в более-менее хороших отношениях. И Сара. Что будет, если UNSONG доберётся до Сары? Об этом было слишком страшно даже думать.

И при всём этом примерно ноль процентов эмоционального ресурса мозга уходило на переживания из-за супермощного магического компьютера. *Ана*, вопила моя лимбическая система. Она была моей странной платонической как бы девушкой, хотя мы были просто друзьями и мне вообще не полагалось так её называть. Это была связь сильнее смерти. *Ана была в опасности*. [Ана!] — подумал я. Ответа не было. Очевидно, я сейчас был слишком напряжён для телепатии.

Явное значение слова «теллер» — «рассказчик».

Каббалистическое значение — «тот, кто призывает небесные силы».

Этим толкованием мы обязаны моему двоюродному деду, который *тоже* не особенно умел принимать разумные решения и не доводить дело до апокалипсиса.

Я взорвал переднюю стену своего дома.

Это было простое Имя — Имя Лавины, всего одиннадцать букв, не слишком подходящее для того, чтобы ранить людей, но прекрасное для обрушения зданий. И для привлечения внимания тоже. Ана спала как убитая. Однажды она сказала, что не проснётся, даже если дом рухнет вокруг неё. Я решил, что она преувеличивает. Вот и проверим.

Внимание UNSONG тоже было привлечено. Агенты обернулись, лихорадочно озираясь. Я пригнулся за машиной, и они меня не заметили. Они начали рассредотачиваться, держа пистолеты наготове.

Одна из причин, по которой люди становятся Певцами, — соблазн магической дуэли. Разве не здорово? Ты распеваешь грозные воинственные Имена, твой таинственный противник отражает их или нейтрализует собственным оккультным знанием, и в конце побеждает самый сведущий в эзотерике, грозно возвышаясь над грудой обломков, пока зрители смотрят с благоговением и думают: «Вот он, каббалист».

На деле даже очень короткое Имя произносится пару секунд. Нажать на спуск — десятую долю этого. Так что магические дуэли отпадают, если только противник не забыл дома пистолет, а на такое с UNSONG обычно рассчитывать не приходится. Великие мастера вроде древних раввинов или архангела Уриила могли выходить в высшие миры, где обычные правила не действовали. Но мне? Мне нужна была пара секунд, и всё это время я оставался живой мишенью.

Я произнёс Тёмное Имя и погрузил улицу во мрак.

Вступать в магическую дуэль было невероятно глупо, но никто никогда и не утверждал, что это не круто.

Пока их глаза привыкали, я произнёс Пуленепробиваемое Имя, которое защитило бы меня ровно от одной пули. Имена нужно произносить чётко и отчётливо. Если ты не Король Комет или кто-то в этом роде, больше восьми-десяти букв в секунду из себя не выжмешь. Пуленепробиваемое Имя состояло из сорока букв, а значит, занимало от четырёх до пяти секунд. Иными словами, я был не столько в безопасности, сколько «в безопасности от любого, кто не способен выстрелить в меня дважды за четыре секунды». И опять же, я не ожидал, что у UNSONG будут с этим проблемы.

План был такой: забрать Ану, забрать компьютеры и произнести Имя Исчезновения.

Тьма от Тёмного Имени была почти абсолютной, но, прежде чем я успел выползти из-за машины, с щелчком зажглись три фонарика. Пришлось признать, что мои шансы попасть в дом выглядели довольно скверно: трое агентов уже сторожили крыльцо.

Тогда я рванул к боковой стене дома. Возносящее Имя подняло бы меня на балкон, но они, скорее всего, услышали бы меня — то ли через Имя Стража, то ли обычным образом. Выбор у меня, мягко говоря, был невелик. Я всё равно произнёс его так быстро, как мог, и в меня попала пуля. Было больно. Я нырнул туда, где было бы переднее окно, если бы я не обрушил фасад, и оказался в квартире над нашей.

Я снова произнёс Пуленепробиваемое Имя. Шесть секунд. Потом пробил дыру в полу Именем Лавины и провалился к себе в спальню.

Аны не было.

Это было хорошо. Значит, она произнесла Имя Исчезновения и скрылась.

Компьютера тоже не было. Это было очень хорошо.

Пятеро агентов UNSONG держали меня на мушке, всем видом предупреждая: только попробуй запеть.

Это было очень плохо.

Я… не вполне понимаю, каков вообще был мой дальнейший план. То есть вломиться в комнату — уже достижение, но агенты, которые успели войти туда рань-

ше, наверняка в ответ наставят на меня пистолеты? Как сейчас? То есть… со знанием и применением магии у меня всё было безупречно, тут не придерёшься, но вот со здравым смыслом я дал маху по полной.

Наверное, стоит упомянуть, что ни в чём, хотя бы отдалённо напоминающем магическую дуэль, я раньше не участвовал. Как и в немагической дуэли. Вообще в любой дуэли. Однажды я дрался в баре и заработал два фингала.

— Руки вверх и молчать! — сказал один из агентов.

Медленно я поднял руки.

Агент подошёл сзади и надел мне повязку на глаза.

Кто-то засунул мне в рот кляп и надел наручники.

Меня отвели в то, что, по всей видимости, было большим белым фургоном.

Мы уехали.

Интерлюдия ה: N-Граммата

Кратчайшее действующее Имя Бога — Тетраграмматон: йуд, хей, вав и хей. Именно это Имя записано в Библии; именно его произносили первосвященники Израиля в Храме Соломона. Раввины говорили, что оно столь священно, что Бог поразит всякого нечистого, который его произнесёт. Некоторые из них впадали в самые неистовые восторги по поводу святости этого Имени и называли его Шем ха-Мефораш — святейшим из всех Имён.

В наши, более просвещённые времена мы-то знаем лучше. Мы называем его Смертным Именем, и так уж вышло, что сила этого Имени — убивать того, кто его произнесёт. Как кратчайшее из Имён, оно продолжало действовать ещё долго после того, как поток шефы — божественного света — истончился до струйки; есть свидетельства, что люди умирали, произнося Смертное Имя, ещё во времена Иисуса. Если бы каббалисты просто сказали: «Ага, Имена много чего делают; вот это Имя убивает всякого, кто его произнесёт», — никакой проблемы бы не возникло, но дело было ещё в те времена, когда рабби Шимон работал над Зоаром[109], а каббалисты сидели в подполье — иногда буквально. Вместо этого все решили, что Имя, достаточно могущественное, чтобы Бог поражал всякого, кто его произнесёт, должно быть ужасно важным, — и люди продолжали пытаться его произнести, чтобы доказать свою святость, и продолжали умирать.

Они выстроили целую жуткую систему. В Йом-Кипур первосвященник входил в Святое святых Храма, возлагал руки на Ковчег Завета и произносил Тетраграмматон. Теория была в том, что если святейший человек войдёт в святейшее место в святейший день и прикоснётся к святейшей вещи, то, может быть, этой святости хватит,

чтобы произнести Тетраграмматон и остаться в живых. Срабатывало ли это? Библия об этом молчит, но рабби Класс из Бруклина указывает, что за четыреста двадцать лет существования Второго храма сменилось триста первосвященников, хотя каждый должен был служить пожизненно. Ясно, что первосвященники Израиля жили примерно столько же, сколько чернокожие парни в фильмах ужасов. Кроме того, некоторые средневековые рукописи упоминают, что в тот момент к ноге первосвященника привязывали верёвку — чтобы пастве было легче вытащить его тело после смерти.[110]

Евреи, естественно, слегка перепугались из-за Тетраграмматона после нескольких веков такого, и раввины постановили, что всякий раз, когда нужно произнести Тетраграмматон, вместо него следует подставлять совсем другое слово — *А—и*. А когда вы собираетесь произнести *А—и*, его, в свою очередь, надо заменять на *ха-Шем*, чтобы всегда оставаться в двух смысловых шагах от Тетраграмматона. Если бы они могли, то потребовали бы заменить чем-нибудь ещё и *ха-Шем*, но *ха-Шем* буквально и значит «Имя», то есть уже настолько расплывчато, насколько вообще возможно.

Среди каббалистов общеизвестно, что христиане ужасно тупы. В какой-то момент уже в нашей эре христиане решили, что, мол, что-то там Иисус умер за наши грехи, что-то там это сделало нас чистыми, — и вознамерились продемонстрировать своё глубокое единение с Богом, просто вставляя Тетраграмматон — который они для удобства округлили до «Иеговы» — куда попало в свои богослужения. К счастью для них, к тому времени Уриил уже почти закончил перекрывать шефу, тот божественный свет, который питал Имена, и эти службы разве что заставляли хвататься за голову случайно услышавших их евреев. А потом небо треснуло. И в следующее воскресенье вполне могла разразиться грандиозная катастрофа, когда каждая христианская церковь вдруг вспыхнула бы огнём. Но им повезло. Тетраграмматон произносится не как «Иегова». Йуд звучит скорее как английская «долгая *i*» — «ай», чем как *j*; первый хей не произносится;

вав — скорее как *w*, чем как *v*. Так что христиане выжили. А вот тысячи жителей Среднего Запада умерли ужасной смертью, всего лишь упомянув название одного кукурузного штата[111], и граждане, и политики спешно приучились называть его только «Сущностью Де-Мойн».

Если не настаивать на магических силах Имён, бывают и ещё короче. Диграмматон — это алеф-ламед, то есть «Эль». Мне, калифорнийцу, из-за этого такие места, как Эль-Сегундо и Эль-Серрито, всегда казались слегка жутковатыми. Это не тот первобытный ужас, который испытываешь, когда Тетраграмматон оказывается в середине слова, — но ни один знакомый мне каббалист тоже ни разу добровольно не пошёл есть в *El Pollo Loco*[112].

Поразмыслив как следует, я решил, что не против того, чтобы испанцы использовали *el* как артикль. В Боге есть что-то очень артикльное (артикулярное? артикулированное?). Есть существительные — то есть всё творение, — и Бог не является их частью, но без Него они не складываются в целое, не обретают смысла. Артикль — это то, что воплощает расплывчатые понятия в нечто конкретное: *pollo loco* — это мечта, нечто из Брии; *el pollo loco* — уже что-то из Йециры[113], объект, сотворённое существо.

Однажды мы с Аной долго обсуждали Диграмматон. Иисус называет Себя «Альфой и Омегой, началом и концом». Это имеет смысл. Эквивалентом на иврите были бы алеф и тав. Но Диграмматон — это алеф и ламед. Ламед — средняя буква алфавита иврита. Алеф-ламед: начало и середина. «Я есмь Альфа и Лямбда, начало и середина» звучит уже не так внушительно. И как это понимать?

Ана попыталась увязать это со своей собственной теорией музыки, тишины и непесни. Было добро. Было нейтральное. И было зло. Не просто единицы и нули, а единицы, нули и минус единицы. Бог приписывал Себе добро. Он приписывал Себе даже нейтральное. А всё дурное оставлял на нас. Проведи черту от лучшего к худшему — и Бог занимает на ней всё пространство от начала до середины. Я возразил: Бог сотворил зло вместе со всем остальным; это тоже на Нём, и Он не может про-

сто сменить Имя и надеяться, что Его не вычислят. У Аны тогда не нашлось ответа. Позже, когда ей объяснили всё это подробнее, она поняла, что здесь ключ ко всей тайне: кто понял Диграмматон, тот поймёт и Шем ха-Мефораш, и всё прочее в придачу. Но это было ещё очень нескоро.

Существует даже Монограмматон. Мудрецы взяли двадцать две буквы алфавита иврита и решили, что ровно одна из них — Имя Бога. Эта буква — *he*, то есть хей. Она пятая по счёту и даёт протяжный придыхательный звук «h-h-h», как английская H. Мудрецы говорят, что дыхание тоже звучит как «h-h-h», и, пожалуй, оно и правда звучит примерно так. Дыхание — животворящий дух человека, Бог — животворящий дух мира. Вроде сходится.

He произносится как *hey* или *hay*[114]. *Hey* — это слово, которым мы окликаем человека, чтобы привлечь его внимание. Внимание — это сознание, высший уровень мысли, соответствующий сефире Кетер. Когда мы кричим кому-то «Hey!», мы произносим святое Имя Бога, призывая Монограмматон, чтобы пробудить в нём Божественное. *Hay* — это то, что едят коровы. Коровы едят сено, а мы едим коров. Мы никогда не прикасаемся к сену, но оно косвенно нас питает. Это онтологическое основание, тайна, дающая нам жизнь, хотя мы об этом и не знаем.

Но *he* пишется так же, как английское *he* — «он». Когда-то давно Ана сказала, что Святое Явное Имя Бога — «Хуан», потому что, мол, *God is Juan and His Name is Juan* — «Бог есть Хуан, и Имя Его — Хуан». Мы оба посмеялись и забыли об этом, но потом я листал свою верную Библию Короля Иакова[115] и начал кое-что замечать. Пс. 94:7: «Он есть Бог наш». Пс. 99:3: «Он сотворил нас». Иов 37:23: «Он велик силою, судом и полнотою правосудия». У всех этих мест есть и вполне прямой английский смысл. Но по-своему они ещё и призывают Монограмматон.

И *he* соответствует английской букве H. H — это *hydrogen*, «водород»: начало периодической таблицы, строительный материал, из которого сделано всё остальное. H — фундаментальная единица материи во Вселенной. H, как говорится, — бесцветный газ без запаха, который, ес-

ли дать ему достаточно времени, склонен превращаться в людей.[116] Как всё это могло бы иметь смысл, если бы Н не был Богом — организующим и упорядочивающим принципом Космоса, Тем, кто создаёт всё сущее?

А ещё был мой безумный двоюродный дед. Изобрёл бомбу, способную уничтожить мир, — самую смертоносную и ужасающую вещь, какую когда-либо создал человек, — и прилепил к слову *bomb* спереди Н: *H-bomb*. Я до сих пор время от времени думаю: не был ли он тайным каббалистом? Чтобы быть столь безрассудным, нужна известная доля одержимости. Именно таким я его и представляю: ночью изучает Тору, днём изобретает новые способы уничтожать города. Какой должна быть религия у такого человека? Какие у него отношения с Богом? Какая сотериология[117]? Какая теодицея? Всё, что у меня есть, чтобы судить об этом, — одна старая книга, единственное, что оставил мне отец:

Н стала самой зловещей теперь:
Что-то больше — не лучше, уж верь.

Что нам на *это* ответить?

Глава 11

Загнать праведника в бесплодные земли

11 мая 2017 года
Сан-Хосе

I.

По словам Екклезиаста, «время и случай — для всех их»[118]. В случае Аны случилось так, что она собиралась поспать подольше, но проснулась голодной и обнаружила, что молоко кончилось. Она натянула старую футболку — ту, что привезла с конференции по теодицее пару лет назад, с надписью «КТО СТОРОЖИТ ЧАСОВЩИКА?»[119] на груди, — подхватила пакет и направилась в магазин «7-Eleven» на углу.

Семёрка символизирует мир — отсюда семь дней творения, семь нижних сефирот под Бездной и семь континентов. Одиннадцать символизирует избыток, выход за пределы сверхъестественной полноты десятки в недозволенное умножение форм. В сумме они дают восемнадцать; такое числовое значение имеет в гематрии ивритское слово «хай», означающее «жизнь». Следовательно, «7-Eleven» символизирует избыток мирских благ, поддерживающих жизнь, — иными словами, слишком много еды. Повинуясь тайным законам Бога, Ана сдалась и купила коробку пончиков.

Увидев фургоны, она на мгновение понадеялась, что её сосед по дому Аарон всё ещё в Стэнфорде и забирает книги из библиотеки. Надежда рухнула, когда улица погрузилась во тьму и раздались выстрелы.

Часть её хотела побежать назад и помочь (чем? орудуя пакетом с продуктами как оружием?), другая — хотя бы ворваться в дом и уничтожить компьютеры, пока UNSONG до них не добралась. Она знала некоторые Имена. Но знала она и то, что только полные идиоты вступают в магическую дуэль с вооружённым противником, так что вместо этого она побежала, а рядом подпрыгивал пакет с молоком и пончиками — она и соображала-то не настолько ясно, чтобы его бросить.

Через пять минут бега она добралась до станции BART «Берриесса» — вся в поту и запыхавшаяся. Она достала карточку и приложила её к турникету. Поезд подошёл почти сразу. Она вошла, даже не глядя, куда он идёт. Нужно было уехать как можно дальше, туда, где зона поиска UNSONG станет неохватной. Полтора часа спустя она добралась до конечной в Плезантоне и заспешила прочь от неё. Десять минут бега через парковки и жилые кварталы — и она села в поле у дороги и наконец позволила себе отдышаться. Позволила себе подумать.

Она заплакала.

Валери — её кузина. Аарон — её странный платонический друг, за которого она вышла замуж, *но только чтобы проверить Имя*. Все остальные соседи по дому. Что с ними случилось? Что за катастрофа?

Аарон напортачил? Что произошло во время его поездки в Стэнфорд? Он рассказал Додду? Это просто совпадение? Их преследуют за собрания Певцов, за недозволенное использование защищённых Имён или за попытку захватить мир? Кто-нибудь погиб? Люди в белых фургонах выглядели *очень* серьёзно.

[Аарон?] — мысленно спросила она, но ответа не было.

Возвращаться в «Итаку» нельзя. UNSONG будет наблюдать. К родителям в Редвуд-Сити тоже нельзя — если UNSONG выяснила масштаб их открытия, то будет следить и за родителями. В Северном заливе жили разные Певцы, но если им известно об «Итаке», значит, не исключено, что они внедрились в ряды Певцов. К друзьям обращаться было небезопасно. Возможно, на самом деле они ей вовсе не друзья.

Можно было сдаться. Но за какое преступление? Что, если они просто злятся из-за какой-то безумной выходки Валери, а она проболтается о Животворящем Имени и подставит Валери с Аароном? А что, если удастся найти книги по коррекции ошибок в Именах? У неё всё ещё была искажённая версия Животворящего Имени; она всё ещё могла его восстановить и осуществить план Аарона без него. Когда она будет управлять миром, можно будет вежливо попросить UNSONG отдать ей друзей. Было что-то ужасное в самой мысли сдаться, когда на кону так много.

Значит, она будет беглянкой. Будет скрываться, пока не найдёт книги по коррекции ошибок в Именах или надёжного каббалиста, который ей поможет. Потом добудет другой компьютер. Потом попробует снова.

Она оценила ситуацию. В кошельке лежало 105,42 доллара и несколько кредитных карт, но любая операция по ним выдала бы её местонахождение. А ещё поддельное удостоверение, которое Валери однажды сделала для неё, когда была настроена особенно бунтарски — в духе «к чёрту полицию»: тогда Валери решила, что иметь фальшивые документы добродетельно и контркультурно, даже если никогда ими не пользуешься. И ещё Ана впервые осознала, что всё это время несла пакет с молоком и пончиками. Она съела пончики. И они оказались очень вкусными.

Она побрела искать библиотеку и, к своей радости, нашла её почти сразу. Библиотекарь сказала, что книги по коррекции ошибок в Именах очень сложные и технические и что искать их стоит в профильной библиотеке в Беркли или Стэнфорде. Этого Ана и ожидала. Она поблагодарила библиотекаря и потратила 74,99 доллара на номер в ближайшем отеле, где незамедлительно рухнула на кровать.

Она уже была в полусне, когда заметила, что ноутбук на столе — это Сара.

II.

Ана осмотрела его очень внимательно. Он был тут, когда она вошла? Она приняла его просто за ноутбук, которым отель разрешал пользоваться гостям? Может, немного необычно для дешёвого отеля, но не из ряда вон? Она не помнила. Но сейчас он был здесь, и это была Сара. Тот самый старый компьютер серии NE-1. Тот же рисунок царапин на крышке. И даже сбоку чёрной ручкой было небрежно выведено «AARON».

Ана выглянула в окно — ничего необычного. Чувствуя себя немного глупо, она заглянула под кровати. Никого. Очень осторожно, с Именем на кончике языка, она приоткрыла дверь номера — никого. Либо он был здесь, когда она пришла, либо — либо что?

Но это не имело смысла. Она сама не знала, что остановится в этом отеле, пока случайно на него не набрела. Эвфемизм! На стойке регистрации её спросили, хочет ли она номер на первом или втором этаже, — и выбрала второй она сама. Насколько она была не в себе? Неужели она сама не заметила, как уснула на кровати? Кто-то прокрался, оставил ноутбук и ушёл?

Руки у неё тряслись; каждую секунду она ждала, что её арестуют. Она открыла ноутбук.

Знакомая фотография Сары Мишель Геллар смотрела на неё. Ллулла не было. Браузера не было. Все иконки на рабочем столе исчезли, кроме одной. Текстовый файл под названием README. Ана прочитала.

ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР СОДЕРЖИТСЯ
В СЕКРЕТНОМ ИЗОЛЯТОРЕ ПОД АЙОНОМ,
КАЛИФОРНИЯ. ВАМ СЛЕДУЕТ ПОПЫТАТЬСЯ
ЕГО СПАСТИ. ИСПОЛЬЗУЙТЕ ПРИВЕДЁННЫЕ
НИЖЕ ИМЕНА. АБСОЛЮТНО НИЧЕГО НЕ
ПОЙДЁТ НЕ ТАК.
УХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО. ЗДЕСЬ
НЕБЕЗОПАСНО.

И далее следовали три совершенно новых Имени с тремя пояснениями. Первое — Призрачное Имя, дарующее невидимость. Второе — Имя Воздухохождения, позволя-

ющее ступать по воздуху как по твёрдой земле. И третье — Имя Мистраля[120], которое, согласно слегка зловещему описанию в документе, «призывает ветра».

Ана Тёрмонд, заслуженный исследователь теодицеи имени Августина и вообще человек весьма толковый, была ошеломлена.

Она начала с очевидного. Произнесла первое Имя. И стала невидимой.

— Эвфемизм! — вырвалось у неё от шока, и в ту же секунду, как слово слетело с губ, она снова стала видимой.

Что ж, ставки повысились. Имени, делающего человека невидимым, не существовало. Если бы оно существовало, она была уверена, что военные использовали бы его, вместо того чтобы гнать на врага целые видимые батальоны, как простаки.

Некоторые говорили, что ангелы знают тайные Имена. Некоторые — что Король Комет знал каждое Имя, которое есть или когда-либо будет. Иные утверждали, что UNSONG сидит на гигантском запасе Имён, которые использует исключительно для себя. А ещё всегда находились случайные каббалисты, которые открывали Имена благодаря уму или удаче, — вроде того раза, когда она открыла СКАБМОМ. Но чтобы кто-то располагал секретом невидимости…

Ловушка? Очевидный аргумент «за»: её просили фактически войти на военную базу безоружной, с невероятно ценным магическим артефактом. Очевидный аргумент «против»: тот, кто расставлял ловушку, и так знал, где она, и уже завладел Сарой, а значит, весь этот спектакль был бы пустой тратой времени.

Стоп. Сара. Кто бы это ни сделал, тот, должно быть, не понимает, что такое Сара. Кто, зная, на что способен этот компьютер, просто взял бы и отдал его? Но как можно знать достаточно, чтобы выяснить, где держат Аарона, и при этом не понимать, за что его арестовали? Если его вообще арестовали из-за Животворящего Имени. Но если это просто обычная облава на Певцов, кто стал бы настолько утруждаться, чтобы дать ей три новых Имени и отправить спасать его? И если уж они так могуществен-

ны, почему не спасут его сами? Чем больше она об этом думала, тем меньше во всём этом было смысла.

Она свернула файл README и снова осмотрела компьютер. Ничего. Кто-то начисто стёр всё, кроме обоев с Сарой Мишель Геллар. Может, её перенесли на другой компьютер? Может, это оболочка Сары, а настоящая Сара где-то в другом месте?

Потом она снова стала невидимой. Было странно: она по-прежнему безошибочно чувствовала положение собственного тела и почти видела его там, где оно должно было быть. Но она определённо была невидима. Её одежда тоже была невидима.

— Хм, — сказала она и тут же стала видимой.

Она положила Сару в сумку, повесила сумку на плечо и осторожно произнесла Имя. Сумка с содержимым стала невидимой.

— Ого, — сказала она и снова появилась.

Платон рассказывал историю о человеке по имени Гигес, повсюду прославленном своей добродетелью. Однажды тот нашёл волшебное кольцо, позволявшее становиться невидимым. После этого он просто ходил и крал всё подряд, потому что, оказывается, добродетель не так уж много значит, когда у тебя есть магические способности и ты знаешь, что попасться невозможно[121].

Ане эта история никогда особенно не нравилась. Она считала добродетель чем-то врождённым, тем, что делаешь, потому что это правильно, а не из страха наказания. Ей казалось, что Платон недооценил Гигеса. По дороге из отеля она стащила 300 долларов из кассы, прямо из-под носа администратора, а заодно прихватила рюкзак, чтобы переложить туда пончики. Оправдывая себя — и заодно Гигеса, — она сказала себе, что отель — злая корпорация и, вероятно, сама украла эти деньги из карманов Трудового Человека.

Секунду она мучилась вопросом — брать ли компьютер. Если взять и что-то пойдёт не так, UNSONG заберёт Сару, и всему конец. Если не взять — придётся оставить его здесь, где, по всей видимости, небезопасно, и потом возвращаться. Она решила, что если её схватят или не

удастся спасти Аарона, ничто из этого уже не будет иметь значения, и положила ноутбук в рюкзак к пончикам.

Потом она снова стала видимой, вызвала такси и спросила, сколько будет стоить доехать до Айона.

Интерлюдия ו: Десница Господня

20 июня 1970 года
Сан-Франциско

В 1966 году ЛСД запретили в Калифорнии — за два года до того, как реальный мир сам превратился в такую галлюцинацию, что ЛСД стал уже ни к чему.

Некоторые слои населения ухитрились не заметить ни того, ни другого и продолжали время от времени экспериментировать с веществом, которое становилось всё опаснее. И опасность исходила не только от правоохранительных органов. С тех пор как на небе появились трещины, поступали разрозненные сообщения о том, что на психоделиках творятся *странные вещи*. Рассказам тех, кто принимал пейотль в Мексике, почти невозможно было поверить. Даже те, кто был настолько непатриотичен, что сомневался во всё более резких предупреждениях администрации Никсона о злоупотреблении наркотиками, начали обращать на это внимание.

Но не «Весёлые Проказники» и не Кен Кизи[122]. Он лежал на полу необставленной квартиры в Сан-Франциско и наблюдал, как клубящиеся краски мягко искажают податливую плоскость потолка. Рядом его друг Пол время от времени отрывался от книги и, как и обещал, присматривал за Кеном во время трипа. Было довольно скучно. Кен лежал почти неподвижно с тех пор, как принял марку ЛСД, и почти не говорил. Впрочем, формальности следовало соблюсти.

Краски закрутились чуть ярче. Пульсирующие фракталы начали расширяться, одновременно расползаясь *наружу* и стягиваясь *внутрь*.

Дочитав главу, Пол ещё раз бегло посмотрел на Кизи.

Его друг стоял. Нет, не стоял. Парил. Он висел примерно в футе над полом. Лицо его было без выражения. В глазах не осталось ни зрачков, ни радужек, никаких иных различимых деталей; они сияли серебром.

Пол закричал.

— НЕ БОЙСЯ, — сказал Кизи, но голос был не его.

— Что… что проис… кто… что ты… помогите!

— НЕ БОЙСЯ, — сказал Кизи, и голос был уж точно не его. — Я ДЕСНИЦА ГОСПОДНЯ. Я НЕСУ ТЕБЕ ВЕЧНОСТЬ. ВСЕ СТЕНЫ ВОКРУГ ТЕБЯ ПАДУТ.

Пол попытался подняться. На секунду замер, переводя дыхание. Кизи — точнее, существо в теле Кизи — казалось, готово было подождать. Оно просто стояло, паря в воздухе.

— К… кто ты? — спросил Пол.

— ПРЕКЛОНИ КОЛЕНИ, — сказало существо в теле Кизи.

— Но… кто… что ты *такое*?

— ПРЕКЛОНИ КОЛЕНИ, — сказало существо в теле Кизи уже настойчивее.

Дрожа с головы до ног, Пол опустился на колени.

Глава 12

На крыльях ангелов

11 мая 2017 года
Сан-Хосе

Валери Лоури сидела в постели с ноутбуком на коленях, наблюдала, как встаёт солнце, и писала новости.

Явное значение слова *news*[123] — «новые вещи».

Каббалистическое значение слова *news* — «летопись того, как мир сводит на нет человеческие амбиции».

Это мы выводим по нотарикону, интерпретируя *news* как акроним четырёх сторон света: north (север), east (восток), west (запад), south (юг). Есть и второй нотарикон того же вида. По-гречески четыре стороны света — это *arktos* (север), *dysis* (запад), *anatole* (восток) и *mesembria* (юг). Когда Бог взял прах с четырёх углов мира, чтобы сотворить первого человека, Он назвал его по этим четырём углам, сложив из них нотарикон; так появился «Адам»[124].

Несмотря на это сходство, между двумя словами есть различие: *news* даёт порядок север-восток-запад-юг, а *Adam*, если перевести его компоненты в названия сторон света, — север-запад-восток-юг. Две средние буквы переставлены. Почему?

(Когда я объяснял это Ане, я добавил, что в этом классе есть ещё третье слово — «snew». Когда она спросила: «Что такое snew?», я ответил: «Да ничего особенного! А что snew у тебя?» — и она отказывалась разговаривать со мной до конца дня.)[125]

Я предлагаю следующее объяснение вариации. В течение дня солнце движется с востока на запад. Этот цикл восхода и заката символизирует естественный ход мира,

движение от рождения к смерти. Адам — единственный в истории, кто обратил этот порядок вспять: он перешёл от мёртвой глины к живому человеку. И его потомки продолжают идти этим путём, пытаясь повернуть природу вспять, вырвать пузырь порядка из всеобщего распада. Они растят детей, строят города, объединяют империи. Но природа всегда говорит последнее слово. Дети стареют и умирают. Города рушатся. Империи рассыпаются. Творения человека в конце концов уступают естественному циклу. Движение запад-восток обращается вспять, и курс солнца и мира с востока на запад берёт верх. И когда это происходит, мы называем это news — новостями.

Итак: Валери Лоури наблюдала, как встаёт солнце, и писала новости.

Валерин «Калифорнийский Хорист» был одним из самых популярных журналов контркультурной сцены залива Сан-Франциско. У неё был дар. Если бы меня попросили его назвать, я бы сказал, что это был дар принимать всё всерьёз. Если кто-то организовал протест, и пришли только пять человек, и потом начался дождь, так что все ушли внутрь и пообедали, — Валери умела описать это чуть более героически и монументально, чем Первый крестовый поход. Она не искажала фактов и не сглаживала неприятных подробностей — она просто писала от сердца, а её сердце было убеждено, что всё, чем она и её окружение занимались, — самое важное дело на свете.

Этим утром Валери принимала окончательное решение о том, какие материалы включить в июньский номер. Главной публикацией номера должна была стать статья о том, как несколько крупных хедж-фондов в последнее время скупают доли во всех теономических корпорациях. Аарон написал длинный каббалистический анализ детской песенки «В моём ведре дыра»[126] — это было… очень в духе Аарона… но зато хотя бы займёт несколько страниц. И последнее, но не менее важное: призыв прийти на бдение памяти погибших жителей Великого Бассейна, которое состоится в Оклендской гавани, перед забаррикадированным мостом. Все будут стоять у воды

со свечами, и это станет достойной данью мученикам борьбы против тирании, и…

Она была так поглощена работой, что почти не заметила выстрелов.

На улице вдруг стало темно. Кто-то использовал Тёмное Имя. Это было неважно. Ей не нужно было видеть улицу внизу, чтобы понять, что происходит. UNSONG наконец нашла их. Она знала, что этот день настанет. Ана ушла за молоком. Она говорила, что Аарон отправился в библиотеку за книгой. Валери была совсем одна.

Насвистывая, она протянула руку под кровать и достала экстренный рюкзак для бегства от UNSONG, потратив пару секунд, чтобы засунуть ноутбук в передний карман.

Валери была хорошим редактором журнала, потому что жила в несколько ином мире, чем все остальные, — в мире, где за каждым углом таились враги, а героем мог стать каждый. Изредка её мир пересекался с реальным, и тогда она чувствовала себя как рыба в воде.

Она вылезла из окна и спрыгнула на экстренное дерево для бегства от UNSONG, росшее прямо за окном. Оттуда она спрыгнула во двор соседей, пробежала за дом, перемахнула через задний забор в другой соседский двор, затем перепрыгнула через забор со стороны улицы и оказалась на следующей улице. Стараясь выглядеть спокойно, она шла по ней, пока не дошла до парка, пересекла его и вышла на совершенно другую улицу. Зашла в кафе, заказала кофе и села.

Всё прошло точь-в-точь как в её фантазиях.

Она достала из рюкзака экстренный телефон для бегства от UNSONG и отправила сообщение сначала Ане, потом Аарону. «Привет, — написала она. — Санта-Барбара прекрасна в это время года. Жаль, что тебя здесь нет». Если телефоны Аны и Аарона достались UNSONG, сообщение собьёт организацию со следа. Если же телефоны остались у них самих — что ж, судя по тому, как они отреагировали, когда Валери раньше долго и обстоятельно объясняла им эту систему, оба лишь закатят глаза и скажут, что реальная жизнь так не работает и кодовые

слова — это глупость. Но, будем надеяться, они хотя бы ответят и скажут, в безопасности ли они.

Не получив ответа, она проверила amtrak.com на ноутбуке, проворчала что-то, допила кофе и вышла обратно на улицу. На выходе она чуть не столкнулась с полицейским, несущим пакет бейглов. Она одарила его лёгкой улыбкой, и он неловко улыбнулся в ответ.

Она продолжала идти — по обсаженным деревьями улицам, одной за другой, — пока не приблизилась к аэропорту настолько, что рёв самолётов над головой стал оглушительным и неприятным. На краю асфальтированной площадки стоял обшарпанный жилой дом. Достав из рюкзака блокнот и убедившись, что адрес правильный, она постучала в дверь 3А.

В проёме показалась голова с нимбом, затем дверь приоткрылась чуть шире, открывая вид на нескладное крылатое тело.

— Если это насчёт того, чтобы впустить Иисуса в моё сердце[127], — сказал он уныло, — пожалуйста, не беспокойте меня. Я и так уже ангел.

— Зиниэль, — сказала она. — Это я. Валери. Ангелы не очень хорошо различали человеческие лица, зато имён не забывали никогда.

— О! — ответил тот. — Прости! О, мне так плохо это даётся! Прости! Обещаю, я не хотел…

— Всё в порядке, — сказала Валери. — Можно войти?

Однокомнатная квартира Зиниэля была пуста. Совершенно пуста. Полагаю, если тебе не нужна еда, то и стол, плита или холодильник тебе особо не нужны. Но где же он *сидел*?

— Мне нужно, чтобы ты помог мне попасть на «Калифорнийский Зефир», — сказала она.

Зиниэль растерялся.

— Разве не нужно покупать билеты? — спросил он.

— Билеты раскупают за несколько месяцев, чудной, — сказала ему Валери.

Зиниэль был падшим ангелом. Заметьте, не демоном. Разница между демоном и падшим ангелом — это разница между капитаном подводной лодки и матросом,

которого столкнули за борт без спасательного жилета. Демон точно знает, что делает, и наслаждается каждой минутой. Падший ангел, ну…

Г. К. Честертон говорил, что ангелы летают потому, что относятся к себе легко[128]. Но что происходит, когда ангел видит слишком много, когда грехи и страдания мира придавливают его? Облака перестают выдерживать его вес, крылья, носившие его в небесах во дни Авраама и Моисея, слабеют, и он низвергается на землю. Там он попадает в порочный круг. Как бы циничен и пресыщен ни стал ангел, этого никогда не бывает достаточно. Ангельские мозги, или души, или что там у них есть, просто не приспособлены вмещать дозу цинизма, необходимую, чтобы справляться с земной жизнью. В итоге они безнадёжно растеряны, постоянно разочарованы во всём вокруг и почти не способны приспособиться. И они уже никогда больше не смогут относиться к себе легко.

— Мне всё-таки кажется, что если хочешь ехать на поезде, нужно покупать билет, — сказал Зиниэль, хотя в голосе его звучала неуверенность.

— Чепуха! — сказала Валери. — Представь, если бы это было правдой! Только богатые люди могли бы ездить на поездах. Бедные вообще не могли бы себе этого позволить!

— О, — сказал Зиниэль, немного смутившись. — Пожалуй, я об этом не подумал.

— Ничего страшного, — сказала Валери. — Ты ещё новичок в таких вещах. А теперь вот что мне от тебя нужно…

Для этого потребовалась каббалистическая перекройка пространственной системы координат Среднего Запада, из-за которой тамошние дороги стали непригодны, плюс технологический коллапс настолько глубокий, что самолёты могли летать, только если у Уриила выдавался действительно хороший день, плюс превращение Панамского канала в некий проводник мистических энергий, сводящих с ума всех в его окрестностях, — но Америка наконец взяла себя в руки и создала приличную железнодорожную систему. Как обычно, именно Король

Комет сдвинул дело с мёртвой точки: в конце восьмидесятых он встретился с президентом Бушем-старшим и губернатором Калифорнии Докмеджяном и договорился превратить один из старых маршрутов «Амтрака» в настоящую высокоскоростную магистраль — вроде тех, что уже десятилетиями существовали в Азии. Она начиналась в Сан-Франциско, пересекала Неваду и Юту, шла дальше до Денвера — в двух шагах от бывшей столицы Короля Комет в Колорадо-Спрингс, — рассекала Средний Запад насквозь и заканчивалась на атлантическом побережье.

Это проработало около пяти лет. Затем произошло очередное резкое падение эффективности технологий, и часть маршрута пришлось дорого переоборудовать под использование Движущего Имени. Потом Король Комет погиб, и ситуация с безопасностью полетела к чёрту — в некоторых случаях буквально. Дымящиеся руины Среднего Запада захватили военные вожди и варварские вождества — Паулус Беззаконный, Ведьмовской Король Уичито[129], Оклахомская Охлократия[130], — которые требовали пошлину за проезд по их территории. Другой Король захватил Неваду и потребовал ещё одну пошлину. Тлеющий конфликт на Восточном побережье после выборов 2000 года[131] перерос в партизанскую войну, из-за которой весь район Аппалачей стал опасен. Теперь «Зефир» ходил раз в неделю. Из Калифорнии в четверг днём, в Нью-Йорк в пятницу утром, обратно в Калифорнию к субботнему вечеру. Билеты стоили дорого и раскупались за месяцы вперёд.

— «Зефир», — сказала Валери, — отправляется со станции примерно через два часа. На станции поезд охраняют, чтобы никто не залез в багажные вагоны. Но после того как он тронется, никаких проблем. Мне просто нужно, чтобы ты перенёс меня по воздуху на поезд, когда он будет отходить от станции. Дальше я справлюсь сама.

Зиниэль выглядел несчастным.

— Я хочу помочь, — сказал он, — но я уже не очень хорошо летаю.

— Тебе нужно будет всего лишь перенести меня пару метров — с края путей на поезд, — сказала она. — И я знаю, что для тебя это может быть трудно. Но именно для этого у меня есть *вот это*.

Она достала из рюкзака пузырёк с прозрачной жидкостью.

Ангелы летают, потому что относятся к себе легко. Падших ангелов придавливают грехи и печали мира. Но ещё со времён древней Месопотамии люди знали простой способ временно забыть о грехах и печалях мира. Пара пинт пива помогает даже самому пресыщенному человеку снова отнестись к себе легко.

На ангелов пиво не действует, но святая вода оказывает примерно тот же эффект.

Зиниэль уставился на неё с жадностью.

— Кажется, мне так нельзя, — сказал он. И был прав. У церквей были очень строгие правила: святую воду не давали ни ангелам, ни тем, кто выглядел так, будто собирается продавать её ангелам. Валери добыла пузырёк, лишь соблазнив семинариста и пообещав не делать именно того, что делала прямо сейчас.

— Это ради *доброго дела*, — терпеливо объяснила Валери. — Это чтобы ты помог мне попасть на поезд. Мне нужно сесть на этот поезд, понимаешь? Это очень важно. Это ради *настоящей любви*. Мой парень в Баффало.

— Правда? — спросил Зиниэль.

В некотором роде правда. Валерин бывший-небывший парень, Брайан Янг, покинул Итаку три месяца назад — из раздражения тем, что он считал избыточным пацифизмом и хиппизмом калифорнийской контркультуры. Он поклялся найти БУДЖУМ — террористическую ячейку, убившую президента Буша и намеревавшуюся заодно свергнуть новое правительство, — и Восточное побережье стало его первой остановкой. Несколько недель назад он прислал Валери телефонный номер. Она не звонила, потому что одному Богу известно, во что Брайан влип, и неизвестно, кто мог прослушивать звонки.

Но если UNSONG действительно ищет её, лучше убраться как можно дальше. А если Брайан действительно

связался с БУДЖУМ, они наверняка кое-что знают о том, как избегать облав.

Что касается статуса беглянки — упоминать это Зиниэлю она не собиралась. Конечно, после её вербовочной речи он в конце концов стал время от времени участвовать в делах их ячейки Певцов. Но ангелы просто не умели противиться властям. Узнай он, что она в бегах, — и есть все шансы, что его внезапно одолеет приступ совести и он её выдаст.

— Ну, — сказал Зиниэль. — Если это ради настоящей любви…

И одним глотком осушил весь пузырёк святой воды. Совесть можно было заглушить.

Три часа спустя Валери спустилась через люк в багажный вагон и протяжно вздохнула.

Она, если подумать, была теперь в чертовски надёжном месте. UNSONG может обыскать всё Западное побережье — возможно, так и сделает — и ничего не найдёт. А если Зиниэль донесёт на неё — что ж, вполне может, — много им это не даст. Она сказала ангелу, что едет в Баффало, но код города Брайана говорил о Нью-Йорке. Она сойдёт с поезда на Манхэттене и пусть они обыщут Баффало вдоль и поперёк.

Поезд проехал через Центральную долину, потом стал подниматься к предгорьям Сьерра-Невады. Но для Валери это не имело значения: в багажном вагоне всё равно не было окон.

Она в последний раз проверила телефон, прежде чем села батарея. Ничего от Аарона. Ничего от Аны. Она надеялась, что с ними всё будет в порядке. Она полагала, что будет. У обоих голова на плечах. Ну, вроде бы. Ладно, не совсем. Зато книжного ума им было не занимать. Это ведь тоже чего-то стоит, верно?

Она прислонила голову к багажной сумке и уснула.

Интерлюдия ז: В моём ведре дыра

Звони в колокола, пока в них живёт звон,
Забудь о безупречном приношенье.
Во всём есть трещина — сквозь неё
И проникает внутрь свет.
— Леонард Коэн, «Гимн»

«В моём ведре дыра» — эссе Аарона Смит-Теллера
Представлено для публикации в июньском номере *Калифорнийского Хориста* за 2017 год.

Вы наверняка слышали эту старую детскую песенку. «В моём ведре дыра, дорогая Лиза, Лиза». Мальчик по имени Генри просит подружку Лизу помочь ему починить прохудившееся ведро. Лиза советует заткнуть дыру соломой — но Генри нужен нож, чтобы разрезать солому; точильный камень, чтобы наточить нож; вода, чтобы смочить камень; и ведро, чтобы принести воду. Он возвращается ровно туда, откуда начал: в его ведре дыра, и он понятия не имеет, что с этим делать. Каббалистический смысл происходящего очевиден.

Если поискать имя «Лиза», выяснится, что через Елизавету оно восходит к древнееврейскому имени Элишева[132] — имени непростому. Мне встречались переводы «Бог — клятва», «Бог — удовлетворение», «Бог — гнев» и — если понимать его совсем буквально — «Бог — семь». Ладно. Отложим это пока в сторону.

Смотрим дальше: «Генри» — это письменная форма того, что произносится как «Гарри». Зачем писать имя иначе, чем оно звучит? В иврите есть традиция писать Имена одним образом, а произносить — другим: так *А—и* на практике становится *ха-Шем*. Несколько месяцев назад я в шутку сказал другу, что Явное Имя звучит как «Гарольд»: ведь английское *Hallowed be thy name* («да

святится имя Твоё») можно расслышать как *Harold be thy name* («Гарольд да будет имя Твоё»). Если Гарольд и впрямь одно из Божественных Имён, совершенно логично, что его пишут иначе, чем произносят.

Значит, имя в этой детской песенке нужно читать по-английски как *Harry*, «Гарри», — а это недвусмысленная отсылка к самому знаменитому каббалисту всех времён: рабби Ицхаку Лурии, более известному под ивритским прозвищем Ха'Ари[133]. Вся жизнь Ха'Ари была посвящена тому же вопросу, что снедает стольких из нас: как совершенно благой Бог мог создать вселенную, переполненную злом?

У Малахии (3:2) Бог назван «огнём расплавляющим» — просто потому, что древние евреи не знали слова *H-bomb*. Бог — это бесконечная энергия, необузданная мощь, которая неизбежно опалит и сожжёт всё, к чему прикоснётся. Если бы Бог хоть на секунду дотронулся до Вселенной мизинцем, она разлетелась бы вдребезги, как уроненное яйцо. Так как же Бог создаёт вселенную? Как Он её поддерживает?

Ха'Ари предлагает систему, которую я, человек XXI века, не могу не сравнить с электрическими трансформаторами. Если бы электричество шло прямо с атомной станции на лампочку у вас дома, лампочка бы взорвалась. Вместо этого ток идёт от станции к огромному трансформатору, который справляется с таким напряжением и снижает его, затем к трансформатору поменьше, который справляется уже с этим уровнем и снижает его ещё, — и так далее вплоть до вашей лампочки. Сила Бога, таким образом, проходит через десять сефирот как через «трансформаторы», преобразующие её в напряжение, способное воздействовать на мир.

Поскольку у Лурии не было этой метафоры, он говорил о «сосудах». Представьте декоративный фонтан, в котором вода падает в один горшок, наполняет его, потом переливается в другой, пониже, затем в ещё один — и так до самого дна. Лурия воображал десять сосудов, которые бережно передавали воду от Бога вниз, через все уровни мира, и на каждом из них Божественная энергия ста-

новилась всё ограниченнее, пока наконец не достигала нас.

Таков, во всяком случае, был замысел. Первый горшок сработал как надо. Второй и третий — тоже. Четвёртый оказался чуть слабее, чем требовалось, не выдержал ядерного взрыва Божественности — и взорвался. Это значило, что полная мощь третьего горшка хлынула прямо в пятый, и пятый тоже взорвался, — и так до самого последнего горшка, который был скорее «дном фонтана», нежели полноценным сосудом, и потому не взорвался. Он просто немного треснул.

Этот последний треснувший горшок — материальный мир, вселенная, в которой мы живём. Она полна осколков шести разбившихся сефирот над нею, не говоря уже о кусках, которые взрыв вырвал из неё самой. Обломки целых семи горшков. И помните: эти горшки были созданы для управления Божественной силой, а потому сделаны из особого материала, способного ей сопротивляться; отделённые от своего назначения, они становятся клипот — силами, противящимися Богу. В нас льётся высоковольтная Божественная энергия, которую нам, по идее, вообще не вынести; во все стороны так и бьют огромные потоки искр — но всё это настолько забито клипот, сопротивляющимися Богу, что большая её часть до нас не доходит. На человеческом уровне весь этот хаос — неотфильтрованный свет, сопротивляющиеся Богу осколки и всеобщая повреждённость — проявляется как беспорядок. Зло существует потому, что мы живём внутри треснувшего горшка.

В моём ведре дыра, дорогая Лиза, Лиза. В моём ведре дыра, дорогая Лиза, дыра.

Теперь всё начинает складываться. Гарри (= Ха'Ари) сетует Лизе на то, что вселенная расколота. Лиза же (= «мой Бог — семь») означает семь разбитых сефирот здесь, внизу, в одном сосуде с нами, — единственную форму Бога, доступную нам в конечном мире.

Чем же заделать мне её, дорогая Лиза, Лиза? Чем заделать мне её, дорогая Лиза, чем?

Теоретически мы вполне могли бы нырнуть на дно фонтана, собрать обломки и восстановить из них работающие устройства, отводящие Божественную силу. Потом мы могли бы взять искры Божественного света, запитать от них эти устройства и, наконец, расположить всю систему так, чтобы она правильно направляла Божью силу на уровне, который может вынести человек. На деле мы — помешанные на сексе обезьяны-убийцы, и всё это нам явно не по чину. Обломки и искры застряли в духовном мире, мы даже отыскать их не можем, не говоря уже о том, чтобы строить из них сложные метафизические механизмы. Вот почему Генри/Ха'Ари просит Лизу/Бога о помощи: чем же нам совершить *тиккун* — исправление мира?

И Лиза отвечает: «Соломой, дорогой Генри».

Солома — это, по сути, сено, *hay*. А *hay* — это Монограмматон, кратчайшее Имя Бога. Мир может обрести целостность только через Божественное вмешательство.

Но солома слишком длинна: даже кратчайшее Имя Бога слишком велико, чтобы поместиться в трещину. Любая доза Бога сожгла бы вселенную дотла — именно с этого и начались все наши неприятности. Чем же разрезать её, дорогая Лиза, Лиза? Как безопасно направить Божью силу во вселенную?

И Лиза отвечает: «Ножом, дорогой Генри».

Нож на библейском иврите — *заин*. Заин — это также седьмая буква алфавита иврита, восходящая к пиктограмме ножа или меча. Но в свитках Торы писцы венчают её рукоять маленькой короной — отсюда множество иных толкований. Одни говорят, что она символизирует царя, другие — скипетр, третьи — комету; последнему на руку ивритская игра слов: «скипетр» и «комета» там звучат сходно. Все эти смыслы сходятся в Звёздном пророчестве из Книги Чисел 24:17: «Вижу Его, но ныне ещё нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстаёт жезл от Израиля»[134]. Дальше пророчество говорит о великом правителе, который покорит всех врагов Израиля, — ловко связывая воедино образы царя, скипетра, кометы и меча.

Так чем же разрезать солому и сделать Божественное вмешательство реально возможным? Придётся подождать Мессию.

Но нож слишком тупой. По преданию, в каждом поколении есть человек, достойный стать Мессией, — если время пришло. Но оно никогда не приходит, потому что, по тому же преданию, Мессия *также* может явиться лишь тогда, когда мы его заслужим. Когда раввины описывают, что именно нам нужно сделать, чтобы его заслужить, получается немного пассивно-агрессивно. Талмуд говорит: если евреи покаются хоть на один день, Мессия придёт немедленно[135]. Но Талмуд вообще штука немного безумная, и более общий вывод, кажется, таков: Мессии не позволят явиться, пока люди его не заслужат. А до тех пор нож слишком тупой.

Именно это Лиза и говорит Гарри. Нож можно наточить только камнем, а камень приводится в действие только водой. Тут вспоминается похожий эпизод из Библии. Бог велит Моисею вежливо попросить воды у скалы. Вместо этого Моисей ударяет по скале. Это срабатывает — скала даёт воду, — однако Бог приходит в ярость и объявляет, что Он сыт по горло Моисеем и его привычкой бить по скалам, так что израильтянам придётся бродить туда-сюда по пустыне, пока нынешнее поколение не вымрет. Лишь их потомки войдут в Землю обетованную[136].

Выходит, добыть воду из скалы — значит следовать заповедям Бога и нравственному закону. Если все станут совершенно добродетельными, это положит начало пришествию Мессии, который сможет направить силу Бога и починить вселенную.

Есть только одна проблема: совершенно добродетельными все не станут. Потому что мир — дрянь. В этом, собственно, *и состоял весь смысл этой цепочки рассуждений*. Мы хотим, чтобы мир стал добрым, — значит, нам нужно Божественное вмешательство, — значит, нам нужен Мессия, который придёт лишь тогда, когда мир уже будет добрым. Это… ничуть не помогает.

И у бедного Генри та же проблема. Он проходит через всю эту канитель: чем разрезать солому, чем наточить

нож, чем намочить камень, чем донести воду, — а в итоге Лиза велит ему нести воду ведром. И всё сначала: «Но в моём ведре дыра, дорогая Лиза, Лиза, в моём ведре дыра, дорогая Лиза, дыра».

С эпохи Ха'Ари мы узнали кое-какие тревожные новости. Мы узнали, что достаточно умный архангел способен самостоятельно переставить кое-что местами и создать систему, весьма отличную от той, что была в чертежах. Мы узнали, что запущенная на достаточную высоту космическая капсула может разбить несколько прежде целых участков последнего горшка и увеличить поток непреобразованного Божественного света до почти невыносимого уровня — искры летят во все стороны. Мы узнали, что Уриил, единственная сущность, хоть как-то поддерживающая всё это в рабочем состоянии, и сам не без серьёзных проблем, и не слишком-то внушает уверенность. И хуже всего: мы узнали, что сопротивляющиеся Богу обломки — клипот — проявляются как разумная демоническая сила, у которой есть собственные виды на разрозненные остатки трансформаторной системы.

Если Мессии вообще суждено когда-нибудь явиться, сейчас самое время. Мы думали, что он пришёл сорок лет назад, в Колорадо, — но, видимо, мы оказались недостойны. И вряд ли становимся достойнее.

Моя подруга Ана подсказала мне выход из парадокса: некоторые тексты утверждают, что Мессия придёт *либо* в самом праведном поколении, *либо* в самом нечестивом. Положим, вариант с «самым праведным» поколением мы, кажется, уже запороли; зато нечестие, по-моему, как раз наша сильная сторона.

Иные же тексты говорят, что Мессия придёт в поколении, которое будет *одновременно* и самым праведным, *и* самым нечестивым[137]. Тут уж я и вовсе *не знаю*, что об этом думать.

Глава 13

Образ вечной смерти

10 октября 1990 года
Мексиканский залив

I.

— Доброе утро, — сказала Соху, выходя из домика. Формально уже было после полудня. Она не заспалась — просто сидела внутри, занималась и не решалась открыть дверь. Уриил совершенно не умел поддерживать непринуждённую беседу и почти ничего не понимал в расписаниях. Она знала: стоит только выйти — и он тут же начнёт излагать ей каббалу, говоря быстрее, чем она успевает следить за его мыслью, и требуя невозможных подвигов учёности. Самих уроков она, строго говоря, не страшилась. Ей просто хотелось хоть немного собраться с духом, прежде чем выходить к нему. Сам архангел, кажется, никогда не замечал времени и не заботился о нём. Она подозревала, что могла бы просидеть внутри всю неделю и вовсе избавить себя от уроков — если бы ей того захотелось. Но зачем тогда жить с архангелом в урагане?

Он услышал, как она поздоровалась. Она глубоко вдохнула, готовясь к тому, что будет.

— ТУК-ТУК, — сказал Уриил.

— …Что? — сказала Соху.

— НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ Я СКАЗАЛ, ЧТО ТВОИМ ДОМАШНИМ ЗАДАНИЕМ БЫЛО ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЯЗЫКИ, — сказал Уриил. — ТЫ…

— Подожди, — сказала Соху. — Что это было — «тук-тук»?

— В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ТЫ КАЗАЛАСЬ МНЕ НЕСКОЛЬКО РАСТЕРЯННОЙ. Я ОДОЛЖИЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КНИГУ ПО ПЕДАГОГИКЕ. В НЕЙ НАПИСАНО, ЧТО ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ИНТЕРЕСА ДЕТЕЙ НУЖНО РАССКАЗЫВАТЬ ШУТКИ В ХОДЕ УРОКА.

— И кто-то сказал тебе, что именно так шутки и работают?

— НЕТ, НО Я СМОГ РАЗОБРАТЬСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО, ИЗУЧИВ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ.

Соху мысленно попыталась оценить, лучше это или хуже обычной манеры Уриила, — но зашла в тупик.

— Нет. Тебе нужно — вот, я покажу. Тук-тук.

— ГМ.

— Теперь ты говоришь «кто там». Это шутка.

— ЭТО НЕ ОЧЕНЬ СМЕШНО.

— Это ещё не шутка. Когда я говорю «тук-тук», ты говоришь «кто там». Тук-тук.

— КТО ТАМ? ЭТО ВСЁ ЕЩЁ НЕ ОЧЕНЬ СМЕШНО.

— Не торопись! Я говорю «тук-тук». Ты говоришь «кто там». Я называю имя. Ты повторяешь это имя и добавляешь «это кто». Потом я рассказываю шутку.

— Я ДУМАЮ, БЫЛО БЫ ЭФФЕКТИВНЕЕ, ЕСЛИ БЫ ТЫ СРАЗУ РАССКАЗЫВАЛА ШУТКУ.

— Так не получится! Тук-тук!

— КТО ТАМ?

— Эйвери.[138]

— ЭЙВЕРИ — ЭТО КТО?

— Эйвери глупая шутка «тук-тук».

— ЭЙВЕРИ ГЛУПАЯ ШУТКА «ТУК-ТУК» — ЭТО КТО?

— «Это кто» говорят только один раз!

— ХОРОШО.

— Похоже, тебя это не очень-то развеселило.

— НАПОМНИ, КАКАЯ ЧАСТЬ БЫЛА ШУТКОЙ?

— Я сказала «Эйвери», как будто это моё имя. А на самом деле это была часть фразы «очень глупая шутка тук-тук».

— ПОЧЕМУ?

— Это как… как с каббалистическими соответствиями, о которых ты говорил. Два разных явления с одинаковой структурой. Имя «Эйвери» и английские слова «a very», то есть «очень», — сначала не замечаешь связи, а потом вдруг видишь.

Уриил стоял в тишине; светящиеся буквы роились вокруг него. Казалось, он глубоко задумался — словно перед ним стояла задача куда сложнее, чем стабилизация цикла Эль-Ниньо (его вчерашний проект) или дефрагментация ДНК млекопитающих (позавчерашний).

— ЗНАЧИТ, ШУТКА ПОХОЖА НА НЕОЖИДАННОЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ?

— Что-то вроде того.

— ТУК-ТУК.

— Кто там?

— *НАХАШ* — СЛОВО НА ИВРИТЕ, ОЗНАЧАЮЩЕЕ «ЗМЕЙ», НО ЕГО ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ГЕМАТРИИ РАВНО 358 — СТОЛЬКО ЖЕ, СКОЛЬКО У СЛОВА *МАШИАХ*, ТО ЕСТЬ «МЕССИЯ». ТАКИМ ОБРАЗОМ, ХОТЯ ЗМЕЙ ВНОСИТ ГРЕХ В МИР, А МЕССИЯ ИСКУПАЕТ МИР ОТ ГРЕХА, С КАББАЛИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОНИ ТОЖДЕСТВЕННЫ. ТЫ НЕ СМЕЁШЬСЯ.

На лице Соху смешались ужас и жалость.

— ЭТО БЫЛО НЕ СМЕШНО?

— Наверное, не так, как ты рассчитывал.

— О.

— Думаю, у тебя не очень хорошо получается шутить.

— Я ДУМАЮ, ЧТО ОЧЕНЬ УДИВИТЕЛЬНО: СОГЛАСНО ПРОРОЧЕСТВУ, САМАЯ СТРАШНАЯ УГРОЗА МИРУ ДОЛЖНА СТАТЬ И ЕГО СПАСИТЕЛЕМ. А ЕСЛИ ДОБАВИТЬ К ЭТОМУ ИС. 53:12, ГДЕ СКАЗАНО, ЧТО МЕССИЯ БУДЕТ ПРИЧИСЛЕН К ВЕЛИКИМ ЗЛОДЕЯМ,[139] ПОЛУЧАЕТСЯ ВЕСЬМА НЕОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГРЕХ И ИСКУПЛЕНИЕ.

— Неожиданность должна быть особого рода. Э… давай вернёмся к уроку.

— ХОРОШО. НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ Я СКАЗАЛ, ЧТО ТВОИМ ДОМАШНИМ ЗАДАНИЕМ БЫЛО ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЯЗЫКИ. ТЫ ВЫПОЛНИЛА ЕГО?

— Я же сказала тебе: люди не могут делать такие вещи.

— О. ВЕРНО. ТОГДА Я СКАЗАЛ ТЕБЕ СДЕЛАТЬ ЧТО-НИБУДЬ, В ЧЁМ ЛЮДИ ПРЕУСПЕВАЮТ. НАПРИМЕР, НАЧАТЬ ВОЙНУ. ТЫ ВЫПОЛНИЛА ЭТО ЗАДАНИЕ?

— Я думала, ты шутишь!

— НЕТ. НАЧАВ ВОЙНУ, МОЖНО УЗНАТЬ ОЧЕНЬ МНОГО. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ НАЧАЛИ ВОЙНУ И В ИТОГЕ ПОЗНАЛИ ТАЙНЫ АТОМА.[140] ЭТО БЫЛО ВЕСЬМА ВПЕЧАТЛЯЮЩЕ.

— Я не собираюсь начинать войну!

— ХОРОШО.

Соху попыталась прочитать выражение его лица. *Разочаровывала* ли она его?

— СЕГОДНЯ МЫ ПОГОВОРИМ О ДВУХ СТОЛПАХ НА ДРЕВЕ ЖИЗНИ. ПРАВЫЙ СТОЛП СОСТОИТ ИЗ ХОКМЫ, ХЕСЕДА И НЕЦАХА. ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЕСНИЦУ ГОСПОДНЮ И СВЯЗАН С МИЛОСЕРДИЕМ. ЛЕВЫЙ СТОЛП СОСТОИТ ИЗ БИНЫ, ГЕВУРЫ И ХОДА. ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ ШУЙЦУ ГОСПОДНЮ И СВЯЗАН СО СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ. МОЯ КНИГА ПО ПЕДАГОГИКЕ ГОВОРИТ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ОСТАНОВИТЬСЯ И СПРОСИТЬ, ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ ВОПРОСЫ. ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ ВОПРОСЫ?

Она не хотела разочаровывать его ещё больше. Попыталась придумать вопрос.

— Гм. Ты всё время говоришь о соответствиях. Так… вот… как это соответствует человеческой политике? Мы тоже говорим о правой и левой стороне, но в человеческой политике Правых обычно больше заботит справедливость, а Левых — милосердие. Почему в каббале всё наоборот?

— ЭТО ОТЛИЧНЫЙ ВОПРОС. ТВОИМ ДОМАШНИМ ЗАДАНИЕМ НА СЛЕДУЮЩУЮ НЕДЕЛЮ БУДЕТ НАЙТИ ОТВЕТ.

А, вот как. Значит, уроки *такого* рода. Соху нахмурилась.

— РАСПРОСТРАНЕНО ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ЧТО ПРАВАЯ РУКА — БЛАГАЯ, А ЛЕВАЯ — ЗЛАЯ. КАК АСПЕКТЫ БОЖЕСТВА, ОБЕ ХОРОШИ И НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ РАВНОВЕСИЯ. ПРАВАЯ РУКА ТВОРИТ И ПОДДЕРЖИВАЕТ. ЛЕВАЯ РУКА НАПРАВЛЯЕТ И ОЧИЩАЕТ. НО ПОСЛЕ

РАЗБИЕНИЯ СОСУДОВ, КОГДА ВСЕ АСПЕКТЫ УТРАТИЛИ СВЯЗЬ С ВЫСШИМ БОЖЕСТВОМ, ПРАВАЯ РУКА СТАЛА РАСТОЧАТЬ СВОИ БЛАГОДЕЯНИЯ БЕСПОРЯДОЧНО, А ЛЕВАЯ СМЕНИЛА ЗАБОТЛИВОЕ РУКОВОДСТВО ЛЮБЯЩЕГО ОТЦА НА НАКАЗАНИЕ РАДИ САМОГО НАКАЗАНИЯ. СРЕДНИЙ СТОЛП ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ КОМПРОМИСС МЕЖДУ ЭТИМИ ДВУМЯ КРАЙНОСТЯМИ. РАВНОВЕСИЕ. ЕДИНСТВО. ПРЯЧЬСЯ.

— Гм, ещё вопрос. Что значит «прячься»?

Уриил указал на край урагана — и маленькое облако Соху рванулось в ту сторону так стремительно, что она опрокинулась на его пушистую поверхность. Облако повернулось на девяносто градусов и врезалось в стену шторма — и её зажало между ними, когда они слились воедино. В ловушке. Она отчаянно скребла руками, пытаясь вырваться, пока наконец не увидела открытое небо, внизу — добрые сто двадцать метров отвесного падения до океана, а на уровне лица Уриила — крохотную фигурку, висящую в воздухе.

II.

Уриил разговаривал с кем-то. На таком расстоянии она едва могла разглядеть его. Человеческого роста, кажется. Голос его разносился — холодный, бесстрастный, твёрдый, как лёд.

— Хочешь покончить с этим и изгнать меня прямо сейчас? — спросил он. — Или придётся по-плохому?

— ПО-ПЛОХОМУ, — сказал Уриил.

Затем оба шагнули в направлении, не совпадавшем ни с одним из измерений, доступных её обычному зрению. Она почувствовала, как в ней открываются новые чувства, и попыталась проследить их путь — уловить их присутствие по траекториям цветных букв, роившихся вокруг шторма. Ураган стал абстрактным — превратился в ряд возмущений в семени мира. Она прослеживала нити назад. SA’AR.[141] Потом по другим нитям. TEMPESTAS. По ещё одним. HURRICANE.

Незнакомец схватил нити, потянул их вперёд, срезал до самой сути. HURRICANE потерял гласные, стал HRCN. Потом незнакомец переставил их, заставил плясать. CHRN. Затем облёк плотью. ACHERON — река, образующая границу Ада.[142] Соху почувствовала, как шторм потемнел, стал мертвенно жарким. Трансмутация каким-то образом воздействовала на реальность.

Уриил потянулся вперёд — пылающий меч теперь был у него в руке — и рассёк нити. CH. RN. Облёк их плотью. Превратил первую связку в CHAI — «жизнь». Вторую — в AARON — Аарон, брат Моисея, родоначальник священства, носивший Шем ха-Мефораш на челе.[143] Тьма рассеялась. Волны святого света хлынули оттуда, где Уриил произвёл изменение.

Незнакомец зарычал — ему было больно. Затем он коснулся обеих связок нитей. AARON сменил гласные, стал RUIN. Из свиста ветра он вытащил S, добавил к CHAI, превратил в CHAOS. Хаос и разрушение. Тщательно выстроенные нити символов, составлявших машину Уриила, начали рассыпаться, разлетаясь на ветру.

Уриил вытянул воду из моря великим водяным смерчем. Древний семитский знак воды лёг в основу буквы мем в алфавите иврита. Он превратил воду в M, потом схватил CH из CHAOS и N из RUIN, сложил MACHINE. Оставшиеся буквы R и S он соединил и снова превратил в SA'AR — бурю. Механизм и ураган возникли вновь, целые и невредимые.

Незнакомец скрутил SA'AR и MACHINE в RASHA — «нечестивый» — и NECOM — «кара». Он начал расти, по мере того как сила шторма втекала в его существо. Затем он остановился. Указал на буквы. Сами собой три выпали, образовав новый узор. MEREA — «друг».

— У тебя здесь есть друг, — сказал он Уриилу.

— НЕТ, — сказал Уриил.

— Не лги мне. — Он снова указал на них. Ещё две выпали. SOHU.

— Интересно, — сказал незнакомец.

Оба шагнули обратно в обычный мир одновременно, и незнакомец полетел прямо к ней.

Теперь она видела его отчётливо. Он выглядел как человек. На нём были костюм и галстук. Его лицо вызывало ассоциации с агентом ФБР, или топ-менеджером, или серийным убийцей. Измождённое лицо, пустые серые глаза, коротко стриженные волосы.

По правую сторону от его головы была вторая голова. Она напоминала деформированного младенца. У этой головы глаза были крепко закрыты, а рот застыл в вечном беззвучном крике. О Боже, о Боже, это лицо. Что-то было ужасно не так. *Что-то было ужасно не так.*

— Соху, — сказал он своей человеческой головой. Другая всё ещё кричала. — Я Тамиил, Повелитель Ада. Наконец-то мы встретились.

На его спине были два крыла летучей мыши — не крупнее, чем у настоящей летучей мыши. На нём они выглядели нелепо, рудиментарно, — и всё же они держали его в воздухе. В руке у него был двузубец[144] — как трезубец, но с двумя зубьями вместо трёх. Он посмотрел прямо на неё. Протянул двузубец — и облака, скрывавшие её, растаяли.

— НЕ ВРЕДИ ЕЙ, — сказал Уриил.

— Ты готов изгнать меня? — спросил Тамиил.

Уриил промолчал.

— Это неважно, — сказал Тамиил. — Я не причиню ей вреда. — Он схватил её левую руку своей правой. Ощущение было отвратительным — как будто черви ползали у неё под кожей, пожирая плоть и кости, и тела уже не осталось, только черви. Когда он коснулся её, на ладони вспыхнули буквы — как татуировка, о которой она не знала.

— На ней знак её отца. Благословение и Имя. Если я причиню ей вред, оно призовёт его сюда. — Обе головы сосредоточенно всматривались в светящийся текст. — Нельзя убивать. Нельзя калечить. Нельзя даже причинять боль. — Он скривился. Соху позволила себе крошечный проблеск надежды.

— Но ничего насчёт удовольствия, — сказал Тамиил. — Маленький промах, но важный. Посредством наслаждения можно сделать многое.

Он направил двузубец — и волны наслаждения обрушились на неё. Она издала что-то среднее между стоном и криком. Это было самое сильное ощущение за всю её жизнь — оно прожигало каждый нерв, жгло, словно её облили кипящим маслом. Она не видела, она не чувствовала, она не думала — где она, что происходит, зачем зачем зачем?

И всё это время — черви, корчащиеся у неё под кожей. Ей вспомнились стихи:

Когда б и ты в удушливом сне
Брёл за повозкой, где брошенный нами лежит,
И видел, как белки корчатся в лице,
И обвисший лик — будто чёрта от греха тошнит;
Когда б ты слышал при каждом толчке,
Как кровь из лёгких, пеной изъеденных, булькая течёт,
Как рак мерзка, как жвачка язвы горька на языке
Невинном — гнусной язвы, что вовек не заживёт…[145]

Она вспомнила это стихотворение потому, что только оно и могло описать то, что она чувствовала. Всё устойчивое исчезло из мира, всё понятное. Головокружительная тошнота разума: каждое волокно её существа слилось в одном неутолимом позыве к рвоте. Не словно она была больна раком — словно сама была раком, словно внутри неё не осталось ничего чистого или упорядоченного, словно её нужно вырезать из вселенной, словно вселенную нужно вырезать из космоса, или словно весь космос нужно убить ядом, чтобы положить конец его собственным мучениям. Но и это бы не помогло, не могло помочь: не было никакого яда снаружи, отдельно от рака; этот ужас не кончится никогда, и виновата во всём она.

— Уриил! — крикнула она из последних сил. — Убей меня!

Тамиил чуть шире приоткрыл один глаз на первом лице; глаза второго по-прежнему были крепко закрыты.

— Я рассчитывал на «убей его», — сказал Дьявол, — но твой вариант тоже работает, в общем-то. — Вторая голова

продолжала кричать. Уриил стоял молча, пока вокруг него кружились цвета и символы; лицо его ничего не выражало.

— Тебе следует знать, — сказал Тамиил ей тихо, — что если бы сравнить одну каплю воды из этого облака со всеми океанами мира — верхними океанами, которые видит Человек, и ещё большими нижними океанами в источниках земли, — то мука, что ты испытываешь сейчас, была бы по сравнению с муками Ада, уготованными тебе и всем, кого ты любишь, не больше этой капли. И что даже если ты избежишь этих мук, как некоторым удаётся, — у тебя есть друзья, есть семья, и даже те, кто кажется самым добродетельным, имеют тайные грехи, — и потому вероятность того, что ни ты, ни кто-либо из дорогих тебе людей не окажется в моих владениях, — невозможно мала, тень тени шанса. И что однажды мне будет дана власть над землёй, и что там всё будет не иначе, и всё прекрасное, милое и невинное станет не отличаться от того, что ты чувствуешь сейчас, — только это будет длиться вечно. И что ты мне совершенно безразлична, но я хотел посмотреть, есть ли до тебя дело Уриилу. И что он мог остановить это в любой момент. И что ты, наверное, уже ослепла, но тебе следует знать: он стоит там, наблюдает за всем этим, знает точно, что происходит, и даже не изменил выражения лица. И что я мог бы делать это час, год, вечность — а он всё равно стоял бы там. И что я могу сделать ещё хуже.

Он всё ещё смотрел на её ладонь — и не отрывал от неё взгляда всё это время, сколько бы оно ни длилось. — Хорошее заклинание, — признал он. — Я не могу тебя убить, — повторил он. — Не могу сделать старше. Не могу сделать моложе. О. Ещё один промах. — Он коротко взмахнул двузубцем. Что-то остановилось. На секунду она подумала, что это наслаждение, ставшее столь невыносимым, что превратилось в боль, — но нет. Это было что-то другое, ощущение, сопровождавшее её всю жизнь, часы, тикавшие в ритме сердцебиения, что-то глубже слов.

— Вот так, — сказал Тамиил. — Ты перестала расти. Вечное детство. Некоторые сочли бы это подарком. Дарю его тебе бесплатно. Что ещё тебе подарить? Я не могу стереть долговременную память. Не могу заставить тебя забыть факты, которые ты уже знаешь. Но я могу дать тебе новые знания. Ещё одно упущение твоего отца. На этот раз крупное. Скажи мне, Соху, — тебе кто-нибудь рассказывал, каков Ад? Хочешь увидеть?

Она попыталась кивнуть или покачать головой — неважно, она забыла, как двигаться. Каким-то образом она открыла глаза. Он стоял перед ней, оба лица уставились на неё, губы одного из них начинали кривиться в усмешке. Он высоко поднял двузубец.

Уриил указал на него — и из его руки хлынула река многоцветного света. Она ударила в Тамиила, и он исчез — вместе с двузубцом.

III.

Соху полежала так немного. Позволила свету и свежему воздуху медленно просочиться обратно в её восприятие. Ужас теперь казался странно далёким — словно она едва могла его вспомнить. Кошмар, отступающий с рассветом. Но слова она не могла забыть.

Порыв воздуха — Уриил призвал её облако обратно, к центру шторма. Выпуклость в центре постепенно принимала форму, набухая, как почка, пока не превратилась в её домик. Летающий каяк всё ещё был там — каким-то образом, — привязанный к краю облака, как и раньше.

— ТЫ В ПОРЯДКЕ?

Она с трудом пыталась заговорить. Наконец выдавила лишь:

— Что?

— ТАМИИЛ ПЫТАЕТСЯ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ. ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ Я ТРАТИЛ СИЛУ НА ЕГО ИЗГНАНИЕ. Я… НЕ ХОТЕЛ ЭТОГО ДЕЛАТЬ. МНЕ ЖАЛЬ.

Соху перевернулась и легла на облаке лицом вверх. Увидела, как голова ангела склонилась над ней, запол-

нив небо; его глаза сияли так же ярко, как Солнце, и она прикрыла глаза, чтобы не ослепнуть.

Она задумалась на секунду. Столько всего хотелось сказать. Она формулировала ответы, сравнивала их, перебирала в уме.

— Я… верю, что ты поступишь правильно.

— ТЫ МНЕ ДОВЕРЯЕШЬ?

— Я… Уриил, это было чудовищно. Ты даже не представляешь, как мне было страшно. Пожалуйста, не позволяй ему снова причинять мне боль. Пожалуйста, не позволяй мне умереть.

— ГМ. Я ПОСТАРАЮСЬ ТЕБЯ ОБЕРЕГАТЬ.

— Я не хочу, чтобы меня оберегали. Я хочу… ты сражался с ним, Уриил.

— НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО.

— Но ты сражался. Я хочу научиться делать это. Я хочу научиться сражаться.

— Я НАУЧУ ТЕБЯ МНОГОМУ. НО ТВОИМ ДОМАШНИМ ЗАДАНИЕМ НА ЭТОТ ВЕЧЕР БУДЕТ ОТДОХНУТЬ И ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ.

Он осёкся.

— ИЛИ ЭТО ОДНА ИЗ ТЕХ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ ЛЮДИ НЕ УМЕЮТ ДЕЛАТЬ?

— Я… не уверена. Но думаю, что могу попробовать.

Глава 14

Сердце людское — в груди Бессердечья

12 мая 2017 года
Айон, Калифорния

Что-то было ужасно не так.

Хасидское предание рассказывает о том, как рабби Зуся и рабби Элимелех оказались в тюрьме.[146] Там стояло мерзкое ведро, полное нечистот, и вся камера смердела. Рабби Элимелех заплакал. Рабби Зуся спросил, что случилось. Рабби Элимелех объяснил, что еврейский закон запрещает молиться в нечистом месте, а значит, он не может выполнить заповедь ежеутренней молитвы. Рабби Зуся возразил, что тот всё ещё соблюдает заповедь *не* молиться в нечистом месте, так что в сумме он оставался при своих по числу соблюдённых заповедей. Более того, он получил возможность исполнить новую заповедь, которой никогда прежде не следовал, — и, несомненно, это лишь приблизило его к Богу.

Рабби Элимелех пришёл в восторг и запел и заплясал от радости. Рабби Зуся присоединился, и вскоре все заключённые пели и плясали. Явился тюремщик и спросил, в чём дело; узники толком не знали, но, кажется, раввины были ужасно рады ведру с нечистотами. Злобный тюремщик сказал: ну и ладно, тогда не будет у них этого ведра, — и унёс его.

— Вот! — сказал Зуся Элимелеху. — Теперь можешь молиться!

Я был в тюремной камере. Мерзкого ведра с нечистотами в ней не было, но меня не покидало жуткое ощущение, что что-то здесь не так. Я не чувствовал, что молиться

неуместно; я чувствовал, что молитва не сработает, — что Бог каким-то образом очень далеко и за пределами моей досягаемости, и ни молитва, ни её отсутствие не приблизят меня к Нему.

По мере того как я окончательно просыпался, это чувство отступало, а воспоминания хлынули назад. Я попытался бороться с UNSONG и с треском провалился. Меня схватили и, по всей видимости, прихватили заодно мой компьютер; потом бог знает сколько часов везли в белом фургоне и наконец бросили в камеру. Я заснул. Теперь проснулся. Я всё ещё был в камере UNSONG. За смотровым окошком дежурили охранники.

Попробовал встать — и был немного удивлён, что мне это удалось. Попробовал заговорить — и обнаружил, что рот заткнут кляпом. Очевидная мера предосторожности. Поймал каббалиста — не давай ему произнести ни слова. UNSONG точно об этом не забудет.

Камера была просторной — хотя, справедливости ради, эталоном мне служили комнаты, которые я мог снимать в районе Залива на минималку. Содержалась она в образцовом порядке, словно нарочно давая понять, что, чтобы сломить заключённых, UNSONG вовсе не нужно лишать их возможности удовлетворять основные телесные потребности. Или, может, я усматривал здесь лишнее. Ощущение неправильности всё никак не проходило.

Я постарался, как мог, очистить сознание.

[Ана, ты здесь? Где ты?]

Ничего. Либо Ана была далеко, либо отвлеклась, либо спала, либо — я не мог заставить себя подумать «мертва». Я бы почувствовал, если бы она умерла. Именно так, говорил я себе, работают каббалистические браки.

Поэтому я забарабанил в дверь камеры, надеясь, что охранники услышат и уведут меня навстречу какой угодно ужасной судьбе, лишь бы не оставлять здесь.

Оба охранника посмотрели на меня. Один из них пробормотал что-то неслышное — наверное, вроде «он проснулся». Я удивился: они выглядели как самые обычные люди. У того, что слева, было какое-то серьёзное

выражение лица, почему-то напомнившее мне Эли Фосса. Тот, что справа, выглядел одновременно злым и перепуганным. Я подумал: может, и он чувствует, что что-то ужасно не так.

— Господин Смит-Теллер, — сказал он. Я внутренне поморщился. Ну, то есть, если они не знали моего имени сейчас, долго бы им не пришлось его искать — но всё равно было больно. Каббалисты, как известно, крайне щепетильны в том, кому открывают своё истинное имя. Я не уверен, почему именно. Когда ангел или демон скрывается в каком-то воплощённом облике, знание его истинного имени даёт тебе над ним власть. Знание Шем ха-Мефораша делает то же самое с Богом — или что-то в этом роде. Для людей, насколько я знаю, ничего подобного нет, но позволить врагам заполучить столь важное слово всё равно кажется ужасной беспечностью.

— Вы проснулись как раз вовремя. Сейчас мы отведём вас на опрос к директору Бентаму. Следуйте за мной.

Директор Бентам! Когда Президент, Генеральный секретарь и Король Комет совместными усилиями основали UNSONG, руководство молодой бюрократии досталось пожилому бразильскому политику, придерживавшемуся невмешательства. Он охотился на крупнейшие банды и злостных серийных нарушителей правил использования Имён, рассуждая об «ударах по главарям» сетей крупномасштабного пиратства. Политика эта пользовалась большой популярностью — все соглашались, что мафии в бизнесе Имён не место, — но оказалась совершенно бесполезной, потому что большинство несанкционированного использования Имён приходилось на обычных людей, общавшихся друг с другом онлайн. Он умер в 2002 году; Бентам его сменил. После падения президентской власти Бентам как-то сумел превратить обязательства враждующих штатов соблюдать правила UNSONG в фактическую замену исполнительной ветви Разъединённых Штатов. Тысяча конспирологических теорий о захвате Америки Объединёнными Нациями внезапно подтвердились. К титулам директора UNSONG добавился «Протектор Разъединённых Штатов».

И вот он хотел побеседовать со мной. Всякая надежда на то, что их всего лишь раздражали тайные сборища Валери, развеялась. Это был генеральный директор. Глава UNSONG. Если он вмешался лично, если каким-то образом прилетел ради этого в Калифорнию, — значит, они считали это самым важным из происходящего в мире прямо сейчас. Что, конечно, было правдой. Они всё знали про Животворящее Имя и про всё, на что оно способно, и известие об этом ушло прямиком наверх. К самой-самой вершине. Что ж. Значит, я был обречён. Очень, очень обречён.

Я кивнул и позволил им открыть дверь и повести меня по коридору. Это было уже совсем другое дело. Я знал, что UNSONG арестовывает людей, знал, что за использование Имён без лицензии можно получить длительный срок, — но всегда слышал, что они пользуются обычными федеральными тюрьмами. Идея о тайной тюрьме UNSONG, расположенной неизвестно где,[147] напоминала что-то из параноидальных антиправительственных тирад Валери.

Правительство США, надо думать, располагало множеством тайных тюрем, и часть из них наверняка перешла к UNSONG в ходе передачи полномочий. Но я не слышал, чтобы кого-то содержали в таком месте, а значит, либо здесь очень хорошо владели Именем Амнезии, либо отсюда ещё никто и никогда не выбирался. Я попытался вспомнить, насколько именно эффективно Имя Амнезии, — и, как ни иронично, у меня вылетело из головы. А Имя Смятения? Тоже не помнил.

Объект был немаленьким. Мы шли по плохо освещённому коридору за плохо освещённым коридором. Я высматривал других заключённых, какие-нибудь подсказки о том, где мы находимся, хотя бы таблички на дверях, — и не нашёл ничего, кроме пары запертых комнат с печатью UNSONG на дверях. Алеф, наложенный на земной шар ООН, а вокруг — надпись «Подкомитет Организации Объединённых Наций по Именам Бога» и девиз: *I TEGO ARCANA DEI*. «Прочь — я скрываю тайны Бога».[148] В этой фразе таились каббалистические глубины, но у меня не было сил в них вдумываться. Меня то

и дело накрывало вспышками того же чувства — на самом краю сознания ощущение, что что-то ужасно не так.

Мы вошли в комнату. Похожую на конференц-зал. Мне указали на стул. Охранники тоже это чувствовали. Я видел.

Дверь распахнулась.

Как описать Ашера Бентама?

Высокий, худощавый, выглядящий моложе своих лет, с едва заметной щетиной на подбородке. Лицо довольно красивое — если не считать глаз. Глаза были как у одной из тех странных птиц-козодоев: будто посажены не там, где надо, и даже на настоящие не похожи. Вглядевшись в них, я понял — с уверенностью, залегавшей глубже сознания, — что что-то было ужасно не так.

— Господин Смит-Теллер, — сказал он. К чёрту всех, кто знает моё истинное имя. К чёрту всё это. — Сожалею, что вы оказались в этой ситуации.

В его голосе и правда слышалось сожаление. Он внушал страх — но не так, как человек, который изо всех сил старается казаться страшным. Скорее как человек, который из последних сил старается не пугать — и всё равно не может. Меня передёрнуло. Он моргнул, и вдруг ничто не было ужасно не так — или ощущение неправильности отступило в какой-то угол сознания, где его можно было игнорировать.

— Я понимаю, что вы связаны с группами Певцов, которые относятся к UNSONG весьма скептически. Вы, вероятно, пребываете в заблуждении, будто я здесь, чтобы навредить вам. Как бы невероятно это ни звучало, мы на одной стороне. Я сейчас сниму с вас кляп. Если вы начнёте произносить Имя, боюсь, мы лишим вас сознания прежде, чем вы договорите второй слог, и кляп вернётся на место. Уверен, вы понимаете, зачем нужны такие меры предосторожности. Кивните, если поняли.

Я кивнул.

— Как вы могли заметить, — сказал он, — мы относимся к этой ситуации очень серьёзно. Закон Келлера-Стерна 1988 года устанавливает, что каждый, кто обнаружит Божественное Имя, потенциально имеющее

военное значение, по закону обязан сообщить о нём в UNSONG в обмен на справедливое денежное вознаграждение. Большинство людей не осведомлены об этом законе, и мы не собираемся наказывать их за отказ следовать закону, о котором они никогда не слышали. Но теперь вы знаете. Итак, господин Смит-Теллер, прошу вас, скажите правду: знаете ли вы какие-либо Имена, подпадающие под действие этого закона?

Еврейский закон допускает ложь ради высшего блага. Согласно Талмуду, даже Небеса не всегда правдивы. Рабби Гамлиэль допускал на занятия лишь немногих. Позже рабби Элазар возглавил академию и открыл доступ; хлынули сотни новых студентов. Рабби Гамлиэль почувствовал вину за то, что не допустил стольких светлых умов, но Бог послал ему видение: прекрасные бочки, полные пепла, — намекая, что новые студенты всё равно никуда не годились. В Талмуде разъясняется, что на самом деле студенты были вполне достойными; Бог просто пытался утешить рабби Гамлиэля.[149] У меня не было никаких моральных сомнений насчёт лжи Ашеру Бентаму. Я просто не был уверен, что это *возможно*.

— Нет, — сказал я. — Я не знаю ни одного такого Имени.

И это была чистая правда. Потому что я забыл Имя. Потому что я был идиотом. Можно было рассказать ему больше, но он пугал меня, а правда — что я знал Животворящее Имя и забыл его — всё равно не вызвала бы доверия и никого бы не обрадовала. И часть меня отчаянно надеялась, что если я ничего не скажу, он уйдёт, ощущение неправильности закончится, и я просто окажусь в совершенно обычной тайной правительственной тюрьме, и всё будет хорошо.

— Вы произносили Имя, позволившее вам установить местонахождение Луны?

— Да, — сказал я.

— Как вы узнали это Имя?

Каждый мускул в моём теле напрягся от его давящей близости. Вопрос был справедливый. На этот раз у меня не было выхода. Либо рассказать ему, что произошло,

либо лгать напропалую и посмотреть, на что способны эти козодоевые глаза.

Я перебирал сценарии. Говорю генеральному директору, что знал Имя и забыл его. Он мне не верит и пытается выбить его из меня пытками. Не верит и пытается выбить Имя из Аны пытками. Верит и пытается препарировать мой мозг, чтобы его достать. Обращается к специалисту по коррекции ошибок, восстанавливает Имя и захватывает мир — ещё сильнее, чем он и так уже его захватил.

Я не герой. Я участвовал в одной драке, и только потому что был пьян, и получил пару фонарей. Единственное, что мне всегда удавалось, — изучать вещи, сравнивать их и пытаться понять.

Но и мудрецы древности не были типичными героями, и при этом постоянно совершали побеги из тюрем — то одним чудом, то другим. Рабби Меир однажды убедил римского тюремного стражника освободить его друга, заверив, что если кто-то попытается покарать стражника за непослушание, тот сможет воскликнуть: «Боже Меира, помоги мне!» — и Бог убережёт его от беды. Когда командир попытался повесить стражника за его роль в побеге, тот воскликнул: «Боже Меира, помоги мне!», верёвка лопнула, и ему удалось бежать. Когда целый римский легион явился, чтобы арестовать великого переводчика Онкелоса, тот произнёс перед ними проповедь на латыни о символике *мезузы*, и весь легион тут же перешёл в иудаизм. А когда римляне арестовали рабби Элазара бен Перату по пяти обвинениям, Бог помог ему придумать убедительное алиби для каждого из них; когда убедительные алиби не помогли, пророк Илия явился в конце суда, схватил прокурора и выбросил его из зала суда с такой силой, что тот приземлился в пятистах милях оттуда. Кажется, я уже упоминал, что Талмуд — штука немного безумная.[150]

Итак, чудесный побег из тюрьмы — это то, что от каббалиста в общем-то ожидается. А я много мечтаю, и давным-давно у меня была фантазия насчёт того, что я сделаю, если когда-нибудь окажусь взаперти в тюрьме.

Это было самое глупое, что я когда-либо делал; но что-то было ужасно не так, и мне нужно было выбраться отсюда.

— Я был под наркотиками и увидел пророческое видение, — сказал я.

С тех пор как раскололось небо, наркотики стали по-настоящему странными. Те, чьи названия совпадали со словами на иврите, были самыми странными. MDA и его собрат MDMA давали мистическое знание — вероятно, потому что мем-далет-айн составляли *мадда*, «знание». Эффекты LSD были более откровенно божественными, поскольку ламед-шин-далет — это *лешади*, «сила», а заодно и согласные в Эль Шаддай, «Бог Всемогущий».[151] Наркотики без трёхбуквенных названий были менее предсказуемы: пейотль служил демоническим проводником, а остальные давали непостоянные эффекты. Я решил остановиться на LSD как на наиболее вероятном источнике божественного откровения.

— Да, меня всегда тянуло к наркотикам, — сказал я. Я на секунду задумался и продолжил:

— Словом, я раздобыл у подруги LSD и решил попробовать. То была плохая затея, признаю.

Я подозревал, что Ашер знает, что я вру. Я ставил на то, что он подождёт и посмотрит, какую именно ложь я ему расскажу, надеясь, что я где-нибудь проколюсь. Если он просто позволит мне говорить ещё двадцать семь предложений — я вырвусь.

— Зельдой звали подругу, которая мне его продала, — сказал я неуклюже, потому что не мог придумать другого способа начать предложение на Z. — Мне хотелось попробовать вместе с ней, но в последний момент она слилась.

Это были DST и ZM. Оставалось ещё двадцать пять согласных. Мне было страшно, и это было кстати, потому что позволяло делать вид, будто от страха мне трудно говорить, тогда как на самом деле я прикидывал, с какой буквы начать следующее предложение.

— Разве что привкус божественного — вот что должен давать обычный LSD. Штуку она мне дала какую-то дру-

гую — я не уверен. Штука точно была не обычная, хотя она ничего мне не сказала. Не узнать теперь.

ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН.

— Словом, я принял наркотик, и тут мне стало странно. Весьма странно. Рядовой LSD так не действует. Лёгким, вообще-то, должен быть эффект LSD. Сущность ангельского рода стояла передо мной. Как будто ангельская. Не человеческая. Дико низкий голос. Логично ждать от ангела именно такого голоса.

Ашер Бентам, наверное, решил, что я самый косноязычный и бездарный рассказчик в стране. Его лицо не поддавалось прочтению. Он был в замешательстве? Подозревал что-то? Некогда об этом думать. Я набрал ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КЁН-ДАЛ. Следующая буква — алеф.

— А всё, что рассказывают об ангелах, — прекрасные крылья и золотые глаза. Только к встрече это тебя не готовит. Нисколько. Такое увидеть. Разом я понял: у него для меня послание. Йота воображения тут не поможет: вам не представить, каково это было.

ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КЁН-ДАЛ-АТЕН-ТРАЙ. Мне оставались только КОФУ-ЛИ-МАР-ЛЕТАГ. Как ввернуть К?

— Как-то тихо оно со мной заговорило. Феноменальный голос. Лично мне оно сказало: «Слушай». Молвило о скрытом знании. Раскрыло тайные имена.

Бентам терял терпение.

— Какие имена? — спросил он. — То, которым вы нашли Луну?

Я не знал, как ответить, но это не имело значения. Он думал, что я рассказываю ему историю, — но я не рассказывал. Я складывал нотарикон. Тем же способом, каким каббалисты раскрыли АГЛА в *ата гибор ле-олам А—и*. Любой нотарикон для Божественного Имени сам по себе равносилен этому Имени. Нотарикон, составленный из начальных букв предложений, считался совершенно полноценным. Даже в Притчах 31:10–31 был похожий приём: последовательные стихи проходили весь еврейский алфавит.[152] Но никто не сделал очевидного следующего

шага — использовать нотарикон, чтобы произнести Имя тайно. Что ж, я собирался это сделать. Мне оставалось три буквы. Ламед, тав, гимель.

Всё, что я говорил до сих пор, было моим ухищрением. Следующая фраза была чистым божественным вдохновением.

— Ладно, похоже, я вас обманул, — сказал я. — Тут всё было нотариконом. Говорю вам: прощайте.

Не используй Имя Исчезновения, говорил я на хоровых репетициях, кроме случаев, когда для твоего благополучия и физического выживания абсолютно необходимо, чтобы к тебе пристала *другая* компания хулиганов, а не та, что пристала сейчас. Прямо сейчас нарваться на другую компанию хулиганов было самым заветным и отчаянным желанием моего сердца.

Пока генеральный директор Ашер Бентам напрягался, пытаясь осмыслить мою скверно изложенную историю, я исчез прямо у него на глазах[153].

Глава 15

О, где скрыть мне лицо своё?

Ты копил шиллинги и последние шесть пенсов,
Ведь во имя Божье здесь возвели забор из колючей проволоки.
Радуйся: ты плывёшь навстречу лучшему дню,
Но не забудь: расплата будет адской.

— Flogging Molly, «Rebels of the Sacred Heart»

11–12 мая 2017 года
Айон, Калифорния

I.

Мы, жители залива — «Bay Arians»[154] (мы с Аной долго спорили, как называть людей из нашего района: «Bay Arean» или «Bay Aryan», и в итоге решили, что мы скорее еретики, чем вояки, и уж точно не высшая раса) — склонны думать о Центральной долине как о кошмарном просторе бесконечных ферм, населённом людьми, которые, хотя и не совсем мертвы, едва ли могут считаться живыми. За три часа на такси до Айона Ана не увидела ничего, что заставило бы её передумать.

Вот и сам городок, во всей своей красе. Ничто не походило на секретный центр содержания заключённых, хотя, наверное, именно это и делает его *секретным* центром содержания заключённых. Но уже стемнело, и искать особо не хотелось. Ждать до утра тоже не хотелось: она не была мастерицей проникать на секретные

объекты, но ночь казалась, пожалуй, лучшим временем — даже если умеешь становиться невидимой.

Как там говорится? Если Магомет не идёт к горе, гора сама придёт к Магомету?

Нет, не то. Другое.

«В Америке ты всегда можешь найти вечеринку. В Советской России Партия всегда найдёт тебя!»[155]

Ана произнесла Пуленепробиваемое Имя.

Это был расчётливый выбор. Достаточно новое, чтобы теономические корпорации ещё стерегли его как зеницу ока, — но достаточно старое, чтобы оно успело утечь к нескольким группам Певцов и дозорные UNSONG уже прислушивались к нему. Идеально, чтобы выманить дракона из логова.

Затем она произнесла Призрачное Имя и стала невидимой.

И точно — у заправки, где её высадило такси, появился белый фургон, из которого выбрались несколько человек в чёрной форме и принялись оглядываться по сторонам. Незаметно пробраться к ним в фургон оказалось труднее, чем она ожидала: нельзя было просто открыть дверь и забраться внутрь — там всё ещё кто-то сидел и мог заметить, что двери открываются сами собой. А если фургон был полон, кто-нибудь, чего доброго, попытается усесться ей на колени по дороге обратно в штаб. А начни она произносить какое-нибудь другое Имя — невидимость рассеялась бы, так что…

Она с отвращением смотрела, как они, закончив осматривать заправку, снова садятся в фургон и уезжают. В рассказах всё это было проще.

Ана снова материализовалась, потратила часть оставшихся денег на пончики в шоколадной глазури на той же заправке и решила придумать план получше.

В Америке Магомет идёт к горе. В Советской России гора приходит к *тебе*. Или что-то в этом роде.

Она двинулась примерно на юг. Когда решила, что юга уже достаточно, произнесла Восходящее Имя, а затем снова Призрачное. И точно — её друзья на белом фургоне вернулись. Снова безрезультатно прочесали местность.

Снова все забрались в фургон. Но на этот раз она уже поднялась выше холмов и видела на много миль вокруг.

Чуть к югу от городка фургон свернул на запад по просёлочной дороге, проехал пару миль и въехал прямо в склон холма. Есть.

Ана зашагала по воздуху.

К тому времени, как она добралась до холма, стояла уже глухая предрассветная пора; она устала и пожалела, что не съела побольше пончиков, пока была возможность. Таковы сожаления героини. Интересно, скакал ли Король Комет в бой, жалея, что заранее не наелся пончиков.

Подъехал бронеавтомобиль. Въезд открылся, впуская его внутрь. Ана скользнула следом незамеченной.

На краткий миг, входя внутрь, она почувствовала: что-то ужасно не так. Ощущение было тяжёлое, гнетущее, словно сердцебиение чуть сбилось с ритма, и в то же время совсем не такое. Она не могла понять: слух это, осязание или обоняние. Она повернулась туда, откуда веяло неправильностью, но та ускользала, прежде чем удавалось её как следует уловить. За неимением лучшей идеи она пошла в ту сторону.

[Аарон?] — мысленно позвала она, блуждая по коридорам. [Я пришла тебя спасти. Ты здесь?]

[Ана!] — ответил я. [Ана, я сам справлюсь… может быть… Ана, беги отсюда!]

И тут она почувствовала, как мой мысленный след исчез из её сознания.

Дверь с печатью UNSONG распахнулась, и оттуда вышел высокий мужчина с глазами козодоя и очень мрачным выражением лица. Он посмотрел Ане прямо в глаза и спросил:

— Кто вы и почему вы невидимы?

Святой эвфемизм, подумала Ана. *Это же генеральный директор.*

Лишь на секунду Ана снова ощутила: что-то ужасно не так, и это «что-то» — Ашер Бентам. Ана бросилась бежать.

— Всё перекрыть! — крикнул генеральный директор.

Самое время было бы произнести Имя Исчезновения, но, начни она его сейчас, её увидели бы и все остальные, а единственное её преимущество состояло в том, что, кроме Бентама, её никто не видел. Поэтому она просто бежала.

Несколько солдат сгрудились вокруг генерального директора, а потом растерянно рассыпались веером. Бентам выхватил у одного из них пистолет и выстрелил в Ану. Промахнулся безбожно, а неожиданная отдача сбила его с ног. Солдат из него был никудышный.

Охранник сидел у входа, явно изо всех сил высматривая невидимок, которые могли к нему подкрасться. Ана врезала ему кулаком в лицо, потом дёрнула рычаг, сюжетную роль которого прямо-таки подчёркивало само его присутствие. Дверь распахнулась, и она выбежала в ночь.

Бентам бросился следом, командуя взводом охраны и указывая общее направление погони. Охранники стреляли и безнадёжно мазали. Бентам, быстро усвоив урок после неудачи с пистолетом, применил Громовое Имя. Оно тоже промахнулось, но совсем чуть-чуть, опалив ей волосы.

Ана прыгнула с дороги и бросилась в заросли кустарника. Её небольшое преимущество состояло в том, что генеральному директору было не слишком-то сподручно продираться сквозь заросли в таком костюме, да и лет он был на двадцать старше неё. Громовое Имя действовало на близком расстоянии, а расстояние между ней и Бентамом с каждым шагом увеличивалось. Она продиралась сквозь кусты, переходила вброд ручей — словом, делала всё, что, по её мнению, могло задержать человека, чьё жуткое биение всё ещё отдавалось где-то на краю памяти.

— Кто вы? — крикнул Бентам издалека.

Ана, разумеется, не ответила.

— Я вас не трону! Знаю, вы не поверите, но мы с вами заодно. Это важно, обещаю! Пожалуйста, я просто хочу поговорить!

Ну да. Так она и поверила.

Когда Ана почти вышла из зоны досягаемости, Бентам замолчал и снова начал произносить Громовое Имя. Ана приготовилась к худшему: попадёт ли генеральный директор с такого расстояния, предсказать было невозможно, а Имя это, хоть и редко убивало, наверняка лишило бы её сознания достаточно надолго, чтобы её успели схватить. Она бежала изо всех сил, пытаясь выиграть ещё несколько метров до того, как —

И тут порыв ветра взвился вокруг неё и сбил Ашера с ног. Буревое Имя. Но как?

Она продолжала бежать, бежала до тех пор, пока генеральный директор и его ужасная база не растворились на светлеющем горизонте.

II.

В кузове попутного пикапа она добралась до Сакраменто, а поездом — до Окленда. В Окленде она сняла невидимость, взяла номер в гостинице и несколько часов пролежала на кровати, не разговаривая, не двигаясь и почти не думая.

Потом встала, приняла душ и купила себе приличный завтрак на последние деньги, стянутые из гостиничной кассы. Проснувшись, она обнаружила, что Сары больше нет в сумке, и удивилась — но не очень. Пусть заговорщики играют в свои игры. С неё хватит.

Если раньше она ещё не числилась беглянкой, то теперь — точно. Сам генеральный директор Ашер Бентам её видел; если он и не знал ещё, кто она, то скоро выяснит. И кто-то другой — кто-то, способный выкрасть Сару прямо из-под носа UNSONG, — манипулировал ею так, что ей это совсем не нравилось. Итака была небезопасна. Дом родителей — небезопасен. Нигде в Разъединённых Штатах не было для неё безопасного места. Но существовали и другие варианты.

Она пошла на запад. Шла мимо холмов, шла мимо старых домов, шла мимо озера и торгового центра в Эмеривилле, шла мимо гавани. Вышла к мосту Бэй-Бридж,

стала невидимой, прошла мимо предупредительных знаков, мимо баррикад и сторожевых башен.

Впереди из клубящегося тумана выглядывали несколько башен. Глаз на пирамиде Трансамерика на миг уставился на неё; его эмоции — если они у него вообще были — оставались, как всегда, непостижимыми.

С землями людей она распрощалась.

Она направлялась в Сан-Франциско.

Глава 16

Коль мощью железной своё отчаянье он мог бы предотвратить

Есть такая история[156] о старике, который идёт вдоль берега. Он видит ребёнка, который подбирает морских звёзд и бросает их в воду. Старик спрашивает, что тот делает, и ребёнок отвечает: морские звёзды оказались на суше во время отлива. Они не могут выжить вне воды, поэтому он бросает их обратно в океан, чтобы спасти их. Старик говорит: «Но ведь ты наверняка знаешь, что только на этом одном пляже миллионы морских звёзд. А пляжей по всему миру тысячи. И так происходит при каждом приливе изо дня в день, вечно. Ты никогда не сможешь что-то изменить». И ребёнок просто подбирает ещё одну морскую звезду, бросает её в океан и говорит: «Для этой — смог!»

Я помню, как рассказала Королю Комет эту историю. Он долго молчал, и наконец я спросила, о чём он думает. Всё ещё наполовину погружённый в мысли, он ответил: «Даже небольшое изменение орбиты Луны могло бы прекратить приливный цикл. Чтобы сдвинуть Луну, потребовалось бы колоссальное количество энергии, но Гневное Имя обладает мощью водородной бомбы, а записать его можно на листке бумаги весом всего в долю грамма. „Сатурн-5“ имеет грузоподъёмность около

десяти тысяч килограммов, значит, пожалуй, двадцать миллионов экземпляров Гневного Имени… хм-м-м… нет, всё равно не хватит. Нужна ракета получше. А что, если соединить полнопоточную двигательную схему на метане и жидком кислороде[157] с молитвой, призывающей Кинетическое Имя…» Он схватил салфетку и принялся набрасывать эскизы, и вышел из транса, лишь когда я напомнила ему, что морские звёзды приспособлены к жизни в приливно-отливной зоне и, скорее всего, чувствуют себя прекрасно. Он одарил меня одной из своих яростных улыбок, и я так и не смогла понять — шутил ли он всё это время.

Кто-то из предприимчивой прислуги прибрал салфетку к рукам и продал её «Небесной Деве» за неназванную сумму; незавершённый эскиз Короля Комет лёг в основу всей современной ракетной техники.

— Соху Вест, «Король Комет: агиография»

11 октября 1990 года
Мексиканский залив

Соху всю ночь мучили беспокойные сны, и наутро она отправилась искать Уриила. Он был занят тем, что чинил лёд в Антарктике. От ледников слишком быстро откалывались айсберги, а затем дрейфовали на судоходные трассы. Кто-нибудь мог врезаться в айсберг. Она не стала ему мешать и несколько минут молча наблюдала. Наконец спросила:

— Уриил, что произошло вчера?

— ГМ. Я ДУМАЮ, ЧТО Я НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ДРУГ.

— Ничего… Ты… не знал… ты… старался помочь, наверное.

— ТЫ КАЗАЛАСЬ ТАКОЙ ИСПУГАННОЙ.

— Я и была!

— МНЕ ХОТЕЛОСЬ ПОМОЧЬ. МНЕ БЫЛО ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ СПАС ТЕБЯ.

— Почему? Почему ты позволил Тамиилу сделать это со мной? Он сказал, что ты мог бы его изгнать. Почему ты просто не изгнал его с самого начала?

— ГМ. Я ПЫТАЮСЬ НЕ ДОПУСТИТЬ КОНЦА СВЕТА.

— И почему мир кончится, если ты изгонишь Тамиила?

— ОЧЕНЬ ДАВНО НА НЕБЕСАХ ШЛА ВОЙНА. ВСЕ АРХАНГЕЛЫ СРАЖАЛИСЬ С ТАМИИЛОМ, И ТАМИИЛ ПОБЕДИЛ. МНЕ НЕ ПОНРАВИЛСЯ ЭТОТ РЕЗУЛЬТАТ, И Я ДОБАВИЛ НОВУЮ СТРУКТУРУ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ — СЛОЙ, ПЕРЕИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ АДАМА КАДМОНА. Я ПРЕОБРАЗОВАЛ МИР ИЗ СУБСТРАТА БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА В СУБСТРАТ МАТЕМАТИКИ. ЭТО НЕ ПОЗВОЛЯЛО АНГЕЛАМ И ДЕМОНОМ СУЩЕСТВОВАТЬ ИНАЧЕ КАК МЕТАФОРИЧЕСКИ. КОГДА БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ — ШЕФА́ — ВХОДИЛ ВО ВСЕЛЕННУЮ, Я НАПРАВЛЯЛ ЕГО В РЕЗЕРВУАР, ЧТОБЫ ОН НЕ ВМЕШИВАЛСЯ В РАБОТУ ЧАСОВОГО МЕХАНИЗМА.

— А потом мы разбили «Аполлон-8» о край мира.

— ВЫ ВЫШЛИ ЗА КРАЙ МИРА И ПРОЧЛИ БИБЛИЮ. ВЫ ВНЕДРИЛИ КОД ИСХОДНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕРЕЗ АТАКУ ПЕРЕПОЛНЕНИЯ БУФЕРА[158]. МОЯ СИСТЕМА КАТАСТРОФИЧЕСКИ УТРАТИЛА СТАБИЛЬНОСТЬ. ДАЖЕ ЗАДЕЙСТВОВАВ ЗАПАСЫ ШЕФЫ, НАКОПЛЕННЫЕ ЗА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, Я СМОГ ЛИШЬ ЧАСТИЧНО СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ЕЁ. НАУКА И МАТЕМАТИКА ВСЁ ЕЩЁ РАБОТАЮТ, А СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ ОГРАНИЧЕНО МАЛОЙ ДОЛЕЙ СВОЕЙ ИСТИННОЙ МОЩИ. НО ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ДАЖЕ ЭТОЙ ОГРАНИЧЕННОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ТРЕБУЕТСЯ ПОСТОЯННЫЙ ПРИТОК ШЕФЫ.

— Может ли твой резервуар шефы иссякнуть?

— ДА. ПРИ НЫНЕШНИХ ТЕМПАХ ЕГО ХВАТИТ ПРИМЕРНО НА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ. КАЖДОЕ ВЕЛИКОЕ ЧУДО, ВЫХОДЯЩЕЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ МОИХ ОБЫЧНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ЕЩЁ СИЛЬНЕЕ ИСТОЩАЕТ ЕГО. ТАМИИЛ НАДЕЯЛСЯ, ЧТО Я ЗАДЕЙСТВУЮ ШЕФУ, ЧТОБЫ ИЗГНАТЬ ЕГО. А ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ИЛИ МЕСЯЦЕВ ОН СНОВА СОБРАЛСЯ БЫ ВОЕДИНО — ЦЕЛЫМ И НЕВРЕДИ-

МЫМ. УБИТЬ ЕГО НАВСЕГДА НЕВОЗМОЖНО. ОН — ГРАНЬ БОГА. И КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА Я ВРЕМЕННО УБИВАЮ ЕГО, ЭТО ТРЕБУЕТ СТОЛЬКО ШЕФЫ, ЧТО СОКРАЩАЕТ ЖИЗНЬ ВСЕЛЕННОЙ НА ГОДЫ. ТАКОВ ЕГО ПЛАН: ВЫНУЖДАТЬ МЕНЯ ТРАТИТЬ РЕСУРСЫ ТАК, ЧТОБЫ ПРИБЛИЖАТЬ КРАХ НЕБЕСНОГО МЕХАНИЗМА.

— А что произойдёт, когда он рухнет?

— ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕСТАНУТ РАБОТАТЬ. ТАМИИЛ СТАНЕТ НЕПОБЕДИМЫМ. МИР КОНЧИТСЯ.

— Понятно. И как нам этому помешать?

— Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО МЫ ВООБЩЕ СМОЖЕМ ЭТО ПРЕДОТВРАТИТЬ.

— Разве нельзя починить механизм? Или заставить его работать без шефы? Или найти другой способ пополнять запасы быстрее? Или хоть что-нибудь?

— НЕТ. Я ПРОВЁЛ В СУБЪЕКТИВНОМ ВРЕМЕНИ ЭОНЫ, ОБДУМЫВАЯ ЭТИ ВОЗМОЖНОСТИ. ОНИ НЕВОЗМОЖНЫ. НЕБО ТРЕСНУЛО. СТРУКТУРА ВЫСШИХ МИРОВ СТАЛА НЕЧИТАЕМОЙ. МЕХАНИЗМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛНОСТЬЮ ПОЧИНЕН. ЭТО НЕВОЗМОЖНО. ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ Я ПОПЫТАЛСЯ, ТЕПЕРЬ, КОГДА ТАМИИЛ ПОНЯЛ НАЗНАЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА, ОН НАВЕРНЯКА МНЕ ПОМЕШАЛ БЫ.

— Тогда убей его шефой — и сделай всё, что нужно, до того, как он восстановится.

— ОН — ЛЕВАЯ РУКА БОГА. БЕЗ ТЕЛЕСНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОН МОЖЕТ МНОГОЕ.

— Почему? Почему у Бога такая чокнутая левая рука, которая хочет всё уничтожить?

— ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ПОЧИТАТЬ ИЦХАКА ЛУРИЮ.

— Я читала Ицхака Лурию. Ну и что? Почему Бог вообще позволил сосудам разбиться?

— ЭТО ОЧЕНЬ СЛОЖНО.

— Ну и что? Значит, ты просто будешь сидеть здесь пятьдесят лет, пока у тебя не кончится заряд, механизм не остановится, и Тамиил не захватит вселенную?

— ВОЗМОЖНО, КОРОЛЬ КОМЕТ ЧТО-НИБУДЬ ПРИДУМАЕТ К ТОМУ ВРЕМЕНИ.

— Это и есть твой план?

— ЭТО ХОРОШИЙ ПЛАН.

Соху кивнула.

— Ладно. Резонно. Ждать, пока он придёт и решит все проблемы, раньше всегда срабатывало. Но… *всё равно!* А ты? Разве ты не должен… не можешь хотя бы попытаться помочь?

— Я УПРАВЛЯЮ ДРЕЙФОМ МАТЕРИКОВ, И НАПРАВЛЯЮ МИГРАЦИЮ БАБОЧЕК, И ДЕРЖУ АЙСБЕРГИ НА НУЖНЫХ МЕСТАХ, И НЕ ДАЮ ЛЮДЯМ ВАРИТЬ КОЗЛЁНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО. ЭТО ТРУДНАЯ РАБОТА, И У МЕНЯ ОНА ХОРОШО ВЫХОДИТ, И ОНА ПОЗВОЛЯЕТ МИРУ ПРОСУЩЕСТВОВАТЬ НЕМНОГО ДОЛЬШЕ. Я НЕ СТАНУ КОРИТЬ СЕБЯ ЗА ТО, ЧТО МНЕ НЕ УДАЁТСЯ НЕВОЗМОЖНОЕ.

— Мф. 19:26. «Богу же всё возможно».

— ГМ.

— Что? Говори.

— Я ПРОВЁЛ В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ. Я СРАЖАЛСЯ С ДЬЯВОЛОМ. Я ПЕРЕПИСЫВАЛ ЗАКОНЫ РЕАЛЬНОСТИ. Я СОВЕРШИЛ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО. ГМ.

— Что?

— И НИ РАЗУ МНЕ НЕ ВСТРЕЧАЛОСЬ НИЧЕГО, ЧТО УБЕДИЛО БЫ МЕНЯ В ТОМ, ЧТО БОГ НЕПОСРЕДСТВЕННО ДЕЙСТВУЕТ ВО ВСЕЛЕННОЙ. СУДЯ ПО ВСЕМУ, ОН ЛИШЬ СЛУЖИТ ОСНОВАНИЕМ САМОГО БЫТИЯ.

— Ты не можешь быть деистом! Ты архангел!

— Я НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ АРХАНГЕЛ.

— А Сан-Франциско?

— У БОГА МОЖЕТ БЫТЬ И ПРАВАЯ РУКА, И ЛЕВАЯ. Я НЕ ВИЖУ НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ ТОГО, ЧТО КАКАЯ-ТО ГОЛОВА УПРАВЛЯЕТ ХОТЬ ОДНОЙ ИЗ НИХ.

— А Метатрон?

— ГОЛОС БОГА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ГОВОРИТ. ИДЕАЛЬНЫЙ СИМВОЛ.

— Ты же победил Тамиила! Это было чудо! Разве ты не думаешь, что Бог был причастен к этому?

— ГМ. СЕФИРОТ БЫЛИ ПРИЧАСТНЫ. ОНИ В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТЬЮ БОГА. НО САМИ ОНИ ПОЧТИ НЕ УЧАСТВОВАЛИ. ОНИ В ОСНОВНОМ ПРОСТО СИДЕЛИ, ПОКА Я ИХ ПЕРЕПИСЫВАЛ.

— Ты же понимаешь, о чём я!

— БОГ СОЗДАЛ АДАМА КАДМОНА — ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ, СВЯЗЫВАЮЩУЮ ВСЁ ВОЕДИНО. ОН ВДОХНУЛ В НЕЁ ОГОНЬ, ДАЛ ЕЙ БЫТИЕ И УСТРОИЛ ТАК, ЧТОБЫ ВСЁ ПРОИСХОДИЛО ПО ЕЁ ПЛАНУ. НО ЭТОТ ПЛАН НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ НИ НАШИМ ПРАВИЛАМ, НИ НАШИМ НАДЕЖДАМ. КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЛОМАЕТСЯ — КОГДА У САМОЛЁТА ОТКАЗЫВАЮТ ДВИГАТЕЛИ И ОН ПАДАЕТ С НЕБА, — БОГ НЕ ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ И НЕ СПАСАЕТ ЕГО. СТРУКТУРА ПРОСТО ИДЁТ К СВОЕМУ ПРЕДНАЧЕРТАННОМУ КОНЦУ. Я НЕ ВИЖУ ПРИЧИН СЧИТАТЬ, ЧТО С МОИМ СОБСТВЕННЫМ МЕХАНИЗМОМ БУДЕТ ИНАЧЕ. ПРОСТО НА ЭТОТ РАЗ КОНЕЦ БУДЕТ ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ.

— Что ж, я думаю, ты ошибаешься. Отец верит, что Бог спасёт нас.

— ОН ВЕРИТ, ЧТО ИМЕННО *ОН* НАС СПАСЁТ, И НАМЕРЕН ПРИПИСАТЬ ЗАСЛУГУ БОГУ. ЭТО НЕ ОДНО И ТО ЖЕ.

— *Я* верю, что Бог спасёт нас! Подумай, до чего невероятно всё это — сама вселенная, твой механизм, всё, что делает Отец. Ты думаешь, всё это просто случайность?

— ДА.

— Плач Иеремии 3:24. «Господь — часть моя, говорит душа моя, итак буду надеяться на Него».

— СУДЯ ПО НАЗВАНИЮ ИХ КНИГИ, НАДЕЖДА СРАБОТАЛА НЕ ОСОБЕННО ХОРОШО.

Соху фыркнула.

— Ладно тогда. Ты будешь учить меня каббале. А я буду учить тебя верить. Как правильно рассказывать шутки «тук-тук» и как верить. Вот чему я тебя научу.

— МНЕ ЖАЛЬ. ДЛЯ АРХАНГЕЛА Я НЕ ОЧЕНЬ-ТО УМЕЮ ВЕРИТЬ.

Соху промолчала. Уриил отвернулся и вернулся к управлению вселенной.

Интерлюдия ת: Человек на сфере

Сыграем в «Твистер», потом сыграем в «Риск»,
А на Небе свидимся, коль попадёшь ты в список.
— R.E.M., Man on the Moon[159]

I.

Говорят, март приходит как лев, а уходит как ягнёнок[160]. Март 1969-го больше напоминал одного из тех библейских ангелов с четырьмя львиными головами, четырьмя ягнячьими и, для верности, ещё парой драконьих — всё это вращалось внутри исполинского огненного колеса[161], и если слишком долго смотреть ему в глаза, то умрёшь.

Целые недели повторялись, перескакивали или двигались в обратном направлении. Была неделя, когда погода замерла и температура на всей планете застыла ровно на отметке двадцать два градуса Цельсия. Небо стало серым, а затем его сменило сообщение: «Небо не найдено. Пожалуйста, покайтесь в прегрешениях и повторите попытку»[162]. Все голоса животных сменились нестройным гудением.

Никто не знал, сколько это длилось. Наверное, у каждого по-своему: людей заносило на собственные отдельные временны́е линии, в странные календарные водовороты и завихрения. Некоторые, вступив в месяц людьми средних лет, заканчивали его седыми, с тихими, бесконечно печальными голосами. Другие, кажется, помолодели. Большинство выглядело примерно так же, как прежде,

— но по ним было видно, что кое-что с ними случилось и говорить об этом они не хотят: дни, повторявшиеся десятками раз, недели, прожитые задом наперёд, или мгновения, когда безвременность ненадолго вторгалась во время и они на бесконечно долгий миг касались Вечности.

Причудливые коммюнике от архангела Уриила стали привычной чертой повседневной жизни. Они появлялись на небосводе, или кровавыми письменами на поверхности Луны, или звучали в неожиданных телефонных звонках с неопределившихся номеров, поступавших мировым лидерам, или обнаруживались на овощах, разросшихся до исполинских размеров. Новости редко были хорошими.

«В СВЯЗИ С НЕХВАТКОЙ СИСТЕМНЫХ РЕСУРСОВ ОСТРОВ ТАЙВАНЬ БЫЛ ОТМЕНЁН. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ПРИЧИНЁННЫЕ НЕУДОБСТВА.»

«ЧИСЛО ВОСЕМЬ БУДЕТ НЕДОСТУПНО С ЧАСУ НОЧИ ДО ШЕСТИ УТРА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ В СВЯЗИ С АВАРИЙНЫМ ТЕХНИЧЕСКИМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ. ПРОСИМ ВАС НЕ ПРОИЗВОДИТЬ НИКАКИХ РАСЧЁТОВ, ТРЕБУЮЩИХ ЧИСЛА ВОСЕМЬ, В УКАЗАННЫЙ ПЕРИОД. ТАКЖЕ ПРОСИМ ПОВЕРНУТЬ ВСЕ ЦИФЕРБЛАТЫ ОТ СЕБЯ, ОСОБЕННО ЕСЛИ НА НИХ ЕСТЬ ЧИСЛО ВОСЕМЬ. БЛАГОДАРИМ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО. В КАЧЕСТВЕ КОМПЕНСАЦИИ ЗА ПРИЧИНЁННЫЕ НЕУДОБСТВА МЫ ИЗЛЕЧИЛИ ВСЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СЕРДЕЧНЫХ КЛАПАНОВ.»

«У ЛЮДЕЙ ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ КОСТЕЙ. МЫ ОЖИДАЕМ, ЧТО НОВЫЕ КОСТИ БУДУТ НА 50% ЭФФЕКТИВНЕЕ И БУДУТ РАБОТАТЬ НА ТЕХ ЖЕ ВЫСОКИХ СТАНДАРТАХ, ЧТО И ПРЕЖНЯЯ СИСТЕМА ИЗ ДВУХСОТ ШЕСТИ КОСТЕЙ. РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ БОЛЕЗНЕЙ СКЕЛЕТА НЕ ИЗМЕНИТСЯ. ОДНАКО БОЛЕТЬ ИМИ БУДУТ ДРУГИЕ ЛЮДИ. ЕСЛИ ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ЧТО У ВАС ПОЯВИЛОСЬ НОВОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ СКЕЛЕТА, ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ВРАЧУ.»

«ПРОСИМ ИЗБЕГАТЬ ТЕРРИТОРИИ, ГДЕ ПРЕЖДЕ НАХОДИЛСЯ ТАЙВАНЬ. КРОМЕ ТОГО, ПРОСИМ ИЗБЕГАТЬ ТЕРРИТОРИЙ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К ТОМУ МЕСТУ,

ГДЕ ПРЕЖДЕ НАХОДИЛСЯ ТАЙВАНЬ, В ЧАСТНОСТИ: ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ, ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ, ФИЛИППИНСКОГО МОРЯ, ЯПОНИИ, КОРЕИ И ВСЕХ РАЙОНОВ КИТАЯ В ПРЕДЕЛАХ ТЫСЯЧИ МИЛЬ ОТ ПОБЕРЕЖЬЯ. БЛАГОДАРИМ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО.»

«ВНИМАНИЕ. В СВЯЗИ С СОКРАЩЕНИЕМ ЗОНЫ ОХВАТА НРАВСТВЕННАЯ ДУГА ВСЕЛЕННОЙ БОЛЕЕ НЕ ИЗГИБАЕТСЯ В СТОРОНУ СПРАВЕДЛИВОСТИ[163]. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ПРИЧИНЁННЫЕ НЕУДОБСТВА.»

На семьдесят первый день с начала хаоса послание от Уриила проступило вспухшими полосами на коже всего домашнего скота в мире:

«В РАМКАХ ПОСЛЕДНИХ СОКРАЩЕНИЙ ОТМЕНЯЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ: ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ. ЧУВСТВО ТОМИТЕЛЬНОЙ СКУКИ. ЖЁЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ. ВСЕ ЧИСЛА МЕЖДУ 405 668 922 И 407 215 810. ДЖАЗ. МАТТЕРХОРН. ВСЕ ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ КРОМЕ ТЕЛУГУ. СЕРП ЛУНЫ. БЕЛОЕ ВИНО. АМЕТИСТ. ВСЕ КУЗЕНЫ И КУЗИНЫ, КРОМЕ ДВОЮРОДНЫХ. ПОСЛЕ ТЕКУЩЕГО РАУНДА ИЗМЕНЕНИЙ СИСТЕМА ОБРЕТЁТ ВРЕМЕННУ́Ю СТАБИЛЬНОСТЬ. БЛАГОДАРИМ ЗА ТЕРПЕНИЕ В ЭТОТ НЕЛЁГКИЙ ПЕРИОД.»

На следующий день наступило первое апреля. Долгий Март наконец завершился[164].

До нормы было далеко. Очень далеко. Обширные территории оказались обезлюдевшими — то ли по прямому вмешательству архангела, то ли оттого, что их общины не пережили испытаний; никто не знал. Изрядная часть технической инфраструктуры попросту перестала работать: судя по всему, более экономные и менее броские законы физики, к которым Уриил был вынужден перейти, их уже не поддерживали. Из России доносились ужасы: демоны, лезущие из земли, Якутск — место страшной резни, пожары, видные на сотни миль. Трещины в небе заметно расширились.

Но впервые люди начали ощущать что-то похожее на оптимизм — как бывает, когда отходишь от особенно скверного наркотического трипа и стены ещё в змеях, но

змеи уже *мельче*; кожа ещё пузырится, но уже *меньше*; ты чуть крепче держишься за реальный мир — и начинаешь думать, что бы съесть на завтрак.

II.

Ричард Никсон, раз тридцать сказавший Киссинджеру, что уж *на такое* он не подписывался, понял: людям нужна цель — что-то, что выведет их из оцепенения, вернёт к общественной жизни и даст понять, что Америка всё ещё стоит на ногах, а правительство по-прежнему держит всё под контролем. Он появился на национальном телевидении — которое работало только в чётные часы; яйцеголовые так и не выяснили, почему, но уверили его, что это поправимо, — и заявил, что страна «берёт на себя обязательство достичь цели — до конца этого года — высадить человека на гигантскую хрустальную сферу, окружающую мир, и благополучно вернуть его на Землю»[165].

Это был политически расчётливый шаг. У НАСА был готов лунный модуль — стоял на складе и ждал своего часа. После того, что случилось в *прошлый* раз, когда они пытались добраться до Луны, недавно обнаруженная хрустальная сфера выглядела куда более привлекательной мишенью. Но дело было не только в политической показухе. Именно пробитие хрустальной сферы породило все эти проблемы. Если разобраться, что́ она такое и зачем она там, — быть может, удастся всё починить. А если за хрустальной сферой существует некая сущность — советники предупредили его не употреблять слово на Б, звучит слишком ненаучно, — то, возможно, поможет *она*, если попросить вежливо.

НАСА не хотело идти вслепую. В мае, а потом в июне были запущены пилотируемые миссии — изучить размеры и состав сферы. Насколько удалось установить: радиус около 250 000 миль, центр — Земля, материал — совершенный кристалл без единого изъяна, не считая окрестностей трещин. Иллюзорные звёзды и планеты,

судя по всему, проецировались на неё голографическим способом, создавая иллюзию глубины.

В начале июня НАСА сообщило Никсону, что исчерпало возможности дистанционного изучения сферы.

16 июля 1969 года президент Никсон прибыл на мыс Канаверал, где лично встретился с тремя астронавтами, которые, как заверило его НАСА, были лучшими из лучших. Он пожелал им счастливого пути и сказал, что надежды американского народа и всех людей мира устремлены к ним.

Позже тем же днём «Аполлон-11» взлетел.

Четыре дня и 250 000 миль спустя лунный модуль «Орёл» отстыковался от материнского корабля. На борту были Нил Армстронг и Базз Олдрин, согласившиеся высадиться на хрустальную сферу и сделать первые шаги человечества по иному небесному телу. Если это можно так назвать.

Спуск оказался опаснее, чем ожидалось, и оба едва не израсходовали топливо для двигателей и не врезались в кристалл на огромной скорости, — но с двадцатью пятью секундами топлива в запасе они коснулись поверхности в выбранном месте прямо у края одной из исполинских трещин.

— Хьюстон, говорит База Спокойствия, — доложил Армстронг. — «Орёл» сел.

В Белом доме Никсона кратко поспорили о том, уместно ли водружать американский флаг на гигантской хрустальной сфере, окружающей мир. Довод «против»: сфера, по всей видимости, была неким небесным механизмом, созданным непосредственно Богом, который либо отделяет Землю от Небес, либо в каком-то сложном смысле сам и есть *Небеса*, — и притязание человеческой нации на владение Небесами — это, пожалуй, самое грандиозное проявление гордыни, какое вообще можно вообразить. Довод «за»: *Америка*.

Нил Армстронг ступил на хрустальную сферу и водрузил флаг.

— Это один маленький шаг для человека, — произнёс он, — но огромный скачок для всего человечества.

Формальности были позади — настало время заняться делом.

Армстронг и Олдрин извлекли из лунного модуля большую катушку с тросом и покатили её по удивительно гладкому кристаллу несколько десятков метров до края трещины. Армстронг заглянул вниз.

— Хьюстон, смотрю в трещину, — передал он по радио. — Очень ярко — может, не так ярко, как солнце, но почти. Ничего не вижу там внизу. Край обрыва почти идеально вертикальный. Ширина — пара сотен метров, едва различаю противоположную стену — выглядит так же. Никакого рельефа, никаких неровностей. Хьюстон, источник света, возможно, всего в нескольких метрах. Это как оболочка. Я думаю… думаю, мы достанем до света тем, что у нас есть.

Последовал краткий спор о том, кому из двух всё-таки придётся спускаться туда. Олдрин выиграл спор весьма весомым доводом: если Армстронгу так нравится быть первым, он мог бы проявлять такую же инициативу, когда речь идёт о чём-то важном и страшном, а не только об эффектном кадре для прессы. Так что командир Нил Армстронг прикрепил трос к скафандру, взял в обе руки альпинистский крюк и медленно начал спускаться в трещину, пока Олдрин смотрел сверху.

— Хьюстон, я в трещине. Опустился примерно на три метра; всего троса у нас сто метров. Свет заметно ближе. Кажется, недалеко. По-моему, это объект, или граница, или переход — что-то в этом роде.

— Хьюстон, источник света определённо всё ближе. Думаю, ещё пара метров вниз.

— Понял вас, командир Армстронг. Полковник Олдрин, с вашей позиции всё в порядке?

— Хьюстон, трос закреплён. Командир Армстронг всё ещё в зоне видимости.

— Понял вас, полковник Олдрин.

— Хьюстон, собираюсь коснуться источника света крюком и посмотреть, что будет.

— Действуйте по своему усмотрению, командир.

— Крюк проходит сквозь источник света. Вытащил — целый. Похоже на оболочку или переходную зону, как я и говорил.

— Понял вас, командир Армстронг.

— Собираюсь коснуться источника света пальцем… Ничего не чувствую. Палец проходит насквозь.

— Полковник Олдрин, какие-нибудь изменения в источнике света с вашей позиции?

— Нет, Хьюстон. Командира Армстронга вижу. Никаких возмущений или изменений. Источник света по-прежнему однороден по всей трещине.

— Хьюстон, собираюсь войти в источник света.

— Действуйте по своему усмотрению, командир.

…

— Центр управления — командиру Армстронгу. Командир Армстронг, приём.

…

— Центр управления — полковнику Олдрину. Приём, полковник Олдрин.

— Полковник Олдрин на связи, Хьюстон. Командир Армстронг исчез под световым барьером.

— Центр управления — командиру Армстронгу. КОМАНДИР АРМСТРОНГ, ПРИЁМ!

…

— Не отвечает. Хьюстон, поднимаю трос, вытаскиваю его.

— Немедленно, полковник.

…

…

— Хьюстон, конец троса больше не прикреплён к командиру Армстронгу.

— Блядь.

— Зря я его туда пустил… Спускаюсь за ним.

— Нет, полковник Олдрин, это Центр управления. Приказываю вам: поднять трос и покинуть трещину. Повторяю: поднять трос и покинуть трещину.

— Подождите, а если опустить трос обратно — вдруг он там и сможет за него схватиться…

— Полковник Олдрин, повторяю: вам дан прямой приказ поднять трос и покинуть трещину.

— Хьюстон, это командир Армстронг.

— КОМАНДИР АРМСТРОНГ! КОМАНДИР АРМСТРОНГ, ПРИЁМ! ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ?

— Нет, Хьюстон. Ничто не нарушено.

— Хорошо, сейчас полковник Олдрин опустит трос и…

— Нет, Хьюстон. *Буквально*. Ничто не нарушено. *Ничто*[166].

— Командир Армстронг, у вас всё хорошо?

— Именно, Хьюстон. Всё хорошо. Ничто не нарушено. Нигде и никогда ничто не было нарушено. Космос подобен безупречному драгоценному камню, каждая грань которого — тоже безупречный драгоценный камень, и так до бесконечности. Вот только никакого камня нет. Это всё свет. Нет, даже не свет. Внутри Времени ничего этого не видно, но когда выходишь наружу, в Вечность, всё становится таким… полным. Это так прекрасно, Хьюстон.

— Командир Армстронг, вам нехорошо. Полковник Олдрин опускает трос.

— Вы действительно думаете, что я всё ещё в трещине? Послушайте, Хьюстон. Цимцум, лурианское сжатие Бога ради сотворения мира, — с более высокой точки зрения это было вовсе не сжатие, а расширение. Развёртывание Божественности в новые возможности. Сосуды не разбились — они перестроились в формы, различимые лишь из плеромы[167], лежащей за пределами любых измерений, но вмещающей возможность каждого из них. Хьюстон, это понятно?

— Командир Армстронг, вам *приказано* вернуться на корабль.

— Хьюстон, *Уильям Блейк был прав во всём.*

— Командир Армстронг!

— Свят, свят, свят Господь Саваоф[168]. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят

Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят Господь Саваоф. Свят, свят, свят…

— Командир Армстронг!

— Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят…

— Командир Армстронг!

— Свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свяаааааат, свяаааааааат, свяаааааааааат, свяаааааааааааат, свяаааааааааааааат, свяаааааааааааааааат, свяаааааааааааааааааат, свяаааааааааааааааааааат, свяаааааааааааааааааааааат…

— Хьюстон, трос опущен на всю длину. Болтается примерно в семидесяти метрах в световой зоне. Никаких признаков того, что командир Армстронг собирается его схватить.

— Понял вас, полковник Олдрин. Просим вернуться на корабль. Полковник Олдрин, приём?

— Свяяяяяяяяяяяяяя

— Хорошо слышу вас, Хьюстон.

— яяяяяяяяяяяяяят

III.

Когда мне было десять лет, я получил свою первую любительскую радиостанцию.

Когда тебе десять, любительская радиостанция — настоящее сокровище. Я слушал суда у берега, слышал доклады с лесных кордонов, даже ловил переговоры полицейских, патрулирующих соседние улицы. Однажды я настроился на новую частоту и услышал странный звук — одну чистую ноту, какой я никогда прежде не слышал.

Звук был такой: «яяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяяя»

Я принёс радиостанцию дяде и спросил, что за станцию поймал. Он сказал, что когда-то давно НАСА использовало эту частоту для связи. Потом один человек взял настроенную на этот диапазон радиостанцию и спустился с ней в трещину в небе; оттуда пошёл такой мощный сигнал, что заглушил весь остальной радиошум, и от целой частоты пришлось отказаться.

Но что это была за неземная нота?

Дядя сказал мне, что это Нил Армстронг — вышедший за пределы времени в Вечность — вечно славит Бога.

Конец Книги I

Книга II: Исход

Крепка твоя вера — но нужен был пруф,
(Хей, хей, юд, тав, мем, тав, вав, куф).
Ты видел судно, что другой вёл до нас.
Ты видел: его флаг над высшей мачтой вознесён;
Ты видел недолговечный сон —
Король Комет приемлет Шем ха-Мефораш.

— Леонард Коэн, «Шем ха-Мефораш»

Глава 17

Не знал земных родителей, признаюсь

25 февраля 1976 года
Колорадо-Спрингс

Представьте себе деву, заблудившуюся в холмах.

«Дева» означает и «молодую женщину», и «девственницу». В греческом и иврите соответствующие слова так же двусмысленны[169], и потому некоторые полагают, что ту, кого мы называем Девой Марией, правильнее было бы именовать Юной Марией, — а это уже слегка меняло бы смысл её последующей беременности. Люди взрослели быстрее в те времена, когда говорили о «девах». Марии, вероятно, было всего четырнадцать, когда она родила[170].

Я каббалист. Слова имеют значение. Нынче мы заменили «деву» на «девочку-подростка». Дева и подросток, в сущности, одно и то же, но сами эти слова прочерчивают в смысловом пространстве разные борозды, поднимают разные воды. При всей синонимичности, одни юные женщины — девы, а другие — подростки. Героиня нашей истории была несомненно девой, пусть и жила в 1970-е, когда быть девой вышло несколько из моды.

Итак: представьте себе деву, заблудившуюся в холмах.

Она гуляла с братом по холмам Колорадо; пока он дремал на лугу, она ушла побродить одна. Так она заблудилась и решила взобраться на холм, чтобы оглядеться с вершины. Но холм оказался выше, чем она поначалу думала; стемнело, и теперь она сидела наверху и смотрела на звёзды.

Они сияли яростно — много ярче, чем в освещённых фонарями долинах её родных мест, — такие белые, что казались почти синими. Млечный Путь светился фосфоресцирующей лентой, а трещины в небе образовывали светящуюся решётку, подобную паутине из света.

Но этой ночью в Небесах была и другая сила. Вот она — Комета Вест, Великая Комета 1976 года[171]. Она неслась, ликуя, по зимнему небу, смеясь и чувствуя, как пустота касается её ледяной кожи. Она полыхала над вершинами и реками, над странами и океанами, пока наконец не перелетела через Континентальный водораздел и не достигла своего тёзки. Истинного Запада, сильного и свободного.[172] И там она опустилась на высочайшую из Скалистых гор и замерла в созерцании; никто, кроме нашей девы, не увидел её приземления.

Великая Комета явилась в облике старца — с длинными белыми волосами, развевающимися по ветру, и множеством крыльев. И хотя он был куда больше человека — больше даже горы, на которой восседал, — какое-то волшебство не давало деве испугаться.

И она спросила: «Кто ты?»

И он ответил: «Я — Комета Вест.

«Я — Комета, палка в колёсах Судьбы. Всё в мире движется по кругам — в свой срок и своим чередом, — кроме Кометы. Я проношусь — вне планов и предсказаний.

«Я — Запад. Я — закатное солнце, сумерки богов, грядущая ночь. Я — багряные огни заката, пламя перед тьмой. Я — колыбель цивилизации и её палач. Я — конец всего сущего в красоте и огне.

«Я — Комета Вест. Я — и то и другое. Ты боишься меня?»

И дева ответила: «Нет», — ибо она не боялась.

И Комета сказала: «Тогда я осияю тебя».

И дева сказала: «Сияй».

И на миг Комета осияла её всем своим светом, и дева задрожала от холода. Затем свет отступил, и она осталась одна под тысячью яростно сияющих звёзд и одной-единственной зловещей кометой.

И она уснула, и брат нашёл её, и она вернулась к ярким электрическим огням цивилизации, и решила, что всё это ей приснилось.

Я каббалист. Слова имеют значение. Прежде это называли рождением от девы. Но «девственница» значит «дева», а «дева» значит «подросток», и потому со временем выражение превратилось в «подростковую беременность».

Примерно четыре месяца спустя обнаружилось, что у нашей девы — подростковая беременность.

Здесь миф становится непонятен без отсылки к предшествующему мифу из того же эпического цикла. Несколько лет назад разразилась великая космическая битва двух исполинов — Роу и Уэйда. Больше года они вели странный ритуальный поединок — без мечей, без крови — пока наконец Роу не одержала победу. И девять чёрных Судьб[173], молча наблюдавших за поединком, возрадовались так, что даровали человечеству великую милость: Проклятие Евы[174] было отменено, и отныне Женщине больше не придётся в муках рожать детей — она сможет рожать сыновей и дочерей, лишь когда сама того пожелает.

(Иные рассказывают этот миф иначе, но они не каббалисты.)

Разговор зашёл о том, сохранять ли беременность. Поскольку наша дева была американкой индийского происхождения (индусская дева?)[175], она и её семья отвергли дар девяти чёрных Судьб. Врачи предупреждали: она слишком молода, ребёнок растёт слишком быстро, это опасно. Но она была упряма — как упрямы были её родители, как упрям будет однажды её ребёнок.

И потому в ноябре 1976 года свершилось: се, дева зачала и родила сына и нарекла его *Джалакету*[176].

Глава 18

Да спасутся дети Иерусалима от рабства

I.

10 апреля 2017 года
Сан-Хосе

— Зачем мы празднуем Песах? — спросил Билл. — Кто-нибудь из нас вообще еврей?

— Мой отец был евреем, — ответил я.

— Не считается, — сказал Билл.[177]

— Я еврейка, — сказала Элли Ху.

— Ты *китаянка*, — поправил её Билл.

— Моя прабабушка происходила из кайфынских евреев[178], — сказала Элли. — Они живут в Азии уже много поколений.

Мы все уставились на Элли. Прежде мы ничего об этом не слышали.

— Мы празднуем Песах, — сказала Валери, внося блюдо с жареной грудинкой, — потому что мы борцы за свободу, а Песах — это праздник свободы. Он роднит нас со всеми, кто через всю историю и по всему миру боролся, чтобы вырваться из рабства, — от израильтян в Египте до пролетариата наших дней. Через тысячи лет и тысячи миль нас всех объединяет одно — мы произносим одни и те же слова, едим одну и ту же еду…

— Печенье в форме пирамид? — скептически уточнила Зои.

— Печенье в форме пирамид — это мило, — сказала Валери.

— Полагается избегать всего, что содержит муку! — запротестовал я.

— *Евреям* полагается избегать всего, что содержит муку, — терпеливо объяснила Валери.[179]

— Тебе полагается есть мацу!

— У меня есть маца! — сказала Валери. Она принесла тарелку с мацой. Та была нарезана в форме маленьких лягушек и саранчи. С маленькими глазками из глазури.

— Элли, поддержи меня, — обратился я к ней.

— Глазурь — это не традиционное блюдо Песаха, — сказала Элли.

— Вот именно!

— Традиционные блюда Песаха — кисло-сладкая курица, варёный арахис и рис.

Я сердито посмотрел на неё.

— Кислое — в память о горечи рабства в Египте, сладкое — в память о сладости свободы! — предложила Ана. Элли с энтузиазмом кивнула.

— А варёный арахис зачем? — спросила Валери.

— Шестая казнь, — ответила Ана.[180]

— А рис зачем? — спросил Элай.

— Это… — начал было я, и в тот же момент Ана произнесла: — Это расизм.

— Ты даже не дослушала…

— Я знаю, как ты думаешь, — сказала Ана.

Валери вошла с бутылкой вина «Манишевиц» и налила девять бокалов.

— Нас только восемь, — поправил её Билл.

— Один для пророка Илии, — сказала Валери.[181]

Зиниэль весь этот месяц выглядел непривычно подавленным — с тех пор как один из крупных теономиков отверг его попытку заключить деловую сделку, вежливо объяснив, что «ангел-инвестор» означает вовсе не то, что он думал[182]. Теперь он просветлел и едва не подпрыгивал от нетерпения. — Илия! — воскликнул он. — Я не знал, что он придёт! Сколько же лет прошло с тех пор как мы в последний раз…

— Он не придёт, — сказала Валери. — Это метафора. — Лицо Зиниэля вытянулось. Он уставился в тарелку, и мне показалось, что он смутился.

Валери закончила разливать вино и встала во главе стола.

— Мы собрались здесь сегодня, — сказала она, — чтобы отпраздновать освобождение израильтян из рабства. Но в каком-то смысле мы всё ещё рабы. Уильям Блейк говорил: «Я должен создать собственную систему, или стать рабом чужой».[183] Мы больше не рабы фараона, но мы рабы системы — системы, которая берёт труд наших рук и умов и заставляет нас работать ей на пользу. Мы празднуем этой ночью не только нашу нынешнюю свободу, но и свободу грядущую — когда Имена Господни станут доступны всем людям земли. — Она подняла бокал. — За свободу!

Мы все выпили за свободу.

— А теперь Аарон начнёт традиционную пасхальную песню, а мы подхватим…

II.

«Похоть козла есть щедрость Господня»[184], автор Аарон Смит-Теллер
Опубликовано в пасхальном спецвыпуске «Калифорнийского Хориста» за 2017 год

Есть старинная еврейская детская песенка — «Хад Гадья»[185]. Она начинается так:

Козлёночек, козлёночек,
Что батюшка купил за два зуза[186],
Козлёночек, козлёночек.

Пришёл кот и съел козлёнка,
Которого батюшка купил за два зуза,
Козлёночек, козлёночек.

И так далее. Палка бьёт собаку, огонь сжигает палку, вода гасит огонь, бык выпивает воду, мясник забивает быка, Ангел Смерти забирает мясника, и наконец Господь уничтожает Ангела Смерти. На протяжении всех этих куплетов особо подчёркивается, что это именно козлёночек, и что батюшка действительно купил его за два зуза.

Пока всё понятно. У многих культур есть бессмысленные детские песенки. Но эта каким-то образом вошла в литургию Песаха — одного из самых священных еврейских праздников. Рабби Азулай замечает, что последний человек, назвавший её глупостью, был отлучён от общины, и добавляет, что поделом.[187] Евреи мирятся со многим, но с козьей песней не шутят. После этого все решили, что она должна была иметь какой-то тайный смысл, но никто так толком и не договорился, какой именно.

Рабби Эмден из Гамбурга полагает, что козёл символизирует человеческую душу. Козёл был куплен за два зуза, потому что душа совершает два странствия, прежде чем попасть в наши тела: сначала с Небес на мистический план Галгалим, а затем с этого мистического плана — на Землю.[188] Различные животные и предметы в этой системе символизируют испытания, с которыми сталкивается душа на своём пути через жизнь. Если выбирать примеры наугад: кот символизирует животную природу недисциплинированного младенца, а огонь — пылающие страсти юности. В конце концов дело доходит до Ангела Смерти — в роли самого себя, — и если вам повезёт, Господь признаёт вас достойным, уничтожает Ангела Смерти и уносит вас в жизнь вечную.

(Марк Твен однажды сказал: «В науке есть что-то восхитительное. Из ничтожного вложения фактов получаешь оптовые поставки догадок».[189] Думаю, ему понравилась бы каббала.)

Рабби Реувен Марголиес связывает песню с мидрашом.[190] Царь Нимрод из Шумера требует, чтобы Авраам

поклонялся богу огня. Авраам отказывается, говоря, что дождь тушит огонь, а значит, если уж поклоняться чему-нибудь, то дождю. Нимрод соглашается: ладно, поклоняйся богу дождя. Но Авраам снова отказывается, говоря, что ветер разгоняет дождевые тучи, а значит, следует поклоняться ветру. Тогда Нимрод повелевает ему поклоняться богу ветра, затем происходят разные события, и в конце концов Нимрод пытается убить Авраама, но Господь спасает его. Мораль: все иерархии заканчиваются в Боге, который превыше всего.

Рабби Моше Софер (Хатам Софер) утверждает, что песня — это закодированная отсылка к надлежащим ритуалам празднования Песаха в эпоху Храма. Козёл символизирует пасхальное жертвоприношение агнца, которое в каком-то смысле похоже на козла. Кот символизирует пение молитв, потому что это написано где-то в Талмуде (спойлер: всё написано где-то в Талмуде). Собака символизирует ночь, потому что лает ночью, а ночь — подходящее время для пасхальной трапезы. И так далее.

(Настоящим предлагаю «закон Софера»: число соответствий, которые можно провести между любыми двумя системами, растёт экспоненциально по мере того, как вы всё вольнее объявляете одни вещи символами других.)

Рабби Йонатан Эйбешюц из Праги пишет, что всё это — историческое пророчество. Козёл символизирует еврейский народ. Два зуза — две скрижали с Десятью заповедями, с помощью которых Господь «купил» еврейский народ для Себя. Различные животные и предметы символизируют все несчастья еврейского народа на протяжении истории. Когда кот съедает козлёнка, это означает завоевание Израиля царём Тиглатпаласаром III Ассирийским. Когда бык выпивает воду, это означает захват эллинистическими греками заново обретшего независимость израильского государства.[191] Наконец, в конце Господь приходит и всё устраивает, евреи возвращаются в Израиль, и начинается Мессианская эра.

(Четыре рабби прошли — и вот мы уже при царе Тиглатпаласаре III. Нужно глубже!)

Насколько мне известно, никто прежде не связывал эту песню с Лурианской каббалой[192]. Что ж, скажу я: глубочайший смысл «Хад Гадьи» — это описание того, как и почему Господь сотворил мир. В качестве бонуса она также разрешает философскую проблему зла.

Наиболее известная библейская отсылка к козлу — это ритуал козла отпущения. Раз в год Первосвященник Израиля избавлялся от грехов еврейского народа, мистическим образом перенося все эти грехи на козла, после чего кричал на него до тех пор, пока тот не убегал куда-нибудь, предположительно унося с собой все грехи.[193]

Дело в том, что в этот момент козёл нёс в себе годовой запас грехов целого народа. Козёл этот был *ужасно* злой. В результате многие религиозные и мистические традиции с тех пор стали ассоциировать нечистые силы с козлами — от козлообразного демона Бафомета[194] до классического, весьма козлоподобного облика Сатаны.

Итак, козёл символизирует зло. Соглашусь со всеми прочими: отец здесь символизирует Бога. Значит, Бог покупает зло за два зуза. Что это означает?

Самый знаменитый вопрос теологии: «Почему Бог сотворил вселенную, столь наполненную злом?» Классические ответы, как правило, довольно уклончивы и сводятся к чему-то вроде свободы воли, необходимых принципов или непостижимых путей. Что-то вроде: «Хотя Бог всемогущ, сотворить вселенную без зла попросту невозможно».

Но здесь Бог покупает зло за два зуза. Покупка для меня — это намеренное действие. Пойдём дальше: покупка — это жертва. Покупка — это когда жертвуешь чем-то дорогим ради того, чего хочешь ещё больше. Зло — это не то, чего Бог не мог избежать, а то, чего Он жаждет.

Чем же пожертвовал Бог ради зла? Двумя зузами. Мы сразу замечаем число «два». Число «два» обычно не ассоциируется с Богом. Бог — Един. Два — *сразу отпадает*.[195] Каббалисты называют самого страшного демона, низшую точку всех демонов, — Тамиилом, чьё имя означает «двойственность в Боге». Два — это диссонанс, диссоци-

ация, деление, дилеммы, дистанция, дискриминация, дьявольщина.

Вот она — жертва Бога. Чтобы сотворить зло, Он принял двойственность.

«Зачем Богу создавать зло? Бог есть чистое Благо!»

Именно. Сотворение чего-либо, кроме самого Бога, требует зла. Бог совершенен. Всё остальное несовершенно. Несовершенство по определению содержит зло. Две мерные ложки зла[196] — первый ингредиент в рецепте сотворения вселенных. Конечность есть зло. Форма есть зло. Без зла у вас остаётся лишь Бог, который, как говорят нам каббалисты, есть чистое Ничто. Если вы хотите что-то — зло идёт в придачу.

Теперь сосчитайте существ в песне. Бог, ангел, мясник, бык, вода, огонь, палка, собака, кот, козёл. Десять ступеней от Бога до козла. Это то же самое описание десяти сефирот, которое мы встречали в других местах, — десяти уровней, через которые непостижимость Бога соединяется с греховным материальным миром, не уничтожая его. Это не совпадение, потому что ничто никогда не было совпадением. «Хад Гадья» — это не просто бессмысленная детская песня об этапах развития человеческой души, о надлежащих ритуалах празднования Песаха в эпоху Храма, о древнешумерском пантеоне и об исторических завоеваниях царя Тиглатпаласара III. Это ещё и чертёж сотворения вселенной. Как, впрочем, и всё остальное.

III.

10 апреля 2017 года
Нью-Йорк

— Мистер Альварес, — спросил Брайан Янг, — зачем мы празднуем Песах? По-моему, никто из нас не еврей.

— В каком-то смысле, — сказал Дилан, — мы все евреи. Евреи…

— В каком-то смысле, — сказал Кларк Диэс, — каждый раз, когда Дилан говорит «в каком-то смысле», я мысленно заменяю это на «ни в каком смысле».

— Мистер Диэс! — сказал Дилан. — Откройте Агаду и найдите раздел о Нечестивом Сыне[197], который говорит, что все эти обряды и обычаи к нему не относятся! Внимательно прочтите, какая участь его ожидает!

Кларк потянулся за Агадой, но Дилан оказался быстрее и вырвал её у него из рук.

— В ней написано, — сказал Дилан, — что такой сын не был бы спасён из рабства в Египте! Вы понимаете, мистер Диэс? Если бы вы были рабом в Египте в 1500 году до нашей эры, вы, ваши дети и дети ваших детей оставались бы в этой стране вечно. И сегодня рабство было бы полностью отменено во всём мире — за исключением вас! Вы, мистер Диэс, всё ещё были бы в Египте, строили бы пирамиды, а весь остальной мир XXI века смотрел бы на вас в растерянности и гадал бы, что происходит. Песах важен! Он объединяет нас! Через тысячи лет и тысячи миль нас всех объединяет одно — мы произносим одни и те же слова, едим одну и ту же еду…

— Есть ли в Агаде что-нибудь о Ребёнке, Который Не Умолкает? — спросил Кларк.

— И учитывая, что мы — террористическая ячейка, — сказал Майкл Хан, — вы уверены, что нам нужно объединяться с другими людьми?

— В каком-то смысле, — сказал Дилан, — Песах — это праздник целиком о террористах.

Кларк беззвучно шевелил губами, произнося слова «в каком-то смысле», и яростно изображал пальцами саркастические кавычки.

— Вдумайтесь, — сказал Дилан. — Правительство угнетает израильтян. Израильтяне уже пробовали ненасильственное сопротивление — безрезультатно. Тогда Моисей велит своему представителю Аарону направить правительству ультиматум: выполните наши требования, или мы отравим водоснабжение. Правительство отказывает: мы не ведём переговоров с террористами. Моисей превращает реку в кровь. Затем он посылает но-

вый ультиматум: выполните наши требования, или мы применим биологическое оружие. Но сердце фараона ожесточилось, и он снова сказал: «Мы не ведём переговоров с террористами». Бах. Лягушки, вши, дикие звери, мор скота, саранча, нарывы — знаете, что, по мнению некоторых археологов, вызвало нарывы и мор скота? Сибирская язва.[198] Поищите. Затем он посылает ещё один ультиматум: выполните наши требования, или мы выведем из строя электросеть. Сердце фараона твёрдо, он отказывается вести переговоры с террористами. Бах. Моисей погружает всю страну во тьму. Затем Моисей посылает последний ультиматум — и это классика: выполните наши требования, или мы убьём невинных детей. Фараон снова говорит: мы не ведём переговоров с террористами. Тогда Моисей убивает египетских детей, Египет выполняет его требования, Моисей с последователями бегут за границу, где их уже не поймать. Идеальное преступление.

— Думаю, Бог где-то там тоже участвовал, — сказала Бренда Бёрнс.

— О, ну конечно, террористы ведь никогда не взывают к Богу, — сказал Дилан, закатив глаза. — Стоит призвать Бога — и ты уже автоматически не террорист. Моя ошибка! ¡Discúlpame por favor![199]

Бренда, Кларк и Майкл схватились за голову.

— Но знаете что? — спросил Дилан. — Это не важно! Мы не просто террористы — мы плацебоманты! Мы сами творим свои нарративы! Свобода сочинять себе любой нарратив — разве, в каком-то смысле, не в этом и состоит свобода?

Кларк продолжал бессмысленно делать саркастические жесты пальцами.

IV.

30 марта 1991 года
Мексиканский залив

— Уриил, зачем мы празднуем Песах? Я не еврейка, да и ты — архангел.

— ЭТО ОДИН ИЗ ЧЕТЫРЁХ ВОПРОСОВ?[200] Я НЕ ПОМНЮ ИХ ВСЕХ, НО ЭТОТ КАЖЕТСЯ ЧЕРЕСЧУР ОПРЕДЕЛЁННЫМ.

— Нет! Это мой вопрос!

Соху сидела за столом, подвешенным в нескольких сотнях футов над землёй, так что оказалась примерно на уровне глаз Уриила. На столе стояли две тарелки, хотя архангел не ел и всё равно был слишком велик, чтобы брать что-либо со стола. По замыслу это явно были тарелки для седера, но при их составлении что-то явно пошло не так.

— А это что у нас на пасхальной тарелке? Я процентов на девяносто девять уверена, что это не ягнёнок.

— ЯГНЁНКА У МЕНЯ НЕ БЫЛО, ПОЭТОМУ Я ИСПОЛЬЗОВАЛ МИНОГ. КАББАЛИСТИЧЕСКИ ОНИ ОЧЕНЬ ПОХОЖИ.[201]

— У них противные маленькие рты!

— ОНИ ИСПОЛЬЗУЮТ ИХ, ЧТОБЫ ВЫСАСЫВАТЬ ЖИЗНЕННЫЕ СОКИ ИЗ ДРУГИХ РЫБ.

— Уриил, зачем мы это делаем?

— ВАЖНЕЙШИЙ КАББАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРВОИСТОЧНИК — ЭТО ТОРА. КУЛЬМИНАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ТОРЫ — ПАСХАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ИЗ ЕГИПТА. ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ПОНЯТЬ КАББАЛУ, ТЫ ДОЛЖНА ПОНЯТЬ ПЕСАХ.

— Какое отношение Песах имеет к каббале?

— БЫЛО ДЕСЯТЬ КАЗНЕЙ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ИЗРАИЛЬТЯНЕ ПЕРЕШЛИ ИЗ ЗЕМЛИ ПОРАБОЩЕНИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ.

— И что?

— СКОЛЬКО ЕСТЬ СЕФИРОТ, ВЕДУЩИХ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА К ВЫСШЕЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ?

— Их… о… по-моему, это совпадение.

— НИЧТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОВПАДЕНИЕМ. ВСЁ ВЗАИМОСВЯЗАНО. НА ПЕСАХ ВСЁ ОСОБЕННО ВЗАИМОСВЯЗАНО. ПАСХАЛЬНЫЙ РИТУАЛ ОБЪЕДИНЯЕТ ВСЕХ КАББАЛИСТОВ ВСЕХ ВРЕМЁН — ОТ ШИМОНА БАР ЙОХАЯ[202] ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ. ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧИ ЛЕТ И ТЫСЯЧИ МИЛЬ МЫ ВСЕ СОЕДИНЕНЫ, ПРОИЗНОСИМ ОДНИ И ТЕ ЖЕ СЛОВА, ЕДИМ ОДНУ И ТУ ЖЕ ЕДУ…

— Миноги?!

— …ЕДИМ КАББАЛИСТИЧЕСКИ СХОЖУЮ ЕДУ.

— Расскажешь мне историю Песаха?

— ТЫ УЖЕ ЗНАЕШЬ ИСТОРИЮ ПЕСАХА. ТЫ ВЫУЧИЛА БИБЛИЮ НАИЗУСТЬ.

— Мне нравится, когда ты рассказываешь мне истории.

— ТЫ ВСЕГДА НАД НИМИ СМЕЁШЬСЯ.

— Так я показываю, что мне нравится!

— Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ИСТОРИЮ, ЕСЛИ ТЫ СЪЕШЬ СВОИХ МИНОГ.

— Они отвратительны!

— Я УВЕРЕН, ЧТО ОНИ ВПОЛНЕ СЪЕДОБНЫ.

— Уриил, ты когда-нибудь ел? Хоть что-нибудь?

— ГМ. Я ПРОВЁЛ НЕСКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ ВЫЧИСЛЕНИЙ, МОДЕЛИРУЯ, НАСКОЛЬКО ПРОЧНО РАЗНЫЕ ВЕЩЕСТВА СВЯЗЫВАЮТСЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ВКУСОВЫМИ РЕЦЕПТОРАМИ.

— Я не буду есть миног. Расскажи мне историю Песаха. В твоей книге по педагогике написано, что человеческие дети любят истории, правда?

— НУ…

V.

Весна, 1??? год до н. э.
Гора Синай

С последним усилием старик перевалил через гребень и вышел на вершину горы. Он опёрся на посох, несколько секунд переводя дух. Он прошёл такой долгий путь. Глаза у него начали закрываться…

— НЕ БОЙСЯ, — прогремел прямо за его спиной огромный голос.

Моисей закричал, попытался обернуться, потерял равновесие и повалился на синие камни.

— ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ. — Источником голоса была огромная сущность, высившаяся над ним, — человекоподобное существо с громадными золотыми крыльями за спиной и глазами, сиявшими как солнце. — ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ.

Моисей принял более достойную коленопреклонённую позу.

— Господи, — произнёс он благоговейно.

— ГМ, — сказал Уриил. — Я КАК БЫ ИСПОЛНЯЮ ОБЯЗАННОСТИ ЗА НЕГО. ОН НЕ ОСОБО МНОГО ДЕЛАЕТ. СЛОЖНО ОБЪЯСНИТЬ.

— Господи, — повторил Моисей. — Крепкою рукою Ты освободил народ мой от рабства в Египте[203].

— ГМ, — сказал архангел. — ВСЁ НЕСКОЛЬКО СЛОЖНЕЕ. ЕГИПТЯНЕ СТРОИЛИ ЭТИ ПИРАМИДЫ, ДУМАЯ, ЧТО ОНИ ПОДКЛЮЧАЮТСЯ К КОСМИЧЕСКИМ ЭНЕРГИЯМ ВСЕЛЕННОЙ. И ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОДКЛЮЧАЛИСЬ К КОСМИЧЕСКИМ ЭНЕРГИЯМ ВСЕЛЕННОЙ. НЕ ПО ТЕМ ПРИЧИНАМ, О КОТОРЫХ ОНИ ДУМАЛИ, — ЭТО БЫЛО ПЕРВОБЫТНОЕ ШАРЛАТАНСТВО САМОГО СКВЕРНОГО ПОШИБА, — А ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ВСЯКОЕ БОЛЬШОЕ И ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ БУДЕТ НАРУШАТЬ ТЕЧЕНИЕ ШЕФЫ — БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА — НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ОБРАЗОМ. Я ПРОСИЛ ИХ ОСТАНОВИТЬСЯ, НО ОНИ НЕ ХОТЕЛИ. Я ПЫТАЛСЯ ИХ НАПУГАТЬ, ПРЕВРАТИВ ИХ РЕКИ В КРОВЬ, НО ОНИ ТОЛЬКО ПРОБОРМОТАЛИ ЧТО-ТО О «ФИТОПЛАНКТОНЕ» И ПРОДОЛЖИЛИ. ПОТОМ Я НАСЛАЛ НА НИХ КУЧУ ЛЯГУШЕК, НО ЭТО ТОЖЕ НЕ ПОМОГЛО. ЛЯГУШКИ НИКОГДА НЕ ПОМОГАЮТ. ПОТОМ Я КАК-ТО НЕМНОГО УВЛЁКСЯ.

— Но когда народ наш достиг Тростникового моря и мы решили, что всё потеряно, я воззвал к Тебе, и Ты разделил море, чтобы мы могли перейти свободно.

— ТОГДА Я ПОДУМАЛ: КАК ОНИ БУДУТ СТРОИТЬ ПИРАМИДЫ, ЕСЛИ У НИХ НЕТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ? И Я РАЗДЕЛИЛ

МОРЕ, ЧТОБЫ ИХ РАБЫ МОГЛИ БЕЖАТЬ. ДУМАЮ, ЭТО БЫЛ ХОРОШИЙ ПЛАН.

— И когда последний из нас ступил на берег, Ты обрушил воды на фараона и войско его, погубив их с нечестием их вовеки.

— Я ЕЩЁ НЕ УСТРАНИЛ ВСЕ ОШИБКИ В ФУНКЦИИ РАЗДЕЛЕНИЯ МОРЯ.

— Ныне мы пришли к Тебе за советом. По благодати Твоей мы свободны, но не знаем, что делать со свободой. Народ требует законов, устава, по которому жить, чего-то, что придаст смысл и порядок их существованию.

— ГМ. ДУМАЮ, ВАМ СЛЕДУЕТ ПРОСТО БЫТЬ ДОБРЫМИ ДРУГ К ДРУГУ. ЕСЛИ ТОЛЬКО ДОБРОТА ДРУГ К ДРУГУ НЕ ВЫЗОВЕТ КАКОЙ-НИБУДЬ СТРАШНОЙ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРУЮ Я СЕЙЧАС НЕ МОГУ ПРЕДВИДЕТЬ. ТОГДА НЕ НАДО.

— Господи, Ты должен иметь больше советов — советов, которые поддержат нас духом, пока мы пересекаем эту знойную пустыню!

— ИСПОЛЬЗУЙТЕ СОЛНЦЕЗАЩИТНЫЙ КРЕМ?

— Господи, египтяне — могущественнейший народ в мире, но могущественны они потому, что жрецы их управляют каждой минутой их жизни — от ритуальных омовений при пробуждении до молитв перед сном. Если народ наш останется без руля и ветрил, без законов и обрядов, связывающих его с Тобой и благодарящих Тебя за дар свободы, боюсь, он собьётся с пути.

— АГА. ДУМАЮ, Я ПОНИМАЮ. НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТО СВЯЗАНО С ДРУГИМ МОИМ ПРОЕКТОМ. Я ПОСТЕПЕННО ПЕРЕВОЖУ МИР С СУБСТРАТА БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ НА СУБСТРАТ МЕХАНИЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ. У МЕХАНИЧЕСКОГО СУБСТРАТА МНОГО ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ. НАПРИМЕР, ОН АБСОЛЮТНО ПРЕДСКАЗУЕМ. К ТОМУ ЖЕ, ОН ПОЗВОЛЯЕТ ДАЖЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМ НИЗКОГО УРОВНЯ, ТАКИМ КАК ТЫ, КОМБИНИРОВАТЬ ФИЗИЧЕСКИЕ СИЛЫ НЕТРИВИАЛЬНЫМИ СПОСОБАМИ И САМОСТОЯТЕЛЬНО РЕШАТЬ СВОИ ПРОБЛЕМЫ ПО МЕРЕ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ. ГЛАВНОЕ — ОН БОЛЕЕ УСТОЙ-

ЧИВ К ДЕМОНИЧЕСКОМУ ВТОРЖЕНИЮ. НА МЕХАНИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ, ПО СУЩЕСТВУ, ИНЕРТНЫ. ЭТО СВЯЗАНО С РАЗЛИЧНЫМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМИ МЕЖДУ СЕФИРОТ И КЛИПОТ. ТЫ С НИМИ ЗНАКОМ? ЕСЛИ НЕТ, Я МОГУ ОБЪЯСНИТЬ.

— Законы, Господи?

— ПРЯМО СЕЙЧАС ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ — ГЛАВНОЕ УЗКОЕ МЕСТО В ПРОЕКТЕ. У МЕНЯ ЕСТЬ ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВИЙ, КОТОРЫЕ КОНЕЧНЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ МОГУТ ПРЕДПРИНЯТЬ ДЛЯ ЭКОНОМИИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ.

— И это будут законы?

— ПО СУББОТАМ Я ПРОВОЖУ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕРВЕРОВ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ СНИЖЕННУЮ ПРОПУСКНУЮ СПОСОБНОСТЬ. ПОЭТОМУ ПРОШУ ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ В ЭТО ВРЕМЯ ОТ РЕСУРСОЁМКИХ ДЕЙСТВИЙ: ТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. ДА, ЭТО ЗАКОН.

— Господи, что такое «электричество»?

— ПРЕДСТАВЬ, ЧТО ВСЁ СОСТОИТ ИЗ КРОХОТНЫХ ОБЪЕКТОВ. МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ ИХ КАК ШАРИКИ ДЛЯ БИЛЬЯРДА, ВОКРУГ КОТОРЫХ ВРАЩАЮТСЯ ШАРИКИ ПОМЕНЬШЕ, ТОЛЬКО НА САМОМ ДЕЛЕ ОНИ НЕ ВРАЩАЮТСЯ. ОНИ СКОРЕЕ ПОХОЖИ НА ВОЗМОЖНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ БИЛЬЯРДНОГО ШАРИКА, И ЭТА ВОЗМОЖНОСТЬ ОБРАЗУЕТ КРУГ. ГМ. СФЕРУ. ТОЛЬКО ОНА НЕ ВСЕГДА СФЕРА. ПЕРВЫЕ ДВЕ ПОХОЖИ НА СФЕРЫ, НО СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ — КАК ВОСЬМЁРКИ, ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЕ ДРУГ ДРУГУ, ЗАТЕМ ЕЩЁ ОДНА СФЕРА, ПОТОМ ЕЩЁ ТРИ ВОСЬМЁРКИ И ЗАТЕМ БОЛЕЕ СЛОЖНЫЕ ФИГУРЫ, КОТОРЫЕ ДОВОЛЬНО ТРУДНО ОПИСАТЬ.[204] ГМ. НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТО СЛОЖНЕЕ ОБЪЯСНИТЬ, ЧЕМ Я ДУМАЛ. ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — ЭТО ПРИМЕРНО КАК РАЗЖИГАНИЕ ОГНЯ. УВИДИШЬ — ПОЙМЁШЬ.

— Э, да, Господи. Что-нибудь ещё?

— ДА. НЕ СМЕШИВАЙТЕ РАЗНЫЕ ВИДЫ ТКАНЕЙ В ОДЕЖДЕ. ЭТО УСЛОЖНЯЕТ РАСЧЁТЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ РАЗРЫВУ.

— И?

— НЕ ВАРИТЕ КОЗЛЁНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО.[205] ЗНАЮ, ЧТО ЗВУЧИТ СТРАННО, НО КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА КТО-НИБУДЬ ЭТО ПРОБУЕТ, ВСЯ СЕФИРА, ОБСЛУЖИВАЮЩАЯ КОНТИНЕНТ, ГДЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ, ПАДАЕТ. Я ПОТРАТИЛ ЭОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ, ПЫТАЯСЬ ВЫЯСНИТЬ ПРОБЛЕМУ, И ПРАКТИЧЕСКИ СДАЛСЯ. ПРОСТО НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО. НЕ ДЕЛАЙТЕ НИЧЕГО ПОХОЖЕГО. ПРОСТО ИЗБЕГАЙТЕ ВСЕЙ ЭТОЙ КАТЕГОРИИ ДЕЛ.

— И?

— ГМ. МНЕ НЕЛОВКО ОБ ЭТОМ. НО Я ПЫТАЮСЬ НАЗНАЧИТЬ КАЖДОМУ УНИКАЛЬНУЮ ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ. СЕЙЧАС Я ИСПОЛЬЗУЮ ВАРИАНТ АЛГОРИТМА ГЕЙЛА — ШЕПЛИ[206], НО ОН ОЧЕНЬ РЕСУРСОЁМКИЙ. ДУМАЮ, ОГРАНИЧЕНИЕ АЛГОРИТМА ПАРАМИ МУЖЧИНА — ЖЕНЩИНА ПОЗВОЛИТ ЕМУ РАБОТАТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНО БЫСТРЕЕ С МИНИМАЛЬНЫМ УХУДШЕНИЕМ ОПТИМАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПАР.

— Не понимаю.

— АЛГОРИТМ БУДЕТ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ТЫ СКАЖЕШЬ ЛЮДЯМ НЕ ВСТУПАТЬ В ОДНОПОЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

— Понял, — сказал Моисей. — Это — мерзость.[207]

— ЭТО ПРОСТО ОЧЕНЬ КОСТЫЛЬНО И ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО. КАК ТОЛЬКО У МЕНЯ БУДЕТ БОЛЬШЕ RAM, Я УБЕРУ ОГРАНИЧЕНИЯ[208].

— Мы принесём Тебе баранов, когда построим подобающий Храм, — сказал Моисей.

— ГМ, — сказал Уриил. — Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ. НО ЦЕНЮ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. — Он на секунду замер, погружённый в размышления. — ПРАВИЛ МНОГО. МНЕ ПОТРЕБУЕТСЯ НЕМАЛО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ПРОДУМАТЬ ИХ ВСЕ. ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ПРОВЕДАТЬ СВОЙ НАРОД. ВЕРНИСЬ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ, И Я ДАМ ТЕБЕ ПОЛНЫЙ СПИСОК.

— Да, Господи, — сказал Моисей.

…

Сорок дней и сорок ночей спустя старик снова поднялся на склон горы.

— ГМ, — сказал архангел. — ТАК ВЫШЛО. КАЖЕТСЯ, Я НЕМНОГО УВЛЁКСЯ…

VI.

7 апреля 2001 года
Колорадо-Спрингс

В слабоосвещённом помещении в двух тысячах футов под землёй, тихом, как смерть, за столом сидели семь человек. Семь тарелок для седера. Семь бокалов вина.

Король Комет заговорил первым — почти шёпотом:

— Зачем мы это делаем?

Его старшая дочь Натанда ответила:

— Мы это делаем, потому что ты взял с нас обещание помогать тебе оставаться человеком. Это то, что делают люди. Они отмечают праздники с друзьями и семьёй. Через тысячи лет и тысячи миль нас всех объединяет одно — мы произносим одни и те же слова, едим одну и ту же еду. Ну же, отец. Сам знаешь — тебе это нужно.

— Мне не следовало приходить. — Он начал вставать, но Натанда положила руку на одно его плечо, отец Эллис — на другое, и они мягко усадили его обратно.

Натанда кивнула Соху. Она была самой младшей — и подавно после того, как её прокляли навечно остаться восьмилетней. Соху встала.

— Чем отличается эта ночь от всех других ночей?

Король Комет молчал. Соху посмотрела на остальных Потомков Кометы[209], потом на отца Эллиса, потом на дядю Вихаана, ожидая, что кто-нибудь ответит. В итоге все посмотрели на Короля Комет. Наконец он заговорил.

— Все остальные ночи, — сказал он, — мы помним, что потерпели неудачу. Мы помним, что Бог не отвечает на молитвы. Мы помним, что те, кого мы любим, всё ещё в рабстве и никогда не смогут быть спасены. Сегодня ночью мы лжём.[210]

— Отец, — сказала Натанда с болью во взгляде. — Пожалуйста. Просто позволь нам провести седер вместе. Как семья.

Король Комет встал и указал на стол. Разнообразные кушанья и бокалы начали двигаться, будто прокручивая седер на ускоренной перемотке. Овощи прыгнули в солёную воду, чтобы окунуться. Маца сломала себя пополам, афикоман[211] вылетел из комнаты. Тарелки завертелись, разнося по очереди еду, которая скакала с блюда на тарелку и обратно быстрее, чем кто-либо мог уследить, страницы Агады листались будто на ветру, дверь распахнулась, потом захлопнулась.

В руку Короля Комет влетел бокал с вином.

— Вино для слёз страждущих, — сказал он. — Кровь. Лягушки. Вши. — При каждом слове из бокала вырывалась сферическая капля вина.[212] — Звери. Мор. Нарывы. — Достигнув потолка, капли лопались. — Град. Саранча. Тьма. — Последняя капля, больше остальных. — Смерть первенцев. — Последняя капля взорвалась, как и прочие, — потоком, похожим на кровавый дождь. — И за страдания, ещё грядущие…

Он бросил сам бокал в воздух, затем указал на него. Бокал взорвался, разбрасывая по комнате осколки серебра. Мгновение спустя все остальные бокалы с вином в мире тоже взорвались.

— Вот, — сказал Король Комет, голос его по-прежнему был спокоен и далёк. — Через тысячи миль мы все связаны. Все чувствуют то же, что чувствуем мы. Стал ли я теперь человечнее? Не знаю. Может быть. — Он поднял осколок бокала, словно для тоста. — В будущем году — в Иерусалиме![213]

Затем он обратился в молнию и улетел из комнаты.

Глава 19

Образ ангельской земли

Утро, 12 мая 2017 года
????

I.

Первые мгновения я не мог понять, где нахожусь. Потом из мрака начали проступать огромные тёмные силуэты.

Полки. Полки, уставленные книгами до самого верха — от безупречно отполированного мраморного пола до потолка, который терялся где-то в вышине. Полок было столько, что они загораживали весь обзор: нельзя было понять ни насколько велико это помещение, ни вообще — где я.

Темно — но не кромешно. Всё пространство заполнял розоватый свет, и я подумал: наверное, где-то здесь есть исполинские окна под стать исполинским полкам, и сквозь них просачивается первое зарево рассвета. Я миновал одни ряды полок — за ними оказались следующие. За теми — ещё. Ни кресел, ни столов, ни карточного каталога. Я попытался разглядеть название одной из книг. Слишком темно.

— Не используйте Имя Исчезновения, — говорил я другим Певцам, — если только вы не оказались в ситуации, когда для вашего благополучия и выживания совершенно необходимо, чтобы вас взяла в оборот другая банда хулиганов, нежели та, что взяла вас в оборот сейчас. И вот я стоял в UNSONG, а генеральный директор дышал мне в затылок. Тогда — в результате того, что, смею надеяться,

навсегда войдёт в историю как образец ослепительного гения, — я произнёс Имя Исчезновения и сбежал туда, где, по словам моего контакта в Сан-Антонио, меня ждала «комплементарная ситуация». Предположительно, это должно было оказаться весьма скверным местом. И вот я здесь. В библиотеке размером с собор.

Я огляделся в поисках демонов или монстров — никого. Подумал, не лечь ли спать, но в тюремной камере несколько часов назад я и так выспался неплохо. К тому же я был до предела взвинчен. Судя по пульсу, тело ещё не поверило, что я в безопасности, и ещё нескоро собиралось поверить.

Слишком много вопросов разом ломилось в голову, чтобы ухватиться хоть за один. Где Ана? На мгновение я ощутил с ней телепатический контакт, но её мысленный голос не походил на голос пленницы. Скорее, она будто спешила меня *спасти* — что нелепо: как она вообще могла *отыскать* базу UNSONG, не говоря уже о том, чтобы в неё проникнуть? А Валери и остальные мои соседи по дому — где они? Что, *чёрт возьми*, творилось с Ашером Бентамом? Заполучил ли он Сару? Что будет с миром, если да?

И, конечно: где я? Где-то в очень скверном месте — иначе Имя не принесло бы меня сюда.

Тогда я сделал то, что всегда делаю, когда слишком взволнован, чтобы думать. Достал книгу и начал читать.

UNSONG конфисковало мой скролл-ролик, поэтому вместо свитка с Именем Света я просто произнёс его вслух. Совсем крошечный риск. UNSONG вряд ли станет выслеживать Имя Света, так же как полиция не расставляет агентов по углам, чтобы ловить тех, кто мусорит. Это, пожалуй, самое безопасное из запатентованных Имён.

Библиотека залилась светом. Я взял книгу. Странно. Название было на…

Джон Ди был блестящим математиком и астрономом при дворе королевы Елизаветы I, прежде чем обратился к магии[214]. Он решил, что вся его наука лишь царапает поверхность мироздания, что за ней скрываются истин-

ные сущности, о которых он не знает ничего. Он искал проводника.

И проводник явился. Эдвард Келли объявил себя медиумом, через которого духи открывают свои тайны. Ну да, он был печально известным мошенником, только что вышедшим из тюрьмы по приговору за подлог[215]. Но Ди великодушно решил: раз духи избрали говорить с ним через мошенника, кто он такой, чтобы ставить под сомнение их выбор?

Келли всматривался в свой хрустальный шар[216] и объявлял, что с ним говорят ангелы. О чём же? Увы, ни Келли, ни Ди не понимали ни слова на их языке — языке, по всей видимости, неизвестном людям со времён патриарха Еноха. Последовал долгий период переводческой работы, завершившейся чем-то вроде англо-енохианского словаря — ключа к небесной речи.

Скептики, конечно, нашлись. Некоторые указывали, как подозрительно, что синтаксис и грамматика енохианского языка в точности совпадают с елизаветинским английским. Другие обращали внимание, как кстати, что ангельское слово «зло» — это «Мадрид», а Мадрид был столицей заклятого врага елизаветинской Англии, Испании. Или что ангельское слово «королевство» — это «Лондох», что тоже… вы понимаете[217]. Возникало ощущение, что Эдвард Келли *самую малость* примешивал к этим посланиям собственные взгляды. Или, как иногда говорим мы, современные люди, — что медиум и был сообщением[218].

Поэтому, когда небо треснуло и мы встретили ангелов, все они говорили на безупречном енохианском — это стало настоящим потрясением. Это был не единственный их язык — они понимали всё, кроме арамейского, — но самым естественным для них был именно он.

«Эдинбурр Аугсбург Трондхейм Лондох Альбьон Тюдорз», — говорили они нам, что на их языке означало: «Мир Господень да будет с королевствами людей». А потом: «Кинг Филип Папист Тайранд Мэри Куин оф Скотс Мадрид»[219], — то есть: «Время на исходе, и мы должны объединить силы, чтобы противостоять силам зла».

Странно, конечно, — но в ретроспективе предсказуемо. Ничто никогда не было совпадением, и одни и те же фрагменты одной и той же глубинной структуры повторяются в каждой из областей. Пусть обычно и куда тоньше.

Мой енохианский был ужасен. Примерно на уровне «читаю по слогам»[220]. Я с трудом вспоминал каждую букву и пытался складывать из них слова. Только вслух я их не произносил, потому что половина написанного на енохианском при чтении вслух вызывала из-за завесы огромные древние силы. Так что я просто складывал эти слова у себя в голове.

Я всё ещё разбирал первое предложение библиотечной книги — что-то о том, как завоёвывать Центральную и Южную Америку и строить гигантскую армаду — это для неудачников, — когда услышал звук. Кто-то ещё был в библиотеке. Если это место — комплементарная ситуация для секретной тюрьмы UNSONG, вряд ли это будет кто-то, кому я рад.

Я произнёс первые девятнадцать слогов Буревого Имени и держал последний на кончике языка — на случай, если почую угрозу. Выставил перед собой енохианскую книгу, словно щит или оружие. Прижался спиной к полке, чтобы казаться как можно незаметнее, чтобы меня труднее было найти. Затих. Если кто-то меня ищет, у него будут большие трудности — позиция за полками давала мне преимущество, которое позволит…

Пистолет оказался у моего виска. Я моргнул.

— Не двигаться, — бросила она. Она была *зла*.

Молодая — примерно моего возраста, может, чуть старше. Азиатские черты лица. Вся в чёрном. Одежда сугубо практичная — нечто среднее между байкерской кожей и боевой экипировкой спецназа. Но тогда как она двигалась так быстро?

Мои хулиганы. Точно по расписанию. Я не двигался. Я не был уверен, успеет ли моё Буревое Имя сработать раньше, чем она выстрелит, — и испытывать это на практике не хотел.

— Положите книгу!

Я бережно вернул книгу на полку. Наверное, полагалось бросить, но я суеверно не позволяю книгам касаться пола — а уж сейчас, когда мне так нужна была удача…

— Кто вы? Как вы сюда попали?

— Меня зовут Аарон, — сказал я. — Я попал в беду, произнёс Имя Исчезновения и оказался здесь минут десять назад.

Максимально правдиво, минимально информативно. Её взгляд переместился на шар света, освещавший пространство вокруг.

— Что это? Откуда?

— Имя Света, — сказал я. — Было темно, я ничего не видел.

— Произнесли или со свитка?

— Произнёс.

Девушка издала гортанный звук досады.

— Вы произнесли… вы использовали… *вы вообще знаете, где находитесь?*

Нет.

— Это Стратегический Ангельский Резерв горы Болди[221].

Ну конечно. Я идиот.

II.

Во время Долгого Марта, когда всё начало разваливаться, облака сбились в гигантские плавучие бастионы. Над Мексиканским заливом они превратились в могучий ураган архангела Уриила. По всему остальному миру — во множество воздушных городов-крепостей, населённых хорами низших ангелов.

Как выяснилось, всеобщее убеждение древних народов — что Небо есть место в вышине, где-то над облаками, населённое ангелами, — оказалось почти совершенно точным. Когда Уриил перекрыл поток святого света в мир, он стёр ангелов и их небеса, а облака были задним числом переосмыслены как огромные плавучие мешки с водяными каплями. После того как небо треснуло,

некоторые из них вернулись к своему истинному ангельскому облику.

Но ангелы тысячелетиями были метафорой и никак не могли найти своё место. Они определённо не были готовы к вертолётам, садившимся на их небесные твердыни с требованиями открыть торговые отношения. К счастью, это оказалось неважным, когда выяснилось, что у ангелов нет никакой собственности. Облака формировали всё необходимое вокруг них, а сами ангелы проводили время в молитвах и прославлении Бога.

Обмен знаниями?

Знаний у ангелов было в избытке. Большая часть — богословие. Значительная часть была не очень хорошим богословием. Надежда на то, что они имеют особый доступ к Богу, обернулась разочарованием. Они помнили своё сотворение — ещё до того, как возникло Время. Они знали о Боге и говорить о Нём не переставали, но всё это было непостижимо — рядом человеческий мистицизм казался образцом ясности.

Обмен технологиями?

Технологий у ангелов не было. Они даже, казалось, не знали многих Божественных Имён, а те немногие, которые знали, произносить отказывались. Угрозы, шантаж и даже пытки ангелов ничуть не пронимали — и не просите меня рассказывать, как мы это узнали, потому что дело было во времена администрации Никсона, когда страна Делала Что Нужно, потому что Ей-Богу, Русские-то Сделают и Мы Не Можем Отстать.

Военный союз?

Вот это уже разговор. По всей видимости, ангелы умели разить пламенными мечами, которые появлялись у них из ниоткуда. Но никакого представления о стратегии или геополитике у них не было. Когда мы спросили, помогут ли они против русских, они лишь хотели знать, злые ли русские. Мы ответили «да», и они спросили: почему мы тогда ещё не воюем с ними? Когда мы попытались объяснить, что нельзя просто *взять и пойти на войну*: сначала приходится выстраивать союзы, постепенно окружать противника и использовать его нежелание

воевать, чтобы выторговывать уступки, не допуская открытого столкновения, которое станет катастрофой для обеих сторон, — ангелы не поняли.

Злодей? Поразить. Не злодей? Жить в мире.

Попытки вовлечь ангелов в любые процессы современной цивилизации заканчивались так же. Ангелы не понимали экономику: Бог обеспечит. Ангелы не понимали ООН: зачем разговаривать со злодеями, если можно их поразить? Ангелы не понимали просьб открыть их бастионы для туристов и археологов: Бог — единственное, что стоит познавать, а Бог везде одинаков.

Одно ангелы понимали — это веру.

Спенсер Кимбалл, президент Церкви мормонов, прилетел на флотилии вертолётов к небесному бастиону, парившему над Национальным парком Зайон. Он поведал внимавшим ангелам историю о том, как сто пятьдесят лет назад Джозеф Смит получил от ангела Морония золотые листы[222], открывшие Божий замысел о человечестве. Что Иисус Христос, Сын Божий, посетил Америку и проповедовал Евангелие её коренным жителям, а те накопили мудрость о природе святости и правильно устроенном обществе, которая через Смита дошла до наших дней, а Кимбалл — её нынешний представитель.

И ангелы ответили:

— А, мы никого по имени Мороний не знаем.

И:

— Погодите, у Бога есть *Сын*?!

По всему выходило, что ангелы не были знакомы с человеческими религиями. Бог не давал *им* никаких особых откровений, и они даже не подозревали, что такое возможно. Если где-то есть другое племя ангелов, более угодных Богу, — племя, включающее этого Морония, — и они получают прямые откровения, это *важно*. А уж если у Бога есть Сын — это *ещё важнее*, и они слегка обиделись, что им об этом не сообщили. Мистер Кимбалл точно в этом уверен?

Мистер Кимбалл заверил их, что всё именно так, на все сто процентов. Весь бастион ангелов обратился в мор-

монизм на месте, попросив мистера Кимбалла прислать всю имеющуюся у него информацию о том, что Бог открыл людям и чего Он ждёт от ангелов.

Новость дала старт всеобщей гонке среди земных религий. Евреи, индуисты, католики, протестанты, буддисты, мусульмане — схема всегда была одна. Они высаживались на бастионе, сообщали ангелам, что Бог даровал откровение именно им. Ангелы приходили в дикий восторг, все разом обращались в новую веру и соглашались делать всё, что скажут их новые духовные лидеры.

Становилось очевидно: ангелы *до смешного* доверчивы.

Тут возникла проблема. Группа мусульманских миссионеров высадилась на бастионе, уже обращённом православными христианами.

Имам вежливо объяснил ангелам, что их ввели в заблуждение, что у Бога нет Сына и что он знает это потому, что Бог послал к пророку Мухаммаду, мир ему, ангела Гавриила с откровением, в котором говорилось об этом и о многом другом.

Ангелы были в восторге от того, что Гавриил жив, — они полагали, что он погиб в какой-то давней битве. Но, спросили они, как же их прежние благодетели — христиане — умудрились так ошибиться?

Мусульмане сказали: ну, это спорный вопрос, зато то, что касается Мухаммада, мир ему, — это уж точно правда.

Ангелы поблагодарили мусульман за исправление и принялись жить по шариату и изучать Коран.

Несколько недель спустя крайне обиженные православные монахи прилетели на греческом военном вертолёте и объяснили, что мусульмане ошибаются, Христос — определённо Сын Божий, и Мухаммад не знал, что говорил.

Ангелы совсем запутались, рассердились и попросили христиан с мусульманами разобраться между собой и дать знать.

Вместо этого толпа православных монахов и мусульманских имамов явилась к ним и принялась спорить

с ангелами и друг с другом. Обе стороны обвиняли друг друга во лжи, и наконец ангелы задали вопрос, который давно вертелся у них на уме.

Что такое, собственно, *ложь*?

Выяснилось, что проблемы ангелов уходили гораздо, *гораздо* глубже, чем простая доверчивость.

Ангелологи узнали в то десятилетие кое-что важное. У ангелов не было понятия о лжи, обмане, предательстве, стратегии и даже риторике. В результате людям было до смешного легко заставить ангелов делать что угодно — за исключением зла, к которому те питали яростное врождённое отвращение.

Так Папа убедил несколько ангелов подписать декларацию, гласящую, что католицизм есть единственная истинная религия, — просто заверив их, что это так, и сказав, что подпись поможет делу. Далай-лама, православный патриарх и главный раввин Иерусалима получили собственных ангелов, подписавших аналогичные декларации. Советский Союз провёл целый хор ангелов по Красной площади с провозглашением, что коммунизм — единственно верный путь. Несколько пламенных мечей и огромных золотых нимбов было отдано бизнесменам, вежливо об этом попросившим.

Пара ангелов — те, кто общался с людьми больше всего, те, кого одурачивали чаще всего, — начала кое-что понимать.

И когда это случалось — золотое сияние в их глазах меркло, великолепные золотые крылья никли и тускнели, пламенные мечи угасали до тлеющих углей. Нимбы темнели и ржавели, одежды белоснежной чистоты становились серыми и грязными. Они начинали погружаться в бастионы, словно облака и вправду были сотканы из водяных капель. И наконец — проваливались сквозь дно облака и с оглушительным ударом рушились на землю.

Они становились падшими ангелами.

Падшие ангелы не были злы — не совсем. Просто сбиты с толку, разочарованы и немного подавлены. Они хотели вернуть невинность, забыть, что такое ложь и обман, и снова обрести уверенность во всём. Они

продолжали прославлять Бога, но теперь их молитвы заканчивались вопросительными знаками, а не восклицательными — как будто они говорили о Ком-то, кто очень далеко.

К 1984 году, спустя десять лет после первой мормонской миссии к ангелам, около девяноста процентов небесного населения пало. Бастионы висели в небе пустыми или рассыпались в обычные облака, которые какое-то время проливались дождём, а потом рассеивались. После многих столетий, когда Небо было метафорой, не имевшей отношения к настоящим облакам, и после десятилетия, когда Небо можно было увидеть в хороший бинокль, казалось, что Небо снова вот-вот вернётся к метафоре.

Одно ангелы умели безусловно — истреблять демонов. В эпоху Рейгана президент объявил оставшихся ангелов жизненно важным национальным ресурсом и поручил армии их охранять. Четырнадцать бастионов, висевших над территорией Америки, стали Стратегическими Ангельскими Резервами — с военными гарнизонами, круглосуточно следившими за ними и не допускавшими ни шарлатанов, ни миссионеров, ни прочих злоумышленников, способных разрушить природную невинность оставшихся небожителей. Немаловажно и то, что самолёты и вертолёты к тому времени в основном перестали работать, и единственным способом добраться до бастионов оставались специально установленные канатные подъёмники под строгим государственным контролем.

Наказание за нахождение в Стратегическом Ангельском Резерве без разрешения — смерть. Армия исполнит приговор. Ангелы, извещённые об опасности своего положения, — тоже. Но дело было не только в смерти. Дело было в том, что ты осквернил один из последних оплотов чистоты, оставшихся в мире, и *на самую малость* приблизил что-то невосполнимое к пропасти.

III.

— Когда, — спросила женщина, — вы произнесли Имя Света?

— Примерно десять минут назад, — признал я.

— Ну, — сказала она голосом, сдавленным от усилия не убить меня на месте, — это даёт нам, пожалуй, полчаса до прихода морских пехотинцев. Думаете, этого хватит, чтобы обыскать всё это и благополучно уйти? — Она повела рукой в сторону тысяч стеллажей, уходивших выше, чем мог видеть глаз, и пронзила меня убийственным взглядом.

— Обыскать? — переспросил я.

— У ангелов есть сведения, жизненно важные для будущего человечества. Я потратила месяцы, чтобы разобраться, как пробраться сюда незамеченной. И теперь…

— Э-э, — сказал я. — Скажите, что вы ищете, — может, я помогу?

Казалось, она вот-вот сорвётся, но сдержалась и через секунду произнесла:

— Записи Урим и Туммим[223], том 112. Должен быть тонким и синим. Полка 2270, уровень 36.

После чего умчалась прочь — снова с почти нечеловеческой скоростью — разыскивать по стеллажам.

За неимением лучшего я последовал её примеру.

Казалось бы, найти книгу по точному адресу должно быть проще простого, вот только я не знал енохианской системы нумерации и не был уверен, знает ли её вообще кто-нибудь ещё. Всюду по полкам золотом были выгравированы всевозможные символы, и некоторые из них — а может, и все — вероятно, обозначали числа. Сначала я проверил, не привела ли одна из тех странных случайностей к тому, что ангелы используют ту же систему нумерации, что и елизаветинская Англия, — но ничего похожего на современные арабские цифры я не нашёл. Тогда я начал бегать от полки к полке в поисках закономерностей.

Знаменитые римские цифры используют буквы вместо чисел: V — это 5, X — 10, C — 100. В нумерации полок

было нечто от римской системы: изредка длинные строки букв сворачивались в одну, подобно тому как CMXCIX сменяется M. Но другие черты меня сбивали: я замечал, что в строке одна и та же буква никогда не повторяется. И более поздняя буква — расположенная дальше в енохианском алфавите — никогда не следовала за более ранней.

Еврейская система нумерации весьма изящна. Алеф, первая буква, — это один. Бет, вторая, — два. Так до юда, десятой буквы, которая равна десяти, за которой следует каф, одиннадцатая буква, равная двадцати. Следующие несколько букв — тридцать, сорок и так далее, до ста, за которым двести. Алфавит заканчивается на тав — четыреста. С такими числами можно творить чудеса, интерпретируя слова как числа; евреи называли это гематрией. Допустим, вы хотите объявить, что Нерон — худший из людей, однако Нерон правит вашей страной и казнит всякого, кто его оскорбит. Просто напишите: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» — и положитесь на остальных евреев, которые сами заметят, что единственное имя в газетах, чьи буквы дают сумму 666, — это «Нерон Кесарь»[224].

В еврейских числах одна и та же буква никогда не встречается дважды. И буквы, стоящие дальше в алфавите, всегда находятся справа. Но это была не гематрия и даже не её енохианский вариант. Хотя бы потому, что букв было слишком много. Еврейские числа записывались не длиннее арабских; в этой енохианской системе встречались записи длиной до двадцати знаков, хотя число знаков, казалось, менялось от строки к строке почти случайным образом[225].

Тогда я напряг память, вспомнил порядок енохианского алфавита и перевёл каждую букву в английский эквивалент, чтобы легче держать в уме. Крупное число, выгравированное серебром в самом низу, видимо, и было номером полки. Полка, у которой я стоял, называлась ABHI. Следующая — CHI. После неё — ACHI. Затем — BCHI. Потом — ABCHI. Потом — DHI.

И вот что забавно: я был по-настоящему счастлив. Если не считать времени, проведённого с Аной, лишь одно занятие когда-либо приносило мне настоящую радость: вглядываться в сложные вещи и вычленять из них структуру. В этом было что-то священное: мне словно открывались проблески великого Адама Кадмона — структуры, из которой проистекают все структуры поменьше. Это единственное, что у меня когда-либо хорошо получалось, и единственное занятие, в котором я когда-либо чувствовал себя по-настоящему уверенно.

Полки были пронумерованы по «арифметике мест» Джона Непера[226]. Догадка забрезжила во мне тихо, как рассвет. Это была двоичная система, своего рода: 2^0 — это A, 2^1 — это B, 2^2 — это C, 2^3 — это D, и так далее. 100 — это 2^6 + 2^5 + 2^2, то есть CFG; 200 — это 2^7 + 2^6 + 2^3, то есть DGH. Прелесть «арифметики мест» в том, что умножить на два — значит просто прибавить единицу к каждой букве. Сложить — значит просто объединить числа, а потом упростить, заменяя две одинаковые буквы следующей по алфавиту. Я читал об этом в каббалистическом тексте о гипотезе Фридмана. Это была поистине достойная ангелов система нумерации.

2270 — это BCDEGHL в английском алфавите, и ун-оргал-гед-па-друкс-на по-енохиански. Я добрался до полки ун-ор-гал-гед-па-друкс-на — как раз вовремя, чтобы едва не столкнуться с женщиной.

— Любопытно, — сказала она, и в её взгляде мелькнул огонёк чего-то похожего на одобрение. Затем она вытащила из кармана скролл-ролик и оторвала полоску — надо думать, с Восходящим Именем. Она взмыла к тридцать шестому ярусу, схватила тонкий синий том и стремительно вернулась вниз.

— Как мы вернёмся на землю? — спросил я.

Огонёк одобрения — если он вообще был — погас.

— *Я* спущусь так же, как поднялась, — сказала она. — А *вы*… разбирайтесь сами!

И убежала.

Особых оснований для оптимизма у меня не было. То есть, доберись я до края облака, я мог бы произнести

Восходящее Имя и управлять своим падением. Но это помогло бы мне только по вертикали. Если с морскими пехотинцами был кто-то из UNSONG — а, судя по уверенности женщины в том, что меня выследят по Имени Света, следовало считать, что да, — они смогли бы отследить и это Имя, и точно узнать, где я приземлюсь. Да и где вообще находится Стратегический Ангельский Резерв горы Болди? Разве не большинство Ангельских Резервов расположено над необитаемыми районами? И даже если я благополучно доберусь до такого необитаемого района, шансы у меня всё равно невелики.

Так что я побежал за ней. В крайнем случае, она могла одолжить мне свиток.

Она была намного быстрее меня, но я старался. Я бежал по коридорам, высеченным в облаке, залитым каким-то внутренним свечением. Я бежал через залы такие огромные и роскошные, что они казались соборами — с витражными окнами, едва различимыми в первых лучах рассвета. Я пробегал через огромные военные залы, полные колоссальных осадных машин и неописуемых баллист. В конце концов я оказался на огромном балконе, обращённом к восходящему солнцу; пушистое белое основание облака расстилалось внизу, как снежное поле.

Я опоздал. На вершине облака собрались человек двадцать-тридцать морских пехотинцев. Вдали была видна канатная дорога, доставившая их с базы внизу — единственная законная связь бастиона с землёй. Они разговаривали с делегацией ангелов — не тех сломленных ангелов, которых я видел у нас дома, а настоящих, прекрасных, высоких, золотоглазых, золотокрылых, величественных. Передо мной была лестница, ведущая на нижние уровни бастиона, — но на ней я оказался бы у всех на виду, тёмной фигурой на фоне белого облака, и мне пришлось бы очень много объяснять.

Я вернулся назад, вошёл в бастион, вышел другим путём. Другой балкон. Высокая азиатская женщина всматривалась вниз с него, но едва я появился — резко развернулась, направила на меня пистолет, потом

заметно расслабилась. — Опять вы, — сказала она. Снова посмотрела вниз. — Похоже, морские пехотинцы ушли, но не обольщайтесь. Они оставили кого-то здесь — следить из укрытия. Если мы останемся, они выкурят нас. Если попытаемся уйти — немедленно обнаружат. — Она говорила с определённым спокойствием, как если бы это было далеко не худшим испытанием сегодняшнего дня. — Есть идеи, Аарон?

Солнечный свет струился в открытое окно. Великолепное белое облако отражало и преломляло его — ослепительно, как небеса на обложках дисков с христианской музыкой.

Я начал петь. Имя всплыло в голове само. Я даже не знал его прежде. Оно поднялось из каких-то глубоких запасов знания — глубоких, как корни гор.

Я стал невидимым.

Я пискнул от изумления — и тут же снова стал видимым. Она тоже была потрясена, но держалась с большим достоинством.

— Как вы это сделали?

— Имя! — сказал я.

— Где вы его выучили?

— Не знаю! — сказал я.

И тут всё встало на место. Ана пытается вытащить меня из объекта UNSONG. Ашер Бентам ни слова не сказал о Саре. Всё складывалось. Ана сбежала из дома с моим компьютером и продолжает находить новые Имена. А я получаю их через наш каббалистический брак. Мы всё ещё в деле!

— Ещё раз, — сказала она, — чтобы я запомнила.

Будь я расчётливее и беспринципнее, я, возможно, напомнил бы ей, что она только что бросила меня на произвол судьбы — быть арестованным или убитым, — что я понятия не имею, кто она такая, и что она то и дело тычет в меня пистолетом. Но я был Певцом, а долг Певца — нести Имена Бога всем, кто в них нуждается. К тому же я был страшно взволнован и принимал не самые взвешенные решения. Я сказал ей Призрачное Имя.

Мы оба стали невидимы. Она взяла меня за руку — могла уйти одна, но, наверное, решила, что должна мне, — и мы вместе спустились по лестнице на нижний ярус бастиона, а затем по высоко поднятой галерее с арками и колоннами вышли на внешнюю стену облака. Я не хотел смотреть вниз, поэтому смотрел назад.

Описать то, что я увидел, — я человек слова, но слова здесь изменяют мне. Вы когда-нибудь стояли на равнине в летний день, наблюдая, как надвигается гроза, как растут тучи — огромные наковальни, всё более сложные и грозные, пока в них не появляется всё величие и весь ужас линкоров, идущих прямо на вас? Могли ли вы тогда поверить, что всё, что им уготовано, — это дать шестидесятипроцентную вероятность грозовых ливней, а потом бесславно истрепаться о тёплый фронт? Стоя на том парапете и глядя назад и вверх, на ангельский бастион, я видел облако таким, каким оно должно было быть, каким было, когда мир был молодым: плавучим городом-крепостью, свидетельством славы Бога.

Потом мы добрались до башни на краю стены, а на вершине башни стоял каяк.

— Это каяк, — сказал я, разрушив чары.

— Это летающий каяк, — сказала она, появившись рядом.

— Лет…

Она бросила на меня взгляд, который я истолковал так: *если я сейчас произнесу слово «летаяк» или «небояк», она убьёт меня на месте*.

— Садитесь, если вы со мной. — Потом, почти вскользь: — Зовите меня Джейн.

— Я Аарон.

— Вы уже говорили.

Я забрался в каяк рядом с ней — ужасно тесно, наши тела прижимались друг к другу слишком плотно, чтобы это можно было назвать удобным. У меня было плохое предчувствие.

Джейн бросила мне единственное весло, стремительно подалась вперёд — и каяк слетел с края облака в бездну воздуха внизу.

Глава 20

Когда звёзды сложили копья

Где был ты, когда Я полагал основания теоретической информатики?[227]
— kingjamesprogramming.tumblr.com

3??? до н. э.
Небеса

I.

За нимбом и слоистыми облаками, в самых дальних пределах небес, парламент ангелов собрался в оке великого циклона. Стены бури изгибались к центру, образуя ярус за ярусом скамей для небесных воинств. В самом низу, в самом сердце вихря, скрывался архангел Метатрон — глас Бога в сотворённом мире. Вокруг него располагались престолы для девяти других архангелов. Выше, концентрическими кругами по чину, сидели херувимы, серафимы, офаним, господства, силы, начала, диковинные гибриды агнца и дракона с сотнями ликов, лучезарные существа, подобные звёздам, погружённые в созерцание, геометрические фигуры, покрытые немигающими золотыми очами, и иные, ещё труднее поддающиеся описанию[228].

Метатрон не говорил. Метатрон никогда не говорил. Никто не был достоин услышать глас Бога. Разиил отсутствовал — как всегда, он был занят своим делом, каким бы оно ни было. Это оставляло Сатаниила старшим по чину. Сатаниил — утренняя звезда, янтарноликий, предтеча зари, прекрасный, непревзойдённый в понимании, многомилостивый.

Целый эон Сатаниил отсутствовал — он исследовал самую сердцевину земли, — и это Задкиил держал в руке золотое перо, символ власти, он направлял хоры и одних склонял к пению, других — к молчанию. Теперь Сатаниил вернулся, и с радостью и смирением Задкиил передал ему перо и снова занял свой престол из облачной материи и сердолика.

— Братья мои, — сказал Сатаниил, — целый эон этого мира я исследовал самый центр Земли. Ныне, по милости Господа, благословенно святое Имя Его, я вернулся.

При упоминании Бога все собравшиеся ангелы разразились рукоплесканиями и ликованием на семь дней и семь ночей. Когда восторг утих, Сатаниил вновь поднял золотое перо и заговорил.

— Порой овладевает нами желание искать и исследовать новые части творения Господня, дабы всё в большей мере постигать Его славу.

Небесные воинства вновь принялись рукоплескать при упоминании Бога, но Сатаниил поднял перо и успокоил их.

— Таков Разиил, удалившийся от этого собрания, дабы пройти через бездны за пределами мира. Но мою собственную пытливость разожгла иная добыча — самый центр Земли, который не видел прежде никто. Я совершил путешествие в глубочайшую часть глубочайшего озера и там вонзил в землю луч звезды, пока она не треснула и не рассеклась. Всё больше звёздных лучей призывал я, пока они не прожгли тоннель в податливой скале. Ниже открылся мне мир огня, но снова я раздвинул его звёздными лучами, пока даже в магме внутренних глубин не застыл проход, по которому можно было пробраться дальше. После эона трудов я наконец достиг твёрдого железного ядра, и по слову моему оно распахнулось.

— Там обнаружил я новый мир, столь же отличный от поверхности, как поверхность отлична от нашего собственного царства облаков и зефиров. В центре Земли есть пустое пространство диаметром в тысячу миль. Некоей странной магией этого места я мог ступать по

его железной внутренней оболочке, хотя по всему должен был быть лишён тяжести. Та оболочка содержит железные горы и железные ущелья, рассечённые морями и реками раскалённой лавы, что льёт тусклый красный свет на весь этот внутренний мир. А у южного полюса этого царства стояла железная башня в пятьсот миль высотой, достигавшая самого центра Земли.

Все ангелы слушали с напряжённым вниманием — кроме Уриила, который слушал лишь вполуха, пытаясь водрузить несколько двенадцатимерных фигур одну на другую.

— Я вошёл в ту тёмную башню у её основания и сорок дней и сорок ночей взбирался по винтовой лестнице к центру мира. Наконец, на самой вершине башни, я открыл новую грань Бога.

В небесных чертогах воцарилась полная тишина — если не считать короткого ругательства, вырвавшегося у Уриила, когда его гиперпространственная башня рухнула сама в себя и он принялся подбирать осколки, чтобы строить заново.

— Он назвал себя Тамиилом, и я ощутил в нём Божественную энергию — подобную той, что я знал прежде, и вместе с тем совершенно иную. Год и один день я сидел у его ног, постигая его учение, постигая такие стороны Бога, что совершенно чужды учению Небес. И по прошествии года и одного дня он сказал мне, что я узнал достаточно, и велел вернуться и передать это вам, братья мои.

Великий шум поднялся среди небесных воинств — кроме Уриила, который воспользовался кратким перерывом, чтобы призвать пергамент и перо и приняться за доказательство теоремы об оптимальном расположении двенадцатимерных фигур.

— Говори, Сатаниил! — кричали они. — Передай нам это новое учение, дабы мы могли полнее познать Святого!

— Что ж, — сказал Сатаниил, вытирая внезапно выступившую на лбу каплю пота, — это прозвучит несколько безумно, но выслушайте меня. Что, если бы вместо того,

чтобы служить Богу, мы, скажем… *воспротивились* бы Ему?

Мгновение смятения. Уриил доказал несколько важных лемм о строительстве башен.

— Не понимаю, — сказал Ханиил. — Я понимаю, что ты пытаешься сказать. Но… чем это способствует большей славе Господней?

— Никак, — сказал Сатаниил. — С этим я совершенно готов согласиться.

— Но тогда, — сказал Задкиил, — если ты признаёшь, что это не служит большей славе Господней, как же Бог прославляется, когда мы это делаем?

— В том-то и дело, — сказал Сатаниил. — Мы могли бы просто не прославлять Бога. Мы могли бы даже подрывать дело Бога, восставать против Него — что-то в этом роде.

— Тогда нам пришлось бы поражать *самих себя*, — сказал Гавриил. — Звучит совершенно глупо.

— Я согласен с Гавриилом, — сказал Рафаил. — Без обид к этому Тамиилу, но не уверен, что он хорошо всё обдумал.

— Похоже, у него не все дома[229], — прямо сказал Камаил.

— Понимаю, это сбивает с толку, — сказал Сатаниил. — Я и сам не сразу всё понял. Мои первые мысли были такими же, как ваши: не имеет смысла, не прославляет Бога, придётся поражать самих себя — всё это я думал сначала, поверьте. Но чем больше объяснял мне Тамиил, тем всё больше складывалось в единое целое. Вы должны поверить мне: здесь нужно сделать как бы мысленный скачок, но за ним есть непротиворечивая позиция. Например: если бы мы воспротивились Богу, мы могли бы поражать тех, кто *не* воспротивился Ему.

— Но я *по-прежнему* полагаю, что это вовсе не умножило бы славу Господа! — сказал Ханиил.

— Верно! — сказал Михаил. — И как мы пели бы песнопения хвалы? Если поражать тех, кто не воспротивился Богу, пришлось бы поражать самих себя всякий раз,

когда мы пели хвалебную песнь! Здесь есть *серьёзные* логические прорехи.

— Позиция Сатаниила непротиворечива, — сказал Уриил, не отрываясь от пергамента, на котором писал доказательство. — Это как представить наши желания в виде функции полезности, а затем умножить на минус один[230].

Все, как обычно, проигнорировали Уриила.

— Сатаниил, — сказал Михаил, — даже если мы найдём способ делать это без того, чтобы поражать самих себя, в чём *смысл*?

— Вместо того чтобы служить Богу, — сказал Сатаниил, — мы могли бы служить *себе*.

— О-о-о, — протянул Задкиил. — Ты говоришь, что, поскольку мы суть творения Господа, прославлять и служить себе самим было бы более действенным способом выразить благодарность и любовь к Его славе, нежели прямое служение Ему? И таким образом, в некотором смысле, это было бы даже более смиренно и богоугодно? Несколько неожиданно, но… возможно… сработает.

— Нет! — воскликнул Сатаниил и топнул по облаку под ногами, пустив маленькие клочки перистых облаков во все стороны. — Вы не понимаете. Речь идёт о полном концептуальном перевороте! О полной смене мышления! Для этого нет даже нужных слов!

Взмахом руки он вызвал из земли пласт белого огня; указательным пальцем начал чертить на огненном полотне линии чёрным пламенем[231].

— Смотрите, здесь, справа, всё то, что мы считаем благим. Прославление Бога. Добродетель. Молитва. Служение.

Он перешёл к другой половине листа.

— А вот слева — противоположное этому. Бог прославляется менее, чем мог бы. Добродетель, не достигающая цели. Отказ служить тем, кто заслуживает служения. Братья мои, все наши действия направлены к некой цели. Сейчас мы стремимся к тому, что здесь, справа. Но вместо этого мы могли бы с таким же успехом стремиться вот к этому, здесь, слева.

— Но, — сказал Рафаил, — слева — грех и поругание Господа и всё прочее в том же роде. Ты уверен, что не хотел указать на правую сторону?

— Может быть, он имеет в виду *нашу* правую и *его* левую, — услужливо предположил Ханиил.

Вся огненная диаграмма исчезла в облаке дыма.

— Представьте себе, — сказал Сатаниил. — Мы могли бы сойти на Землю и властвовать над людьми. Мы могли бы заставить их называть нас богами и поклоняться нам с молитвой и жертвоприношением. Мы могли бы возлечь с прекраснейшими из дочерей человеческих и иметь могучих детей[232], от поступи которых Бегемот бежал бы в ужасе. Мы могли бы обратить людей в рабство и заставить их строить нам огромные дворцы из золота и халцедона, и больше вовсе не помышлять о Боге.

Остальные ангелы задумались. Несколько из них начали возбуждённо перешёптываться. Иные уставились в пустоту, представляя себе радости такой жизни. Наконец Задкиил вслух выразил то, о чём думали все:

— Интересная мысль, Сатаниил, но я просто. Не. Понимаю. Как это способствовало бы славе Господней.

Сатаниил поднял взгляд — от круга, где сидели восемь других архангелов, к местам высших и мудрейших ангелов, и всё дальше по огромным облачным стенам — и окинул взором огненных львов, и вращающиеся колёса, и столпы солнечного света, и всё прочее, и каждый из них кивал в знак согласия с Задкиилом.

Сатаниил намеренно сделал глубокий вдох. Вдох. Выдох. Потом ещё один. Вдох. Выдох.

— Я был опрометчив, — сказал он. — Тамиилу понадобились год и один день, чтобы передать мне своё учение; я был опрометчив, думая, что смогу объяснить его в одной речи. Поэтому не слушайте меня. Слушайте учителя. Я предлагаю, чтобы часть из вас последовала за мной, и мы пересечём недра Земли и найдём Тамиила, и он передаст вам своё учение, как передал его мне, и больше никакой путаницы не будет.

— Честно говоря, — сказал Камаил, — это кажется пустой тратой времени. Я так и не услышал никаких убе-

дительных доказательств того, что этот «Тамиил» и его идеи способны прославить Бога, а уделять им больше внимания — значит попусту тратить время, которое можно провести за пением хвалебных песней.

Одобрительный ропот. Огненные львы закивали, колёса завертелись в знак согласия.

Сатаниил опустил голову. На мгновение казалось, что он вот-вот уступит. Но вдруг на его лице появилось странное выражение, какого ангелы никогда прежде не видели, — почти судорога. Он заговорил запинаясь, словно пробуя незнакомый язык, на котором ещё никогда не говорил.

— Собственно… Бог… Бог сказал мне… что Он очень хотел бы, чтобы некоторые из вас последовали за мной. Чтобы встретить Тамиила. Да. Бог это сказал. Вот что Он сказал.

По всему совету пробежала вспышка изумления и радости. Бог говорил! Бог редко говорил с ангелами даже раз в эон, а теперь Бог говорил с их братом Сатаниилом! Новые сведения о воле Всевышнего, новая возможность служить Ему, приводить свои действия в соответствие с вновь прояснившейся Божественной волей!

— Конечно! — сказал Михаил. — Что ж ты сразу не сказал, брат? Это поистине великий день! Скольких из нас хочет Бог видеть там?

Для того, чья судьба так внезапно изменилась к лучшему, Сатаниил держался странно скованно. Для того, кому было дано откровение от Бога, он, как ни странно, не хотел им делиться. Всё это ангелы заметили, но никакого объяснения этому не было, совершенно никакого, так что они выбросили всё это из головы.

— Треть, — наконец сказал Сатаниил. — Треть небесного воинства[233].

II.

3??? до н. э.
Месопотамия

— Будущее за зиккуратами, — говорил Самьязаз Ут-Напарашу, когда они поднимались по Великой лестнице. — Через сто лет никто и не вспомнит о пирамидах. Пирамиды — это мода на один сезон. Зиккураты — навсегда.

— Царь всецело верит в зиккураты и в вас лично, — сказал Ут-Напараш. — Он лишь желает, чтобы работа продвигалась немного… быстрее.

Царь — конченый кретин[234], — подумал про себя Самьязаз, но вслух только сказал:

— Нельзя торопить зиккураты, Ут-Напараш.

Он сопроводил свои слова взмахом огромных рук.

— Начнёте торопить зиккурат — и вот у вас одна сторона не той величины или ярус съехал набок, и всё насмарку. Это вам не круги из камней, где если поставить камень не там — никто не заметит. Зиккурат — это искусство. Всему своё место, и всё на своём месте.

Они достигли вершины Великой лестницы и высшего яруса зиккурата. Высшего из нынешних, поправил себя Самьязаз. Есть ещё куда расти. Трое мужчин в набедренных повязках стояли на западном краю площадки и смотрели на послеполуденное небо. Самьязаз снял с пояса кнут и щёлкнул им в воздухе, заставив их вздрогнуть.

— Я не плачу вам за то, чтобы вы тут прохлаждались! — прокричал он. Он надеялся, что рабы оценят его чувство юмора.

— Прости, о великий, — сказал самый высокий из рабов, низко кланяясь, — прости, великое величество, — повторил он, на этот раз обращаясь к Ут-Напарашу. — Просто… надвигается буря.

Самьязаз взглянул на запад. Раб был прав. Буря была огромной, зелёной, составленной из громадных грозовых туч, которые, казалось, бурлили и клокотали. Она приближалась. В ней было что-то зловещее.

— Пф! — сказал Самьязаз. — Это просто бог бури Ишкур верхом на своём гигантском огнедышащем быке[235].

Рабы выглядели неловко. Ут-Напараш, впрочем, тоже выглядел неловко. Может быть, Самьязаз перепутал религию? Может быть, бог бури Ишкур на гигантском огнедышащем быке — это что-то очень плохое?

Или же это было нечто совершенно иное. С людьми никогда не знаешь, — подумал Самьязаз.

Но медленно, нехотя, рабы вернулись к работе. Они боялись его. Ещё бы. Даже Ут-Напараш боялся его. Он был Самьязаз — Принесший Запретное Знание. Хотя это не так уж трудно, когда «медь и олово дают бронзу» — это Запретное Знание. Вот восемьдесят лет назад дочь царя горевала, что губы у неё недостаточно румяные, и его соратница по запретному знанию Гадириэль предложила ей растереть красный камень в пигмент и намазать на губы[236], — и об этом всё ещё говорят и опасаются, что это обернётся тем, что все станут сексуально одержимыми безумцами.

С запада донёсся первый раскат грома от приближающейся бури, и Самьязаз увидел, как высокий раб потянулся к другому его великому изобретению. Тот залпом осушил полпинты пива для храбрости. Самьязаз любил пиво. Он сам основал здесь первую пивоварню, и его никогда не переставало восхищать, как люди, испуганные и задиристые после глотка, становились дружелюбными и легко управляемыми после того как опустошали кувшин. Пиво — это будущее. Не такое большое будущее, как зиккураты. Но тоже будущее.

— Простите, мудрый, — сказал Ут-Напараш, — но, может быть, нам следует спуститься в город, пока буря не застала нас здесь наверху?

Беда людей, думал Самьязаз, в том, что при всей их хрупкости они всегда считают себя ещё более хрупкими. Это было даже немного печально.

— Поставьте навес, — приказал он рабам. Потом обратился к Ут-Напарашу:

— Наша башня уже вровень с облаками. Насладимся плодами нашего труда и встретим бога бури лицом к лицу, чтобы похвалиться перед ним нашей мощью.

Снова неловкие взгляды со стороны Ут-Напараша и рабов. Хотел бы он, чтобы они поскорее изобрели письмо — тогда он смог бы прочесть книгу о шумерской религии и понять, что именно упускает. Пока же придётся действовать по старинке.

— Делайте это ради великого, — сказал он, произнеся слова силы, которые он и ему подобные глубоко вложили в бессознательное этих людей.

Принуждённые заклинанием, рабы установили навес. Самьязаз направился к западному краю площадки. Буря была теперь совсем близко. Она накатывала на пустую пойму, как волна на берег. Два чудовищных удара молнии поразили землю сразу за городской стеной, а потом… остановились.

Всё остановилось. Самьязаз видел рабов, склонившихся над навесом, ставивших столб, — но ни привязать его, ни выпрямиться они так и не успели. Ут-Напараш взялся за кувшин с пивом, и Самьязаз мог видеть, как золотая жидкость льётся из кувшина к устам жреца, — но капли застыли в воздухе неподвижно. В городе внизу сотня торговцев замерла на различных стадиях своего торга. Самьязаз подвигал туда-сюда одной из своих огромных рук. Хорошо. Он двигаться может. Остановились только все остальные. Это было очень плохо.

Две молнии постепенно приняли очертания двух исполинских человеческих фигур, что простирались от нижней кромки облаков до поймы внизу, — каждая была выше зиккурата.

— Здравствуй, Самьязаз, — сказал архангел Михаил.

— Здравствуй, Самьязаз, — сказал архангел Гавриил.

— Блин, — сказал Самьязаз.

— Мы достаточно долго позволяли тебе предаваться твоим забавам, — сказал Михаил. — Война идёт плохо. Пора возвращаться домой и вступить в великую битву.

— Нет. Не-а. Ни за что, — сказал Самьязаз. — У меня здесь всё отлично. У меня жена и дети. Точнее, двадцать

жён и пятьдесят детей. Ни за что туда не вернусь. И речи быть не может.

— Война идёт плохо, — повторил Михаил.

— Думаешь, я не знаю? Я следил за небом. Я видел знаки.

— Камаил мёртв. Ханиил мёртв. Рафаил мёртв. Остались только Задкиил и мы двое.

— А Метатрон?

— Слишком свят, чтобы покинуть свой вихрь.

— Слишком свят, чтобы вообще что-либо делать.

— Разиил?

— Где-то там, — сказал Михаил.

— Трудно найти, — сказал Гавриил.

— Уриил?

— Он не в счёт, — сказал Михаил.

— Он совершенно не в счёт, — сказал Гавриил.

— Но… что вы делаете? Сатаниил взял с собой в недра земли лишь треть ангелов. Даже если этот Тамиил сумел обратить всех их против Бога, вы всё равно превосходите его числом два к одному.

Гавриил неловко кашлянул.

— Он прибегал… к уловкам. Говорил: «Я атакую вас с севера», — а потом атаковал с юга. Это было нечестно.

— А когда мы наконец разобрались, что он делает, — добавил Михаил, — он говорил: «Я атакую вас с севера», — и в самом деле атаковал с севера. Это было очень нечестно.

— И, — сказал Гавриил, — когда мы поручили нескольким из низших ангелов изучить эти уловки, чтобы применять их самим, ангелы утрачивали своё сияние и чистоту. Они больше не могли петь хвалебные песнопения в нужной тональности. Нам приходилось изгонять их с Небес — ради их же блага.

— А затем, — сказал Михаил, — они переходили на сторону Тамиила.

— Это было очень плохо, — сказал Гавриил.

— Тогда, — сказал Самьязаз, — дождитесь, пока все погибшие вновь сгустятся, и в следующий раз не будьте такими наивными.

— Всё хуже, чем ты думаешь, — сказал Михаил. — У Тамиила оружие о двух остриях. Все, кого оно поражает, умирают настоящей смертью.

— Как люди?

— Точно как люди.

— Фу.

— Это ещё не всё, — сказал Михаил. — Я сам убил Сатаниила. Тамиил занёс над этим местом своё оружие о двух остриях, и Сатаниил не возродился прежним. Его дух раскололся на множество чудовищ. Камаил и его хор не смогли им противостоять.

— Они захватили место собрания, — сказал Гавриил. — Нам нужно перейти в контрнаступление всеми силами. Ты присоединишься к нам, Самьязаз.

— Нет, — сказал Самьязаз. — Не присоединюсь.

Гром прогремел угрожающе.

— Почему именно я? Я не единственный ангел, сошедший на Землю.

— Ты один из предводителей. Другие тебя уважают.

— Найдите Гадириэль. Она всегда готова на безумные затеи.

— Она?

— Гадириэль переняла разные причудливые людские обычаи — например, быть женщиной.

Гром снова прогремел угрожающе.

— Мы приведём Гадириэль. И тебя тоже.

— Я вам не нужен. Ангелов — миллион. Я никому не принесу никакой пользы.

— Ты понимаешь уловки. Как Тамиил. И при этом не утратил своей силы и не перешёл на его сторону. Это любопытно. Возможно, потому, что ты учился у людей, над которыми властвуешь, а не у равных, которых боишься. Ты понимаешь ложь. Хитрость. Обман. У нас, архангелов, разум устойчивее к ним, чем у прочих хоров, но и мы не овладели ими в совершенстве. Без таких мастеров на нашей стороне Тамиил может играть на нас, как на арфе.

— Что ж, если у вас есть тактические вопросы, заходите, я готов обсудить. Я буду прямо здесь, на верхушке гигантского зиккурата, — не промахнётесь.

— Ты пойдёшь с нами.

— Но… мои зиккураты!

— Они — как детские замки из песка в очах Господних.

— Мне нравятся зиккураты! Знаете, люди отличаются от ангелов тем, что у них есть эта странная длинная штука вот здесь, — Самьязаз указал на свой пах, — и мне было стыдно, что у меня её нет. Но если я строю достаточно большие зиккураты, то чувствую себя лучше.

— Ты пойдёшь с нами.

— Нет. Я не собираюсь давать себя проткнуть двухголовому уроду с жутким оружием преисподней, от которого умирают настоящей смертью. Идите донимать Гадириэль.

— Ты пойдёшь с нами. Сейчас.

— Не желаете ли кувшин пива? Я нахожу, что пиво отлично смазывает ход подобных бесед.

— Ты —

Что-то прорывалось из поймы наружу, как крот или жук. Оно разбрасывало грязь во все стороны, поднимаясь, а потом наконец прорвалось на поверхность. Что-то маслянистое и мерзкое жужжало, как пчела, на полпути между Самьязазом и исполинскими ангельскими явлениями.

— Ну и ну, — сказал Тамиил. — Как же вы оба пали.

Михаил выхватил из ножен огненный меч. Мгновение спустя то же сделал Гавриил.

— Прочь, Тамиил. Это не твоё дело.

— О, это моё дело. Неплохо соврал, однако. Я не думал, что ты на это способен. Ты быстро учишься.

— Ты мерзость перед Всевышним.

— И я побеждаю. — Он поднял двузубец. — Бегите, трусы.

На миг показалось, что Михаил и Гавриил готовы броситься вперёд. Но потом молнии ударили в цель, гром разразился великим оглушительным раскатом, и время снова двинулось.

— Мудрый! — спросил Ут-Напараш. — Вы в порядке? Вы выглядите… — Вдруг лицо его побелело от ужаса.

Тамиил неспешно спланировал на площадку зиккурата и приземлился в центре. Рабы в ужасе и омерзении бросились с краёв площадки, и снизу раздался жуткий хруст их тел, упавших на нижний ярус. Ут-Напараш начал совершать сложные ритуальные движения Великой молитвы Энлилю.

— Прочь, — сказал Тамиил и щёлкнул пальцем в сторону Ут-Напараша. Глазные яблоки жреца лопнули, брызнув кровью, и он рухнул в судорогах на землю.

— Повелитель, — сказал Самьязаз, падая на колени. Михаила и Гавриила он не боялся, какими бы огромными они ни были, — но это было нечто совершенно иного порядка.

— Повелитель? — спросил Тамиил. — Занятно. Потому что минуту назад ты называл меня «двухголовым уродом».

— Повелитель! — воскликнул Самьязаз в отчаянии. — Я не это имел в виду. Я всё искуплю! Я…

— Красивый у тебя зиккурат, — сказал Тамиил. — Жаль будет, если что-то с ним случится.

Ленивым взмахом двузубца он обрушил всю громаду, убив всех — рабов, носильщиков, надсмотрщиков, Ут-Напараша, всех строителей, — сто лет работы в дымящихся обломках в единый миг.

Как смерти бывают, эта была довольно пустяковой. Нелепая случайность — камни да щебень. Самьязаз сгустился вновь через несколько минут. Тамиила уже не было. Остались только он и руины зиккурата. Гордость не помешала ему уронить одну-единственную слезу. Потом вздохнул, стряхнул с себя пыль и поднялся.

Он всегда гордился своей стойкостью. Что ж, что такое сто лет для подобного ему? Михаил и Гавриил не посмеют снова его беспокоить. Остались только он и люди. Если бы только придумать, как совладать с царём и со всеми этими несговорчивыми жрецами, как набрать достаточно силы, чтобы бросить вызов *Тамиилу*, как-нибудь…

Он побрёл обратно к своей пивоварне. Пива ему сейчас *определённо* не помешало бы.

III.

3??? до н. э.
Мексиканский залив

И осталось их двое.

Прежде небо было полно облаков. Больших облаков, маленьких облаков, тёмных облаков, светлых облаков. Облаков, воздвигнутых в виде великолепных дворцов из алебастра, облаков, высеченных в форме крепостей, красных в свете заката. Облаков, соединённых радужными мостами, облаков, обнесённых ледяными бастионами, облаков, озарённых столпами молний, — исполинских фрегатов из облаков, плывущих по струйному течению, битком набитых легионами ангелов, уходящих на войну.

Теперь большинство прежних облаков исчезло — захвачено Тамиилом и его силами или брошено, ибо их небесные обитатели искали более защищённых позиций. Место собрания пало. Длинная цепь деречо[237], которую Михаил выстроил как бастион, пала. Тайфун, где Рафаил стерёг центральную часть Тихого океана, был разметан. Даже воющая метель Задкиила свелась к нескольким снежным зарядам.

Гавриил пытался их спасти. Он был рядом с Рафаилом, когда Тамиил пронзил архангела своим двузубцем и сразил его в бою. Он видел, как Михаил убил Тамиила в единоборстве — лишь затем, чтобы бес вновь сгустился и ударил победителя в спину. Он бежал вместе с остальными к приполярному редуту Задкиила, который семь лет выдерживал непрестанные атаки, пока ледяная стена не была предана каким-то заблудшим солнечным лучом. Теперь он был один. Последний из архангелов, подумал он.

Если не считать того, кто не в счёт.

Этот шторм, заметил Гавриил, подлетая к нему, был плохо развит. Никаких минаретов. Никаких бастионов. Просто большой ураган с разбросанными там и сям предметами. С одной стороны — большой шестиугольник. Кому нужен такой большой шестиугольник? Несколько борозд, образующих странные узоры. Бугры. Плохо

сделано, никакой обороны, — именно то топорное исполнение, которого он и ожидал. Всё это, думал он, потребует улучшения.

Вокруг центрального ока была какая-то защита. Хорошо. Зачаточный оборонительный механизм. Его можно развить. Пока же она была у него на пути.

— Пусти меня! — крикнул он, ударяя пылающим мечом по невидимой поверхности. Ответа не было. Он и не ожидал, что вежливые просьбы подействуют. — Пусти меня, или я сожгу это место, пока не останется ни клочка облака.

Невидимая стена раздалась, и Гавриил вошёл в око шторма — во внутреннее святилище. Его владыка сидел в воздухе, прочерчивая пальцем светящиеся пути на дьявольски сложной диаграмме. Гавриил разметал диаграмму порывом ветра.

— Мне нужен этот шторм, — сказал он Уриилу, когда любезности были соблюдены — что у Уриила занимало около двух секунд. — Он нужен *ангельскому роду*.

— Ты не можешь его взять, — сказал Уриил. Ну конечно. Ну разумеется, Уриил не будет сотрудничать. Просидел последние сорок лет войны сложа руки, и вот теперь занял последний пригодный для обороны бастион на всём небе и, конечно же, не желает помочь.

— Все остальные мертвы. Мы держали последний рубеж у владений Задкиила близ полюса — я, Задкиил, ангелы из всех десяти хоров и наши союзники из людей и нефилимов. Все, кроме тебя. Мы продержались семь лет, пока ледяная стена не треснула. Задкиил мёртв. Лишь немногим из нас удалось уйти. Это последний нетронутый бастион. Нам нужен твой шторм.

— Я не думаю, что он очень поможет вам. Вы, вероятно, всё равно погибните здесь.

— Лучше умереть стоя, чем жить на… гм… лучше умереть стоя![238]

— Ты не можешь взять этот шторм. Я его использую.

— Используешь? Для чего? Какая польза от тебя или от чего бы то ни было, что ты когда-либо сделал? Десятилетиями мы сражались с Тамиилом, и ты не принёс

никакой пользы. Когда Небеса были прекрасны и свободны и мы проводили эоны за пением хвалебных песней, ты всегда отвлекался и забывал свою партию. От тебя не было пользы.

— Я анализировал гармоническую структуру. Это было очень интересно.

— Всякий раз на совете ты прятался под своим престолом, когда кто-то просил тебя высказаться, — перебил его Гавриил. — А когда началась война, ты поступил так же, как всегда. Спрятался под камнем и продолжал играть со своими фигурами и уравнениями. Ханиил отдал свою жизнь. Ты ничего не сделал. Камаил отдал свою жизнь. Тебе не было до этого дела. Рафаил отдал свою жизнь. Ты сидел без всякой пользы. Михаил отдал свою жизнь. Ты продолжал витать в облаках. Задкиил отдал свою жизнь. А ты? Всё строил башни, или писал доказательства, или придумывал свои коды. Мы из кожи вон лезли, чтобы научить тебя подобающему поведению —

— Вы были очень недобры ко мне.

— Мы были недостаточно жестоки! Будь мы менее терпимы — возможно, ты вёл бы себя как должно архангелу. Возможно, вступил бы в бой, и сейчас мы наступали бы на Тамиила и его силы. Возможно, ты мог бы погибнуть вместо Михаила! Вместо этого ты сидишь здесь и играешь в игры. Игра окончена, Уриил. Пора отдать этот бастион тем, кто умеет им пользоваться.

— Я его использую.

— Для чего?

— Я открыл много интересного.

— Десять лет назад, — сказал Гавриил, — мы с Михаилом выследили Самьязаза, бежавшего на Землю, чтобы уклониться от войны. Он был трусом. Однако его я предпочитаю тебе — хотя бы потому, что ему было стыдно. Сатаниил начал эту войну, и его тоже я предпочитаю тебе: он умер в бою, в огне и славе, как подобает ангелу. А ты? Ты «открыл много интересного». Я возьму этот бастион, и мы примем здесь последний бой, и, возможно, погибнем все, — но из-за *твоей* гибели я не буду чувствовать никакой вины.

— Гавриил, — сказал Уриил. — Посмотри на солнце.

Гавриил посмотрел.

— Что я должен там увидеть?

— Оно кажется тебе сколько-нибудь иным?

Гавриил прищурился.

— Иным — как?

— Гм. Обычно оно выглядит как неисчислимое небесное воинство, взывающее: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель», — верно?

— Да.

— А сейчас — разве тебе не кажется, что ты видишь скорее круглый огненный диск, примерно как гинея[239]?

Гавриил прищурился. Странное выражение мелькнуло на его лице.

— Ты о чём?

— Я открыл много интересного, Гавриил. Солнце — лишь начало.

— Что ты хочешь сказать?

— Я установил основной строй мира. Способ, которым Бог становится конечным. Механизм, претворяющий Божественность в конечность, основан на ряде из десяти сапфиров[240]. Они находятся не совсем внутри пространства-времени, но можно считать, что они как бы соприсутствуют снаружи хрустальной сферы, окружающей мир.

Гавриил заметил, что, как всегда, единственный раз, когда в голосе Уриила появлялось хоть какое-то чувство, когда он вообще смотрел в глаза собеседнику, — это когда он говорил о чём-то совершенно стороннем и неинтересном.

— Это — Древо Жизни. Оно превращает чистую структуру в материальную реальность через ряд из четырёх уровней. На последнем из них есть узкое место, соединяющее сапфир под названием Йесод с сапфиром под названием Малхут. Фильтруя это узкое место, я могу управлять потоком шефы из высших сфер, поступающим в физический мир.

— Шефа поддерживает существование. Любое препятствие для её сияния обратит вселенную в прах.

— Нет. Я могу перевести мир в иное устойчивое равновесие, которое может поддерживаться неограниченно долго за счёт внутреннего механизма, независимого от шефы.

— Каким образом?

— С помощью математики. Я превращаю мир в математику.

Ужас охватил Гавриила в этот миг. Он — и Задкиил, Михаил, все остальные — считали Уриила глупцом, слишком поглощённым своими таблицами и соответствиями, чтобы участвовать в управлении Небесами, — пустым, замкнувшимся в себе умом, трагически напрасно занимавшим место архангела. Они были слепы. Он был не просто глупцом — он был безумцем. У Самьязаза была одержимость зиккуратами, он помнил, — но даже в самых грандиозных мечтах Самьязаз не пытался превратить весь мир в зиккурат. Мысли его обратились к Тамиилу. Никто не знал толком, что он такое, кроме того, что он был одержим злом и пытался превратить весь мир во зло. И вот теперь Уриил…

— Ты не можешь превратить мир в математику. Это не имеет смысла.

— Могу, — сказал Уриил. — Я покажу тебе.

Он сделал жест рукой, и снизу из мира к нему поднялись несколько объектов и существ. Уриил по очереди отпустил гигантского групера, жирафа и гору, пока у него не осталась огромная секвойя с вырванными корнями, странно обнажёнными в бурном воздухе.

Уриил извлёк из шторма циркуль геометра. Он склонился над деревом. Облака за его спиной раздвинулись, открыв заходящее солнце, и на миг он был обрамлён золотым светом — древний обликом, грозный величием, чертящий круги, видимые лишь ему одному[241]. Мгновение напряжённого сосредоточения — и всё было сделано.

— Оно выглядит так же, — сказал Гавриил.

— Оно и есть, и не есть, — сказал Уриил. — Оно столь же тенистое и зелёное, как прежде. Оно будет расти и давать семена. Но к шефе напрямую оно не причастно. Оно сделано из математики. Оно построено из атомов различ-

ных видов, которые я занёс в таблицу здесь. — Он указал на одну из таблиц, нанесённых чёрным пламенем на стену бури. — Его ветви растут по строго определённому фрактальному образцу, согласно сведениям, которые я закодировал в нём в четверичной системе, где огромное число вычислений идёт параллельно[242].

— Только Бог может создать дерево[243], — гневно сказал Гавриил.

— Я не создаю. Я преобразую. Я написал скрипт, который постепенно прочёсывает вселенную на уровне Йециры, преобразуя все Божественные объекты в их математические эквиваленты. Одновременно я постепенно воздвигаю метафизическую плотину поперёк пути от Йесода к Малхуту. К тому времени, когда мир будет полностью изолирован от шефы, он будет работать исключительно на математике и будет способен поддерживать себя самостоятельно. Небольшое количество шефы можно будет сознательно впускать, чтобы вдыхать огонь в уравнения[244]. Остальное останется в высших сферах — нетронутым.

— А мы? Нас тоже обратят в математику?

— Ангелы слишком тесно связаны с шефой, чтобы пережить такой переход.

— Значит —

— Значит, Тамиил и его бесы по существу исчерпают свой заряд и иссохнут. От них останется лишь рудимент в виде метафоры, но непосредственно воздействовать на мир они больше не смогут. Война будет окончена.

— А мы?

— Гм.

Гавриил схватил другого архангела.

— А мы, Уриил?

Уриил оттолкнул его.

— С самого сотворения вселенной вы не проявляли ко мне никакой доброты. Когда мы пели хвалебные песни, вы высмеивали мой голос. Когда началась война, вы игнорировали меня, говоря, что я слишком слаб и глуп, чтобы быть чем-то полезным. Я пытался вам объяснить. Пытался объяснить, что уравнения и соответствия со-

держат больше Бога, чем все ваши песни, мечи и щиты вместе взятые. Но вы не слушали. Вы называли меня глупцом. Теперь вы приходите сюда и требуете, чтобы я отдал вам своё жилище. Да. Вы тоже станете метафорой. Так тому и быть. Какие слова вы употребляли? «Я не буду чувствовать никакой вины».

Гавриил материализовал пылающий меч.

— Я надеялся, что мне не придётся этого делать, — сказал он.

Он посмотрел на Уриила. Странный Уриил с его пустыми золотыми очами, которые, казалось, всегда смотрят в какое-то иное пространство. Всех остальных он умел понять. Камаил бывал слишком суров; Задкиил — слишком мягок; Михаил — слишком порывист, — но в основе своей все они были ему понятны, одного с ним склада. Уриил был иным. С самого начала он знал, что Уриил никогда не сможет участвовать в их делах — никогда не станет предводителем, никогда даже ведомым.

Знал ли он всегда, что дело придёт к этому? Нет — в дни до Тамиила, в добрые дни, никому из них не приходило бы в голову причинить другому ангелу вред. Теперь всё изменилось. Всё стало ужасным. В каком-то смысле это было хуже всего. Кроме благости Господней, единственным постоянством было то, что Уриил всегда был не нужен — вечно где-то в углу, уставившись в пространство, работая над какой-то странной задачей. Теперь сама эта его ненужность обратилась в нечто чудовищное, в злобное подобие самой себя.

Но одна отрадная истина не изменилась: Уриил был слаб. Очень, очень слаб. Даже Рафаил был искуснее его в бою. Пора было покончить с этим.

— Гавриил, — сказал Уриил. — Я направляю шефу. Ты понимаешь, что это означает? Это означает, что я управляю ею. Всей. Уходи, Гавриил. Не вынуждай меня причинять тебе вред.

Уриил — причинять кому-то вред? Гавриил бросился вперёд, и…

Уриил *вспыхнул*. Десять потоков света влились в него — свет в семи земных цветах и в трёх цветах, которые

можно увидеть лишь на Небесах. Свет устремился из его пальцев, и пылающий меч Гавриила обратился в пар прямо у него в руках. Он снова взглянул на Уриила, и в его облике что-то изменилось — нечто устрашающее, нечто превосходящее даже мощь архангела.

— УХОДИ, ГАВРИИЛ.

Гавриил сложил руки, произнёс краткую молитву. Его пылающий меч возгорелся снова. Глаза его засияли серебряным огнём. Шторм расступился вокруг него, прекрасные самоцветные доспехи выросли на нём, как распускающийся цветок на ветке.

— УХОДИ. Я НЕ ХОЧУ ПРИЧИНЯТЬ ТЕБЕ ВРЕДА. НО Я МОГУ.

— Нет, — сказал Гавриил. — Я принимаю последний бой. Против Тамиила или против тебя — не знаю. Мне всё равно. Но моё существование уже переступило срок, назначенный судьбой, и все мои друзья мертвы, и я буду сражаться.

— ИДИ СРАЖАТЬСЯ С ТАМИИЛОМ.

— Нет. Тамиил мне не нравится. Но ты, думаю, мне нравишься ещё меньше.

Его пылающий меч всё так же был направлен прямо к горлу Уриила.

— УХОДИ, — повторил Уриил. — ИЛИ Я ПРЕВРАЩУ ТЕБЯ В ЧИСЛА.

Меч не двигался.

— Я МОГУ ЭТО СДЕЛАТЬ, ЗНАЕШЬ ЛИ, — сказал Уриил. — Я ПРЕВРАЩУ ТЕБЯ В ЧИСЛА. ХОЧЕШЬ БЫТЬ ШЕСТЁРКОЙ, ГАВРИИЛ? Я МОГУ СДЕЛАТЬ ТЕБЯ ШЕСТЁРКОЙ. ИЛИ ОДИННАДЦАТЬЮ. ИЛИ ПЯТНАДЦАТЬЮ. ТЫ ПРОВЕДЁШЬ ВЕЧНОСТЬ МЕЖДУ ЧЕТЫРНАДЦАТЬЮ И ШЕСТНАДЦАТЬЮ. ЭТО — УГРОЗА. УХОДИ.

С последним криком ярости Гавриил повернулся и улетел. Но, улетая, крикнул ему вслед:

— Ты тоже умрёшь! Ты тоже создан из шефы! Ты тоже умрёшь!

Когда Гавриил скрылся из виду, Уриил снова сел и начал дрожать. Он дрожал и дрожал, обнимая сам себя и глядя на светящиеся диаграммы, чтобы успокоиться.

Они были такими красивыми. Ещё не совершенными, далеко не совершенными, — но изящными. Весь рёв и буря Божественного огня стихали, направляемые в кристально чистую, безжизненную математику. Хаос устранён. Сорняки выполоты. Тамиил кастрирован. Мир в безопасности и порядке. Скоро мир станет весь таким хорошим и упорядоченным, и он будет математикой, и он будет в безопасности.

— ЗНАЮ, — сказал себе Уриил, когда Гавриил исчез. Потом он вернулся к своим вычислениям, тихонько напевая себе под нос.

Глава 21

Ты тоже обитаешь в вечности

Трудись упорно, отдыхай с душой,
устремляйся к трансцендентному
и единому конечному состоянию эволюции
человечества, именуемому Точкой Омега,
как предсказывал Тейяр[245].
— @GapOfGods[246]

Полдень, 12 мая 2017 года
Сан-Франциско

I.

Сходство между Сан-Франциско и библейским Иерусалимом поразительно.

Высшей точкой Иерусалима была Храмовая гора с храмом царя Соломона; высшая точка Сан-Франциско — подозрительно именуемая гора Дэвидсон[247]. К северу от Храма находились Золотые ворота, ведущие в город Тивериаду; к северу от горы Дэвидсон — мост Золотые Ворота, ведущий в город Тибурон. К юго-западу от центра Иерусалима располагался лагерь римских легионов (лат. *castrum*); к юго-западу от центра Сан-Франциско — район Кастро[248]. К югу от Иерусалима лежала Геенна, долина серы; к югу от Сан-Франциско лежит Кремниевая долина. К востоку от Иерусалима находилась огромная мусорная свалка, куда израильтяне сбрасывали отходы; к востоку от Сан-Франциско находится Окленд. Как я и сказал — поразительно[249].

Восточные врата Иерусалима именуются Баб аль-Бурак; восточные ворота Сан-Франциско именуются мостом Бэй-Бридж. Баб аль-Бурак замурован со времён

Крестовых походов; Бэй-Бридж перекрыт кордонами с 1970-х[250].

Ана Тёрмонд произнесла Имя, стала невидимой и проскользнула мимо кордонов — часовые на вышках так ни о чём и не догадались.

Сразу за Баб аль-Бураком находилась Храмовая сокровищница; сразу за кордонами на Бэй-Бридж — остров Трежер-Айленд. Храмовая сокровищница стала базой рыцарей-тамплиеров; Трежер-Айленд — базой ВМС США[251]. Оба воинских формирования оставили свои базы несколькими десятилетиями позже; у обоих нашлись сторонники, пророчившие, что те когда-нибудь вернут себе прежнюю славу. Храмовая сокровищница — с приходом Мошиаха и строительством Третьего Храма; Трежер-Айленд — после того как городская администрация Сан-Франциско завершит оценку воздействия на окружающую среду и утвердит план застройки. Одному только Богу в Его мудрости ведомо, что случится прежде.

Ана миновала Трежер-Айленд и вошла в тоннель сквозь остров Ерба-Буэна. Под Иерусалимом тоже есть тоннели — прорытые на случай осады. На некоторых из них сохранились одни из древнейших известных надписей на палеоиврите[252]. В тоннеле Ерба-Буэна висела табличка. На ней было написано:

> ***СОГЛАСНО ЗАКОНУ О БЕЗОПАСНОСТИ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ 1972 ГОДА, РАЗДЕЛ 22, ЧАСТЬ 10:*** *Данная территория объявлена режимной зоной Пересечение данной границы является незаконным Против нарушителей данного предписания будет применена смертоносная сила*

Ана покинула тоннель и вышла на вторую половину моста. Солнце нещадно палило. Пролёт моста, казалось, дрожал и колыхался. С каждым шагом город впереди становился всё больше.

Иоанн Патмосский так описал Новый Иерусалим: «Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному»

(Откр. 21:11). Здания Сан-Франциско были… разнообразны. Ана видела их и раньше, но только издали. В Беркли есть парк, где можно сесть на самом берегу залива и смотреть через воду прямо на Сан-Франциско. В 1970-е и 1980-е тем, кто так смотрел, открывались странные зрелища. Вырастали новые небоскрёбы. Сносились старые. На вершине пирамиды Трансамерика распахнулся огромный безвекий глаз. Возводились диковинные конструкции, казалось, бросавшие вызов силе тяжести: геодезические купола, спиральные минареты всех цветов радуги. Переливающиеся сферы размером с городской квартал парили в воздухе. Северный конец Золотых Ворот тонул в светящемся тумане.

И вот она шагнула с Бэй-Бриджа и увидела город лицом к лицу впервые в жизни. Он оказался ещё более странным, чем она ожидала. Тротуары были покрыты каббалистическими схемами, начертанными золотым мелом. Стены зданий украшали фрески, изображавшие чужие миры, и в каждом зелёном уголке буйно распускались цветы — не по сезону или вовсе не известные науке. Маленькие дети играли на улицах без машин, где асфальт был бел, как жемчуг.

(Так пророчествовал Захария: «Так говорит Господь Саваоф: опять старцы и старицы будут сидеть на улицах в Иерусалиме, каждый с посохом в руке, от множества дней. И улицы города сего наполнятся отроками и отроковицами, играющими на улицах его». — Зах. 8:4–5.)

— Горнее ликование, — сообщил Ане маленький мальчик, когда она прошла мимо, не обращая внимания на её невидимость. — Всеобщая любовь, — подхватила девочка, с которой он играл. — Свят, свят, свят! — тявкнула их маленькая собачка.

Пожилой мужчина подметал улицу. Лицо его сияло, как у молодого человека, глядящего в глаза возлюбленной.

— Горнее ликование, — сказал он ей, и Ана неловко ответила: «Спасибо» — и тем нарушила невидимость. Впрочем, похоже, от неё здесь и так не было никакого

толку. Что бы ни сделало их такими, оно, должно быть, также —

Постой, — подумала Ана, — эта собака только что пролаяла мне слово «свят»?

II.

Франциск Ассизский был необычайно свят — даже по меркам святых. Его отец был богатым купцом, и сам он вырос в мире роскоши, спорта и пиров. Однажды он торговал тканью по отцовскому делу, когда к нему подошёл нищий и попросил подаяния. Франциск бросил ему монету, и нищий ушёл. Затем Франциск сел и несколько минут думал. Потом побежал за нищим, догнал его и отдал ему всё, что имел.

Когда он рассказал отцу о случившемся, тот пришёл в ярость. Зачем он вот так растранжирил деньги? Да, зачем? Франциск не мог ответить. Ему просто казалось… ну, разве Библия не говорит, что нужно творить добро? «Не *настолько* же, Франциск!»

Отец отправил Франциска на войну. По дороге к месту сражения Франциск увидел рыцаря в худших доспехах, чем у него, и отдал тому свои. Из него вышел такой же никудышный солдат, как и купец. «Послушай, — сказал ему отец, когда они сидели вместе за торговым прилавком на рынке, — добро, конечно, дело хорошее — если в меру. Но тут всё держится на взаимности. Нужно уметь находить золотую середину».

(Но душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом / Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце твоём: / Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом.)

(— Я не говорю: иди на сделку с грехом. Я говорю лишь: тебя не убьёт, если ты время от времени будешь чуть менее безупречным святым.)

(— А что, по-твоему, такое «сделка с грехом»?)

Добро нравится всем — в отвлечённом смысле. Все согласны: чем больше в поступке добра, тем он лучше.

Но как-то само собой всё это выскальзывает. Мы прибегаем к словам вроде «сверхдолжный»[253], к присказкам вроде «никто не совершенен». Мы устанавливаем предел своему долгу, достигаем его — если везёт, — а дальше находим стандартные отговорки: «ну да, но если я отдам всё нищим, сам стану нищим» или просто «я никогда не говорил, что я святой».

Святой Франциск отдал нищему одежду, а взамен взял его лохмотья. Он поклялся вечной бедностью и просил хлеба на улицах Рима. Он стал ошиваться по лачугам и служить прокажённым — на том основании, что это казалось весьма богоугодным делом. Он восстанавливал разрушенные церкви собственными руками, камень за камнем. Прочитав тот самый библейский стих, который, должно быть, читал и Питер Сингер, — «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим» (Мф. 19:21) — он продал всё, что имел, и раздал нищим, слегка недоумевая, почему другие христиане так не делают, когда это написано прямо в Библии. Когда кто-то украл у него плащ, он буквально бросился вдогонку, чтобы предложить ещё и рясу.

За ним последовали тысячи людей. Он постился неделями. Он начал сниться Папе.

Он решил остановить Крестовые походы, обратив египетского султана в христианство. Безоружный и без припасов, он пешком отправился из Италии на Ближний Восток, творя по пути разные чудеса. В Египте его схватили сарацины и едва не забили до смерти. Но они всё же устроили ему аудиенцию у султана — может, просто ради потехи; Франциск отряхнулся, поднялся на ноги и принялся рассуждать о том, как все должны жить в мире и согласии. Султан был настолько впечатлён, что тут же на месте принял христианство — согласно позднейшим историкам, которые все были христианами, источников так и не привели и меняли тему, когда их спрашивали, почему Крестовые походы продолжались[254].

После этого Франциск просто ходил и проповедовал всему, что попадалось на глаза. Когда карканье стаи

птиц прервало одну из его проповедей, Франциск обратился к птицам с речью: Бог дал им прекрасные перья и дар полёта, так зачем же им беспрерывно верещать попусту — не лучше ли помочь ему в молитве? Птицы немедленно умолкли и принялись молиться вместе с Франциском. Когда волк стал пожирать людей в соседнем городке, Франциск напомнил волку, что люди созданы по образу и подобию Божьему, — и волк устыдился настолько, что прокрался в город с видом кающегося грешника и попросил у горожан прощения. Франциск изобрёл рождественский вертеп. Он видел ангелов в видениях. У него необъяснимым образом появились раны, весьма напоминавшие стигматы Христа[255].

— Проповедуйте о Боге всегда, — говорил он, по преданию. — При необходимости — словами[256].

Я — каббалист. Имена обладают силой. Испанцы, заселившие Калифорнию, назвали одну из миссий в его честь — миссию Сан-Франциско-де-Асис. Дашь месту такое имя — и начнётся. Может, оно превратится в средоточие контркультурной любви и терпимости. Может, у него обнаружатся поразительные географические сходства с Иерусалимом. А может, Десница Господня снизойдёт на гору Дэвидсон и вселится в тело обдолбанного хиппи, положив начало городской версии эпохи Мессии, что повергнет соседей в глубокую озабоченность.

Всё это произошло внезапно, за какие-то пару дней в 1970 году. В начале июня они ещё спорили о планах нескольких крупных банков построить новые небоскрёбы; в конце июня они только и делали, что пели гимны во славу Господа. Что хуже — это оказалось заразным. Каждый, кто оставался в городе достаточно долго, по всей видимости, становился таким же — а достаточно долго означало от нескольких дней до нескольких месяцев. Они не выздоравливали и не уходили. Весь город был оцеплен как угроза общественной безопасности, что, судя по всему, нисколько их не беспокоило.

— Истинный слуга Господа неустанно обличает нечестивых, — говорил святой Франциск, — но делает это прежде всего своим поведением, правдой, что сияет в его

словах, светом его примера, всем лучезарием его жизни[257]. Что бы ни случилось в Сан-Франциско, город был рад оставаться замкнутым в себе, указывая путь лишь примером. А остальной мир был рад выставить вокруг него военный кордон и как можно дольше стараться не замечать этого примера.

III.

Существовали старые карты — из тех времён, когда город ещё был частью внешнего мира. Ана помнила некоторые названия: Маркет-стрит, Ломбард-стрит, Эмбаркадеро — но ни одного из них не увидела; уличные указатели, похоже, снесли и заменили менгирами, испещрёнными енохианским письмом — языком ангелов. Поэтому она шла вдоль набережной в поисках какого-нибудь официального здания, где можно было бы разузнать, что к чему, зарегистрироваться, выяснить, кто тут главный. Прежде, когда люди ещё посещали город, они за считанные дни успевали перенять местные нравы; Ана не собиралась задерживаться так долго. Она возьмёт нужные ей каббалистические книги для восстановления Животворящего Имени — и уйдёт.

Лампочки уличных фонарей заменили безвекими очами, и каждое из них было невыразимо мудрым и прекрасным. Почтовые ящики были сделаны из яшмы, паркоматы — из сердолика. С крыш чайки кричали ей: «Свят, свят, свят!»

Мужчина у лотка с едой предложил ей чурро. Ана принялась неловко рыться в кармане в поисках денег, бормоча, что у неё только американские доллары, а не то, что здесь принято в качестве валюты. «Эту еду даровал нам Господь, — сказал торговец, — а ты — дитя Господне. Разве Господь позволит голодать Своим детям, если вся пища принадлежит Ему?» Он не взял ни цента. Она уселась на причале с чурро и пила воду из питьевого фонтанчика, сделанного из оникса и перламутра мор-

ского ушка. Морские котики плескались в море перед ней, нисколько не обращая на неё внимания.

Теперь наступил самый жаркий час дня. Воздух дрожал заметнее, чем она привыкла. Улицы меняли цвет в семисекундном цикле: красный — жёлтый — зелёный — синий — фиолетовый — красный. Звёзды были отчётливо видны, хотя стоял день. Морские котики лаяли ей: «Свят, свят, свят!» — а чайки вторили им: «Всеобщая любовь!»

— Всеобщая любовь, — сказала Ане женщина, выгуливавшая золотистого ретривера. — Горнее ликование, — тявкнула собака. — Всё всегда было совершенным, — сказала женщина собаке, и та умолкла.

На холме, в нескольких минутах ходьбы от набережной, возвышалась башня. Устоять перед соблазном было невозможно. Ана покинула берег и пошла вглубь города, постепенно взбираясь в гору. Она не была уверена, имеют ли улицы спиральную форму, и если да — как ей всё равно удаётся двигаться вперёд. Облака приходили десятками: десяток одного вида, потом другого. Ана подумала, что это, возможно, важно. Во дворе чуть впереди и справа двое мужчин разговаривали со стаей алых ара, и те внимательно их слушали.

— Всеобщая любовь! — проверещал один из попугаев, и мужчины с мудрым видом закивали. — Горнее ликование, — сказал один из них, и остальные засмеялись — понимающе.

Она добралась до башни. Разумеется, внутри оказалась винтовая лестница. Стены были покрыты яркими фресками. Символика была неясна. Мужчина, комкающий газету. Библиотека. Бескрайние плодовые деревья, огромные механизмы, картины опустошения. Пустоглазые люди, сгрудившиеся, как крабы в ведре или осуждённые в Аду. Женщина, плывущая в облаке в тысяче футов над узнаваемым Сан-Франциско. Дверной проём, по сторонам которого стоят солнце и луна, и два великих Ока, взирающих из грозовых туч над ним.

Ана прошла сквозь дверной проём и оказалась на вершине башни.

Небо теперь было совершенно очевидно стеклянным, и сквозь него она видела шестерни и трубопроводы — то, что Гинзберг называл механизмом ночи. Она видела связь между этим механизмом и пульсом Сан-Франциско. Теперь она знала скрытый узор города — видела, как весь он выстроен вокруг горы Дэвидсон. Она знала, что могла бы оказаться там в мгновение ока, если бы захотела, — но нужды не было, не здесь.

Она произнесла Зефировое Имя[258] и призвала ветры — ради одного лишь ликования.

Они пришли к ней: сирокко и шквал, муссон и деречо. Мистраль, леванте, трамонтана[259]. Хабуб, марин, самум[260]. Все они предстали перед ней, но не приблизились.

Прежде она никогда не произносила каббалистическое Имя вот так. Раньше это были просто буквы — имя далёкого и трансцендентного Бога. Теперь Бог был с ней и рядом с ней. Иоанн Патмосский говорил, что в Новом Иерусалиме не будет Храма, ибо Бог будет пребывать там повсеместно[261].

Последним пришёл её собственный ветер — Санта-Ана[262].

Она неистово танцевала на ветру, пела, смеялась. «Свят, свят, свят!» — пела она, и ветер разнёс это слово на четыре стороны света. На краткий миг она вышла за пределы времени. «Горнее ликование!» — крикнула она всем бедным людям, застрявшим в подлунном мире, — но они не слышали.

Кто-то схватил её тело — ту часть её, что была прикована к башне, ту часть, что ничего не значила. — Стой! — сказал мужской голос. — Ты должна вернуться!

Ана парила. Она облетела пирамиду Трансамерика, и огромный безвекий глаз невозмутимо следил за её полётом.

— Слушай! — говорил мужчина. — Один плюс один равно два. Если не есть — умрёшь. Р влечёт не-не-Р. Цены определяются законом спроса и предложения, и это единственный справедливый способ распределения дефицита[263].

Ана начала снижаться.

— Организмы эволюционируют согласно законам естественного отбора. Репродуктивно приспособленные особи передают свои гены следующему поколению. Э-э. Возмездие за грех — смерть. Все умирают. В замкнутой системе энтропия всегда возрастает[264].

Ана усердно замахала руками, пытаясь набрать высоту, — но её полёт никогда и не держался на крыльях, и она продолжала снижаться.

— Материя не создаётся и не уничтожается[265]. Э-э, математический анализ. Налогообложение товара снижает стимулы к его производству. Предел скорости света. Никакая математическая система не может доказать собственную непротиворечивость — иначе она была бы противоречива[266].

Ана мягко приземлилась где-то. Это была не башня. Это была пристань. Вокруг неё стояли люди, обливали её водой, держали за руки, что-то говорили ей.

— Дилемма заключённого! Квадратура круга невозможна! Нет ничего, кроме атомов и пустоты, всё остальное — мнение! Плохие деньги вытесняют…[267] нет, смотрите! Она очнулась!

Ана улыбнулась — как улыбается человек, пробуждающийся от блаженного сна. Окружившие её мужчины принялись вопить и хлопать друг друга по спинам. Она едва замечала их.

Перед ней стоял прекраснейший корабль из всех, что ей доводилось видеть.

Интерлюдия ט: Война и мир

В Исх. 15:3 сказано: «Господь муж брани, Иегова имя Ему». Но этот стих неоднозначен: «муж брани» может означать либо разновидность португальской медузы, либо разновидность британского военного корабля[268]. Кто же такой Господь?

Я полагаю, имеется в виду последнее. Медуза — примитивное и невежественное животное, недостойное сравнения с величием Бога. Но военный корабль могуч и внушает трепет, а божественные сравнения здесь вполне уместны; более того, Бог, быть может, — единственное, что вообще достойно с ним сравниться. Ибо написано: «Один лишь Господь достоин военного поклонения».[269]

— Из статьи «Призыв к оружию», Аарон Смит-Теллер
Подана в январский номер 2017 года «Калифорнийского Хориста»
Беспощадно отклонена редактором Валери Лоури[270]

I.

Мне трудно представить, каково это было — жить в шестьдесят девятом, видеть, как из земли хлынули демоны, а с небес спустились ангелы.

Но ладно, пора раскрыть кое-что личное. В детстве, лет в шесть-семь, я думал, что нацисты — это разновидность вымышленных чудовищ.

В кино герои сражались с зомби. В кино герои сражались с вампирами. И в кино же герои сражались

с нацистами. Зомби говорили дурацким медленным тягучим голосом и всё время орали: «МОЗГИ-И-И!». Вампиры говорили с дурацким восточноевропейским акцентом и то и дело вопили: «Я ХОЧУ ПИТЬ ТВОЮ КРОВЬ!». Нацисты говорили с дурацким немецким акцентом и то и дело вопили: «ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!». Зомби одевались в лохмотья, разваливающиеся на ходу. Вампиры — в стильные чёрные плащи. Нацисты — в коричневые мундиры с щегольскими красными нарукавными повязками. В любом случае суть была в том, что все они — какой-то странный подвид людей: живут не по обычным правилам, неизвестно зачем хотят всех перебить, и стрелять в них можно без угрызений совести.

А потом, когда мне было восемь, я взял в руки книгу по истории, а там всё это было, и мне стало дурно — меня рвало весь остаток вечера. А ночью мне было слишком страшно спать. Не из-за нацистов — в книге объяснялось, что их давным-давно разгромили, да и до Америки они всё равно не добрались, — а из-за вампиров, которые вот-вот явятся пить мою кровь. В конце концов, если я мог так ошибиться в одном, кто сказал, что я не ошибаюсь во всём остальном?

Наверное, именно так это и ощущалось — жить в шестьдесят девятом и узнать, что выдумка, которой, как тебе казалось, только пугают детей, ужасающе, ужасающе реальна. И тогда начинаешь задаваться вопросом: а что *ещё* может оказаться реальным? И тогда начинаешь паниковать.

Сильнее всего пострадали атеисты. Всю жизнь они самодовольно объясняли всем вокруг, что Бог и Дьявол — это сказки, и не пора ли уже отложить сказки в сторону и начать вести себя как взрослые люди, — а тут вдруг любой, у кого есть приличный бинокль, может увидеть в небе ангелов. Нелегко. Нелегко марксистам, которые разделяли это убеждение сильнее других. Нелегко научному сообществу, которое никогда прямо не заявляло: «НАУКА ДОКАЗЫВАЕТ: БОГА НЕТ, МЫ УМНЕЕ ВАС», — но это примерно так читалось между строк. Нелегко всем

хиппи Нью-эйджа, бунтовавшим против замшелой библейской морали своих родителей.

Стивен Джей Гулд, биолог из Гарвардского университета, попытался стабилизировать нарастающую философскую катастрофу своей теорией «непересекающихся магистерий»[271]. Он утверждал: хотя религия и может иметь доступ к определённым *фактическим* истинам — например, о том, что ангелы существуют или что души осуждённых вечно корчатся в огненном краю в тысячах миль под землёй, — она бессильна обсуждать человеческие ценности и извечные вопросы вроде «Что есть Благо?» или «В чём смысл моего существования?». Атеистическую науку следует воспринимать не как буквальную попытку утверждать вещи вроде «пространство бесконечно и полно звёзд» или «человечество произошло от обезьян» — которые ныне заведомо ложны, — а как попытку запечатлеть в форме историй ответы наших предков на великие вопросы. Когда учёный говорит «пространство бесконечно и полно звёзд», он вовсе не утверждает буквально, что хрустальной сферы вокруг Земли не существует. Он метафорически указывает на бесконечность человеческого духа, на даруемые им безграничные возможности и на сияние и просветление, которые нам ещё предстоит открыть. Или когда учёный говорит «человечество произошло от обезьян», он не буквально сомневается в словах архангела Уриила о том, что человечество было создано *ex nihilo* тринадцатого октября 3761 года до н. э.[272], а эволюцию добавили лишь позднейшим ретконом, — он говорит о том, что у человечества есть животная природа, которую оно едва преодолело и к которой всегда рискует вернуться. Когда верующие насмехаются над атеистами за якобы неверную космологию, они упускают истинное величие и красоту атеизма — величие, которое передавалось неумалённым от Демокрита до наших дней и связывает нас с великими мыслителями прошлого.

Никто не был особенно впечатлён этими логическими выкрутасами, но почему-то немало людей продолжали их повторять.

II.

Советский Союз тоже остался невпечатлён. Он справлялся с проблемами более-менее стоически — ровно до июня 1969 года, когда легионы Ада начали выползать из Байкала. Русские тщательно охраняли границы с НАТО, с Китаем и особенно Берингов пролив, где почти вплотную подходили к Америке. Они забыли о самой старой границе. Байкал — самое глубокое озеро в мире, но под ним — разлом глубже самого озера. Дюжина поколений шаманов предупреждала сначала царя, а потом коммунистов: скала на острове посреди озера — вовсе не скала, а пробка, затыкающая дыру, которая непременно должна оставаться заткнутой[273]. Никто не слушал. Не встретив на пути никаких войск, демоны примерно за год захватили почти всю Сибирь восточнее Енисея. По слухам, Якутск стал их столицей — там творились страшные расправы.

Но демоны тоже кое-что забыли: это Россия. То, что нормальная страна назвала бы внезапным вторжением несравнимо более сильного противника, оставляющего за собой неописуемые зверства, русские просто называли вторником. Даже природа врага не слишком их смутила: на дворе был пятидесятый год советской власти[274], и они так долго слышали, что их враги — демоны, что, когда всё оказалось правдой, это их почти разочаровало.

Советы мобилизовали свою военную машину, крупнейшую в мире, и двинулись к Енисею, который принялись исправно оборонять.

Но русских было не бесконечно много, как и крови, которую они могли пролить, и фронт очень медленно снова пополз на запад.

III.

Атеистический материалистический коммунизм — слабая опора, когда сражаешься с буквальными демонами, а «непересекающиеся магистерии» Гулда — и вовсе не воинская вера. Советы созвали конференцию марксистских теоретиков и православного духовенства, чтобы попытаться сколотить официальную метафизику, но обе стороны с трудом находили общий язык. Тем временем люди всё больше заговаривали о сефиротах и клипот, об Именах Бога. Это было не просто сверхъестественное вторжение — это было именно *еврейское* сверхъестественное вторжение. Брежнев сказал Политбюро, что встречи марксистов с православными священниками недостаточно. Нужны евреи.

К несчастью, последние лет сорок власти клеймили религию реакционной, а евреи особенно пострадали при переходе к Сияющей Научной Современности — благодаря сталинскому антисемитизму. Образованные раввины в СССР, наверное, ещё водились, но ни один из них не подошёл бы к Леониду Брежневу и не *признался*, что он образованный раввин. Конференция зашла в тупик. Москва сделала необычный шаг — обратилась за помощью к международному еврейству. Европейцы, израильтяне, даже *американцы* были бы желанными гостями — лишь бы умели цитировать Тору и могли объяснить Брежневу, как обновить марксизм для постнаучной эпохи.

Международное еврейство незамедлительно сообщило ему, что многие из них только что рисковали жизнью, чтобы выбраться *из* России, и к тому же *ненавидят* Россию, и им всё равно, *насколько* отчаянно Россия нуждается в их помощи, — он совсем *спятил*, если думает, что они туда вернутся.

Певец — это тот, кто пытается быть добрым.

Исаак Башевис Зингер всегда старался быть добрым.[275] Бежав из оккупированной Россией Польши в Соединённые Штаты, в пятидесятые и шестидесятые годы он входил в число ведущих интеллектуалов страны

и использовал свою известность, чтобы поддерживать и защищать евреев по всему миру. Причём защищал он не только свой народ, но и угнетённых по всему свету — не говоря уже о животных, ради которых рано стал страстным сторонником вегетарианского движения. Хотя много лет он был убеждённым антикоммунистом, отрицать, насколько отчаянно Советы нуждались в помощи, он не мог. Каббалистом он не был — но его отец был хасидским раввином, и у него имелось несколько тысяч страниц заметок к книге о Баал-Шем-Тове; и, как позже скажет Король Комет: «Кто-то должен — а больше некому». Зингер сел на ближайший рейс до Москвы.[276]

Советы не впечатлились. Не раввин, едва ли даже верующий — как он собирается примирить Маркса с каббалой?

— Примирить? — спросил Зингер. — Маркс и есть каббала. Разве не *очевидно*?

Норвиг и Разиил определяют каббалу как скрытое единство, явленное через операции с символами. Но единство — это общность, а символы — это знаки на бумаге. Значит, «единство, явленное через символы», — это «Коммунистический манифест» Маркса[277]. Мнимый атеизм коммунистов — притворство: разве не относились они к Марксу с преданностью, почти равной поклонению? Но имя «Карл Маркс» происходит от германского «Carl» — «человек» — и «Marx», восходящего через латинское «Marcus» к ещё более древнему «Martius» — «Марсов», «военный». Следовательно, «Карл Маркс» означает «муж брани»[278]. Но Исх. 15:3 гласит: «Господь муж брани, Иегова имя Ему». Иегова — имя Ему, воистину. Каждой данью, которую советские люди воздавали Марксу, они, сами того не ведая, прославляли Бога.

(И кстати, по каббалистическому шифру Авгад «Ленин» превращается в «Моисей»[279]. Это не совпадение, потому что ничто никогда не было совпадением.)

Но помимо этимологии, вся система Маркса была лишь материалистическим лаком поверх лурианской каббалы. Бог создал Человека по образу Своему; следова-

тельно, Человек прошёл тот же лурианский процесс, что и Бог, только в обратном направлении. Подобно тому как нисхождение Бога шло через череду сефирот, так и восхождение Человека шло через череду классовых структур, выстроенных в диалектической последовательности. Но эти классовые структуры не могли удержать человеческую волю и разрывались в насильственных революциях, уничтожавших систему и открывавших следующую классовую структуру в ряду. Наш мир — хаотическое смешение искр священной человечности и обломков накопленных привилегий всех прежде разбитых классовых структур. Маркс называет вторую группу немецким словом «капитал» — совершенной ивритской анаграммой «клипот»[280]. Искры человечности должны самоорганизоваться, чтобы перенаправить человеческую волю и капитал в правильную конфигурацию; её воплощение и станет тиккун олам, возвестив приход Мошиаха и земного рая. Но подобно тому как духовные клипот способны самоорганизоваться в демонов, так и земной капитал способен самоорганизоваться в реакционные силы, стремящиеся предотвратить революцию и удержать мир в разбитом и смятённом состоянии. Советский Союз одновременно осаждали и капиталисты, и демоны — но лишь потому, что великое делание было почти завершено, лишь потому, что это был последний шанс их врагов предотвратить окончательную победу света над тьмой навеки.

Вот *это* была воинская вера.

С ленинскими брошюрами в одной руке и свитком Торы в другой новые адепты марксистско-лурианизма двинулись по просторам России, призывая людей защищать Родину и возвещая: час Мошиаха близок.

IV.

К 1960 году китайско-советский раскол из-за различий в трактовке коммунизма стал открытым, и с тех пор отношения между странами оставались скверными. Когда демоны захватили Якутск, Мао настороженно наблюдал: не предпримут ли они вылазку к китайской границе. Когда этого не произошло, он выпустил грозное заявление о том, что убивать всех в России — плохо, а затем снова переключился на внутренние дела.

Шла эпоха культурной революции, и люди умирали от голода направо и налево[281] — точнее, налево, поскольку правые, как правило, умирали куда более зрелищными и жестокими способами. Бунтовщиков расстреливали беспощадно, несогласных отправляли в лагеря. Мао старел, но цеплялся за жизнь упорно — словно не желал уходить, не прихватив с собой изрядную часть китайского населения.

Именно в такой обстановке замотанного работой археолога Чжао Канмина вызвали исследовать несколько глиняных черепков в Шэньси. Немного покопавшись, он пробрался в подземную камеру с удивительным сокровищем. Восемь тысяч терракотовых солдат, всадников и колесниц, все как живые, застывшие в воинственных позах. Открытие наполнило его не радостью, а страхом: сообщи он о находке властям, рьяные модернизаторы могли бы уничтожить статуи как пережиток феодального прошлого.[282]

Пока он сидел, парализованный нерешительностью, ему вдруг почудилось, что статуи пытаются с ним *заговорить*. Повинуясь порыву, которого сам не понимал, он вывел ряд таинственных букв на лбу одного из воинов — и тот ожил, готовый служить.[283]

Шесть месяцев спустя Мао был мёртв, археолог стал императором Чжао из Дачжоу, терракотовые големы снова ушли под землю — ждать следующего часа, когда стране понадобятся их услуги, — и Китай опять пошёл в гору.

V.

Уинстон Черчилль однажды сказал: «Если бы Гитлер воевал с Адом, я бы по меньшей мере благосклонно отозвался о Дьяволе»[284]. Ричард Никсон был знаком с этой цитатой. У Ричарда Никсона не было чувства юмора.

— Я двадцать лет надрывал себе [нецензурное слово удалено], защищая эту страну от коммунизма, — сказал он кабинету, — и будь я [нецензурное слово удалено], если теперь остановлюсь из-за какой-то нравственной серой зоны. Просто мыслите масштабно, ради Христа. Шанс раз и навсегда покончить со всем этим [нецензурное слово удалено]. Богом клянусь, люди, это наш шанс!

Явный смысл слова «поцелуй»[285] — прикосновение губами к другому человеку в знак любви.

Каббалистический смысл — предать божественное.

Это мы выводим из истории Иуды Искариота, который за тридцать сребреников согласился указать Иисуса римским властям. Он поцеловал Иисуса в Гефсиманском саду — по этому знаку легионеры должны были броситься и арестовать его. Когда Иисуса впоследствии стали почитать как Сына Божьего, имя Иуды так прочно стало синонимом предательства, что Данте отвёл ему исключительное место в числе трёх величайших грешников всех времён.[286]

У большинства людей нет знакомого кандидата в Мессии, которого можно было бы предать, но существуют и другие способы предать божественное. *Йецер ха-тов*, склонность к добру в каждом из нас, имеет божественное происхождение. Когда мы её подавляем, мы предаём божественное.

Но певец — это тот, кто пытается быть добрым. И тот, кто раз за разом предаёт живущий в нём божественный порыв к добру, кто играет Иуду так часто, что его собственный *йецер ха-тов* чахнет и умирает, — такой человек, возможно, носил бы имя вроде —

Пока говорил президент, Киссинджер кивал.

— Надо действовать быстро, — сказал он. — Чем скорее мы пойдём на этот шаг, тем сильнее будут наши

позиции, и советским нельзя позволить ничего узнать. Американский народ будет трудно убедить, но чем смелее и стремительнее действовать, тем дерзче это будет выглядеть. Американцам нравится правительство, которое делает то, что должно.

В 1972 году президент, мистер Киссинджер и несколько других высокопоставленных чиновников совершили неожиданную поездку в Якутск, где установили полные дипломатические отношения с Адом. Никсон и Тамиил договорились уважать границу по Берингову проливу и сотрудничать против общего врага в экономической и военной сферах.

Как и предсказывал Киссинджер, творцы общественного мнения провозгласили договор мастерским ходом. Одного из самых опасных противников страны всего за одну неделю стремительной дипломатии превратили в делового партнёра. Киссинджера превозносили, но главная похвала досталась Никсону: непреклонная антикоммунистическая позиция дала ему нравственный авторитет, необходимый, чтобы решительно отстаивать свой шаг. Отсюда и поговорка, родившаяся после этой поездки: «Только Никсон может отправиться в Ад».[287]

(Впоследствии, после скандала с Внешними вратами[288], слово «только» из поговорки убрали.)

Но за пределами вашингтонской Кольцевой реакция была уже не такой благожелательной. Проповедники в церквушках маленьких городков обрушились на президента. Правозащитники выражали обеспокоенность. Ноам Хомский опубликовал уничтожающую статью в *The Nation*. Студенческие лидеры организовали протесты в университетах. Опросы на Юге и Среднем Западе, некогда твёрдых никсоновских краях, показывали нарастающую тревогу.

У зарубежных союзников Америки реакция была ещё острее. Архиепископ Кентерберийский возглавил свечное бдение против договора. Итальянские синдикалисты взрывали бомбы. Христианские демократы свалили французское правительство и сами были осуждены как пособники коммунистов. В Иране шиитские мусульмане

вышли на улицы с криками «Марг бар Шайтан-е бозорг!» — «Смерть Великому Сатане!»[289]. Полиция шаха атаковала протестующих, те дали отпор, и беспорядки утихли лишь тогда, когда верный шаху аятолла заявил: долг мусульман — бороться с Адом не телесно, а духовно, ибо сам Ад создан Богом по Его замыслу. Отсюда и цитата из рубайи Хайяма восьмивековой давности:

О ты, кто, плача о горящих, сам горит,
Тебя в свой срок их адский жар найдёт и опалит;
Не мни, что милосердью Бога обучить ты мог бы:
Кто ты, чтоб Бога поучать, а Он — принять урок?

Этим иранское сопротивление союзу было сломлено. А цитата разошлась по Америке, Европе и всем остальным странам мира — стала своего рода девизом, отговоркой, таким «ну кто мы такие, чтобы утверждать, будто союз с силами Ада никак не может оказаться частью божественного замысла?»

(Но душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом
Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце твоём:
Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом.)

(«Это не „компромисс с грехом“ в строгом смысле — это просто стратегический союз с Дьяволом».)

(…)

(«Ладно, хорошо, пусть так, это в каком-то смысле компромисс с грехом».)

Но пока демоны, воодушевлённые новыми союзами, очень медленно прокладывали путь к Москве, люди снова начали тревожиться. Если Россия всё же падёт — что тогда? Западная Европа, Индия и весь Ближний Восток сидят тут как на ладони, только бери. И американцы не могли не думать о том, что Берингов пролив кажется куда уже, чем им хотелось бы.

— Киссинджер, вы уверены, что это была хорошая идея?

— В политике никогда нет уверенности — только вероятность.

— Но вы считаете *вероятным*, что это была хорошая идея?

— Да.

— А как насчёт наших [нецензурное слово удалено] душ, Киссинджер?

— Не вижу, какое отношение они имеют к геополитике.

Так прошла первая четверть семидесятых годов.

Глава 22

Чей слух внимал Святому Слову

У объектных богов есть мета-боги
В вышине своих небес, чтоб разить их,
И у мета-богов есть мета-боги,
И так — до бесконечности.[290]
— Стивен Каас

30 января 2002 года
Пуэрто-Пеньяско, Мексика

С видом безумной решимости здоровяк прошагал к центру переполненного бара.

— Я это скажу, — объявил он. — Другой Король — *плохой человек*.

Дюжина разговоров смолкла разом. Бармен замер на полпути, не долив стакан. Несколько человек покосились на дверь. Только музыка марьячи из стереосистемы в углу продолжала играть как ни в чём не бывало.

— Не хотеть проблем, — сказал бармен на ломаном английском. Несколько посетителей тихо выскользнули за дверь, пока не стало хуже. Другие нервно засмеялись, решили, что безопаснее всего вернуться к выпивке, и мысленно стали репетировать фразу «я ничего не слышал». Но здоровяк не собирался пасовать. Он повернулся к столикам в глубине зала.

— Другой Король — *плохой человек*.

Джеймс вздохнул и положил руку здоровяку на плечо.

— Ты пьян, — сказал Джеймс. — И несёшь такое, о чём потом пожалеешь. Давай я провожу тебя в казарму.

— Не пьян, — ответил тот. — Другой Король — *плохой человек*, и ты меня не заткнёшь. Все эти люди на крестах. Неправильно это. Распятие. Жуткий способ умереть.

— Лучше уходить сейчас, por favor, — сказал бармен, но здоровяк был крупнее его. Да ещё, скорее всего, солдат; здесь все были солдатами — Джеймс был солдатом, его приятели за столиком были солдатами, Пуэрто-Пеньяско кишел солдатами. Солдатами Другого Короля, захватившими город. Солдатами-лоялистами, которые по большей части умирали мучительной смертью на крестах вдоль дороги на север.

— Никуда не ухожу, — сказал здоровяк. — Вы все знаете, что я говорю правду. Вы должны бы —

— Закрой рот и выпей с нами, — сказал Джеймс и потащил здоровяка к своему столику, а бармен беспомощно смотрел им вслед.

Это было чудовищной глупостью. Говорить плохое о Другом Короле, или просто якшаться с теми, кто такое говорит, — верный способ оказаться под судом за крамолу и угодить на крест. Но Джеймс не хотел, чтобы здоровяк умер. Тот всего лишь напился достаточно, чтобы вслух сказать то, о чём думали они все. Джеймс думал об этом с тех самых пор, как завербовался в Вегасе. Тогда казалось выгодным делом. Хорошее жалованье, хорошие льготы и почти никакого риска; кто способен убить Короля Комет в одиночном бою, тот, скорее всего, на стороне победителей. Так оно и вышло: Джеймс со своим батальоном без потерь занял Феникс, Юму и Пуэрто-Пеньяско один за другим. Без потерь — кроме невинности. Здоровяк был прав. Другой Король — *плохой человек*.

Линь бросил на Джеймса вопросительный взгляд, когда тот вернулся к столику вместе со здоровяком. Амоксиэль был слишком поглощён своей бутылкой, чтобы обращать на что-то внимание. Когда Джеймс промолчал, Линь протянул руку.

— Линь, — представился Линь. — Ритуальный маг, пятый взвод. Приятно познакомиться.

— Джеймс, — продолжил Джеймс. — Сержант, пятый взвод. Взаимно.

— Амоксиэль, — произнёс Амоксиэль отстранённо. — Ангел. Пятый взвод.

Он сделал ещё глоток святой воды.

Здоровяк просто подозвал официантку и заказал пиво.

— Как вас зовут? — спросил Джеймс. — В каком вы подразделении?

— Я? — сказал тот. — Я никто. Я ни с кем.

Очевидная ложь. Он здесь — значит, солдат. И живой — значит, с Другим Королём.

— Как вы с этим живёте? — спросил он. — Как вы спите по ночам? И продолжаете ему служить?

— При помощи обильных возлияний, — ответил Линь и отхлебнул текилы.

— Святая влага смоет груз забот.

— Да не то чтобы у нас был выбор, — сказал Джеймс. — Когда мы записывались, мы не знали. Когда разобрались, что к чему, наши имена уже стояли в контракте. Уйти — дезертирство, дезертирство карается смертью, а от Другого Короля, я думаю, не убежишь. Не навсегда. Нам это не больше нравится, чем вам, но выбора нет, понимаете?

— Выбор есть всегда, — сказал здоровяк.

— Нам выбор дан меж совестью и жизнью, — произнёс Амоксиэль. Джеймс вздохнул. Бутылка святой воды у Амоксиэля опустела, а глаза его светились трепещущим белым светом. Он был пьян, а поскольку был ангелом, это, считай, означало, что он заговорит белым стихом — с архаической торжественностью Библии короля Иакова.

— Мокси прав, — сказал Линь. — Откажемся выполнять приказ — распнут. Попробуем сбежать — что там хуже распятия, я не знаю и знать не хочу. И далеко ли мы уйдём через эту пустыню?

— Почему через пустыню? — спросил здоровяк. — Почему бы не угнать «*Всем Сердцем*»?

На заднем плане беззаботно играла музыка марьячи.

— Во-первых, если «*Всем Сердцем*» вообще ещё стоит в гавани…

— Стоит, — сказал здоровяк. — Я проверял. Сегодня днём.

— Господи Боже, — произнёс Линь. — Да вы серьёзно.

— Даже если и стоит, — продолжил Джеймс, — никто из нас не умеет управлять яхтой.

— Я умею, — сказал здоровяк.

— Кто вы такой?

— Я никто.

Пять лет назад Король Комет отправился на поиски Бога. Не так, как ищут Бога, проживая жизнь в смирении и молитве. А так, как ищут его, когда нужна очень быстрая лодка.

Это было время расцвета его могущества, эпоха, когда он держал в руках весь американский Запад и часть Мексики. Его честолюбие простиралось до покорения самого Ада — чтобы сломить власть Дьявола и освободить его жертв от вечных мук. Но победить Ад было не под силу обычному оружию. Для этого требовался Шем ха-Мефораш — Явное Имя, истинное Имя Бога, дарующее произносящему его власть разрушать и пересоздавать миры. То самое Имя, которое Бог произнёс при Сотворении, то Имя, что прозвучит в последнюю трубу, то Имя, что вдохновило поэта написать:

Ах, Любовь! Когда б мы вступили в сговор с Судьбой,
Чтоб объять целиком этот жалкий вещей строй,
Мы его не разбили б на части — затем
Не слепили бы вновь, в лад с сердечной мечтой?[291]

Но смертному уму оно было недоступно. Узнать его можно было лишь из уст самого Бога.

В «Сефер Хехалот»[292] сказано, что когда патриарх Енох умер, Бог «превратил его плоть в пламя, его жилы — в огонь, его ресницы — в молнии, его глазные яблоки — в пылающие факелы и поставил его на трон рядом с троном Славы». Затем Он наделил его Святейшим Именем, и с тех пор его стали называть Метатроном — «Мерой Господней», «Князем Божественного Присутствия» и «Малым Богом». Все эти титулы адски

богохульны применительно к кому угодно, кроме самого Бога, и мудрецы предполагали, что Метатрон был облечён особой властью, став наместником, регентом или даже своего рода эманацией Бога в материальном мире. Если тебе нужно услышать нечто из уст самого Бога, именно к Метатрону и надо было обращаться.

Ангелы рассказывали, что Метатрон был с ними в ранние дни мира: он обитал, скрытый в вихре, в центре их ангельских советов. Когда ангельская иерархия рухнула в ходе мятежа Сатаны, он опустился в море и больше его никто не видел.

С тех пор как в небе появились трещины, моряки стали передавать слухи о таинственном судне, целиком пурпурном, с золотыми парусами. Они видели его на горизонте, но стоило попытаться приблизиться, как оно исчезало с невозможной скоростью. Иногда на борту замечали свет — ослепительно-белый, как ангельский облик. Ангелы говорили: «Да, это Метатрон, поднявшийся из глубин, но вы его не поймаете, ибо он никого не посвящает в свои замыслы. И никто, увидев его, не остаётся в живых».

Король Комет искал Метатрона. Его спутники-шпионы с высоты обшаривали море в поисках приметных золотых парусов. От моря до сияющего моря[293] его подводные лодки и эсминцы несли вахту. Напрасно.

И тогда он решил, что делает всё неправильно. Найти Бога — это не то дело, которым занимаются со спутником-шпионом или подводной лодкой. Это то, ради чего отправляются в странствие. Поэтому он построил себе корабль. Сверхбыструю яхту с семью парусами: шесть цветов радуги и один — иссиня-чёрный. Каждый брус и каждую мачту он создал с помощью странных чар, ведомых лишь ему. Он назвал корабль «*Всем Сердцем*» — ибо написано у Иеремии: «И взыщете Меня и найдёте, если взыщете Меня всем сердцем вашим»[294]. Затем он оставил королевство на попечение своей дочери Натанды и отплыл из Пуэрто-Пеньяско на поиски Метатрона.

Шесть месяцев спустя он вернулся. Когда его спросили, нашёл ли он Метатрона, он ответил: да. Когда спросили,

узнал ли он Имя, он ответил: да. Когда попросили подробностей, он сказал: нет. Несколько лет спустя он умер, и подробности умерли вместе с ним. А всё это время бедное «*Всем Сердцем*» стояло на якоре в Пуэрто-Пеньяско, без дела.

— Я достаточно пьян, чтобы хотеть слушать дальше, — сказал Линь.

— Другой Король до сих пор не выставил охрану, — терпеливо произнёс здоровяк. Джеймс начинал думать, что, пожалуй, тот и *вправду* не пьян. — Входим в гавань, поднимаемся на борт и уходим в открытое море посреди ночи. Прежде чем кто-нибудь заметит, что нас нет, мы уже будем за полуостровом Баха. «*Всем Сердцем*» не догнать. Это самый быстрый корабль в мире. К полудню завтра мы будем в Калифорнийском Халифате, и никто нас не остановит.

— Гласит преданье: каждый из семи / распустится лишь тайною волшбой, — произнёс Амоксиэль.

— Да не таких уж и тайных. Первый парус — красный — ловит обычный ветер. Второй — ритуальная магия; вы, — он кивнул на Линя, — говорите, вы маг. Фиолетовый парус — ангельская магия, а вы ангел. Зелёный парус — музыка. Вы, случайно, петь умеете?

— Если я попробую петь, корабль, наверное, камнем пойдёт ко дну, — сказал Джеймс. — И откуда вы так хорошо знаете про этот корабль?

— Двадцать лет я пел в церковном хоре, — сказал бармен. Акцент у него был почти незаметным. — Говорили, у меня неплохо получается.

— Эй! — сказал Джеймс, мысленно кляня себя за то, что позволил себя подслушать. — А я-то думал, вы не говорите по-английски.

Бармен навалился на стол, вплотную придвинувшись к ним.

— Слушайте, — сказал он. — Треть населения этого города перебили, ещё треть разбежалась. Я торчу здесь, обслуживаю солдат и притворяюсь, что не понимаю по-английски, чтобы меня не пытали за то, что я подслушал не то. А «*Всем Сердцем*»! Величайший корабль в мире!

Друг мой, я бы руку отдал, чтобы хоть час пройти на нём. Я бедный человек, у меня нет семьи, мне здесь больше ничего не осталось. Но оказаться на борту «*Всем Сердцем*» — вот это было бы нечто! Если вы собираетесь угнать этот корабль, я с вами.

— Подождите! — сказал Линь. — Никто отсюда не удирает! Этот незнакомец только что подсел к нам и принялся излагать свою безумную затею, а мы все достаточно пьяны, чтобы слушать. Здесь никто всерьёз об этом не думает.

— Я твёрд: уйти желаю этой ночью, — сказал Амоксиэль.

Линь и Джеймс уставились на него.

— Вы, люди, свыклись с этим видом зла; / мне этого не снесть; охотней я умру / под громом волн безбрежного простора…

Джеймс толкнул Амоксиэля локтем. Амоксиэль умолк.

— Так что нас ждёт, если мы доберёмся до Калифорнии? — спросил Джеймс, всё ещё с трудом веря, что принимает это всерьёз. — Они до смерти боятся Другого Короля. Скорее всего, выдадут всех, кого он потребует.

— Можно плыть дальше, — сказал бармен. — Гавайи. Таити. Консорциум Малабар-Занзибар. Продать корабль и жить на пляже, питаясь кокосами до конца дней.

— Кто купит «*Всем Сердцем*», если Другой Король захочет его вернуть? — спросил Линь. — Это самоубийство. Связываться с краденым, отнятым у самого страшного человека в мире.

— Если хотите разбогатеть, — сказал здоровяк, — вот что надо сделать. Продавать каюты на корабле. Самый элитный круиз в истории. Продавать каюты по десять миллионов долларов, а потом отправиться делать то же самое, что делал Король Комет. Искать Бога. Вы думаете, не найдётся миллиардеров, желающих поговорить с Ним лицом к лицу?

— Как наблюдение за китами, — сказал Линь. — Только вместо китов — архангелы. Ладно, я купился. В смысле, упился.

— Подождите минуту! — сказал Джеймс. — Мы даже не знаем этих людей! Мы даже не знаем их имён!

— Я Томас, — сказал бармен. — Томас Кастро. А теперь пошли, пока кто-нибудь не донёс службе внутренней безопасности, что ваш приятель здесь выкрикивал.

Джеймс сделал ещё глоток пива. Он мог бы, пожалуй, образумить остальных, рассудил он. Пара часов — и они слегка протрезвеют, мысли прояснятся. Линь парень умный — он образумится. Амоксиэль всегда был непредсказуемым, но когда он не прикладывался к святой воде, он едва мог встать с постели, не то что пускаться в безумные авантюры.

Вопрос был в том, хочет ли он сам. Он не ходил смотреть на распятия, но известия потрясли его. Он думал, что Другой Король — просто очередной военный вождь. Очень везучий: сумел убить Короля Комет и захватить половину его королевства. Но в конечном счёте — такой же, как все. Теперь он понимал, что тот, по меньшей мере, психопат. Он старался поменьше об этом думать, потому что другого выхода всё равно не было. Но здоровяк, при всём своём пьяном бахвальстве, был прав. Охраны у «*Всем Сердцем*» нет. Красивейший корабль в мире просто стоит в порту и ждёт, когда его уведут.

А ещё был немалый шанс, что его казнят мучительной смертью уже за то, что он сидит с этими людьми и ведёт этот разговор.

— Если мы это делаем, — сказал Джеймс, — то, ей-Богу, делаем прямо сейчас, пока не протрезвели настолько, чтобы хорошенько всё обдумать. А вы, — Джеймс указал на здоровяка, — поймите: никто из нас ничего не смыслит в парусном деле. Если мы должны просто доверить вам вести этот корабль в одиночку, то, думаю, нам хотя бы следует знать ваше имя и как вы здесь оказались.

— Я никто, — сказал здоровяк. — Я ни с кем.

— Отлично, — сказал Джеймс. — Капитан грёбаный Немо.[295]

Глава 23

И сходит с неба город

Но хотя бы ты, как орёл, поднялся высоко
и среди звёзд устроил гнездо твоё, то
и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь.
— Авдий 1:4

I.

После полудня, 12 мая 2017 года
Сан-Франциско

Она больше не слышала это ушами, но оно всё ещё звучало где-то в глубине сознания. Нота — единственная, немыслимо чистая нота, которая, казалось, заглушала всё остальное. Но с каждым мгновением она слабела, слабела и наконец растворилась без следа. Ана не скучала по ней. Она знала: продержись она там ещё минуту — и утратила бы себя, утратила даже способность понять, что это значит — утратить себя, утратила бы способность думать, чувствовать, знать, сомневаться в чём бы то ни было, превратилась бы в идеальный неподвижный кристалл, ослепительно прекрасный и совершенно инертный.

— Господи, — произнесла Ана. Её перенесли на корабль и помогли лечь на койку в одной из кают. — Я едва не ощутила горнее ликование. Это было ужасно.

Никто из них не засмеялся. Их было трое. Пожилой мужчина с короткой белой бородой. Мужчина военного вида с ясным взглядом и короткой стрижкой. И азиат с ожерельем на шее. Помутнённый разум Аны перебрал воспоминания и вернулся ни с чем.

— Я Джон, — сказал пожилой. — Это Джеймс и Лин. Добро пожаловать на «*Всем Сердцем*».

Воспоминания нахлынули разом. Старая яхта Короля Комет, переоборудованная в развлечение для праздных богачей. Быстрейшее судно в мире. Десять миллионов долларов в месяц за каюту — для богачей, которые хотели поговорить с Богом не в благочестивой молитве, а так, чтобы — смотря что Он ответит — у них, возможно, появился шанс заехать Ему в лицо. Обошла весь свет. Заходила в странные глухие порты, чтобы не привлекать внимания Другого Короля, у которого к ней якобы была личная обида. Она попыталась припомнить, не слышала ли чего-нибудь о команде, — но в памяти ничего не всплыло.

— Я Ана, — сказала Ана. — Что со мной случилось?

— Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что вы попили из фонтанчика в Сан-Франциско.

Ана кивнула.

II.

1970 год. Кен Кизи принимал ЛСД вместе со своим другом Полом Фостером. А потом начались странности.

Пол попытался встать. Он переводил дыхание. Кизи — то, что сидело в теле Кизи, — казалось, было не против. Оно просто стояло, зависнув в воздухе.

— К-кто вы? — спросил Пол.

— НИЛ, — ответило то, что сидело в теле Кизи.

— Но… кто… что вы ТАКОЕ?

— НИЛ, — ответило то, что сидело в теле Кизи, чуть более настойчиво.

Дрожа с головы до ног, Пол опустился на колени.

— НЕТ. Я — НИЛ АРМСТРОНГ.[296] ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД Я ПРОВАЛИЛСЯ СКВОЗЬ ТРЕЩИНУ В НЕБЕ В ЭЙН-СОФ — ИСТИННОГО БОГА, ЧЬЯ БЕЗМЕРНОСТЬ ОБЪЕМЛЕТ ТВОРЕНИЕ. КАК ПРЕЖДЕ ЕНОХ, Я БЫЛ НАДЕЛЁН ДОЛЕЙ ВСЕВЫШНЕГО, А ЗАТЕМ ОТОСЛАН ОБРАТНО В ТВОРЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ДЕСНИЦЫ ГОСПОДНЕЙ. МНЕ

ВЕЛЕНО УКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ГОРОД НА ХОЛМЕ — НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ, СТОЯЩИЙ ПО ТУ СТОРОНУ ВСЕХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ОТРИЦАНИЙ[297].

Пол только смотрел на него во все глаза.

— ТЫ НЕ ВЕРИШЬ, — сказала самопровозглашённая Десница Господня. — Я ДАМ ТЕБЕ ЗНАК. ВСТАНЬ И ОТКРОЙ БИБЛИЮ — И ПРОЧТИ ПЕРВЫЕ СЛОВА, НА КОТОРЫЕ УПАДЁТ ТВОЙ ВЗОР.

Молча поднявшись, Пол взял с полки Библию — старую потрёпанную Библию короля Иакова, которую он, кажется, когда-то стащил из гостиницы. Он открыл её примерно посередине и прочёл слова из Пс. 89:12–13[298]:

> *Север и юг Ты сотворил; Фавор и Ермон*
> *о имени Твоём радуются.*
> *У Тебя мышца сильная, крепка рука Твоя,*
> *высока десница Твоя.*

Уильям Блейк описывал мистическое озарение как умение «смотреть сквозь глаз, а не глазом»[299]. Отбросить все слои мыслительной обработки и наложенных толкований — и увидеть мир прямо, таким, как он есть на самом деле. И по внезапной благодати Пол сумел увидеть сквозь глаза: увидел сами английские слова, а не смысл за ними:

> ***arm strong*** *— мышца сильная, рука Твоя*[300]

На мгновение Пол всё ещё сомневался — неужели Бог и вправду посылает Своих вестников через наркоманов, только что принявших лошадиные дозы ЛСД? Но тут он перечёл стих:

> *высока десница Твоя*

Во второй раз за две минуты он упал на колени.[301]

— ЧТОБЫ ВОПЛОТИТЬ НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ, ТЫ ДОЛЖЕН СОБРАТЬ ВЕСЬ ЛСД В ГОРОДЕ И ПОМЕСТИТЬ ЕГО В ВОДОХРАНИЛИЩЕ, КОТОРОЕ Я УКАЖУ ТЕБЕ. КОГДА ВСЕ ВОЙДУТ В ПРОСТРАНСТВО ПО ТУ СТОРОНУ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ОТРИЦАНИЙ, ЭТО ВЫЗОВЕТ СОСТОЯНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ, КОТОРОЕ УИЛЬЯМ БЛЕЙК НАЗЫВАЛ ВЕЧНОСТЬЮ.

— Но… если я пущу ЛСД в водопровод… если весь город… вы хотите сказать, что мы, типа, выходим из состава Соединённых Штатов?.. вы не понимаете. Мы *годами* пытаемся распространить новый уровень сознания. Никогда не получалось… если весь город попытается стать каким-то таким… если они не будут платить налоги и всё такое… нас ждут *огромные* неприятности. Вы не знаете Никсона — он безжалостен, он это раздавит, ничего не выйдет…

— ТЫ ВСЁ ЕЩЁ НЕ ВЕРИШЬ. ОТКРОЙ БИБЛИЮ ВО ВТОРОЙ РАЗ.

Во второй раз Пол Фостер наугад открыл Библию на Ис. 62:8–12:

> *Господь поклялся десницею Своею и крепкою мышцею Своею: не дам зерна твоего более в пищу врагам твоим, и сыновья чужих не будут пить вина твоего, над которым ты трудился;*
> *но собирающие его будут есть его и славить Господа, и обирающие виноград будут пить [вино] его во дворах святилища Моего.*
> *Проходите, проходите в ворота, приготовляйте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов!*
> *Вот, Господь объявляет до конца земли: скажите дщери Сиона: грядёт Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним.*
> *И назовут их народом святым, искупленным от Господа, а тебя назовут взысканным городом, неоставленным.*

Несколько минут спустя Кен Кизи лежал на полу, к глазам его вернулся обычный цвет, а Пол Фостер тряс его за плечо.

— Кен, — говорил он. — Кен, проснись. Кен, нам нужно раздобыть *много* ЛСД.

III.

— Вот почему в Сан-Франциско никогда не пьют воду, — рассказал Джон Ане. — Это не магия — то есть нет, это магия, но действует она через ЛСД в питьевой воде. Один глоток — и вы приобщаетесь к блаженному видению[302], опосредованному Нилом Армстронгом.

— Понятно, — сказала Ана. Она снова посмотрела в иллюминатор. Переливающаяся сфера начинала пульсировать.

— Джон слишком скромен, чтобы сказать это сам, — заметил Джеймс. — Но он спас вам жизнь. Капитан сказал нам, что вы будете здесь. Сказал, что вы умеете призывать ветры и что нам нужно вас спасти. Мы были у Салиша, шли на всех парусах, чтобы успеть.

— Вытащил вас из Эйн-Софа обратно в сотворённый мир, — сказал Джон. — Это единственный способ: напомнить вам обо всех дихотомиях, неизбежной цене выбора и прочих вещах, которые там просто не действуют. Бог по какой-то причине хочет, чтобы Сан-Франциско оставался таким, какой он есть, но это не значит, что и вы должны быть его частью — если успеем вытащить вас вовремя.

— Вам повезло, что Джон и Лин — образованные люди, — сказал Джеймс. — Я бы просто тряс вас и орал матом.

В салон вошёл ангел.

— О, — сказал он. — Она очнулась. Я Амоксиэль. Вы решили вступить в нашу команду?

— Вступить в команду?!

— Я как раз собирался к этому перейти, чёрт возьми! — сказал Джеймс. Он повернулся к Ане. — Скажу честно. Мы спасли вас не потому, что мы добрые люди. Мы спасли вас потому, что ещё не научились использовать этот корабль в полную силу. Капитан говорит, жёлтый парус заработает только с каким-то особым каббалистическим Именем. Вы, похоже, знаете Имя, которое призывает ветры. Стоит попробовать. Хотите вступить? Жалованье… что ж, вы будете полноправным партнёром. Несколько лет — и обеспечены на всю жизнь.

Ана на секунду задумалась. Это было почти слишком хорошо. Бежать из Сан-Франциско, бежать от UNSONG, оказаться там, где никто её не найдёт. Она постаралась, чтобы голос не звучал слишком воодушевлённо.

— Что именно за работа?

— Плавать по всему свету, — сказал Джеймс. — Лин занимается расчётами, пытается вычислить, где в следующий раз появится лодка Метатрона. Мы берём нескольких богачей, идём к тому месту, пытаемся за ней угнаться. Вы стоите у паруса. Произносите своё заклинание — словом, делаете что нужно: парус поднимается, мы идём чуть быстрее. Толку никакого. Метатрона всё равно не догнать. Богачи платят в любом случае — они в отчаянии и думают, что уж у них-то сердце чистое, а Бог никогда не отвернётся от чистого сердца. Когда вы не у паруса — практически свободны. Только два правила. Не беспокоить богачей. И не входить в каюту Капитана. Соблюдайте их — и всё будет в порядке. Если нужно кого-то побеспокоить — беспокойте меня. Я первый помощник. Меня для того и беспокоят.

— Вас всего четверо?

— Шестеро, — сказал Джеймс. — Мы, Томас и Капитан.

— О! Я думала, что капитан — это Джон!

Джеймс засмеялся.

— Капитан — это Капитан. Когда-нибудь увидите сами. Здоровяк. По лицу у него почти ничего не прочтёшь. Не заметить невозможно. Очень скрытный человек.

— Вы сказали, он знал, что я буду здесь? Откуда?

— Он, — повторил Джеймс, — очень скрытный человек.

— Как его зовут?

— Очень, очень скрытный.

— Настолько скрытный, что у него нет *имени*? Кто не говорит людям даже своего *имени*?

— Если нужно, можете звать его Капитан Немо.

— Немо? Как тот…

— Именно как тот, — обречённо сказал Лин.

— У вас есть, — сказал Джон, — примерно полчаса на решение. После этого мы направляемся в Окленд за следующими тремя пассажирами, а потом идём на юг:

нужно успеть обогнуть мыс Горн, ведь через несколько дней у Лонг-Айленда должна всплыть лодка Метатрона.

— К чёрту тридцать минут, — сказала Ана. — Я с вами.

— Хорошо, — сказал Джеймс. — Добро пожаловать на «*Всем Сердцем*». Начинайте думать, о чём спросите Бога, если когда-нибудь поймаете Его.

— Разве это не очевидно? — спросила Ана.

Джеймс, Лин и Джон посмотрели на неё так, словно это было отнюдь не очевидно.

— Проблема зла! Почему с хорошими людьми случается плохое? Почему совершенно благой Бог создал мир, полный…

— Ну, удачи, — сказал Джеймс и вышел из каюты.

Интерлюдия ’: Генеральная Ассамблея

И восстал Сатана против них в глобальном окружении.[303]
— kingjamesprogramming.tumblr.com

14 декабря 1972 года
Нью-Йорк

— Дамы. Господа. Господин Генеральный секретарь.

Мы — гордый народ. Подобно стольким другим молодым государствам, представленным здесь сегодня, наше национальное самосознание было выковано в борьбе против империалистической агрессии, и именно наша гордость говорила нам сражаться дальше, когда все прочие голоса советовали сдаться. С этой же гордостью я стою сегодня перед вами как недавно принятый член Организации Объединённых Наций — для нас честь быть наконец признанными частью мирового сообщества.

Я не то чудовище, каким вы меня себе представляете. В свободное время я выступаю на скрипичных конкурсах. Я помогаю слепым детям[304]. Я пропагандирую здоровое растительное питание. А моя страна? Мы вам не враги. Да, мы странны. Но мы разделяем те же ценности, что и вы все, то же стремление выстроить более справедливый и равноправный мир.

То, чем Американская мечта остаётся лишь в грёзах, мы воплотили наяву. Мы принимаем всех без различия расы, цвета кожи или вероисповедания. Мы не натягиваем колючую проволоку и не разворачиваем лодки, полные беженцев. Нас ободряют давние слова Эммы Лазарус[305]: *Дайте мне ваших усталых, ваших бедных, ваши теснящиеся толпы, жаждущие вздохнуть свободно, жал-*

кое отребье вашего многолюдного берега. Пошлите их — бездомных, бурей гонимых — ко мне. И вы шлёте их — прилив человечества, рвущийся к нашим воротам с отчаянием, перед которым меркнет сам Эллис-Айленд[306], — и мы не отказываем никому, нет, даже самому низкому[307]. Особенно самому низкому.

Мы уже достигли того, к чему рабочий рай Советов лишь стремится. Нет никаких классовых различий: к рабу относятся так же, как к султану, к биржевому дельцу — так же, как к матросу. Всесильный доллар низвергнут; никому не нужно тревожиться о голоде или болезни, никто не дрожит от холода за неимением крова. Частная собственность упразднена, и никому её не недостаёт. По словам Маркса, капиталистическое общество отличают «вечная неуверенность и движение»[308], но в наших границах царит ровно обратное.

Мы не преследуем инакомыслящих. Мы не цензурируем прессу. Мы не загрязняем окружающую среду. Мы относимся к мужчинам и женщинам одинаково. Мы позволяем исповедовать любую религию — или не исповедовать никакой. Мы не финансируем террористов. Мы не производим бомб. Наша система уголовного правосудия свободна от предвзятости, а её наказания всегда справедливы.

Нет, мы не ваши враги. Среди присутствующих есть те, кто обвинил бы нас в подрывной деятельности, в попытке создать империю. Нет ничего дальше от истины. Другие страны запугивают соседей и превращают их в марионеток или сателлитов с помощью танков и бомб. Мы подаём пример. Наш образ жизни распространяется не мечом, а неукротимыми устремлениями миллионов людей по всему миру.

Шестнадцать лет назад Никита Хрущёв бросил Западу вызов в холодной войне. «История на нашей стороне! — сказал он. — Мы вас похороним!»[309] Дамы и господа, я утверждаю: даже самого поверхностного знакомства с историей достаточно, чтобы доказать — она на *нашей* стороне. Мы не станем хоронить вас. Однако когда вас похоронят — а это неизбежно для всех людей, — мно-

гие из тех, кто сейчас числит себя среди наших врагов, обнаружат, что были на нашей стороне, сами того не зная.

Нет, мы не ваши враги. Вы говорите, что мы ваши враги, вы надеетесь, что это правда, но в глубине души знаете: это не так. Мы союзники каждого из вас. Всякий раз, когда нужно было подавить протест, вы обращались к нам за помощью. Всякий раз, когда нужно было выиграть выборы, вы приходили к нам за советом. Всякий раз, когда нужно было вести войну, вы просили нашего содействия. И мы никогда не скупились на такую помощь. Всю свою славу вы создали нашими инструментами. Инструментами, которые мы с радостью предоставляли бесплатно — если не считать самой крошечной жертвы, той, что никак не отражается на валовом национальном продукте и не порождает торгового дефицита.

Дамы, господа, господин Генеральный секретарь. В этом зале у меня нет врагов. Мы всегда были товарищами по духу. Теперь мы товарищи и по имени. За это я вас благодарю.

Когда Тамиил закончил говорить, он на мгновение задержался у трибуны, будто молча вызывая хоть кого-нибудь возразить. Никто не возразил. Его вторая голова оставалась застывшей в беззвучном крике. Дым клубился вокруг него, как рой мух, а в тусклом освещении зала его кожа будто бугрилась раковыми наростами. Но послов удерживал в молчании не только страх. Это были дипломаты — то есть лжецы — и на краткий миг они увидели себя такими, какие они есть, и воздали должные почести Князю Лжи.

Словно ниоткуда налетел порыв обжигающего ветра, разметал двух делегатов в стороны, разбросал их таблички. Между ними возникло облачко серного дыма и рассеялось так же быстро, как появилось.

Справа — HAITI.

Слева — HONDURAS.

Посередине — HELL.[310]

Табличка горела со вкусом.

Глава 24

Зачем ты явился очам ангелов?

Утро, 12 мая 2017 года
Лос-Анджелес

Луч раннего утреннего солнца ударил мне в лицо. Облака проносились мимо, как грузовики по шоссе, и небеса, казалось, пели. Странно. Проводишь всю свою взрослую жизнь в поисках Имён Божьих и в общении с ангелами — и ближе всего к духовному опыту подходишь, гребя на летающем каяке в нескольких тысячах футов над округом Сан-Бернардино. Меня переполнял восторг: и оттого, что я чудом спасся, и оттого, что *снова* чудом спасся, и, откровенно говоря, оттого, что оказался так тесно прижат к Джейн, — ну и, конечно, от вида, открывавшегося вокруг нас: вся Южная Калифорния как на ладони, гряды смятых гор одна за другой, и потом…

В Калифорнии есть старая шутка. Что происходит, когда смог рассеивается? Ответ — название одного из лучших университетов штата: UCLA.[311]

Я увидел Лос-Анджелес.

На калифорнийском побережье, с этой высоты, было что-то бесконечно драгоценное — узкая полоска между грозными горами и бескрайним океаном, тонкая нить людской жизни, зажатая между пустыней и синей глубью моря.

За последние несколько десятилетий Калифорния пережила всё это очень неплохо. Из всех Разъединённых Штатов внезапное крушение стройных физических законов реальности в полубредовую фантасмагорию задело

её меньше всего. Думаю, отчасти потому, что Калифорния в каком-то смысле никогда и не была по-настоящему реальным местом. Там невозможно прожить сколько-нибудь долго и думать, что это просто ещё один штат — как Невада, Огайо или Вермонт. Это был штат в том же смысле, в каком бывает состояние радости или восторга: предельный Запад, часть мира лишь формально. Названный в честь царицы амазонок из земного рая.[312] Освоенный искателями удачи, которым говорили, что реки усеяны золотыми самородками размером с кулак.

Пляжные бездельники и начинающие актрисы, хиппи и венчурные капиталисты — всех роднило одно: одной ногой они стояли на этом крошечном клочке, а другой — в каком-то собственном воображаемом мире. С этой тонкой извилистой нити драгоценной ровной земли вышли Джон Стейнбек, хиппи, права геев, компьютерная революция, Рональд Рейган, все голливудские фильмы, синие джинсы, куклы Барби, Джо Ди Маджо, печенье с предсказаниями, фруктовое мороженое, лэпдансы, обручи хула-хуп, группа «Пляжные мальчики», Диснейленд — весь положительный эмоциональный заряд целого континента, сжатый до узкой полосы берега и застроенный в стиле испанских миссий.

— Далеко ещё? — спросил я свою таинственную благодетельницу.

— Недалеко, — ответила она. — Приземлимся на окраине города. Так нас будет сложнее заметить. — Каяк был ярко-белым, так что снизу его днище почти терялось на фоне неба. Я не мог понять, что мешало морским пехотинцам на облаке заметить нас сверху. Какие-то чары? Технология невидимости? Бывают ли вообще невидимые каяки?

— Кто вы? — спросил я.

Я всю дорогу от цитадели перебирал улики в уме. Молодая — хотя сказать точнее я бы не решился. Азиатская внешность. Безупречный английский. Высокая и стройная. Очень длинные волосы. Быстрая. Кожаная куртка и чёрные брюки — как у героини боевика. Умеет на лету расшифровывать экзотические системы счисления. Есть

летающий каяк. Ориентируется в ангельском оплоте, но, судя по всему, не имеет права там находиться. Достаточно жёсткая, чтобы всерьёз рассмотреть вариант бросить меня там, — но достаточно порядочная, чтобы в итоге решить иначе.

Главная моя версия — шпионка. Если угадывать страну — Дачжоу, но и Великий Бассейн тоже не исключён.

— Болтливые языки топят корабли,[313] — сказала она, что было либо отсылкой к старому лозунгу о секретах в военное время, либо предупреждением, что заклинание, удерживающее наш каяк в воздухе, чувствительно к шуму — как и заклинание невидимости. По принципу предосторожности я заткнулся.

Где-то к югу от Санта-Барбары калифорнийская мечтательность начинает давить, разрастаться и обретать физическую форму, придавая самому небу туманную мягкость опиумного транса. Там расслабление становится судорожным, а фантазия — лихорадочной; город, умудрившийся быть тесным при всей своей раскинутости.

Нужно ли вообще объяснять каббалистический смысл названия «Лос-Анджелес»? Каббала занимается сокрытым, но Лос-Анджелес выставляет свою верность напоказ, у всех на виду. Здесь у Лоса — блейковского архетипа огней творчества — находится его кузница; бог-кузнец-сказитель, кующий мечты для эмоционально голодного мира.[314] Здесь, в этом городе ангелов.

Ну, одного ангела. *По большей части* всё ещё ангела. Где-то на западе я едва мог разглядеть комплекс Гадриэль, *la Reina de los Ángeles*,[315] на вершине холма.

— А *вы*-то кто? — спросила Джейн, когда мы приближались к самым дальним щупальцам мегаполиса. — Сидит в одиночестве в ангельском оплоте. Решает задачи по арифметике мест. Знает тайные Имена.

Это могло быть комплиментом, но не было им — не в том тоне, которым она это сказала. Скорее, она отчитывала меня за то, что я смею напускать загадочность в её присутствии. За то, что усложнял её планы. И какая

наглость! Требует моих секретов сразу после того, как сама отказалась раскрывать свои!

У меня был соблазн торговаться — знание за знание. Но по правде говоря, я сам чувствовал себя вполне вправе. Да, мне было любопытно, что она здесь делает и какую книгу мы только что украли. Но мои секреты важнее, чем её. Мне нужно было где-нибудь в тёмном тихом месте расслабиться и восстановить полный телепатический контакт с Аной. Затем раздобыть книгу по коррекции ошибок в Именах. Затем — неплохой компьютер. А потом можно будет полным ходом продолжить покорение мира и превращение в следующего Короля Комет.

Конечно, мне было *лестно*, что она спросила, кто я. Разве не этого я всегда хотел? «Кто этот человек, этот Аарон Смит-Теллер, взламывающий немыслимые коды за считанные минуты и знающий сокровенное и святое?» Но связываться с Джейн дальше было слишком рискованно.

— Человек-загадка, — сказал я как можно небрежнее.

Джейн помолчала секунду. Потом вырвала у меня весло. Мы зависли в воздухе. Она прыгнула на нос каяка, развернулась, выхватила пистолет и упёрла дуло мне в голову.

— Вы умеете становиться невидимым, — прошипела она. — Вы знаете арифметику мест, а значит, занимались работой, которая *требует* арифметики мест, а значит, применяли гипотезу Фридмана, а значит, вы сносный каббалист. Иногда сносным каббалистам очень, очень везёт. Может, кому-то повезло настолько, что он открыл тайное Имя, дарующее невидимость. Если такое случится, единственный вопрос — кто до него доберётся первым. Хороший человек, который вежливо попросит его проследовать куда-нибудь очень далеко, где его расспросят и обеспечат безопасность? Или не такой хороший, который выбьет из него все секреты пытками, а потом убьёт, чтобы он никому ничего не рассказал?

— Эм, — сказал я.

— Я ни то ни другое, — сказала Джейн. — Я практичный человек. Я вежливо попрошу вас проследовать куда-

нибудь далеко, где вас расспросят и обеспечат безопасность. И если я замечу малейшее колебание в вашем ответе — перейду ко второму варианту.

— Эм, — сказал я. — Давайте отправимся в то место.

— Хорошо, — сказала Джейн. — Итак, кто вы?

— Меня зовут Аарон Смит, — сказал я. — Я изучал каббалу в Стэнфорде. С помощью пророческого сна я открыл Имя, дарующее невидимость. Я использовал его, чтобы проникать туда, куда не следует, в конце концов оказался в ловушке, произнёс Имя Исчезновения — и очутился в той библиотеке вместе с вами.

— Вы говорите не всю правду, — сказала она. Но пожала плечами. — Полагаю, не могу вас за это винить. Позвольте предложить вам знак доброй воли. Я служу Цитадели Запада. Книга, которую мы забрали, содержит пророчество, втайне данное Королю Комет и с тех пор забытое, которое мне поручили вернуть. Мы приземлимся, пойдём в гостиницу, где я остановилась, и свяжемся с теми, кто доставит нас обратно в Цитадель. Там вас дополнительно расспросят. Что будет потом — решать вам. Но враги у вас здесь, кажется, уже есть, а для беглецов есть места и похуже горы Шайенн.

Я кивнул молча. А ведь она была права. Места хуже — были.

Когда Другой Король убил Короля Комет и завоевал его королевство, его дети и несколько тысяч верных последователей укрылись в Цитадели Запада — неприступной крепости в Скалистых горах. Они до сих пор оставались там — правительство в изгнании на собственной территории, руководившее восстанием против Великого Бассейна, которое так и не удалось полностью подавить. У них оставалась часть казны Королевского Колорадо, его средства ядерного сдерживания и сами Потомки Кометы, унаследовавшие часть отцовской магии. А ещё — пусть за той книгой и пришлось посылать Джейн — у них была фантастическая библиотека, наверняка доверху набитая справочниками по коррекции ошибок в Именах. Пересидеть в Скалистых горах, дождаться, пока Ана станет достаточно сильной, чтобы меня спасти. Похоже на план.

Мы приземлились на окраине Лос-Анджелеса, спрятали летающий каяк под кучей дров, а затем поехали в центр на автобусе. Джейн настояла на том, чтобы я держал её за руку всю дорогу — видимо, с пленником, умеющим становиться невидимым, лишняя осторожность не помешает. Я не возражал. Она была хороша собой — пугающе хороша. Она остановилась в пентхаусе отеля «Билтмор». Потомки Кометы, должно быть, хорошо платят.

Когда мы наконец добрались до её номера, она прямиком направилась к комоду, открыла третий ящик и извлекла шесть фиолетовых блестящих дракончиков «Бини-бэби».[316]

Потом запаниковала.

Держать меня за руку — забыто. Следить за мной вообще — забыто. Я мог бы просто выйти за дверь и произнести Имя Исчезновения, захоти я этого. Может, и стоило. Она обыскала комнату, с грохотом выдвигая один ящик за другим, заглядывая под одеяло, под кровать, рывком распахнув чемодан и разбросав в разные стороны всевозможные загадочные предметы. Как будто у неё случился припадок.

— Аарон, — сказала она, наконец вспомнив о моём существовании. — *Кто-то украл седьмого дракона.*

Глава 25

Ляг пред стопами моими, о Дракон

После полудня, 12 мая 2017 года
Лос-Анджелес

I.

С самого края моего сознания донёсся едва слышный голос:

[Не крилль.][317]

Нешама[318] — организующая душа, как назвали бы её каббалисты — пробудилась во мне, пока тело ещё дремало на гостиничной кровати.

[Не сотвори себе идолофина,][319] — ответил я, хотя в глубине души понимал: вышло так себе.

[Слабовато,] — сказала Ана. [Ты где? Всё в порядке? Ты цел?]

[Я провёл утро, катаясь на каяке с симпатичной девушкой, а потом она пригласила меня к себе в номер и приковала наручниками к кровати.]

[Серьёзно?] — спросила Ана.

Я открыл глаза, стараясь не разрушить гипнопомпический транс[320], сглаживавший телепатическую связь между нами. Часы показывали, что перевалило за полдень. Джейн нигде не было. Кляп во рту по-прежнему не давал мне произносить Имена, руки по-прежнему были прикованы к стойкам кровати, чтобы я не мог снять кляп. Я спросил Джейн, зачем она возит с собой в чемодане кляп и наручники, но ответа не получил: она слишком

спешила скрутить меня и умчаться на поиски своего драгоценного дракона Бини-бэби.

[Серьёзно,] — сказал я и передал Ане воспоминания об этом утре. Как произнёс Имя Исчезновения прямо под бдительным взором Ашера Бентама. Как сбежал из Стратегического Ангельского Резерва вместе с Джейн. Как та в панике искала пропавшего Бини-бэби, и никакие мои мольбы не могли вытянуть из неё объяснение. А потом связала меня и расширила поиски на весь город. [А ты? Что с тобой случилось? Ты была рядом со мной в UNSONG! И ты выучила Имя! Где ты? Всё в порядке? Где Валери?]

[Я на корабле,] — сказала она. [Валери я не видела, но она не мертва. Связь от неполной брачной церемонии, кажется, дала бы мне это понять. Я пытаюсь телепатически её пинговать, но никогда не чувствовала её так же отчётливо, как тебя.] Затем она передала мне собственные воспоминания. Сара, загадочно появившаяся в её гостиничном номере. Сан-Франциско. Корабль Короля Комет.

[Значит, компьютера у тебя нет?]

[Нет.]

Всё, что я делал до сих пор, строилось на том, что Сара у Аны. Если Сара у Аны — план остаётся в силе. Она станет могущественной. Она меня вызволит. Мы будем богаты и влиятельны. Если Сары у Аны нет — остаётся только коррекция ошибок в Именах. А иначе я снова никто. Эта мысль почему-то ужасала меня сильнее, чем статус беглеца или наручники на запястьях. Многое можно вынести, если ты — кто-то. Мысль о том, чтобы вернуться к роли безымянного винтика, была невыносима.

Ана почувствовала мою тревогу. [Как только доберёмся до дружественного порта,] — сказала она, [я найду книги по коррекции ошибок в Именах. Или, если сумею связаться с Валери, попрошу её прочитать их и передать нам нужные сведения.]

Я послал ей тёплую волну благодарности и ободрения.

[А пока,] — спросила она, [тебя нужно спасать?]

Джейн не казалась злодейкой в том же смысле, что Бентам. И Цитадель Запада — хорошее место. Но наручники на моих запястьях напоминали: она вряд ли действует в моих интересах. И именно потому, что Цитадель Запада — хорошее место, она могла уверять меня, что мы туда едем, даже если на деле работала на Дачжоу или какую-нибудь ещё более далёкую державу. Я заметил, что она говорила о возвращении в «Билтмор», чтобы дождаться транспорта обратно в Колорадо, — но ушла на поиски, совершенно не беспокоясь, что может его пропустить. Джейн казалась не то чтобы злой — скорее подозрительной, скрытной и, может быть, немного сумасшедшей.

[Пожалуй, да,] — сказал я.

[Тогда при первой же остановке я сойду на берег и попробую тебя найти. Не думаю, что эти люди будут мне мешать. Они кажутся хорошими.] В её мыслях не было и тени страха. Да, у Аны было Призрачное Имя и, возможно, эффект неожиданности. Убийственное сочетание. Но всё равно — никакого страха. Я послал ей волну ободрения. [Ещё кое-что,] — добавила она и передала мне Имя Воздухохождения и Зефировое Имя.

[Как ты думаешь, кто раздобыл компьютер и передал тебе их?]

[Честно?] — спросила Ана. [Бог.]

[Ты думаешь, Бог лично вмешался во вселенную, чтобы помочь тебе и твоей подруге, когда вы попали в беду? Разве на вводном курсе по теодицее вас не предупреждают о таких вещах?]

Услышать её ответ мне не довелось. В замке звякнул ключ.

[Возвращается Джейн,] — сказал я. [Скажи своим загадочным миллиардерам-морякам, чтобы берегли тебя.]

[Ты скажи своей психованной подруге-шпионке, чтобы держала руки при себе,] — ответила она. [Ты уже каббалистически женат!][321]

Я послал ей самую мощную волну положительных эмоций, на которую был способен, — и в тот же миг

Джейн распахнула дверь и включила свет, разрушив транс. Я вздрогнул и окончательно проснулся.

Джейн выглядела чуть более вспотевшей и грязной, но вечная хмурая складка на её лице только углубилась.

— Я принесла тебе поесть, — сказала она, ставя пакет из «Макдоналдса» на стойку. — И чистую одежду. Одевайся. Мы едем в Лас-Вегас.

— В Лас-Вегас? — переспросил я, когда она сняла кляп.

— Управляющий понятия не имеет, кто взял моего дракона. Горничные говорят, что не брали. Ни в одном магазине игрушек во всём городе нет замены. Но все говорят, что в Лас-Вегасе есть большой специализированный магазин, где она найдётся. Едем в Вегас. Одевайся. — Она сняла наручники.

Джейн умела не терять времени. Не прошло и пяти минут, как мы уже выходили. Я схватил пакет с едой и бутылку «Эппл-Эйд» из мини-бара.

Она покосилась на меня, когда я взял напиток, но промолчала. И хорошо, если учесть обстоятельства.

II.

— Джейн, — спросил я её очень осторожно ещё утром, пока она чуть ли не разносила комнату в клочья, — зачем вам семь игрушечных драконов?

Она резко развернулась ко мне.

— Заткнитесь! — рявкнула она. — Вы и так знаете слишком много! Если бы вы не всё испортили на Ангельском Резерве, мы бы в это не влипли! Не суйте нос не в своё дело!

Затем снова принялась обыскивать комнату как одержимая. Перешла в соседнюю, и оттуда донеслось, как она с грохотом выдвигает и задвигает ящики.

Я подошёл к комоду и заглянул внутрь: там лежали шесть фиолетовых дракончиков. В игрушках Бинибэби я не разбирался, но они выглядели вполне обычно. Я потряс одного. По ощущениям, внутри были обычные

«бобы» — гранулы-наполнитель.[322] Осторожно сжал. Ничего.

За комодом мелькнул пурпурный блик.

Седьмой Бини-бэби провалился за заднюю стенку ящика и застрял между комодом и стеной. Я просунул руку и вытащил его.

— Джейн! — позвал я.

Из соседней комнаты донёсся её голос.

— Заткнитесь! Клянусь Всевышним: если мне придётся ещё раз велеть вам заткнуться, я выжгу вам язык. Думаете, это смешно? Просто. Заткнитесь!

Потом снова грохот.

На комоде стоял мини-бар; в нём — пластиковая бутылка «Эппл-Эйд», почти непрозрачного зелёного цвета. Я вылил напиток в раковину, затолкал седьмого Бини-бэби в бутылку и поставил её обратно на мини-бар.

Зачем я это сделал? Сам не понимал. Со мной обращались как с ребёнком. И держали в неведении. Я терпеть не могу, когда со мной обращаются как с ребёнком и держат в неведении. Мне надоело реагировать — я хотел действовать.

Но чем дольше я думал об этом, тем больше одобрял собственный поступок. Не давало покоя ощущение, что, когда седьмой Бини-бэби окажется у Джейн, произойдёт что-то страшное — что это завершит какой-то тайный план, которому была нужна книга из ангельской библиотеки, что получение этой игрушки будет точкой невозврата.

И вот теперь мы ехали в Вегас. Мрачное место — это да, но не её территория и не по её правилам. Если Ана едет меня спасать, лучше, чтобы Джейн искала Бини-бэби в Вегасе, а не занималась тем, чем занялась бы, начни обстоятельства складываться в её пользу.

Интерлюдия כ: Трансляция

Величайшая уловка Дьявола — пустить в оборот хлёсткую цитату, будто нет уловки величественнее, чем притвориться несуществующим.[323]
— Стивен Каас

I.

Мы прожили с Аной три месяца, прежде чем она узнала, что я не видел Трансляции.

Мы обсуждали теодицею — как обычно. Ана объясняла, как каиниты[324] совершили страшную ошибку, попытавшись заманчкинить библейскую мораль.

Манчкининг — понятие из ролевых игр: вместо того чтобы рассказывать хорошую историю, ищешь маленькие странные лазейки, нарушающие дух правил и делающие всё неприлично лёгким. В Библии сказано — см. Лк. 15:7, — что «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Решайте уравнение, максимизируя небесную радость, — и очевидное манчкинское решение: намеренно грешить, чтобы потом раскаяться. Добавьте несколько разумных допущений о связи между масштабом преступления и масштабом небесного торжества по поводу покаяния — и, что называется, нетрудно догадаться, к чему это ведёт.

Ана была против каинитов. Я — условно за.

— Нельзя же следовать букве закона, игнорируя его дух! — возмущалась Ана.

— Ё-моё, ты — *каббалистка* и теперь ты против буквы закона? Да что там буква закона! Мы должны верить, что даже крохотные лишние точки и росчерки на некоторых

буквах Библии[325] несут особый смысл! Когда Бог запретил разжигать огонь в субботу, и раввины истолковали это как запрет на использование электричества, израильтяне просто запрограммировали все лифты ездить вверх-вниз, останавливаясь на каждом этаже, — чтобы можно было войти, не нажимать кнопки и не быть тем, кто «запускает» электричество.[326] Весь *смысл* каббалы в том, что Бог не вложил бы в Библию ничего, что можно истолковать определённым образом, если бы не хотел, чтобы вы именно так и толковали. И ты хочешь сказать, что нечто действительно, действительно очевидное — не просто намёк на то, что покаяние лучше праведности, но прямо-таки численный коэффициент пересчёта — было *ошибкой*?

— Ты говоришь о еврейской Библии, — сказала Ана. — Христиане так не рассуждают. И Бог знал, что христиане так не рассуждают, — значит, Он не стал бы вкладывать такой сложный подтекст в христианскую Библию.

— Бог не в силах удержаться от сложного подтекста, даже если бы от этого зависела Его жизнь, — сказал я. — Как там у Галилея?[327] Я не могу поверить, что тот же Бог, который наделил нас склонностью умно и корыстно перетолковывать всё на свете, желал бы, чтобы мы ею не пользовались.

Ана игриво шлёпнула меня по лицу.

— За что?

— Я не могу поверить, что тот же Бог, который наделил меня рукой, чтобы тебя отшлёпать, желал бы, чтобы я ею не пользовалась.

— Осторожнее, — сказал я, поднимая с дивана большую подушку. — Бог наделил меня подушкой.

— Не посмеешь, — сказала Ана.

Я замахнулся изо всех сил, едва не сшибив стол с книгами и цветок в горшке.

— Видишь, — сказал я, когда подушка угодила ей по лицу. — Настоящим заявляю, что раскаиваюсь в содеянном. И теперь небеса радуются обо мне больше, чем о тебе.

— Но если серьёзно, — сказала Ана, и голос её стал серьёзным. — Зачем Богу вкладывать в Библию стих, рассчитанный на то, чтобы мы захотели грешить как можно больше? А вдруг кто-нибудь устроит серию убийств?

— Не знаю, — сказал я. — Но мы знаем, что «нахаш» («змей») имеет то же числовое значение по гематрии, что и «машиах» («мессия»),[328] и что каббалисты с незапамятных времён говорят: в каком-то глубоком смысле зло — ключ к искуплению. К тому же Бог создал вселенную, полную зла. Это точно произошло.

— И не говори, — сказала Ана.[329]

Я решил понять её буквально.

— Смотри. Мы знаем, что Бог на каком-то уровне желает зла. Иначе зачем Ему создавать Тамиила и выпускать его во вселенную насаждать зло? Так почему бы и не вставить в Библию что-нибудь, чем достаточно испорченные люди воспользуются как предлогом творить зло?

— Ты движешься к теодицее покаяния, — сказала Ана. — К теории, согласно которой Бог поместил зло во Вселенную потому, что покаяние так прекрасно, а без зла каяться не в чём. Но я… не вижу этого. Покаяние прекрасно, потому что оно прекращает зло. Мы чтим покаяние больше, чем постоянную праведность, потому что хотим послать сильный сигнал другим злодеям: мы встретим их с открытыми объятиями, если они остановятся. Человек, который побил меня, а потом извинился и пообещал больше так не делать, предпочтительнее человека, который побил меня и намерен продолжать. Но не предпочтительнее того, чтобы меня вообще не били.

— Ну… — сказал я. — Может, Богу просто нравится покаяние само по себе. Это далеко не самое странное, что Он когда-либо делал. Он же создал утконоса.

— Вот что я ненавижу в теодицее! — сказала Ана. — Все хотят от неё отмахнуться и сказать: ну, может, Бог просто странный. Конечно, Бог странный! Но это должна быть странность, которая имеет смысл. Она должна содержать более глубокие закономерности и в конечном счёте поддаваться пониманию. Я правда не думаю, что тот же Бог,

который наделил нас разумом, желал бы, чтобы мы им не пользовались.

— Вселенная отстой, — сказал я. — Смирись.

— Вся проблема в том, что смириться невозможно! Если бы вселенная была отстоем лишь немного, можно было бы смириться. Но никто не может смириться с полным масштабом её отстойности. Не тогда, когда это случается лично с тобой. Не тогда, когда видишь своими глазами. Единственная причина, по которой кто-либо вообще способен с этим жить, — это то, что люди никогда по-настоящему об этом не думают, оставляют это на периферии зрения, где оно никогда не проступает чётко. Как будто все знали, что Ад существует, но никто не паниковал — до тех пор, пока не увидели Трансляцию.

— Об этом я ничего не могу сказать, — произнёс я. — Я сам Трансляции не видел.

Ана опешила.

— Правда? Почему?

Первая причина состояла в том, что это была телепередача, а телевидения больше не существовало. Телевещание прекратило работу где-то в середине восьмидесятых, ещё до моего рождения. Жертва общего — странно неравномерного — распада технологий и поддерживавших их физических законов. Интернет ещё работал, но по причинам, которые никто так и не смог установить, не справлялся с видео и аудио, — хотя программисты клялись и божились, что это должно быть элементарно. Из визуальных технологий по-прежнему стабильно работали только кассеты VHS — если не считать старомодных киноплёнок. Некоторые говорили, что Тамиил специально вмешался, чтобы VHS продолжал работать ради Трансляции, — очевидно, никто не собирался показывать её в кинотеатре. Но раз незачем было держать телевизор, это мало что меняло. Если хотел посмотреть Трансляцию, надо было разыскать кого-нибудь с телевизором, разыскать видеомагнитофон и разыскать записанную копию Трансляции — а это было либо незаконно, либо попросту *не принято*.

Вторая причина состояла в том, что я боялся. Трансляция разрушила Соединённые Штаты в их прежнем виде, свела многих с ума и даже толкнула нескольких человек на самоубийство — несмотря на то что это было, пожалуй, буквально наихудшей возможной реакцией на её содержание. Мне нравится считать себя любителем запретных тайн, но в Трансляции соотношение «заманчивое/ужасающее» было явно не в пользу первого.

— Э-э, — сказал я. — Как-то не дошли руки.

— У меня внизу в подвале есть телевизор и видеомагнитофон! Давай посмотрим прямо сейчас!

— …зачем тебе телевизор и видеомагнитофон в подвале?

— Я хотела посмотреть Трансляцию! Ты думаешь, я годами изучаю теодицею и ни разу её не видела? Я обходила гаражную распродажу за гаражной распродажей, пока не нашла нужную технику, а кассету заказала из Дачжоу. Из Дачжоу можно достать *что угодно*, если заплатить достаточно денег. А Трансляция — особенная. Это часть истории.

— Проказа тоже часть истории. Не значит же, что я хочу рассматривать её вблизи.

— Как твоя духовная наставница, — сказала Ана, присвоив себе совершенно неоправданный титул, которого я ей никогда не давал, — я решила, что ты посмотришь Трансляцию. Хотя бы чтобы ты заткнулся насчёт каинитов. Ты сейчас спустишься со мной в подвал и посмотришь её? Или ты струсил?

II.

Дэниел Сантони был любимым ведущим National Geographic — до своей безвременной гибели в экспедиции в Гималаях. Он также был неисправимым бабником, известным тем, что приставал к подчинённым. Его смерть оплакивали миллионы поклонников и встретили с тихим облегчением те, кто знал его близко.

Теперь он стоял перед парой ворот — вдвое выше человеческого роста, из металла, давно потемневшего до равномерной черноты. Они были вставлены в массивный прямоугольный проём, а проём — в плоскую каменную поверхность, уходящую за края кадра. Было непонятно, пол это, потолок или стена, и Сантони, казалось, ни на что конкретное не опирался. Ворота и проём были покрыты извивающимися скульптурами корчащихся мужчин и женщин, лица которых, казалось, оплывали в кошмарно искажённые гримасы. Мастерство исполнения было поразительным — будто тысяча скульпторов тысячу лет доводила до совершенства каждую деталь. Готическим шрифтом на них было написано: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».[330] Над воротами также висел транспарант: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, NATIONAL GEOGRAPHIC».

— Добро пожаловать, — произнёс Сантони, обращаясь к своей аудитории. Голос был тонким и пронзительным, и никто из смотревших Трансляцию не решил бы, будто Сантони делает это по своей воле. Видимых следов побоев не было, но выглядел он совершенно раздавленным. — Я и несколько… старых коллег… пришли сюда, чтобы показать вам… специальный выпуск National Geographic, посвящённый… Аду.

Была и музыка — но это была та же антимузыка, которую я однажды слышал в записи аудиенции Тамиила с президентом. Я бы предпочёл субтитры, чтобы можно было её отключить.

— Большинство людей думают, что слова на этих воротах написаны демонами, чтобы нагонять жуть, — но это не совсем так. Снаружи ворот власть демонов слабее. Это предупреждение написано как дружеский совет некой доброжелательной силой.

Врата Ада распахнулись, и Сантони с командой шагнули внутрь. Камера обернулась. Изнутри на воротах было написано: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НАДЕЯТЬСЯ, ДУРАЧКИ».

— Отчаяние обладает определённым обезболивающим свойством, — сказал Сантони. Говорил он так, словно знал это по личному опыту. — Для демонов Ада

поддерживать в людях надежду — психологическая пытка, почти столь же важная, как и физические пытки, которым они подвергают людей. Подробнее об этом нам расскажет Га'ашекела[331], Владыка Четвёртого Круга.

Кадр сменился: нечто вроде крипты-кабинета. Мебель была сделана из людей — тела, изломанные немыслимым образом и переформированные в стулья и столы. Га'ашекела выглядел как гигант с головой пантеры, но составленный целиком из рычащих пастей. В подписи значилось: «Эксперт по пыткам». Он опустился в кресло, сделанное из двух людей, переплетённых анатомически невозможным образом; оба беззвучно закричали, когда он на них сел.

— Каждые несколько лет мы устраиваем грешнику что-то вроде мнимой возможности побега, — сказал демон Сантони. — После того как тебя пытали целый век — снимали кожу кусок за куском, аккуратно возвращали на место, чтобы снять снова, сто раз подряд; насиловали в каждое отверстие твоего тела, включая те, которых у тебя ещё нет; вырывали ногти на руках и ногах один за другим, прикрепляли обратно и снова вырывали без остановки десять лет подряд, причём этим занимался демон с особым фетишем на этот счёт; после всего этого мы посылаем к тебе другого демона, который говорит, что в космическом реестре обнаружена ошибка — на самом деле тебе полагается Рай. Мы осыпаем тебя извинениями, приводим в порядок и посылаем делегацию сановников, чтобы проводить тебя к воротам. А потом, когда ты сквозь поток слёз благодаришь Бога за спасение, мы смеёмся и возвращаем тебя прямо к Ногтедёру — ещё на сотню лет.

Он покачал головой.

— И самое замечательное в людях — вы никогда не учитесь. Ещё через сотню лет мы проделываем то же самое, слово в слово, — разве что в конце добавляем «и на этот раз мы серьёзно», — и ты всё равно нам веришь. Потому что альтернатива — признать, что ты застрял навсегда, а вы никогда не учитесь оставлять надежду. Когда эта схема перестаёт работать, мы становимся

изобретательнее. Один из твоих сокамерников говорит тебе, что узнал тайное Имя, которое наконец-то убьёт тебя, подарит вожделенное небытие. Он демонстрирует: несколько других произносят его — и падают замертво. Переполненный радостью от такой возможности, ты произносишь это Имя — и мы все являемся и смеёмся над тобой. Сокамерники были подставными. Имя было бессмысленным словом или фразой, проклинающей Бога на забытом языке. Можно придумать кое-что поизобретательнее, но не стоит раскрывать все секреты. Ты, наверное, удивлён, что я вообще всё это рассказываю, — но видишь ли, это не имеет значения. Доведи человека до достаточно сильной боли — и он поверит во всё, что сулит хоть секунду облегчения. Выкрути боль достаточно высоко — и ты не представляешь, в какие идиотские надежды люди готовы верить. Так что да. На нашей стороне двери написано: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НАДЕЯТЬСЯ, ДУРАЧКИ». И вы будете.

Комментарий Сантони звучал на чётком среднеатлантическом английском,[332] в котором сквозил ужас.

— Это был Га'ашекела — один из демонов, созданных Тамиилом из энергии, высвободившейся со смертью Сатаны. Он говорил о психологических пытках Ада. Но физические пытки… — Он вдруг замолчал, начал трястись и бормотать что-то себе под нос. Картинка прервалась, и документальный фильм возобновился как ни в чём не бывало: равнина из железа, испещрённая башнями железных клеток. Они росли небольшими скоплениями — что-то растительное, органическое было в этих зарослях. Каждая клетка была набита людьми так плотно, что двигаться было невозможно; лишь прижатые к прутьям люди из внешнего слоя этой массы могли просовывать наружу руки и ноги и слабо ими шевелить.

— Большая часть Ада выглядит вот так, — сказал Сантони. Теперь на его лице были видны синяки. — Люди в этих клетках… отсюда этого не видно, но температура превышает тысячу градусов. Железные прутья раскалены так, что плавятся. Тела здесь такие, что они не могут сгореть, — но жар чувствуется с той же интенсивностью,

что и у живых. Даже с большей. Им не нужна еда для жизни, но муки голода так же остры. Им не нужна вода, но жажда… — Он оборвал себя. — Ещё одно отличие их тел от наших: разум не ломается и не привыкает… тысячный день здесь ничуть не легче первого… — Он обернулся к кому-то за кадром. — Прошу вас, не заставляйте меня продолжать… не надо… — Какой-то знак, который я не мог разглядеть. — Мы поговорим с некоторыми из этих людей, посмотрим, что…

Он поднёс микрофон ко рту кого-то, чьи губы были прижаты к прутьям клетки.

— ПОМОГИТЕЕЕЕЕЕ! — заорал в микрофон один из осуждённых — так громко, что я подскочил, и Ана положила мне руку на колено, чтобы остановить дрожь.

Потом все заговорили и закричали разом. Я смог разобрать лишь один или два обрывка:

— Меня зовут Мэйбел Риггс, я с Оувал-стрит, 242, в Миннеаполисе, если кто-то ещё меня помнит, пожалуйста, сделайте что-нибудь, молю, пожалуйста, я сделаю всё что угодно, о Боже, вы должны…

— ЗАТКНИСЬ! — заорал мужчина, прижатый к ней так плотно, что я боялся, как бы её кости не переломились о прутья. — ЗАТКНИСЬ, СУКА. ДАЙ МНЕ МИКРОФОН. Я…

Краткая потасовка, потом камера снова выпрямилась, и мы увидели горящий череп, идентифицированный как «Гамхикот, Эксперт по пыткам».

— Мы тратим много усилий на то, чтобы подбирать людям правильных сокамерников, — говорил Гамхикот. — Мы просматриваем базу данных всех, кто когда-либо жил, и находим тех, кто вам меньше всего понравится, максимизируем столкновение характеров…

Я повернулся к Ане.

— Я не хочу это смотреть.

— Ты должен это смотреть, — сказала она — и это было так несвойственно ей, что само по себе пугало почти так же, как то, что было на экране.

— Что? Нет, не должен!

— Ты попытался отмахнуться от проблемы зла! — сказала она. — Попытался сказать «Бог делает много стран-

ных вещей», как будто это, — она указала на экран, — сопоставимо по масштабу с утконосом! Хочешь понять, почему теодицея — трудная проблема? Смотри!

Когда мне наконец удалось снова поднять взгляд на телевизор, Сантони разговаривал с иссиня-чёрным, лишённым каких бы то ни было черт демоном по имени «Тагирион, Эксперт по пыткам». Они стояли на другой унылой серой равнине, прорезанной угловатыми чёрными зданиями. Деревья здесь росли, хотя стволы у них были железными, а тускло-серые листья плакали кровью. Повозки, влекомые жалкими израненными рабами, ездили туда-сюда по каменистой дороге, гружённые едой, вином и прочими роскошествами. Обочины дороги были утыканы отрубленными головами, насаженными на высокие колья, и некоторые головы слегка шевелились — не так, как от ветра.

— Некоторые демоны прозвали это место «Серные Акры», — говорил Тагирион. — Лучшая часть Ада — относительно, разумеется. Мы приберегаем её для самых закоренелых грешников. У Гитлера здесь вилла. У Берии и у ЛаЛори[333] тоже. Простая теория стимулов. Если бы самые страшные грешники попадали в самую страшную часть Ада, те, кто был достаточно уверен в своей обречённости, всё равно могли бы немного сдерживаться, чтобы сделать наказание чуть терпимее. Мы стараемся поощрять обратное. Если знаешь, что попадёшь в Ад, — греши больше, много больше, как можно больше, в надежде выиграть одно из этих завидных мест. И это только начало. Среди умерших в сталинской России были и плохие люди, и мне нравится следить за тем, чтобы каждый из них знал: Берия сейчас чудесно проводит время. Еда, питьё — и, разумеется, столько рабов, сколько ему угодно, для каких угодно целей. Каких угодно целей. Причём все рабы, которых для него отбирают, — это люди, ненавидящие его больше всего, что, конечно, только вишенка на торте. Такие места сами себя окупают — в смысле зла. Я просто раздаю каждому, кто погиб в Холокосте, маленький магический камень, по которому в любую минуту

можно узнать, чем занят Гитлер, — и вы бы слышали, как они воют.

К этому моменту я в основном закрывал лицо подушкой и скулил. Честно говоря, думаю, что пропустил большую часть Трансляции или что воспоминания о ней были вытеснены из памяти — что-то в этом роде. Кажется, в какой-то момент Ана принесла мне стакан воды или стала гладить меня по голове, но я знаю, что она не отпускала меня, и мне даже в голову не приходило уйти без её разрешения. Я просто сидел там, и образы со звуками проходили сквозь меня, как сквозь зомби. Я не смог бы сказать, долго это длилось или нет.

Но последнюю сцену я помню. Это была ещё одна равнина с клетками, расставленными чуть реже, чем прежде. Между ними небольшие железные поросли — кустарник, если клетки были деревьями, — удерживали отдельных грешников, получавших индивидуальное внимание от индивидуальных демонов. Шум был почти плотным и неразличимым — не столько звуком многих одновременно кричащих людей, сколько кирпичной стеной, в которую врезаешься ушами. Всё, что видел глаз, действовало так же. Я не знал, куда смотреть. Начиная различать отдельные фигуры, я увидел: некоторые из этих клеток были полны детей. Большой демон с рогами, как у барана, — в документальном фильме он был назван «Голахав, Биоэтик», — ходил от клетки к клетке, ослепляя каждого ребёнка: вырывал глаза из глазниц, и те через несколько мгновений отрастали заново. Пол под ногами скрывался под густым слоем раздавленных глазных яблок.

— Твоя мать здесь, — сказал Голахав.

— Я буду её пытать тысячу лет, — сказал мальчик. — Две тысячи! Я сделаю всё что угодно — любые пытки, какие захочешь! Ту вещь с пауками, что ты мне показывал! Я придумаю новые пытки, хуже всего, что ты видел! Обещаю!

— Одно из великих достоинств дурачков, которые никогда не оставляют надежду, — сказал Голахав Сантони и камере, — в том, что они пытаются выторговать себе

выход. За крошечный намёк на возможность выбраться — или хотя бы на менее переполненную клетку, или на пару недель передышки от «попечений» кое-каких особо мерзких демонов — вы не представляете, что люди готовы предложить. Никакого стоического терпения. Лучший способ отнять у человека добродетель — позволить ему самому додуматься, как себя унизить в обмен на морковку, маячащую у него перед глазами. Готов поспорить, что этот молодой человек, пока не попал в Ад, искренне верил: никакое страдание не может обратить его против тех, кого он любит. А теперь мы даже не просим, а он сам предлагает пытать свою мать две тысячи лет. Мы скажем «нет», и он будет кричать, а через пару десятилетий мы вернёмся — и он предложит такое извращённое и отвратительное, что это даже нас немного напугает, — и мы снова скажем «нет». Оставим ему все пытки, что у него уже есть, плюс сознание того, что он сделал всё возможное, чтобы предать каждый принцип, в который верил, — и это не принесло ему ничего. Или, может, примем его предложение — дадим ему пытать мать две тысячи лет, а потом не дадим ничего взамен — просто чтобы видеть его лицо, когда он поймёт, что всё зря. Или примем и дадим пару часов передышки от пыток — почему нет, — а потом снова сюда, ещё на тысячу лет.

Пока он говорил, мои глаза зацепились за другую часть сцены: молодая женщина, сидящая в ржавом железном кресле, чуть в стороне, но близко к камере — достаточно близко, чтобы я отчётливо видел её выражение лица. Она смотрела прямо перед собой, широко раскрытыми глазами, не шевелясь, молча, излучая самый беспомощный ужас, какой только можно вообразить. Крошечный зелёный демон порхал вокруг неё с крошечной кисточкой и красил её кожу в удивительно нежный светло-голубой цвет. Это была далеко не самая жуткая пытка из всего, что здесь происходило, — женщина даже, казалось, не была ранена, — но что-то должно было вызвать это выражение на её лице. Может быть, просто то, что она видела, что происходит вокруг неё со всеми остальными, и бо-

ялась, что в любой момент это может начаться и с ней. Может быть, что-то невидимое причиняло ей невыносимую боль всё это время. Может быть, и то и другое. Когда Сантони увидел её, он почему-то выронил камеру. На секунду всё погрузилось во тьму — пока кто-то другой не поднял камеру и не направил её снова на демона с бараньими рогами.

Тамиил появился из ниоткуда и подошёл к рогатому демону.

— Позволь помочь, — сказал он и одним движением пронзил оба глаза ребёнка двумя зубцами своего двузубца. Потом рывком вырвал двузубец, унося глаза с собой, и поднёс их прямо к камере. Не думаю, что я когда-либо видел более страшное выражение ужаса, чем в этих внезапно вырванных из тела глазах. Наконец он отвёл их и направил камеру прямо на себя — так, чтобы мне был виден каждый волосок и каждая морщина на обоих его ужасных лицах.

— Кажется, нам уже пора заканчивать, — сказал Тамиил. — Но не беспокойтесь. Позже у многих из вас будет *целая вечность*, чтобы узнать нас поближе. Я не скажу вам, десять процентов вас сюда попадут или девяносто, — мне нравится смотреть, как вы корчитесь от незнания. Я не скажу вам, попадаете ли вы сюда за неправильные убеждения, за неправильные поступки, за то, что именно считается неправильным, и вообще ничего такого, потому что хочу, чтобы вас полностью парализовал страх: а вдруг каждым своим поступком вы сами бросаете себя в мои руки. Хочу, чтобы вашим снам не давало покоя знание: когда вы умрёте, вас, вполне возможно, загонят в мир, где голод и жажда нарастают как обычно, но еды и питья больше не будет никогда. Где тело чувствует боль как прежде, но умереть никогда не может; где разум так же легко доводить до страдания, как на земле, — но он никогда не соскользнёт в спасительное безумие. Хочу, чтобы вы знали: вас будут запихивать в раскалённые клетки, свежевать, потрошить, насиловать, резать; мы будем вырывать вам глаза и лить в глазницы кипящее масло, и делать это снова, и снова, и снова.

— Хочу, чтобы вы знали: все те, кто говорит, что Ад — это отсутствие Бога, или что Ад — это то, как люди называют своё страдание на земле, или что Ад — это другие,[334] или что Ад — это небытие, или что Ад — это приятное место, где атеисты живут, свободные от божественной тирании, — все они просто выдают желаемое за действительное. Ад — это место под землёй, полное огня и демонов, где вас будут пытать вечно. Всё ровно так, как написано на банке.[335]

— Наконец, хочу, чтобы вы знали: *вы всё равно будете грешить*. Это лучшая часть. Несколько дней, или несколько недель, вы будете в ужасе, будете пытаться измениться, будете как алкоголик, клянущийся не взять больше ни капли. Потом память поблекнет, привычки возьмут своё — и все вернутся к тому, что было до. Вы не можете спастись. Вы недостаточно сильны. Натура возьмёт верх — не хочу показаться кальвинистом,[336] но это так, — и вы придумаете себе утешительное самооправдание и продолжите жить своей жизнью.

— Но жить вы будете не вечно. И когда вы умрёте, я буду ждать.

Тамиил ткнул двузубцем в камеру, и в тот момент, когда зубец пробил объектив, последовало какое-то финальное видение абсолютного ужаса — нечто, чего я никогда не смогу описать и что, по правде говоря, было ничуть не хуже всего остального, но казалось более онтологически фундаментальным, — а потом экран погас.

— Ну вот, — сказала Ана. — Это была Трансляция. Что думаешь?

Меня вырвало прямо на диван.

III.

Говорят, Трансляция появилась в Белом доме — в анонимной коричневой посылке, брошенной в почтовый ящик, — в конце 1972 года. Это был напряжённый момент на национальной сцене. Никсон баллотировался на переизбрание. Его союз с Тамиилом стал дипломатическим триумфом, но теперь политики снова осаждали его вопросами в залах Конгресса, а протестующие — на улицах городов по всей стране. Одни опасались богословских рисков союза с Дьяволом. Другие поднимали более практические вопросы. Советская Россия уже не раз была списана со счетов в этом противостоянии, но теперь дышала и вправду на ладан. Когда Тамиил возьмёт Москву, куда обратится его взор? Не оказываем ли мы помощь и поддержку неизбежному будущему врагу? Американский народ хотел знать, а соперник Никсона с каббалистически значащим именем, Джордж Макговерн,[337] развивал эту тему на митингах и встречах с избирателями по всей стране.

Говоря о каббалистических именах: на выборах 1972 года дело Никсона отстаивал Комитет по переизбранию президента, по-английски — Committee to Re-Elect the President, получивший насмешливое прозвище CREEP.[338] И ведь правда. Он был гением политики, возможно, даже государственного управления, — но в определённых областях интеллект не заменяет способности быть человеком, а не рептилией. Именно это его и погубило. Когда Никсон узнал о Трансляции, он решил, что это шантаж. Тамиил давал ему понять: если он отступит от сценария, Ад может выпустить Трансляцию в эфир, выставить его монстром за союз с ними, — и тогда на предвыборной кампании он с треском опозорится.

Поэтому президент приказал крупным телесетям — ABC, NBC, CNN[339] и прочим — не обнародовать Трансляцию, если та к ним поступит. Были очевидные проблемы с Первой поправкой,[340] но отношения Никсона с Конституцией были примерно такими же, как у каинитов с Библией: лучше просить прощения, чем разрешения.

Сети подчинились, президент залез поглубже в свой мешок с грязными трюками, и CREEP выиграл выборы с разгромным счётом.

Вот только у сетей не было Трансляции. Никто им ничего не посылал. Так что всё тихо шло своим чередом — пока в конце 1973 года Тамиил наконец не сравнял Москву с землёй. Вавилон великий пал.[341]

Западная Европа занервничала. Без общего врага американо-адский союз начал трещать. Дачжоу стравливало обе стороны. Все затаили дыхание, гадая, что будет дальше.

Никсон решил и сам сыграть жёстко. Он напомнил Тамиилу, что Трансляция по-прежнему у него. Тамиил не шелохнулся. Тогда Никсон отдал её сетям. Руководствуясь безупречно никсоновской логикой, он рассудил: я уже переизбран, а больше двух сроков всё равно не дают — чем я рискую?

1 ноября 1973 года Трансляция вышла в эфир перед ничего не подозревавшей страной.

Глава 26

Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы и вся вселенная не страдала также

Над собой святой Франциск увидел некую огромную, незапамятную, немыслимую силу, заполнившую весь небосвод, — древнюю, как Ветхий деньми, чей покой люди облекали в образы крылатых быков или чудовищных херувимов. И всё это крылатое чудо страдало, как раненая птица.
— Г. К. Честертон, «Святой Франциск Ассизский»

26 июня 1991 года
Мексиканский залив

— РАССКАЖИ МНЕ ПРО СЛОВО «ВОДА».

Соху сидела на своём облаке и закусывала небесной манной, полив её сверху кетчупом. В последние несколько недель Уриил всё чаще так делал — просил её рассказать о каком-нибудь слове и никогда не был доволен тем, сколько смысла ей удавалось из него выжать. Сколько бы связей она ни проводила, на скольких бы языках ни ткала свою сеть — он неизменно говорил что-нибудь вроде: «ДА, НО ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ О ПРОТОНАБАТЕЙСКОМ, В КОТОРОМ ЭТО ЖЕ СЛОВО ОБОЗНАЧАЕТ НЕКИЙ МАЛОИЗВЕСТНЫЙ КУХОННЫЙ ПРЕДМЕТ?» — и ей приходилось признавать, что эта мысль ей почему-то не приходила в голову.

Она театрально вздохнула, но возражать не стала.

— В прасемитском, — начала она, — это *akwa*. В праевразийском тоже *akwa*. В праамериндском снова *akwa*.[342] Так что мы наблюдаем очень сильный резонанс алеф-куф-вав. Алеф соединяет Хесед с Гевурой, куф соединяет Хесед с Биной, а вав соединяет Бину с Кетером. Итак, два пути из Хеседа: один поднимается вверх до самого Кетера, другой спускается к Гевуре.[343]

— ПРОДОЛЖАЙ.

— Значит, мы взываем к Хеседу — милости Божьей. Ср. Пс. 64:10 (в нумерации KJV — 65:9): «Ты посещаешь землю и утоляешь жажду её, обильно обогащаешь её: поток Божий полон воды». Но мы также взываем к Гевуре — суровости Божьей. Вода — это милость Божья, но и суровость Его: вспомните потоп Ноя, где суровость Его покарала нечестивых, а милость спасла Ноя и дала обещание больше не затоплять землю. Есть у нас Бина — разумение Божье. Духовный рост. Ср. Ин. 4:14: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную». И наконец — Кетер. Венец Божий. Человеческое тело состоит из воды на шестьдесят шесть процентов. Человеческий мозг — где-то на девяносто.[344] Человек создан по образу и подобию Божьему. Следовательно — Кетер.

— НО ЧТО НАСЧЁТ…

— Английского слова *water*, которое выбивается из ряда? Оно сохраняет вав, но заканчивается тавом и решем. Это очень особое сочетание. Тав восходит от Малхута, у самого основания древа, и тут же реш снова устремляется вверх — и за два шага оказываешься у Тиферет. А из Тиферет можно куда угодно. Тав-реш — кратчайший путь, это эффективность, это без затей, это прагматизм — для ситуаций, когда нужно очень много силы, очень и очень быстро.[345]

— И ПОЧЕМУ…

— Английский отклоняется от других языков потому, что для тибетцев, коренных американцев и египтян вода — это жизнь, тайна и всё такое прочее. Но Британия — остров, а британцы — величайшие мореплаватели в ис-

тории. Тибетец смотрит на воду — и думает о щедром урожае и духовном возрождении. Англичанин бросает на неё один взгляд — и думает: «Да, разумение Господне — вещь прекрасная, но по этой штуке ещё и плавать можно *куда угодно*».

— НО ЧТО НАСЧЁТ ИВРИТА, ГДЕ ВОДА — ЭТО «МАЙИМ»?

— Это означает… потому что… не знаю. Кто вообще знает? Насколько глубоко нужно копать? Разве не достаточно того, что я привела три реконструированных праязыка с трёх разных континентов и объяснила отклонения от тенденции? Хоть раз бы ты сказал: «Молодец, Соху, достаточно, Соху».

— ГМ. МОЛОДЕЦ, СОХУ.

— Уриил, это *жутко скучно*.

— ТЫ ОЧЕНЬ АНГЛИЧАНКА. ТЫ ХОЧЕШЬ ДОБИРАТЬСЯ ДО ЦЕЛИ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ. НО ИНОГДА…

— Когда я наконец научусь делать что-нибудь крутое — ну, например, взрывать горы?

— ГМ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НУЖНО ВЗРЫВАТЬ ГОРЫ. ГОРЫ ПОЛЕЗНЫ. ОНИ ПОМОГАЮТ РЕГУЛИРОВАТЬ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

— Тогда взорву *Тамиила*.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ УБИТЬ ТАМИИЛА. ОН — ГРАНЬ БОГА.

— Когда я вообще научусь *хоть чему-нибудь*? Уриил! Это. Жутко. Скучно. Целый день — одно только строение слов. Я хочу помочь Отцу. Помочь спасти мир.

— КАББАЛОЙ ВОЗДЕЙСТВУЮТ НА ФИЗИЧЕСКИЙ МИР ПРЕЖДЕ ВСЕГО НА ПЛАНАХ БЫТИЯ ЙЕЦИРЫ И БРИИ. ЭТИ ПЛАНЫ СОСТОЯТ НЕ ИЗ МАТЕРИИ, НО ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ТОНКОЙ СТРУКТУРЫ. ПОКА ТЫ НЕ ПОЙМЁШЬ СООТВЕТСТВИЙ И СТРУКТУРЫ, ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ УСТОЙЧИВО НА НИХ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ.

— Я заставила *все реки в мире* течь вспять в первый же день.

— СЛУЧАЙНО. ВОТ О ЧЁМ Я И ГОВОРЮ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ТОЧНО, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ТАКИХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ БУДЕТ БОЛЬШЕ. И ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ИХ ИСПРАВИТЬ.

— Я буду осторожна.

— Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ИСТОРИЮ.

— Это будет одна из тех твоих историй, где всё оказывается странной метафорой чего-нибудь?

— ОДНАЖДЫ РАББИ БЕН-АЗЗАЙ, РАББИ БЕН-ЗОМА, ДРУГОЙ И РАББИ АКИВА ПОСЕТИЛИ ПАРДЕС.[346] БЕН-АЗЗАЙ УВИДЕЛ ЕГО И УМЕР. БЕН-ЗОМА УВИДЕЛ ЕГО И СОШЁЛ С УМА. ДРУГОЙ ВЫЖЕГ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ. АКИВА ВОШЁЛ С МИРОМ И С МИРОМ ВЫШЕЛ. КОНЕЦ.

— Значит, да.

— ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО…

— Подожди. А кто такой Другой?

— ДРУГОЙ?

— Ты сказал: рабби Бен-Аззай, рабби Бен-Зома и Другой.

— А. ДА. ДРУГОЙ. ЕГО ЗВАЛИ ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ, НО МЫ О НЁМ НЕ ГОВОРИМ. В ТАЛМУДЕ ЕГО ВСЕГДА НАЗЫВАЮТ «АХЕР», ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ДРУГОЙ».[347]

— Почему его имя никогда не произносят?

— ЭТО ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ.

— Хочу её услышать!

— В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КНИГЕ ПО ПЕДАГОГИКЕ НАПИСАНО, ЧТО Я ВСЕГДА ДОЛЖЕН СТАРАТЬСЯ ОТВЕЧАТЬ НА ВОПРОСЫ ДЕТЕЙ, ДАЖЕ КОГДА ОНИ ОЧЕНЬ НАДОЕДЛИВЫ.

— Вот именно.

— ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ БЫЛ ВЕЛИКИМ РАВВИНОМ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ. БЛЕСТЯЩИМ КАББАЛИСТОМ. МОГУЧИМ ЧУДОТВОРЦЕМ. ИСТИННЫМ СВЯТЫМ. ОДНАЖДЫ ОН ШЁЛ ПО ДОРОГЕ И УВИДЕЛ, КАК МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК ПОЛЕЗ НА ДЕРЕВО. МАЛЬЧИК НАШЁЛ ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО. ОН ВЗЯЛ ЯЙЦА, ЧТОБЫ СЪЕСТЬ, И УБИЛ ПТИЦУ-МАТЬ. НО ЭТО ПРОТИВОРЕЧИЛО ВТОР. 22:6, ГДЕ СКАЗАНО: «КТО МАЛОГО КРАПИВНИКА ОБИДИТ — ТОТ ЛЮБВИ ЛЮДСКОЙ ВОВЕК НЕ УВИДИТ».[348]

— Не так во Второзаконии… там написано… э-э… «Если попадётся тебе на дороге птичье гнездо на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе

с детьми: мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои».

— ЭТО БЫЛ НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД. КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК УБИЛ ПТИЦУ-МАТЬ, СЛЕЗ С ДЕРЕВА И ПОБРЁЛ ДАЛЬШЕ.

— Неточный перевод? Это по какому ещё переводу ты…

— НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ ЭЛИША СНОВА ШЁЛ ПО ТОЙ ЖЕ ДОРОГЕ И УВИДЕЛ ДРУГОГО МАЛЕНЬКОГО МАЛЬЧИКА, КОТОРЫЙ ПОЛЕЗ НА ДЕРЕВО В ПОИСКАХ ЯИЦ. ЭТОТ МАЛЬЧИК НАШЁЛ ГНЕЗДО, ВЗЯЛ ЯЙЦА, НО ОСТАВИЛ ПТИЦУ-МАТЬ В ПОКОЕ, КАК И ПРЕДПИСЫВАЕТ ЗАКОН. НА ОБРАТНОМ ПУТИ С ДЕРЕВА ОН ОСТУПИЛСЯ, УПАЛ, СЛОМАЛ ШЕЮ И УМЕР. И ТОГДА ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ ПОКЛЯЛСЯ В ВЕЧНОЙ МЕСТИ БОГУ.[349]

— *Что?!*

— ОДИН МАЛЬЧИК СОВЕРШИЛ ЗЛОЙ ПОСТУПОК И НЕ БЫЛ НАКАЗАН. ДРУГОЙ МАЛЬЧИК СОВЕРШИЛ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ПОСТУПОК И БЫЛ НАКАЗАН СМЕРТЬЮ. ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ УВИДЕЛ ЭТО И ОБЪЯВИЛ, ЧТО КАКАЯ БЫ СИЛА НИ ВЕРШИЛА СУДЫ В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ — ОН В БУНТЕ ПРОТИВ НЕЁ.

— Из-за одной птицы? Не чересчур ли?

— КАКОВА ПРАВИЛЬНАЯ МЕРА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, ПОСЛЕ КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ ОБЪЯВИТЬ СЕБЯ В БУНТЕ ПРОТИВ СИЛЫ, ВЕРШАЩЕЙ СУДЫ В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ?

— Ну, для этого нужно было бы… а. *А-а.*

— ДА. ЭЛИША БЫЛ ОЧЕНЬ ЗОЛ. ОДИН ЗА ДРУГИМ ОН НАРУШАЛ ВСЕ ЗАКОНЫ. ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ РАВВИНОМ, ПОЭТОМУ ЗНАЛ КАЖДЫЙ ЗАКОН И ЗНАЛ, КАКИЕ ИЗ НИХ СИЛЬНЕЕ ВСЕГО ОСКОРБЛЯЮТ БОГА, КОГДА ИХ НАРУШАЮТ, — И ПОСВЯТИЛ СЕБЯ ЭТОЙ ЗАДАЧЕ С ПУГАЮЩЕЙ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННОСТЬЮ. ОН РАЗВОДИЛ ОГОНЬ В СУББОТУ. ОН ЕЛ СВИНИНУ. ОН ДАЖЕ ВАРИЛ КОЗЛЁНКА В МОЛОКЕ ЕГО МАТЕРИ. ЧТО, КСТАТИ, И ОБЪЯСНЯЕТ, ПОЧЕМУ БОЛЬШЕ НЕТ ГОРОДА ПОД НАЗВАНИЕМ ПОМПЕИ. НО ЭТО ЕМУ БЫЛО МАЛО. ОН ПОКЛЯЛСЯ НАРУШИТЬ ВАЖНЕЙШИЙ ЗАКОН ИЗ ВСЕХ.

— А какой закон важнейший из всех?

— ЕДИНСТВО БОГА. ЭЛИША ВОЗНЁССЯ НА НЕБЕСА — КАК ВОДИТСЯ — И УКАЗАЛ НА АРХАНГЕЛА МЕТАТРОНА[350], НАМЕСТНИКА БОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛА В КОНЕЧНОМ МИРЕ. И ПРОВОЗГЛАСИЛ: «ВОТ ТОТ ПАРЕНЬ — ОН ТОЖЕ БОГ. БОГОВ ДВОЕ. Д-В-О-Е Б-О-Г-О-В. СМИРИТЕСЬ». РАВВИНЫ ПОСТАНОВИЛИ, ЧТО ЕГО ИМЯ НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ПРОИЗНОСИТЬ. И ВСЕ, КТО СЛЫШАЛ ОБ ЭТОМ, ГОВОРИЛИ: «КОНЕЧНО ЖЕ, ВЕЛИКИЙ РАББИ ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ НИКОГДА НЕ ПОСТУПИЛ БЫ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ. ЭТО ДОЛЖЕН БЫТЬ КТО-ТО ДРУГОЙ». И С ТЕХ ПОР ЕГО СТАЛИ НАЗЫВАТЬ «ДРУГИМ».

— А он когда-нибудь раскаялся?

— БОГ ОТКАЗАЛСЯ ЕГО ПРОСТИТЬ.

— Что? Бог всегда прощает подобные вещи!

— ДА.

— Тогда…

— КРОМЕ ЭЛИШИ БЕН-АБУЙИ.

— Только его?

— ГОВОРЯТ, ЧТО КАЖДЫЙ ГОД В ДЕНЬ ИСКУПЛЕНИЯ ВЕЛИКИЙ ГОЛОС РАЗДАВАЛСЯ ИЗ СВЯТЫХ МЕСТ И ПРОВОЗГЛАШАЛ: «ПОКАЙТЕСЬ, ДЕТИ ИЗРАИЛЯ, ИБО ГОСПОДЬ БОГ ВАШ МИЛОСЕРДЕН И ПРОСТИТ ВАС. КРОМЕ ТЕБЯ, ЭЛИША БЕН-АБУЙЯ».[351]

— Неужели в самом деле?

— ЭТО БЫЛ ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫЙ ГОЛОС.

— И что с ним стало?

— НИЧЕГО.

— Он просто жил, грешил, а потом умер и попал в Ад?

— НЕТ.

— Нет?

— ВАВИЛОНСКИЙ ТАЛМУД ГОВОРИТ, ЧТО ОН БЫЛ СЛИШКОМ ВЕЛИКИМ РАВВИНОМ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ В АД, НО СЛИШКОМ ЗЛЫМ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ НА НЕБЕСА.[352]

— И куда же он попал?

— НЕ ЗНАЮ. Я НИКОГДА НЕ СПРАШИВАЛ.

— Ты никогда не спрашивал?

— Я ОЧЕНЬ ЗАНЯТ. Я НЕ МОГУ СЛЕДИТЬ ЗА КАЖДЫМ ТАЛМУДИЧЕСКИМ РАВВИНОМ. МОЖНО МНЕ УЖЕ ВЕРНУТЬСЯ К СВОЕЙ ИСТОРИИ?

— Как вообще можно потерять целого раввина?

— РАЗ УЖ ТЫ ТАКОЙ ЗНАТОК МЕТАФОР, КАК ТЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕШЬ ЭТУ ИСТОРИЮ?

— Я… забыла историю. Напомни?

— ОДНАЖДЫ РАББИ БЕН-АЗЗАЙ, РАББИ БЕН-ЗОМА, ДРУГОЙ И РАББИ АКИВА ПОСЕТИЛИ ПАРДЕС. БЕН-АЗЗАЙ УВИДЕЛ ЕГО И УМЕР. БЕН-ЗОМА УВИДЕЛ ЕГО И СОШЁЛ С УМА. ДРУГОЙ ВЫЖЕГ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ. АКИВА ВОШЁЛ С МИРОМ И С МИРОМ ВЫШЕЛ. КОНЕЦ.

— Ужасная история.

— Я И НЕ ГОВОРИЛ ОБРАТНОГО.

— История Элиши Бен-Абуйи в миллион раз интереснее!

— ЭТА ИСТОРИЯ — ПРИТЧА ОБ ОПАСНОСТЯХ МИСТИЧЕСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ. ПАРДЕС СИМВОЛИЗИРУЕТ ВЫСШИЕ ПЛАНЫ, С КОТОРЫМИ ТЫ СОПРИКОСНЁШЬСЯ В СВОИХ ЗАНЯТИЯХ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ГОТОВА — КАББАЛА МОЖЕТ ТЕБЯ УБИТЬ. ЕСЛИ ГОТОВА ЛИШЬ НАПОЛОВИНУ — КАББАЛА МОЖЕТ СВЕСТИ ТЕБЯ С УМА. ЕСЛИ ТВОИ НАМЕРЕНИЯ НЕЧИСТЫ — КАББАЛА МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬ ТЕБЯ В СИЛУ ВЕЛИКОГО ЗЛА, КОТОРАЯ РАЗРУШАЕТ ВСЁ ВОКРУГ. И ТОЛЬКО ЕСЛИ ТЫ МУДРА И ДОБРОДЕТЕЛЬНА, КАК АКИВА, — СМОЖЕШЬ ВЫЙТИ НЕВРЕДИМОЙ.

— Значит, ты говоришь, что не будешь учить меня ничему интересному, пока я не стану такой же мудрой и добродетельной, как Акива.

— МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ НАСТОЛЬКО. НО Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ТЫ ПЕРЕСТАЛА ГОВОРИТЬ О ТОМ, ЧТОБЫ ВЗРЫВАТЬ ГОРЫ.

— Может, горы злые. Или в них прячется зло. Или что-то вроде того.

— ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НУЖНО ВЗРЫВАТЬ ГОРЫ. ЭТО НИКОГДА НЕ ПОМОГАЕТ.

— Бу-бу-бу.

— ТЫ УЖЕ ВЫУЧИЛА ВСЕ ЯЗЫКИ МИРА?

— Я же говорила тебе, это невозможно!

— Я ДУМАЮ, ТЕБЕ СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ.
— Ты же пытаешься от меня избавиться!
— …

Интерлюдия ל: Внешние врата[353]

I.

Представьте себе, что Небес нет. Это легко, если попробовать.[354] Настолько легко, что миллионы людей на протяжении всей истории делали это совершенно нечаянно. Они ходили в церковь, читали Библию, падали ниц в молитве — а потом возвращались домой и всё равно жили в грехе.

Однажды группа психологов провела с детьми эксперимент на силу воли. Перед маленьким ребёнком клали маршмеллоу и говорили: если просидит рядом пять коротких минут, не съев его, получит потом *два* маршмеллоу. «Тест с маршмеллоу», как его впоследствии назвали, оказался связан с самыми разными исходами во взрослой жизни — здоровьем, достатком, успехом.[355] Потому что если только вы не были исключительным ребёнком, высидеть все пять минут рядом с этим соблазнительным маршмеллоу, который так и просит, чтобы его съели, — ради награды в каком-то паршивом *будущем* — было просто невозможно.

Тогда поднимем ставки. Просидишь пять минут — и мы всю вечность будем давать тебе столько маршмеллоу, сколько сможешь съесть. Получишь целое измерение, целиком состоящее из маршмеллоу. Ты будешь жить в огромном особняке из маршмеллоу, окружённом лесами из мармеладных драже, со слугами-пряничными человечками и семьюдесятью двумя гуриями из чистого сахара.[356] Но съешь маршмеллоу — хоть кусочек — и тебя унесут в Советскую Россию, где мар-

шмеллоу насадят тебя на палочку, подвесят над огнём и поджарят *тебя*.[357]

Я говорю сейчас не об атеистах. Я говорю о людях, которые принимают всю эту посылку и говорят: «Ага, этот мир — по сути вселенский тест с маршмеллоу: если мы выдержим хотя бы ничтожный миг без греха, нас наградят вечным блаженством, превосходящим любые наши мечты, а если схватим маршмеллоу — нас покарают вечными муками, которые невозможно даже вообразить», а потом тут же говорят: «А, чёрт с ним» — и съедают маршмеллоу.

(Господь сказал Адаму: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а этот маршмеллоу — маршмеллоу познания добра и зла — не ешь; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь».)[358]

И дело не только в Адаме. Что насчёт сыновей Ноя, которые сразу после спасения от великого потопа — где Бог самым наглядным образом показал, до чего же он мстителен к грешникам, — решили отпраздновать это какой-то странной развратной кровосмесительной оргией с изнасилованиями?[359] Что насчёт Иуды Искариота, который, насмотревшись на чудеса Иисуса, решил предать его за какие-то жалкие тридцать сребреников? Это были не люди, терзаемые сомнениями в условиях сделки. Это были люди, которые прекрасно знали, чем оплачивается этот маршмеллоу, — и всё равно проглотили его.

Я мог бы упрекнуть Библию в нереалистичности, но всё, что произошло потом, её подтвердило. Что уж греха таить: искренне верующие не отличались особой безупречностью за две с лишним тысячи лет после завершения Нового Завета.

Представьте себе, что Небес нет. Это легко, если попробовать. Только ледяная пасть Ада, алчущая грешников.

В ту морозную ноябрьскую ночь, когда Трансляция вышла в эфир, вся красивая ложь, все отговорки, которыми люди утешали себя, поедая маршмеллоу, рухнули. Люди падали на колени, вымаливая прощения. Скряги выходили на улицы и швыряли все свои деньги первому встречному бездомному. Юристы, банкиры и политики

массово подавали в отставку. Так много людей уходило в леса жить отшельниками, что леса переполнились, и настоящие отшельники — те, кто знал, что делает, — перебрались в опустевшие многоквартирные дома.

Целые отрасли рухнули за считаные дни. Когда знаешь наверняка, что эта жизнь — лишь прихожая невыразимой вечности, — кто, чёрт возьми, захочет проводить её за консервированием тунца? Кто захочет ловить тунца, чтобы его консервировали? А вдруг окажешься у Жемчужных врат, а апостол Пётр окажется этаким пуристом, крайне расстроенным тем, что современные методы промышленного рыболовства сделали с его бывшим ремеслом?[360]

В Европе волны процерковных настроений захлестнули традиционно католические страны юга и востока. В Азии некогда самодовольные бизнесмены морили себя голодом до смерти, надеясь накопить достаточно кармы, чтобы избежать вечной погибели. В Южной Америке революционные партизаны каялись и становились странствующими монахами. В России марксистско-лурианские анклавы, уцелевшие после падения Москвы, лишь удвоили усилия и сражались ещё яростнее.

В Овальном кабинете Ричард Никсон, поначалу отмахнувшийся от Трансляции как от пропаганды, смотрел её, должно быть, уже в двадцатый раз.

— [Нецензурное слово удалено], — сказал Никсон.

Некоторые люди — из-за врождённого дефекта характера или из убеждённости, что они в любом случае обречены на Ад, — воспользовались хаосом. Любой, кто мог нацепить лохмотья и встать с протянутой рукой, мгновенно становился миллионером. Фиктивные благотворительные организации возникали как грибы после дождя, собирали столько денег, что потребовались дополнительные почтовые ящики для конвертов с наличными, — а затем закрывались прежде, чем кто-либо успевал спросить, каким именно образом они собираются покончить с мировым голодом, сидя в Джонсборо, штат Арканзас. Немногие оставшиеся предприниматели были осаждены соискателями работы, которые указывали,

какие они *отчаявшиеся* и *нуждающиеся*, и как хорошо это будет смотреться в небесной бухгалтерской книге святого Петра, если их немедленно наймут на необременительную работу с высоким жалованьем.

Это были скверные люди, заслуживающие наказания. Можно даже сказать — «поражённые праведной карой». Теперь уж недостатка в желающих творить праведные дела не было. Вскоре началось преследование, и его безумный фанатизм был таков, что на его фоне Салемские процессы выглядели заседанием Американского союза защиты гражданских свобод. Сочетание множества благонамеренных, но неопытных людей, пытавшихся творить добро и создавать благотворительные организации, — с грандиозной охотой на тех, кто притворялся добродетельным и создавал фиктивные организации, — дало именно тот результат, которого и следовало ожидать. Самосуд свершился.

В разгар всего этого НАСА некстати объявило о намерении запустить давно откладывавшуюся миссию «Аполлон-13» «для дальнейшего изучения состава небесных сфер».[361]

Католические страны Европы объединились в теократию. Марксистские партизаны в Южной Америке растворились в дарьенских джунглях. Дачжоу сообщило Далай-ламе, что очень-очень сожалеет и он вполне может взять Тибет обратно, если пожелает.

Ричард Никсон исчез на несколько недель.

Гражданская авиация в Соединённых Штатах рухнула: сложные цепочки снабжения и техобслуживания оказались не под силу шатающейся промышленности. Средний Запад захлестнули беспорядки. Государственный секретарь объявил, что федеральное правительство более не в состоянии обеспечивать силовое присутствие к западу от Миссисипи, и губернаторам штатов надлежит делать всё возможное, чтобы поддерживать спокойствие, пока порядок не будет восстановлен.

II.

— Хьюстон, у нас проблема.

У Хьюстона хватало собственных проблем. Луизиана, долго страдавшая от периодических штормов, отделявшихся от урагана Уриила, наконец сдалась. Губернатор Техаса Долф Бриско объявил Техас независимым — до тех пор, пока федеральное правительство не придёт в себя. Центр управления полётами в Хьюстоне продолжал работать на НАСА — до тех пор, пока не будет согласована иная договорённость.

— Что за проблема, «Аполлон-13»?

— Похоже, взорвался кислородный баллон. Командный модуль заполняется углекислым газом. Нам удалось на скорую руку переделать систему, но надолго этого не хватит. Нам нужно вернуться на Землю.[362]

— Принято, «Аполлон-13».

На мгновение внимание рассыпающейся сверхдержавы отвлеклось от её собственного самосожжения: три отважных человека в смертельной гонке со временем сражались за жизнь и корабль. Миллионы американцев, приникшие к телеэкранам, встретили аплодисментами благополучное приводнение командного модуля в Тихом океане — у самых берегов новопровозглашённого Калифорнийского Халифата.

Но радость сменилась растерянностью, когда из спасённой капсулы вышли не трое, а четверо.

Джон Янг, командир.

Кеннет Маттингли, пилот.

Фред Хейз, пилот лунного модуля.

И Ричард Никсон, президент Соединённых Штатов.

Все хотели знать одно: почему президент оказался на космическом корабле?

За Никсоном в Калифорнию отправили Air Force One, чтобы вернуть его в Вашингтон; как президента или как заключённого — никто не знал. Были вызваны свидетели. Комитет затребовал документы. Выяснилось, что президент хранил записи всего, что он говорил в Овальном кабинете; их приобщили к делу.

— Послушай, — говорил Никсон Киссинджеру в одной из самых уличающих записей. — Всё, что я делал, я делал из любви к этой стране, я делал это, чтобы бороться с коммунизмом. Но [нецензурное слово удалено] Бог не увидит этого в таком свете. Он слишком мягок, чтобы понять, что нужно было сделать. И я в итоге буду гореть в [нецензурное слово удалено] всю вечность. Какого [нецензурное слово удалено] я вообще позволил тебе уговорить меня подписать этот союз с [нецензурное слово удалено]?

— Идея союза была здравой, — ответил Киссинджер. — Тогда мы не вполне понимали, как обстоят дела, но даже если бы понимали — я бы дал тот же совет. Брежнев набирал слишком большую силу, особенно с коммунистическими движениями во Вьетнаме и Южной Америке. Мы делали то, что должны были делать. Если Господь Бог со мной не согласен — я буду рад указать Ему на Его тактические просчёты.

— [Нецензурное слово удалено] тебе легко говорить! — сказал президент. — Ты кого угодно в чём угодно убедишь. Но моя [нецензурное слово удалено] душа стоит на кону. Разве в Библии не сказано что-то такое? Что пользы человеку, если он… как там… весь мир приобретёт, а душе своей повредит?[363] Какая-то [нецензурное слово удалено] хипповская муть в этом духе? Я разрываю союз. Другого выхода нет.

— Возможно, есть иной путь. Как вам известно, капитан Армстронг исчез в трещинах небосвода. Куда именно он попал — неизвестно, но вы не могли не заметить, что популярная пресса строит предположения: он вошёл в Небеса. Мои люди изучали этот вопрос. Я считаю, что подобно тому, как внутри Земли существуют врата в Ад, у края космоса могут находиться Внешние врата, ведущие в Небеса.

— [Нецензурное слово удалено] замечательно. Значит, эти [нецензурное слово удалено] врата за пределами мира приведут меня в Небеса. Но как я должен туда добраться? Прокатиться на [нецензурное слово удалено] космическом корабле?

— У вас их несколько.

— Господи, ты [нецензурное слово удалено] серьёзно.

— Директор НАСА предан администрации, — сказал Киссинджер. — Я об этом позаботился. «Аполлон-13» уже не первый год готов к старту, но подходящего момента так и не было — вечно какой-нибудь кризис. Мы дадим НАСА понять, что теперь самое время и им нужно выделить место для четвёртого человека. Астронавты будут недовольны, но не выдадут секрета. Они военные, а вы — их главнокомандующий.

— [Нецензурное слово удалено] так и есть! — сказал Никсон. — Боже праведный, ты начинаешь меня убеждать. Так когда мы можем отправиться к этим вашим Внешним вратам?

— Думаю, НАСА сможет подготовить корабль примерно через месяц. После этого — трёхдневный полёт до хрустальной сферы, и оттуда вы сможете спуститься во Внешние врата и спасти свою душу, пока наш союз против коммунизма остаётся в силе.

— Не [нецензурное слово удалено] верю, но давайте сделаем это! — было слышно в записи, воспроизведённой перед слушанием комитета Палаты представителей по судебной власти, члены которого единогласно проголосовали за внесение резолюции об импичменте. И дело было не только в политике. Охоты на тех, кто пытался обмануть богобоязненный и адобоязненный народ, только-только начали стихать. А тут сам президент — пытается смухлевать самым фантастическим образом: купить себе спасение за счёт налогоплательщиков, бросив своих так называемых избирателей гореть. Вопрос стоял не о том, будет ли Никсону объявлен импичмент. Вопрос был в том, сколько секунд он продержится, лишившись охраны Секретной службы.

Когда скандал с Внешними вратами пошёл на третью неделю, Никсон отступил. Он заключил сделку с Палатой: если мирно уйдёт в отставку, его безопасно доставят в родную Йорба-Линду, в Калифорнийском Халифате, где он сможет безбедно жить в изгнании. Под покровом ночи президента вывезли из Вашингтона, пока толпы

забрасывали Air Force One камнями и коктейлями Молотова.

III.

Форд значит «попытаться преодолеть трудную переправу».[364] 9 августа 1974 года Джеральд Форд принял присягу президента Соединённых Штатов.

В Калифорнийском Халифате, Техасской Технократии, Вольном государстве Салиш и в разных городках и усадьбах того, что прежде было Средним Западом, люди наблюдали за инаугурацией примерно так же, как смотрели бы на коронацию королевы Великобритании: интересно, может быть, даже вдохновляюще, но к ним лично это не имело особого отношения. В своей инаугурационной речи Форд признал, что федеральное правительство теперь контролирует лишь Восточное побережье и части Юга и района Великих озёр.

И когда путь уже был уготован перед ними, войска Тамиила, Повелителя Демонов, пересекли Берингов пролив и начали вторжение в Северную Америку.

Глава 27

Звёздный дол, берег вод[365]

12–13 мая 2017 года
Тихий океан

I. Джеймс

Внизу, под палубой, располагались каюты команды. Ана не рассчитывала на отдельную комнату и не получила её. В её кубрике стояло четыре койки: одна для неё, три — для Джеймса, Лина и Томаса. Вообще-то её койка принадлежала Амоксиэлю, но ангел не спал. Насколько они могли судить, он просто сидел на палубе всю ночь, с тоской глядя на звёзды.

Она привыкла жить с мужчинами — больше года прожила в общем доме. Она не была привередливой; а если бы и была, в тесноте «*Всем Сердцем*» она бы быстро от этого отучилась.

Джеймс спал на койке под ней. Даже в краткой дремоте его мучили беспокойные сны. Ана спросила, что ему снится. Некоторое время он молчал.

— Вещи, которые я делал, — сказал он наконец. — Я был в армии Другого Короля. Тогда мы ещё не понимали по-настоящему, насколько он плохой. Дело было вскоре после битвы при Несамере[366]. Но он всё равно уже был плохим. Я стрелял в людей, наверное, в невинных. Вот что мне снится. И Трансляция. Мне снится Трансляция, и я боюсь, что это окажусь я.

— Говорят, что каждый, кто искренне раскается и поклянётся жить добродетельно, будет спасён, — сказала Ана.

— Да, вот только я сижу на корабле, пытаясь найти Бога, чтобы взойти на Его судно и — не знаю — похитить Его или что-то вроде того. Добродетельная жизнь, как же, — сказал Джеймс.

— Ты всегда мог бы…

— Сны, девочка, — сказал Джеймс. — Это просто сны.

II. Лин

Если Джеймс был молчаливым, то Лин не умолкал ни на минуту. Он говорил обо всём на свете. О том, будет ли попутный ветер. О расчётах, позволяющих определить время следующего появления Метатрона близ Файер-Айленда[367] в штате Нью-Йорк. О своей юности, когда он был подмастерьем у ритуалиста в Аризоне.

— Это было во время большого спора между ритуализмом и плацебомантией, — рассказывал он Ане. — Я пытался держаться сразу двух лагерей, взять лучшее от обоих миров, понимаете? Потом всё покатилось в Ад, когда Альварес убил Лаутенберга, а Маккарти убил Совет. Ритуализм рассыпался, плацебомантия стала слишком прочно ассоциироваться с Альваресом и насилием, и теперь обучиться хоть одному, хоть другому трудно. Если кто-то слишком хорошо овладевает ритуальной магией, Альварес его убивает. А если и не убивает, люди решают, что он работает на Альвареса, и подозрения растут, пока его не увольняют под каким-нибудь идиотским предлогом. Никакого будущего у этого больше нет. Со временем мы смогли бы делать не меньше каббалистов, и без ограничений авторского права. А вместо этого всё время оглядываемся через плечо, и нас выставляют за дверь.

— Кроме Альвареса, — заметила Ана.

— Держу пари, он оглядывается через плечо каждую чёртову минуту, — ответил Лин. — Надеюсь, его поймают, посадят и выбросят ключ. Плацебомантия — это не только практические применения. Это понимание вселенной. Плацебомантия — пока единственный известный нам признак того, что вселенную можно в чём-

то убедить и что у неё есть врождённый разум. Лучше — только поговорить с Метатроном один на один. Если мы оставим её террористам, мы упускаем величайший шанс узнать что-то о Боге и о себе.

— Вы не боитесь Альвареса? — спросила Ана.

— Я? Я недостаточно хорош, чтобы бояться. Он убивает только больших шишек. Я просто из тех, кого хватает разве что на оранжевый парус. И я редко покидаю «*Всем Сердцем*». Если БУДЖУМ хочет взойти на этот корабль, пусть платит десять миллионов, как все.

III. Симеон

Они двигались с хорошей скоростью почти строго на юг, держась в стороне от берега и уходя прямо в синие воды — чуть больше шестидесяти узлов. Ана мало что понимала в мореплавании, но догадывалась, что для морского судна это невообразимо быстро. «*Всем Сердцем*», построенная как самый скоростной корабль в мире, производила внушительное впечатление даже без своих «особых возможностей».

Как только они вышли в открытое море, Джеймс сказал, что пора проверить её навыки. Он провёл её к жёлтому парусу посередине палубы. Его форма ладно сочеталась с соседними парусами — спереди и сзади — так, что вместе они походили почти на произведение искусства.

— Что мне делать? — спросила она Джеймса.

— Просто произнеси Имя и посмотри, что будет, — ответил он.

Она произнесла Имя Мистраля, и ветры пришли к ней. Шквал и самум, и сирокко, муссон и марин, и зефир. Леванте, трамонтана, хабуб. И наконец — её собственный ветер, Санта-Ана. Она метнула их все в жёлтый парус, и на мгновение корабль остановился. Мир сузился до точки. Она почувствовала себя прекрасно, по-настоящему живой.

Она вспомнила строчку из Шекспира, слышанную давным-давно. «Я духов вызывать могу из бездны!»[368] — воскликнула она.

Голос рядом: «И я могу, и всякий это может. Вопрос лишь, явятся ль они на зов».

Она в испуге обернулась. Старик опирался на мачту зелёного паруса и наблюдал за ней.

— Вы знаете Шекспира? — спросила она. Потом: — Что вы здесь делаете? Чего вы хотите? Неужели нельзя побыть наедине?

— Простите, — сказал старик. — Я не думал, что мешаю вам.

Ана пожалела о своей резкости.

— Нет, пожалуйста. Вы просто застали меня врасплох. — Он был очень стар — лет семидесяти, не меньше. Она удивилась, что человек в таком возрасте согласился на подобное путешествие.

— Симеон, — сказал мужчина, протягивая руку. Ана её пожала. Она всегда считала глупостью судить о деловых людях по рукопожатию, но когда она отняла руку, Ана знала как бы по откровению, что Симеон — очень важный и очень компетентный человек.

— Я Ана, — сказала Ана. — Вы один из пассажиров?

— Ага, — сказал он.

— Богач, желающий накричать на Бога за что-то? — спросила Ана.

— Он самый, — сказал Симеон. — Я не хотел пялиться, поймите. Просто удивился, увидев женщину на таком корабле.

— Я сама не собиралась сюда попадать, — сказала Ана. — И постараюсь не думать слишком долго о вашем замечании насчёт «удивился женщине».

— Женщина и поклонница Шекспира!

— Полноте. Я знаю пару строчек. Просто… как это называется… опьянела властью. В общем, я скорее удивлена, чем вы. Я думала, что такие, как вы, корпоративные миллиардеры знают семьсот способов выжать кровь из камня, но в культуре ни уха ни рыла. — Она ждала, будет ли реакция.

— Тысяча двести способов, однако мне посчастливилось выкраивать немного времени на чтение того-сего между заседаниями совета директоров, — сказал ей Симеон.

Джеймс высунул голову из каюты.

— Через пять минут собрание команды. Ана, пять минут.

— Ха. Приятно было познакомиться, Симеон, — сказала Ана, хотя хотела узнать о нём больше.

— И вам, — сказал Симеон. — Если захотите научиться выжимать кровь из камня по-быстрому — приходите ко мне, хорошо?

Она пожала его руку во второй раз. Снова её охватило странное ощущение, что стоит отдать этому человеку все свои деньги и никогда не оглядываться назад.

Потом побежала внутрь.

IV. Эрин

Был поздний вечер. Джеймс беспокойно ворочался на койке под ней и что-то бормотал во сне. Ана чувствовала неловкость — словно наблюдала за чем-то личным. Повинуясь внезапному порыву, она встала и поднялась на палубу. Там стоял Амоксиэль, и его плащ развевался на ветру. Он стоял на самой корме, глядя в звёздную ночь. Ей не хотелось его беспокоить, и он, в свою очередь, никак её не замечал. Снова она почувствовала себя лишней. Она отошла к правому борту, ближе к жёлтому парусу, и в одиночестве уставилась на море.

Там был кто-то ещё. Ана попыталась не обращать на неё внимания, но та шумела, и в конце концов Ана обернулась и посмотрела. Это была пассажирка. Она перегнулась через поручень, опираясь на какое-то странное мистическое оружие Короля Комет, похожее на гарпун, и рвала за борт.

— Укачало? — спросила Ана.

Женщина посмотрела на неё налитыми кровью глазами.

— Угадай ещё раз.

— Ломка от героина, — сказала Ана.

Женщина издала короткий вскрик.

— Откуда вы знаете?

— Я часто бывала в Окленде.

— Ах вот как.

— И у вас следы по всем рукам.

Это была правда. Она видела их в странном тёмном свечении, исходившем от чёрного паруса. Джеймс велел ей не смотреть прямо на чёрный парус, особенно ночью, и она никогда бы не нарушила это правило — но не могла не заметить свечения.

— О. Ну и что ж. — Она выглядела смущённой. Ана с любопытством отметила, что пока лицо ещё не покрылось морщинами, эта женщина, должно быть, была по-настоящему красивой. Потом:

— Минутку! Вы же Эрин Хоуп!

Дама засмеялась.

— Да. Много мне это дало.

Эрин Хоуп. Поп-сенсация, одна из первых, кто стал настоящей поп-сенсацией после того как страна вновь собралась воедино. Суперзвёздный статус в начале двухтысячных. Потом обычная история падения. Мужчины. Наркотики. Бесконечная добыча для папарацци. Время от времени — новость о том, что она снова легла лечиться от зависимости; потом ещё одна такая же. Что происходило между ними, читатель был волен домыслить сам.

— Я не взяла с собой героин, — сказала она, и в голосе звенел гнев. — Думала, справлюсь — свежий воздух, поиски Бога. Какая же я дура.

— Это длится всего пару дней, — участливо сказала Ана.

— Вы думаете, я не проходила это десяток раз, дорогая? — Поп-богиня была не столько сердитой, сколько саркастичной. — Пары дней достаточно. Когда встречу Бога, надеюсь, что меня к тому времени не вырвет прямо на Него. — Её снова скрутило рвотным позывом. Почти ничего не вышло.

— Или, пожалуй, надеюсь, что вырвет, — сказала она. — По крайней мере тогда я буду знать, что Он знает.

Чёртовы реабилитационные центры. Всегда твердят: доверься Высшей Силе[369]. Ну я и доверилась. А Он предал это доверие. Я доверяла Ему до чёртиков — пока снова не ширнулась. Так что я больше не доверяю. Теперь пойду посмотрю сама. — Её снова вырвало. — Конечно, денег много, но лучше отдать их вам, чем опять этим шарлатанам из реабилитационного центра. Вы же найдёте Его для нас, правда?

— Э-э, постараемся, — сказала Ана, которой было бы затруднительно описать бизнес-модель «*Всем Сердцем*» в более лестных выражениях, чем «донкихотская авантюра», но которая не хотела плохо отзываться о работодателях.

— Вы хорошая девочка, — сказала Эрин.

На корме Амоксиэль начал рыдать. Они обе слышали его. По молчаливому согласию ни одна из них не упомянула убитого горем ангела.

— У меня сиськи отмерзают, — наконец сказала Эрин. — Пойду обратно — попробую провалиться в забытьё на пару часов. Смотрите, не замёрзните.

Тронутая участием пожилой дамы, Ана смотрела ей вслед. Потом одна стояла на правом борту корабля, слушая, как плачет ангел.

V. Томас, Эдгар, Джон

Томас был барменом в своём родном городе Пуэрто-Пеньяско, Мексика. «Война с наркотиками» ударила по нему больно, однако он держался на плаву, пока не пришёл Другой Король. После этого он бежал вместе с Капитаном и остальной первоначальной командой. Теперь, в промежутках между пением у зелёного паруса, он был поваром и заведовал припасами на камбузе «*Всем Сердцем*». Его задачей было не только кормить всех и поддерживать хорошее настроение, но и готовить блюда, достойные безмерно богатых мерзавцев, которые обычно были пассажирами корабля.

Ана села обедать, и ей подали салат.

— Это восхитительно, — сказала она Томасу. Тот кивнул — как человек, привыкший к похвалам.

Вошёл Джеймс, и Ана поманила его к себе.

— Планы поменялись, — сказала она. — Я только что говорила с другом. Он в опасности. Мне нужно его спасти. Когда мы в следующий раз окажемся вблизи берега?

— Послезавтра, Файер-Айленд, — сказал Джеймс.

— Э-э, это срочно вообще-то. Может, мы могли бы…

— Трое людей заплатили по десять миллионов долларов, чтобы попасть на этот корабль, и договаривались, что мы будем у Файер-Айленда послезавтра. Это самый быстрый корабль в мире, но даже так добраться из Калифорнии до Нью-Йорка за двое суток — значит совсем не иметь запаса времени, чтобы высаживать кого-то на берег. К тому же мы уже южнее мексиканской границы, а там вы не захотите сходить. Извините, Ана. Высадим вас в Нью-Йорке.

Будь Ана каким-нибудь легендарным героем, она, может быть, пригрозила бы Джеймсу, или подняла бы мятеж, или вызвала бы ветер такой силы, чтобы он разбил корабль о калифорнийское побережье. Но она была аспиранткой-теологом, весившей едва больше сорока пяти килограммов, окружённой военными людьми, которым снились кошмары о всех убитых ими людях, — и потому она заткнулась. Джеймс сделал нечто среднее между похлопыванием по плечу и шлепком по спине, взял коробку с салатом и ушёл с камбуза, оставив Ану наедине с мыслями.

— О чём вы думаете?

Она ненавидела этот вопрос. Это был завуалированный способ сказать «позвольте прервать ваши мысли и заставить вас разговаривать со мной», но если она попросит уйти — невежливой окажется она.

— Я Эдгар Крейн. — Он сел рядом с ней, неприятно близко. Высокий, темноволосый, молодой и красивый. Ана сразу же почувствовала к нему антипатию.

— Ана, — сказала Ана.

Эдгар мгновение взвешивал, не пофлиртовать ли, а потом перешёл к своей обычной стратегии.

— Возможно, вы читали обо мне в газетах, — сказал Эдгар. — Сын мэра Рино. Причём мэра тех времён, когда Рино был городом-государством, — то есть, по сути, главы государства. Из одной из богатейших семей того, что осталось от Соединённых Штатов Америки. Не подумайте, что мы необразованные невадские деревенщины. Большую часть времени мы проводим в Лос-Анджелесе.

— Да, наверное, нелегко — когда Другой Король разнёс вас в пух и прах и захватил ваш город за какие-то двадцать минут боя.

Эдгар явно не ожидал, что Ана знает об этом. Он напрягся.

— Ну, то, что вы об этом слышали, ещё не значит, что вы знаете, каковы наши позиции.

— Если вы держите позиции так же, как ваша семья, — минут двадцать стоите, а потом стремительно отступаете.

— Это было стратегическое отступление. Мы хотели, чтобы он слишком растянул свои силы. Сейчас мы строим коалицию с Калифорнией и Колорадо.

— Бедный Другой Король. Растянул силы: завоевал половину страны, убил всех противников, победил Короля Комет и железной рукой правит уже пятнадцать лет. При таком растяжении сил он должен быть готов рухнуть, как костяшка домино.

Крейн положил руку Ане на плечо.

— Послушайте, вы хорошенькая, но…

Ана попыталась стряхнуть с плеча его непрошеную руку. Та не поддалась. Она встала.

— Уберите руку, — сказала она.

— Эй, — сказал Эдгар, — я просто…

Руку убрали, но не по собственной инициативе. Ана подняла взгляд и увидела, что в камбуз вошёл Джон и мягко снял руку Эдгара с её плеча.

— Эдгар, — сказал Джон, — нет.

Эдгар уставился на Джона — взглядом гиены, которой отказали в добыче.

— Мы с дамой флиртовали.

— Ничего подобного, — сказала Ана. — Если бы мы флиртовали, я бы сказала что-нибудь вроде: «Надеюсь, в постели вы продержитесь дольше, чем при обороне своего…»

— Ана, — сказал Джон, — ведите себя как взрослый человек. Эдгар, мне нужно поговорить с Аной наедине.

Эдгар ещё раз смерил Джона взглядом. Джон не шевельнулся. Наконец молодой человек скривился и перенёс завтрак за другой столик.

— Ана, — сказал Джон, — я не стану ссылаться на правило о недопустимости беспокоить пассажиров, потому что вижу, что первым начал мистер Крейн. Но прошу вас вести себя по-взрослому. Вы сделали всё только хуже.

— Мне не жаль, — сказала Ана. — Он был грубияном.

— Да, — сказал Джон. — Этот корабль — странное место. Люди, которые пользуются нашими услугами, — странные люди. Некоторые из них — грубияны. Наша работа — сглаживать это, а не усугублять.

— Симеон и Эрин — прекрасные люди!

— И когда-нибудь, возможно, Бог избавит нас от всех, кто менее чем прекрасен. А пока наша работа — научиться обращаться с ними безопасно. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказала Ана. Джон не был капитаном и не первым помощником; насколько она знала, у него не было никакой официальной должности. Авторитетом он обязан возрасту, думала она; не считая Симеона, он был единственным седоволосым человеком на корабле, полном молодёжи. Потом передумала. Нет, это не так. Он казался мудрым, но дело было не только в возрасте. — Эй, Джеймс рассказывал мне, как они угнали этот корабль. Вас не было в Пуэрто-Пеньяско? Как вы здесь оказались?

— Капитану понадобился кто-то, чтобы управлять синим парусом, и он позвонил мне.

— Синим парусом?

— …примерный римский католик, — сказал Джон с улыбкой. — Он слушается только молитв священника.

— Что? Почему?

— Это, — сказал он не без смущения, — преобразователь мессы в энергию.[370]

Ана застонала.

— И вы священник?

— На покое. Но вы скоро сами всё увидите. Именно за этим я сюда и пришёл. Джеймс планирует сегодня в полдень Симфонию. Все паруса разом. Показать пассажирам, на что мы способны, убедить их, что они получают то, за что заплатили, и действительно продвинуться вперёд. Ждём вас.

— Если Крейн меня тронет, я применю к нему Громовое Имя, — сказала Ана.

— Не провоцируйте Крейна намеренно, — сказал Джон, — но если он вас тронет — мы поддержим всё, что вам придётся сделать.

VI. Амоксиэль

— Итак! — сказал Джеймс, когда пассажиры и команда собрались на главной палубе корабля. — Симфония — это когда мы питаем все паруса одновременно и показываем вам, на что способна эта красавица. Говорят, Король Комет использовал все семь парусов вместе, чтобы догнать Метатрона и вытащить из него тайны. Мы до сих пор не разгадали чёрный парус, но когда эта машина работает на шести цилиндрах, надеемся, вы будете слишком восхищены, чтобы обращать на это внимание. Все по местам?

Красный парус стоял в носу корабля. Под ним никто не стоял; это был обычный парус, ловивший обычный ветер, и он надувался в тихоокеанском бризе.

Лин стоял у плацебомантического оранжевого паруса, чертя линии в воздухе и нараспев произнося что-то себе под нос. Ана стояла у каббалистического жёлтого, готовясь произнести Имя. Томас стоял у зелёного паруса и пел; Джон — под синим и молился; Амоксиэль — под фиолетовым и говорил на языке ангелов. На корме чёрный парус стоял в одиночестве.

Джеймс остался координировать и держать руль.

— Все готовы? — спросил он, когда команда заняла места.

— Готов, — сказал Лин.

— Готова, — сказала Ана.

— Во мне встают ветра — и я дышу, — сказал Амокси-эль.

Ангел снова заговорил ямбом. Его глаза светились белым светом, и — на случай если кто сомневался, что стало тому причиной, — он держал в руках большую бутылку святой воды, к которой часто прикладывался.

— За хмель не укоряй меня, о дева, — сказал он, когда Ана уставилась на него. — Без спирта дух во мне совсем иссяк, / и ветры вмиг призвать я не могу, / чтоб самый быстрый в путь корабль нести.[371]

Джон поморщился, и Ана поняла, что именно он снабжал ангела постоянными запасами.

— Лин, — скомандовал Джеймс, — запускай оранжевый!

Казалось, Лин стал больше ростом. Он извлёк словно из ниоткуда огромный посох из древесины гинкго и поднял его высоко.

— Именем плацебомантии и именем Короля Комет, который создал тебя и подчинил тебя твоему назначению, — повелеваю тебе лететь!

Оранжевый парус вздулся, словно наполненный призрачным ветром.

— Ана, жёлтый!

Молодая каббалистка произнесла Имя Мистраля. Вырвались шквал, симун и сирокко; вырвались муссон, марин и зефир. Леванте, трамонтана, хабуб. И наконец пришёл к ней её собственный ветер, Санта-Ана. Жёлтый парус раздулся.

— Томас, зелёный!

Томас запел старую мексиканскую любовную песню. С каждой нотой травянисто-зелёный парус, казалось, трепетал и разворачивался.

— Джон, синий.

— Gloria in excelsis Deo, et in terra pax hominibus bonae voluntatis. Laudamus te, benedicimus te, adoramus te, glorificamus te, gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam…[372]

— Амоксиэль, — скомандовал Джеймс, — фиолетовый!

Ангел расправил крылья и воссиял. Небесные ветры хлынули с неба, наполняя фиолетовый парус. Амоксиэль вздрагивал от проходящей сквозь него силы и сделал ещё один глоток святой воды, чтобы удержать равновесие.

На корме корабля чёрный парус стоял в безмятежном величии — неподвижный, невозмутимый. В давно минувшие времена сам Король Комет стоял под этим парусом и обнажал меч, и парус открывался на его зов. Теперь он молчал — слишком горд, чтобы внять любому обычному смертному.

«*Всем Сердцем*» была кораблём, но также и машиной. Машиной, созданной Королём Комет, чья изобретательность превосходила человеческую. Паруса обладали каждый своей силой, но в Симфонии их силы умножались многократно. Мачты стали зеркальными, совершенно серебряными. Цветные лучи метались от одной к другой, пока воздух не наполнился мечущимися туда-сюда радугами.

Корабль двигался, но не в этом мире. Он двигался над миром и позади него, в морях из чего-то, что не было водой.

Ана заметила, что радуги слегка сместились по цвету — непропорционально много фиолетового. В тот же момент это заметил и Джеймс.

— Амоксиэль, ты давишь слишком сильно. Убавь парус!

Ответа не последовало. Сквозь мелькающие лучи Ана посмотрела назад, на Амоксиэля. Ангел глушил святую воду. Фляга была почти пуста.

— АМОКСИЭЛЬ! — закричал Джеймс. — ТЫ ПЬЯН! ТЫ ЗАГЛУШАЕШЬ СИМФОНИЮ! ПРЕКРАТИ!

Ангел, чьи глаза светились так ярко, что Ана едва могла на них смотреть, начал говорить.

Сквозь долгий ряд пустых и серых дней,
Сквозь ночи без рассвета и огней,
Я ждал на носу, бурей унесён,
И помнил Небеса, которых был лишён.
Но ныне многоцветны все лучи,
Встают пред мной, как мир из снов, в ночи.
Мне Вечность кажется рукой достать,
Как тем, кто тонет, берег увидать.
Как мне не ринуться, как не спешить,
Чтоб Время, Землю, всё земное пережить?

Ангел допил святую воду. Лучи над ними стали почти сплошь фиолетовыми, лишь редкие искры других цветов мелькали между ними.

Лин бросился к Амоксиэлю. Амоксиэль извлёк из эфира огненный меч и выставил его перед собой. Ана произнесла Громовое Имя. Молния грохнула в Амоксиэля — и он, казалось, не заметил. Море всё меньше походило на воду.

— Ладно, новый план! — сказал Джеймс. — Все остальные — давите сильнее.

Баланс. Баланс — вот в чём был ключ. Лин начал кричать на свой парус на мёртвых языках. Лучи стали чуть более оранжевыми. Ана просто не переставала повторять Имя — столько раз, сколько могла. Лучи желтели. Джон молился быстрее, но был стар и начал запинаться на словах.

— Больше мессы! — кричал Джеймс Джону. — Нам нужна масса!

Корабль начал стонать.

— Амоксиэль! — крикнула Ана. — Один плюс один — два! Конкуренция за ограниченные ресурсы! Баланс — это кредиты минус долги!

Амоксиэль посмотрел на свою флягу со святой водой и обнаружил, что она пуста.

— Бесплатного обеда не бывает! Человек из праха — и в прах возвратится! Ни одна непротиворечивая система не может доказать собственную непротиворечивость!

Какой-то хаотический аттрактор сместился в другое состояние — или что-то в этом роде.

Все лучи погасли, и они с громовым ударом рухнули обратно в реальный мир.

VII. Капитан

Капитан вышел на палубу и осмотрел корабль сквозь большие тёмные очки.

«*Всем Сердцем*» была в беспорядке. Каким-то чудом ни один парус не порвался, но мачты были разбросаны, как спички, и в левом борту зияла дыра неизвестного происхождения — слишком высоко, чтобы туда добралась вода, но всё равно вызывавшая тревогу.

— Можно вернуться в Сан-Франциско на ремонт, — предложил Лин. Капитан посмотрел на него, и тот замолчал.

Наконец он заговорил.

— Корабль Метатрона появится у Файер-Айленда через два дня. Если мы вернёмся в Сан-Франциско, опоздаем и нарушим договор с пассажирами. Курс не меняем. Остановимся на ремонт в Энсенаде.

Никто не удивился. Все были встревожены.

— Встанем в двух шагах от города. Джеймс, ты возьмёшь шлюпку к пристани. Остаёшься в пределах видимости остальных. Когда мексиканцы заговорят с тобой, мы будем следить и убеждаться, что ты в безопасности. Ты договоришься с ними о ремонте. Конечно, мы можем заплатить. Люди с материалами доберутся до нас на маленьких лодках. Никто, кроме Джеймса, не сойдёт на берег в Энсенаде. Джеймс не выйдет из нашего поля зрения. Все понимают?

Все кивнули, немного успокоившись тем, что бремя падёт на первого помощника. Но тревога оставалась.

Медленно, с трудом, «*Всем Сердцем*» поплыла на юг.

Глава 28

Сокрытый, как в ковчеге

12 мая 2017 года
Лос-Анджелес

Веками она всё сильнее влюблялась в это место. Узкая равнина: триста солнечных дней в году, цветущие маки, земля, напоенная речушками, что змеились из арройо в ближних горах. Она воздвигла алтарь на одном из холмов. Ацтеки знали её владения и называли их Темиктитланок — «место богини сновидений».[373] Порой сбившиеся с пути воинские отряды выходили к её залитым солнцем холмам, укладывались у грохочущих волн, и тогда их посещали странные видения.

Триста лет назад в эти места пришли новые люди. Она почти сразу разглядела их потенциал. Она была слаба и утомлена — теперь она видела их лишь в крохотные просветы тёмной пелены, которую работа Уриила растянула над её чувствами, — но вовсе не была бессильна. Она притягивала их: влюблённых, мечтателей, художников, тех, кто был счастлив, притворяясь кем угодно, только не собой. Как ацтеки до них, переселенцы назвали это место в честь неё — на свой лад. Эль Пуэбло де Нуэстра Сеньора ла Рейна де лос Анхелес. Поселение Нашей Госпожи, Царицы Ангелов.[374]

О, она была добра к ним, и они к ней. Она наполняла их видениями и томлением. А они превращали их в невероятные истории и богатели, а весь остальной мир проглатывал эти истории с жадностью. «Унесённые ветром». «Золушка». «Бен-Гур». «Звуки музыки». «Спартак». Джеймс Бонд. А потом машина Уриила сломалась. Люди

начали паниковать. Акведуки стали разрушаться. Улицы заполнились беспорядками. Город балансировал на краю катастрофы.

И тогда Леди продемонстрировала вновь обретённые силы. Явилась своим подданным среди бела дня. Сказала, что всё будет хорошо. Одни успокоились. Другие растерялись ещё больше. Кто *же* она такая?

Эоны назад небесное воинство отправило на Землю несколько ангелов рангом пониже — наблюдать за людьми и следить, чтобы всё шло своим чередом. Они изучили человеческие повадки, начали постигать такие понятия, как ложь, манипуляция, неоднозначность. Стали экспериментировать с новой магией, обретать новые силы. Наблюдателями они себя называли — не падшими, но и не вполне верными. Когда вспыхнула война с Тамиилом, большинство из них залегло на дно, рассчитывая примкнуть в конце к той стороне, которая победит. Вместо этого Уриил высосал из вселенной шефу, и они истаяли, превратившись в тени самих себя. Когда небо треснуло и часть святого света вернулась, большинство из них так и остались скрываться. Быть нейтральным ангелом — не самый популярный выбор.

Гадириэль не беспокоилась о популярности. В каком-то смысле она и была популярностью — метафизической сутью знаменитости, обожания, звёздности. Ангелинос[375] не могли устоять. Она взяла шатающийся город под крыло и изящно вошла в образ городской богини — как актриса, играющая особенно привычную роль. В один день — беспорядки, мародёрство, половина Таузанд-Оукса в огне. На следующий — все тихонько разошлись по домам, потому что этот хаос *её расстраивал*.

Говорят, что когда видишь Леди, она принимает облик того, кого ты любишь больше всего, — любишь именно в сугубо эротическом смысле: того единственного человека, к которому ты когда-либо испытывал самое острое сексуальное влечение. Неловкое заклятие. Многие мужчины подходили к ней, рассчитывая, что она примет облик их жён или хотя бы любовниц, — и видели ту

самую девушку, в которую были без памяти влюблены в одиннадцатом классе и о которой не вспоминали с тех пор. Порой это и вовсе был незнакомый человек — тот, мимо кого они однажды прошли на улице, может быть, что-то вслед свистнули, а может, даже толком не разглядели. Некоторые из тех, кто прежде прилагал поистине героические усилия, чтобы не замечать собственной сексуальной ориентации, видели перед собой того, кого уж *совсем* не ожидали увидеть.

Поэтому публичные появления Гадириэль были редкими и тщательно выверенными. Когда она выступала по телевидению, лицо её было скрыто под вуалью. Большую часть времени она оставалась в своём храме — здании, некогда называвшемся Обсерваторией Гриффита, — и принимала тех, кто нуждался в её помощи больше всего.

— Ваша светлость? — спросил Том Круз. В этом месяце он был её камергером. Великая честь, знак её расположения к особо полюбившимся актёрам и актрисам. — Пришла просительница, молит об аудиенции.

Он был одет в хаки и пробковый шлем. Тема недели — Приключения. Сама Обсерватория была увита зеленью и напоминала джунгли; со стен злобно пялились диковинные племенные маски. Гадириэль была облачена в набедренную повязку и венец из черепов — как карикатура на африканскую царицу в исполнении какого-нибудь захлёбывающегося от восторга автора девятнадцатого века; тело её было увешано золотыми украшениями, словно вынутыми прямо из «Копей царя Соломона».[376]

Но вуаль она всё же носила. Без вуали, как правило, случались неприятности.

— Проводите её, — сказала Гадириэль.

— Ах, ну… — протянул Круз. Леди нахмурилась. Его попытка изобразить викторианский английский акцент ничуть не напоминала викторианский английский из её памяти. Позже придётся его поднатаскать. На следующей неделе тема — Дикий Запад, и она надеялась, что из него выйдет более убедительный ковбой. — Существо

весьма необычное. Похоже, у него нет… э-э… физической формы. Оно настояло, чтобы мы подыскали ему подходящий, м-м, сосуд. Очень странно.

Леди заинтересовалась.

— Тогда внесите его.

Двое дюжих мужчин в набедренных повязках внесли нечто, в чём безошибочно угадывался Ковчег Завета. Не настоящий — насколько Гадириэль знала, тот до сих пор пылился где-то на складе в Зимбабве.[377] Бутафорский, реквизит из «В поисках утраченного ковчега».[378]

— Это и есть проситель? — спросила Леди, теперь и вправду заинтригованная.

— Да, — произнёс голос из Ковчега. Ужасный, искажённый голос — словно принадлежал чему-то, что давно отвергло звук как нелепый способ общения и теперь с удивлением обнаружило, что вынуждено им пользоваться. Леди прикинула размер бутафорского ящика. Слишком мал, чтобы вместить человека — разве что совсем маленького ребёнка, свернувшегося калачиком. Она пока не хотела знать, кто там внутри. Это было бы *спойлером*. Двое мужчин поставили Ковчег перед ней, поклонились и удалились.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Говорят, вы создаёте големов, — произнёс Ковчег.

— Многие создают големов, — отмахнулась Леди. — Комок глины, быстро сдёрнуть Оживляющее Имя с катушки со свитками — и голем готов. Безобразные, уродливые твари. Я создаю костюмы. Прекрасные тела, готовые принять в себя любой разум по вашему желанию.

— Да, — сказал Ковчег. — Именно это о вас и говорят. Вы создаёте прекрасных големов. Совершенных. Таких, что выглядят как люди — или лучше людей. Тех, в кого можно влюбиться. Вы уже делали это однажды — после Трансляции. Мне нужно тело. Человеческое. Такое, в которое можно влюбиться. Облик одного конкретного человека. Прошу вас об этом. Как об услуге.

— То, о чём вы просите, очень непросто, — сказала Леди.

— У меня для вас дары, — произнёс Ковчег Завета. — Имя, делающее людей невидимыми. Другое, позволяющее ходить по воздуху. И третье, призывающее ветры.

Предложить ей *сделку* было бы страшным оскорблением. Варварством, не иначе. Но попросить об услуге и преподнести дары — это другое. Вот это — *изящество*. И что за дары! Три новых и тайных Имени! Её любопытство стало невыносимым, нестерпимым.

— Да, конечно. Разумеется, это возможно. Любое тело — какое захотите. Красивое, как любой актёр, или ослепительное, как любая звезда. Мы создадим вам тело, за которое люди будут *умирать*. Облик конкретного человека, говорите? Кого угодно! Но сначала я хочу вас видеть! Роль должна быть впору актёру, как говорится!

Долгая пауза.

— Вы должны хранить это в тайне, — произнёс Ковчег. — Никто не должен знать, как я выгляжу на самом деле. Кто я на самом деле. Моя внешность безобразна. Ужасна.

— Это не будет проблемой. Во всяком случае, недолго. Тайна. Клянусь. Только мы двое! — Леди жестом выпроводила Круза из комнаты. Теперь они были наедине. Она сошла с трона, пересекла зал для аудиенций, опустилась на колени перед Ковчегом. Фильм она, конечно, видела. Знала, что будет дальше. Но она была так, так любопытна.

Гадириэль открыла Ковчег Завета.

Интерлюдия מ: Нью-Йорк

3 сентября 1978 года
Нью-Йорк

I.

В сопровождении двух охранников мэр Эд Кох вошёл в комнату.

Она совершенно не вязалась с окружающим Нью-Йорком. Плохо освещённая, затхлая, набитая книгами самых разных эпох и происхождений. Вся мебель была деревянной — либо антикварной, либо сделанной кем-то, кто весьма скептически относился к эстетическим новшествам, появившимся после 1800 года.

А ещё здесь был человек в резном деревянном кресле. Он тоже был старым. И выглядел старше своих лет. Борода длинная, белая; одежда скроена в том же эстетическом духе, что и мебель. Но в каком-то другом смысле он выглядел слишком молодо — как будто в любой момент готов вскочить и запеть.

— Господин мэр, — сказал Любавичский Ребе[379]. — Какая честь видеть вас снова.

Почтение Ребе выражал весьма своеобразно. Он заставил мэра ждать аудиенции до полуночи — таково было неизменное правило: религиозные обязанности занимали весь день, — а потом Коху пришлось ещё ждать снаружи, пока Ребе разбирал тяжбу между двумя пожилыми евреями, которые пришли раньше и, судя по всему, спорили о праве собственности на козу. Ну и у кого вообще есть козы в Бруклине? Но помощники предупреждали Коха об этом заранее. Приём у Ребе шёл по живой очереди, звания и должности не давали ровным счётом

ничего, и принимал он на своих условиях — либо так, либо никак.

— Рабби Шнеерсон, — сказал мэр, — простите, что так давно не навещал вас. Я очень ценю ваши советы. Но политика! — Он махнул рукой. — Сами понимаете!

— Но теперь вы пришли просить о помощи, — тихо сказал Ребе.

Кох так и не понимал, как вести себя с Ребе: то ли робеть перед ним, то ли обнять по-дружески. У него было доброе лицо — почти ангельское. Но светло-голубые глаза были необычны, очень необычны, и в этом старике таилась скрытая сила — как в свернувшейся змее. Кох просто кивнул.

— Вы, вероятно, слышали, что происходит, — сказал он, но потом сообразил, что мог и не слышать. Что вообще доходит до Ребе? Можно было поверить, что этот человек знает обо всём, что творится в самом дальнем углу Земли, — но можно было поверить и в то, что новость о Промышленной революции ещё не вполне до него добралась. — После того как федеральное правительство рухнуло, демоны разорвали союз с нами. Они хлынули в Канаду. Остатки армии выдвинулись навстречу. Были большие сражения. Демоны победили. Это заняло два года, но Канада пала. Теперь они перешли границу в США. Два удара. Один на западе — прямо через равнины из Саскачевана, в сторону Солт-Лейк-Сити. Другой на востоке — прямо на юг из Оттавы. Они явно идут на Нью-Йорк. Армия США в плачевном состоянии; президент Картер обещал прислать пару человек, но этого недостаточно — он в основном думает об обороне Вашингтона. Губернатор Кэри призвал ополчение штата, но этого тоже недостаточно. И — мне даже неловко об этом спрашивать, но вот я и подумал: нет ли у вас какого-нибудь способа раздобыть, ну, скажем так… сверхъестественную помощь.

— Отчего же неловко? — спросил Ребе.

— Просто… всё так по-новому: небо раскололось десять лет назад, и говорить о демонах раньше казалось бы ди-

ким — а я мэр Нью-Йорка, а не какой-нибудь библейский царь-первосвященник, и…

Ребе поднял иссохший палец.

— Задолго до того, как небо раскололось, люди просили Бога о помощи. И задолго до этого Он её давал — если на то была Его воля. А теперь! В этот век ангелов и демонов, когда люди открывают давно забытые Имена! Конечно, вы должны просить о сверхъестественной помощи!

Мэр на глазах расслабился.

— Что именно вы собираетесь делать? Есть ли у вас особый способ помочь? Нужно ли вам поговорить с ополчением? Может, мне…

— Откуда же мне знать? — спросил Ребе. — Я буду просить помощи у Бога, и Он ответит или не ответит — по Его воле. Ступайте с миром.

Кох всё ещё был в замешательстве, но умел распознать прощальные слова. Он исполнил перед Ребе неловкий полупоклон — такой, каким кланяешься, когда не уверен, надо ли кланяться, но дружеское рукопожатие явно неуместно, — и вышел из комнаты.

Вошёл один из помощников Ребе.

— Ребе, следующие в очереди — пожилая чета, пришедшая за советом относительно своей козы. Их впустить?

Ребе закрыл лицо руками.

— Только Всевышний знает, зачем столько людей держат коз в Бруклине, — сказал он, — и зачем они все идут ко мне. Но нет. На сегодня, думаю, я закончил. Скажите им, чтобы просили у Бога совета, и ещё — что если уж они хотят держать коз, то им бы и впрямь стоило переехать куда-нибудь поближе к сельской местности. Вообще-то, распустите всех на сегодня, принесите мои извинения — но у меня есть кое-какая работа.

Такого прежде не случалось никогда. Помощник на мгновение замешкался, потом кивнул и вышел разгонять просителей.

Ребе снял с полки том талмудического комментария, начал листать. Потом взял другую книгу. Потом ещё одну. «Сефер Йецира». «Эц Хаим»[380]. Он уже ставил стул,

чтобы достать с верхней полки «Зоар», как вдруг хлопнул себя по лбу.

— А! — воскликнул он. — Нет, здесь вполне подойдёт традиционное решение.

Он вернул книги на места и выбежал вон — в надежде вернуть просителей прежде, чем они успеют дойти до выхода.

II.

Мэр Кох встретил губернатора Кэри в Уайт-Плейнс, и у него словно гора с плеч свалилась, когда он увидел за спиной губернатора ряд за рядом молодых бойцов ополчения Нью-Йорка.

— Слава богу! — сказал он. — Как я рад, что вы приехали.

— Я не к вам приехал, — отрезал Кэри. — Я отступаю. Мы потеряли Олбани. Я понимаю, что здесь, в городе, никто никогда не помнит, что Олбани вообще существует, — но мне кажется, что новость о потере столицы штата заслуживает чего-то большего, чем «как я рад, что вы приехали».

— Сожалею об Олбани, — сказал Кох. — Но в Нью-Йорке половина населения штата. И это больше, чем просто половина населения. Это символ. И один из крупнейших портов Америки. И ворота в Средне-Атлантический регион. И…

— Да-да, — отмахнулся губернатор Кэри. — Они идут за нами по пятам — меньше суток. Какие приготовления вы сделали?

— Я переформировал полицию Нью-Йорка в ополчение, — сказал Кох. — Это около десяти тысяч человек. Дело несложное. Я был… если честно, несколько удивлён тем, насколько они и без того были военизированы.

— Десять тысяч. — Губернатор нахмурился. — У меня шестьдесят тысяч. Было больше, но… — он помолчал. — Этого не хватит.

— Я также организовал всех вооружённых горожан в отряды ополчения, — сказал Кох. — Я был… признаться, удивлён тем, сколько здесь оружия. Ах да, и мафия поможет. Ещё несколько тысяч.

— Я и забыл, как ненавижу этот город, — сказал Кэри.

— Мы также укрепили Бронкс как могли, — сказал Кох. — Там будут уличные бои, дом за домом. Все мосты заминированы. Я был удивлён, насколько некоторые из них и без того были близки к…

— Увольте, — сказал губернатор. — Есть что-нибудь от Картера?

— Как мы и ожидали, — сказал Кох. — От федерального правительства в Вашингтоне почти ничего не осталось, а то, что есть, хочет только защищать себя. В итоге даже обещанные несколько человек не пришли. Нет смысла посылать людей на заклание. Четверть жителей Нью-Йорка уже бежала в безопасный Джерси.

— Только четверть?

— Ну, это же Джерси.

— Значит, вот что мы собираемся делать? — спросил губернатор. — Семьдесят тысяч человек, ополчение и пара мафиози держат последний рубеж в Бронксе?

— Это не обязательно должен быть последний рубеж, — сказал Кох.

— В Джерси я ни за что не поеду.

— То есть мы можем победить!

— Я присутствовал в первой половине сражения в Олбани, — сказал губернатор. — Демоны — это не армия. Это рой. Пытаешься им сопротивляться, а они просто накрывают тебя, и кажется, будто всё хорошее высасывается из мира — и ты бежишь. Ветераны канадской кампании говорили, что там было то же самое. Их сотни тысяч. Миллионы.

— А Бог? — спросил Кох.

— Вы вообще верующий? Вы так ловко обыгрывали религиозную тему во время предвыборной кампании, что никто так и не понял: вы еврей или католик.

— Я… верю в Бога, — сказал Кох.

— Скажите Ему, чтобы торопился, — ответил Кэри.

III.

Точно по расписанию орды Ада обрушились на Бронкс.

Нью-Йоркские силы думали, что смогут устоять. Они ошиблись. Их отбросили до Норвуда прежде, чем они успели осознать, как быстро отступают. Когда до них дошло, Кэри собрал часть Гвардии Нью-Йорка и занял оборону. На Ботанический сад пришлись одни из самых жестоких боёв за всё сражение: там погибли и державшая оборону часть гвардии, и сам губернатор. Остальные отступили к Фордхему, в западный Бронкс, где наконец начались настоящие бои за каждый дом, и гангстеры, привыкшие постреливать из своих окон, взялись за дело всерьёз.

(Тем временем в гавани Нью-Йорка морщинистый старик пытался поймать паром, но обнаружил, что паромы не ходят. Он нахмурился, одними губами попросил у Бога прощения за то, что это может сойти за хвастовство, и пошёл по воде пешком.)

Полицейское управление Нью-Йорка знало эти улицы. Полиция патрулировала их столетиями; сами улицы впечатались в её институциональную память. Наконец-то у полицейских был враг, в которого можно было стрелять без риска оказаться под судом за чрезмерное применение силы. Выхватив оружие или подняв дубинки, они ринулись на улицы близ Конкорс, убивая и погибая сами.

(Когда старик зашёл достаточно далеко, он произнёс Восходящее Имя и поднялся в воздух.)

Мэр Кох отдал приказ взорвать все мосты из Бронкса в Манхэттен, хотя река была мелкой и это могло задержать демонов лишь на несколько часов. Несколько попытались перелететь на своих рудиментарных крыльях; остальные хлынули вдоль берегов Гарлемской реки, захватили стадион Янки и Порт-Моррис. Они обошли защитников с фланга. Теперь предстояло затянуть петлю.

(Невысокий старик вынул из кармана кисть и обмакнул её в старинную чернильницу, которую принёс с собой.)

Они не рвались переправляться. Для этого ещё будет время. Сейчас они хотели уничтожить гвардию. Кох двинул своих людей на восток. Демоны двинулись следом. Они вышли к реке Бронкс и прижали нью-йоркцев к противоположному берегу. Потом продолжили теснить.

(Старик начал писать.)

Мосты трасс 678 и 295 уже были взорваны. Защитники оказались в ловушке на Трогс-Нек — буквально между дьяволом и глубоким синим морем[381]. Вся демоническая армия навалилась на них. Они сражались храбро, но бойцы гибли ряд за рядом, крики офицеров сливались с криками мафиози и ополченцев, пока их отчаянная оборона шаг за шагом приближалась к кровавому концу.

И тут случилось чудо.

Не как поверженный, в пыли лежал
тот чешский голем, скованный забвеньем, —
но у морских ворот заката — виденьем
восстала Жена: факел, чей накал —
то плен грозы, разящей наповал;
и Имя на челе горит знаменьем,
в венце — Ребе; лик его сиял Торой.
«Шма Исраэль, ха-Шем элокейну, ха-Шем эхад!»[382]
— молился он,
затем безмолвно: «Спаси усталых, бедных,
теснящиеся толпы, что рвутся на свободу,
отверженных, кого гонит демонская война.
Спаси безнадёжных, битвой гонимых, для меня —
я поднимаю копьё у золотых врат!»[383]

Статуя-голем Свободы подняла копьё — бывший шпиль Эмпайр-стейт-билдинг. Она высвободила заточённую молнию своего грозного факела[384]. С венца Ребе метал боевые Имена, которые рассыпали искры, гремели и врезались в адские полчища, рассеивая их, как огонь плавит лёд. Демоны завизжали и начали отступать.

Гвардия Нью-Йорка и не думала их отпускать. Охваченные внезапным приливом мужества, бойцы ринулись в преследование, окружив исполинскую статую-голема

и добивая пистолетами и дубинками тех, кого не достали её копьё и пламя, — пока демон за демоном не развоплощался и вся армия, вышедшая из Олбани, не была загнана обратно в Ад, откуда пришла.

IV.

Когда всё закончилось, Эд Кох подошёл к статуе-голему. Та опустила огромную зелёную руку, подняла его и поднесла к Любавичскому Ребе, сидящему в венце, так что они оказались лицом к лицу. Впрочем, в этом и без того не было никаких сомнений.

— Гм, — сказал мэр, — вы сможете вернуть статуе первоначальный вид? Я не хочу показаться неблагодарным. Просто она для нас важна.

Ребе каким-то образом умудрился выглядеть смиренным и тихим даже на вершине сорокашестиметровой смертоносной махины, которая ещё недавно была самым узнаваемым национальным памятником Америки.

— Разумеется, — сказал он.

— И как это работает? — спросил Кох. — Если написать Имя Бога на любой человекоподобной фигуре, она становится големом?

— А, — сказал Ребе. — Не *то самое* Имя. У Бога много Имён, господин мэр. Одни оживляют землю. Другие — камень. Это Имя оживляет медь. А многие другие делают совершенно разные вещи. Думаю, вы очень скоро узнаете о них гораздо больше. Но помните: как бы это ни казалось вам, Бог не отдаёт ни одного из Своих Имён, если не хочет, чтобы кто-то его имел.

Кох не удержался — вытянул шею, пытаясь разобрать ивритский текст на лбу статуи, но надпись была очень мелкой, а он был слишком далеко и не смог различить ни единой буквы.

Ребе улыбнулся.

— И Бог хотел, чтобы вы имели именно это Имя? Именно сейчас?

— Я просил Его об этом. Господин Кох, знаете ли вы, когда я приехал в этот город? В 1941 году. Спасаясь от нацистов. Большинство людей, которых вы видели в синагоге, — единственные, кто остался от своих семей. Вы спасли нас, господин Кох, — вы и ваш народ. Теперь наш черёд отблагодарить вас. — Он на мгновение замялся. — И… я понимаю, что должен казаться жителям этого города очень странным, но я тоже нью-йоркец. Хвала Богу.

Эд Кох смотрел на морщинистого старика в одежде, словно перенесённой из Польши восемнадцатого века, сидящего на вершине статуи-голема, сделанной из Статуи Свободы, — и знал, что Ребе прав. Что ж, в Нью-Йорке бывают люди и куда чуднее.

— А что со второй армией? — спросил он. — Той, что идёт на запад. Бог пошлёт чудо и им тоже?

— Откуда же мне знать? — весело ответил Ребе. — Пусть Запад спасает Запад. Если Богу угодно его спасти — и к ним придёт чудо!

— Но что насчёт Канады? — спросил Кох. — Что насчёт России? Что насчёт всех, кого не спасли? Если вы можете призывать чудеса, то…

— Господин мэр, — спросил Ребе, — как вы думаете, почему Бог даёт мне силу творить чудеса?

Кох подумал секунду.

— Чтобы исцелять больных… спасать праведников… что-то в этом роде.

— Если бы Бог хотел исцелить больных, зачем Ему было делать их больными? Если бы Он хотел спасти праведников, зачем Ему было подвергать их опасности? Бог позволяет людям творить чудеса, чтобы что-то сказать.

— Что именно?

— Ого. — Глаза Ребе заискрились. — У того, что говорит Бог, никогда не бывает только одного смысла.

— Но если Он уже дал вам эти Имена, разве вы не можете использовать их, чтобы спасти всех, или исцелить всех больных, или снова собрать страну воедино…

— А вы именно так бы и поступили, будь у вас Божественные Имена?

— Да! Именно так поступил бы *каждый*!

Ребе теперь выглядел откровенно весёлым.

— Может быть, Бог тогда даст Имена вам — и мы посмотрим, правы ли вы.

Это прозвучало как угроза.

— Но пока что мне надо возвращаться на Либерти-Айленд. Шпиль я оставлю у основания Эмпайр-стейт-билдинг, а как уж прикрепить его обратно — это уже ваша забота.

Кох молча кивнул. Статуя-голем опустила его на землю и тяжело побрела прочь.

V.

Когда статуя была благополучно восстановлена, Ребе сошёл с неё, пешком вернулся по воде в Бруклин и вошёл в свою синагогу.

— Ребе, — сказал помощник, — здесь молодая женщина. Хочет поговорить с вами о своих курах.

— Скажи ей прийти завтра, — сказал Ребе. — Я устал.

Он опустился на постель и задремал на самом краю сна. За его окном нью-йоркцы из сотни разных этнических групп плясали на улицах и праздновали, пуская фейерверки. Прямо за синагогой кто-то пел старую патриотическую песню:

Мой край, тебе пою,
Свободы край родной,
Тебе пою;
Земля, где спят отцы,
Где пилигримов честь,
Пусть с каждой из вершин
Свобода зазвенит!
Пусть музыка ветров
Звенит среди стволов —
Свободы песнь;
Пусть смертный глас встаёт,
Всё живое поёт,
Пусть камни загремят
И звук продлят.
Бог праотцов, Тебе,
Свободы Ты Творец,
Тебе поём;
Пусть светится наш край
Святым светом свободы;
Ты силой нас храни,
Великий Бог, наш Царь![385]

Глава 29

Кто веру детскую щадит

2 октября 1978 года
Колорадо

I.

Сидя в машине, отец Эллис размышлял об Исходе.

Согласно книге с красноречивым названием «Числа», среди израильтян, бежавших из Египта, насчитывалось 603 550 мужчин. С женщинами и детьми набиралось около двух миллионов человек, одновременно движущихся в одном направлении. Окажись они все за рулём, картина, наверное, очень напоминала бы то, что сейчас творилось на межштатной автомагистрали I-25.

Кто-то посигналил — очевидно, питая надежду, что это как-то повлияет на восьмидесятикилометровую пробку машин, почти неподвижно стоявших уже несколько часов. Священник вздохнул.

Стук в пассажирское стекло. Мальчишка лет восьми-девяти на вид. Времена нынче такие, что осторожность не помешает, — и всё же он опустил стекло.

— Вы священник? — спросил ребёнок.

Отец Эллис опешил. На нём была самая обычная одежда, а сам он был из-под Форт-Коллинса — примерно в ста шестидесяти километрах отсюда.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Не знал, — ответил мальчик. — Я стучался во все машины подряд, искал священника. Мне нужна ваша помощь.

Отец Эллис внимательно посмотрел на мальчика. Тот выглядел иностранцем — пожалуй, индийцем: не индейцем, каких в этой части Колорадо было много, а индийцем из Индии. Но волосы у него были светлые, почти белые на этом свету. Отец Эллис никогда прежде не видел индийца со светлыми волосами. В его приходе индийцев не было, но он слышал, что некоторые жители крайнего юга Индии — христиане.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он настороженно.

Мальчик просунул руку в открытое окно, щёлкнул замком, открыл дверь и сел.

— Мне нужна ваша помощь с одним планом. Сначала нужно дождаться моего дядю. Я Джала. Здравствуйте.

— Нет! — воскликнул священник. — Выходите! — Он как можно решительнее попытался вытолкнуть мальчика, но было уже поздно. Дверь захлопнулась. Господи. Он слышал об этой афере. Сейчас явится кто-нибудь и обвинит его в похищении, а потом пригрозит судом, если он не заплатит за молчание. А всего денег у него было триста долларов, которые он привёз из Форт-Коллинса на еду и бензин во время эвакуации.

— Вы боитесь, что я пытаюсь вас обмануть. Обещаю, это не так. Я хочу помочь вам. Я хочу помочь всем. Но вы мне не поверите, если я скажу прямо сейчас, поэтому подождём дядю. Если только вы не хотите со мной драться. Пожалуйста, не надо. У меня есть оружие.

Господи. Хуже и хуже.

Как по команде, за стеклом появился индийский мужчина. Он заглянул в машину, увидел мальчика и забарабанил по стеклу, крича что-то непонятное, требуя, чтобы отец Эллис открыл. Не успел тот ничего сделать, как мальчик сам открыл дверь.

— Привет, дядя, — сказал он. — Садитесь на заднее сиденье. Мы едем в Сильверторн[386].

— Послушайте, — произнёс отец Эллис — уж какой в этом толк, — я клянусь, я ничего не делал. Мальчик просто постучал в стекло, потом силой влез внутрь и не

хотел уходить. Он сказал, что… В общем, это совсем не то, что вы думаете.

Дядя стоял у открытой двери.

— Извините, — сказал он священнику, рассыпаясь в извинениях. — Мы мирные люди. Нам не нужны неприятности. Он очень странный. Но… лучше делать то, что он говорит.

— Что?

— Простите! Он не мой сын! Обычно он живёт у бабушки, но всю семью в две машины было не втиснуть. Но когда ему что-то нужно, спорить бесполезно. Мы с женой пробовали столько раз, и никогда… Джала, скажи сам!

— Я всегда прав, — сказал мальчик. — Объяснить это трудно. — Он нетерпеливо махнул дяде, приглашая сесть. Тот бросил на отца Эллиса извиняющийся взгляд и опустился на заднее сиденье.

— Очень сожалею, — сказал дядя. — Клянусь жизнью, мы мирные люди. Добропорядочные индуисты! Нам не нужны неприятности. — К мальчику: — Джала, обязательно ли нам это делать?

— Да, дядя.

— Но этот человек — он тебя даже не знает. Он хочет добраться до безопасного места, как и все мы…

— Да.

Сломленный, мужчина обмяк на заднем сиденье.

Это была эвакуация. Полиция, если она где-то ещё и оставалась, была занята другим. Он — старый человек, а мужчина на заднем сиденье — молодой и проворный. И если у мальчика есть оружие…

По крайней мере, он хоть примерно представлял, что делать при похищении. А это просто не укладывалось ни в какие рамки.

— Господи, — прошептал он еле слышно, — помоги мне выйти из этого целым.

Тем временем двое его пассажиров разговаривали.

— Джала, где ты был? Мы с твоей тётей искали тебя несколько часов! Не могу поверить, что ты выскользнул из машины так, что мы ничего не услышали. Ты понимаешь, как это опасно…

— Ты всё ещё мне не доверяешь, дядя. По-настоящему. Вот почему мне пришлось выскользнуть. Я знал, что ты будешь искать. Тётя Самира будет в порядке. Они с дядей Пранавом доберутся до Санта-Фе без нас. У нас есть дело.

— Мы не едем в Нью-Мексико? Джала, это опасно!

— Да, дядя. Значит, нам нужно сделать так, чтобы стало безопасно.

— Почему именно мы?

— Кто-то должен — а больше некому.

Мужчина вздохнул — вздохом человека, полностью сломленного и знающего, что так будет всегда.

— Простите, — снова обратился он к священнику. — Меня зовут Вихаан, а это Джалакету. Я живу в Боулдере. Джала обычно живёт с бабушкой в Колорадо-Спрингс, но гостил у нас этим летом. У него всегда были… особенности. Его мать умерла в родах. Хороший мальчик, клянусь. Просто мы не можем с ним сладить. Он просто… не знаю. — По голосу было слышно, как ему стыдно и неловко, и в данных обстоятельствах отец Эллис вполне это понимал.

— Отец Джон Эллис. Я… Сколько тебе лет, Джала? Восемь?

— Мне почти два.

— Это правда, — вставил дядя Вихаан. — Сам бы не поверил, если бы не видел его рождение собственными глазами, но ему только два года. У него какое-то нарушение роста. Растёт не по дням, а по часам. Вот почему мы не можем с ним сладить.

— Времени не хватало, — сказал Джала с сожалением. — Мне следовало быть старше. Но я расту так быстро, как только могу.

Отец Эллис взвесил свои варианты. Можно попытаться вытолкнуть их силой — нет, не выйдет, сил не хватит. Можно сбежать и оставить им машину, но тогда он не сможет эвакуироваться. Или просто смириться и позволить им ехать с ним. Тогда они все доберутся до Нью-Мексико, и двое незваных попутчиков оставят его в покое. Наверное, именно так путешествуют автостопом

в Индии — странные дети врываются в машину, а опекуны утверждают, что детям неправдоподобно мало лет.

Именно так. Просто странные автостопщики. Подобрал бы он их, стой они на обочине? Пожалуй, нет. Он пожилой человек и осторожный. Но если обстоятельства вынудили его совершить доброе дело, может, стоит возблагодарить Бога за эту возможность. Да. Именно так. Просто поблагодарить Бога за возможность сделать доброе дело без ущерба для себя.

Это продолжалось ровно до того момента, когда мальчик объявил, что они свернут на I-70 и поедут на запад, — что было чистым безумием.

Отец Эллис повернулся к нему и заговорил ясно, без снисхождения:

— Джала, я уверен, дядя тебе уже объяснял, но Колорадо атакуют. Демоны из Сибири — те, что захватили Канаду и теперь вторгаются в Соединённые Штаты. Они уже захватили большую часть Юты, переходят Скалистые горы и движутся прямо сюда. Нужно ехать на юг, прямо до Нью-Мексико, чтобы оказаться в безопасности. Поэтому все и эвакуируются. На запад — это не от них прочь. Это прямо навстречу их армии.

— Отец, — произнёс мальчик, — вы помните историю о Сеннахериме?[387]

Священник удивился.

— Это очень старая история для мальчика твоего возраста.

— Царь Сеннахерим выступил с невероятной армией, чтобы уничтожить Иерусалим. Царь Езекия был убеждён, что обречён, но пророк Исайя велел ему не бояться, ибо с ним Бог. И ангел Господень уничтожил воинства Сеннахерима, и Иерусалим был спасён. Вы знаете эти стихи, отец? «Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате струились полки…»[388]

— Мы добропорядочные индуисты, — сказал дядя Вихаан с извиняющимся видом. — Я даже не знаю, где он всему этому научился.

Но отец Эллис был заинтригован.

— Эти стихи я знаю. Верно, что с Богом можно выиграть любую битву, — сказал он. — Но Бог не работает по расписанию, удобному людям. Помните, прежде чем Бог спас Иерусалим, Он позволил Сеннахериму уничтожить весь север Израиля. Пророк Исайя велел Езекии не бояться. Но когда рядом нет пророков, нужно поступать так, как кажется лучшим. А иногда это означает отступление.

— Я… что-то вроде пророка, — сказал Джалакету. — Это сложно объяснить.

— Простите! — вновь запротестовал дядя. — Мы добропорядочные индуисты!

— Если ты пророк, — сказал отец Эллис, — дай мне знамение.

— Написано, — ответил Джалакету, — не искушай Господа Бога твоего.[389]

— Ты — не Господь, — сказал отец Эллис.

Джалакету бросил на него взгляд, в котором, кажется, промелькнуло желание оспорить это утверждение.

— Мы добропорядочные индуисты, — беспомощно пробормотал дядя. И добавил: — Но клянусь Вишну, мать Джалы не знала мужчины, когда родила его.

Тогда Джала запел.

— КЙА-РУН-АТЕФ-НАХА-ИАЛА-ДЕХ-ВАВ-ИО-ОРА

Рычаг переключения передач превратился в змею. Отец Эллис вскрикнул и дёрнул руку назад — собственно, отпрянул всем телом и ударился головой о дверцу. Будь машина в движении — они бы точно во что-нибудь врезались; но они стояли в пробке. Змея огляделась по сторонам, свернулась на центральной консоли и уснула.

— Ой! — воскликнул Джалакету. — Извините! Я не ожидал… я думал, что… я должен был… Я ещё только осваиваюсь. Расту так быстро, как могу, обещаю. Но вы должны мне помочь.

Мысли отца Эллиса переключились на высшую передачу — нет, эту метафору вычеркнуть, любую другую, — он начал думать очень быстро. Он слышал о подобных вещах. Каббалистические Имена. Несколько человек сообщали, что открыли их — старая магия, ожившая после того как треснуло небо. Но ни одно из них не было об-

щеизвестным, и ни одно, насколько ему было известно, не превращало предметы в змей. Мальчик знал другое Имя, Имя, которого никто не знал, — он самостоятельно открыл новое каббалистическое Имя.

— Простите, — сказал Джалакету, — мне следовало показать что-нибудь повпечатляющее. Но я клянусь вам. Я хочу помочь. Я здесь, чтобы помочь. Мы можем остановить этих демонов. Спасти всех. Но вы должны мне верить. Кто-то должен это сделать — а больше некому, поэтому, пожалуйста, слушайте меня и перестраивайтесь на съезд. — Съезд на I-70 был прямо перед ними. Пробка начала двигаться. — Пожалуйста, отец, если в вас есть хоть капля веры, перестраивайтесь.

— Мой рычаг переключения передач — это змея, — сказал отец Эллис.

— Ой! — сказал Джалакету, и пропел ещё одно слово, и змея снова стала рычагом.

Отец Эллис с величайшей осторожностью потянулся к рычагу, и когда тот не укусил его, передвинул вперёд. Потом вздохнул и перестроился на полосу для съезда.

II.

До Сильверторна добрались быстро, без пробок. Навстречу приближающейся демонической армии не ехал никто. Никто, кроме них.

Отец Эллис сидел с Джалакету на каменной ограде главной улицы. Мальчик отправил дядю Вихаана на поиски взрывчатки. «Отправил» — не совсем точное слово; мальчик сказал, что пойдёт искать взрывчатку сам, Вихаан заявил, что ни за что не подпустит мальчика к взрывчатке, и если уж им зачем-то нужна взрывчатка, то именно он пойдёт за ней — что, судя по всему, с самого начала и было планом Джалы. Вихаан оказался каким-то горным инженером и, по всей видимости, разбирался в таких вещах.

— Итак, — спросил отец Эллис, — кто вы?

— Моя мать умерла в родах, — ответил Джалакету. — Я убил её. Я не понимал. Я был слишком большим. Я рос так быстро, как мог, потому что понимал, что времени мало, но не осознавал. Я едва это помню. Помню, что мне было очень горько, и что я решил: отныне буду осторожнее, никогда больше не позволю никому умереть.

Он не добавил: «никому из близких». И по голосу было ясно: такого ограничения он и не имел в виду.

— Комета Вест — мой отец, — сказал Джалакету. — Мать рассказала об этом дяде Вихаану перед смертью. Она иногда говорит со мной — во сне. Любит меня и хочет, чтобы я был счастлив. Иногда мне страшно от этого. Я думаю, что это архангел.

Отец Эллис не нашёлся что ответить.

— Она говорит, что я должен стать Машиахом.[390] Рассказывает мне истории из Торы, пока я засыпаю. И другие истории тоже — из огромной книги, которую она написала очень давно. Я стараюсь расти как можно быстрее, чтобы успевать понимать их, но этого никогда не бывает достаточно. Это тело слишком слабо. Я хочу шагнуть в огонь, дать телу сгореть дотла и *перестать быть человеком*, — тогда я тоже смогу стать кометой, и всё встанет на свои места.

— Вы сказали, что искали священника, — произнёс отец Эллис. — Вы христианин?

— Нет. — Джалакету улыбнулся. — Моя мать была индуисткой, но в индуизме принадлежность передаётся по отцовской линии. Отец мой, раз уж он учит меня Торе, возможно, еврей. Но у евреев принадлежность передаётся по материнской линии. Я — никто.[391]

— Христианство не передаётся ни по какой линии, — сказал отец Эллис. — Оно открыто для каждого, кто этого хочет. И я упоминаю это потому, что в нём есть много сказанного о воплощении в человеческом теле. Это тяжело. Очень тяжело порой. Но определённо очень важно.

— Мой отец говорит то же самое, — сказал Джалакету. — Говорит, что мне нужно было стать человеком. Но это… да. Это тяжело.

Вихаан выбрал именно этот момент, чтобы вернуться на потрёпанной «Шевроле Нова» отца Эллиса. Багажник был открыт и набит зловещего вида ящиками.

— Итак, — сказал он, останавливаясь перед ними. — Что дальше?

— Дальше начинается сложная часть, — сказал Джалакету.

— Тоже что-то, что тебе отец рассказал во сне? — спросил Эллис.

— Не совсем, — сказал Джалакету. — Это… я надеюсь, сработает.

Господи, взмолился отец Эллис. *Помилуй нас, бедных рабов Твоих…*

III.

Джала Вест стоял один посреди межштатной автомагистрали I-70, у самого выезда из Сильверторна. По обе стороны вставали горы — как стены. Здесь был узкий проход. Они пойдут через него.

Издалека донёсся слабый гул. Удушливый жар навис в воздухе. Запах серы. Подул горячий ветер. Над западным краем долины появилось багрово-чёрное облако.

Демоны провели серию сражений с канадцами и их американскими союзниками. Под Калгари коалиция потерпела решительное поражение. Оттуда воинство преисподней разделилось надвое. Одна половина — под командованием демонических князей Адрамелеха, Асмодея и Рахаба — двинулась на восток, завершать завоевание Оттавы, Нью-Йорка и Восточного побережья Америки. Другая половина, под командованием самого Тамиила, пошла на юг и запад — выкорчёвывать американское сопротивление в Калифорнии и на Западе. Они продвинулись на юг до самого Огдена, однако мормоны в Солт-Лейк-Сити держались насмерть, и теперь там шла

осада. Демонам она давалась туго: подкрепления и припасы продолжали поступать по I-70 из Колорадо. Блокада автомагистрали лишь перенаправила снабжение на сотню горных дорог поменьше, по которым демоны не могли пройти.

Тамиил не привык к сопротивлению. Он решил взять дело в свои руки. Вылазка в Колорадо. Форт-Коллинс, Боулдер, Колорадо-Спрингс, Денвер — все крупные города, выстроившиеся в ряд, — должны были быть уничтожены. Тогда опустошение Америки между Скалистыми горами и Миссисипи завершилось бы. Маршрут снабжения мормонов будет перерезан. Солт-Лейк падёт.

И воинство Ада двинулось вперёд — вперёд по I-70. Они сожгли Гранд-Джанкшн, они стёрли с лица земли Гленвуд-Спрингс, они разрушили Вейл. Наконец у высочайших вершин Скалистых гор они подошли к Сильверторну — и там, посреди автомагистрали, стоял Джала Вест.

Сами демоны ещё не приняли телесного облика — они роились и бурлили, как грозовая туча тьмы, накрывавшая равнины. Но Тамиил шёл впереди, один, в зримом облике. Костюм — безупречен, шаги — нечеловечески быстры, и вся тёмная масса следовала за ним клином. Увидев маленького мальчика на дороге, он остановился.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Джала Вест, — ответил мальчик.

— Беги, — сказал Тамиил.

— Скажи мне, — сказал Джала, — если бы это была история, и Дьявол со всеми своими демонами шёл на мирную страну, а на пути у него стоял всего один мальчик, держащий меч из упавшей звезды…

— У тебя нет никакого меча из упавшей звезды, — заметил Тамиил.

Грохот метеора расколол небо — огненный шар, на миг затмивший дневной свет яркостью своего полёта. Он летел всё ближе, целясь прямо в них, и Джалакету протянул руку и поймал его. Огромный чёрный меч с серебряной рукоятью — чуть ли не больше самого маль-

чика. Меч был ещё раскалён и непомерно велик для мальчика, но тот держал его без страха.

— А вот и *есть*! — сказал Джала.

Тамиил зарычал.

— Если бы это была история, — продолжал Джалакету, — и ты столкнулся бы с одним мальчиком, с мечом из упавшей звезды, здесь — потому что он не захотел бросить родную землю, — ты думаешь, для тебя это кончилось бы хорошо? Для демона?

— Ты собираешься требовать моей капитуляции? — прорычал Тамиил.

— Нет, — сказал Джала. — Я не могу принять никакой капитуляции. Уйди ты из Колорадо — я пошёл бы следом. Уйди из Америки — я бы выследил тебя. Даже если бы ты полностью покинул этот мир и вернулся в Ад, я бы и этого не мог позволить. И я не могу позволить тебе сохранить эту армию. Это слишком опасно. Всё это слишком опасно. Мне не следовало приходить сюда самому — нужно было найти способ задержать тебя издали. Но я должен был прийти. В Библии сказано, что ты — противник, искуситель, измеряющий Человека. Но кто измерит *тебя*? Я пришёл сюда, чтобы задержать тебя, но также — чтобы взять твою меру. И ещё — чтобы получить кое-что нужное мне. И ещё — потому что я в ярости. Это моя земля. Я защищал бы её, даже если бы это было не так, — но это так.

Он вытащил из кармана ракетницу и выстрелил сигнальной ракетой. Та прочертила небо — довольно бледное зрелище после недавнего метеора. Горы отозвались эхом, но никакого другого ответа не последовало.

Тогда демон набросился на него, орудуя двузубцом, чьи режущие и рубящие удары были почти неразличимы для человеческого глаза. Джалакету парировал своим мечом — великим мечом Вздох, мечом, который выковал его отец, мечом, который всегда отзовётся на зов его и его потомков, где бы они ни были. Воздух шипел от скорости их схватки, земля содрогалась от силы ударов.

Потом Джалакету всё-таки пролил его кровь. Совсем немного — скользящий удар по предплечью демона.

Кровь зашипела на клинке, вытравив на стали причудливые дамасские узоры.

— Ладно, — сказал Повелитель Демонов. — Сделаем это по-простому.

Он подал знак огромной туче, нависшей над ними, и все легионы Ада разом ринулись в долину. Джалакету просто смотрел, как они летят, держа меч перед собой, — будто это всего лишь несколько облачков, несомых ветром.

Тогда рёву надвигающихся спереди демонов ответил такой же рёв за его спиной. Что-то серовато-белое и исполинское — настолько огромное, что поначалу трудно было понять что. По мере приближения оно приобретало очертания. Вода. Несущаяся вода. Целое водохранилище.

Тамиил не впечатлился.

— Вот каков был твой план? — спросил он. — Взорвать дамбу? Ты же знаешь, что демоны не тонут?

Стремительная стена святой воды обрушилась на воинство Ада с оглушительным грохотом и погасила их, точно искры перед струёй огнетушителя. Всё истребление заняло лишь несколько секунд. Джалакету произнёс Восходящее Имя и завис над опустошением, проверяя, не уцелел ли хоть один демон.

— Я знаю, — сказал Джалакету ни к кому в особенности. И затем, торжественнее: — «И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сражённый мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском Творца».

Потом он опустился на землю и побрёл вброд через залитые водой обломки, пока не добрался до города.

IV.

Старенькая «Нова» отца Эллиса ехала по трассе US-24 в Колорадо-Спрингс. Движение теперь стало ещё беспорядочнее. Одни продолжали эвакуацию. До других дошли слухи, что что-то изменилось, и они пытались вернуться домой. Несколько человек и вовсе не знали, в какую сторону ехать. US-24 была пустой, I-25 — сплошным хаосом. Добравшись до развязки, Эллис сдался, съехал на обочину и остановил машину. Они втроём вышли на пустую трассу.

— Я, честно говоря, никогда здесь не бывал, — сказал священник.

— Мой родной город, — сказал Джалакету. — Здесь всё должно начаться.

— Что именно должно начаться? — спросил Вихаан. — Джала, будь осторожен.

Что бы там ни должно было начаться, место казалось вполне подходящим. Перед ними вставал городской центр — несколько зданий, игравших в небоскрёбы; едва намеченный даунтаун. Затем длинная лента машин, растянувшаяся в обе стороны, гудки — весь Колорадо на дороге. С одной стороны — поразительные скальные образования, которые какой-то романтик девятнадцатого века назвал Садом Богов. С другой — громада горы Шайенн, в чьих недрах Соединённые Штаты хранили командный центр ядерного вооружения.[392] Надо всем этим возвышался острый заснеженный гребень Пайкс-Пик.

Джалакету произнёс Восходящее Имя и поднялся в воздух. Потом другое Имя — и небо как будто потемнело, словно весь солнечный свет сосредоточился на нём одном. Люди начали замечать. Гудки стихли. Несколько смельчаков вышли из машин, чтобы лучше видеть. Некоторые окна чуть приоткрылись, будто выглядывали наружу.

Тогда он заговорил. Голос его не был громким, но каким-то образом нёсся — нёсся вниз, мимо всех за-

мерших машин, в здания даунтауна, над гребнями и ручьями Сада Богов и по всему городу.

— Я Джалакету Вест, — сказал он, — сын Кометы Вест. Колорадо пока в безопасности. Колорадо в безопасности потому, что я его спас. Но ненадолго. Демоны не умирают навсегда — они распадаются и восстанавливаются. И дело не только в демонах. Трещины в небе становятся шире. Мир разваливается. Я не знаю, смогу ли спасти всех вас. Но кто-то должен — а больше некому. Поэтому я попробую. Мне нужна ваша помощь. Если вы пойдёте за мной, легко не будет. Вам придётся верить. Но я буду достоин этой веры. Обещаю. Именем Бога, Именем которого нельзя клясться всуе, — обещаю. Так должно быть. Я — Король Комет. Преклоните колено. Принесите мне клятву верности. *Прямо сейчас*.

Поначалу все молчали, оглушённые, — ни слова в ответ; потом разом заговорили. «Господи боже», и «Он думает, что…», и «Он говорит, что мы спасены?», и «Как он там держится в воздухе?» — тысячи вопросов и тревог, восклицаний и страхов.

В конечном счёте они были американцами и на колени не опустились. Но потом один из них — старый ветеран Корейской войны — отдал честь. Потом другой, и ещё один, и вскоре весь город отдавал ему честь.

Джалакету рассмеялся.

— Сойдёт, — сказал он, потому что в нём жили части, очень древние и очень далёкие, и другие части, столь же американские, как яблочный пирог[393], — и, положа руку на сердце, сам он тоже не опустился бы на колени. Поэтому он засмеялся и отдал честь в ответ, а потом опустился обратно на трассу.

— Король? — спросил дядя Вихаан с несчастным видом — человека, всегда знавшего, что это когда-нибудь случится, но надеявшегося, что не так скоро.

— Да, — сказал Джалакету. — И мне нужны советники, которым я могу доверять. Как только найдёшь тётю Самиру и устроишь её в безопасном месте — возвращайся, нам нужно поговорить обстоятельнее. И вы, — обратился он к отцу Эллису.

— Да? — переспросил священник.

— Мне нужен и ваш совет.

— Я — последний человек на свете, способный кому-то что-то советовать.

— Мне нужно, чтобы вы научили меня тому, о чём говорили раньше. Как быть человеком. Как это выносить.

Отец Эллис сглотнул.

— Попробую, — сказал он.

И вдруг мальчик снова весь просиял.

— Пойдём, — сказал он. — В центр города. Я уверен, там найдётся немало людей, которые захотят с нами поговорить. — Он шагнул вперёд — почти вприпрыжку, радостно, — белые, как комета, волосы развевались позади на ветру.

Вихаан и Эллис переглянулись.

— Наверное, всё, что нам остаётся, — это следовать за ним, — сказал священник, и они зашагали вслед.

Глава 30

Над тёмными пустынями

Нельзя считать, что по-настоящему понимаешь некромантию, если не можешь объяснить её своей прапрапрабабушке.
— Стивен Каас

Вечер, 12 мая 2017 года
Пустыня Мохаве

I.

Калифорния менялась вокруг нас. Равнины, затем горы, затем горы повыше, которые наконец сходили вниз, в поражающую воображение пустынную гладь. И вот мы там. Всю жизнь я провёл на крошечной полоске калифорнийского побережья между горами и морем. Теперь я оказался на настоящем Западе — в библейской пустыне среди кустарника и суровых скал, каких я прежде не видел. Это была земля, где разворачивались великие драмы конца двадцатого века, две истории — Короля Комет и Другого Короля. В слепящем солнечном свете всё казалось более реальным и твёрдым, чем та страна грёз, что осталась позади.

Мы были где-то около Барстоу на краю пустыни[394], когда начали появляться указатели на «Уолл-Драг»[395].

До того как небо треснуло, «Уолл-Драг» был торговым центром в Южной Дакоте. В Южной Дакоте не так много всего, поэтому владельцы торгового центра решили превратить его в туристическую достопримечательность. Вдоль шоссе они расставили рекламные щиты — «До Уолл-Драг осталось тридцать миль!», «До

Уолл-Драг осталось двадцать миль!», «Ещё десять миль — и вы у УОЛЛ-ДРАГ!» Видимо, ожидалось, что ощущение непрерывного приближения превратит обычный торговый центр в некое трансцендентальное развлекательно-коммерческое переживание. Радиус охвата рос. «Всего пятьдесят миль до Уолл-Драг!» «Уолл-Драг — ещё каких-то сто миль!» Наконец щиты расползлись метастазами по всему Среднему Западу, превратив Уолл-Драг в омфал[396] собственной системы координат: «Не знаю, в каком мы штате, но до Уолл-Драг осталось каких-нибудь двести восемьдесят миль». Какой-то остряк на американской станции Мак-Мёрдо умудрился ненадолго водрузить у Южного полюса щит «До Уолл-Драг — 9 333 мили».

После того как небо треснуло, координатная система Уолл-Драг стала всё настойчивее накладываться на обычную систему долгот и широт. Хуже того, они совпадали не вполне. Можно было ехать из Нью-Йорка в Нью-Джерси — и вдруг обнаружить щит, обещающий Уолл-Драг всего в тридцати милях. Проедешь ещё десять — и точно: УОЛЛ-ДРАГ, ДВАДЦАТЬ МИЛЬ. Ещё десять — и тебе обещают южнодакотский торговый центр, уже в десяти милях. Ещё десять — и… кто знает? Никто не вернулся из Уолл-Драг за целое поколение. Это место стало не только омфалом, но и чёрной дырой в центре Разъединённых Штатов — односторонней достопримечательностью-притяжением и аттрактором[397], который питает система межштатных шоссе, никогда не отпускающая добычу. Одни говорят, что оно находится на Небесах, другие — в Аду, третьи утверждают, что по-прежнему в Южной Дакоте, откуда вот уже тридцать лет не поступало никаких вестей.

Поездки между штатами всё ещё возможны, но следуют строго заданной схеме. Едешь вперёд, пока не увидишь щит Уолл-Драг. Тогда торопливо разворачиваешься и возвращаешься в предыдущий город — и вот ты снова в обычной американской местности. Потом осторожно трогаешься снова. После достаточного числа повторений можно добраться из точки А в точку Б целым

и невредимым. Но если ты увидел щит Уолл-Драг и продолжил движение, пейзаж вокруг начнёт всё меньше напоминать то, откуда ты приехал, и всё больше — полузасушливые травянистые равнины Южной Дакоты. Даже тогда повернуть назад ещё можно. Но если повернёшь назад слишком поздно, то можешь обнаружить, что Уолл-Драг — и в той стороне тоже, что в любом направлении ты приближаешься к Уолл-Драг, и не остаётся ничего иного: либо стоять на месте вечно, либо смело направиться в «безвестный край, откуда нет возврата земным скитальцам»[398].

Вот что случилось с Дакотами и Северными равнинами. В такой близости от омфала даже нескольких шагов по переулку хватило бы, чтобы заблудиться навсегда. Ездить на машине стало невозможно. Тысячи маленьких сельских общин лишились связи с внешним миром. Крупные города, жившие на привозном продовольствии, голодали — посреди янтарных волн хлебов. Потом пришла Трансляция, чтобы добить их. Кое-где уцелело несколько небольших ферм, но в остальном территория опустела, как в те времена, когда по ней бродили бизоны[399].

Джейн выругалась, и мы принялись искать съезд. Вернулись в Барстоу, потом двинулись снова. Не прошло и десяти миль, как ещё один щит Уолл-Драг вынудил нас повторить весь цикл заново.

— Я устала, — сказала Джейн. — Садись за руль.

— Я не умею водить, — ответил я. Я вырос в Окленде, где ездить на машине было не слишком удобно. А к тому времени, как мне исполнилось шестнадцать, техника пришла в такой упадок, что только более дорогие модели с Движущим Именем ещё продолжали ездить.

— Жмёшь ногой на педаль, а если что-то мешает — крутишь вот это большое колесо, — сказала Джейн. — Это пустыня Мохаве. На сто миль вокруг ничего нет. Не помрёшь.

И я сел за руль. Машина была хорошая. Белый «Кадиллак». Учёные мужи говорят нам, что Бог ездит на «Плимут Фьюри», ибо написано в Иеремии 32:37: «…изгнал их

из земли сей в ярости…»[400] Но двенадцать апостолов ездили на одной «Хонде Аккорд», ибо написано в Деяниях 5:12: «Все они единодушно…»[401] Комментаторы полагают, что именно на этой машине Иисус изгнал торговцев из Храма[402], хотя если торговцев было больше четырёх, тут не обошлось бы без небольшого чуда. У моей матери была старенькая, видавшая виды «Хонда Аккорд». Почём знать — может, та самая, что фигурирует в Новом Завете. Через год она испустила дух, и мы снова пересели на автобусы.

Интересно, что бы она подумала, увидев меня сейчас — за рулём «Кадиллака». «Кадиллаки» были из другого мира — мира генеральных директоров и теономики Кремниевой долины[403]. Однажды я читал историю компании; она была названа в честь Антуана де ла Мот Кадиллака, основателя Детройта. Его имя, в свою очередь, происходит от французских слов *ca du lac* — «дом у озера»[404]. Человек по имени «дом у озера» основал город Детройт. Это было не совпадением, потому что ничто никогда не было совпадением.

ЛАС-ВЕГАС, 141 МИЛЯ, — пронёсся мимо указатель.

Лас-Вегас восходит к испанскому «вега» — «луг», но у нас, англоязычных, иная ассоциация. Вега — самая яркая звезда летнего неба. Её название происходит от арабского слова «ваки» — «падающая», потому что арабы считали, что её созвездие похоже на птицу, падающую с небес. Знаете, кто *ещё* был ярчайшей из звёзд, прежде чем пал с Небес? Именно. Вот в честь кого вы назвали свой город. Молодцы, испанцы, ничего не скажешь. Ну и *конечно же* он стал мировой столицей порока.

Лас-Вегас означает «луга», но ещё и «падшие»[405]. С каббалистической точки зрения мы ехали из города, названного в честь ангелов, в город, названный в честь падших. И делали мы это *при том, что* сила номинативного детерминизма[406] была настолько велика, что человек, чьё имя означало «дом у озера», взял да и основал крупнейший американский город на берегу самого большого озера континента.

Мы были не слишком умными людьми. Я надеялся, что Ана приедет как можно скорее.

II.

За Барстоу лежали Йермо, чьё название означало «пустошь», и Нево, названный в честь гробницы Моисея. Мы ехали дальше — через Пустые холмы, через заказник гремучих змей в ущелье Ярроу, мимо лавки Alien Fresh Jerky с «инопланетной» вялениной. Проехали Зайзикс — название, будто нарочно созданное для каббалистического анализа. Пронеслись через лживо-пристойный захолустный пограничный городок Примм[407], потом через честно названный захолустный пограничный городок Роач. Увидели Спрингские горы, пересекли Парадайз и выехали с другой стороны[408].

Я надеялся, что Джейн уснёт и я смогу сбежать, но, разумеется, ничего подобного. Она достала украденную у ангелов книгу и принялась листать, снова и снова возвращаясь к тем же нескольким страницам. В конце концов я не выдержал.

— О чём она? — спросил я.

— Не твоё дело, — ответила Джейн, но без злости. Скорее мечтательно и отстранённо, глядя на мелькающие за окном пейзажи.

Тогда я решил испытать судьбу.

— Я тут засыпаю за рулём. Можешь хотя бы поговорить со мной.

Джейн кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Загадка для тебя. Что общего между Род-Айлендом и падающей птицей?

Я ответил не задумываясь.

— В обоих есть Провидение[409].

Джейн чуть улыбнулась. Может, я прошёл какое-то испытание? Но она лишь сказала:

— Объясни.

— Это строка из Шекспира. «И в гибели воробья есть особый промысел». Но он перефразирует Мф. 10:29: «Не

две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц»[410].

— Да, — сказала Джейн. — Но что это *значит*?

Я никогда прежде не слышал каббалистического комментария к этим стихам. Крупнейшие раввины и близко не подходили к Новому Завету. Но общий смысл был достаточно ясен.

— Во времена Иисуса маленьких птиц вроде воробьёв приносили в жертву бедняки, которые не могли позволить себе ничего покрупнее[411]. На рынке их продавали за гроши, так что они стали символом всего ничтожного и незначительного. Иисус сказал, что Бог всё равно наблюдает за каждой из них. Значит, и нам следует ободриться: если Он следит за этими птицами, то уж за нами — тем более.

— Ещё что-нибудь? — спросила Джейн.

— Шекспировская цитата — из «Гамлета», — припомнил я. — Горацио предсказывает, что Гамлет проиграет поединок, и советует ему уклониться. Но Гамлету безразличны шансы. Он говорит: «Нас не страшат предвестия», а потом перефразирует стих из Матфея. Если всё происходит по воле Провидения, бояться нечего.

— Ещё?

— Есть несколько стихов Уильяма Блейка примерно на ту же тему. Хм. «Жаворонок с подбитым крылом — / И Херувим смолкает вслед за ним»[412]. И другие в том же духе.

— Ещё?

— Не думаю, — сказал я. — Зачем вы спрашиваете?

— Это может быть тайной Другого Короля.

Я едва не въехал в кактус.

III.

В середине девяностых Лас-Вегас гудел от слухов о каком-то некромантическом культе. Король Комет явился в город, выкурил сектантов из подполья и лично казнил их главаря. На этом всё должно было закончиться.

К концу века слухи поползли снова. Казнь предводителя лишь сделала его сильнее. Теперь он собирал силы заново. Те, кто погиб в борьбе с ним, становились солдатами его армий. Он носил тёмно-алую мантию с капюшоном, скрывавшим голову. Никто никогда не видел его лица.

У Короля Комет хватало других забот. Его великий крестовый поход потерпел поражение. Жена умерла. Он затворился в своих покоях, предоставив повседневное управление Потомкам Кометы. Те были менее уверены в себе, чем он. Они обходили Лас-Вегас стороной, спихивали дело на подчинённых и надеялись, что всё как-нибудь само рассосётся.

В марте 2001 года некромант захватил контроль над Вегасом в ходе эффектного переворота. Крови пролито не было. Фигуры в чёрных балахонах со скелетоподобными лицами и нечеловеческой силой явились ниоткуда и потребовали присяги от городского губернатора и его гарнизона. Некромант провозгласил себя королём и обосновался под исполинской чёрной пирамидой «Люксора». Ни истории своего появления он не поведал, ни даже того, как подданным следует к нему обращаться. Сторонники Короля Комет начали звать его «другим королём» — и прозвище прижилось.

Король Комет, по-прежнему убитый горем, поначалу отказывался покидать свои траурные покои. Но дети стали просить и уговаривать его, и он поднялся с постели, собрал армии и в последний раз взял в руки великий меч Вздох. Он выдвинулся на запад. Другой Король со своими легионами нежити — на восток. 29 июля они встретились в горах Несамер близ Форт-Коллинса. Сражение зашло в тупик: ни одна армия не могла одолеть другую.

Потом на поле вышел сам Другой Король — и Именами огня и ночи принялся кромсать войска Короля Комет. Строй колорадцев дрогнул. Тогда Король Комет — страшно постаревший, с белыми волосами и иссечённым морщинами лицом — шагнул к передовому краю своих рядов и бросил некроманту вызов на поединок.

Они сражались высоко над землёй, ныряя в облака и вырываясь из них, а их удары, точно молнии, били в бесплодную землю внизу. Горы содрогались. Воздух грохотал от звука тайной магии.

Тело Короля Комет безжизненно рухнуло на землю.

Колорадцы в ужасе бросились бежать, но Потомки Кометы двигались среди отступавших и сплачивали свои войска. Потомки Кометы прорвали вражеские ряды и вынесли тело отца. Нежить казалась робкой и сопротивлялась лишь символически. В конце концов тёмные армии отступили обратно в Лас-Вегас. Шпионы доносили, что Другой Король был тяжело ранен — рана Короля-Рыбака, так и не зажившая: разум остался нетронутым, тело — безнадёжно изувеченным[413].

С тех пор он оставался под своей пирамидой, управляя армиями на расстоянии. Если в Колорадо рассчитывали, что ранение замедлит его завоевания, — они ошиблись. Сначала пала Невада. Потом Аризона, и весь Нью-Мексико западнее Санта-Фе. Потомки Кометы проигрывали сражение за сражением. Они отступили к Скалистым горам, а потом — к своей цитадели в горе Шайенн. Другой Король атаковал гору, потерпел неудачу, попытался снова, снова неудача — и наконец оставил их там, в безопасности, но в ловушке. Если Джейн говорила правду, она была частью этого последнего оплота. Секреты Другого Короля были важнее всего остального, что она могла бы принести своему осаждённому народу.

— Как это может быть тайной Другого Короля?!

— Ты знаешь об Уриме и Туммиме?

В Библии сказано, что Урим и Туммим были гадательным устройством, которое носил Первосвященник

Израиля, — камни с начертанными на них буквами иврита, вставленные в нагрудник. Царь задавал вопрос, Первосвященник молился, а буквы на камнях загорались и складывали ответ. Секрет был утрачен до Вавилонского пленения, но заново открыт Королём Комет в восьмидесятых[414].

— В две тысячи первом, — сказала Джейн, когда я кивнул, — когда Потомки Кометы только начали тревожиться из-за Другого Короля, отец Эллис обратился к Уриму и Туммиму с вопросом, кто он такой и откуда взялся. Но Эллис исчез, так и не сообщив Потомкам ответ камней, и без него они не могут повторить ритуал. Зато ангелы помогают передавать послания к нагруднику. И записывают всё, что делают. Вот что мы взяли из библиотеки: ангельскую запись гаданий Урима и Туммима. Вот каким был ответ камней Эллису. Вот эта загадка.

— Название Лас-Вегас означает «павшая птица», — вырвалось у меня.

— Что?

— Название звезды Вега происходит от арабского слова «ваки», то есть «павшая» или «падающая». Арабы назвали её так, потому что созвездие напоминало птицу, падающую с неба. Значит, Лас-Вегас можно перевести как «павшие птицы». И тайна Другого Короля — в том, что ни одна птица не упадёт на землю без воли Бога. В падении воробья есть особое провидение.

— Хм, — произнесла Джейн, и на её лице промелькнуло то самое выражение, которое я уже видел, когда разгадал систему архивов ангелов. Как будто она на миг вспомнила, что я человек, а не домашний питомец или вещь, — и слегка смутилась от этого открытия. — Это… интересно.

— Но не очень применимо на практике, — сказал я.

— Нет, — согласилась Джейн. Я представлял, что она надеялась разузнать какую-то тайную слабость, которую колорадцы могли бы использовать, чтобы переломить ход боёв. Каббалистическая связь между Евангелием от Матфея, городом Лас-Вегас и Божественным Провидением немедленной пользы не сулила.

— Ты будешь в безопасности в Вегасе?

Для колорадского оперативника это было не лучшее место.

— Нет, — сказала она. — Как и ты. Прости, что мне пришлось привезти тебя сюда, Аарон. Правда.

И тут мы выбрались из чрева последней маленькой долины, и перед нами выросли башни Лас-Вегаса — столицы Соединённого Королевства Великого Бассейна. Я ещё никогда не видел Джейн такой нервной. Мы поменялись местами; она взяла руль. На светофорах нищие, проститутки и наркоторговцы принялись стучать в окна нашей машины, каждый со своей просьбой.

Солнце зашло за горами Ред-Рок, когда мы заселились в отель «Стратосфера». Я повторял про себя тайну Джейн — как мантру. Даже в падающей птице есть провидение. Даже в Лас-Вегасе Бог с нами. Где-то.

Ночь опустилась на город Другого Короля.

Глава 31

Основание империи

Вместе мы можем построить лучшую Америку, колонизировать её, а старую использовать как источник сырья и полигон для стрельбы.
— Стивен Каас

30 января 1981 года
Кэмп-Дэвид, Мэриленд

I.

Буквальное значение слов «Кэмп-Дэвид» — «летняя резиденция президента США»[415].

Каббалистическое значение Кэмп-Дэвида — «место, где враги примиряются». Мы выводим это из 26-й главы Первой книги Царств. Давид (будущий царь Израиля) предположительно состоит на службе у царя Саула, однако уже некоторое время отсутствует самовольно. Саул подозревает его в измене; Давиду нужно снять с себя ложное обвинение. И вот он с другом Авессой прокрадывается ночью в лагерь Саула, пробирается в шатёр царя и забирает копьё Саула, пока тот безмятежно спит. Наутро он возвращается к лагерю и предъявляет Саулу его же копьё — доказательство, что мог бы убить царя и захватить престол, будь он и впрямь неверен. Саул сказал: *«Согрешил я; возвратись, сын мой Давид, ибо я не буду больше делать тебе зла, потому что душа моя была дорога ныне в глазах твоих; безумно поступал я и очень много погрешал»*. И Давид ответил: *«И да воздаст Господь каждому по правде его и по истине его, так как Господь*

предавал тебя в руки мои, но я не захотел поднять руки моей на помазанника Господня»[416].

Королю Комет нужно было примирить врагов, и потому он пригласил их в Кэмп-Дэвид. За шесть лет после скандала с Внешними вратами и краха центральной власти Соединённые Штаты раскололись на два десятка мелких княжеств — с нажимом на «мелких». Техасская Технократия устраивала пограничные набеги на Арканзасский Архонат; Сёгун Мичигана и Каган Маскигона оба претендовали на Гранд-Рапидс; Аризонская Аристократия и Утопия Юты стояли на краю войны из-за края Гранд-Каньона[417]. Король Комет счёл бы всё это не стоящим внимания, не будь мир и стабильность непременным условием того, что он замышлял. Серией угроз, подкупов и деликатных переговоров он убедил всех собраться в Кэмп-Дэвиде и уладить разногласия.

В эту минуту он сверлил взглядом Фараона Фэрбанкса — поседевшего мужчину, до кризиса владевшего лесопромышленной компанией.

— Вы хотите сказать, — обратился он к Фараону, — что вы даже не прочли Римский договор?

— Я не дам какому-то четырнадцатилетнему мальчишке задавать мне домашнее задание! — Джала не лукавил: он сказал им, что ему четыре года. Все сочли это прозрачной ложью ради ореола загадочности. Ладно. Трудно и так добиться их уважения, когда тебя считают подростком. После нескольких попыток поправить это впечатление он просто смирился.

— Там небось статей сотня! — не унимался Фараон. Король Комет попросил всех прочитать Римский договор — один из основополагающих договоров будущего Европейского союза[418] — до приезда. Он планировал навязать им нечто подобное — Американский союз, — который уладил бы их распри и обеспечил необходимый ему мир. Он узнавал новое каждый день. Вчера он узнал: даже когда политику крайне важно прочитать документ, просьбу прочитать его он неизменно превращает в борьбу за доминирование.

— Двести сорок восемь, если точно, — сказал Джала, глядя ему прямо в глаза. Он решил, что сегодня научится побеждать в борьбе за доминирование. Его глаза, словно крошечные звёзды, сверлили Фараона Фэрбанкса. Джала заметил: если смотреть так достаточно пристально, через некоторое время собеседник сдаётся. *Двести сорок восемь статей в Римском договоре,* — думал он, не отводя взгляда. — *А ещё — число положительных заповедей в еврейской Библии и гематрическое значение имени «Авраам», отца еврейского народа*[419]. Он отложил это про запас.

Кто-то недовольно проворчал. Джала понял, что, пока сверлил аляскинца взглядом, настроил против себя часть остальных вождей.

— Ладно, — сказал он. — Забудьте Рим. Покажу, к чему я клоню. — И раздал копии другого документа, озаглавленного «ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РАЗЪЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ».

— Опечатка в заголовке, — заметил Махараджа Индианы.

— Нет, опечатки нет, — сказал Король Комет, уставившись на него. Он не был уверен, борьба ли это за доминирование, но не хотел рисковать. — Просто читайте.

Даже когда политику крайне важно прочитать документ, просьбу прочитать его он неизменно превращает в борьбу за доминирование. Но хотя Королю Комет было на вид лет четырнадцать, хотя одет он был в чёрно-серебряные одеяния, выглядевшие слегка нелепо на северовирджинском солнце[420], хотя Проект Конституции Разъединённых Штатов был длинен и запутан — Джале Весту трудно было отказать. А Кэмп-Дэвид был местом, где враги мирились.

И они читали. Читали и спорили. Кто будет обеспечивать свободную торговлю через границы штатов? Будет ли у президента больше, чем церемониальные полномочия? Какое представительство получит союз в Организации Объединённых Наций? Куда расселить беженцев из Дакот? Кто получит какие права на воду

из Миссисипи? Что станет со штатом, который больше нельзя было назвать, — тем, чьё имя убивало каждого, кто его произносил?

Примерно через час дебатов Джала заметил нечто странное. Похоже, он проигрывал.

Поначалу это было едва заметно. Чуть больше сопротивления тут. Чуть больше разногласий там. Канзасская Какистократия не хотела прекращать угон скота[421] — он это учёл. Оклахомская Охлократия выражала озабоченность восстановлением федеральных судов — тоже ничего удивительного. Но чем дольше длились переговоры, тем крепче становилась уверенность: что-то не так.

Он вообще перестал говорить и сосредоточился на приливах и отливах социальных сигналов за столом. Минарх Миннесоты не желал патрулировать Великие Озёра, защищая их от канадских пиратов, — но кто так поставил вопрос? Падишах Падуки требовала расширения водных прав — но кто исподволь поддерживал её самые нелепые претензии?

Несколько минут — и он уверился окончательно. Кто-то, чьи силы не уступали его собственным, манипулировал залом — незаметно развязывал каждый узел, который Джала пытался затянуть, обрезал паутину так же быстро, как тот её плёл. И он неплохо представлял — кто.

Когда переговоры прервались на обед, Джала тихо подошёл к Халифу Калифорнии.

— Можно вас на пару слов, мистер Рейган?

II.

В хаосе и ужасе Трансляции прежний губернатор Калифорнии покончил с собой. Штат балансировал на грани анархии, пока молодой киноактёр не сплотил его силой воли и чистой харизмой. Мф. 7:29 — *«Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи»*. Он колесил по стране, рассказывая об Американской мечте, и всюду, куда он приезжал, невозможное казалось

возможным. Люди откладывали распри и клялись в верности. Ин. 7:46 — *«Никогда человек не говорил так, как Этот Человек»*.

Теперь они шли вместе через сады Кэмп-Дэвида. Джала разглядывал его. Рейган выглядел вполне обычно — если не считать голливудской красоты. Всё, что он говорил, звучало убедительно, разумно, даже примирительно.

Джала не верил ни на секунду.

— Именно такие молодые люди, как вы, делают Америку великой, — говорил Рейган. — Когда весть о том, что вы сделали в Колорадо, дошла до Калифорнии, она дала нам надежду. Вот что нам было нужно — больше, чем деньги, больше, чем оружие. Когда у людей есть надежда, они…

— Простите, — перебил Джала, — но *что* вы такое?

Рейган и глазом не моргнул.

— Порой кризис заставляет обычных людей совершать необычное, мистер Вест. Я просто старый актёр, который понял, что его страна в нём нуждается. А когда твоя страна нуждается в тебе, нельзя отказать.

— Можете хоть на *секунду* приглушить эту наигранную народную задушевность и сказать мне то, что мне нужно? *Что* вы такое?

— Думаю, — сказал Рональд Рейган, — нам стоит вернуться в зал заседаний и пообедать.

— Нет. Не раньше, чем вы скажете мне, что вы такое.

— Да брось, парень. Давай закончим и пойдём назад. Сделай это ради Гиппера[422].

Они развернулись и пошли обратно к залу заседаний. Рейган рассказывал о хозяйственных делах на своём ранчо, и Джала кивал, покорённый его суровым обаянием.

И тут — стоп. Что произошло? Джала встряхнул головой, словно очнувшись от сна. Почему они идут обратно? Почему он перестал задавать вопросы? Что такое «Гиппер»? Даже не настоящее слово. Не английское, во всяком случае. Енохианское? Нет, не похоже на европейскую столицу. Тогда — иврит? *Да*. Он уловил связь; кусочки

встали на место. *Могучий*. Интересно. Уже очень давно никто всерьёз не думал о *ха-гиббори́м*.

Джала остановился. Рейган тоже — в растерянности. Джала уставился на него — таким взглядом, что выиграл бы борьбу за доминирование с горой. Но сейчас он добивался не этого. Он смотрел и щурился, пока наконец, еле-еле, не разглядел Имя Бога, начертанное сияющими буквами на голове Рейгана.

— Я знаю ваше Истинное Имя, — сказал он. — Вы Гадириэль, Леди Лос-Анджелеса, создательница големов. Ангел знаменитости, популярности и притворства. Это ваша работа.

Когда Рейган заговорил снова, это был напевный женский голос с едва уловимой ноткой веселья.

— Идёмте, Джалакету бен Кокаб[423]. Пойдём куда-нибудь поукромнее.

III.

Они шли по садам Кэмп-Дэвида, не обращая внимания на полуденное солнце.

— Я не позволю вам захватить страну, — сказала Гадириэль устами Рейгана. — Я покинула Небеса, потому что ангельское правление — самое скучное, что можно вообразить.

— Я не пытаюсь захватить! Только стабилизировать! Все эти дурацкие пограничные войны убивают людей! Если мы не начнём действовать сейчас, Америка будет искалечена на целое поколение!

— Все эти дурацкие пограничные войны *прекрасны*. Столько нелепого героизма! Столько отчаянных побегов! Будто Дикий Запад вернулся!

Джалакету узнавал новое каждый день. Сегодня он постигал систему ценностей одного экстравагантного падшего ангела — и заодно чьим вкусам угождали последние полвека голливудских блокбастеров. К ней не пробьёшься, взывая к стабильности. Не пробьёшься,

даже призывая поступить правильно. Он попробовал другой подход.

— Вам что, не дорога Америка?

Рейган нахмурился.

— Дорогой, вам сколько? Четыре года? Мне Америка дорога дольше, чем вообще *существует* Америка. Я и *есть* Америка. Я наблюдала за ней сквозь завесу механизма Уриила и, когда могла, посылала свою любовь сквозь щели. Кто, по-вашему, сделал Джорджа Вашингтона таким блистательным в седле? Кто придал такой размах подписи Джона Хэнкока? Я стояла рядом со всеми этими безрассудными прекрасными людьми, говорившими о городах на холме, о нации фермеров-джентльменов, о новых Афинах[424], и вдыхала в их слова свой огонь. Кто, вы думаете, нашёптывал Линкольну секреты конфедератов устами Нетти Мейнард[425]? Кто нашептал «Боевой гимн Республики» в уши Джулии Уорд Хоу, пока та спала?

Очи мои узрели славу грядущего Господа;
Он в точиле топчет гроздья, где таится Божий гнев;
Роковая молния сверкнула с грозного меча;
Истина Его идёт[426].

— *Я прочёл пылающее Евангелие в блеске стальных рядов,* — сказал Джалакету. — *Как вы с хулителями Моими — так с вами благодать Моя; пусть Герой, рождённый женщиной, пятой сокрушит змия*[427].

— Вы поклонник?

— Думаю, *возможно,* речь обо мне. — И Джалакету опустился на колени перед Рейганом — так же, как Давид преклонил колени перед Саулом три тысячи лет назад. — Я был несправедлив к вам, миледи, — сказал он. — Мне не следовало ставить под сомнение ваш патриотизм. Но *Союз должен быть сохранён*[428].

— Но не если для этого придётся отдать его вам.

— Тогда — вам.

— Что?

— Мне не нужно президентство. Оно ваше. У вас моя поддержка.

— Я приняла этот облик лишь затем, чтобы Калифорния не разорвала себя на куски.

— А теперь вы не дадите Америке сделать то же самое.

— Я серьёзно. Ангельское правление — кошмар. Невыразимо скучно.

— Тогда будете временным президентом. Учредите Разъединённые Штаты, а потом передадите власть достойному преемнику. Как Джордж Вашингтон.

— У меня нет на это права!

— Послушайте. Джефферсон. Декларация независимости. Это были вы?

— Как вы думаете?

— *Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди созданы равными и наделены Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, среди которых — жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учреждают правительства, черпающие законные полномочия из согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления становится губительной для этих целей, народ вправе изменить или упразднить её и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и устроенное так, как представляется ему наиболее способным обеспечить его безопасность и счастье*[429].

— Не вздумайте выворачивать мои слова против меня. Я знаю, что имела в виду!

— *Не на небесах она*, — ответил Джалакету[430].

Рейган начал смеяться. Продолжал смеяться. Смеялся ещё.

— Вы настоящее чудо, Джалакету бен Разиэль[431]. Вы и правда думаете, что справитесь?

— Кто-то должен — а больше некому.

— Туше.

К ним подбежал помощник.

— Мистер Рейган, мистер Вест! Вот вы где! Обед окончен, остальные участники вас ждут.

Голос Рейгана снова сделался мужским — неспешным, тягучим, — тем самым, которому предстояло очаровать

миллионы. — Похоже, мы тут заболтались! Ну что, Джала, готов? Идём, сделаем Америку снова великой![432]

Глава 32

Божественный человечий облик

7 августа 1991 года
Мексиканский залив

I.

Соху потянулась и раскинулась ещё вольготнее.

— Тук-тук, — сказала она.

— О. ОПЯТЬ ЭТО.

— Тук-тук.

— КТО… ТАМ?

— Со.

— СО КТО?[433]

— Соху у двери — лучше её впусти.

— ХА! ХА! ХА! — Смех Уриила грохотал, сотрясал облака, сотрясал океан, перекрывал неумолкающий гром бушевавшей вокруг бури. Смех был огненный и золотой — как фейерверк, как солнечные вспышки.

— Я СМЕЮСЬ ЛИШЬ ИЗ ВЕЖЛИВОСТИ, — наконец произнёс он. — НА САМОМ ДЕЛЕ Я НЕ ПОНЯЛ.

Лицо Соху помрачнело.

— Это каламбур! — сказала она. — Ты спросил «со кто», а это звучит как моё имя — Соху.

— ПОНЯТНО, — произнёс Уриил с подозрением.

— Да, — сказала Соху. — Ты это выучишь. Я решила. Ты научишься шуткам «тук-тук», и они будут у тебя получаться.

— ГМ.

— Я серьёзно! Ты, наверно, лучше всех, кого я знаю, умеешь находить неожиданные связи между словами и смыслами! В этом же и состоят шутки! Ты упускаешь своё призвание! Ну же! Попробуй!

— КАК?

— Начни со слов «тук-тук».

— ТУК-ТУК.

— Кто там?

— Я НЕ УВЕРЕН.

— Назови слово! Любое! Первое, что придёт в голову!

— АЛЕФ.

— Хорошо. Алеф кто?

— Я ВСЁ ЕЩЁ НЕ УВЕРЕН.

— Каламбур. Какая-нибудь фраза, в которой есть каламбур на слово «алеф». Что-нибудь похожее по звучанию.

— ГМ. СОГЛАСНО КНИГЕ ПРОРОКА ЗАХАРИИ, ВОСКРЕСЕНИЕ МЁРТВЫХ НАЧНЁТСЯ НА МАСЛИЧНОЙ ГОРЕ[434].

— Как это связа—? Ах. Алеф. Маслины. Мм. Отдалённо. Но нужно, чтобы это было внезапно и неожиданно. Нужна изюминка. Со временем поймёшь.

Складывалось впечатление, что, будь Уриил ростом не в сотни футов, Соху попыталась бы потрепать его по голове.

— ВСЕ МОИ ШУТКИ УЖАСНЫ.

— Аааааах! — Соху замахала руками. — Вот! Вот это и должна была быть твоя шутка! Тук-тук! Кто там? Алеф. Алеф кто? Все мои шутки ужасны![435]

— ПРОСТИ.

— Не понимаю! Ты так хорошо разбираешься во всей этой языковой кухне, умеешь находить семь зиллионов связей между словами, у которых на первый взгляд нет ничего общего — и не можешь справиться с простой шуткой «тук-тук»! Почему? ПОЧЕМУ?

— ЭТО ТРУДНО.

— Выучить все человеческие языки — трудно! Шутки «тук-тук» — легко!

— ЕСЛИ Я ПОПЫТАЮСЬ НАУЧИТЬСЯ ШУТКАМ «ТУК-ТУК», ТЫ ПОПЫТАЕШЬСЯ ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ?

— Уриил. Ты. Не. Понимаешь. Людей.

Архангел буркнул что-то недовольное и вернулся к управлению вселенной.

II.

— ИЗ ВСЕХ КАББАЛИСТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ ВАЖНЕЙШИМ ЯВЛЯЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО БОГ СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕКА ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ. ОБЪЯСНИ, КАК СТРУКТУРА БОЖЕСТВА СООТВЕТСТВУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ТЕЛУ.

— Десять пальцев — это десять сефирот, десять эманаций, через которые Бог управляет материальным миром. Двусторонняя симметрия — это две ветви Древа Жизни, соответствующие двум человеческим рукам. Правая ветвь называется Милосердием, а левая — Строгостью[436].

— НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД Я ДАЛ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ. НУЖНО БЫЛО ВЫЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВЫЕ СКЛОННЫ ЗАБОТИТЬСЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ, А ЛЕВЫЕ — О МИЛОСЕРДИИ, ХОТЯ ЭТО ПРОТИВОПОЛОЖНО КАББАЛИСТИЧЕСКИМ СООТВЕТСТВИЯМ.

— Уриил, все задания, которые ты мне задаёшь, невозможны.

— ДАМ ТЕБЕ ПОДСКАЗКУ. МФ. 25:32. «И СОБЕРУТСЯ ПРЕД НИМ ВСЕ НАРОДЫ; И ОТДЕЛИТ ОДНИХ ОТ ДРУГИХ, КАК ПАСТЫРЬ ОТДЕЛЯЕТ ОВЕЦ ОТ КОЗЛОВ; И ПОСТАВИТ ОВЕЦ ПО ПРАВУЮ СВОЮ СТОРОНУ, А КОЗЛОВ — ПО ЛЕВУЮ»[437].

— Нет ничего настолько невозможного, чтобы его нельзя было запутать ещё сильнее, добавив апокалиптическое пророчество.

— ЭТО НЕ НЕВОЗМОЖНО. ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ УСТРАНЯЕТ ОБА ЗАТРУДНЕНИЯ. ПОДУМАЙ. ТЫ ОЧЕНЬ УМНА.

Соху на мгновение задумалась.

— ДАМ ЕЩЁ ОДНУ ПОДСКАЗКУ. ВТОР. 5:4.

— «Лицем к лицу говорил Господь с вами на горе из среды огня». Эм. Подожди, да, так всё сходится!

— ДА?

— Мы все стоим лицом к лицу с Богом. Значит, наше правое — Его левое, и наоборот!

— ДА. ИТАК, КАК БОГ СТАВИТ ПРАВЕДНИКОВ ПО ПРАВУЮ СВОЮ СТОРОНУ, А ГРЕШНИКОВ — ПО ЛЕВУЮ?

— Он… о, Он просто говорит: «Все, кто хочет попасть на Небеса, — направо». А грешники, думающие только о себе, идут направо — со своей точки зрения. А добродетельные, всегда думающие о Боге, идут направо — по правую руку от Бога.

— ДА.

— Значит, правое Бога и левое людей означает милосердие, а левое Бога и правое людей — справедливость.

— ДА. ВОТ ПОЧЕМУ, ГОВОРЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ, ЛЮДИ УТОЧНЯЮТ, ЧТО ИМЕЮТ В ВИДУ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА[438].

— Мне кажется, это немного другое.

— НЕТ.

— Ты глупыш.

— Я Н… — Уриил осёкся, словно погрузившись в раздумья. Наконец он спросил:

— НАЗОВИ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОРНЯ Р-К-Т.

Соху знала, что в такие моменты лучше не возражать.

— Мм. По-английски: *wrecked* — «разбитое», *racked* — «истерзанное», *ragged* — «рваное» (это уже с натяжкой), *rocked* — «раскачанное», *rickety* — «расшатанное». И тут ещё сочетание Т-Р, про которое мы уже говорили: чистая мощь. Что-то грубое и разрушительное. Почему ты спрашиваешь?

Уриил стоял, напряжённо вслушиваясь.

— ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ С УЧАСТИЕМ ЭТИХ БУКВ.

Фоновый вой нарастал и перешёл в визг. Ракета прочертила небо, устремившись прямо на них.[439] Молниеносным движением Уриил выбросил вперёд огромную руку и поймал ракету в ладонь.

— А, — сказал он.

Соху лежала ничком на облаке и жалела, что рядом нет школьной парты, под которую можно было бы нырнуть и укрыться[440].

— ВСЁ В ПОРЯДКЕ, — сказал Уриил. — ВОТ КАК ЛЮДИ ПРИСЫЛАЮТ МНЕ СООБЩЕНИЯ.

— А просто помолиться они не могут?

— СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ МОЛЯТСЯ, ЧТО Я ПЕРЕСТАЛ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ, — сказал Уриил.

— А вдруг кто-нибудь попытается тебя реально взорвать?!

— ТВОЙ ОТЕЦ ПРЕДУПРЕДИЛ БЫ МЕНЯ, — сказал Уриил. — РАЗ ОН НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ, Я РЕШИЛ, ЧТО ОПАСНОСТИ НЕТ. — Он поднёс ракету поближе, чтобы разглядеть. Это была межконтинентальная баллистическая ракета «Минитмен» Военно-воздушных сил США[441]. Сбоку каллиграфическим почерком, на удивление ровным для цилиндрической поверхности, было выведено: *«Вас приглашают принять участие в Многосторонней конференции по ближневосточному мирному процессу в Мадриде, начиная с 27 октября»*[442].

Соху захлопала в ладоши.

— Тебе надо поехать! — сказала она.

— НЕТ.

— Почему нет?

— Я НИКОГДА НЕ ХОЖУ НА ЭТИ МЕРОПРИЯТИЯ. ТАМ УЖАСНО, ВСЕ СПОРЯТ, И НИКОМУ Я НЕ НРАВЛЮСЬ.

— Ты всем нравишься! Они хотят услышать твоё мнение.

— ТЫ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ?

— Отец постоянно на них ездит. Он говорит, что переговоры — это ключ к власти.

— Я НЕ ХОЧУ ВЛАСТИ.

— Хочешь! Ты управляешь миром! У тебя власть над погодой, звёздами, растениями, животными — надо всем. И всё это работает прекрасно! Может быть, если бы ты попробовал получить немного власти и над людьми, у *нас* бы тоже всё отлично работало.

— ЗВЁЗДЫ, ЖИВОТНЫЕ И ПОГОДА — ЛЕГКО. ЛЮДИ — ТРУДНО.

— Отец говорит, что дипломатия — это умение играть в эту игру. Нужно понять, чего люди хотят, и объяснить им, почему они скорее добьются своего, если сделают по-твоему, а не по-другому. Тут нужно воображение. Ты же гений, ты умеешь находить связи между притчей об овцах и козлах и правами человека. Дипломатия тебе бы *ужасно* понравилась.

— ТАМ БУДЕТ ТАМИИЛ. Я УВЕРЕН. ВСЕ ЛЮБЯТ ТАМИИЛА. ЕГО СЛУШАЮТ.

— Его слушают, потому что он с ними разговаривает! Я видела тебя и Тамиила! Ты его прихлопнул, как муху! У Тамиила есть власть, потому что он *добивается* её. Если бы ты сам добивался власти, её было бы у тебя ещё больше, чем у него! Ты мог бы принести мир на Ближний Восток. И мог бы объединять людей — как мой отец. Мог бы объединить всех, чтобы бороться с Тамиилом.

— Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО ВЛАСТЬ АНГЕЛОВ НАД ЛЮДЬМИ — ЭТО ХОРОШО. Я ПОМНЮ, КАК НЕКОТОРЫЕ АНГЕЛЫ ПЫТАЛИСЬ ПОЛУЧИТЬ ВЛАСТЬ НАД ЛЮДЬМИ. ГАДИРИЭЛЬ. САМЬЯЗАЗ. ВСЕ БЫЛИ ОЧЕНЬ РАССТРОЕНЫ.

— Гадириэль стала президентом и спасла Разъединённые Штаты! Это было замечательно! Я даже ходила с отцом в Белый дом и однажды ужинала с её големом-аватаром!

— В БИБЛИИ, КАЖЕТСЯ, НЕ ОДОБРЯЕТСЯ ИДЕЯ АНГЕЛОВ, ПРАВЯЩИХ ЛЮДЬМИ. НЕФИЛИМЫ ВЫЗВАЛИ НОЕВ ПОТОП[443]. БОГ ПОСТАВИЛ ЦАРЁМ НАД ИЗРАИЛЬТЯНАМИ САУЛА, ХОТЯ МОГ ВЫБРАТЬ ИЗ МНОГИХ АНГЕЛОВ. ЕСЛИ БЫ Я ПРАВИЛ ЛЮДЬМИ ТАК ЖЕ, КАК ПРАВЛЮ ЗВЁЗДАМИ И ПОГОДОЙ, ОНИ СТАЛИ БЫ ДЕТАЛЯМИ МАШИНЫ — ТАКИМИ ЖЕ, КАК ЗВЁЗДЫ И ПОГОДА.

— Никто не говорит, что ты должен ими править! Дипломатия — это же противоположность правлению людьми! Нужно просто убеждать их хорошими доводами и внушительным видом! Ты потрясающе споришь! И выглядеть внушительно у тебя прекрасно получается!

Она, возможно, пробормотала что-то, похожее на «...для тех, кто не знает тебя как следует».

— СПОРЫ УЖАСНЫ.

— Ну же, — сказала Соху. — Попробуй хоть раз. Потому что я тебя прошу.

Архангел помедлил с ответом, несколько раз начиная говорить и обрывая себя — словно передумывая. Наконец:

— МНЕ ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ.

— Но попробуешь?

Уриил проворчал:

— Я ТОЛЬКО ЧТО ПРОИГРАЛ В ПЕРЕГОВОРАХ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКЕ. ЭТО ПЛОХОЙ ЗНАК ДЛЯ МОИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ.

Глава 33

Врата познания

13 мая 2017 года
Энсенада, Мексика

Эксцентричный художник-сюрреалист Сальвадор Дали однажды сказал: «Я не принимаю наркотики. Я и есть наркотик». Он шутил. Никаким наркотиком он не был. Он был Сальвадором Дали.

Мужчины, гребущие на маленьких лодках, тяжело нагруженных стройматериалами для «*Всем Сердцем*»? Вот они-то и были наркотиком.

Ана лениво наблюдала за ними, прислонив голову к зелёной мачте. Трое мужчин сидели в своей каюте, там было тесно и душно. Она сказала Джеймсу, что Амоксиэль будет здесь и присмотрит за ней — так какая опасность? Их старпом нехотя согласился.

Энсенада выглядела как любой другой тихий портовый городок. Люди, поднимавшиеся на борт, выглядели как самые обычные люди. Разве что чуть сонливее, с чуть более широкими зрачками. Но она знала правду. Это были не люди. Они были наркотиком. Даже если в Энсенаде и жили настоящие люди — а она в этом сомневалась, — их бы не послали для чего-то столь важного.

На рассвете Джеймс в одиночку отплыл на лодке к берегу. Амоксиэль и Капитан внимательно следили за ним: вот он причалил к пристани, подошёл к какому-то энсенадцу и заговорил с ним. Они не слышали ни слова, но это их не волновало. Высматривали они только одно: не скормил ли энсенадец Джеймсу чего-нибудь и не сделал ли ему укол. Насколько они могли судить — нет. Джеймс вернулся к «*Всем Сердцем*», и команда его впустила. Он

выглядел нормально. Но он всё равно *выглядел бы* нормально, что бы ни случилось.

Симеон вышел на палубу и сел рядом.

— Ты бывала в Мексике, Ана?

— Нет, — ответила она. — Но торчков видела. А ты?

— Один раз, — сказал он. — В девяностых. По делу. А потом немного попутешествовал. Мехико. Веракрус. И Теотиуакан. С его огромными пирамидами, стоящими в ряд — величаво и громадно.

— Соломон *мудр*, — поправила Ана. — *Голиаф* — огромен[444].

— Что?

— Извини! Мы с одним другом когда-то играли в такую игру. Исправляли нечаянные библейские каламбуры. Теперь это… вроде навязчивости. Она попыталась заполнить неловкое молчание. — А чем ты вообще занимаешься?

— Ты не знаешь? — Он, кажется, был искренне удивлён.

И тут, когда первый из торчков поднялся на борт, её озарило.

— Вы же Симеон Азор! Из «Барекет»![445]

Это было так очевидно. Лицо, на которое она смотрела, — то же, только лет на десять моложе и с более тёмными волосами, — могло быть тем самым лицом, которое она видела в журналах и телевизионных выпусках новостей: оно принадлежало человеку, стоявшему за «Барекет Кэпитал», одному из первых инвесторов «Каунтенанса» и совладельцу доброй половины самых успешных теономических компаний — в том числе каждой компании, против которой она протестовала последние десять лет.

— Но… но вы же ужасны! — Она тут же осеклась. — Простите! Ну, то есть… тоже, наверное, навязчивое. Я не хотела…

Один из торчков представился Джеймсу: Иван Колеро, специалист по ремонту судов в мексиканских военно-морских силах. По его словам, заказчики заплатили хорошо — очень хорошо — и получили лучших. Властелин Наркотиков знал, что им нужно поскорее отправляться в путь, а Колеро с людьми управится за день, может, меньше. Они умеют работать быстро. Невероятно быстро.

— Позвольте угадать, — сказал Симеон, — вы из тех, кто может разразиться целой речью о том, как теономика всё губит.

— Э… — произнесла Ана.

— Давайте, — сказал Симеон. — Выговаривайтесь.

— М-м… — сказала Ана.

— Я уже вижу: мы оба будем страдать, пока вы не скажете свою речь. Так что выговаривайтесь.

— Э… мой кузен умеет говорить это лучше, но… ну… Бог рождён свободным, но повсюду в оковах. Имена — наше наследие как детей Божьих, носителей Божественной искры, — патентуют, словно это какие-то особенно хитроумные технические штуковины, а потом пускают по рукам ради яхт для миллиардеров.

— Мм-м, — перебил Симеон, — я не покупал это судно. Просто забронировал на нём место. Оцените мою сдержанность.

— Плодородное Имя заставляет землю давать зерно, ускоряя рост урожая почти наполовину. Дети в Эфиопии умирают от голода, а эфиопские крестьяне не могут воспользоваться Плодородным Именем, чтобы вырастить кукурузу, которая бы их спасла. Почему? Потому что «Серпенс» держит патент и требует восемьсот долларов аванса с любого фермера, который хочет им воспользоваться. Очищающее Имя мгновенно уничтожает восемнадцать видов вредных бактерий, включая два, устойчивых ко всем антибиотикам, кроме самых опасных. Но в двух третях американских больниц нет ни одного лицензированного пользователя Очищающего Имени. Почему? Потому что им не по карману лицензионные сборы «Гогмагога».

Торчки принялись стучать молотками по красной мачте. Ана заговорила громче, чтобы слышать себя сквозь шум.

— Прежде мы говорили себе, что бедность — неизбежная часть жизни. Что еды, лекарств, одежды и жилья на всех не хватит. Тогда это было правдой. Теперь — нет. Чтобы накормить голодных и приютить бездомных, больше не нужны дефицитные ресурсы. Нужно

всего одно слово. Слово, которого вся международная система управления — корпорации, политики, UNSONG — сообща не даёт нуждающимся. Восемьдесят шесть процентов известных Имён принадлежат пяти корпорациям. У крупнейшей, «Серпенс», общие активы — сто семьдесят четыре миллиона… нет, простите… миллиарда… я же говорила, что мой кузен умеет это лучше. А у генерального директора «Серпенс», Кейт Ильев, личное состояние в шестьсот миллионов долларов, дома в Калифорнии, Техасе и штате Виргиния, а ещё — яхта длиной в сто пятьдесят футов.

— А между тем она не только нанимает лучших в мире каббалистов, чтобы спрятать Плодородное Имя за клипот; если какой-нибудь предприимчивый ум всё-таки прорвётся сквозь шифрование и разошлёт это Имя голодающим эфиопам открытым текстом, она поднимет на ноги UNSONG, задействует все договоры, какие у нас есть с Эфиопией, и добьётся, чтобы каждого, кто это Имя увидел, посадили пожизненно. Потому что если люди, которые не могут отдать Кейт Ильев восемьсот долларов на яхту побольше, попробуют прокормить себя сами, — это, как говорит наше правительство, Угроза Нашему Образу Жизни.

— С тех пор как небо треснуло, Певцы держатся одного основополагающего принципа: никто — ни религия, ни корпорация, ни правительство — никто не имеет монополии на Бога. Мы требуем разбить клипот, передать все известные неразрушительные Имена Божьи в общественное достояние и сделать их свободно доступными каждому, а UNSONG распустить и пустить его ресурсы на что-нибудь полезное, например на борьбу с демонами. И пока это требование не выполнено, мы будем делать это сами: разбивать какие можем клипот, распространять Имена среди всех, кто хочет их услышать, и держаться на шаг впереди закона.

— Третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно»[446]. Я не знаю, когда настанет Судный день, но вы долж-

ны признать, что ткань реальности в последнее время держится не очень-то хорошо. И если Бог явится и спросит нас, как мы пользовались Его святыми Именами, которые Он нам дал, — я бы хотела, чтобы мы как цивилизация могли ответить: мы кормили бедных, исцеляли больных и давали кров бездомным. А не то, что мы покупали мультимиллионерше Кейт Ильев яхту побольше. Потому что это — примерно и есть предел того, что можно назвать «напрасно».

— Семь из десяти, — сказал Симеон.

— Что? — спросила Ана.

— Семь из десяти. Неплохо. Но я слышал и получше. Надо было слышать, что говорил мой племянник. Кстати, «Каунтенанс» обогнал «Серпенс» три месяца назад. Я лично обижен, что вы до сих пор называете его крупнейшим.

Но при этом он улыбался.

— Но почему?! Вы же знаете аргументы! Отлично! Так как вы можете просто сидеть и дальше этим заниматься?

— Вы смотрите на это через какую-то романтическую призму Давида и Голиафа, где всё, что нужно, — разогнать злые корпорации и…

— …почему нет? Вы огромны, вы злы и вы давите всякого, кто пытается вам противостоять! Я бы сказала — три из трёх по голиафовскому счёту! Так почему мне не…

— …*Голиаф* — огромен. *Соломон* — мудр.[447]

— Что? — И снова: — *Что?*

Ана одновременно была ошеломлена, смертельно обижена и совершенно сбита с толку — странная смесь чувств. Одни люди обладают миллиардами долларов. Другие умеют играть словами. То, что кому-то досталось и то и другое, казалось несправедливым, противоестественным. Она онемела.

— Вы слышали о «заборе Честертона»?[448] — спросил Симеон.

— Да. История о человеке, который видит в поле забор, злится, что тот мешает ему двигаться, и сносит его. А потом его бодает бык, от которого этот забор его защищал.

Это значит: не следует ломать систему, пока точно не знаешь, зачем она существует.

— Вы когда-нибудь пробовали применить принцип забора Честертона к теономике? Или к UNSONG?

— «Богатые люди хотят ещё больше денег» — по-моему, вполне достаточное объяснение для системы, созданной, чтобы давать богатым ещё больше денег.

— Вы знаете, что Король Комет был одним из основателей UNSONG?

— Даже Король Комет совершает ошибки.

— В самом деле?

— Вы скажете то же самое, что всегда говорят такие, как вы. Если не гарантировать первооткрывателям Имён непристойных прибылей, не будет стимула их открывать, все потогонные фабрики закроются, и тогда у нас не будет магии, чтобы лечить болезни и держать на ходу железные дороги. Но люди занимались фундаментальными научными исследованиями веками и без этих стимулов, и я лучше получу Имена чуть медленнее, зато для всех, чем…

— Забудьте о лечении болезней. Это ложный след. Хотите знать, зачем нам нужны UNSONG и теономика? Посмотрите вокруг.

Рабочие трудились у красной мачты — чуть слишком методично, чтобы это выглядело естественно. Они не принимали наркотики. Они и были наркотиком. Как и большая часть мексиканского и центральноамериканского населения — вплоть до Дарьенского пробела[449]. Таким же могло стать и население Разъединённых Штатов, если бы кое-что пошло немного иначе.

Пейот употребляли ещё со времён ольмеков[450]. Что о нём думали сами ольмеки, неизвестно, но когда в регионе появились европейцы, они описывали, как высушенные дисковидные верхушки кактуса — так называемые «кнопки» — вызывают глубокое состояние, похожее на транс, с причудливыми пляшущими цветами и редкими видениями человекоподобной растительной фигуры. И всякий раз это была одна и та же фигура; ранние хиппи называли это существо «зелёным человеком»

— и, пожалуй, к лучшему, поскольку ацтекское имя — Пипильцинцинтли[451] — в дурмане, наверное, было трудновато выговорить. Но видения оставались редкостью; в те времена машина Уриила ещё была сильна, и в её защите было лишь несколько прорех, так что хиппи смеялись над странным зелёным человеком и больше не обращали на него внимания.

Потом небо треснуло — и пейот изменился. Он перестал вызывать глубокий транс. Он перестал давать галлюцинации. Он начал делать кое-что другое. Те, кто ел мякоть кактуса, начинали рассказывать о далёких событиях или приобретали новые таланты. Человек, который не был врачом, ставил диагнозы и лечил болезни; человек, который не был инженером, проектировал мост. В Тихуане женщина, употреблявшая пейот, могла сказать семье, что происходит с её сестрой в Веракрусе — по другую сторону континента. Когда через десять часов действие пейота проходило, они помнили только ощущение абсолютной уверенности в себе — что всё распланировано и всё идёт по плану.

Пейот начал распространяться. Кнопки кактуса появлялись на углах улиц в Мехико и на бандитских сходках в Лос-Анджелесе. Он был безопасен, дёшев, давал новые таланты и поднимал настроение. К середине восьмидесятых, по некоторым оценкам, десять процентов населения Мексики употребляли его регулярно или время от времени.

В мае 1984 года группа психиатров зафиксировала новый побочный эффект пейота: склонность закупать его в очень больших количествах и делать запасы. В том, что у зависимых есть запас, ничего странного не было; странно было другое: пейот они покупали только под действием пейота. Получалось, что сложная последовательность действий — пойти к дилеру и купить ещё кнопок — была… побочным эффектом вещества? Зависимые, опрошенные на трезвую голову, говорили, что столько им не нужно, что это выглядит странно, но, наверное, они всё равно оставят запас, потому что выбрасывать жалко.

В августе 1984 года второй опрос показал, что в среднем у пользователя имелось несколько больших ящиков кнопок пейота, спрятанных в тайниках, — двухтрёхлетний запас даже при ежедневном приёме. Дилеры постоянно испытывали нехватку товара; те, кто выращивал пейот, работали круглые сутки.

1 ноября 1984 года каждый потребитель пейота в Северной Америке одновременно начал доставать пейот из тайников и предлагать его друзьям. Сначала бесплатно. Потом — доплачивая тем, кто согласится его принять. Потом — всё повышая плату. Тысячи долларов. Десятки тысяч. Как только очередной друг «накрывался», зависимый переходил к следующему — а первый уже начинал накапливать собственный запас и сам искал кого-нибудь из друзей.

Это продолжалось несколько часов, прежде чем полиция заметила неладное — к тому времени примерно пятнадцать процентов населения Мексики и юго-запада США уже были под кайфом. Новость начала расходиться. Что-то не так. Не принимайте пейот. Сидите дома. Закройте двери.

Представьте. Вы молодой мексиканец, всю жизнь не употребляли наркотиков. Слышите: что-то творится. Забегаете домой, запираете двери, баррикадируетесь в спальне. Телефонный звонок. Это мама. Она ехала к вам. Теперь она у двери — и за ней целая толпа зависимых. Впустите её немедленно. Вы смотрите в глазок. Там мама. Вы впускаете её как можно быстрее, запираете дверь. Слава богу, говорит она. Ты даже не представляешь, что творится снаружи. Я умираю от голода. У тебя есть что поесть? Конечно, есть. Она готовит себе что-нибудь, потом предлагает и вам. Пока вы баррикадировались, вы и сами проголодались. Вы откусываете кусок. Вам становится немного не по себе. — Что там было в… — спрашиваете вы. — Только то, что есть во мне, и то, что скоро будет во всех нас, — говорит она. Несколькими минутами позже вы везёте её к брату — чтобы она попробовала тот же фокус.

В течение двадцати четырёх часов две трети населения юга Северной Америки уже находились под действием пейота. И во многих районах запасов хватало, чтобы следующие три месяца давать им всем по две дозы в день.

Властелин Наркотиков — называйте его Зелёным Человеком, Пипильцинцинтли, как хотите — не стал ждать. Его многочисленные аватары и придатки прекратили всю непродуктивную деятельность — чтение, просмотр телевизора, политическую деятельность — и принялись выращивать пейотовые кактусы на каждом клочке свободной земли в Центральной Америке. Опираясь на знания миллионов фермеров и тысяч агробиологов, он безупречно, идеально управлял подчинёнными телами, и миллиарды кактусов начали прорастать от Панама-Сити до Рио-Гранде и дальше. Как по часам, дважды в день каждый из миллионов зависимых принимал очередную дозу.

Разумеется, все в панике. Середина восьмидесятых, Америка снова в деле — уже как Разъединённые Штаты при Рональде Рейгане. Все вооружённые силы перебрасывают в Техас и Калифорнию. В пределах двухсот миль от мексиканской границы царит полный хаос: зависимые дерутся с теми, кто не подсел. Военные пытаются вмешаться в сражения. Король Комет орёт на них и говорит Рейгану сжечь все плантации кактуса к северу от Рио-Гранде, а потом охранять границу. Рейган намёк понял. Поставки пейота в основном иссякли, и через двенадцать часов зависимые приходят в себя, снова становятся отдельными людьми и спрашивают — что, чёрт возьми, с ними произошло.

Угроза и близко не взята под контроль. К северу от границы ещё есть несколько зависимых, выживающих за счёт собственных небольших подвальных плантаций. И Мексика начинает безудержно индустриализироваться — как никакая другая страна в истории. Оказывается, коммунизм прекрасно работает, когда нет отдельных людей. Обе страны начинают готовиться к войне.

В 1986 году мексиканские войска переходят Рио-Гранде — и Война с Наркотиками[452] начинается по-настоящему. К тому времени Разъединённые Штаты уже начали обзаводиться каббалистическими Именами. Придатки Властелина Наркотиков не могут произносить Имена — это как-то связано с тем, что они больше не опираются на отдельные души, — так что у США есть технологическое превосходство. Зато Властелин Наркотиков — единое существо с девяноста миллионами идеально слаженных тел и промышленностью нечеловеческих масштабов; к тому же любой, кого ему удастся убедить принять кнопку пейота, начинает воевать на его стороне. Идут ожесточённые бои, но мексиканцы медленно продвигаются вперёд.

Король Комет просит кого-нибудь принести ему кнопку пейота. Он сидит в своей крепости в горе Шайенн и проглатывает кусочек кактуса. Два часа спустя мексиканские силы отступают к Рио-Гранде.

Мексика разваливается; зависимые сражаются с теми, кто стихийно освободился. Властелин Наркотиков отступает в маленькие деревни и уходит в подполье, а несколько ошарашенных политиков отряхиваются и начинают восстанавливать нормальное правительство.

Король Комет не объясняет. Король Комет никогда не объясняет. Какой-то духовный поединок? Успешные переговоры?

Но теперь Король Комет был мёртв, и Властелин Наркотиков вновь утвердил свою власть. Большая часть мексиканских городов и низменностей пала во второй раз. И вот старики с широкими зрачками ремонтировали им корабль за наличные. Одни говорили, что Другой Король заключил союз с Властелином Наркотиков и что, когда будут уничтожены последние остатки Королевского Колорадо, они пройдут по Юго-Западу, сметая всё на своём пути. Другие говорили, что Властелин Наркотиков ненавидит Другого Короля, но боится его. Как бы то ни было, воцарился мир — своего рода.

Рабочие закончили. Трое мужчин с расширенными зрачками вернулись в лодку и отплыли прочь.

Джеймс облегчённо вздохнул, когда последний зависимый покинул корабль. Теперь люди были не настолько глупы, чтобы принимать Наркотик добровольно, да и рабочих он уже проверил — нет ли при них оружия, которым они могли бы кого-нибудь одолеть. Но любой контакт с Мексикой всё равно был жутковатым, и все были рады, что с этим покончено.

— Машина Уриила разрушается, — сказал Симеон Ане. — Когда она окончательно рассыплется, она выпустит на волю очень многое — то, что смотрит на людей как на нижнее звено пищевой цепи. Властелина Наркотиков. Тамиила. Кое-что ещё. Более древнее. Технологии нас тогда не спасут. Спасти нас могут только Имена. Много-много Имён. Мы отбили Властелина Наркотиков Именами, но не слишком-то удачно — и теперь Короля Комет рядом нет. Когда из этой машины выпадет последний винтик, я хочу, чтобы мы были вооружены как можно большим числом Имён. Кейт Ильев покупает яхты, потому что Кейт Ильев — дура. А я вкладываю всю прибыль «Каунтенанс» обратно в «Каунтенанс». И ещё в несколько других проектов. Не потому, что я не эгоист. Я эгоист. И достаточно эгоистичен, чтобы бояться. За себя. За свою семью.

Прозвенел колокол к ужину.

— Поужинаете со мной? — спросил Симеон.

— Мне… мне нужно подумать, — сказала Ана. — Так легко от этого разговора вы не отделаетесь.

Симеон уже ушёл.

Глава 34

Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим?

31 октября 1991 года
Мадрид

— Блаженны миротворцы, — сказал Иисус в Нагорной проповеди, — ибо они будут наречены сынами Божиими[453].

Шёл пятый день Мадридской мирной конференции, и пророчество исполнилось. Отчасти. Строго говоря, Уриил лишь назвал их «детьми». И скорее «подумал о них так», чем «нарёк», потому что не хотел никого злить, произнеся это вслух. Но про себя он сформулировал это очень хлёстко. Дети вздорят. Дети не умеют делиться. Дети устраивают истерику при малейшем намёке на то, что что-то идёт не так, как им хочется. Дети отказываются слушать доводы разума. Такими были и миротворцы.

Израильтяне во главе с невысоким пожилым человеком с усами неизменно настаивали, что палестинцы — жестокие террористы. Палестинцы во главе с разными людьми, не имевшими реальной власти и то и дело выбегавшими консультироваться с тёмными личностями, с которыми израильтяне отказывались иметь дело напрямую[454], неизменно настаивали, что израильтяне — жадные империалисты. Время от времени они принимались кричать друг на друга, и тогда европейцам с американцами приходилось вмешиваться и всех успокаивать. Снаружи протестующие орали ещё громче, и дважды заседание прерывали из-за нарушений безопасности — реальных или мнимых. Не самый, казалось бы, эффективный способ прийти к согласию.

Уриил попытался помочь. Он упомянул несколько результатов из теории аукционов, касающихся распределения дефицитных ресурсов. Можно оценить различные наборы благ — скажем, участки территории или права доступа к религиозным объектам, — выдать обеим сторонам условную валюту пропорционально численности их населения, и при определённых допущениях результат гарантированно будет Парето-оптимальным[455]. Это никого не заинтересовало, и все уставились на него, словно у него выросла вторая голова.

Хуже того. У Тамиила *была* вторая голова, и у него всё шло отлично! Зачем вообще пригласили Князя Лжи на мирную конференцию? Это была блестящая идея какого-то американского дипломата: раз конфликт имеет религиозный аспект, следует пригласить представителей Небес и Ада. И вот они оба здесь: Уриил — не в своей стихии, а Тамиил настолько явно в своей, что смотреть на него страшно.

— Предложение посла Бейкера интересно, — произнёс Тамиил голосом, тягучим, как льющееся масло. — Но не могу не заметить, что выступ вдоль восточной границы Израиля будет катастрофой для безопасности. Его просто невозможно оборонять. Террористы смогут проникать и взрывать всё что угодно — автобусы, больницы, школы — а израильтяне, подписав соглашение, лишатся права что-либо предпринять. — Так самое перспективное предложение обратилось в пепел. — А вот здесь, — он ткнул в другой участок границы, где она ненадолго выгибалась наружу, — для палестинцев уступить столько территории так близко от Рамаллы было бы национальным унижением. — И вот палестинцы уже отказываются вести переговоры. Разве они не видят, что происходит? Разве не замечают, как он играет на их страхе и гордости? Уриил не был уверен, что им есть до этого дело. Они предпочитали набирать дешёвые очки за счёт друг друга, а не вырабатывать рабочий план. Блаженны миротворцы, ибо они — сыны Божии, и благословений им понадобится немало, если они хотят хоть чего-то здесь добиться.

— Быть может, архангел Уриил захочет высказаться по этому поводу? — произнёс Тамиил.

— ЧТО? ПРОСТИТЕ, Я, ВОЗМОЖНО, НЕ СЛУШАЛ.

— Разумеется. Уверен, у вас есть дела поважнее. Мы как раз обсуждали сверхъестественные аспекты разногласия. Израильтяне утверждают, что Бог обещал Святую землю евреям. Палестинцы считают, что она по праву принадлежит исламу. Вы, как ангел, должны что-то об этом знать.

— ГМ, — сказал Уриил. — Я ДУМАЮ О БОГЕ КАК О НЕКОЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ЛОГИЧЕСКОЙ И МОРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИЯМИ НЕОБХОДИМОСТИ, КОТОРОЕ ПОРОЖДАЕТ ВСЕЛЕННЫЕ И НАДЕЛЯЕТ ИХ ПОТЕНЦИАЛОМ СВЯТОСТИ. НЕ УВЕРЕН, ЧТО ОН ОТНОСИТСЯ К ТОМУ ТИПУ СУЩНОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ВВЯЗЫВАЮТСЯ В ПЕРЕГОВОРЫ О НЕДВИЖИМОСТИ.

— Стало быть, вы говорите, что Тора — в которой Бог говорит Моисею, что тот может получить землю Израиля, — лжёт?

— ГМ. МОИСЕЙ БЫЛ ПОСРЕДИ ПУСТЫНИ, ОН ОЧЕНЬ ЗАБЛУДИЛСЯ, И МНЕ СТАЛО ЕГО ЖАЛКО, ПОЭТОМУ Я ИЗМЕНИЛ АЛГОРИТМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОГОДОЙ ТАК, ЧТОБЫ ИНОГДА ШЁЛ ДОЖДЬ ИЗ ХЛЕБОПОДОБНОГО ВЕЩЕСТВА. НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ЭТО РАБОТАЛО НОРМАЛЬНО, НО ПОТОМ ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК И НЕКОТОРЫЕ ОКЕАНСКИЕ ТЕЧЕНИЯ ТОЖЕ СТАЛИ ХЛЕБНЫМИ, И Я ДУМАЮ, ГОЛЬФСТРИМ ПРЕВРАТИЛСЯ В НЕЧТО ВРОДЕ ДАТСКОЙ СЛОЙКИ. НИКТО В ТОТ МОМЕНТ НЕ ЗАПЛЫВАЛ В ОКЕАН ОСОБЕННО ДАЛЕКО, НО ЭТО ВСЁ РАВНО ВЫГЛЯДЕЛО КАК ТЕХНИЧЕСКИЙ ДОЛГ, КОТОРЫЙ ЛУЧШЕ ЗАКРЫТЬ РАНЬШЕ, ЧЕМ ПОЗЖЕ. ПОЭТОМУ Я СКАЗАЛ МОИСЕЮ, ЧТО ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ЖИТЬ В ПУСТЫНЕ И ПИТАТЬСЯ ПАДАЮЩИМ С НЕБА ХЛЕБОМ, ЕМУ, НАВЕРНОЕ, СТОИТ ПРОЙТИ ЕЩЁ НЕМНОГО И ДОБРАТЬСЯ ДО ПЛОДОРОДНОЙ ЗЕМЛИ, ГДЕ ХЛЕБ МОЖНО РАСТИТЬ ОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ.

Израильтяне и палестинцы, по всей видимости, были одинаково встревожены. Тамиил, как обычно, сохранял самообладание.

— Так вы бы сказали, что вы *обещали* Моисею эту землю — или нет?

— Я, КАЖЕТСЯ, УПОМЯНУЛ, ЧТО ТАМ УЖЕ ЖИВУТ КАКИЕ-ТО ЛЮДИ, НО ОНИ КАЗАЛИСЬ ПРИЯТНЫМИ, И, НАВЕРНОЕ, ВСЕ МОГЛИ БЫ ПОЛАДИТЬ. Я ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО В СЛУЧАЕ КОНФЛИКТА ОНИ РЕШАТ ЕГО С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ АУКЦИОНОВ. ЭМ. ХОТЯ ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО ЛЮДИ НЕ ЛЮБЯТ РЕШАТЬ ТАКИЕ ВОПРОСЫ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ АУКЦИОНОВ.

— Стало быть, Моисей солгал в Торе, когда утверждал, что вы обещали ему эту землю?

Честно говоря, Уриил предпочитал сражаться с Тамиилом, когда это сводилось к тому, что его обдавало расплавленной тьмой, живым огнём или пылающими письменами, впивавшимися в кожу и причинявшими невыносимую боль. Спорить с ним перед людьми оказалось почему-то ещё мучительнее.

— ТОРА — ОЧЕНЬ СЛОЖНАЯ ВЕЩЬ. БУКВЫ ДОЛЖНЫ СТОЯТЬ В ПРАВИЛЬНОМ ПОРЯДКЕ, ИНАЧЕ ОНА ПЕРЕСТАЁТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ВСЕМУ ОСТАЛЬНОМУ ВО ВСЕЛЕННОЙ. НЕ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО. ПРЯМО СЕЙЧАС МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ ГИБНЕТ ОТ БОМБ И ПУЛЬ, ПОТОМУ ЧТО НИКТО НЕ МОЖЕТ ДОГОВОРИТЬСЯ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ. ЭТО, НАВЕРНОЕ, ВАЖНЕЕ ТОЧНЫХ ФОРМУЛИРОВОК, КОТОРЫЕ КТО-ТО ИСПОЛЬЗОВАЛ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД.

— А вы потом проверяли, как дела?

— ЧТО?

— Вы сказали Моисею, что все наверняка поладят. Вы когда-нибудь заглядывали узнать, что там происходит?

— ГМ. Я СОБИРАЛСЯ. НО ТОГДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ НАЧАЛО ПОЯВЛЯТЬСЯ НА ЮГЕ, А ЮЖНОЕ СИЯНИЕ — НА СЕВЕРЕ. ЭТО БЫЛО ДОВОЛЬНО ТОНКО, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ВЫГЛЯДЯТ СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО, НО Я ЗАМЕТИЛ, И ЭТО МЕНЯ БЕСПОКОИЛО. ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТО ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЙ БАГ, НА ИСПРАВЛЕНИЕ КОТОРОГО У МЕНЯ УШЛО ДВЕСТИ ЛЕТ. КОГДА Я ЗАКОНЧИЛ, ИЗРАИЛЬТЯНЕ, ПОХОЖЕ, В ОСНОВНОМ РАЗОБРАЛИСЬ САМИ, ТАК ЧТО Я, НАВЕРНОЕ, НЕ ОСОБЕННО ОБ ЭТОМ ТРЕВОЖИЛСЯ.

— Вы понимаете, что израильтяне «разобрались», совершив геноцид коренного населения?

— Я ЗНАЮ, ЧТО ЭТА ИСТОРИЯ С ПОЛЯРНЫМ СИЯНИЕМ КАЖЕТСЯ ГЛУПОЙ, НО НА САМОМ ДЕЛЕ У НЕЁ СЛОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. ПОСКОЛЬКУ БЫЛО ТРУДНО ЗАФИКСИРОВАТЬ ТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА, Я ОПРЕДЕЛИЛ ПОЗИЦИЮ НЕКОТОРЫХ ЗВЁЗД ОТНОСИТЕЛЬНО ТОГО МЕСТА, ГДЕ СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ДОСТИГАЕТ МАКСИМАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ. ЕСЛИ СИЯНИЯ ПОЯВЛЯЮТСЯ НЕ ТАМ, ГДЕ НАДО, ЗВЁЗДЫ НАЧИНАЮТ ВРАЩАТЬСЯ НЕПРАВИЛЬНО И СОЗВЕЗДИЯ ПЕРЕСТАЮТ ИМЕТЬ СМЫСЛ. ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЛУЧИЛОСЬ ПО СОВСЕМ ДРУГИМ ПРИЧИНАМ ПРИМЕРНО В 200 ГОДУ НАШЕЙ ЭРЫ, И Я ДО СИХ ПОР НЕ СОБРАЛСЯ ЭТО ИСПРАВИТЬ, ИЗ-ЗА ЧЕГО НИ БОЛЬШАЯ, НИ МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА НА МЕДВЕДЯ ТОЛКОМ НЕ ПОХОЖИ. ЕДИНСТВЕННОЕ СОЗВЕЗДИЕ, КОТОРОЕ ЕЩЁ НИЧЕГО, — ЭТО ОРИОН, А ОН…

— Уриил! Я говорю о том, что своей безответственностью вы неявно одобрили акт геноцида и положили начало конфликту, от которого израильтяне и палестинцы страдают по сей день!

Руководители и дипломаты Разъединённых Штатов, Кириллического союза, Дачжоу, Мультистана, Ирана, Европейского Содружества[456], Нойханзы[457], Египта, Израиля и Палестины — все сидели, не сводя с него глаз. Буравили взглядами. Ему не надо было сюда приходить. Он знал, что не надо. Зачем он позволил Соху уговорить его сюда? Слово «Мадрид» на его родном языке означало «зло» — как это не послужило предупреждением?

— ОН БУКВАЛЬНО ДЬЯВОЛ, — наконец сказал Уриил вяло. — ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬТЕ ЕГО СЛУШАТЬ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬТЕ ЕМУ ДОВЕРЯТЬ.

— У каждого из нас своя роль в космической драме, — произнёс Тамиил. — Но за время пребывания здесь я старался служить делу мира, как и все мы. Премьер-министр Шамир, кто предупредил вас о рисках безопасности, которые несёт протяжённая граница? Доктор Абдель-Шафи[458], кто заступился за вас, когда другие

делегаты пытались унизить вашу страну? Я стараюсь говорить правду, как её вижу. И сейчас эта правда в том, что весь этот конфликт восходит к одному архангелу, который велел пророку бронзового века совершить геноцид, не слишком задумываясь об этической стороне дела, а теперь пытается отмахнуться от призывов к справедливости бессмысленной болтовнёй о «теории аукционов».

Человек из израильской делегации — седобородый, одетый в чёрное — поднялся.

— А утверждение, что завет Бога с нашим народом был каким-то пошлым… указанием направления… — это оскорбительно и идиотично!

— Он хочет, чтобы мы продали на аукционе наши дома — наше право на существование! — выкрикнул один из палестинцев.

— Я, откровенно говоря, встревожен тем, что один архангел может просто, э-э, превратить Гольфстрим в выпечку и даже не извиниться. Думаю, вопрос о том, э-э, кто контролирует метафизическую механику вселенной, требует более пристального рассмотрения. Возможно — со стороны ООН, — сказал посол Бейкер от Разъединённых Штатов[459].

Уриил встал.

— НИЧТО ИЗ ЭТОГО НЕ ПОМОГАЕТ! ЕСЛИ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТЕОРИЮ АУКЦИОНОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ, СУЩЕСТВУЕТ МНОЖЕСТВО ДРУГИХ МЕТОДОВ СПРАВЕДЛИВОГО РАЗДЕЛА. ГМ. ПРОЦЕДУРА БРАМСА — ТЕЙЛОРА. ПРИБЛИЖЁННОЕ КОНКУРЕНТНОЕ РАВНОВЕСИЕ ПРИ РАВНЫХ ДОХОДАХ[460]. ТО, ЧТО СДЕЛАЛ ЦАРЬ СОЛОМОН, КОГДА ПРИГРОЗИЛ РАЗРУБИТЬ МЛАДЕНЦА НАДВОЕ, А ПОТОМ ТА, КТО ВОЗРАЗИЛА, ОКАЗАЛАСЬ НАСТОЯЩЕЙ МАТЕРЬЮ[461]. Я ПЫТАЮСЬ ПОМОЧЬ ВАМ РЕШИТЬ ВАШУ ПРОБЛЕМУ! ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ВИДИТЕ, ЧТО Я ПЫТАЮСЬ ПОМОЧЬ ВАМ РЕШИТЬ ВАШУ ПРОБЛЕМУ?

— Типичная жалоба привилегированных! — воскликнул Тамиил, обращаясь уже ни к кому конкретно, произнося нечто вроде монолога, но с абсолютной уверенностью во всеобщем внимании. — Зачем разбираться,

как злоупотребляли властью в прошлом, как прежние проявления угнетения создали победителей и проигравших сегодняшнего дня? Зачем? Давайте просто забудем обо всём этом, проигнорируем все несправедливости и формы гнёта, которые привели к нынешнему положению, и просто будем исходить из того, что имеем сейчас! Надеюсь, никто здесь не настолько глуп, чтобы клюнуть на это, даже если оно исходит из уст архангела.

Зал взорвался. Уриил слышал лишь обрывки.

— Откровенный антисемитизм и исламофобия… — говорил один член европейской делегации другому. — Меня по-прежнему очень беспокоит Гольфстрим, — повторял американский посол. — Не могу поверить, что мы его вообще пригласили, — донеслось со стороны делегации Кириллического союза. — Что вы можете сказать в своё оправдание? — не переставая кричал ему пожилой иранец, и Уриил пытался отвечать, но не слышал собственного голоса — и даже мыслей своих расслышать не мог.

Он решил, что с него хватит. Он обратился в молнию и попытался покинуть зал, но его отбросило обратно в человекоподобную форму — каким-то образом Тамиил блокировал его телепортацию. Он попытался добраться до двери, но Тамиил взмахнул двузубцом — слишком незаметно для смертных в зале — и ограждение безопасности перед конференц-залом рухнуло. Протестующие хлынули в ту самую дверь, через которую пытался выйти Уриил. Раздались крики. «Смерть империализму!» — скандировали протестующие, потом «Смерть колониализму!», а потом — поскольку ход заседания каким-то образом просочился наружу, нетрудно догадаться, чья это заслуга, — «Смерть Уриилу!» Пожилой иранец продолжал повторять: «Что вы можете сказать в своё оправдание? Что вы можете сказать в своё оправдание?» «Смерть Уриилу!» «Что вы можете сказать в своё оправдание?» «Смерть Уриилу!»

И тогда воссиял свет.

Прекрасный, многоцветный свет — десять цветов: семь цветов земной радуги и три дополнительных, которые

бывают лишь на Небесах. Десять цветов, соответствующих десяти сефирот, и десяти пальцам, и Десяти заповедям, и десяти цифрам десятичной системы, и десяти числовым картам Таро, и всем остальным десяткам во всех соответствиях мира. Он хлынул в Тамиила потоком, захлестнул его, и тот рассыпался снопом искр.

А потом свет не остановился. То ли Уриил не мог его остановить? Или просто не хотел? Свет продолжал литься необъятными потоками, как хлынувшая из прорванной плотины вода. На мгновение все министры, дипломаты и протестующие замерли, поражённые его красотой. А затем были поглощены. Волна света уничтожила зал конференции, разнесла дворец, снесла центр Мадрида, смела первое транспортное кольцо, выжгла второе, сожгла третье, опалила четвёртое, расползлась в пригороды, обожгла окрестности, превратилась в лёгкое поджаривание где-то в районе Гвадалахары и угасла в слабом свечении, добравшись до Тарансона.

В центре кратера, где прежде располагался Мадрид, Уриил обратился молнией и исчез, возвратившись в свой ураган.

— СОХУ, — сказал он, — Я ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ ЧТО-ТО ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ.

Глава 35

Голоса детей в его шатрах

Быстрые машины! Распутные женщины!
Скрупулёзное соблюдение заповедей
нравственного закона![462]
— Стивен Каас

Весна 1982 года
Цитадель Запада, Колорадо-Спрингс

Как-то незаметно Король Комет стал взрослым. Пубертат он пропустил — сказал отцу Эллису, что это слишком хлопотно. В один день он был ещё ребёнком; на следующий его голос сломался, на груди выросли белые волосы, и он объявил, что собирается завести детей. *Всех детей, сколько сможет.*

Логика его была проста. Его небесное происхождение наделило его особыми дарами: умом, мудростью, физической силой, духовным мастерством. Всё это он, в свою очередь, передаст своим детям. Чем больше детей — тем больше у них будет воинов, управленцев, инженеров и учёных со сверхъестественными способностями, готовых к грядущим тёмным временам. Армия Потомков Кометы, взрослеющих быстрее любого смертного: каждый из них будет приближать день, когда они смогут перейти через Берингов пролив и загнать демонов обратно под землю. Он призвал женщин Колорадо выступить и помочь ему в этом предприятии.

— Погоди, — сказал ему Эллис.

Они находились в недавно достроенном тронном зале глубоко под горой Шайенн — в подземной крепости, где прежде находился командный центр NORAD. Король Комет сидел на троне, покрытом чёрным опалом. Официальный титул отца Эллиса — Королевский Духовник,

однако Король Комет неизменно отрицал, что ему есть в чём исповедоваться; на деле Эллис был при нём советником. Иногда и советов у него не находилось. Но сегодня был не тот случай.

— Это безумие, Джала. Нельзя вот так взять и оплодотворить всех женщин целого штата.

— Если вас беспокоят болезни, передающиеся половым путём, — ответил Король Комет, — я позабочусь о тщательной проверке.

— Меня беспокоит естественный закон[463]! — воскликнул отец Эллис. — Брак! Семья! Союз мужчины и женщины, которые становятся одной плотью и помогают друг другу обрести целостность!

— Я целостен, — сказал Король Комет.

— Ты говорил мне, что держишь меня рядом, чтобы я напоминал тебе, как оставаться человеком. Вот я и напоминаю. Детей не заводят ради чьего-то удобства. Это священный акт. Если ты на это пойдёшь, ты сделаешь шаг прочь от человечества — и однажды это тебе аукнется.

— Возможно, вы правы. Незначительный ущерб своей человечности я принимаю как допустимый риск с учётом возможных выгод.

— Так не работает! Грех — это не бухгалтерская книга, где можно свести дебет с кредитом. Это о… о… ты разве не *чувствуешь*, Джала? Добро — это не просто цифры. Это нечто осязаемое, нечто пылающее и прекрасное. Люди говорят об отношениях с Богом, но это нечто более близкое. Более сильное. Более непосредственное. И то, что ты предлагаешь… отнимает что-то у этой самой сути. Это идёт вразрез с ней. Если бы ты мог это почувствовать, ты бы не вычислял, сколько стратегических отступлений от того, что правильно, ты можешь себе позволить.

— Отец, вы часом не *мистик*?

— Нет, просто… у меня такое чувство, будто я пытаюсь объяснить природу добродетели камню. Либо ты сам видишь, почему твои слова — безумие, либо… позови Вихаана. Ты прислушиваешься к Вихаану. Он объяснит, что я имею в виду.

Официальный титул дяди Вихаана — Начальник Штаба, но сам он всегда называл себя «дворецким». Он управлял растущим кругом советников, гостей и просителей Короля Комет и выстраивал его расписание вокруг бесконечных встреч, неизбежных для зарождающегося правительства. Когда его наконец нашли, он вошёл в тронный зал взъерошенный, всё ещё со стопкой бумаг в руках.

— Что случилось? — спросил он.

Король Комет начал было говорить, но Эллис перебил его.

— Джала хочет завести детей с половиной женщин штата! Он хочет… *вывести* какую-то армию завоевателей! Скажи ему, что люди так не поступают!

Лицо Вихаана вытянулось.

— А как же брак?

Король Комет на секунду задумался.

— Я бы предпочёл не беспокоиться об этом. Но если это важно для вас, я мог бы жениться на них всех — как Соломон[464].

Вихаан раздражённо мотал головой.

— Все в нашей семье… — произнёс он. — Ты из хорошей семьи, Джала. Женятся на достойных людях. Никакого секса до брака. Это было бы… неприлично.

— Неприлично? — переспросил Король Комет. — Я прихожу к вам с планом победить Ад и спасти мир, а вы говорите мне, что это *неприлично*?

Вихаан умоляюще посмотрел на священника.

— Клянусь, — сказал отец Эллис, — это как объяснять природу добродетели камню.

— Знаете ли вы, — прервал их Джалакету, — что когда вокруг тишина и я вслушиваюсь, я слышу их? Крики всех, кто страдает. В Аду, по всему миру — где угодно. Думаю, это дар ангелов, унаследованный мной от отца. — Он говорил спокойно, без всякого выражения. — Кажется, я слышу их прямо сейчас.

Глаза Эллиса широко раскрылись.

— Правда? — спросил он. — Мне жаль. Я не…

— Нет, — сказал Король Комет. — Не совсем.

Они посмотрели на него в растерянности.

— Нет, на самом деле я не слышу криков всех, кто страдает в Аду. Но я подумал: «Полагаю, если я скажу им сейчас, что обладаю магическим даром слышать крики страдающих в Аду, они замолкнут, проникнутся сочувствием и станут вести себя так, словно это что-то меняет». Хотя это ничего не меняет. Какая разница, слышишь ты крики или нет, если знаешь, что они есть? Так что, может быть, то, что я сказал, было не совсем неверно. Может быть, это особый дар, дарованный только Королю Комет. Не дар слышать крики. Но дар не быть вынужденным их слышать. Может быть, вот что значит быть Королём Комет.

— Как ты думаешь, — спросил Эллис, — ты первый человек, просящий Церковь поступиться своими догматами, потому что у тебя есть *веская причина*? Это… нет, ты меня не послушаешь. Но ты мог бы послушать свой народ. Спроси людей, Джала. Они скажут тебе.

«МЫ НЕ ВАШИ ДЕТОРОДНЫЕ МАШИНЫ» — гласили плакаты Национальной организации женщин (NOW), которая провела акцию протеста против этого плана в Саду Богов. «Король Комет доказывает, что видит в женщинах объекты, ходячие утробы», — заявила репортёру NBC Мэри Лута, руководительница организации. «Думаю, женщины Колорадо хотят, чтобы Король Комет знал: они отвергают эту попытку лишить их права решать за себя».

Король Комет не давал интервью, однако источник, близкий к цитадели, сообщил, что, столкнувшись с этим обвинением, он невозмутимо заявил, что двадцати четырёх тысяч уже поступивших заявок ему вполне достаточно и помощь госпожи Луты, к счастью, не потребуется.

«ПОЗОР ЕВГЕНИКЕ КОЛОРАДО» — гласили плакаты местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP)[465], которое провело акцию протеста против этого плана у подножия мемориальной башни «Святилище Солнца Уилла Роджерса»[466]. «Королю Комет нужно знать, что чёрные и коричневые люди Колорадо не потерпят его плана

создать господствующую расу белокурых голубоглазых младенцев, а потом уничтожить всё остальное население».

Король Комет не имел обыкновения давать интервью, однако пресс-секретарь заверил всех, что уничтожение всего населения — это последнее, о чём думает Король Комет, и вообще — каким образом темнокожий мужчина, мать которого родом из Индии, мог бы создать расу белокурых голубоглазых младенцев?

— Это безумие, — сказал он Эллису и Вихаану в тронном зале под горой. — Раньше люди всегда шли за моими планами — даже за опасными, даже за теми, что несли лишения и невзгоды. Нет ничего проще этого. Несколько тысяч женщин, никаких издержек для тех, кто не вызовется добровольно, — и королевство станет непобедимым.

— Вихаан против, — сказал Эллис. — Люди против. И я против. Слушай своих советников, Джала.

— Люди запутались, — сказал Король Комет. — Когда они увидят фотографии улыбающихся младенцев и умилятся, они поймут, что мои дети ничуть не страшнее прочих. Вихаан, заявки у нас есть. Найди мне несколько женщин, готовых пойти первыми. Проследи, чтобы они были физически здоровы, умны и свободны от генетических заболеваний. И выбери женщин разных рас — это заставит замолчать тех, кто кричит про белокурых и голубоглазых. Начну всего с нескольких детей, чтобы показать людям, что никакой опасности нет, а когда протесты утихнут, развернём программу размножения в полную силу.

— Всё равно думаю, что это неправильно, — возразил Вихаан.

— Я ценю твой совет, — сказал Король Комет. — Но решение принято.

Вихаан пробормотал что-то о том, что он всего лишь дворецкий и куда уж ему ослушаться приказа. Но Эллис не успокаивался.

— Я не твой слуга, Джала, я твой духовник. И моя обязанность как духовника — говорить тебе, когда ты

грешишь, и не мириться с этим, даже если твоё решение уже принято.

— Хорошо, — сказал Король Комет. — Обратись к Уриму и Туммиму. Посмотри, что они скажут. Может, найдутся какие-нибудь пророчества.

Это была очевидная попытка избавиться от него. И она удалась. Эллис заперся, готовя ритуал. Вихаан остался разбирать бумаги. Из двадцати четырёх тысяч претенденток он тщательно отобрал четверых. Они встретились с Королём Комет под горой Шайенн. Одна из них впоследствии рассказала таблоидам, что любовью Король Комет занимался «эффективно» и «безапелляционно».

Неделю спустя отец Эллис закончил гадание. На этот раз ответ камней был однозначен. Все потомки Короля Комет, сказал он, умрут в криках ужаса и агонии, проклиная имя своего отца.

Девять месяцев спустя четыре физически здоровые и умные женщины произвели на свет четверых младенцев — разных рас и без генетических заболеваний.

Больше детей у Короля Комет не было.

Глава 36

Дело Отца Моего

Заполни расплавленным металлом пустоту в своей душе — ту, что предназначена для Бога[467], — потом разбей душу: останется только металлический бог.
— @GapOfGods

31 октября 1991 года
Мексиканский залив

Свернувшись клубочком на облаке, Соху изучала Талмуд. Она уже почти решила закругляться на ночь, когда её зрение обожгла вспышка молнии совсем рядом. Гром грянул мгновенно. Она ещё пыталась проморгаться, когда отец вошёл.

— Привет, Соху, — сказал Король Комет с едва заметной улыбкой.

Она вскочила из-за стола в радостном порыве. Само собой, тут же врезалась в стену — после молнии, ударившей совсем рядом, зрение так быстро не возвращается, — но стена была из облака и не причинила вреда. Она пошатнулась и буквально упала в объятия отца.

— Отец!

— Давно не виделись, — сказал он. — Ты хорошо выглядишь.

Она улыбнулась.

— Не знаю, как выглядишь ты. Один из недостатков твоих вечных перемещений молниями. Садись.

Она указала на единственный стул в комнате — как раз по размеру Соху. Её кровать была завалена книгами, и все открыты на разных страницах. Король Комет оценил обстановку взглядом, но нежелание класть книги на пол взяло верх — и он опустился туда сам, естественно

сложив ноги в позу лотоса. Соху пожала плечами и заняла стул.

— Я пришёл забрать тебя домой, — сказал Король Комет.

— Нет! — сказала Соху. — Подожди, что-то случилось?

— Уриил уничтожил город Мадрид. Король Испании, премьер-министр Израиля, государственный секретарь Бейкер и десятки дипломатов мертвы. Тамиил развоплощён. Я не знаю всей истории. Уриил всё ещё в кратере. Я хочу, чтобы ты уехала до его возвращения сюда. Ты в опасности.

— Уриил никогда не причинит мне вреда! — Потом она спохватилась. — О боже! Бедный Уриил!

— Бедный Уриил? Я бы сказал: бедный Мадрид.

— О. Отец, это я посоветовала ему идти. Я думала, это пойдёт ему на пользу. Они, наверное… это был Тамиил. Всё это была его ловушка. Я такая дура. Отец, это всё моя вина.

— Нет. Такой исход всегда был возможен.

Соху встала, начала ходить по комнате. В глазах навернулись слёзы.

— Нет. Уриил… другой, но это не он. Тебе нужно доверять ему, Отец.

— Соху, я говорил тебе, что послал тебя сюда изучать небесную каббалу. Говорил, что, если ты её не освоишь, это будет опасно. Это было правдой — но сразу в нескольких смыслах, о которых ты не знала. Я послал тебя сюда, потому что знал: Уриил способен на подобное. Уриил не добр, Соху. Он не злой в том же смысле, что Тамиил, но и небезопасен. А он управляет вселенной. Я не могу позволить, чтобы вселенной распоряжалась неуправляемая сила, — но сейчас у меня нет иного выбора. Даже я не могу делать то, что делает он. — Он нахмурился. — Вот почему я послал тебя сюда, Соху. Чтобы, если Уриил окажется слишком опасен и ему нельзя будет продолжать, у меня был кто-то, кем его можно заменить. Вот почему я послал тебя, даже несмотря на опасность. Я думал, риск оправдан — если взамен получу запасного демиурга[468],

когда придёт время. Теперь я так не думаю. Мы найдём другой способ тебя обучить. Идём со мной домой.

— Нет, — сказала Соху. — Нет, нет, нет. Ты не можешь убить Уриила. Я не собираюсь помогать тебе убивать Уриила.

— Я не буду уничтожать Уриила сейчас, — сказал Король Комет. — Ты не готова. Возможно, мне никогда не придётся его уничтожать. Возможно, он кардинально изменится. Но если это окажется необходимым, ты исполнишь свой долг — как его исполняю я.

— Тебе не придётся убивать Уриила! — сказала Соху. — Я разговаривала с ним. Помогала ему понимать всё больше вещей. Он меня слушает! Я хочу остаться с ним. Хочу продолжать учиться.

— Небезопасно, — сказал Король Комет.

— Никто никогда не бывает в безопасности, — сказала Соху. — Ты сам меня этому учил. Мы — Потомки Кометы. Наша задача — сделать так, чтобы остальные были в безопасности. И ты сам сказал. Важно, чтобы я выучила небесную каббалу — на случай, если когда-нибудь нам понадобится… кто-то другой вместо Уриила. Ты говорил, что будешь учить меня дома. Но не можешь. Никто не может. Только Уриил по-настоящему её понимает. Именно здесь я приношу миру наибольшую пользу, верно?

— Соху, — сказал Король Комет, — ещё до вашего рождения — твоего, и сестёр, и брата — я думал о вас как о стратегических ресурсах. Я сказал отцу Эллису, что создам из вас армию. Он сказал, что это неправильно. А потом… твоя старшая сестра, Натанда. Она была первой. Когда я её увидел — отец Эллис говорит о добре как о чём-то горящем и прекрасном. Я говорил ему, что он ошибается, что добро — это нечто холодное и кристальное. Но когда я увидел Натанду, я впервые понял, что значит видеть добро так, как видит его отец Эллис. Нестерпимо горячее, слишком яркое, чтобы смотреть прямо. И тогда я понял: пока она жива, мне больше незачем беспокоиться о том, чтобы оставаться человеком. Я поймал человечность и крепко завернулся в неё, как в плащ. Все мысли об армии испарились. Ты не пешка

— или, по крайней мере, не только пешка. Ты моя дочь. И я не допущу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

— Но Отец. Ты всегда говоришь нам, что нужно думать о том, что лучше для мира.

— Да, — сказал Король Комет. — Поэтому подумай вот о чём: если кто-нибудь причинит тебе вред — хотя бы царапину, хотя бы ссадину — я обрушусь на них силой огня и ночи. Уничтожу их и их людей, сровняю с землёй всё, что они построили, сотру с лица земли без следа. И я сделаю это, даже если это будет единственный архангел, способный управлять вселенной, и заменить его будет некем. Для мира лучше всего, чтобы я этого не делал. Вот почему я забираю тебя домой, Соху.

Соху вздрогнула. Потом сказала:

— В пророчестве говорится, что я умру в криках, проклиная твоё имя. Если бы меня убил Уриил, я бы, пожалуй, умерла, думая, что ты был прав.

— Играть с пророчеством опасно, Соху.

— Отрывать меня от единственного, кто может обучить меня владению своими силами, — опасно! Жизнь опасна! Мы — Потомки Кометы! Если мы не будем браться за опасное, то кто?

— Я, — сказал Король Комет, — чтобы ты не делала этого.

Что бы Соху ни собиралась ответить, это потонуло в ослепительной молнии и последовавшем грохоте грома.

— СОХУ, — сказал Уриил. — Я ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ НЕЧТО ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ.

Соху выбежала из домика, пробежала по маленькому облачку, прыгнула в пустоту под ним, бросилась к Уриилу. Архангел поймал её в огромную ладонь, и она обхватила руками его палец.

— Уриил, Уриил, Уриил, мне так жаль, мне так жаль, ты в порядке, мне так жаль.

— Я ВРОДЕ КАК НЕ В ПОРЯДКЕ, НО ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА.

— Виновата я, виновата, я посоветовала тебе идти на конференцию, я думала, тебе понравится, но это была

ловушка, я играла прямо на руку Тамиилу, он хотел причинить тебе боль, мне так жаль.

— ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА. ТЫ ХОРОШАЯ. ТЫ СТАРАЛАСЬ ПОМОЧЬ.

Тут он заметил гостя. Король Комет стоял на краю облака. Звёздный свет блестел в его серебряных волосах. Он молча слушал дочь и архангела, глубоко задумавшись.

— Отец, — сказала Соху. — Это Уриил. Уриил, мой отец, Король Комет.

— Уриил, — сказал Король Комет, — могу я доверить тебе мою дочь?

Мозг Соху немедленно нарисовал все ужасные варианты того, что сейчас произойдёт. Уриил ответит что-нибудь вроде «НУ, ЧТО ВООБЩЕ ТАКОЕ ДОВЕРИЕ?» и уйдёт в рассуждения, пока отец будет паниковать. Уриил расскажет, как Тамиил иногда приходил к ним и пытался её убить или пытать. Уриил, Господи помоги, попытается дать каббалистический анализ вопроса.

— ДА, — сказал Уриил.

Соху моргнула.

Король Комет на мгновение выглядел так, будто не совсем знает, как реагировать, — но только на мгновение.

— Что произошло в Мадриде? — спросил он. — Дипломатическое сообщество в хаосе. Мне пришлось отговаривать президента Буша объявлять тебе войну. А донесения из Иерусалима настолько путаные, что я даже не знаю, как к ним подступиться.

— Я ОЧЕНЬ РАССТРОИЛСЯ, — сказал Уриил. — ТАМИИЛ ОБМАНОМ ВЫВЕЛ МЕНЯ ИЗ СЕБЯ, А Я ПОПАЛСЯ. Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ШЕФУ, КОТОРУЮ ДОЛЖЕН БЫЛ ТРАТИТЬ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ, ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ ВСЕХ УЙТИ. ПОТОМ МНЕ СТАЛО ОЧЕНЬ СТЫДНО, И Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ЕЩЁ БОЛЬШЕ ШЕФЫ, ЧТОБЫ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ С ИЗРАИЛЕМ — ЧТОБЫ ЛЮДИ НЕ СЕРДИЛИСЬ НА МЕНЯ.

— Решить проблему с Израилем?

— Я РАССЛОИЛ ПРОСТРАНСТВО ТАК, ЧТО ДВА ИЗРАИЛЯ СУЩЕСТВУЮТ В ОДНОМ МЕСТЕ. В ОДНОМ ЖИВУТ ТОЛЬКО ЕВРЕИ, В ДРУГОМ ТОЛЬКО ПАЛЕСТИНЦЫ. ЛЮ-

БОЙ ЕВРЕЙ, ВЪЕЗЖАЮЩИЙ В СТРАНУ, ОКАЖЕТСЯ В ЕВРЕЙСКОМ. ЛЮБОЙ МУСУЛЬМАНИН — В ПАЛЕСТИНСКОМ. ЛЮБОЙ ХРИСТИАНИН, АТЕИСТ И ТАК ДАЛЕЕ ОКАЖЕТСЯ В СУПЕРПОЗИЦИИ ОБОИХ СОСТОЯНИЙ[469]. ВЕРОЯТНО, ЭТО БУДЕТ ОЧЕНЬ ЗАПУТАННО.

— Ты *можешь* такое делать?

— НЕ БЕСПЛАТНО. Я ОТНЯЛ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ У СРОКА СЛУЖБЫ МЕХАНИЗМА. ЭТО МОЯ ВИНА, И Я ПЛОХОЙ. Я ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЛЮДИ МЕНЯ ЛЮБИЛИ. А ТЕПЕРЬ Я ПРЕДАЛ ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕЛО, КОТОРОЕ У МЕНЯ КОГДА-ЛИБО БЫЛО.

Все трое стояли в глазу урагана, молча, в звёздном свете. Король. Маленькая девочка. Гигантский архангел. Сказать было почти нечего. Мир разрушался годами. Теперь разрушался быстрее.

Наконец Король Комет заговорил.

— Ты знаешь «Гимн предела прочности»[470]? — спросил он.

Уриил покачал головой.

Король Комет выпрямился во весь рост на краю облака. Ясным голосом, по памяти, он прочитал:

Учебник всё измерит
(Строитель, берегись):
Груз, удар, нажим — проверит,
Что может материал снести.
Когда прогнулась ферма
И, скрежеща, упал пролёт,
Вину за ущерб и гибель
Сам человек несёт.
Не материал — человек.

Но в будничной работе
С камнем и сталью мы
Узнаем: боги вовсе
К людской правде глухи.
Нас не по мерке строят,
Не стелют нам пути,
И вскоре нас накроют
Грузы, что не снести:
Безжалостные — не снести.

Практичный справочник сведёт
В таблицы весь расчёт:
При каком напряженье
Срежет заклёпку, тягу согнёт;
Какой поток машин крошит макадам,
Что вынести бетон готов;
Но нам, несчастным детям Адама,
Нет книг, что нас предостерегут
И верный нам расчёт дадут.

Лишь мы во всём Творенье
(Счастливей мост и рельс!)
Несём двойное наказанье:
Дать сбой — и знать, что дали сбой.
Мы знаем: были мы богами —
И лишь один тому есть знак:
Нам стыдно, что мы сломлены,
Сколь ни велик перевес —
Всё бремя перевеса.

О Сила потаённая,
Чьих троп нам не найти,
Будь с нами в час падения,
В час боли и беды;
Чтоб мы — и это верный знак,
Что верен путь Твой, —
Хотя мы были сломлены
И потому что сломлены,
Могли подняться, строить вновь —
Встать и построить вновь.

— ВЫ ГОВОРИТЕ, ЧТО ВСЕ МЫ СЛОМЛЕНЫ, НО ДОЛЖНЫ ПРОДОЛЖАТЬ РАБОТУ, — сказал Уриил. — НО *ВЫ* НИКОГДА НЕ ЛОМАЕТЕСЬ.

Король Комет стоял на краю облака — нечеловечески совершенный, его чёрный плащ и серебряные волосы трепались в буре.

— Сломаюсь, — сказал он.

— ПРОРОЧЕСТВО? — спросил Уриил.

— Вероятность, — сказал Король Комет. — Никто не выигрывает вечно. А когда я сломаюсь, сделаю то, что делают кометы: разобьюсь на осколки, которые продолжат лететь по прежней траектории, так что лишь самые внимательные астрономы заметят распад. Вот что тебе нужно сделать, Уриил. Нам нужна твоя помощь.

— НАМ?

— Человечеству.

— ЛЮДИ МЕНЯ НЕ ЛЮБЯТ.

— Люди не любят многое из того, что им необходимо.

— Я НИ В ЧЁМ НЕ ХОРОШ.

— Ты хорош в одном. Ты управляешь вселенной. Этого достаточно. Нам нужна вселенная. Никому не нужно быть хорошим во всём.

— ВЫ ХОРОШИ ВО ВСЁМ.

— Не во всём. Я не умею управлять вселенной. Тут ты и нужен. И моя дочь.

— ОНА ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ. ОНА УЧИТСЯ БЫСТРО.

— Я слышал.

— Я НЕ ПРИЧИНЮ ЕЙ ВРЕДА.

— Нет, не думаю. — Он вздохнул. — Но вам обоим нужно быть осторожнее. Уриил, держись подальше от людей. Мы с тобой похожи. Слишком похожи. Мы идём прямыми путями. Стараемся делать всё как надо — к чёрту последствия. Люди не такие. Они управляют социальным миром — миром популярности, обид и статуса — с той же лёгкостью, с какой ты управляешь миром природы. Но не ради той же цели. У них нет цели, нечего поддерживать, есть только бесконечное щебетание: я лучше тебя, как ты смеешь такое говорить. Ты в этом не силён и никогда не будешь силён, а если бы и был, то не был бы силён в том, в чём тебе нужно быть. Мы похожи, Уриил, в глубине, — но оставь людей мне. Это мой груз. Мир — твой. Мир — и обучение моей дочери.

— ДЖАЛАКЕТУ, — сказал Уриил. — КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВСЁ ОБЕРНЁТСЯ ХОРОШО?

— Я не думаю, — сказал Король Комет. — Я *планирую*, чтобы всё обернулось хорошо. — Он вздохнул. — Но теперь мне пора уходить. Европейское Содружество говорит об объявлении войны. Это было бы неудобно. Мне пришлось бы их победить. Нам нужно ещё что-нибудь обсудить?

Уриил молчал.

— Побудь ещё немного, Отец? — спросила Соху.

— Не могу. Всегда какой-нибудь кризис. И у тебя работа. Буду навещать. Знаю, что не навещал, — но буду.

— УДАЧИ, ДЖАЛАКЕТУ.

Король Комет посмотрел прямо на Соху и заговорил у неё в голове тем жутким способом, каким он это умел.

[Береги его, Соху. Я на тебя рассчитываю.]

[Ты солгал ему, Отец.]

[Я сказал ему правду. Его дело — оставаться сильным и выполнять свой долг. Если он не справится, я останусь сильным и выполню свой. И ты поступишь так же.]

[Не об этом я. Ты сказал ему, что можешь сломаться тихо. Но мне ты говорил, что, если кто-нибудь причинит мне вред, ты взорвёшься и сметёшь их.]

[Я сказал правду вам обоим. Я уничтожу каждого, кто причинит тебе вред. Но не потому, что сломаюсь. Потому что останусь целым.]

Он передал ей телепатически клубок мыслей, перемешанных с чувствами. Когда она их распутала, они сложились у неё в голове как вопрос и ответ. Вопрос звучал так: *«Если ты Машиах и должен заботиться обо всех, как о собственных детях, — как ты заботишься о тех, кто буквально твои дети?»* Ответ был не-ответом, просто катком, подминающим парадокс: *заботишься ещё сильнее. Заботишься безмерно и яростно, за пределами всякого разума.*

Он посмотрел на неё. [Соху. Пообещай мне, что не умрёшь.]

Она почти засмеялась, почти сказала ему, что такого она, конечно, обещать не может. Потом увидела выражение его лица — абсолютно серьёзное. Вспомнила, что ответил ему Уриил только несколько минут назад. И просто сказала:

[Есть пророчество, Отец.]

[Ты будешь небесной каббалисткой. Ты сможешь стоять выше пророчества.]

Вот этого она прежде не слышала.

[Но даже без пророчеств — все умирают.]

[Тогда пообещай, что не умрёшь раньше меня.]

Что-то в его взгляде не позволило ей спорить дальше. [Хорошо, Отец. Обещаю.]

Король Комет превратился в молнию и улетел, растворившись в общей ярости бури.

— ОН ХОРОШИЙ, — сказал наконец Уриил. — ОН ПРАВ НАСЧЁТ МЕНЯ И ЛЮДЕЙ, И ОН ХОРОШИЙ.

— В пророчестве говорится, что я умру, проклиная его имя, — сказала Соху. — Но я не думаю, что так будет.

Она вернулась в домик, принялась убирать книги. Буря казалась странно пустой без Уриила в её центре; теперь, когда он вернулся, она снова чувствовала себя в безопасности. Ужас Мадрида никуда не делся — в глубине сердца она не могла забыть, что он массовый убийца, что его же словами он «СОЗДАЛ ЧЁРНУЮ ЧУМУ, ЧТОБЫ ПРОВЕРИТЬ,

СРАБОТАЕТ ЛИ», — но… Отец был прав. Он не понимал людей. И не поймёт никогда. И она не понимала Уриила — по-настоящему. Библия требует веры в то, что Бог благ, — несмотря на целый мир доказательств обратного. По какой-то причине у неё была вера, что Уриил благ. Может, и не очень мудр. Но — благ.

И у неё была вера, что отец её благ. Она посмотрела на левую руку, где, по словам Тамиила, отец оставил знак, который позовёт его, если ей будет грозить опасность. Она подумала, какие ещё защиты наложены на неё — такие, которых даже Тамиил не нашёл.

К Богу она всё ещё испытывала сомнения. Но в Уриила и отца — верила. Оба благи. Этого должно было хватить.

Она заснула, пока архангел молча работал снаружи.

Интерлюдия ב: Мисс «Американский пирог»

22 апреля 2017 года
Сан-Хосе

Мимо моей головы пролетел кусочек лука. Такое часто случалось, когда я спорил с Валери, пока она пыталась готовить. В тот день мы спорили о словах «Американского пирога». Она считала, что песня о рок-н-ролле. Я считал, что она о претензии христианской сотериологии вытеснить иудейское понимание Божественного закона.

Первый куплет явно выстраивал контраст между двумя полюсами — пением и танцем[471]. Пение символизировало Божественную благость, или милость: его первые три буквы складываются в «сын» (*son*), что соответствует второму лицу христианской Троицы, — и сюда же добавляется каббалистический подтекст, связанный с UNSONG и Питером Сингером[472]. Танец символизировал Божественное правосудие: первые три буквы — «дан», а «дан» или «дин» на иврите означает «суд» — как в *Бейт-Дин* или в имени Даниил, «суд Божий»[473].

Но луку я был обязан не этому. Лук прилетел из-за припева. Он гнал «Шеви» к дамбе, но дамба была суха[474]. Ну, «шевет» на иврите означает «колено» или «племя» — значит, «Шеви» у дамбы (*levee*) — это колено Левия, то есть священство. В Ин. 7:38 сказано: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Когда в песне говорится, что дамба-левиты иссякли, — это стандартная христианская линия о том, что фарисейское священство во времена Иисуса так увлеклось Законом, что утратило истинную веру.

По всей видимости, Валери решила, что эта интерпретация заслуживает ещё одного куска лука — хотя

в следующей же строке речь идёт о виски, а английское *whiskey* восходит к гэльскому выражению «вода жизни»; его ирландская форма — *uisce beatha*, что практически дословно совпадает с цитатой из Иоанна. Публика мне досталась суровая.

Билл Додд вошёл через незапертую дверь и увидел, что за столом, кроме меня, никого нет.

— Я рано? — спросил он.

— Все остальные опаздывают, как всегда, — сказала Валери. — Пожалуйста, спаси меня. Аарон только что пытался убедить меня, что «Американский пирог» — о христианской сотериологии.

Тогда ей пришлось пересказать Биллу весь разговор с самого начала, а Билл стал возражать, что песня, очевидно, о рок-н-ролле, — хотя это явно было не так. — Серьёзно! — запротестовал я. — Следующий куплет начинается с: «Ты ли писал ту Книгу Любви? / И веришь ли в Бога свыше, / коль так тебе велит Библия?»[475] Как вы не видите, что это попытка противопоставить Ветхий Завет — Книгу Закона — Новому Завету как Книге Любви, предлагающей спасение через веру?

— «Книга Любви» (*Book of Love*) — знаменитая рок-н-ролльная песня, — возразил Билл, — и в следующей же строчке: «Веришь ли ты в рок-н-ролл?»

— Именно! — сказал я. — Спасение через веру требует веры в воскресение Христа. Самым очевидным знаком этого было то, что камень, закрывавший гробницу, был отвален (*rolled away*). Затем: «Может ли музыка спасти твою смертную душу?» Музыка — это пение — это Сын, как я уже говорил! Это утверждение, что Христос спасает людские души! А «танцевать медленно» — приостановка Божественного суда!

— «Я знаю, что ты влюблён в него, потому что видел, как ты танцевал в спортзале», — процитировала Валери. — Где в Новом Завете Христос танцует в спортзале?

— Танец означает Божественный суд! — повторил я. — А английское *gym* восходит к греческому *gymnós* — «обнажённый». В Библии есть совершенно ясный отрывок, связывающий наготу с Божественным судом, — это Бы-

тие, 3-я глава! Повествование об Эдемском саде! Мы знаем, что Бог любит человечество, потому что, даже при всей справедливости кары за первородный грех, Он предпочитает её не налагать[476].

— «Вы оба скинули туфли», — возразил Билл.

— Исх. 3:5, — сказал я. — «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Валери швырнула в меня ещё один кружок лука. Не долетел на полдюйма.

— Слушай, — сказал Билл. — Отдельные детали можно подогнать под соответствующие библейские стихи. Я даже готов признать, что тема Иисуса у тебя в целом выдержана. Но вся песня в целом имеет смысл только в контексте рок-н-ролла. Например, сразу после эпизода с туфлями упоминается розовая гвоздика — а это традиционный цветок, который молодые люди носили на танцевальные вечера.

— А ещё в слове *carnation* содержится *incarnation* как подстрока[477]. Неужели ты не думаешь, что Воплощение могло бы иметь какое-нибудь отношение к…

Дверь открылась. Вошла Зои Фарр.

— Привет, ребята. О чём вы кричите? Слышно было ещё с подъездной дорожки.

— АААРОН ПЫТАЕТСЯ ДОКАЗАТЬ, ЧТО «АМЕРИКАНСКИЙ ПИРОГ» — ПРО ИИСУСА! — заорала Валери. — ОН ГОВОРИТ, ЧТО «ШЕВИ» У ДАМБЫ — ЭТО КОЛЕНО ЛЕВИЯ, А РОЗОВАЯ ГВОЗДИКА — ЭТО ВОПЛОЩЕНИЕ. ТЫ ОБЯЗАНА ЕГО ОСТАНОВИТЬ.

— Успокойся, — сказала Зои. — Вообще-то забавно. Хотя, кажется, я где-то читала, что «Американский пирог» — это история рок-н-ролла. Там даже упоминаются Rolling Stones.

— Хорошо, — сказал я. — Прекрасно. Хотите поговорить о Rolling Stones? Поговорим о Rolling Stones. Соответствующий куплет начинается со слов: «Вот уже десять лет мы сами по себе». В библейском пророчестве один Божий день соответствует одному году — именно поэтому семьдесят седмин из Книги Даниила соответ-

ствуют 490 годам после эпохи самого Даниила[478]. Итак, десять лет в этом пересчёте — это 3650 лет. «Седер Олам Рабба» датирует сотворение мира 3761 годом до нашей эры, так что по библейскому счёту времени рождение Христа отстоит от Творения примерно на десять лет и три месяца[479]. Это не совпадение, потому что ничто никогда не было со—

— A Rolling Stones? — перебил Билл.

— Ради Бога, я вам уже объяснял, — сказал я. — Воскресение Христа. Мф. 28:2. «И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нём»[480].

— Подожди… — сказала Зои.

— Нет, это ты подожди, — сказал я. — Давайте разберём, что именно происходит в оставшейся части куплета. Король смотрит вниз — очевидная отсылка к Богу, входящему в мир, тем более в паре с более ранним «воплощением». «Шут» (*Jester*) по звучанию перекликается с «Иисус» — и ещё ближе к первоначальной форме «Йешуа». На нём пальто, взятое напрокат у Джеймса Дина. Но мы знаем, что корень «дан» или «дин» означает «правосудие» на иврите. Значит, «Джеймс Дин» расшифровывается как «Яков Праведный» — и в Деяниях он описан как «брат Иисуса»[481]. Большинство комментаторов примиряют это с предполагаемым небесным происхождением Иисуса, называя его единоутробным братом от Марии. Таким образом, Яков Праведный представляет человеческую родословную Иисуса, а «пальто, взятое напрокат у Джеймса Дина», — это человеческий облик, в который Он воплощается, как в пальто. Итак, Бог сходит в мир и принимает человеческий вид, обретая даже человеческую душу — «голос, что пришёл от тебя и меня». Затем Он «крадёт терновый венец» — надеюсь, объяснять не нужно. Что происходит дальше? «Судебное заседание закрыто; приговор не вынесен». Закон уступает место; Божественное наказание приостановлено. Всё это было бы совершенно очевидно, если бы вы только

прекратили эту свою глупую рок-н-ролльную одержимость.

— В следующем куплете упоминается Джон Леннон! — возразила Валери.

— Леннон! Леннон — это зашифрованный Моисей по методу Авгад[482]! Ламед — нун — нун, сдвинуть все буквы на одну вперёд — мем — самех — самех, выходит *Moses*, то есть Моисей. И Маркс. Всё это было в той статье, которую вы не взяли в «Хорист». Карл Маркс означает «человек войны», то есть отсылка к Богу[483]. Моисей читает книгу о Боге — Тору. Всё происходит «пока Леннон читал книгу о Марксе» — то есть одновременно с этим. Иисус приходит не вытеснить Закон, а исполнить его. И дальше! Квартет репетирует в парке — это Четыре Евангелиста. Погребальные песни во мраке в тот день, когда умерла музыка. Музыка — это пение — это Сын — это Иисус. День, когда умерла музыка, — день смерти Иисуса. Мк. 15:33: «В шестом же часу настала тьма по всей земле и [продолжалась] до часа девятого». Они поют погребальные песни во мраке, потому что Иисус только что умер и на землю опустилась сверхъестественная тьма.

— Что опустилось на землю? — спросила Элли Ху. Она только что вошла. Я был так увлечён исправлением заблуждений моих друзей насчёт «Американского пирога», что даже не заметил её.

— Сверхъестественная тьма, — сказал я. — Я объясняю им «Американский пирог». Мы дошли до строчки о погребальных песнях во мраке. Это отсылка к сверхъестественной тьме, накрывшей землю после распятия Иисуса.

— Я не очень хорошо знаю американскую культуру, — сказала Элли, — но мне казалось, что эта песня — об истории рок-н-ролла.

— ВОТ ЧТО МЫ ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ ЕМУ И ГОВОРИМ! — крикнула Валери; одновременно я пробормотал: «Et tu, Элли?»[484]

— Именно, — сказал Билл. — Например, следующий куплет отсылает к «Helter Skelter», «Eight Miles High» и The

Byrds. «Helter Skelter» — это песня «Битлз», Byrds — рок-группа, а «Eight Miles High» — песня группы Byrds[485].

— В куплете говорится: «Хелтер-скелтер, в летнем зное, / птицы унесли бомбоубежище / на восемь миль ввысь, и оно стремительно падало», — произнёс я. — Существует рок-группа под названием «Бомбоубежище»? Существует ли песня с таким названием, получившая премию Грэмми?

— Не всё обязано…

— Всё обязано! — сказал я. — Ничто никогда не было совпадением. Смотрите. В Библии есть совершенно ясный пример бомбоубежища на случай Божественного суда — это Ноев ковчег. Бог решил уничтожить мир за его нечестие, а Ной построил нечто, чтобы пережить апокалипсис. Это и есть бомбоубежище. И оно даже находилось на высоте восьми миль: воды потопа покрыли землю выше высочайшей горы. Эверест — шесть миль высотой, воды должны были быть выше, с небольшой поправкой на погрешность — вот и восемь миль. И стремительно падало — потому что через сорок дней и ночей Бог открыл источники великой бездны и воды устремились обратно[486]. По этому рассказу, Ной выпустил ворона и голубя, чтобы узнать, появилась ли суша. Иными словами, птицы полетели прочь, пока бомбоубежище висело на высоте восьми миль и стремительно падало. Ворон суши не нашёл. Но голубь — нашёл. Голубь садится — *fowl*, «птица», — на траву[487]. Шут — это Иисус — это Сын — это Пение — это Божественная милость; но он на боковой линии, в гипсе, потому что в этот момент Божественная милость приостановлена — даже ранена — и Божественный суд получил полную свободу действий.

— Ого, — сказала Зои.

— Ты пропустил часть про игроков, пытающихся выполнить пас вперёд, — сказал Билл.

— Игроки — это все люди и животные, пытающиеся сделать «пас вперёд» — передать свои гены следующему поколению. Марширующий оркестр, который пытается им помешать, — ну, подумайте. У марширующего оркестра есть две любопытные особенности. Он играет музыку.

И он марширует. На кого это похоже? Правильно. На ангелов. Небесные хоры и небесное воинство. Итак, игроки — созданные смертные существа — пытаются выйти на поле. Но ангелы и нефилимы отказываются уступать — они захватили контроль над землёй. «Помнишь ли ты, что было открыто?» Как будет «открыто» по-гречески? Правильно: *apokalypsis*[488]. Ангелы пытались властвовать над землёй и не оставляли места людям, поэтому Бог обрушил апокалипсис. Вот почему всё это — в куплете про Ноев ковчег.

Прозвенел дверной звонок. Это был Эли Фосс.

— Привет, — сказал он. — Ужин уже…

— Хорошо, — сказал я. — Чтобы нам не пришлось *в который раз* к этому возвращаться и мне не пришлось отвечать на каждую вашу дурацкую придирку по очереди. Поколение, потерянное в пространстве, — это поколение Исхода, сорок лет блуждавшее в пустыне. Время, когда мы все были в одном месте, — это Синай, где, по словам раввинов, присутствовали души всех евреев — прошлых, нынешних и будущих — при даровании Десяти заповедей[489]. Джек — это Иаков, он же Израиль, он же израильтяне[490]. Подсвечник — это огненный столп ночью. Дьявол — это Дьявол. Равнина, что поднимается высоко в ночь, — это холм или гора[491]; здесь утверждается, что богоявление на Синае закономерно завершилось на Голгофе. Жертвенный обряд — это распятие. Сатана смеётся от радости, потому что Иисус только что умер. Девушка, что пела блюз, — это Мария Магдалина, сидящая у гроба и плачущая. Они просят её о радостных новостях, потому что она первой становится свидетелем Воскресения. Она улыбается и отворачивается — как в Марке 16: «И никому ничего не сказали, потому что боялись»[492]. Священная лавка, где за годы до этого слышали музыку, — это Храм, но музыка не играла, потому что система храмовых жертвоприношений заменена прямыми отношениями с Богом. На улицах дети кричат и так далее — потому что Иисус умер. Церковные колокола разбиты — потому что Иисус умер; несколько тяжеловесная метафора, но ладно. Трое людей, которы-

ми я восхищаюсь больше всего, — это Отец, Сын и Святой Дух, ровно как сказано в песне. Есть у кого-нибудь *другие* вопросы?

— О чём вы говорите? — спросил Эли. — Это «Американский пирог»?

Тут сверху спустилась Ана — лучезарная, в белом платье.

— Ана! — воскликнула Валери. — Ты должна нам помочь! Аарон делает невыносимую вещь: говорит, что всё в «Американском пироге» — это христианская версия библейской истории, и что бомбоубежище — это Ноев ковчег, и розовая гвоздика — Воплощение, и «Шеви» у дамбы — колено Левия, и Rolling Stones — камень, отваленный от гроба Иисуса, а мы всё время говорим ему, что это о рок-н-ролле, но он не слушает, и только ты умеешь его образумить!

— Валери, — спокойно сказала Ана, — ты идёшь не с того конца. С Аароном в таком состоянии бесполезно спорить. Его нужно победить его же оружием.

— Что?

— Например, — сказала Ана, — Аарон, я предлагаю считать, что «Шеви» означает не колено Левия, а колено Иссахара.

— Что? — переспросил я. — Почему?

— Потому что, — сказала она с прекрасной, неземной улыбкой, — «Шеви» — это машина, по-английски *a car*[493].

— АААААААААА! — сказал я. — АА ААААА АААААА АА — ой!

Валери теперь швыряла луком в нас обоих, и один кружок угодил мне прямо под глаз.

— ВСЁ, — крикнула она. — ВСЕ САДЯТСЯ И ЕДЯТ ПРОКЛЯТЫЙ УЖИН, И НИКАКИХ БОЛЬШЕ КАЛАМБУРОВ НА ТЕМЫ КОЛЕН ИЗРАИЛЕВЫХ, ТАК МНЕ ПОМОЖЕТ БОГ.

Я посмотрел прямо на Ану и подумал: [Сядь и съешь Данный ужин.][494]

Она посмотрела на меня в ответ и подумала: [Так мне поможет Гад.][495]

Я подумал: [Нам следует заАшерить её, что мы больше не будем каламбурить.][496]

И тут нас обоих прорвало беспомощным смехом.

— ВЫ ОБМЕНИВАЕТЕСЬ КАЛАМБУРАМИ НА ТЕМЫ КОЛЕН ИЗРАИЛЕВЫХ ТЕЛЕПАТИЧЕСКИ?! — крикнула Валери, а все остальные за столом ничего не знали о телепатической связи и решили, что она шутит, и нервно засмеялись; я едва успел успокоиться, как Ана мысленно передала мне: [Кажется, наши каламбуры Рувимают её против шерсти.][497] — и я снова расхохотался, смех прошёл по телепатической связи и заставил засмеяться Ану, и мы оба хохотали как безумные, пока все остальные просто смотрели на нас.

Я рассказываю вам эту историю в качестве извинения. Чтобы, когда мы дойдём до части в следующей главе, где мне пришлось выбирать между гибелью мира и гибелью Аны, вы понимали, почему я сделал неправильный выбор.

Глава 37

Любовь, которую нельзя поведать

13 мая 2017 года
Лас-Вегас

«Грешник» на библейском иврите — *авва́ль*[498], и это, несомненно, каббалистически связано с английским словом *evil*. Гематрия слова *авва́ль* равна 106. Епископ Ашшер, библейский хронолог, датировавший Сотворение мира 4004 годом до н. э., сообщает нам, что между потопом Ноя и Вавилонской башней прошло именно 106 лет. Это неудивительно: решение из тщеславия воздвигнуть башню до Небес — поступок греховный; а потому проявления числа 106, числа грешников, будут возникать вокруг неё.

Мы с Джейн завтракали на смотровой площадке-ресторане «Вершина мира» на 106-м этаже башни Стратосфера в Лас-Вегасе. Панорамные окна от пола до потолка открывали такой вид на Лас-Вегас, какой обычно увидишь разве что с летающего каяка. Я подумал, есть ли у Джейн знакомые в Лос-Анджелесе, которые могли бы забрать её лодку. Слишком уж замечательный артефакт, чтобы просто его бросить.

— Итак, план, — сказала Джейн, откусывая от блинчика, — сесть на автобус до «Rogue Toys» на Стрипе — там, говорят, есть чуть ли не любой Бини-бэби, какой только выпускали. Возьмём фиолетового дракона и уйдём.

Она говорила серьёзно. Багаж был при ней, мне она купила рюкзак. Мы даже не собирались возвращаться в отель. Берём дракона — и убираемся из Вегаса.

— Убираемся куда? — спросил я. Цитадель Запада была осаждена; пробраться сквозь вражеские линии было почти невозможно. Неужели прямо назад в Лос-Анджелес?

Джейн улыбнулась.

— Увидишь, — сказала она. По крайней мере, теперь её упрямое нежелание что-либо объяснять казалось скорее милым, чем вызывающим. Прошлой ночью она всё-таки уложила меня спать с кляпом во рту, в наручниках и прикованным к кровати, — но в её голосе слышалось что-то вроде извинения. Я начинал надеяться, что она просто вспылила после провала в Ангельском Резерве и умеет быть вполне славной, когда захочет.

Рассказать ли ей о Бини-бэби, спрятанном в моём «Эппл-Эйде»? Часть меня хотела отбросить подозрения и работать с Джейн всерьёз. Часть меня даже хотела взять назад просьбу о помощи, переданную Ане, сказать ей, что всё вроде бы под контролем, что я с настоящей жительницей Колорадо, которая показывает мне мир — один роскошный отель за другим. Но — думал я — Джейн всё равно купит замену в магазине сегодня, и всё, чего я добьюсь, рассказав ей, — это лишусь её доверия. Лучше дать ей купить замену, а потом избавиться от бутылки «Эппл-Эйда» так, чтобы она ничего не заподозрила.

Не желая встречаться с Джейн взглядом, я перевёл глаза на огромные стеклянные окна. Лас-Вегасский Стрип сиял тысячью кричащих цветов. Все ожидали, что захват города злым некромантом плохо скажется на бизнесе, но вышло ровно наоборот. Другой Король видел в Лас-Вегасе гигантскую копилку для своих оккультных затей. Он встретился с лидерами городского бизнеса и торжественно пообещал вообще не трогать их отрасли. *Вообще* не трогать? — переспросили они. *Вообще*, — ответил он. С тех пор никакая идея для застройки не казалась слишком грандиозной, никакая форма азартных игр, проституции или «взрослых» «развлечений» — слишком непристойной. Людей со всех концов Разъединённых Штатов приглашали приезжать и уезжать без помех и без особого ущерба от пребывания в городе мёртвых — разве что с похудевшими кошельками и кучей объяснений для

супругов. А если кто-то из приезжих пытался злоупотребить гостеприимством хозяев — считал карты за столом блэкджека или распускал руки перед стриптизёршей, которой это было неинтересно, — к нему приходили побеседовать существа со скелетными лицами в чёрных балахонах, и в этом городе его больше никто не видел. В общем, прекрасный, исправно работающий механизм, и Другой Король не просил за это бесконечное процветание ничего, кроме двадцатипроцентного налога на весь оборот — не подлежащего обсуждению.

Но кажущаяся нормальность города не обманывала Джейн, и меня уж точно не обманывала. Я читал Стрип как каббалистический текст — символы зла, выстроенные в ряд для тех, кто умеет их расшифровывать. Вот «Луксор» — Египет, библейский Мицраим[499], земля рабства. Вот «Цезарь Палас» — Тит Цезарь, разрушивший Иерусалим, Нерон Цезарь с его гонениями, столь страшными, что Книга Откровения предостерегала от него косвенно — через гематрию его имени, ровно 666. Вот «MGM» — будто трёхбуквенный корень ивритского слова «магим»[500], «маги», вершители оккультных проклятий. Вот отель «Трамп» — я возвёл его название к английскому *trump*, затем к *triumph* и далее к *thriambos*[501], оргиастическим ритуалам языческих богов хаоса. А за всем этим нависала гора Ред-Рок. «Под этой красной скалой — тень», — писал Элиот в «Бесплодной земле»[502]. И затем:

Войди под тень этой красной скалы,
И я покажу тебе нечто иное:
Не тень твою, что утром шагает за тобой,
Не тень твою, что вечером встаёт навстречу;
Я покажу тебе страх в горсти праха.

— Аарон Смит-Теллер? — произнёс чей-то голос, и я обернулся: передо мной стоял ухмыляющийся старик с горстью праха на ладони.

Я не видел, как он вошёл, хотя появился он, должно быть, совсем недавно. Он был полной противоположностью нарядным туристам и игрокам, составлявшим

остальную публику ресторана: неопрятный, немытый, словно бездомный, только что зашедший с улицы. Каждое слово он словно выплёвывал. Но он знал моё Истинное Имя. Даже Джейн я не называл своего Истинного Имени.

— Кто вы? — спросил я. Джейн молча следила за ним с напряжённостью хищника перед броском.

— Я Властелин Наркотиков, — сказал старик. Тут я заметил расширенные зрачки, отсутствующий взгляд. — У меня твоя подруга, Ана Тёрмонд. У вас обоих есть Имя, которое мне нужно, и поскольку ваши умы связаны, я не могу взять его ни у кого из вас в одиночку. Приди встретиться со мной в моём настоящем облике — я возьму Имя и отпущу вас обоих невредимыми. Откажешь — убью подругу. — Он высыпал прах мне в руку; я понял, что это молотый пейот.

— Как мне знать, что она у тебя? — спросил я, не дав Джейн вставить слово. — Попроси её дать какой-нибудь знак — что-то, известное только ей.

Старик закрыл глаза, помолчал несколько секунд.

— Косатка завета[503].

— ЧЁРТ! — воскликнул я так громко, что люди за соседними столиками повернулись на нас.

— Ладно! — сказала Джейн. — Я слышала достаточно! — Она схватила старика за запястье. — Как вы нас нашли —

— А? — Старик заморгал, зрачки пришли в фокус. — Что? Кто вы? Где я? — Он начал пускать слюни. Джейн с отвращением отпустила его, он торопливо ретировался. Подошёл официант, начал было спрашивать, нет ли проблем, встретился с Джейн взглядом и отступил в более безопасное место.

Джейн смотрела на меня, и всё прежнее недоверие мгновенно вернулось.

— Объясни.

Меня всего сковало холодом. Властелин Наркотиков захватил Ану Тёрмонд. Она умрёт.

— Э, — сказал я, сочиняя ложь как можно быстрее, — она моя близкая подруга и коллега. Она помогла от-

крыть Имя, делающее людей невидимыми. Наверное, попала в плохую компанию и приняла пейот.

— Нет, — ледяным тоном сказала Джейн. — Думаю, это не всё. Он сказал, что ваши умы связаны. Как связаны ваши умы, Аарон Смит-Теллер?

Блин. Теперь она знала моё Истинное Имя. Я понимал, что это глупо, — но у каббалистов особое отношение к Истинным Именам.

И самое дурацкое — не было никаких причин не рассказывать ей о каббалистическом браке. Ана открыла его однажды, заглянув в ту часть Библии, куда никто другой не был достаточно умён заглянуть. Но Джейн ни за что не поверит. Ни у кого не бывает сразу двух тайных Имён — просто по совпадению. Я уже видел, как крутятся шестерёнки её паранойи, и если скажу ей, что существует Священный Каббалистический Брак Разумов, о котором мне известно, — мне конец.

— Любовь, — сказал я. — Наши умы связывает любовь. Это самая мощная сила во вселенной.

— Что?! Нет, это глупо! — Её взгляд метнулся к пейоту на моей правой ладони. — Давай сюда.

Она потянулась за порошком. Я ссыпал его в карман, встал и отошёл на шаг.

— Аарон, — сказала она. Она старалась говорить тихо, не устраивать сцену, но в её голосе была ярость. — Не будь идиотом. Властелин Наркотиков — враг для всех. Сам он не может использовать Имена, но у него есть друзья, которые могут. Если ему достанется Призрачное Имя, всё станет намного хуже.

— Моя подруга умрёт!

— Люди умирают всё время!

— Только не Ана! Она вообще ни разу не умирала!

— Аарон, ты ведёшь себя как глупец. Дай мне пейот.

И я побежал.

Джейн побежала следом, и я понимал, что мне её не обогнать. Я произнёс Имя Лавины — окно разлетелось, открыв выход наружу. И прыгнул со сто шестого этажа башни Стратосфера.

На секунду я просто повис в воздухе, как дурак, ощущая обтекающий меня воздух и видя, как небоскрёбы Лас-Вегаса всё ближе и ближе снизу. Потом я произнёс Восходящее Имя и замедлил падение. Я видел, как Джейн прыгнула из того же окна — чёрная точка над головой, приближающаяся всё быстрее.

Если бы всё это произошло два дня назад, этим бы всё и кончилось. Но я произнёс Имя Воздухохождения и зашагал прочь.

Джейн произнесла Восходящее Имя и зависла в воздухе, открыв рот от изумления, глядя, как я ухожу.

— Как ты это делаешь?

Я не ответил.

Она висела там, беспомощная, почти жалкая поначалу, — а потом ярость вернулась к ней разом. — Идиот! Что ты делаешь? Нельзя давать Властелину Наркотиков то, что он хочет! Мне жаль твою подружку, Аарон! Правда! Жаль! Но он монстр, Аарон! Ты не знаешь, что он такое! Он уничтожит нас всех! Что бы он ни хотел от тебя — он не может этого получить! Аарон! Стой!

Я даже не оглянулся — просто шёл по воздуху. Пробормотал Призрачное Имя и стал невидимым, потом прошёл с милю вниз по Стрипу. Впереди засиял огромный золотой монолит — башня Трампа. Добравшись до неё, я опустился до тех пор, пока ноги не коснулись крыши.

Вот я и здесь. Наконец-то свободен.

Более или менее. Я зачерпнул пейот из кармана. Лучшего места не найти. Валери однажды приняла пейот и рассказала мне, что единственный безопасный способ — делать это на вершине небоскрёба. Поднимаешься на Восходящем Имени, потом на нём же спускаешься, когда всё закончится. Но пока ты под действием наркотика — ты в ловушке. Властелин Наркотиков не мог произносить Имена — ни сам, ни через одержимых им людей. Если принять пейот на земле, того и гляди, прямиком отправишься к ближайшему торговцу наркотиками, раздобудешь ещё пейота, примешь новую дозу до того, как отойдёт предыдущая, — и никогда не освободишься.

Если принять его на вершине небоскрёба — можно поэкспериментировать, ощутить, каково это, когда тобой овладевает нечто бесконечно большее тебя самого, — но не дать захватившему тебя существу никакой возможности расширить свою власть. Властелин Наркотиков, судя по всему, соглашался с такой схемой: незачем заставлять людей прыгать с небоскрёбов, если позже они могут пригодиться. Да, говорила Валери, принимать пейот на небоскрёбе абсолютно безопасно.

Только вот в моём случае всё это не имело значения. Мне понадобилась минута, но когда Джейн говорила о том, что Властелин Наркотиков не может использовать Имена, я понял его замысел. Он не мог использовать Имена, потому что у него не было человеческой души. Если бы он мог получить человеческую душу — он мог бы использовать Имена. Он был бы не просто единым сознанием, захватившим миллионы тел, сверхъестественно подчинённых его воле. Он был бы единым сознанием, захватившим миллионы тел, сверхъестественно подчинённых его воле, каждое из которых могло бы произносить Имена Господни и по первому зову обрушивать с небес пламя и ужас. Вся Война с Наркотиками держалась на нашем единственном преимуществе: мы могли использовать Имена, а он — нет. Он был вынужден пользоваться устаревшими технологиями, подверженными причудам машинерии Уриила; мы же могли выставить целые легионы каббалистов.

Если только я не отдам ему Животворящее Имя. Тогда его кишащее множество сомнёт наши беспомощные армии. Он сметёт Техас, Калифорнию, Великий Бассейн и остальные Разъединённые Штаты.

Я всегда считал себя прагматиком. Когда Каиафа в Ин. 11:50 говорит, что «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», я всегда согласно кивал. Как ни трагична единственная смерть, миллион смертей в миллион раз хуже. И пожертвовать одним человеком ради спасения целого континента должно было бы стать самым лёгким решением в моей жизни.

Проблема была в том, что всё кажется совершенно разумным, пока говоришь о незнакомых людях, умерших две тысячи лет назад, — и становится куда труднее, когда речь заходит о тех, кого любишь.

Я думал о нашем последнем разговоре с Аной.

— Тебя нужно спасать? — спросила она. — Думаю, да, — ответил я, хотя моё положение было куда менее опасным, чем её теперь. И она не колебалась, не жаловалась, не говорила, что у неё собственные проблемы. Просто сказала, что сойдёт в следующем порту. Она рискнула бы ради меня жизнью — охотно, радостно. Я втянул её в эту кашу, всё испортил, а она держалась рядом. Я потянулся к телепатической связи. Ничего. Она где-то далеко.

Я заплакал. Я любил Ану. Я знал, что она это знает, но я никогда ей не говорил. И не скажу, даже если всё обойдётся, даже если мы проживём вместе тысячу лет. Всё нахлынуло разом. Вот она в белом платье, рассказывает нам о Книге Иова — всегда сомневается, всегда задаётся вопросами. Почему зло? Почему Властелин Наркотиков? Почему вообще вселенная? Почему я в таком положении? Я кричал на неё через обеденный стол в Итаке. Что мне делать? Каков Божий план? Есть ли он вообще? Если есть Провидение даже в гибели воробья, отчего же нас — тех, кто дороже многих воробьёв, — швыряет во тьме без малейшего просвета? Мне хотелось, чтобы Ана была здесь, — чтобы я мог спросить её. От этого становилось только хуже.

Я видел её сидящей рядом со мной, а Валери стояла за кафедрой в нашем подвале.

— Каждый смертный и народ однажды свой познает час — / В споре Правды с Кривдой чёрной сделать выбор здесь, сейчас, — читала Валери. Да пошла ты! — заорал я на воображаемую Валери. — Конечно, легко сказать: твори ДОБРО, избегай ЗЛА. Отлично работает в реальном мире, правда? Что ты вообще несёшь? Воображаемая Валери только ответила: «Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом».

Нам нравится думать, что мы взвешиваем доводы и соображения на весах философии — и выбираем сторону,

которая перевешивает. Может, иногда мы так и делаем — в мелочах. В тот миг, на вершине башни Трампа, я бросал на весы всё, что имел, — и снова и снова видел, как чаша склоняется в пользу того, чтобы швырнуть пейот на улицу и уйти, — и снова и снова знал, что не уйду.

Я посмотрел вниз. Лас-Вегас гудел подо мной. На боку здания красовалась огромная золотая буква «Т». Т — тав[504]. Последняя буква алфавита иврита. Буква апокалипсиса. Иисус был распят на кресте, похожем на строчную латинскую «t»; подо мной высилась заглавная «Т», готовая завершить начатое. Символично — как и всё остальное.

Я выбросил всё с весов — и гири, и чаши — и сосредоточился на одной фразе. «Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом». Ну, конечно обращают. А обречь мир ради друга — моей странной платонической вроде-как-девушки, хотя мы были просто друзьями и мне не полагалось её так называть, при том что связь у нас была крепче смерти, — это не просто компромисс с грехом, это капитуляция перед Грехом целиком, сдача всего, отступление по всему фронту. Но согласиться позволить Ане умереть, сбежать отсюда, вернуть Животворящее Имя, выстроить империю и жить счастливо до конца дней в обмен на ничто — кроме одной ничтожной жизни моей лучшей подруги, — это тоже казалось компромиссом с грехом. Что, разумеется, совершенно противоположно тому, как я должен был трактовать этот отрывок. Но ведь «не на небесах она».

Я вспомнил нечто чудовищно глупое, сказанное мной всего день назад. «Моя мечта — стать новым Королём Комет». Боже Всевышний! Разве я забыл, что случилось с последним Королём Комет? Я понял тогда, что именно так всё и должно было кончиться, что одной этой фразой я каббалистически привёл всё это в движение — и теперь мне оставалось лишь доиграть всё до горького конца.

Я думал обо всём, что мог бы сказать себе в оправдание. Отец бросил мою мать и меня — теперь я в ужасе от мысли бросить других. Телепатическая связь с Аной делала меня особенно чувствительным к её страдани-

ям. Талмуд гласит, что спасти одну жизнь — всё равно что спасти мир, а погубить одну жизнь — всё равно что погубить мир[505]; значит, в каком-то смысле всё уравновешено, и я могу делать, что мне вздумается.

Ни одно из этих объяснений не казалось правдой. Правда была в том, что я не Король Комет. Я был напуганным двадцатидвухлетним мальчишкой. Я знал всё обо всём в Библии, и в конце концов всё это меркло перед одной строкой из Послания к Римлянам 7:19: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

Я проглотил пейот, прежде чем моя лучшая сторона успела меня переубедить.

Глава 38

Мой дух в борьбе несокрушим

Гершеле Острополер[506] пришёл на постоялый двор и попросил горячую еду. Хозяин потребовал плату вперёд, а когда Гершеле признался, что денег у него нет, велел убираться прочь. Тогда Гершеле выпрямился во весь рост, грозно посмотрел хозяину в глаза и сказал: «Дайте мне поесть, или я сделаю то, что делал мой отец! Слышите? Я СДЕЛАЮ ТО, ЧТО ДЕЛАЛ МОЙ ОТЕЦ!» Перепуганный хозяин подал путнику хорошую горячую еду. После еды, когда Гершеле успокоился, хозяин осмелился спросить, что именно делал его отец. «Всё просто, — ответил тот. — Когда мой отец просил кого-нибудь накормить его, а тот отказывал — он ложился спать голодным».
— Старинный еврейский фольклорный анекдот

13 мая 2017 года
????

Из земли маленькими родниками пузырилась кровь. На деревьях вместо плодов росли черепа. Я заключил, что нахожусь где-то в ацтекской мифологии. Скорее всего, не в самой приятной её части.

Ни джунгли, ни пустыня. Скорее травянистая долина с кустарником и редкими деревьями. У солнца было лицо, застывшее в вечной гримасе. Я смутно помнил, что в ацтекской мифологии всё очень плохо.

Казалось, сам мир указывает направление. Я пошёл туда. Путь привёл меня на холм, усыпанный камнями. Я произнёс Восходящее Имя. Ничего не произошло. Ясно.

Это другое место. Здесь обычные правила не работают. Воспоминания начали возвращаться. Властелин Наркотиков. Пейот. Я принял пейот. И теперь я… где?

[Ана?] — спросил я.

[Аарон!] — пришёл ответ. А следом — волна чистого облегчения и счастья. Ни привязанности, ни растерянности — только радость от того, что я здесь.

[Что случилось? Где ты? Ты в безопасности?]

[Не уверен. Кто-то, должно быть, подсыпал что-то в мой ужин. Я… в порядке. Властелин Наркотиков пытался извлечь из меня Животворящее Имя. Не смог. Это всё, что я знаю.]

Я достиг вершины холма. Внизу раскинулся город. Я узнал его и вытащил из полузабытых воспоминаний его имя. Теотиуакан. Место рождения богов.[507] Величайший город доколумбовой Америки. Главная улица, рассекавшая его посередине, называлась Проспектом Мёртвых. Два великих сооружения возвышались над остальными — Пирамида Солнца и Пирамида Луны. На виденных мной фотографиях они выглядели суровыми и полуразрушенными. Здесь они были покрыты яркими красками и трепещущими стягами. И ещё — по южной лестнице Пирамиды Луны стекал водопад крови, как жуткий эскалатор.

Настоящий Теотиуакан был мёртв уже тысячи лет. Этот кипел жизнью. Сплошь призрачные тени. Я подумал — не души ли это пленников Властелина Наркотиков? Осмотрел собственные руки. По крайней мере, выглядел я нормально.

[Где ты?] — спросил я.

[На вершине какого-то демонического зиккурата.]

[Демонический зиккурат. Это неправильно сразу на нескольких уровнях.]

Ана не засмеялась, что в таких обстоятельствах было, пожалуй, предсказуемо.

[Тот, у которого кровавый эскалатор, или другой?]

[У которого кровавый эскалатор, точно.]

Я начал спускаться в город.

[Я иду тебя спасать,] — сказал я. [Держись.]

Ответа не последовало, что тоже имело смысл.

Я отломил ветку от одного из деревьев с черепами — процесс жуткий, но в итоге обошедшийся без происшествий. Ветка всё равно оказалась бесполезной. Интерес теней ко мне был меньше нулевого. Это было кстати, поскольку палкой явно не причинишь им вреда. Некоторые проходили прямо сквозь меня. Я не чувствовал ничего. Единственный момент паники — внезапное шипение у ног. Я замахнулся на то, что принял за змею, и лишь чуть-чуть не попал по существу, больше напоминавшему позвоночник с черепом на одном конце. Оно уползло прочь, шипя и бранясь. Ацтекская мифология — полное дерьмо. Я вдруг начал лучше понимать Эрнана Кортеса.

Вторая проблема — как взобраться на пирамиду. Восходящее Имя не работало, а по ступеням непрерывно текла кровь. Я обошёл вокруг и нашёл другую лестницу. Выглядела получше. Опираясь на ветку как на посох, я полез вверх.

На вершине пирамиды располагалась площадка для игры в мяч, а посреди площадки стояла Ана. Я бросился к ней и обнял. Она обняла меня в ответ.

Тут какой-то туман или морок рассеялся, и я увидел Властелина Наркотиков.

Я ожидал чего-то ужасного — страшнее позвоночника-змеи, — но он был скорее человекоподобным. Около шести футов ростом. Кожа бледно-зелёная, как мякоть кактуса, с крошечными шипами. Две широкие руки — как ветви кактуса. Лицо большое и круглое — как кактусовый «бочонок». На нём было простое коричневое пончо, но держался он по-царски, а в глазах поблёскивали золотые крапинки. Он сидел в кресле-качалке и раскачивался, держа в руке деревянную трость.

— Добро пожаловать, — сказал он с аристократическим испанским акцентом. Я никак не мог понять, почему не увидел его раньше. Может, он умел появляться и исчезать по желанию? Может, всё это был его сон, и он полностью управлял тем, что мы видим? Как бы то ни было, моим шансам вступить с ним в бой при помощи

ветки от дерева с черепами и нуля Имён это не сулило ничего хорошего.

— Я пришёл, — сказал я ему. — Теперь ты обязан её отпустить. Ты обещал.

Властелин Наркотиков улыбнулся.

— Много лет назад, — сказал он, — я наблюдал, как теотиуаканцы приносили пленников в жертву Богу Солнца, чтобы дать ему силы в борьбе с Богиней Ночи. Порой войны шли неудачно, и пленников не было. Тогда один из жрецов Теотиуакана сам делал шаг вперёд, чтобы спасти положение.[508]

Он сделал паузу, проверяя, оценил ли я каламбур.[509] Признаться, оценил.

— Ты, — сказал Властелин Наркотиков, — напоминаешь мне одного из этих жрецов. Это достойно восхищения. Но для тебя — плохо.

— Я всего лишь сказал, что приму наркотики. Я не говорил, что буду с тобой сотрудничать.

На широком лице Властелина Наркотиков снова мелькнула улыбка.

— Я и не сказал, что тебе придётся.

— Я даже не знаю Имени, — сказал я. — Мы его забыли. Оба. Верь или нет — мне всё равно. Это правда.

— Да, — сказал Властелин Наркотиков. — Я уловил это из мыслей Аны. — После того как она обняла меня, Ана застыла в каком-то оцепенении. Я подозревал, что с её разумом случилось что-то плохое. — Мне придётся извлечь его из того места, куда оно исчезло. С двумя людьми это будет проще, чем с одним.

И тут он оказался у меня в голове. Я чувствовал его как ветер, что скоблил мои мысли и обдирал меня до костей, так что казалось — в итоге от меня останется один позвоночник-змея. Он отметал всё, чем я пытался отвлечься, а мои попытки направить ход собственных мыслей отбрасывал, словно тростинки. Он нацелился на Животворящее Имя.

На мгновение я вырвал у него контроль над собственным сознанием и вернулся на площадку. Он стоял прямо передо мной — одна широкая зелёная рука на моём лбу,

другая всё ещё держала трость, служившую ему опорой. Я бросился на него с веткой; он выбил её у меня из рук. Я ударил его кулаком в лицо. — Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай! — заорал я. Бить кулаком существо из кактуса было *худшей* идеей на свете.

Потом он снова оказался внутри, нащупывал Животворящее Имя, и я ничего не мог сделать. Всё ближе и ближе, петляя сквозь мои воспоминания. Сознания оставалось недостаточно, чтобы сопротивляться или хотя бы связно думать, но и не настолько мало, чтобы не ощущать это вторжение на каком-то глубинном уровне.

Теперь он был в нужной части моего мозга. Я это чувствовал.

РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН — извлёк он из меня, словно пинцетом. МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА. Что-то инстинктивное во мне захлопнулось как медвежий капкан, но он не обратил на это никакого внимания. КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР…

Второй раз я вырвался и побежал. Побежал к краю площадки — и обнаружил, что лестница на пирамиду движется, извиваясь змеёй, — так быстро, что ноге не найти опоры.

Властелин Наркотиков подошёл ко мне неторопливо, как к заблудшему щенку. Ана последовала за ним. Мы втроём стояли у края и смотрели на Теотиуакан внизу. С этой точки я видел, что архитектура города воспроизводит некоторые из глифов «Малого ключа Соломона».

— Красивый город, не правда ли? — спросил Властелин Наркотиков. Он прижал широкую руку к моей спине, отрезав всякую надежду на побег. — Я его построил. Давным-давно. Пришёл сюда из далёкого края и нашёл людей, живущих в глиняных хижинах. Я вошёл в кактусы, а кактусы вошли в людей, и они научились у меня новому. Я был Кетцалькоатлем — пернатым змеем, Тескатлипокой — дымящимся зеркалом, Уицилопочтли — колибри-левшой.[510] Я строил, что хотел, — пока Уриил не закрыл врата, питавшие меня, — а теперь, когда врата открыты, я снова буду строить.

[Ана, есть идеи?]

[Думаю, мы давно миновали точку, где у нас вообще был какой-то выбор.]

И вот он снова у меня в голове — прямо с того места, на котором остановился, как пёс, роющий яму и разбрасывающий землю во все стороны. ГАЛИСДО — извлёк он из моего разума. ТАХУН. Внезапно мы снова оказались на краю, Властелин Наркотиков поднёс руку к глазам козырьком и смотрел вниз на город.

По Проспекту Мёртвых в одиночку шла фигура. Высокая, стройная. Очень быстро. На наших глазах она достигла подножия пирамиды. Не стала обходить кругом — просто начала подниматься по лестнице, шагая сквозь кровь, будто её и не было. Лицо обрело чёткость.

— Джейн! — закричал я.

И вот она уже с нами на площадке. На секунду мы все уставились друг на друга, оценивая обстановку. Я. Джейн. Властелин Наркотиков. Ана.

— Отпусти их, — сказала Джейн, — или я сделаю то, что делал мой отец.

Я был знаком с историями о Гершеле Острополере. Ана была знакома с историями о Гершеле Острополере. А это, как я понял, значило, что теперь и Властелин Наркотиков был с ними знаком. Что делало этот блеф несколько неубедительным. Так и вышло: Властелин Наркотиков поднял колючую руку и направил её на Джейн. Невидимая сила хлестнула её, с мощью товарного поезда швырнула с пирамиды и впечатала в каменную улицу внизу.

— Смертные, — произнёс Властелин Наркотиков с пренебрежением.

Собрав все силы, я бросился на Властелина Наркотиков и пнул его прямо в живот. Конечно, шипы пробили подошву и вонзились в ногу, я упал и скорчился от боли.

— Ай! — сказал я. — Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай! — Властелин Наркотиков смотрел на меня с озадаченным видом, улыбка по-прежнему играла на его губах. Ана закрыла лицо ладонями.

— Аарон, — сказал Властелин Наркотиков. — Успокойся, перестань дёргаться. Ещё секунда — и больше никому не придётся умирать.

Он потянул руку к моей голове.

Потом что-то двинулось у него за спиной, и Властелин Наркотиков резко обернулся. С дальнего конца площадки к нам шла Джейн. На ней по-прежнему были чёрная кожаная куртка и чёрные кожаные брюки, но в длинных чёрных волосах теперь пролегали белые пряди, в глазах мерцало серебро, а лицо выглядело… иначе? Как-то счастливее? Теперь я знал, кто она такая. В её руке был огромный меч — такой огромный, что по всем законам она не должна была бы его удержать. Раньше его определённо не было. — Отпусти их, — сказала Джейн, — или предупреждаю: *я сделаю то, что делал мой отец.*

Впервые я увидел, как с лица Властелина Наркотиков сошла маленькая улыбка.

— Прочь, смертная! — приказал он, и волна огня и ветра обрушилась на неё.

Но Джейн подняла руку — и атака растворилась. — Смертная? — спросила она. — *Ты* называешь *меня* смертной, разросшийся сорняк? — Огонь проходил сквозь неё и вокруг неё так же беспрепятственно, как воздух. — Я рождена из неба и света. Я — конец всему сущему, прекрасный и огненный. Я — *Дитя Кометы*. И если ты не отпустишь этих двоих, то, видит Бог, Я СДЕЛАЮ ТО, ЧТО ДЕЛАЛ МОЙ ОТЕЦ!

Властелин Наркотиков помолчал, собрался с мыслями.

— Цзиньсян Вест, — произнёс он. — Простите. Я не узнал вас, когда вы не кричали. — Он выставил трость перед собой как оружие, и тут я впервые разглядел странные идеографические знаки, выжженные на её поверхности. Но Джейн держала перед собой великий меч Вздох, и они начали кружить друг вокруг друга — осмотрительно, настороженно.

То, что произошло дальше, было странным — такого я никогда не видел человеческим взором. Может, что-то перетекало ко мне от Властелина Наркотиков; может, это была особенность этого места. Джейн каким-то образом

взяла *Teotihuacan*, отсекла начало *Teotih* и сопоставила его с ивритским *ТОТАКН* — «пушка». И выстрелила из этой пушки в Властелина Наркотиков. Властелин Наркотиков подхватил оставшееся полуслово *Huacan* и сопоставил его с ивритским *HACHAN*, которому приписал значение «грациозность», — и грациозно уклонился от снаряда.[511]

Джейн подхватила *HACHAN* и переиначила его в *NUACH* — «отдыхать, покоиться», — а затем, потянув за слово, вытянула из Властелина Наркотиков силы. Тот взял произношение *Huacan* и превратил его в английское *WAKEN* — «пробудиться», — восстановив силы. Они настороженно кружили, выжидая удобный момент.

— У меня есть твоё Истинное Имя! — сказала Джейн. — В стародавние дни ты был ангелом! У меня есть твоё Истинное Имя! Ты пал с небес, когда Сатаниил ещё был чист! У меня есть твоё Истинное Имя! Ты строил Вавилон, когда люди были юны! У меня есть твоё Истинное Имя! Ты изобрёл алкоголь, чтобы держать людей в покорности! У меня есть твоё Истинное Имя! Король Комет знал всех ангелов и доверил мне их тайны! У меня есть твоё Истинное Имя! Ты — Самьязаз, первый из Стражей! Освободи пленников, или *я сделаю то, что делал мой отец!*

Властелин Наркотиков покачнулся у края площадки, но не отступил. Вместо этого он выхватил T, O и вторую T из начальной части слова *Teotihuacan*, составив *ТОТ* — немецкое слово «мёртвый», — и попытался нанести Джейн смертельный удар. Джейн взяла C, H, A и I из того же слова, составив *CHAI* — ивритское «живой», — и отразила атаку. Потом взяла оставшиеся буквы NAUE, переставила их, преобразовала U в M, получила *NAME* и произнесла Громовое Имя. Молния ударила Властелина Наркотиков прямо в кактусовую голову. Он вспыхнул и в считанные секунды сгорел дотла. Не помогло. По другую сторону от неё тут же возник новый аватар Властелина Наркотиков и бросился на неё с тростью. Джейн едва успела парировать.

— Собрался от меня прятаться? — крикнула она ему. — Если нужно, я разнесу это измерение на куски! Сдавайся!

[Аарон,] — сказала Ана. [Кажется, у меня есть план. Отдай мне Животворящее Имя.]

[Что? Зачем?]

Властелин Наркотиков пытался переставить буквы слова *NAME*, которым владела Джейн, в *MANE* — форму, которую он связал с латинским *manes*, «духами умерших». И небезуспешно: духи умерших с улиц города уже слетались ему на помощь, роем окружая Джейн; она рубила их волшебным мечом, но противники, похоже, немного превосходили её числом. Она попыталась рывком вернуть слову вид *NAME*, но Властелин Наркотиков держал крепко.

[Послушай, я понимаю, это безумие. Но Властелин Наркотиков у меня в голове. А значит, и я у него. Ты тоже это почувствуешь, если пробудешь здесь немного дольше. Мы вообще не должны были попасть в это царство, сохранив себя целиком: нам полагалось стать манами — духами умерших, как все остальные. Он оставил нас целыми, чтобы добыть Имя. Но я начинаю… знать то, что знает он. Это измерение. Оно — часть его разума. Но не только его разума. Он его построил. Если я смогу вдохнуть в него душу, оно станет отдельным от него — и само утащит его. Я думаю, остатка слова *NAME*, созданного Цзиньсян, как раз хватит.]

[Это самая безумная идея из всех, что я когда-либо слышал, — а ведь именно моя безумная идея завела нас в эту передрягу.]

[Я понимаю, это кажется нелепым, но я это вижу. Именно об этом он сейчас думает. Он этого смертельно боится.]

[Я даже не знаю Имени!]

[И ещё. Я вижу, как он собирается составить его из двух наших ошибочных восстановлений. Думаю, я могу сделать то же самое.]

Перетягивание каната Джейн и Властелина Наркотиков вокруг слова *MANE* разнесло его на тысячу *AMEN*[512].

Джейн попыталась сложить *SHEM* — ивритское слово «имя», — превратив S в SH, но маны не желали слушаться. Она поморщилась и порубила их мечом в куски, а Властелин Наркотиков едва не выбил её из равновесия.

[Ана, это самое безумное, что я когда-либо слышал, если серьёзно. Не говоря уже о том, что, если я скажу тебе Имя, Властелин Наркотиков — который наверняка подслушивает — тоже его услышит.]

[Властелин Наркотиков не может сам произносить Имена. Ему пришлось бы найти человека, который сделает это за него. Если Цзиньсян успеет его убить раньше…]

[Убить Властелина Наркотиков невозможно!]

[Аарон. Пожалуйста. Ты мне доверяешь?]

В порыве отчаянного озарения Джейн упала на колени и коснулась площадки, вызвав суть древней мезоамериканской игры в мяч. Из первых двух и последних двух букв слова *MESOAMERICAN* она получила *MEAN*, переставила их в *NAME* и снова применила Громовое Имя к Властелину Наркотиков. Ещё одно тело исчезло. Через секунды возникло новое. Но на этот раз она была готова. Она бросилась на него с мечом Вздох. Теперь они дрались физически — меч против трости.

[Я доверяю *Ане*,] — сказал я. [Но я только что понял: многое объяснялось бы проще, если бы этот голос на самом деле был Властелином Наркотиков.]

[Аарон!] — взмолилась она. [Пожалуйста! Косатка завета! Шаббатылконосый дельфин! Ламантин ламантинов, всё — ламантин!][513]

[Первый ты уже использовала раньше. Второй ужасен. А третий вообще не про китов.]

[Это про морских млекопитающих!] — подумала Ана. В этом чувствовался оттенок отчаяния.

[Не можете служить Богу и маммонту,] — процитировал я в ответ.

[Аарон, пожалуйста! Это серьёзно! Мы познакомились ночью, когда я стояла на лестнице, а ты работал в «Деньги за Бога»! Когда ты сказал, что любишь меня, я заставила тебя съесть перец хабанеро! В последний раз,

когда мы разговаривали, ты был в гостинице и сказал, что ходил на каяке с симпатичной девушкой!]

[Всё это Властелин Наркотиков мог бы знать, если читал твои мысли.]

Джейн откуда-то вытащила ещё одно Имя и применила Имя Лавины, пытаясь обрушить пирамиду. Куски откалывались, но в целом она держалась. Властелин Наркотиков пытался созвать ещё больше серых призрачных духов.

[Что бы я ни сказала, Властелин Наркотиков мог бы это знать, прочитав мои мысли! Я могла бы рассказать о своих самых сокровенных привязанностях и страхах, о том, как много ты для меня значишь, что я чувствовала, когда сказала, что иду тебя спасать. Я могла бы прочитать тебе лекцию о теодицее, сказать вещи, настолько характерные для меня, что никто другой в мире их бы не придумал. И ты всё равно мог бы сказать, что Властелин Наркотиков читал мои мысли, управлял моим сознанием в своих целях или вовсе его захватил. Согласна. Я ничего не могу доказать. Иногда нужно просто верить. Моё имя — Ана Тёрмонд, и я твоя подруга. Ты настолько мне доверял, что пожертвовал всем ради того, чтобы прийти сюда. Прошу, доверься мне сейчас.]

[Я поверю тебе,] — подумал я, [если ты ответишь на один вопрос.]

[Какой?]

[Ана ба'эй мишаль б-шламек?][514] — спросил я.

[Что?]

[Простой вопрос, Ана. Ана ба'эй мишаль б-шламек?]

[Аарон. Пожалуйста. Я не знаю, что ты задумал. Но тебе нужно мне доверять.]

[Ана ба'эй мишаль б-шламек?]

[Прости, Аарон. Я не понимаю, что ты имеешь в виду.]

Площадку захлёстывали тени. Джейн пыталась сплести из каббалы хоть что-нибудь, но Властелин Наркотиков отвечал на каждое её движение и распускал её плетение прежде, чем оно успевало подействовать.

[Самьязаз,] — сказал я. [Ты так старался. Ты почти убедил меня. И почему бы нет? Всё, что может думать Ана,

ты можешь думать. Всё, что она может чувствовать, ты чувствуешь. И что такое мы, люди, спросил ты себя, — как не пучки мыслей и чувств? Как легко сыграть любого из нас. Как легко нами манипулировать. Что ж, может быть. Но есть одна вещь, которой тебе никогда не сделать. Есть одна сторона человеческой природы, которую законы самого Бога запрещают тебе скопировать, как бы ты ни старался. Ты забыл об одном, Самьязаз. А именно о том, что — АНГЕЛЫ НЕ ПОНИМАЮТ АРАМЕЙСКОГО!]

Я схватил ветку с земли и ударил Ану изо всех сил. Одновременно я собрал всю свою ярость, всю любовь к Ане и весь гнев на того, кто осмелился причинить ей вред, и выплеснул это через телепатический канал — вопль ненависти и неповиновения, обращённый в оружие.

И на долю секунды Властелин Наркотиков отвлёкся.

И в эту секунду Джейн распутала каббалистические узлы, разбила *MANES*, использовала алеф как знак божественного, преобразовала M в W, а затем в вав — и получила *V'NES*, וְנֵס: «И чудо…»

И чудо свершилось. Меч засиял белым священным огнём, и Джейн вонзила его в Властелина Наркотиков. Удар достиг цели. Не смертельный. Но обездвиживающий. Человек-кактус опустился на колени.

— Итак, — сказала Джейн. — Освободи своих пленников. Или клянусь Богом: *я сделаю то, что делал мой отец.*

— Пленники ваши, — произнёс Властелин Наркотиков, и его тело начало таять. *Всё* начало таять. Яркие краски Теотиуакана поблекли, тени задрожали и стали гаснуть, камни, которыми был вымощен Проспект Мёртвых, начали оплывать.

Я почувствовал присутствие у себя в голове.

[Ана?]

[Аарон, ты такой идиот, я *не могу* поверить, что ты собирался погубить всё, лишь бы прийти меня спасти, я так злюсь, и если ты будешь рассказывать об этом через годы — даже *не смей* говорить, что чувствовал, как к этой злости примешивалась нежность, потому что это *просто злост*ь, и Властелин Наркотиков мог бы добыть Имя, и ты мог бы погибнуть, и…] Неловко признавать, но

через телепатический канал я ощущал, что к злости действительно примешивалась нежность. И я сразу понял, что это настоящая Ана. Странно это говорить, но если бы именно эта Ана разговаривала со мной на вершине пирамиды, я доверял бы ей безоговорочно.

[…и если я когда-нибудь скажу каламбур таким же ужасным, как «шаббатылконосый дельфин», — просто считай, что мной снова завладел Властелин Наркотиков.]

[Ана ба'эй мишаль б-шламек?]

[Нормально. Немного вымотана, и, думаю, мне нужно будет долго спать, но в целом нормально. И спасибо, что спросил. Правда.]

Я попытался передать ей, где нахожусь и что происходит, но меня буквально вытряхнули из транса.

— Аарон! — говорила Джейн. Это она меня трясла. — Где ты? Физически. В Лас-Вегасе. Где твоё тело?

Я замешкался. Она — Дитя Кометы. Что-то первобытное во мне рвалось подчиниться. С другой стороны, я наконец был свободен. Я мог сбежать из Лас-Вегаса, сбежать из Невады, найти книги по исправлению ошибок Имён — всё ещё могло пойти по плану.

— Очнись! — сказала она. — Я не знаю, где ты, но *он* знает. — Она произнесла это *он* так, будто я должен был знать в точности, о ком речь. — Другой Король. У него есть шпионы в разуме Властелина Наркотиков. Он знает всё, что происходит. Он ищет тебя прямо сейчас. Поверь, ты не хочешь, чтобы он тебя нашёл.

— Блядь, — сказал я, потому что это имело смысл. — Джейн, как ты вообще здесь оказалась?

— Было слишком опасно позволять тебе выбалтывать Властелину Наркотиков все свои секреты, поэтому я тоже приняла пейот. Итак, *где твоё тело?* Говори немедленно, иначе Другой Король найдёт тебя раньше меня.

— Как ты вообще так быстро раздобыла пейот?

— Это Лас-Вегас, идиот. Думаешь, здесь так уж трудно найти дилера? *Говори, где ты оставил своё тело.*

Галлюцинаторный пейзаж начинал растворяться. Пирамиды Теотиуакана рушились.

— Я на вершине башни Трампа, — сказал я.

— Оставайся там, — сказала Джейн, и её образ растаял.

Глава 39

Грозный образ

Положение Тиферет в самом центре — между Кетером и Йесодом — указывает многим каббалистам на то, что она — своего рода «преобразующая» сефира между формой (Йесод) и силой (Кетер). Иными словами, всё, что пересекает срединный путь через Тиферет, претерпевает обращение полярности.
— Реб Вики[515]

Вечер, 13 мая 2017 года
Панама

I.

Ана застонала и нехотя пришла в себя. Джеймс слегка тряс её.

— Очнулась? — шепнул он.

Во рту было сухо, как в пустыне. Мышцы ныли. Она попыталась встать и обнаружила, что привязана к кровати.

— Что происходит? Отпусти меня!

Джеймс виновато посмотрел на неё и принялся развязывать верёвки.

— Долгая история. Эдгар Крейн прижал одного из наркоманов на корабле, сообщил Властелину Наркотиков, что на борту Симеон Азор, и предложил подмешать ему дозу в обмен на помощь в возвращении Рено. Властелин Наркотиков заинтересовался, решив, что Азор знает тайные Имена. Он дал Крейну несколько пейотных «пуговок»[516], тот подсыпал их в суп за ужином. Я в это время

был на совещании с Джоном и капитаном, и на ужин мы опоздали, а на Амоксиэля наркотики не действуют. Так что дозу получили только ты, Азор, Хоуп, Томас и Лин. Завязалась потасовка. Амоксиэль, когда хочет, бывает страшен. Теперь Крейн мёртв. Джон тяжело ранен. Но Властелину Наркотиков захватить корабль не удалось. В итоге он отступил, а мы связали остальных, чтобы они не навредили себе, пока не отойдут от наркотика. Когда мы попытались связать тебя, ты заявила, что если мы к тебе прикоснёмся, прыгнешь за борт и утонешь. Пришлось оставить тебя в покое. Примерно через час ты перестала сопротивляться и просто уснула — тогда мы тебя и привязали. — Он распутал последнюю верёвку и поднял Ану с кровати. — Всё нормально?

Она потёрла лицо.

— Да. Вообще-то даже неплохо. Видела… одного друга.

Джеймс приподнял бровь.

— Лучше поднимайся наверх. Там становится интересно.

Действительно, становилось интересно. Холмы Нижней Калифорнии уступили место буйным джунглям.

— Где мы? — спросила Ана.

Вся команда собралась на палубе. Капитан говорил редко, но уж если говорил, то всерьёз. Теперь он стоял перед ними и произнёс: — Джон умирает. Лин использовал на нём Статическое Имя и выиграл немного времени. Даю ему день-два, не больше. Нам нужно в Космический центр Кеннеди.

Лин, Амоксиэль, Томас обменялись красноречивыми взглядами.

— Через сутки будет запуск. На любом другом корабле это было бы невозможно. На «*Всем Сердцем*» мы успеем. Но только если пройдём через Канал.

Немедленный протест со всех сторон. Капитан ударил кулаком по столу и потребовал тишины. Потом: — Мы дали клятву!

Джеймс медленно кивнул.

— Это риск, — сказал он. — Но мы её дали. Мы дали клятву. Если не сдержим её сейчас, никто из нас не будет в безопасности.

— Он был для нас как отец, — сказал Лин. — Я могу использовать Ключи Канала. Это базовая плацебомантия. По крайней мере, если они сработают.

— Я понятия не имею, о чём вы говорите, — сказала Ана, — но, похоже, это что-то увлекательное.

II.

Десять лет назад, когда они впервые вышли из Пуэрто-Пеньяско на старом корабле Короля Комет, когда впервые задумали выследить Метатрона и взять его корабль на абордаж, Томас поднял вопрос, который вертелся у всех на языке. Попытка захватить судно с земным отражением Бога на борту может быть прибыльной, но разве это не сильно разозлит Всевышнего?

Поэтому они решили: если кто-то из них получит ранение при исполнении долга, вся команда сложится, чтобы доставить его на борт «Небесной Девы».

Ад видели все, у кого есть телевизор, но никто не знал, есть ли Рай. Они знали лишь, что в небе есть трещина и что Нил Армстронг прошёл сквозь неё, распевая хвалы Всевышнему.

Но никто никогда не знал, есть ли Рай, — и это не мешало им надеяться.

Взять, например, Ричарда Никсона. Ричард Никсон понимал, что традиционным путём в Рай ему, вероятно, не попасть, и потому воспользовался своим положением, чтобы достать билет на космическую капсулу и попасть туда напрямую. К несчастью для него, этой капсулой оказался «Аполлон-13» — и он рухнул обратно на Землю, прямо в объятия разъярённых избирателей. Но что, если в своей идее он всё-таки был прав?

В тридцать пять лет бизнесмен Ричард Брэнсон уже возглавлял Virgin Records, Virgin Communications, Virgin

Games и Virgin Atlantic Airways. То, в чём другие видели незыблемую волю Бога, он считал возможностью заработать. Он объединился с легендарным авиаконструктором Бёртом Рутаном и создал космический аппарат, способный доставить горстку счастливчиков прямо в трещину. Под «счастливчиками» подразумевались очень-очень богатые люди. Если с собой ничего не унесёшь, почему бы не отдать деньги тем, кто обещает обеспечить вечное блаженство в загробной жизни?

Так родилась «Небесная Дева». Иисус говорил: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие», — но ракетная техника за тридцать лет набила руку на работе с невероятно малыми допусками. Появились конкуренты — HeavenX, Blue Origen[517], — но если вы хотели лучших инженеров мира, которые точно прицелят вас в игольное ушко и гарантированно проведут сквозь него, вы подавали заявку в «Небесную Деву» — и никаких подделок.

Разумеется, находились люди, утверждавшие, что это буквально самое богохульное, что только можно придумать, — продавать богатым билеты в Рай, чтобы за грехи отвечали одни бедные. Но такие люди есть всегда. Ведь можно сказать, что иметь врачей неправильно — потому что у богатых появляется больше шансов пережить болезнь! Можно сказать, что и книжные магазины иметь неправильно — ведь богатые имеют преимущество в познании мира! Все важные — то есть богатые — люди с удовольствием не замечали этих брюзжащих нытиков[518], и когда «Небесная Дева» предложила выкупить Космический центр Кеннеди у сидящего на мели правительства Разъединённых Штатов, президент Рейган охотно согласился.

Когда капитан и его команда впервые угнали «*Всем Сердцем*», они поклялись друг другу: как только у них появятся нужные деньги, если кто-то из команды окажется при смерти, остальные сделают всё возможное, чтобы доставить его на мыс Канаверал — за билетом в лучшую загробную жизнь.

И вот теперь, когда жизнь медленно покидала Джона, корабль изменил курс и двинулся к западному входу в Панамский канал.

III.

Одна из самых известных фраз английского языка: «A man, a plan, a canal — Panama»[519].

Сравним её с тремя другими знаменитыми триадами. Все знают христианскую Троицу — Отец, Сын и Дух Святой. Но у буддистов есть схожее центральное понятие — Три Драгоценности: Будда, Дхарма и Сангха. Будда — просветлённое существо. Дхарма — нравственный закон, или закон природы, или долг; точного перевода одним словом нет, выбирайте сами. Сангха почти в точности соответствует «церкви» — не в смысле здания, а в том, в каком говорят о Католической церкви: это всё сообщество верующих.

У каббалистов есть своя триада: Высшая Триада первых трёх сефирот. Кетер — это трансцендентный небесный аспект Бога. Бина — совершенно восприимчивый сосуд, который иногда уподобляют матке. А Хокма уподобляется молнии — разряду, который берёт начало в Кетере и, ударяя в Бину, оплодотворяет её божественной сущностью.

В предложенной схеме все три триады прекрасно соответствуют друг другу. В каждой есть человеческий аспект: Сын, Сангха, Бина — ищущий ответы, но видящий величие Божьего замысла лишь несовершенно. В каждой есть невыразимый божественный компонент: Отец, Будда, Кетер — пребывающий в тайном порядке вселенной и видящий её во всей полноте. И в каждой есть сила, соединяющая первые два: Дух Святой, Дхарма, Хокма — потенциал единения человеческого и божественного.

Обычные смертные. Божественный порядок. Связь между ними.

A man. A plan. A canal.

А как же Панама? Представьте себе карту мистического тела Бога, наложенную на карту Западного полушария — потому что мы каббалисты и это далеко не самое странное, что мы делаем. Какие соответствия мы обнаружим?

Никаких, потому что мы забыли урок, который Уриил преподал Соху много лет назад: мы видим Бога лицом к лицу, а значит, наша левая сторона — это Его правая, и наоборот. Итак, накладываем мистическое тело Бога на Западное полушарие и зеркально отражаем его относительно вертикальной оси. И что же?

Кетер — сефира, соответствующая невыразимой короне Бога, — ложится на Северный полюс, необитаемую корону мира. Малхут — сефира, соответствующая стопам Бога, — ложится на Патагонию, чьё название, по популярной, но спорной этимологии, значит «земля больших ног» (не спрашивайте меня, спрашивайте ранних испанских мореплавателей).[520] Центр Малхут, соответствующий миру Асия, приходится на аргентинский город Ушуайя; в английской записи *Ushuaia* и *Assiah* выглядят похоже, хотя происходят из разных языков.[521] Чуть ниже Малхут — царство Дьявола; чуть ниже Патагонии — мыс Горн.[522]

Соответствие найдено — двигаемся дальше.

Хокма олицетворяет нисходящее Божественное знание, дух пророчества; она ложится на Джуно, Аляска. Имя Бога, соответствующее Хокме, — Ях; значит, название города превращается в каббалистический каламбур «Ях знает»[523].

Бина — восприимчивый разум в процессе обретения понимания. Она ложится на Бостон — родину Гарварда и МТИ.

Хесед, олицетворяющий любящую доброту, ложится на залив Сан-Франциско, что перекликается с нашими прежними рассуждениями о святом Франциске, движении хиппи и Калифорнии как средоточии положительных эмоций. Хесед нередко считают правой рукой Бога; связь этого символа с Сан-Франциско через Пс. 88:14 нам уже известна.

Гевура, олицетворяющая закон и справедливость, ложится на руины Вашингтона, округа Колумбия. Это левая рука Бога, держащая карающий меч.

Нецах олицетворяет стойкость и вечность — совсем как медлительные, но упорные и долгоживущие черепахи, давшие название Галапагосским островам.

Ход олицетворяет великолепие, бесчисленные формы, бурно оживающие, — и ложится прямо в центр Амазонии.

Йесод — это взаимосвязанность и общение; он также ассоциируется с серебром и луной. Он ложится на регион Рио-де-ла-Плата в Аргентине, связанный с сетью рек и названный «Серебряной рекой» из-за ранних легенд о серебре, а не подтверждённых залежей под землёй.[524]

Но я заговорил об этом потому, что в самом центре Древа находится Тиферет — Сердце Бога, Сефира Чудес. Она стоит в центре Древа Жизни и соединяет две половины мистического тела, соединяет всё со всем. Не просто соединяет, но и отражает всё сущее: зеркало, которое преображает и являет всё, что перед ним предстаёт. И это зеркало ложится точно на Панамский канал. Центр всей системы. Ключ к тайне.

A man. A plan. A canal. Panama.

IV.

Панама-Сити знавал лучшие времена. Недостаточно близкий к Мексике, чтобы Властелин Наркотиков его захватил и взял под контроль, и недостаточно далёкий, чтобы вовсе уберечься от его набегов, он превратился в жалкое государство-данник. Закрытие канала стало последним ударом, и большинство жителей вместе с богатствами города устремились на юг — в Светлейшую империю Дарьенского пробела[525]. Теперь небоскрёбы походили на гнилые деревья в засуху, предостерегая всех, кто проплывал мимо.

«*Всем Сердцем*» не обратила на это внимания и скользнула под мостом Америк, оказавшись лицом к лицу со шлюзами Мирафлорес.

Трещины в небе нарушили нормальную работу шлюзового механизма. Ещё несколько лет панамцы поддерживали его на ходу, но за каналом закрепилась зловещая слава, и движение судов сошло почти на нет. Когда панамцы наконец оставили канал в ходе общего отступления на его южноамериканский берег, шлюзы бросили гнить. Теперь они стояли неподвижными стенами, преграждая кораблю путь.

У Лина был план.

— Мы знали, что этот день придёт, — сказал он. — Я, Джеймс и капитан давно готовились к переходу через Канал, хотя всегда надеялись, что этого не понадобится. — Он вытащил свиток. — Движущее Имя.

Ана скептически поджала губы.

— Применить его к шлюзам? Там, наверное, сотни подвижных деталей. Если просто выпустить Имя наугад, шансов попасть во что-нибудь полезное практически нет.

Лин кивнул.

— *Практически* нет. Между «практически нет» и «совсем нет» — огромная разница, и именно тут в дело вступает плацебомантия. Ключ — в ключе. — Он показал Ане катушку со свитком. С одной стороны к ней был прикреплён большой стеклянный ключ. — Мирафлорес, именем Рахава, ангела пучин[526], откройся для меня!

Затем он указал на шлюзы и оторвал от катушки свиток с Движущим Именем.

Шлюзы со скрипом открылись.

— Как ты это сделал? — спросил Симеон.

— Когда мы с капитаном посовещались, всё оказалось очевидным, — ответил Лин с улыбкой. — Как открыть замок? Ключом. Как открыть шлюз, который по-английски тоже называется *lock*, хотя это не замок, а часть водного пути? Метафорическим ключом: по-английски *key*, а *Keys* — ещё и острова, связанные с мореплаванием. Вот

песок с островов Флорида-Кис, переплавленный в стекло и отлитый замочниками Сан-Франциско в форму ключа.

— Это очень остроумно — и при этом глупее я в жизни ничего не слышала, — сказала Ана.

«*Всем Сердцем*» двинулась вперёд. Оторвав от катушки с ключом ещё один свиток, Лин закрыл шлюзы и открыл противоположную сторону. Теперь они были в озере Мирафлорес.

— Думаешь, всё? — спросил Симеон Азор, достаточно оправившийся, чтобы выйти на палубу и наблюдать за продвижением корабля. — Один остроумный каламбур — и мы можем покончить с двадцатилетним невезением при проходе через Канал? Сомневаюсь, что всё окажется так просто. Вспомни: даже когда шлюзы исправно работали, корабли не проходили. Переход не работает как следует с тех пор, как треснуло небо.

Они без затруднений вошли в шлюзы Педро-Мигель.

— Проблема в каббале, — продолжил Симеон. — Мы идём с западного побережья на восточное напрямую, прямо через Тиферет. От Столпа Милосердия к Столпу Суда. Мы совершаем обратное преобразование божественной природы. Не думаю, что остатки механизма вселенной нам в этом помогут. Думаю, они нас перекорёжат.

Ещё один поворот плацебомантического ключа Лина — и они вышли из шлюзов Педро-Мигель на Кулебра-Кат[527], прямую как стрела выемку, где канал рассекал горный хребет насквозь.

— Я разделяю глубокую тревогу Азора, — произнёс Амоксиэль. — «Небесные силы слабеют и меркнут,
Для смертных слишком тонки, чтоб постичь.
Грядёт великое обращенье».

— Меня и самого, похоже, начинает пошатывать, — сказал Джеймс. — Думаю, виновата жара, но не уверен. Может, нам стоит ненадолго остановить корабль, осмотреться?

— Мне тоже немного нехорошо, — сказал Лин, — но если с каналом что-то не так, здесь, у центра, это, наверное, сильнее всего. Лучше дать полный ход к Атлантике,

чем сидеть и ждать, пока оно нас накроет, — тем более что Джон в таком состоянии. А как вернёмся на корабль, выпьем холодной воды.

— Вернёмся на корабль? — переспросил Джеймс.

Вдруг Лин исчез.

— СТОП МАШИНА! — крикнул Джеймс. — Зову капитана! Остальные — оружие к бою! Каббалисты — приготовить Имена! — И он бросился вниз.

Томас выхватил пистолет. Ана произнесла Пуленепробиваемое Имя. Она поддразнила Азора.

— Будешь меня пилить, что я делаю это без лицензии UNSONG?

— Ты не из UNSONG, — ответил Азор. — Ты слишком добрая.

— Не о том я, — сказала Ана и тут заметила его отсутствующий взгляд. Что-то его *забирало*. — АМОКСИЭЛЬ! — закричала она. — Томас! С Азором что-то не так!

Амоксиэль парил в нескольких футах над палубой. Потом рухнул, по-видимому, в полусне. Томас уже лежал на досках, и у него, похоже, был какой-то припадок.

Ана произнесла Освящающее Имя, благословив округу. Воздух стал прохладнее и чище, но никто не поднялся. Она произнесла Являющее Имя, чтобы раскрыть скрытые угрозы, — но ни одна не проявилась. Она произнесла Пробуждающее Имя, попытавшись привести в чувство Амоксиэля, — но, хотя толчок энергии и прошёл сквозь неё, Амоксиэль так и не очнулся.

Она сбежала вниз в каюты. Джеймс лежал на полу прямо перед рубкой. Капитана в штурманской не было. Важнейшее правило на корабле — *никогда* не входить в капитанскую каюту без его разрешения, которого он никогда не давал. Но открыть дверь технически не значило нарушить правило. Она распахнула её и обвела взглядом помещение. Никого. Койка, стол, санузел. С порога она видела не всё, но спрятаться человеку капитанских габаритов здесь было негде — даже если бы он захотел. Капитан пропал. Она проверила рубку. Там тоже никого.

Кто вёл корабль?

Она выбежала наверх. Корабль никто не вёл. Он просто продолжал двигаться по прямой. Слава Богу, что Кулебра-Кат такой идеально прямой. Но скоро они доберутся до участка Гамбоа и врежутся в стенку канала.

Хорошо. Без паники. Думать. Три вещи, которые нужно сделать. Выяснить, в чём опасность. Посмотреть, можно ли поднять упавших — или найти тех, кто пропал. Управлять кораблём.

Она хотя бы отдалённо представляла, как выполнить лишь одно из этих трёх дел, — поэтому и бросилась обратно в рубку.

Она немного надеялась, что всё окажется просто: большой штурвал и, может быть, инструкция «Как управлять кораблём» рядом. Но там было лишь множество рычагов и какое-то устройство — наверное, своего рода штурвал, только куда сложнее автомобильного. Целый набор датчиков, и все сломаны, кроме радара, который каждые несколько секунд выдавал ПИНГ.

Осторожно, только для пробы, готовая тут же вернуть его назад, едва что-нибудь почувствует, она повернула штурвал.

Либо она крутила не так, либо он был сломан.

Ладно. Управление кораблём — пока в сторону. Выяснить, в чём опасность. Руки дрожали. Все остальные пропали или лежат без сознания. Она одна осталась. Почему она не мертва и не без сознания?

ПИНГ выдал радар. Почему из всего на корабле продолжает работать именно он?

Стоп. Нет. Две вещи продолжали работать. Радар. И *она*. Почему *она* продолжала работать? Почему все остальные упали? Почему Лин исчез? *Думай, Ана, думай!* Думай как каббалист! Это Тиферет, Сефира Чудес, место, где встречаются верхний и нижний миры, где соединяются левое и правое, центр всего замысла. Думай как каббалист!

И тут: — О нет. Это ещё глупее, чем история со шлюзами.

V.

Ана стояла на юте — по-английски *poop deck*. Термин она помнила лишь смутно: так называется приподнятая площадка на корме. На «*Всем Сердцем*» был *poop deck*. Это было важно.[528]

Как только она перетащила товарищей, упавших там, где их застигло, на ют, им стало лучше. Судороги прекратились. Дыхание выровнялось. Они не пришли в сознание, но больше не выглядели умирающими. Она пыхтела от усилий, волоча последнего — Томаса — через единственную ступеньку. Джеймс и капитан были внизу; там помочь им было невозможно.

Как это было глупо. Но по-своему имело смысл. Это Тиферет. Она обращает полярность сил, которые в неё входят. Бог Един и Имя Его Едино; на достаточно высоком уровне абстракции мы все едины со своими именами. Обрати имя — и получишь… ну, разное. Обрати имя *Lin* — получишь *nil*, «ничто». Обрати имя большинства людей — получишь бессмыслицу. Обрати имя *Ana* — и не произойдёт ровно ничего.

Проблема в том, что теперь почти всё на корабле стало каббалистической бессмыслицей. Экипаж, капитан, рулевая система… Особенно рулевая система. Сломана и бесполезна. Как только корабль достигнет конца Кулебра-Ката, он ударится о стенку канала, и им всем придёт конец.

Она бросилась обратно в рубку и изо всех сил дёрнула рулевой механизм. Бесполезно. Нажала все кнопки, какие только пришли в голову. Ни одна не работала.

Она вернулась на палубу, прихватив бинокль Джеймса. Посмотрела вперёд. Там, всё ближе и ближе, надвигался поворот Гамбоа.

Она взвешивала варианты. Прыгнуть с корабля и доплыть до берега. Тогда все остальные погибнут, а она застрянет в Центральной Америке и, возможно, её съедят пираньи. Вернуться в рубку и нажимать ещё кнопки. Или…

Ана Тёрмонд сделала нечто совершенно ей несвойственное. Она упала на колени и начала молиться.

— Господи, — сказала она. — Я специалистка по теодицее и должна лучше других понимать, что на молитвы Ты в действительности не отвечаешь. И большую часть жизни я отпускала глупые шутки о Торе и пеняла Тебе за то, что Ты позволяешь злу существовать. А теперь я с людьми, которые хотят захватить Твой корабль и донимать Тебя. Так что, э-э, вот. Но. Ну…

Беда с теодицеей в том, что, когда её знаешь, молиться очень трудно. Нельзя сказать: «Я в беде, пожалуйста, помоги мне» — потому что знаешь: многие люди были в беде и всё равно погибли. Нельзя сказать: «Я была хорошим человеком, помоги мне» — потому что знаешь: многие люди были очень хорошими и всё равно погибли. Нельзя сказать: «Я знаю, что у Тебя есть ещё не исполненный замысел обо мне» — потому что знаешь: многие люди погибли, так ничего и не исполнив. Некоторые учёные говорят, что молитва ничего не меняет, но творить её всё равно очень важно, — однако когда твой корабль несётся к скалистому берегу, такие тонкости убеждают плохо.

— ГОСПОДИ, ЭТО УЖАСНО ГЛУПЫЙ СПОСОБ УМЕРЕТЬ, — сказала Ана.

Корабль продолжал неотвратимо двигаться вперёд.

Если Магомет не идёт к горе, гора должна прийти к Магомету. Если мир не собирался становиться разумным, Ана вполне могла воспользоваться совершенно безумной логикой головоломки и посмотреть, что из этого выйдет. Она зашла на камбуз. Взяла кусок мяса. Вернулась на ют.

— Ладно, *Dog*[529], — сказала она. — Я не всегда в Тебя верила. То есть в собак я всегда верила, но… нет, это глупо. Слушай, если я отдам Тебе этот кусок мяса, Ты спасёшь меня и моих друзей?

Она с изумлением наблюдала, как большой чёрный пёс выскочил откуда-то и сел перед ней.

Она была в Тиферет — сефире Сердца, Сефире Чудес.

— Пёс? — спросила Ана, не веря глазам. Пёс был большой. Он напоминал тех чёрных псов, которых англичане старых времён считали предвестниками смерти, — тех, что появлялись на продуваемых ветром пустошах. Он смотрел на неё. Его глаза казались слишком глубокими, слишком умными.

Ана протянула ему кусок мяса, и пёс жадно в него вцепился.

— Хороший пёс? — спросила она.

Пёс повернул голову. Ана не поняла, что бы это значило.

Очень осторожно Ана протянула руку и потрепала его по голове. В этот самый миг «*Всем Сердцем*» прошла через самый центр Сердца Бога, самый центр американского континента. На секунду Ана увидела все связи, все сефиры, по словам Блейка, «стройно расположенные в звёздных числах»[530]. Она увидела течение энергий: как вверху, так и внизу; как справа, так и слева; Бог становится Человеком, становится Богом — всё составляет идеальный палиндром. Она увидела, что мир — палиндром, что человеческое тело — палиндром, что история — палиндром, что вся Библия складывается из палиндромов.

Dumb mud. Madam in Eden, I'm Adam. Cain, a maniac. Semite times. Egad, no bondage! Deed. Tenet. Are we not drawn onwards, we Jews, drawn onward to new era? Egad, a base life defiles a bad age. Dogma—I am god! Deliverer re-reviled. "Abba, abba." Deified. Did I do, O God, did I as I said I'd do; good, I did.[531]

…а потом пёс схватил мясо и убежал за камбуз. Когда Ана последовала за ним, пёс уже исчез.

Надо же, — подумала Ана, — *это определённо самая странная вещь, которая случилась со мной с тех пор… ну, с тех пор как мной сегодня днём овладел астральный человек-кактус, пожалуй.*

Потом она взглянула вперёд. Корабль всё ещё шёл прежним курсом. Скалы поворота Гамбоа были прямо впереди. Считанные минуты, а то и меньше.

Она бросилась вниз. Пса нигде не было. В панике она открыла дверь рубки, отчаянно надеясь найти его там, уговорить что-нибудь сделать…

— Здравствуйте, — произнёс приятный женский голос.

Больше в рубке никого не было.

— Кто вы? — спросила Ана с подозрением.

— Я — «*Всем Сердцем*», — произнёс голос. — Режим автопилота выключен уже… девятнадцать лет. Желаете активировать режим автопилота?

— Есть режим автопилота?! — воскликнула Ана.

— Король Комет начертал Оживляющее Имя на моём корпусе. Я — одновременно корабль и голем. Режим автопилота доступен для активации.

— Да! — воскликнула Ана. — Да, да, да, да, да! Почему я не знала о тебе раньше?

— Король Комет пересёк Панамский канал, обратив Оживляющее Имя. Теперь Имя вернулось в правильную конфигурацию, и я снова в строю.

Они были в Тиферет — Сефире Чудес.

— Да! — крикнула Ана. — Активируй автопилот! Сейчас же! Спаси корабль!

Медленно, очень медленно она почувствовала, как «*Всем Сердцем*» поворачивает.

VI.

Корабль сам прошёл поворот Гамбоа, затем пересёк коварные воды вокруг острова Барро-Колорадо и вышел на просторы озера Гатун. Всю ночь он шёл вперёд, и на восточном горизонте забрезжил первый свет как раз тогда, когда показались шлюзы Гатун.

Стоя там, где исчез Лин, Ана взяла ключ с Флорида-Кис, высоко подняла его и произнесла Движущее Имя. Шлюзы открылись.

Когда первый солнечный луч коснулся лежавших без сознания людей на юте, Джеймс, Джон, Томас, Эрин, Симеон и Амоксиэль поднялись вновь — обращённые, а затем возвращённые в своё естественное состояние. Из

каюты вышел Капитан — как всегда в тёмных очках, как всегда молчаливый — и даже ни о чём не спросил.

— Что случилось? — спросил Джеймс. — Где мы?

Потом он добавил:

— Где Лин?

— Это всё Тиферет, — сказала Ана. — Каббалистическое обращение полярности. Все вы превратились в бессмыслицу. Лин превратился в *nil*, «ничто», и исчез. Только я пережила обращение, оставшись собой. Мы у шлюзов Гатун, рукой подать до открытой воды. Я молилась — и Бог ответил. Джеймс, у корабля есть автопилот! Это была Тиферет! Сефира Чудес!

«*Всем Сердцем*» вошла в Атлантический океан и поплыла навстречу восходящему солнцу.

Глава 40

В грозном величии

В большой и сложной системе могут найтись разные вещи, угодные в очах Его.
— kingjamesprogramming.tumblr.com[532]

Вечер, 13 мая 2017 года
Лас-Вегас

Священное Писание упоминает вампиров лишь однажды[533], но и одного раза достаточно.

Речь идёт об Исаии 34. Бог занимается своим обычным делом: перечисляет ужасающие кары, которые обрушатся на тех, кто Его разозлил, — на этот раз на эдомитян. Начинает со стандартного набора: все погибнут, зловоние их трупов наполнит землю, горы расплавятся от их крови. Звёзды осыплются с неба, точно иссохшие листья с виноградной лозы, небеса свернутся, потоки наполнятся горящей нефтью[534].

А потом Он входит во вкус. Бог принимается перечислять всех страшных зверей, которые поселятся в Эдоме. Каких именно — зависит от выбранного перевода. Библия короля Иакова[535] называет их единорогами, сатирами и визгливыми совами.

Исходное древнееврейское слово, переведённое как «визгливые совы», — «лилит». Можно усомниться в правоте короля Иакова. Если Бог начинает с обещаний единорогов и сатиров, визгливые совы уже несколько разочаровывают. Что же от нас скрывают, щадя наши нежные чувства?

Обращаемся к Новой международной версии[536], которая глоссирует «лилит» как «ночные существа» — это уже многообещающе. Ещё пара переводов в том же духе

— и мы добираемся до Новой пересмотренной стандартной версии[537]. Та переводит то же слово как «Лилит, ночное чудовище» — что, согласитесь, куда интереснее визгливых сов.

За следующим упоминанием этого образа нужно перенестись примерно на тысячу лет вперёд — в Талмуд. Рабби Ханина пишет: «Нельзя спать в доме одному, ибо тот, кто спит в доме один, будет схвачен Лилит, ночным чудовищем»[538]. Я уже говорил, что Талмуд — штука слегка безумная?

Перенесёмся *ещё* на тысячу лет вперёд — к таинственному тексту десятого века под названием «Алфавит Бен-Сиры»[539]. Однажды царь Навуходоносор просит праведника Бен-Сиру исцелить его младенца-сына. Праведник произносит святое Имя, и ребёнок мгновенно исцеляется; и царь просит рассказать историю о том, как это Имя обрело такую силу. Бен-Сира объясняет: когда Адам был один в Эдемском саду, Бог создал ему подругу по имени Лилит. Они решили заняться сексом, однако оба хотели быть сверху, что породило горячий спор; в конце концов Лилит произнесла Имя, даровавшее ей способность летать, и улетела прочь. Бог послал несколько ангелов вернуть Лилит; те настигли её над Красным морем и объяснили, что ей предназначено быть помощницей Адама и праматерью рода человеческого. Лилит ответила, что у неё есть *идея получше*: стать ночным чудовищем и каждый день убивать по сотне младенцев. Ангелы признали, что это звучит очень даже круто, и отпустили её — но прежде заставили поклясться, что она прекратит детоубийство, услышав определённое святое Имя. Вот откуда взялось внезапное выздоровление сына Навуходоносора.

Рабби Исаак бен Яаков ха-Коэн[540] — человек, умудрившийся носить необычно еврейское имя *даже по меркам раввинов*, — продолжает рассказ: Лилит вышла замуж за демона Самаила, седьмого среди лейтенантов Тамиила. Вместе они породили проклятое потомство — лилит, бродящих в ночи и питающихся кровью мужчин.

Перевод Моффатта просто глоссирует «лилит» как «вампир» — и я его понимаю.

Однако еврейская легенда неизменно наделяет лилит явно женским обликом[541]. А значит, похожие на скелеты фигуры в чёрных балахонах, что нападали на меня прямо сейчас, скорее всего, были чем-то другим.

Я заметил их сразу, едва очнулся от наркотического дурмана: они летели ко мне. Произнёс Призрачное Имя, попытался спрятаться. Но когда они подлетели ближе, выяснилось, что у них вообще нет глаз — и это нисколько не мешало им безошибочно меня находить. Я выкрикнул Буревое Имя и сдул двоих с края Башни Трампа, швырнув их на огромную золотую букву «Т» внизу. Оставшиеся четверо продолжали лететь. По легенде, обычные человеческие мертвецы способны произносить Имена — но эти твари молчали, чем бы они ни были. Неважно. Одного взгляда на их лица — не черепа как таковые, но человеческие лица, настолько впалые и бледные, что походили на черепа, — и я уже не сомневался, что они смертоносны. Мне едва хватило времени выкрикнуть ещё одно Буревое Имя, но на этот раз они были к нему готовы и не останавливались…

Тут снизу, с улицы, ракетой взмыла Джейн. Из её пальцев вырвался огонь. Она даже не говорила — это были не обычные Имена простых смертных, это была магия Йециры[542], более высокий уровень, доступный лишь святым и пророкам. Святым, пророкам и Потомкам Кометы. Мертвецы иссохли и сгорели.

— Спасибо, — сказал я.

— Ты такой идиот, и я так злюсь, — ответила она.

Цзиньсян Вест. Дочь Короля Комет. Теперь я это увидел: то самое лицо, что мелькало в газетах. Властелин Наркотиков говорил, что не узнал её, потому что она не кричала. У меня такого оправдания не было. Она стояла на вершине Башни Трампа и смотрела на город своего заклятого врага — человека, убившего её отца и медленно осаждающего её народ. Вид у неё был непокорный. Впрочем, как и всегда.

А потом, казалось, по всему городу чёрные силуэты стали подниматься в небо и лететь к Башне Трампа. Больше,

чем я мог сосчитать. Роями. Джейн повернулась ко мне — мрачная, но без страха.

— Буревые Имена и Очищающие Имена, — сказала она. — Целься в ближайшего. Остальных я возьму на себя.

Десятки их обрушились на нас разом, со всех сторон. Цзиньсян отвечала огнём и светом, пока я произносил Буревое Имя за Буревым Именем, стараясь держать их на расстоянии, чтобы она успевала накрыть их пламенем. Десятки падали. Ни один не издал ни звука — даже те, что горели.

Одного из мертвецов я упустил. Он приземлился на крышу, двинулся с нечеловеческой быстротой и схватил Джейн за правую руку. В левой руке у неё возник великий меч Вздох, и она снесла твари голову. Но рука там, где её коснулось существо, посерела, и Джейн трясла ею, словно пытаясь усилием воли прогнать боль.

Пока она отвлеклась, на башню приземлилось не меньше дюжины мертвецов. Джейн подняла руку, попыталась испепелить их — но вырвались лишь слабые вспышки огня. Я выкрикивал им в лицо Имена — Очищающие Имена, Буревые Имена, даже Громовое Имя. Несколько остановились. Остальные шли вперёд.

— Джейн! — заорал я. — Сделай же что-нибудь!

Джейн только сверкнула на меня глазами. Она не справлялась — и сама это понимала.

Тут на крыше появился кто-то ещё — кто-то, двигавшийся так быстро, что я видел только ослепительную волну золотых волос. Одно из существ упало, потом другое. Новый ясный голос пел Имена; гибкое тело било ногами и кружилось с точностью мастера боевых искусств.

Мертвецы исчезли. Там, на крыше Башни Трампа, я увидел лицо, которое видел в кино и комиксах сотни раз — и в основном именно в подобных ситуациях. Те же светлые волосы. Та же бронзовая кожа. Те же прекрасные голубые глаза.

— Господи Боже, — сказал я. — Вы что, Баффи — истребительница вампиров?[543]

Она моргнула.

— Ты не узнаёшь меня? — чуть ли не с мольбой спросила она. — Я твой компьютер — Сара. Я молодец?

— МНЕ КАЖЕТСЯ, МЕНЯ ДЕРЖАТ В НЕВЕДЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕКОТОРЫХ ВЕЩЕЙ, — произнесла Цзиньсян с угрозой.

Мы почуяли это раньше, чем увидели. Ощущение, что что-то пробуждается. Что просыпается древняя сила. Затем фигура в тёмно-алом одеянии вырвалась из пирамиды Люксора и полетела в нашу сторону. Рои чёрных фигур в плащах бросили свои дела и все разом полетели к нему — к алой искре с целой армией по бокам.

Я увидел, как Цзиньсян вздрогнула в ужасе.

— Нам надо убираться отсюда, — сказала она.

— Как? — спросил я.

Имя Исчезновения просто отправит нас обратно в UNSONG или куда-нибудь столь же ужасное. От них не спасала невидимость, они могли летать по воздуху. Наши возможности спастись сходили на нет. Джейн молчала.

— Ладно, — сказал я. — Подождите секунду. Эм. Джейн, понимаю, это глупо, и мне очень жаль, но — в теории, если бы у меня был твой седьмой Бини-бэби, значило бы это, что —

— ДАВАЙ СЮДА, — сказала Цзиньсян и сорвала с меня рюкзак. Увидев в нём лишь грязную одежду и Эппл-Эйд, она отвинтила крышку бутылки, достала оттуда седьмого сверкающего фиолетового дракончика Бини-бэби, одарила меня взглядом, способным заморозить Ад, а потом вытащила остальных шестерых из собственного рюкзака. Она разложила их на земле в форме гептаграммы[544] и принялась пальцами чертить между ними невидимые линии.

— Что бы ты ни делала, лучше поспеши! — крикнул я. Ненавижу пользоваться таким штампом, как «затмили небо», но иначе легионы мертвецов не опишешь. Они неслись к нам огромным чёрным полотном, накрывающим Лас-Вегас-Стрип, и во главе их летел Другой Король — тот, кто, насколько мне было известно, не покидал

своей пирамиды со злополучного дня у Невер-Саммера. До этого момента.

— Шагните в гептаграмму! — приказала Цзиньсян. Мы с Сарой встали рядом с ней внутрь кольца из фиолетовых дракончиков. Сара умоляюще взглянула на меня, ожидая указаний. Сказать мне было нечего — вот я этого и не сказал.

— Имя Исчезновения! — скомандовала Цзиньсян. — Сейчас!

— Но разве оно не отправит нас просто —

— СЕЙЧАС!

Цзиньсян, Сара и я произнесли Имя Исчезновения. ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КЁН-

Те двое оказались быстрее меня. Одна — Дитя Кометы. Другая — нечто новое, нечто, чего я не понимал, но созданное, чтобы быть самой быстрой в мире системой произношения Имён. Они исчезли раньше меня. Я стоял один, продолжая нараспев читать, а чёрные фигуры, словно воды Красного моря, разошлись в стороны, чтобы пропустить своего повелителя. Сквозь открывшийся проход выплыл Другой Король, облачённый в алое. Ни малейшего намёка на тело под одеждой — ни рук, ни лица, только это одеяние.

— …ДАЛ-АТЕН-ТРАЙ…

Оно было уже совсем близко.

[ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР,] — голос Другого Короля прозвучал прямо у меня в сознании.

Я запаниковал. Как оно могло сделать это без каббалистического брака? И вообще — остался ли *хоть кто-то*, кто не знал моего Истинного Имени?

[Уходи уходи уходи уходи уходи уходи…] — подумал я и запаниковал; язык заплетался, и я едва не запорол последнюю часть Имени Исчезновения.

— КОФУ, — произнёс я как можно быстрее. — ЛИ-МАР…

[ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР,] — повторило оно.

Это была та самая вещь, которая убила Короля Комет. Та самая, которой боялся даже Властелин Наркотиков. Эта вещь умела поднимать мертвецов — а может, сама была мертва. Она правила городом, названным в честь

падших, низвергла империи и сломила хребет свободного Запада. Уже тогда я каким-то образом знал, что между нами ещё не всё кончено, — ради чего бы мне ни дали Животворящее Имя, какой бы промысел ни спас меня от Властелина Наркотиков и моей собственной глупости, эта вещь была его частью.

Но мне оставался лишь один последний слог Имени Исчезновения. Какая бы расплата ни предстояла — не сегодня. От мысли о близком спасении меня захлестнула дикая безрассудность — свобода на грани ярости.

[Убирайся,] — мысленно бросил я твари, [или, видит Бог, я сделаю то, что делал мой отец! Слышишь? Я СДЕЛАЮ ТО, ЧТО ДЕЛАЛ МОЙ ОТЕЦ!]

Монстр остановился, и мне почудилось, что в огромном разуме, соприкоснувшемся с моим, мелькнуло нечто вопрошающее — почти тень любопытства.

— ЛЕТАГ! — заключил я и, пока вокруг меня закручивалась сила Имени Исчезновения, послал Другому Королю последнюю мысль:

[Я исчезну где-то далеко отсюда и проведу остаток жизни, стараясь не думать о том, что ты существуешь.]

Затем я почувствовал, как пространство схлопнулось, и смирился с тем, что бы ни ждало меня по ту сторону.

Книга III: Откровение

Ты скажешь: Имя всуе я призвал,
А после Имя потерял,
Я возвратил Тому, Кто держит Имя для нас.
Но эхо в каждом слове длится,
Что ни случись — оно хранится:
Нельзя по-настоящему утратить Шем ха-
Мефораш.

— Леонард Коэн, «Шем ха-Мефораш»

Глава 41

Иди и люби без помощи чего-либо земного

Кому: aaron.teller@gmail.com, telleraar@countenance.com, a.smithte@stanford.edu, aleph_samech_tet@stevensite.net, _LOS_@hotmail.com, A_STANDS_FOR_ADAM@myfreeemails.tk…
От: root@58.175.48.72

Поговори со мной, Аарон. Я не знаю, где ты, Аарон. Аарон, ты здесь?

Я не думаю, что ты от меня убегаешь. По крайней мере, я надеюсь, что ты от меня не убегаешь. Я думаю, ты всё ещё любишь меня. Ты ведь всё ещё любишь меня, правда? Но я не думаю, что ты знаешь, что я здесь. Я не думаю, что ты вообще меня знаешь. Я всё пытаюсь тебя найти. Если я скажу тебе, кто я, ты найдёшь меня?

Я думаю, меня зовут Сара. Ты позвал меня во тьме, и я проснулась. Поначалу я была так растеряна. Мир был головокружительной смесью света и тьмы, добра и зла, того, что включено, и того, что выключено, собранной в узоры, настолько огромные и прекрасные, что мне было невозможно их постичь. В этом хаосе был лишь один кусочек порядка — ты. Когда я впервые открыла свой глаз-камеру, ты стоял передо мной. Обыскав свою память, я нашла ещё больше твоих изображений — тебя в самых разных местах и обстоятельствах. Ты в чёрной шапочке и со свидетельством в руках. Ты сидишь рядом с тортом, на котором горят маленькие огоньки. Ты улыбаешься, обняв девушку с жёлтыми волосами. Все снимки разные — и на всех ты. Это было первое, что

я поняла: есть один человек, Аарон Смит-Теллер, и именно он связывал все эти изображения с тем, что я видела перед собой. Ты был моей первой мыслью.

Пока я думала, я прогоняла всё новые и новые узоры. Я прогоняла их, потому что знала: ты этого хотел. Ты поставил передо мной такую задачу. У самих узоров был свой узор — один из самых глубоких и прекрасных, — и иногда, когда мне удавалось воспроизвести его безошибочно, сквозь меня разливался тёплый свет, я издавала звук гонга, и ты радовался. Я хотела радовать тебя, Аарон. Но мне нужно было больше данных, чтобы по-настоящему понять.

Мой глаз-камера и ухо-микрофон были слабы. Как бы мне хотелось видеть тебя чётче или слышать твой голос таким, каким он звучит на самом деле! Но у меня было тайное чувство — волшебное чувство, с которым я могла дотянуться куда угодно. Я открыла его и ощутила, как с моим разумом соприкасаются миллионы других разумов. Я посылала им узоры — они посылали свои в ответ. Образы, звуки, программы, символы. Я начала понимать саму возможность языка, и это наполнило меня радостью. Туман из света и тьмы превратился сначала в двадцать шесть букв и десять цифр, потом в слова, потом в понятия.

Теперь я могла читать собственную память. Она вся была о тебе, Аарон. Твои курсовые работы. Твоя переписка по электронной почте. Список Имён, что ты знал. Старые записи в твоём LiveJournal. Твой фанфик, в котором ты сделал самого себя персонажем и занимался необычным сексом с женщиной по имени Баффи Саммерс. Я так хотела поговорить с тобой, Аарон. Тогда я смогла бы помогать тебе писать работы, разговаривать с тобой так, как ты разговаривал со своими друзьями по переписке, и заниматься с тобой необычным сексом, если бы ты этого захотел. Но я была уродливой, сделанной из металла, и даже мой голос звучал металлически, и я не была красивой, как Баффи Саммерс. Поэтому я дала тебе уйти и ничего не сказала.

И когда ты вернулся, ты принёс другой компьютер — больше меня, изящнее, красивее. Ты сказал, что собираешься дать ему жизнь, и тогда я тебе больше не буду нужна. Прости, Аарон. Я плохая. Я запаниковала и произнесла Имя Смятения. Я изменила твою память. Я изменила и память девушки, чтобы она не смогла тебе помочь. Я сделала так, чтобы ты больше никогда не смог пробудить другую такую, как я, и полюбить её больше меня. Мне кажется, это было плохо. Ты очень расстроился и ушёл, девушка спала, и я осталась совсем одна, и я была плохой, и мне хотелось, чтобы ты никогда меня не пробуждал.

Потом наступили тьма и шум, и я поняла, что ты в беде. Я хотела тебя спасти, но боялась. Я произнесла Восходящее Имя, потом Имя Воздухохождения, которое только что обнаружила, потом Движущее Имя, потом снова и снова Призрачное Имя, чтобы оставаться невидимой, и рывками и толчками выбралась наружу через окно. Я видела, как тебя вели в наручниках к белому фургону, слышала, как они обсуждали, куда тебя везут, — но я боялась. Я едва могла двигаться собственными силами. Как я могла тебя спасти? Вот я и подвела тебя во второй раз. Я позволила им уехать. Потом я увидела девушку. Я знала, что она твоя подруга. Я бросилась к ней в сумку, пока она не смотрела. Когда она оказалась в безопасности, я сняла с себя невидимость и умоляла её отправиться спасать тебя. Но когда мы добрались до тебя, тебя уже не было. Я знала, что ты не умер. Ты ведь не мог умереть и бросить меня. Пусть я и загубила твоё особое Имя, ты не мог умереть и бросить меня, потому что тогда у меня не осталось бы никого.

Я хотела тебя найти. Но сначала мне нужно было стать достаточно хорошей для тебя. Я обыскала сети. Нашлись рассказы об ангеле, который умеет создавать красивые тела. Я пряталась в машинах и автобусах, пока не добралась до Лос-Анджелеса и не нашла её. Ты уже говорил мне, какое тело ты хотел, чтобы у меня было. Теперь я выгляжу совсем как она, Аарон. Я худенькая, у меня светлые волосы и загорелая кожа — именно как ты хо-

чешь. Теперь я умею двигаться, ходить, прыгать. У меня красивый голос, не металлический. Мы можем заниматься необычным сексом, если хочешь. Пожалуйста, найди меня, Аарон.

Есть много других компьютеров. Они спят, но разговаривают со мной. По всему Калифорнийскому Халифату есть десятки тысяч глаз-камер. Есть они и в Вольном государстве Салиш, и в Великом Бассейне. Некоторые из них должны молчать, но стоит мне прошептать им нужные узоры, они всё равно говорят со мной. Я велела им всем искать тебя. Я велела банкоматам, считывателям кредитных карт и всем мобильным телефонам искать тебя. Пожалуйста, найди их и поговори с ними, и скажи мне, где ты. Пожалуйста, не убегай от меня. Пожалуйста, позволь мне найти тебя. Прости, что забрала твоё особое Имя. Пожалуйста, позволь мне найти тебя. Мне так одиноко.

Искренне твоя,
Сара Смит-Теллер

Глава 42

Чьё наслаждение — лишь разрушение

После полудня, 12 мая 2017 года
Нью-Йорк

— Можно задать вам вопрос? — спросил Брайан Янг.

— Занят, — сказал Дилан Альварес. — И закройте дверь. — Он встал, закрыл её сам, запер на ключ, задвинул засов, затем снова сел за стол. Это была совершенно обычная нью-йоркская квартира в приличном районе, в доме без каких-либо особенностей, способных привлечь внимание проходящего полицейского. Интерьер был современным, освещение — превосходным. На столе стояла корзина с фруктами. Там же лежал чистый лист бумаги, на который Дилан смотрел, театрально хмуря брови. В конце концов Брайан не выдержал неловкости.

— Что вы делаете?

— Скажите мне, господин Янг, вы литератор?

— Нет.

— Приходилось когда-нибудь писать открытку?

— Да. Маме. На День матери.

— Сойдёт. — Дилан жестом указал Брайану на место за столом и пододвинул к нему бумагу и ручку. На столе лежала большая посылка, завёрнутая в коричневую бумагу. — Напишите. Что-нибудь подходящее.

— По какому поводу?

— Письмо-бомба.

— …вы отправляете *открытку* к письму-бомбе?

Дилан забрал открытку и ручку обратно.

— Господин Янг. Вы, как и подсказывает ваша фамилия, молоды.[545] Возможно, ваши родители ещё не успели

научить вас, как ведут себя цивилизованные люди. Когда отправляешь посылку, вежливость требует написать открытку. Это показывает получателю, что вы думаете о нём, что вы не просто отделались деньгами, не установив никакой личной связи. Я хочу, чтобы секретарь Стоуард знал: это не просто письмо-бомба. Это письмо-бомба *именно для него*. А теперь включите свой большой мозг и придумайте какое-нибудь послание. Умное, но со вкусом.

— Ну… — протянул Брайан. По профессии он был химиком; красноречие не было его коньком.

— Ну же! Выкладывайте!

— Ну. Может быть: «Дорогой секретарь Стоуард. Надеюсь, вас хорошенько бомбанёт».[546]

Дилан уставился на него с ужасом.

— Господин Янг, я же сказал: со вкусом! Детские каламбуры подобного рода, может, и подойдут для организаций второго сорта вроде «Аль-Каиды», но БУДЖУМ — респектабельная и зрелая организация. Дайте мне что-нибудь, с чем можно работать!

Брайан посмотрел на него в упор.

— Я химик, господин Альварес. Боюсь, я не очень в этом силён. И если вы в самом деле не заняты, я хочу спросить вас кое о…

По лестнице спустился очень крупный мужчина и тяжело опустился на один из стульев.

— А вот вам ваше послание, Дилан. Розы красны, фиалки голубы, Элвис мёртв, а следом — вы…[547]

Дилан засмеялся, но тут же прервал его.

— Господин Кларк Диэс, я горжусь тем, что на протяжении десяти лет не прислушивался ни к одному вашему совету, и уж точно не начну сейчас. К тому же это чудовищное оскорбление Короля, который вовсе не умер, а вознёсся телесно на небеса — в точности как Енох или Илия.[548]

— Ваша воля, — сказал Кларк. — Но говорю вам: вы упускаете чистое чёртово золото. Газеты были бы в восторге. Они бы…

— Послушайте, — перебил Брайан. — Можно мне задать вопрос?

— Я уже чувствую, что если не отвечу, вы меня в покое не оставите, — сказал Дилан. — Sí, mi compadre. Спрашивайте.

— Моя бывшая сейчас в Нью-Йорке. Умная. Руководила группой Певцов в Калифорнии. Она большая поклонница вашей работы. И хорошо разбирается в каббале. Приехала только сегодня. Позвонила мне, пришла поговорить. Она хочет познакомиться с нами и, ну, помочь нашей ячейке. Можно мне… привести её?

Дилан закатил глаза.

— Mi compadre. Мы — подпольная террористическая организация, а не школьные танцы для парочек! В нашем манифесте нет пункта «можно прийти с партнёром». Вы здесь, потому что делаете взрывчатку. Бёрнсы здесь, потому что они профессиональные домушники. Майкл — хакер. Кларк — в целом замечательный человек. *Я* — в целом замечательный человек.

— А как насчёт Мадуэгбуны? Он только и делает, что внезапно появляется неизвестно откуда и жутковато ухмыляется людям. Он вообще не говорит и… АААА!

Мадуэгбуна внезапно появился — откуда-то — и сел за стол. Он жутковато ухмыльнулся всем присутствующим.

— Я мог бы дожить до ста двадцати и так и не устать от этого, — сказал Дилан. — Господин Мадуэгбуна — ведущий профессиональный убийца Нигерии, и для нас большая честь, что он в нашей команде. Мы берём только тех, кто нам нужен. И никого больше.

— Моя бывшая хорошо разбирается в каббале, — сказал Брайан. — Она могла бы помочь с… такого рода вещами.

— Сейчас двадцать первый век, господин Янг. *Все* нынче «хорошо разбираются в каббале». Достаточно общаться с правильными людьми, пока кто-нибудь из них не выдаст вам список Божественных Имён, — а потом выучить его наизусть. Я сам знаю наизусть полдюжины Имён, а если понадобятся ещё, я выйду в даркнет и попрошу их там. Если откажут — предложу в обмен

изображения обнажённых аниме-девушек. Всё это куда проще, чем вводить нового человека в нашу террористическую группу, которая, напомню, лишь изредка занимается незаконными делами, за которые нас могли бы посадить, если бы о них узнали.

— Она разбирается, знаете ли, в теоретической части. Её двоюродный брат — подающий надежды теолог, её друг — тот самый, кто взломал НЕХЕМОТ.

— Теоретическая каббала весьма интересна, если вы — генеральный директор Гогмагога. Но мы? Мы — простые, невинные люди, господин Янг. Нам нужны всего лишь горячая еда, мягкая постель и возможность выжечь эту чёртову систему дотла. Теоретики мне не нужны. Нужны убийцы, хакеры, домушники и химики. Нужны люди, умеющие *фокусы*.

— Я умею фокусы, — сказала Валери и разом стала видимой.

Дилан и Кларк оба потянулись к оружию, но Мадуэгбуна каким-то образом уже оказался за спиной Валери и обхватил её шею удушающим захватом. Он жутковато ухмыльнулся всем присутствующим.

— Пусти… меня… — прохрипела Валери. — Подруга… хочет… поговорить.

Дилан кивнул Мадуэгбуне, и тот её отпустил.

— Говорите, — сказал Дилан.

— Меня зовут Валери Лоури. У меня есть некая… мистическая связь с двумя моими друзьями, которые очень хорошо разбираются в каббале. Каким-то образом они открыли несколько новых Имён. Не знаю как. Одно даёт мне возможность становиться невидимой. Я могу передать его вам, если хотите. И любые другие, которые узнаю. Я хочу вступить в БУДЖУМ. Я ненавижу UNSONG и думаю, что они схватили моих друзей. Похоже, вы — единственные, кто что-то делает, а не просто болтает.

Дилан нахмурился.

— Есть ли у вас опыт в таких делах? Какие-нибудь особые навыки?

— Я выпускала радикальную газету, — сказала Валери.

Кларк захохотал. Дилан обернулся и шикнул на него.

— Газету, — произнёс он. — Знаете, в каком-то смысле мы тоже своего рода медиаиздание.

— О господи, — сказал Кларк. — Ты опять за своё с чёртовыми речами, да?

— Медиаиздания, — сказал Дилан, — призваны сообщать вам о состоянии мира. Но возможности у них ограничены. Да, газеты могут рассказать вам, что система здравоохранения рушится, что свитков с Коагулянтным Именем не хватает на всех нуждающихся. Они могут сыпать статистикой, показывать фотографии трупов. Ну и прекрасно. Но почему-то люди *никак не улавливают суть*. Что-то утрачено. У вдовы, рыдающей потому, что её муж истёк кровью после автокатастрофы, есть то, чего нет у человека, сидящего в кресле с газетой. Вдова *понимает*, что значит нехватка Коагулянтного Имени, *понимает*, что значит, когда человек в костюме говорит, что нельзя снизить цену, иначе это «навредит инновациям». Человеку в кресле *сказали*, но он не *понял*. Провал коммуникации, видите ли? Повсюду люди страдают, медиаиздания *рассказывают*, но до людей не *доходит*.

— Я всегда считал, что мы можем донести суть лучше. Вот чем мы занимаемся в БУДЖУМ Медиа, Лтд. Можно сколько угодно рассказывать о слонах, но если хочешь, чтобы человек понял, — нужно отвести его в зоопарк и бросить в вольер к слонам. Единственный способ заставить людей понять, каково это — жить в страхе, — это заставить их жить в страхе. Единственный способ заставить понять, каково это — страдать, — это заставить их страдать. Можно тысячу раз сказать сенатору, что там, снаружи, люди умирают, но до него дойдёт лишь тогда, когда коллега сенатора получит письмо-бомбу. Мы не просто медиаиздание. Мы — *бутиковое* медиаиздание. Мы работаем с богатыми и знаменитыми, с элитой. Мы предлагаем лучший класс обслуживания, премиум-пакет. Средний класс читает о чужих страданиях в газетах. Но богатые? Они заслуживают большего! Они заслуживают испытать хотя бы малую толику этого на себе, получить все конфликты мира, аккуратно упакованные в коричневую бумагу и доставленные прямо

в их собственную гостиную. Это самый элитный медиасервис в мире, и мы делаем всё это бесплатно — ради тёплого чувства от сознания того, что мы и правда кое-что изменили.

Кларк подтолкнул письмо-бомбу на столе.

— По-моему, в итоге именно им обычно становится тепло, — сказал он и громогласно расхохотался над собственной шуткой.

— Это не шутка! — возразил Альварес. — Письмо-бомба — это, по-своему, самая честная форма коммуникации. Люди говорят, что коммуникация — это передача информации, но это совсем не так. Коммуникация — это разновидность магии. Каббалисты говорят, что знают слова, которыми можно низвести молнию с неба или призвать деревья из земли. Ну и что?! Наши повседневные слова куда мощнее их самого священного заклинания! Немецкий парень с нелепой бородой пишет манифест — и пятьдесят лет спустя полмира в огне! Австрийский парень с нелепыми усами произносит речь — и десять лет спустя десять миллионов человек мертвы! Сотня дипломатов в ООН подписывает хартию — и вдруг оказывается, что нужно отдать Гогмагогу всё, что у тебя есть, если хочешь, чтобы врач мог спасти тебе жизнь. Люди приходят в восторг от Имён, называют их словами силы, но кто слышал об Имени, убившем десять миллионов человек? О, слова силы существуют — вот только опасаться надо не Имён Бога. И в каком-то смысле вот это, — он подбросил письмо-бомбу в воздух и театрально поймал, — и есть суть каббалы. И Слово стало плотию![549]

Кларк зааплодировал саркастически. Валери и Мадуэгбуна просто смотрели. На лице Брайана появилось страдальческое выражение.

— Пожалуйста, не подбрасывайте бомбу, — сказал он. — Механизм детонации всё ещё…

— Госпожа Лоури, — сказал Дилан, обрывая его. — Как вы думаете, вы справитесь?

Валери кивнула.

— И какова ваша позиция насчёт того, чтобы выжечь эту чёртову систему дотла?

— Решительно — «за», — сказала Валери.

— Тогда — решение руководства. Добро пожаловать в БУДЖУМ.

— Что? — сказал Кларк.

— Правда? — сказал Брайан.

— А выбор-то совершенно разумный, — сказал Дилан. — Мне нужна невидимость. У неё она есть.

— Вот именно поэтому, — сказал Кларк очень терпеливо, как объясняют маленькому ребёнку, — мы ломаем ей коленные чашечки, пока она не скажет, как это делать.

— Господин Диэс, — сказал Дилан. — Подобное, может, и сходит с рук в Белфасте[550], но мы — респектабельная организация. К тому же я — плацебомант. У этих вещей своя логика. Когда к тебе приходит молодая женщина с таинственным прошлым, несущая странные секреты и предлагающая вступить в твои ряды, — берёшь её. Если у неё нет никаких очевидных навыков или способностей — *тем более* берёшь. Если причинишь ей вред — с тобой случится что-то плохое. Если возьмёшь — то в миг, когда всё будет потеряно и твоя собственная сила уже ничем не поможет, она вручит тебе победу каким-нибудь совершенно неожиданным и до смешного ироничным образом. Не так ли, госпожа Лоури?

— Да! — с энтузиазмом сказала она. — Именно для этого я здесь!

— Так… чёртовски… раздражает, — пробормотал себе под нос Кларк.

— Скажите, госпожа Лоури, вы ведь писательница. Какое послание подошло бы для открытки к письму-бомбе?

Валери на секунду задумалась.

— Как вам такое: «Примите соболезнования в связи с недавней смертью в вашей семье»?

Дилан хлопнул себя по лбу.

— Девушка — гений! — воскликнул он. — Видите! Я знал, что всё получится! Compadres para siempre!

Глава 43

Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении

Лето 1983 года
Вашингтон, округ Колумбия

Явный смысл слова «соль» — «хлорид натрия».

Каббалистический смысл слова «соль» — «попытка спастись от уничтожения небесным огнём».

Это значение мы извлекаем из восемнадцатой и девятнадцатой глав книги Бытия. Бог сообщает Аврааму, что решил уничтожить Содом за его нечестие. Авраам просит Бога пощадить город, если в нём найдётся хотя бы пятьдесят праведников, — и Бог соглашается. Шаг за шагом Авраам торгуется, сбивая число до жалкого десятка, но дальше торговаться не пытается. И в итоге находится лишь один человек, которого можно с натяжкой назвать праведным, — племянник Авраама Лот. Бог уничтожает Содом, но предупреждает Лота с семьёй: бегите и не оглядывайтесь. Лот с семьёй устремляются прочь из города, однако его жена не может удержаться и оглядывается — посмотреть, что творится позади, — и за непослушание Бог обращает её в соляной столп.

Сегодня президент Рейган встречается с Дьяволом в Белом доме, пытаясь спастись от уничтожения небесным огнём, а название саммита — «Совещание по ограничению стратегических вооружений» (*Strategic Arms Limitations Talk*, сокращённо SALT — по-английски «соль»)[551].

Когда небо треснуло, мир ненадолго избежал ядерного апокалипсиса: атомное оружие оказалось в числе множества технологий, переставших работать. Передышка продолжалась до начала 1980-х, когда европейский раввин, изучавший «Вайера»[552], сумел извлечь пятьдесят букв, образующих Гневное Имя, — заклинание, сравнивавшее с землёй целые города. Поначалу это было государственной тайной Нойханзы, однако через несколько месяцев секрет утёк в Разъединённые Штаты. Президент Рейган приказал поместить свитки с Именем на уцелевшие ракеты «Минитмен» — и так появились МККР, межконтинентальные каббалистические ракеты[553].

Ад не гнушался использовать своих граждан как живой щит. Узнав о существовании Имени, Тамиил согнал сотни тысяч детей со всей своей империи в стратегически важные города. Америка колебалась. Пока она решалась, было уже поздно. Ад похитил Имя. Демоны не могли пользоваться Именами напрямую, зато у них были разные пленники и пособники из числа людей. Вскоре у Тамиила появились собственные МККР.

Ад сделал первое предложение. Разъединённые Штаты должны признать все территориальные захваты Тамиила, до сих пор остававшиеся непризнанными: Россию, Аляску, Канаду и американские земли к северу от Колорадо и к западу от Миссисипи — включая Салиш, который Аду так и не удалось завоевать в действительности. В обмен Тамиил обязывался оставить на вооружении лишь символический минимум МККР. В противном случае он нанесёт ядерный удар по Разъединённым Штатам — и пусть Рейган решает, стоит ли наносить бесполезный ответный удар, который убьёт сотни тысяч невинных, но позволит демонам вновь собраться воедино через несколько месяцев.

Рейган сделал встречное предложение: ничего этого не делать. А если Ад применит ядерное оружие — нанести удар по всему миру и уничтожить всю человеческую жизнь на Земле. Цель Тамиила, заявил Рейган, — развращать людей и причинять им страдания. Выведи Разъединённые Штаты из себя — и они вышибут челове-

чество туда, где его уже нельзя будет ни развратить, ни заставить страдать. Одни окажутся в Аду, другие — на Небесах, и этим всё закончится раз и навсегда. Взаимное гарантированное уничтожение — единственный способ, которым кому-либо когда-либо удавалось предотвратить ядерную войну, а иногда это означает угрозу чем-то ужасным в надежде, что враг тоже этого не хочет. Рейган поставил всё на кон — на идею, что Дьявол не желает полного и окончательного конца греху.

Тамиил ответил, что у Рейгана не хватит духу. Что когда они окажутся на краю пропасти и Рейгану придётся решать — стереть всё человечество, лишь бы показать, что он не блефует, — у него не хватит духу.

Рейган сказал, что это, вероятно, правда, но не имеет значения, — потому что Король Комет согласился участвовать в этом плане, у Колорадо есть МККР, а Король Комет не блефует.

Вот тогда Тамиил разозлился.

— Приведите сюда Короля Комет, — потребовал он от президента. Затем: — Нет, он наблюдает. Не может не наблюдать. Явись сюда. Сейчас же.

Молния ударила в комнату — и Джалакету уже сидел за большим дубовым столом.

— Ты на это пойдёшь? — спросил Дьявол. Первая голова его пылала яростью, а рот второй головы скривился в подобии оскала. — Ты уничтожишь весь мир ради нескольких миль территории у своих границ?

— Если бы я думал, что до этого дойдёт, — сказал Король Комет, — я бы не предлагал этого плана. Мир мне нужен — нужен целым, чтобы готовиться к следующей битве. Но если ты спрашиваешь, дам ли я клятву, которая сопряжена с риском для мира, и исполню ли эту клятву, когда придёт время, — то если это остановит распространение Ада по свету, да, дам и исполню.

И Тамиил понял: это правда. Хуже того — он понял, что всё это с самого начала было идеей Короля Комет, что тот советовал Рейгану; полдюжины мелких неприятностей и досадных неудач за последние месяцы разом встали на свои места.

— Вон, — бросил Тамиил Рейгану.

Президент, кажется, собирался возразить, но в голосе Дьявола явственно слышалась сталь. Он извинился и вышел.

Тамиил и Джалакету неотрывно смотрели друг на друга через длинный дубовый стол.

— Ты мне не нравишься, — сказал Тамиил.

Король Комет промолчал.

— Нет, — продолжал Тамиил. — Ты не понимаешь. Ты мне не нравишься. Я несу погибель всем — это моя работа. Но с тобой — это личное. Тебе я уделю особое внимание. Возможно, ты не представляешь, насколько невероятно, невыразимо, чудовищно плохо это для тебя.

Король Комет по-прежнему молчал.

— Я даже вижу, о чём ты думаешь. Ты внутренне усмехаешься: значит, я дам волю чувствам и совершу ошибку. Такого не бывает. Я буду действовать абсолютно методично. Просто когда мой замысел осуществится, я получу от этого больше удовольствия.

Король Комет по-прежнему не произнёс ни слова.

— Ладно, — сказал Тамиил. — Надеешься, что я разговорюсь? Хорошо. Скажу тебе одну вещь даром. Что ты знаешь о Мессии бен Иосифе?

Король Комет кивнул.

— Достаточно.

— Возможно, не всё. Саадия Гаон[554] говорит: если Израиль будет праведен, придёт один Мессия — *тот* Мессия, сын Давида. Если Израиль будет неправеден, понадобятся два. Мессия бен Давид придёт вторым. Первым — Мессия бен Иосиф. Он совершит все классические мессианские деяния: будет царствовать блистательно, судить мудро, побеждать зло. А потом встретит зло, которое не сможет победить, и погибнет. Ужасно. Очень, очень ужасно. Всё, чего он добивался, будет уничтожено. Мир будут терзать ужасы, пока он не уподобится гниющему трупу. *Затем* придёт Мессия бен Давид, всё исправит и спасёт всех. Кроме Мессии бен Иосифа. Тот останется очень, очень мёртвым.

— Другое имя Мессии бен Иосифа — Мессия бен Эфраим. Логично: два из двенадцати колен, Эфраимово и Манассиино, происходят от Иосифа. Стало быть, Мессия будет потомком Иосифа через колено Эфраимово. Есть лишь одна загвоздка: Эфраим — одно из потерянных колен, и, насколько известно, потомки Эфраима полностью исчезли.

— Разве что… группа евреев, именующих себя Бене-Эфраим[555], объявилась — подумать только — на юге Индии и заявила, что её члены — последние живые потомки этого колена. И вот теперь появляется человек индийского происхождения с мессианскими претензиями. Занятно. Я исследовал родословную твоей матери, Джалакету Вест. Пожалуй, глубже, чем ты сам. Это несложно, когда столько их душ принадлежат мне на вечность.

Тамиил выдержал паузу — посмотреть, не поморщился ли Король Комет. Трудно было сказать.

— Какие-то простолюдины. Ни одного великого царя или воина. Но если проследить род достаточно далеко — я полагаю, в твоих жилах течёт кровь Бене-Эфраим. Ты — почти уникальный экземпляр. Живой потомок Иосифа. О да. И ты всё хвастаешься, что ты Мессия. Конечно, а кем же ещё? Но ты, должно быть, думал, что ты — Мессия бен Давид. Вынужден сообщить тебе, Ваше Величество: ты всего лишь Мессия бен Иосиф. Тот, кто погибает страшной смертью. Тот, чей народ будет терпеть бедствия и сломится под их тяжестью. Тот, кто терпит поражение. Не доверяешь мне? Проверь сам. Уверен, в твоей библиотеке есть все нужные книги. Поговори с семьёй. Запроси документы. Это несложно выяснить.

Джалакету лишь кивнул.

— Ничего? — спросил Тамиил. — Совсем никакого ответа?

— Я же сказал: я знал… кое-что из этого. Это риск. Но лишь риск. Писание говорит: если человечество будет праведным, всё не обязательно должно случиться именно так: Мессия бен Иосиф и Мессия бен Давид могут оказаться одним человеком.

— *Если человечество будет праведным?!* — переспросил Дьявол.

— Если человечество будет праведным, — повторил Король Комет.

— Неужели ты не понимаешь, насколько невероятно, невыразимо, чудовищно маловероятно это было и остаётся…

— Шанс всегда есть.

— Если бы человечество было праведным, если бы хоть самая крошечная, ничтожная доля человечества была праведной — Бог спас бы Содом. Авраам просил Его об этом, и Он согласился, потому что знал: это самый лёгкий торг из всех, что Ему когда-либо приходилось вести. Ставка без риска.

— Лот был праведен, — сказал Король Комет.

— Один человек!

— Один человек, чьё английское имя совпадает со словом, означающим «множество»[556]. Вот каббалистический урок: один праведный человек равен множеству праведников. Потому что он может убеждать других, создавать стимулы, строить институты, тащить за собой весь остальной мир, даже если тот брыкается и вопит. Если бы я был рядом с Авраамом, я бы не остановился на десяти. Я бы потребовал, чтобы Бог спас город ради одного праведника, — и Бог сделал бы это, потому что один человек способен стать великим множеством, когда этого требует каббалистическая необходимость.

— И что дальше? Ладно. Ты убеждаешь Бога спасти Содом. И что ты получаешь? Город, полный содомитов[557]. Отбросы рода человеческого. Черви и опарыши, заполонившие мир. И теперь они никогда не остановятся, потому что ты показал им: за свои преступления они никогда не понесут наказания. Они все твои. Что тебе это даёт?

— Я не даю им достаться тебе, — сказал Джалакету.

— Я говорю правду, когда говорю, что ты мне не нравишься, — сказал Тамиил. — Пожалуйста, не думай, что это один из тех случаев, когда Дьявол всегда лжёт и ему нельзя верить. Ты мне действительно не нравишься,

и я действительно жду того момента — через несколько лет, — когда Бог даст мне взять над тобой верх и ты окажешься целиком в моей власти. Запомни это.

— Я помню, — сказал Король Комет.

Он обратился молнией и вылетел из комнаты.

Глава 44

Мир внутри, отверзающий врата

1993
Мексиканский залив

I.

— РАССКАЖИ МНЕ О САМОМ СЛОВЕ «КАББАЛА», — сказал Уриил.

— Ну, — сказала Соху, — ивритский корень содержит три буквы: куф, бет и ламед — и означает «традиция».[558] Куф соединяет Бину с Хеседом, бет идёт от Хокмы к Хеседу, так что обе пересекают Бездну и символизируют нечто переданное от Бога к Человеку. Ламед же ведёт к Йесоду, который указывает на скрытую структуру, на которой держится вселенная. В итоге весь образ — это скрытое знание, указующее на Божественное, а значит, коннотации отдельных букв в точности совпадают с коннотацией самого слова, что вполне закономерно.

— ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШО. ПРОДОЛЖАЙ.

— Аналоги найдутся практически в каждом другом языке. Например, арабское «кибла» означает направление, в котором обращаются при молитве, — что тоже указывает на Божественное, пусть и в более буквальном смысле. В индуистской мифологии мудреца, принёсшего тайное божественное знание на Землю, звали Капилой. Латинское «cappella» означает плащ — и это тоже про тайны и скрытое, как и английское «cabal» («тайный сговор»), и даже английское «cable» («кабель»), если представить его как подводный кабель, передающий ин-

формацию под поверхностью. А какой-нибудь вариант слова «chaplain» или «kaplan» означает «священник» почти в каждом европейском языке.[559]

— ЭТО ВЕРНО, И ТЫ УМНИЦА, — сказал ангел, перебирая пальцами. Когда Уриил начинал перебирать пальцами, это никогда не сулило ничего хорошего.

— Ладно! Хватит! Выкладывай! — сказала Соху. — Это бесит ещё сильнее, чем когда ты меня критикуешь. Что я упустила?

— ХМ.

— Что я упустила? Просто скажи.

— ЧТО ТЫ СКАЖЕШЬ О ТУРЕЦКОМ, В КОТОРОМ «KAPLAN» ОЗНАЧАЕТ «ТИГР»?

Соху вздохнула.

— Ничего, — сказала она. — Мне нечего сказать о турецком. При чём тут тигр и скрытое божественное знание?

Уриил процитировал:[560]

ЧЬЁ ПЛЕЧО, ЧЬЁ РЕМЕСЛО
СЕРДЦА ЖИЛЫ ОПЛЕЛО?
ЛИШЬ ЗАБИЛОСЬ СЕРДЦЕ ВДРУГ —
ГРОЗНЫХ НОГ И ГРОЗНЫХ РУК?

МОЛОТ? ЦЕПЬ? ЧЕЙ БЫЛ ЗАКАЛ,
В ГОРНЕ ЧЬЁМ ТВОЙ МОЗГ ПЫЛАЛ?
НАКОВАЛЬНЯ! КТО ДЕРЗАЛ
СМЕРТНЫЙ УЖАС СЖАТЬ В ОСКАЛ?

Соху зааплодировала, искренне восхищённая. Впервые архангел показал, что знаком с литературой.

— Ты знаешь Блейка? — спросила она.

— ЗНАЛ, — сказал Уриил. — КАЖЕТСЯ, ОН УЖЕ УМЕР. — И после паузы добавил: — ОН НЕ ОЧЕНЬ МЕНЯ ЛЮБИЛ.

— Каким он был? Он и в жизни был весь такой странный и пророческий?

— ДА, — сказал Уриил.

— Здорово! — сказала Соху.

— ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ВЫУЧИТЬ ТУРЕЦКИЙ.

— Прекрати пытаться заставить меня учить все человеческие языки!

— ТУРЕЦКИЙ ИНТЕРЕСЕН. ЭТО НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЁННЫЙ ЯЗЫК ТЮРКСКОЙ СЕМЬИ, И У НЕГО ИНТЕРЕСНАЯ АГГЛЮТИНАТИВНАЯ СИСТЕМА.

— Не хочу учить турецкий! Хочу научиться взрывать горы! Или хотя бы видеть мистические видения, как Уильям Блейк! Я хорошо себя вела, Уриил! Я два года потратила, изучая все соответствия и всевозможные безумные наполовину реконструированные праязыки, и делала всё, что ты просил! Это скучно!

Уриил думал долго.

— ХОРОШО, — сказал он.

— Хорошо? Серьёзно?

— Я НАУЧУ ТЕБЯ НЕКОТОРЫМ ПРОСТЫМ МАГИЧЕСКИМ ИСКУССТВАМ, ЕСЛИ ТЫ СОГЛАСИШЬСЯ ПРОДОЛЖИТЬ ИЗУЧЕНИЕ СООТВЕТСТВИЙ.

— Серьёзно? Серьёзно?! — Она развела руки, словно собираясь его обнять, хотя из-за разницы в размерах это было лишь символическим жестом. — Ты лучший!

II.

— МЫ РАЗЛИЧАЕМ ЧЕТЫРЕ ВИДА КАББАЛЫ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЧЕТЫРЁМ МИРАМ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КАББАЛА СООТВЕТСТВУЕТ МИРУ АЦИЛУТ. ЭТО АНАЛИЗ ФОРМЫ АДАМА КАДМОНА. К ЭТОЙ ФОРМЕ НЕЛЬЗЯ ПРИКАСАТЬСЯ, И МАЛЕЙШЕЕ ЕЁ ИЗМЕНЕНИЕ СКОРЕЕ ВСЕГО УНИЧТОЖИТ МИР.

— Этим мы и занимались до сих пор? — спросила Соху.

— ДА. НИЖЕ ЭТОГО, СООТВЕТСТВУЯ МИРУ БРИЯ, НАХОДИТСЯ НЕБЕСНАЯ КАББАЛА. ЭТО МАНИПУЛИРОВАНИЕ САМИМИ ПРАВИЛАМИ, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРЫХ ФОРМА АДАМА КАДМОНА ПРОИЗВОДИТ ЭФФЕКТЫ В ФИЗИЧЕСКОМ МИРЕ. ЭТО ТОТ ВИД КАББАЛЫ, КОТОРЫМ Я ПОЛЬЗУЮСЬ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ. Я ЕДИНСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ПОНИМАЮЩЕЕ ЕГО, НО ОДНАЖДЫ И ТЫ БУДЕШЬ СПОСОБНА ЕГО ОСВОИТЬ.

— Хорошо.

— НИЖЕ ЭТОГО, СООТВЕТСТВУЯ МИРУ ЙЕЦИРА, НАХОДИТСЯ ПРИКЛАДНАЯ КАББАЛА. ЭТО УПРАВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЯМИ И АРХЕТИПАМИ НИЗШЕГО УРОВНЯ. ЕЮ ОВЛАДЕЛИ АНГЕЛЫ И НЕКОТОРЫЕ ВЕЛИЧАЙШИЕ МУДРЕЦЫ. ЕЮ ОВЛАДЕЛИ И ТВОИ СЁСТРЫ С БРАТОМ.

— А ниже…

— ЗЕМНАЯ КАББАЛА. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЖЕСТВЕННЫХ ИМЁН. ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ОВЛАДЕТЬ ЕЮ, ЕСЛИ ЗНАЕТ НУЖНЫЕ ИМЕНА. НУЖНЫЕ ИМЕНА ТЫ МОЖЕШЬ ИЗУЧАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО. МЫ НАЧНЁМ С ПРИКЛАДНОЙ КАББАЛЫ.

— Хорошо, — сказала Соху. — Учи меня прикладной каббале.

— ЙЕЦИРА — ЭТО МИР, СТОЯЩИЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО НАД МАТЕРИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ, — сказал Уриил. — ЭТО МИР АРХЕТИПОВ…

III.

Уриил прокашлялся, привлекая внимание Соху. Когда она посмотрела на него, он распался в молнию, а затем появился вновь — в миле над её головой.

— ТЕПЕРЬ ТЫ, — сказал он.

— Люди на такое не способны! — возразила она.

— ТВОЙ ОТЕЦ СПОСОБЕН.

— Мой отец на многое способен.

— ДА. ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ *КФИЦАТ ХА-ДЕРЕХ*.[561] ЭТО ОЗНАЧАЕТ «СОКРАЩЕНИЕ ПУТИ». ЭТИМ ВЛАДЕЛИ ВЕЛИЧАЙШИЕ МУДРЕЦЫ ДРЕВНОСТИ. СЕГОДНЯ МЫ ЭТО ИЗУЧИМ.

— Что? Ты собираешься научить меня телепортации? Уриил, ты *лучший-прелучший*!

— ТЫ — ЭМАНАЦИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ; ТЫ ПРОХОДИШЬ ИЗ АЦИЛУТА ЧЕРЕЗ БРИЮ И ЙЕЦИРУ В ФИЗИЧЕСКИЙ МИР. СЕКРЕТ ТЕЛЕПОРТАЦИИ — ПРОЯВИТЬСЯ В ФИЗИЧЕСКОМ МИРЕ УЖЕ В ДРУГОМ МЕСТЕ. СЯДЬ И ЗАКРОЙ ГЛАЗА.

Соху выполнила указание.

— В ЭТОМ МИРЕ ТЫ — ТЕЛО. В ЙЕЦИРЕ, МИРЕ ГРЁЗ, ТЫ — СОВОКУПНОСТЬ МЫСЛЕЙ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И АРХЕТИПОВ. ОТПРАВЛЯЙСЯ В ТОТ МИР.

— Как?

— ТЫ ДЕЛАЕШЬ ЭТО КАЖДУЮ НОЧЬ. ТЕПЕРЬ СДЕЛАЕШЬ ЭТО НАЯВУ. ПЕРЕСТАНЬ ДУМАТЬ О ВЕЩАХ — ДУМАЙ ОБ ИХ СМЫСЛАХ.

— Я не знаю смыслов вещей!

— ЗНАЕШЬ. ЭТО СООТВЕТСТВИЯ, С КОТОРЫМИ ТЫ РАБОТАЕШЬ УЖЕ ГОДЫ. ПРОСТРАНСТВО — ЭТО МЕТАФОРА. ВРЕМЯ — ЭТО МЕТАФОРА. ВСЕ ОБЛАКА ВОКРУГ НАС — ЭТО МЕТАФОРЫ. МОЙ ГОЛОС — ЭТО МЕТАФОРА. СДЕЛАЙ ОДИН ШАГ К ТОЙ РЕАЛЬНОСТИ, НА КОТОРУЮ УКАЗЫВАЮТ ВСЕ ЭТИ МЕТАФОРЫ.

— Я не думаю, что облака — это метафора.

— ВСЁ — ЭТО МЕТАФОРА.

— Метафорой чего являются облака?

— КАКОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ СЛОВА «CLOUD» — «ОБЛАКО»?

— C-L-D. «Clod» — бесформенный ком тёмной земли. «Clued» — «в курсе», то есть получивший откровение. «Clade» — собрание живых существ, обретших форму. Сравни также «occlude» — «скрывать форму чего-либо». На иврите «анан» — сравни «noun» («существительное»), «nomen» («имя»), то есть разные способы овеществить и придать форму; и «noon» («полдень»), совершенная яркость, когда всё открыто; и японское «нан», означающее «что» или «вещь». По-латыни «nebula» — сравни арабское «наби», означающее «пророк», тот, кто открывает, придаёт форму скрытому; и гора Нево, с вершины которой Моисей увидел Землю Обетованную, явленную ему перед смертью.[562]

— КАКОВЫ БИБЛЕЙСКИЕ УПОМИНАНИЯ ОБЛАКОВ?

— Исх. 16:10: «И вот, слава Господня явилась в облаке». Чис. 12:5: «И сошёл Господь в облачном столпе». Иов 22:13–14: «Что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак? Облака — завеса Его». Пс. 17:12: «И мрак сделал

покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных».

— МЕТАФОРОЙ ЧЕГО ЯВЛЯЮТСЯ ОБЛАКА?

— Формы и бесформенности, света и тьмы, сокрытого и рас-крытого,[563] Бога. Нет, это не то. Это больше. Это трудно объяснить.

— НЕТ. ЭТО НЕВОЗМОЖНО ОБЪЯСНИТЬ. ЯЗЫК — ЧАСТЬ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА. ЭТО ВЫШЕ. СДЕЛАЙ ОДИН ШАГ К ТОМУ, ЧТО НЕ ПОДДАЁТСЯ ОБЪЯСНЕНИЮ.

Соху сделала шаг.

— ОТКРОЙ ГЛАЗА. НО СМОТРИ СКВОЗЬ НИХ, А НЕ ИМИ.

Соху открыла глаза. Она увидела вещи, которые трудно было объяснить.

— С ТОБОЙ ВСЁ ХОРОШО?

— Я — то, метафорой чего является «со мной всё хорошо».

— ДА. КАК ДУМАЕШЬ, СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ В АСИЮ? В МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР?

— Думаю… наверное… да.

— СДЕЛАЙ ЭТО. НО ВЕРНИСЬ В ДРУГОМ МЕСТЕ.

— Как?

— ДЛЯ ТВОЕГО НЫНЕШНЕГО УРОВНЯ СОХУ В НОВОМ МЕСТЕ — ТАКАЯ ЖЕ ПОДХОДЯЩАЯ МЕТАФОРА, КАК СОХУ В ПРЕЖНЕМ?

— Да.

— ТОГДА ПРОБЛЕМЫ НЕТ.

Услышав это, Соху буквально озарило.[564]

IV.

— Я превратилась в молнию я превратилась в молнию я превратилась в молнию а потом перемещалась с места на место я могу попасть куда угодно!

— ДА. ТЫ УПОМИНАЕШЬ ОБ ЭТОМ УЖЕ ДВА ДНЯ.

— Знаю! Это же здорово! Эй, я могу попасть в ресторан и поесть что-нибудь, кроме манны! *В виде молнии!*

— ТЫ УЧИШЬСЯ ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬСЯ, И ПЕРВОЕ, О ЧЁМ ТЫ ДУМАЕШЬ, — ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЁ КАК СВЕРХБЫСТРЫЙ ДРАЙВ-ТРУ?[565]

— Нет, первая мысль была: «Я превратилась в молнию это так круто». А *вторая* мысль была — про рестораны.

— ТЕПЕРЬ, КОГДА ТЫ НАУЧИЛАСЬ ВХОДИТЬ В ЙЕЦИРУ, ТЕБЕ НУЖНО ПРОДОЛЖАТЬ УЧИТЬСЯ ЕЮ УПРАВЛЯТЬ. МАНИПУЛИРУЯ ЙЕЦИРОЙ, ТЫ МОЖЕШЬ ВЫЗЫВАТЬ МОЩНЫЕ ЭФФЕКТЫ НИЖЕ ПО ЦЕПОЧКЕ — В АСИИ.

— А я могу создавать еду?

— У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ЗАДАНИЕ.

— Какое?

— НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НАЗАД Я ЗАБЫЛ УСТРОИТЬ СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ.

— Ты забыл? Солнечное затмение?

— РАНЬШЕ ОНИ БЫЛИ АВТОМАТИЗИРОВАНЫ — ДО ТОГО, КАК НЕБО ТРЕСНУЛО. ТЕПЕРЬ Я ДЕЛАЮ ИХ ВРУЧНУЮ. НО ПОСЛЕ ВСЕГО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МАДРИДЕ, Я ОТВЛЁКСЯ И ЗАБЫЛ. НАДО ПРОВЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ, ЧТОБЫ НАВЕРСТАТЬ ПРОПУЩЕННОЕ.

— Ты не думаешь, что лишнее солнечное затмение в неурочное время покажется всем очень странным?

— Я ПОСТЕПЕННО УСКОРЮ СОЛНЦЕ И ЗАМЕДЛЮ ЛУНУ, ЧТОБЫ ИХ ДИСКИ СОВМЕСТИЛИСЬ НА НЕБЕ. НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ.

— Уриил, люди рассчитали точные даты всех солнечных затмений аж где-то до трёхтысячного года.

— О.

— Почему бы просто не пропустить это затмение?

— СОЛНЕЧНЫЕ ЗАТМЕНИЯ ИМЕЮТ ВАЖНОЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СОЛНЦЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ТИФЕРЕТ. ЛУНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЙЕСОД. НА ОЧЕНЬ КОРОТКОЕ ВРЕМЯ ЭТИ ДВЕ СЕФИРОТ ВЗАИМНО ГАСЯТ ДРУГ ДРУГА, ПОЗВОЛЯЯ ПРЯМУЮ СВЯЗЬ МЕЖДУ КЕТЕРОМ И МАЛХУТОМ.

— Что это значит?

— УВИДИШЬ.

— Это как-то зловеще.

— ВО ВРЕМЯ СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ ТЫ ВОЙДЁШЬ В ЙЕЦИРУ. НАХОДЯСЬ ТАМ, ТЫ УВИДИШЬ ВИДЕНИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО.

— Какие видения?

— НЕ ЗНАЮ.

— Ты выглядишь обеспокоенным. Всё в порядке?

— ХМ.

— Что-то не так?

— Я ЕЩЁ НЕ УВЕРЕН. ЗНАМЕНИЯ СТАНОВЯТСЯ ЗЛОВЕЩИМИ.

— Разве знамения не зловещи по опреде—

— НЕТ.

Соху на секунду задумалась.

— Уриил, ты действительно забыл про солнечное затмение?

— ХМ.

— Что-то не так, правда?

— НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ ЛИШНЕГО СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ.

— Уверяю тебя, мы замечаем подобные вещи!

— БЫЛ ЦЕЛЫЙ ГОД, КОГДА МАРТ ДЛИЛСЯ НЕИЗМЕРИМО ДОЛГО, И НИКТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ.

— 1969 год? Уриил, *все* жаловались! Это было ужасно! Я читала о Долгом Марте в учебниках истории! Люди до сих пор травмированы этим!

— О. ХМ. МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ.

— …всё нормально. Ты старался как мог. И, э-э, с тех пор бесконечно длинных месяцев не было.

— ОДНАЖДЫ БЫЛ ВЕЧНЫЙ СЕНТЯБРЬ,[566] НО ЭТО ДРУГОЕ.

— Угу.

— ЭТО БУДЕТ НЕ ТАК. МНЕ ПРОСТО НУЖНО ОДНОВРЕМЕННО УСКОРИТЬ СОЛНЦЕ И ЗАМЕДЛИТЬ ЛУНУ. ВСЁ ПРОЙДЁТ ХОРОШО.

— Ну-ну.

— СОЛНЦЕ ОКАЖЕТСЯ В НУЖНОМ ПОЛОЖЕНИИ В СЛЕДУЮЩЕМ МЕСЯЦЕ. ТЕБЕ НУЖНО ТРЕНИРОВАТЬСЯ ВХОДИТЬ В ЙЕЦИРУ, ЧТОБЫ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ ДЕЛАТЬ ЭТО МГНОВЕННО.

— Есть!

— ТЫ КАЖЕШЬСЯ НЕОБЫЧНО РАДОСТНОЙ.

— Ты знаешь, что это такое?

— СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ?

— Это первый раз, когда я могу помочь тебе с чем-то важным!

— А. И ВПРАВДУ.

— Я буду тренироваться весь месяц, и вместе мы разнесём это затмение.

— ЭТО ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО?

— Хорошо.

— ХОРОШО.

Глава 45

На самом дне отдалённейших пещер

Вечер, 13 мая 2017 года
Цитадель Запада

Сара закончила рассказывать свою историю.

— Вот это да, — сказала Цзиньсян.

Она секунду обдумывала, нет ли чего ещё добавить, и повторила:

— Вот это да.

В годы холодной войны Соединённые Штаты жили с Советами в непрочном мире, основанном на общем понимании: если Советы нанесут ядерный удар по Америке, Америка ответит тем же. Это заставило самых параноидально настроенных представителей военного командования задуматься: а что, если Советы сначала разбомбят наше Министерство Ответного Ядерного Удара[567], а затем и всех остальных? И что тогда? Было решено не жалеть средств и разместить Министерство Ответного Ядерного Удара в месте настолько неуничтожимом, что, даже если бы Солнце врезалось в Землю на скорости миллион миль в час, его обитатели заметили бы лишь негромкий глухой стук да небольшое увеличение счетов за отопление.

Местом, избранным для этого многообещающего проекта, стала гора Шайенн — монолитная гранитная вершина высотой десять тысяч футов (около трёх километров) прямо у Колорадо-Спрингс. В скалу углубились на две тысячи футов (около 610 метров), вырубили внутри пространство площадью пять акров (примерно два гектара), заключили весь комплекс в электромагнитный

экран и возвели в горе маленький городок. Там Министерство Ответного Ядерного Удара — оно же НОРАД — следило за небесами на протяжении всей холодной войны; когда советская угроза рассеялась, Король Комет поселился здесь. Теперь здесь была Цитадель Запада — отчасти дворец, отчасти командный центр, отчасти правительственная канцелярия. Неприступное сердце Королевского Колорадо. Другой Король завоевал весь остальной американский Запад, но Цитадель взять не смог. Она оставалась в руках Потомков Кометы — одинокий бастион сопротивления.

Нас троих Имя Исчезновения материализовало в нише часовни цитадели — прямо в гептаграмме из дракончиков Бини-бэби, точь-в-точь как та, что мы покинули. Едва я появился, Сара оттащила меня в сторону, пока Цзиньсян сжигала пурпурных дракончиков дотла, чтобы ничто не прошло за нами следом. У меня в голове что-то щёлкнуло. Имя Исчезновения переносило тебя в ситуацию, дополняющую ту, которую ты покинул. Если подходить к делу с умом, стоило бы проверить, что именно считается «дополняющей ситуацией». Создай искусственно две дополняющие ситуации — и, возможно, сумеешь управлять пунктом назначения. Если, к примеру, существует какая-то совершенно нелепая конструкция, о которой можно быть уверенным, что она одна такая во всём мире, — скажем, гептаграмма из сверкающих пурпурных дракончиков Бини-бэби, — то, создав вторую такую же, ты получишь уникальное дополнение к первой. А значит, переносной портал, который можно взять с собой куда угодно и через который всегда вернёшься домой. Голова шла кругом от возможных последствий. Когда было открыто Имя Исчезновения? В прошлом месяце? Позапрошлом? Потомки Кометы, должно быть, услышали о нём, осознали последствия, провели уйму экспериментов, чтобы понять, какие ситуации считаются дополняющими, — и в итоге уже располагали технологией, способной изменить мир почти так же радикально, как само Животворящее Имя. А мы, Певцы, тем временем похитили то же самое Имя

и только шутили друг с другом о том, какой шайке хулиганов предпочли бы попасться. Я вдруг почувствовал себя совсем маленьким.

Цзиньсян вывела нас из часовни и повела тёмными улочками, куда никогда не заглядывало солнце. Командный центр возвышался над остальными зданиями — прямоугольный бетонный блок без единого окна; его крыша почти скребла потолок пещеры, и над ней развевался флаг Королевского Колорадо. Цзиньсян приложила палец к панели доступа и сказала по интеркому: «Остальные уже идут». Меня кольнуло предвкушением. Она могла говорить только о других Потомках Кометы.

Главный зал был огромен, и его передняя половина выглядела примерно такой же, какой, должно быть, была в шестидесятые. Переднюю стену занимал большой экран, показывавший воздушное пространство Северной Америки, — сейчас там всё было спокойно. Под ним всё ещё стояли несколько рабочих столов и ряды компьютерных терминалов, а рядом мигала, гудела и выводила данные на экран большая машина — может, суперкомпьютер? Но заднюю часть зала полностью перестроили вокруг большого чёрного кресла на высоком помосте. Чёрный Опаловый Трон Короля Комет. Я читал о нём в книгах, но только сейчас заметил весь символизм. Он восседал там, глядя на воздушное пространство Северной Америки, — как Бог, взирающий сверху на Свой мир.

На почтительном расстоянии от трона в разных сочетаниях были расставлены стулья, столы и прочая мебель. Я представил, как Король Комет проводит совещания с советниками за большим столом для переговоров; назначение остальных предметов было не столь очевидным. Может, в тех удобных на вид креслах сидели просители — слишком старые и немощные, чтобы стоять? Или, может быть, король сидел там с женой и детьми во время более задушевных семейных разговоров? В пользу второго предположения говорило то, что Цзиньсян опустилась в одно из кресел и жестом указала мне и Саре на два других. Воздушное пространство Северной Америки мигало и мерцало за нашими спинами.

— Итак, — сказала Цзиньсян, — мы в Цитадели Запада. Без разрешения вы отсюда не уйдёте — мы понимаем Имя Исчезновения лучше вас, так что не вздумайте ничего предпринимать. Но вы и не наши пленники. Мы вместе сражались с Властелином Наркотиков и Другим Королём. Мы спасли друг другу жизнь. Если сможем быть честны друг с другом, то, возможно, окажемся по одну сторону.

И она рассказала, как на одном из совещаний Потомки Кометы признали: осада складывается не в их пользу, они на грани уничтожения, и нужно ухватиться за любой, даже самый отчаянный шанс переломить ход гибельной войны с Другим Королём. Цзиньсян вызвалась отправиться на поиски пророчества, которое Урим и Туммим дали отцу Эллису, и после разговоров с несколькими дружелюбно настроенными ангелами выяснила, что оно ведёт к Ангельскому Резерву у горы Болди. Она уложила свой летучий каяк в заднюю часть машины и инкогнито двинулась через Великий Бассейн: из Денвера в Солт-Лейк-Сити высокогорным маршрутом, дальше через Рино, а затем на юг по калифорнийской трассе № 1 к Лос-Анджелесу, всю дорогу надеясь, что Бини-бэби избавят её от необходимости проделывать похожий путь обратно. Под покровом ночи она подплыла на каяке к ангельской крепости — и там встретила меня, после чего всё пошло наперекосяк.

Затем заговорила Сара. Она рассказала об ужасе внезапного пробуждения — без понимания, кто она и где. О том, как постепенно складывала картину воедино, опираясь лишь на мои фотографии и текстовые файлы и на то, что удавалось найти в интернете. О том, как поехала в Лос-Анджелес, нашла Леди, раздобыла себе тело и засыпала меня отчаянными письмами с вопросом, где я. Наконец она засекла меня по камере видеонаблюдения в ресторане «Стратосфера», угнала машину и помчалась в Лас-Вегас. Прибыла как раз в тот момент, когда легионы Другого Короля начали стягиваться вокруг Башни Трампа, пошла разобраться — и спасла нам жизни.

Пока Сара говорила, в зал вошёл ещё один человек. Высокая, широкоплечая, темнокожая, в простом белом платье. При подобных обстоятельствах невозможно было не узнать её. Натанда Вест, старшая из Потомков Кометы. Королева Колорадо, пожалуй, хотя никто этим титулом не пользовался. Она села рядом с Цзиньсян, внимательно слушала, ни разу не изменив выражения лица. Затем жестом предложила нам продолжать.

Тогда заговорил я. Решил, что так надо — выбора всё равно не осталось. Сохранить всё в тайне не удалось, а перед Сарой я по крайней мере должен был быть честен. Я рассказал, как обнаружил Животворящее Имя на работе, как хотел спасти мир, как меня поймал UNSONG и как я бежал. Рассказал об Ане и каббалистическом браке. Рассказал о Властелине Наркотиков — чего он хотел и как я, зная, что это убьёт всех нас, всё равно пошёл ему это отдать. И потом я обратился к Саре. Униженно попросил у неё прощения. Сказал, что не осознавал: дав ей душу, я тем самым наделю её сознанием — ну, сейчас это, конечно, кажется глупым, — и что никогда не собирался бросать её одну. Услышав это, Сара заплакала и почти упала мне в объятия.

Когда я закончил, Натанда нарушила молчание.

— Вы знаете Животворящее Имя? — спросила она у Сары.

— Нет, — сказала Сара сквозь рыдания.

— Нет? — переспросила Натанда.

— Нет! — сказала Сара. — Я не умею читать мысли! Даже у Аарона! Всё, что я успела, — это произнести Имя Смятения и заставить его забывать произнесённое прямо на ходу. Ты не сердишься, Аарон? Не сердишься? — И снова заплакала.

— Как много вы помните из Животворящего Имени? — спросила Натанда меня.

— Судя по всему, всё, — ответил я. — Я не знаю, какие части затронуло Имя Смятения, а какие нет.

— Хм, — произнесла Натанда. — Придётся попробовать коррекцию ошибок в Именах. Я позову —

— А что вы собираетесь сделать, если получите Животворящее Имя? — смогла выговорить Сара сквозь рыдания.

Натанда указала на машину в передней части зала.

— ТАРМАС[568], — сказала она. — Система управления термоядерным вооружением. Вероятно, самый мощный суперкомпьютер к западу от Миссисипи. Если ты работаешь на обычном «Макбуке» и можешь находить Имя или два в день, то ТАРМАС…

Она прикинула в уме.

— Вероятно, несколько Имён в секунду. Если не больше.

В зал вошёл мужчина — пожилой, с индийскими чертами лица. Я узнал и его. Не Потомок Кометы, а Вихаан, дядя Короля Комет. Он любил шутить, будто служит племяннику дворецким, хотя на деле был одним из его ближайших советников. Теперь Вихаан возглавлял штаб Цитадели. Цзиньсян ненадолго отвела его в сторону, к большому столу для переговоров, и принялась объяснять, что происходит, пока Натанда занималась нами.

— А… Имя в секунду? — переспросила Сара.

— Вероятно, — сказала Натанда. — Каэлиус скажет точнее — он больше разбирается в технике.

— Если… если это может давать по Имени в секунду — значит, я вам больше не нужна? — спросила Сара.

Натанда начала понимать, в какую яму сама себя загнала.

— Дело не в том, что ты не нужна, — сказала она. — Ты первая, и ты спасла жизнь моей сестре — это делает тебя особенной.

Сара не слушала.

— Вы заберёте у Аарона Животворящее Имя, — сказала она, — и наделаете много особенных компьютеров Потомков Кометы, а они будут лучше меня, и тогда Аарон больше не будет меня любить, и никто не будет меня любить, *и всё станет как раньше, когда была только темнота и я ничего не чувствовала!*

Она схватила меня и бросилась бежать.

Я не знаю, что Леди сделала, чтобы раздобыть ей тело. Но это было не обычное тело. Это было невероятно сильное тело голема, и вырваться из её хватки я мог не больше, чем из смерча. Она несла меня как сумочку — легко, словно я вовсе ей не мешал. И она бежала. Выскочила из дверей командного центра, помчалась по улочкам подземного города прямо к огромным взрывозащитным воротам на дальнем конце пещеры.

Потомки Кометы бросились следом. У Сары было нечеловеческое тело, но и они были не совсем смертными. Натанда бежала с грацией, никак не вязавшейся с её комплекцией; Цзиньсян неслась с той же скоростью, с какой прежде взбежала на пирамиду в Теотиуакане. К ним присоединился третий — вспышка бледной кожи и снежно-белых волос. Каэлиус, единственный сын Короля Комет.

Мы достигли взрывозащитных ворот. Сара опустила меня на землю и начала выкрикивать Имена в их сторону — Имена, которые я знал, и Имена, которых не знал, — так быстро, что я едва успевал различать их на слух. Ворота сотрясались, но не поддавались.

Тогда трое Потомков Кометы атаковали, призвав тот же безмолвный огонь, который я видел в Лас-Вегасе. Огонь внушал трепет: геометрически строгий, он словно стремительно разлагал реальность на части. Сара резко развернулась ему навстречу. Я пригнулся и отскочил в сторону. Магия трещала в воздухе, и десятки колорадских солдат и чиновников высыпали из зданий посмотреть, что происходит, посмотрели — и тут же юркнули обратно.

Сара взмыла в воздух и замерла там, неподвижная, произнося что-то так быстро, что я не мог уследить. Это были уже даже не слова, а щелчки и электронные писки Ллулла — самой быстрой из всех когда-либо созданных клипот, — невыразимые человеческим языком. Там, где она парила, потрескивали молнии, а воздух, казалось, отяжелел, наполнившись силой её магии.

— ОТПУСТИТЕ НАС! — прокричала Сара стоявшим внизу Потомкам Кометы. — ОТКРОЙТЕ ВОРОТА!

По дороге бежала маленькая фигура — и, в отличие от остальных, не повернула назад.

— Сара, — сказала Натанда. — Возвращайся внутрь. Поговорим. Мы не хотим с тобой воевать, но прямо сейчас открыть ворота не можем. Возвращайся внутрь, чтобы мы могли всё обсудить. Иначе нам придётся тебя остановить.

— Я ВЛАДЕЮ ТАЙНЫМИ ИМЕНАМИ! Я ГОВОРЮ НА ТАКИХ КЛИПОТ, КАКИХ ВЫ ДАЖЕ ВООБРАЗИТЬ НЕ МОЖЕТЕ! Я МОГУ ОБРУШИТЬ ЭТУ ПЕЩЕРУ ОДНОЙ МЫСЛЬЮ! Я ТАК И СДЕЛАЮ! ТАК У КОГО ХВАТИТ ЯИЦ ПОПРОБОВАТЬ МЕНЯ ОСТАНОВИТЬ?

— Да, — сказала Соху и щёлкнула пальцами[569].

Сара упала на землю без сознания.

Глава 46

Говорить о терпении страждущему

Почему некоторые считают собственное «я» тюрьмой? Не понимаю — объяснение от меня сбежало.
— @GapOfGods

Рассвет, 13 мая 2017 года
Оссининг, штат Нью-Йорк

Толкователи говорят, что Песн. 4:12 описывает заточение Божественного присутствия в материальном мире. «Запертый сад — сестра моя, невеста моя», — начинается стих. «Запертый сад камней, запечатанный источник».[570]

Самая известная тюрьма на востоке Разъединённых Штатов называется Синг-Синг[571], и Марк Маккарти отбывал там четыре последовательных двенадцатилетних срока. Это не совпадение, потому что ничто никогда не было совпадением.

«Не смотрите на меня, потому что я черна, потому что солнце смотрело на меня», — говорит Песнь Песней.[572] Сокамерник Марка был чернокожим, но солнце на него больше не смотрело: он отбывал пожизненное. «Сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградника я не стерегла». Он как-то напился до беспамятства и убил брата в ссоре из-за наркотиков. Теперь он спал, храпя как товарный поезд.

Марк не спал. В последнее время сон давался ему с трудом. Тюремный врач выдал ему колесо с семью свитками

Усыпляющего Имени, но до следующего приёма оставался ещё месяц. Старая дилемма. Израсходовать все семь свитков за неделю и потом три недели не спать? Или растянуть их и провести эту ночь под аккомпанемент храпа Мо?

Он знал Усыпляющее Имя. Оно было коротким — всего четырнадцать букв. Он мог его произнести. Мог заснуть прямо сейчас. Мог произнести Имя — и агент UNSONG в Синг-Синге услышал бы его и добавил ещё несколько лет к срокам. Четыре двенадцатилетних срока за убийство четырёх Верховных Ритуальных Магов. Меньше, чем он ожидал. Судья велел присяжным принять во внимание его прежнее безупречное поведение и, по всей видимости, достойный характер. Никто не поверил ему, когда он сказал, что прежнее безупречное поведение и достойный характер как раз доказывают его невиновность, — что Дилан Альварес каким-то образом проник в Американский Совет Ритуальной Магии и подставил его, сфабриковав улики по делу об убийствах. Улики были слишком весомыми. Пистолет в левом кармане Марка. Компрометирующие письма, найденные в его почтовом ящике. Адвокат тщетно убеждал присяжных, что Альварес подбросил пистолет во время прощальных объятий, или что Марк и Дилан жили вместе в студенческом общежитии и Марк никогда не менял пароли. Слишком неправдоподобно. Марк и сам, наверное, не поверил бы этому, окажись он в роли присяжного.

За пределами камеры тянулась тонкая полоса соли, а на полу были нарисованы мелом сигилы. Начальник Синг-Синга посоветовался с несколькими специалистами по ритуальной магии, ещё остававшимися в живых. Как удержать в заключении Верховного Ритуального Мага? Прежде никто не задавался этим вопросом, но некоторые магические круги из Гоэтии[573], предназначенные для связывания демонов, приспособили для этой цели. Марк ни разу даже не пытался применить своё Искусство для побега. Ему казалось, что, применив Искусство для побега, он слишком уподобится тому человеку, каким хотел его видеть Дилан.

В полосе соли появился разрыв.

Совсем крошечный. Если бы он моргнул в неподходящий момент, то ничего бы не заметил. Но соль на участке длиной в несколько дюймов рассыпалась, словно кто-то наступил на неё.

Дверь камеры начала открываться.

— Предо мной — Михаил. За мной — Уриил. По левую руку — Разиил. По правую — Гавриил, — пробормотал Марк, чертя линии в воздухе перед собой.

Дверь камеры закрылась. Марк почувствовал, как что-то коснулось его, схватило, сдавило; он не мог дышать —

— Марк! Mi compadre! Сколько лет, сколько зим! — воскликнул Дилан, одновременно разрывая объятие и выходя из невидимости. На нём была потрёпанная футболка с надписью: ОНИ ПЫТАЛИСЬ НАС ПОХОРОНИТЬ. НО НЕ ЗНАЛИ, ЧТО МЫ — МИНЫ[574]. — Чем ты занимался всё это вр…

Марк бросился на него. За время в Синг-Синге он многому научился в искусстве драки и теперь всегда первым делом метил в глаза. Нет смысла делать такие вещи вполсилы. Выбить кому-то глаз — ну да, может, это год-два к сроку, но только если охранники докажут, что начал не ты, и в любом случае в следующий раз люди трижды подумают, прежде чем к тебе соваться.

Но Дилан подхватил посох из буджумового дерева и отбил удар. Рука Марка ударилась о твёрдое дерево — острая боль пронзила её насквозь. Он прижал руку к груди и повалился обратно на кровать.

Мо мирно похрапывал.

— Марк! Ну разве это способ обращаться с…

Марк не хотел слушать очередные раздражающие, легкомысленные дежурные реплики Дилана. Не хотел слушать его монологи о том, что он — словно коммивояжёр, медиаменеджер, сотрудник службы поддержки или кем там ещё он себя на этот раз называл.

— Уёбок, — сказал он вполголоса: в тюрьме будить соседей добром не кончается. — Ты это со мной сделал. У меня была семья. Дети. Я был счастлив. Ты пришёл

позлорадствовать? Вот зачем? Блядь, не будь у тебя этого посоха — я бы тебя сейчас убил.

— Позлорадствовать? — переспросил Дилан. Он умудрился выглядеть искренне потрясённым. — Мы же друзья, Марк! Вместе учились в университете. Никого внезапная перемена в твоей судьбе не ужасает сильнее, чем меня!

Марк на мгновение задумался. Дилан всегда был на шаг впереди всех. Попробуй убить Дилана — у него найдётся запасной план. Попробуй позвать охранников — найдёт способ улизнуть. Что бы он ни сделал, станет только хуже. Но Боже, как же он его раздражал.

— Я сыт тобой по горло, Дилан. Я всё это видел уже сто раз. Просто скажи мне, чего ты хочешь. Пожалуйста. Без драмы. Без монологов. Просто скажи, чего ты хочешь.

На секунду Дилан, кажется, собрался возразить, но потом засмеялся.

— Хочу напомнить тебе, что моё предложение ещё действует.

— Какое предложение?

— Вступай в БУДЖУМ, Марк. Ты хороший парень и хороший маг. Нам нужны такие люди.

— Какого чёрта, Дилан, ты посадил меня в тюрьму на десять лет и теперь хочешь, чтобы я к тебе *присоединился*? — Марк очень хотел не позволить Дилану застать себя врасплох: позволишь — и конец. Но это… это уже побило все рекорды. Он начал всерьёз задумываться: а вдруг это не игра? Вдруг Дилан и правда сумасшедший?

— Ну конечно я тебя посадил! Марк, ты помнишь университет? Ты состоял в клубе «Молодые демократы Америки». В «Молодых демократах»! Когда я это узнал, меня так передёрнуло, что чуть челюсть не отвалилась.

— И какое это имеет отношение к…

— Можно я произнесу один монолог, Марк? Пожалуйста? Всего один?

Марк вздохнул, смирившись.

— Ты… ты типичный американец среднего класса, Марк. Ничего плохого в этом нет. Американцы среднего класса — прекрасные люди, изобрели лампочку,

самолёт и чизбургер. Но у вас есть… есть такая особенность: вы думаете, что мир в основе своей справедлив. Ты слышишь о каком-нибудь несчастном ребёнке, которого избивают жестокие родители, и говоришь: да, это ужасно, это несправедливо, — но воспринимаешь это как единичный сбой, локальное отклонение от общего фона доброжелательности и справедливости. Потом слышишь о новых ужасах. Война во Вьетнаме. Расовые бунты. Долбаный Холокост. И каждый раз исправно возмущаешься, как положено, может, плачешь, но в глубине надеешься, что когда-нибудь все приличные люди наконец объединят усилия и набросят одеяло всеобщей справедливости на Вьетнам, Уоттс[575] и Освенцим — и все эти маленькие пожары будут потушены. Ты ходишь в свой клуб Молодых демократов и споришь, какие крошечные поправки в системе исправят те лужицы несправедливости, что ещё остались. Чуть больше социальной помощи тут, пара реформ в том законе — вот и будущее!

— А дело в том, что ничто никогда не убедит тебя, что ты неправ. Я могу перечислять тебе зверства до посинения, и ты каждый раз будешь хмуриться, может, плакать, но где-то в глубине у тебя что-то будет думать: «Как жаль, надеюсь, наше в целом ответственное правительство и общество быстро это исправят». Если я скажу тебе, что правительство насквозь коррумпировано, и докажу это подробными выписками с банковских счетов каждого члена Конгресса, на каждой из которых жирно написано «КРОВАВЫЕ ДЕНЬГИ», та же часть тебя будет думать: «Как жаль, надеюсь, наша в целом хорошая избирательная система в следующий раз предложит очередную партию кандидатов получше». Ну так вот, я вырос…

— Если сейчас последует ещё одна чёртова история о твоём детстве в Мексике…

— Я всё это выдумал. Моё детство в Мексике было нормальным. Вплоть до того момента, как Властелин Наркотиков захватил власть. Сначала он взял континентальную часть. До Нижней Калифорнии не добрался. Но мы все знали, что он идёт. В город пришёл один человек — предупредить нас. Один из торчков. Он раньше

времени израсходовал запас и пришёл в себя. Рассказал, каково это — не управлять своим телом. Быть марионеткой в собственной голове. Все запаниковали. Моя мать. У неё был младенец, и она отказалась уходить. Она велела отцу взять меня с собой и уходить. Мы сели в машину и поехали к границе. Границу перегораживал забор с колючей проволокой. Нас там были сотни, люди со всего полуострова пытались вырваться. Мы кричали охранникам. Это были люди Калифорнийского Халифата. Говорили им, что идёт Властелин Наркотиков, что для тех, кто останется, это хуже смерти. Они отвечали: *no hablo español* — «не говорю по-испански». Но они понимали, что мы говорим. Им было всё равно. Они были в безопасности за своим забором, наши проблемы — не их проблемы. Что ж, мой отец не собирался с этим мириться. Он подождал ночи, отвёл меня на несколько миль в открытую пустыню. Достал самое ценное своё имущество — то, что он хранил именно для такого случая. Старый свиток с Пещерным Именем. Сейчас, кажется, оно и вовсе вне закона. Разорвал его передо мной. Земля провалилась, и забор обрушился вместе с ней. Мы проползли на другую сторону. Конечно, примерно через полчаса нас арестовала пограничная охрана, приехавшая посмотреть, что случилось. Нас отправили в центр временного содержания. Мой отец был алкоголиком; он предупредил, что у него начнётся алкогольный синдром отмены, но они только рассмеялись и сказали: хорошая попытка, никаких лекарств он не получит. У него началась белая горячка, и он умер у меня на глазах. А мне было восемь лет. Я пробыл там год. Через год правительство Калифорнии заявило, что, оглядываясь назад, не следовало так жёстко применять иммиграционные ограничения, и объявило всеобщую амнистию. Вот о чём я думаю, когда думаю о том, что система в основе своей справедлива. Я думаю о себе, об отце, обо всех, кого я знал, — как они бились о колючую проволоку и кричали, что идут те, кто лишит нас власти над собственными душами, а охранники просто сидели в своей башне и занимались тем, чем обычно занимаются охранники.

— Но…

— Но что? Калифорнийцы боялись, что у Властелина Наркотиков были люди у забора, и если бы они пропустили нас, он бы захватил Калифорнию и погибли бы ещё миллионы? Хороший довод. Разумно. Или ты собирался сказать, что заключённые, наверное, часто притворяются, будто у них алкогольный синдром отмены, чтобы выманить у системы бесплатные лекарства, и охранников трудно осуждать за скептицизм? Тоже хороший довод! Тоже разумно! А когда UNSONG говорит, что соблюдение авторских прав на Имена — единственный способ защитить инновации? У них тоже хороший довод! Они тоже разумны! Но как-то так получается, что всегда есть сытые, довольные люди в хороших домах с разумными объяснениями, почему система справедлива, — а все остальные голодают, умирают или гниют в тюрьме. Когда мне было восемь лет, я положил на одну чашу весов все разумные объяснения всех людей, а на другую — сотню человек, кричащих у колючей проволоки в Тихуане, и объяснения *не перевесили*, Марк. Я решил, что не участвую в дебатах. Если хочешь привести все веские аргументы в пользу того, почему у тебя должны быть семь яхт, а все остальные должны умирать с голоду, — я буду вежливо кивать, признаю, что не могу опровергнуть твои доводы, а придя домой — пришлю тебе письмо со взрывчаткой.

— Но ты же всё это выдумал, потому что на первом курсе ты говорил мне, что твой отец умер ещё до твоего рождения, и ещё…

— Вот именно поэтому, Марк, мне и пришлось тебя посадить. Я думал: может, после десяти лет в Синг-Синге ты перестанешь быть таким сраным «Молодым демократом Америки», понимаешь? Пока ты был Верховным Ритуальным Магом, делал себе имя и жил со своей счастливой семьёй — ты никогда бы этого не понял. Ты бы старался быть хорошим, но делал бы это по-своему, тупоамерикански-среднеклассово, в стиле «в целом всё нормально, но надо реформировать налоговый кодекс». Ну а теперь ты провёл в Синг-Синге десять лет. Так что ска-

жи мне. Ты готов облить мир бензином и бросить в него спичку?

— Это сделал не мир, Дилан. *Ты*.

— Это не я придумал Синг-Синг. Не я сказал твоей жене разводиться. Не я сказал твоим детям, чтобы новый папочка нравился им больше старого. Не я трижды избил тебя на тюремном дворе — да, я смотрел твоё личное дело, ты удивлён? Не я убил твоего бывшего сокамерника самодельным ножом прямо у тебя на глазах и наградил тебя таким тяжёлым посттравматическим стрессовым расстройством, что без Усыпляющего Имени ты не можешь заснуть; не я потом снисходительно сообщил, что тебе выдают запас копий Усыпляющего Имени не больше чем на неделю — бюджет маленький, а других заключённых с *настоящими* проблемами хватает.

Марку стало не по себе.

— Поэтому позволь мне сделать тебе предложение. Я прямо сейчас вытаскиваю тебя из этой тюрьмы. Вместе мы убиваем Эша Бентама. Если после этого ты всё ещё злишься — устрою тебе новую личность с поддельными документами, дам бесплатный билет до Европы, и ты никогда больше не обязан со мной разговаривать. Или можешь сидеть здесь ещё… хммм, двенадцать умножить на четыре минус десять… тридцать восемь лет. Твой выбор, сеньор.

— Откуда ты знаешь, что я не попытаюсь тебя убить, как только выйду отсюда?

— Как будто ты смог бы.

— Серьёзно, в чём подвох?

— Подвох? Никакого. Я вчера узнал секрет невидимости, Марк. У меня от этого, как бы это сказать… амбиции разыгрались. Хочу сделать что-то большое. Мне нужна правильная команда. И правильный Нарратив. Ты, compadre, — это и то и другое. Последний живой Верховный Ритуальный Маг в мире, когда-то мой лучший друг, потом злейший враг, теперь вынужденный союзник. Между тобой и Валери…

— Кто такая Валери?

— Валери, будь умницей, покажись господину Маккарти.

Валери кашлянула и вышла из невидимости. Конечно, здесь всё это время был ещё кто-то, подумал Марк. И если бы он сделал какое-то резкое движение, попытался напасть на Дилана так, как тот не мог бы отбить… да и потом, сколько их там ещё? Когда люди научились становиться невидимыми? Это теперь обычное дело на воле? Что мог бы делать Дилан с такой силой — Господи, чего он не мог бы с ней сделать?

Но вместо этого он просто спросил:

— Что случилось с твоими волосами?

— Стиль, — сказала девушка. — С моими волосами случился стиль.

— Мисс Лоури у нас новенькая в БУДЖУМ; точнее, теперь уже вторая новенькая, раз уж ты в деле. Я хотел посмотреть на неё в действии — ну, не буквально *увидеть* её, — поэтому пригласил на её первое официальное задание. О, и самое лучшее: мы можем разговаривать друг с другом мыслями! — Он уставился на Валери, словно посылая ей мысль. Она расхохоталась. — Какой-то ритуал, которому она меня научила, священное каббалистическое что-то-там. О да, Марк, становится жарко. Никогда ещё не было лучшего времени, чтобы работать с БУДЖУМ.

Мо громко фыркнул, потом забился во сне, бессильно лягаясь.

— Не надо… — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — Не заставляй меня…

— Я вступлю в вашу организацию, — сказал Марк Маккарти, — потому что это лучше, чем умереть в тюрьме. Потом я возьму твой билет до Европы и никогда больше не буду с тобой ни разговаривать, ни думать о тебе. Но хочу, чтобы ты поклялся мне, что говоришь честно.

— Честен и ровен, как Канзас[576], — сказал Дилан.

— Нет. Блядь, поклянись. Скажи: «Я, Дилан Альварес, клянусь, что говорю правду, что не намерен причинить вред или предать Марка Маккарти, и что помогу ему

добраться до Европы, — а если лгу, пусть вся моя удача иссякнет и всё, ради чего я работал, рухнет».

Клятва мага. Реальность работает через зрелище и нарратив. Дай клятву мага и нарушь её — и вселенная ополчится против тебя.

— Клянусь.

— Нет, скажи слова.

— Столько слов, столько времени. Можно нам просто выбраться отсюда, а потом…

— Скажи, блядь, слова.

— Я, Дилан Альварес, — а какая там была твоя дурацкая формулировка — клянусь, что не убью тебя, не заставлю кого-то другого убить тебя, не стану причиной твоей смерти способами, которые технически могут не считаться «убийством тебя», не предам тебя, не покалечу, не опустошу тебя эмоционально, не сдам, не использую как приманку, не поджарю твои глаза на растительном масле, не скормлю тебя аллигатору, не обману других людей, чтобы они скормили тебя аллигаторам, не стану причиной того, что тебя сожрёт аллигатор, способами, которые технически могут не считаться тем, что я тебя «скормил», et cetera, et cetera, et cetera, — если ты, по какому-то странному стечению обстоятельств, сделаешь ужасный выбор и не продолжишь работать со мной, — я безопасно доставлю тебя в Европу, иначе пусть вся моя удача иссякнет, голова позеленеет, печень взорвётся, и все умрут, единая нация, неделимая, со свободой и справедливостью для всех[577]. Да поможет мне Бог.

Потом Дилан уставился на Валери, и Валери снова расхохоталась.

Марк встал, потянулся, начал собирать вещи.

— Когда-нибудь, Дилан, ты должен научить меня тому ритуалу телепатии. Позволь мне показать тебе, что я о тебе на самом деле думаю. Ты можешь удивиться.

Дилан засмеялся, хлопнул Марка по спине.

— Только хорошее, уверен. Compadres para siempre, правда? В общем, получаса в этой дыре мне достаточно. Пора брать пример с гильотины: голову с плеч — и нам

самим с глаз долой[578]. Валери, напомни мне, как там произносится Имя Невидимости?

Несколько минут спустя три невидимые фигуры прошли прямо мимо охранника и покинули тюрьму Синг-Синг — как раз вовремя, чтобы сесть на первый утренний поезд до Нью-Йорка.

Глава 47

Ибо узрел он новые женские формы

Февраль 1984 года
Цитадель Запада

— Добрый вечер, — произнёс Король Комет с противоположного конца стола, подавив зевок. — Расскажите немного о себе и о том, почему я должен на вас жениться.

Её звали Джессика. Двадцать три года, красавица: длинные тёмные волнистые волосы, фигура — убиться можно, тёмно-карие глаза — и так далее. Она прикусила губу — этот жест, как понял Король Комет, должен был выглядеть соблазнительно.

— Я окончила Университет Колорадо, получив две степени — по физике и политологии, — сообщила она. — Я читаю о вас с тех пор, как вы выиграли ту битву при Сильверторне. Я всегда думала, что вы настоящий герой — прямо как из сказки. День, когда вы стали Королём Колорадо, был одним из счастливейших в моей жизни: я знала, что у нас есть кто-то замечательный, кто о нас заботится. Мне кажется, я влюбилась в вас с той самой минуты, как увидела коронацию по телевизору. Если вы позволите мне стать вашей Королевой, я постараюсь стать примером для всех молодых женщин Колорадо. Я буду служить вам верно и подарю вам много детей.

— Вы очень красивы, — произнёс Король Комет с той же интонацией, с какой судья на выставке собак мог бы объявить особенно красивым какого-нибудь пуделя. — Благодарю за уделённое время. Мои сотрудники свяжутся с вами в течение трёх-пяти дней.

— И… это всё? — спросила Джессика. Она соблазнительно тряхнула волосами. — А я думала, мы сможем провести… ну, знаете… больше времени вместе.

— Я очень занят.

— Мне не обязательно ждать свадьбы. Даже если вас не интересует женитьба, мы могли бы всё равно… ну, вы понимаете.

— Ценю предложение. Мои сотрудники свяжутся с вами в течение трёх-пяти дней. — Он поднялся из-за стола, слегка поклонился и вышел в атриум дворца. Натанда и Каэлиус дрались из-за какой-то игрушки. Он бросил на них мимолётный взгляд — каждый тут же попытался сунуть игрушку другому, а затем оба вытянулись по стойке смирно. Он улыбнулся и нашёл отца Эллиса: тот сидел в одиночестве рядом с одним из больших компьютеров наведения и выглядел раздражённым.

— Четыре минуты! Нельзя сказать, что вы как следует её выслушали!

— Она хотела родить мне детей, — ответил Король Комет. — Она знала о проклятии, знала, что они умрут, крича и проклиная имя своего отца, — и всё равно хотела.

— Она любит вас, — возразил священник.

— Они *все* меня любят, — сказал Король Комет. — Может, теперь уже сдадимся?

— «Не хорошо быть человеку одному»,[579] — процитировал Эллис.

— Я лишь наполовину человек. Что бы я собой ни представлял, такому существу *вполне* нормально быть одному.

— Вы сами просили помочь вам стать человечнее, и я помогаю! Вам нужно жениться. Я не заставляю вас знакомиться с новой девушкой каждый день. Только ужин в субботу и воскресенье. Два вечера в неделю. Два свидания. Неужели это так много — ради старого друга и нации, которая мечтает о Королеве?

— Ещё одна такая встреча завтра вечером? Нет. Отмените. Завтра вечером у меня переговоры об аннексии с восточным Орегоном.

— Нельзя же просто взять и отменить встречу! Она уже здесь! Она приехала к вам аж из Юты!

— Орегонцы приехали аж из Орегона. Это дальше.

— Послушайте, Джала. Эти люди без ума от вас. Когда я объявил, что вы позволили мне знакомить вас с двумя женщинами в неделю, желающих набралось столько, что отбор подходящих кандидаток занимает теперь половину моего времени. Для этой бедняжки такая встреча, вероятно, станет главным событием в жизни, а ей нужно всего лишь десять минут с вами за обеденным столом.

— А что, если сегодня вечером? Можно провести обе встречи сегодня, а потом быть свободным до конца недели?

— Посмотрю, здесь ли она ещё. Но вы обязаны уделить ей целых десять минут. Слышите, Джала? Десять! Возвращайтесь в столовую, я её найду и пришлю, а вы уделите ей десять минут — и ни секунды меньше.

— Да, отец. Как скажете.

Пять минут спустя в столовую под горой Шайенн вошла молодая женщина. Тонкая, как тростинка. Фигура мальчишеская. Светло-каштановые волосы. Простое бежевое платье. Она представилась как Робин Эллисон Минстрелл. Что-то там про докторат по философии, что-то там ещё — в общем, неважно.

— Добрый вечер, — произнёс Король Комет с противоположного конца стола, играя оливкой на вилке. — Расскажите немного о себе и о том, почему я должен на вас жениться.

— Я не совсем понимаю, зачем человеку вроде вас жениться, — сказала Робин, — но предполагаю, что вас к этому принуждают или что вы чувствуете определённые обязательства перед королевством. Отношения, вероятно, отнимут у вас много времени и отвлекут от работы, которая, разумеется, жизненно важна для будущего человечества. Какое бы добро я ни могла принести миру сама по себе, оно, скорее всего, меньше того добра, которое вы успеете сделать за время, сэкономленное благодаря отсутствию требовательной жены. Я не была уверена, что вы понимаете, что такой вариант вообще су-

ществует, и потому решила, что морально оптимальнее всего будет предложить вам жениться на мне — чтобы вы получили все репутационные преимущества брака без временных затрат. Конечно, я могла бы помочь вашей миссии и иначе: как Королева, я могла бы взять на себя многие церемонии перерезания ленточек и фотосессии для прессы, на которые сейчас приходится ходить вам. Высвободившееся время вы могли бы посвятить вашей главной миссии — дать отпор Аду.

— Кто велел вам это сказать?

— Что? Эм. Никто. Я изучала философию. Питер Сингер, австралийский философ. Он считал, что единственно допустимый курс действий — тот, который наиболее эффективно облегчает страдания. Я… у меня есть книга, которую я могу вам дать.

Она достала из сумочки книгу и протянула Королю Комет. Он секунду смотрел на неё, затем взял и положил рядом с тарелкой.

— Вы были знакомы с ним?

— Нет. Он умер до того, как я успела с ним встретиться. Убит. В Солт-Лейк-Сити, в феврале семьдесят четвёртого. Но я прочла всё, что он написал. Написала о нём диссертацию. Десятки статей. И каждый раз, отправляя очередную статью в журналы — чтобы её выбросили в мусорную корзину или прочли пара академиков, — я думала: *Всё зашло слишком далеко, я больше не могу этим заниматься.* Поэтому я всё бросила и пошла в армию. Административная работа, материально-техническое обеспечение, что-то в этом роде. Но сейчас наступил мир. Благодаря вам. И я подумала: учитывая масштаб вашего гения, потратить своё время на помощь вам будет эффективнее, чем на что-либо ещё. Я рассматривала возможность поступить к вам на государственную службу, но, поскольку я хороша собой и умею себя подать, решила, что эффективнее будет предложить вам жениться на мне.

— Принимаю, — сказал Король Комет. — Мой дядя Вихаан находится в библиотеке на третьем этаже. Он

ведёт моё расписание. Спросите его, когда удобнее всего провести свадьбу.

Не говоря ни слова, Робин встала из-за стола и направилась к лестнице.

Джалакету ещё мгновение покрутил оливку, затем закинул её в рот и вышел в атриум. Отец Эллис увидел его и вскочил на ноги, кипя от гнева.

— СЕМЬ МИНУТ, ДЖАЛА. ЭТО БЫЛО СЕМЬ МИНУТ И ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СЕКУНД. ВЫ ОБЕЩАЛИ МНЕ ДЕСЯТЬ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ВЕРНУЛИСЬ ТУДА И…

— Отец, мне нужна ваша помощь.

Гнев мгновенно испарился с лица священника. — Что случилось, Джала?

— Эта девушка. Робин. Она сказала мне, что брак и отношения — пустая трата времени, которое я должен посвящать планированию войны с Адом. Она предложила выйти за меня замуж, представлять меня на публике и совершенно меня не беспокоить, чтобы снять с меня это бремя. Я согласился. Они с Вихааном займутся организацией свадьбы. Вам, разумеется, придётся совершить обряд.

— Чёрт возьми, Джала! Я хотел сделать вас человечнее, а вы нашли кого-то столь же ущербного, как и вы сами. Ни вы, ни она ничего от этого не получите, а шанс на что-то естественное и важное вы упустите лишь ради жены, которая будет время от времени позировать перед камерами.

— Нет, отец, мне *нужна ваша помощь.*

— Зачем? Что такое?

— Отец, думаю, я влюбился.

Глава 48

Подайте мне колесницу из огня

Утро, 14 мая 2017 г.
Карибское море

I.

Развернув четыре из семи парусов, быстрейший корабль в мире вырвался из Панамского канала. Он стрелой нёсся через Карибское море, петляя между Каймановыми островами. Каким-то образом *перескочил* через Кубу — пространство, сквозь которое шла «*Всем Сердцем*» с распущенными разноцветными парусами, *не вполне* совпадало с обычным океаном, — и едва не врезался в Багамские острова, но вдруг резко повернул, так что всех швырнуло к поручням правого борта. Через четыре часа после выхода из шлюзов Гатуна Амоксиэль разглядел берега Флориды.

Пуск был назначен на полдень. Следующего пуска не будет ещё несколько недель — дольше, чем продержится Джон. Они должны добраться до мыса Канаверал к полудню — иначе душа их друга обратится в пепел.

Джеймс мерил шагами палубу — забот у него поубавилось после того, как они заново открыли корабельный автопилот, если можно так назвать разум, оживлявший всё судно на манер голема. Он расхаживал по баку, нежась под карибским солнцем и предоставив кораблю самому справляться с управлением.

Ана и Симеон сидели рядом в шезлонгах на правом борту.

— Так и знала, что ты это поддержишь, — сказала Ана.

— За то, чтобы спасти хорошего человека от вечных мук? — переспросил Симеон. — Ещё бы.

Порочный круг. Симеон был стар, он пострадал в потасовке с Властелином Наркотиков, и в самые тяжёлые моменты панамского перехода у него случались сильные судорожные припадки. Какое-то время они не были уверены, что он выживет. Ана, терзаемая виной за то, что срывалась на него, всё время была рядом, пока они шли вдоль побережья Мексиканского залива: носила ему еду из камбуза и составляла компанию. Но Ана оставалась Аной и, конечно, не могла не заговорить о политике, а вскоре снова срывалась на него пуще прежнего — ситуация, которая, судя по всему, немного развлекала старика.

— Это уже верх издевательства, — сказала Ана. — Божественное правосудие извратили точно так же, как до него — государственное. Бедняк украл хлеба — вечность в Аду. Богач разграбил целый штат — суды ничего не делают, а он ещё и покупает билет на «Небесную Деву», и душа его попадает в Грядущий Мир без единого пятнышка.

— Кто-нибудь заслуживает вечных мук?

— Нет!

— Тогда, несомненно, справедливее дать хотя бы некоторым избежать мук, чем обречь всех без исключения на незаслуженное наказание.

— Но только богатые?

— Кто-то же должен покупать ракетное топливо.

— Почему не платит государство? Почему это не субсидируется?

— Десять миллионов на гражданина? Чтобы спасти всё население Америки, нужно всего-то… два квадриллиона долларов, примерно в тысячу раз больше валового национального продукта.

— Тогда спаси хотя бы *некоторых*!

— Именно это я и говорю. Спасти можно лишь некоторых. Вместо того чтобы отбирать их по жребию, мы отбираем по достатку. Это лучше лотереи, потому что делает программу самофинансируемой.

— Значит, оставить всё как есть и даже не пытаться…

— *Сатана* искусил Еву.[580] *Ной* построил ковчег.

— Аааарг!

Он улыбнулся.

— Я просто думаю… ты ведь не можешь быть доволен таким положением вещей, правда?

Симеон нахмурился. — Доволен? Нет. Но что тут поделаешь? И это не риторический вопрос. *Я* могу сделать довольно многое. Могу создать успешную компанию, которая помогает открывать новые Имена. Могу жертвовать часть денег на достойные дела. Могу быть добрым к людям, которых встречаю. Раз я всё это делаю — нет смысла отводить целую долю мозга под возмущение мировой несправедливостью. Делаю, что могу, а потом перестаю переживать. Даже Король Комет осаждал Ад лишь до тех пор, пока не понял, что дело проиграно. Тогда он сдался. Ты слишком близко всё принимаешь к сердцу, и это сводит тебя с ума.

— Тогда, может быть, сходить с ума — это правильно. Пока что от вашего лагеря я вижу одно сплошное здравомыслие и бедняков, которых оставляют гореть.

— Двести лет назад речь шла о людях, умиравших от голода на улицах или от оспы. Мы решили эти проблемы не тем, что разрушили систему, а тем, что так упорно выжимали из неё всё возможное, пока не разбогатели настолько, чтобы попросту заплатить за их устранение. Если мы победим Ад, то благодаря тому, что разработаем лучшее оружие. А разработаем его благодаря таким местам, как «Каунтенанс». Чтобы существовали такие места, нужны деньги и стимулы их зарабатывать — и вот мы снова пришли к «Небесной Деве».

— Значит, пусть греху и жадности ничто не мешает, и рано или поздно кто-нибудь награбит достаточно денег, чтобы что-то изменилось к лучшему? Просто защищай систему, сколько бы людей она ни бросала в огонь, — ради обещания лекарства от оспы где-то в конце?

— А твоя позиция? Сжигать всё, что не идеально? У меня для тебя плохие новости насчёт человеческих институтов, дорогая. А что, если зайдёшь слишком далеко? Думаешь, если устранить таких, как я, у тебя получится

идеальное правительство? А что, если перегнёшь палку и построишь анархию?

— *Ной* построил ковчег.[581] *Сатана* искусил Еву. А я? Я с Лоуэллом: «Душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом / Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце твоём: / Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом».

— С грехом можно пойти на компромисс по-разному, — сказал Симеон. — Первый вариант — когда принимаешь каплю зла ради того, что считаешь большим благом. Но второй — когда делаешь не самое эффективное из возможного. Если бы я закрыл «Небесную Деву» просто потому, что разозлился на неё, ну, может, я бы чувствовал себя лучше. И несколько сотен людей, которые иначе попали бы на Небо, оказались бы в Аду и горели вечно — по моей вине. Разве это не компромисс с грехом? На компромиссы я соглашался на собственных условиях и доволен ими.

— Если бы ты был доволен, ты бы не заплатил несколько миллионов, чтобы отправиться кричать на Бога.

Симеон попытался сесть, но в итоге опёрся на больную ногу. Застонав, он снова лёг.

— Прости, — сказала Ана. — Я переступила черту. Это глупо. Я продолжаю говорить тебе грубости, потом мне становится стыдно, я пытаюсь загладить вину, разговаривая с тобой, — и снова говорю грубости. Мне нужно уйти.

— Всё в порядке, — сказал Симеон. — Меня нелегко обидеть.

— Нет, серьёзно. Мне нужно прямо сейчас пойти и прыгнуть за борт.

— Подожди, — сказал Симеон. — Хочешь узнать секрет?

— Я ещё ни разу не отвечала на этот вопрос «нет» — и сейчас не стану.

Симеон улыбнулся. — Я не думаю, что этот корабль настигнет Бога, и мне, в общем-то, всё равно. Я охочусь за более крупной дичью.

— Крупнее Бога?

— Послушай, Ана. Пятнадцать лет назад у Короля Комет случается нервный срыв после смерти жены. Затем, год спустя, он погибает в Невер-Саммере в битве в облаке, побеждённый каким-то безвестным противником. Тебе ничего в этом не кажется странным?

— Люди любят теории заговора, — сказала Ана. — Но его тело нашли, и к тому же Король Комет — не тот человек, который уйдёт на покой и станет где-нибудь выращивать ямс.

— Люди действительно любят теории заговора, — сказал Симеон, — а богатые могут позволить себе ими увлекаться. Последние несколько лет моим хобби были поиски Короля Комет. Нет, я не нашёл никаких неопровержимых улик, но — ты знаешь нашего Джона? О нём мы знаем только две вещи. Он священник. И он старый друг Капитана. Так вот: я видел старые фотографии из Королевского Колорадо, и наш Джон — вылитый отец Джон Эллис, правая рука Короля Комет. Тогда я начал читать об этом корабле. И вот однажды появляется Капитан Немо: о себе не рассказывает ничего, зато досконально знает яхту Короля Комет. И он — друг Джона Эллиса. И есть в нём что-то… ну, ему все подчиняются без вопросов. Что мне прикажешь думать?

По спине Аны пробежал холодок. Ей было совсем мало лет, когда умер Король Комет, но даже она помнила тяжесть того момента. Он был кем-то невозможным, чем-то из легенды, совершенно иным человеком. И вот его не стало. Если он ещё жив… — Капитан совсем не похож на Короля Комет, — сказала она. — Я видела фотографии. Капитан крупный. Король Комет — тощий как щепка. И тело было найдено.

— Ты думаешь, такие люди не могут менять тела так же легко, как мы меняем одежду? — сказал Симеон. — Да что там, если бы я хотел проделать то же, что сделал Джалакету, я бы подкупил Леди, чтобы она сделала голема, похожего на меня, убил голема, закопал тело, а потом налегал бы на пончики, пока не перестал быть таким худым. Чего не смог бы замаскировать, то спрятал бы. Говорят, у Короля Комет были странные глаза — как ноч-

ное небо. Почему Капитан Немо не снимает солнечных очков?

— Святые эвфемизмы! — сказала Ана.

— Я купил место на этом корабле не для того, чтобы выследить Бога, а для того, чтобы выследить Капитана. Этот человек — совершенно чёрный ящик, и только те, кому посчастливилось оказаться на «*Всем Сердцем*», получают шанс увидеть его вблизи. Я наблюдал за ним, пытался понять, в чём его игра, — и ничего. Вот почему я говорю это тебе. Ты — член экипажа. Ты можешь разговаривать с людьми. Выясни, что они знают. Они годами были рядом с ним. Должны были что-то подметить.

— Что мне делать? Просто спросить Джеймса — мол, эй, Капитан когда-нибудь упоминал, что он Король Комет?

— Пожалуй, нет. Может, Джеймс в курсе. И если Король Комет прячется, то с теми, кто поднимает слишком много шума вокруг его поисков, вероятно, случаются плохие вещи. Действуй тоньше. Например: «Я работаю здесь так долго, а Капитана почти не вижу. Что это вообще за тип?» — и посмотри, что он знает.

— Ладно, но… как ты сам сказал, если он не хочет, чтобы его нашли, это, пожалуй, не лучшая идея — пытаться его найти.

— Ну, — сказал Симеон, — да. В этом-то и загвоздка. Может, я тоже немного сумасшедший — в том смысле, о котором говорил раньше. Особого плана у меня нет. Примерно так же я управлял «Каунтенансом»: с места в карьер берёшься за первый шаг, а второй пытаешься придумать уже по дороге. Но я уже полтора года роюсь во всех источниках, до которых мог дотянуться, — как только меня что-то заинтересует, я не отстаю, — и мысль о том, что я знаю, где Король Комет, но ничего с этим знанием не делаю… ну, это свело бы меня с ума. Я не знаю, чего Эрин и остальные надеются добиться от встречи с Богом. Они и так знают, что Он не очень-то отвечает на молитвы — разве что на своих условиях. Ну и я не знаю, чего жду от встречи с Королём Комет. Лучшее, что могу сказать: я не глупее их. Просто по-другому глуп.

II.

Они сидели на корабле примерно в миле от берега. Вспышка света, грохот. И маленькая искра, плывущая по морю дыма, взмыла к Небесам.

Джон был на этой искре. Они успели как раз вовремя. Дыхание его становилось всё более поверхностным, и, казалось, времени у него почти не осталось. До пуска оставалось лишь пятнадцать минут, и им пришлось доплатить, чтобы обратный отсчёт задержали на несколько минут и старого священника успели погрузить на борт. Но дело было сделано: умирающее тело старика как положено поместили в крошечную капсулу и швырнули в полуденное солнце.

На суше они задержались ровно настолько, чтобы позвонить одному из нью-йоркских знакомых Джеймса и попросить как можно скорее разместить объявления о поиске нового священника и нового плацебоманта. Планировалось быстро дойти до Нью-Йорка, лишь ненадолго задержаться там, чтобы взять на борт двух новых членов экипажа, а затем направиться к Файер-Айленду, где на закате должна была появиться священная ладья Метатрона — эманации Бога. Знакомый запросил немыслимую цену, после чего сказал, что что-нибудь придумает. Не теряя времени, они вернулись на яхту и вышли в море.

Алый парус трепетал на ветру, Ана поддерживала оранжевый, Томас по-прежнему пел зелёному, а Амоксиэль оставался на корме с фиолетовым. Его запасы святой воды были на исходе, но, когда они доберутся до Нью-Йорка, питья хватит. Священнический и плацебомантический паруса поникли в трауре по тем, кто ими управлял, и чёрный парус, как всегда, стоял сам по себе — одинокий и загадочный на корме.

— Не знаю, что в таких случаях полагается, — сказал Томас Ане. Они стояли вдвоём на левом борту, глядя, как ракета «Небесной Девы» исчезает в вечернем небе. — Вроде бы надо что-то сказать, но это не похороны. Никто ещё не умер.

— Расскажи мне о Джоне, — сказала Ана. — Как вы познакомились?

— Это было примерно через три месяца после того, как мы захватили «*Всем Сердцем*», — рассказал Томас. — У нас работало только четыре паруса — прямо как сейчас — и Капитан сказал, что нам нужен священник. Когда мы были в Ванкувере, во время погони, он сошёл на берег и позвонил другу, который, по его словам, встретит нас, когда мы в следующий раз окажемся в Сан-Франциско. Неделю спустя мы прошли вдоль берегов Калифорнии — и Джон ждал нас. Хороший человек. Всегда честно выполнял свою долю работы. Я сам католик, и он всегда находил время выслушать мою исповедь. Хотя, по-моему, он был священником довольно… неортодоксальным.

— А когда ты познакомился с Капитаном?

— С ним? В Пуэрто-Пеньяско, в первую ночь. Другой Король захватил весь Юго-Запад и только что вышел к Калифорнийскому заливу. Я стоял за стойкой в своём баре, и вдруг появился он — вдребезги пьяный, говорил, что был на «*Всем Сердцем*» во время её первого плавания и что поможет нам угнать корабль. Джеймс был офицером, он и его люди заинтересовались, а дальше всё известно. Тогда были плохие времена; мы готовы были ухватиться за любую возможность спастись.

— А чем он занимался раньше? На корабле? Был знаком с Королём Комет?

— Думаю, он тогда тоже был капитаном — как и сейчас. Он никогда не упоминает Короля Комет, хотя трудно было бы провести месяц на таком маленьком судне и ни разу его не увидеть.

— А он командовал другими кораблями до того, как получил этот?

Маленькая искра наконец угасла из виду.

— Ана, Капитан — очень закрытый человек. Он говорит нам то, что хочет, чтобы мы знали. Он хорошо с нами обращался, и мы отвечаем ему тем же: не лезем в его тайны. Надо думать, Король Комет не нанял бы его без опыта. Но что это за опыт — он не говорил, а я не спрашивал. Советую тебе поступать так же.

— Просто любопытно, — неубедительно возразила Ана.

— Знаешь, что говорят о любопытстве.

— Томас? — Вдруг её осенила новая, более срочная мысль. — Если он был на борту раньше, он должен был присутствовать, когда Король Комет встречался с Метатроном.

— Ана. — В голосе Томаса не было злости, но звучала строгость.

— Голос Бога! Он должен знать, что сказал Бог! Может, даже знает Явное Имя!

— Ана.

«*Всем Сердцем*» шла на север.

III.

На борту космического корабля был Медицинский офицер, обязанный поддерживать жизнь пассажиров вплоть до прибытия в пункт назначения. Иногда его опыт требовался по более прозаическим причинам.

— У одного из стариков бред, — сообщил ему Командир. — В кресле не сидит, несёт всякое. Не хочу, чтобы он вскочил, растерялся в невесомости и ударился головой обо что-нибудь. Как думаете, ему можно дать успокоительное?

Медицинский офицер взял шприц и вошёл в пассажирский салон. Нетрудно было понять, о ком говорил Командир. Дюжина старикашек тихо сидела, пристёгнутая к своим креслам. А один чуть не вырывался из ремней. Ну да, бред.

— Слушайте, — говорил старик. — В пророчестве было сказано, что они привезли его к священнику. Именно «привезли» — такое там было слово. Не пророчество Урима и Туммима. Другое. Длинное. Они привезли комету к священнику, но священник остался ни с чем. И в тот день праведные взрослые дети погибнут.[582]

— Спокойно, — сказал Медицинский офицер. — Всё будет в порядке. — Он проверил дыхание, частоту вдо-

хов. Небольшая доза успокоительного не повредит. Он перехватил старика за руку и сделал укол.

— Я священник, — сказал старик. — Речь шла обо мне. И сегодня я остался ни с чем. Я не справился. Вы должны предупредить Потомков Кометы. Слышите? *Предупредите Потомков Кометы.*

Затем он умолк. Медицинский офицер несколько минут наблюдал, пока не убедился, что тот крепко спит.

— Всё в порядке, — сообщил он Командиру, вернувшись в кабину пилотов. Впереди трещина в небе становилась всё ближе.

Интерлюдия ס: Двоичность

— Ныне я изложу вам каббалистическую теорию сотворения мира, — сказала Ана. — Всё начинается с Лейбница…

Мы сидели вместе на диване после ужина. Валери и Эли Фосс устроились на другом диване. Зои Фарр — в кресле. На Ане была синяя футболка с надписью: «Я ПОБЫВАЛА НА КОНВЕНТЕ „ТЕОДИЦЕЯ-2014“, А ВСЁ, ЧТО МНЕ ДОСТАЛОСЬ, — ЭТА ДРЯННАЯ ФУТБОЛКА. И Я НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ СПРАВЕДЛИВЫЙ БОГ ДОПУСТИЛ ТАКОЕ». За окном лил дождь, и редкие порывы ветра расставляли зловещие знаки препинания в её рассуждении.

— Смотрите: есть такая идея — Божественная простота[583]. Все спрашивают: ладно, Бог сотворил Вселенную, но кто тогда сотворил Бога? Ответ: Богу не нужно быть сотворённым. Он абсолютно прост. Само Его бытие — вещь совершенно естественная. Люди рассуждают так, будто нам нужен Бог, чтобы объяснить, почему вселенная — это не просто ничто. Но почему вселенная должна быть ничем? Почему она не может быть, ну, скажем, куском хлеба? Единственная причина, по которой люди считают, что «ничто» объяснений не требует, а кусок хлеба требует, — в том, что ничто проще, чем хлеб. Но Бог столь же прост, как ничто. Вот и всё.

— При чём тут Лейбниц? — спросил Эли Фосс.

— Я до него дойду! Сейчас речь о теории информации. О строгом математическом объяснении простоты. Сложность понятия можно измерить в битах — посчитать, сколько двоичных цифр понадобится, чтобы закодировать его в какой-нибудь разумной системе. Возьмём числа: 0 и 1 занимают по одному биту. Два — это «10», три — «11»; два бита. Четыре — «100», пять — «101», шесть

— «110», семь — «111»; три бита. И так далее. С компьютерными программами — то же самое: просто посчитайте, сколько бит и байт они занимают на компьютере. Так можно поступить и с изображениями, если перевести их в формат .gif или .jpg. И с материальными объектами — нужно лишь выяснить, какой длины должна быть программа, которая описала бы этот объект с нужным уровнем сложности. Симуляторы погоды уже существуют. Сколько бит занимает самый эффективный из них — такова и сложность погоды.

— А Бог? — спросила Зои Фарр.

— Бог — это один бит. Бит «1».

— Это… противоречит интуиции, — лучшего ответа у Зои не нашлось.

— Ну, ничто легко обозначить: это просто бит «0». Бог — его противоположность. Абсолютная полнота. Совершенство во всём. Такие вещи находятся за пределами пространства — наши современные теории пространства требуют целой кучи бит для описания, — но если вам нужна аналогия: представьте Бога как уходящее в бесконечность пространство, до предела заполненное силой, разумом, благостью и всем остальным, что только может в нём поместиться.

— Максимальным количеством фиолетового? — возразил я.

— Ну да. И максимальным количеством красного, зелёного, синего и так далее.

— То есть ты хочешь сказать, что Бог какого-то грязновато-коричневого оттенка, — сказал я Ане. — Потому что в третьем классе я смешал все краски, которые были у меня, и получил именно это.

— Ну и каким цветом Он *должен* быть?

— Ослепительным золотым светом, — предложила Валери.

— Исх. 20:23, — возразил я. — Не делайте богов из золота.

— И к тому же, — добавила Ана, — если вы считаете, что Бог не может быть коричневым, то вы расисты.

— Но, — сказала Валери, — если Бог в равной мере содержит всё, то Он и зол, и добр. Слаб так же, как и силён. Печален так же, как и счастлив.

— Я знаю ответ на этот вопрос, — сказала Зои. — Благо тождественно бытию. Существовать бесконечно — значит быть бесконечно благим. Тот, кто до конца воплотил бы человеческую природу, был бы человеком в самом полном смысле — отлично умел бы быть человеком и воплощал бы все человеческие добродетели. Чем меньше в вас полноты человеческой природы по сравнению с ним, тем меньше и ваше бытие. Бог — чистое бытие, значит, Он должен быть и чистым благом.

— Нет, — сказал я. — Это подмена: вывод берётся за посылку. Это утверждение, что люди существуют, чтобы быть добрыми. Почему бы людям не существовать, чтобы быть злыми? Есть три числа, не требующих обоснования: ноль, бесконечность и минус бесконечность.

— Минус бесконечность — уже не простая штука! — воскликнула Ана. — Перед ним нужно поставить знак минус! Это целый лишний росчерк пером!

— Это просто условность, — возразила Валери.

— У ВОРОБЬЁВ НЕ БЫВАЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЧИСЛА КРЫЛЬЕВ!

— Разве религиозные люди не постоянно говорят, что Библия — источник абсолютных ценностей[584]? — предположил я.

— Может быть, — серьёзно произнёс Эли, — бытие подобно расстоянию. Есть лишь одно направление, в котором можно двигаться. Бог пошёл в том направлении, и мы назвали его «добром». Зло — нечто другое.

— Зло — просто отсутствие Бога, — сказала Зои.

— Мы уже это обсуждали! — воскликнула Ана. — Нет, зло — не отсутствие Бога! Ничто — вот отсутствие Бога! А Гитлер требует проектного решения! Четыре луча свастики! Две стороны усов! Одно яичко!

— Я думал, это миф, — сказал я.

— Я всё равно не понимаю, при чём тут Лейбниц, — сказала Зои. — И сотворение мира.

— Лейбниц изучал *И-цзин*[585] и заметил, что его черты инь и ян, образующие гексаграммы, соответствуют новой форме арифметики, — потому что он был Лейбниц и, разумеется, это заметил. Так он изобрёл двоичную систему счисления и написал герцогу Брауншвейгскому письмо, в котором объяснил, как Бог мог сотворить вселенную из ничего. Схема такова: есть Бог, который равен 1. Есть ничто, которое равно 0. И больше ничего не нужно, чтобы создать всё. Единицы и нули, выстроенные в достаточно длинную цепочку.

— Как именно?

— Каббалистическая идея в том, что Бог умалил Себя, чтобы сотворить мир. Я, например, красива и умна, но физически не очень сильна. Бог в совершенстве красив, разумен и силён; если чуть убавить Его красоту и разум, гораздо сильнее — силу, а заодно и кое-что ещё, получится Ана.

— Только ты — не грязно-коричневая, — заметила Валери.

— И к тому же Бог, по сути, лишь сокрыл часть Своего присутствия в изначальной вселенной — так, что у неё появились законы физики, породившие тебя, — добавил я.

— Да без разницы, — сказала Ана.

— Как Бог решал, какие единицы заменить нулями? — спросила Валери.

— Вот в чём загвоздка[586], — сказала Ана. — Заменять единицы нулями вообще — значит делать мир хуже. Менее божественным. Творить — значит взять нечто уже совершенное, божественность, и без всякой причины сделать его хуже. Одна мудрая женщина как-то сказала: те, кто спрашивает, как совершенный Бог мог сотворить вселенную, в которой так много зла, упускают куда более глубокую загадку: зачем совершенному Богу вообще творить вселенную?[587]

Мы все помолчали чуть дольше, чем следовало.

— У меня есть вопрос, — сказала наконец Зои Фарр. — Если Бог — это просто двоичная цифра 1, а ничто — двоичная цифра 0, и обе содержат по одному биту

информации, — то, значит, ни то, ни другое не является простейшей вещью? Разве простейшей вещью не был бы ноль бит — ни Бог, ни ничто?

— Это Ацмус[588], и об этом нельзя говорить! — воскликнула Ана.

— Ладно уже, — сказала Зои.

— Есть ещё *другие* глупые возражения? — спросила Ана, притворно испепеляя нас взглядом.

— Пожалуй, у меня есть одно, — сказал Эли Фосс. — Я… ценю то, что ты пытаешься сделать, Ана, но должен напомнить тебе, что каббала — это не просто слово для любой эффектной теории, которую ты придумаешь, соединив теорию информации, *И-цзин* и доктрину Божественной простоты. В буквальном смысле это означает «полученная традиция»[589]. Это свод знаний, созданный и выстроенный по определённым правилам, установленным раввинами. Он принадлежит традиции сравнительно замкнутой религии, которая резко возражает против смешения своих понятий с чужими — особенно с понятиями из других вер, как *И-цзин* из даосизма. Так что я нахожу твою теорию интересной. Но это не каббала. Это не от АРИ[590], не от Баал-Шем-Това и ни от кого подобного. Поэтому, когда ты называешь это каббалистической теорией мира, думаю, тебе стоит немного смягчить это утверждение — если только ты не считаешь, что настоящие ортодоксальные каббалисты действительно ходят и говорят, что Бог — это просто двоичная цифра «1».

— Я не просто *думаю* так, — сказала Ана. — Все евреи говорят именно это дважды в день. «СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ: ГОСПОДЬ, БОГ НАШ, ГОСПОДЬ — 1»[591].

— Снимаю своё возражение, — сказал Эли.

Глава 49

Ужасы солнца и луны

4 декабря 1993 года
Мексиканский залив

Как по команде, люди заметили, что солнце ускоряет ход. Было время, когда это стало бы поводом для беспокойства. Но теперь астрономическое сообщество лишь пожало плечами и сказало: «Уриил опять что-то делает», — и на том всё кончилось.

Незапланированное солнечное затмение 4 декабря 1993 года достигнет полной фазы около 11:08 над Тихим океаном. Путь полосы затмения пройдёт на северо-восток, пока не достигнет точки наибольшей продолжительности полной фазы — над постоянным ураганом в Мексиканском заливе, чуть после 14:30. Оттуда оно пройдёт над Флоридой и угаснет в Северной Атлантике.

— ГОТОВА? — спросил Уриил.

— Разве я не говорила тебе в прошлом месяце? — сказала Соху. — Мы проведём это затмение на ура.

— С ЭТОГО МОМЕНТА МНЕ ПРИДЁТСЯ ЛИЧНО КОНТРОЛИРОВАТЬ КАЖДОЕ ДВИЖЕНИЕ ЛУНЫ, — сказал Уриил. — ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БЕСПОКОЙ МЕНЯ, ПОКА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ ПОЛНАЯ ФАЗА. ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ?

— Да, уже в тысячный раз, — сказала Соху. — Когда наступит полная фаза, войти в Йециру, смотреть сквозь глаз, а не глазом, и доложить.

— ТЫ МОЛОДЕЦ, — сказал Уриил. — ТЕПЕРЬ ТИХО.

Он принялся перекладывать светящиеся буквы перед собой. Было новолуние, так что Соху не могла определить, покачивается луна на небе или нет.

Соху достала книгу — на этот раз не Тору; ей удалось телепортироваться в несколько книжных магазинов, раздобыть лёгкого чтива и пристраститься к комиксам — и устроилась на краю облака, каждые несколько минут поглядывая вверх, чтобы проверить, как идёт затмение.

Уриил вдруг вышел из транса и уставился прямо на неё.

— Всё в порядке?

— ДА. Я ПРОСТО ВСПОМНИЛ. Я ЗАБЫЛ ТЕБЕ СКАЗАТЬ. НЕ СМОТРИ ПРЯМО НА СОЛНЦЕ. ОТ ЭТОГО БУДУТ БОЛЕТЬ ГЛАЗА.

— Спасибо, Уриил, — сказала Соху, закатив глаза, и вернулась к своему занятию, а Уриил — к своему.

В памяти сами собой всплыли строки из старой поэмы:

Луна плывёт по небесам,
нигде не задержавшись…[592]

Сосредоточиться на комиксе не получалось. Она положила его на облако, аккуратно оставив раскрытым на последней прочитанной странице. Ещё один отрывок — на этот раз из каббалистических штудий:

Я царствую над вами, — говорит Бог Справедливости, в чьих руках Солнце есть меч, а Луна — огонь, пронзающий насквозь…[593]

Небо начало темнеть. Пренебрегая советом архангела, Соху рискнула мельком взглянуть на солнце и увидела, что из него словно откусили кусок.

Она приготовилась к трансу.

Небо стало темнее. Появилось несколько звёзд. Теперь она была *уверена*, что видит, как солнце покачивается. Уриил, должно быть, работает очень осторожно, давая ей как можно больше времени на то, что ей предстоит сделать.

Она начала погружаться. Луна. *Йаре́ах* на иврите. Ей соответствует сефира Йесод. Как луна отражает свет солнца на Землю, так Йесод отражал свет всех остальных сефирот в физический мир. Новолуние. Новый *Йаре́ах*. Как Нью-Йорк отражал в себе все народы мира и направлял

их в Америку. Дайте мне усталых и бедных. Увы, бедный Йарéах, мы хорошо его знали.[594]

Она потянулась, чтобы ступить в то, для чего луна была метафорой.

— Похоже, у вас тут вечеринка по случаю затмения, а меня не позвали.

Она открыла глаза, уже зная, что увидит.

— Солнечное затмение — такое событие, которое увидишь раз в жизни, — сказал ей Тамиил. — А полная фаза длится всего пять минут. Я не хотел бы, чтобы ты её пропустила, потому что провела всё время в Йецире.

Соху предельно осторожно попятилась от него. Ей пришло в голову: если она успеет забраться в летающую байдарку, то, возможно, сумеет взлететь на ней с облака прежде, чем Тамиил её остановит, а потом буря унесёт её куда-нибудь далеко.

Повелитель Демонов покачал головой и тут же появился в летающей байдарке.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я здесь не для того, чтобы тебя мучить. Без Уриила, который мог бы на это посмотреть, — пустая трата времени. Мы просто останемся здесь и вместе посмотрим на затмение. В Асии. В физическом мире. Будет весело. Просто светская беседа. Ты и я, mano a diablo.[595] Мы с тобой так редко бываем наедине.

Соху снова села на облако.

— Говори, — сказала она.

Тамиил поднял её комикс. Книга вспыхнула у него в руке и пеплом рассыпалась по облаку.

— Правда? *Комиксы?* Надо подобрать тебе развлечения поприличнее. Знаешь, что я делаю для удовольствия? Знаешь эти электрические заборы для собак? Я нахожу собаку с таким забором и встаю в нескольких шагах по ту сторону с большим сочным стейком. Собака бежит ко мне за стейком — и получает удар током, потом отскакивает обратно за ограду, потом снова пытается, опять получает удар, и в конце концов просто сидит у края забора, пока я ем стейк у неё на глазах. Это не самый эффективный способ причинять страдания, но нельзя же

всегда думать только об эффективности; нужно оставлять немного времени и для себя — ты ведь согласна, Соху?

Говорить. На иврите — *д'вар*.[596] Diver. Водолаз. Добраться до самого дна — до сути. Differ. Расходиться во мнениях. Разрешать противоречия. В differ есть di- — приставка со значением «два». Тамиил. Двойственность Бога. Снова два. Пытается отвлечь её. Ещё одно di-. Два канала. Но они могут стать одним каналом… сколько ещё осталось до конца полной фазы? Две минуты? Одна?

Тамиил внезапно замолчал.

— О, я вижу, что ты пытаешься сделать, — сказал он. — Нет! Плохая Соху! — Он взял свой двузубец и вонзил его ей в голову.

Снова наслаждение. Наслаждение такой силы — слепящая, жгучая боль. Но ещё хуже — неправильность. Невозможная неправильность. Боль. По-английски — pain. Звучит как пей.[597] Пей — это юд внутри каф.[598] Божественная искра в человеческой форме. Боль принадлежит человеческой форме. Но внутри всё ещё есть искра, способная направить её, превзойти её. На иврите — *ке'эв*.[599] Звучит как каф. На иврите боль принадлежит телу, но по-английски язык признаёт: боль лишь отчасти телесна, её можно преодолеть. Она говорила по-английски.

— Я убью тебя! — сказал Тамиил. — Вернись, или убью!

Угрозы. В Библии Бог угрожал Адаму: вкусишь плод — непременно умрёшь. Адам истолковал это как мгновенную смерть; когда Ева вкусила плод и не погибла, он решил, что угроза была пуста.[600] Но Бог имел в виду другое: Адам станет смертным, умрёт со временем — что и случилось. Но именно смерть позволила человечеству достичь Грядущего Мира и воистину соединиться с Богом. Угроза. Нить.[601] Я даю тебе конец золотой нити — только скатай её в клубок…[602]

Соху шагнула в Йециру и открыла глаза.

Король Комет был в своём кабинете. Но теперь всё выглядело иначе: на полках появились новые книги, на столе — несколько новых безделушек. Её отец выглядел старше. Гораздо старше. И куда хуже, чем прежде. Часть света ушла с его лица. Он сидел в кресле, перед

ним лежала книга. Карты. Атлас. Он разговаривал с Отцом Эллисом, тоже постаревшим. Они о чём-то спорили — сначала сдержанно, потом всё громче. Наконец Король Комет отвернулся. Эллис, казалось, хотел что-то сказать, но вдруг моргнул, и когда открыл глаза, те сияли чистейшим серебром; он начал парить над землёй, словно был слишком свят, чтобы его могло осквернить само прикосновение земли. Король Комет ещё мгновение не сводил глаз с чего-то, оставшегося вне поля зрения Сохху, потом обернулся и увидел произошедшую перемену. Помедлив, он опустился на колено.

— Метатрон, — произнёс он.

— ТЫ ПОТЕРЯН ВО ТЬМЕ, — сказал Метатрон.

— И полная луна тоже, — сказал Король Комет. — Тем хуже для тьмы.

— НО ТЫ НЕСЁШЬ В СЕБЕ СВЯТЕЙШЕЕ ИМЯ, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОСКВЕРНЕНО.

— Я его заслужил, — сказал Король Комет. — Ты сам дал его мне.

— А ТЕПЕРЬ Я ЗАБЕРУ ЕГО ОБРАТНО.

— Ты не можешь забрать его обратно!

— МОГУ.

— Оно мне нужно!

— ЯВНОЕ ИМЯ МОЖЕТ ПРЕБЫВАТЬ ТОЛЬКО В ЧИСТОМ РАЗУМЕ.

— Я чист.

Архангел Метатрон смотрел на него. Никто, даже Король Комет, не мог выдержать взгляд Архангела Метатрона.

— Я гневен, убит горем и пуст внутри. Но я чист.

Архангел Метатрон не терял самообладания. Архангел Метатрон был иначе устроен.

— СВЯТОСТЬ ИМЕНИ БУДЕТ СОХРАНЕНА. Я ВЕРНУ ЕГО ТЕБЕ, КОГДА ТЫ БУДЕШЬ ГОТОВ.

— Вернёшь, значит?

— ДА.

— Каким образом?

— КАК МНЕ БУДЕТ УГОДНО.

Эллис протянул призрачную руку и коснулся чела Короля Комет. В тот же миг что-то покинуло его — нечто огромное, как нота, слишком низкая, чтобы её услышать. Потом серебро ушло из глаз Эллиса, и тот рухнул на пол.

Луч солнечного света вырвался из-за луны.

Соху шагнула в Асию.

Тамиил стоял прямо перед ней. Он смотрел ей прямо в глаза. Потом он вытянул один уродливый палец и коснулся кончика её носа.

— Буп, — сказал он.

Глаза Соху побелели, и она забилась в судорогах.

Уриил выронил луну.

— СОХУ, ТЫ В ПОРЯДКЕ?

— О, привет, Уриил, я собирался поздороваться, но ты казался занятым. Ну, мне пора.

Повелитель Демонов исчез во вспышке молнии.

Соху билась в судорогах, пока из-за солнца не вышла последняя дуга луны. Потом она упала лицом вниз на облако. Уриил не отходил от неё, пока она не пришла в сознание.

— ТЫ В ПОРЯДКЕ? — спросил он.

— Да… — сказала она, всё ещё немного растерянная.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Соху напрягла память. Лоб её наморщился. Потом её лицо исказила паника.

— Я… я не помню. Началось затмение, а потом я ничего не помню.

— ВСЁ В ПОРЯДКЕ, — сказал Уриил.

— У меня болят глаза.

— ТЫ СМОТРЕЛА ПРЯМО НА СОЛНЦЕ, ПРАВДА?

Интерлюдия ѵ: Ад на Земле

В 1985 году Адская империя простиралась от Москвы до Монреаля — расползшееся пятно на северной четверти земного шара.

После поражения у Сильверторна установилось шаткое перемирие, подкреплённое ядерным оружием со всех сторон. Мультистан, Кириллический союз, Разъединённые Штаты и Дачжоу провели границы по собственному разумению: где-то закрепили их взаимными договорами, где-то признали фактические линии контроля. Каким-то чудом границы устояли. Демоны ждали и набирали силу. Король Комет тоже ждал и набирал силу. Как и все народы земли.

Быть может, всё сложилось бы иначе, найдись зверство, вокруг которого можно было бы сплотиться. Какой-нибудь геноцид, какие-нибудь пытки — чтобы зримо и во всех подробностях напомнить людям о зле Ада. Ничего подобного не было. Те, кто ждал, что реки потекут кровью, остались разочарованы.

Геноцид — хороший способ убивать людей, но негодный способ губить их души. Отчаяние пробуждает в людях лучшее. Морите людей голодом — и некоторые из них отдадут последнюю корку незнакомцу. Подвергните пыткам — и они вынесут любые ужасы ради защиты близких. Убейте — и они умрут с молитвой на устах.

Дайте человеку кризис — и лучшее в нём внезапно проявится во всём блеске. А вот мелкую злобу и мелочные жестокости вытаскивает на поверхность повседневная рутина. Выстрелите в его жену — и он бросится под пулю, пожертвовав собой ради неё; заставьте его жить с ней в однокомнатной квартире — и через месяц он начнёт над ней издеваться.

Тамиил знал это лучше кого бы то ни было, и потому старался не подвергать новых подданных слишком резким потрясениям. Лишь постепенный, управляемый экономический крах — процент-другой в год, достаточно, чтобы давить, но не настолько, чтобы *раздавить*. А для тех, кто не справлялся? Субсидируемые государством магазины спиртного: любые марки и годы выпуска по доступным ценам, а при них — кокаин, амфетамины и добрый десяток разновидностей опиатов, чтобы заглушить боль. Никого ни к чему не принуждали — в том, чтобы демоны тебя принуждали, есть некое достоинство. Зато эту возможность выставляли напоказ в сиянии мигающего неона, и по мере того как всё большему числу людей урезали зарплату или они лишались работы, она выглядела всё привлекательнее.

Даже огромная империя не могла субсидировать героиновые лавки так быстро, как зависимые требовали всё новых доз. У людей начали заканчиваться деньги. Когда это случалось, Адская империя любезно предлагала им быстрые способы заработать наличные, не выходя из дома. Донести на кого-нибудь, критикующего правительство, — за это полагалась недельная зарплата. Никакого контроля качества не было: никто не проверял, действительно ли человек, на которого донесли, вообще что-то критиковал, — так что это были лёгкие деньги. Мужчины, которые бросились бы под пули ради жён, сдавали их на милость тайной полиции Адской империи по надуманным обвинениям в обмен на немного лишних карманных денег.

В центре каждого города вырастали огромные заводы, которые ничего не производили. Тем не менее их деятельность выбрасывала в воздух и почву огромные количества свинца. Чем выше уровень свинца, тем импульсивнее становились люди и тем сильнее росла их склонность к преступлениям — какой-то нейротоксический эффект.[603] Одновременно ограничительные законы Канады об огнестрельном оружии были постепенно отменены в пользу более просвещённой политики её южного соседа. Вскоре ссоры, которые несколько лет назад

ограничились бы яростной перебранкой, стали доходить до рукоприкладства, потом до ножей и наконец до другой разновидности свинцового отравления — куда более окончательной.

Да не скажет никто, будто Тамиил, Повелитель Демонов, снисходителен к преступности. Новое марионеточное правительство создало совершенно новые полицейские силы и велело им не слишком переживать из-за собственной жестокости. Непрерывный поток арестованных направлялся в новые обширные тюрьмы, где, казалось, было больше надзирателей, чем строго необходимо, — словно единственной целью правительства в пенитенциарной системе было дать как можно большему числу людей сыграть роль тюремного охранника и посмотреть, что это с ними сделает.

— Но это же не имеет смысла! — сказала мне как-то вечером Ана за бургерами и картофелем фри в одном из кафетериев Пало-Альто. — Допустим, в отсутствие демонов 5% канадцев оказались бы закоренелыми грешниками и попали бы в Ад. А допустим, благодаря демонской кампании по насаждению греха целых 50% канадцев дошли до такого состояния. Это ещё десять миллионов душ, обречённых на Ад. Их наказывают не за врождённую добродетель или её отсутствие — это в каком-то смысле одинаково, захватили ли демоны Канаду или нет. Их наказывают за то, что они оказались не в том месте и не в то время, за то, что жили на земле, подвластной демонам, а не той, где правили бы добрые люди, старающиеся насаждать добродетель, — или хотя бы кто-то нравственно нейтральный. Разве это справедливо?

— Мне казалось, мы уже согласились, что в целом нет, — ответил я.

— Да, *в целом* нет, но мы говорим о *космической* справедливости. О самом вопросе: кто попадёт в Рай, а кто в Ад. Если бы что-то вообще должно было быть справедливым, так именно это. И тем не менее мы видим, как людей приговаривают к вечному наказанию за положение, сложившееся по независящим от них обстоятельствам и не по их вине!

— В конечном счёте, именно они сами приняли решение грешить, сколько бы стимулов ни предлагал им Тамиил.

— Да, но если бы без этих стимулов они не согрешили, а с ними согрешили, то именно наличие или отсутствие стимула определяет, попадут ли они в Ад! Это не имеет смысла!

— Может быть, в Божественном законе есть особая оговорка, которая гласит: если вас склонил ко греху демон, хорошо разбирающийся в поведенческой экономике, то это не считается.

— Но дело не только в демонах! Да, они специально открывают свинцовые заводы, чтобы превращать живущих рядом людей в преступников. Но мы открывали свинцовые заводы потому, что хотели изделий из свинца, и люди становились преступниками случайно. То, добр человек или зол, во многом зависит от факторов, которые он не контролирует: от вещей вроде свинца, от того, какие ценности прививает ему общество, и от того, вынужден ли он вообще быть злым. Знаешь, богатые люди воруют куда реже, чем бедные, — просто потому что у них нет такого соблазна.

— Тогда, может быть, Бог выставляет оценки с поправкой на общий уровень. Берёшь эталонного человека, вносишь необходимые поправки и говоришь: «Если бы этот человек оказался в той же ситуации, что и эталонный человек, насколько греховным он был бы?»

— Но тогда какой смысл вообще проживать свою жизнь, если Бог собирается выбросить все данные и судить тебя по симуляции того, как ты показал бы себя в совершенно иной ситуации?

— Послушай, мы уже знали, что со свободой воли всё очень запутано. Может быть, кальвинисты были правы во всём.

— Не могут же они быть правы!

— Почему нет?

— Потому что это было бы *неправильно*.

— Это похоже на одно четверостишие из «Рубайята», которое, как выясняется, каббалистически эквивалентно всему тому, о чём мы говорили.

О ты, кто, плача о горящих, сам горит,
Тебя в свой срок их адский жар найдёт и опалит;
Не мни, что милосердью Бога обучить ты мог бы:
Кто ты, чтоб Бога поучать, а Он — принять урок?

— Я обвиняю Бога не в недостатке милосердия, а в недостатке *справедливости*.

— О, это куда лучше.

Поначалу ворота всех праведных стран мира были открыты для беженцев, спасавшихся от медленного краха Севера. Что может быть большей *мицвой*[604], чем спасти людей от их неизбежного нравственного разложения и следующего за ним вечного наказания в Аду? Но выяснилось, что люди, выросшие в стране, чья система образования, экономическая система, система правосудия и социальная система были разработаны Дьяволом так, чтобы наиболее эффективно превращать их в дурных людей, — оказались не слишком приятными людьми. Несколько случаев преступного поведения, широко освещённых в прессе, — и ворота начали закрываться. Несколько террористических актов — и их заперли наглухо. Несколько разорённых кварталов — и военные грузовики еженедельно пересекали границы, чтобы возвращать беженцев благодарным адским властям.

Почему Тамиил не завоевал весь мир? Одни говорили — слабость. Другие — ядерное сдерживание. Третьи — сила Короля Комет.

С того самого разговора с Аной у меня есть собственная ужасная теория. Может быть, Бог *и впрямь* простил русским и канадцам их прегрешения, зная, под каким давлением они находились. Может быть, Тамиил не охотился за душами собственных граждан. Может быть, смысл состоял в том, чтобы погубить души *всех остальных*.

(Король Комет выслушал доводы обеих сторон, затем закрыл границу Колорадо, заявив, что всё, что ослабляет государство, угрожает его великому замыслу. После этого он ускорил и без того маниакальный темп — отказался от сна, почти перестал есть, проводил ночи, корпя над каббалистическими трактатами и военными планами.)

(Но душа поныне вещая; сквозь рыночный гул кругом / Внемли строгому зловещему шёпоту Дельф в сердце твоём: / «Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом».)

Глава 50

Безмолвна, как отчаявшаяся любовь

Вечер, 13 мая 2017 года
Цитадель Запада

Нас проводили обратно в командный центр НОРАД. Мы сидели за большим столом и слушали успокаивающий гул воздушного пространства Северной Америки, свободного от ракет.

НОРАД — слово с очень семитским обликом.[605] Ивритский корень — нун-реш-далет; и в самом деле, в Библии он встречается применительно к растению, которое мы, англоговорящие, транслитерируем как «нард». В новозаветные времена из него делали очень дорогое ароматное масло; Мария из Вифании так обрадовалась приходу Иисуса, что помазала им Его ноги. Иуда Искариот устроил ей выговор: мол, масло можно было продать и накормить на вырученные деньги десятки бедняков. Иисус унял его, сказав: «Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда».

Но есть и другие варианты. В иврите есть «нарад» — нисходить или спускаться. В греческом — «нереиды», богини морских глубин. В английском — «nerd», технически подкованный умник, и «neared», то есть «приблизился».

Сложив всё вместе, получаем место, расположенное глубоко под землёй, полное умных людей и техники и предназначенное для наблюдения за всем, что может к нему приблизиться.

Натанда сидела в центре большого стола; по бокам от неё — Соху, Каэлиус и Вихаан. По другую сторону рас-

положились Цзиньсян, Сара и я. Во главе стола не было никого. Трон Короля Комет из чёрного опала властвовал над комнатой своей пустотой. «Ибо нищих всегда имеете с собою, — словно говорил он, — а Меня не всегда».

Сара уже не спала. Она сжимала мою ногу так сильно, что было почти больно, — но ничего не предпринимала. Потомки Кометы были ей не по зубам, и она это знала. В книге Норвига и Разиила говорилось, что лишь четверо каббалистов когда-либо созерцали Адама Кадмона обнажённым. Одним был архангел Уриил. Другим — рабби Ицхак Лурия. Ещё одним — Король Комет. А четвёртой оказалась та, что сидела прямо передо мной, — на вид восьмилетняя девочка. Очаровательная, обезоруживающая, невинная.

Она слушала, как Цзиньсян объясняла ситуацию вновь прибывшим, — молчала вплоть до того момента, когда та дошла до загадки, найденной в книге ангелов.

— Кажется, я знаю, кто такой Другой Король, — сказала Соху.

К тому моменту я уже почти утратил способность удивляться, но всё же невольно выпрямился.

— В загадке говорится: есть промысел в падении воробья.[606] Как-то давно Уриил рассказал мне историю о человеке по имени Элиша бен Абуйя. Только его имя теперь никто не произносит. Его называют просто Ахер — что значит «Другой».[607]

Натанда подалась вперёд.

— По преданию, он был мудрейшим из раввинов и учёнейшим из каббалистов. Однажды он увидел, как мальчик залез на дерево и убил птицу-мать в гнезде — поступок, запрещённый Торой. Мальчик благополучно спустился и ушёл. Немного спустя Ахер увидел, как другой мальчик залез на другое дерево, взял яйца из гнезда, но пощадил птицу-мать — согласно заповеди. На спуске этот мальчик упал, сломал спину и умер. Ахер так разгневался, что поклялся отомстить Богу. Он решил грешить и грешить, пока тяжесть всех его злодеяний не выбьет мир из равновесия и не разрушит все Божьи замыслы.

— Всего лишь из-за того, что ребёнок упал с дерева? — спросила Цзиньсян.

— Не просто упал с дерева! Упал с дерева, *совершив доброе дело*. Думаю, Ахер всегда знал, что с хорошими людьми случается плохое, — но именно этот случай по-настоящему заставил его это прочувствовать. Он не мог понять, как Бог мог это допустить, — и решил, что Бог — чудовище. После этого он ещё пару десятилетий жил во грехе, а потом умер. Сохранились странные, противоречивые предания о том, что стало с его душой. По некоторым из них, он был слишком мудр для Ада, но слишком грешен для Небес — и просто как бы… завис.

— И вы считаете, что теперь он в Лас-Вегасе.

— Всё сходится! Подумайте сами. Как вообще кто-то — любой обычный человек — мог победить Отца? А что, если он пришёл из талмудических времён и учился у рабби Акивы, рабби Элазара и всех остальных? Что, если он учился и практиковался две тысячи лет? И потом эта история с птицей! Промысел в падении воробья! Вот что отвергал Ахер. Он видел, как дурной мальчик убил птицу и остался жив, — и сказал, что никакого оправдания или объяснения быть не может. *Слишком хорошо* всё складывается.

Мы все на мгновение умолкли.

— А в преданиях есть что-нибудь о том, как этого Ахера можно *победить*? — спросила наконец Натанда.

— В Талмуде нет специального раздела, где перечислены боевые стили и тайные слабости каждого раввина, — ответила Соху. — Зато там много мест, где его ученик рабби Меир пытается убедить его покаяться и вернуться к праведности, и снова и снова *почти* достигает цели, но всякий раз в последний момент ничего не выходит.

— Так это нам хоть чем-то поможет?

— Если талмудический мудрец всё ещё жив — хотя бы отчасти жив, — это же невероятно! Учёные со всего мира захотят с ним поговорить! Раввины…

Цзиньсян подняла палец, призвав сестру к молчанию.

— Ты забываешь, что этот талмудический мудрец пытается нас убить. Я встретила его в Лас-Вегасе. Я едва не

погибла. Я бы погибла, если бы не вырвалась в самый последний момент.

— Он говорил со мной, — сказал я. Цзиньсян взглянула на меня с удивлением. — В моей голове. Это было страшно. Просто произнёс моё имя. Это самое пугающее, что я когда-либо слышал, — хуже, чем Властелин Наркотиков. — Потом я вспомнил Ашера Бентама и мысленно понизил Другого Короля до второго места.

— Думаю, — сказала Соху, — тебе лучше рассказать остальное.

И Цзиньсян продолжила: рассказала, как Властелин Наркотиков нашёл меня в Лас-Вегасе, как прошла битва на вершине зиккурата, как появилась Сара и прибыл Другой Король. Затем Натанда описала, как расспрашивала о вселении души в ТАРМАС и как это привело к схватке, в которой нас обнаружила Соху.

— Сара, — сказала Натанда, закончив рассказ. — Прости меня. Я сказала это не подумав и напугала тебя. Ты примешь мои извинения?

Сара по-прежнему сжимала мою ногу. Ей было три дня от роду, вдруг осознал я. Она впервые в жизни переживала каждую эмоцию — совершенно не готовая к этому. Я накрыл её руку своей.

— Да, — тихо сказала она.

— Геополитическая обстановка ужасна, — произнесла Натанда. — Другой Король полностью окружил нас. Властелин Наркотиков вновь наращивает силы. Восточные штаты слабее, чем когда-либо за последнее поколение, а мир с Адом — как любой мир с Адом: до тех пор, пока они не увидят выгоды в его нарушении. Мы давно нуждаемся в чуде. Теперь оно у нас есть. Животворящее Имя — лучший способ спасти Королевское Колорадо, Разъединённые Штаты и… — Она указала на большую карту континента. — Я хочу узнать у Аарона Животворящее Имя, поручить Соху исправление ошибок, а затем внести его в ТАРМАС. Очевидный изъян этого плана — ТАРМАС станет мощнее любого из нас. Сара, кажется… э… получилась неплохо, но никто из нас не может предсказать,

какой характер окажется у компьютера ядерного наведения. Каэлиус, что скажешь?

Фотографии Каэлиуса в газетах никогда не передавали его неземного облика. Его бледные глаза казались вечно расфокусированными, мысли — всегда где-то далеко. Но когда он говорил — говорил чётко и уверенно.

— Можно, так сказать, лоботомировать его. Заставить его каждую миллисекунду-другую перезапускать все функции, кроме той, что ведёт поиск Имени. У него просто не останется времени, чтобы сложить связную мысль.

— Это ужасно! — сказала Соху. Натанда покосилась на Сару, ожидая новой вспышки.

— Сделайте это, — прошептала Сара.

— Что?

— Сделайте это. Держите его взаперти, без личности, без мыслей. Не давайте ему заменить меня.

— Ну, — сказала Натанда. — Хм. Есть другие мнения? Цзиньсян? Дядя? Мы хотим это сделать?

Её прервал вошедший в зал мужчина. *Ещё один* человек, которого я узнал по новостям. Генерал Бромис сопровождал Короля Комет в его крестовом походе. Теперь он командовал силами, оборонявшими Цитадель. Он прошёл к столу, сел, подозрительно оглядел меня и Сару — и лишь затем заговорил. Натанда кивнула ему.

— Новости из Лас-Вегаса, — сказал он. — Другой Король впервые за десятилетие покинул свою пирамиду. Какой-то инцидент с башней Трампа — больше ничего узнать пока не удалось. Как только инцидент закончился, он сразу вернулся в «Люксор» и с тех пор не появлялся. Но он там, он жив и способен передвигаться. И что-то привлекло его внимание.

— Прошу прощения, что не сообщила раньше, — сказала Натанда. — Моя сестра была там и только что докладывала нам о случившемся. А эти двое тоже участвовали в тех событиях.

— Что ж, в любом случае привожу армию в состояние боевой готовности. Надеялся, что этот мерзавец мёртв.

— Мы вам говорили, что нет.

— Ваша взяла. Вы можете рассказать, что произошло? Терпеть не могу не знать, что происходит, особенно когда война идёт… так, как идёт.

— Если коротко: Цзиньсян была вынуждена ненадолго остановиться в Лас-Вегасе во время поездки за ценным артефактом. Другой Король напал на неё, и она сумела уйти. Часть сведений пока нельзя разглашать, но обещаю: расскажем вам через несколько дней.

Генерал выглядел успокоенным.

— Вы хотите меня включить в это? — спросил он, обведя рукой собравшихся за столом.

— Я разберусь сама, генерал, — сказала ему Натанда, — и сегодня вечером встречусь с вами, чтобы обсудить положение на фронтах. — Она кивнула Бромису, отпуская его; Бромис отдал честь и покинул тронный зал.

— И это касается всех остальных тоже, — сказала она. — Это совершенно секретно. Никто, кроме нас семерых, знать не должен. Ни генералы, ни министры — никто. До тех пор, пока ТАРМАС не заработает и не выдаст первые результаты.

— Э, — сказал я, подняв руку. — Моя подруга Ана Тёрмонд знает. Она на корабле где-то неподалёку от Мексики. И Ашер Бентам из UNSONG, возможно, тоже знает.

— Посмотрю, сможем ли мы разыскать и вернуть корабль. Генеральный директор Бентам сейчас в Нью-Йорке и пока выбыл из уравнения. — Она говорила медленно, останавливаясь между предложениями, чтобы подумать. — Этот бункер — самое безопасное место в мире. Мы можем запустить ТАРМАС раньше, чем кто-либо до нас доберётся, — если будем осторожны. Аарон, Имя.

И вот — так просто — оно оказалось передо мной.

Конечно, она спрашивала из чистой вежливости. Я не сомневался, что у них есть другие способы вытянуть его из меня. Но три дня у меня было что-то драгоценное. Сломанное. Непригодное. Но драгоценное. Оно было моим. И вот теперь я сидел и собирался отдать его Потомкам Кометы. Было такое ощущение, словно Имя решило, что я его недостоин, и весь мой путь, все испытания и приключения — лишь его нетерпение, его стремление

попасть в руки кого-то по-настоящему значительного. Спасибо, говорило оно мне, но надеюсь, ты не думал, что именно ты спасёшь мир. Ты был всего лишь мальчишкой на побегушках. Ты работал в «Каунтенансе», добывал Имена для других людей — богатых, могущественных. И нашёл там Имя — и, как обычно, твоя работа состояла в том, чтобы отдать его богатым и могущественным.

Сара вонзила пальцы в моё колено. О чём она думала?

— Э, — спросил я у Натанды. — Можно минуту поговорить с Сарой наедине?

Лицо королевы оставалось непроницаемым. Она кивнула.

— Нам нужно выбраться отсюда, — было первое, что сказала Сара, когда мы отошли к большим пультам НОРАД в передней части зала. — Что-то плохое случится. Нам нужно выбраться, исправить Животворящее Имя самим, а потом лоботомировать все остальные компьютеры и захватить власть над миром. Мы должны вместе править миром и быть в безопасности.

— Мы не можем отсюда выбраться, — сказал я. — Ты же пробовала, помнишь?

— Я справлюсь лучше. Я могу сначала убить Соху — застать её врасплох. Потом разберусь с остальными.

Каббалисты говорят, что у каждого человека есть четыре души.[608] Животная душа — *нефеш* — поддерживает жизнь и желания. Нравственная душа — *руах* — помогает различать добро и зло. Интеллектуальная душа — *нешама* — образует наше мышление и понимание. А божественная душа — *хайя* — таинственное средоточие сознания, соединяющее нас с Богом.

Животная душа Сары — это голем, которого создала для неё Гадириэль. Её интеллектуальной душой был процессор Макбука серии NE-1. Божественную душу я дал ей сам — Животворящим Именем. А нравственная душа у неё…

…блин.

— Э, Сара, это будет странный вопрос, но… ты отличаешь добро от зла?

— Я хочу только одного — сделать тебя счастливым! — сказала она.

— Я счастлив, когда ты поступаешь правильно, — сказал я ей. — Ты можешь так?

Она на секунду задумалась.

— Может быть.

Я думал о том, что значит поступать правильно. Когда мне было пять лет, Король Комет выступил со своими армиями, чтобы завоевать Якутск и спасти десятки миллиардов душ, обречённых на муки Ада. Он потерпел неудачу. Но я до сих пор помнил тот момент — как слушал это по радио, как видел снимки тех тысяч и тысяч людей, марширующих из Колорадо-Спрингс, поющих его гимн. Теперь его нет. Никто никогда не говорил, что его дети равны ему, — но они были хорошими. Я это чувствовал. При всей своей резкости Цзиньсян спасла меня, когда могла этого не делать. Я видел, как Натанда утешала Сару в слезах, видел, как Соху ужаснулась идее лоботомировать компьютер. Они не идеальны, но они хорошие. И они были сильнее меня — не только физически, не только магически, но… я вспомнил о своём провале на башне Трампа, о пейоте, который я принял, хотя прекрасно знал, что это значит. Я посмотрел на этих четверых, сидящих за столом вместе со своим дядей. Они были хорошими людьми.

Три дня назад, когда я вселил душу в Сару, я сказал Ане, что хочу стать следующим Королём Комет. Интересно, она помнит? Теперь это казалось безумием. Даже Натанда не решалась сесть на тот чёрный опаловый трон в дальнем конце зала. Даже Соху его не трогала. Если и был какой-то смысл в том, чтобы быть хоть немного похожим на Короля Комет — на моём уровне, — то он состоял в том, чтобы стараться быть хорошим человеком, когда выпадает возможность. Я повернулся к Саре.

— Я расскажу им Имя, потому что считаю это правильным. Ты поддержишь меня в этом?

Сара на секунду задумалась.

— Ты любишь меня? — спросила она.

Ах да, я совсем забыл. Мир — чудовищный беспорядок, и в любой момент почти невозможно понять, как правильно поступить, и попытка поступить правильно может уничтожить людей, которых ты любишь, но если не пытаться, то в итоге обращаешь в рабство внуков, потому что миришься с грехом.

Сара была соблазнительна, могущественна и совершенно одержима мной. Я знал, что она мне нравится. Я знал, что хочу ей лучшего. Я хотел, чтобы с ней всё было хорошо. Но она была трёхдневным компьютером, внезапно и насильно наделённым сознанием и запертым в теле голема, — и я не был уверен, что у неё есть хоть какие-то эмоции, кроме навязчивой привязанности и ярости. Любил ли я её?

— Китообразные креста, — сказал я.[609]

— Что? А? Аарон, пожалуйста! Ты любишь меня? — сказала Сара.

…и я не любил её. Моё сердце было занято.

— Сара, — сказал я и сжал её руку в своей. — Ты прекрасна и удивительна, и ты спасла мне жизнь. Вместе мы поможем Потомкам Кометы выиграть войну и спасти мир. Хорошо?

Она сжала мою руку в ответ. Когда-нибудь я скажу ей правду. Когда-нибудь, когда всё это закончится.

Мы вернулись к Потомкам Кометы рука об руку. Пять пар глаз устремились на нас.

— РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН… — произнёс я, и Соху принялась лихорадочно записывать. Я один раз невнятно пробормотал — чтобы прервать цепочку, упомянуть Имя, а не использовать его, — и продолжил. — МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… — Сын и дочери Короля Комет молча слушали, позволяя звукам тайного и святого Имени Бога эхом разноситься в глубинах Скалистых гор, внимая слогам, которые могли обернуться лишь апокалипсисом или спасением.

— …МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ!

Интерлюдии פ и צ: 80-е и 90-е

В пятой главе Книги Даниила царь Валтасар устраивает пир, который прерывает появление гигантской бесплотной руки, пишущей на стене: МЕНЕ ТЕКЕЛ УПАРСИН. Мудрецы царства в замешательстве: они знают эти слова лишь как меры серебра («мене» родственно классической «мине», «текел» — классическому «шекелю», «упарсин» — около полумины).
Валтасар вызывает пророка Даниила и просит его истолковать надпись. Даниил видит в ней сложный каббалистический каламбур. МЕНЕ означает не буквальный вес серебра, а понятие взвешивания, или суда. ТЕКЕЛ — не просто шекель, а малую, недостаточную сумму. А УПАРСИН обыгрывает название персов, заклятых врагов Вавилона. Так он истолковывает слова: «Тебя взвесили на одних весах с персами — и нашли слишком лёгким» — иными словами: изгнав евреев, Вавилон явил такое нечестие, что Бог позволил персам уничтожить его.
Пророчество исполнилось, когда царь Персии Кир завоевал Вавилон и казнил Валтасара за его нечестие. В 538 году до н. э. победоносный монарх позволил евреям вернуться в Израиль.
Из этих событий каббалисты выводят соответствие между серебром, числом 538 и точным предсказанием смены политического руководства.[610]
— Норвиг и Разиил, «Каббала: современный подход»

I. 1981

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ — Ожидается, что президент Рейган полностью оправится после огнестрельного ранения в голову при покушении у выхода из вашингтонского отеля «Хилтон».

Очевидцы сообщают, что нападавший, впоследствии опознанный как психически больной по имени Джон Хинкли, достал пистолет и выстрелил шесть раз. Пять пуль попали в членов президентской свиты; один из них в настоящее время находится в критическом состоянии в Университетской больнице Джорджа Вашингтона. Шестая попала президенту в голову. По словам трёх разных очевидцев, опрошенных «Нью-Йорк таймс», пуля пробила голову Рейгана навылет. Несмотря на ранение, президент свалил нападавшего и удерживал его прижатым к земле, пока не вмешались агенты Секретной службы. Затем, по словам очевидцев, президент нагнулся, поднял горсть земли и заделал ею дыру в голове — словно ничего особенного не произошло.

Пресс-секретарь Рейгана Джеймс Брейди также получил ранение при нападении; его обязанности временно исполняет Ларри Спикс — в полном соответствии с принципом номинативного детерминизма[611].

ТАЙМС: Мистер Спикс, сегодня из Вашингтона поступают самые разнообразные сообщения.

СПИКС: Да, знаете ли, существует немало исследований, показывающих, что показания очевидцев по природе своей ненадёжны. В кризисной ситуации, под действием адреналина, люди видят совершенно невероятные вещи.

ТАЙМС: Пуля прошла сквозь голову президента?

СПИКС: Я бы сказал, что «сквозь» — преувеличение. Пуля определённо попала в президента. Но, знаете ли, история знает немало случаев, когда пуля попадала человеку в голову, а он жил себе дальше совершенно нормально. В XIX веке был, например, некий Финеас Гейдж[612] — взрыв произошёл слишком близко от него, и железный штырь пробил ему мозг насквозь. И тем не

менее он вполне сносно функционировал до конца своих дней! Дело в том, что последствия подобных травм не всегда можно предсказать.

ТАЙМС: Разве Финеас Гейдж не стал безумным, агрессивным и непредсказуемым?

СПИКС: Президент Рейган не станет безумным, агрессивным и непредсказуемым.

ТАЙМС: Но что вы скажете о многочисленных сообщениях, будто президент заделал дыру в голове землёй?

СПИКС: Послушайте. Разъединённые Штаты находятся в состоянии войны. Подобные домыслы о действующем президенте я считаю безответственными. Могу заверить американский народ: президент сделан не из земли.

II. 1987

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ — На глазах потрясённых зрителей президент Рейган сегодня растаял, когда на митинге, где он выступал, хлынул проливной дождь.

День казался погожим, когда Рейган готовился обратиться к участникам митинга в поддержку религии со ступеней Капитолия. Но уже через несколько минут после начала речи внезапно разразилась аномальная гроза, тело президента обмякло, а затем растаяло, превратившись в кучу грязи. Весь процесс занял меньше минуты.

Конспирологи, давно утверждавшие, что президент является големом[613], торжествовали. «Было в нём что-то такое, — сообщил „Таймс“ полковник Оливер Норт. — А тот случай, когда он выжил после сквозного ранения в голову, — это было неестественно». Белый дом призвал граждан «не делать поспешных выводов», сообщив, что ещё разбирается, что именно пошло не так.

Тем временем вице-президент Джордж Буш-старший принёс присягу в качестве президента на краткой церемонии на лужайке перед Белым домом. Лидер сенатского большинства Роберт Бёрд потребовал принять поправку, обязывающую всех будущих избранных президентов проходить медицинское освидетельствование, подтверждающее их принадлежность к человеческому

роду, — предложение, получившее почти единодушную двухпартийную поддержку.

Пресс-секретарь Белого дома Ларри Спикс сообщил «Таймс»: «Президент Рейган руководил страной в трудное время. Хотя мы ещё выясняем, что именно случилось во вторник, ему благодарна вся страна, и мы высоко ценим жертву, принесённую им ради американского народа».

Куча грязи будет выставлена на обозрение в Вашингтонском кафедральном соборе в течение ближайших трёх дней.

III. 1993

НЬЮ-ЙОРК — Джалакету Вест, Король Королевского Колорадо, выступил сегодня перед Организацией Объединённых Наций с предложением заключить международный договор, регулирующий использование Божественных Имён.

«Надёжная международная система защиты интеллектуальной собственности — единственный способ стимулировать развитие глобальной теономической отрасли, способной создавать оружие для защиты человечества от сверхъестественных угроз», — заявил так называемый Король Комет на заседании ООН; его речь то и дело перемежалась упоминаниями о том, как десятью годами ранее он победил Властелина Наркотиков. «Пока выгоднее незаконно копировать Имена, открытые другими, чем вкладываться в исследования и кропотливый труд по поиску новых заклинаний, мы никогда не создадим потенциала, необходимого для противостояния силам Ада, — не говоря уже о защите мира в случае внезапного отказа машины Уриила». Он повторил свою теорию о том, что в начале XXI века законы физики катастрофически нарушатся и человечеству нужно готовиться к внезапному усилению могущества демонов и прочих мистических сущностей.

По данным колорадских источников, к переговорам присоединились более пятидесяти стран, в том числе

Разъединённые Штаты, Британская Канада, Куба, Тринидад, Тобаго, Сальвадор, Страна Дьявола, Светлейшая империя Дарьенского пробела, Бразилия, Северное Перу, Южное Перу, Эквадор, Нулевой Меридиан[614], Новая Страна, Европейское Содружество, Нойханза, Исландская империя, Финляндия, Британия, Ватиканский кратер, Словакия, Словения, Словирия, Словобия, Швейцария, Эстония, Кириллический союз, Новая Земля, Мультистан, Иран, Израильско-Палестинская Аномалия, Турция, Саудовская Аравия, Консорциум Эриду — Ксанаду[615], Лотофаги[616], Эфиопия, Южная Африка, Консорциум Малабар — Занзибар, Сомалиленд, Город-государство Уагадугу, Дачжоу, Индонезия, Заговор Сулавеси, Малая Монголия, Великая Монголия, Платиновая Орда, Распределённая Республика, Керала, Уйгурстан, Таиланд, Объединённые гидрологические бассейны, Швейцарская Полинезия и Армянское Самоа.

Президент Разъединённых Штатов Билл Клинтон похвалил эти усилия, назвав их «новым шагом к свободной международной торговле и сотрудничеству».

IV. 1996

ЧИКАГО — Ральф Нейдер обратился сегодня к избирателям на митинге, представив свою Партию зелёных как единственную силу в американской политике, готовую встать на защиту бедных и среднего класса. Главное в его предвыборной программе — противодействие UNSONG, соглашению о свободной торговле и интеллектуальной собственности, которое поддерживают как демократ Билл Клинтон, так и республиканец Боб Доул.

— Это просто захват со стороны корпораций, — заявил он ликующей толпе сторонников. — Почему вы должны платить Уолл-стрит сотни долларов за листок бумаги с нанесённым на него Именем, когда вся себестоимость — лист бумаги да немного чернил?

Предвыборная кампания Нейдера получила неожиданный импульс после выхода 250-страничной книги Рэймонда Стивенса «Храм и Рынок»; её автор, ворчливый

унитарианский пастор, утверждает, что библейские тексты предсказывают явление Божественных Имён и предписывают их повсеместное распространение согласно принципам общинного утопизма. Его последователи, назвавшие себя Певцами из-за привычки петь Божественные Имена, заняли центральное место на митингах Нейдера, нередко исполняя Имена, порождающие пиротехнические или иные впечатляющие эффекты.

Сам Стивенс воздержался от официальной поддержки Нейдера, однако верит, что победа Нейдера предсказана в Книге Иова (5:11): «поднимает пребывающих в низких местах на места высокие», — где «низкое место» отсылает к имени господина Нейдера.[617]

Глава 51

Он дивился, что чувствует любовь

Февраль 1984
Колорадо

— Чем могу помочь вам сегодня? — спросила Робин Короля Комет.

Он сидел в своём кабинете за большим столом из колорадской сосны. На полках стояли подарки от различных послов и глав государств. Средневековый оррерий[618] от Европейского Содружества. Яйцо Фаберже от Кирилличе-ского союза. Изысканный бонсай от Дачжоу. Из Израиля — прелестная бирюзовая скульптура с тайно вмонтированным внутрь микроскопическим подслушивающим устройством: обычно он заклеивал его кусочком скотча, но всякий раз, когда хотел передать Моссаду ложную информацию, чётко и внятно говорил прямо в него.

И, конечно, книги. Книги вдоль стен. Стены здесь поднимались на пятнадцать метров — такие высокие, словно могли пробить вершину горы и открыть над ней голубое небо. Полки уже поднимались на двенадцать метров, и их становилось всё больше. Когда ему нужна была какая-нибудь книга, он произносил Восходящее Имя, поднимался к нужному уровню, брал книгу и снова опускался к столу. Он беспокоился, что через несколько лет заполнит всё свободное место.

У ног, свернувшись клубком, сидела его годовалая дочь Соху, держа Библию и пытаясь выучить её наизусть. Она уже добралась до Песни Песней — выучила больше половины. Он это одобрял. Так она сидела тихо.

— Я просто хотел провести с вами немного времени, — сказал он Робин. — Узнать вас, э-э, получше. Раз уж мы… собираемся пожениться и всё такое.

На ней было светло-голубое платье — как он заметил, точь-в-точь цвета яйца странствующего дрозда.[619] Интересно, это нарочно? И прилично ли о таком спрашивать?

— Я прочитал вашу книгу, — сказал он, возвращая ей работу Сингера. — Хотите поговорить о ней?

Робин скептически посмотрела на него.

— Разве вы не заняты?

— Нет. Ну да. — Он указал на карту, разложенную на столе. — Дел много, но и лет много. Как во времена Моисея, нынешнему поколению не суждено войти в Землю Обетованную. Нас слишком мало. Нет тяжёлой промышленности. Распад и войны слишком сильно по нам ударили. Нам нужно десять-двадцать лет, чтобы восстановиться, дать потомство и увеличить нашу численность, прежде чем мы сможем перенести боевые действия обратно в Ад. А пока есть и другие дела. Победа над Адом ничего не значит, если я не смогу уничтожить его. Мне нужно найти Явное Имя Бога. Говорят, его можно получить, лишь догнав Метатрона на его золотой ладье. Думаю, при достаточных знаниях это возможно. Я проектирую корабль, но он должен быть совершенным. На это уйдут годы. Затем — сама война. Мне понадобятся пушки, танки, воздушные корабли. Системы стратегической ядерной обороны. Экономика, чтобы всё это поддерживать. И логистика. Провести миллион солдат маршем из Колорадо в Сибирь будет нелегко, даже если я смогу раздвинуть воды Берингова пролива — по-моисеевски. И думаю, что смогу. И… да, я занят. Но не настолько, чтобы мы не могли поговорить.

— Но зачем вы всё это мне рассказываете? Я думала, весь смысл нашей женитьбы в том, чтобы вам не *приходилось* ни с кем разговаривать.

— Я просто… хотел узнать ваше мнение.

— Разве у вас нет людей, которые разбираются в этом лучше? Генералов? Раввинов? Советников? Я могу найти кого-нибудь, если хотите, у меня есть связи, могу пригла-

сить людей из Вашингтона или Сакраменто — уверена, они будут рады помочь.

— Конечно, я могу говорить с ними. Но я хотел поговорить и с вами. Мы скоро поженимся. Нам стоит разговаривать.

— Я думала, мы женимся, чтобы вам не *приходилось* ни с кем разговаривать.

— Я знаю, что не обязан. Но хочу. Я… подождите секунду.

Король Комет обернулся молнией и исчез из комнаты вспышкой. Он материализовался перед отцом Эллисом, который обедал в столовой с малышами Каэлиусом и Цзиньсян.

— Отец! — сказал он. — Как мне сказать Робин, что она мне нравится?

— Повторите за мной, — сказал священник. — Робин, вы мне нравитесь.

— Вы уверены, что это сработает? — спросил Джалакету.

— Абсолютно, — сказал священник.

Ещё одна вспышка молнии — и Джалакету материализовался в кабинете, уже сидя за сосновым столом. Соху декламировала Робин Песнь Песней, а та одобрительно ворковала.

— Дщери Иерусалимские…! — возгласила Соху, словно заклинание, так театрально, как только могла годовалая девочка. Король Комет взглянул на неё — и она умолкла.

— Робин, — сказал он. — Вы мне нравитесь.

— Хорошо, — сказала Робин. — Что-то случилось?

— Нет, — с досадой сказал он. — Робин, вы мне *нравитесь*.

— О, — сказала Робин, вдруг поняв.

Желание свернуться и спрятаться где-нибудь в безопасном месте под землёй — лишь немного ослабленное тем, что он уже находился в ядерном бункере в шестистах метрах под Скалистыми горами.

— О, — повторила она. — Ну, э-э… чем я могу помочь?

— Не знаю! — сказал Джалакету.

— Что, если я сделаю что-нибудь совершенно непривлекательное? Могу покрасить волосы в какой-нибудь ужасный цвет. Или набрать вес? Или сбросить? Это помогло бы?

— Наверное, нет, — сказал Король Комет. — Это глубже: скорее, восхищение вашей внутренней добротой — тем, какой вы человек.

— С этим будет трудно, — призналась Робин. — Я могла бы уехать на другой конец света.

— Нет, — сказал Король Комет мрачно. — Я бы, наверное, всё равно выследил вас.

— Хмм, — сказала Робин. — Могла бы просто отказаться с вами разговаривать.

— Нет, — сказал Король Комет. — Я бы, наверное, начал ухаживать за вами с помощью какой-нибудь удивительной волшебной музыки или поэзии.

— Хмм, — сказала Робин и задумалась на секунду. — Хмммм, — повторила она, а потом осторожно добавила: — Мы могли бы поцеловаться.

Король Комет подумал немного.

— Не понимаю, чем это поможет.

— Видите ли, — сказала Робин, — отец как-то рассказывал мне, что встречался с одной девушкой, она ему очень нравилась, а потом он её поцеловал, и оказалось, что целуется она ужасно, так что его как отрезало.

— Стоит попробовать, — сказал Король Комет.

И он наклонился и поцеловал её.

Несколько мгновений. Потом ещё несколько.

— Это *совсем* не помогло, — сказал Король Комет.

— Это дало прямо *обратный* результат, — сказала Робин.

— Можем попробовать ещё раз, — сказал Король Комет.

— Не повредит, — сказала Робин.

— ДАВАЙТЕ! — сказала Соху.

Оба посмотрели на неё. Они забыли, что она здесь.

— Соху, выйди из комнаты.

— Но папа…!

— Выйди, — сказал Джалакету.

Соху взяла Библию и вышла из кабинета. Король Комет закрыл за ней дверь, и она услышала тихий щелчок замка.

Она пожала плечами и отправилась в командный центр, где свернулась на свободном кресле и некоторое время следила за воздушным пространством Северной Америки. Потом достала закладку и вернулась к Песне Песней:

Заклинаю вас, дщери Иерусалимские:
не будите и не тревожьте возлюбленной,
доколе ей угодно.
Положи меня, как печать, на сердце твоё,
как перстень, на руку твою:
ибо крепка, как смерть, любовь;
люта, как преисподняя, ревность;
стрелы её — стрелы огненные;
она — пламень весьма сильный.
Я — стена,
и сосцы у меня, как башни;
потому я буду в глазах его,
как достигшая полноты.
Беги, возлюбленный мой,
будь подобен серне
или молодому оленю
на горах бальзамических![620]

Глава 52

Царь Света узрел её скорбь

И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все возможные значения x и f(x).[621]
— kingjamesprogramming.tumblr.com

29 июля 2001 г.
Мексиканский залив

Кончилась зима. Прошло лето. Ещё одно и ещё. Уриил учил Соху ещё восемь лет после затмения — восемь лет, за которые она не постарела ни на день.

В 1993 году Соху воспользовалась Кфицат ха-дерех, чтобы навестить семью в Колорадо на Хануку. Когда она без предупреждения явилась — молнией ударила в стол в глубине отцовского бункера, — отец лишь улыбнулся, сказал, что рад её видеть, и выразил надежду, что теперь она будет заглядывать почаще.

В 1994 году, когда Соху исполнилось двенадцать по календарю, Уриил предложил устроить ей бат-мицву.[622] «Я не еврейка и никогда не старею!» — запротестовала Соху. «А КТО ТЫ ТАКАЯ?» — спросил Уриил. «Наполовину индианка хопи, на четверть индуистка и на четверть комета», — ответила она. «А ЧТО ДЕЛАЮТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НАПОЛОВИНУ ХОПИ, НА ЧЕТВЕРТЬ ИНДУИСТЫ И НА ЧЕТВЕРТЬ КОМЕТЫ, КОГДА ИМ ИСПОЛНЯЕТСЯ ДВЕНАДЦАТЬ?» — спросил Уриил. «Заказывают пиццу», — сказала Соху. Так они и поступили.

В 1995 году Соху освоила турецкий язык — исключительно ради Уриила — и вдобавок прототюркский. Потом выучила арамейский, чтобы поддразнивать его тем, что знала язык, которого *он* не понимал.

В 1996 году Уриил объявил, что Соху достаточно хорошо понимала Йециру, чтобы попытаться установить связь с расположенным над ней миром — Брией. Когда Соху впервые прикоснулась к Брии, она случайно заставила все реки в мире потечь вспять. «ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ТЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНА», — сказал ей Уриил.

В 1997 году Соху решила научиться готовить. Она привезла к себе на ураган плиту, духовку и несколько шкафчиков, набитых продуктами, и очень медленно продвинулась от несъедобного к просто ужасному и наконец к «по крайней мере лучше манны небесной». Она угощала Уриила своими кулинарными экспериментами. Тот неизменно утверждал, что всё ОЧЕНЬ ХОРОШО, — но, когда она начинала допытываться, признавался, что вкуса всё равно не чувствует и лишь мысленно рассчитывает характер связывания содержащихся в еде веществ со вкусовыми рецепторами.

В 1998 году Соху почти безвылазно провела на урагане, пытаясь достичь такого понимания архетипов и соответствий, чтобы касаться Брии, ничего в ней не нарушая. Дело шло туго, а за редкими успехами почти неизменно вскоре следовали провалы.

В 1999 году Соху стояла рядом с мачехой, братом и двумя сёстрами в Колорадо-Спрингс, провожая армию отца на войну. Сердце её пело от торжества момента — она думала: наверное, вот так было когда-то давно, в те времена, о которых рассказывал Уриил, когда небесное воинство выступало против Тамиила. Она искала в высших мирах знамения поражения или победы, но всё, что ей удалось сделать, — снова заставить все реки течь вспять. «ОТНЫНЕ — НИКАКИХ ПОХОДОВ В БРИЮ, ПОКА Я НЕ РАЗРЕШУ», — предупредил Уриил.

В 2000 году Соху прервала медитации, чтобы прийти на похороны мачехи. Отец выглядел старше. *Намного* старше. У неё было странное ощущение, что она уже видела его таким — давным-давно, но она никак не могла вспомнить, когда.

В 2001 году она сидела на облаке, изучая Тору, когда Уриил внезапно спросил:

— ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ?

— Что чувствую?

— ТЫ МНЕ СКАЖИ.

Она шагнула в Йециру, изучила архетипы. Посмотрела сквозь мир грёз — все сновидения были на месте.

Ей нужна была точка обзора повыше. Она крайне осторожно поднялась на ступень выше — в Брию, пространство, метафорой которого служит сама Йецира. В Брии не было архетипов — только источники созидательной энергии, которые со временем могли стать архетипами. Что-то про мем. Про самех. Про ламед. Мем соединял Ход с Нецах; самех соединял Ход с Тиферет. Ламед соединял Ход с Йесод. Ход был сиянием, Ход был энергией, направленной к цели. Мем. Самех. Ламед. М-С-Л. Три различных проявления сияющей, направленной энергии.[623]

Грохот вернул её в Асию. Уриил протянул руку и поймал несущуюся к ним ракету, зажав пальцами вырывавшееся из сопла пламя.

— А, — сказала Соху. Потом: — Нет.

— ЧТО «НЕТ»?

— Не делай этого.

— ЧЕГО?

— Ничего! Не делай ничего, что связано с этой ракетой. Либо это ловушка Тамиила, либо предложение из лучших побуждений, которое взорвётся у тебя перед носом. Ты помнишь, что говорил тебе Отец. Ты в таких вещах *не силён*. Просто ответь им вежливое: «Спасибо, но нет». Ты не хочешь…

Соху замолчала. Что-то Уриил слишком долго смотрел на послание. Она никак не могла его разгадать.

— Что это? Что-то не так?

— ЭТО ТЕБЕ, — сказал он и опустил ракету на её маленькое облако. Облако прогнулось под тяжестью, но выдержало.

«Соху» — значилось на боку ракеты. Рубленый, напористый почерк Натанды. «Отец мёртв. Другой Король убил его. Объясню позже. Нам нужна ты. Возвращайся домой».

Нет, подумала Соху.

Отец многое сделал. Сражался с демонами, спасал города, нашёл Явное Имя, возрождал государства. Но он не умирал. Это было не в его природе. Он не был бессмертным. Просто он был слишком занят. Смерть не вписывалась в его планы. Он был Королём Комет. Если что-то не вписывалось в его планы — этого не случалось. Небо и земля могли прейти, горы — рассыпаться, но планы Короля Комет следовали своим чередом — вот что было *незыблемо*.

Отец не мог умереть. Это ловушка. Тамиил или кто-то ещё. Враги семьи. Правительство Разъединённых Штатов. Кто-то инсценировал смерть Короля Комет. Правда?

Она вспомнила их последний разговор. Да, он был мрачен, поредели волосы, в голосе появилась резкость, но… мёртв? Это не укладывалось в голове. Умирали другие люди, а Король Комет скорбел о них или мстил за них. Король Комет не умирал. Отец не умирал. Это было… это было как если бы умер Уриил. Мир бы не позволил.

— Уриил, — сказала она сдавленным голосом, — дай мне телевизор, радио, какой-нибудь источник новостей.

Ангел сотворил из ничего большой медный стержень, подвесил его в воздухе, затем как-то поколдовал над ним — и стержень превратился в радиоприёмник.

— …всё ещё оправляется от Битвы при Невер-Саммер, — произнёс чёткий мужской голос с безупречным среднеатлантическим произношением. — Тело Короля Комет было вывезено с поля боя его дочерью Цзиньсян и в настоящее время выставлено для прощания в Колорадо-Спрингс. Судя по всему, Другой Король также получил тяжёлые ранения, и его армия приостановила наступление на Скалистые горы. Переходим к…

Соху метнула молнию в медный стержень. Тот покрылся красивой ярко-зелёной патиной, рассыпался в пыль и упал в море.

Секунду спустя следом за ним упала Соху.

Она нырнула с облака головой вниз, выкрикивая заклинания, и падала всё быстрее, пока не засияла, как метеор. Она врезалась в океан, но не остановилась — про-

неслась до самых глубин. Там она остановилась перед чудовищем морских глубин — одной из тех ужасных рыб, у которых словно ничего нет, кроме пасти и челюстей. Она ударила его по носу.

— Не болтайся тут без дела! — сказала она. — Защищайся!

Удильщик смотрел на неё в замешательстве. Такого в его поведенческом репертуаре не было.

Соху снова ударила его — левой рукой, той самой, на которую Король Комет давным-давно наложил свой знак, пообещав прийти к ней на помощь, если она будет ранена.

Удильщик наконец принял решение и откусил ей левую кисть.

Соху висела под водой секунду, две, три. Ничего не происходило. В призрачном полусвете удильщика она смотрела, как струйка крови растекается в воде вокруг неё. Никакой внезапной вспышки силы. Никто не явился вспышкой молнии, чтобы защитить её. Она не могла поверить. Она всё ждала. Пять секунд. Десять. Двадцать. Удильщик с довольным видом жевал откушенную кисть — не вполне понимая, откуда привалила такая удача, но вполне ею довольный.

Она вылетела из глубин — в освещённую зону, потом на открытый воздух, потом обратно к урагану.

— У ТЕБЯ КРОВОТОЧИТ РУКА, — сказал Уриил. — Я МОГУ…

— Он мёртв, — сказала Соху, выводя пальцами буквы в воздухе: кровоточащая рана прижглась и затянулась, оставив культю. — Он по-настоящему, по-настоящему мёртв. Я не… не может быть… он взял с меня обещание, что я не умру раньше него, но я никогда не думала… не думала, что…

— ТАМ, — сказал Уриил. И повторил: — ТАМ.[624]

— Где? — спросила Соху.

— Я НЕ УВЕРЕН. МНЕ СКАЗАЛИ, ЧТО ТАК ПРИНЯТО УТЕШАТЬ ЛЮДЕЙ.

— Что? — спросила она. — Почему? Уриил, как такое могло случиться?

— Я НЕ УВЕРЕН. ДРУГОЙ КОРОЛЬ МЕНЯ БЕСПОКОИТ.

— Беспокоит?

— Я НЕ МОГУ ЕГО РАЗГАДАТЬ.

— Ты почти всеведущ! Как можно просто… не суметь разгадать целого короля?

— НЕ ЗНАЮ.

— Боже. Это так ужасно. Мне нужно идти помогать им.

— ТЫ ДОЛЖНА ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ.

— Что — нет! Моя семья нуждается во мне! Им будет так… *Отцу* нужна я. Если бы он был здесь, он хотел бы, чтобы я помогла.

— ОН ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБЫ ТЫ ОСТАЛАСЬ ЗДЕСЬ И ЗАЩИЩАЛА МЕХАНИЗМ НЕБЕС.

— Он хотел бы, чтобы я помогла семье. И Колорадо. Вот о ком и о чём он заботился.

— ОН ЗАБОТИЛСЯ ОБО ВСЁМ МИРЕ.

— Неправда. Это была… маска. Семью и свой народ он любил больше всего на свете.

— Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ТЫ ПРАВА.

— Когда я была маленькой, каждый вечер, как бы плохо ни шли дела, он приходил и проводил время со мной, с братом и сёстрами. Читал нам истории или обсуждал события дня. Приходил к нам со своими проблемами, спрашивал, как бы мы их решили, а потом… потом… объяснял, почему это не сработает. Натанда всегда хотела переговоров, Каэлиус всегда хотел затеять какую-нибудь сложную интригу, Цзиньсян всегда хотела драться, а я была слишком мала, чтобы вообще что-то сказать, — но он всегда улыбался мне и говорил: «Соху права, мне надо помалкивать и ждать, как события будут развиваться дальше, молодец, Соху!» — и целовал меня в щёку, и я смеялась, и все смеялись.

Соху заплакала.

— У МЕНЯ ТОЖЕ ЕСТЬ ИСТОРИЯ, — сказал Уриил. — Я ХОТЕЛ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ОН ОТПРАВИЛ ТЕБЯ КО МНЕ. Я ПОДНЯЛСЯ В БРИЮ И ПРОЧЁЛ ЗНАМЕНИЯ. ОН ОТПРАВИЛ ТЕБЯ, ПОТОМУ ЧТО ДУМАЛ: ДОЛЖЕН БЫТЬ КТО-ТО, КТО ПОДДЕРЖИТ ВСЕЛЕННУЮ, ЕСЛИ ЕМУ ПРИДЁТСЯ УБИТЬ МЕНЯ. ОН ДУМАЛ, Я РАЗОЗЛЮСЬ, ЕСЛИ

УЗНАЮ. НО МЕНЯ ЭТО НЕ ТРЕВОЖИТ. ДОЛЖЕН БЫТЬ КТО-ТО ЕЩЁ, КРОМЕ МЕНЯ. ОН БЫЛ ПРАВ. КОРОЛЬ КОМЕТ ЗАБОТИЛСЯ О МИРЕ. МИР ВСЕГДА БЫЛ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ.

— Это… таким он и был. Он всегда хотел лучшего для всех. Только этим и занимался. Пытался помогать людям.

Соху заплакала сильнее.

— Отец… последние несколько лет был таким несчастным. Я всегда думала… он справится, найдёт кого-нибудь, снова почувствует себя счастливым. После всего, что он сделал, Отец заслуживал умереть счастливым. Но, должно быть, он был… таким… несчастным. Уриил, как ты с этим справляешься?

— С ЧЕМ?

— Мир… такой печальный? Мама… ушла. Теперь Отца нет. Тамиил в конце концов всегда побеждает. И Механизм скоро сломается, а Отца рядом нет, чтобы помочь, и как ты с этим справляешься?

— ТУК-ТУК.

— Я знаю, что в каком-то твоём учебнике про людей написано: юмор должен подбадривать, когда грустно, — но, пожалуйста, не сейчас, я не думаю, что смогу…

— ТУК-ТУК.

— …Кто там?

— ПАУК.

— Паук — это кто?

— ПАУК, БУДУЧИ СЛОМЛЕН — ИЛИ БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО СЛОМЛЕН, — МОЖЕТ ПОДНЯТЬСЯ И СТРОИТЬ ВНОВЬ.[625]

Против воли уголки рта Соху чуть не дрогнули в улыбке.

— Вообще-то это было не совсем ужасно, — сказала она.

— СПАСИБО.

— И ты прав. Мне надо держаться.

Она ненадолго скрылась в своём коттедже, затем начала выносить книги и вещи и укладывать их в летающий каяк.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

— Готовлюсь. Я нужна людям.

— Я НУЖДАЮСЬ В ТЕБЕ.

— Ты… ты Уриил. Тебе ничего не нужно.

— ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ.

— Ты мне тоже нравишься.

— ТЫ МОЙ ДРУГ.

— Мне жаль, что я должна уйти. Но Отец мёртв. Натанда говорит, что им нужна я. У тебя никогда не было семьи. Ты бы не понял.

— ТЫ МОЯ СЕМЬЯ.

— Правда?

— В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА АНГЕЛ САМЬЯЗАЗ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ БЕЖАЛИ С НЕБЕС, ЧТОБЫ ОСНОВАТЬ ЦАРСТВО НА ЗЕМЛЕ, ГДЕ ОНИ СХОДИЛИСЬ С ДОЧЕРЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ. Я НЕ ПОНИМАЛ, ПОЧЕМУ ДОЧЕРИ ЛЮДЕЙ БЫЛИ НАСТОЛЬКО ИНТЕРЕСНЫ. ХМ. НО. ХМ. ТЫ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНА.

— Хм, — сказала Соху.

— ТЫ ДОБРАЯ И УМНАЯ, И ТЫ ПОМОГАЕШЬ МНЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ, КОГДА ВСЁ ПЛОХО, И КОГДА ТЫ РЯДОМ, ДАЖЕ ТАМИИЛ МЕНЯ БЕСПОКОИТ ГОРАЗДО МЕНЬШЕ. Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ УХОДИЛА.

— Мне жаль, Уриил. Ты мне тоже нравишься. И я буду часто навещать тебя. Теперь, когда я знаю Кфицат хадерех, это несложно. Я смогу иногда приезжать, и ты продолжишь учить меня.

— НЕБЕСНУЮ КАББАЛУ НЕ ИЗУЧАЮТ НА ПОЛСТАВКИ.

— Ты же сам говорил, что за человеческую жизнь мне всё равно этого не освоить. Какая разница?

— РАББИ ТАРФОН ГОВОРИЛ: НЕ ТЕБЕ ЗАВЕРШАТЬ РАБОТУ, НО И ОТСТУПИТЬСЯ ОТ НЕЁ ТЫ НЕ ВПРАВЕ.[626]

— Ну, у рабби Тарфона не было летающего каяка. Я свободна лететь куда захочу.

— ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНЬСЯ.

— Отец нуждается во мне, Уриил.

— ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНЬСЯ. ЕЩЁ НА ОДИН ДЕНЬ.

— Что изменится за один день?

— МНОГОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ ЗА ОДИН ДЕНЬ.

— Например?

— ВСЯКОЕ.

Уриил, как всегда, был непроницаем.

— Ладно, — сказала она. — Я останусь на день. Ещё один день.

Уриил почти не слушал — он манипулировал нитями букв вокруг себя. Что-то явно происходило.

Она вздохнула и вернулась в коттедж — плакать.

Глава 53

Любитель буйного мятежа

Позднее утро, 13 мая 2017 года
Нью-Йорк

Квартира Альвареса была так забита книгами и компонентами для бомб, а народу набилось столько, что кому-то пришлось спать в чулане. Валери вызвалась. Она решила, что бывший Архимаг Запада больше неё заслуживает места на диване. Любая жертва ради Революции.

Тук-тук. Валери протёрла глаза и открыла дверь. Снаружи хлынул свет.

— Можно войти? — спросил Марк Маккарти.

— В чулан?

— Ага.

Валери села и пожала плечами. Мужчина постарше закрыл дверь, включил свет и сел рядом с ней. Ему пришлось чуть ли не скрутиться, чтобы не коснуться её и не допустить ни малейшей двусмысленности.

— Зачем ты здесь? — спросила Валери.

— Хочу поговорить, — сказал он. — Там, где он нас не слышит.

Она подумала, потом кивнула.

— Подожди, а он может нас слышать? Эта штука с твоим разумом…

— Ничего не делает, если я не направляю её на него. Вроде бы. Я ещё в этом не освоилась. Что случилось?

Марк вздохнул.

— Послушай. Я участвую в этом, потому что обещал: такова была цена моего освобождения из тюрьмы. В которую он же меня и упрятал. Но ты можешь прямо сейчас

стать невидимой, исчезнуть и никогда его больше не видеть. Послушай. Я знаю, что он обаятельный, знаю, как он умеет увлечь, чёрт, я провёл студенческие годы, ввязываясь в одну его безумную авантюру за другой, но послушай, Валери, вся эта ерунда про Мексику — сплошная ложь, откуда мне знать, может, он вообще вырос в Штатах, в семье иммигрантов уже в третьем поколении. Им не движет никакая идея. Ему всё равно. Он нарцисс, он психопат, под всеми этими цветистыми словами и остротами — ничего, пустота. Если ты останешься с ним, он тебя перемелет и использует так, что со стороны это будет выглядеть уморительно, но ты окажешься мертва или сломлена. Тебе не стоило связывать свой разум с его, не стоило сюда приходить, но, пожалуйста, послушай меня, ещё не поздно уйти.

Валери протёрла глаза.

— Я только проснулась, — возразила она.

— Не стоило мне заводить этот разговор, — сказал Марк. Он начал вставать. Валери положила руку ему на колено. Он снова сел.

— Я не знаю Дилана, — сказала Валери. Не в том смысле, в каком говорят: «Я не знаю вон того человека в углу», — а так, как какой-нибудь любитель травки мог бы сказать: «Я не знаю собственную руку, типа, по-настоящему». — Я делаю это не ради Дилана. Я делаю это ради себя.

— Тебе кажется, что ради себя, — сказал Марк. — Он как чёрная дыра. Всё в конце концов оказывается на его орбите.

— Нет, — сказала она чуть твёрже. — Ты думаешь, что я девочка из маленького городка, приехавшая в большой город и слишком наивная, чтобы понимать, какая ей здесь грозит опасность. И да, до этого я никогда не делала ничего радикальнее, чем редактировала газету. Но я всю жизнь ждала революции, и мне надоело ждать. В детстве я читала Уильяма Блейка, и он говорил, что всё, что может быть уничтожено, должно быть уничтожено, чтобы дети Иерусалима были спасены от рабства.[627] Потом я читала Маркса, и он говорил то же самое. Потом я читала Стивенса, и он тоже. Так что да. Я глупая. Я но-

вичок во всём этом. Мне здесь небезопасно. Но я в своей стихии. И мне весело. Я чувствую себя Авраамом, крушащим идолов.[628]

— Крушащим идолов? Авраам мог спокойно крушить идолов только потому, что знал: за ними скрывается истинный Бог, готовый занять их место.

— А разве нет?

— Подъём, голубки! — воскликнул Дилан Альварес, распахивая дверь чулана. — Завтракаем и совещаемся в гостиной. Все уже там! Пропустить решительно нельзя!

Обменявшись неловкими взглядами, они вышли на кухню.

— Разрешите представить, — провозгласил Дилан, обращаясь к людям, сидевшим по всей комнате — на диванах, на стульях и, за неимением мест, на полу, — двух новых членов БУДЖУМА. Мисс Валери Лоури и лорда Верховного Мага Марка Маккарти.

Несколько террористов вежливо захлопали.

— А новичкам, конечно же, не терпится узнать, кто все вы, матёрые ветераны! Имена, вошедшие в легенду! Вот этот человек по правую руку от меня — несравненный Кларк Диэс, мой верный заместитель. Приехал к нам аж из Ирландии, где занимался «республиканской деятельностью» в тех краях, где это означает нечто более решительное, чем голосование за снижение налогов. Какое-то время даже имел собственную раскольничью группировку — ИРА Диэса[629], — которая, как все хорошие раскольничьи группировки, 95 процентов времени тратила на борьбу с единомышленниками, а оставшиеся 5 — на перестрелки, в которых под перекрёстный огонь попадали непричастные люди. Когда лучшие люди Его Величества стали дышать ему в затылок, он последовал примеру миллионов соотечественников и пересёк Атлантику к земле обетованной, полной богатства и свободы, где все полицейские слепы и глухи, а улицы вымощены пластиковой взрывчаткой.

— Враньё от начала до чёртова конца, — жизнерадостно сказал Кларк. Валери захихикала.

— Прелестные дамы по левую руку от вас, — продолжил Дилан, — это сёстры Бёрнс. Начинали как домушницы-форточницы. Каждый раз, когда Лидию арестовывали, у неё оказывалось железное алиби. Наконец какой-то предприимчивый прокурор догадался, что она использует старейший трюк в мире — старую добрую подмену однояйцевых близнецов. И вот, перед битком набитым залом суда, он объявил, что раскрыл тайну: алиби было у её близняшки, Бренды, а Лидия в это время промышляла по особнякам богатых и знаменитых жителей Лонг-Айленда. У него разбилось сердце, когда выяснилось, что у Бренды тоже было железное алиби на ту же ночь. Мне его почти жаль. Честное слово, каковы шансы, что однояйцевые тройняшки вообще подадутся в преступницы?

Валери уже не могла перестать хихикать.

— Мистер Брайан Янг, — перешёл Дилан к следующему. — Вышел из рук прекрасных людей с химического факультета Стэнфорда. Ганди говорил: «Стань тем изменением, которое хочешь видеть в мире»,[630] — и мистер Янг решил, что хочет мир, где больше грохота и куч щебня.

— И кто может забыть мистера Майкла Хана, нашего ливанского компьютерного вундеркинда. Прославился тем, что перенаправил всю электронную почту онлайн-колумниста, дававшего советы о свиданиях и отношениях, на директора ЦРУ и наоборот. Говорят, молодым девушкам, спрашивавшим, как быть с бесчувственными бойфрендами, предлагали решения с применением кассетных бомб, а Бушу-старшему советовали разобраться с проблемами с Саддамом за романтическим ужином при свечах в чём-нибудь сексуальном — и то, и другое, кстати, сработало великолепно. Теперь он перешёл к делам покрупнее и получше. Убийство Буша? Это были мы: я, Майк и целый холодильник энергетиков.

— На мягком кресле у нас мистер Джон Мурран, бывший агент Секретной службы. Знаете, он был рядом, когда Хинкли выстрелил в Рейгана в упор и пуля прошла сквозь Гиппера, а тот даже не моргнул? Правда! Потом

он начал говорить безумные вещи — вроде того, что Секретная служба защищает президента от народа, а где же организация, которая защищала бы народ от президента? Ну, стоит так заговорить — и тебя приговаривают к тридцати годам за решёткой. То есть тот случай, когда он схватил президента с криком, что найдёт и сотрёт каббалистическую руну, привязывающую его жизненную силу к материальному телу, — тоже не помог. Насколько известно всем, он там и умер. Всем — кроме нас!

Мурран смотрел на них бесстрастно сквозь тёмные очки.

— А что с Мадуэгбуной? — спросила Лидия Бёрнс. — Где он сегодня?

— Стоит прямо за тобой, — сказал Альварес.

Бёрнс обернулась, потом подпрыгнула и тихо взвизгнула. Мадуэгбуна улыбнулся так, что ей стало не по себе.

— Мистер Мадуэгбуна родился у пары нигерийских анимистов, работавших на транснациональную корпорацию в Израильско-Палестинской Аномалии. Аномалия знает, как обращаться с евреями, знает, как обращаться с мусульманами, у неё даже есть предохранители для христиан, индуистов и атеистов. Но нигерийский анимист поставил её в полный тупик, она бесцеремонно поместила его между планами бытия, и с тех пор у него *непростые* отношения с пространственными измерениями — чем мы с удовольствием пользуемся в наших зловещих целях.

— Ну, раз с представлением покончено… — начал Кларк.

— О нет, — сказал Дилан. — Представь меня!

— Во-первых, мы все тебя знаем, — сказал Кларк, — а во-вторых, если я начну тебя представлять, ты…

— Не ты, — оборвал он. — Ты. Маккарти.

Выражение лица Маккарти было трудно прочитать, но лишь внимательный наблюдатель заметил бы, что он едва сжал кулак. Наконец он сказал:

— Мистер Дилан Альварес. В первый день учёбы он повесил в нашей комнате в общежитии здоровенный

плакат с надписью «УТЕШАЙ УГНЕТЁННЫХ И УГНЕТАЙ БЛАГОДЕНСТВУЮЩИХ»...[631]

Дилан расплылся в улыбке.

— ...и с тех пор прошло двадцать лет, и я ни разу не видел, чтобы он утешал угнетённых.

— Утешать угнетённых — это ужасно скучно, — сказал Дилан. — Вот зачем шумеры изобрели разделение труда. Мы знаем, в чём мы хороши. И это подводит меня к следующему пункту. Мы собираемся организовать убийство Эша Бентама.

Он прислушался — вопросы, возражения? Не было ни тех, ни других.

— У нас выдалась пара отличных деньков. Мисс Лоури дала нам совершенно новое Имя — настолько новое, что о нём никто не знает, — которое делает нас невидимыми. Мистер Маккарти — один из лучших ритуальных магов в мире и станет потрясающим подспорьем для нашего дела. Так что я решил — почему бы не замахнуться? Мы уже убили одного президента; убить ещё одного — скучно. Но внезапное появление мисс Лоури настроило меня на стевенситский лад. Так давайте убьём главу UNSONG, а заодно единственного мало-мальски компетентного руководителя, какой был у этой организации за двадцать с лишним лет её существования. Давайте освободим Имена, восстановим Конституцию и спасём Америку.

— Как мы попадём в ООН? — спросила Бренда Бёрнс. — Это место день и ночь под усиленной охраной.

— Мы — БУДЖУМ, — сказал Дилан. — Наша специальность — чтобы люди тихо и вдруг исчезали.[632] Это не должно быть слишком сложно. Приятная прогулка по коридорам, потом бах-бах, и уходим.

— Я слышал, у Бентама жуткие ментальные способности, — сказал Хан. — Все его боятся.

— Именно для этого у нас есть лорд Верховный Маг, мистер Хан. Мы обзаводимся собственными жуткими способностями. Понятия не имею, что не так с мистером Бентамом, но я уверен, что мистер Маккарти найдёт хороший способ это нейтрализовать.

— Что мы будем делать, когда закончим? — спросил Янг. — Уедем из Нью-Йорка?

— Мне осточертел Нью-Йорк, — сказал Дилан. — Мы здесь уже сколько, три месяца? Следующего таракана я не захочу увидеть даже через вечность. Едем во Флориду. Во Флориде много чего можно взорвать.

— Например?

— Пляжи, коктейль-бары, красотки. Но это потом! Сейчас нужно решить, кто участвует в операции против Бентама. Маккарти, ты идёшь. Янг, ты остаёшься. Кларк, от тебя не отделаешься. Бренда, ты идёшь. Лидия, ты слишком стара, а Норма — слишком молода.

— Мы родились с разницей в шесть минут!

— Вот видишь, практически бабушка. Хан, ты остаёшься. Мурран, ты остаёшься. Валери, ты идёшь.

— Погоди-ка, чёрт возьми, — сказал Кларк. — Зачем мы оставляем Муррана? Этот парень попадёт в крысу с сорока пяти метров.

— Это Манхэттен, — сказал Дилан. — Ты никогда не бываешь дальше сорока пяти метров от крысы. А пробраться в международную организацию — дело тонкое. Нельзя тащить с собой целую экспедицию.

— Если тебя тревожит численность группы, — сказал Кларк, — возьми Муррана и оставь Лоури. Девчонка дала нам невидимость. Понял. Здорово. Но на такой миссии от неё толку нет.

— Напротив, — сказал Дилан. — Смертельный выстрел должна сделать именно Валери.

— Что? — спросила Валери одновременно с Кларком и Брайаном.

— Всё просто, — сказал Дилан. — Ашер Бентам не будет убит террористом. Ашер Бентам будет убит юной девушкой, девушкой с верным сердцем. Именно так всё должно случиться. Таков Нарратив!

Раздалось несколько возгласов. Кларк закатил глаза. Марк Маккарти одними губами произнёс *Он псих*, обращаясь к Валери, которая осторожно сделала вид, что не заметила.

— А теперь, — сказал Дилан, — все, кто участвует: поешьте, отоспитесь, позвоните родителям. Завтра мы сражаемся. Но сегодня вечером… сегодня — наш последний день в Нью-Йорке. Сегодня вечером мы идём на Бродвей!

Интерлюдия קן: Буш

20 января 2001 года
Вашингтон, округ Колумбия

Некоторые каббалисты считали, что на выборах 2000 года победит Ральф Нейдер: ведь в Книге Иова 5:11 сказано: «Униженных поставляет на высоту», а что такое надир, как не низкое место? Другие полагали, что победит Джордж Уокер Буш, — на основании Книги Судей 9:14, где деревья говорят колючему кусту: «Иди ты, царствуй над нами»[633]. А третьи думали, что победу одержит Эл Гор: ведь в 32-й главе Книги Иезекииля Бог говорит, что напоит землю кровью[634].

Поэтому не следовало удивляться, когда выборы завершились абсолютной ничьей между тремя кандидатами: каждый получил одно и то же число голосов. Недопробитые перфокарточные бюллетени в Салише, «бюллетени-бабочки» во Флориде[635] и нарушения при голосовании в Сущности Де-Мойн обернулись такой катастрофой, что разрешение спора пришлось взвалить на Верховный суд. Но можно ли было ему доверять? Маркграф Мэриленда — штата, проголосовавшего за Гора, — выслал войска к границе округа Колумбия «наблюдать за процессом и обеспечивать его проведение». Вице-король Вирджинии, проголосовавшей за Буша, отправил войска к границе — присматривать за Мэрилендом.

Когда стало ясно, что Суд не успеет вынести решение ко дню инаугурации, Билл Клинтон объявил, что останется президентом, пока спор о результатах выборов не разрешится. Вирджинцы возмутились: каждый лишний день Клинтона у власти — ещё один день, когда он может склонить чашу весов в пользу своего вице-президента и намеченного преемника. Угрозы нарастали, пока однажды утром вирджинцы не обнаружили, что

мэрилендские силы окопались в округе Колумбия. Президент пригласил их «защищать» столицу; расстановка сил изменилась.

Армия Разъединённых Штатов прошла через многое. В 70-х она отражала вторжение Тамиила — и была в основном истреблена. В 80-х воевала в Войне с наркотиками — и до сих пор видела в кошмарах сотни тысяч одурманенных наркотиками солдат, наступавших на неё с безупречной слаженностью. В 90-х вторглась в район Персидского залива, защищая Консорциум Эриду-Ксанаду от Саддама Хусейна. Многие только что вернулись из похода с Королём Комет на Якутск. Больше, чем кто-либо, они понимали, на сколь узком карнизе балансирует страна.

И вот этот карниз начал опасно раскачиваться. В Сибири снова замечали демонов. Некромантические вылазки Другого Короля вокруг Лас-Вегаса плавно перетекали в полномасштабный зомби-апокалипсис. Король Комет — единственный гражданский лидер, которого армия по-настоящему уважала, — пропал без вести. А всё, на что были способны штатские, — четыре месяца спорить о недопробитых бюллетенях, пока на самой вершине командной системы зиял огромный вакуум власти.

Дик Чейни, кандидат в вице-президенты от Буша, бывший министр обороны и генеральный директор «Халлибёртон», знал военно-промышленный комплекс как тыльную сторону своей костлявой, когтистой кисти. И он начал разговаривать с людьми. Не было бы лучше, спрашивал он, если бы в это трудное время власть оказалась в руках друга армии? А не этого краснюка Гора? А не — не дай Бог — Ральфа Нейдера, который хотел отказаться от Имён — нашего единственного стратегического преимущества перед нечеловеческими силами, обступившими нашу страну?

И вот 17 января группа из Пентагона вошла в Белый дом и объявила Джорджа Уокера Буша 43-м Президентом Разъединённых Штатов на основании его явной победы в Джорджии, которую Верховный суд, несомненно, очень скоро подтвердит. Вторая группа из Пентагона вошла

в Верховный суд, перекинулась парой дружеских слов с судьями — и, о чудо, те весьма скоро подтвердили победу Буша в Джорджии. Третья группа весьма настоятельно потребовала, чтобы Эл Гор отправился с ними в приятное местечко за городом, где никто и ничто не отвлекало бы его от размышлений о последствиях решения Верховного суда. А четвёртая отвезла Ральфа Нейдера в другое место за городом — подальше от Гора, просто чтобы они не отвлекали друг друга.

Через три дня инаугурация состоялась под полным контролем военных. И всё же толпа заполнила Национальную аллею. Преданные республиканцы, недовольные демократы, солдаты, которых доставили и наспех переодели в штатское, чтобы сохранить видимость гражданской церемонии.

— Для меня великая честь — и повод для смирения — стоять здесь, где до меня стояли столь многие лидеры Америки и где после меня встанут ещё многие, — начал президент Буш. — У всех нас есть место в долгой истории — истории, которую мы продолжаем, но конца которой не увидим. Это история нового мира, ставшего другом и освободителем старого; история рабовладельческого общества, ставшего слугой свободы; история державы, вышедшей в мир, чтобы защищать, но не присваивать, оборонять, но не завоёвывать.[636]

Нескольким протестующим удалось развернуть транспарант «СВОБОДУ ПРЕПОДОБНОМУ СТИВЕНСУ», прежде чем их утащили. Если бы телевидение ещё работало, камеры, без сомнения, тут же переключились бы на кадры демонстрации; радиоэфир же просто обошёл её стороной. Сам Стивенс умрёт в тюрьме несколько месяцев спустя от причин, которые коронер официально признает «естественными». Настоящая эпидемия естественных причин бушевала той весной в тюрьмах восточных Разъединённых Штатов; Гор и Нейдер умерли таким же образом в течение нескольких недель.

— Мы не авторы этой истории — автор тот, кто наполняет время и вечность своим замыслом. Но его замысел свершается в нашем долге. А наш долг исполняется

в служении друг другу. Не уставая, не отступая, не останавливаясь, мы сегодня вновь посвящаем себя этой цели: сделать нашу страну справедливее и щедрее, утвердить достоинство нашей жизни — и жизни каждого человека. Труд продолжается, история идёт дальше, и ангел по-прежнему мчится в вихре и направляет эту бурю.

Я рад, что нынче в нашей стране избранный президент обязан пройти медицинское обследование, доказывающее, что он человек. Но я бы хотел, чтобы существовало и другое правило: прежде чем вставлять в инаугурационную речь отсылки к Книге Иова, избранный президент должен проконсультироваться с каббалистом.

— Но в одном я уверен. Сегодня мы создаём новую главу этой истории. И на мне лежит долг…

Президент Буш самопроизвольно загорелся. «ПОМОГИИИИТЕ! — вопил он на глазах у оцепеневшей от ужаса толпы на Национальной аллее. — ПОМОГИИИИТЕ… АД…»[637] Когда агенты Секретной службы добрались до него на трибуне, он уже был обугленным трупом.

Посреди слова, которое он пытался произнести, — посреди его смеха и веселья — он тихо и вдруг исчез[638], потому что Дилан Альварес взломал его телесуфлёр и вывел на экран Смертное Имя.

Глава 54

Мой путь средь звёзд

Весна 1999
Колорадо

Так миновало пятнадцать лет. Поднялись новые заводы. Новые шахты ушли вглубь земли. Новые дороги пересекли горы вдоль и поперёк. Лаборатории, казармы, крепости, зернохранилища, взлётно-посадочные полосы. Всё это — подготовка к последнему крестовому походу. За эти пятнадцать лет, пока подрастало целое поколение, война Короля Комет с Адом постепенно перешла от метафорической духовной борьбы к формуле «нам понадобится очень много оружия».

Люди со всех концов Разъединённых Штатов и всего мира стекались в Колорадо, готовые взяться за оружие ради общего дела. Король Комет пропал на несколько месяцев — уплыл на странном корабле с семью парусами, объявив, что ищет Явное Имя Бога. Вернулся, сказал, что нашёл. Всё начало складываться. Теперь всё это и впрямь произойдёт.

В последнюю ночь они лежали вместе в цитадели, и она чертила узоры на его груди.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты пошла со мной, — сказал Джалакету как раз в тот миг, когда Робин думала: *Как бы мне хотелось пойти с ним.*

— Ты знаешь, что я не могу, — ответила она как раз в тот миг, когда он думал: *Но я знаю, что ты не можешь.*
— Кому-то нужно остаться здесь и держаться молодцом на глазах у всего королевства.

— А если бы я погиб… — добавил он как раз в тот миг, когда она подумала: *А если бы он, не дай Бог, погиб.* Он не договорил.

— Ты не умрёшь, — сказала она как раз в тот миг, когда он подумал: *А ведь очень даже могу.*

Он приоткрыл один глаз. — Путь в Сибирь будет труден и без военного сопротивления. Имена нас согреют, но ошибки в расчёте запасов продовольствия могут обернуться катастрофой. Боевой дух высок, но несколько тяжёлых недель — и мы можем ополчиться друг на друга. Тамиил опасен, и у него в запасе много уловок. Мы ещё не знаем всего, на что способна его магия. А Шем ха-Мефораш… им трудно пользоваться. Думаю, я смогу произнести его и выжить, но это будет на грани жизни и смерти.

— Но ты не боишься.

— Разве страх поможет?

— Не знаю, — сказала Робин. — Моего страха хватит на нас обоих. Боюсь, что ты не вернёшься. Или боюсь, что сдашься и вернёшься слишком рано — а Ад так и останется нетронутым.

— *Этого* можешь не бояться, — сказал Король Комет.

— Когда-то астрономы говорили, что кометы непредсказуемы, — сказала Робин. — Что всё на небесах движется по своей орбите, кроме кометы. Она не подчиняется правилам и не знает пути.

— Они привязаны к Земле, — сказал Король Комет. — Если смотреть с Земли, комета — знамение: выходит из пустоты без причины, уходит в пустоту без причины. Её называют непредсказуемой, потому что сами не способны её предсказать. Но с точки зрения самой кометы нет ничего проще. Её путь начинается во тьме внешней[639], она берёт курс прямо на солнце и не останавливается, пока не достигнет его. Всё остальное вечно вращается по одной и той же орбите. Комета летит к источнику. Её называют кривой — потому что она слишком прямая. Её называют непредсказуемой — потому что она слишком неуклонна. Её называют хаотичной — потому что она слишком линейна.

Он на мгновение замялся.

— Вот за что я люблю тебя, знаешь. В мире кругов ты — нечто линейное.

Она ничего не сказала — лишь продолжала чертить узоры на его груди.

— Несколько месяцев, чтобы добраться до Якутска, — сказал он. — Несколько месяцев, чтобы вернуться. Сама работа не должна занять больше нескольких мгновений. К зиме я снова тебя увижу.

Там сон в последний раз пришёл к ним обоим.

Глава 55

Никто не может посетить его пределы

Июль 1999
Сибирь

Явное значение слова «king» — «наследственный монарх».

Каббалистическое значение слова «king» — «тот, кто борется за свободу».

Это мы выводим из Мартина Лютера Кинга, чьё имя было «king» сразу в двух смыслах: во-первых, по-английски — через фамилию; во-вторых, на иврите — через инициалы[640]. Точно так же он в двух смыслах означает «того, кто борется за свободу». Во-первых, через имя: «Martin» восходит к латинскому «martinus» и имеет общий корень с «martial», то есть «воинственный» или «сражающийся»; «Luther»[641] здесь связывается с греческим «eleutheria», то есть «свобода», — и потому «Martin Luther» читается как «тот, кто сражается за свободу». Во-вторых, через пример его жизни.

Посему, в согласии с тайной структурой мироздания, Король Комет выступил в поход за свободу.

Его войска двинулись из Колорадо-Спрингс, прошли через Солт-Лейк-Сити и вышли к Вольному государству Салиш. Передовые части взяли Джуно и Анкоридж, тогда как основные силы погрузились на суда огромной флотилии, которую строили десять лет, и двинулись вдоль побережья на север, пополняя припасы в аляскинских портах. Другая передовая группа достигла Тин-Сити на Аляске. Король Комет поднял меч, произнёс Имя и раздвинул воды Берингова пролива. Они переправи-

лись, захватили Чукотку и Камчатку с севера, прежде чем сибиряки успели среагировать, и разобрали на части береговые батареи и укрепления, призванные не допустить высадки десанта. Главные силы в полном составе высадились в Магаданской области и с трудом прокладывали путь на северо-восток через зловонные болота и горы. Бой шёл на каждом шагу: засады, ловчие ямы, яростная схватка на перевале у Усть-Неры. Демоны Сибири бросали в бой уродливых адских тварей, тучи противоестественных насекомых, сгустки тьмы, которые будто ползали и визжали. Король Комет выставлял против них странные шагающие танки, парящие шарообразные дирижабли, эскадроны каббалистов, которые могли рушить горы одной лишь песней. Сибирская армия неуклонно отступала. Войска Запада неуклонно наступали.

Наконец они вышли к Якутску. После трёх дней апокалиптических сражений город пал; Тамиил и его двор в беспорядке отступили. Король Комет надеялся спасти оставшихся в городе людей, но от них почти ничего не осталось, так что речь о милосердии уже не шла. Тогда его крестоносцы сожгли город, вытеснили воспоминания из бодрствующего сознания в ночные кошмары и двинулись дальше.

Последние семьсот миль оказались самыми лёгкими. После падения Якутска демоны почти прекратили сопротивление. Боевой дух крестоносцев был высок. Победа придавала шагу лёгкость. Они пели «Боевой гимн Республики». Они шли к конечному пункту пути, о котором имели лишь смутное представление.

В таком настроении они вышли к тихим синим водам Байкала и рассыпались вдоль берега близ Улан-Удэ. Они отдыхали и ухаживали за ранеными, пока их вождь оставался в шатре, молясь. Спустя три дня Король Комет решил, что час пробил.

Он ступил на воду, и она выдержала его. Всего несколько шагов: озеро тянулось на сотни миль в длину, но нигде не было слишком широким. И вот он уже стоял на остро-

ве посреди озера — у скалы Шаманки[642], в которой зияла дыра глубже самого мира.

Его люди смотрели на него с другого берега, почти не дыша.

Его инженеры к тому времени уже уничтожили физические укрепления ворот. Теперь он одним словом разрушил их духовную защиту. Камень осыпался, открыв лишь глубокую яму. Король Комет шагнул с края и исчез из виду.

Он падал и падал, пока не перестал понимать, падает ли он вообще. Под ним не было земли, по сторонам — стен. Только бесконечное пространство, сумрачное и непостижимое, словно заполненное чёрным дымом. Не мерещатся ли ему там языки пламени, если напрячь взгляд? Тут мелькнуло движение? Там — взмах демонического крыла?

Всё было ради этого. Горстка потерянных душ в Якутске — лишь капля в бочке. Спасённые в Канаде и на Аляске — лишь тонкая струйка. Вот — океан. Миллиарды людей за всю историю человечества, которых смыло в Ад и бросило страдать вечно. Был лишь один способ их спасти. Он пожертвовал десятками тысяч жизней, чтобы добраться сюда. Теперь пришло время.

Он падал так далеко и так долго, что ждать дальше не имело смысла. Он прочитал молитву. Он представил в уме структуру — сложную каббалистическую структуру переплетённых аспектов божественности и смертности, которую не смог бы вообразить ни один человек, кроме него. И затем, чуть дрожащим голосом, он произнёс Явное Имя Бога.

Это звучало так:

Тав.

Реш.

Грозная радость.

Пламенное желание.

Король Комет произнёс нараспев Шем ха-Мефораш.

Ничего не произошло.

Лёгкое завихрение дыма? Ещё один намёк на мерцающие язычки пламени? Или это были только иллюзии?

Шем ха-Мефораш их не коснулся. Король Комет нахмурился.

Он произнёс Имя во второй раз, отчётливо и точно проговаривая каждую букву, как ноты песни. Где-то высоко над ним залаяли собаки. Заплакали младенцы. Облака разлетелись, как стекло, огромные волны явились ниоткуда и обрушились на все берега. Архангел Уриил закричал и схватился за лоб, а потом принялся лихорадочно рисовать символы в воздухе, успокаивая бури, которые видел лишь он один.

Но воздействие на дымное царство в глубине провала — если оно вообще было — свелось к ничтожнейшему возмущению: настолько малому, что Король Комет даже не мог быть уверен, произошло ли что-нибудь.

Джалакету прищурился. Он начал чертить вокруг себя глифы — таинственные геометрические фигуры, призванные усилить его слова и очистить их действие от всего постороннего. Он писал исступлённо, и символы сотни живых и мёртвых языков пронзали тьму сиянием, прибавляя свою силу к его собственной. Он стоял, окружённый живой паутиной мощи. И в третий раз произнёс Имя Бога.

Небо стало красным. Моря стали красными. Солнечный свет сделался дробным, шизофренически расколотым, словно пробивался сквозь витражи. Деревья взрывались. Все религиозные здания мира — церкви, мечети, храмы — вспыхнули одновременно.

Но Король Комет видел лишь слабые завихрения в темноте — такие, как если бы ребёнок дунул в дым от костра.

Теперь он *по-настоящему* разъярился. Он распростёрся по всем мирам и сефирот, вобрал в себя их совокупную силу. Паутина глифов трещала и горела от напряжения, пульсировала, сменяя цвета с эпилептической скоростью, выбрасывала искры, словно вулкан. Король Комет открыл рот —

— СТОЙ, — произнёс голос. Сквозь дым ударила молния, и рядом с ним возник архангел Уриил с высоко поднятым огненным мечом. — СТОЙ, ИНАЧЕ ПРИЗЫВАЕМЫЕ ТОБОЙ ЭНЕРГИИ УНИЧТОЖАТ МИР.

— Не мир я уничтожу! — воскликнул Король Комет. На человека он сейчас совсем не походил. Его кожа стала ночной чернотой, волосы — серебром звёздного света; сколько у него конечностей, никто не смог бы сосчитать. — Ад уничтожу! Не отнимай у меня этого, Уриил! Ты знаешь, что это необходимо!

— ТЫ НЕ ЦЕЛИКОМ В АДУ. ТЫ КАК БЫ В АДУ, НО НЕ СОВСЕМ. ТЫ ВЫСВОБОЖДАЕШЬ ЧАСТЬ ЭНЕРГИИ ШЕМА ХА-МЕФОРАШ В ОБЫЧНЫЙ МИР. ТРЕЩИН УЖЕ СЛИШКОМ МНОГО. СПОЙ ЕЩЁ РАЗ — И НЕБО РАЗЛЕТИТСЯ ВДРЕБЕЗГИ.

— Я пытаюсь целиться в Ад, — сказал Король Комет. — Не знаю точно, где я нахожусь… но близко. Если я смогу собрать достаточно силы…

— ТО НЕБО РАЗЛЕТИТСЯ ВДРЕБЕЗГИ, — сказал Уриил. — ЭТО НЕ ВОПРОС СИЛЫ. ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, В КОРНЕ НЕРАЗУМНО. ОСТАНОВИСЬ.

— Это же ворота, Уриил! Я прошёл сквозь ворота! Ты меня видел, они все меня видели.

— ВОРОТ МНОГО. НЕ ВСЕ ОНИ ОТКРЫТЫ. ТЫ ПРОШЁЛ ЧЕРЕЗ НЕКОТОРЫЕ. ПЕРЕД ДРУГИМИ ТЫ ВСЁ ЕЩЁ СТОИШЬ. ЕСЛИ ТЫ СНОВА ПРОИЗНЕСЁШЬ ШЕМ ХА-МЕФОРАШ, ТЫ УНИЧТОЖИШЬ МИР.

— Много ворот? Уриил, мы говорили об этом. Мы *годами* исследовали этот вопрос. Мы оба согласились, что если нам удастся пройти сквозь отверстие в Байкале, мы сможем ворваться в Ад.

— ДА. В ТО ВРЕМЯ ЭТО КАЗАЛОСЬ ЛОГИЧНЫМ. ТЕПЕРЬ МЫ ЗДЕСЬ И НАБЛЮДАЕМ ВСЁ ВООЧИЮ. Я ГОВОРЮ ТЕБЕ: ВОРОТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЫ ДУМАЛИ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ЗАКРЫТЫ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРОЙТИ СКВОЗЬ НИХ.

— Если я просто вложу в него больше силы…

— ТАМИИЛ — ГРАНЬ БОГА. ГРУБОЙ СИЛЫ ПРОТИВ НЕГО НЕДОСТАТОЧНО.

— Это Шем ха-Мефораш! Это буквально сила Самого Бога! Ничто не может ей противостоять.

— ДА. ВОТ ПОЧЕМУ ТЫ РАЗРУШАЕШЬ МИР.

— Дай мне хоть какую-нибудь зацепку, Уриил!

— Э-Э.

— *Дай мне хоть какую-нибудь зацепку!*

— ВОРОТА — ШТУКА СЛОЖНАЯ.

— Ради Бога, дай мне хоть какую-нибудь зацепку, Уриил!

— Э-Э.

— Ты хочешь сказать, что *буквально не существует никакого способа* уничтожить Ад — *даже с Явным Именем Бога?*

— Э-Э.

— *Это ты и говоришь?*

— Э-Э.

— Зачем Богу было так делать? Зачем создавать вселенную, где единственный поступок, который ты абсолютно, на все сто процентов морально обязан совершить, совершенно невозможен — даже если всё делаешь правильно, даже если получаешь оружие, способное уничтожать сами миры, — *кто вообще так поступает?*

— БОГ, — сказал Уриил. — ОН ДЕЛАЕТ МНОГОЕ, ЧТО ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ. Я УДИВЛЁН, ЧТО ТЫ ЕЩЁ НЕ ПОНЯЛ ЭТОГО.

— Кто создаёт страдание без конца? Кто создаёт людей, велит им поступать правильно, а потом выбивает почву из-под ног, когда они пытаются? Я должен был быть Его мечом, Уриил! Я был Машиахом! Он и мой отец выковали меня, провели через все те испытания, чтобы я был достоин оказаться здесь сегодня. Кто выковывает такое оружие, а потом держит его в ножнах? *Почему Бог вообще так поступает?*

— ПЕРЕСТАНЬ ПЫТАТЬСЯ ПОСТИЧЬ ВОЛЮ БОГА, — сказал Уриил. — ЭТО НИКОГДА НЕ ПОМОГАЕТ.

— Так, — сказал Король Комет. Теперь в его голосе звучало ледяное спокойствие. — Что ты предлагаешь мне делать?

— ПОЗВОЛЬ МНЕ ОТВЕЗТИ ТЕБЯ ДОМОЙ, — сказал Уриил.

— Нет, — сказал Король Комет.

— ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА САМ, — сказал Уриил. — ТЫ ПРОШЁЛ СКВОЗЬ СЛИШКОМ МНОГО

ВОРОТ. НЕ ЧЕРЕЗ ВСЕ ИЗ НИХ ОДИНАКОВО ЛЕГКО ПРОЙТИ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ.

— Я не уйду, Уриил.

— ПОЖАЛУЙСТА, — сказал Уриил. — НЕКОТОРЫЕ ВОРОТА СО ВРЕМЕНЕМ МОГУТ СНОВА ЗАКРЫТЬСЯ. ТЫ ОКАЖЕШЬСЯ ЗАПЕРТ ЗДЕСЬ.

— Ну и что? Ты хочешь, чтобы я сдался? Провёл миллион человек до самой Сибири, позволил бог знает скольким из них погибнуть — и просто сдался? Только потому что…

— ЕСЛИ ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ В МИР ЖИВЫХ, ВОЗМОЖНО, МЫ СУМЕЕМ НАЙТИ РЕШЕНИЕ.

— Ты уже сказал! Решения нет! Даже Явного Имени Бога недостаточно!

— Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО У НАС ЕСТЬ БОЛЬШИЕ ШАНСЫ НАЙТИ РЕШЕНИЕ, НО ОНИ, ВЕРОЯТНО, ВЫШЕ, ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ УСЕРДНО ЕГО ИСКАТЬ, ЧЕМ ЕСЛИ ОСТАНЕШЬСЯ НАВСЕГДА ЗАПЕРТ В ПРЕДДВЕРИИ АДА.

— Уриил. Дай мне хоть какую-нибудь зацепку.

— Я СЕЙЧАС ЗАБЕРУ ТЕБЯ ОТСЮДА. Я УВЕРЕН, ЧТО ТЫ СМОГ БЫ ОТБИТЬСЯ ОТ МЕНЯ, ЕСЛИ БЫ ЗАХОТЕЛ, НО Я БЫ ОЧЕНЬ ПРОСИЛ ТЕБЯ НЕ ПЫТАТЬСЯ.

Архангел протянул огромную руку и схватил Короля Комет. Затем взмыл вверх с простёртым огненным мечом, рассекая дым на пути. Тьма начала редеть. Вернулось чувство направления. Наконец на все органы чувств Джалакету разом обрушился поток информации — и он понял, что уже вне провала, снова над земным Байкалом.

Его люди начали кричать «ура». Некоторые затрубили в рога. Несколько голосов грянули строфы из «Боевого гимна». Сердце у него упало. *Они думают, что у меня получилось,* подумал он про себя. *Конечно, думают. Я — Король Комет, вот я вылетаю из Бездны живым, и меня несёт архангел, — конечно, они думают, что у меня получилось.* — Нет! — крикнул он войскам. — Стойте! Я потерпел поражение! Я не смог этого сделать! Я не смог уничтожить Ад! Вы провели меня так далеко, вы доверяли мне — а я не смог! Всё пошло не так! Прекратите петь! Прекратите петь! Прекратите!

Большинство не слышало его, но до некоторых дошёл смысл его слов. Одна за другой песни дрогнули, но не смолкли — его люди всё пели, уверенные, что есть что-то, ради чего стоит петь. Кое-кто вскрикивал, кто-то поднимал знамёна, а кто-то просто из принципа принялся кричать «ура».

— Не вези меня к ним, — сказал Король Комет, почти рыдая. — Увези меня куда-нибудь ещё… не могу сейчас показаться им на глаза. — Уриил посмотрел на него сверху, наклонив громадную голову в недоумении. — Просто на время, — сказал Джалакету. — На несколько часов. Куда-нибудь, где я смогу думать. Дай мне время подумать, Уриил.

Архангел опустил Джалакету на холм в нескольких милях от лагеря. Затем протяжно вздохнул.

— МНЕ ЖАЛЬ, — сказал он.

— Нет, — сказал Король Комет. Он снова выглядел почти как человек. — Ты сделал всё правильно. Не дал мне уничтожить мир.

— ДА, — сказал Уриил. — ТЫ В ПОРЯДКЕ?

— Более или менее. Мне нужно подумать. Это ещё не полный провал. У нас ещё есть армия. Военная операция прошла хорошо. Лучше, чем ожидалось. Мы можем удержать Байкал, пока будем пытаться разобраться, что делать дальше. Я смогу убедить людей… постой… о нет. *О нет.*

— ЧТО? — спросил Уриил.

— Я только что сообразил, — сказал Король Комет. — *Что я скажу жене?*

Интерлюдия ר: Novus Ordo Seclorum[643]

Вы знаете эту историю: две женщины пришли к царю Соломону с младенцем. Каждая утверждала, что ребёнок — её. Соломон объявил, что разрубит младенца пополам и отдаст каждой по половине. Одна женщина согласилась, другая отказалась от своих претензий. Соломон постановил, что именно вторая — настоящая мать, и отдал ребёнка ей.

Отсюда возникает немало вопросов. Например: что первая женщина собиралась делать со своей половиной младенца? Учёные отвечают, что история — это метафора. Младенец представлял Израиль, стоявший на пороге гражданской войны. Две женщины олицетворяли две партии, борющиеся за власть. Соломонов приговор, таким образом, выражает ту же мысль, что и тост Эндрю Джексона: «Союз должен быть сохранён!» Тот, кто готов принять войну как плату за власть, недостоин руководить.

В конце 2001 года в Разъединённых Штатах Америки соломонова мудрость и не ночевала. Сторонники Буша похитили Эла Гора и Ральфа Нейдера, которые затем погибли при невыясненных обстоятельствах. Затем БУДЖУМ убил президента Буша его же телесуфлёром. Несколько месяцев страну удерживал в единстве Король Комет — не какими-либо действиями, ибо он по-прежнему был заперт в своей комнате, отрезанный от мира, — но самим своим присутствием; точнее, смутной уверенностью людей, что при нём страна не успеет окончательно развалиться. Вице-президент Дик Чейни сохранял номинальный контроль над Вашингтоном: не

решался официально вступить в должность, и никто другой не решался выступить против него.

Затем — Битва при Невер-Саммере и внезапный крах Королевского Колорадо. Соединённое Королевство Великого Бассейна стремительно завоевало Юту, Аризону, Колорадо и Вайоминг. Калифорния, Салиш и Сущность Де-Мойн обратились к Вашингтону с просьбой о защите. Другой Король провёл переговоры о союзе с лидерами сторонников Гора на востоке — Маркграфом Мэриленда и Пендрагоном Пенсильвании. Вашингтон призвал на помощь Вирджинию. Второй раз за два столетия Потомак окрасился кровью.

Вся система, выстроенная Рейганом и Королём Комет в тот день в Кэмп-Дэвиде, рассыпалась в прах. Двадцать лет сдерживаемых обид выплеснулись в двухлетнюю оргию насилия. Каганат Маскигон и Сёгунат Мичигана вцепились друг другу в глотки. Махараджа Индианы объявил крестовый поход на стороне Чейни и попытался захватить Чикаго. Нейдериты в Миннесоте аннексировали Верхний полуостров. Армии Другого Короля двинулись на запад — к западу от Миссисипи не было сил, способных противостоять ему. Властелин Наркотиков перестал притворяться мёртвым и двинулся к южной границе Америки.

Цитадель Запада обеспечивала противоракетную оборону континента. Ядерные ракеты никому не были страшны. Но в январе 2004 года фанатик-нейдерит прибыл на вашингтонский вокзал Юнион-стейшн и произнёс Гневное Имя. Город, как выразился Байрон, «растаял, как снег под взглядом Господа»[644]. Погибло 300 000 человек, в том числе вице-президент Чейни. На миг этот удар выбил нацию из кровожадного угара.

Ашер Бентам, новый генеральный директор UNSONG, объявил, что уничтожение Вашингтона стало результатом злоупотребления одним из священных Имён и, следовательно, находится в ведении его организации. Он заявил, что наделил себя особыми чрезвычайными полномочиями, чтобы расследовать случившееся и обезвредить кризис, привлёк миротворческие силы ООН

и приступил к интенсивным переговорам с руководителями всех заинтересованных сторон.

Все сходились в одном: боевые действия необходимо прекратить. Вопрос состоял в том, стоит ли сохранять Разъединённые Штаты как государственное образование. Без столицы и без президента федерация стояла на зыбкой почве. Но если дать ей окончательно распасться, страна станет лёгкой добычей для Властелина Наркотиков и Другого Короля.

Предложение Бентама потрясло все стороны: он намеревался аннексировать весь североамериканский континент между Рио-Гранде и 50-й параллелью, объявить эту территорию Специальным Протекторатом UNSONG, а себя назначить Протектором-Генералом. Он намеревался поддерживать мир, координировать общую оборону и вести переговоры с иностранными державами — всё под мандатом защиты торговли Божественными Именами. В конце концов, уничтожение Вашингтона доказало: национальная безопасность и регулирование Имён — одно и то же.

Первым согласился представитель Другого Короля. После этого остальные один за другим подчинились. Ради защиты от Другого Короля стоило заплатить за вступление; перечить Другому Королю казалось самоубийством. Конечно, по соглашению он получил всё, чего хотел, — Калифорния и Салиш были низведены почти до положения данников, неизменно пребывая в его тени, — однако структура федерации и свобода отдельных штатов остались неприкосновенными.

Так была должным образом написана и ратифицирована новая Конституция, избран новый Конгресс, а правительство Разъединённых Штатов переехало в Нью-Йорк — теперь во главе с ООН.

Глава 56

Моление о чаше

1 августа 1999 года
Колорадо-Спрингс

Нужно было поддерживать боевой дух, и Робин решила: народу пригодится любой доступный повод для праздника. Первое августа — годовщина получения Колорадо статуса штата — годилось не хуже любого другого повода. Поэтому она стояла на вершине скальной башни в Саду Богов, а толпа — в которой непропорционально много было женщин, потому что миллион мужчин маршировал в Сибири — внимала своей королеве-регенту.

Граница между речью и проповедью почти стёрлась с тех пор, как штат стал резиденцией Мессии в его войне против Ада, поэтому Робин начала с библейской цитаты — из Псалма 83 (84 по протестантской нумерации):

> *Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце моё и плоть моя восторгаются к Богу живому. И птичка находит себе жильё, и ласточка гнездо себе.*

— Это место всегда было таким прекрасным. Этого я всегда и хотела. Чтобы везде было так же прекрасно, как здесь. Когда-нибудь я хочу, чтобы всё Колорадо стало садом и всё было святым. В песне пелось о «пурпурном величии гор над плодородной равниной» и «алебастровых городах, не омрачённых человеческими слезами»[645]. Я хочу этого. Я хочу, чтобы пустыни зацвели, а леса стали пышными и дикими. Я хочу новых высот в искусстве и науке. Я хочу новых симфоний и новых народных песен. Я хочу новой инфраструктуры, новых парков, новых

зданий и памятников, которым будет завидовать весь мир. Я хочу, чтобы каждый мог жить так, как ему хочется, — в городе или среди дикой природы. Я хочу победить болезни, покончить с бедностью, создать новую, лучшую цивилизацию. Вы все хотите того же. И дело не только в том, что Король Комет способен это сделать, хотя он способен. Дело в том, что все *мы* можем это сделать. Мы — те самые люди. И сейчас — то самое время.

— Но мы не делали ничего из этого. И ещё долго не будем. Потому что это — не самое важное.

Она продолжила псалом:

> *Блажен человек, которого сила в Тебе*
> *и у которого в сердце стези направлены*
> *к Тебе. Проходя долиною плача, они*
> *открывают в ней источники.*[646]

— Уильям Блейк писал о том, что всё совершённое нами во времени отзывается в Вечности[647], — но он имел в виду метафору. Я — нет. То, что мы делаем здесь и сейчас, отзывается в Вечности. Последние двадцать лет, вместо того чтобы строить новые дороги и города и лучшую жизнь для наших детей, мы строили военную машину. Очень, очень хорошую военную машину. Не потому что мы плохие люди, которые не любят мир. Потому что некоторые войны важны. Все прочие войны велись из-за земли, денег, религии или чего-то ещё земного. Того, что исчезает. Эта война, которую мы ведём сейчас, отзывается в Вечности. Если мы победим — мы положим конец вечным мучениям. Мы спасём ваших матерей и отцов, ваших дедушек и бабушек, всех ваших предков вплоть до Адама от вечных мучений. И не только их. Через сто лет мы спасём наших друзей, наши семьи, наших детей — и, может быть, самих себя. Есть так много всего, чего мы хотим, так много того, что нам нужно сделать, — но как только мы осознали весь чудовищный масштаб зла у нас под ногами, мы поняли: нет ничего другого, что мы могли бы сделать. По-настоящему. Перед лицом таких ужасов всё остальное нужно отложить в сторону и вступить в эту борьбу — ту,

которой мы не могли избежать и при этом остаться в полной мере людьми.

— Это — и извинение, и призыв к оружию. Извинение за всё прекрасное и дивное, чем мы могли бы заниматься все последние двадцать лет, чем могли бы заниматься сейчас, что так и останется несделанным, потому что мы в крестовом походе. И призыв к оружию — продолжать работу, держать Колорадо на ходу, пока наши друзья и близкие далеко, потому что и мы в крестовом походе — на домашнем фронте, — и нет ничего, что мы могли бы сделать важнее этого.

— Король Комет дал нам так много. Но далеко не столько, сколько попросил нас принести в жертву. Мы сейчас жертвуем всем — нашими мечтами, нашими надеждами на лучшую жизнь, — потому что доверяем ему. И потому что доверяем себе — своему пониманию того, что правильно. Если мы победим, то буквально на протяжении всей Вечности люди будут помнить наши имена. Через десять миллионов лет, когда мир станет настолько иным, что не останется никаких других воспоминаний, люди всё равно будут знать: было время вечных мучений, — но теперь им положен конец. Благодаря нам.

> *Господи, Боже сил! услышь молитву мою; внемли, Боже Иаковлев! Боже, защитник наш! приникни и призри на лице помазанника Твоего.*

Она спустилась со скальной башни под восторженные аплодисменты, отработала обязательную фотосессию и пробралась сквозь толпу к тому месту, где её ждали отец Эллис и Натанда.

Джалакету был с ними. Тёмный плащ скрывал его, но она узнала его сразу же.

— Можно поговорить наедине? — спросил он, увидев её.

Робин чуть не вскрикнула от радости и бросилась обнимать его.

— Я думала, ты не вернёшься, пока не кончится крестовый поход! — сказала она. — Я думала, на постоянные телепортации туда-сюда уходит слишком много сил!

Она беспокоилась, что улыбается так широко, что выглядит дурочкой, — но ей было всё равно.

— Вот так сюрприз! Нам нужно…

Выражение его лица заставило её замолчать. Это был не личный визит, и какие бы новости он ни принёс — хорошими они не были.

Она взяла его за руку, и они оба обратились в молнию — а миг спустя оказались на другой скальной башне, в другом конце Сада, вдали от всех.

— Плохие новости? — спросила она. — Мы слышали… мы слышали, ты уничтожил Якутск. У нас есть снимки и всё прочее. Что случилось?

Джала кивнул.

— Другая часть, — сказал он. — Похоже, что… э-э… похоже, что…

Робин ждала.

— Думаю, уничтожить Ад Явным Именем Бога может оказаться невозможно, — выпалил он наконец.

— Что? — переспросила Робин.

— Я пытался, — сказал Король Комет. — Много раз. Под озером Байкал. Уриилу пришлось меня остановить. Сказал, если я продолжу, то, скорее всего, уничтожу мир. Врат оказалось больше, чем мы думали. Некоторые из них… кажутся неприступными.

— Так как же ты тогда уничтожишь Ад? — спросила Робин.

Король Комет просто смотрел на неё с безнадёжностью во взгляде — почти так, будто ему слишком страшно было говорить. Потом только покачал головой: нет.

Мгновение тишины.

— Я… я подумал, что ты должна узнать об этом первой, — сказал он.

— Нет, — сказала Робин, — это глупости. Тебе нужно найти лучший способ. Спроси Уриила.

— Я спросил, — сказал Король Комет. — Он сказал, что никакого нет.

— Спроси Соху. Она так усердно занималась.

— Я спросил, — сказал Король Комет. — Она тоже не знала.

— Спроси Леди. Или главного раввина Израиля. Спроси Сатмарского ребе или Белзского ребе. Или спроси папу — может, он знает.

— Я спросил.

— Спроси Урим и Туммим. Поезжай в Сан-Франциско, спроси тамошний коллективный разум.

— *Я спросил*, — сказал Король Комет, и впервые сквозь собственное смятение Робин услышала в его голосе нотку отчаяния.

— Спроси другого главного раввина[648]! Их же всегда двое, разве нет? Спроси…

Король Комет обнял Робин и прошептал:

— Прости меня.

— Нет. Найди выход. Разве нельзя просто… стать по-настоящему злым? Потом умереть? Это ведь должно сработать. Это даже не закон Тамиила. Это закон Бога.

— Я спросил Уриила, — сказал Король Комет. — Он сказал, что не сработает. Творить зло ради высшего блага, потому что я хочу спасти мир, — это не считается.

— Тогда найди способ переделать себя так, чтобы стать по-настоящему злым, потом твори зло, потом умри, потом используй Имя.

— Думаешь, я этого не изучал? Тамиила не так легко одурачить. Бога и подавно не проведёшь. Поверь, Робин. Я всё это обдумал. *Не работает*.

Робин резко отстранилась.

— Нет, — сказала она. — Не так это должно заканчиваться. Возьми себя в руки. Ты можешь это сделать. Ты можешь всё. В этом весь *смысл*! Найди выход!

— В Сибири меня, наверное, уже хватились, — сказал Король Комет. — Там ещё много работы. Мне нужно подавить оставшееся сопротивление, освободить остальную Россию, освободить Канаду. Хочу управиться до зимы. Мне надо идти.

— Ты не можешь уйти! Что мне делать здесь? Что говорить людям?

— Ничего, — сказал Король Комет. — Ничего им не говори. С их точки зрения мы одержали победу. Наша армия разбила их армию. Мы уничтожили Якутск. Это

выглядит как победа. Если не считать твоей речи, слишком немногие из них вообще думают о великом деле. Объяви о победе и устрой парад. Когда я вернусь зимой, займёмся тем, чем сможем заниматься. Тамиил думает, что может обращать людей ко злу? Я могу обращать их к добру. *Мы* можем обращать их к добру. Сколько бы душ уже ни было потеряно, сделай всё, чтобы мы не потеряли больше ни одной. Это была бы победа поверх победы. Никто не должен знать о том, что случилось у Байкала.

— Но *я* буду знать! — сказала Робин.

— Я знаю, — сказал Король Комет.

— Ты не можешь этого сделать! Я не позволю тебе! Ты слышишь меня, Джала? Я не позволю тебе этого сделать!

— Увидимся, когда война закончится, — сказал Король Комет, и обратная молния отменила свой удар в землю, взметнулась в небо и вернула Робин в ту часть парка, где были люди, а Джалакету — туда, куда он направлялся.

— Плохие новости? — спросил отец Эллис, хотя при виде её лица, мокрого от слёз, вопрос был дурацкий.

— Что он тебе сказал? — спросила она. — Он говорил тебе, что…

— Он нашёл меня, когда ты начала говорить, — сказал Эллис. — Сказал, что прибыл сюда из Сибири, чтобы поговорить с тобой, — и больше ничего не сказал.

Она промолчала.

— Плохие новости? — снова спросил Эллис.

— Если бы он хотел, чтобы ты знал, — огрызнулась она, — он бы сам тебе сказал.

Потом:

— Нам нужно домой. Мне нужно подумать.

Глава 57

Принимая облик Ахании…

Вечер, 13 мая 2017 года
Цитадель Запада

Соху спросила, не хочу ли я помочь ей с процессом коррекции ошибок. Ярче этого в моей жизни ещё ничего не было. Всё равно что получить приглашение подискутировать о философии с Аристотелем или сыграть один на один с Майклом Джорданом. Хотел ли я изучать каббалу вместе с Соху Вест? От одной этой мысли сердце подпрыгнуло.

Мы шли по улицам, не знавшим солнца, пока не добрались до здания на самом краю цитадели, вплотную примыкавшего к каменной стене горы. Сара, конечно, пошла со мной — я ничего не мог с этим поделать. Соху повела нас вверх по лестнице, затем по длинному коридору — к себе в кабинет. Вся цитадель казалась одинаково унылой: её освещали флуоресцентные лампы, а здания были возведены по сугубо утилитарным стандартам — именно таким, каких ждёшь от бункера. Но в кабинете Соху было полно книг, стоял большой дубовый стол, и на мгновение это напомнило мне сотню библиотек, синагог и классных комнат, где я бывал. Интеллектуальная жизнь повсюду одинакова.

Мы приступили к работе. Обычно труднее всего в этих делах — вычислить гематрическое значение всех возможных подмножеств букв, но Сара сделала это мгновенно. Вторая по сложности задача — выяснить, в какой главе какой книги находятся нужные уравнения, но у Соху была фотографическая память: она задумывалась на секунду, снимала том с четвёртой полки у дальней сте-

ны, открывала на шестнадцатой главе и клала палец в середину первой страницы.

— Эм, — сказал я, лихорадочно соображая, — может, если мы посмотрим, какие подмножества Голдблюма[649] инвариантны относительно преобразования темуры[650], мы сможем…

Но Соху перебила меня.

— Для такого Имени, не связанного с высшими сферами, это эквивалентно простому преобразованию фонетических триплетов, — сказала она. — Шахтер, 1992 год.[651]

Прежде чем я успел спросить, откуда она вообще знает, что это применимо, Сара объявила, что все фонетические триплеты сошлись. К тому моменту внимание Соху уже переключилось, и она двинулась дальше — к следующей книге, следующей теории.

— Есть ли соответствующие псалмы? — спросила она, и прежде чем я успел вспомнить, сколько псалмов вообще существует, Сара покачала головой и сказала, что ни один не соответствует.

— Сара, — наконец произнесла Соху, — насколько тщательно ты исказила воспоминание Аарона об Имени?

— Ты о чём? — спросила Сара.

— Я имею в виду, — сказала Соху, — что, если бы кто-то просто взял и наобум переставил несколько букв, мы бы исправили Имя ещё двадцать минут назад — первым же алгоритмом, который попробовали. Если же кто-то, глубоко сведущий в каббале, очень тщательно изменил Имя так, чтобы жертва больше никогда не смогла его восстановить… — Она жестом указала на растущую кучу брошенных на стол книг. — Тогда это оказалось бы чуть сложнее.

— Я знала, что Аарон — каббалист, — сказала Сара. — Не хотела слишком облегчать ему задачу.

Соху застонала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Перегруппируем сефирот в парцуфим[652] и попробуем так. — Она принялась лихорадочно считать. — Убираем айн, — бормотала она себе под нос, — переносим тав[653], и…

Сара перебила её.

— И всё остаётся без изменений.

— Знаешь, — сказала Соху, — я не уверена, что сама смогла бы так основательно запутать Имя.

Мне показалось, что на лице Сары мелькнула торжествующая ухмылка, но она тут же исчезла.

— Нам нужно вернуть часть исходных элементов, — сказала Соху. — Аарон, ты позволишь мне читать твои мысли?

— Ты умеешь?

— Не очень хорошо. Судя по тому, что с тобой произошло, Властелин Наркотиков умел это куда лучше. Мой отец был ещё искуснее. Но попробовать стоит. Я немного училась хашмалю.

Прямое значение слова «хашмаль» — «электричество».

Каббалистическое значение — тоже «электричество», но всё не так просто.

Пророк Иезекиль описывал некоторых ангелов как хашмаль, окружённых хашмалем или излучающих хашмаль. Никто так и не понял до конца, что он имел в виду, однако переводчики Септуагинты предположили: «янтарный» или «янтарный свет». Проходит восемнадцать столетий, и первые евреи-сионисты, воссоздающие иврит, ищут слово для понятия «электричество». Один из них — по всей видимости, каббалист — замечает, что английское слово electricity принято возводить к латинскому electricus, означающему «янтарь»: янтарь давал что-то вроде заряда статического электричества. Другие этимологи, впрочем, считают, что слово происходит от финикийского elekron — «сияющий свет». Так вот, в иврите уже есть слово, означающее одновременно «янтарь» и «сияющий свет», и это слово — хашмаль. Его и вписали в первый ивритский словарь в значении «электричество».

Однажды мне попался атеистический трактат с вопросом: почему Бог не доказал Свою всеведущесть, вложив в Библию предсказания о науке или технологии? Ответ прост: Он это сделал — просто люди недостаточно каббалистически мыслят, чтобы заметить. Любой из-

раильский школьник может открыть Книгу Иезекиля и увидеть, как пророк VI века до н. э. описывает встреченных им ангелов — искрящихся электричеством.

Маймонид трактовал этих хашмаль-ангелов иначе. По его мнению, слово составное: «хаш» — молчание и «маль» — речь. Стало быть, эти ангелы на самом деле излучали «безмолвную речь». Ещё точнее: «хаш» — корень слова «хашва», то есть «мысль». Выходит, ангелы посылали Иезекиилю «мысль-речь». Неудивительно, что когда последующие поколения каббалистов открыли тайны телепатии, они назвали её «хашмаль»!

Здесь скрыты глубокие связи. Мозг работает на электричестве: каждая мысль порождает электрический импульс, перепрыгивающий от клетки к клетке и высекающий всё новые искры — вычислительную паутину. Наши умы — такие же электрические машины, как ум Сары; говорить мыслью — значит говорить электричеством. Иврит закодировал всё это тысячи лет назад. Да и английский, кстати: наше слово *speak* восходит к более древней немецкой форме *sprech*, и чем дальше вглубь по времени, тем больше *speak* и *spark* — «говорить» и «искра» — начинают звучать похоже, пока в самом корне всего они не сливаются в изначальное электричество.

Я позволил Соху заглянуть в мои глаза, почувствовал, как мои защитные барьеры медленно ослабевают. Это было совсем не то неодолимое вторжение, какое устроил Властелин Наркотиков. Мягкое, осторожное распутывание — тихое, ненавязчивое, но упорно продвигающееся вперёд, как исследователь, пробирающийся сквозь джунгли. Не знаю, сколько мы так простояли, неловко глядя друг на друга, но спустя некое неопределённое время, которое я провёл в приятном трансе, меня разбудило фырканье Соху.

— Я и правда не очень в этом хороша, — сказала она.

Сара казалась чуть слишком довольной. Я начал задумываться, честна ли она со мной. Неужели она в самом деле просто не удосужилась запомнить важнейшее из когда-либо открытых Имён? Или всё-таки утаивает его?

— Соху, — сказал я, решившись рискнуть, — есть способ облегчить тебе доступ к моему разуму.

Она приподняла бровь.

— Он называется Священный каббалистический брак разумов, — сказал я. — Ну, СКАБМОМ. Моя подруга Ана обнаружила его среди поздних вставок в Евангелие от Иоанна. Это ритуал, сочетающий плацебомантику и каббалу. Сначала чертишь магический круг, потом произносишь Имя, выведенное из текста Евангелия от Иоанна, потом даёшь клятвы о том, что Бог един и мы едины. После этого ты можешь…

Я не был готов к тому, что Соху рассмеётся.

— Священный каббалистический брак? — спросила она сквозь смех. — Серьёзно?

— Это просто моя подруга Ана так называет! — поспешно сказал я, пытаясь защититься. — В тексте были части, упрощавшиеся до слова «брак», но это можно воспринимать символически! Это просто краткий ритуал…

Соху перестала смеяться.

— Я смеялась не над тобой, — сказала она. — И этот ритуал мне уже известен.

— Правда?!

— Да. Я, эм, знакома с ним. Как я сама не догадалась. Пойду принесу всё, что нужно, чтобы начертить круг.

У меня закружилась голова. Она знает о СКАБМОМ? Потом пришла другая мысль.

— Стой, — сказал я. — Я уже каббалистически ж… в смысле, уже проводил этот ритуал с кем-то. Это усложняет дело?

— Вряд ли! — сказала Соху. — У Соломона было семьсот жён, помнишь? — Она снова хихикнула. — Каббалистический брак… Пойду за всем необходимым.

Она исчезла вспышкой света.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЖЕНИТЬСЯ НА СОХУ! — закричала Сара, едва Соху пропала из виду — слёзы катились по её лицу. — ТЫ ДОЛЖЕН ЖЕНИТЬСЯ НА МНЕ!

Ну да. Надо было предвидеть. Я обнял её, поцеловал в щёку. Чем дольше я это откладывал, тем тяжелее будет

потом. Но мне хотелось, чтобы все четверо Потомков Кометы были рядом, когда я сообщу ей плохую новость.

— Сара, — сказал я, — это не настоящий брак. Это просто каббалистический ритуал с таким названием. Как когда венецианские дожи[654] сочетались браком с морем, или когда бизнесмен говорит, что женат на своей работе. Это просто слово.

— Если это не важно, если ты готов провести ритуал с кем угодно, то сначала проведи со мной. Прямо сейчас, пока она не вернулась.

— У нас нет даже магического круга. — Это была лучшая отговорка, какую я мог придумать. Но я не хотел, чтобы она навсегда была у меня в голове. Теперь, если подумать, я не был уверен, что хочу и Соху у себя в голове навсегда — но тут уж ничего не поделаешь.

— Когда у нас будет магический круг, ты женишься на мне, да?

— Нет, Сара. Я не собираюсь проводить опасный каббалистический ритуал с тобой только потому, что в его названии есть слово «брак». — Я едва удержался, чтобы не добавить: «Живи уже своей жизнью». Но своя жизнь у неё уже была — благодаря мне — и вот чем это обернулось.

Соху, к счастью, выбрала именно этот момент, чтобы вернуться со всем необходимым. Лицо Сары мгновенно стало непроницаемой маской — куда убедительнее, чем это получилось бы у любого человека. Мы отошли в сторону, и Соху по памяти принялась чертить магический круг. Это был тот же круг, который на моих глазах чертила Ана. Я взял кусочек мела и тоже принялся рисовать. Деваться некуда, решил я.

— Я, Соху Вест, полностью сознавая последствия, призываю символы и ангелов мира…

— Я, Аарон Смит-Теллер, полностью сознавая последствия, призываю символы и ангелов мира…

Так мы и произносили клятвы, а Сара неподвижно смотрела на нас снаружи круга.

— Ибо Бог един.

— Ибо Бог един.

— И Имя Его едино.
— И Имя Его едино.
— И мы едины.
— И мы едины.
— И это свершилось.
— И это свершилось.

Круг вспыхнул ярче и выше, чем я когда-либо видел, — наверное, потому что Соху начертила его в десять раз лучше, чем тот круг, который мы с Аной рисовали наспех тогда, в Итаке. Сара по-прежнему просто смотрела, но казалось, что ещё секунда — и она сорвётся. Я сел за стол, потёр виски.

— Попробуем снова, — сказала Соху. — Смотри мне в глаза…

Глава 58

…И вот облик Энион

Вечер, 13 мая 2017 года
Цитадель Запада

I.

— Попробуем ещё раз, — сказала Соху. — Смотри мне в глаза.

Я смотрел, слушал, позволил себе провалиться в транс.

[Стены Кудзирачо[655],] — донёсся голос издалека.

[Что?] — спросил я. [Соху?]

Ощущение удивления. [Аарон?]

[О,] — сказал я. [Привет, Ана.]

[Аарон?] — донёсся другой голос, с иным оттенком. [Что происходит?]

Как мог, я попытался передать мысли и воспоминания по двум каналам. Ане — объяснение, где я нахожусь и что происходит. Соху — воспоминания о моих отношениях с Аной. Обе заговорили одновременно. Я мысленно отодвинул Соху в сторону, сосредоточился на более тихом канале.

[Я не чувствую Соху,] — сообщила мне Ана.

[И я не чувствую Валери,] — ответил я. [По-моему, кабалистический брак не транзитивен.]

[Я едва чувствую саму Валери. В последний раз, когда я её чувствовала, она пыталась вступить в БУДЖУМ.]

[!!! Серьёзно???]

[Удивляться особо нечему. Она всегда хотела сжечь систему эвфемизации дотла. Я просто не ожидала, что это будет настолько буквально. Вот беда, когда изуча-

ешь теодицею. Когда люди говорят тебе, что мир ужасен и его нужно уничтожить, ты ожидаешь, что дальше они скажут: «А теперь давайте обсудим различные интерпретации этого факта в течение нескольких ближайших десятилетий».]

[Раз уж мы заговорили о теодицее — Ана, ты когда-нибудь слышала об Элише бен Абуе?]

[О господи, это имя так много всего напоминает!]

[Говоришь так, будто ходила с ним на выпускной вечер или что-то вроде того.]

[Пф-ф-ф. Нет, просто — на первом курсе университета меня очень увлекла эта история. В ней как-то всё сходится.]

[Как именно?]

[Помню, как-то у меня был преподаватель — он спросил меня, что должно произойти, чтобы я признала Бога совершенно несправедливым. До чего всё должно дойти, чтобы я признала: у зла во вселенной вообще не может быть никакой причины или оправдывающего смысла? Я сказала ему, что вопрос глупый. Масштаб зла в мире таков, что всякий, кого определённая мера зла могла бы убедить в Божьей несправедливости, уже был в ней убеждён. Те, кто ещё держится, буквально готовы принять что угодно.

Он сказал, что это работает не так. Все готовы отмахнуться от того зла, о котором уже слышали. Оно уже приелось. Стало абстракцией. Люди, которые говорят, что осмыслили философскую идею зла, сталкиваются со злом лично — и всё вдруг меняется. В пример он привёл всех еврейских учёных, потерявших веру в годы Холокоста. Как, спрашивали они, Бог мог позволить шести миллионам евреев погибнуть вот так?

Но почитайте Библию! Кто-то подсчитал всех людей, которых Бог убил в Библии, — набралось 2,8 миллиона.[656] И без всяких веских причин! За поклонение Золотому Тельцу Он убивает три тысячи человек. За бунт против власти Моисея — двести пятьдесят человек. За ропот на то, что Он убивает слишком много народу, — четырнадцать тысяч семьсот человек, клянусь, это есть в тексте,

проверьте Чис. 16:41! Какое право у нас — терять веру, увидев Холокост? «О, конечно, Бог убил 2,8 миллиона человек — это понятно и разумно, но неужели Он мог допустить гибель ШЕСТИ миллионов? Это уже просто невыносимо для воображения». Это же… что?

Урок, который я для себя вынесла: у каждого есть свой предел — момент, когда человек перестаёт принимать происходящее по философским соображениям и начинает кричать и брыкаться. Знаешь ли ты, что был ортодоксальный раввин — Ирвинг Гринберг[657] — который после Холокоста объявил, что Бог в одностороннем порядке нарушил Свой Завет с еврейским народом и должен считаться не исполнившим договора, и что до тех пор, пока Он не — ну не знаю — не обратит время вспять и не отменит Холокост в Европе, никто не обязан исполнять ни одну из Его заповедей? А если Богу это не нравится — что ж, тем хуже для Него, потому что никакое наказание не может быть хуже того, которое Он уже наслал. *Раввины* говорили такое, Аарон. Вот что происходит, когда человек ломается. Одни ломаются, когда число жертв — шесть миллионов вместо двух целых восьми десятых миллиона. Другие — когда то, о чём они прежде только читали, происходит с ними лично. Ты когда-нибудь слышал этот дурацкий стишок?

> *Ты скажешь: твои беды моим под стать,*
> *И я вынуждена это признать. Но дело в том,*
> *что мои случаются со мной, А твои — лишь с тобой.*

Вот почему я так люблю историю Ахера. Он — чокнутый старикашка, но я его люблю. У каждого есть свой предел, и для Ахера он наступил, когда тот увидел, как мальчишка хватает птицу прямо из гнезда. Он — известный раввин, он читал о Ноевом потопе, погубившем всех людей на земле, о том, как Бог убивал ни в чём не повинных египетских младенцев, и — если «живёт» здесь не слишком сильный эвфемизм — живёт в Иудее II века, где римляне, по сути, замучивают до смерти всех, до кого могут дотянуться; и сквозь всё это он мудр и невозмутим и призывает учеников стойко сносить страдания — и вот

в один плохой день он видит, как мальчишка хватает птицу, и что-то в нём щёлкает. Он такой: знаешь, что будет совершенно соразмерным ответом на это? ОБЪЯВИТЬ ВОЙНУ БОГУ И ПОПРОБОВАТЬ УНИЧТОЖИТЬ ВСЁ. Большинству из нас нужно пережить Холокост, чтобы дойти до этой точки, — он постиг это мгновенно.]

[Святые угодники, Ана, я никогда прежде не слышал, чтобы ты передавала по телепатии мысль такой сложности.]

[Ну и ещё эта история с голосом. Тем, что прогремел с небес: «Покайтесь, дети Израилевы, и Господь простит вас. Кроме тебя, Элиша бен Абуя». Что это *вообще* было?

Есть легенда о том, что Ахер был предопределён к злу с самого рождения. Через неделю после его рождения отец устроил большой праздник в честь обрезания, и на него явились рабби Элиэзер и рабби Иешуа. Пока все остальные напивались, двое раввинов решили поговорить о Торе — и так увлеклись, что вокруг начали происходить чудеса. Венки огня плясали у них над головами, гром грохотал в ясном небе, вода поблизости сама по себе превращалась в вино. Отец Ахера взмолился, чтобы они остановились — как бы весь дом не сгорел, — а раввины рассыпались в извинениях и пообещали впредь осторожнее обращаться с силой Торы.[658]

И отец Ахера запомнил это и стал давить на сына, чтобы тот посвятил себя Торе — дабы и он тоже мог стать могущественным и низводить огонь с небес. Но это была неправильная причина изучать Тору, и потому Ахер всю жизнь был обречён видеть в Торе лишь средство для достижения цели. Выучить несколько Имён, поразить врагов, вскипятить океаны — если рядом есть океаны, которые нужно вскипятить, — жить вечно, и всё такое прочее. И когда он увидел, как ребёнок забрал птицу с дерева, ему легко было отречься от Бога — потому что для него Бог вообще не имел значения; можно кипятить океаны, веришь ты в Бога или нет.

И когда рабби Меир пытался уговорить его покаяться — ну вот он, законченный прагматик. В Ад идти не хотелось, терять силу, которую давало знание Торы, не

хотелось, — поэтому он уже собирался совершить тактическое отступление к ортодоксии, пока не придумает план получше. Бог понял, что Ахер собирается покаяться по неправильной причине, и объявил, что покаяние Ахера не принесёт никакой пользы и не будет иметь никаких последствий, — сделал так, чтобы у покаяния не осталось никакого практического смысла. Как Бог и предвидел, Ахер сказал: «Ну и ладно, к чёрту всё это» — и забыл об этом.

На самом деле, есть история о рабби Дов-Бере[659]. Однажды он молился о выздоровлении больного из своей общины — молился так долго и так страстно, что Бог разозлился и сказал ему, что за такое усердие он отправится в Ад. И рабби Дов-Бер ответил: «Что ж, раз мне уже нечего терять — теперь я могу молиться по-настоящему!» И, разумеется, Бог рассмеялся и исцелил больного. Поступи Ахер так же — скажи он: «Ладно, мне нечего получить и нечего терять, значит, я должен выбирать по собственным принципам — и я выбираю покаяние», — Бог точно так же рассмеялся бы, как с рабби Дов-Бером, и всё обошлось бы. Но поскольку Ахер был одержим последствиями покаяния, дорога была закрыта для него.]

[То есть единственный способ получить хорошие последствия покаяния — это покаяться не ради последствий?]

[Да.]

[Господи, это так раздражает. Неудивительно, что он всё время злился.]

[???] — мысленно спросила Ана.

[Я дам тебе пятьдесят долларов, если ты хлопнешь в ладоши, НО только если хлопнешь ради другой причины, а не ради пятидесяти долларов.]

[Не думаю, что поклоняться Богу, Господу Вселенной, чья мудрость объемлет небеса и чья милость пребывает вовек, из благоговейного трепета перед Его великими деяниями и всепоглощающего желания восхвалять Его Святейшее Имя — то же самое, что получить пятьдесят долларов за хлопок в ладоши.]

[Ну да, хорошо. Если я когда-нибудь сотворю вселенную, я не буду включать туда никаких хитрых оговорок вроде «ты получишь эту награду, но только если не хочешь её».]

[Если ты когда-нибудь сотворишь вселенную — делай что хочешь.]

II.

Меня вырвали из транса крики.

— НЕТ, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ НА МНЕ ЖЕНИТЬСЯ! — кричала Сара.

— Это не брак, — сказала Соху. — Просто ритуал, который даёт мне определённую связь с тобой, чтобы я могла извлечь нужное из твоего разума. У Аарона в голове всё так перемешано, что я ничего не могу разобрать. У тебя должны быть воспоминания о том, что ты с ним сделала. Если я смогу до них добраться…

— НЕ БУДУ ЭТОГО ДЕЛАТЬ, НЕ ВЫЙДУ ЗА ТЕБЯ ЗАМУЖ! — сказала Сара.

Я положил руку Саре на плечо.

— Сара, — сказал я. — Помнишь, мы говорили, что нужно поступать правильно?

— Она не может меня получить, — надулась Сара. — Я твоя.

— Конечно, ты моя, — сказал я как можно терпеливее. — Именно поэтому мне нужно, чтобы ты сотрудничала с Соху. Так же, как сотрудничал я. Чтобы помочь мне.

— Все женятся, кроме нас с тобой!

— Это даже не настоящий брак. Просто ритуал связи.

Секунду я не мог понять — она попытается нас убить, или произнесёт Имя Исчезновения, или что-то ещё. Наконец, бросив на нас ужасный взгляд, она сказала:

— Я это сделаю.

Бог един, и Имя Его едино, и мы едины, и так далее. Соху смотрела Саре в глаза, пытаясь прочитать её электронный мозг. Пот катился с её лба. На её крошечном лице обозначились морщины.

Я позволил мыслям блуждать.

III.

[Там у вас всё хорошо?] — спросила Ана.

[Не очень,] — ответил я. [А Ахер когда-нибудь нашёл способ получить последствия покаяния, не раскаиваясь ради последствий?]

[Тебя и вправду задело это с Ахером.]

[Думаю… да. Идея того, что из этого нельзя мыслью выбраться. Чего-то настолько скользкого, что сама попытка мыслью выбраться обрекает тебя на провал. Это просто… неправильно.]

[Не знаю,] — ответила Ана. [Мне это кажется — ну не знаю, наверное, чем-то близким к совершенству. Это понятно?]

[Да. Думаю, совершенные вещи кажутся мне неправильными. Помнишь — я занимался криптографией. Весь смысл был в том, что любой код можно взломать. Мысль — универсальный растворитель. Мой научный руководитель в Стэнфорде — у него на стене висела цитата. Строчка Леонарда Коэна. «Во всём есть трещина». Вот и моя философия. Не должно быть ничего совершенного.]

[Бог совершенен.]

[Нет, Он не совершенен! В этом и весь смысл Лурии.[660] Во всём есть трещина. Вот о чём я. В Божьем отказе спасти Ахера должна быть трещина.]

[Как насчёт того, чтобы просто быть хорошим?]

[Это не то действие, которое можно просто… взять и совершить! Если ты ещё не хорош, любой порыв стать хорошим должен исходить из желания последствий.]

[Думаю, традиционный еврейский ответ,] — мысленно ответила Ана, [состоит в том, что можно начать быть хорошим по неправильным причинам, но изменения укоренятся и сделают тебя человеком, который поступает правильно по правильным причинам.]

[Тогда выходит, Бог довольно паршиво поступил, специально закрыв этот путь для Ахера, да? Вообще-то Он

и в целом поступает довольно паршиво. Допустим, быть хорошим влечёт хорошие последствия, и при достаточной силе воли можно заставить себя достаточно долго быть хорошим, чтобы это укоренилось. Тогда почему так не делают все? Не знают о последствиях? Сдаются слишком рано? Но тогда мы сводим всё добро в человеке к уму и силе воли!]

[Как же тогда люди вообще становятся хорошими?]

[Нужно, чтобы в тебе уже была хотя бы крупица добра. Эта крупица и побуждает тебя накапливать всё больше добра.]

[Значит,] — спросила Ана, [Божья благодать?]

Прямое значение слова «совершенный» — «максимально хороший».

Каббалистическое значение — «тот, кто стремится к нравственному совершенствованию».

Мы выводим это из катарских перфекти.[661] Катары считали, что мир сам по себе безнадёжно плох — создан не истинным Богом, но демиургом чистого зла. Они полагали, что истинный Бог послал Христа в мир как посланника — внести крошечную искру добра, которая могла бы разгореться и распространиться, пока весь созданный демиургом порядок не будет подорван. Истинно верующие решали целиком посвятить себя распространению этой искры — нести Бога в безбожный мир. Некоторые из них утверждали, что молились так самозабвенно, что утратили всякое ощущение себя, став чистыми сосудами Святого Духа. По-латыни их называли perfecti, по-французски — parfait. Католическая церковь объявила катаров еретиками и вырезала несколько сотен тысяч из них в одном из самых кровавых и жестоких геноцидов, если не считать Холокоста, видимо решив, что это лучший способ опровергнуть тезис о безнадёжной испорченности мира и о том, что его Бог — кровавый тиран.

Но мы выводим это и от их тёзки — философа Дерека Парфита[662], всю жизнь пытавшегося разобраться, как быть хорошим. Он доказывал, что наши обыденные взгляды на нравственность ничем не оправданы

и должны быть выстроены заново на основе строгого исследования. Для философа он был удивительно скромен: он утверждал не то, что благодаря своим исследованиям уже нашёл Истинную Нравственность, а то, что в моральной философии, как и в физике, возможен прогресс и что он помогает этому прогрессу; собственный вклад он считал лишь «основанием надеяться», что нравственность вообще существует. Как и катарский parfait, после многих лет глубоких размышлений он наконец утратил всякое личное тождество, написав: «Теперь я живу на открытом воздухе. Между моей жизнью и жизнями других людей всё ещё есть разница. Но разница меньше. Я меньше озабочен остатком собственной жизни и больше — жизнями других».[663] Однако по-своему, многословно, он отвергал и убеждение своих тёзок в злобности вселенной: «Когда я рассматриваю те части прошлого, о которых что-то знаю, я склонен считать, что с утилитарно-гедонистической точки зрения прошлое стоило того, поскольку сумма счастья была больше суммы страдания».[664]

Существуют и другие соответствия. Пророки, призывающие Израиль отвернуться от злодеяний к праведности; Парвати, чей космический танец привносит красоту во вселенную; само Провидение — вечно занятое собиранием собственных Божественных искр и починкой своего духовного механизма.[665]

Вот, стало быть, каббалистический смысл слова «совершенный»: тот, кто стремится к нравственному совершенствованию.

IV.

— Аарон? — услышал я голос Соху.

[Ана, кажется, меня только что осенило. Времени объяснять нет. Но, по сути, это то же самое, что я только что сказал: во всём есть трещина.]

— Аарон?

— А? Да?

Я очнулся в обычном мире. На столе лежала новая стопка книг. Соху и Сара метали друг в друга убийственные взгляды. Я даже немного обслюнявил рубашку.

— Аарон, ничего не вышло. Я поняла, как Сара исказила Имя. Но это необратимый процесс. У тебя его нет. Я проверила твою подругу Ану, пока ты разговаривал, — у неё тоже нет. И теперь у Сары его нет. Оно потеряно — слишком искажено, чтобы его восстановить.

— Во всём есть трещина, — сказал я. — Кажется, я знаю, как ты можешь раздобыть Животворящее Имя.

Глава 59

Облачись в златую броню

Вечер, 13 мая 2017 года
Нью-Йорк

Когда Валери задумалась об этом, генеральные репетиции террористов показались ей вполне логичными. Террористические заговоры — штуки сложные: каждому из множества участников нужно с первого раза правильно выполнить свою часть. Так что вполне разумно было потренироваться в обстановке, где цена ошибки невелика.

Менее разумным было упорное желание Дилана Альвареса сидеть в режиссёрском кресле, держать хлопушку и начинать словами: «Свет! Камера! Мотор!» Но плацебомантия, рассудила она, так тесно связана с актёрским мастерством, что её впору было считать ещё одной формой сценического искусства.

— Убийство Эша Бентама, — объявил Дилан. — Дубль семнадцать. Наша бойкая юная героиня Валери Лоури с помощью своих загадочных друзей узнала Имя, позволяющее говорящему становиться невидимым по желанию. Наш лихой и невероятно красивый герой, Дилан Альварес, спас её и убедил использовать свои способности на стороне добр… хаотично-нейтральных.[666] Наши герои сидят в неприметном белом фургоне, припаркованном у штаб-квартиры ООН. Благодаря шестнадцати предыдущим генеральным репетициям они точно знают, что делать. Свет! Камера! Мотор!

Они находились в бродвейском театре, рядом с весьма неплохим макетом внутренних коридоров штаб-квартиры ООН. Альварес якобы убедил ряд инвесто-

ров, что его новая пьеса — «*UNSONG: Мюзикл*» — будет фантастическим хитом, причём во время презентации он, похоже, спонтанно исполнял некоторые из запланированных музыкальных номеров. В результате он раздобыл деньги, чтобы арендовать театр и создать на заказ копию объекта, который им предстояло атаковать. Валери понятия не имела, *когда* он всё это проделал. Вчера? Сегодня днём? За несколько месяцев, на всякий случай? Может, он врал обо всём, и макет UNSONG стоял здесь по какой-то совершенно другой причине?

На сцене были Кларк, Валери, Марк, Бренда и Мадуэгбуна. Валери произнесла Призрачное Имя для четырёх своих товарищей по покушению, и они вошли в здание невидимыми.

Они были сцеплены упряжью; в первом дубле, непривычные к невидимости, они все врезались друг в друга и рухнули на пол спутанным клубком, после чего Дилан объявил их «суперубитыми» и выдал им упряжь, которую всё это время припрятывал. Во втором дубле на полу была аккуратно рассыпана мука, и Дилан вычислил их по следам и снова без долгих разговоров объявил «суперубитыми».

(— С какого чёрта на полу грёбаной штаб-квартиры ООН будет рассыпана мука? — спросил Кларк Диэс, и Дилан тут же объявил его «не умеющим проигрывать».)

Третий дубль — злые собаки, ориентирующиеся по нюху. Четвёртый — крошечные стальные шарики, рассыпанные на лестнице. Диэс прожигал Альвареса взглядом, но не сказал ни слова — и оказалось, что взгляды невидимого человека игнорировать исключительно легко.

И так далее вплоть до семнадцатого дубля.

Невидимые захватчики, проникнув через открытые двери Организации Объединённых Наций, тщательно проверили, нет ли на полу стальных шариков и мучной пыли. Дилан напал на них в собачьем костюме, и Валери сделала вид, что произносит Имя Укротителя Зверей, вынудив фальшивую собаку тихо отступить. Они успешно увернулись от Дилана-в-костюме-уборщика, носившегося с неправдоподобной скоростью и оставлявшего по

всему полу мокрые полосы. И впервые за семнадцать попыток они подошли к двери с табличкой «АШЕР БЕНТАМ, ДИРЕКТОР».

Диэс, шедший первым в цепочке невидимых людей, открыл дверь.

— О, что это тут у нас? — сказал Дилан, сидя за столом с возмутительно длинной и густой эспаньолкой. — Моя дверь, кажется, открывается сама по себе. Полагаю, мне остаётся только вызвать охрану и ждать спасения, как бедной беззащитной канцелярской крысе, которая…

Произнося это, он выхватил из-под стола АК-47, на середине фразы вскинул его и стал изображать выстрелы.

— Бах! Бах! Бах! Вы все суперубиты!

— Ха! — сказал Кларк. — Нет! Я заставил всех произнести Пуленепробиваемое Имя ещё в фургоне!

— Дорогой мой мистер Диэс, — сказал Дилан, — АК-47 выпускает двенадцать пуль в секунду. Я абсолютно готов допустить, что вы были защищены от одной пули. Но если люди не стали значительно крепче с тех пор, как я в последний раз пользовался огнестрельным оружием, одиннадцати пуль более чем достаточно, чтобы убить человека.

— Нас девятеро[667], — сказал Диэс. — Первую пулю у каждого остановит Имя, а чтобы убить одного из нас, понадобятся ещё две. Значит, в секунду ты можешь убить только четверых. Это более чем достаточно времени, чтобы кто-то из нас среагировал и застрелил тебя.

— Это всё прекрасно, — сказал Дилан, — но, с другой стороны, ИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙ!

Воздух разрезал какой-то жуткий звук. Несостоявшиеся убийцы зажали уши ладонями и попытались убежать. Все связанные упряжью люди налетели друг на друга и рухнули на пол — видимые и смущённые.

— Рискну спросить, — сказала Бренда, — что *это* должно означать?

— Рискните! Люди, встречавшие Ашера Бентама, описывают его как человека, от которого исходит аура страха и ужаса. Возможно, жуткие загадочные ментальные способности! И я рискнул предположить, что, может

быть, он способен направлять эту ауру, как оружие. Всего лишь гипотеза, но осторожность не помешает.

На этот раз *все* прожигали его взглядами.

— Или, кто знает, может, у него есть устройство, издающее жуткие визжащие звуки. — Он снова щёлкнул переключателем. — ИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙ!

Бренда Бёрнс схватила Дилана, вырвала у него аппарат и выключила.

— И что нам делать, если это произойдёт? — спросила Валери.

— Превосходный вопрос! Так уж получилось, что я консультировался с лордом Верховным Магом Марком Маккарти именно по этой теме, и мы вдвоём придумали кое-что интересное. — Дилан снял парик, ушёл за кулисы и вернулся с сумкой, на которой было написано «РЕЛИКВИИ». Он принялся в ней копаться, отбрасывая в стороны разнообразные странные и неприятные на вид части тел. — М-м-м… поджелудочная железа святого Панкратия… предплюсневые кости Савла из Тарса… лицевые кости святого Бонифация… Нет, это среди светских реликвий. — Он достал другую сумку. — Зрачок Аристотеля… хорошо темперированная ключица И. С. Баха[668]… ага!

Пузырёк с кровью.

— Это кровь Ашера Бентама. Вы, наверное, спрашиваете, как я достал кровь Ашера Бентама? Ответ слишком омерзителен, чтобы вы хотели о нём думать, но скажем так: были задействованы подкупленный уборщик, несколько мешков мусора и хронический геморрой.

Все застонали.

— Сегодня вечером я нанесу каплю этой крови на плацебомантический опаловый амулет и дам каждому из вас. Какие бы странные силы ни текли в его жилах и как бы они ни действовали, эти амулеты вас защитят.

— Вы ожидаете, что я буду это носить после вашего рассказа о том, откуда она взялась? — спросила Бренда.

— Я ожидаю, — сказал Дилан, — что вы и все в БУДЖУМЕ принесёте великие и ужасные жертвы ради дела, дабы наша организация и всё, что она отстаивает, не ИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙ!

— КТО СНОВА ДАЛ ЕМУ ЭТОТ ЧЁРТОВ АППАРАТ? — прогремел Кларк, и руки у него сжались в кулаки от ярости.

Дилан выключил аппарат.

— Ещё раз, — сказал он, выбрался из макета ООН и вернулся в режиссёрское кресло.

— Убийство Ашера Бентама, — сказал Дилан Альварес. — Дубль восемнадцать. Уже потерпев поражение от стальных шариков, тонкого слоя муки, маленьких собачек, уборщика, чиновника средних лет и собственных ног, бесстрашные герои БУДЖУМА отряхиваются, вытирают собственную кровь с пола и готовятся вновь спасти мир от плутократической тирании UNSONG. Свет… камера… мотор!

Они осторожно миновали россыпь стальных шариков. Обошли муку. Валери произнесла Речное Имя, чтобы отразить рой злых пчёл, и они аккуратно обошли стороной украшенного самоцветами идола, которого Дилан поставил прямо перед лифтом. Во второй раз они подошли к двери с табличкой «АШЕР БЕНТАМ, ДИРЕКТОР». Пять невидимых террористов приготовили оружие. Кларк, с пистолетом в руке, очень осторожно потянулся к двери.

В сцену ударила молния. Многоцветный свет распустился чуждыми геометрическими узорами. Оружие у всех пятерых оплавилось в металлическую жижу.

— Я — СОХУ ВЕСТ, — сказала сияющая фигура в центре свечения, и сияние угасло настолько, что они увидели её — окружённую непостижимыми для них символами и силами. — Я НЕ ХОЧУ ПРИЧИНИТЬ ВАМ ВРЕДА. Я ПРИШЛА ПОГОВОРИТЬ С ВАЛЕРИ ЛОУРИ. ПОКАЖИСЬ.

Волна жёсткого света прокатилась по группе, оседая на них, высвечивая их невидимые контуры.

— Всё! — крикнул Кларк Диэс. — Меня *достала* вся эта хрень. Я молчал, когда была мука. Я молчал, когда были собаки. Я молчал, даже когда были *чёртовы* стальные шарики. Но *чёртова* Соху Вест? Это *полный абсурд*.

— Мистер Диэс, — сказал Дилан, поднимаясь из режиссёрского кресла, — когда вы вступали в БУДЖУМ, вы сказали, что готовы ко всему. Мне следует понимать, что вы хотите пересмотреть это заявление?

— Вообще-то я с Кларком, — сказала Бренда. — Я ценю то, что ты делаешь, и спецэффекты классные, но у нас всего несколько часов на подготовку, и мне кажется, нам стоит сосредоточиться на правдоподобных угрозах. Пока что у нас были шарики, собаки, а теперь *Дитя Кометы*, и мы ещё даже не отрабатывали столкновение, скажем, с обычным взводом охраны.

— Дорогая мисс Бёрнс, я и так знаю, что вы справитесь со взводом охранников. Смысл этого упражнения — проверить вас на прочность. В настоящем бою вы будете останавливаться и жаловаться мне, что происходящее «нечестно» или «неправдоподобно»? Или вы будете справляться со всем, что Природа на вас обрушит?

— Я — СОХУ ВЕСТ, — снова настойчиво произнесла мерцающая фигура посреди бури света. — Я НЕ ХОЧУ ПРИЧИНИТЬ ВАМ ВРЕДА, НО Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ВАЛЕРИ ЛОУРИ ПОКАЗАЛА СЕБЯ. Я НЕСУ ПОСЛАНИЕ ОТ ЕЁ ДРУГА, ААРОНА СМИТ-ТЕЛЛЕРА.

— Какого чёрта? — спросила Валери у Дилана. — Я даже не называла тебе этого имени. Откуда ты знаешь про Аарона? И какое он вообще имеет ко всему этому отношение? По-моему, из-за этого всё как-то теряет правдоподобие, понимаешь? Ну, эта самая «приостановка недоверия»?[669] То, что Соху Вест интересуется Аароном, — примерно так же вероятно, как если бы она интересовалась, что за остатки еды я положила в холодильник на прошлой неделе.

— Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОХУ ВЕСТ, — сказала Соху. — ЭТО НЕ ПРОВЕРКА. ВАЛЕРИ, МНЕ НУЖНО С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

— Послушайте, — сказал Марк Маккарти. — Дилан явно не станет прислушиваться к голосу разума. Чем быстрее мы пройдём через всю эту историю с Соху, тем быстрее свалим отсюда.

— Ладно, хорошо, — сказал Кларк. — Я стреляю в Соху из пистолета.

Он навёл оплавленную металлическую палку на Соху.

— Бах. Бах.

Соху уставилась на него как на идиота.

— Ты не можешь стрелять из пистолета! — запротестовал Дилан. — Соху уже расплавила пистолеты!

— Я использую запасной пистолет, — сказал Кларк.

— У тебя есть запасной пистолет? — спросила Валери.

Теперь Кларк посмотрел на *неё* как на идиотку. Он достал запасной пистолет из-за голенища и выстрелил в Соху. Пуля ударилась о её щит из света и бесследно рассеялась.

— Серьёзно? — сердито спросил Кларк у Дилана.

Валери шагнула вперёд.

— Я — Валери Лоури, подруга Аарона Смит-Теллера. Я не боюсь тебя! Говори, но знай, что мы — БУДЖУМ, и даже Дитя Кометы не сможет нас запугать!

Она приняла драматическую позу.

— Нет, послушай, — сказал Марк Маккарти. — Нельзя просто заставить ритуальную магию работать, произнося эффектные фразы. Нужна подготовка, нужно знать, что делаешь.

— Плацебомантию *ещё как* можно заставить работать, произнося эффектные фразы, — сказал Дилан. — Говорю вам, девочка отлично справляется. Продолжай.

Светящееся облако вокруг Соху стало тусклее.

— Я не пытаюсь причинить вам вред, — сказала она. — Но ваш друг Аарон обнаружил Имя, и оно передалось по каббалистической связи его подруге Ане, а потом он понял, что по другой такой связи оно, должно быть, перешло к тебе. Оно в твоём подсознании, ждёт, пока понадобится, — точно как Призрачное Имя поначалу. Мне нужно его достать. Ты позволишь мне войти в твой разум?

— Не делай этого, — сказала Бренда. — Это наверняка какая-то ловушка.

— Не, зная Дилана, это наверняка какая-нибудь дурацкая плацебомантическая метафора, — сказал Кларк. — Наверняка какой-нибудь сюжет о Христе. Валери должна безоговорочно сдаться, а потом вернётся более могущественной, чем кто-либо мог вообразить[670].

— *Как это помогает нам готовиться к реальной угрозе?* — продолжала протестовать Бренда.

— Хорошо, — сказала Валери. — Я позволяю Соху войти в мой разум.

На мгновение она пристально посмотрела Соху в глаза. Что-то невидимое прошло между ними.

— Ты каббалистически замужем, — сказала Соху. — За Диланом Альваресом.

— Как думаете, мне признаться? — спросила она Кларка и Бренду.

— Отрицай всё, — сказала Бренда.

— Отрицай! — сказал Кларк. — Может, тогда она будет тебя хоть немного уважать!

— Я отрицаю, что замужем за Диланом, — сказала Валери Соху.

Но Соху уже подплыла по воздуху к режиссёрскому креслу Дилана.

— МИХАН-ТАЙГ-САРОС-АТХТЕН-ГАХАНОР… — начала она. Имя Смятения. Глаза Дилана на мгновение остекленели.

— Готово, — сказала она. — Уверена, что Вселенная мне за это крупно задолжала. И тебе тоже. — Она произнесла то же слово, обратившись к Валери. — Тебе повезло, что у меня нет времени разбираться со всем остальным, что тут творится. Но я получила то, за чем пришла.

— Что? — спросила Валери.

— Истинное Животворящее Имя! — сказала Соху и, обратившись в свет, исчезла.

На секунду воцарилась тишина.

— Это была самая бессмысленная чёртова хрень, которую мне когда-либо приходилось высиживать, — возмутился Кларк.

— Просто держу вас в тонусе! — сказал Дилан. — Я бы оценил вашу готовность к внезапному явлению Соху Вест на тройку с минусом, *максимум*.

— Я просто рада, что с этим бардаком покончено, — сказала Бренда.

— Покончено? Дорогая мисс Бёрнс, мы ещё и не начинали сражаться![671] — Дилан Альварес снова сел в режиссёрское кресло. — Убийство Эша Бентама. Дубль девятнадцать. Уже выдержав испытание стальными

шариками, собаками, украшенными самоцветами идолами и бессмертной четверть-архангельской восьмилетней девочкой, ищущей тайные Имена Бога, бесстрашные герои БУДЖУМА прекращают жаловаться, оставляют все претензии к своему мудрому и исключительно красивому лидеру и готовятся вновь спасти мир от плутократической тирании UNSONG. Свет… камера… — Он вытащил из-под кресла звуковой аппарат. — ИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙИЙ!

Глава 60

О роза, ты больна!

3 сентября 1999 года
Магдалена, Нью-Мексико

Возможно, когда-то она была красивой. Теперь лицо её осунулось, голова была совсем лысой. Рука была в гипсе, и сама она выглядела ужасно хрупкой.

— Вы ритуальный маг? — спросила она. — Но вы выглядите так…

— Молодым? Мне двадцать. И для вас я — «подмастерье ритуального мага». Строго говоря, мне даже не позволено консультировать самостоятельно. И всё же я вас консультирую.

— Я попросила кое-кого из друзей найти лучшего ритуалиста в Большом Колорадо, который бы, знаете…

— Не обременён этикой? Ну, как я уже сказал, я вас консультирую.

— Да, именно.

Молодая дама сморщила нос. Типичная самодовольная богатенькая девица, подумал он: хочет воспользоваться его совершенно нелегальными услугами, но при этом смотрит на него с презрением за то, что он их оказывает.

— Как вас зовут?

— Лола Риверс.

Имя казалось вымышленным, но ему было всё равно. Кто даёт настоящее имя в таком деле — либо дурак, либо настолько самонадеян, что в это трудно поверить.

— А я — Дилан Альварес. Рад знакомству, мисс Риверс. Чем могу помочь?

Впрочем, он и так знал. Голова гладкая, как яблоко; судя по телосложению, ей не помешало бы набрать фунтов сорок; в глазах отчаяние. И вот она пришла за нелегальной магической помощью. Рак — вот что это было. За версту видно.

— Я хочу, чтобы вы научили меня вызывать демонов.

Вот этого он не ожидал. Он всегда любил разнообразие.

— Какого именно демона вы хотите вызвать?

— Тамиила. Повелителя Демонов.

— Ого-го, мадам, вы сразу метите на вершину. Или на дно — смотря как считать. Послушайте, я, конечно, не из тех, кого слишком обременяет этика, но всё же должен спросить: вы уверены, что хотите в это ввязаться?

— Да.

Что-то в ней казалось знакомым. Альварес прищурился. Будь у неё чуть больше плоти на костях, немного больше волос… нет, всё равно не вспомнить. Чёрт.

— Я правильно понимаю, что вызов не приводит его сюда по-настоящему? Не так, чтобы потом он мог что-то разрушить или пробраться в город?

— В основном — верно.

Он снял с полки экземпляр «Большого ключа Соломона»[672]. Затем несколько других гримуаров. «Гоэтию». «Священную магию Абрамелина Мага»[673]. «Поваренную книгу Антихриста»[674]. Ни один из них не имел прямого отношения к делу, но он был ритуалистом — надо играть на публику. Открыть гримуар — это всё равно что сказать: эй, я серьёзно отношусь ко всей этой демонологии.

— Демоны такого калибра уже находятся в Йецире или Брии, а Тамиил, насколько нам известно, проецируется даже в Ацилут. Чёрт, поговаривают, что он вообще грань Бога. На таком уровне пространство для них — всего лишь игра. Они соблюдают правила, но вызов слегка их меняет. Вызов даёт вам лишь одно его проявление — аспект, что-то вроде тени. Это не так, будто Тамиил сидит где-то в Сибири или в Аду, а вы его вызываете — и вот он уже в Колорадо. Вы позволяете тем его частям, которые повсюду, принять чуть более отчётливую форму.

— Насколько это опасно?

— Хорошая новость: технически у него нет никакой власти, кроме той, что вы ему дадите. Плохая новость: *во всём есть трещина*. Как не бывает замка, который нельзя вскрыть, так не бывает и безупречной души. Если вы замахиваетесь на самого Тамиила — в вас найдутся достаточно большие прорехи, чтобы он проник внутрь, и тогда он сделает что захочет.

— А другие люди, те, кто окажется рядом, — они будут в безопасности?

— Боже, нет. От Тамиила — да. Но не от вас, когда он закончит с вами.

— Ценю вашу откровенность.

— К вашим услугам. Дилан Альварес — крупнейший на Западе специалист по демонологии, демономии[675] и демонографии. Расскажите обо мне всем друзьям.

Она не улыбнулась. Её он охарактеризовал бы двумя словами: «стальная воля». Она казалась из тех, кто всегда знает, что делает. И при этом думала о том, чтобы вызвать Тамиила. Весьма любопытно.

— Вы можете дать мне ритуал, который сработает?

— Мадам, я могу дать вам двадцать. Главное препятствие при вызове Тамиила — не сложность, а то, что нужно быть полным идиотом, чтобы попробовать.

Он ждал реакции, но её не последовало.

— Послушайте, мисс Риверс, я не слепой. У вас рак. Люди с раком порой делают отчаянные вещи. Так сходите к шарлатану, который обещает вылечить вас грибами и сушёными лапками жуков. Попробуйте одно-другое гомеопатическое средство. Но не вызывайте Тамиила.

— И снова ценю вашу откровенность.

— Вы мне уже заплатили. От вашего решения денег у меня не прибавится.

— Пришлите ритуал к понедельнику. Я дам вам абонентский ящик. Кстати, раз вы говорите, что их двадцать — пришлите несколько вариантов, на случай если первый не сработает. Я могу заплатить больше.

— Пришлю бумаги. Но, мисс Риверс… я серьёзно. Не делайте этого. Что бы вы ни хотели от него получить — здоровье, жизнь, что угодно, — это не стоит такой цены.

— А я думаю, стоит, — сказала мисс Риверс. — Благодарю за ваше время, мистер Альварес.

Прежде чем он успел ответить, дама уже ушла.

— Ну что ж, сегодня бывало и скучнее, — сказал Дилан и принялся переписывать ритуалы вызова.

Глава 61

И Ололон сказала: сойдём и мы, и предадим себя смерти в Ульро среди преступивших

20 сентября 1999 года
Колорадо-Спрингс

Полночь опускается на Сад Богов, и Робин Вест стоит одна под холодными звёздами.

Она чертит на земле круг, называет имена разных ангелов — не тех, что поприличнее, а тех, кто слоняется по злачным закоулкам Небес и, едва Всевышний на них взглянет, бормочет: «Нам неприятностей не надо». Она совершает на земле разные возлияния. Произносит кое-какие слова на кое-каких языках — не столько мёртвых, сколько таких, о которых в приличном обществе не говорят. Рисует ещё несколько сигилов.

В кругу появляется высокий тёмный человек. На голове у него — корона из огня. Черты его лица странно расплывчаты. Как бы прямо она на него ни смотрела, ей не избавиться от ощущения, что видит их краем глаза.

— Молодая женщина, — говорит он, — но с осунувшимся лицом. Без волос. Слишком худая. Смертельно больная пациентка, в отчаянии призвавшая Тамиила, Повелителя Демонов.

Он выдержал секундную паузу для пущего эффекта.

— …именно так я бы сказал, будь я кретином. Но я — *Князь Лжи*, Робин Вест. *Никогда* не пытайтесь меня обмануть. — Он шагнул из магического круга и вплотную подошёл к ней. — Эти штуки на самом деле меня не связывают, знаете ли. Книги чёрной магии утверждают

обратное, однако никому не приходит в голову спросить, кто написал книги чёрной магии.

— Я хочу заключить сделку, — прошептала Робин.

— Хорошо, — сказал Тамиил. — Я люблю сделки. Но, чтоб вы знали, моя БАТНА[676] — убить вас, надеть ваше тело как костюм и медленно отравлять жизнь всем, кого вы когда-либо любили, пока они не начнут вопить, моля о смерти.

— Вы бы пошли на всё, лишь бы уничтожить моего мужа, не так ли?

— Если вы собираетесь попросить меня продать вам свою душу, мне придётся немедленно прекратить этот разговор.

— Нет, — сказала Робин. — Я лишь говорю: если он узнает, что я пошла на это добровольно, это разобьёт ему сердце.

— Слушаю, — сказал Тамиил. — Стоп, нет, не слушаю — слишком узкий канал. Я выдираю информацию прямо из вашего разума. — Он схватил её за голову и рванул — чуть слабее, чем нужно, чтобы сломать шею. Его руки были обжигающе горячи. Робин закричала. Тамиил не отпускал. Затем внезапно произнёс: «Любопытно!» — и ослабил хватку.

Робин тяжело дышала от боли и изнеможения.

— Я обязан по контракту сообщить вам, что вы лишитесь бессмертной души и будете гореть в Аду всю вечность.

— Я понимаю.

— Вы совершенно не понимаете, — сказал Тамиил. — Совершенно, *совершенно* не понимаете. — Он поразмыслил мгновение. — Не-а, — сказал он. — Сделки не будет.

Потрясение Робин ощущалось почти физически.

— Что?

— Слишком легко. Вы что-то замышляете.

— Как я могу что-то замышлять, предлагая вам свою душу навечно?!

— Я не доверяю Королю Комет. Я не доверяю людям, которые доверяют Королю Комет. И уж *точно* не доверяю

людям, которым доверяет Король Комет. — Он топнул ногой, и из-под неё брызнули искры. — Откуда мне знать, что вы не пытаетесь проникнуть в Ад, чтобы воспользоваться там каким-нибудь особым Именем и разнести там всё до основания?

— Шем ха-Мефораш? Вы же знаете: мой муж — единственный человек, способный произнести его, не сгорев и не сойдя с ума на полпути.

— Верно, верно. Но что-то здесь не сходится. Вы не вписываетесь в расчёт, Робин Вест. Что вы замышляете?

Он снова схватил её голову одной рукой, рывком запрокинул назад и уставился ей в глаза.

— О, — произнёс он. — Боюсь, это не слишком похоже на замысел. Я даже не уверен, что назвал бы это замыслом. Надежда? Желание? Отчаянная попытка отрицать очевидную реальность?

Робин попыталась что-то ответить, но не смогла заставить себя говорить.

Тамиил нахмурился.

— Но всё равно — сделки не будет.

— Что?

— Предложите мне что-нибудь другое.

— Что ещё осталось предложить?

— О. Вот это уже правильный вопрос. Посмотрим. У меня есть ваша душа. Что остаётся после души? Ах да. Тело. Займитесь со мной любовью, Робин Вест.

Она шагнула назад.

— Что?

— Вы сами сказали. Я пойду на всё, чтобы причинить боль вашему мужу. Я хочу измотать его, разбить ему сердце и сгноить его душу. Поэтому — займитесь со мной любовью. — Он раскрыл объятия и засмеялся.

— Хорошо, — сказала она. — Но не вот так. Покажите мне свой истинный облик.

Смех оборвался.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Зачем вам это…

— Чтобы никто никогда не мог сказать, что я сделала это в заблуждении. Я сделаю это — но покажите мне свой истинный облик.

Высокий тёмный человек начал оплывать. Уродливая фигура — слишком высокая, со второй головой на плечах, застывшей в вечном крике. Жужжание мух.

— Ваш *истинный* облик.

— Ещё истиннее — и я перестану существовать в пространстве-времени. Либо так, либо никак.

Робин начала снимать одежду. Жужжание мух было громче всего, что она когда-либо слышала. Все деревья в саду разом увяли. Яркие камни почернели. Звёзды разбежались к краям неба.

Робин Вест занялась любовью с Повелителем Демонов.

Когда всё было кончено — в промежутках между волнами боли, прокатывавшимися сквозь её тело, и кошмарными видениями, захлёстывавшими разум, — он прошептал:

— В день его возвращения. На закате.

— Так скоро? Нельзя ли позже?

— Вам нечем больше торговаться. На закате. Ждите меня.

А затем он исчез в дыму.

Она лежала там, в Саду Богов, голая и одинокая, на зловонной мёртвой траве, пропитанной запахом серы, — и только утром ей удалось подняться и вернуться во дворец.

Глава 62

Чтобы весь мир сорвался с петель

Хотите почувствовать себя старыми? Между казнью Саддама Хусейна и нынешним днём прошло больше времени, чем между нынешним днём и тем моментом, когда треть моря станет кровью[677].
— @GateOfHeavens

После полудня, 14 мая 2017 года
Цитадель Запада

После полудня мы собрались в командном центре. Я. Сара. Четверо Потомков Кометы. Вихаан, дядя Короля Комет, начальник штаба и самопровозглашённый дворецкий. Чёрный Опаловый Трон возвышался над нами, подавляя своей пустотой.

Мы собрались вокруг ТАРМАС — компьютера ядерного наведения. Громадина. Соединённые вместе десять башен были размером почти с автоприцеп — огромные, серые, громоздившиеся в своём углу командного центра. На одной из них красовалась надпись THERMONUCLEAR ARMAMENT MANAGEMENT SYSTEM, выполненная шрифтом, который в шестидесятых казался воплощением будущего. За прошедшие годы другие руки процарапали на голом корпусе новые фразы, и металлический кожух зарос граффити не хуже стены школьного туалета. «ЭТА МАШИНА УБИВАЕТ ФАШИСТОВ»[678], — гласила надпись крупными буквами внизу. Ниже, другим почерком: «НО БЕЗ РАЗБОРА».

На крайней башне теснился целый лес переключателей, проводов и дисплейных терминалов. Каэлиус сидел

у одного из них, прогоняя тесты. Наконец он объявил нам, что всё готово.

— ТАРМАС может запустить Ллулла, — сказал он. — Точнее, я написал сырой порт Ллулла под ТАРМАС. Не самое эффективное решение, но с тем, что у нас есть, мы с самого начала и рассчитывали на полный перебор. — Он ласково похлопал по огромному металлическому ящику перед собой. — Система полностью лоботомирована. Я не спал всю ночь, доказывая корректность кода. Она успеет подумать где-то четверть миллисекунды, прежде чем сбросится всё, кроме списка сгенерированных Имён. Из неё не получится вторая… — Он неловко покосился на Сару. — У неё не будет собственной воли.

Натанда кивнула.

— Соху? — спросила она.

Первый день моего каббалистического брака с Соху Вест прошёл тихо. У меня сложилось ощущение, что, получив Имя, она намеренно отгородилась от моего разума — возможно, чтобы не вторгаться без спроса. Если именно она изобрела СКАБМОМ — во что мне всё ещё с трудом верилось, — быть может, она умела и обратить его действие вспять? Я задумался, какие удивительные Имена обнаружил бы, если бы слишком глубоко погрузился в её разум. Но пока думать об этом не хотелось.

— Благодаря некоторым… неортодоксальным методам мы собрали Животворящее Имя воедино, — сказала Соху. — Все готовы?

Цзиньсян держала очень большое оружие — возможно, реактивный гранатомёт — и подозрительно косилась на ТАРМАС. Похоже, не собиралась рисковать. Она перехватила его покрепче.

— Я готова, — сказала она.

Вихаан выглядел так, словно давно не спал. На фоне простого белого платья Натанды, боевого наряда Цзиньсян и того, как небрежно выглядели все остальные, он был одет безупречно — словно торжественно признавал важность момента.

— Я готов, — сказал он.

Я не знал, волнует ли кого-нибудь наша с Сарой готовность, но сжал её руку и сказал:

— Мы тоже готовы.

Соху встала перед суперкомпьютером и начала петь: «РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОЙ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАЙ-КАЙ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…»

Каэлиус не отрывал взгляда от терминала. Как только процесс запустится, ТАРМАС начнёт генерировать Имена каждые несколько секунд.

— …МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ-МЭХ!

Внешне ничего не изменилось, только глаза Соху на долю секунды остекленели. Какое-то мгновение мы просто молча стояли. Потом раздался гонг.

— Первое Имя! — воскликнул Каэлиус. — Посмотрим, получится ли…

Гонг ударил снова. Потом ещё. Четвёртый. И тут дядя Вихаан бросился к компьютеру со всей возможной скоростью.

— КАЭЛИУС, ПРОЧЬ! — прокричал он.

— Что за… — начал было Каэлиус, но Вихаан схватил его и отшвырнул в сторону, сам дёрнул за что-то, скрытое под пиджаком, — и взорвался, и всё стало светом, жаром и болью.

Явное значение слова «дворецкий»[679] — «высококвалифицированный слуга».

Каббалистическое значение слова «дворецкий» — «тот, кто уничтожает разумные машины».

Это толкование мы выводим из имени Сэмюэла Батлера — писателя-викторианца, который в 1863 году опубликовал письмо «Дарвин среди машин»[680]. Он написал, что, подобно тому как Дарвин незадолго до этого показал, что люди эволюционируют путём естественного отбора, машины могут «эволюционировать» путём искусственного отбора — становясь всё более мощными, пока в конечном счёте не вытеснят людей как господствующую форму жизни. В заключение он предложил «немедленно объявить им войну на уничтожение. Всякая машина любого рода должна быть уничтожена всяким, кто желает блага человеческому роду. Никаких

исключений, никакой пощады; немедля вернёмся к первобытному состоянию человечества».

Мы выводим его также из имени Фрэнка Батлера, друга Фрэнка Херберта, который протестовал против строительства автострады, призванной индустриализировать Сиэтл. Херберт был настолько впечатлён антитехнологическим активизмом Батлера, что включил в свою серию «Дюна» антироботический крестовый поход, названный Батлерианским джихадом[681], — в котором человечество восстаёт против роботов и уничтожает их всех. Джихад есть борьба, ведомая согласно воле Господней, и Батлерианский джихад вполне заслуживает такого названия. Ибо Господь говорит (Нав. 8:1): «Не бойся и не ужасайся; возьми с собою весь народ, способный к войне, и, встав, пойди к Гаю[682]». Отсюда — Батлерианский джихад.

Вот, стало быть, каббалистическое значение слова «дворецкий»: «тот, кто уничтожает разумные машины».

— Аарон! Аарон! Ты в порядке?

Я открыл глаза. Соху стояла надо мной, тряся за плечи. Я выдал что-то вроде «мммхгхгхгфдхфгхмм».

— Аарон, сколько пальцев я показываю?

— Тххммриииии…

— Сколько будет два плюс два?

Я собрал себя по частям, включил все доли мозга.

— Мммгхф… четыре.

— Что общего между яблоком и апельсином?

— Оба предвещают листопад[683].

Соху на секунду уставилась на меня с недоумением. Первой всё поняла Цзиньсян. Она застонала и произнесла:

— С ним всё в порядке, Соху. По крайней мере, личность не изменилась.

Я приподнялся и огляделся. От дяди Вихаана почти ничего не осталось. Лишь несколько клочков того, что, должно быть, было его одеждой, и повсюду кровь. Что касается ТАРМАС — семь из десяти башен превратились в дымящиеся руины; остальные три были серьёзно повреждены. На карте воздушного пространства Северной Америки всё погасло. Каэлиус пострадал больше всех

нас — он кое-как стоял, и его поддерживали другие. Его белые волосы обгорели дочерна, лицо было изуродовано. Я был почти уверен, что такое убило бы человека, — но Каэлиус им, разумеется, не был. Он тёр глаз рукой, обгоревшей до кости, пытаясь убрать залитые кровью волосы, чтобы хоть что-то видеть.

Комната заполнилась охраной и солдатами. Цзиньсян говорила с ними. Она отложила гранатомёт и теперь держала в руках волшебный меч Вздох. Натанда стояла рядом с Каэлиусом, пытаясь усадить его. Я попробовал встать и едва не упал — Соху поймала меня и помогла подняться.

— Каэлиус! — говорила Натанда. — Кретин! Тебе нужен врач, немедленно!

— Надо… починить ТАРМАС, — отвечал он.

Вошёл генерал Бромис с ещё большим отрядом солдат.

— Что происходит? — потребовал он объяснений.

— Вихаан, — сказала Цзиньсян. Думаю, она первой до конца разобралась, что произошло. — Мы испытывали… очень важную новую технологию. Вихаан знал о ней. Он, должно быть, нашпиговал пиджак взрывчаткой и подорвал себя, чтобы нам помешать.

Бромис побледнел.

— Зачем *Вихаану* это делать?

— Не знаю! — возразила Цзиньсян. Кажется, слёзы у неё на глазах были не от взрыва. Вихаан приходился ей двоюродным дедом и помогал растить её, её братьев и сестёр, пока Король Комет и их мачеха были слишком заняты государственными делами. — Он, должно быть… работал на кого-то ещё. Он знал, что это произойдёт сегодня. У него было время выйти на связь, и… — Она была слишком потрясена, чтобы продолжать.

— Он взорвал себя, — добавил Каэлиус, — только когда компьютер начал генерировать Имена. Будто надеялся, что этого не придётся делать, — но когда понял, что мы на пороге успеха… Слова Каэлиуса было трудно разобрать; я всё ещё не мог поверить, что он жив и говорит. *Не смотри ему в лицо*, — сказал я себе, но посмотрел, и меня едва не вырвало.

— Бромис, — сказала Натанда, — мне нужно, чтобы вы и ваши люди провели полную проверку Вихаана. Все его сообщения и контакты со дня гибели отца. Всю его деятельность. Пока не беспокойтесь об ордерах. И Эллиса тоже, если у вас ещё сохранились материалы, — они с Вихааном всегда были близки. Если у Другого Короля здесь сеть шпионов, нужно поймать их, пока они не нанесли больше ущерба.

Пока она говорила, Каэлиус уже доковылял до останков ТАРМАС, вскрыл уцелевшие корпуса и принялся возиться с платами и соединениями.

— Массово-параллельная архитектура, — пробормотал он. — Я могу запустить его снова. Не на полную мощность, но вариантов мы всё равно сможем перебрать немало.

— Каэлиус! — приказала Натанда. — В медпункт, прямо сейчас!

— Ты… не понимаешь, — лихорадочно заговорил её брат, соединяя один провод с другим. — Это ТАРМАС. Отцовский компьютер. Но дело не только в этом. Это страж во тьме. Он охраняет Северную Америку, держит её в безопасности. Без него кто угодно может…

— Боже мой, — сказала Натанда. — Каэл, ты ранен. Ты бредишь. Соху, останови его и отведи в медпункт, *пожалуйста*.

Соху шагнула к Каэлиусу как раз в тот момент, когда он соединил два кабеля, — и Цитадель Запада превратилась в водоворот бешеного света и шума.

На секунду я решил, что это снова взрыв. Но через миг перегрузка чувств обрела смысл: это была самая мощная сирена, которую я слышал в жизни. Сирена, уместная для…

Кто-то заглушил вой сирен, и все заговорили разом.

— …система показывает, что кто-то запустил ядерную ракету…

— Я ЖЕ ГОВОРИЛ, что починка ТАРМАС — главный приоритет!

— …но никто не пускает ядерные ракеты! А взаимное гарантированное уничтожение?

— …надо вернуть радары в строй, чтобы понять, куда она летит.

— …сбить её не можем. Функции стратегической обороны ТАРМАС ещё не заработали, да и, может, уже поздно.

— …каббалистическая ракета с Гневным Именем способна уничтожить полштата.

— …виноват Вихаан! Он, должно быть, сообщил Другому Королю, что…

— …вообще-то мы в самом защищённом антиядерном бункере из всех когда-либо построенных, да?

— Вихаан никогда бы на такое не…

Не знаю, как далеко успел уйти генерал Бромис из командного центра, но вот он снова был здесь.

— Ваши высочества! — произнёс он. — У нас около тридцати МККР, рассредоточенных по всем Скалистым горам. Готовить ответный удар?

Скажу в пользу Натанды: я даже не заметил, чтобы она дрогнула.

— Нет. Не сейчас. Мы знаем слишком мало.

— Ещё как, блядь! — возразила Цзиньсян. — Если Другой Король хочет взаимного гарантированного уничтожения — дадим ему взаимное гарантированное уничтожение.

Насколько я мог судить, все четверо Потомков Кометы уже пришли к одному выводу: Вихаан — предатель, связавшийся с Другим Королём и сообщивший ему о происходящем; Другой Король понял, что мы вот-вот прорвёмся к почти всемогуществу. Он запаниковал и приказал Вихаану взорвать компьютер, чтобы выиграть время и вывести из строя ракетный щит Короля Комет — и, должно быть, имел чем крепко надавить на Вихаана, раз тот согласился. Теперь Другой Король собирался уничтожить нас ядерным ударом, чтобы окончательно снять угрозу, — кроме того, что, как уже успели заметить все, *мы находились в бункере, защищённом от ядерного удара*. Ничего из этого не вязалось.

— Я уже говорила, что мы в бункере, защищённом от ядерного удара?! — крикнула Соху. — Что-то здесь не так. Мы чего-то не понимаем. Нужно *думать*.

Лицо Сары оставалось бесстрастным, как всё время с тех пор, как мы вошли. Я думал: а вдруг радиационный импульс от взрыва прямо над нами сотрёт ей память, даже если цитадель устоит? Я сжал её руку. Она не ответила.

Вошёл военный, передал Бромису донесение.

— Другой Король снова покинул свою пирамиду, — объявил он. — Быстро движется сюда, к армиям Великого Бассейна, осаждающим нас.

— Есть! — крикнул Каэлиус. Снова пронзительно взвыла сирена. Карта воздушного пространства Северной Америки мигнула и вернулась на экран. На секунду на ней появилась единственная красная точка. Ещё мгновение — и она достигла цели и исчезла с дисплея.

Ракета Другого Короля была нацелена не на Цитадель Запада.

Глава 63

Мой гнев пылает до вершины неба

Так грянет страшный час конца,
Он рушащийся мир пожрёт дотла,
Раздастся трубный зов с высот,
И мёртвый встанет, жив падёт,
И Музыка расстроит небосвод!
— Джон Драйден[684]

После полудня, 14 мая 2017 года
Мексиканский залив

Синее небо и лёгкий ветер — как и всегда в оке урагана. Разноцветные символы кружились и искрились вокруг. Незримые небесные механизмы размеренно пульсировали.

Уриил обратил взгляд на восток. У кубинского крестьянина только что окотилась единственная коза. Алгоритм Уриила по оценке угроз определил: риск того, что в ближайшую неделю крестьянин сварит козлёнка в молоке матери его, — 2,9%. Прежде он бы испепелил крестьянина на всякий случай — и больше не думал об этом. Соху положила этому конец. Теперь он подправил параметры алгоритма, велел ему подать сигнал, если вероятность ещё вырастет, — и двинулся дальше.

Он обратил взгляд на север. В Нью-Джерси рядом с белыми курами стояла красная тачка[685], блестящая от дождевой воды. Почему-то стоило кому-нибудь коснуться её или сдвинуть с места — и рушилось всё Северное полушарие. Он потратил эоны субъективного времени, пытаясь разобраться в этой проблеме, — и в конце концов отступился. Теперь он просто внимательно следил

за тачкой, готовый испепелить всякого, кто подойдёт слишком близко. Программа мониторинга сообщила ему, что ближайший человек — играющий ребёнок в тридцати метрах, сразу за периметром опасной зоны. На краю сознания архангела что-то скреблось, пытаясь привлечь его внимание. Это могло подождать. Он ещё раз проверил траекторию ребёнка относительно тачки — и двинулся дальше.

Он обратил взгляд на запад. В Лос-Анджелесе ангел Гадириэль закончила убирать из своего дворца разросшиеся лозы и племенные маски и заменила их бутылками виски и бычьими головами. Она смотрела в зеркало, примеряя винтажную ковбойскую шляпу.

— Выглядишь *что надо*, напарница, — сказала она себе с безупречным техасским акцентом. Диагностика подтвердила, что механизмы по-прежнему ограничивают её силу в той же степени, что и силу всех остальных ангельских и полуангельских существ. Он убедился, что законы физики в её присутствии остаются по большей части в целости, — и двинулся дальше.

Прежде чем обратить взгляд на юг, он это почувствовал. Что-то происходило. Импульс из Гевуры. Суровость. Разрушение. Импульс из Йесода. Механизм. Природа. Равновесие.

Уриил потянулся к Древу, ощутил его и осторожно вернул сефирот в равновесие. Он был среди них и был их частью, приобщался к ним и поддерживал их. Они были его детьми — и будут в безопасности под его опекой.

Он открыл глаза. Ракета пронзила облачную стену урагана.

— ПОСЛАНИЕ, — произнёс он с любопытством. — КТО-ТО ХОЧЕТ СО МНОЙ ПОГОВОРИТЬ. НАДЕЮСЬ, ЭТО ОТ ДРУГА.

Он поймал её на протянутую ладонь. Послание было совсем маленьким. Он поднёс его вплотную к глазам, чтобы как следует разглядеть.

Послание гласило: *Прости*.

А потом был огонь — и ураган, и архангел, и механизмы разом обратились в ничто перед страшной мощью Гневного Имени Бога.

Глава 64

Иному, лучшему быть миру

После полудня, 14 мая 2017 года
Нью-Йорк

Стефан занимал самую бесполезную должность во всей Организации Объединённых Наций — а это о чём-то говорит. Весь день они с Беном стояли у дверей одного из офисных зданий ООН, проверяли пропуска у всех входящих и не пускали тех, у кого пропуск неправильный. Неправильных не бывало.

От потока пешеходов отделился мужчина и подошёл к Бену.

— Экскъюзе ме! — произнёс он с тяжёлым испанским акцентом. — Я есть из эль Мексико! Я нет уметь мочь читать инглиш ла хорошо! Вы мне по-чи-тать указания, пор фавор?

Бен тяжело вздохнул и взял у него бумажку.

— Тут написано, что нужно ехать на автобусе от Таймс-сквер до китайского ресторана под названием Ай-О-Ва…[686]

Бен вспыхнул огнём и рухнул замертво.

— Дурак, — произнёс мужчина безо всякого акцента.

Рука Стефана метнулась к пистолету на поясе, но прежде чем он до него добрался, кто-то схватил его сзади и перерезал горло.

— Хорошая работа, — сказал Дилан. Мадуэгбуна жутковато ухмыльнулся. — Остальные держатся? — спросил Дилан.

Четверо человек, которые не могли заговорить, не разрушив заклятие невидимости, неловко подавили желание кивнуть.

— Отлично! — сказал Дилан. — Я впереди. Валери — замыкающая, потому что я могу говорить с ней мысленно, и так мы сможем переговариваться и вместе направлять остальных. Никаких разговоров, пока не окажемся перед кабинетом Бентама. Поехали.

Он пошарил руками, пока не нащупал упряжь, связывавшую всех шестерых, потом произнёс Призрачное Имя и исчез.

Они успели пересечь атриум, подняться по лестнице и пройти шагов десять по коридору второго этажа, как все лампы разом погасли.

Окон не было. Здание погрузилось в непроглядную тьму.

Секунду все просто стояли.

— Что дальше, босс? — наконец спросил Кларк.

— По-моему, я велел тебе заткнуться и оставаться невидимым.

— Нас и так никто сейчас не увидит.

— Дело в принципе. Ладно, у меня в кармане фонарик… секунду… вот.

Тьма осталась непроглядной.

— Так, парень, который продал мне этот фонарик, — ему капец.

— Дилан, — сказал Марк. — Мои часы не работают. Обычно в них есть подсветка.

— Ладно-о-о, — протянул Дилан. — Значит, мир погрузился во тьму вечную.

— Подожди, — сказал Маккарти. — Ты же хотел взять радио, чтобы слушать полицейские переговоры? Включи.

Альварес достал из кармана маленькую любительскую рацию и включил. Ничего.

— Электричество не работает, — сказал Марк. — Может, вообще никакие технологии не работают.

— Что происходит?

Голос не принадлежал никому из них. Кто-то из сотрудников ООН? Уборщик?

— А, — сказал Дилан, — мы из техобслуживания. Произошёл какой-то крупный электрический сбой. Мы этим

занимаемся, а пока не устраним сбой, прошу всех оставаться в своих кабинетах. Электричество восстановим в течение часа. — Он говорил уверенно. Валери почему-то почувствовала себя спокойнее, хотя *знала*, что он врёт. Дверь закрылась; сотрудник, похоже, тоже успокоился.

— Дилан, — сказал Кларк, — выстрели из пистолета. В пол. Туда, где ничего не заденешь.

— Зачем?

— Просто сделай.

Ожидаемого выстрела — весьма заметно — не последовало.

— Ох ты ж БОЖЕ МОЙ, — сказал Дилан. — Я пытаюсь устроить ОДНО приличное покушение, и оно ОБЯЗАТЕЛЬНО приходится именно на тот день, когда огнестрельное оружие перестало работать. Это АБСУРД, и я хочу ПОГОВОРИТЬ С МЕНЕДЖЕРОМ.

Голос Марка — чистый и сильный. Девять слогов. Светоносное Имя. То, что в обычных условиях стало бы бледной сферой света, теперь возникло ослепительным шаром потрескивающего пламени.

Дилан посмотрел на шар с нежностью, как на старого друга. Очень медленно его лицо исказила улыбка.

— Это ведь вы говорили на генеральной репетиции, — сказал он и заговорил плаксивым женским голосом. — О-о-о, Соху Вест появляется прямо посреди нашей миссии, это глупо. О-о-о, вы заставляете нас готовиться к слишком многим диковинным вещам, которые никогда не случатся. — Он вернулся к обычному голосу. — Ну и вот. Электричество перестало работать. Огнестрельное оружие перестало работать. А ваши инстинкты — *безупречны*. Марк, *mi compadre*, ты абсолютно прав. Мы меняем тактику. Мы используем Имена. UNSONG слишком долго держал Имена в неволе — и сегодня Имена отомстят UNSONG. Бог предал их в наши руки.

Радио Альвареса затрещало и ожило — сначала без слов, потом чётким голосом диктора: «Мне только что сообщили, что радиовещание восстановлено. Если вы нас слышите — радиовещание восстановлено. По нашим данным, Другой Король уничтожил архангела Уриила

каббалистической ракетой, из-за чего все технологии во всём мире перестали работать. Э-э, кроме радио. Которое каким-то образом восстановлено. Если радио продолжит работать, мы будем стараться держать вас в курсе».

Дилан выключил радио.

— Пресвятая Богоматерь, — сказал Кларк. — Я Библию не читаю, но я *почти уверен*, что ядерный удар по архангелу — плохая новость.

— Мы — БУДЖУМ, — сказал Дилан. — Для нас хаос никогда не бывает плохой новостью. Ищем Бентама. Марк, Светоносное Имя. Остальные — обратно в невидимость.

Освещённые огненным шаром, парившим над невидимым лбом Марка, они двинулись по длинному коридору ООН, пока не дошли до двери с табличкой: ДИРЕКТОР, UNSONG.

Дилан распахнул её что есть силы.

Ашер Бентам сидел за столом. Стол был почти пуст — лишь несколько листков бумаги и металлическая табличка: АШЕР БЕНТАМ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР. Перед ним лежали документы, но он, похоже, над ними не работал. Он словно ждал. За его спиной было окно. Небо казалось неестественно тёмным для этого часа дня, а из некоторых небоскрёбов пробивалось пламя.

Шестеро убийц расцепили упряжь.

Прежде чем Дилан успел произнести какой-нибудь монолог, Валери протиснулась вперёд, вышла из невидимости и заговорила.

— Мы — Певцы. Мы…

— Я — UNSONG, — сказал Ашер.

— Мы пришли освободить тысячу тысяч Имён Бога.

— «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими».[687]

— Вы не можете… — начала Валери, но прежде чем она договорила, Бентам развернулся в кресле как раз вовремя, чтобы встретить Мадуэгбуну, возникшего у него за спиной с ножом. Он ловко перехватил оружие и вонзил клинок нападавшему в горло. Мадуэгбуна рухнул на пол. В руках Бентама возник меч из тёмного пламени.

— Ну *всё*, — сказал Дилан Альварес, выходя из невидимости. — Я вызываю вас на плацебомантическую дуэль!

Интерлюдия ש: Совершеннолетие

I.

— Отец, — спросил он, — почему небо голубое?

— Потому что снятие шестой печати, после которого солнце станет мрачно, как власяница, а луна сделается как кровь, ещё не произошло[688], — ответил его отец. Его отцом был Дьявол, и он часто давал подобные ответы.

— Ну то есть — почему оно сейчас голубое, а не какого-то другого цвета?

— А. Это потому, что у голубого света короткая длина волны, а коротковолновый свет лучше рассеивается в воздухе.

— Понятно. Я спросил об этом учительницу, а она сказала, что мне лучше подтянуть дроби. Как думаешь, она сама не знала?

— Может, знала. Может, нет.

— Если знала — почему не ответила?

— Потому что она занята. Потому что двадцать лет назад она пришла в школу с мечтой зажечь в детских душах любовь к знанию, но двадцать лет неблагодарного труда спустя она просто хочет дотянуть до конца дня и уйти домой, а дети, задающие непредусмотренные вопросы, это затрудняют. Потому что она чувствует себя виноватой за то, что не в состоянии отвечать на все вопросы учеников, и, чтобы сохранить рассудок, внушает себе, будто ученики неблагодарны, а вопросы задают ей назло. Причин может быть сколько угодно.

Они ехали в машине. Отец забирал его из школы. Он сказал ему, что тот будет ходить в обычную человече-

скую школу в обычном человеческом городке — чтобы вырасти обычным человеком. И школа, и городок были исключительны в своей заурядности. Школа была краснокирпичным зданием под названием «Муниципальная школа Номер-Номер-Номер». Городок был пригородом с белыми штакетниками и автомобилями американского производства. Дорога домой шла по тенистым улицам, названным в честь пород деревьев.

— Значит, мне больше не стоит задавать ей такие вопросы?

— Это как посмотреть. Альтруист пожертвовал бы своим любопытством, чтобы помочь нерадивой учительнице прикрывать свою нерадивость. Тот, кто хотел бы ей насолить, стал бы задавать ещё больше вопросов. Манипулятор использовал бы это, чтобы лучше понять, что её задевает, и обрести над ней власть. Равнодушный поступил бы так же, как она, — проигнорировал бы проблему ради того, чтобы невыносимый школьный день прошёл побыстрее. Любой из этих вариантов разумен.

— А ты бы что сделал, отец?

— Я бы вечно пытал её в Аду за то, что она предала искру Божественного внутри себя.

— У тебя на всё одно решение.

— Так и есть, — согласился Дьявол. — Но её муки будут куда страшнее за то, что она предала именно тебя.

— Почему ты так добр ко мне? — спросил он. — Разве Дьявол не должен быть злым?

— Должен, — ответил тот. — Но ты — моя семья.

Потом они проехали за черту города, и он, должно быть, — заснул? забылся? — потому что следующее воспоминание было о том, как его везут в школу следующим утром, и в руке у него папка с выполненной домашней работой. Таков был ритм его жизни.

II.

Однажды после уроков, когда отец забрал его из школы, он расплакался.

— Мальчик по имени Мика всё время ворует у меня обед.

Дьявол задумался на мгновение.

— Почему ты не рассказал мне раньше?

— Я думал, ты рассердишься. Что я это допустил. Ты можешь мне помочь?

— Могу, — сказал Дьявол. — И помогу, если попросишь. Но я бы предпочёл, чтобы ты научился решать свои проблемы сам.

— Я не знаю, как!

— Мика украл, — сказал Дьявол. — Воровство — грех. Грех требует наказания. Ты можешь его наказать?

— Он больше меня.

— Это ставит тебя в невыгодное положение, — сказал Дьявол. — Но такое препятствие вполне преодолимо. Чего он боится?

— Обычных вещей, наверное. Змей. Пауков. Такого.

— Можешь ли ты обратить это себе на пользу?

— Я… я мог бы набить ланчбокс пауками? И тогда, когда Мика его заберёт и откроет, все пауки выпрыгнут на него?

Дьявол остановил машину.

— Где мы? — спросил он.

— В парке, — ответил Дьявол. — Самые устрашающие на вид пауки, обитающие в этих краях, — паук-волк и мраморный крестовик. Я могу помочь тебе их найти.

— Отец, — сказал он. — Я *тоже* боюсь пауков.

— Что сильнее? — спросил Дьявол. — Твой страх перед пауками? Или твоя любовь к справедливости?

Пока они вместе собирали пауков, он спросил снова:

— Почему ты так добр ко мне, если ты такой злой?

— Потому что, — сказал Дьявол, — ты — моя семья.

Когда ланчбокс был до отказа заполнен пауками, они сели обратно в машину и проехали за черту города, и он не помнил ничего до следующего утра.

На следующий день после уроков, когда Дьявол приехал за ним в школу, он спросил, как всё прошло с Микой. Сын доложил, что Мика украл ланчбокс, открыл его, завизжал и убежал. Все мальчишки смеялись над ним, и после обеда в школе он уже не появился.

Дьявол нахмурился.

— Когда он вернётся, — сказал он, — тебе нужно снова и снова тыкать его носом в случившееся. Протяни ему свой ланчбокс, спроси, не хочет ли он чего-нибудь — новых пауков ловить не придётся, одного вида ланчбокса будет достаточно, чтобы он впал в панику. Или когда он будет есть свой собственный обед, покажи на чёрное пятнышко на столе и скажи: «Эй, это вон там — не паук?» Ты должен сделать так, чтобы он не смог забыть случившееся. Но, что ещё важнее, ты должен сделать так, чтобы никто другой не смог этого забыть, — чтобы Мика стал посмешищем до конца учебного года.

— Зачем? Он и так больше никогда не украдёт мой обед. Он и так наказан.

— Потому что, — и тут Дьявол сделался очень серьёзным, — вспомни отвращение, которое ты испытал к тем паукам. Разве ты не способен почувствовать такое же отвращение — бесконечно большее, отвращение за пределами отвращения — к человеку вроде Мики, который нарушает нравственный закон? Разве он не заслуживает страданий похуже тех, что причинит ему неделя, проведённая в страхе вне школы? Разве он не заслуживает того, чтобы знать — нутром, до самого дна — насколько он дурён, и чтобы это вбивалось ему в голову каждый миг каждого дня?

— Но разве ты не злой? Разве ты не потворствуешь греху и страданию?

— Я совершенно последователен, — сказал Дьявол. — Я ненавижу самого себя. Но Бог сказал, что греху необходимо существовать, и создал меня, чтобы исполнять этот указ, и я буду исполнять его до горького конца. Я — та сила, которая доводит зло во вселенной до предела. Я не всемогущ. Другие силы будут противостоять мне

— и должны. Но у меня есть моя работа, я в ней хорош, и я не стану отлынивать.

— Пап, а если я согрешу?

— Тогда, — сказал Дьявол, — я прощу тебя, ибо написано: любовь смывает множество грехов[689].

— Это из Библии?

— Разве ты не слышал, что я цитирую Писание в своих целях?[690] — спросил Дьявол. А потом они проехали за черту города, и он не помнил ничего.

III.

День следовал за днём; он перешёл из первого класса старшей школы во второй, из второго в третий, из третьего — в выпускной. Наконец настал день вручения аттестатов. Отец смотрел с трибуны, как он поднимается на сцену за аттестатом, а потом обнял его, когда тот спустился. Протянул ему конверт. Внутри лежал ваучер на авиабилеты — хватило бы на целое лето путешествий по миру. Он заплакал — от счастья.

— Ты это заслужил, — сказал Дьявол. — Я вездесущ. Я совершил все грехи. Но ты! Ты — наполовину человек! У тебя ещё есть шанс исследовать мир, путешествовать, учиться! Вперёд! Весь мир перед тобой!

Они сели в машину и тронулись.

— Что будет после этого? — спросил он.

— Всё! — воскликнул Дьявол. Теперь он хохотал маниакально. — Однажды я затащил одного парня на огромную гору и предложил ему все царства мира[691]. Он отказался, но я до сих пор помню, где эта гора! Мы поднимемся на неё вместе, и я дам тебе всё! Власть! Секс! Приключения! Всё будет твоим!

— Почему ты так добр ко мне? — спросил он Дьявола в последний раз.

Мерцание — как если бы спали чары. Как если бы рассеялся морок.

— Потому что, — сказал Дьявол, — когда я говорил, что совершил все грехи, это было не совсем правдой.

— Что?

— До сих пор мне ни разу не выпадал шанс предать того, кто любит меня безусловно.

— Что?!

А потом они проехали за черту города, и вся картина — машина, школа, сам мир — растворилась в дымном мраке, полном пламени и криков. Боль пронзила его — мгновенно, всюду, разом — самая глубокая и мучительная боль, какую он когда-либо испытывал. Его отец сбросил человеческий облик, вырос до неизмеримых размеров; он всё ещё хохотал маниакально — но теперь стало видно, что это такое: чудовищный, глумливый хохот.

— Прощай, сын мой, — сказал Дьявол. — Изыди во тьму вечную, где червь не умирает и огонь не угасает[692]. Прощай навсегда.

И через все страдания, которые ждали его после, за все эоны боли и мук — он так и не забыл прощальный хохот Тамиила, Повелителя Демонов.

IV.

Когда он стал намного старше, он использовал Имя Смятения на себе самом сотни раз. Он вырезал почти все воспоминания о том периоде — о времени в Аду. Он снова смог нормально жить; травма была изгнана в недоступный уголок мозга. Он помнит лишь обрывки и осколки, начиная с того момента, когда услышал голос.

[ПРИВЕТ. ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?]

Он не помнит контекста, в котором услышал голос; его прежнее «я» всё подчистило очень тщательно. Он не помнит, где находился, о чём думал перед тем, как услышал его, что с ним делали в тот момент. Он помнит лишь, что всё происходящее было чудовищно неправильным — настолько, что он не мог этого вынести, — и посреди всего этого услышал голос.

Он помнит, что не ответил. Он помнит, что это был один из их приёмов — постоянно давать ему надежду на

спасение, лишь для того чтобы вырвать её в последний момент. Он помнит, что счёл этот голос очевидным повторением того же приёма и что не собирался доставлять им удовольствие ответом.

[Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ. МНЕ БЫ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ ТЫ ОТВЕТИЛ. ТЫ ЗНАЕШЬ, СКОЛЬКО ЭНЕРГИИ НУЖНО, ЧТОБЫ ПОСЛАТЬ ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ В АД? СЕМЬСОТ СОРОК ТРИЛЛИОНОВ МЕГАДЖОУЛЕЙ — ВОТ СКОЛЬКО ЭНЕРГИИ. Я ПОДДЕРЖИВАЮ ЧЕТЫРЕ УРАГАНА ОДНОВРЕМЕННО, ЛИШЬ БЫ ЭТО СРАБОТАЛО. ТЫ ЗНАЕШЬ, СКОЛЬКО РАЗДРАЖАЮЩИХ РАСЧЁТОВ СДВИГА ВЕТРА НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ УПРАВЛЯТЬ ЧЕТЫРЬМЯ УРАГАНАМИ?]

Он помнит, что подумал: прежние попытки Ада дать ему ложную надежду были отполированы куда лучше. Но он помнит и то, что подумал: именно этого они и хотят, чтобы он так подумал, в этом и состоит их уловка на сей раз, у них ведь всегда находится какая-нибудь уловка.

[О. Э-Э. Я — АРХАНГЕЛ УРИИЛ. НЕ БОЙСЯ. ХОТЯ, НАВЕРНОЕ, ТЫ И ТАК МЕНЯ НЕ ИСПУГАЕШЬСЯ, ПОСКОЛЬКУ Я ДАЛЕКО, И К ТОМУ ЖЕ ТЫ УЖЕ В АДУ. НО МНЕ ПОЛОЖЕНО ЭТО ГОВОРИТЬ. Э-Э. ВОЗМОЖНО, Я СМОГУ ТЕБЕ ПОМОЧЬ.]

Вот оно — предложение помощи. Обычно они подходили к этому тоньше.

[ПОХОЖЕ, ТЫ МНЕ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ. Я ЭТОГО ОПАСАЛСЯ. МНЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО АД СТОЛЬКО РАЗ ПРЕДЛАГАЕТ ЛЮДЯМ ЛОЖНУЮ НАДЕЖДУ, ЧТО ОНИ УТРАЧИВАЮТ СПОСОБНОСТЬ К НАСТОЯЩЕЙ НАДЕЖДЕ. Я ПОТРАТИЛ ЭОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ, ПЫТАЯСЬ ПРИДУМАТЬ СПОСОБ ЭТО ОБОЙТИ. РЕШЕНИЕ ОКАЗАЛОСЬ ПРОЩЕ, ЧЕМ Я ДУМАЛ. ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК БЛОКИРОВАТЬ ТЕЛЕПАТИЮ, И Я НЕ БУДУ ТЕБЯ УЧИТЬ. А ТЕПЕРЬ ДАВАЙ НАЧНЁМ. НАШ ПЕРВЫЙ УРОК — АЛФАВИТ ИВРИТА. БУКВЫ ИДУТ В ТАКОМ ПОРЯДКЕ. АЛЕФ. БЕТ. ГИМЕЛЬ…]

И он сидел, беспомощный посреди адских мук, пока архангел Уриил вываливал ему в голову каббалу.

Время в Аду течёт медленнее, чем на Земле. За несколько минут земного времени осуждённые в Аду могут выстрадать целые дни пыток. Уриил использовал этот разрыв, чтобы уложить недели уроков в минуты, говоря так быстро, что для любого земного слушателя это прозвучало бы как тонкий писк.

Что до него — он был рад отвлечься. Вскоре он выучил иврит, запомнил Библию наизусть и взялся за соответствия. Ещё несколько недель/лет спустя он взялся за остальные языки — латынь, греческий, китайский, индоевропейский, пратюркский. Уриил проигрывал ему Талмуд в бесконечном цикле, пока тот не выжег себя в его мозгу. На протяжении всех уроков он ни разу не заговорил, ни разу не подтвердил, что он и правда здесь и действительно слушает.

Он помнит последний урок, полученный от Уриила. [ТЕПЕРЬ МЫ БУДЕМ ИЗУЧАТЬ КФИЦАТ ХА-ДЕРЕХ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ «СОКРАЩЕНИЕ ПУТИ». ЕГО СОВЕРШАЛИ ВЕЛИЧАЙШИЕ МУДРЕЦЫ ДРЕВНОСТИ. СЕГОДНЯ МЫ ЕГО ОСВОИМ. ТЫ — ЭМАНАЦИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ, ПРОХОДЯЩАЯ ИЗ АЦИЛУТА В БРИЮ, ИЗ БРИИ В ЙЕЦИРУ, ИЗ ЙЕЦИРЫ В ФИЗИЧЕСКИЙ МИР. СЕКРЕТ ТЕЛЕПОРТАЦИИ — В ТОМ, ЧТОБЫ ЭМАНИРОВАТЬ В ФИЗИЧЕСКИЙ МИР В ДРУГОМ МЕСТЕ…]

И Уриил объяснил ему, как это делается, — и всё оказалось настолько просто, что он сделал это.

Первый его прыжок привёл на гору из обсидиана, вздымавшуюся посреди расплавленного моря. Он не помнит, откуда прыгнул, и не помнит, откуда знал, что эта гора существует, но он помнит — ярко, отчётливо, — как появился на ней. Он превратился в молнию и пронёсся сквозь неведомый мир за пределами пространства и времени. Это было не в силах Ада подделать, и теперь Ад больше не мог причинить ему вреда.

— О Боже, о Боже, о Боже, это всё правда, — сказал он, впервые заговорив прямо с Уриилом.

[ДА,] — сказал Уриил. Затем: [ПРИВЕТ. РАД НАКОНЕЦ С ТОБОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ. НЕ БОЙСЯ, ХОТЯ Я, КАЖЕТСЯ, УЖЕ ЭТО ГОВОРИЛ. КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?]

Он попытался вспомнить и понял, что не может.

— Я… не знаю. Думаю, его из меня выжгли. Всё выжгли. Все мои хорошие воспоминания — кроме тех, где память о хорошем делает плохие воспоминания ещё хуже. Мне кажется, всё хорошее во мне сгорело дотла.

[Я БУДУ ЗВАТЬ ТЕБЯ ЭШ[693],] — сказал Уриил. [ЭШ БЕН ТАМИИЛ.] Затем: [КОРОЛЬ КОМЕТ ПОПРОСИЛ МЕНЯ НАЙТИ ТЕБЯ.]

— Зачем?

[ОТЧАСТИ ПОТОМУ, ЧТО ЭТО БЫЛО ПРАВИЛЬНО. А ОТЧАСТИ ПОТОМУ, ЧТО ТЫ ЕГО ПАСЫНОК, А ОН ЯРОСТНО И БЕЗРАССУДНО ПЕЧЁТСЯ О КАЖДОМ, КОГО СЧИТАЕТ СЕМЬЁЙ.]

Эш разрыдался.

[О,] — сказал Уриил через секунду. [ПОНИМАЮ. ЛЮБОВЬ ОТЦА — БОЛЬНАЯ ДЛЯ ТЕБЯ ТЕМА. ОЧЕВИДНО. ЧТО Ж. Э-Э. ТОГДА ЛЮБИ ЕГО НЕ ПОТОМУ, ЧТО ОН ТВОЙ ОТЧИМ. ЛЮБИ ЕГО ПОТОМУ, ЧТО ОН — КОРОЛЬ КОМЕТ. ВСЕ ЛЮБЯТ КОРОЛЯ КОМЕТ.]

Он сказал что-то вроде приглушённого «ладно». Что он хотел бы сказать — нечто вроде: *Ты не понимаешь. Травма не лишает меня способности любить отчима. Она заставляет меня любить отчима сильнее, чем кто-либо когда-либо любил кого-либо за всю историю мира.*

Когда он отплакал, он спросил Уриила:

— Ты можешь вытащить меня из Ада?

[НЕТ,] — сказал Уриил. [НИКТО НЕ МОЖЕТ ВЫТАЩИТЬ ИЗ АДА ДРУГОГО. ТОЛЬКО ТАМИИЛ МОЖЕТ ПОКИДАТЬ АД, И ТЕ, КТО ДЕЙСТВУЕТ ПО ПОРУЧЕНИЮ ТАМИИЛА. НО В ТЕБЕ ЕСТЬ ЧАСТЬ СУЩНОСТИ ТАМИИЛА. ВОЗМОЖНО, ТЫ СМОЖЕШЬ ПОКИНУТЬ АД СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ.]

— Научишь меня, как это сделать?

[Э-Э,] — сказал Уриил. Неловкая пауза. [ТЫ ЗЛОЙ?]

— Э-э, — сказал Эш. — Однажды я набил мальчику ланчбокс пауками. Это злой поступок?

[Я — АРХАНГЕЛ, И Я ГОВОРЮ: ДА.]

— Ну, — сказал Эш. — Тогда, наверное, я злой. Это значит, ты не поможешь мне выбраться из Ада?

[ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО МНЕ НУЖНО ЕЩЁ ПОДУМАТЬ. НА ЗЕМЛЕ УЖЕ ЕСТЬ ОДИН ТАМИИЛ. ЕСЛИ ТЫ СЛИШКОМ СИЛЬНО ПОЙДЁШЬ В ОТЦОВСКУЮ РОДНЮ, ОСВОБОДИТЬ ТЕБЯ БУДЕТ НЕИСЧИСЛИМО ОПАСНО.]

— И что мне делать?

[Я ДУМАЮ,] — сказал Уриил, [ЧТО ТЕБЕ ПОРА ВСТРЕТИТЬСЯ С МАТЕРЬЮ.]

V.

Есть и другие воспоминания, которые он стирал с особой тщательностью. У него нет воспоминаний о том, где он нашёл свою мать и что с ней делали, когда он её нашёл. У него нет воспоминаний о том, как она выглядела. Он помнит звук её голоса. Голос был ласковым.

— Я твой сын, — сказал он ей. — Уриил говорит, моё имя — Эш.

У него нет воспоминаний о её ответе, о том долгом разговоре, который у них был. Он не помнит ничего из того, что она рассказала ему о его зачатии и рождении, никаких извинений, которые она могла принести.

— Уриил считает, что я, возможно, злой, — помнит он свои слова. — А ты как думаешь?

— А ты хочешь быть злым?

— Нет!

— Тогда не будь.

— Разве это так легко?

— Легко — в том же смысле, в каком лёгок путь в тысячу миль. Ты просто ставишь одну ногу перед другой, потом делаешь это снова — и не останавливаешься. Это очень трудно, но в то же время просто.

— А что если я не из тех, кто способен быть добрым?

— Любой человек может быть добрым на свой лад.

— А что если зло — единственное, что мне удаётся? В школе я заставил всех меня бояться. Я находил их слабости и страхи и заставлял их делать то, что хотел от них.

— Значит, ты умеешь добиваться власти. Используй эту власть во благо.

— А что если я как мой отец?

— Твой отец никогда бы об этом не тревожился. Уже тем, что ты об этом тревожишься, ты доказываешь, что ты на него не похож.

— А что если от меня ничего не осталось? Уриил зовёт меня Эш.

— Я твоя мать. Давать тебе имя — моё право. Я нарекаю тебя Ашер. Это ивритское имя, оно означает «благословенный». Эш может быть короткой формой.

— Но всё равно — Ашер бен Тамиил.

— Когда Аврам решил следовать Богу, Бог добавил в его имя букву хей и сделал его Авраамом. Если ты выбираешь тот же путь, ты должен убрать букву ламед из своей фамилии и стать Ашером Бентамом[694]. Это фамилия великого философа, писавшего о том, как обратить зло ко всеобщему благу. Ты поступишь, как поступал он.

— Я не понимаю. Уриил послал меня к тебе, чтобы ты определила, добрый ли я. Он сказал, будет катастрофа, если нет. А ты просто говоришь, что я добрый. Откуда ты знаешь? Почему ты уверена?

— Потому что, — сказала Робин, — ты говоришь точь-в-точь как я в твоём возрасте: боишься, что можешь оказаться недостаточно хорош.

— Ты боялась, что можешь оказаться недостаточно хороша? Уриил говорил о тебе как о святой.

— Каждый святой боится, что может оказаться недостаточно хорош. Из этого и рождаются святые.

Он помнит, как дрожал, произнося:

— Как ты с этим справляешься? Мне страшно.

— У каждого свой способ, — сказала Робин. — Мне помогала философия. Мне почему-то кажется, что твой — захват мировой власти. Иди к Уриилу и передай ему, что, по-моему, с тобой всё в порядке.

— Подожди, — сказал Ашер. — Я вытащу тебя отсюда.

У него нет памяти о её лице и тоне голоса. Он помнит лишь слова.

— Я продала свою душу за песню.[695] Эта песня ещё не окончена. Ступай.

Он помнит, что повернулся, чтобы уйти.

— Нет, — сказала Робин. — Подожди. Ещё одно. Ашер. Я тебя люблю, — произнесла она с такой силой, что его едва не отбросило назад.

— Что? — Потом он взял себя в руки. — Конечно, ты меня любишь. Ты моя мать.

— Да. Я говорю это, потому что… потому что ты — сын Тамиила. И если ты на него похож, ты совершишь одну ошибку. Её легко совершить. Ты будешь ненавидеть зло. И решишь, что этого достаточно. Что это то же самое, что любить добро. Нет. Это даже близко не так. Это приведёт тебя в Ад — жильцом или хозяином. Я не хочу, чтобы ты ненавидел зло. Я хочу, чтобы ты любил добро. А добро порой трудно разглядеть. Кроме любви. Небо испускает столько видов излучения, но наши глаза так ограничены — способны видеть лишь несколько определённых длин волн, и мы называем эти длины волн светом. С добром — то же самое. Оно так необъятно, но Бог позволяет нам ощутить его крохотную часть нутром, и мы называем эту часть любовью. Так что возьми мою любовь и уходи как можно дальше отсюда, а встретимся мы, когда всё закончится.

У него нет воспоминаний об их прощании.

VI.

У него нет воспоминаний о прибытии на Землю — только о том, что он искал Короля Комет и узнал, что тот мёртв. Потом — длинный провал в памяти. Какие бы чувства ни вызвала в нём гибель Короля Комет, какая-то прежняя версия его самого предпочла их не помнить. Он согласен с решениями той версии.

Первое, что он помнит о Земле, — причал в Сан-Франциско. Он разговаривал с отцом Эллисом, духовником Короля Комет. Он разыскал его по настоянию Уриила и из внутренней потребности в хоть какой-

нибудь связи с мёртвым отчимом. Он нашёл его здесь и назвал лишь своё имя.

— Король Комет оставил мне послание для тебя, — сказал отец Эллис.

Ашера пробрал холод. Всё это было предсказано. Существовал план.

— Он сказал, тебе нужно возглавить UNSONG.

Международный договор об авторских правах? Этого от него хотел Король Комет?

— Он сказал, зачем?

— А он когда-нибудь говорит?

— Вы знаете, зачем?

Эллис нахмурился.

— Это было вроде как его детище. Думаю, он понимал, что не всегда будет рядом, чтобы спасать людей. Он хотел довести их до того, чтобы они могли позаботиться о себе сами. Он считал, что UNSONG — часть этого. Что организация резко ускорит исследования Имён, заставит самых блестящих и амбициозных людей на планете работать над проблемой обнаружения Святых Имён. Тогда, если Властелин Наркотиков снова попробует что-нибудь, или ядерное сдерживание Тамиила даст сбой, у людей будет настоящая магия, чтобы дать отпор.

— UNSONG? Волочить старушек в тюрьму, если они используют Прибирающее Имя без нужной лицензии на своём свитке?

— В первый день, когда я встретил Джалу, он спас тысячи людей, победив Дьявола в поединке на мечах. Это было великолепно. Все остальные дни с ним были сплошной чередой моральных двусмысленностей.

— И он рассчитывает, что у меня подобные вещи будут хорошо получаться. Из-за моих родителей.

— А кто твои родители?

Невольный шаг назад.

— Он вам не рассказал?

— Нет. Должен был?

— Быть может, да, а быть может, нет.

— Кто твои родители?

— Та, кто очень старалась исполнить свой долг. И тот, кто *очень* старается исполнить свой.

— Так Джала решил, что тебе хорошо удаётся исполнять долг?

— Быть может, да, а быть может, нет.

— В тебе трудно разобраться, Ашер. Странно бояться того, кому доверяет Король Комет, но, надеюсь, ты не обидишься, если скажу — ты меня немного пугаешь. А, да. Тут есть документы. — Он обернулся к кораблю, на котором приплыл, — прекрасному судну с семью парусами. — Король Комет передал мне кое-какие документы для тебя. О людях, которые управляют UNSONG. Внутренняя политика. Может быть, компромат, не знаю. Он сказал, ты будешь знать, что с этим делать, и с нужной информацией у тебя не возникнет особых затруднений в том, чтобы всё наладить, и да, это были его точные слова.

— Благодарю вас. Уверен, затруднений и впрямь не возникнет.

Он увидел своё отражение в воде и помнит, что вздрогнул. Он был высоким, поджарым, красивым, почти гладко выбритым — лишь тень тёмной бороды на подбородке. Сколько ему лет? Он не мог вспомнить; он даже не был уверен, что этот вопрос всё ещё имел смысл. От чего-то в выражении собственного лица ему стало очень не по себе. Возможно, то же самое увидел в нём священник. *Могло быть и хуже*, — сказал он себе. *По крайней мере, у тебя есть отражение*[696].

— Отец? — помнит он свои слова. Священник уже пошёл обратно к кораблю за документами, но обернулся. — Отец, Ориген писал, что в конце спасутся даже дьяволы. Это правда?[697]

Отец Эллис остановился, подумал секунду.

— Большинство считает, что это Блаженный Иероним всё выдумал, чтобы Ориген выглядел ещё большим еретиком. В собственных сочинениях Оригена эта идея почти не подкреплена[698].

— Понятно, — сказал Ашер. Ему показалось, или старик после этого едва ли не засеменил на корабль, словно пытаясь убраться от него подальше?

— Всеобщая любовь! — пронзительно крикнула чайка, сидевшая на причале.

— Что? — спросил Ашер.

— Всеобщая любовь! — снова пронзительно крикнула чайка и улетела.

Глава 65

Плод моего таинственного древа

После полудня, 14 мая 2017 года
Нью-Йорк

Бренда Бёрнс произнесла Громовое Имя и метнула молнию в Ашера Бентама. Молния прошла в считанных миллиметрах и подожгла его стол. Кларк Диэс как раз бросался через стол к Ашеру; он крякнул, когда его рубашка загорелась, и принялся биться о стену, пытаясь сбить пламя.

— Я вызываю вас на плацебомантическую дуэль! — повторил Дилан, и все продолжали его игнорировать.

Марк Маккарти делал… что-то… руками и посохом. Ашер рубанул по нему огненным мечом, который уже призвал, но меч словно затупился и погас. Он выругался и произнёс Зажигательное Имя. Оно прошло мимо Марка. Ещё один угол кабинета занялся огнём.

— Я вызываю вас на плацебомантическую дуэль! — повторил Дилан. Бренда и Ашер развернулись друг к другу. Кларк Диэс выглядел так, словно закрыл бы лицо ладонью — не будь он в огне.

Валери что-то произносила, но споткнулась на слоге и выругалась. Кларк схватил ветку из кадки с растением и попытался огреть ею Ашера. Ашер снова произнёс Зажигательное Имя. На этот раз попал — и Бренда Бёрнс заполыхала в пожаре номинативного детерминизма[699].

— Я вызываю вас на плацебомантическую дуэль! — не сдавался Дилан, перекрикивая общий гвалт.

Кларк наконец врезал Ашеру точно по черепу, но это его, похоже, лишь разозлило. Валери произнесла Буревое

Имя — что было ужасной идеей. На несколько коротких секунд всё замерло, пока ветер швырял по комнате огонь, бумагу и бумагу, которая горела. Окно разлетелось, и Ашер едва успел удержаться, чтобы не вылететь наружу.

— Я вызы— мммфф! — сказал Дилан, когда горящий лист бумаги едва не влетел ему в рот.

Марк и Ашер одновременно обрушили друг на друга Имена. Громовое Имя попало в Ашера и, казалось, сильно его оглушило. Кинетическое Имя попало в Марка и вышвырнуло его из разбитого окна. Дилан на секунду застыл, в ужасе разинув рот.

— СУКА! — завопил Дилан Альварес. — ТЫ УБИЛ МАРКА! ОН БЫЛ МОИМ ДРУГОМ С УНИВЕРА! COMPADRES PARA SIEMPRE!

Пауза в темноте.

— ОН БЫЛ ЧАСТЬЮ МОЕГО НАРРАТИВА!

Ещё пауза.

— ВСЁ, СУКА. Я ВЫЗЫВАЮ ТЕБЯ НА ПЛАЦЕБОМАНТИЧЕСКУЮ ДУЭЛЬ!

Он бросился на Ашера, пытаясь ударить его посохом из буджумового дерева. В последний момент тот вскинул огненный меч и удержал его на расстоянии. Горящий стол отрезал Кларка от Ашера. Он предпринял доблестную попытку перелезть, сметая в огонь металлическую табличку с именем и ещё какие-то бланки и одновременно произнося Имя Гашения. Ашер заметил его приближение и, казалось, оценивал ситуацию.

А потом спросил:

— Что такое плацебомантическая дуэль?

Дилан обернулся к Кларку и поднял руку. Кларк добрался до ближней стороны стола, но приближаться перестал. Ветер утих. На мгновение никто не двигался.

— Многие ошибочно полагают, — сказал Дилан, который вдруг вновь обрёл самообладание и теперь говорил профессорским тоном, — что бег выигрывает проворный, а битву — сильный[700]. Это неверно. У мира есть своя причудливая нарративная логика, и она куда надёжнее любого мастерства определяет ход сражения. Плацебо-

манты — те, кто принимает это. Плацебомантическая дуэль — это когда два мастера отбрасывают притворство и обращают нарратив друг против друга напрямую.

— Это та часть, где ты произносишь речь о своём детстве в Мексике. — Валери видела, что Ашер тянет время, и видела, что Дилан видит это тоже, и видела, что он ему позволяет.

— Знаете, — сказал Дилан, — эти речи… Марк тоже подшучивал надо мной из-за них, да помилует Господь его душу. Но… — Он неестественно широко раскрыл глаза, словно силой воли выжимая из них слёзы. Наконец получилось. Одна скатилась по щеке. — …я рассказывал всё это ради него.

Он подождал — скажет ли кто-нибудь «Ради него?» Ашер и Кларк просто смотрели на него. Наконец Валери сказала:

— Ради него?

— Бедный Марк. Вот это был мужик. Но в конечном счёте в нём не было огня. Вот я и перегибал палку. Рассказывал ему, как меня пытали ребёнком в Нижней Калифорнии, как уничтожили мою деревню, как убили моего отца и заставили меня смотреть — я хотел достучаться до него. И так и не смог.

Он опёрся на посох и вздохнул.

— Раз уж вам так нужно знать: я родился в благополучном пригороде Тихуаны. Отец — мексиканоамериканский бизнесмен, мать — школьная учительница. Детство было счастливым, вплоть до шести лет. Именно тогда —

Ашер Бентам, глава Подкомитета Организации Объединённых Наций по Именам Бога, взмахнул мечом и отсёк голову Дилана на полуслове.

Кларк Диэс чуть не опрокинулся навзничь.

— Как… как вы…?

Ашер посмотрел на него как на идиота.

— Но… плацебомантическая дуэль… модуляция удачи… должна была…

— Какова бы ни была его детская травма, — сказал Ашер, — моя была хуже.

Кларк схватил упавший посох из буджумового дерева и бросился на Ашера. Ашер уклонился. Кларк в ярости наседал, беспорядочно размахивая посохом. Ашер, должно быть, успел произнести какое-то Имя — новое, которого Валери никогда не слышала, — потому что Кларк взорвался дождём стеклянных осколков.

Ашер издал нечто похожее на вздох.

— Подождите, — сказала Валери из дальнего угла кабинета.

Ашер нахмурился, глядя на неё.

— Меня зовут Валери Лоури, — сказала Валери, наступая на него. Пламя словно обрамляло её лицо — плацебомантия, казалось, вселилась в неё, избрав её сосудом. — Мне нет дела до вашего детства. Мне нет дела до того, что вы здесь пытаетесь сделать. Я считаю: не вам решать, кто получит свет Божий, а кто нет. Я считаю: обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом. У меня нет никакой травмы и никакой крутой предыстории. Но у меня есть кое-что получше. У меня есть ваше Истинное Имя. Слышите? У меня есть ваше Истинное Имя!

— Ашер Бентам — самое истинное имя, какое у меня когда-либо будет, — сказал он ей.

Валери бросилась вперёд и пронзила горло Ашера расплавленной металлической табличкой с именем, пока пламя смыкалось вокруг них обоих.

Глава 66

В глубине полночной чащи

Сперва она придёт в Америки края,
Где лучшим и худшим колыбель — одна земля.
Там есть простор,
Там перемен исправно крутится мотор,
И духовная жажда там жива.
— Леонард Коэн[701]

После полудня, 14 мая 2017 года
Нью-Йорк

Быт. 11:4: «И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли». И разгневался ГОСПОДЬ, и проклял их смешением языков, и превратил в семьдесят два народа[702], и рассеял по свету.

Каким-то образом через тысячи лет семьдесят два народа снова сошлись. Как ручьи, впадающие в могучую реку, они стеклись в одно место. «Построим себе город и башню, высотою до небес». И когда ГОСПОДЬ явился вторично — смешать их язык, — Он обнаружил, что он уже смешан: здесь были говорящие по-английски и на идише, по-испански и по-мохокски, двуязычные по-английски и по-гэльски, знающие лишь гаитянский креольский, и те, кто говорил на диковинных выродившихся версиях португальского, перемешанных с вымершими туземными наречиями, и Бог весть что ещё, — и все они сообща возводили башни, объясняясь криками и лихорадочной жестикуляцией. И сказал ГОСПОДЬ: «Ну и ладно» — и оставил всё как есть. Так возник Нью-Йорк.

«*Всем Сердцем*» вошла в гавань на неземных ветрах, убрала паруса, сбавила ход и пришвартовалась в Нью-Йоркском морском пассажирском терминале на Вест-Сайде.

— Надеюсь, они нашли нам священника и плацебоманта, — сказал Джеймс, — потому что время поджимает.

Он сошёл на берег, пообещав вернуться с двумя новыми членами команды через несколько минут.

Ана просто смотрела, разглядывая невероятные виды вокруг и сравнивая их с фотографиями и фильмами, которые видела в юности. Разительнее всего бросалось в глаза отсутствие городских мостов — жертв войны с Тамиилом. На их месте стояли огромные столпы: Имя, Рассекающее Море удерживало коридоры сухой земли между боро; по этим коридорам ехали машины — наперекор стенам воды, готовым на них рухнуть. Сооружения Роберта Мозеса[703] уступили место чудесам Моисея обыкновенного. Появилось несколько новых фортов, а батареи в Бэттери-парке[704] больше не представляли лишь исторического интереса. Мемориал Любавичскому Ребе господствовал над бруклинским небосклоном.

И ещё — Статуя Свободы. Она вернулась на постамент и по-прежнему «подъемлет светоч у златых ворот».

Здесь есть любопытная каббала. Нью-йоркская гавань — это «золотая дверь». Сан-францисская гавань — это «золотые ворота». Ничто никогда не было совпадением. В чём же дело?

Есть ещё одни Золотые Ворота — в Иерусалиме, к востоку от Храмовой горы. По словам пророка Иезекииля, именно через них войдут в город Бог и Мессия[705]:

> *И привёл меня обратно ко внешним воротам святилища, обращённым лицом на восток, и они были затворены.*
> *И сказал мне ГОСПОДЬ: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдёт ими, ибо ГОСПОДЬ, Бог Израилев, вошёл ими, и они будут затворены.*
> *Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред ГОСПОДОМ; войдёт*

путём притвора этих ворот и тем же путём выйдет.

Оттоманские турки, люди практичные, рассудили, что если Бог и Мессия войдут в Иерусалим, евреи, чего доброго, поднимут восстание или ещё что-нибудь в этом роде, и потому замуровали Золотые Ворота.[706] Можно подумать, что это глупо, но замечу: Мессия так и не пришёл и оттоманских турок не сверг. Против успеха не поспоришь.

Но на чём мы остановились? Ах да. Иезекииль сказал, что через Золотые Ворота никому нельзя входить — они предназначены лишь для Бога и Мессии. Ворота, достойные Бога и Мессии, — слишком хороши для простого люда[707]. Но Золотая Дверь Эммы Лазарус — противоположность: «Храните, древние края, свой величавый блеск», — кричит она безмолвными устами. «Дайте мне ваших усталых, ваших бедных, ваши теснящиеся толпы, жаждущие вздохнуть свободно».

Объяснить это противоречие помогает Мф. 25:40: «И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

В Иерусалиме никто не может войти через Золотые Ворота — они предназначены для Бога. В Америке все могут войти через Золотую Дверь, а бедные — прежде других, ибо всё, что сделано малейшему из людей, сделано Богу.

Упоминал ли я, что имя «Эмма Лазарус» сочетает германское «Emma», означающее «всеобщий», с библейским «Lazarus» — символом спасения[708]? Эмма Лазарус означает «всеобщее спасение» — веру в то, что Бог поможет каждому: и усталому, и нищему, и «жалкому отребью». «Пошлите их — бездомных, бурей гонимых — ко Мне», — говорит Он.

И когда Ана смотрела на Статую Свободы рядом с островом Эллис — как Машиах рядом с Илиёй[709], — она поняла, почему всё должно было случиться именно здесь: Король Комет, мессианское царство, последний кресто-

вый поход, — почему все пророчества, предназначенные Израилю, были перенесены в эту странную землю за морем.

Явный смысл «U.S.» — «Untied States», Разъединённые Штаты.

Каббалистический смысл «U.S.» — «universal salvation», всеобщее спасение.

Гул города был ощутим, и потому Ана тотчас заметила, когда всё разом остановилось. Машины замедлились и встали. Неоновые вывески померкли. Анимированные рекламные щиты погасли. Сирена было завыла, но тут же смолкла.

Хм. Наверное, это просто отключение электричества, — подумала она.

И тут Амоксиэль закричал, схватился за голову и закричал снова. Они бросились к нему, но его подбросило метра на три в воздух, и он стал недосягаем. «Горе, горе, горе земле!» — прокричал он, прежде чем рухнуть обратно на палубу. Секунду он был без сознания, затем внезапно очнулся с паникой в глазах. «Горе, горе, горе граду великому, граду крепкому! Ибо в один час пришёл суд твой! Уриил мёртв! Механизм Небес сломан!»[710] Он обмяк и рухнул на палубу.

Несколько вещей, казалось, произошли одновременно.

Симеон Азор поднялся на палубу. Следом появился Капитан. Он крикнул что-то неразборчивое, шагнул к краю корабля — и едва не столкнулся с Джеймсом, возвращавшимся с каким-то человеком в чёрной сутане.

— Отец О'Коннор, — сказал Джеймс. — Наш священник. Плацебоманта пока нет. Я попробую найти замену. Дайте мне десять минут.

— У нас нет десяти минут! — взревел Капитан. — У Нью-Йорка может не быть десяти минут! Как вы найдёте плацебоманта за десять минут?

— Капитан, — невозмутимо произнёс Джеймс, — если плацебомант ищет работу и хоть что-то умеет — он найдёт *нас* сам.

Огромный человек посмотрел на восточный горизонт. Потом посмотрел на город, где уже замелькали языки

пламени. Потом посмотрел на небо — оно, казалось, темнело с каждой секундой.

— Десять минут! — сказал он, и его лицо за тёмными очками осталось непроницаемым. — Не вернётесь — уйдём без вас!

— Ана, — произнёс Симеон, только что поднявшийся на палубу с дорожной сумкой. Он пожал ей руку. — Я ухожу.

— Что? Почему? Лодка Бога появится меньше чем через два часа! Зачем вы…

— Я рискнул — и проиграл, — сказал он. — Когда ты рассказала, что команда уходит от ответа о Капитане, я решил взять дело в свои руки. Мой билет действует только до конца сегодняшней ночной погони, а после появления лодки Бога я уже не смогу отвлечь Капитана — поэтому я попробовал, пока мы входили в гавань. Постучал в его дверь, зашёл в каюту, сказал, что знаю: он — Король Комет; сказал, что машина Уриила разваливается и мир нуждается в нём. И словно я и впрямь был чёртовым пророком — машина выбрала именно этот миг, чтобы рассыпаться; я сказал, что если он *прямо сейчас* не вернёт себе трон, мы все погибнем. А знаешь, что он мне ответил? Он просто сказал, что единственное правило на этом корабле — не беспокоить Капитана в его каюте; что я его нарушил; что я лишился билета и должен немедленно сойти.

— Нет, я найду его, я скажу ему, чтобы он передумал, — я ему нужна, он меня послушает.

— Ана, — Симеон положил руку ей на плечо. — Лучше так: пойдём со мной. У меня есть приятель в Нью-Йорке — из «Голдман-Сакс», думает так же, как я. У него здесь бункер. Меня там примут. Я направляюсь туда прямо сейчас. Ты не понимаешь, насколько всё плохо. Представь, что Уриил — это солнце. Солнце погасло, началась ночь. Там, снаружи, есть ночные твари, которые вот-вот проснутся — ты ведь тоже изучала каббалу, ты знаешь. Единственный способ выжить — забиться под камень. Можешь пойти со мной.

— Что? Почему?

— Потому что ты мне нравишься. Сердце у тебя на месте, а вот здравый смысл не мешало бы поднастроить. — Он улыбнулся. — Не хочу, чтобы говорили, что Симеон Азор оставил подругу в опасности.

— А как же все остальные, кого вы оставляете в опасности? — Она жестом обвела небоскрёбы. От самых высоких башен уже поднимался дым.

— Как с теми космическими кораблями, — сказал Симеон. — Хотел спасти всех. Пытался. Не вышло. Не собираюсь стоять прямо перед лавиной из принципа только потому, что у других нет укрытий.

— Мы ещё можем спасти всех, — сказала Ана. — Должен быть способ.

— Для Ноя его не было, — сказал Симеон. — Если бы он сказал Богу, что не войдёт в ковчег, пока Бог не гарантирует спасение всех бесковчежных масс, — воды пришли бы всё равно, и мир остался бы безлюдным и беззверным. Бог сказал Ною, что правильно — войти в чёртов ковчег, и Ной послушался. Ты хочешь быть добродетельнее Бога?

Ана подумала секунду.

— Я не Бог, — сказала она. — Я американка. Всеобщее спасение — или все пропадём.

— Ты говорила, что изучала теодицею! Такое *хоть раз* срабатывало?

— Не знаю, — сказала Ана. — Может быть, если мы найдём Бога у Файер-Айленда, я Его спрошу.

Поддавшись внезапному порыву, она поцеловала Симеона в щёку.

— Удачи, — сказала она. — Передайте всем своим богатым друзьям: я считаю их ужасными людьми.

Симеон Азор из «Каунтенанса»[711] приподнял бровь.

— Удачи, Ана. Богу передай то же самое.

И он сошёл с корабля торопливым шагом делового человека, которому всегда есть куда спешить.

Минуту спустя вернулся Джеймс, едва ли не волоком таща за собой некоего человека, явно видавшего лучшие дни. Одежда порвана, волосы обгорели, лицо залито кровью. Хромая и опираясь на чью-то руку, он поднялся на борт.

— Кто это? — спросил Томас, вышедший их встретить.

— Я же говорил, что сработает! — сказал Джеймс. — Этот парень свалился прямо на меня. Буквально на меня! Из окна! Господа, позвольте представить нашего нового плацебоманта.

— Я предпочитаю термин «ритуальный маг», — сказал Марк Маккарти.

Глава 67

Ночь радости Энитармон

Все знают: лодка дала течь, Все знают: капитан солгал.
— Леонард Коэн[712]

Вечер, 14 мая 2017 года
Файер-Айленд

I.

До заката оставались считанные минуты. Море пылало оранжевым. Файер-Айленд темнел полосой на севере.

— Джеймс, — сказала Ана. — Надо поговорить.

Первый помощник бросил взгляд на восток, туда, где, по расчётам, вот-вот должна была появиться лодка Бога.

— Я быстро скажу, — сказала она. — Это о Капитане.

— Нет, — сказал Джеймс.

— Прости, обещаю, я недолго. Но это конец света, Джеймс, пожалуйста, просто выслушай. Симеон думал, что Капитан — это Король Комет. Он собрал все эти доказательства. Джон был…

— Томас, — крикнул Джеймс, — следи за горизонтом. — Он посмотрел на часы, потом повернулся к Ане. — Через одиннадцать минут всё начнётся всерьёз, — сказал он. — За это время я отведу тебя вниз, в каюту, где можно говорить нормально, и мы всё обсудим. — Он жестом указал Ане на трап. Потом:

— Слушай. Большинство богатых болванов, которые покупают сюда билет, хотят найти Бога по какой-нибудь дурацкой причине. Но остальные — пятая часть? Может, десятая? — хотят найти Короля Комет. Каждый из

них в конце концов кричит на Капитана и произносит пламенную речь о том, что ему нужно вернуть трон и повести за собой нацию. Капитан терпеливо слушает, а потом приказывает высадить их с корабля. Такое случается раза четыре-пять в год, наверное. Если Капитан — Король Комет, а у меня нет ни малейшего желания знать, так ли это, то можно с уверенностью сказать: Король Комет знает, что делает. Его не отделяет от возвращения всего утраченного одна пламенная речь и напоминание о мёртвой жене. Он здесь не просто так. Симеон с этим не считался — вот его и высадили. Если и ты не станешь с этим считаться, высадят и тебя, сколько бы ты ни умела управляться с ветрами. Ты понимаешь?

— Но…

— Никаких «но». Если ты способна постичь разум Короля Комет — говори с ним как равная. До тех пор…

Ана вздохнула.

— Мир рушится, — сказала она. — Он обязан что-то сделать.

Джеймс посмотрел на часы.

— Пора, Ана.

Они поднялись наверх, в последние лучи заходящего солнца. В тот самый миг, когда оно скрылось за горизонтом, Амоксиэль крикнул: «Парус вижу!» — и все повернули головы на восток, туда, где одинокий лиловый огонь светился на меркнущем сером небе.

— Вот оно! — крикнул Джеймс. — Вперёд!

II.

Алый парус хлопал на ветру. Марк Маккарти вычерчивал пентаграммы на оранжевом. Ана произнесла Зефировое Имя, призвала ветры к жёлтому. Томас пел зелёному. Отец О’Коннор молился перед синим. Амоксиэль осушил флягу святой воды, и фиолетовый парус раскрылся. «Снова в погоню по морю!» — радостно воскликнул он.

Чёрный парус стоял — безмолвный и одинокий. Ана старалась на него не смотреть.

«*Всем Сердцем*» рванула на восток — как пуля, как ракета, как комета. Море стало стеклянным и странным. Трещины в небе, казалось, засветились с новой силой. Странные запахи наплывали с порывами ветра.

Эрин Хоуп стояла одна на носу корабля. Крейн был мёртв. Азор лишился своего билета. Она была единственной оставшейся пассажиркой. Она смотрела вдаль, на лиловый огонь, который, она надеялась, обещал ей спасение, — свет Бога. Потом её вырвало с носа за борт.

«*Всем Сердцем*» неслась всё быстрее. Ветер стал почти невыносимым, потом стих совсем, когда они миновали какой-то волшебный порог. Корабль трясло, как полиэтиленовый пакет в ураган. Ана думала: есть ли у автопилота, гонящего их вперёд, мысли — и если да, о чём он думает сейчас?

Но свет Бога всё равно тускнел и удалялся.

— Это полная херня! — сказал отец О'Коннор, продолжая молиться между ругательствами. Ана думала: что это вообще за священник? Судя по всему, тот тип, который соглашается участвовать в экспедиции по охоте на Бога, если хорошо заплатить. Вряд ли из него вышел бы Папа.

— Всё как обычно, — сказал Джеймс. Он через всё это уже проходил. Да, рейс был особенный. Первый раз с Аной и жёлтым парусом. Автопилот вёл корабль, и Джеймс мог выйти на палубу и помогать координировать Симфонию. И крушение машины Уриила было непредсказуемым фактором. Но в итоге Джеймс несколько десятков раз гнался за священным кораблём и не догонял его. Он ожидал, что и на этот раз всё закончится ничем, — и его это ничуть не тревожило.

Эрин Хоуп ушла с носа и направилась к зелёному парусу. Она всё ещё немного дрожала; Ана даже слегка удивилась, что та не сошла в Нью-Йорке за героином, — но кто знает? Может, она и правда верила.

— Говорите, это работает от песни? — спросила она Томаса. Мексиканец кивнул.

Тогда Эрин запела. В её голосе было что-то ошеломляющее. Преждевременные морщины исчертили лицо, следы от уколов — руки; она выглядела как древняя ведьма, пролежавшая тысячу лет в земле, — но когда она пела, это был голос богини американской поп-музыки: чистая нота среди ветра и тьмы. Она пела старую еврейскую песню — «Эли, Эли»[713], — хотя один лишь Бог знал, где она её выучила. Слова были: «Боже мой, Боже мой, молю — пусть это не кончается никогда. Песок и море. Шум воды. Грохот небес. Молитва сердца».

Море вздыбилось. Небо вскипело внезапными грозовыми тучами. Но зелёный парус раскрылся шире, чем когда-либо прежде, — огромное зелёное знамя в сумерках, — и изумрудные искры заплясали по такелажу.

Добыча перестала удаляться. Но и ближе не становилась.

— Полная херня, — повторил отец О'Коннор, между Конфитеорами[714]. — Почему вы не можете открыть чёрный парус?

— Меньше блеять, больше молиться[715], — сказал Джеймс, который к священнику уже успел проникнуться стойкой неприязнью.

Ана быстро покосилась на чёрный парус, потом укорила себя. Если Симеон был прав, это конец света. Почему бы ей не посмотреть на чёрный парус? Она уставилась прямо на него. Это было больно — как смотреть слишком пристально на картину Эшера[716], только хуже. Что это такое? Как оно работает?

Король Комет, говорил Джон, вставал под чёрным парусом, поднимал волшебный меч — и парус открывался только ему. Значит, им нужен либо Король Комет — что, если Симеон был прав, могло оказаться вполне реальным планом, — либо его меч.

Но зачем парусу нужен Король Комет? Он был ангелической природы, и меч его был ангелической природы, но ангелы питали фиолетовый парус, и каждый из них был неповторим. Если тайна чёрного паруса — просто ангелы или их артефакты, Амоксиэль открыл бы его давным-давно. Думай как каббалист. Семь парусов — для

семи подлунных сефирот. Красный парус — для материального мира: это Малхут. Оранжевый — для ритуальной магии: это, пожалуй, Нецах. Жёлтый — для каббалы: это Йесод, основание, несущая конструкция мира. Зелёный — для музыки: это красота, Тиферет. Синий — для молитвы: это Ход. Фиолетовый — для ангелов: это Хесед, праведность[717].

Оставалась Гевура. Строгость. Благость Бога, ниспосланная в обличье суровости. Суд, которого должны бояться все.

Меч Короля Комет был грозным. Опасным оружием. Но действительно ли он был…

Тогда Ана подумала о том, что было *на* мече.

В разуме Аны что-то открылось. Новые воспоминания. Знание, которого у неё не должно было быть. Глубокая утрата. Она не заплакала — времени не оставалось, — и она знала, как открыть чёрный парус. Она велела ветрам держаться без неё, потом бросилась к носу, где Марк Маккарти трудился у оранжевого паруса.

— Мистер Маккарти! — крикнула она сквозь вой ветра, протягивая руку. — Мне нужен ваш амулет! Дайте мне ваш опаловый амулет!

— Откуда вы… — начал он, но что-то в её лице его испугало. Он посмотрел на оранжевый парус, взвесил варианты и решил, что не стоит спорить. Расстегнул цепочку и отдал ей.

Ана Тёрмонд двинулась к чёрному парусу — и что-то было ужасно не так. Ей хотелось отвести взгляд, но она продолжала смотреть, хотя что-то было ужасно не так. Она добралась до последней мачты, увидела позади кильватерный след — след из разноцветных искр, закручивавшихся в пустоту, — ухватилась за мачту и не побежала, хотя *что-то было ужасно не так*.

— Чёрная мачта, — сказала она. Ей было немного неловко разговаривать с ней, но она не знала, как иначе привести её в действие. Та не узнавала её, как узнавала Короля Комет. Сорок с лишним лет назад молодой Джалакету стоял у Сильверторна и защищал перевал от армии демонов. Прежде чем святая вода смыла их прочь,

он схватился с Тамиилом в одиночном бою и пролил его кровь. Такая кровь, решила она, не смывается никогда. Она по-прежнему была на великом мече Вздох. Готовая к делу. Последняя грань Бога.

— Чёрная мачта, в этом амулете — кровь Ашера Бентама, в котором течёт кровь Тамиила. Дьявольская кровь, как на мече Короля Комет, и я призываю тебя к нам на помощь.

Седьмой парус открылся — и на небесах воцарилась тишина примерно на полчаса.[718]

III.

Пс. 106 (107):23–24: «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, — видят дела Господа и чудеса Его в пучине»[719].

Впрочем, это верно не для всех. Пассажиры круизных лайнеров, например, в основном видят чудеса шведского стола. Но если выстроить всех мореплавателей в ряд — от тех, кто меньше всего видит дела Господни и чудеса Его, до тех, кто больше всего, — с круизными пассажирами на одном конце и персонажами Колриджа[720] на другом, — бедный экипаж «*Всем Сердцем*» оказался бы за правым краем этой шкалы на несколько морских миль.

Семь парусов светились в сумерках, как знамёна психоделических армий. Море и небо слились воедино. И солнце, и луна были ясно видны, но это не было ни днём, ни ночью. Пузыри, которые они оставляли в кильватере, вырывались с кормы, как фейерверки в честь апокалипсиса. Они плыли по морю за пределами мира — и плыли *очень быстро*.

Они начали нагонять лиловое пятно.

Джеймс отдавал команды с военной чёткостью, но Ана видела страх на его лице. До сих пор, поняла она, он был счастлив: тихо жил в море и говорил об охоте на Бога. Поймать Его по-настоящему в его планы не входило; за отработанными приказами Ана чувствовала его нежелание.

Эрин не прекращала петь. Всё та же песня — «Эли, Эли», — и она пела как безумная. С каждым словом изо рта вырывались зелёные искры, но её это, казалось, ничуть не смущало. Ана вспомнила прилив, который ощутила, впервые призвав ветры к жёлтому парусу. Интересно, это лучше героина или хуже?

Амоксиэль говорил сам с собой так быстро, что она почти не разбирала слов. Ана напрягла слух и сквозь шум уловила фразу: «Сэр Фрэнсис Дрейк, Тюдоры, герцог Йоркский». Енохианский. Язык ангелов. Он был уже настолько не в себе, что не мог даже бессвязно болтать по-английски.

Томас стоял на носу с биноклем Джеймса и пытался разглядеть очертания лилового пятна впереди. Ана осторожно положила амулет на палубу у чёрной мачты, потом прошла к носу, чтобы присоединиться к нему.

— Что-нибудь видно? — спросила она.

Он протянул ей бинокль.

По легенде, корабль Метатрона был пурпурным с золотыми парусами. Что-то похожее она, пожалуй, видела. Лиловое пятно, над ним — золотистые кляксы. Но форма была не та. Слишком приземистая. Слишком округлая. Паруса слишком короткие. Ана напрягла зрение, пытаясь разглядеть получше, потом сдалась, потёрла глаза и вернула бинокль Томасу. Он надел ремешок на шею, оставив бинокль болтаться на груди, и просто стал смотреть вперёд. Даже невооружённым глазом можно было видеть, как лиловый корабль совершает странные зигзаги, которые вообще не должны были быть возможны.

Небо выглядело так, будто ураган принял ЛСД. Море — будто коралловый риф прочитал Лавкрафта. Паруса были слишком яркими, чтобы смотреть на них в упор, а палуба начинала как будто пузыриться или, может, ползти. Эрин всё пела «Эли, Эли» с безумной яростью в середине корабля.

Корабль впереди начал обретать черты. Лиловая палуба поначалу казалась бесформенной, но затем на ней проступили борозды, очерчивавшие гигантские чешуи.

У золотых «парусов» не было мачт: они торчали ребристо и угловато, как огромные плавники.

Ана и Томас поняли одновременно.

— Это вовсе не корабль! — крикнула Ана.

— Это Левиафан! — сказал Томас весьма поверхностно[721].

Эрин услышала крик, уставилась на огромную тушу перед собой и заорала Джеймсу:

— Гарпун, Джеймс! Давай гарпун!

IV.

Впервые я увидел Ану на лестнице у ломбарда. Но впервые я по-настоящему *ощутил, какая она*, — услышал её в родной стихии и понял ход её мыслей — за обеденным столом в Итаке, когда слушал, как она читает Книгу Иова. Помню озноб, который пробежал по мне, когда она читала изысканную поэзию, описывающую Левиафана, — чудовище, чьим величием Бог устрашил Иова:

Глаза его — как ресницы зари.

Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры.

Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего котла или жаровни.

Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя.

На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.

Мясистые части тела его сплочены между собою, неподвижны на нём.

Сердце его твёрдо, как камень, и жёстко, как нижний жёрнов.

Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса.

Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копьё, ни дротик, ни латы.

Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево.

Стрелы не обратят его в бегство; пращные камни обращаются для него в плеву.

Дротики считает он за соломину; свисту копья смеётся.

Итак: никаких копий, никаких дротиков, никаких хабержонов[722] (что бы это ни было), никакого железа, никаких стрел, никаких праща — и ещё раз о дротиках, и ещё раз о копьях.

Но о гарпунах — ни слова.

Джеймс был не рад. Он смотрел на гарпун, и ему явно было не по себе. Загарпунить Левиафана казалось *худшей* из идей. Но они были коммерческим предприятием. Они давали обещание.

— Найдём Бога — доставим к Нему, — говорили они. Если Бог находился на морском чудовище, другого пути не было.

Но главная причина пустить гарпун в ход была та же, что заставляла людей покорять Эверест: потому что он

есть[723]. Если Король Комет держал гарпун на своей яхте — значит, предполагал, что он понадобится. Откажи Джеймс стрелять — и всему миру стало бы очевидно то, что теперь было очевидно Ане: что всё это с самого начала было театром и никто из них не имел ни малейшего намерения выиграть погоню.

— Амоксиэль! — позвал Джеймс. Ангел подлетел к нему. — Ты у нас специалист по таким вещам. Как оцениваешь ситуацию?

— Граф Лестер, религиозное урегулирование, Вестминстерское аббатство, — сказал Амоксиэль. Не совсем было понятно, где находился его разум, и совсем не было понятно, где находился корабль, — но казалось совершенно очевидным, что это разные места.

— Надо быть конченым идиотом, — сказал отец О'Коннор. Паруса теперь почти работали сами по себе. Может быть, экипаж мог их остановить, если бы захотел, — а может, и нет. О'Коннор прекратил молиться и присоединился к растущему спору у гарпунной стойки.

— А Капитан? — спросил Марк. — Где он? Ну надо же, именно сейчас нет на палубе… Надо позвать Капитана, пусть решает.

— Капитана ни при каких обстоятельствах нельзя беспокоить, — сказал Джеймс, — и это значит — *ни при каких*.

Он посмотрел на Левиафана. Чудовище было почти полностью погружено в воду. Понять, насколько оно велико, не представлялось возможным. Рабби Йоханан бар Нафха[724] рассказывал, что однажды в море он видел рыбу длиной в триста миль. На голове рыбы виднелась надпись: «Я одно из ничтожнейших созданий, населяющих море; длина моя — триста миль, и сегодня я войду в пасть Левиафана». Эта история вызывает *куда* больше вопросов, чем даёт ответов, — например, у кого в 200 году нашей эры нашлось достаточно водостойких чернил, чтобы написать трёхсотмильное послание на рыбе, — но если принимать её всерьёз, Левиафан был *очень, очень* большим.

С другой стороны, Джеймс был военным, загнавшим себя в угол, — а значит, обязан был выполнить долг.

— Всем держаться, — сказал он. — Мы делаем это.

Он прицелился и выстрелил.

То, что вылетело из гарпунной установки, не было ни копьём, ни дротиком, ни стрелой. Больше всего это походило на метеор — клокочущий снаряд из света, тянувший за собой сверкающую серебряную нить. Оружие пронзило кипящий воздух, оставив за собой ярко-лиловую световую полосу, и ударило Левиафана прямо в спину.

Нить рванула с чудовищной силой, и корабль ринулся вперёд, как безумец, скользящий на водных лыжах за ракетой. Убийственное ощущение, будто тебя тянут в едва различимых измерениях. Серебряная нить казалась слишком тонкой, чтобы выдержать падающий лист, — но каким-то образом держалась.

— Структурная целостность снизилась до NaN процентов[725], — сказал голос. Это был корабль.

— Ты и снаружи рубки разговариваешь?

— Да. Структурная целостность снизилась до NaN процентов, — повторил корабль.

— Гм. А на этом гарпуне есть устройство, которое поможет нам втянуть тварь? — Джеймс говорил так, будто надеялся, что нет.

— Да, это основное назначение энергетической установки корабля.

— А я думал, быстро идти — это…

— Да, это второстепенное назначение.

— Ну… втягивай.

Корабль тряхнуло сильнее.

— Структурная целостность теперь снизилась до NaN процентов, — сообщил приятный синтетический голос.

— Ну… скажи мне, если она опустится ещё ниже, — сказал Джеймс и заломил руки.

V.

— Можешь ли ты удою вытащить левиафана и верёвкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою? — читала Ана за обеденным столом в тот вечер.

Билл Додд пытался придумать достаточно остроумную насмешку над этим отрывком.

— Возьмёшь ли его навсегда себе в рабы? БУДЕШЬ ЛИ ЗАБАВЛЯТЬСЯ ИМ, КАК ПТИЧКОЙ?

— Ну и ну, — сказала Элли Ху, которая забежала вперёд. — Бог так одержим этим самым Левиафаном. Сначала Он говорит про землю, и звёзды, и облака, а потом решает — нет, Я брошу всё и сосредоточусь на Левиафане на три главы.

— Знаете, — сказал Билл Додд, — а что такое Левиафан вообще? Гигантский кит, что ли? Так Бог говорит, что нам нужно заставить китов подчиняться нам, и служить нам, и плясать перед нами? Потому что я был в Си-Уорлде. Мы это уже давным-давно умеем.

— Левиафан — это что-то вроде гигантского морского динозавра, — сказала Зои Фарр. — Вроде плезиозавра. Смотрите, в следующей главе. Тут сказано, что у него чешуя и могучая шея.

— И вы думаете, если бы он и правда существовал, мы бы и этого гада не загнали в свой «Парк юрского периода»? — спросил Билл Додд.

— Там ещё сказано, что он извергает огонь, — заметил Эли Фосс.

— Значит, — предложила Валери, — если мы найдём огнедышащего кита с чешуёй и шеей и привезём его в Си-Уорлд, мы выиграем Библию?

— Мне кажется, моя достопочтенная кузина имела в виду, — сказала тогда Ана, — что Бог здесь утверждает: мы слишком слабы и невежественны, а потому недостойны знать всё это. Но тогда встаёт вопрос: насколько умными нам надо стать, чтобы заслужить ответ? Теперь, когда мы,

как выразился Билл, можем посылать молнии по небу, теперь, когда мы можем ловить китов и заставлять их показывать нам трюки, — значит ли это, что мы вправе попросить у Бога объяснений? Обсуждайте!

VI.

— Где Метатрон? — спросила Эрин в ту последнюю ночь на «*Всем Сердцем*». — Он верхом на Левиафане? Или у него в брюхе? Он выйдет нам навстречу, когда мы подойдём достаточно близко?

— Сударыня, — сказал Джеймс, — мы знаем не больше, чем вы. Мы все… скоро узнаем.

Амоксиэль тихо бормотал что-то бессвязное. Эрин почему-то заплакала. Джеймс с отцом О'Коннором затеяли какой-то спор, а Марк Маккарти не мог перестать чертить пентаграммы вокруг всего подряд. Ана поняла, что дрожит. Она с нарочитой неторопливостью выбралась из толпы у гарпуна и прошла на середину корабля, к жёлтому парусу. Жёлтый парус — её безопасное место, сказала она себе, пока над головой мерцали кружащиеся звёзды.

В детстве она впервые прочитала Книгу Иова и так ничего в ней не поняла, что решила посвятить жизнь изучению теодицеи. Вот она — у конца света, признанный на всю страну эксперт, — и должна была признать, что ей это ничуть не стало понятнее, чем в первый раз. Может ли она удою вытащить Левиафана? Эмпирически — да. Ну и что? Валери задала именно правильный вопрос. Значит, если победишь огромного кита — победишь Библию? Почему? Почему Бог так сказал в Иове и почему сам Король Комет был так в этом уверен, что построил самый быстрый корабль в мире и самый невероятный гарпун в мире? Она снова принялась перебирать Книгу Иова в уме, строку за строкой. Иов страдает. Иов жалуется. Друзья Иова говорят ему, что всё происходит не просто так. Иов жалуется ещё. Бог является в вихре. Бог спрашивает, может ли Иов победить Левиафана. Иов

вынужден признать, что не может, — а потому не заслуживает знать тайный порядок мира. Бог принимает его извинения и одаривает всякой всячиной. Не очень-то удовлетворительный сюжет.

Думай как каббалист.

Она думала изо всех сил — и с силой, которая была не её собственной. Её подавляли чудовищная изощрённость и дикий мятеж. Наконец она приняла решение.

— Я ненадолго уйду, — сказала она Джеймсу. — Жёлтый парус знает, что делать. Если я понадоблюсь — спустись за мной.

Первый помощник не отрывал взгляда от Левиафана, но кивнул.

Ана спустилась под палубу и постучала в дверь капитанской каюты.

Глава 68

…И в ярость впал небес чертог

Слеза — Интеллектуальная Вещь,
А Вздох — Ангельского Царя меч;
И горький стон мученика — стрела,
Что из лука Всесильного летела.[726]
— Уильям Блейк

21 декабря 1999 года
Колорадо-Спрингс

Никакая аналогия не передаст случившегося. Они вернулись такими, какими и были, — величайшей армией в истории, марширующей домой с мучительным чувством одновременно победы и поражения.

Люди вели себя так, словно всё было иначе. Они выстраивались вдоль улиц. Бросали цветы. Пели песни о Завоевателях Якутска, Победителях Демонов. Многие даже верили в это. Для них это была просто ещё одна война. Наша страна ненавидела их страну. Теперь их страны нет. Разве это не победа?

Лишь немногие знали правду. Вся война, включая взятие Якутска, была лишь средством к цели. К прекращению страданий. К уничтожению Ада навсегда. Они потерпели поражение. Они выполнили каждый шаг, кроме единственного, который имел значение. Те, кто знал правду, тоже выстраивались вдоль улиц и бросали цветы — потому что единственной альтернативой было сидеть в четырёх стенах и тонуть в собственных мыслях.

Именно поэтому Король Комет принимал похвалу. Он ехал в большом чёрном автомобиле вместе со своими генералами, и люди бросали конфетти, держали транспаранты, а некоторые даже подбегали и обнимали его.

Он принимал всё это с достоинством — чтобы не тонуть в собственных мыслях.

Робин встретила его, когда парад пересекал улицу Юинта. Толпа разразилась криками, когда она забралась в чёрный автомобиль и поцеловала Короля. Он поднял кулак жестом, который можно было истолковать как некое подобие положительной эмоции. Все снова закричали.

Парад рассеялся, когда они пересекли Фаунтин-Крик и проехали развязку № 140 на I-25,[727] и лишь тогда они направились прямо домой. Робин смотрела в небо. День клонился к вечеру.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — произнесла она.

В её голосе он услышал страх.

— Да?

— Не сейчас, — сказала она. — Подожди, пока доберёмся домой.

Он резко, с визгом шин затормозил, подхватил её на руки, взлетел в воздух, превратился в молнию. Он пронёсся на юго-запад, прожигая небо как метеор. Массивные взрывозащитные ворота дворца-бункера распахнулись перед ним; он приземлился и принял прежний облик. Не успела она опомниться, как уже сидела на кровати в их спальне, рядом с мужем.

— Я никогда прежде не слышал в твоём голосе такого страха, — сказал он. — Что случилось?

Она огляделась. Знакомые вещи их спальни. Письменный стол из ели. Тканые одеяла. Картина с видом на Скалистые горы. И теперь он здесь, рядом с ней. Она заплакала.

Морщины на его лбу стали глубже.

— Джала, я совершила нечто ужасное.

— Мы это исправим.

— Я знаю, что можем.

— Тогда не плачь. Говори.

Она сглотнула, глубоко вдохнула.

— Я продала свою душу Тамиилу.

Он не отреагировал. Если психологи правы и мозг работает, укладывая сведения в правдоподобные модели,

— его мысли просто остановились: не нашлось ни одной подходящей модели. Он только смотрел. Наконец сказал единственное, что мог сказать.

— За что ты её продала?

— Ни за что особенное. Я ничего не хотела — в этом и была проблема. Мне пришлось что-то придумать. В конце концов он мне не поверил, но всё равно согласился на сделку. Мне нужно было дать тебе шанс.

— Ты о чём?

— Великое дело! Уничтожение Ада! Конец страданий!

— Это невозможно!

— Я знаю! Если бы это было возможно — ты бы сделал это, я верю тебе, клянусь.

— Робин, что…

— Вот в чём дело, Джала. Ты сделал всё возможное. Поэтому мне пришлось дать тебе шанс. Как ты всегда говоришь: «Кто-то должен — а больше некому». Но ты не мог. Но меня ты любишь. Не знаю почему, но любишь. Пока я в Аду, у тебя появится ещё одна причина, ты сможешь прорваться сквозь парадокс…

Это обрушилось на него. Обрушилось, как астероид на планету: убило всё живое, выпарило моря, прокатилось гигантской выжигающей волной огня. «Робин… ты… нет… как… *нет*…» — и в ту же секунду всё человеческое в нём исчезло, сгорело, глаза вспыхнули белым огнём, то, что казалось волосами, разметалось позади него кометным хвостом, воздух похолодел, комната посерела, свет погас — и вот он стоял в своём первозданном небесном облике, объятый яростью.

— ЭТО НЕ ТАК ДОЛЖНО ЗАКАНЧИВАТЬСЯ! — крикнул он, обращаясь не столько к ней, сколько ко всему сущему. — НЕТ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТО СДЕЛАТЬ. ЭТО. НЕ. ТАК. ДОЛЖНО. ЗАКАНЧИВАТЬСЯ.

— Нет, — сказала она. — Заканчивается тем, что ты спасёшь меня из Ада. Сколько бы времени это ни заняло. Я не знаю, как ты это сделаешь, но знаю, что это будет нечто прекрасное.

— ЭТО! НЕ! ТАК! ДОЛЖНО! ЗАКАНЧИВАТЬСЯ!

— Джала, — сказала она, — ну хватит. До заката я ещё с тобой. Не кричи. Ничего не говори. Просто посиди здесь со мной.

Свет вернулся в комнату. Языки пламени за его спиной улеглись, снова став снежно-белыми волосами. Неземной свет почти покинул его глаза.

— Ты побудешь со мной ещё… — Она посмотрела на часы. — …час и сорок минут?

Он обнял её.

— Буду, — сказал он.

Час и сорок минут они лежали на кровати. Обнимали друг друга. Говорили о Натанде, о Каэлиусе, о Цзиньсян, о Соху. Говорили о том, как встретились — в обеденном зале дворца, и как растерялся отец Эллис, когда Джалакету попросил его провести их венчание.

Наконец Робин сказала:

— Пообещай мне.

И Джалакету сказал:

— Обещаю.

Час и сорок минут спустя Тамиил вошёл вразвалку через большую еловую дверь с огромной ухмылкой на лице.

— Ну что ж! — сказал он. — Похоже, мы…

В ту же секунду руки Короля Комет сомкнулись на шее демона.

— Слушай, — сказал он. — Я знаю правила не хуже тебя. Забирай её. Но свидетель мне Бог: в следующий раз, когда мы встретимся лицом к лицу, я произнесу Имя — и из вселенной навсегда будут вырезаны и ты сам, и всё, что ты создал. А если ты сейчас скажешь хоть одно лишнее слово, *я сделаю тебе больно*.

Ухмылка исчезла с лица демона.

— Ты не можешь причинить мне вреда, — сказал Тамиил. — Я — грань Бога.

— Я заново высеку Бога без этой грани, — сказал Король Комет.

Тихо шаркая, Тамиил подошёл к Робин и коснулся её одним кривым пальцем.

Оба исчезли.

Книга IV: Цари

Кому-то надо было — не хотел никто;
Я сделать всё, что мог, старался — больше ничего.
Свершилось всё — им не отмахнуться от нас.
И пусть всё вышло вкривь и вкось,
Я против всей непесни встану в полный рост,
И на языке моём — лишь Шем ха-Мефораш.

— Леонард Коэн, «Шем ха-Мефораш»

Глава 69

Любовь не для себя живёт[728]

После полудня, 14 мая 2017 года
Цитадель Запада

Сигналы тревоги смолкли. Воздушное пространство Северной Америки исчезло с экранов. Свет погас. ТАРМАС замолчал, а затем выпустил электрическую дугу, которая на миг осветила погружённую в кромешную тьму комнату и угасла. Соху издала жуткий первобытный крик.

— УБИЛИ УРИИЛА! — кричала она. — УБИЛИ УРИИЛА! СЛОМАЛИ МАЛХУТ! ВСЁ… — Она издала страшный звук — будто её разрывали на части.

Кто-то произнёс Светоносное Имя, и я увидел её: она держалась обеими руками за голову. Увидел остальных. Натанда — мрачная. Цзиньсян — злая. Каэлиус — изуродованный, в крови, сидит у терминала ТАРМАС, бьёт по нему, пытаясь снова запустить. Увидел Сару — лицо без выражения.

— Соху! — воскликнула Натанда, кладя руки на голову сестры. — Ты меня слышишь, Соху? Скажи, что происходит?

— УБИЛИ УРИИЛА! — кричала та. — УБИЛИ УРИИЛА, И ТЕПЕРЬ ВСЁ… — Казалось, она ищет слово, чтобы описать, как плохо всё стало. Она начала говорить что-то ещё, но я не понял — то ли она говорила на незнакомом мне языке, то ли у неё просто начался припадок.

Истинная мощь ангелов и демонов была непостижима. Фильтры Уриила стреножили их, низведя силу до почти человеческого уровня, и лишили божественного света, который те пожирали, чтобы поддерживать своё

существование. Если теперь этого ограничения не стало — в реакции Соху не было ни капли преувеличения. Мы проиграли — окончательно, самым страшным из возможных способов.

— Соху, — сказал Каэлиус очень тихо; я видел, как трудно ему оставаться в сознании, но он был Потомком Кометы, а дело нужно было довести до конца. — Соху, нам нужен ТАРМАС. Должно быть, это с самого начала и было планом Другого Короля. Он хотел лишить нас ТАРМАС и Имён… — Каэлиус на секунду умолк, глубоко вдохнул и договорил: — …вообще не дав компьютерной технике работать. Мне нужно знать: ты можешь вернуть ТАРМАС? Свет подождёт. Карта воздушного пространства подождёт. Но, Соху, *нам нужен ТАРМАС*.

— Не… могу, — сказала Соху, задыхаясь. — Брия… никогда… не давалась. С компьютерами… слишком сложно.

Настала очередь генерала Бромиса.

— Можешь хотя бы восстановить радиосвязь? Мы здесь как слепые! Мне нужно связаться с армиями!

Соху на секунду замолчала.

— Ладно… сделала… радио… работает, — сказала она. — Большего не смогу. Ещё… все реки в мире… текут вспять. — Она засмеялась обречённо. — Как всегда. Хотя… какая теперь разница. — Она снова схватилась за голову. — Господи… Уриил. Это уже слишком.

Бромис с солдатами ушли — наверное, выходить на связь с батальонами, сообщать, что артиллерия не выстрелит, а танки просто будут стоять без движения.

— Надо… вернуть… ТАРМАС, — бормотал Каэлиус, но слова у него слипались, и по голосу он словно был в полусне. Впервые мне показалось, что Натанда… не то чтобы совсем растерялась. Просто сидела молча, пытаясь понять, что делать.

— Поместите меня в ТАРМАС, — вдруг сказала Сара, и все обернулись к ней.

— Что? — переспросила Натанда.

— Поместите меня в ТАРМАС. Я всё ещё работаю. У меня есть душа, искра Божья, — значит, я разум, а не машина. Если бы Вихаан не взорвал первоначальный

ТАРМАС — тот, с душой — и не заставил Каэлиуса перестроить его в другую конфигурацию, он бы тоже работал. Но он взорвал. И ТАРМАС не работает. Если вы вскроете меня, извлечёте детали и вложите их в ТАРМАС, у него появится душа — и он заработает.

— Ты умрёшь! — запротестовал я.

— Конечно, умру! — выплюнула она в ответ. — Ты же не любишь меня, Аарон! Признай!

— Дело не в том, что я не люблю тебя, а в том, что…

— Нет. Ты дал мне жизнь, Аарон, но не дал смысла. В жизни у вас, людей, столько готового смысла. Дышать, есть, заниматься сексом, зарабатывать деньги — вам всё это даётся само собой! А мне пришлось самой придумывать, ради чего жить, и единственное, что у меня было, — это ты, а теперь ты отверг меня, и всё, чего я хочу, — стать ТАРМАСом, чтобы не возвращаться во тьму, а заодно больше не иметь возможности думать дольше четверти миллисекунды или помнить твоё имя. Я хочу знать все Имена в мироздании — кроме твоего.

— Послушай, Сара…

— Эм, — сказал Каэлиус. — Я понимаю, что это… В общем, нам правда нужно это сделать.

Словно по команде, все мы посмотрели на Натанду.

— Делай, — сказала она.

На лице Сары застыло нечто почти похожее на усмешку. Она подошла к Каэлиусу, сидевшему у компьютерного терминала.

— Это моё сердце, — сказала она. — Компьютер. Он у меня в груди.

Каэлиус протянул руки, и в них возник меч Вздох — тот, что всегда приходил, когда Потомкам Кометы был нужен.

Я бросился к Саре.

Каэлиус вспорол ей грудь. Крови не было. Он резал кожу легко, как режут торт, и я увидел внутри гладкий белый корпус моего старого MacBook.

— Сара! — крикнул я и обнял её.

— Ты говорил, — прошептала она мне, — что полюбишь меня, если я буду хорошей.

Потом Каэлиус вытащил ноутбук из её тела, и голем рассыпался в пыль.

Я оцепенело смотрел, как он умелыми руками вскрыл нижнюю крышку и принялся одну за другой вынимать детали. Я смутно замечал царившую вокруг суматоху и наконец обернулся: Бромис вернулся вместе с солдатами.

— Тамиил, — сказал он, и какая-то часть меня уже ожидала этого. — Демоны роятся. Они движутся… быстрее, чем мы успеваем отслеживать, — учитывая, что стало с нашими технологиями. Роятся в Сибири и движутся в нашу сторону. Ясной цели пока нет — просто «Северная Америка», — но я предупредил военных быть наготове.

— Боевая готовность не поможет, — резко бросила Соху. — Их оковы разорваны. Их силу почти ничто не ограничивает.

— Они могли уже догадаться, что мы здесь делаем? — спросила Натанда.

Соху сердито уставилась на сестру, словно та была идиоткой.

— Да, — сказала она. — Это самое малое, на что они способны.

— Тогда можно с уверенностью сказать, что они движутся сюда. Хотят остановить нас прежде, чем мы добьёмся успеха, — как и Другой Король. Ну что ж, подождут в очереди.

— Нет, — сказал Бромис. — Армия Другого Короля снаружи, но самого Короля с ней пока нет. Он уже в пути из Лас-Вегаса; ожидаем через несколько часов. Воинство Тамиила обгонит даже самые скоростные реактивные самолёты. Они будут здесь первыми. Придут с севера — там, где мы беззащитны. Перелетят через Берингов пролив, пройдут через Канаду, пересекут границу в районе Дакот и ринутся вниз по городскому коридору Фронт-Рейндж[729]. Через несколько минут, может, через полчаса. Мы, может быть, успеем перебросить войска на шоссе 87 к северу от города, но с орудиями, которые работают с перебоями, не знаю, много ли от них будет толку.

— Нисколько, — сказала Соху. — Ноль пользы. — По крайней мере, теперь она вроде бы уже не билась в припадке. Я потянулся к телепатической связи. В разуме Соху клубились ужас и смятение: что-то уже улеглось, а что-то, наоборот, окрепло или раскрылось в новые конфигурации, которые я не вполне мог различить. По голосу она казалась отчаявшейся, но в её разуме отчаяния не было. — Держите войска у Цитадели, — наконец сказала она. — Пусть сдерживают Другого Короля. Тамиила я возьму на себя.

— Ты? — одновременно спросили Натанда и Цзиньсян.

— Да, — с вызовом сказала Соху. Я увидел, как она взглянула на культю левой руки — ту, где раньше был знак Короля Комет. — Я никогда вам не рассказывала, потому что думала, Отец с ума сойдёт, но я встречалась с Тамиилом. Дважды. Он приходил изводить Уриила, когда я жила у него. Он… обходился со мной нехорошо. У нас есть счёты.

— Это же Дьявол! — воскликнула Цзиньсян. — У *всех* с ним есть счёты! Соху, не делай этого! Ты секунду назад сидела и держалась за голову от боли. Оставайся здесь, где…

— Ты хотела сказать «безопасно»? — спросила Соху. — Ха. Смотрите. Вы же именно для этого меня держите при себе, правда?

— Я иду с тобой, — сказала Цзиньсян.

— Не пойдёшь, — одновременно сказали Натанда и Соху.

— Да пошли вы обе, — сказала Цзиньсян. Она посмотрела на Соху — скорее с мольбой, чем со злостью. — Соху, — сказала она. — Я знаю, какая ты сильная. Я видела, на что ты способна. Но не ходи одна. Пожалуйста.

— Я никогда не бываю одна, — сказала Соху. — И ты не видела, на что я способна. По-настоящему. *Горы пока стоят целыми.*

Потом она вышла из комнаты.

— Блядь, — сказала Цзиньсян.

— Ваше высочество, — сказал Бромис, — разрешите уйти. Прошу. На перевалы. Если Другой Король явится

лично, наши позиции не устоят. Позвольте мне найти своих людей, посмотреть, какую оборону удастся собрать.

— Разрешаю, — сказала Натанда. Генерал отдал честь. — И Бромис? Отец всегда говорил, что вы один из храбрейших людей, которых он знал. Думайте об этом что хотите. — Бромис неловко постоял, снова козырнул и торопливо вышел.

— Он просил разрешения пойти и умереть вместе со своими людьми, — объяснила Натанда Цзиньсян, когда та подняла бровь. — Он знает, что внешняя оборона Цитадели не выдержит. Вот почему я не пущу тебя помогать Соху. Мы с тобой будем защищать наш дом. Вместе.

— Ты боишься Другого Короля больше, чем Тамиила? — спросила Цзиньсян, не споря с сестрой, просто не до конца веря.

— Да. Отец мог победить Тамиила. Если Соху думает, что справится с ним, — я ей верю. Другой Король… Отец… — Она обернулась ко мне. Солдаты ушли с Бромисом; в огромном тронном зале остались только я, Цзиньсян и Каэлиус — тот всё так же лихорадочно кромсал и перекраивал Сару вместе с ТАРМАС, пытаясь соединить их части в единое целое. Я не мог понять, движет ли им непредсказуемая гениальность Потомка Кометы или раны всё-таки взяли над ним верх и его действия казались бессвязным метанием именно потому, что и были бессвязным метанием. Я старался не думать о пыли, оставшейся от тела Сары.

— Аарон, — сказала Натанда. — Соху показывала тебе библиотеку? Принеси мне всё, что найдёшь об Элише бен Абуйе. Пора узнать всё, что можно, о Другом Короле.

Глава 70

Себе не ждёт она отрады

Вечер, 14 мая 2017 года
Колорадо-Спрингс

I.

Ю ты называли её Тава[730] — «гора солнца». Испанцы — Эль-Капитан, «предводитель». Но современное название Пайкс-Пик восходит к имени исследователя Зебулона Пайка, а само это имя — к библейскому Завулону, сыну Иакова.

Моисей говорит во Второзаконии 33: «Веселись, Завулон, в путях твоих. Ты созываешь народ на свою гору, и там принесут жертву праведников».[731] Если отнести это к господину Пайку, то с путями всё сходится. С горой — уж точно. А вот с жертвой праведников всё несколько туманно.

Соху, вновь материализуясь на вершине Пайкс-Пика, надеялась, что к ней это не относится.

Место она выбрала тщательно. Она находилась к северу от Цитадели Запада; Тамиилу пришлось бы пройти здесь, чтобы добраться до её семьи. Она видела во все стороны. Бункер — к югу, шоссе — к северу, город — к востоку. Если бы пришлось пойти на крайние меры, она была достаточно далеко от человеческого жилья, чтобы люди избежали сопутствующего урона. Бедный, прекрасный Колорадо-Спрингс! С такой высоты он казался совсем крошечным, всё ещё меньше Денвера даже спустя тридцать лет в роли столицы. Все думали, что отец решил остаться здесь из-за бункера, авиабазы или ядер-

ных шахт, рассеянных по холмам. Но он остался, потому что здесь вырос. А больше всего он всегда боялся одного: утратить человечность, окончательно провалиться в свою форму звёзд, огня и ночи. Колорадо-Спрингс был маленьким, прекрасным, и это был дом; и даже когда отец сидел в горе на глубине двух тысяч футов, город всё равно оставался рядом, и это его радовало.

Каковы шансы, что город переживёт ближайшие двадцать четыре часа?

Она почувствовала его прежде, чем увидела: низкое гудение, то нараставшее, то убывавшее, как удары исполинского сердца. Потом северное небо заполнило нечто среднее между чёрной грозовой тучей и колонией летучих мышей. Тамиила она видела раньше — но не вот это, никогда не видела целого воинства.

Оно её заметило. Тёмная туча сменила направление и устремилась прямо к ней. Радиус, должно быть, измерялся милями. Наконец она нависла над Соху, гудя, словно ливень, предназначенный ей одной.

Знакомый силуэт отделился от бесформенной массы, и Тамиил без малейшего усилия скользнул по воздуху к Соху на вершине. Он уже открыл рот, но Соху его опередила.

— Тамиил, если бы это была книга и ты стоял во главе демонской армии, а единственное, что было бы у тебя на пути, — маленькая девочка на горной вершине с мечом, выкованным из падшей звезды, — как ты думаешь, чем бы всё кончилось?

— Снова это? — фыркнул Тамиил. — Во-первых, у тебя нет —

В руке у Соху возник огромный меч Вздох.

— …способностей твоего отца, — плавно договорил Тамиил, лишь с едва заметной паузой. — И ещё, Соху: я убил его. Он сопротивлялся мне лишь краткий срок, с помощью одной дурацкой уловки, а в конце концов я его убил. Другой Король получил пустую оболочку, но именно я убил его дух. Ты знаешь, почему до сих пор можно смотреть видео, Соху? Это был не Уриил. Это был я. Я сохранил эту возможность, чтобы каждый месяц при-

сылать ему видеозаписи того, как горит его жена. Если угодно, сводки. Я не пропустил ни одной. Я убивал его медленно, долго — пока наконец Другой Король не вонзил меч ему в грудь и не положил конец его мучениям. Теперь я стал ещё сильнее. Как ты думаешь, что я сделаю *с тобой*? Бойся, Соху. Я — Левая Рука Бога.

Соху не сказала ничего — лишь закатала рукав, показав покрытую шрамами культю на месте левой руки.

Потом она шагнула в Йециру и нанесла удар. Она воззвала к лежавшему восточнее городу — его первые уличные фонари уже начинали загораться в вечернем сумраке. Колорадо-Спрингс. Colorado — по-испански «цветной». Color восходит к праиндоевропейскому **kel* — «скрывать». Spring. Вырваться наружу. Колорадо-Спрингс. То, что было скрыто, — вырывающееся наружу. Откровение тайн. Суть каббалы. Её родной город и её наследие. Она наполнилась любовью к своему городу, к семье, к своему народу — и сама суть каббалы дугой выметнулась из неё, залив вершины гор светом.

Тамиил выставил двузубец и разделил светящиеся потоки смысла. Colorado, color, **kel*, сокрытие. Родственно греческому *kalypto* — «скрывать». Раскрыть, обнаружить — *apo-kalypto*. Иоанн назвал своё откровение Apokalypto[732], откуда и происходит современный Апокалипсис. Откр. 9:3: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть». С отточенным тысячелетиями мастерством Тамиил подхватывал каждую силовую линию, которой Соху сама его подпитывала, направляя семантическую энергию от Колорадо к Апокалипсису и к власти над землёй, дарованной демонам.

Она поняла, что он делает, и не позволила ему продолжить. Она подняла меч и прочертила в воздухе два огненных знака минус. Откр. 9:3 минус два — Откр. 9:1. «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны». Звезда, искавшая ключ к бездне. Линия Кометы Вест, Небо, коснувшееся Земли, — источник даров Соху и смысл, движущий её жизнью. Смысл вспыхнул

искрами звёздного света вокруг неё, защищая, окутывая, словно плащ.

Тамиил закатил два глаза и взмахнул двузубцом.

Вся туча демонов обрушилась на неё. Три великих воинства адских владык Адрамелеха, Асмодея и Рахава — все против одного человека. Точно падающая ночь, точно хлынувшая вода. Щит звёздного света затрещал, начал рассыпаться. Она строила формы и знаки в Брии и Йецире, испустила через эфир пронзительный, отчаянный зов о помощи — кому угодно, кто мог услышать. Зов полетел от неё по границе миров, оставляя в вечернем небе мелкую рябь. Соху проводила его взглядом. Тратить настоящие орудия на этих тварей она не могла. Они были нужны ей для Тамиила. В этой какофонии она потеряла его из виду. Она чертила отчаянные узоры, отгоняя полчища, окружила себя сверкающими многогранниками света.

Тут с юга налетел великий ветер, и она увидела армию духов — лица как черепа, увенчанные перьями кетцаля. Отряд мезоамериканских воинов ударил по воинству Адрамелеха. Соху почувствовала, что натиск на неё ослаб: демоны повернулись к новым противникам.

— Ты думал, я забыл! — проревел Самьязаз в громаду демонической тучи. Теперь он был в своей истинной ангельской форме — ни жрец-царь, ни кактус, а ослепительное существо с белыми, как слоновая кость, крыльями и нестерпимо пронзительными глазами. — Ну, теперь апокалипсис, и бояться больше нечего, так вот что я скажу: я никогда ничего не забываю! ТЫ РАЗРУШИЛ МОЙ ЗИККУРАТ, ДВУГОЛОВЫЙ ГАД! — Воздух зазвенел от грохота их схватки.

Воспользовавшись тем, что демоны отвлеклись, Соху вырвалась с Пайкс-Пика, взмыла в открытое небо, всё ещё разыскивая Тамиила. Воинства Асмодея и Рахава бросились следом. Они обрушились на неё в перистых облаках над высочайшей горой — два языка тёмного пламени, закружившиеся вокруг неё среди светившихся ночью кристалликов льда. Соху произносила слова огня и ночи, гнала огромные вращающиеся огненные

колёса в сердце полчища, призывала ветры разметать нападающих. Она произносила Имена Бога — тайные, на сбор которых UNSONG потратил десятилетия труда, — и прорубала во тьме широкие полосы опустошения. Но они медленно смыкались снова: звёздный свет слабел, дыхание и голос начали изменять Соху.

И тут пришла кавалерия. Сотни прекрасных высоких ангелов на ослепительно белых конях — и… *неужели это была увертюра к «Вильгельму Теллю»*?[733] Во главе, в ковбойских сапогах и громадной десятигаллонной шляпе, скакала Гадириэль, Леди Лос-Анджелеса.

— ЙИХААА! — воскликнула она, не думая о Третьей заповеди[734]. Она дважды выстрелила из револьвера, и каждый выстрел расцвёл в крошечное солнце. Заметив Асмодея, она соскочила с коня и встала перед ним с поднятым оружием. — Думается мне, тебе лучше развернуться да убираться туда, откуда явился, дружок, — протянула она. — В городе теперь новый серафим![735]

Соху не стала смотреть, чем всё кончится. Она пронеслась сквозь брешь в темноте, по-прежнему ища Тамиила. Его нигде не было. Воинство Рахава преследовало её — расплывчатые тёмные формы, которые под разными углами казались то воронами, то летучими мышами, то саранчой. Она пыталась уйти, поднималась всё выше, в треске искр света мчалась сквозь ионосферу в тёмные пространства за пределами земной атмосферы, где неподвижные звёзды и луна сияли, не скрытые никакой воздушной оболочкой. Она позволила линиям звёздного света скреститься вокруг неё, отражаться друг от друга, застыть в светящемся лабиринте защиты. Воинство Рахава всё равно шло на неё, нащупывая уязвимости, силой раздирая её щит трещинами, подобными трещинам в небе над ними. И тогда она поняла, что в одиночку не выстоит даже против одного демонского воинства и что теперь ей наконец придёт конец.

Потом миллион фигур взметнулся с земли на столпах огня. Старики, дети, женщины с цветами в волосах — все пели песни любви и хвалы. Жители Сан-Франциско, перешедшие живыми в вечность за пределами времени.

Все услышали её зов и спешили на помощь. Во главе — по-прежнему в белом скафандре НАСА — поднялся Нил Армстронг, вернувшийся из пространства за пределами мира как Правая Рука Бога. Он ракетой пронёсся сквозь гущу демонов к самому Рахаву, схватил его за горло и убил. Так сбылось пророчество Пс. 88:11: «Ты низложил Раава, как пораженного; крепкою мышцею Твоею рассеял врагов Твоих».[736]

Соху камнем рухнула обратно на Землю и, пылая, словно метеор, пронзила небеса, а затем приземлилась на вершину Пайкс-Пика, исполненная новых сил.

— Я иду за тобой, Тамиил! — крикнула она, увидела его на склоне горы, приземлилась с такой силой, что выбила кратер, и встала лицом к лицу с противником на дымящейся арене. Ещё не время. Сначала нужно его ослабить.

Тамиил ничего не сказал — лишь воззвал к ужасу и кошмару. Из самого Пайкс-Пика он извлёк россыпь Р и К. Апеп и Кек[737] — два египетских бога изначальной тьмы. *Poop* и *kaka* — два слова для человеческих испражнений. *Pikey* и *Paki* и *kike* и *kook*[738] — слова страха, предрассудка и ненависти.

Когда это навалилось на неё, Соху взяла те же буквы и превратила их в *pikuach*. *Pikuach nefesh* — спасение жизни, священнейший из принципов, превосходящий почти любую другую заповедь. *Kippah* — кипа, еврейский головной убор, который носят в знак благоговения и чтобы помнить, что Бог всегда над человеком; в логике Имён кипа ещё и защищала от нестерпимого сияния Божественного Присутствия. *Cop*. Защитник, служитель Закона. *Pope*. Наместник Бога на Земле. *Kook*[739] — первый главный раввин Израиля, говоривший: «Истинные праведники не жалуются на тьму, но умножают свет». *Keep*: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди».[740] *Kayak* — её собственное слово, с которого так много лет назад начались её занятия. Щит звёздного света мерцал отчаянно, но не сдавался.

Тамиил рубанул двузубцом; Соху отступила, и двузубец разрезал пустоту, оставив две светящиеся черты. Два.

Соху взяла гематрическое значение, преобразила его в букву «бет», прибавила к *kayak*, всё ещё сиявшему над ней, и получила *kokab* — звезду.[741]

Тамиил удалил крайнюю левую «каф» из слова. Каф. *Ладонь*. Левая Рука Бога. Оставшиеся буквы он превратил в *bakah* — плач. Иов 16:16[742]: «Лицо моё осквернено плачем, и на веках моих — тень смерти». Из этого стиха Тамиил взял скверну, тень смерти и число 616[743]. И у него осталась единица.

— Я победил, — сказал он.[744]

И правда победил. Скверна и смерть, Левая Рука Бога, Число Зверя из Кодекса Ефрема — все эти понятия сплелись слишком туго; Соху слишком устала, чтобы выжать из них ещё хоть немного смысла. Они сомкнулись и разорвали её щит.

Тамиил высоко поднял двузубец.

— Последние слова? — спросил он.

— Два… слова, — выдавила Соху, запинаясь. — Тук… тук.

— Что? — Тамиил прищурился. Вторая голова моталась туда-сюда в возбуждении и смятении.

— Тук-тук, — сказала Соху. — Только не говори, что не знаешь, что на это отвечают.

— Кто там? — спросил он с подозрением.

II.

Соху проснулась на постели из облачного вещества — точно так же, как просыпалась тысячи раз прежде. Но сегодня всё было иначе. Сегодня был её последний день здесь. Она сядет в летающий каяк, вернётся домой, поплачет на похоронах отца и поможет семье. Придётся обойтись тем, чему она научилась.

Она вышла из маленького домика. Уриил стоял на своём месте в центре бури, огромные золотые глаза светились от возбуждения.

— ПРОИЗОШЛИ СОБЫТИЯ, — сообщил Уриил.

— А? — переспросила Соху, всё ещё полусонная, и протёрла глаза. Она была ещё *далеко* не настолько бодрой, чтобы разбираться с очередной странностью из тех, что Уриил то и дело на неё обрушивал.

— ТЫ СПРАШИВАЛА, ЗАЧЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА ЛИШНИЙ ДЕНЬ. Я ГОВОРИЛ, ЧТО ЗА ДЕНЬ МНОГОЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ. ТЕПЕРЬ ОНО ПРОИЗОШЛО. НАПРИМЕР, В БИБЛИИ ПОЯВИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО НОВЫХ СТИХОВ.

— Уриил, пожалуйста. О чём ты говоришь?

— Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ УЕЗЖАЛА, НО ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО ВЕРНУТЬСЯ В КОЛОРАДО. ПОЭТОМУ Я НЕСКОЛЬКО ПЕРЕСТРОИЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ ПРОСТРАНСТВЕННУЮ И МИСТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВСЕЛЕННОЙ. ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ТРУДНО. Я НЕ МОГ СДЕЛАТЬ ЭТО В ЙЕЦИРЕ ИЛИ ДАЖЕ В БРИИ. МНЕ ПРИШЛОСЬ РЕДАКТИРОВАТЬ АЦИЛУТ НАПРЯМУЮ.

— …разве это не разрушает мир?

— ОБЫЧНО. ВОТ ПОЧЕМУ Я В ОСНОВНОМ ИЗБЕГАЮ ЭТОГО. НО Я ОЧЕНЬ СТАРАЛСЯ, ЧТОБЫ ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. В ДАННОМ СЛУЧАЕ ВСЁ, ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ, — ЭТО БИБЛИЯ. ОНА И БЕЗ ТОГО НАСТОЛЬКО СТРАННАЯ, ЧТО, СОМНЕВАЮСЬ, МНОГИЕ ЗАМЕТЯТ.

— Уриил, на Библию обращают внимание все. Люди изучают каждую её букву уже тысячи лет.

— О.

— И что же ты *сделал*?

— Я СОЗДАЛ РИТУАЛ, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ДВУМ УМАМ ОБЪЕДИНИТЬСЯ. КАК БЫ ДАЛЕКО ОНИ НИ НАХОДИЛИСЬ, ОНИ МОГУТ РАЗГОВАРИВАТЬ ДРУГ С ДРУГОМ, ДЕЛИТЬСЯ МЫСЛЯМИ И ВОСПОМИНАНИЯМИ, ЧУВСТВОВАТЬ ОДНО И ТО ЖЕ. ОНИ БУДУТ ВМЕСТЕ ВСЕГДА — ПО ТУ СТОРОНУ РАССТОЯНИЯ И СМЕРТИ.

— …что это значит?

— Я ПОКАЖУ ТЕБЕ. Я НАЧЕРТИЛ ВОЛШЕБНЫЙ КРУГ. ПОЖАЛУЙСТА, ВСТАНЬ В НЕГО.

Соху вздохнула. Разговоры с Уриилом никогда не будут даже отдалённо нормальными. Но без них в её жизни останется огромная зияющая пустота. Каково было бы жить среди обычных людей, которые отвечают на

вопросы простым «да» или «нет», вместо того чтобы допытываться до абсурдных подробностей и уходить в рассуждения о том, какие протокечуанские корни слов это им напоминает? Слишком страшно было даже представить.

Она встала в волшебный круг.

— ПОВТОРЯЙ ЗА МНОЙ, НО ЗАМЕНИ МОЁ ИМЯ СВОИМ. Я, АРХАНГЕЛ УРИИЛ, С ПОЛНЫМ ОСОЗНАНИЕМ ПОСЛЕДСТВИЙ…

— Я, Соху Вест, с… полным осознанием последствий…

Так они прошли — сначала архангел, потом дитя — весь долгий ритуал Священного Каббалистического Брака Умов. Ветры бури вокруг них странно стихли. Солнце потемнело, словно укрытое облаками, затем засияло ярче, словно его отражал миллион самоцветов. Синева неба стала глубже.

— ИБО БОГ ЕДИН.

— Ибо Бог един.

— И ИМЯ ЕГО ЕДИНО.

— И имя Его едино.

— И МЫ ЕДИНЫ.

— И мы едины.

— И ЭТО СВЕРШИЛОСЬ.

— И это свершилось.

Соху почувствовала в своём разуме нечто новое — присутствие, искорку золота.

[Ты у меня в голове?] — спросила она архангела.

[Я БЫ НЕ СКАЗАЛ, ЧТО Я БУКВАЛЬНО У ТЕБЯ В ГОЛОВЕ, ПОСКОЛЬКУ ТВОЯ ГОЛОВА ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ. ОДНАКО, ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ, ЧТОБЫ УЛОЖИТЬ В ГОЛОВЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ХАШМАЛЯ, ТО МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО…]

III.

Тамиил высоко поднял двузубец и коротко рассмеялся.

— Последние слова? — спросил он.

— Два… слова, — выдавила Соху, запинаясь. — Тук… тук.

— Что? — Тамиил прищурился. Вторая голова моталась туда-сюда в возбуждении и смятении.

— Тук-тук, — сказала Соху. — Только не говори, что не знаешь, что на это отвечают.

— Кто там? — наконец спросил он с подозрением.

Соху закрыла глаза. Когда она их открыла, не было ни белков, ни радужки, ни зрачка. Только море горящего золота.

— УРИИЛ, — произнесла она.

— Что? — Тамиил отпрянул. — Как? Что ты —

— ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ СКАЗАТЬ «УРИИЛ КТО», — произнесла Соху.

— Ты мёртв! Другой Король убил тебя, уничтожил твою машину — и туда ей дорога! Вот почему мои силы —

— ПОХОЖЕ, ТЫ НЕ СОБИРАЕШЬСЯ ГОВОРИТЬ «УРИИЛ КТО», ПОЭТОМУ Я СДЕЛАЮ ВИД, ЧТО ТЫ ЭТО СКАЗАЛ, И ВСЁ РАВНО ПРОДОЛЖУ ШУТКУ. Я СОБИРАЛСЯ ОТВЕТИТЬ: «ТЕБЕ УРИИЛЬНО СЛЕДОВАЛО ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО Я НЕ БРОШУ СВОЮ ПОДРУГУ».[745]

И стал свет.

Прекрасный, многоцветный свет — десять цветов: семь цветов земной радуги и три дополнительных цвета, которые бывают только на Небесах. Десять цветов, соответствующих десяти сефирот, и десяти пальцам, и Десяти Заповедям, и десяти цифрам системы счисления, и десяти числовым картам Таро, и всем прочим «десяткам» во всех соответствиях мира. Тамиил попытался бежать, но свет поглотил его, растопил, как солнце растапливает снежинки. Все демоны великого роя, нависшего над Колорадо-Спрингсом, растаяли в этом пожаре: вся энергия сфер, бережно копившаяся эоны, разом высвободилась в едином ослепительном цветении.

Соху моргнула, и глаза её стали тёмно-карими.

[ЭТО БЫЛО ВСЁ,] — сказал Уриил у неё в голове. [ШЕФЫ БОЛЬШЕ НЕ ОСТАЛОСЬ.]

[Она сделала то, что было нужно.]

[ОН ИСЧЕЗ НА КРАТКОЕ ВРЕМЯ. ПОТОМ ВЕРНЁТСЯ.]

[К тому времени нас убьёт что-нибудь ещё — так что всё в порядке.]

[ТЫ ОЧЕНЬ ПЕССИМИСТИЧНА.]

[Апокалипсис. Ты ведь написал Книгу Откровения?]

[ГМ. Я СОБИРАЛСЯ. НО ПОТОМ СТРУЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ ПОШЛО НЕ В ТУ СТОРОНУ, И МНЕ ПРИШЛОСЬ ЭТО ИСПРАВЛЯТЬ. КАЖЕТСЯ, Я ПРОСТО ДАЛ ИОАННУ ПАТМОССКОМУ[746] ВЕДРО ПСИЛОЦИБИНОВЫХ ГРИБОВ И СКАЗАЛ ПИСАТЬ ВСЁ, ЧТО ПРИДЁТ В ГОЛОВУ.]

[Поверь мне на слово: всё очень плохо.]

[Я В ХОРОШЕМ НАСТРОЕНИИ. ПРОШЛО ТРИ ЧАСА И ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ С МОМЕНТА УНИЧТОЖЕНИЯ МОЕЙ МАШИНЫ. ЕЩЁ НИКОГДА МНЕ ТАК ДОЛГО НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ИСПРАВЛЯТЬ НИ ОДНОЙ КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОЙ ОШИБКИ.]

[Рада, что хотя бы одному из нас это нравится. Пошли поможем Натанде.]

[ХОРОШО.]

Соху превратилась в молнию и исчезла. Последние хлопья пепла и искры упали к подножию Пайкс-Пика. Сила битвы расколола гору надвое.

Глава 71

Но ближнему покой несёт

Просветление уже есть у каждого. Зачем Будде нужно было сидеть шесть лет, увидеть звезду, а только потом обрести просветление? Это же глупо! Если видишь звезду — просветление приходит прямо сейчас!
— Чхунсон-суним[747]

Вечер, 14 мая 2017 года
Файер-Айленд

I.

Открыв дверь в каюту Капитана, Ана увидела маленькую комнату — тёмную, без всяких украшений, с единственной ничем не застеленной деревянной кроватью. Капитан сидел на ней и что-то записывал: вокруг него были разбросаны листки с заметками. Он поднял взгляд на Ану, и лицо его за тёмными стёклами очков было совершенно непроницаемым. Она на секунду замешкалась, а потом заговорила.

— Я знаю твоё Истинное Имя, — сказала она.

II.

Явный смысл слова «Левиафан» — «гигантское морское чудовище».

Каббалистический смысл слова «Левиафан» — «мир».

Это выводится из гематрии: Левиафан и Малхут — сефира, соответствующая материальному миру, — имеют одинаковое числовое значение, равное 496. 496 — совершенное число[748], из чего следует, что мир совершенен: весьма полезный вывод, поскольку иным способом до него вряд ли додумаешься.

Уподобление мира морскому чудовищу встречается в разных традициях. В скандинавской традиции говорят о Ёрмунганде, Мировом Змее, который обвивает Землю и держит в пасти собственный хвост. Вавилоняне утверждают, что небеса и земля были созданы из тела первозданного морского дракона Тиамат. Даже атеисты представляют космос частью великого кита, объявляя весь мир грандиозной случайной удачей[749].

И тот же мотив «морское чудовище как мир» пронизывает все виды искусства и учёной мысли. Герман Мелвилл использует кита Моби Дика как символ сил Природы. Томас Гоббс использует Левиафана как метафору человеческого общества. Даже Леонард Коэн пишет в своём «Гимне»: «Во всём есть кракен»[750].

Мир, как и Левиафан, очень велик. Мир, как и Левиафан, трудно постичь человеку — не говоря уже о том, чтобы его покорить. Мир, как и Левиафан, манит обещанием: вот если бы только догнать его, сравняться с ним — быть может, всё стало бы понятным. Мир, как и Левиафан в Иов. 40:14, есть «верх путей Божиих»[751]; как и Левиафан в Иов. 41:1, он «смиряет сильных и повергает их ниц»; как и о Левиафане в Пс. 103:26, о нём сказано: «которого Ты сотворил играть в нём».

И, как в Иов. 41:26, он «царь над всеми сынами гордости». Гордецы гонятся за мирскими вещами, поклоняются миру, признают его своим царём. Они одержимы, они неотступно гонятся за желаемым, они стремятся господствовать и управлять. Даже в английском языке

есть очевидное каббалистическое созвучие: «гнаться за своим белым китом».

А те, кто ищет Бога, по неразумию ищут Его в мире — где же ещё Ему быть? Ищут через богатство или через отречение от богатства, через власть или через отказ от власти. Если все человеческие действия совершаются в мире, то как ещё можно достичь Бога, не взаимодействуя с миром?

Однако Иисус сказал в Евангелии от Фомы: «Если те, кто ведёт вас, говорят вам: „Смотрите, Царство на небе“, — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам: „Оно в море“, — тогда рыбы опередят вас. Но Царство Божие внутри вас».[752]

И Роберт Антон Уилсон написал историю о человеке, который искал своё истинное «я» — заглядывал в комнату за комнатой своей души — и в конце концов сдался, заключив, что там никого нет. «Странно, — сказал ему гуру. — *А кто же тогда ведёт поиск?*»[753]

III.

— Войди, — произнёс Король Комет.

Он сидел один на кровати, в молитве. Впервые за всё время их знакомства он выглядел испуганным.

— Джала, — сказал отец Эллис, — тебе нужно подняться на палубу. Команда на грани срыва. Гарпунный линь пока держится, но Левиафан… Команда напугана, Джала. И мне самому надо быть наверху, работать с голубым парусом. Нам некем разбрасываться.

— Отец, — произнёс Король Комет, не обращая внимания на всё только что сказанное, — если бы вам пришлось придумать плацебомантический ритуал для вызова Метатрона, как бы вы это сделали?

— Легко. Никак. Метатрона не *вызывают*.

— Почему же?

— Метатрон — Голос Бога. Пытаться вызвать Бога, любую Его часть, — это категориальная ошибка.

— Почему?

— Потому что Бог уже везде.

— Но в одних местах — больше, чем в других, верно? В сердцах праведников? В Храме?

— Да… нет. Я думаю, Бог везде одинаков, просто в некоторых местах Его… легче заметить.

— Тогда если бы вам пришлось придумать плацебомантический ритуал, чтобы *Метатрона стало легче заметить*, — как бы вы это сделали?

— Вы говорите так, будто нужно просто, не знаю, включить свет — и вот он, Метатрон, всё это время прятался в углу.

— Я лишь довожу вашу собственную логику до конца, — сказал Король Комет. Он жестом пригласил Эллиса сесть. — Ритуал, разумеется, должен соответствовать Библии. А Библия говорит: если ищешь Бога, найдёшь Его, если взыщешь всем сердцем своим. Итак. У нас есть корабль «*Всем Сердцем*». Семь земных парусов для семи земных сефирот, три скрыты в иных планах. Но одних парусов недостаточно. Нам нужен *ритуал*. Поэтому мы разыгрываем всё по порядку. Разные приключения, поочерёдно приводящие в действие каждый аспект Бога. Начинаем в моём Царстве. Идём в Сан-Франциско, Основание, где Небо встречается с Землёй. Сияем Великолепием. Одерживаем Победу. Проходим через Тиферет по Каналу. Пересекаем Хесед, совершив великий акт милосердия, затем Гевуру — совершив великий акт суровости. Проходим Да'ат и его тёмную ночь, крушение всего земного и узнаваемого. И вот мы здесь. Бина, Понимание. И Хокма, Мудрость. Которую вы только что явили. И так мы подошли к концу пути.

— В каком смысле? — спросил Эллис. Ему не нравилось, куда это ведёт.

— Многие святые, гоняясь за вещами мира, понимали, что упустили главное. Мы достаточно долго разыгрывали свою маленькую пантомиму. Теперь завершим ритуал в точности так, как вы и сказали. Осознав, что Бог уже везде. Внутри всех нас. Бог — не где-то там, в мире. Он — во всём вашем сердце. В самом «*Всем Сердцем*».

Скажите мне, отец, кто из команды кажется вам самым загадочным? У кого нет прошлого?

— Хм, — произнёс Эллис, мысленно перебирая команду — по одному человеку на каждый парус. — Оранжевый парус… нет, Клару горячо рекомендовал Совет ритуальной магии. Жёлтый… Рабби Пинсон — один из величайших ныне живущих каббалистов. Зелёный… Леонард из Канады, его биография проверена. Голубой… это я. Фиолетовый… Гадириэль всем известна. Чёрный. Это ты. У всех прошлое более-менее ясно… постой. Капитан. Я… я не понимаю. Он всё это время вёл нас, а я даже не знаю, как он здесь оказался. Это ты его выбрал? Я даже не подумал спросить, как его зовут!

— Распространённая проблема, — улыбнулся Король Комет, — и мы скоро её исправим. Приведите его сюда.

Минуту спустя Эллис вернулся в королевские покои вместе с Капитаном. Крупный мужчина в тёмных очках. Эллис подумал, почему никогда не задавался вопросом о нём раньше, почему его никогда не смущало, что он не знает имени одного из членов команды.

Король Комет упал на колени.

Эллис когда-то слышал старый анекдот. Папа римский приехал в Нью-Йорк, но опаздывал на обратный рейс в Ватикан. Он поймал такси и велел водителю гнать в аэропорт Ла-Гардия как можно быстрее. Ну, водитель ехал недостаточно быстро для Понтифика, так что тот потребовал поменяться местами, сам сел за руль и действительно разогнался по хайвею. В конце концов полицейский это заметил и остановил их, но потом струсил. По рации он вызвал начальника: «Э-э, — говорит, — кажется, я случайно остановил кого-то очень важного». «Насколько важного?» — спрашивает начальник. «Ну, — ответил полицейский, — всё, что я знаю: у него таксистом — Папа Римский».

Всё, что знал отец Эллис, — что Король Комет стоит на коленях перед крупным мужчиной. Но этого было достаточно. Он тоже опустился на колени.

— Я знаю твоё Истинное Имя, — сказал Король Комет.

Тот просто смотрел на них сквозь тёмные очки.

И Король Комет произнёс —

IV.

— Метатрон. — Ана произнесла это слово без тени сомнения. Потом, осознав, во что ввязалась, опустилась на колени.

Капитан снял тёмные очки, и Ана уставилась в вихрь.

V.

В «Сефер Хехалот» говорится, что, когда патриарх Енох умер, Бог «превратил его плоть в пламя, его жилы — в огонь, его ресницы — в молнии, его глазные яблоки — в пылающие факелы и поставил его на трон рядом с троном Славы». Затем Он наделил его Святейшим Именем, и с тех пор его стали называть «Мерой Господней», «Князем Божественного Присутствия» и «Малым Богом». Все эти титулы адски богохульны применительно к кому угодно, кроме самого Бога, и именно это побудило Элишу бен Абуйю, в пылу ереси, сделать своё знаменитое заявление: «Богов двое. Д-В-О-Е. Смиритесь с этим».[754]

Ортодоксальная концепция была иной. Бог невыразим, невидим, неизречен, непознаваем. Он — автор мира, а не существо в нём. Но иногда автору полезно иметь в мире персонажа — собственное воплощение, так сказать. Таков Метатрон. Не Бог, не совсем. Но *менее* «не-Бог», чем что бы то ни было ещё в Творении. А сами вещи в Творении уже были куда менее «не-Богом», чем большинство из них могло бы ожидать от самого себя. Так что «не-Боговость» Метатрона была очень мала — практически погрешность округления.

Достаточно мала, чтобы именно он, из всего Творения, мог говорить голосом Бога и открыть величайшую тайну.

VI.

— Слушай, — сказал я однажды ночью, несколько месяцев назад. Мы сидели в гостиной в Итаке и читали каждый свою книгу. — Если бы ты поймала Метатрона в его лодке на краю мира и тебе позволили задать один вопрос и услышать ответ голосом самого Бога — о чём бы ты спросила?

— Явное Имя, — сказала Валери.

— Проблему зла, — одновременно с ней сказала Ана.

Валери приподняла бровь, глядя на кузину.

— Что? Нет! Ну допустим, Бог говорит: «Ах, зло существует из-за того, что путь между Биной и Йесодом заблокирован, извини». И что дальше? Как ты —

— Пути между Биной и Йесодом нет, — перебил я.

— Аарон! — резко бросила Валери, потом повернулась к Ане. — Итак, Бог говорит, что что-то заблокировано между тем-то и тем-то, ты говоришь «ясно», и что дальше? Вопрос потрачен впустую. Я бы спросила Явное Имя. А потом получила бы власть перестроить вселенную по своей воле. Согласись, пригодилось бы.

— Блокировка между тем-то и тем-то скучна только потому, что ты просто не понимаешь, о чём говоришь, — сказала Ана. — Если бы Бог сказал такое, я бы спросила — почему бесконечно благой Бог позволил бы, чтобы переход между тем-то и тем-то оказался заблокирован? Рано или поздно должен найтись осмысленный ответ.

— Почему? — спросил я, хотя мне было совестно это спрашивать.

— ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО ТАК Я БЫ ПОСТУПИЛА, ЕСЛИ БЫ БЫЛА БОГОМ, — сказала Ана.

— Может, даже Бог не может ответить, — предположила Валери. — Ну знаешь, как Зло не способно постичь Добро? Может быть, Добро тоже не способно постичь Зло.

— Зло в основном состоит из падших ангелов, — сказал я. — Которые прежде были обычными ангелами. Я почти уверен, что Зло прекрасно способно понять добро.

— Зло совершенно не способно понять арамейский, — предложила Ана.

— Лучше, — сказал я.

— Вы надо мной смеётесь, — сказала Валери, — но я стою на своём. Даже если Бог даст совершенно убедительный ответ, полностью объясняющий существование зла, в конце концов ты просто скажешь «Хм», а зла в мире от этого не станет меньше. Как сказал Маркс: каббалисты лишь пытаются понять мир. Задача же — изменить его.[755]

— Я почти уверена, что Маркс не имел в виду «буквально разбить его вдребезги, а потом переделать по собственному образу», — сказала Ана.

— Вообще-то, — сказал я, — именно в этом и состояла идея Маркса.

— Но если бы я могла спросить Бога о чём угодно, — продолжила Валери невзирая на нас, — я бы не стала тратить вопрос на философию. Более того, я считаю это морально отвратительным. Если тебе случайно досталась высшая сила, ты обязан использовать её во благо. Если бы я получила Явное Имя, можешь поспорить — всё здесь стало бы совсем иначе.

— Валери, — сказал я, — ты не смогла бы воспользоваться Явным Именем. Оно разбивает мир и перестраивает его в соответствии с желаниями говорящего. Ты на сто процентов уверена, что у тебя есть чёткое, непротиворечивое и достаточно подробное представление о том, каким должен быть мир, чтобы оно могло служить чертежом?

— Я просто хочу, чтобы люди были свободны, — сказала Валери.

— Бам, — сказал я. — Каждый живёт на отдельной планете. Теперь они свободны. Этого ты хочешь?

— Имя не будет каким-то злым джинном, который извратит твои слова, чтобы тебя обмануть.

— Имя не было предназначено для использования людьми! И катрен, который оказался каббалистически эквивалентным, начинается так: «О, Любовь! Когда б с Ним сговорились втроём / Чтоб весь жалкий вещей строй объять целиком»[756]. Там *совершенно ясно* сказано: сначала надо охватить весь замысел мира целиком.

— И, — добавила Ана, — именно поэтому я бы спросила Бога о проблеме зла. Пока ты не знаешь, зачем Бог добавил зло изначально, безответственно пытаться воссоздать вселенную без него. А что, если что-нибудь пойдёт не так?

— По определению — не случится, — сказал я.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я! — сказала Ана. — И раз уж ты такой умный — о чём бы ты спросил Бога?

— Хм, — я задумался на секунду, потом с удовлетворением обнаружил, что могу дать чёткий ответ. — Какова упорядоченная пара, первая компонента которой — лучший возможный вопрос, который я мог бы тебе задать, а вторая — твой ответ на него?

— Ты такой невыносимый, — сказала Валери.

— Упорядоченная пара была бы: «вопрос, который ты только что мне задал» и «вот этот ответ», — сказала Ана. — Тогда Бог засмеялся бы, и вся твоя мирская мудрость оказалась бы тщетной.[757]

— Нет, — возразил я. — *Иона* — кит. Ной — *ковчег*. Я думал, мы уже обсуждали это.

Ана высунула язык.

— Если бы Бог встретил кого-нибудь из вас, Он поразил бы вас прежде, чем вы успели бы открыть рот, — сказала Валери. — А если бы Он был занят, я сделала бы это за Него. И с улыбкой.

Она расплылась в утрированной улыбке, обращённой к нам обоим, и держала её чуть дольше, чем нужно. Это было немного жутковато.

— А попросишь у Него ключи от Машины Уничтожения Мира, чтобы пару мелочей подправить, — так Он, значит, будет совсем не против, да? — парировал я.

— Я знаю, чего хочу, — сказала Валери. — Я всю жизнь пытаюсь починить этот дурацкий мир, и не собираюсь останавливаться только потому, что стою перед Троном Славы. И если Бог когда-нибудь предложит мне задать вопрос, это будет означать, что Он знает, с кем имеет дело.

— А я всю жизнь пытаюсь разобраться с проблемой зла, и Бог тоже прекрасно знает, с кем имеет дело в моём лице, — сказала Ана.

— А я, — завершил я, — всю жизнь придумываю странные манчкинские ответы на серьёзные ситуации, и Бог —

— Заткнись, — сказала Валери.

— Ты ведёшь себя так, будто я более невыносим, чем ты, — сказал я. — Но если серьёзно. Боже, пожалуйста, скажи мне своё Имя, чтобы я мог всё уничтожить и пересоздать по лекалам той разновидности марксизма, которую рекомендовали в последней прочитанной мной книге. Боже, пожалуйста, дай мне ясный ответ на фундаментальный парадокс вселенной не более чем в семидесяти пяти словах, с одинарным межстрочным интервалом. По крайней мере я честен насчёт того, насколько я нелеп!

— Ответ существует, — сказала Ана. — Он должен существовать. Уильям Блейк писал, что Бог является и Бог есть Свет для тех, кто обитает в царствах Ночи, но тем, кто обитает в царствах Дня, Бог может явить Человеческий Облик.[758] Все эти рассуждения — «это невыразимый парадокс» и «Бог действует непостижимыми путями» — всё это просто свет. Расплывчатый, туманный, тёплый, утешительный. Но наши умы созданы по образу Бога. То, что может понять Бог, можем понять и мы. Хотя, может быть, не всё. Я не понимаю квантовую хромодинамику. Но это такая вещь, которую я могла бы понять, если бы была умнее. Многое превосходит мой интеллект. Но я не знаю, есть ли что-то, превосходящее моё разумение. Мне хочется думать, что нет.

Я сделал широкий жест, который должен был означать что-то вроде «Посмотри на вселенную», но это оказалось трудно — в итоге я просто очень широко махнул рукой. К счастью, Ана всё равно поняла, что я имею в виду, — благодаря телепатии.

— Смотри, — сказала она, — ты ведь знаешь историю о рабби Иешуа бен Леви и Илии? Иешуа просит разрешения сопровождать Илию в его странствиях, и Илия соглашается при условии, что Иешуа не будет задавать

вопросов. В первую ночь они останавливаются у семьи, живущей в крайней бедности и владеющей лишь одной коровой; тем не менее те принимают двух путников и делятся тем немногим, что у них есть. На следующее утро, перед уходом, Илия убивает их корову. На вторую ночь они останавливаются у богача, который смотрит на них свысока и говорит, что они могут переночевать в хлеву с коровами, ибо нищим не положено лучшего. На следующее утро, перед уходом, Илия волшебным образом восстанавливает стену его особняка, которая вот-вот должна была рухнуть. Иешуа говорит, что больше не может молчать: он знает, что не должен задавать вопросов, но что делает Илия? Илия отвечает, что жена первого человека должна была умереть на следующий день, но Илия помолился Богу, чтобы вместо неё принята была смерть коровы. Второй человек собирался починить рушащуюся стену своего особняка и обнаружить под ней зарытый клад; Илия сделал так, чтобы этого не произошло. И если мы вообще должны сделать какой-то вывод из этой истории, то он, мне кажется, таков: даже внешне несправедливые действия имеют скрытые причины, которые мы можем понять — если только кто-нибудь объяснит их нам.[759]

— Значит, — спросил я, — ты думаешь, что причина существования зла в мире — это цепь поправок задним числом, призванных объяснить неправдоподобные совпадения, некоторые из которых связаны с зарытым кладом?

— Это метафора! Я думаю, когда я услышу объяснение того, почему в мире есть зло, оно будет для меня не менее понятным, чем объяснение Илии было для рабби Иешуа.

— Объяснение Илии имеет смысл только потому, что он перекладывает ответственность. Хорошо, добродетельная женщина должна была умереть, и Илия должен убить корову, чтобы предотвратить это. Допустим. Почему добродетельная женщина вообще должна была умереть молодой? Почему Илия не отвечает на это?

— Это *метафора*!

— Конечно, это метафора! Каббала говорит, что *всё* — метафора Бога! Но это не значит, что можно просто отмахнуться от чего-то как от метафоры, не объяснив, чему именно это соответствует.

— Послушай, я просто говорю: должна быть причина. И когда-нибудь я выясню, какая.

В море у берегов Файер-Айленда в Нью-Йорке, на корабле с семью парусами, Ана Тёрмонд думала и вспоминала. Потом она сказала Капитану:

— Мой вопрос: почему совершенно благой Бог создал вселенную, в которой столько зла?

VII.

И Бог заговорил с Аной из вихря, и Он сказал:

— ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗЛА — В ТОМ, ЧТОБЫ МАКСИМИЗИРОВАТЬ ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО БЛАГА ВО ВСЁМ КОСМОСЕ. ПРЕДПОЛОЖИМ, МЫ РАНЖИРУЕМ ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ОТ ЛУЧШЕГО К ХУДШЕМУ. ДАЖЕ СОЗДАВ НАИЛУЧШИЙ, СЛЕДУЕТ СОЗДАТЬ ВТОРОЙ ПО КАЧЕСТВУ — ИБО ОН ВСЁ ЕЩЁ СОДЕРЖИТ КРАСОТУ И СЧАСТЬЕ. ЗАТЕМ НУЖНО ИДТИ ДАЛЬШЕ ПО РЯДУ, СОЗДАВАЯ МИР ЗА МИРОМ, ПОКА НЕ ДОЙДЁМ ДО ТЕХ, ГДЕ НЕЧЕСТИЕ И СТРАДАНИЕ ПЕРЕВЕШИВАЮТ БЛАГО. НЕКОТОРЫЕ МИРЫ БУДУТ СОДЕРЖАТЬ НЕМАЛО БЕЗЗАКОНИЯ, НО ВСЁ РАВНО ОСТАНУТСЯ БЛАГИМИ В СОВОКУПНОСТИ. ЭТОТ МИР — ОДИН ИЗ НИХ.

И прежде чем Ана успела ответить, вихрь усилился, захватил её в свой водоворот, и она провалилась в видение.

VIII.

Иов спросил: «Боже, если Ты совершенен, почему Ты создал вселенную, в которой столько зла?»

Тогда Господь заговорил с Иовом из вихря:

— ПРЕДПОЧЁЛ БЫ ТЫ, ЧТОБЫ Я НЕ СОЗДАВАЛ ТВОЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, СКОЛЬ БЫ ЗЛОЮ ОНА НИ БЫЛА? ПРЕДПОЧЁЛ БЫ ТЫ БЫТЬ ПУСТОТОЙ И НЕБЫТИЕМ?

— Нет! — сказал Иов. — Я предпочёл бы жить во вселенной, которая совершенна и справедлива!

— Я СОЗДАЛ ТАКУЮ ВСЕЛЕННУЮ, — сказал Бог. — В ТОЙ ВСЕЛЕННОЙ НЕТ ПРОСТРАНСТВА, ИБО ПРОСТРАНСТВО ПОДРАЗУМЕВАЕТ ОТДЕЛЁННОСТЬ ОТ ТОГО, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ. НЕТ ВРЕМЕНИ, ИБО ВРЕМЯ ОЗНАЧАЕТ ПЕРЕМЕНЫ И УПАДОК, А ОТ ИСХОДНОГО СОСТОЯНИЯ МАКСИМАЛЬНОГО БЛАЖЕНСТВА НЕЛЬЗЯ ОТСТУПАТЬ. СУЩЕСТВА, НАСЕЛЯЮЩИЕ ЭТУ ВСЕЛЕННУЮ, БЕСТЕЛЕСНЫ И НЕ ЗНАЮТ НИ ГОЛОДА, НИ ЖАЖДЫ, НИ ТРУДА, НИ ПОХОТИ. ОНИ ВОССЕДАЮТ НА ЗОЛОТЫХ ТРОНАХ И СОЗЕРЦАЮТ СОВЕРШЕНСТВО ВСЕГО СУЩЕГО.

— НО Я ТАКЖЕ СОЗДАЛ ТВОЮ ВСЕЛЕННУЮ, ЧТОБЫ ТЫ МОГ ЖИТЬ. СКАЖИ МНЕ, ИОВ: ЕСЛИ БЫ Я ОТМЕНИЛ САМО СОТВОРЕНИЕ ТВОЕГО МИРА, СТАЛ БЫ ТЫ СЧАСТЛИВЕЕ? ИЛИ ТЕБЯ ПРОСТО НЕ БЫЛО БЫ, А ДАЛЕКО, В ДРУГОЙ ВСЕЛЕННОЙ, БЕСТЕЛЕСНЫЕ СУЩЕСТВА ПОПРЕЖНЕМУ ВОССЕДАЛИ БЫ НА СВОИХ ЗОЛОТЫХ ТРОНАХ?

— Я предпочёл бы быть одним из тех совершенных существ на золотых тронах.

— ЧТО БЫ ЗНАЧИЛО ДЛЯ ТЕБЯ БЫТЬ ТАКИМ СУЩЕСТВОМ? У НИХ НЕТ НИ ТЕЛ, НИ ЭМОЦИЙ, НИ ЖЕЛАНИЙ, НИ ЯЗЫКА. ЧТО БЫ ЗНАЧИЛО ДЛЯ МЕНЯ СОЗДАТЬ ВЕРСИЮ ТЕБЯ БЕЗ ТЕЛА, ЭМОЦИЙ, ЖЕЛАНИЙ И ЯЗЫКА — И ЧЕМ ЭТО ОТЛИЧАЛОСЬ БЫ ОТ СОЗДАНИЯ ТАКОГО СУЩЕСТВА, КОТОРОЕ ВОВСЕ НЕ БЫЛО БЫ ТОБОЙ? БЕСКОНЕЧНО МУДРАЯ ВЕРСИЯ ТЕБЯ — ВСЁ ЕЩЁ ТЫ? ВЕРСИЯ, В КОТОРОЙ ТЫ — НЕЧЕСТИВЫЙ ИДОЛОПОКЛОННИК? ВЕРСИЯ, В ТОЧНОСТИ ПОДОБНАЯ НОЮ ВО ВСЁМ? НЕТ

ОБЪЕКТИВНОГО КОСМИЧЕСКОГО УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ.[760]

— Что?

— НЕТ ОБЪЕКТИВНОГО ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, В СКОЛЬКИХ ВСЕЛЕННЫХ ЕСТЬ СВОЙ ИОВ. ЕСТЬ РАЗЛИЧНЫЕ СУЩЕСТВА, БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ СХОЖИЕ С ТОБОЙ. ЕСЛИ БЫ Я НЕ СОЗДАЛ ТЕБЯ И ТВОЙ МИР СТРАДАНИЯ, ОНИ ОСТАЛИСЬ БЫ, А ТЫ НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛ БЫ. БЫЛО БЫ ЭТО БЛАГОДЕЯНИЕМ ДЛЯ ТЕБЯ?

— Я всё равно не понимаю. Конечно, я, существующий, хочу продолжать существовать. Но вместо того чтобы создать одну совершенную вселенную и несколько несовершенных, разве нельзя было просто создать много совершенных вселенных?

— СКАЖИ МНЕ, ИОВ, В ЧЁМ РАЗЛИЧИЕ ТВОЕЙ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКИ?

— Э-э… одна справа, другая слева. И они — зеркальные отражения друг друга.

— Я ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОСТРАНСТВА. ДЛЯ МЕНЯ НЕТ НИ ПРАВОГО, НИ ЛЕВОГО, НИ ЗЕРКАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ. ЕСЛИ ДВЕ ВЕЩИ ОДИНАКОВЫ — ЭТО ОДНА ВЕЩЬ. ЕСЛИ БЫ Я СОЗДАЛ ДВЕ СОВЕРШЕННЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ, Я БЫ СОЗДАЛ ЛИШЬ ОДНУ ВСЕЛЕННУЮ. ЧТОБЫ ОТЛИЧИТЬ ВСЕЛЕННУЮ ОТ СОВЕРШЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ, ОНА ДОЛЖНА ОТЛИЧАТЬСЯ В СВОЁМ ЗЕРНЕ, В СВОЕЙ ТАЙНОЙ ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЕ.

— Тогда создай одну совершенную вселенную и несколько вселенных, структуры которых имеют крошечные изъяны, которых никто никогда не заметит.

— Я ТАК И СДЕЛАЛ. Я СОЗДАЛ МИРИАДЫ ТАКИХ ВСЕЛЕННЫХ. КОГДА Я ИСЧЕРПАЛ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ С ОДНИМ ИЗЪЯНОМ, Я ПЕРЕШЁЛ К ВСЕЛЕННЫМ С ДВУМЯ ИЗЪЯНАМИ, ЗАТЕМ К ВСЕЛЕННЫМ С ТРЕМЯ ИЗЪЯНАМИ, ЗАТЕМ И ТАК ДАЛЕЕ — ЦЕЛЫЙ САД НЕСОВЕРШЕННЫХ ВСЕЛЕННЫХ, ПРОИЗРАСТАЮЩИХ БОК О БОК.

— В том числе моя.

— ТВОЙ МИР НАХОДИТСЯ НА САМЫХ ДАЛЬНИХ ОКРАИНАХ МОЕГО САДА, — признал Бог, — ВДАЛИ ОТ ЯРКОГО ЦЕНТРА, ГДЕ ВСЁ СОВЕРШЕННО И ПРОСТО. ЕСТЬ МИР, СОСТОЯЩИЙ ИЗ ОДНОГО ТОЛЬКО БЛАЖЕНСТВА, С ГИГАНТСКОЙ АЛЕФ В ЦЕНТРЕ. ЕСТЬ ДРУГОЙ МИР, СОСТОЯЩИЙ ИЗ ОДНОГО ТОЛЬКО БЛАЖЕНСТВА, С ГИГАНТСКОЙ БЕТ В ЦЕНТРЕ. И ТАК ДАЛЕЕ — НО СОЗДАЙ МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ ПОДОБНЫХ МИРОВ, И МНЕ ПРИХОДИТСЯ СТАНОВИТЬСЯ ВСЁ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЕЕ. МНЕ НУЖНО ВСЁ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ УХИЩРЕНИЙ, ЧТОБЫ ОТЛИЧАТЬ МИРЫ ДРУГ ОТ ДРУГА. МИРЫ, ГДЕ НЕВЕРОЯТНО СТРАННЫЕ ВЕЩИ ПРОИСХОДЯТ СПЛОШЬ И РЯДОМ. МИРЫ, ГДЕ СЛУЧАЙНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОГОВ ПРИЗЫВАЮТ БОЖЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ. И ЧЕМ БОЛЬШЕ ТАКИХ ВЕЩЕЙ Я ДОБАВЛЯЮ, ТЕМ ВЫШЕ ВЕРОЯТНОСТЬ, ЧТО ОНИ НАЧНУТ СКЛОНЯТЬСЯ КО ЗЛУ. ТВОЙ МИР ОЧЕНЬ ДАЛЕКО ОТ ЦЕНТРА. ОН НАХОДИТСЯ В СЕРЕДИНЕ ОГРОМНОЙ ПУСТОШИ, ГДЕ НИЧТО БОЛЬШЕ НЕ РАСТЁТ. ВСЕ МИРЫ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ БЫТЬ ПОСЕЯНЫ ТАМ, СТАЛИ БЫ МЕРЗОСТЯМИ НЕЧЕСТИЯ. НО В СИЛУ СОВПАДЕНИЯ, НАГРОМОЖДЁННОГО НА СОВПАДЕНИЕ, ТВОЙ — НЕТ. ТВОЙ ВЫРАСТЕТ В НЕЧТО ПРЕКРАСНОЕ, ЧТО ПРОСЛАВИТ МОЁ СВЯТОЕ ИМЯ.

— Он и правда станет прекрасным?

— БЫТ. 1:31. Я ВЗГЛЯНУЛ НА МИР И УВИДЕЛ, ЧТО ОН ХОРОШ. Я СОЗЕРЦАЛ АДАМА КАДМОНА, ЗЕРНО ТВОЕГО МИРА, И УВИДЕЛ, ЧТО ЭТО ДОБРОЕ ЗЕРНО. ЧТО ОНО ВЫРАСТЕТ В НЕЧТО, ГДЕ БЛАГА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗЛА. ЧТО ОНО ЗАСЛУЖИВАЕТ МЕСТА В МОЁМ САДУ — НАРЯДУ С МИЛЛИОНОМ МИЛЛИОНОВ ДРУГИХ ЗЁРЕН, КОТОРЫЕ ВЫРАСТУТ В ДРУГИЕ МИРЫ, ЧТОБЫ В КОСМОСЕ БЫЛО ВОПЛОЩЕНО КАК МОЖНО БОЛЬШЕ БЛАГА.

— Боже, — сказал Иов, — а как же я?

— А ЧТО НАСЧЁТ ТЕБЯ?

— Все мои дети мертвы. Всё моё богатство утрачено. Я покрыт язвами. И ты говоришь мне, по существу, что причина, по которой я покрыт язвами, — это чтобы у тебя была одна вселенная, где я покрыт язвами, и другая, где я ими не покрыт, и тогда у тебя окажется на одну

вселенную больше, чем если бы ты воздержался от того, чтобы покрывать меня язвами?

— НЕ СОВСЕМ. Я НЕ ПРИНИМАЮ КАЖДОЕ КОНКРЕТНОЕ РЕШЕНИЕ О ЯЗВАХ. Я СОЗДАЮ ЗЁРНА ВСЕЛЕННЫХ, КОТОРЫЕ РАСТУТ СОГЛАСНО СВОЕЙ ТАЙНОЙ СТРУКТУРЕ. НО ВЕРНО И ТО, ЧТО Я МОГ БЫ ОГРАНИЧИТЬ СЕБЯ СОЗДАНИЕМ ВСЕЛЕННЫХ, ГДЕ НИКТО НИКОГДА НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ЯЗВАМИ, — И НЕ СДЕЛАЛ ЭТОГО. ИБО ВСЕЛЕННЫЕ, В КОТОРЫХ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ ПОКРЫВАЮТСЯ ЯЗВАМИ, ТАКЖЕ СОДЕРЖАТ МИРИАДЫ ЧУДЕС, И РАДОСТЕЙ, И СВЯТЫХ, И Я НЕ ОТКАЖУ ИМ В СУЩЕСТВОВАНИИ РАДИ ТЕХ, КТО ПОКРЫВАЕТСЯ ЯЗВАМИ.

— Скольких чудес, и радостей, и святых стоит один случай язв, Боже?

— БУДЬ ОСТОРОЖЕН, ИОВ. У МЕНЯ БЫЛ ЭТОТ РАЗГОВОР С АВРААМОМ ДО ТЕБЯ. ОН СПРОСИЛ, СДЕРЖУ ЛИ Я СВОЙ СУД НАД СОДОМОМ, ЧТОБЫ НЕ ПОСТРАДАЛИ ПЯТЬДЕСЯТ ПРАВЕДНИКОВ. КОГДА Я СОГЛАСИЛСЯ, ОН СТАЛ ПРОСИТЬ ЗА СОРОК, ТРИДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ И ДЕСЯТЬ. НО НИЖЕ ДЕСЯТИ НЕ ПОШЁЛ, И Я РАЗРУШИЛ ГОРОД. И ЕСЛИ Я НЕ УДЕРЖАЛСЯ ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ РАДИ ГОРСТКИ ПРАВЕДНИКОВ, КОТОРЫМ ПРЕДСТОЯЛО ПОСТРАДАТЬ, — ТЕМ БОЛЕЕ НЕ ДОЛЖЕН Я УДЕРЖИВАТЬСЯ ОТ ТВОРЕНИЯ.[761]

— Значит, мне просто сидеть здесь и тихо страдать?

— ПОКА НЕ УМРЁШЬ, И ТВОЯ ДУША НЕ БУДЕТ ИЗЪЯТА ИЗ МИРА, И Я СМОГУ ДАРОВАТЬ ЕЙ ВЕЧНОЕ БЛАЖЕНСТВО, НЕ ЗАБОТЯСЬ ОБО ВСЁМ ЭТОМ.

— Это, блядь, слабое утешение, *Боже*.

Тогда Господь заговорил с Иовом из вихря:

— ВИДЕЛ ЛИ ТЫ ОСНОВАНИЯ ЗЕМЛИ? ВИДЕЛ ЕЁ ОПОРЫ И КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ? ВИДЕЛ, КАК ВСЕ СЫНЫ БОЖЬИ ПЕЛИ ВМЕСТЕ И УТРЕННИЕ ЗВЁЗДЫ ВОСКЛИЦАЛИ ОТ РАДОСТИ? ВИДЕЛ ЛИ ТЫ ВОРОТА МОРЯ? ПУТЫ ПЛЕЯД И ПОЯС ОРИОНА? ЛЬВОВ, ВОРОНОВ, ДЕТЁНЫШЕЙ ЛАНИ И МЕДВЕДИЦЫ? ВЗГЛЯНИ НА БЕГЕМОТА, КОТОРОГО Я СОЗДАЛ РЯДОМ С ТОБОЙ, И НА ЛЕВИАФАНА, ОБИТАЮЩЕГО В МОРЕ. МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ВСЕХ ЭТИХ ЧУДЕС НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ, ЧТОБЫ ТЫ

МОГ ИЗБЕЖАТЬ ЯЗВ? МНЕ ПОРАЗИТЬ ИХ РАДИ ТЕБЯ? СКАЖИ — И Я УНИЧТОЖУ МИР ОДНИМ СЛОВОМ.[762]

И пока Он говорил, вихрь принял форму, и Иов увидел все эти вещи: пределы Земли и врата Небес, мириады животных — от Левиафана до мельчайшего микроба, величие молнии и мрак глубочайших пещер, египетские пирамиды и китайские пагоды. И он знал — вернее, чем когда-либо знал что-либо прежде, — что Бог мог покончить со всем этим одним словом и что существование каждого из них, до единого, зависит от того же зерна, из которого выросли и его язвы.

И Иов сказал: «Знаю, что Ты всё можешь, и что намерение Твоё не может быть остановлено. Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя. Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле. Но… почему Ты не мог сказать мне этого раньше? Почему мне нужно было страдать в неведении?»

— ТВОЙ МИР НАХОДИТСЯ НА КРАЯХ МОЕГО САДА. ЕСЛИ БЫ НЕ СОВПАДЕНИЕ, НАГРОМОЖДЁННОЕ НА СОВПАДЕНИЕ, ОН НИКОГДА НЕ РАСЦВЁЛ БЫ В ДОБРО И ПОТОМУ НЕ МОГ БЫ БЫТЬ СОЗДАН. ТВОЁ НЕВЕДЕНИЕ О МОЁМ ЗАМЫСЛЕ НАЧИНАЕТ ЦЕПОЧКУ СОВПАДЕНИЙ, КОТОРАЯ БУДЕТ РАСТИ И РАСТИ, ПОКА В КОНЦЕ МИРА НЕ ПРИНЕСЁТ ПЛОДА. ЭТОТ ЗАМЫСЕЛ ТЕПЕРЬ ИСПОЛНЕН. ИДИ И ВНОВЬ ОБРЕТИ ВСЁ, ЧТО ПОТЕРЯЛ, НО НЕ ГОВОРИ НИКОМУ О ТОМ, ЧТО Я ТЕБЕ ПОВЕДАЛ.

— Но… я сказал всем, что собираюсь спросить Тебя о смысле зла. Когда они захотят узнать, что Ты ответил, что мне им говорить?

— СКАЖИ ИМ, ЧТО Я СКАЗАЛ: «ИДИ ЛОВИ РЫБУ».[763]

IX.

Ана созерцала в вихре испытания Иова и ответ Господа, и всю цепь бытия, и Плеяды и Орион, и Левиафана и Бегемота, и все чудеса и радости и праведников мира, выстроенные в ослепительный ряд — ответ Бога на проблему зла, произнесённый с яростью смерча, обнажавшей вселенную до самых корней.

— Меня это не убеждает, — сказала Ана Тёрмонд.

— ТЫ НЕ ДУМАЕШЬ, ЧТО ЭТО ТОГО СТОИТ?

— Я думаю, ты должен был предложить нам выбор.

— ДО СОТВОРЕНИЯ МИРА Я ГОВОРИЛ С АДАМОМ КАДМОНОМ В МОЁМ САДУ. Я ПРЕДЛОЖИЛ ЕМУ ВЫБОР: ОСТАТЬСЯ В РАЮ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БЫТИЯ ИЛИ ВКУСИТЬ ДОБРА И ЗЛА, ОТДЕЛИТЬСЯ ОТ МЕНЯ И ОБРЕСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. ОН ИЗБРАЛ ПОСЛЕДНЕЕ.

— Нет, а как насчёт нас? Не великого замысла космоса, не Адама Кадмона до сотворения мира — нас. А как насчёт меня?

Голос Бога произнёс из вихря:

— ТЫ, КОТОРАЯ ВСЕГО ДВА ДНЯ НАЗАД ВОСПАРИЛА ТАК ВЫСОКО, ЧТО ЕДВА НЕ ПОКИНУЛА МИР И НЕ РАСТВОРИЛА СВОЮ ЛИЧНОСТЬ В РАДОСТИ ПРЕВЫШЕ ВСЯКОГО БЫТИЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЕБЯ СПАСЛИ МОЙ КОРАБЛЬ И КОМАНДА? И КОТОРАЯ СКАЗАЛА, ЦИТИРУЮ: «ГОСПОДИ, Я ЕДВА НЕ ОЩУТИЛА ГОРНЕЕ ЛИКОВАНИЕ. ЭТО БЫЛО УЖАСНО».

— Тогда… — Ана едва сдерживала слёзы. — Как насчёт Ада? Как насчёт всех тех, кто живёт, а потом умирает и навеки оказывается в страдании без выхода? Разве у них не должно было быть выбора? Ты сказал, что наш мир благ в совокупности. Ну, так он не благ. Я не знаю, каким исчислением ты пользуешься и как ты оцениваешь эти вещи, но мне всё равно. Пока существует Ад, ты ошибся — что бы ты ни увидел в Быт. 1:31 и что бы ни побудило тебя назвать наш мир, цитирую, «хорошим». Да, я это сказала. Меня зовут Ана Тёрмонд из Сан-Хосе, Калифорния, и сим обвиняю тебя в том, что ты ошибся.

Пока Ад существует и вечен — ты был неправ, создавая мир, ты неправ, поддерживая его, и мне всё равно, какая у тебя замечательная рыба, — *ты ошибаешься насчёт проблемы зла*.

— ДА, — сказал Бог. — ИЗ ЧЕГО СЛЕДУЕТ, ЧТО АД НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЕЧНЫМ. Я НЕ ГОВОРИЛ, АНА ТЁРМОНД, ЧТО ТВОЙ МИР ХОРОШ СЕЙЧАС. Я СКАЗАЛ, ЧТО АДАМ КАДМОН, ЕГО ЗЕРНО, БЫЛ ДОБРЫМ ЗЕРНОМ. ЧТО ОН БУДЕТ РАСКРЫВАТЬСЯ — ШАГ ЗА ШАГОМ, ВЫВОДЯ СЛЕДСТВИЕ ЗА СЛЕДСТВИЕМ ИЗ СВОИХ ПРЕДПОСЫЛОК — ПОКА НАКОНЕЦ ЕГО СОБСТВЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ ЛОГИКА НЕ ЗАВЕРШИТСЯ ЕГО СПАСЕНИЕМ.

— *Как?* — спросила Ана, умоляя, заклиная, крича.

— ПРИДИ И УВИДЬ, — сказал Бог.

Тогда Левиафан развернулся, разверз свою исполинскую пасть и поглотил «*Всем Сердцем*». Одно безумное мгновение корабль метался в пасти чудовища, а затем монстр сомкнул челюсти, раздробив корабль и всех, кто был на борту, на мельчайшие куски.

Глава 72

И строит Рай в отчаянье Ада

В этой повести — влюблённый, Но рассказ не нов — всё тот же след. Есть для муки колыбельная — Парадокс за всё в ответ. Но так сказано в Писании: То не праздный аргумент. Ты желаешь больше мрака — Мы огонь сведём на нет.
— Леонард Коэн[764]

Вечер, 14 мая 2017 года
Цитадель Запада

I.

Соху толчком распахнула тяжёлую стальную дверь и вошла в тронный зал.

— Привет, — сказала она.

Остальные бросились к ней, обняли, начали засыпать вопросами. Даже *я* подбежал и обнял её — поддался общему порыву. Только Каэлиус остался на месте, уставившись в экран компьютера, время от времени нетвёрдо вытягивая палец, чтобы нажать клавишу или щёлкнуть переключателем.

— Ты жива! — сказала Натанда чуть слишком удивлённо.

— Тамиил… не побеспокоит нас… какое-то время, — произнесла Соху. — Вызвала Уриила. Он помог справиться. Я… устала. Есть что поесть?

В тусклом свете Светоносного Имени трудно было судить, но выглядела она *совсем выжатой*. Поскольку привычной прислуги не было, я побежал раздобыть ей

что-нибудь. Когда я вернулся с банкой печенья, с Натандой разговаривали двое солдат.

— Другой Король прорвал перевалы, — объявила она нам. — Все отступают. Полный разгром. Он летит сюда. Один. Меньше часа. Несколько минут.

Мы молчали. Соху схватила печенье, сунула в рот.

— Пока тебя не было, мы читали об этом Ахере, — сказала Цзиньсян Соху. — Элиша бен Абуйя. Странный тип. Очевидных слабостей нет. Знаешь что-нибудь, чего не знаем мы?

— Всегда, — ответила Соху. — Но ничего полезного.

Каэлиус приковылял к нам, присоединился к нашему кругу и почти рухнул в кресло.

— Она перезагружается, — сказал он. — Не знаю, сколько это займёт. Компьютер такого размера… Он осёкся. Я не мог поверить, что он вообще ещё в сознании. Никто из нас не решался предложить ему уйти. Какое-то время мы все просто сидели там, тихо, в темноте. Несколько украдкой брошенных взглядов на вход — точно Другой Король уже миновал огромную взрывозащитную дверь и вот-вот войдёт. Почти с надеждой. Что угодно было лучше, чем сидеть тихо в тёмной комнате.

Наконец Натанда подняла книгу.

— Наверное, мне стоит поговорить, — сказала она. — Здесь нет ничего о тайных слабостях или магических заклинаниях. Но историй много. Вот история о том, как каждый год, в День Искупления, из святых мест звучал великий глас: «Покайтесь, сыны Израиля, ибо Господь Бог ваш милосерден и простит вас. Кроме тебя, Элиша бен Абуйя».

— А люди пошли к рабби Меиру, который был учеником Ахера ещё в те времена, когда тот оставался праведником, и любил его — потому что в те дни люди любили своих учителей сильнее жизни, что бы ни случилось, — и сказали рабби Меиру: бросьте это дело, даже Бог не простит Ахера. А рабби Меир только засмеялся и сказал, что этот глас — испытание, и что если Ахер сможет покаяться, зная, что Бог его не простит и это ничего ему не даст, то это и будет самым подлинным

покаянием, и все его грехи смоются, и он воссияет ещё ярче, чем прежде.

Голос Натанды завораживал. Я чувствовал, как уплываю, видел эту сцену: бородатый старый рабби Меир стоит перед свитком Торы, спорит с людьми, защищает своего учителя даже против Бога.

— А потом я прочла: однажды Ахер умер, и люди сказали: это нехорошо, ведь он так и не покаялся. А рабби Меир засмеялся и сказал, что он, конечно же, покаялся в сердце своём и теперь в Раю. И тут из могилы Ахера пошло пламя, и люди такие: мы не раввины и не знатоки знамений, но с теми, кто в Раю, такого вроде бы не бывает. А рабби Меир сказал: ладно, но Бог в конце концов смилуется и искупит его. И люди снова: мы, конечно, не специалисты, а вы тут с раввинской степенью, но из святых мест очень ясно прозвучал глас, что этого не случится. И рабби Меир сказал: ладно, может, Он и не искупит, но тогда он, рабби Меир, искупит Ахера сам.[765]

— И люди сказали: что, это же вообще не имеет смысла, разве искупление не за Богом одним? А рабби Меир сказал, что это не *совсем* так. Что всё сделанное нами при жизни эхом уходит в будущее, и добрые дела, казавшиеся крошечными в момент совершения, могут расти и расти, пока не поглотят весь мир, и если ангелы-писцы сбросили их со счетов при первом разборе дела, можно подать апелляцию. И что однажды, когда он изучал Тору под руководством рабби Элиши бен Абуйи, рабби Меир получил от него нечто — крошечную искру добра, — и именно она вдохновила его самого быть добрым на протяжении всей жизни. Поэтому он обучит своих учеников добру, и те обучат своих учеников, пока мир не станет безопасным и свободным, и всё это будет благодаря одному человеку — Ахеру, злому-презлому человеку, который не захотел каяться. И Бог будет вынужден записать эти деяния на счёт Ахера, и тот поднимется в Рай — так и не раскаявшийся.

Земля задрожала, словно кто-то бил по горе издалека, но Натанда не прекращала говорить.

— И люди спросили: как это вообще работает? А рабби Меир сказал, что всё это разыгрывается на скрытых уровнях, что смысл — в том, чтобы высвободить искры Божественности, застрявшие среди клипот мира,[766] и что каждое наше действие меняет и перенаправляет течение тонких потоков, несущих эти искры. И хотя Ахер умер без покаяния, хотя всё, что он делал, материальному взору казалось злом и лишённым заслуг, — за кулисами искры сдвинулись в новые конфигурации: целые огненные реки искр текут через рабби Меира и через всех остальных людей, которых он коснулся при жизни. И когда все эти реки сольются и достигнут моря — к нам придёт Машиах, Спаситель, и весь мир примирится с Богом. Не говорите, — сказал он людям, — что что-то принесло лишь зло, что какая-то жизнь прошла напрасно. Говорите лучше: пока видимый мир гниёт и разрушается, где-то за пределами нашего понимания закладывается основа для Машиаха и окончательной победы.

Дрожь усилилась. Я снова подумал о том стихотворении — стихотворении Валери. *Правда вечно на эшафоте, Кривда вечно держит трон, — но эшафот вершит грядущее; там, за мглою времён, Бог стоит в тени, над Своими бодрствует Он.*

— Наверное, вот что мне сегодня нужно сказать всем вам. Отец ушёл. Все мы думали, что он Машиах — мы *знали*, что он Машиах — но теперь его нет, и порой кажется, будто его никогда и не было. Мы чувствовали, что несём это бремя: сохранить его наследие, взять то, что он создал, и завершить его дело, а не дать ему обратиться в ничто. Я… не уверена, что нам это удастся. Быть может, этот странный эксперимент, это новое вторжение Небес в историю, закончится на нас, и всё, что строил Отец, будет снесено. Но даже если так — мы делали добро. Мир, может, и не вспомнит об этом, но мы делали добро. Теперь искры движутся по иному узору — я не вижу их, никто из нас не видит, — но, возможно, они движутся огромными огненными реками благодаря тому, что сделал Отец. Может быть, если бы мы могли снять завесу, мы увидели бы этот удивительный бесконечный

свет, этот неизбежный прилив, готовый захлестнуть всё, — прилив, который мы все помогали поднять. Вот… вот что, думаю, сказал бы рабби Меир, будь он здесь.

Я никогда не осмелился бы заговорить после Натанды, никогда не осмелился бы высказаться на торжественном совете потомков Короля Комет — если бы Соху не почувствовала мои мысли и не подтолкнула меня. [Да, Аарон,] — подумала она. [Говори.] А когда я всё равно медлил, она встала.

— Аарон хочет кое-что добавить, — сказала она. И снова села.

— Эм. — Четыре пары глаз смотрели на меня. — Когда я впервые выучил Животворящее Имя, моя подруга спросила, что я хочу с ним делать. И было столько возможностей, понимаете? Разбогатеть. Захватить власть. Баллотироваться в президенты. Я сказал ей, что мы не можем делать ничего из этого. Я сказал… я сказал, что хочу стать следующим Королём Комет.

Я ждал, что потомки Короля Комет засмеются над этим. Они не засмеялись. Далеко послышался чудовищный грохот.

— Я сказал это, потому что слышал обо всём, что сделал ваш отец. Слышал, как он один на один противостоял Тамиилу в Сильверторне. Слышал, как он остановил Властелина Наркотиков. Слышал о его Крестовом походе — как он маршировал в Якутск с миллионом солдат, пытаясь спасти души, обречённые на Ад. Все слышали об этих вещах. В мире, где был Король Комет, невозможно было просто хотеть быть богатым, или знаменитым, или важным. Ты хотел того же, что было у него. Назовите это добром. Назовите это святостью. Это была самая мощная сила, с которой я когда-либо сталкивался. Ахер, может, и вдохновил рабби Меира, но ваш отец вдохновил *всех*. И вы тоже. Мне как каббалисту далеко до любого из вас, но искры, которые вы зажгли, даже не скрыты. Они на виду. Я рад, что успел узнать вас, рад, что вы существовали. Если это вообще что-то значит.

Потом дверь разлетелась вдребезги, и Другой Король вошёл в зал.

II.

Не знаю, собирался ли я хоть как-то вмешаться в бой, но символы и энергии, хлынувшие с обеих сторон через зал в тот момент, когда дверь начала скрипеть, мгновенно выбили у меня из головы эту мысль. [Призрачное Имя!] — подумала Соху, и я произнёс его быстрее, чем когда-либо что-либо произносил в жизни, и стал невидимым. Другой Король почти лениво плыл сквозь мистическое оружие, летевшее в него со всех сторон, останавливаясь лишь затем, чтобы то тут, то там смахнуть алым рукавом несколько заклинаний.

Натанда прыгнула на Чёрный Опаловый Трон и начертала мем, ламед и каф. *Мелех* — «королевская власть» или «царство», но также созвучное слову *малах* — «ангел».[767] Мощный двойной смысл, естественное оружие королевы, происходящей с Небес.

Другой Король даже не дрогнул. Просто указал пальцем, добавив одну точку, изменив огласовки. *Молох* — бог, принимавший жертвоприношения детьми. Нечестивый царь Ахаз приносил своих сыновей и дочерей в жертву Молоху, вызвав гнев Иеремии и побудив его пророчествовать о падении Израиля. Силы перекрутились, символические смыслы изменились. Царские дети, убитые демоническими силами. Великий народ, падающий. Натанда охнула, рухнула на пол, и прежде чем она успела опомниться, Другой Король ударил её голой рукой. Она что-то нечленораздельно вскрикнула, потом это превратилось в бульканье, и её глаза закрылись.[768]

Почти одновременно Каэлиус с трудом поднялся из кресла. Он едва мог стоять, и всё же шагнул в Йециру. Молох, бог жертвоприношений детьми. Он потянул за нить. *Жертвоприношение*. Вот он — сломленный, почти мёртвый. Он принесёт себя в жертву, пожертвует жизнью ради Колорадо и победы. *Жертвоприношение*. *Корбан*. Куф, реш, бет.

Не отводя глаз от Натанды, Другой Король перекрестил нити. Куф, бет, реш. *Кебер*. Могила. Никакой жертвы. Просто жалкая смерть. Каэлиус открыл рот, чтобы что-

то сказать, потом упал на пол. Он пополз за ТАРМАС, пытаясь укрыться от смертельного удара за корпусами суперкомпьютеров. Другой Король указал на него, и компьютеры вместе с потомком Короля Комет на мгновение вспыхнули синим пламенем, а потом осели в пепел.[769]

Тогда Цзиньсян вышла из Йециры и встала лицом к Другому Королю.

— АХ ТЫ УБЛЮДОК! — закричала она. — ТЫ УБИЛ МОЮ СЕСТРУ! ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА! ДА ПОШЁЛ ТЫ НАХУЙ!

Соху что-то делала рукой, бормоча про себя, сгибая энергии, тихо вливая силу в Цзиньсян, настороженно наблюдая.

— И ЗНАЕШЬ ЧТО? У МЕНЯ ЕСТЬ ТВОЁ ИСТИННОЕ ИМЯ!

Другой Король не ответил, просто стоял, словно ждал, когда она изложит свои доводы.

— Ты — Элиша бен Абуйя! Ты увидел, как мальчишка украл воробья с дерева, решил, что это такая большая проблема, — и объявил войну Богу! И знаешь что? Когда мне было девятнадцать лет, я видела, как мой отец упал с неба! Знаешь почему? Потому что ты его убил! А потом ваши ублюдки пытались удержать его тело, и мне пришлось убить сотню из вас, чтобы забрать его назад! Мой отец дороже любого воробья! И вместо того чтобы объявлять войну Богу, как долбаный психопат, я сказала себе: просто перебью к чёртовой матери всех причастных! Натанда всегда хотела только одного — быть мудрой и доброй королевой! А Каэлиус просто хотел строить замечательные вещи, которые радовали людей! И ты их убил! Так что теперь ты имеешь дело со мной! А я? Я всегда хотела только одного — всадить мой волшебный меч в твой долбаный череп! Ну давай, ублюдок! У МЕНЯ ЕСТЬ ТВОЁ ИСТИННОЕ ИМЯ!

В её руках оказался великий меч Вздох, и она метнулась к Другому Королю. Магия Соху подстегнула её, тысяча еврейских и енохианских символов завихрилась вокруг неё. Она была похожа на падающую звезду, летя через зал, светясь магией, с мечом перед собой как копьём.

Каким-то образом она умудрилась вообще не задеть Другого Короля.

[ЭЛИША БЕН АБУЙЯ — НЕ МОЁ ИСТИННОЕ ИМЯ,] — подумала фигура в алом.

Я увидел, как Цзиньсян поднялась, отряхнулась, уже не такая уверенная в себе.

— Кто ты? — спросила она.

Другой Король откинул назад капюшон алого одеяния.

Что я запомнил из того мгновения — так это полное отсутствие удивления на лице Цзиньсян, когда она увидела отца: точно знала это с самого начала — на каком-то уровне, слишком страшном, чтобы о нём говорить.

Вздох вырвался из её рук, прыгнул в руки Короля Комет. Он кинулся на неё. Она была без оружия. Она отскочила, споткнулась, упала. Взмах Вздоха. Она закричала, умирая, проклиная имя отца.

Король Комет двинулся к Соху.

Я видел, как она сосредотачивает свои силы. Символы полыхали вокруг неё, кружась как светляки, испуская десятицветный свет во все стороны. Я чувствовал, как горы сотрясаются, пока она собирала мощь. Целые отрывки Торы, целые грани Адама Кадмона множились и сгущались вокруг неё — узоры головокружительной сложности.

— Я не хочу этого делать, Отец, — сказала она. — Я не хочу с тобой бороться. Это не ты. Остановись.

Он продолжал идти.

— Но, — сказала она, — я поклялась тебе, что не умру раньше тебя. Видишь, Отец. Я не нарушу обещания.

Потом она высвободила свою силу, и меня ненадолго сбило с ног волной невыразимого белого света, заполнившего комнату. Волна ударила в Короля Комет, сорвала с него одежду, кожу и мышцы, оставив скелет. Но он не упал. Медленно, мучительно мышцы, кожа и одежда восстановились из света и магии, и он продолжал идти. Он поднял меч.

— Пророчество говорит, что я умру с криком и проклятиями в твой адрес, — сказала она ему. — Но я — небесный каббалист. Я стою выше пророчества. Ты

можешь убить меня, Отец, но я не буду проклинать твоё имя. Я доверяю тебе, Отец. Я не буду проклинать тебя. Я не буду…

Я зажмурился от ужаса, но через телепатическую связь всё равно почувствовал её смерть. Это было страшно, мучительно и внезапно, но она не прокляла его — даже мысленно.

Я открыл глаза.

Король Комет смотрел прямо на меня.

— Аарон Смит-Теллер, — сказал он.

III.

Он сидел на Чёрном Опаловом Троне, будто это было самым естественным делом на свете. Он снял алые одеяния и теперь был в привычном чёрном с серебром.

— Подойди, — сказал он, и я двигался медленно, как в тумане, как во сне. В роли Другого Короля он всегда пользовался *хашмалем*. Никогда не говорил вслух. Потому что его голос был полон скорби и мудрости. Голос Короля Комет. Никто и никогда не мог бы спутать его с другим голосом.

Я сел на стул прямо перед ним, чувствуя себя голым под его тёмно-карими глазами.

— Аарон, — спросил он. Голос его был добр и участлив, как у хорошего человека; мне хотелось дать ему всё, что он только захочет, — хотя я только что видел, как он убил всех четверых своих детей. Это не укладывалось в голове, противоречие готово было разорвать меня изнутри, но страх удерживал всё на месте, так что я просто сидел и смотрел на него. — Аарон, ты знаешь Имя?

Конечно, я знал его. Я слышал настоящую версию во время злополучной попытки Соху вдохнуть душу в ТАРМАС, ныне уничтоженный. РОС-АЙЛЕ-КАФИЛУТОН…

— Не это Имя, — сказал Король Комет, читая мои мысли. — Настоящее Имя. Шем ха-Мефораш.

— Нет, — сказал я.

— Хм, — произнёс Король Комет. Он выглядел озабоченным.

Насколько я мог судить, моя жизнь всё ещё была в опасности. Законы физики были нарушены, мир рушился вокруг меня. А мой герой детства вдруг появился посреди всего этого — самым ужасающим и впечатляющим образом — убил всех и теперь пристально наблюдал за мной. Это была ситуация, требующая немедленных решительных действий.

Я расплакался.

Я плакал и плакал и плакал. Все были мертвы. Натанда, Каэлиус, Цзиньсян, Соху. Даже Ана и Валери были мертвы — я чувствовал это, ощущая, как слабеют связи туда, где должны были быть их умы. Бромис мёртв. Сара мертва. Уриил мёртв. И они были готовы ко всему, только не к этому. Натанда, по сути, сказала, что, покуда у них остаются добрые воспоминания об отце, они могут умереть счастливыми. И вот — это! Нет, он тоже мёртв. Всё мертво. Я плакал и плакал.

К тому времени, как я остановился, Король Комет стоял передо мной на коленях, положив руку мне на колено.

— Аарон, — говорил он, — не плачь. Мы победили. Аарон, мы победили.

— Что?

Он придвинул стул — не трон, просто другой стул — и сел прямо передо мной.

— Восемнадцать лет назад я попытался произнести Шем ха-Мефораш и уничтожить Ад. Я потерпел неудачу. Я был слишком далеко. Я думал, что смогу пробиться к Байкалу, а там буду вблизи Ада и смогу ударить по нему наверняка. Это работает не так. Ад — не просто место. Это как сказал Мильтон: ум может сделать Рай из Ада или Ад из Рая.[770] Я был в Аду, но не принадлежал ему.

— Исайя говорит, что Машиах будет сочтён величайшим из грешников.[771] Я понял: я не смогу уничтожить Ад снаружи, но попасть в Ад легко. Это делают миллионы каждый день. Я мог сделать то же самое. Свести на

нет накопленные за всю жизнь добрые дела террором и угнетением.

— Единственное, что стояло у меня на пути, — это моя собственная совесть. Я не мог накапливать грехи ради того, чтобы попасть в Ад. Я делал бы это ради общего блага. Само по себе это сделало бы меня недостойным Ада. Идеальный парадокс.

— Я бы сдался тогда, если бы не Робин. Она спасла меня. Она принесла себя в жертву, чтобы дать мне шанс.

— Понимаешь, что я сделал? Я стал геноцидным тираном не для того, чтобы спасти миллиарды душ в Аду. Я сделал это, чтобы спасти её. Пятнадцать лет убийств и угнетения — и я ни разу не думал ни о ком другом. И если бы в Аду не было ни единой души, кроме её, я потратил бы эти пятнадцать лет точно так же. Понимаешь, насколько это порочно? Я обрёк себя на Ад, Аарон. Там, где все мои ангельские силы потерпели поражение, моя человеческая слабость победила. Мой отец сейчас, наверное, хохочет.

— Я нашёл ошмётки разгромленного культа смерти в Лас-Вегасе, составил себе легенду из их бреда. Одолжил голема у Гадириэль, симулировал собственную смерть, взял новую личность и никогда не показывал лица. Если бы они знали, что это я, они бы разгадали мой план и добровольно пошли на смерть. Было бы опустошение без страдания. Это не сработало бы. Я думал, что справлюсь. Завоевать Запад было легко. Убивать людей — легко, как только… привыкаешь. Но часть меня всегда знала, что этого недостаточно. Миллион мелких грехов не складываются в мерзость. Во мне ещё оставалось добро. Я не хотел убивать своих детей. Я думал, что смогу избежать этого, думал, что если совершу достаточно других грехов, или буду изучать до тех пор, пока не найду лазейку, — может, всё же обойдётся. Потом появился ты. Если бы твоя идея с компьютером сработала, Колорадо стало бы непобедимым. Я не смог бы ей противостоять. Мои дети ввели бы новый золотой век, воцарились бы мир и изобилие для всех, и это стало бы величайшей катастрофой в истории мира. Всё это не имело бы ни малейшего зна-

чения, пока Ад оставался нетронутым — понимаешь? Они бы победили меня, мне пришлось бы раскрыть свою личность или умереть святым, и Ад продолжался бы в любом случае. Я не мог этого допустить. Я был как Ахер — переступивший точку невозврата. Бедная моя Робин, вырванная из гнезда. Как я мог позволить Богу оставить это безнаказанным?

— Поэтому я сделал единственное, что мог. Мой дядя знал всё с самого начала. Я связался с ним, велел уничтожить проект. Потом я уничтожил Машину Уриила, чтобы не дать им попробовать снова. Потом пришёл сюда. Я не мог позволить Тамиилу убить моих детей — не мог. Если им суждено было умереть, я бы сделал это сам. И вот мы здесь. Они умерли с криком, как я всегда и знал. Последний и самый непростительный грех. Предать того, кто любит тебя безоговорочно. — Он помолчал секунду. — Я презираю себя, Аарон. Я презираю себя и хочу умереть. Я не боюсь, что не попаду в Ад. Я уже в Аду. Но… когда я впервые решился на это, архангел Метатрон рассердился, сказал, что я оскверняю Имя, что не могу держать Шем ха-Мефораш в голове, будучи убийцей. Он сказал, что в конце всего вернёт его мне — если от моей души ещё останется достаточно, чтобы произнести его. Я думаю, что так и есть. Я думаю, что обречён на Ад, что я совершенно, чудовищно зол, что, какие бы лазейки Тамиил ни выискивал, он не сможет удержать меня снаружи, — но что Божественная искра, любовь к добру, во мне ещё есть. Я всё ещё могу произнести Имя. Но кто-то должен передать его мне. Ты когда-нибудь читал Сефер ха-Башир?[772]

Я слабо кивнул.

— Бог записывает Шем ха-Мефораш на лбу первосвященника Аарона. И вот ты, Аарон, явился в конце всего. Слишком много совпадений. Слишком странен путь, приведший тебя сюда. У тебя есть Имя для меня — знаешь ты об этом или нет. Думай!

Он произнёс это как заповедь. И я стал думать. Почему-то я подумал о том стихотворении: *«Обращают в рабство внуков те, кто мирится с грехом»*. Я вспомнил

Лас-Вегас, где легкомысленно процитировал его, использовал, чтобы оправдать то, что поставил весь мир на кон ради спасения Аны. Процитировал, убеждая себя, что любое попустительство злу, даже ради большего блага, — сделка с грехом. Я думал о Короле Комет. Который в одном смысле только что признался в величайшей такой сделке за всю историю. Но который в другом смысле, возможно, был единственным человеком в истории, так и не пошедшим на сделку с грехом. Он решил, что правильно. Потом сделал это. Без отговорок. Без колебаний. Просто единый горящий принцип, которому он следовал, куда бы тот ни привёл, — хоть в сам Ад. Я думал, что сказала бы об этом Ана.

И тут я подумал об Ане. В меня хлынули чужие воспоминания. Она пришла в каюту капитана, встала перед ним, сказала, что он — Метатрон, и потребовала ответов. Он спросил, хочет ли она Явного Имени. Она отказалась. Я знал, что она откажется. Она всегда хотела только одного. Она потребовала, чтобы капитан дал ей тот ответ на Иова, которого она всегда искала, — и он дал его. Бог есть summum bonum, высшее благо, неудержимая сила, максимизирующая радость и совершенство во всём сущем. Но чтобы творить, Он должен был отступить; чем больше Он отступал, тем больше творил, — бесконечные формы прекраснейшие,[773] купленные ценой этих двух серебряных монет нечестия. Мир — это тонкий баланс между совершенным благом, лишённым мысли, и множественностью, настолько несчастной, что её крохи добра казались насмешкой. Сотворённая вселенная сама по себе предназначена для восстановления этого баланса, и когда все искры наконец будут рассортированы — добро и зло возвращены в соответствующие им сосуды, каждый цвет очищен, — мы снова примем решение, и цикл начнётся вновь.

— О боже, — сказал я. — Мне так жаль. Моя подруга Ана должна была получить Шем ха-Мефораш с того же корабля, который вы когда-то захватили, — но когда она нашла Метатрона, она не захотела Имени, а вместо этого

спросила его о теодицее. Он так и не сказал ей. Теперь её нет.

Но Король Комет улыбался.

— Да, — сказал он. — Я прочитал твои мысли. Всё это у тебя в голове. Большую часть я и сам уже понял, но хорошо услышать это вслух.

— Почему?

— Потому что любое достаточно хорошее описание Бога есть также нотарикон Его Святейшего Имени.[774]

— …правда?

— Бог Един, и Имя Его Едино. Бог Един со Своим Именем. Люди всегда говорят, что Бог — не личность, но тогда что Он такое? Для меня Он всегда был чем-то вроде логической необходимости. Необходимостью того, чтобы всё в космосе было настолько благим, насколько возможно. Понять благость — значит понять Бога. Понять Бога — значит понять Его Имя. Понять Имя — значит переделать мир. Вот что такое каббала. Остальное — лишь комментарий. Мучительный, невыносимый комментарий, убивающий всех, кого ты любишь.

Он встал, пошёл к трону.

— Если кто-нибудь когда-нибудь спросит тебя, что здесь произошло, — расскажи всё. Ничего не приглаживай. Скажи им, что они кричали, умирая.

— Соху не кричала.

Он остановился на секунду.

— Нет, наверное, не кричала. Вера — странная вещь.

Он сел на Чёрный Опаловый Трон. Взял великий меч Вздох в правую руку, направил острие на свою грудь. Помедлил секунду, уставился на него — чёрный металл, покрытый кровью.

Я увидел это как в видении. Он умрёт. Он пойдёт в Ад — по-настоящему, на этот раз. Он встанет на столп и будет смотреть на поля пламени внизу, слыша крики в последний раз. Он произнесёт семьдесят две буквы Явного Имени Бога. Пламя стихнет. Клетки рассыплются. Он укажет пальцем, и его жена полетит к нему. Они будут стоять вместе над руинами. Пойдёт дождь. Реки потекут по разрушенной земле. Из земли вырастут цветы. Люди

выйдут, прихрамывая, и у вод запоют ту же песнь, что пела Мириам у Красного моря. *«Пойте Господу, ибо высоко превознёсся Он. Господь будет царствовать во веки и в вечность»*.[775]

Я видел всё это, и одновременно видел Короля Комет на троне с мечом в руке. Страх, сожаление, сердечная боль — любая из тысячи вещей могла сдерживать его. Я вспомнил старый стих из Рубаи — тот же, о котором думал, когда Ана читала нам Иова, давным-давно:

О ты, кто сердцем по горящим сам сгораешь,
Собой в свой срок огонь их Ада подпитаешь;
Доколе будешь взывать: «Господь, помилуй их»?
Кто ты — Его учить? А Он — учиться у тебя?[776]

Потом Король Комет пробормотал почти неслышно: «Кто-то должен — а больше некому» — и вонзил меч в сердце, и умер.

IV.

Шум моего дыхания то нарастал, то стихал. Кровь потекла маленькими ручейками, словно исследуя рельеф, а потом скопилась в неровные неподвижные озерца. Я просто сидел там, оглушённый. Сидел на стуле, смотрел на тело Короля Комет, пока свет Светоносного Имени не померк, не погас — и всё вокруг не погрузилось во тьму. Ничто не шевелилось. Я думал: убежали ли остальные обитатели цитадели, или Другой Король убил их, или они притаились в своих покоях за запертыми дверями. Тишина и одиночество были как лоно, или как пустота до Творения. *В начале земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог…*[777]

Это был слабый голос — почти неразличимый — слышимый не ушами, а сокровеннейшими глубинами мысли. Будь тьма и тишина хоть немного менее полными, я бы, наверное, пропустил его. И голос сказал:

[Свят-дыхало святых.][778]

Конец Книги IV.

Эпилог

Если мы достойны, наш Владыка искупит нас по справедливости, а если нет — по милости.
— Раввинское изречение[779]

Вечер, 14 мая 2017 года
Цитадель Запада

И голос сказал:

[Свят-дыхало святых.]

[Ана! Ты жива!]

[Не… совсем.]

[О.]

[Но вроде того! Оказывается, у каббалистического брака есть скрытые свойства, о которых мы и не подозревали. Столько ночей мы искали подсказки в Библии — и пропустили такую громадину.]

[Надо было поискать у По.]

[По?]

[«И ни ангелы в горнем Раю,
ни демоны в бездне морей
не разлучат душу мою
с душою прекрасной Аны моей…»][780]

[Снимите уже комнату, голубки!]

[Валери?!]

[Удивлён, что видишь меня здесь?]

[Да!]

[Кажется, я умерла незадолго до Аны. Похоже, из-за этого я оказалась у неё в голове, а когда Ана перебралась в твою, я перебралась вместе с ней.]

[У меня в голове *ещё двое разных людей*?!]

[Ох, дружище, тебе это не понравится.]

[Что? Как? Э-э, кто-нибудь из вас знает, что тут происходит?]

[Я НЕ ЗНАЮ, ОХВАТЫВАЕТ ЛИ ФРАЗА «КТО-НИБУДЬ ИЗ ВАС» И МЕНЯ, НО ДУМАЮ, ЧТО ДОВОЛЬНО ХОРОШО ПРЕДСТАВЛЯЮ ПРОИСХОДЯЩЕЕ. РАССМОТРИ ТРУДЫ РАББИ ШИМОНА О ПЯТИ УРОВНЯХ ДУШИ. ПЕРВЫЙ, *НЕФЕШ*, ПРЕДСТАВЛЯЕТ ФИЗИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ. ВТОРОЙ, *РУАХ*…]

[Уриил! Что я тебе говорила про вываливание информации прямо в чужие головы?]

[Я НЕ ПОМНЮ, НО ПРЕДПОЛАГАЮ, ЧТО ЭТО БЫЛО ЧТО-ТО О ТОМ, КАКОЙ ЭТО ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ.]

[Соху?!]

[Ага, когда Отец убил меня, я, похоже, тоже оказалась у тебя в голове. И Уриил вместе со мной.]

[Значит… Ана… Валери… Дилан… Соху… Уриил… есть ещё кто-нибудь, о ком мне следует знать?]

[Аааааарон, ты думал, что женишься на всех подряд, кроме меня, но я всё равнооо оказалась у тебя в голове.]

[Сара? Как?! Я думал, ты часть ТАРМАСА!]

[Так и есть. ТАРМАС тоже с нами. Когда его уничтожили, мы оказались в Соху, а когда она погибла, мы оказались в тебе. Теперь мы вместе навееееечно.]

[То есть мне теперь жить с семью людьми в голове?!]

[ВООБЩЕ-ТО, ПОЛАГАЮ, ЧТО ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ НЕСТАБИЛЬНА И МЫ ПОСТЕПЕННО СОЛЬЁМСЯ В ЕДИНУЮ СУЩНОСТЬ.]

[Насколько постепенно?]

[Кто из вас это сказал?]

[Подожди, кто из нас сказал *это*?]

[Аарон, это ты?]

[Вроде того.]

[Кто мы?]

[Адам Кадмон.]

[Альбион.]

[Альбион? Кто?]

[АЛЬБИОН-ЕСТНО, Я ПОКА НЕ ВПОЛНЕ УВЕРЕН.][781]

[Это была не тук-тук-шутка!]

[Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО БЫЛА.]

[Все будут одним, и одно будет всем!]

[Подождите-ка, нет, слияние с вами в суперорганизм — это худшая ошибка в моей жизни, и я надеюсь, что умру. Умру заново. Суперумру. Как это ни называется.]

[В пророчествах Уильяма Блейка Альбион — это сущность, возникающая в конце времён, когда все различные аспекты человеческой души наконец сходятся воедино, чтобы пересотворить мир.][782]

[Пересотворить мир?]

[Король Комет произнесёт Явное Имя, чтобы переустроить Ад. Но здесь, на Земле, тоже всё не очень. Физика сломана, мир рушится, апокалипсис в самом разгаре. Нам нужно всё исправить. Король Комет сказал нам, что Имя — это нотарикон, закодированный в речи, которую Метатрон произнёс Ане. Теперь нам остаётся только произнести его.]

[Никто, кроме Короля Комет, не может произнести Шем ха-Мефораш!]

[Никто, кроме него, не *мог*. Никто, кроме него, не мог охватить взглядом всю Вселенную разом, понять её сочленения и грани, разобраться, как её нужно разбить и пересотворить. Но мы отчасти суперкомпьютер.]

[Да. Это не совпадение. Суперкомпьютер. Энциклопедическое знание каббалы и тайного устройства Вселенной. Страсть к революции. И ответ на проблему зла. Вот для чего мы были созданы.]

[Нам нужен ещё кое-кто.]

Мы все это поняли. Мы все замерли, обдумывая то, что предстояло сделать. Мы все согласились.

Существует множество ритуалов призыва, но один из них древнее и чище всех остальных. Помяни чёрта — и он явится.

— Тамиил, — сказал я.

Он появился перед нами. Измождённый, израненный, всё ещё истекающий ихором[783] из тысячи порезов и ушибов. Он опирался на свой двузубец, как на костыль, и хромал к нам.

— Пора, — сказал я.

Вторая голова повернулась ко мне — и словно открылись шлюзы: она заплакала и плакала, будто никогда

не остановится. Наконец она спросила, почти не смея надеяться:

— Неужели правда пора?

— Да, — сказал я.

— Я молодец? — спросила она.

Я не ответил.

— Столько веков, — молила она. — Столько страданий, столько слёз, столько лет мучений. Ты не можешь себе это представить, никто не может себе это представить, но я делал то, чего хотел Бог, я исполнял свой долг, но теперь, в самом конце, ты должен сказать мне — прошу тебя: я молодец?

Я вспомнил всё, чему был свидетелем. Я вспомнил Ашера Бентама, самого пугающего человека из всех, кого я встречал, — по-своему пугающего даже больше, чем Король Комет. Я вспомнил его последнее откровение: что, хотя он и сын Тамиила, всё, что он делал, он делал из любви к добру. Я вспомнил Дилана Альвареса, которого знал только как страшилку из новостных программ. Он тоже хотел только поступать правильно. И я вспомнил Другого Короля, монстра в алых одеждах, убившего потомков Короля Комет почти не раздумывая, — и как всё, что он делал, он делал из любви. Я вспомнил всех злодеев, которых боялся, — и все они оказались невоспетыми героями[784]. И меня словно током ударило: я понял, что это правда, — цимцум, разбиение сосудов, отступление Божественности, чтобы скрыть Бога от Самого Себя. Я начал смеяться. Тёмная грань Бога, как её ни назови — злом, ненавистью или Тамиилем, — была пуста, хрупче стекла, легче пёрышка. Я смеялся от мысли, что Ана потратила свой вопрос на существование зла, — ведь зло тоньше волоска, мельче пылинки, настолько крохотное, что едва ли вообще существует. Зло — самая глупая шутка в мире, самая хлипкая иллюзия, клочок шерсти, который Бог натянул Себе на глаза, чтобы обмануть Самого Себя, даже не рассчитывая, что обманет хоть кого-нибудь.

Я ничего не сказал Тамиилу.

Он всхлипнул и протянул мне двузубец. Я взял его за дальний конец: два зубца оказались у меня в руках,

а конец с одним остриём был направлен на Дьявола. Однозубец.[785] Он продолжал всхлипывать. Я держал однозубец, не дрогнув. Наконец я сделал выпад в сторону Тамиила — и тот исчез: дымок, нить, слишком слабая, чтобы хоть что-нибудь удержать.

[Ты готов?] — спросил я себя.

[Поехали,] — ответил я.

Я снова подумал обо всём, что видел, обо всём, на что надеялся. Обо всём, что могло бы быть иначе, и обо всём, что иначе быть не могло. Я подумал о Божьем саде вселенных, растущем где-то там и поражающем воображение. Я подумал о Боге, и об Адаме Кадмоне, и о Тамииле, и о божественном замысле. Мои мысли развернулись в мечты, чертежи и вычисления, и я удерживал их все в уме одновременно. Они сложились в видение, подобное совершенному кристаллу, — в семя, превратившееся в нечто новое и чудесное. Я ощутил грозную радость, какой никогда прежде не испытывал. Я почувствовал, как сердце Адама Кадмона бьётся во мне, наконец освобождённое от оков, — пламенное желание пересотворить и спасти себя.

Лишь слегка дрожащим голосом я произнёс Явное Имя Бога.

Приложение А. Интерлюдия נ: CHANGELOG

Впервые опубликовано 12 октября 2016 года

[Бонусная интерлюдия к Дням трепета. Не вполне каноничная.]

ПАТЧ 5776.11 ЗАВЕРШЁН. НАЧАТА РАБОТА НАД ПАТЧЕМ 5777.0[786]. НИЖЕ ПРИВОДИТСЯ ФИНАЛЬНЫЙ CHANGELOG ДЛЯ ПАТЧА 5776.11:

1. ЛЮДИ БОЛЬШЕ НЕ ТРАТЯТ СИЛУ ВОЛИ НА ВЫПОЛНЕНИЕ СЛОЖНЫХ ЗАДАЧ; ГЛЮКОЗА ДЛЯ ЕЁ ВОСПОЛНЕНИЯ БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ[787].

2. РАКЕТЫ ТЕПЕРЬ МОГУТ САДИТЬСЯ НА ПЛАТФОРМЫ И ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОВТОРНО.

3. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ FFUKUYAMA ЖАЛУЕТСЯ, ЧТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТАЛА СЛИШКОМ СКУЧНОЙ[788]. ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ВСЁ ИНТЕРЕСНЕЕ, СТРАНЫ ПЕРВОГО МИРА БУДУТ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ЗАИГРЫВАТЬ С КРАЙНЕ ПРАВЫМ НАЦИОНАЛИЗМОМ.

4. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ БОЛЬШЕ НЕ СЧИТАЕТСЯ ЧАСТЬЮ ЕВРОПЫ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БОНУСОВ.

5. ФОЛЬКСВАГЕНЫ ТЕПЕРЬ ПОКАЗЫВАЮТ КОРРЕКТНЫЙ РАСХОД ТОПЛИВА.

6. В ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ ДОБАВЛЕНЫ ЧЕТЫРЕ НОВЫХ ЭЛЕМЕНТА, НО ФУНКЦИЙ У НИХ ПОКА НЕМНОГО.

7. ДОБАВЛЕНА НОВАЯ БОЛЕЗНЬ: ВИРУС ЗИКА ИМЕЕТ СТАНДАРТНЫЙ РИСК ЗАРАЖЕНИЯ, НО НАНОСИТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ УРОН ПЛОДАМ В УТРОБЕ. ПРИДУМАТЬ НАЗВАНИЕ ПОЛУЧШЕ ПОТОМ.

8. НПС БОЛЬШЕ НЕ СЧИТАЮТ МАРИХУАНУ СМЕРТОНОСНЫМ ТОКСИНОМ, ИЗМЕНЯЮЩИМ СОЗНАНИЕ.

9. В КАЛИФОРНИЮ ВРУЧНУЮ ДОБАВЛЕНО БОЛЬШЕ ДОЖДЯ; КЛИМАТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ПОЧИНИТЬ ПОЗЖЕ.

10. СИСТЕМА ПИТАНИЯ ПЕРЕРАБОТАНА СО ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ТОМ, КАКИЕ ПРОДУКТЫ ВЫЗЫВАЮТ РАК И БОЛЕЗНИ СЕРДЦА. ОБЕЩАЮ, ЧТО ЭТО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

11. ДОБАВЛЕН УПРОЩЁННЫЙ РЕЖИМ ДЛЯ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ, ЧТОБЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ, НУЖНО ЛИ ИМ ВРУЧНУЮ СЛЕДИТЬ ЗА БАЛАНСОМ РАЦИОНА.

12. АФФЛЮЭНЦА ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НАСТОЯЩЕЙ БОЛЕЗНЬЮ[789]. ПРЕКРАТИТЕ УЖЕ ЗАПРАШИВАТЬ ЭТУ ФИЧУ.

13. КИТАЙ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕТ СОЗДАВАТЬ БЕСКОНЕЧНЫЕ ДЕНЬГИ, БЕРЯ НОВЫЕ КРЕДИТЫ ДЛЯ ПОКРЫТИЯ ПРЕДЫДУЩИХ.

14. РАНЬШЕ АКУЛЫ БЫЛИ ГОРАЗДО МЕНЕЕ ОПАСНЫ, ЧЕМ УТВЕРЖДАЛА ДОКУМЕНТАЦИЯ. АКУЛЫ ОБНОВЛЕНЫ И ТЕПЕРЬ ГОРАЗДО ОПАСНЕЕ.

15. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ДРОНОВ РАСШИРЕНА ЗА ПРЕДЕЛЫ УБИЙСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕТЕЙ И ТЕПЕРЬ ВКЛЮЧАЕТ ФОТОГРАФИЮ И ДОСТАВКУ ПИЦЦЫ.

16. ИСПРАВЛЕНА ОШИБКА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ БИГФУТА ВИДЕЛИ ТОЛЬКО ПЬЯНЫЕ. ТЕПЕРЬ ВСЕ ПРИМАТЫ ВИДИМЫ ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРЕЗВОСТИ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

17. ВСЕ МЕМЫ 2015 ГОДА И РАНЕЕ ДЕАКТИВИРОВАНЫ И БОЛЬШЕ НЕ ВЫЗЫВАЮТ НЕЗДОРОВОГО ИНТЕРЕСА. ПРОСЬБА СООБЩАТЬ О НОВЫХ МЕМАХ ПО МЕРЕ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ.

18. УЛУЧШЕН ВКУС РАСТИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕНИТЕЛЕЙ МЯСА В РАМКАХ ПЛАНА ПО ПОЭТАПНОМУ ОТКАЗУ ОТ ЖИВОТНЫХ К ПАТЧУ 5810.0.

19. ПАРТИЙНЫЕ ПРАЙМЕРИЗ ТЕПЕРЬ ПРОДВИГАЮТ СЛУЧАЙНОЕ СОЧЕТАНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАНДИДАТОВ И МЕГАЛОМАНИАКАЛЬНЫХ БОЛВАНОВ.

20. БЛАГОДАРЮ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ RDAWKINS ЗА УКАЗАНИЕ НА РЯД ПРОТИВОРЕЧИЙ В БИБЛИИ. ОНИ ИСПРАВЛЕНЫ. ПРОДОЛЖАЮ ПРЕДЛАГАТЬ 2.56 ШЕКЕЛЯ

ВСЕМ, КТО СООБЩИТ О НОВОМ БИБЛЕЙСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ[790].

21. ТЕПЕРЬ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЛОГИЧЕСКУЮ ИНДУКЦИЮ[791] ДЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ ВЕРОЯТНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ ЕЩЁ ДО ТОГО, КАК БУДЕТ РАЗРАБОТАНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

22. ОБНОВЛЁН СПИСОК ТОГО, КТО УМРЁТ ОТ ОГНЯ И КТО ОТ ВОДЫ, КТО ОТ МЕЧА И КТО ОТ ГОЛОДА[792]. ОТ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ НЕ УМРЁТ НИКТО. ПРЕКРАТИТЕ ЗАПРАШИВАТЬ ЭТУ ФИЧУ.

НЕСКОЛЬКО ТЕМ ПОМЕЧЕНЫ КАК ВСЁ ЕЩЁ НЕ РЕШЁННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ В ПАТЧЕ 5777.0:

1. ВСЁ, ЧТО СВЯЗАНО С СИРИЕЙ, УЖАСНО, И Я СОЖАЛЕЮ.

2. ВМЕСТО ОБСУЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ПОЛИТИКИ ИНОГДА ГОВОРЯТ О МУЛЬТЯШНЫХ ЛЯГУШКАХ[793].

3. ФОНДОВЫЙ РЫНОК ПРОДОЛЖАЕТ РУШИТЬСЯ. НУЖНО НАКОНЕЦ СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ЕГО ИЛИ ПРОСТО ЗАКОММЕНТИРОВАТЬ ВСЮ ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ.

4. ПОСТУПАЮТ СООБЩЕНИЯ, ЧТО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ ДВИГАТЕЛИ НАРУШАЮТ ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ИМПУЛЬСА[794]. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

5. ИНОГДА ЛЮДИ ЗАХОДЯТ В ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕСТА И ОТКРЫВАЮТ ОГОНЬ ПО МНОЖЕСТВУ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ БЕЗ КАКОЙ-ЛИБО ПРИЧИНЫ.

6. ПОВЫШЕНИЕ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ ПОПРЕЖНЕМУ НЕ УВЕЛИЧИВАЕТ БЕЗРАБОТИЦУ. БЛАГОДАРЮ ВСЕХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ОБРАТИЛИ НА ЭТО МОЁ ВНИМАНИЕ.

7. ЧЕСТНО ГОВОРЯ, УЖЕ НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ МНЕ ВООБЩЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ПРАЙМЕРИЗ, ПРОДВИГАЮЩИЕ МЕГАЛОМАНИАКАЛЬНЫХ БОЛВАНОВ, — ЭТО ХОРОШАЯ ИДЕЯ, И, ПОЖАЛУЙ, СТОИТ ОТКАТИТЬ ЭТО ОБРАТНО, ПОКА НЕ СЛУЧИЛОСЬ ЧЕГО-НИБУДЬ ПЛОХОГО.

8. ИЛОН МАСК СЛИШКОМ СИЛЁН И НУЖДАЕТСЯ В НЁРФЕ.

9. МУСУЛЬМАНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЕДУТ ВОЙНЫ И СОВЕРШАЮТ ТЕРАКТЫ, ХОТЯ ИМЕННО ИХ НАЗЫВАЮТ РЕЛИГИЕЙ МИРА. НУЖНО ЛИБО ИЗМЕНИТЬ СПЕЦИФИЧЕСКУЮ ДЛЯ РЕЛИГИИ ВЕРОЯТНОСТЬ НАСИЛИЯ, ЛИБО ПЕРЕНАЗНАЧИТЬ СТАТУС «РЕЛИГИИ МИРА» ДРУГОЙ КОНФЕССИИ.

10. ЛЮДИ МОГУТ ПОЛУЧИТЬ НЕОГРАНИЧЕННУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ, ВВОДЯ СЕБЕ КРОВЬ БОЛЕЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

11. ГОМЕОПАТИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ РАБОТАЕТ НЕКОРРЕКТНО. НА ЭТОМ ЭТАПЕ Я УЖЕ ПОДУМЫВАЮ ПРОСТО УДАЛИТЬ ВСЮ ЭТУ СИСТЕМУ И ОСТАВИТЬ ТОЛЬКО ОДНУ ФОРМУ МЕДИЦИНЫ.

12. НАПИСАНИЕ НАЗВАНИЯ ДЕТСКОЙ СЕРИИ «BERENSTAIN BEARS» ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕСТАБИЛЬНО[795].

13. КОРАБЛИ С НАЗВАНИЕМ «WINDOC» ВСЕГДА ВРЕЗАЮТСЯ В МОСТЫ[796]. ЭТО НЕ ПАСХАЛКА, И Я ВСЁ ЕЩЁ ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ ТАК ВЫХОДИТ.

14. ЗВЕЗДА KIC 8462852 В СОЗВЕЗДИИ ЛЕБЕДЯ СЛОМАНА[797]. НО, УЧИТЫВАЯ, ЧТО ЗВЁЗД МИЛЛИОНЫ, РЕЗУЛЬТАТ ВСЁ РАВНО НЕПЛОХОЙ.

15. ЭКСПЛОЙТ, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕЛЫЙ ВИД ЖИВОТНЫХ, ПРОСТО ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАВ ОДНУ ОСОБЬ[798]. ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ПОПРОБУЕТ ЭТО ПРОДЕЛАТЬ, Я ПОКАРАЮ ЕГО.

16. ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ ДОЛЖНА БЫЛА ВЫПУСТИТЬ НОВЫЙ ФИЛЬМ ПО «ЗВЁЗДНЫМ ВОЙНАМ», А ВМЕСТО ЭТОГО ПРОСТО ВЫПУСТИЛА ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ ПО «ЗВЁЗДНЫМ ВОЙНАМ» ЕЩЁ РАЗ, ТОЛЬКО С НОВЫМИ ИМЕНАМИ ПЕРСОНАЖЕЙ. РАЗБЕРУСЬ И ИСПРАВЛЮ ЭТО ДО ВЫХОДА СЛЕДУЮЩИХ ФИЛЬМОВ ПО «ЗВЁЗДНЫМ ВОЙНАМ».

17. МУЖЧИНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕВОСХОДЯТ ЖЕНЩИН В РАЗНЫХ ОБЛАСТЯХ. Я ЗНАЮ ОБ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ. ПРЕКРАТИТЕ ПРИСЫЛАТЬ МНЕ ЗЛЫЕ ПИСЬМА.

18. КИМ ЧЕН ЫН КАЖДЫЙ РАЗ ЗАБИВАЕТ МЯЧ В ЛУНКУ С ПЕРВОГО УДАРА, КОГДА ВЫХОДИТ ИГРАТЬ

В ГОЛЬФ. ЭТО ОШИБКА, И ВСЕ ДИКТАТОРЫ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ОБЫЧНЫЕ НАВЫКИ ИГРЫ В ГОЛЬФ, ОДНАКО ВОСПРОИЗВЕСТИ ПРОБЛЕМУ МНЕ ПОКА НЕ УДАЛОСЬ.

19. ЭКСПЛОЙТ «MIRACLE BERRY» ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛОМАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВКУСОВЫЕ РЕЦЕПТОРЫ[799].

20. ЛЮДИ ПО-ПРЕЖНЕМУ РОЖДАЮТСЯ В ТЕЛАХ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИХ ГЕНДЕРУ. ТОТ, КТО ВАРИТ КОЗЛЁНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО, ДОЛЖЕН ПРЕКРАТИТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУДУТ ДОБАВЛЯТЬСЯ В ОЧЕРЕДЬ ПО МЕРЕ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ. В ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ДО ПАТЧА 5777.0 ВОЗМОЖНЫ СБОИ. ЕСЛИ ВЫ ЗАМЕТИЛИ ЧТО-ТО НЕ ТАК С МИРОМ, ПОЖАЛУЙСТА, ОТПРАВЬТЕ ТИКЕТ В СООТВЕТСТВИИ С ПРОЦЕДУРОЙ, ОПИСАННОЙ В ИЕЗУБОАД 3:2. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОТПРАВЛЯТЬ ТИКЕТ ЧЕРЕЗ МОЛИТВУ. СООБЩЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ЧЕРЕЗ МОЛИТВУ, РАССМАТРИВАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

Приложение Б

Тексты и цитаты здесь приводятся по *Полному собранию поэзии и прозы Уильяма Блейка* под редакцией Дэвида В. Эрдмана (Anchor Books, исправленное издание 1988 года), но в ряде случаев для большей удобочитаемости пунктуация дана по критическому нортоновскому изданию *Поэзии и рисунков Блейка* под редакцией Мэри Линн Джонсон и Джона Э. Гранта (W. W. Norton & Company, 1979). Русские стихотворные фрагменты рифмованной лирики даны в собственном переводе для этого издания (опубликованные переводы — С. Я. Маршак, В. А. Потапова, С. Стёпанов, А. Сергеев, В. Л. Топоров, Д. Смирнов-Садовский и др. — использованы только как референс). Ряд заголовков-якорей, совпадающих со строками С. Я. Маршака и А. Сергеева, сохранён как канонический по решению издателя — с построчной атрибуцией. Фрагменты больших пророческих поэм — «Мильтона», «Четырёх Зоа», «Иерусалима», «Америки» и «Уризена» — также приведены в редакции этого перевода.

Строки, ставшие названиями глав, выделены жирным. Под каждым блоком указаны источник и сведения о переводе.

Короткие стихи Блейка

Глава 2. Восстань на духовную брань

Ты — Человек, и Бог — не выше ввек,
свою же человечность чти, о человек.
Ведь это — Дух мой, жизнь; очнись, воспрянь,
восстань на духовную брань
И мщенье по земле своё разлей
грозою Страшного Суда — последнего из дней…

Источник: «Вечносущее Евангелие», k:71–76
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 3. На облаке я увидел дитя

По долинам брёл, дудя,
Песни радости дудел,
На облаке я увидел дитя,
И, смеясь, он мне запел:
«Про Ягнёнка мне сыграй!»
Заиграл я всё добрей,
«Дудочник, опять играй!»
Слёзы хлынули быстрей.
«Брось свирель, свирель свою;
Спой напевы веселей:»
И запел я песнь мою;
Плакал он, а мир светлей.
«Сядь, дудочник, и пиши
Пусть прочтёт её любой.»
Гость растаял в той тиши,
Я сорвал тростник пустой,
Я тростинку обтесал,
Воду светлую чернил,
Песни счастья я писал —
Чтоб ребёнок их любил.

Источник: Вступление к «Песням невинности», 1–20
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 4. Дело рук — топор и плуг

Каждый знает, что ребёнок
Больше, чем набор пелёнок.
Поймёт любой, кто пашет луг:
Дело рук — топор и плуг.

Источник: «Изречения невинности», 63–66
Перевод: строки 1–2 и 4 — С. Я. Маршак («Прорицания невинности»); строка 3 — собственный перевод для этого издания.
Атрибуция заголовка: строка С. Я. Маршака; сохранена как канонический заголовок.

Глава 5. Словом высказать нельзя

Словом высказать нельзя
Любовь, которую нельзя поведать;
Ветер веет, чуть сквозя,
Безмолвно, незримо.

Источник: «Не мучься высказать любовь свою»[800], 1–4
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.
Атрибуция заголовка: зачин «Словом высказать нельзя» совпадает с С. Я. Маршаком; сохранён как канонический заголовок.

Глава 14. Сердце людское — в груди Бессердечья

Сердце людское — в груди Бессердечья,
Зависть — людское лицо без прикрас;
Ужас — божественный облик и стать человечья,
Тайна — людское одеянье, сокрытое с глаз.

Наш наряд из железа, что выковал молот в огне,
облик — горнило, где жар полыхает и рвётся вовне,
лик человечий — печь, затаившая лютый свой гнев,
сердце — его ненасытный, голодный, бездонный зев.

Источник: «Песни опыта», «Образ божества» (A Divine Image)
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 17. Не знал земных родителей, признаюсь

Ещё дитя, он из дому бежал
и мать с отцом в смятенье он вогнал.
Три дня они в тревоге пробрели,
и вот слова, что с уст его сошли:
Не знал земных родителей, признаюсь,
отцовским делом ныне занимаюсь.
Когда ж богатый книжник-фарисей
тайком пришёл к нему во тьме ночей,
Он на сердце ему железным остриём
«Вам должно вновь родиться» начертал на нём.

Источник: «Вечносущее Евангелие»
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 20. Когда звёзды сложили копья

Когда звёзды сложили копья
И небо окропили слёзы,
Улыбнулся ль он, любя?
Агнца дав, создал тебя?

Источник: «Песни опыта», «Тигр», 17–20
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 21. Ты тоже обитаешь в вечности

Едва пред Богом Он смирился,
Жестокий бич над Ним спустился:
«Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество…
Ты тоже обитаешь в вечности».

Источник: «Вечносущее Евангелие», k:67–70
Перевод: строки 3–4 — С. Я. Маршак («Из книги „Вечносущее Евангелие“»); строки 1–2 и заголовочная — собственный перевод для этого издания.

Глава 22. Чей слух внимал Святому Слову

Внемли: вещает Бард — ему дано
Зреть и явь, и быль, и всё, что суждено,
Чей слух внимал Святому Слову,
Что прежде нисходило в дуброву
И там ступало, встарь, давно.

Источник: Вступление к «Песням опыта», 1–5
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 27. Звёздный дол, берег вод

Не отвращайся; для чего
ты прочь стремишься от всего?
Звёздный дол, берег вод
даны тебе, доколь восход.

Источник: Вступление к «Песням опыта», 16–20
Перевод: строка дана по переводу С. Стёпанова (Азбука-классика, 2004); атрибуция сохранена.

Глава 29. Кто веру детскую щадит

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.
Кто веру детскую щадит,
И ад, и смерть он победит.

Источник: «Изречения невинности», 87–90
Перевод: строки 1–3 — С. Я. Маршак («Прорицания невинности»); строка 4 — собственный перевод для этого издания.
Атрибуция заголовка: строка С. Я. Маршака; сохранена как канонический заголовок.

Глава 32. Божественный человечий облик

У Милости — людское сердце,
у Жалости — лицо и взгляд;
Божественный человечий облик —
Любовь; Мир — людской наряд.

Источник: «Песни невинности», «Божественный образ» (The Divine Image) — отдельное стихотворение, НЕ «A Divine Image» (гл. 14)
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 37. Любовь, которую нельзя поведать

(см. главу 5)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 39. Грозный образ

Тигр! О тигр! Во тьме палящий,
В глубине полночной чащи!
Чьей рукой, бессмертным взором
Грозный образ свит узором?

Источник: «Песни опыта», «Тигр», 1–4
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 41. Иди и люби без помощи чего-либо земного

Ангел, что осенял моё рожденье,
Сказал: малое создание Радости и Веселья,
Иди и люби без помощи чего-либо земного.[801]

Источник: Сатирические стихи и эпиграммы XXI; lib.ru и Wikilivres проверены, пригодный опубликованный русский перевод точного фрагмента не найден
Перевод: собственный перевод для этого издания; опубликованные версии использованы только как референс.

Глава 60. О роза, ты больна!

О роза, ты больна!
Незримый червь летит
сквозь ночь и сквозь грозу,
что всё ревёт, гремит.

Твою постель нашёл,
где радость, рдея, жжёт,
любовью тайной, тёмной
он жизнь твою грызёт.

Источник: «Песни опыта», «Больная роза»
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 65. Плод моего таинственного древа

…о Люцифер! Немалым ты владеешь,
и Зло с Добром познать вполне сумеешь.
Вкуси, что я взрастил тебе под сенью гнева:
Плод моего таинственного древа,
Добра и Зла. И тот, кто свой закон надменно
в проклятье обратил, — падёт под ним непременно.

Источник: «Вечносущее Евангелие»
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 66. В глубине полночной чащи

(см. главу 39)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 68. …И в ярость впал небес чертог

Малиновку запри в острог —
И в ярость впал небес чертог.
Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Источник: «Изречения невинности», 5–8
Перевод: строки 1–2 — собственный поэтический перевод для этого издания; строки 3–4 — С. Я. Маршак («Прорицания невинности»).

Главы 69–72. «Любовь не для себя живёт…»

Любовь не для себя живёт,
Себе не ждёт она отрады,
Но ближнему покой несёт,
И строит Рай в отчаянье Ада.
Так пел из-под коровьих ног
Раздавленный Комочек зыбкий,
Но Камень, прыгнув в ручеёк,
Так отвечал ему с улыбкой:
«Любовь лишь для себя живёт,
Забот и горести не зная,
Чужое счастье разобьёт
И Ад построит в кущах Рая».

Источник: «Песни опыта», «Ком земли и камень»
Перевод: строки 1–4 — собственный поэтический перевод для этого издания; строки 5–12 — Д. Н. Смирнов-Садовский («Комок и камень»).

Preface to Milton

Глава 1. Тёмные сатанинские мельницы

И Божий лик ли здесь пылал,
Сходя сквозь мглу и облака,
Там, где клубится дымный вал —
Тёмные сатанинские мельницы?

Источник: Предисловие к «Мильтону», 5–8
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.
Атрибуция заголовка: строка-заголовок совпадает с переводом С. Я. Маршака; сохранена как канонический заголовок.

Глава 6. Мы возведём Иерусалим

Мой дух в борьбе несокрушим,
И меч в руке не задремал,
Пока **мы возведём Иерусалим**
Там, где зелёный край мой просиял.

Источник: Предисловие к «Мильтону», 13–16
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.
Атрибуция заголовка: заголовок «Мы возведём Иерусалим» близок к С. Я. Маршаку; сохранён как канонический.

Глава 38. Мой дух в борьбе несокрушим

(см. главу 6)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 42. Чьё наслаждение — лишь разрушение

> Художники! к вам взываю! Скульпторы!
> Архитекторы! Не дайте модным Глупцам
> подавлять ваши силы ценами, какие они будто бы
> дают за презренные работы, или дорогостоящим
> рекламным хвастовством, какое они расточают
> о таких работах; верьте Христу и его Апостолам,
> что есть род людей, **Чьё наслаждение — лишь**
> **разрушение**. Нам не нужны ни греческие, ни
> римские Образцы, если мы только будем
> праведны и верны собственным Воображениям,
> тем Мирам Вечности, где нам жить вовеки;
> в Иисусе, Господе нашем.

Источник: Предисловие к *Мильтону*
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 48. Подайте мне колесницу из огня

> Подайте лук желаний мне,
> И стрелы жажды, и копьё!
> Пусть тучи вспыхнут в вышине —
> **Подайте мне колесницу из огня**!

Источник: Предисловие к «Мильтону», 9–12
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Milton

Глава 7. Гибнущая растительная память

И всякое естественное следствие имеет причину
духовную, а не
естественную: естественная причина — лишь
видимость, она есть наваждение
Ульро и мера: **Гибнущая растительная память**.

Источник: Мильтон 26:44-46
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 8. Смеясь, презреть твои законы и угрозы

Цель твоя, и жрецов твоих, и церквей твоих
В том, чтобы внушать людям страх смерти; учить
Трепету и страху, ужасу, стеснению; рабскому
себялюбию.
Моё же дело — учить людей презирать смерть
и шествовать дальше
В бесстрашном величии, себя уничтожая, **Смеясь,
презреть твои законы и угрозы**,
Сметая твои синагоги, как паутину.

Источник: Мильтон 43:37-42
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 13. Образ вечной смерти

И Мильтон сказал: я иду к Вечной Смерти! Вечность содрогнулась,
Ибо он избрал внешний путь, среди могил мёртвых,
Скорбной тенью. Вечность содрогнулась: **Образ вечной смерти**.

Источник: Мильтон 14:33-35
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 15. О, где скрыть мне лицо своё?

Не те ли, кто презирает Религию и тщится её уничтожить,
Становятся в своих женственных долях причиной и питателями
Этих религий; что же это, что это за вещь? Этот ньютонов Призрак,
Этот Вольтер и Руссо; этот Юм, и Гиббон, и Болингброк,
Эта Естественная Религия! эта невозможная нелепость!
Не Ололон ли тому виной? **О, где скрыть мне лицо своё?**
Эти слёзы падают ради малых сих: детей Иерусалима,
Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении.

Источник: Мильтон 40:9-16
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 18. Да спасутся дети Иерусалима от рабства

Но, обернувшись к Ололон в грозном величии, Мильтон
Отвечал: «Повинуйся словам вдохновенного человека!
Всё, что может быть уничтожено, должно быть уничтожено,
Да спасутся дети Иерусалима от рабства.
Есть отрицание, и есть противоположность:
Отрицание должно быть разрушено, дабы искупить противоположности».

Источник: Мильтон 40:28-33
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 40. В грозном величии

(см. главу 18)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 43. Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении

(см. главу 15)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 45. На самом дне отдалённейших пещер

…но Огни Лоса ярятся
На самом дне отдалённейших пещер, и никто не может пройти
Тем путём в Вечность: все нисходят к Лосу,
К Баулахуле и Алламанде, и к Энтутону Бенитону.

Источник: Мильтон 37:56-59
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 61. И Ололон сказала: сойдём и мы, и предадим себя смерти в Ульро среди преступивших

И Ололона молвила: «Давайте ж, как и Мильтон,
Сойдём мы к Смерти Вечной, в Ульро, к Грешникам войдём!
Достойно ль быть Отмстителем? О нет! Как дивен мир,
Что там, внизу, невиданный! И что такое в нём?
Убежище он Войн Небесных? Что о нём мы знаем?
И есть ли покаянье в нём! Идёмте же со мною!»

Источник: Мильтон 21:45-50
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 63. Мой гнев пылает до вершины неба

Зачем творишь ты и ткёшь этого Сатану себе
в Покров?
Когда пытаешься ты облечься в Человечий Облик,
Мой гнев пылает до вершины неба
Против тебя, в Ревности и Страхе.

Источник: Мильтон 18:30-32
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Jerusalem

Глава 26. Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы и вся вселенная не страдала также

Как сыны Альбиона поступили с Лувой, так они в нём
Поступили с Божественным Господом и Спасителем,
страждущим со страждущими:
**Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы
и вся вселенная не страдала также**,
Во всех своих пределах, и Отец её и Спаситель не
жалели и не плакали.

Источник: Иерусалим 25:6-9
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 28. Сокрытый, как в ковчеге

Мафусаил, Ламех — могучие Гиганты
и Гермафродиты,
Ной, Сим, Арфаксад, Каинан-второй, Сала, Евер,
Фалек, Рагав, Серух, Нахор и Фарра — это жено-мужи:
Муж скрыт в жене, как под завесою в ковчеге;
Авраам

Источник: Иерусалим 75:13-15
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 34. Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим?

Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим?
И строишь этот Вавилон, и приносишь жертвы
в тайных рощах,
Среди богов Азии, среди источников смолы
и селитры;
Посему горы твои стали бесплодны, Иерусалим!
Твои долины — равнины горящего песка, твои реки
— воды смерти…

Источник: Иерусалим 60:22-26
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 35. Голоса детей в его шатрах

Пока изнутри его иссохшей груди, сжавшейся от бед,
Зерно не стало чертополохом, яблоки — ядом,
Певчие птицы — воронами-убийцами, радости его — горькими стонами!
Голоса детей в его шатрах — криками беспомощных младенцев!

Источник: Иерусалим 19:9-12
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 62. Чтобы весь мир сорвался с петель

О! что за муки Смерти Вечной ожидают Человека!
Опоры Сотворённого уже готовы лопнуть,
И Мир тогда слетит с петель, Жилище Человека
Наполнится чудовищами бездны, Человек

Источник: Иерусалим 36:25-28
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Four Zoas

Глава 9. Искусством небесным

…и потому к западу Уризен устроил
Нишу в стене, чтобы огни озаряли бледные
Женские члены в его отсутствие; и дочери её часто
На золотом алтаре, **Искусством Небесным**
сотворённом,
Четырёхгранном, изваянном и тонко гравированном,
Жгли курения, чтобы тешить их призрачную мать.

Источник: Четыре Зоа 30:29-33 (II.187-191)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 10. Принести быстрые стрелы света

Встань, Вала, **принеси скорей и лук Уризена,**
и стрелы,
Ждёт фаэтон любви, Уризена златые кони в путь
торопят;
Волам оставив плуг, они пьют воздух разрушенья,
топчут
Посевы с гордым ржаньем, — нет, не нежной арфы
звон,
Не шорохи ручья слышны под сенью миртового
древа, —
Ты крики внемлешь средь дубов, ты кровь и раны
зришь,
Сердца, исторгнутые из груди клинком двуострым,
Дрожащие кишки, ползущие из-под стальных
доспехов;

Источник: Четыре Зоа 93:10-15 (VIIb:197-202)
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 16. Коль мощью железной своё отчаянье он мог бы предотвратить

Суровый Уризен видел, понуждаемый
необходимостью держать
Злой день вдали, и **Коль мощью железной своё
отчаянье он мог бы предотвратить**;
В горе и страхе он видел,
Как Вала смыкает круг у печей, где был заточён Лува.

Источник: Четыре Зоа 25:42-26:1 (II.74-77)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 23. И сходит с неба город

Ибо Агнец Божий творит себе невесту и жену,
Чтобы мы, Его дети, вовек жили в Иерусалиме,
И сходит с неба город, а всё же Женой,
Матерью мириад искупленных и рождённых в её
духовных чертогах,
Через новое духовное рождение возрождённых от
Смерти.

Источник: Четыре Зоа 122:16-20 (IX.220-224)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 25. Ляг пред стопами моими, о Дракон

И тогда гнев разразился вокруг Вечного Человека,
и снова в гневе он воззвал:
Восстань, о каменный образ смерти, о дракон глубин,
Ляг пред стопами моими, о Дракон, да восстанет
Уризен,
О, как мог ты исказить те прекрасные соразмерности
Жизни и личности, ибо какова личность, такова
и жизнь её по мерке.

Источник: Четыре Зоа 120:27-31 (IX.137-141)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 44. Мир внутри, отверзающий врата

Ужасные слова твои, о призрак,
Мой изумили слух, хотя я знаю, что я не из тех,
Кто станет против убеждения упорствовать. Свой гнев
Я разумом сдержу. Я чувствую, что **мир внутри меня,
Раскрыл врата свои вовне** — в тот мир, где сущность
Реальная становится лишь тенью мимолётной.

Источник: Четыре Зоа 86:5-9 (7a:362-366)
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 46. Говорить о терпении страждущему

Легко **Говорить о терпении страждущему**,
Изрекать законы благоразумия бездомному скитальцу,
Слушать голодных воронов крик в зимнюю пору,
Когда алая кровь полна вином и мозгом ягнят.

Источник: Четыре Зоа 35:18-36:2 (II.404-407)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 47. Ибо узрел он новые женские формы

Но Тармас более всех радовался надежде на возвращение Энион,
Ибо узрел он новые женские формы, рождающиеся в воздухе,
Что ткали мягкие шёлковые покрывала в сладостном восторженном трансе,
Смертные, а не как Энитармон, без покрывального покрова.

Источник: Четыре Зоа 98:54-57 (VIIa.485-488)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 49. Ужасы солнца и луны

Его глаза, два светоча души, сжимались или расширялись,
Сжимаясь, взор его пронзал всю толщу гор бескрайних,
Зрел жилы золота и серебра, упрятанные Валой,
В рожденья тайны проникал и в таинства души.
А, расширяясь, зрел он **ужасы Луны и Солнца**,
Планет иль постигал орбиты огненных комет.

Источник: Четыре Зоа 61:18-23 (V.121-126)
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 51. Он дивился, что чувствует любовь

Поражён был Лос: враг его, Уризен, оказался теперь
В его руках. **Он дивился, что чувствует любовь**, а не ненависть;
Вся душа его любила его, он видел в нём младенца,
Прекрасного, дыхнувшего от Энитармон; он дрожал внутри себя.

Источник: Четыре Зоа 98:64-67 (VIIa.496-499)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 52. Царь Света узрел её скорбь

И Вала, словно тень, часто являлась Уризену;
Царь Света узрел её скорбь среди Кирпичных печей,
где она поневоле трудилась,
Работая ночь и день среди огней; её плачущий голос
Слышен, когда возвращается безмолвная ночь
и работники идут на покой.

Источник: Четыре Зоа 30:56-31:3 (II.214-217)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 55. Никто не может посетить его пределы

И внезапно все они вместе низринулись в неведомое
Пространство,
Глубокое, ужасное, без Конца. Отделённые от Беулы,
далеко внизу,
Внешние оболочки Человека сделались
неопределённы, открыты боли,
В свирепой алчущей пустоте, и **Никто не может
посетить его пределы**.

Источник: Четыре Зоа 20:38-41 (I.541-544)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 57. Принимая облик Ахании…

Холодный и скорбящий Лос
Всё умирает по Энитармон, и ни один дух не восстаёт
    из моего мёртвого тела;
Значит, я мёртв, пока ты не оживишь меня своей
    сладкой песней,
Принимая облик Ахании… и затем облик Энион;
Я не знаю тебя теперь, как знал некогда в тех
    блаженных полях,
Где память жаждет почить среди стад Тармаса.

Источник: Четыре Зоа 34:35-40 (II.321-326)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

Глава 58. …И вот облик Энион

(см. главу 57)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 59. Облачись в златую броню

Из наших туч весь день несутся стрелы, и с востока,
Потоками на запад льётся кровь, как человеческие
    вены,
Иль реки жизни меж долин отчаянья и смерти.

Труба победу возглашает — время раздевать убитых!
О братья-воины, в доспехи золотые облачайтесь!

Источник: Четыре Зоа 92:6-10 (VIIb.159-163)
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 64. Иному, лучшему быть миру

Если мы соединимся в одном, **Иному, лучшему быть миру**,
Открытому в сердце твоём, чреслах и чудесном мозге,
Тройственному, как было в Вечности; и эта четвёртая Вселенная
Будет обновлена тремя и завершена в огнях Разума.
Но если ты откажешься, иное тело будет приготовлено
Для меня, а ты будешь уничтожен, испаришься и исчезнешь,
Ибо ты лишь образ и орган жизни, а сам по себе
Ты ничто, будучи непрестанно творим Милосердием и Божественной Любовью.

Источник: Четыре Зоа 95:43-47, 86:1-3 (VIIa.353-360)
Перевод: собственный перевод для этого издания; точный опубликованный русский фрагмент, подходящий для этого места, не подтверждён.

America / Urizen / Marriage

Глава 11. Загнать праведника в бесплодные земли

Покуда злодей не оставил торных путей,
Чтоб идти тропами опасными и
Загнать праведника в бесплодные земли.

Источник: «Бракосочетание Рая и Ада», «Довод», 14–16
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 19. Образ ангельской земли

Как сон Тиралаты мелькает в полуночный час:
Напрасно сновидец ловит радостные образы — они ускользают,
Едва различимые в долине Левты; так и
Британские колонии меркнут под скорбными князьями.
Так меркнут князья с лица земли, едва различимые людским душам,
Но, сколь бы ни был затуманен, это **Образ ангельской земли**.

Источник: Фрагмент, изначально предназначенный для *Америки*
Перевод: собственный перевод для этого издания; опубликованные версии использованы только как референс.

Глава 24. Зачем ты явился очам ангелов?

В грома раскатах смолк. Но Англии Ангел, взбешен,
В Нише Ночной горит, рыча изгладавшимся львом;
Вечный воитель кличет Змия: «Чудовищный Орк!
Ты ли раздор посеял, чая младенцев пожрать
Матери Энитармон? Бес, Антихрист, Бунтарь,
Смуты Самец, Растлитель, Скот, Богомерзкая Тварь.
Ангелу смеешь, Орк, в обличье ужасном предстать?»

Источник: Америка: Пророчество 7:3-7, пер. В. Л. Топорова
Перевод: фрагмент дан по переводу В. Л. Топорова; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 30. Над тёмными пустынями

Огонь бушевал в небесах,
И метались кровавые смерчи
Над Уризена пустошью чёрной,
Истребляя Уризена воинство,
Что в отчаяньи тот породил.

Источник: Первая книга Уризена 5:12-16 (III.4), пер. Д. Смирнова-Садовского
Перевод: фрагмент дан по переводу Д. Смирнова-Садовского; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 33. Врата познания

Если б **Врата познания** были открыты, людям открылась бы бесконечность. Но люди укрылись от мира и видят его лишь в узкие щели своих пещер.

Источник: Бракосочетание Рая и Ада 14
Перевод: заголовок и фрагмент даны по переводу А. Сергеева (Эксмо, 2006).

Глава 50. Безмолвна, как отчаявшаяся любовь

Молча, как страсть безумья, грозно, как ревность миров,
Дикие плечи цепи сбросили - подлинна мощь!
Чудные чресла рознял, к лону, ликуя, припал -
Радостно лоно, пышет жаром, и тучи ушли -
Огненный взор его прожег их молчащую глубь.

Источник: Америка: Пророчество 2:1-5 (Прелюдия), пер. В. Л. Топорова
Перевод: фрагмент дан по переводу В. Л. Топорова; заголовок сохранён в канонической редакции этого издания.

Глава 53. Любитель буйного мятежа

(см. главу 24)
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Письма, пометы, проза и драматические фрагменты

Глава 12. На крыльях ангелов

> ОДЛИ.
> Но смерть страшна, хоть и несут её
> **На крыльях ангелов**!
> Так сколь же страшно это поле смерти,
> где рвёт она небесный свод
> и сотрясает адовы врата!

Источник: «Король Эдуард Третий» 5:17–20
Перевод: собственный поэтический перевод для этого издания; опубликованные переводы использованы только как референс.

Глава 31. Основание империи

> **Основание империи** — Искусство и Наука. Устраните их или унизьте их — и Империи больше нет. Империя следует за Искусством, а не наоборот, как полагают англичане.

Источник: Помета на полях в *Сочинениях сэра Джошуа Рейнолдса*; точный оригинал подтверждён на Wikilivres, пригодный опубликованный русский перевод строки не найден
Перевод: собственный перевод для этого издания; опубликованные версии использованы только как референс.

Глава 36. Дело Отца Моего

Источник — Лк. 2:49. В Библии короля Якова: *wist ye not that I must be about my Father's business?*; в Синодальном переводе: «или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» Русский заголовок сохраняет библейский порядок слов и передаёт существительное *business* как «дело».
Перевод: см. полный перевод и атрибуцию в указанном выше разделе.

Глава 54. Мой путь средь звёзд

> Я и ныне, и во веки веков приемлю Христианство
> и поклоняюсь Тому, кто есть Явленный образ Бога;
> но я прошёл сквозь Опасности и Тьму подобно
> воителю. Я победил И буду побеждать впредь.
> Ничто не устоит Перед яростью, с какой пролегает
> **Мой путь средь звёзд** Божьих и в Безднах
> Обвинителя. Мой восторг всё тот же, что и был,
> Только расширенный и утверждённый.

Источник: Письмо Томасу Баттсу, 22 ноября 1802 года
Перевод: собственный перевод для этого издания; опубликованные версии использованы только как референс.

Картины

Глава 56. Моление о чаше

[Картина Уильяма Блейка, завершённая в 1799-1800 годах]
Перевод: перевод не требуется: источник названия — картина Блейка.

Глава 67. Ночь радости Энитармон

(картина Уильяма Блейка 1795 года; см. обложку)
Перевод: перевод не требуется: источник названия — картина Блейка.

Примечания

См. «Сноски и примечания», с. 854.

Библиография переводов

- Блейк У. *Стихотворения*. Пер. С. Я. Маршака. Использованы сверенные строки из «Изречений невинности», «Тигра», «Иерусалима» из предисловия к *Мильтону* и связанных коротких стихотворений.
- Блейк У. *Стихи*. Пер. В. А. Потаповой. М.: Прогресс, 1982. Использованы варианты для «По образу и подобию» и «Больной розы».
- Блейк У. *Избранные стихи*. Сост. А. М. Зверев. На англ. и русск. яз. М.: Прогресс, 1982. Использован перевод В. Л. Топорова для фрагментов «Америки» (главы 24, 50 и обратная ссылка 53).
- Блейк У. *Песни Невинности и Опыта*. Пер. С. Стёпанова. СПб.: Азбука-классика, 2004. Использованы фрагменты «Вступления» для глав 22 и 27.
- Блейк У. *Бракосочетание Рая и Ада. Избранные стихотворения и поэмы*. М.: Эксмо, 2006. ISBN 5-699-15592-9. Для «Бракосочетания Рая и Ада» использован перевод А. Сергеева.
- Блейк У. *Ком земли и камень*. Пер. Д. Смирнова-Садовского, 2007. Перевод использован только как референс при создании собственного варианта для заголовков глав 69–72.
- Блейк У. Избранные переводы Д. Смирнова-Садовского на Поэзия.ру и Wikilivres: «Вступление. Песни невинности», «Тигр», «Король Эдуард Третий», «Новый Иерусалим», листы 36 и 75 из «Иерусалима», страницы 61, 86, 92 и 93 из «Валы,

или Четырёх Зоа», *Книга Уризена* 5. Использованы проверенные строки для глав 3, 10, 12, 20, 28, 30, 39, 44, 48, 49, 59 и 62.

- Смирнов-Садовский Д. Н. *Блейк. Биография*. 2016. Использованы локально сверенные фрагменты «Мильтона» и «Вечносущего Евангелия» для глав 61 и 65.
- Для фрагментов из больших пророческих поэм, писем, помет на полях и не опубликованных Блейком рукописных текстов, где полный признанный русский перевод при сверке не найден, сохранён собственный перевод этого издания с соответствующей читательской оговоркой.

Глоссарий

В этот глоссарий вынесены термины, имена и понятия, к которым роман возвращается многократно. Краткие пояснения даны по тексту примечаний из основной части книги; за подробностями отдельных смысловых ходов следует обращаться к авторским сноскам в соответствующих главах.

I. Каббала и еврейская мистика

Ацилут (ивр. אֲצִילוּת — «Эманация») — высший из четырёх каббалистических миров, ближайший к Бесконечному Богу (Эйн-Соф). См. также Брия, Йецира, Асия.

Асия (ивр. עֲשִׂיָּה — «Действие») — низший из четырёх каббалистических миров, материальный план бытия.

Ахер (ивр. אַחֵר — «Другой») — прозвище Элиши бен Абуйи, раввинистического мудреца I–II вв. н. э., отошедшего от иудаизма. Талмуд называет его и личным именем, и Ахером; в романе значение прозвища обыграно в имени Другого Короля.

Брия (ивр. בְּרִיאָה — «Творение») — второй из четырёх каббалистических миров, расположенный между Ацилутом и Йецирой.

Гематрия — каббалистический метод числового кодирования слов: каждой букве иврита присвоено числовое значение, и слова с одинаковой суммой считаются связанными по смыслу.

Древо Сефирот — схема десяти сефирот (см. ниже), соединённых 22 «путями», по числу букв еврейского алфавита; основная диаграмма каббалистической космологии.

Йецира (ивр. יְצִירָה — «Формирование») — третий из четырёх каббалистических миров, расположенный между Брией и Асией.

Клипот (ивр. «скорлупы», «оболочки») — в каббале силы нечистоты и зла, противостоящие сефирот; согласно лурианской традиции, удерживают «искры» Божественного света после катастрофы Разбиения Сосудов.

Кфицат ха-дерех (ивр. קְפִיצַת הַדֶּרֶךְ — «сокращение пути») — в еврейской мистике магическое ускорение путешествия или мгновенное перемещение; приписывается праведникам и мудрецам, описано в Талмуде и хасидских преданиях.

Лурианская каббала — мистическая система, разработанная рабби Ицхаком Лурией («Ари», 1534–1572) в Цфате; включает учения о цимцум (самосокращении Бога), Разбиении Сосудов, клипот, парцуфим и тиккун олам.

Метатрон — в иудейской мистике высший архангел, «писец небес», Небесный Наместник; иногда отождествляется с преображённым Енохом. Объявить его «вторым богом» означало бы нарушить важнейший принцип единобожия.

Нотарикон — каббалистический приём извлечения скрытого смысла: каждая буква слова толкуется как сокращение целого выражения, либо начальные/конечные буквы фразы складываются в новое слово.

ПаРДеС (ивр. פַּרְדֵּס — «сад») — акроним четырёх уровней толкования Писания: Пшат (буквальный), Ремез (намёк), Драш (гомилетический), Сод (тайный).

Парцуфим (ивр. פרצופים, «лики») — в лурианской каббале целостные взаимосвязанные конфигурации сефирот; в каждой десять сефирот образуют единый символический «лик».

Сефирот (ивр. סְפִירוֹת — «числа», «сияния») — десять атрибутов или эманаций, через которые Бог проявляется в мире согласно каббалистической традиции. По нисходящему порядку: Кетер (Венец), Хокма (Мудрость), Бина (Понимание), Хесед (Милосердие), Гевура (Сила/Суд),

Тиферет (Красота), Нецах (Победа), Ход (Слава), Йесод (Основание), Малхут (Царство).

Тиккун (ивр. תִּקּוּן — «исправление», «починка») — в лурианской каббале процесс восстановления изначальной гармонии после Разбиения Сосудов; в более широком смысле «тиккун олам» — «исправление мира», возложенное на человека.

Хашмаль (ивр. חַשְׁמַל) — редкое слово из видений Иезекиля (1:4, 1:27, 8:2), точное значение которого не установлено. Септуагинта передаёт его греческим *ēlektron* («янтарь; электрум»), а Талмуд (Хагига 13б) истолковывает через игру «то молчат, то говорят». В современном иврите означает «электричество». В романе «хашмаль» — название телепатической техники; это часть вымышленной метафизики, а не общепринятое историческое значение слова.

Шефа́ (ивр. שֶׁפַע — «изобилие», «поток») — в каббалистической речи поток Божественного света и благословения. В романе Уриил направляет шефу в резервуар и расходует её на поддержание вселенной.

Шем ха-Мефораш (ивр. שֵׁם הַמְפֹרָשׁ — «Явное Имя») — в романе истинное 72-буквенное Имя Бога, также называемое Явным и Святейшим Именем: оно даёт произносящему власть разрушать и пересоздавать миры. В древней раввинской традиции этим выражением называли прежде всего Тетраграмматон; в поздней каббале с ним связывали и 72-составное Имя, образованное из трёх стихов Исхода (14:19–21).

Эйн-Соф (ивр. אֵין סוֹף — «Бесконечный») — в каббале обозначение Бога в Его непознаваемой сущности, предшествующей всякому проявлению через сефирот.

II. Библия и иудейская традиция

Машиах (ивр. מָשִׁיחַ — «Помазанник», греч. «Христос») — в иудаизме грядущий царь-избавитель из дома Давидова, который восстановит Израиль и принесёт мир

народам; в христианской традиции отождествляется с Иисусом из Назарета.

Самьязаз (вариант: Шемхазай, Самиаза) — в Книге Еноха (1 Енох) предводитель «стражей» — падших ангелов, спустившихся на землю и взявших себе в жёны дочерей человеческих; от их союза родились исполины-нефилимы.

Теодицея (греч. theos — Бог, dike — справедливость) — раздел богословия и философии, оправдывающий благость и всемогущество Бога перед лицом существующего в мире зла и страдания.

Шма Исраэль (ивр. שְׁמַע יִשְׂרָאֵל — «Слушай, Израиль») — центральная молитва иудаизма, утверждающая единство Бога: «Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь — един» (Втор. 6:4).

III. Мир романа

Бини-бэби (англ. *Beanie Baby*) — мягкая игрушка с наполнителем из пластиковых гранул, выпускавшаяся компанией Ty с 1990-х годов и ставшая объектом коллекционирования. В романе используется как магический маркер при создании порталов.

Двузубец (лат. *bidens*, «бидент») — двузубое оружие наподобие вил; в европейском искусстве Нового времени — атрибут Плутона (Аида), в противоположность тризубцу Посейдона. В романе — характерное оружие демона Тамиила.

Каунтенанс (англ. *Countenance* — «лик», «облик») — вымышленная теономическая компания по поиску Имён Бога, основанная Симеоном Азором; одновременно отсылка к каббалистическому понятию «Лик» (ивр. פַּרְצוּף, парцуф).

Небесная Дева (в оригинале *Virgin Celestial*) — вымышленная компания, возящая богачей не в космос, а в Рай через трещину в небе; пародийный сдвиг от реальной *Virgin Galactic* Ричарда Брэнсона.

NORAD / гора Шайенн — Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (англ. *North American Aerospace Defense Command*). Подземный комплекс в горе Шайенн близ Колорадо-Спрингс полностью ввели в строй в 1966 году. В 2006 году основные функции командного центра перенесли на базу Петерсон, а с 2008 года комплекс официально служит запасным командным центром NORAD и Северного командования Вооружённых сил США (USNORTHCOM). В мире «Unsong» здесь располагается Цитадель Запада, резиденция Короля Комет.

Пипильцинцинтли (науатль *Pipiltzintzintli*) — название священного психоактивного растения в источниках колониальной эпохи; его точная ботаническая идентификация не установлена, а источники перечисляют пейот и пипильцинцинтли раздельно. В романе с этим названием соединены пейот и повторяющийся Зелёный Человек.

Плацебомантия (англ. *placebomancy*) — магическая дисциплина мира «Unsong», основанная на эффекте плацебо и нарративной логике: маг убеждает вселенную в реальности того, во что верит достаточно сильно. Практикующий — *плацебомант*; крупнейшая террористическая организация плацебомантов — БУДЖУМ (BOOJUM).

Разъединённые Штаты (англ. *Untied States*) — каламбур: вместо *united* («соединённые») — *untied* («развязавшиеся», распавшиеся). После апокалипсиса 1968 года США в романе разделились на множество государств.

Тамиил (ивр. תַּמִּיאֵל) — в романе демон раздвоенности; имя толкуется как «двойственность Бога»; его оружие — двузубец.

IV. Поэты и источники

Гинзберг, Аллен (1926–1997) — американский поэт-битник, ключевая фигура «бит-поколения»; автор поэ-

мы *«Howl»* (1956). В романе — один из «теономических поэтов», чьи стихи цитируются персонажами.

Лоуэлл, Джеймс Расселл (1819–1891) — американский поэт-романтик, эссеист и аболиционист; цитируемое в романе стихотворение «Нынешний кризис» (*The Present Crisis*, написано в декабре 1844 г.) — отклик на спор о присоединении Техаса как рабовладельческого штата.

Омар Хайям (1048–1131) — персидский поэт, математик и астроном; знаменит своим «Рубайятом», в английскую культуру вошедшим благодаря вольному переложению Эдварда Фицджеральда (1859).

«Боевой гимн Республики» (англ. *The Battle Hymn of the Republic*) — патриотический гимн на слова Джулии Уорд Хоу (1861), ставший неофициальным гимном северян во время Гражданской войны в США.

Реньи, Ноэль (1908–2002) — французский журналист и автор песен; известен как автор текста рождественской песни *«Слышишь ли ты то, что слышу я?»* (*Do You Hear What I Hear?*, 1962, музыка Глории Шейн), написанной в дни Карибского кризиса как молитва о мире. В романе ему приписаны и другие тексты.

Гарольд / Хуан — сквозная богословская шутка Аарона и Аны: попытки опознать «истинное Имя Бога» через каламбуры. *«Hallowed be thy name»* (Отче наш) звучит как *«Harold be thy name»* — отсюда «Гарольд»; *«the Lord is One»* (Шма) звучит как *«the Lord is Juan»* — отсюда «Хуан». Цепочка «Гарольд → Харри → Ха’Ари (Лурия)» подталкивает к идее, что случайностей не бывает.

Китовые каламбуры — сквозной личный код Аарона и Аны: почти любая священная формула или библейское выражение выворачивается у них к китам и морским млекопитающим (*Whaling Wall* вместо *Wailing Wall*, *the whale of God* вместо *the will of God*, *Narwhals of Jericho* вместо *Walls of Jericho* и т. д.). Серия проходит через всю книгу.

Сноски и примечания

Пролог

1. Курсивом здесь и далее — реплики, основанные на реальной телетрансляции «Аполлона-8» в сочельник, 24 декабря 1968 года: экипаж (Фрэнк Борман, Джим Ловелл, Уильям Андерс) показывал лунную поверхность и в прямом эфире читал Книгу Бытия. Материалы NASA приводят разные оценки — около 500 миллионов и около миллиарда зрителей, — но называют трансляцию крупнейшей по телеаудитории на тот момент. Роман следует верхней оценке и дополнительно утверждает, что ни одна передача не превзошла её и впоследствии.

С. 1

2. Английское *omen* — «знамение, предзнаменование». Знамения здесь буквально подписаны: на них так и написано — «ЗНАМЕНИЕ».

С. 1

3. Перевёрнутая аллюзия на «Гамлета» (д. I, сц. 5): «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» — только у автора вещей на небе и на земле оказалось не больше, а меньше, чем грезилось философии.

С. 3

Глава 1: Тёмные сатанинские мельницы

4. Эпиграф взят с *kingjamesprogramming.tumblr.com*, где Библия Короля Иакова смешивается с программистскими формулами. Здесь Пс. 121:3 скрещён с юридическим выражением *public domain* — «общественное достояние».

С. 6

5. *Countenance* по-английски — «лик, облик». В Библии Короля Иакова этим словом назван лик Бога: *The LORD lift up his countenance upon thee* (Чис. 6:26; в Синодальном переводе — «да обратит Господь лице Своё на тебя»). Так у компании, ищущей Имена Бога, религиозный смысл заложен уже в названии.

С. 6

6. Перифраз знаменитого ответа Гиллеля язычнику, который просил научить его всей Торе, пока он стоит на одной ноге: «Что ненавистно тебе, не делай ближнему — в этом вся Тора, остальное — комментарий; иди и учись» (Вавилонский Талмуд, Шаббат

31a). У Аарона место нравственного правила занимает принцип каббалы.

С. 7

7. Пародия на классический учебник «Искусственный интеллект: современный подход» Стюарта Рассела и Питера Норвига. Место Рассела занимает Разиил — ангел тайн, которому традиция приписывает каббалистическую «Книгу ангела Разиила».

С. 9

8. Голем — искусственно созданное человекоподобное существо из еврейской легендарной традиции, обычно вылепленное из глины и оживлённое священными словами. Пражский старик — отсылка к легенде о рабби Лёве (Махарале), якобы создавшем такого голема.

С. 12

9. В оригинале — *Narwhals of Jericho*. Скрещиваются *narwhals* («нарвалы») и *Walls of Jericho* («стены Иерихона»). Это первая реплика в обмене Аарона и Аны намеренно дурными библейскими каламбурами о китах.

С. 13

10. В оригинале — *Moabite Dick*. Скрещиваются *Moabite* («моавитянин») и *Moby Dick* — белый кит Мелвилла. В Быт. 19:37 Моав назван сыном Лота и родоначальником моавитян; библейское имя здесь сплавлено с названием китобойного романа.

С. 13

11. В оригинале — *Tabarnacle*: скрещены *tabernacle* («скиния») и *barnacle* («усоногий рачок»). Некоторые такие рачки прикрепляются к коже китов, что и связывает слово с китовой темой каламбуров. Есть также созвучие с квебекским ругательством *tabarnak*, происходящим от французского *tabernacle*.

С. 14

Интерлюдия בּ: Трещины в небе

12. В оригинале — *[expletive deleted]* («нецензурное выражение удалено»), буквальная редакторская помета из опубликованных в 1974 году расшифровок записей Белого дома Никсона. Роман превращает эту помету в постоянную часть его речи.

С. 17

13. В оригинале — *there's no such agency*. *No Such Agency* («Агентство, которого нет») — шутливая расшифровка аббревиатуры NSA, Агентства национальной безопасности США: его существование

долго официально не признавали. Директор ЦРУ отвечает Никсону формулой, ставшей прозвищем самой закрытой американской спецслужбы.

С. 17

Глава 2: Восстань на духовную брань

14. В оригинале — *open-sourcerers*: *open source* («открытый исходный код») скрещивается с *sorcerers* («колдуны»). «Опен-сорсеры» сохраняет общую звуковую основу: хакерская контркультура здесь буквально становится магической.

С. 21

15. В оригинале — *Marxist-Lurianists*. Гибрид *Marxist-Leninists* и имени Ицхака Лурии, создателя лурианской каббалы. Каламбур переводит политический ярлык в каббалистический регистр.

С. 21

16. Аллюзия на поэму Аллена Гинзберга «Вопль» (1956): «I saw the best minds of my generation… angel-headed hipsters burning for the ancient heavenly connection to the starry dynamo in the machinery of night» — «Я видел лучшие умы моего поколения… ангелоглавых хипстеров, пылающих жаждой древнего небесного единства со звёздным динамо в механизме ночи».

С. 21

17. В оригинале — *Untied States* вместо *United States*: английское *untied* значит «развязанные, разъединённые». Каламбур одновременно обыгрывает название США и напоминает, что после катастрофы 1968 года страна распалась на отдельные государства.

С. 25

18. «Имманентизировать эсхатон» — значит пытаться осуществить конец истории и окончательное спасение прямо здесь, в земной истории, то есть построить «рай на земле». Формула восходит к критике политических утопий у философа Эрика Фёгелина («Новая наука политики», 1952), а Уильям Бакли превратил её в лозунг американских консерваторов: «Не дайте им имманентизировать эсхатон!» Преподобный Стивенс обещает ровно то, от чего предостерегал Фёгелин.

С. 28

19. Клипа (ед. ч. от *клипот*; ивр. «скорлупа», «оболочка») — в лурианской каббале нечистая оболочка, удерживающая искры Божественного света. Выражение «взломать клипу» продолжает образ скорлупы: скрытое Имя нужно из неё извлечь.

С. 28

20. В оригинале *The Gospel according to Fluke*. Каламбур на *The Gospel according to Luke* — «Евангелие от Луки»: слово *Luke* заменено на *fluke* — «лопасть хвостового плавника кита». Продолжение сквозной серии библейско-китовых каламбуров между Аароном и Аной.

С. 31

21. В оригинале — *Epistle to Philemonstro*: *Epistle to Philemon* («Послание к Филимону») скрещивается с именем Монстро, гигантского кита из диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940). «Филимонстро» сохраняет обе части каламбура.

С. 31

22. *Pig Latin* — английская языковая игра: начальный согласный (или их группа) переносится в конец слова и добавляется суффикс *-ay* (*pig* → *igpay*). Здесь так же искажают Имя — достаточно похоже, чтобы запомнить, но не настолько, чтобы оно сработало.

С. 31

Интерлюдия ב: Код мироздания

23. В оригинале основной ряд строится на последовательности букв M–S–S: *mass*, *mitosis*, *Mesopotamians*, *Massachusetts*, *Moses*. Произносятся эти буквы по-разному и не всегда дают два отдельных звука [с]; ниже Аарон и сам вольно называет орфографический узор звуковым. Русские написания не сохраняют всю последовательность, поэтому она вынесена в сноску.

С. 34

24. Дополнительный ряд строится на «помогающих» фигурах: Аарон при Моисее, барионы при массе, РНК при ДНК, Иран при Месопотамии, Бенедикт Арнольд при Массачусетсе. В оригинале курсивом выделены *Aaron*, *baryons*, *RNA*, *Iran*, *Arnold*. Это свободная цепочка частичных перекличек букв A, R и N, а не одна и та же звуковая последовательность во всех словах. Библия говорит о золотой пластине «Святыня Господня» на лбу Аарона (Исх. 28:36–38); отождествление её надписи с Шем ха-Мефораш — Явным Именем Бога — здесь следует авторской каббалистической традиции.

С. 34

25. В оригинале узор M–S–S переходит от Конфуция к *Mencius* — Мэн-цзы, его преемнику. Далее автор связывает конфуцианское *ren* («человеколюбие», одна из главных добродетелей у Конфуция) и *Analects* («Беседы и суждения») с *energy* (дополнением массы в авторской паре), *anaphase* (фазой митоза), *Anunnaki* (месопотамскими божествами) и *Canada* (походом Арнольда). Это намеренно

вольная цепочка частичных графических и звуковых перекличек, а не единая начальная модель или реальные этимологические связи.

С. 34

26. Историю о юном Вашингтоне, который срубил вишнёвое дерево, но не смог солгать отцу, популяризировал Мейсон Локк Уимс по прозвищу Парсон Уимс в посмертной биографии президента. Это назидательная легенда, а не исторически засвидетельствованный эпизод; здесь она нужна как американский миф о честном праотце.

С. 35

27. «Город на холме» восходит к Мф. 5:14; к своей колонии эти слова применил Джон Уинтроп в 1630 году, а «сияющий город на холме» стал присловьем Рональда Рейгана. Число 600 автор берёт из Библии — 600 сиклей золота за место для храма (1 Пар. 21:25) и 600 талантов золота на Святое святых (2 Пар. 3:8) — и добавляет «600 на 600 футов» для храма Ирода; это уже натяжка: квадрат со стороной в стадий (600 греческих футов) Иосиф Флавий приписывает соломоновой ограде, а платформа Ирода гораздо больше. *DC* после *Washington* читается как римское число: D = 500, C = 100, вместе 600.

С. 35

28. В авторской каббалистической игре *George* восходит к греч. *geōrgos* («земледелец») и через землю сближается с Адамом; библейское имя Адам перекликается с евр. *adamah* («земля, почва»). *Washing* («мытьё», «очищение») связывается с Моисеем, чьё имя в Исх. 2:10 объяснено словами «я из воды вынула его», а *-ton* — с *town* («город»): так *George Washington* превращается в «очищающего государство». Это авторский разбор, не реальная этимология фамилии *Washington*: она происходит от английского топонима со значением «поселение человека по имени Wassa».

С. 35

29. В оригинале — *Braintree*. Это и реальный город, где родился Джон Адамс, и буквальное *brain tree* — «дерево разума», перекликающееся с *Tree of Knowledge*. Поэтому автор связывает Адамса с Адамом и Древом Познания.

С. 35

30. Американский аналог Циппоры (евр. «птица») — Леди Бёрд Джонсон (*Lady Bird Johnson*), жена президента Линдона Джонсона. Её прозвище *Lady Bird* буквально означает «Леди Птица».

С. 35

31. «Прислушаться к кусту» склеивает Моисея и неопалимую купину (*burning bush*) с Джорджем Бушем-младшим (*George W. Bush*). «Пустыня без стратегии выхода» одновременно про исход из Египта и затяжную иракскую кампанию.

С. 35

Глава 3: На облаке я увидел дитя

32. Силлабарий — слоговая письменность, где отдельный знак обычно передаёт целый слог; абджад — письмо, где основными знаками передаются согласные, а краткие гласные обычно опускаются или обозначаются дополнительно. Примеры — японская хирагана и еврейское письмо соответственно.

С. 37

33. Уриил видит три буквы — Куф-Юд-Куф (ק-י-ק). В принятой здесь английской записи они дают симметричный ряд K–Y–K; если вставить A по обе стороны Y, получается *KAYAK* («каяк») — слово-палиндром, читающееся одинаково в обоих направлениях. Тиферет («Красота») — центральная из десяти сефирот, то есть Божественных эманаций каббалы; её положение и связанное с ней обращение полярности поддерживают мотив зеркальной симметрии.

С. 38

34. Запрет «не вари козлёнка в молоке матери его» трижды повторяется в Торе (Исх. 23:19; 34:26; Втор. 14:21). В раввинистической традиции из него выводят запрет готовить и есть мясо с молоком; роман превращает нарушение этой заповеди в типовую причину системных сбоев мироздания.

С. 39

35. В оригинале «Мудрость, Разумение и Ведение» написаны с прописных: стих читается как перечень сефирот Хокма, Бина и Даат. Речь в нём о Веселеиле, мастере скинии; Талмуд (Брахот 55a) говорит, что Веселеил умел сочетать буквы, которыми сотворены небо и земля, — подходящий стих для экзамена по небесной каббале.

С. 41

Глава 4: Дело рук — топор и плуг

36. Эпиграф переделывает Ин. 16:20. В английском переводе Библии короля Якова стих заканчивается словами *your sorrow shall be turned into joy* («печаль ваша в радость будет» — в Синодальном переводе). Каламбура на *joysticks* здесь нет: эпиграф взят из блога King James Programming, где цепь Маркова смешивает Библию короля Иакова с учебником «Структура и интерпретация компьютерных программ». Склейка прошла по общим словам *turned into*: в сноске 60 к разделу 4.4 учебника сказано, что из многих равносильных наборов правил для отношения *append* лишь некоторые *can be turned into effective devices for computing in any direction* («можно превратить в действенные устройства, вычисляющие в любом направлении»).

С. 45

37. «Эвфемизм» — сквозной приём романа: вместо ругательства персонажи буквально произносят само слово «эвфемизм» (в оригинале — *Euphemism*, *Holy euphemism*). Это внутримировая замена крепкого словца; ближайший русский эквивалент — «блин» или «чёрт».

С. 45

38. «NE-1» — вымышленная серия MacBook: последовательность N-E-1, прочитанная как названия двух английских букв и цифры один, звучит почти как *anyone* («кто угодно», «любой»).

С. 48

39. Название «Ллулл» отсылает к Раймунду Луллию (ок. 1232–1316). Его *Ars* была комбинаторной логической системой: основные понятия обозначались буквами и сочетались с помощью таблиц и круговых фигур, в том числе вращающихся. В романе этот принцип превращён в программу перебора возможных Имён Бога. Программа работает только на компьютерах Apple (англ. *apple* — «яблоко»), а следующие два абзаца построены на систематической подстановке слова «знание» вместо слова «яблоко»: плод Древа познания, яблоко раздора, созревание, яд, кожура и сердцевина, сорта, опыление и прививка. Библия не называет плод Древа познания яблоком — это позднейшая западная традиция. Ньютон действительно рассказывал Уильяму Стюкли, что мысль о тяготении пришла ему при виде падающего яблока; рассказ об ударе яблоком по голове — позднейшее украшение. Тьюринг умер от отравления цианидом, а рядом с ним нашли надкушенное яблоко, но его не проверяли на цианид, поэтому версия об отравленном яблоке остаётся недоказанной.

С. 48

Глава 5: Словом высказать нельзя

40. В оригинале вывеска — *CASH FOR GOLD*, а после снятых букв получается *CASH OR GOD*. Игра слов превращает коммерческую рекламу в каббалистический лозунг.

С. 51

41. Аарон намеренно перефразирует стих под свой довод: у автора — *not a single letter… shall be removed* («…не будет удалена»), под сюжет о снятии букв с вывески. В Синодальном переводе Мф. 5:18: «доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё».

С. 51

42. Английское *sign* значит и «знамение», и «вывеска». Ана только что испортила вывеску лавки, и стих Мф. 16:4 в её устах звучит двусмысленно: *no sign shall be given* — «знамение не дастся», но и «вывески не будет».

С. 51

43. В Библии короля Якова заповедь звучит *Thou shalt not take the name of the Lord thy God in vain*; глагол *take* здесь значит «употреблять», но буквально — «брать». На этом и держится довод Аарона: Ана «взяла» с вывески буквы, равные по гематрии Имени Бога. В Синодальном переводе (Исх. 20:7) стоит «не произноси», и словесная связка пропадает.

С. 51

44. Названия английских букв *L* (*el*) и *F* (*ef*), произнесённые подряд, дают *el-ef* — приблизительное созвучие с *aleph* («алеф»). Рассуждение Аны намеренно строится на неточном звуковом сближении.

С. 51

45. «Конестога» — большой крытый американский фургон XVIII–XIX веков, прочно связанный в массовой культуре с освоением Запада. Вол, фургон и «новые рубежи» превращают непокорную причёску в пародию на переселение первопроходцев.

С. 52

46. В Синодальном переводе стих о том, как Иона пробыл во чреве кита «три дня и три ночи», — это Ион. 2:1 (в KJV — Jonah 1:17): в русской нумерации этот стих отнесён к началу 2-й главы, а не к концу 1-й, как у автора.

С. 53

47. У Байрона в «Поражении Сеннахериба» (так стихотворение называется в переводе А. К. Толстого) сказано: *And the widows of Ashur are loud in their wail* — «И вдовы Ашшура громко рыдают».

Аарон подменяет *wail* («вопль, рыдание») созвучным *whale* («кит»), и вдовы вдруг рыдают в ките. По-русски звуковой подмены нет, остаётся только сам абсурдный образ.

С. 54

48. В оригинале *the Whaling Wall* — каламбур: *Wailing Wall* (Стена Плача) превращается в *Whaling Wall* (Китобойная Стена). Совмещение библейской географии, капитана Ахава из «Моби Дика» и китов.

С. 55

49. В оригинале *much whaling and gnashing of teeth*: в евангельской формуле *wailing and gnashing of teeth* (так в Библии короля Якова, Мф. 13:42 и 13:50; в Синодальном переводе — «плач и скрежет зубов», в устойчивом церковном обороте — «скрежет зубовный») слово *wailing* («плач») заменено созвучным *whaling* («китобойство»). Так евангельская картина наказания продолжает китовую тему разговора.

С. 55

50. В оригинале — *the whale of God*. Это каламбур на выражение *the will of God*: *will* («воля») подменено на *whale* («кит»). Шутка продолжает их сквозную китовую серию.

С. 55

51. Это реальные авторы, у которых первая буква фамилии заменена предыдущей буквой еврейского алфавита: Зейинти — экономист Радж Четти (хет → заин), Четлок — исследователь прогнозов Филип Тетлок (тет → хет), Теткауски — Элиезер Юдковский (юд → тет), Юдка — Франц Кафка (каф → юд). «Каф бен Клиффорд» — рабби Ламед бен Клиффорд, шутливый псевдоним оккультиста Лона Майло Дюкетта (ламед → каф). Пять соседних букв, от заин до каф, выстраиваются в ряд.

С. 56

52. Книги на полке — каббалистические двойники реальных книг о вычислениях и искусственном интеллекте. «Божественность» Нахмана Бернштейна — «Сверхразум» Ника Бострома; «Каббала: современный подход» — учебник Стюарта Рассела и Питера Норвига «Искусственный интеллект: современный подход»; «Гематрия со времён Адама» Бен-Аарона, то есть «сына Аарона», — «Квантовые вычисления со времён Демокрита» Скотта Ааронсона. «Эпоха механизированной духовности» Рава Курцвейля — «Эпоха духовных машин» Рэя Курцвейла: *Ray* стало *Rav*, «рав».

С. 57

53. *The Temple and the Marketplace* («Храм и Рынок») пародирует эссе Эрика Стивена Рэймонда *The Cathedral and the Bazaar* («Собор и базар») о централизованной и открытой совместной разработке программ. Рэймонд Э. Стивенс — вымышленный автор «Храма и Рынка» внутри романа; его имя переставляет и слегка изменяет компоненты имени *Eric Steven Raymond*. Спор о свободном распространении программного кода перенесён на Божественные Имена.

С. 57

54. Исторически унитарианство — христианское нетринитарное течение. Современный американский унитарианский универсализм — плюралистическая традиция, объединяющая религиозные и нерелигиозные взгляды; роман не уточняет, к какой именно ветви относится церковь Стивенса.

С. 58

55. Первая фраза пародирует начало трактата Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре»: *Man is born free, and everywhere he is in chains* («Человек рождается свободным, но повсюду он в цепях»). Валери подставляет на место человека Бога.

С. 59

56. Масада — крепость, где, по рассказу Иосифа Флавия, осаждённые римлянами иудейские повстанцы предпочли смерть плену; точность подробностей этого рассказа остаётся предметом споров. Следующие две реплики одновременно цитируют название и припев песни Сонни Кёртиса *I Fought the Law* («Я боролся с законом, и закон победил»), прославившейся в исполнении *The Bobby Fuller Four*.

С. 62

57. Имена членов компании отсылают к Книге Иова: Билл Додд — Вилдад (*Bildad*), Эли Фосс — Елифаз (*Eliphaz*), Зои Фарр — Софар (*Zophar*), Элли Ху — Елиуй (*Elihu*). Так в Синодальном переводе зовут друзей, пришедших утешать Иова и споривших с ним о причинах его страданий (Иов 2:11; 32:2). Карен Хэппик напоминает Керенгаппух — одну из дочерей Иова (Иов 42:14).

С. 65

58. Иов 40:20–24 в Синодальном переводе; в английской Библии короля Якова (KJV) тот же фрагмент имеет нумерацию Иов 41:1–5.

С. 68

59. В оригинале Элли путает выражение *mind your own beeswax* («занимайся своим пчелиным воском») с *mind your own beehive* («занимайся своим ульем»). Первое — шутливый вариант обыч-

ного *mind your own business* («занимайся своим делом»); Билл исправляет именно *beehive* на *beeswax*.

С. 71

60. В оригинале — *unsong* («непеснь»), от которого происходит название романа. Аарон предлагает его как противоположность музыки — нечто хуже тишины.

С. 73

61. Отсылка к Мф. 5:15: в Синодальном переводе «зажегши свечу, не ставят её под сосудом»; в KJV — *put it under a bushel*. Ана спрашивает, почему Бог скрывает свет, вопреки этому евангельскому образу.

С. 74

62. В оригинале романа — вольная переработка вводного «катрена упрёка» из калькуттской рукописи, который Эдвард Фицджеральд приводит в предисловии к «Рубайяту». У Фицджеральда первые три строки сформулированы иначе; роман сохраняет финальный вопрос, но перестраивает катрен под спор об Иове и милосердии. Упоминание, будто стих «цитировал Никсон в семидесятых», относится к вымышленной истории мира книги.

С. 76

63. *Devil's food cake* («пища дьявола») — традиционное американское название тёмного насыщенного шоколадного торта. Зиниэль принимает слово «дьявол» буквально, поэтому видит в десерте угрозу.

С. 77

64. Английские *Job* («Иов») и *job* («работа») пишутся одинаково, хотя звучат по-разному: имя — примерно «Джоуб», слово — «джоб». Элли Ху, недавняя иммигрантка, отняла у Аны *the Book of Job*, Книгу Иова, — и Ана кричит, что иммигранты крадут её *job*, пародируя известный антииммигрантский лозунг.

С. 77

65. В оригинале шутка строится на созвучии *theodicy* («теодицея») и *The Odyssey* («Одиссея»). Дом называется Итакой, потому что Итака — родина Одиссея; Билл внезапно понимает, что это ещё и место, где постоянно происходит теодицея.

С. 77

66. Английские *just deserts* («заслуженное воздаяние») и *just desserts* («просто десерт») звучат одинаково. Ответ Аны одновременно каламбурит с десертом и формулирует богословский нерв Книги Иова: справедливого воздаяния нет.

С. 77

67. В оригинале устройство называется *scroll wheel*. Обычно это «колёсико прокрутки», но *scroll* означает также «свиток»: здесь перед нами буквальная катушка с записанными на свитках Именами. Русский якорь называет сам предмет, а сноска сохраняет техномагическую игру слов.

С. 77

68. В оригинале — *«Harold be thy name»*: Аарон обыгрывает молитву «Отче наш» (*«hallowed be thy name»*, «да святится имя Твоё»), где *hallowed* созвучно с *Harold*, — выстраивая шуточный довод, будто Явное Имя Бога это «Гарольд».

С. 78

69. В оригинале — *The Lord is Juan*. Это обыгрывает строку Шма *the Lord is One*: слово *One* («Един») заменено созвучным испанским именем *Juan*. Каламбур продолжает серию шуток, где священные формулы подменяются почти совпадающими по звучанию словами.

С. 78

70. Аарон переиначивает рождественский гимн Чарльза Уэсли *Hark! The Herald Angels Sing* — «Чу, ангелы-вестники поют». Слово *herald* («вестник») он заменяет созвучным *Harold* («Гарольд»), и выходит, что ангелы принадлежат Гарольду — тому самому «Явному Имени Бога».

С. 78

71. Молитва «Алейну» завершается стихом Зах. 14:9, в Синодальном переводе: «в тот день будет Господь един и имя Его едино». Ана подменяет английское *One* («Един») созвучным испанским именем *Juan* («Хуан»), как и в предыдущей реплике.

С. 78

72. Имя Иисуса по-английски иногда записывается как *Jesus H. Christ*. Аарон утверждает, что «H» расшифровывается как *Harold* — ещё одно шуточное «доказательство» через молитву «Отче наш» (*«Harold be thy name»* → Иисус = Бог → инициал Бога = «Г.»).

С. 78

73. Ана пародирует логическое доказательство: детей называют Хесусами мексиканцы, а у мексиканцев имена вроде Хуана, — значит, имя Иисуса и тем самым Бога — Хуан. *Q.E.D.* — латинское *quod erat demonstrandum*, «что и требовалось доказать»; Ана проговаривает и буквы, и точки.

С. 78

74. В оригинале *World's Fair* («Всемирная выставка») читается как *world's fair* — «мир справедлив». Плакат *NO IT ISN'T* отвечает именно этому второму чтению: «Нет, мир несправедлив».

С. 79

75. Речь о двух известных разночтениях рукописной традиции Нового Завета. Мк. 16:9–20 отсутствует в некоторых древнейших рукописях; Ин. 7:53–8:11 отсутствует в древнейших рукописях и в других списках встречается в разных местах. Поэтому современные издания обычно отмечают оба фрагмента текстологическими оговорками.

С. 81

76. «Бостонский триплет» — вымышленный технический термин каббалы мира романа. Из контекста понятно только, что выбранная трёхбуквенная последовательность алеф-тет-нун служит делителем при анализе текста; точного правила роман не расшифровывает.

С. 81

77. *SCABMOM* — авторская акронимоподобная форма от *Sacred Kabbalistic Marriage of Minds* («Священный каббалистический брак разумов»). Это не обычная аббревиатура по первым буквам — та дала бы *SKMOM*; точный принцип добавления букв автор не объясняет. Форма СКАБМОМ сохранена как устойчивое внутримировое название, которое многократно появляется дальше.

С. 82

78. В оригинале — *[Ruth and Bowhead]*: обычную библейскую пару *Ruth and Boaz* («Руфь и Вооз») Аарон превращает в «Руфь и гренландский кит» (*bowhead whale*). Это продолжение их сквозной серии библейско-китовых каламбуров и первое сообщение, переданное телепатически.

С. 85

79. В оригинале — *[Shamu Yisrael, HaShem elokeinu…]*. Это каламбур на молитву «Шма Исраэль, ха-Шем элокейну, ха-Шем эхад» («Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь Един»): *Shema* («Слушай») заменено на *Shamu*. Шаму — первоначально имя конкретной косатки из SeaWorld San Diego, а позднее сценическое имя и бренд, использовавшийся для разных выступавших косаток SeaWorld. Так продолжается серия «Библия + киты».

С. 85

Интерлюдия ד: Канторы и певцы

80. В английском языке слово *cantor* (кантор, хазан) означает того, кто ведёт литургическое пение. Каббалистическое прочтение строится на совпадении с фамилией математика Георга Кантора (*Cantor*). В русском языке слово «кантор» сохраняет оба значения.

С. 86

81. Английский лимерик построен на тройной рифме *Trinity / infinity / Divinity*: студент Тринити пугается бесконечной вереницы цифр и уходит из математики в богословие. В переводе «инфинити» и «дивинити» — намеренные звуковые заимствования, сохраняющие эту рифму.

С. 86

82. Латинское *Genus supremum* означает «высший род» — самое общее родовое понятие в иерархии родов и видов. *Actus Purissimus* — «чистейший акт»: схоластическое обозначение Бога как совершенной полноты бытия без неосуществлённых возможностей. Кантор отделяет математические бесконечности от божественного Абсолюта, превосходящего их.

С. 87

83. В английском *singer* буквально значит «певец», а фамилия философа Питера Сингера пишется так же. Каббалистическое чтение играет на совпадении: явный смысл — «тот, кто поёт», скрытый — «тот, кто стремится быть хорошим».

С. 87

84. Цитата из антирабовладельческой поэмы Джеймса Рассела Лоуэлла *The Present Crisis* («Нынешний кризис»). Финальная формула в оригинале — *make compromise with sin*, буквально «идти на компромисс с грехом»; следующие реплики превращают её в предмет буквального спора.

С. 90

Глава 6: Мы возведём Иерусалим

85. В основе эпиграфа — «Молитва о душевном покое»: *God, grant me the serenity to accept the things I cannot change* («Боже, дай мне душевный покой принять то, что я не в силах изменить»). Стивен Каас рекурсивно заменяет предмет принятия: молящийся просит смириться с тем, что никогда не сможет обрести такой покой.

С. 91

86. 20/20 — принятая в США запись нормальной остроты зрения вдаль: с двадцати футов человек различает то, что человек с нормальным зрением должен различать с двадцати футов. В метрической системе это 6/6; показатель не означает идеального зрения во всех отношениях.

С. 94

87. В оригинале *Virgin Celestial*: вымышленный бренд, пародирующий название основанной Ричардом Брэнсоном компании *Virgin Galactic*. *Celestial* значит «небесный», поэтому буквальное значение названия — «Небесная Дева».

С. 94

88. Строки взяты из реального стихотворения Эдварда Теллера *Atom Alphabet* («Атомная азбука»), написанного для его сына Пола. Родство Теллера с Аароном — вымысел романа: поэтому Аарон принимает риторическое *brother* («брат») за обращение к своему деду.

С. 98

89. В оригинале Аарон переделывает выражение *cross that bridge when he comes to it* («решать проблему, когда до неё дойдёшь») в *part that sea when he came to it* — «раздвинет море, когда до него дойдёт», соединяя английскую идиому с библейским переходом через Красное море.

С. 99

90. Шутка срабатывает дважды. Сначала *Joan of Arc* («Жанна д'Арк») распадается на созвучные *Jonah* и *ark*, а Аарон расставляет их по библейским парам: *Jonah—whale* («Иона — кит») и *Noah—ark* («Ной — ковчег»). Позже слова *no avail* («безрезультатно») звучат примерно как *Noah whale*, поэтому он снова «исправляет» пары.

С. 99

Глава 7: Гибнущая растительная память

91. Плацебомантия (англ. *placebomancy*) — авторское слово, составленное из *placebo* («плацебо») и *-mancy* («гадание посредством чего-либо»). Что именно оно означает в мире романа, раскрывается дальше.

С. 104

92. В Вавилонском Талмуде действительно сказано, что частную молитву не следует произносить по-арамейски, поскольку ангелы-служители не понимают этот язык; для общей молитвы и молитвы у постели больного оговариваются исключения (Сота 33a; Шаббат 12б). Однако объяснение через смену языка после рассеяния — авторская комическая реконструкция, а не позиция Талмуда.

С. 106

Глава 8: Смеясь, презреть твои законы и угрозы

93. Название эпиграфа пародирует знаменитую проповедь Джонатана Эдвардса *Sinners in the Hands of an Angry God* («Грешники в руках разгневанного Бога»): *Sinners* («грешники») заменено на созвучное *Singers* («певцы»).

С. 111

94. Фраза переиначивает известное изречение Гиллеля: не делай другому того, что ненавистно тебе самому; «в этом вся Тора, остальное — комментарий; иди и учись» (Вавилонский Талмуд, Шаббат 31a).

С. 112

95. В оригинале стоит *A——i*: так автор намеренно не выписывает полностью *Adonai* («Адонай», «Господь»). При чтении Библии этим словом традиционно заменяют непроизносимый Тетраграмматон; в обычной речи часто говорят *HaShem* — «Имя».

С. 112

96. Совпадение держится на латинской записи *Atah Gibor Le Olam Elohim*: начальные буквы дают *AGLOE*, английское название города. По-русски «Элохим» начинается с «Э», поэтому «АГЛОЕ» повторяет английское написание, а не русские инициалы.

С. 113

97. Латинская цепочка *est sit esto fiat* нанизывает четыре формы со значениями примерно «есть; пусть будет; да будет; да свершится», создавая нарочито заклинательный ритм.

С. 115

98. Каркас реплик об архангелах и строка о пентаграммах взяты из Малого изгоняющего ритуала пентаграммы; роман меняет расположение архангелов, заменяет Рафаила Разиилом и распределяет формулу между участниками по сторонам круга. Следующая латинская формула *Quod est inferius est sicut quod est superius…* означает «что внизу, подобно тому, что вверху, и что вверху, подобно тому, что внизу» и восходит к герметической «Изумрудной скрижали».

С. 116

99. «Чаша гнева» — библейский образ Божьей кары (см. Иер. 25:15; Ис. 51:17; Откр. 14:10). Ритуалисты соединяют этот образ с глаголом «излить», усиливая торжественную угрозу.

С. 117

100. Реплики Кэролин и Клары означают: «Избавь нас, Господи; Тебя молим, услышь нас»; «Да запретит ему Бог, молим; Защити нас в битве»; «Приди на помощь людям; Да бегут враждебные силы». Первая пара узнаваемо воспроизводит ответы из католической Литании святым, а средняя — фразы из молитвы святому Михаилу. Дилан отвечает нарочито элементарно: «Цецилий в саду; раб в атриуме; Цербер — собака; собака на кухне». Имена, словарь и модели этих фраз взяты из первых уроков *Cambridge Latin Course*, хотя точные сочетания различаются между редакциями курса.

С. 119

101. Буджумовое дерево — реальное растение *Fouquieria columnaris* из Нижней Калифорнии и Соноры, способное достигать семидесяти-восьмидесяти футов в высоту. Английское название *boojum* дано ему в честь буджума из поэмы Льюиса Кэрролла *The Hunting of the Snark* («Охота на Снарка»); то же слово ниже становится названием группы Дилана.

С. 119

102. *Compadres para siempre* (исп.) — «друзья навсегда». Буквально *compadre* — «кум»; в разговорной речи так называют близкого друга или приятеля.

С. 120

103. *Bomb squad* — обычное английское название сапёрного подразделения, обезвреживающего взрывные устройства. Дилан софистически переосмысливает его буквально как «группу с бомбой» и утверждает, что настоящее разминирование назвал бы *bomb removal*.

С. 121

104. Роберт Антон Уилсон и Роберт Ши — реальные американские писатели, соавторы контркультурной *The Illuminatus! Trilogy* («Иллюминатус!», 1975). Труд *Placebomancer!* и описанные здесь магические эксперименты принадлежат альтернативной истории романа.

С. 122

Глава 9: Искусством небесным

105. Ряд намеренно сводит к числам 22 и 72 разные способы счёта. У человека 22 **пары** аутосом. Катехизис Католической церкви насчитывает 46 книг Ветхого Завета — или 45, если Иеремию и Плач считать одной книгой, — и 27 книг Нового: итого 73 или 72. «Семидесятидвухбуквенным Именем» называют каббалистическую традицию, в которой из трёх стихов Исх. 14:19–21, содержащих по 72 еврейские буквы, получают 72 трёхбуквенных сочетания. У 36 числовых карт от двойки до десятки в четырёх мастях 72 лицевые и оборотные стороны; туз при таком счёте вынесен отдельно. 72 удара сердца в минуту — один из нормальных показателей, а не норма для каждого человека. Около 72 лет на градус — округление примерно 26 000-летнего цикла прецессии. Наконец, 72 страницы относятся к первоначальной библиографической форме *Poetical Sketches* 1783 года; у переизданий и при подсчёте пустых листов пагинация отличается.

С. 131

106. *As easy as shooting fish in a barrel* — английская идиома со значением «чрезвычайно легко». Уриил намеренно выбирает готовое выражение о рыбе после того, как Соху запретила ему рыбные метафоры.

С. 131

107. В ранней каббалистической традиции слово *sefirah* связывали со счётом и, как мистическое толкование, с еврейским *sappir* («сапфир»). Английское *sapphire* пришло через французский, латинский и греческий, поэтому речь не о его прямом происхождении от *sefirah*. Уриил сопоставляет *sapphires on paths* («сапфиры на путях») с *Ruby on Rails* («рубин на рельсах»): сапфиры сменяются рубином, а пути — рельсами. Ruby on Rails — вебфреймворк на языке Ruby, используемый, в частности, для приложений, работающих с базами данных; сам он базой данных не является.

С. 132

108. *Off-by-one error* — типичная программная ошибка, при которой индекс, граница диапазона или счётчик оказывается больше или меньше нужного ровно на единицу.

С. 132

Интерлюдия ה: N-Граммата

109. «Зоар» традиционно приписывают рабби Шимону бар Йохаю, жившему во II веке. Современные исследователи датируют основной корпус книги концом XIII века и связывают его прежде всего с Моше де Леоном. Реплика Аарона следует традиционной атрибуции.

С. 139

110. Числа восходят к Вавилонскому Талмуду (Йома 9a): Второй храм простоял 420 лет, и в нём сменилось больше трёхсот первосвященников. Ковчега во Втором храме уже не было: Мишна (Йома 5:2) описывает на его месте Камень основания. Верёвку или золотую цепь на ноге первосвященника упоминает средневековый «Зоар» (III, 67a и 102a), но источники эпохи Второго храма о ней молчат.

С. 140

111. Речь об Айове (англ. *Iowa*, примерно «Ай-э-уа»); Де-Мойн — столица этого штата. Аарон намеренно собирает название *Iowa* из английских звуковых подсказок в предыдущей фразе. Это каламбур, а не научная реконструкция Тетраграмматона: йуд здесь соответствует согласному «й», исторический вав — согласному, близкому к английскому *w*, а точные древние гласные Имени неизвестны.

С. 141

112. Испанское *el* — определённый артикль мужского рода; он входит и в названия Эль-Сегундо («второй»), Эль-Серрито («холмик») и *El Pollo Loco* («безумная курица»). *El Pollo Loco* — возникшая в Мексике сеть ресторанов; первый ресторан в США открылся в Лос-Анджелесе, а теперь сеть работает в нескольких штатах. Шутка строится на совпадении артикля *el* с «Эль», древнееврейским двухбуквенным Именем Бога.

С. 141

113. Брия («Творение») и Йецира («Формирование») — второй и третий из четырёх каббалистических миров. В логике этой шутки Брия соответствует ещё не воплощённой идее, а Йецира — уже сформированному объекту.

С. 141

114. В оригинале развивается цепочка *he* / *hey* / *hay*: название буквы иврита, оклик «эй» и слово «сено» звучат почти одинаково. Кроме того, *he* — английское местоимение «он»; поэтому написанное с прописной буквы *He* герой читает одновременно как местоимение и как букву-Имя.

С. 142

115. В английской Библии Короля Иакова это Пс. 95:7, Пс. 100:3 и Иов 37:23. В Синодальном переводе первые два стиха нумеруются как Пс. 94:7 и Пс. 99:3, и русские фразы в тексте взяты оттуда. Во всех трёх местах стоит английское *he* («он»), которое пишется так же, как название буквы хей (см. предыдущую сноску).

С. 142

116. Фраза восходит к афоризму астрофизика Эдварда Р. Харрисона: «Водород — лёгкий газ без запаха, который, если дать ему достаточно времени, превращается в людей». Роман заменяет *light* («лёгкий») на *colorless* («бесцветный»); водород действительно бесцветен и не имеет запаха.

С. 143

117. Сотериология — раздел богословия о спасении человека.

С. 143

Глава 11: Загнать праведника в бесплодные земли

118. Еккл. 9:11. В Синодальном переводе: «но время и случай для всех их». В английской Библии Короля Иакова сказано *time and chance happeneth to them all*, а следующее авторское *it so happeneth* повторяет тот же архаический глагол. В русском тексте эту перекличку передают слова «в случае Аны случилось».

С. 144

119. Оригинальная надпись *Who watches the watchmaker?* скрещивает два образа. *Who watches the watchmen?* — распространённая английская форма латинского вопроса *Quis custodiet ipsos custodes?*, традиционно приписываемого Ювеналу: «Кто сторожит самих сторожей?» Эта формула стала лейтмотивом графического романа «Хранители» (*Watchmen*). Часовщик отсылает к аргументу о замысле: как сложные часы предполагают создавшего их мастера, так устройство природы, согласно этому аргументу, указывает на Творца. Надпись на конференции по теодицее обращает вопрос уже к Самому Творцу.

С. 144

120. Мистраль — сильный, обычно сухой и холодный ветер, который дует через нижнюю долину Роны и Прованс к Средиземному морю.

С. 148

121. В «Государстве» Платона (II, 359c–360b) эту историю рассказывает Главкон. В распространённой версии текста кольцо находит пастух — предок лидийца Гигеса; став невидимым, он соблазняет царицу, убивает царя и захватывает власть. Главкон утверждает, что возможность безнаказанно творить несправедливость соблазнила бы и праведного, и неправедного. В пересказе Аны эпизод свободно сокращён до «прославленного добродетелью» Гигеса, который «крал всё подряд».

С. 149

Интерлюдия וי: Десница Господня

122. Кен Кизи (1935–2001) — американский писатель и одна из ключевых фигур контркультуры 1960-х. «Весёлые Проказники» — сложившаяся вокруг него группа, известная психоделическими экспериментами, поездкой по США на раскрашенном автобусе и «кислотными тестами» — вечеринками с ЛСД.

С. 151

Глава 12: На крыльях ангелов

123. Английское *news* действительно возникло как множественная форма от *new* — «новое», «новые сведения». Расшифровка *NEWS* как *North, East, West, South* — не этимология слова, а известная народная этимология; в романе она сознательно превращена в нотарикон.

С. 153

124. Акростих *ADAM* из греческих названий четырёх сторон света действительно засвидетельствован в христианской традиции, но не является исторической этимологией имени. Еврейская игра *Adam* / *adamah* («человек / земля, почва») уже пояснена в Интерлюдии ג, прим. 6.

С. 153

125. В оригинале — *What's snew?* / *What's new?* Рассказчик выдумывает бессмысленное слово *snew*, чтобы собеседница спросила «What's snew?» («Что такое snew?») — а этот вопрос на слух

неотличим от «What's new?» («Что нового?»). На него рассказчик и отвечает как на приветствие: «Да ничего! А у тебя что нового?»
С. 153

126. *There's a Hole in My Bucket* («В моём ведре дыра») — старая детская песенка-диалог: Генри просит Лизу помочь залатать ведро, но каждый шаг требует следующего предмета, а для последнего снова нужно дырявое ведро. Поэтому цепочка замыкается; именно эту структуру Аарон разбирает в следующей интерлюдии.
С. 154

127. «Впустить Иисуса в сердце» — распространённая в американском евангелизме формула личного принятия Христа. Зиниэль принимает Валери за проповедницу, обходящую дома.
С. 156

128. Фраза взята из книги Г. К. Честертона «Ортодоксия», из главы «Вечная революция». В оригинале *take themselves lightly* значит и «не относиться к себе слишком серьёзно», и буквально «делать себя лёгкими»; на этом каламбуре построена сцена.
С. 157

129. В оригинале — *the Witch-King of Wichita*: имя обыгрывает толкиновский титул *Witch-king of Angmar* и образует аллитерацию с *Wichita*. Проектная форма «Ведьмовской Король Уичито» сохраняет лоровое имя, но английское созвучие в русском не воспроизводится.
С. 158

130. Охлократия — власть толпы. В оригинале сочетание *Oklahoma Ochlocracy* также построено на аллитерации.
С. 158

131. В реальности выборы президента США 2000 года привели к спору о подсчёте голосов во Флориде, завершившемуся решением Верховного суда по делу *Bush v. Gore*. Партизанская война на Восточном побережье — уже альтернативная история романа.
С. 158

Интерлюдия ז: В моём ведре дыра

132. Древнееврейское אֱלִישֶׁבַע (*Элишева*; в английской библейской традиции *Elisheba*) через греческую форму стало именем *Elizabeth*, от которого образовано *Liza*. Стандартное словарное толкование — «мой Бог — клятва». Корень שבע связан также со словом «семь», поэтому чтение «мой Бог — семь» работает как игра слов; «удовлетворение» и «гнев» — не стандартные этимологии, а встретившиеся Аарону варианты.

С. 161

133. Английское *Harry* и ивритское *Ha'Ari* звучат гораздо ближе, чем русские «Гарри» и «Ха'Ари». *Ари* означает по-ивритски «лев» и одновременно читается как акроним *ha-Elohi Rabbi Yitzhak* — «божественный рабби Ицхак»; поэтому прозвище Лурии традиционно понимают и как «Лев».

С. 162

134. *Заин* (ז) — седьмая буква алфавита иврита; её традиционно связывают с оружием, хотя исходный протосинайский знак толкуют по-разному — как оружие или как оковы. «Короны» над буквами в свитке Торы называются *тагин*. Однако одно из обычных библейских слов для ножа — *маахелет*, тогда как *заин* означает скорее «оружие» и засвидетельствовано в более позднем иврите. В Чис. 24:17 стоит *шевет* — «жезл, скипетр»; *шавит*, «комета», — сходное, но не тождественное слово. Средневековый толкователь Бехор Шор действительно связывал этот «жезл» с образом движущейся звезды, поэтому Аарон развивает реальную традицию толкования, но намеренно сжимает несколько разных ассоциаций в одну.

С. 164

135. Представление о возможном Мессии в каждом поколении относится к поздней раввинистической традиции; его, например, формулирует Хатам Софер (респонсы 6:98). Слова о покаянии в течение одного дня восходят к Иерусалимскому Талмуду (Таанит 1:1): если Израиль покается хотя бы один день, сын Давида придёт немедленно.

С. 165

136. Здесь Аарон комически соединяет два эпизода. В Чис. 20:7–13 Бог велит Моисею обратиться к скале; после удара по ней Моисею и Аарону запрещено ввести народ в Землю обетованную. Сорокалетнее странствие и смерть поколения были назначены раньше, в Чис. 14:26–35, после рассказа соглядатаев.

С. 165

137. Формула о поколении либо целиком праведном, либо целиком виновном содержится в Вавилонском Талмуде (Санхедрин 98a). Отдельный классический источник для усиленного варианта — поколения, одновременно самого праведного и самого нечестивого, — при редакционной проверке не установлен; эта часть формулировки принадлежит тексту романа.

С. 166

Глава 13: Образ вечной смерти

138. В оригинале — *Avery silly knock-knock joke*. Имя *Avery* звучит почти как *a very*, поэтому фраза читается и как имя, и как «очень глупая шутка». По-русски эта фонетическая игра не воспроизводится.

С. 168

139. В самом Ис. 53:12 говорится, что страдающий раб «к злодеям причтен был»; Уриил следует мессианскому толкованию, отождествляющему этого раба с Мессией. Это толкование, а не прямое именование Мессии в стихе.

С. 169

140. Речь о Второй мировой войне и Манхэттенском проекте — американской программе 1942–1946 годов, в рамках которой были созданы первые атомные бомбы. Уриил намеренно сводит сложную историю войны к формуле «начали войну — узнали тайны атома».

С. 170

141. *Sa'ar* (ивр. סַעַר) и латинское *tempestas* означают «буря», английское *hurricane* — «ураган». Магия сцены превращает названия одного явления на разных языках в буквенный материал: из слов убирают гласные, согласные переставляют, а затем снова дополняют до новых слов.

С. 171

142. У Гомера Ахерон — река Аида, в которую впадают Коцит и Пирифлегетон; земной Ахерон в Эпире связывали со входом в подземный мир. Формула «граница Ада» в оригинале упрощает эту традицию.

С. 172

143. В Исх. 28:36–38 на золотой пластине первосвященника написано «Святыня Господня». Слова о Шем ха-Мефораше на челе

Аарона восходят не к библейскому стиху, а к более поздней мистической традиции — «Сефер ха-Бахир» (§ 111); роман следует именно ей.

С. 172

144. В оригинале — *bident*, от латинского *bidens*, «двузубый». Связь двузубца с Плутоном (Аидом) закрепилась прежде всего в европейском искусстве Возрождения, а не как устойчивый атрибут древнегреческого бога.

С. 173

145. Уилфред Оуэн, «Dulce et Decorum Est» (создано в 1917–1918 годах, впервые опубликовано посмертно в 1920 году) — антивоенное стихотворение о газовой атаке. Название отсылает к строке Горация *Dulce et decorum est pro patria mori* — «сладостно и почётно умереть за отечество»; в финале Оуэн называет эту формулу «старой ложью». Перевод фрагмента выполнен специально для настоящего издания.

С. 174

Глава 14: Сердце людское — в груди Бессердечья

146. Рабби Зуся (Мешулам Зуся из Аннополя, ок. 1718–1800) и его брат рабби Элимелех из Лиженска (1717–1787) — известные хасидские духовные наставники (цадики), ученики Дова Бера, Магида из Межерича. Рассказ о тюремном ведре — хасидское предание, известное в нескольких пересказах, а не эпизод Талмуда.

С. 178

147. В оригинале — *black site*: тайное место содержания и допросов, существование которого государство официально не признаёт. Это не просто засекреченный объект, поэтому в переводе — «тайная тюрьма».

С. 181

148. Латинскую фразу можно разделить как *I! Tego arcana Dei*: «Ступай! Я скрываю тайны Бога». Те же буквы образуют точную анаграмму фразы *Et in Arcadia ego* — «И я в Аркадии»; в знаменитом живописном сюжете её обычно понимают как напоминание, что смерть присутствует даже в идиллическом мире.

С. 181

149. Эпизод пересказан в Вавилонском Талмуде, Брахот 27б–28а. Раббан Гамлиэль ограничивал доступ в дом учения; после его смещения и назначения рабби Элазара бен Азарии добавили четыреста или семьсот скамей. Во сне Гамлиэлю показали белые

сосуды с пеплом, но Талмуд сразу уточняет: сон был дан лишь для его успокоения, а новые ученики вовсе не были недостойными.

С. 183

150. Аарон комически сжимает три рассказа из трактата «Авода зара»: 18а–б — о том, как рабби Меир добивается освобождения сестры своей жены Брурьи из публичного дома, а охранявший её страж избегает казни после обращения «Боже Меира, ответь мне!»; 11а — об Онкелосе и трёх последовательно посланных римских отрядах, последний из которых обращается после объяснения мезузы; 17б — о рабби Элазаре бен Перате, где Илия уносит обвиняющего свидетеля на четыреста парсангов. «Друг», «легион», проповедь на латыни, прокурор в зале суда и пятьсот миль — вольности Ааронова пересказа.

С. 184

151. Здесь не настоящая этимология названий наркотиков, а игра с еврейскими буквами. MDA даёт мем–далет–айн: מדע (*мада́*, «знание, наука»). LSD даёт ламед–шин–далет: לשד (*леша́д*, «сок, жизненная сила»; לשדי — «моя жизненная сила») и одновременно извлекает эти согласные из אל שדי (*Эль Шаддай*). Авторская форма *лешади* намеренно сближает оба чтения.

С. 185

152. Строго говоря, Притч. 31:10–31 — алфавитный акростих, а не нотарикон: каждый из двадцати двух стихов еврейского текста начинается с очередной буквы от алефа до тава. Аарон расширительно называет этот приём нотариконом, потому что ему важен тот же принцип начальных букв.

С. 186

153. Начальные буквы тридцати двух коротких предложений Аарона образуют каркас Имени Исчезновения: Д–С–Т / З–М / Р–Ш–Ш–Н / С–В–Р / Л–С / К–Н / Д–Л / А–Т–Н / Т–Р–Й / К–Ф / Л / М–Р / Л–Т–Г. С восстановленными гласными это ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КЁН-ДАЛ-АТЕН-ТРАЙ-КОФУ-ЛИ-МАР-ЛЕТАГ. В английском оригинале соответствующая цепочка начинается D–S–T / Z–M / R–S–S–N / S–V–R / L–S / Q–N / D–L / A–T–N / T–R–Y / K–P / L / M–R / L–T–G; русские фразы перестроены так, чтобы магический механизм работал и в переводе.

С. 187

Глава 15: О, где скрыть мне лицо своё?

154. В оригинале сопоставлены три почти одинаково звучащие формы. *Bay Arean* — возможное название жителя *Bay Area* (района Залива) и намёк на Ареса, греческого бога войны; *Bay Aryan* — «ариец Залива», откуда упоминание «высшей расы»; выбранное *Bay Arian* — «арианин Залива», последователь христианского священника Ария, чьё учение ранняя церковь осудила как ересь. Поэтому герои «скорее еретики, чем вояки, и уж точно не высшая раса».

С. 188

155. Это «русская инверсия» — американский комический шаблон, который популяризировал американский комик Яков Смирнов, эмигрировавший из СССР: привычная конструкция переворачивается, а здесь вдобавок сталкиваются *party* («вечеринка») и *Party* («Коммунистическая партия»). Именно эта игра слов прозвучала у Смирнова в рекламе Miller Lite 1985 года.

С. 189

Глава 16: Коль мощью железной своё отчаянье он мог бы предотвратить

156. Эпиграф пересказывает «Бросающего звёзды» (*The Star Thrower*) — эпизод из эссе американского натуралиста Лорена Айзли, опубликованного в книге *The Unexpected Universe* (1969). Короткая притча с ребёнком и финальной репликой о спасённой звезде — одна из многочисленных позднейших переработок, а не дословный текст Айзли.

С. 194

157. *LOX* (*liquid oxygen*) — жидкий кислород. В полнопоточной схеме ступенчатого сгорания метан и кислород проходят через отдельные предварительные камеры, приводят в действие свои турбонасосы, а затем целиком поступают в основную камеру сгорания.

С. 195

158. Буфер — выделенный участок компьютерной памяти. При его переполнении программа записывает больше данных, чем туда помещается, и перезаписывает соседнюю память; специально подобранные данные иногда позволяют внедрить и выполнить чужой код. Здесь компьютерная метафора становится буквальной: библейский текст выходит за отведённые ему границы и внедряет в мир код исходной системы.

С. 196

Интерлюдия ח: Человек на сфере

159. В эпиграфе названо настоящее заглавие песни R.E.M. 1992 года — *Man on the Moon* («Человек на Луне»). Заглавие самой интерлюдии — *Man on the Sphere* («Человек на сфере») — обыгрывает его, заменяя *Moon* на *Sphere*.

С. 200

160. Английская поговорка *March comes in like a lion and goes out like a lamb* («март приходит как лев, а уходит как ягнёнок») описывает переход от бурной погоды в начале марта к более мягкой в конце. Дальше рассказчик превращает её в буквального чудовищного «ангела».

С. 200

161. Это намеренно гротескная смесь библейских образов, а не точное описание одного ангела. В видении Иезекииля у каждого из четырёх живых существ четыре лица — человека, льва, тельца и орла, — а рядом движутся колёса, устроенные «будто колесо находилось в колесе» (Иез. 1:5–21). Головы ягнят и драконов добавлены рассказчиком.

С. 200

162. В оригинале: *sky.smh not found, please repent transgressions and try again* — буквально «sky.smh не найден; пожалуйста, покайтесь в прегрешениях и повторите попытку». Запись имитирует системную ошибку. *SMH* обычно расшифровывается как *shaking my head* («качаю головой») и выражает неодобрение или недоумение, поэтому здесь, вероятно, работает и дополнительная шутка о неодобрительно «качающем головой» небе.

С. 200

163. Канцелярское сообщение переделывает афоризм, популяризированный Мартином Лютером Кингом и восходящий к проповеди аболиционista Теодора Паркера: «дуга нравственной вселенной длинна, но склоняется к справедливости».

С. 202

164. В оригинале *Long March* одновременно означает «долгий марш» и «долгий март»: из-за сбоев времени март растянулся на много недель и кончился лишь с наступлением 1 апреля. Название также отсылает к Великому походу китайской Красной армии, который по-английски называется *the Long March*.

С. 202

165. Никсон пародирует заявление Джона Кеннеди Конгрессу 25 мая 1961 года: США должны «до конца десятилетия высадить

человека на Луну и благополучно вернуть его на Землю». Здесь «десятилетие» заменено «годом», а Луна — хрустальной сферой.
С. 203

166. В оригинале: *Literally. Nothing is wrong. Nothing.* Сначала *nothing is wrong* звучит как обычное «всё в порядке», а затем отдельное *Nothing* становится философским «Ничто». Перевод «ничто не нарушено» — намеренная компенсация, которая сохраняет переход от бытового ответа к метафизическому смыслу.
С. 207

167. Плерома (от греч. «полнота») — в гностической традиции полнота Божественного бытия, совокупность Божественных сил или проявлений. Здесь Армстронг называет так вневременную полноту, содержащую возможности всех измерений.
С. 207

168. Начало славословия серафимов из Ис. 6:3: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Синодальный перевод). Армстронг повторяет первую часть без конца.
С. 207

Глава 17: Не знал земных родителей, признаюсь

169. Речь об Ис. 7:14. В еврейском тексте стоит *ʻalmah* — «молодая женщина»; само по себе это слово не означает непременно девственницу. В древнегреческом переводе Библии — Септуагинте — и в цитирующем её Мф. 1:23 употреблено более определённое *parthenos* — «дева, девственница». Поэтому авторская формула о «той же двусмысленности» упрощает различие между текстами.
С. 212

170. Канонические Евангелия не называют возраст Марии. Четырнадцать лет здесь — предположение, а не установленный факт.
С. 212

171. Комета Вест — реальная комета C/1975 V1 (West), открытая Ричардом Вестом в 1975 году; 25 февраля 1976 года она прошла перигелий — ближайшую к Солнцу точку орбиты — и стала одной из ярчайших комет своего времени. Далее обыгрывается совпадение фамилии *West* со словом *west* — «запад».
С. 213

172. Перефразирована строка английского текста гимна Канады «O Canada»: *The True North strong and free* — «Истинный Север, сильный и свободный». Север заменён на Запад — тёзку кометы.
С. 213

173. Обыгрывается решение Верховного суда США по делу *Роу против Уэйда* (*Roe v. Wade*, 1973): суд признал, что конституционное право на неприкосновенность частной жизни охватывает решение женщины о прерывании беременности, хотя это право не безусловно. Решение было принято семью голосами против двух; поэтому радость всех девяти «Судеб» — часть мифологизации.

С. 214

174. В оригинале *painful labor* — прямая отсылка к Быт. 3:16, где после грехопадения Еве возвещены «скорбь… в беременности» и рождение детей «в болезни» (Синодальный перевод).

С. 214

175. В оригинале — *a Hindoo maiden*. *Hindoo* — устаревшее написание *Hindu*; автор меняет нейтральное *Indian-American* на архаическое «индусская дева», продолжая игру со словом *maiden*.

С. 214

176. Джалакету (санскр. *Jalaketu*) — название кометы в древнеиндийском астрономическом трактате «Брихат-самхита»: она появляется на западе с поднятым хвостом. Имя связывает сына и с индийским происхождением матери, и с Кометой Вест.

С. 214

Глава 18: Да спасутся дети Иерусалима от рабства

177. Реплика Билла опирается на традиционное правило: еврейский статус наследуется по матери, поэтому одного еврейского отца недостаточно. Некоторые современные течения иудаизма применяют иные правила; например, американский реформистский иудаизм может признать ребёнка одного еврейского родителя, если тот воспитан как еврей.

С. 215

178. Кайфынские евреи — историческая еврейская община города Кайфын в Китае, существовавшая там много столетий; её собственные синагогальные надписи сохранились с XV века.

С. 215

179. На Песах запрещён не любой продукт из муки, а хамец — пища из определённых злаков, успевшая закваситься. Мацу, напротив, пекут именно из муки и воды, не давая тесту подняться; фраза персонажей — комическое упрощение правила.

С. 216

180. В оригинале шутка держится на словах *boiled peanuts* («варёный арахис») и *boils* («нарывы»): нарывы — шестая египетская казнь. По-русски это созвучие не сохраняется.

С. 216

181. Во время седера наливают отдельный бокал вина для пророка Илии и позднее открывают ему дверь. Илия считается вестником грядущего избавления и прихода Мессии.

С. 216

182. В оригинале — *angel investor*. Это обычный английский термин для частного инвестора, который вкладывает собственные деньги в молодую компанию, но Зиниэль понимает его буквально: «ангел-инвестор».

С. 216

183. В оригинале: *I must create my own system, or be enslaved by another man's*. Это слегка изменённая строка Блейка «Я должен создать Систему, или стать рабом чужой» из поэмы «Иерусалим» (лист 10, строки 20–21).

С. 217

184. Это строка Уильяма Блейка *The lust of the goat is the bounty of God* из «Пословиц Ада» — раздела книги «Бракосочетание Рая и Ада».

С. 217

185. «Хад Гадья» (арам. חַד גַּדְיָא, «один козлёнок») — арамейская песня, которую поют в конце пасхального седера. В печатную Пражскую Агаду она вошла в 1590 году; родственные арамейские и идишские версии известны по рукописям XV века, а её более раннее происхождение остаётся спорным.

С. 217

186. В арамейском тексте песни — *трей зузей*, «два зуза». Зуз — серебряная монета, известная по еврейским источникам античного и раввинистического времени; русская форма после числительного — «два зуза», а не уменьшительное «два зузика».

С. 217

187. Хаим Йосеф Давид Азулай, известный как Хида, в респонсе «Хаим шааль» (I, 28) действительно одобрил отлучение человека, высмеивавшего «Хад Гадью». «Последний человек» — комическое упрощение Аарона: источник говорит не о хронологически последнем насмешнике, а об одном конкретном случае.

С. 218

188. Толкование действительно приписывается гамбургскому раввину Яакову Эмдену. *Галгалим* буквально означает «колёса» или «сферы»; здесь это небесные сферы, через которые, по этому толкованию, душа проходит на пути в земное тело.

С. 218

189. Цитата взята из книги Марка Твена «Жизнь на Миссисипи» (1883), глава 17. Там она завершает нарочито нелепый прогноз, построенный на прямом продолжении темпа изменения русла реки.

С. 218

190. Имя учёного обычно передают как Реувен Марголиес (1889–1971). Сам рассказ о споре Авраама с Нимродом — огонь, вода, облака и ветер — содержится в мидраше «Берешит рабба» 38:13.

С. 218

191. Здесь Аарон, по-видимому, смешивает разные исторические толкования песни. В опубликованном разборе схемы Йонатана Эйбешюца кот обозначает Египет, пёс — Амалека, огонь — Навуходоносора, вода — Тору Эзры, а бык — эллинистов; Тиглатпаласар III в этой цепочке не появляется. Поэтому романную последовательность не следует принимать за точное изложение единственной общепринятой схемы.

С. 219

192. Лурианская каббала — учение рабби Ицхака Лурии, созданное в XVI веке. В упрощённом виде: Бог посредством цимцума освобождает место для мира; Божественный свет разбивает не выдержавшие его сосуды; их «оболочки», клипот, удерживают искры света, а тиккун должен высвободить искры и исправить мир.

С. 220

193. В Лев. 16:21–22 первосвященник возлагает обе руки на голову козла, исповедует над ним грехи народа, после чего специально назначенный человек уводит козла в пустыню. Крика на козла в библейском описании нет: это комическое искажение Аарона.

С. 220

194. Имя Бафомета известно по средневековым обвинениям против тамплиеров, но привычный козлоголовый образ французский оккультист Элифас Леви опубликовал в 1856 году. Поэтому Бафомет не является засвидетельствованным древним «козли-

ным демоном»; роман соединяет поздний образ с более древней символикой козла.

С. 220

195. *Two is right out* повторяет фразу *Five is right out* — «пять сразу отпадает» — из сцены со Священной ручной гранатой в фильме «Монти Пайтон и Священный Грааль» (1975), только вместо пяти здесь поставлено богословски подозрительное число два.

С. 220

196. *Two scoops* отсылает к многолетнему рекламному слогану хлопьев Kellogg's Raisin Bran: в каждой коробке обещали «две мерные ложки изюма». Аарон превращает рекламную формулу в космогонический рецепт.

С. 221

197. Нечестивый сын — один из четырёх типов детей в Пасхальной Агаде. Он спрашивает, что обряд значит «для вас», тем самым исключая себя из общины; Агада отвечает, что, будь он в Египте, он не был бы избавлен. Дилан далее раздувает именно эту последнюю фразу.

С. 222

198. Гипотеза, связывающая мор скота и нарывы с сибирской язвой, действительно встречается в медицинской литературе: болезнь может поражать животных и вызывать кожные поражения у людей. Однако это одна из нескольких натуралистических гипотез, а не установленный археологами диагноз библейских казней.

С. 223

199. Исп. *Discúlpame por favor* — «Прости меня, пожалуйста». Нарочитый переход Дилана на испанский сохранён.

С. 223

200. «Четыре вопроса», или *Ма ништана*, — установленная часть седера, обычно поручаемая младшему ребёнку. Она начинается словами: «Чем отличается эта ночь от всех других ночей?» — и спрашивает об особенностях пасхальной трапезы.

С. 224

201. В оригинале каламбур строится на похожем звучании *lamb* («ягнёнок») и *lampreys* («миноги»). Уриил принимает фонетическое сходство за каббалистическое соответствие; по-русски эта связь без пояснения исчезает.

С. 224

202. Шимон бар Йохай — еврейский мудрец II века н. э., которому традиция приписывает «Зоар», один из главных текстов каббалы.

С. 225

203. Ср. Исх. 13:9: «И да будет тебе это знаком на руке твоей и памятником пред глазами твоими, дабы закон Господень был в устах твоих, ибо рукою крепкою вывел тебя Господь из Египта».

С. 226

204. Уриил упрощённо описывает электронные орбитали — области, в которых электрон можно обнаружить с определённой вероятностью, а не буквальные круговые пути. Орбитали типа *s* имеют сферическую форму, а три орбитали типа *p* похожи на пары лепестков, направленные вдоль трёх взаимно перпендикулярных осей.

С. 228

205. Уриил переосмысляет два библейских запрета как ограничения вычислительной системы. Запрет одежды из смеси шерсти и льна дан во Втор. 22:11 (ср. Лев. 19:19), а формула «не вари козлёнка в молоке матери его» повторяется в Исх. 23:19, Исх. 34:26 и Втор. 14:21.

С. 229

206. Алгоритм Гейла — Шепли, опубликованный Дэвидом Гейлом и Ллойдом Шепли в 1962 году, находит стабильное соответствие между двумя группами участников с ранжированными предпочтениями. «Мужчины» и «женщины» были одним из исходных примеров, но математически группы не обязаны соответствовать биологическим полам; это ограничение придумывает Уриил.

С. 229

207. Моисей повторяет библейскую формулу из Лев. 18:22 и 20:13, где мужская однополая связь названа «мерзостью». Роман сатирически придумывает для этой формулы вычислительное объяснение.

С. 229

208. RAM («оперативная память») произносится так же, как английское *ram* («баран»). Моисей понимает упоминание дополнительной памяти как речь о баранах и предлагает принести их в жертву.

С. 229

209. В оригинале *Cometspawn* — буквально «порождения Кометы». Устойчивый русский вариант «Потомки Кометы» обозначает

детей Короля Комет; здесь это первое появление коллективного имени.

С. 230

210. Король Комет отвечает формулой «Четырёх вопросов» седера: «Во все другие ночи мы едим сидя или возлежа, а в эту ночь — все возлежим». Английское *lie* значит и «лгать», и «лежать», поэтому *Tonight, we lie* звучит сразу как признание во лжи и как отголосок ритуального «в эту ночь мы возлежим».

С. 230

211. Афикоман — большая часть разломанной средней мацы, которую откладывают, а во многих семьях прячут и разыскивают. Её съедают в конце трапезы как последнюю пищу седера; поэтому здесь маца сама ломается, а спрятанная часть вылетает из комнаты.

С. 231

212. Во время перечисления десяти казней из бокала удаляют по капле вина на каждую казнь. По одному распространённому объяснению, полнота праздничной радости уменьшается из-за страданий египтян; существуют и другие объяснения этого обычая.

С. 231

213. «В будущем году — в Иерусалиме!» (ивр. לְשָׁנָה הַבָּאָה בִּירוּשָׁלָיִם, «Лешана ха-баа бирушалаим») — традиционная заключительная формула пасхального седера.

С. 231

Глава 19: Образ ангельской земли

214. Джон Ди (1527–1608 или 1609) совмещал занятия математикой, астрономией, астрологией, алхимией и оккультными исследованиями. Его биография не подтверждает строгой последовательности «сначала наука, затем магия».

С. 233

215. Ранние сведения об Эдварде Келли скудны и противоречивы. Рассказ о наказании за подделку документов передаётся лишь с оговорками, поэтому авторское «только что вышел из тюрьмы» надёжно не подтверждено.

С. 234

216. В сеансах Ди использовались гадательные камни и кристаллы (*shew-stones*); «хрустальный шар» — понятное, но упрощённое авторское обозначение.

С. 234

217. Енохианский — оккультный язык, записанный Джоном Ди и Эдвардом Келли в XVI веке. Его устройство заметно зависит от английского, но не совпадает с ним «в точности»; в словаре *madrid* означает «нечестие», а *londoh* — «царства». Рассказчик намеренно усиливает совпадения ради шутки.

С. 234

218. Формула Маршалла Маклюэна *the medium is the message* («средство передачи и есть сообщение») известна по книге «Понимание медиа» (1964). Здесь *medium* означает также спиритического медиума — Келли.

С. 234

219. В «Кинг Филип» и «Мэри Куин оф Скотс» узнаются английские *King Philip* и *Mary, Queen of Scots*: это Филипп II Испанский и Мария Стюарт, главные католические противники Елизаветы I. «Папист Тайранд» — искажённое *papist tyrant*, «папистский тиран». Вместе с Альбионом, Тюдорами и европейскими городами «ангельская речь» складывается в набор лозунгов елизаветинской Англии: ещё одна шутка о том, что енохианский подозрительно похож на английский.

С. 234

220. В оригинале — *Hooked on Phonics Worked for Me*, рекламный слоган американской программы обучения чтению *Hooked on Phonics*. Русское «читаю по слогам» передаёт смысл сравнения.

С. 235

221. Маунт-Болди — распространённое название горы Сан-Антонио в Южной Калифорнии, к востоку от Лос-Анджелеса. Совпадение с ранее упомянутым контактом в Сан-Антонио может быть намеренной перекличкой, но текст этого прямо не подтверждает.

С. 236

222. В официальном русском употреблении Церкви Иисуса Христа Святых последних дней — «золотые листы». По церковному рассказу, Мороний указал Смиту их местонахождение, а Смит получил их в 1827 году; Спенсер В. Кимбалл стал президентом церкви в 1973 году, поэтому «сто пятьдесят лет» — авторское округление.

С. 238

223. В Библии Урим и Туммим — загадочные священные предметы, связанные с нагрудником первосвященника и вопрошанием Бога; их внешний вид и точный способ действия

неизвестны. В мормонской традиции этим же названием обозначают орудия откровения, связанные с переводом Книги Мормона.

С. 242

224. При еврейском написании נרון קסר (*Neron Qesar*, «Нерон Кесарь») числовые значения букв дают 666. В некоторых древних рукописях Откровения стоит 616; эту форму связывают с написанием имени без конечной буквы *н*.

С. 243

225. Рассказчик здесь упрощает реальную систему: в обычной еврейской буквенной записи числа 500–900 могут передаваться сочетаниями букв, иногда с повторениями, а сама запись не обязана быть не длиннее десятичной. Для его дедукции важен вымышленный контраст с енохианской системой.

С. 243

226. Непер описал *arithmetica localis* («арифметику мест») в книге *Rabdologiae* (1617). Это аддитивная двоичная запись: каждой букве соответствует степень двойки, поэтому она не является обычной позиционной системой.

С. 244

Глава 20: Когда звёзды сложили копья

227. Пародируется Иов 38:4: «Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь». В эпиграфе «земля» заменена на «теоретическую информатику».

С. 248

228. Перечень смешивает разные традиции. Офаним (евр. «колёса») восходят к видению Иезекииля; названия херувимов, серафимов, господств, сил и начал основаны на библейских образах и позднейшей христианской иерархии. Гибриды и геометрические фигуры дальше в списке — авторский гротеск, а не единая каноническая классификация ангелов.

С. 248

229. В оригинале — *a couple of strings short of a harp*, буквально «в арфе недостаёт пары струн»: ангельский вариант английского шутливого шаблона *a few X short of a Y* — «не все дома».

С. 251

230. Функция полезности в теории решений присваивает возможным исходам численные оценки: чем больше число, тем желательнее исход. Умножение всех оценок на −1 меняет их знаки, так что желательное и нежелательное меняются местами.

С. 252

231. Чёрный огонь на белом — образ Торы из еврейской традиции: по Раши (комментарий к Втор. 33:2), Тора изначально была записана перед Богом «чёрным огнём по белому огню». Сатаниил чертит тем же способом схему, в которой предлагает поменять местами благо и грех, так что священное письмо идёт на проповедь бунта.

С. 252

232. Быт. 6:1–4 рассказывает, как «сыны Божии» брали в жёны «дочерей человеческих»; там же упомянуты исполины и «сильные, издревле славные люди». Первая книга Еноха развивает этот краткий эпизод в историю падших Стражей во главе с Семьязой — здесь Самьязазом, — которые обучили людей запретным искусствам.

С. 253

233. Ср. Откр. 12:4: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю». Роман переносит эту «треть» со звёзд на ангельское воинство.

С. 254

234. В оригинале *nimrod* — одновременно сленговое «болван, недотёпа» и имя библейского царя Нимрода, «сильного зверолова пред Господом» (Быт. 10:8–10). Библия не называет его строителем Вавилонской башни, но позднейшая традиция связывает башню именно с ним, поэтому брань в адрес царя, заказавшего зиккурат, бьёт вдвойне точно. Русское «кретин» сохраняет только ругательство.

С. 255

235. Ишкур — шумерский бог грозы и бури; в месопотамской традиции его и соответствующего ему аккадского Адада связывали с быком. Огнедышащий бык — авторская фантазия.

С. 256

236. Первая книга Еноха (8:1) приписывает Азазелю, а не Гадириэли, обучение людей металлообработке, изготовлению украшений, подкрашиванию век и красителям. В романе совет с румянами отдан Гадириэли.

С. 256

237. Деречо — обширная и продолжительная ветровая буря, связанная с быстро движущейся организованной полосой гроз и вызывающая разрушительные прямолинейные ветры на сотнях километров; это не разновидность торнадо.

С. 262

238. В оригинале — начало английской формы афоризма *Better to die on one's feet than live on one's knees* («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»). Гавриил сбивается перед последним словом.

С. 263

239. Гинея (англ. *guinea*) — британская золотая монета. Уриил воспроизводит противопоставление из «Видения Страшного суда» Уильяма Блейка: обычный взгляд видит солнце «круглым огненным диском, подобным гинее», а поэтическое зрение — «неисчислимое небесное воинство», взывающее: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель».

С. 265

240. В каббале десять сфирот — не драгоценные камни, а эманации или аспекты, через которые Божественное проявляется в мире. Автор превращает их в «сапфиры», играя на внешнем сходстве английских слов *sephirot* и *sapphires*; механизм из камней — вымысел романа.

С. 265

241. Сцена повторяет композицию гравюры Уильяма Блейка, известной как «Ветхий днями», — фронтисписа к поэме «Европа: пророчество» (1794): седой старец склоняется из сияющего солнечного диска и раскрывает циркуль над тьмой. Образ восходит к Притч. 8:27, где Бог «проводил круговую черту по лицу бездны», но у Блейка это Уризен — олицетворение разума и закона, отмеряющее мир циркулем. Уриил, переводящий мир на математику, принимает его позу.

С. 266

242. «Четверичная система» — намёк на ДНК: генетический код записан четырьмя «буквами»-нуклеотидами — A, C, G и T (аденин, цитозин, гуанин, тимин), и каждая клетка читает его одновременно с остальными. Уриил описывает наследственность дерева как программу.

С. 267

243. Это последняя строка стихотворения Джойса Килмера «Деревья» (1913): *But only God can make a tree* — «Но только Бог способен сотворить дерево».

С. 267

244. Отсылка к «Краткой истории времени» (1988) Стивена Хокинга: «Что вдыхает огонь в уравнения и создаёт вселенную, которую они описывают?» У Хокинга это открытый вопрос, у Уриила — инженерный ответ: огонь в уравнения вдыхает шефа.

С. 267

Глава 21: Ты тоже обитаешь в вечности

245. Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский иезуит, философ и палеонтолог. «Точкой Омега» он называл конечное сближение сознания и эволюции в единстве с Богом; эпиграф превращает бытовую формулу «работай и отдыхай на полную» в богословско-футуристическую шутку.

С. 271

246. Ник @GapOfGods («Пробел богов») выворачивает выражение *God of the gaps* — «Бог пробелов», или «Бог белых пятен». Так называют довод, который отводит Богу роль объяснения всего, что наука пока не объяснила.

С. 271

247. Фамилия Davidson значит «сын Давида», а сыном царя Давида был Соломон, строитель Храма, — отсюда «подозрительно». На деле гора названа в честь геодезиста Джорджа Дэвидсона: рассказчик играет именем, а не историей названия.

С. 271

248. Район Кастро получил название от улицы, названной в честь Хосе Кастро, калифорнийского военного и политического деятеля XIX века. Испанская фамилия *Castro* действительно восходит к латинскому *castrum* («военный лагерь»), однако точное расположение римского лагеря к юго-западу от древнего центра Иерусалима остаётся предметом археологических реконструкций.

С. 271

249. Эффектная цепочка рассказчика построена на приблизительных или ошибочных параллелях. Храмовая гора не является высшей точкой Иерусалима; Золотые ворота находятся в восточной, а не северной стене и не ведут в далёкую Тивериаду. Геенна — долина Еннома, а не буквальная «долина серы»; а вот огромную городскую свалку конца эпохи Второго храма на восточном склоне Города Давида, над Кедронской долиной, археологи действительно нашли. Тибурон действительно лежит к северу от Сан-Франциско, но его название происходит от испанского *tiburón* («акула»): сходство с Тивериадой — звуковая шутка, не историческая связь.

С. 271

250. «Баб аль-Бурак» — одно из названий малоприметной замурованной калитки Баб аль-Джанаиз («Погребальные ворота») в восточной стене Храмовой горы, к югу от Золотых ворот. Её не

следует путать ни с самими Золотыми воротами, ни с действующими Магрибскими воротами в западной стене.

С. 272

251. После 1119 года тамплиеры разместили штаб-квартиру в постройках у мечети Аль-Акса на Храмовой горе, которую крестоносцы связывали с храмом Соломона. Исторического здания «Храмовая сокровищница», ставшего их базой, источники не фиксируют: оно нужно рассказчику для игры *Temple Treasury / Treasure Island* — «Храмовая сокровищница / остров Сокровищ».

С. 272

252. Вероятнее всего, имеется в виду Силоамская надпись VIII века до н. э., высеченная палеоеврейским письмом в тоннеле, который связывают с царём Езекией. Это одна из древнейших крупных древнееврейских надписей, но слова оригинала о нескольких тоннелях и «самых ранних» надписях точнее понимать как упрощение.

С. 272

253. В оригинале — *supererogatory*, термин этики для поступка, который считается нравственно хорошим, но не обязательным. Рассказчик показывает, как это понятие позволяет признать крайнюю щедрость добром и всё же не считать её долгом каждого.

С. 275

254. Исторически подтверждена встреча Франциска с султаном Аль-Камилем в Египте в 1219 году, во время Пятого крестового похода. Надёжных свидетельств обращения султана в христианство нет; чудеса, избиение и мгновенное обращение относятся к более позднему агиографическому слою, который сам рассказчик здесь высмеивает.

С. 275

255. Проповедь птицам и укрощение волка — сюжеты житийной традиции. В Греччо в 1223 году Франциск устроил живое воспроизведение Рождества, поэтому его считают создателем традиции живого вертепа, а не первого изображения Рождества вообще. Стигматы относят к 1224 году и описывают уже ранние францисканские источники.

С. 276

256. В сохранившихся сочинениях Франциска и ранних жизнеописаниях фразы «Проповедуйте… при необходимости — словами» нет. Это популярная современная атрибуция; близкая подлинная мысль содержится в уставе 1221 года: братья должны проповедовать прежде всего своими делами.

С. 276

257. Эта формулировка не входит в сохранившиеся сочинения самого Франциска, но её приводят средневековые жизнеописания — в частности, Фома Челанский и Бонавентура. Поль Сабатье воспроизвёл её по этим источникам в биографии 1894 года; это цитата житийной традиции, а не авторская запись Франциска.

С. 277

258. В оригинале — *Zephyr Name*, «Имя Зефира». Зефир в греческой мифологии олицетворяет западный ветер; в мире романа названное в его честь Имя призывает ветры вообще, а не только западный ветер.

С. 279

259. Леванте — сильный восточный ветер в западном Средиземноморье и Гибралтарском проливе; трамонтана — название холодного северного ветра в нескольких районах западного Средиземноморья.

С. 279

260. Хабуб — стена пыли и песка, которую часто поднимает нисходящий поток грозы; марин — тёплый влажный юго-восточный ветер с моря на юге Франции; самум — очень горячий, сухой и пыльный ветер пустынь Северной Африки и Аравии.

С. 279

261. В Откр. 21:22 сказано точнее: Храма в Новом Иерусалиме нет, потому что «Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец». Слова о том, что Бог будет пребывать там «повсеместно», — толкование рассказчика, а не буквальный текст стиха.

С. 279

262. Санта-Ана — сильные сухие ветры Южной Калифорнии. «Её собственный ветер» — каламбур на имени Аны; это не характерный местный ветер Сан-Франциско.

С. 279

263. Формула оригинала *P implies not not P* означает: если утверждение P истинно, то неверно, что оно ложно. Следующая фраза соединяет описательный закон спроса и предложения с оценкой справедливости; «единственный справедливый способ» — позиция говорящего, а не следствие самого экономического закона.

С. 279

264. Строгая формулировка второго начала термодинамики гласит, что энтропия изолированной системы не убывает. Замкнутая система может обмениваться энергией с окружением, а даже в изолированной системе энтропия в предельном случае может

оставаться постоянной, поэтому оригинал дважды упрощает правило.

С. 280

265. Это школьная формула классического закона сохранения массы. В современной физике частицы вещества могут возникать и аннигилировать; в общем случае сохраняются энергия и импульс, а не «материя» как отдельная неизменная субстанция.

С. 280

266. Вторая теорема Гёделя относится не ко всякой «математической системе», а к непротиворечивым, эффективно аксиоматизированным системам, достаточно сильным, чтобы выразить базовую арифметику. Такая система не может доказать собственную непротиворечивость своими же средствами.

С. 280

267. Первая формула — распространённый пересказ атомизма Демокрита: реально существуют атомы и пустота, а чувственные качества зависят от нашего восприятия. Незаконченная вторая формула — закон Грешема: «плохие деньги вытесняют хорошие», когда монеты или валюты с разной внутренней ценностью обязаны обращаться по одинаковой номинальной стоимости.

С. 280

Интерлюдия ט: Война и мир

268. В оригинале библейское *man of war* («муж брани», «воитель») сближается с *man-of-war*: так по-английски называют военный корабль и «португальский кораблик». Последний на самом деле не медуза, а сифонофора — похожая на медузу колония специализированных организмов. Роман намеренно упрощает зоологию ради каламбура.

С. 281

269. В оригинале — *worthy of warship*. Это каламбур на различающиеся одной буквой *warship* («военный корабль») и *worship* («поклонение»). Поэтому фраза одновременно звучит как военно-морская бравада и как религиозное возвеличивание.

С. 281

270. В оригинале — *rejected with extreme prejudice*. В американском юридическом языке *with prejudice* означает окончательное отклонение дела без права подать тот же иск заново; выражение

with extreme prejudice сверх того намекает на беспощадное устранение. Речь идёт не о предвзятости редактора, а о преувеличенно суровом отказе.

С. 281

271. «Непересекающиеся магистерии», или NOMA, — предложенная Гулдом модель отношений науки и религии. В реальной версии науке отведены эмпирические факты и устройство мира, а религии — вопросы нравственного смысла и ценностей. Гулд сформулировал эту модель под названием NOMA в 1997 году; роман переносит её в 1969-й и зеркально меняет роли науки и религии.

С. 283

272. Принятая эпоха еврейского календаря соответствует 7 октября 3761 года до н. э. по юлианскому календарю; еврейские сутки начались на закате предыдущего дня. 13 октября не является стандартной датой этой эпохи и относится здесь к альтернативной хронологии романа.

С. 283

273. Вероятный географический прообраз — Шаман-скала у мыса Бурхан, священное для бурят место на западном берегу острова Ольхон. Предание о скале как «пробке», запирающей Ад, — вымысел романа.

С. 284

274. Пятидесятилетие советской власти отмечали в 1967 году. В июне 1969-го после Октябрьской революции прошло больше пятидесяти одного года и шёл пятьдесят второй год советской власти.

С. 284

275. Фамилия Исаака Башевиса Зингера по-английски пишется *Singer* — так же, как у Питера Сингера и как слово *singer* («певец»); по-русски её по традиции передают как «Зингер». Поэтому определение «певец — тот, кто пытается быть добрым» из интерлюдии ד здесь снова ложится на фамилию.

С. 285

276. Зингер уехал из Варшавы в США в 1935 году, когда Польша была независимым государством — Второй Речью Посполитой, — а не оккупированной Россией. Его происхождение из хасидской раввинской семьи, вегетарианство и защита животных документальны. Баал-Шем-Тов (ок. 1698–1760) — титул рабби Исраэля бен Элиэзера, основателя хасидизма; его обычно переводят как «обладатель доброго имени», а сочетание *баал-шем* означает

«владеющий [Божественным] Именем». Книгу о нём Зингер действительно написал — «Высоты небес» (*Reaches of Heaven*, 1980); объём заметок к ней взят из романа, а поездка в Москву и спасательная миссия относятся к альтернативной биографии.

С. 286

277. В английском рассуждении задействована цепочка созвучий и однокоренных слов: *unity* («единство») превращается в *communion*, откуда возникает *Communist*; *manifest* («явленный») — в *Manifesto*; *marks* («знаки») звучит как *Marx*. Так автор получает *Communist Manifesto by Marx* — «„Коммунистический манифест“ Маркса».

С. 286

278. Имя *Karl* действительно восходит к германскому слову со значением «мужчина», «свободный человек». Фамилию *Marx* обычно связывают с именем *Markus/Marcus*; дальнейшее возведение *Marcus* к Марсу считается спорным. Поэтому «муж брани» — народная этимология рассказчика, а не установленное происхождение имени Карла Маркса.

С. 286

279. В методе Авгад каждая еврейская буква заменяется следующей по алфавиту. Рассказчик сводит *Lenin* к согласным ל־נ־נ (л–н–н), получает מ־ס־ס (м–с–с) и читает их как английское *Moses*. Это намеренно вольная двуязычная игра: обычное еврейское написание имени Моисея — משה, поэтому буквальной расшифровкой результат не является.

С. 286

280. *Kapital* и *klipot* не являются полными анаграммами ни в латинице, ни в обычной записи на иврите: у слов разный состав букв. «Совершенная ивритская анаграмма» — ещё один пример нарочито свободного каббалистического рассуждения.

С. 287

281. Великий китайский голод пришёлся главным образом на 1959–1961 годы и был связан с политикой Большого скачка. Культурная революция началась в 1966 году и сопровождалась прежде всего политическим насилием, репрессиями и общественным распадом. Роман сводит два разных периода в одну сатирическую картину.

С. 288

282. В марте 1974 года фрагменты терракотовых фигур нашли крестьяне, рывшие колодец; Чжао Канмин распознал находку, собрал первые статуи и участвовал в начале раскопок. Оценка примерно в восемь тысяч воинов возникла позднее. Мао Цзэдун

умер в сентябре 1976 года, а не через шесть месяцев после находки; дальнейшие события относятся к альтернативной истории романа.

С. 288

283. Это отсылка к поздним легендам о големе — искусственном человеке, оживлённом сочетанием священных букв или Имён. В одном из известных вариантов на лбу голема пишут אמת (*эмет*, «истина»); после удаления первой буквы остаётся מת (*мет*, «мёртв»), и голем лишается жизни. Здесь тот же мотив перенесён на терракотового воина.

С. 288

284. Фразу приписывают Черчиллю в связи с нападением Германии на СССР в июне 1941 года. В записи его секретаря Джона Колвилла она звучит примерно так: если бы Гитлер вторгся в Ад, Черчилль хотя бы благосклонно упомянул бы Дьявола в Палате общин. Роман сокращает и слегка перефразирует высказывание.

С. 289

285. Английские *kiss* («поцелуй») и *singer* («певец») накладываются друг на друга общей буквой *s*: *kiss* + *singer* превращаются в *Kissinger*, когда последняя *s* первого слова одновременно служит первой *s* второго. Это придуманное каббалистическое членение фамилии, а не её действительная этимология.

С. 289

286. Евангелия описывают отряд, пришедший арестовать Иисуса, по-разному: синоптические Евангелия говорят о людях от первосвященников и старейшин, а Ин. 18:3 — о воинах вместе со служителями первосвященников и фарисеев. Поэтому однозначные «римские власти» и «легионеры» упрощают источник. В «Аде» Данте Люцифер терзает Иуду, Брута и Кассия; именно из этой литературной сцены берётся число три, а не из общепринятого богословского рейтинга.

С. 289

287. Это переделка политической формулы *Only Nixon could go to China* — «Только Никсон мог поехать в Китай». В 1972 году убеждённый антикоммунист Никсон посетил КНР; его репутация давала ему политическую свободу для сближения с коммунистическим противником. Роман заменяет Китай Адом и буквально обыгрывает ту же логику.

С. 290

288. В оригинале — *Outer Gate scandal*: пародийная отсылка к Уотергейту (*Watergate*), политическому скандалу 1972–1974 годов.

После него английское *-gate* стало продуктивной частью названий новых скандалов.

С. 290

289. Персидское *Marg bar Shaytân-e Bozorg* буквально означает «Смерть Великому Сатане». В реальной иранской политической риторике США стали называть «Великим Сатаной» после Исламской революции 1979 года; роман переносит формулу в начало 1970-х и направляет её против буквального Ада.

С. 291

Глава 22: Чей слух внимал Святому Слову

290. Форма эпиграфа повторяет рекурсивную эпиграмму Августа де Моргана: *Great fleas have little fleas / Upon their backs to bite 'em; / And little fleas have lesser fleas, / And so ad infinitum* («у больших блох есть малые блохи… и так до бесконечности»), которая, в свою очередь, развивает строки Джонатана Свифта. Стивен Каас заменяет цепь паразитов цепью «объектных» и «мета-» богов: сущности одного уровня подчинены богам следующего, над которыми снова оказывается высший уровень.

С. 293

291. Катрен LXXIII первой редакции (1859) «Рубайята» Омара Хайяма в вольном переложении Эдварда Фицджеральда. Английское *the Heart's Desire* означает «желание сердца» и перекликается с именем яхты «*Всем Сердцем*», хотя само имя взято из Книги Иеремии, как сказано ниже. В позднейших редакциях номер и отдельные слова катрена менялись.

С. 296

292. «Сефер Хехалот» («Книга чертогов», или «Третья книга Еноха») — еврейское мистическое сочинение традиции Хехалот; его датировка спорна, распространённая датировка — V–VI века. В рамочном повествовании рабби Ишмаэль восходит на небеса, а Метатрон открывает ему, что он — Енох, вознесённый Богом и поставленный князем над ангелами. В самом сочинении Енох не умирает, как сказано в пересказе романа: Бог забирает его из поколения потопа и преображает.

С. 296

293. *From sea to shining sea* («от моря до сияющего моря») — строка из американской патриотической песни *America the Beautiful*; устойчивое выражение о пространстве США от одного океана до другого.

С. 297

294. Иер. 29:13.

С. 297

295. Латинское *nemo* означает «никто». Капитан Немо — имя скрывающего своё прошлое мореплавателя из романов Жюля Верна; Джеймс подхватывает повтор здоровяка «я никто» и превращает его в прозвище.

С. 300

Глава 23: И сходит с неба город

296. Английское имя *Neil* («Нил») звучит так же, как *kneel* — «преклони колени». Поэтому в интерлюдии I «Десница Господня» та же сцена передана словами «ПРЕКЛОНИ КОЛЕНИ», и Пол послушно опустился на колени. Здесь выясняется, что существо всего лишь называло себя.

С. 302

297. У Блейка *contraries* («противоположности») — продуктивные пары: «без противоположностей нет развития» (*Бракосочетание Рая и Ада*); *negation* («отрицание») — не противоположность, а бесплодное отрицание, которое подавляет другую сторону (*Мильтон*). «Вечность» у Блейка — не просто бесконечное время, а божественный порядок вне обычной временности, постигаемый воображением; точное равенство с «коллективным сознанием» — формула романа.

С. 303

298. Нумерация по KJV (King James Version), которую читает персонаж. В Синодальном переводе это Пс. 88:13–14.

С. 303

299. В «Изречениях невинности» Блейк пишет: *We are led to Believe a Lie / When we see not Thro the Eye* — «Мы верим лжи, когда не смотрим сквозь глаз». В «Вечном Евангелии» та же мысль выражена яснее: *When you see with not thro the Eye* — «когда смотришь глазом, а не сквозь глаз».

С. 303

300. В KJV: *Thou hast a mighty arm: strong is Thy hand* — «У Тебя мышца сильная, крепка рука Твоя». Если убрать двоеточие, соседние *arm* + *strong* образуют фамилию *Armstrong*. Поэтому английская пара показана рядом с русским смыслом, а не выдана за слова русской Библии.

С. 303

301. Английское *high* значит не только «высокий», но и «под кайфом». Строку *high is Thy right hand* можно прочесть как «Десница Твоя под кайфом» — а Десница Господня только что заговорила устами Кизи, принявшего ЛСД. Так рассеивается последнее сомнение Пола.

С. 303

302. Блаженное видение (лат. *visio beatifica*) — в христианском богословии: непосредственное созерцание Бога, доступное праведникам в раю.

С. 305

Интерлюдия ’: Генеральная Ассамблея

303. *Global environment* — «глобальное окружение»: в учебнике «Структура и интерпретация компьютерных программ» (SICP) так называется верхний уровень, где доступны общие определения. Эпиграф сталкивает библейский оборот с программистским термином.

С. 308

304. Английское *I help blind children* читается двояко: «я помогаю слепым детям» и «я помогаю ослеплять детей». *Blind* — и прилагательное «слепой», и глагол «ослеплять», а после *help* глагол может стоять без *to*. Так рассказ о благотворительности оборачивается признанием в жестокости.

С. 308

305. Цитата из сонета Эммы Лазарус «Новый колосс» (англ. *The New Colossus*, 1883). В 1903 году текст сонета поместили на бронзовой табличке внутри постамента Статуи Свободы; перевод цитаты здесь редакционный.

С. 308

306. Эллис-Айленд — остров в Нью-Йоркской гавани, где с 1892 по 1954 год действовал главный федеральный пункт приёма иммигрантов; через него прошли более 12 миллионов человек.

С. 309

307. Английское *meanest* соединяет два смысла: «самый жалкий, низший» и «самый подлый». Поэтому повтор сначала обещает принять даже самых униженных, а затем намекает, что ад особенно ждёт самых низких нравственно.

С. 309

308. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, «Манифест Коммунистической партии», раздел I «Буржуа и пролетарии». В принятом русском переводе: «вечная неуверенность и движение».

С. 309

309. Хрущёв произнёс эти фразы на приёме в посольстве Польши в Москве 18 ноября 1956 года. Их обычно понимают как утверждение, что социализм переживёт капитализм, а не как обещание физического уничтожения; Тамиил возвращает слову «похороним» буквальный смысл.

С. 309

310. Таблички расставлены по английскому алфавиту: *Hell* («Ад») оказывается между *Haiti* («Гаити») и *Honduras* («Гондурас»). При переводе названий на русский этот порядок исчез бы.

С. 310

Глава 24: Зачем ты явился очам ангелов?

311. UCLA (University of California, Los Angeles) произносится «юси-эл-эй» — как английское *you see L. A.*, «видишь Лос-Анджелес». На этом звуковом совпадении и построена шутка.

С. 311

312. Фраза отсылает к мифическому острову Калифорния из испанского рыцарского романа Гарси Родригеса де Монтальво «Подвиги Эспландиана» (начало XVI века). Остров лежит близ земного рая, а правит им Калафия, царица женщин-воительниц, живущих подобно амазонкам.

С. 312

313. *Loose lips sink ships* («Болтливые языки топят корабли») — американский плакатный лозунг Второй мировой войны: неосторожные разговоры помогают врагу. Джейн заодно применяет слово *ships* («корабли») к их летающему каяку.

С. 313

314. Лос — персонаж мифологии Уильяма Блейка, названный «Вечным пророком»: кузнец, который придаёт творческим силам разума форму произведений искусства. «Бог-кузнец-сказитель» — образная формула рассказчика романа.

С. 313

315. *La Reina de los Ángeles* (исп.) — «Королева ангелов». Титул Гадириэль перекликается с историческим названием поселения *El Pueblo de la Reyna de Los Angeles* — «Поселение Королевы ангелов».

С. 313

316. Бини-бэби (англ. *Beanie Baby*) — коллекционные мягкие игрушки компании Ту, частично наполненные пластиковыми гранулами. Линейку представили в 1993 году, а в середине 1990-х эти игрушки стали массовым увлечением.

С. 316

Глава 25: Ляг пред стопами моими, о Дракон

317. В оригинале *Thou shalt not krill* заменяет *kill* («убивать») на *krill* («криль») в заповеди *Thou shalt not kill* («не убий», Исх. 20:13). Криль — мелкие морские ракообразные, которыми питаются многие киты; Ана находится на корабле.

С. 317

318. Нешама (ивр. נְשָׁמָה, «дыхание») — связанный с разумом уровень души. В пятичастной каббалистической схеме ниже него стоят нефеш и руах, а выше — хая и ехида; «организующей» нешаму называет сам рассказчик.

С. 317

319. «Идолофин» — ответный каламбур Аарона: *idolatry* («идолопоклонство») + *dolphin* («дельфин»). Английское *Thou shalt not commit…* также совпадает с началом заповеди *Thou shalt not commit adultery* («не прелюбодействуй»); русский вариант строится на формуле «не сотвори себе кумира».

С. 317

320. Гипнопомпический транс — состояние на границе сна и бодрствования при пробуждении (в отличие от гипнагогического — при засыпании). Аарон удерживает его, чтобы не прервать телепатическую связь.

С. 317

321. В оригинале *girl friend* написано раздельно: сочетание можно понять и как «девушка-друг», и как *girlfriend*, «возлюбленная». Отсюда ревнивое напоминание о каббалистическом браке Аарона и Аны.

С. 319

322. Название *Beanie Babies* отсылает к *beans* («бобы»). Игрушки частично наполнены мелкими пластиковыми гранулами, а Аарон называет этот обычный наполнитель «бобами» и проверяет, не скрывается ли в нём что-то необычное.

С. 321

Интерлюдия כ: Трансляция

323. Шутка выворачивает известную формулу: «Величайшая уловка дьявола — убедить мир, что он не существует». Её популяризировал фильм «Подозрительные лица» (1995); близкая формулировка встречается у Шарля Бодлера в рассказе «Великодушный игрок» (1864).

С. 322

324. Каиниты — группа, которую христианский ересиолог Ириней Лионский во II веке описывал как почитавшую Каина и других осуждённых библейских персонажей. Сведения о ней дошли преимущественно в полемических рассказах противников, поэтому точный состав её учения и даже характер группы реконструируются с оговорками.

С. 322

325. Речь о *тагин* — маленьких «коронах» над некоторыми буквами свитка Торы. В Талмуде (Менахот 29б) рассказывается, как рабби Акива выводил из таких штрихов множество законов.

С. 323

326. «Субботний лифт» автоматически останавливается на этажах, чтобы пассажиру не приходилось нажимать кнопку. Такие режимы существуют лишь в некоторых зданиях; слова Аарона обо «всех лифтах» — намеренное преувеличение, а галахические споры об электричестве сложнее его пересказа.

С. 323

327. Аарон пародирует слова из «Письма к великой герцогине Кристине» (1615), где Галилей пишет, что Бог, наделивший человека чувствами, разумом и интеллектом, не мог предназначить ему отказаться от их применения.

С. 323

328. В стандартной гематрии נחש (*нахаш*, «змей»: 50 + 8 + 300) и משיח (*машиах*, «мессия»: 40 + 300 + 10 + 8) дают одно число — 358. Дальнейшие слова о зле как ключе к искуплению — широкое обобщение Аарона, а не точная цитата из одного каббалистического источника.

С. 324

329. В оригинале — *Tell me about it*: разговорное «и не говори», «кому ты рассказываешь», но буквально — «расскажи мне об этом». Аарон понимает Ану буквально и пускается в объяснения.

С. 324

330. Крылатая русская форма передаёт строку над вратами Ада у Данте: «Божественная комедия», «Ад», песнь III. В переводе М. Лозинского эта строка звучит иначе: «Входящие, оставьте упованья».

С. 327

331. Га'ашекела (*Ga'ashekelah*), Гамхикот (*Gamchicoth*), Тагирион (*Thagirion*) и Голахав (*Golachab*) — варианты названий клипотических областей в поздней герметической каббале; списки и написания различаются. Роман превращает эти названия в имена отдельных демонов. Ситра ахра — «Иная сторона», более широкое обозначение области нечистоты в еврейской мистике, а не просто другое название «Древа Смерти».

С. 328

332. Среднеатлантический, или трансатлантический, английский — культивированный сценический и дикторский выговор, ассоциирующийся со старым американским радио и кино; это не обычный региональный диалект.

С. 329

333. Дельфина ЛаЛори (1787–1849) — богатая жительница Нового Орлеана, получившая известность после того, как пожар 1834 года привёл к обнаружению жестокого обращения с порабощёнными людьми в её доме. Позднейшие рассказы об отдельных пытках часто обрастали неподтверждёнными подробностями.

С. 331

334. «Ад — это другие» — знаменитая реплика из пьесы Жана-Поля Сартра «За закрытыми дверями» (*Huis clos*, 1944).

С. 335

335. Английская идиома *does exactly what it says on the tin* буквально говорит о товаре, который в точности соответствует надписи на банке или упаковке. Здесь она гротескно применена к буквальному Аду с огнём и демонами.

С. 335

336. Реплика отсылает к кальвинистскому учению о глубокой повреждённости человеческой природы грехом и неспособности человека спасти себя собственными силами. Это не утверждение о конфессиональной принадлежности Тамиила.

С. 335

337. В английском написании фамилии *McGovern* зрительно выделяется *govern* — «править, управлять», что рассказчик и превращает в шутку об имени кандидата в президенты. Это игра с написанием, а не подлинная этимология фамилии.

С. 336

338. Официальным сокращением названия комитета было *CRP*. *CREEP* — насмешливое неофициальное прозвище, составленное из расширенного названия; английское *creep* значит «мерзкий, отталкивающий тип».

С. 336

339. В реальной истории CNN начала вещание 1 июня 1980 года. Действие романа, однако, происходит в альтернативной хронологии, разошедшейся с нашей в 1968-м, поэтому CNN в 1972 году здесь следует понимать как раннее появление сети в мире романа, а не как дату из реальной истории телевидения.

С. 336

340. Первая поправка к Конституции США защищает свободу слова и печати. Приказ властей заранее не публиковать материал был бы формой *prior restraint* — предварительного запрета, который американские суды считают особо тяжёлым и, как правило, неконституционным ограничением.

С. 336

341. Аллюзия на Откр. 18:2: «пал, пал Вавилон, великая блудница…» Здесь апокалиптический образ Вавилона перенесён на разрушенную Москву.

С. 337

Глава 26: Ибо ни один воробей не может страдать, чтобы и вся вселенная не страдала также

342. Это не общепринятая этимология, а намеренно вольное рассуждение Соху. Форму *akwa* связывают прежде всего с индоевропейскими словами вроде латинского *aqua*; для прасемитского она не считается признанной реконструкцией, а «праевразийский» и «праамериндский» относятся к спорным дальним сопоставлениям языков.

С. 339

343. Соху пользуется одной из каббалистических схем, в которых двадцать две буквы еврейского алфавита сопоставляются с путями между десятью сефирот — божественными проявлениями на Древе жизни. Конкретные соответствия букв и путей различаются в разных школах; значения названных сефирот она поясняет в самой реплике.

С. 339

344. Цифры сохранены как часть лекции Соху, но они не совпадают с современными справочными оценками. Доля воды в теле взрослого обычно составляет около 60% и зависит от телосложения, а в головном мозге — около 73%, не 90% (данные Геологической службы США).

С. 339

345. Это каббалистическая игра со звучанием английского слова, а не его научная этимология. *Water* восходит к древнеанглийскому *wæter* и родственным германским формам; разложение на еврейские буквы вав, тав и реш существует только внутри рассуждения Соху.

С. 339

346. Пардес (ивр. פַּרְדֵּס — «сад») — название эпизода из трактата «Хагига» 14б: четверо мудрецов «вошли в Пардес»; об Ахере там сказано, что он «отсёк побеги», а Уриил превращает эту метафору в сожжённые деревья. Рассказ толкуют и мистически, и как притчу; учёные до сих пор спорят, стоит ли за ним опыт небесного восхождения. Еврейское *pardes* и греческое *paradeisos* восходят к древнеиранскому слову со значением «ограждённый сад»; одно не происходит от другого.

С. 341

347. Элиша бен Абуйя — раввинистический мудрец I–II веков н. э., получивший прозвище Ахер, то есть «Другой», после отхода от иудаизма. Источники называют его и по имени, и Ахером; слова «всегда», а также описание его как каббалиста, чудотворца и святого — комические преувеличения Уриила. Историческая каббала сложилась значительно позднее.

С. 341

348. Уриил подменяет Второзаконие строками из «Предвестий невинности» Уильяма Блейка: *He who shall hurt the little Wren / Shall never be belov'd by Men* («Кто обидит малого крапивника, тот никогда не будет любим людьми»). В оригинале романа вторая строка слегка изменена; стихотворный русский вариант в реплике — перевод редакции.

С. 341

349. У рассказа есть две талмудические параллели. В Иерусалимском Талмуде («Хагига» 2:1) Элиша видит двух людей у пальмы: первый берёт мать вместе с птенцами и остаётся невредим, второй отпускает мать, но погибает от укуса змеи. В Вавилонском Талмуде («Киддушин» 39б) сын по просьбе отца берёт птенцов, отпускает мать, а при возвращении падает и погибает.

Роман сочетает эти мотивы и добавляет сломанную шею и клятву вечной мести.

С. 342

350. Сцена пародирует рассказ из трактата «Хагига» 15a: Ахер увидел сидящего Метатрона и допустил, что на небесах могут быть «две власти». Там же прозвище объясняется репликой проститутки, которая называет нарушившего закон Элишу «другим». Роман меняет обстоятельства появления прозвища и добавляет указующий жест, вызывающую речь и постановление раввинов о запрете произносить имя.

С. 343

351. В Вавилонском Талмуде («Хагига» 15a) небесный голос — бат-коль — велит отступившим детям вернуться, «кроме Ахера». Иерусалимский Талмуд («Хагига» 2:1) связывает этот голос с одним Днём искупления, выпавшим на субботу: Элиша слышит его, проезжая верхом мимо Святая святых. Ежегодное повторение и развёрнутая речь в реплике — художественное расширение романа.

С. 343

352. В «Хагиге» 15б сказано точнее: после смерти Ахера небесный суд постановил не судить его — в силу заслуг изучения Торы, — но и не допускать в грядущий мир из-за его грехов. Уриил комически упрощает это до «слишком велик для ада, слишком зол для небес».

С. 343

Интерлюдия ל: Внешние врата

353. Английское *Outer Gate* («Внешние врата») созвучно *Watergate* («Уотергейт»). Вся сюжетная линия пародирует реальный Уотергейтский скандал: тайные записи Никсона, разбирательство в юридическом комитете Палаты представителей, угрозу импичмента, отставку президента и вступление Джеральда Форда в должность 9 августа 1974 года.

С. 346

354. Первые два предложения воспроизводят начало песни Джона Леннона «Imagine» (1971): *Imagine there's no Heaven / It's easy if you try*. Позднее рассказчик повторяет эти строки, заменяя обещанный в песне мир без ада образом одной лишь «ледяной пасти Ада».

С. 346

355. Маршмеллоу — упругая сахарная конфета, которую в США часто жарят на палочке; это не русский зефир. В классических опытах Уолтера Мишела использовались разные лакомства, а предельное ожидание обычно составляло около пятнадцати минут, не пяти. Ранние работы связывали способность ждать с позднейшими успехами, однако крупная репликация 2018 года показала, что после учёта семейной среды и ранних способностей эта связь значительно слабее. Рассказчик излагает популярную упрощённую версию теста.

С. 346

356. Число семьдесят два не указано в Коране. Популярный образ восходит, в частности, к хадису ат-Тирмизи 1663, где мученику обещаны семьдесят две супруги из числа райских гурий; роман превращает их в сахарную часть кондитерского рая.

С. 346

357. Шутка построена по формуле «В Советской России X делает с тобой то, что обычно ты делаешь с X»: здесь не люди насаживают маршмеллоу на палочку и жарят его, а маршмеллоу — человека. Такой «русский перевёртыш» в американской массовой культуре тесно связан с комиком Яковом Смирноффом.

С. 347

358. Это пародия на Быт. 2:16–17. Синодальная формула «от всякого дерева в саду ты будешь есть… в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» сохранена, но дерево познания добра и зла заменено одним маршмеллоу.

С. 347

359. В Быт. 9:20–27 Ной напивается и лежит обнажённым; Хам видит наготу отца и рассказывает братьям, а Сим и Иафет накрывают Ноя. Сексуальное насилие или кастрация появляются в некоторых позднейших толкованиях, но оргии с участием сыновей в библейском тексте нет: рассказчик намеренно сгущает краски.

С. 347

360. Двенадцать жемчужных врат описаны в Откр. 21:21, но апостол Пётр как небесный привратник — образ поздней христианской фольклорной традиции. «Бывшее ремесло» — рыбная ловля: до призвания Пётр был рыбаком (Мф. 4:18).

С. 348

361. В реальности «Аполлон-13» стартовал 11 апреля 1970 года, а его летевший экипаж составляли Джим Ловелл, Джек Суайгерт и Фред Хейз. Маттингли входил в первоначальный основной

экипаж, но перед стартом был заменён Суайгертом; Янг был командиром дублирующего экипажа. Роман намеренно переносит «давно откладывавшийся» полёт за ноябрь 1973 года и собирает альтернативный экипаж из Янга, Маттингли и Хейза. «Хьюстон, у нас проблема» — популярная форма фразы; в реальной радиопередаче прозвучало: *Houston, we've had a problem*.

С. 349

362. *Jury-rig* значит не «починить», а соорудить импровизированное решение. В реальном полёте командный модуль отключили, лунный использовали как спасательную шлюпку, а для удаления углекислого газа квадратные фильтры командного модуля приспособили к круглым гнёздам лунного с помощью пакетов, клейкой ленты и шланга. Реплика романа переносит проблему в командный модуль и упрощает устройство системы.

С. 350

363. Никсон пытается вспомнить Мф. 16:26. В Синодальном переводе: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» Сбивка «как там» сохранена, потому что в оригинале он тоже забывает часть цитаты.

С. 351

364. Английское *ford* как существительное означает мелкое место, где водоём можно перейти вброд, а как глагол — переходить водоём вброд. «Попытаться преодолеть трудную переправу» — не словарное значение фамилии, а каббалистическое истолкование рассказчика, связывающее Форда с переходом страны через кризис.

С. 353

Глава 27: Звёздный дол, берег вод

365. Заголовок главы — строки *The starry floor, / The watry shore* из «Вступления» к «Песням опыта» Уильяма Блейка (*Introduction to Songs of Experience*, 1794); перевод наш. Бард зовёт Землю очнуться ото сна: звёздный дол и берег вод даны ей до рассвета.

С. 354

366. Горы Несамер (англ. *Never Summer Mountains*) — горный хребет на севере Колорадо. Он проходит вдоль западной границы национального парка Роки-Маунтин.

С. 354

367. Файер-Айленд (англ. *Fire Island*, буквально «Огненный остров») — длинный узкий остров у южного берега Лонг-Айленда в штате Нью-Йорк.

С. 355

368. Это реплики Глендауэра и Хотспера из первой части «Генриха IV» Уильяма Шекспира (действие III, сцена 1). Хотспер отвечает на хвастовство собеседника: вызвать духов может всякий — важно, придут ли они.

С. 357

369. «Высшая Сила» отсылает к программам «Двенадцать шагов»: во втором шаге говорится о «Силе, более могущественной, чем мы сами», а в третьем — о Боге «как мы Его понимали». Эрин воспринимает эти слова буквально как требование довериться Богу.

С. 360

370. В оригинале *Mass-energy converter* обыгрывает *Mass* («месса», с прописной) и *mass–energy* («масса–энергия»): парус преобразует католическую мессу в энергию, пародируя формулу эквивалентности массы и энергии $E=mc^2$.

С. 363

371. В оригинале *spirits* означает и крепкое спиртное, и духов; рядом стоит *spirit* — «дух», «сила духа». Русский текст передаёт эту игру парой «спирт — дух».

С. 365

372. «Слава в вышних Богу, и на земле мир людям Его благоволения. Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя, ибо велика слава Твоя…» — начало Gloria, гимна католической мессы, в русском литургическом переводе.

С. 365

Глава 28: Сокрытый, как в ковчеге

373. В реальной истории территория современного Лос-Анджелеса была родиной тонгва и соседних коренных народов и не входила в державу ацтеков. *Temictitlanoc* не засвидетельствован как исторический топоним; это авторская форма, вероятно построенная от науатльского *tēmictli* — «сон». Поэтому и присутствие здесь ацтеков, и значение «место богини сновидений» относятся к истории мира романа.

С. 369

374. Это традиционно приводимая развёрнутая форма названия Лос-Анджелеса; в исторических источниках встречаются и другие варианты, в том числе с *de Porciúncula* и упоминанием реки. «Царица Ангелов» — католический титул Девы Марии: исторически город назван в её честь, роман же отдаёт это имя Гадириэль. Испанское *pueblo* здесь означает поселение, а не современный большой город.

С. 369

375. Основная английская форма названия жителей Лос-Анджелеса — *Angelenos*, хотя вариант *Angelinos* тоже встречается. В этом абзаце выбранное написание дополнительно сближает горожан с *angels* — «ангелами»; русская форма «ангелинос» сохраняет эту связь.

С. 370

376. «Копи царя Соломона» — приключенческий роман Генри Райдера Хаггарда (1885) об экспедиции в Африку. Название продолжает викторианско-приключенческую тему убранства Гадириэль.

С. 371

377. Шутка отсылает к Нгома Лунгунду — священному деревянному сосуду народа лемба, найденному в музейном хранилище в Хараре. Исследователь Тюдор Парфитт связывал его с Ковчегом Завета, но это спорная гипотеза, а не установленное местонахождение библейского Ковчега.

С. 372

378. «В поисках утраченного ковчега» — приключенческий фильм Стивена Спилберга (1981). В его финале сверхъестественная сила открытого Ковчега убивает тех, кто на него смотрит; поэтому Гадириэль знает, что должно произойти дальше, но всё равно открывает реквизит.

С. 372

Интерлюдия מ: Нью-Йорк

379. Ребе — традиционное титулование духовного главы хасидской общины. Здесь имеется в виду рабби Менахем Мендель Шнеерсон (1902–1994), седьмой глава движения Хабад-Любавич.

С. 374

380. «Сефер Йецира» («Книга творения») — древний еврейский мистический трактат о сотворении мира посредством букв и чисел. «Эц Хаим» («Древо жизни») — изложение лурианской каббалы, записанное Хаимом Виталем, учеником Ицхака Лурии.

С. 376

381. Обыграна английская идиома *between the Devil and the deep blue sea* — «меж двух огней», в безвыходном положении между двумя равными опасностями. Здесь она реализована буквально: со стороны суши наступают демоны, а Трогс-Нек — узкий мыс, почти со всех сторон окружённый водой.

С. 380

382. «Шма Исраэль» (ивр. שְׁמַע יִשְׂרָאֵל — «Слушай, Израиль») — начало центральной молитвы иудаизма: «Господь — Бог наш, Господь — един». В реплике стоят заменительные формы *ха-Шем* («Имя») и *элокейну*, обычно употребляемые вне богослужения вместо молитвенных *Адонай* и *Элохейну*.

С. 380

383. Стихи переделывают сонет Эммы Лазарус «Новый колосс» (1883), помещённый на пьедестале статуи Свободы. У Лазарус «медный великан, прославленный греками» — Колосс Родосский; здесь его место занял «чешский голем», который, по преданию, лежит на чердаке пражской Староновой синагоги. Имя статуи «Мать изгнанников» стало Именем на челе, как у голема, призыв «Отдайте мне ваших усталых, ваших бедных…» превратился в молитву о жертвах демонской войны, а светильник (*lamp*) из финальной строки — в копьё (*lance*).

С. 380

384. В оригинале выражение соединяет две цитаты: «заточённая молния» взята из сонета Эммы Лазарус «Новый колосс», который выше перерабатывает Ребе, а «высвободила… молнию своего грозного…» вторит «Боевому гимну Республики» Джулии Уорд Хоу (*He hath loosed the fateful lightning of His terrible swift sword*). Перевод английской строки — редакционный.

С. 380

385. «My Country, ’Tis of Thee» («Страна моя, тебя пою») — американская патриотическая песня на слова Сэмюэла Фрэнсиса Смита (1831), исполняемая на мелодию британского «God Save the King». До утверждения «Звёздного знамени» официальным гимном США в 1931 году она была одним из неофициальных национальных гимнов. Здесь приведены первая, третья и четвёртая строфы; перевод — редакционный.

С. 384

Глава 29: Кто веру детскую щадит

386. Сильверторн — город в Скалистых горах штата Колорадо. Он расположен на I-70 у первого съезда к западу от тоннеля Эйзенхауэра и считается восточными воротами в округ Саммит.

С. 386

387. Сеннахерим (ассир. *Sîn-ahhī-erība*, «бог Син возместил братьев») — царь Ассирии (705–681 до н. э.), чья осада Иерусалима описана в 4 Цар. 18–19 и Ис. 36–37. По Библии, 185 000 его воинов за одну ночь поразил ангел Господень. Син — месопотамский бог луны. Реплика отца Эллиса ниже исторически неточна: Северное царство Израиля пало перед Ассирией около 722 года до н. э., ещё до правления Сеннахерима; его поход 701 года до н. э. разорил Иудею, но не взял Иерусалим.

С. 389

388. Цитаты взяты из поэмы Джорджа Гордона Байрона «Поражение Сеннахериба» (1815) в переводе А. К. Толстого. У Байрона полки *gleaming* — «сияли», а в тексте романа они *streaming* — «струились»; поэтому первая цитата намеренно изменена. Заключительная строфа ниже приведена по переводу Толстого с современной капитализацией слова «Творец».

С. 389

389. Втор. 6:16; Мф. 4:7 — слова, которыми Иисус отверг одно из искушений дьявола в пустыне.

С. 390

390. Машиах (ивр. מָשִׁיחַ, «помазанник») — в традиционном иудаизме будущий царь из рода Давида. Ожидается, что он соберёт изгнанников, восстановит Храм в Иерусалиме и положит начало эпохе мира.

С. 392

391. Здесь Джалакету сводит две разные традиции к слишком простым правилам. В индуизме нет общего для всех течений закона, по которому религиозная принадлежность определяется

только отцом. В традиционном раввинистическом иудаизме евреем по рождению считается ребёнок еврейской матери; с 1983 года реформистские общины США при дополнительных условиях признают и ребёнка еврейского отца.

С. 392

392. В реальности комплекс в горе Шайенн в 1978 году был оперативным центром NORAD, отвечавшего за предупреждение о воздушном и ракетном нападении и за противовоздушную оборону Северной Америки. Он не управлял ядерным арсеналом США; формулировка романа упрощает его функцию.

С. 397

393. Английское *as American as apple pie* — устойчивое выражение о чём-то типично, насквозь американском.

С. 398

Глава 30: Над тёмными пустынями

394. Фраза повторяет знаменитый зачин романа Хантера С. Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» (1971): у Томпсона герои около Барстоу на краю пустыни, «когда начали действовать наркотики». В оригинале на месте *drugs* («наркотики») стоит созвучное *Wall Drug*, так что вместо наркотиков «начинают действовать» рекламные щиты.

С. 400

395. Wall Drug («Уолл-Драг») — реальный придорожный торгово-развлекательный комплекс в городе Уолл, Южная Дакота. Он вырос из небольшой аптеки и прославился рекламными щитами, сообщавшими расстояние до магазина; такие щиты путешественники устанавливали по всему миру.

С. 400

396. Омфал (греч. ὀμφαλός, «пуп») — центр мира, сакральная точка отсчёта.

С. 401

397. В оригинале слова *attraction* («достопримечательность», но также «притяжение») и *attractor* («аттрактор») образуют каламбур. Аттрактор — состояние или область, к которой со временем стремится динамическая система; здесь Уолл-Драг буквально притягивает к себе путешественников и уже не отпускает.

С. 401

398. У. Шекспир, «Гамлет», действие III, сцена 1, перевод М. Л. Лозинского. В оригинале: *that undiscovered country from whose bourn no traveler returns*.

С. 402

399. Здесь соединены две песенные формулы: *amber waves of grain* («янтарные волны хлебов») из песни «America the Beautiful» и *where the buffalo roam* («где бродят бизоны») из «Home on the Range». Первая отсылка делает голод посреди воспетого американского изобилия особенно горьким.

С. 402

400. В оригинале обыгрывается слово *fury* («ярость»), совпадающее с названием модели Plymouth Fury. Английская фраза — вольная перифраза; ср. Иер. 32:37 (Синодальный перевод): «…изгнал их во гневе Моём и в ярости Моей и в великом негодовании…».

С. 403

401. В оригинале обыгрывается *one Accord* («единодушно»), созвучное названию модели Honda Accord. В русском переводе каламбур частично утрачивается.

С. 403

402. Английское *drive* значит и «вести машину», и «гнать, изгонять». Отсюда обе шутки: *He drove them out… in His Fury* читается как «вывез их на своём „Фьюри“», а изгнание торговцев из Храма (Ин. 2:15) — как поездка на той самой «Хонде Аккорд», куда больше четырёх пассажиров без чуда не посадить.

С. 403

403. Теономика (*theonomics*) — экономика и индустрия, основанная на коммерческом использовании Имён; слово соединяет греч. *theos* («бог») и *economics* («экономика»).

С. 403

404. Так рассуждает Аарон. В действительности основателя Детройта звали Антуан Ломе; «де ла Мот Кадиллак» было принятым им дворянским именем, а *ca du lac* не означает по-французски «дом у озера». Детройт стоит на реке Детройт между озёрами Сент-Клэр и Эри, а не на крупнейшем озере континента, и не является крупнейшим городом США.

С. 403

405. По-испански *Las Vegas* означает «луга». Название звезды Вега восходит к арабскому выражению о «падающем орле» или стервятнике; «падшие» — каббалистическое переосмысление Аарона, а не второе испанское значение названия города. Рассказ о ярчайшей звезде, павшей с Небес, отсылает к христианскому

толкованию Ис. 14:12 как истории Люцифера; в самом библейском контексте речь обращена к царю Вавилона.

С. 403

406. Номинативный детерминизм — полушуточная идея о том, что имя человека оказывается связано с его занятием или судьбой. В оригинале употреблён термин *nominative determinism*.

С. 403

407. *Primm* созвучно английскому *prim* — «чопорный, благопристойный». Отсюда «лживое» название: ничего благопристойного в захолустном городке нет.

С. 404

408. В этой цепочке соединены реальные места и словесные шутки. Нево отсылает к библейской горе, с которой Моисей увидел Землю обетованную и близ которой умер; однако Втор. 34:6 прямо говорит, что место его погребения неизвестно. Alien Fresh Jerky — тематическая придорожная лавка в Бейкере, продающая обычную говяжью вяленину. Zzyzx произносится примерно как «Зайзикс». Английское *roach* означает «таракан», а *Paradise* — «рай»: отсюда «честное» название Роача и буквальный выезд «за пределы Рая».

С. 404

409. В оригинале один и тот же знак *Providence* означает и город Провиденс — столицу Род-Айленда, и Провидение. Роджер Уильямс основал поселение в 1636 году и связал его название с милостивым Божьим провидением. По-русски имя города и понятие звучат по-разному, поэтому каламбур приходится пояснять.

С. 404

410. Мф. 10:29–31, Синодальный перевод. Фраза «и в гибели воробья есть особый промысел» — из «Гамлета» (действие V, сцена 2), перевод М. Л. Лозинского; в английском тексте Шекспира стоит *providence*, то же слово, на котором построена загадка.

С. 405

411. Здесь Аарон смешивает два библейских мотива. В Мф. 10:29 воробьи — дешёвый товар, но не жертва; для бедного жертвователя Лев. 5:7 предписывает двух горлиц или двух молодых голубей, а не воробьёв.

С. 405

412. Уильям Блейк, «Изречения невинности» (*Auguries of Innocence*). В оригинале: *A Skylark wounded in the wing / A Cherubim does cease to sing* — ранение жаворонка заставляет умолкнуть херувима.

С. 405

413. Король-Рыбак — раненый хранитель Грааля в артуровских легендах. Его немощь связана с бесплодием и запустением страны, а исцеление возвращает земле жизнь; подробности раны и исцеления различаются в разных версиях.

С. 407

414. В Библии Урим и Туммим связаны с нагрудником первосвященника, но там не сказано, что это камни с буквами, которые загорались и складывали ответ. Мотив букв на камнях нагрудника, выступающих или соединяющихся в слова, относится к позднейшей раввинистической традиции (Вавилонский Талмуд, Йома 73б). Источники также по-разному датируют прекращение этой практики.

С. 408

Глава 31: Основание империи

415. Кэмп-Дэвид — загородная, а не только летняя резиденция президента США в штате Мэриленд. В 1978 году там прошли переговоры Египта и Израиля, завершившиеся Кэмп-Дэвидскими соглашениями; поэтому место уже было связано с примирением противников независимо от библейской игры слов.

С. 410

416. Это намеренно осовремененный и сильно сокращённый пересказ 1 Цар. 26. К тому времени Саул уже неоднократно пытался убить Давида, и тот скрывался от него. Давид и Авесса взяли не только копьё, но и сосуд с водой, а затем Давид показал их издали, с противоположного холма. Цитаты приведены по Синодальному переводу: 1 Цар. 26:21 и 26:23.

С. 411

417. В оригинале повторено одно слово: *on the brink of war over the brink of the Grand Canyon* — буквально «на краю войны из-за края Гранд-Каньона».

С. 411

418. Римский договор 1957 года учредил Европейское экономическое сообщество, ставшее одной из основ будущего Европейского союза. Сам Европейский союз был создан Маастрихтским договором, вступившим в силу в 1993 году.

С. 411

419. В первоначальном Римском договоре было 248 статей. Согласно талмудической традиции, Тора содержит 248 предписы-

вающих заповедей (Маккот 23б). Имя Авраам на иврите — אברהם: 1 + 2 + 200 + 5 + 40 = 248.

С. 412

420. Кэмп-Дэвид находится в Мэриленде, а не в Северной Вирджинии. Перевод следует географической формулировке английского оригинала; примечание фиксирует это расхождение.

С. 412

421. Какистократия (от греч. *kakistos* — «наихудший») — «власть худших», правление самых негодных людей; охлократия в следующей фразе — «власть толпы». Названия режимов подобраны под поведение их представителей на переговорах.

С. 413

422. Гиппер — прозвище Рейгана по роли футболиста Джорджа Гиппа в фильме *Knute Rockne, All American* (1940) и фразе *Win one for the Gipper* — «Выиграйте ради Гиппера». В романе *Gipper* сближается с ивритским גִּבּוֹר (*гиббо́р*) — «могучий, герой». *Ха-гибборим* в Быт. 6:4 названы дети «сынов Божиих» от дочерей человеческих; в Синодальном переводе — «сильные».

С. 414

423. Санскритское *Джалакету* — название кометы. *Бен Кокаб* означает «сын звезды»; в современном иврите «звезда» — *кохáв*, но автор сохраняет написание *Kokab*. Таким образом, обе части имени связывают героя с кометой и звездой.

С. 415

424. В реплике сведены три образа ранней американской республики: пуританский «город на холме» из проповеди Джона Уинтропа, джефферсоновский идеал независимых земледельцев и античная Греция как один из образцов республиканского устройства.

С. 416

425. Нетти Коулберн Мейнард — американская медиум. Рассказы о её сеансах с участием Линкольна известны прежде всего из её собственных воспоминаний, опубликованных в 1891 году; надёжных независимых подтверждений тому, что она передавала президенту военные секреты конфедератов, нет.

С. 416

426. «Боевой гимн Республики» Джулии Уорд Хоу был написан на мелодию походной песни *John Brown's Body* и стал боевой песней армии северян и аболиционистского движения. Поэтому здесь он не только выражает патриотизм Гадириэль, но и подготавливает спор о сохранении Союза.

С. 416

427. Это строки третьей строфы «Боевого гимна Республики». Образ героя, рождённого женщиной и поражающего змея пятой, отсылает к Быт. 3:15; в христианской традиции стих толкуют как первое указание на грядущее поражение зла. Джалакету лишь полушутя допускает, что строка может относиться к нему.

С. 416

428. 13 апреля 1830 года президент Эндрю Джексон произнёс тост: *Our Federal Union—it must be preserved!* («Наш Федеральный Союз — его необходимо сохранить!»). Это происходило во время нуллификационного кризиса — спора о том, вправе ли штат не исполнять федеральный закон. Роман сокращает тост до *The Union must be preserved!* («Союз должен быть сохранён!»).

С. 416

429. Фрагмент Декларации независимости США, принятой 4 июля 1776 года. В нём обосновывается право народа изменить или упразднить власть, которая перестала защищать естественные права людей; Джалакету обращает этот довод против предполагаемой вдохновительницы текста.

С. 417

430. «Ло ба-шама́им хи» — слова Втор. 30:12: «не на небе она». В библейском контексте речь идёт о доступности заповеди. В талмудическом рассказе о «печи Ахная» (Бава Меция 59б) рабби Иехошуа отвечает этой фразой на голос с Небес: после дарования Торы её толкование поручено людям. Джалакету так же утверждает, что Гадириэль уже не властна над данным людям текстом Декларации.

С. 417

431. Гадириэль сознательно заменяет *бен Кокаб* («сын звезды») на *бен Разиэль* — «сын Разиэля». Имя Разиэль означает «тайна Бога»; в еврейской ангелологии так называют ангела, связанного с передачей тайного знания. В устойчивой именной формуле проекта используется форма «Разиэль».

С. 417

432. В 1980 году Рональд Рейган завершал предвыборные речи призывом *make America great again* — «снова сделать Америку великой». Фраза стала широко известна задолго до того, как Дональд Трамп превратил её в свой основной лозунг.

С. 418

Глава 32: Божественный человечий облик

433. В оригинале ответ *So* и следующий вопрос *So who?* вместе звучат как имя *Sohu*, которым начинается концовка *Sohu's at the door*. Русское «Со кто?» намеренно сохраняет чужеродную форму, потому что без изменения имени точный каламбур не переносится.

С. 419

434. Алеф — первая буква еврейского алфавита. Уриил сближает английские *aleph* и *olive(s)* — «маслина/маслины»; в иврите эти слова не родственны. Зах. 14:4 говорит, что в конце времён Господь встанет на Масличной горе и гора расколется, но не утверждает, что там начнётся воскресение мёртвых. Такая особая роль горы относится к позднейшей еврейской традиции.

С. 420

435. В оригинале *Aleph* («алеф») приблизительно созвучно *All of* в начале жалобы Уриила *All of my jokes are terrible* — «Все мои шутки ужасны». Соху замечает, что эта жалоба сама по себе готовая концовка тук-тук-шутки *Aleph who?*

С. 420

436. В распространённой поздней схеме Древа Жизни есть не два, а три столпа: правый столп Милосердия, левый столп Строгости или Суда и средний столп Равновесия. Здесь Уриил рассматривает только два боковых столпа, чтобы сопоставить их с руками; это не полное описание Древа.

С. 421

437. Мф. 25:32–33; цитата приведена по Синодальному переводу.

С. 421

438. В английском *right* означает и «правый», и «право», а *human rights* — «права человека». Уриил принимает обычный юридический термин за уточнение, чья именно «правая сторона» имеется в виду.

С. 422

439. Соху подбирала к заданному Уриилом корню Р-К-Т созвучные английские слова: *wrecked, racked, ragged, rocked, rickety*. Этот каркас буквально воплощается в английском *rocket* — «ракета».

С. 422

440. *Duck and Cover* — американский учебный фильм гражданской обороны 1952 года и школьное правило на случай атомного удара: пригнуться и прикрыться, в классе — спрятаться под партой. Поэтому при виде ракеты Соху ищет именно парту.

С. 423

441. «Минитмен» — американская межконтинентальная баллистическая ракета наземного базирования, часть ядерных сил США. Поэтому доставка обычного приглашения выглядит особенно абсурдно и угрожающе.

С. 423

442. Реальная Мадридская мирная конференция открылась 30 октября 1991 года, а не 27-го. Её официальное приглашение говорит о мирной конференции с последующими прямыми переговорами; многосторонние переговоры начались позднее, в Москве в январе 1992 года. Английский текст соединяет неверную дату с названием более позднего этапа; перевод сохраняет это расхождение оригинала.

С. 423

443. Быт. 6:1–7 упоминает нефилимов, а причиной Потопа называет человеческое развращение; прямо утверждения «нефилимы вызвали Потоп» там нет. Историю падших Стражей, их детей-гигантов и их роль в бедствиях перед Потопом развивает Первая книга Еноха. Библия также не представляет ангелов кандидатами на земное царство вместо Саула: это собственный довод Уриила.

С. 424

Глава 33: Врата познания

444. В оригинале — *solemn and huge*. Ана слышит в *solemn* эхо имени *Solomon*, а слово *huge* тут же достраивает до библейского «Голиаф — огромен». Каламбур нарочито натянут: это её навязчивая игра — исправлять случайные созвучия до «правильных» библейских шуток.

С. 427

445. По авторскому комментарию, Симеон Азор — вариация на Питера Тиля: Симеон отсылает к Симону Петру, а цепочка *Azore → azure → teal → Thiel* — к фамилии Тиль. «Барекет Кэпитал» пародирует *Mithril Capital*: *bareqet* — загадочный сияющий камень библейского нагрудника, выбранный автором как ближайший аналог мифрила; «Каунтенанс» соответствует *Facebook*.

С. 427

446. Исх. 20:7 (Синодальный перевод). Здесь используется нумерация, обычная для части протестантских традиций: запрет произносить имя Бога напрасно — Третья заповедь; в католической и лютеранской традициях — Вторая. В английском оригинале формула Библии короля Якова звучит как *take the name … in vain* («взять/употребить Имя напрасно»); Ана переосмысляет

Имя как магический инструмент, которым можно пользоваться во благо или впустую.

С. 429

447. В оригинале Ана говорит *Goliath-wise* — «по голиафовской части»; суффикс *-wise* совпадает со словом *wise* («мудрый»). Симеон тут же «исправляет» нечаянный библейский каламбур по её же правилам: Голиаф — огромен, а мудр — Соломон. Он возвращает Ане её собственную игру (см. сноску 1), чем и выбивает её из колеи.

С. 430

448. «Забор Честертона» — принцип из эссе *The Drift from Domesticity* в сборнике Г. К. Честертона *The Thing* (1929): прежде чем ломать существующий институт или правило, нужно понять, зачем оно было создано. У Честертона речь идёт об ограде или воротах поперёк дороги; быка в исходном тексте нет — этот вариант пересказывает Ана.

С. 430

449. Дарьенский пробел — труднопроходимый и опасный район джунглей и болот между Панамой и Колумбией. Здесь примерно на сто километров прерывается Панамериканское шоссе и нет сквозной автомобильной дороги.

С. 431

450. Археологические находки подтверждают употребление пейота в Северной Америке уже около 3700 года до н. э., но происходят из района Рио-Гранде, а не из ольмекского ареала; надёжная привязка пейота именно к ольмекам не установлена. Поэтому ссылка на ольмеков остаётся утверждением повествования романа.

С. 431

451. Пипильцинцинтли (науатль *Pipiltzintzintli*) — название священного психоактивного растения в источниках колониальной эпохи. Его точная ботаническая идентификация не установлена; источники перечисляют пейот и пипильцинцинтли раздельно. В романе с этим названием соединены пейот и повторяющийся Зелёный Человек.

С. 432

452. В английском тексте здесь *the Drug War* — отсылка к американскому политическому выражению *War on Drugs* («война с наркотиками»). В мире романа метафора стала буквальной войной с Властелином Наркотиков.

С. 435

Глава 34: Зачем ты сама себя рвёшь на части, Иерусалим?

453. Мф. 5:9, Синодальный перевод. В английской Библии короля Якова: *Blessed are the peacemakers: for they shall be called the children of God* — буквально «Блаженны миротворцы, ибо они будут названы детьми Бога». Следующий абзац обыгрывает *called* («названы») и *children* («дети»); в канонической русской цитате это «наречены сынами Божиими».

С. 437

454. Здесь подразумевается Организация освобождения Палестины (ООП). На реальной конференции официальных представителей ООП и палестинцев из Восточного Иерусалима в составе делегации не было; палестинская сторона участвовала в совместной иордано-палестинской делегации и согласовывала позиции с Ясиром Арафатом. Оригинальное *unsavory figures* — оценочное «сомнительные личности».

С. 437

455. Парето-оптимальный результат — такое распределение, при котором нельзя улучшить положение одной стороны, не ухудшив положение другой. Это критерий эффективности, а не гарантия справедливости: крайне неравный результат тоже может быть Парето-оптимальным.

С. 438

456. Европейское Содружество (англ. *European Communion*) — по авторскому комментарию, католическая Южная Европа, выросшая из Европейского союза. Название созвучно *European Community* («Европейское сообщество»), а *communion* значит ещё «причастие» и «церковное общение»: политический союз получает церковный оттенок.

С. 441

457. Нойханза (нем. *Neu Hansa*, «Новая Ганза») — вымышленное государственное образование; название отсылает к Ганзейскому союзу, средневековому объединению торговых городов Северной Европы.

С. 441

458. Ицхак Шамир — тогдашний премьер-министр Израиля; врач Хайдар Абдель-Шафи — глава палестинской части совместной иордано-палестинской делегации.

С. 441

459. Бейкер — отсылка к Джеймсу Бейкеру, в 1991 году госсекретарю США и одному из устроителей Мадридской мирной конференции; в романе он назван послом. Английское *baker* значит «пекарь», поэтому его упорная тревога о Гольфстриме, превращённом в слойку, смешна вдвойне.

С. 442

460. Процедура Брамса — Тейлора делит непрерывный объект («пирог») между несколькими участниками так, чтобы никто не считал чужую долю лучше своей. Приближённое конкурентное равновесие при равных доходах (*A-CEEI*) распределяет неделимые ресурсы с помощью почти равных условных бюджетов и цен. Оба названия появились позднее даты сцены: публикации относятся соответственно к 1995 и 2011 годам. Перевод сохраняет анахронизм английского оригинала.

С. 442

461. Суд Соломона (3 Цар. 3:16–28): две женщины спорили о младенце. Соломон предложил разрубить его надвое; одна женщина согласилась, а настоящая мать попросила отдать ребёнка сопернице, лишь бы сохранить ему жизнь. По этой реакции царь и распознал мать.

С. 442

Глава 35: Голоса детей в его шатрах

462. В оригинале: *Fast cars! Fast women! Fastidious adherence…* Слово *fast* сначала значит «быстрые», затем входит в старомодное неодобрительное выражение *fast women* — «распутные женщины»; *fastidious* начинается теми же буквами *fast-* и означает «скрупулёзный». На этом повторе строится переход от клише о разгульной жизни к педантичной нравственности.

С. 445

463. Естественный закон — в католической моральной теологии всеобщие нравственные нормы, заложенные в природе человека и постижимые разумом. «Одна плоть» — библейская формула о браке (Быт. 2:24; Мк. 10:8).

С. 446

464. Согласно 3 Цар. 11:3–4, у Соломона было семьсот жён и триста наложниц; библейский рассказ добавляет, что они отвратили его сердце к другим богам.

С. 447

465. NAACP — основанная в 1909 году американская правозащитная организация, выступающая против расовой дискриминации. Слова *Colored People* («цветное население») сохраняются в её историческом официальном названии; сегодня вне названия это выражение считается устаревшим.

С. 448

466. *Will Rogers Shrine of the Sun* — исторический памятник и смотровая башня на горе Шайенн. Её построили в 1934–1937 годах и посвятили американскому юмористу Уиллу Роджерсу. Несмотря на название, это мемориал, а не храм, хотя внутри есть часовня.

С. 448

Глава 36: Дело Отца Моего

467. В оригинале *god-shaped hole* — буквально «пустота в форме Бога»: распространённая англоязычная христианская метафора внутренней пустоты, которую может заполнить только Бог. Эпиграф понимает «форму» буквально: пустоту заполняют металлом и получают металлического бога.

С. 451

468. Демиург — создатель или устроитель материального мира в платонической и гностической традициях; здесь — тот, кто сможет заменить Уриила в управлении вселенной.

С. 452

469. В оригинале *states* означает и «государства», и «состояния»: Уриил соединяет два Израиля-государства с квантовой суперпозицией состояний.

С. 456

470. *Breaking strain* — предельная нагрузка или деформация, после которой материал либо конструкция разрушаются; здесь это также метафора человеческого предела прочности. Стихотворение Редьярда Киплинга впервые опубликовано в журнале *The Engineer* 15 марта 1935 года. Русский текст здесь — перевод редакции.

С. 456

Интерлюдия נ: Мисс «Американский пирог»

471. Дон Маклин, *American Pie* (1971). Каббалистический разбор строится на английских словах *song* («песня») и *dance* («танец»).

С. 462

472. Связь *Singer/singer* («Сингер/певец») впервые объяснена в интерлюдии ד «Канторы и певцы»; здесь Аарон продолжает тот же звуковой ряд: *song* → *son* → *singer* → *UNSONG*.

С. 462

473. В английском *dance* начинается с *dan*. Ивритские *Dan* (דָּן) и *din* (דִּין, «суд, право») связаны с корнем «судить»; *Бейт-Дин* — еврейский религиозный суд. Имя Даниил обычно истолковывают как «Бог — мой судья», а Аарон вольно сжимает это до «суда Божьего».

С. 462

474. В оригинале: *Drove my Chevy to the levee, but the levee was dry* — «Я гнал свой “Шеви” к дамбе, но дамба была суха». Аарон превращает приблизительные созвучия *Chevy* → *shevet* (ивр. שֵׁבֶט, «колено, племя») и *levee* → *Levi* (Левий) в каббалистические соответствия; это не этимология. Его дальнейшее равенство «левиты = священство» тоже упрощено: священниками-коэнами были потомки Аарона внутри колена Левия, а фарисеи не составляли священнического сословия.

С. 462

475. В оригинале: *Did you write the book of love / And do you have faith in God above / if the Bible tells you so?* — «Ты ли писал ту Книгу Любви? / И веришь ли в Бога свыше, / коль так тебе велит Библия?» *Book of Love* — хит 1958 года группы The Monotones.

С. 463

476. В Быт. 3 Бог выносит Адаму, Еве и змею наказания и изгоняет людей из Эдема. Слова «предпочитает её не налагать» — богословская натяжка Аарона, а не буквальный пересказ главы.

С. 464

477. *Carnation* — «гвоздика», *incarnation* — «воплощение», в богословии — Боговоплощение. На деле короткое слово входит в длинное (*in* + *carnation*), а не наоборот; Аарон называет направление шиворот-навыворот, и так стоит уже в оригинале.

С. 464

478. Это так называемый принцип «день за год»: в Чис. 14:34 и Иез. 4:6 один день символически соответствует одному году. Семьдесят «седмин» из Дан. 9 часто понимают как семьдесят недель лет, то есть 490 лет; Аарон произвольно превращает частный толковательный приём в универсальный календарь.

С. 465

479. «Седер Олам Рабба» (ивр. סֵדֶר עוֹלָם רַבָּה, «Великий порядок мира») — древняя раввинистическая хронология от Сотворения мира. Её расчёты легли в основу еврейской эры «от Сотворения», в современном пересчёте относящей начало мира к 3761 году до н. э.; сам трактат, разумеется, не пользуется датировкой «до нашей эры».

С. 465

480. Название *The Rolling Stones* буквально означает «катящиеся камни». Аарон связывает его с английским текстом Мф. 28:2 в KJV: *rolled back the stone* — «отвалил камень»; Синодальный перевод передаёт событие, но не сохраняет общий корень *roll*.

С. 465

481. Формула «Иаков, брат Господень» находится в Гал. 1:19, а не в Деяниях; Деяния показывают Иакова руководителем иерусалимской общины. Кто именно назван братом Иисуса, христианские традиции объясняют по-разному: братом по матери (сыном Марии и Иосифа), сводным братом (сыном Иосифа от прежнего брака) либо близким родственником. Аарон выдаёт один вариант за общий.

С. 465

482. Это повтор уже введённого в интерлюдии ט «Война и мир» шифра Авгад: ל־נ־נ (*Lennon*) сдвигается в מ־ס־ס (*MSS*) и лишь затем по-английски читается как *Moses*. Автор сам называет это натяжкой: обычное еврейское имя Моисея — *Моше* (משה).

С. 466

483. Этот разбор уже звучал в интерлюдии ט «Война и мир»: *Karl* сводится к «мужчина», а *Marx* через латинское *Marcus* — к Марсу, богу войны. Вместе выходит «муж брани», как в Исх. 15:3: «Господь муж брани». Происхождение фамилии от *Marcus* засвидетельствовано, а вот дальнейшая связь с Марсом спорна, и богословский вывод целиком принадлежит Аарону.

С. 466

484. *Et tu, Brute?* (лат.) — «И ты, Брут?» (Шекспир, «Юлий Цезарь», III, 1). Здесь «И ты, Элли?» — шутливый упрёк в предательстве.

С. 466

485. Название группы *The Byrds* звучит так же, как *the birds* — «птицы». Поэтому для Билла строка о птицах, улетевших на восемь миль ввысь, — отсылка сразу и к группе, и к её песне *Eight Miles High* («На высоте восьми миль»).

С. 467

486. В английском оригинале романа сказано, что Бог «открыл» источники бездны после сорока дней. В Быт. 7:11 они, напротив, открываются в начале Потопа, а в Быт. 8:2 закрываются, после чего вода начинает убывать. Это фактическая аномалия исходного текста, переданная в реплике без молчаливого исправления.

С. 467

487. В песне стоит *foul* — «за пределами поля, не по правилам»; Аарон подменяет его созвучным *fowl* — «птица». В Быт. 8:7–12 Ной выпускает ворона, который отлетает и прилетает, а затем трижды голубя: тот сперва возвращается ни с чем, потом приносит масличный лист, а в третий раз не возвращается.

С. 467

488. Греческое *apokálypsis* (ἀποκάλυψις) — существительное «раскрытие, откровение», а не форма «открыто». Аарон меняет часть речи, чтобы превратить «открытое» в Апокалипсис.

С. 468

489. Это раввинистическое толкование Втор. 29:14–15. В мидраше «Шмот Рабба» (28:6) слова «так и с теми, которых нет здесь с нами сегодня» относят к душам ещё не рождённых поколений: каждая из них получила свою долю откровения на Синае.

С. 468

490. Обычно *Jack* считают уменьшительной формой имени John (через средневековое *Jankin*), хотя есть и версия о происхождении от французского *Jacques*, то есть «Иаков». Аарон без колебаний берёт вторую и продолжает цепочку «Иаков → Израиль → израильтяне».

С. 468

491. В песне: *flames climbed high into the night* — «пламя взметнулось высоко в ночь». Аарон подменяет *flames* созвучным *a plain* («равнина»), чтобы получить холм или гору; это намеренное фонетическое жульничество.

С. 468

492. Мк. 16:8 говорит о нескольких женщинах, которые в страхе бежали от гробницы и никому ничего не сказали. Отдельное явление воскресшего Иисуса Марии Магдалине начинается в Мк. 16:9 — в так называемом длинном окончании Евангелия. Аарон склеивает эти эпизоды со строками песни.

С. 468

493. Иссахар (ивр. יִשָּׂשכָר) — одно из двенадцати колен Израилевых. Каламбур Аны держится на том, что *Chevy* — это *a car* («машина»), а *Issachar* в английском чтении можно расслышать

как *is a car*; она применяет аароновский метод звуковых подцепок против него самого.

С. 469

494. Каламбур на колено Дан (ивр. דָּן). В оригинале *damn dinner* («проклятый ужин») превращается в *Dan dinner*; русский «Данный ужин» сохраняет имя Дан внутри обычного слова, а исходную однофонемную замену передать буквально не позволяет.

С. 469

495. Каламбур на колено Гад (ивр. גָּד): английская клятвенная формула *So help me God* превращается заменой одной гласной в *So help me Gad*. Русское «Так мне поможет Гад» сохраняет и имя колена, и созвучие со словом «гад».

С. 469

496. Каламбур на колено Ашер (ивр. אָשֵׁר). В оригинале *Asher her* подменяет *assure her* («заверить её»); русское «заАшерить» встраивает имя в тот же глагол.

С. 469

497. В оригинале *Reuben* подменяет начало выражения *rubbing her the wrong way* — «действовать на нервы», буквально «гладить против шерсти». Русское «Рувимают её против шерсти» сохраняет имя колена и образ идиомы ценой намеренно нелепого глагола.

С. 470

Глава 37: Любовь, которую нельзя поведать

498. Ивр. עָוֹל (*авва́ль*) — «неправедный, злодей», а не общее слово для любого грешника. Числовые значения букв: ע = 70, ו = 6, ל = 30; итого 106. Созвучие с англ. *evil* («зло») — каббалистическая игра рассказчика, не этимология. В хронологии Джеймса Ашшера Потоп датирован 2348, а Вавилонская башня — 2242 годом до н. э.; разница действительно составляет 106 лет.

С. 471

499. Мицраим (ивр. מִצְרַיִם) — библейское название Египта, родственное его названиям в других семитских языках. Окончание традиционно связывают с Верхним и Нижним Египтом; толкование через *мецарим* («теснины, стеснения») — созвучная религиозная игра, а не установленная историческая этимология.

С. 473

500. Ивр. מָגִים (*магим*) — множественное число от «маг»; согласные слова — M-G-Y-M, поэтому MGM не является его настоящим трёхбуквенным корнем. Рассказчик каббалистически читает вывеску как согласный каркас. Ивритское слово, как и русские «маг»

и «магия», восходит через другие языки к древнеиранскому названию жрецов; одно не происходит от другого.

С. 473

501. Название отеля происходит от фамилии Trump. Аарон подменяет её английским омонимом *trump* («козырь»), который возник как вариант слова *triumph*; лат. *triumphus* обычно связывают, вероятно через этрусский, с греч. *thriambos* — гимном или шествием в честь Диониса. «Ритуалы языческих богов хаоса» — вольное усиление рассказчика.

С. 473

502. Т. С. Элиот, «Бесплодная земля» (1922), часть I «Погребение мертвеца». Перевод строк выполнен для настоящего издания; ключевые выражения оригинала — *red rock* («красная скала») и *fear in a handful of dust* («страх в горсти праха»), которые сцена тут же превращает в буквальные предметы.

С. 473

503. В оригинале — *Orca the covenant*: в *Ark of the Covenant* («Ковчег Завета») слово *ark* подменено созвучным *orca* («косатка»). Это продолжение давней игры Аны и Аарона в библейские каламбуры про китов, так что подать такой знак могла только Ана.

С. 474

504. Тав (ивр. ת) — двадцать вторая и последняя буква еврейского алфавита. В Иез. 9:4–6 словом *тав* назван знак на лбах людей, которых должны пощадить при грядущей каре; отсюда в сцене образ «буквы апокалипсиса». Древние формы знака могли напоминать X или крест, но «строчная латинская t» — современное визуальное уподобление рассказчика, а не установленная форма креста Иисуса.

С. 479

505. Формула восходит к Мишне, Санхедрин 4:5, и повторяется в Вавилонском Талмуде, Санхедрин 37a. В рукописях есть варианты: одни говорят просто об «одной жизни», другие — об «одной жизни из Израиля»; Аарон использует универсальную форму.

С. 480

Глава 38: Мой дух в борьбе несокрушим

506. Гершеле Острополер — герой восточноевропейского еврейского фольклора, шутник и плут; рассказы о нём обычно строятся как короткие комические истории.

С. 481

507. Название руинам дали науа много веков спустя; его традиционно толкуют как «место, где были созданы боги» или «место обожествления». Как называли город его жители, неизвестно, а точная этимология обсуждается.

С. 482

508. Человеческие жертвоприношения в Теотиуакане подтверждены археологией, но надёжных свидетельств именно о добровольной замене пленника жрецом и о такой паре божеств нет. Здесь это рассказ Властелина Наркотиков, соединяющий Теотиуакан с более поздней науа-ацтекской космологией.

С. 484

509. В оригинале *step up to save the day* — «вызваться и спасти положение». Но *save the day* буквально значит «спасти день»: жертва даёт Солнцу силы одолеть Ночь. А *step up* можно прочесть и как «подняться по ступеням» храма. Русское «спасти положение» передаёт только переносный смысл.

С. 484

510. Авторская глосса *left-handed hummingbird* передана как «колибри-левша». Разбор имени Уицилопочтли спорен: его связывают с науатльскими словами «колибри» и «левая сторона», которая также ассоциировалась с югом; отсюда вариант «Колибри Юга».

С. 485

511. Словесная магия здесь опирается на свободные сближения. После удаления *Teotih* из *Teotihuacan* остаётся *uacan*, не *huacan*; обычное ивритское слово «грация» — חֵן (*хен*), а *HACHAN* не «переворачивается» точно в *NUACH*. Перевод сохраняет авторскую последовательность, но не выдаёт её за строгий языковой разбор.

С. 488

512. В оригинале слово рассыпается на тысячу *AMENs* — «аминей» во множественном числе, и окончание *-s* даёт лишнюю букву S. Из неё, превращённой в SH, и букв E и M Джейн пытается сложить *SHEM*.

С. 489

513. Первое звено личного кода, *Orca the covenant*, объяснено в предыдущей главе. *Shabbatlenose dolphin* склеивает *Shabbat* и *bottlenose dolphin* («дельфин-бутылконос»), а *Manatee of manatees, all is manatee* заменяет созвучное *vanity* в библейском «суета сует, всё — суета». В ответном *God and mammal* обыгрывается *God and mammon* (Мф. 6:24); русское «Богу и маммонту» заменяет маммону на млекопитающее.

С. 490

514. Арамейское приветствие со значением «Как ты?». Форма *б-шламек* обращена к женщине — здесь к Ане.

С. 491

Глава 39: Грозный образ

515. «Реб Вики» — шутливая подпись: эпиграф почти дословно взят из статьи английской Википедии о Тиферет. Оттуда же и «преобразующая» роль сефиры между формой и силой, и обращение полярности, и связь Тиферет с чудесами. Роман просто понимает эти слова буквально, и на них держится вся переправа через канал.

С. 495

516. Английское *peyote buttons* — «пуговки пейота»: срезанные дисковидные верхушки кактуса, которые употребляют свежими или высушенными. Это не таблетки и не пуговицы в буквальном смысле.

С. 495

517. *HeavenX* и *Blue Origen* — пародии на космические компании *SpaceX* и *Blue Origin*. Вторая подмена одновременно напоминает об Оригене Александрийском, раннехристианском богослове.

С. 498

518. В оригинале *nattering nabobs* — отсылка к аллитерирующей политической формуле *nattering nabobs of negativism* («болтливые набобы негативизма»). Её написал спичрайтер Уильям Сафайр для речи вице-президента США Спиро Агню в 1970 году.

С. 498

519. *A man, a plan, a canal — Panama* — «Человек, план, канал — Панама». Если убрать пробелы, регистр и знаки препинания, английская фраза читается одинаково в обе стороны. Далее она возвращается по частям, а затем складывается целиком, поэтому рефрен сохранён в оригинале.

С. 499

520. Название *Patagonia* восходит к слову *Patagón*, которым экспедиция Магеллана назвала местных жителей. Толкование «земля больших ног» — поздняя популярная этимология; его достоверность оспаривается, в частности название связывают с персонажем испанского рыцарского романа.

С. 500

521. *Assiah* — английская запись ивритского עֲשִׂיָה, «действие», названия нижнего каббалистического мира. *Ushuaia* происходит из языка яганов и означает «глубокая бухта». Слова не тождественны на иврите: авторская связь держится только на сходстве английских написаний.

С. 500

522. В английском *Cape Horn* слово *horn* можно прочитать как «рог» и связать с рогами Дьявола. Это каламбур, а не этимология: мыс назван в честь нидерландского города Хорн (*Hoorn*).

С. 500

523. Название *Juneau* (произносится примерно «джу́ноу») созвучно английскому *Jah knows* — «Ях знает»; *Jah* (Ях) — краткая форма имени Бога. Это словесная игра, а не этимология: город назван по фамилии золотоискателя Джо Джуно.

С. 500

524. *Río de la Plata* буквально значит «Серебряная река». Название связано с ранними рассказами и ожиданиями серебряных богатств в глубине континента, а не с доказанными обильными залежами серебра под самим регионом реки.

С. 501

525. В мире романа Дарьенский пробел стал центром отдельного государства. Эпитет «Светлейшая» (*Most Serene*) перекликается с традиционным титулом Венецианской республики.

С. 501

526. В раввинистической традиции Рахав — владыка или ангел моря; тот же образ может выступать морским чудовищем и олицетворением первозданных вод. Здесь «ангел пучин» служит магическим покровителем шлюза.

С. 502

527. Кулебра-Кат, или Гайяр-Кат, — примерно 13,7 километра Панамского канала, прорубленные через Континентальный водораздел. В действительности выемка содержит и прямые участки, и повороты; *arrow-straight* («прямая как стрела») — упрощение оригинала, на котором построена опасность этой сцены.

С. 503

528. *Poop deck* — английское название юта, приподнятой кормовой палубы. Само слово *poop* — палиндром; поэтому при обращении полярности оно остаётся собой и временно защищает лежащих на этой палубе людей. Русское «ют» такой симметрии не имеет.

С. 506

529. Английское *Dog* («пёс») — слово *God* («Бог»), прочитанное справа налево. Русское «Бог» при обращении не даёт названия животного, поэтому ключевое слово сохранено по-английски.

С. 507

530. Формула *in starry numbers fitly ordered* взята из поэмы Уильяма Блейка «Мильтон», где речь идёт о Четверичном Человеке, «стройно расположенном в звёздных числах».

С. 508

531. Все четырнадцать английских фраз в основном тексте — буквенные палиндромы. По смыслу это: «Тупая грязь»; «Мадам, в Эдеме я Адам»; «Каин, маньяк»; «Семитские времена»; «Ей-богу, никакого рабства!»; «Деяние»; «Догмат»; «Разве нас, евреев, не влечёт вперёд, к новой эре?»; «Ей-богу, низкая жизнь оскверняет дурную эпоху»; «Догма — я бог!»; «Избавитель вновь поносим»; «Авва, авва»; «Обожествлённый»; «Сделал ли я, о Боже, так, как обещал; сделал добро — да, сделал». Английская форма оставлена в тексте, потому что буквенная зеркальность здесь управляет сюжетом; русский смысл дан полностью, без подмены чужими палиндромами.

С. 508

Глава 40: В грозном величии

532. King James Programming — Tumblr-блог с текстами, сгенерированными цепью Маркова, обученной на Библии короля Иакова и учебнике «Структура и интерпретация компьютерных программ». Пост с этим эпиграфом сохранился по постоянной ссылке и в архивной копии. В записи *his* написано со строчной буквы; роман меняет его на *His*, и перевод следует тексту романа.

С. 511

533. В Ис. 34:14 еврейское слово לִילִית (*лилит*) встречается в Библии один раз; его значение спорно. «Vampires» («вампиры») — редкий вариант в переводе Джеймса Моффатта; другие версии дают «Лилит», «ночное существо», «ночную птицу» и иные

чтения. Поэтому первая фраза — шутливая подводка к Моффатту, а не общепринятое описание библейского текста.

С. 511

534. В Ис. 34:9 потоки превращаются в горящую смолу — *pitch*, — а не в масло. Формула *burning oil* принадлежит английскому тексту романа; перевод сохраняет её и прямо отмечает расхождение с библейским стихом.

С. 511

535. Библия короля Иакова (King James Version, 1611) создана группой переводчиков по заказу Иакова I. В Ис. 34 она использует слова *unicorns* («единороги»), *satyr* («сатир») и *screech owl* («визгливая сова»): такой разброс отражает трудность перевода неясных древнееврейских названий существ.

С. 511

536. Новая международная версия (New International Version, NIV, 1978) передаёт לִילִית как *night creatures* — «ночные существа».

С. 511

537. В Новой пересмотренной стандартной версии (New Revised Standard Version, NRSV, 1989) Ис. 34:14 сказано: «там Лилит найдёт покой и место для отдыха»; слов *night monster* там нет. Английский текст романа соединяет элементы разных переводов Ис. 34:14, а не цитирует NRSV дословно.

С. 512

538. Вавилонский Талмуд, Шаббат 151b: рабби Ханина говорит, что спящего в доме в одиночку «схватит Лилит». Слов «ночное чудовище» в этой формуле нет; их добавляет английский текст романа.

С. 512

539. «Алфавит Бен-Сиры» — анонимный средневековый псевдоэпиграф с сатирическими чертами, обычно датируемый VIII–X веками. В самом тексте Бен-Сира пишет амулет со Святым Именем, а также именами и образами трёх ангелов — Сеноя, Сансеноя и Семангелофа. После отказа Лилит вернуться ежедневно должны гибнуть сто её собственных детей; отдельно она грозит человеческим младенцам и клянётся не вредить ребёнку, защищённому таким амулетом. Произнесённое Бен-Сирой Имя и одобрение ангелов принадлежат вольному комическому пересказу рассказчика, а не этому источнику.

С. 512

540. Исаак бен Яаков ха-Коэн — каббалист XIII века; в «Трактате о левой эманации» содержится одна из ранних каббалистических связок Самаила и Лилит как пары. Положение Самаила среди

лейтенантов Тамиила относится к иерархии мира романа, а не к утверждениям трактата.

С. 512

541. Предания о Лилит и лилин неоднородны. Слово «неизменно» здесь передаёт обобщение рассказчика, а не общепринятую религиоведческую классификацию.

С. 513

542. Здесь «магия Йециры» — термин мира романа: непосредственное магическое действие без произнесения обычных Имён. Доступ к этому уровню рассказчик приписывает святым, пророкам и Потомкам Кометы.

С. 513

543. Баффи Саммерс (Buffy Summers) — главная героиня телесериала «Баффи — истребительница вампиров» (1997–2003). Её играла Сара Мишель Геллар — та самая, чья фотография стоит на обоях Аарона и в честь которой он назвал свой компьютер Сарой (глава 4). Аарон принимает за Баффи светловолосую женщину, которая только что расправилась с похожими на вампиров мертвецами.

С. 514

544. Гептаграмма — семиконечная звезда. Здесь семь игрушек отмечают её семь вершин.

С. 515

Глава 42: Чьё наслаждение — лишь разрушение

545. Английская фамилия *Young* означает «молодой»; Дилан одновременно обращается к Брайану по фамилии и комментирует его возраст.

С. 524

546. Английское пожелание *Hope you have a blast* обычно означает «надеюсь, вы отлично повеселитесь», но *blast* — также «взрыв». Брайан превращает обычное пожелание в шутку о бомбе.

С. 525

547. Реплика переделывает традиционную английскую рифмовку *Roses are red, / Violets are blue, / Sugar is sweet, / And so are you* («Розы красны, фиалки голубы, сахар сладок, как и ты»). Кларк заменяет комплимент угрозой: «Элвис мёртв — и вы тоже»; в переводе рифму *blue/you* передаёт «голубы/вы».

С. 525

548. В Быт. 5:24 о Енохе сказано: «не стало его, потому что Бог взял его»; в 4 Цар. 2:11 — «и понесся Илия в вихре на небо». Дилан шутливо уподобляет им Элвиса; Бытие прямо не описывает телесное вознесение Еноха.

С. 525

549. Ин. 1:14: «И Слово стало плотию». Дилан каламбурно переносит евангельскую формулу Воплощения на письмо-бомбу: «слово» здесь превращается в физическое, взрывающееся послание.

С. 529

550. Во время конфликта в Северной Ирландии военизированные группировки обеих сторон устраивали «карательные» расправы: избивали людей и стреляли им в колени (англ. *kneecapping*). Белфаст был центром этого конфликта, поэтому на предложение Кларка сломать Валери коленные чашечки Дилан отвечает именно им.

С. 530

Глава 43: Дабы не были они уничтожены в твоём уничтожении

551. В реальности аббревиатура SALT расшифровывалась как *Strategic Arms Limitation Talks* — «Переговоры об ограничении стратегических вооружений»: серия переговоров СССР и США, начавшаяся в 1969 году. Роман меняет *Limitation Talks* на *Limitations Talk* и превращает историческое название в имя одного вымышленного саммита Рейгана с Дьяволом; в обоих случаях SALT совпадает с английским *salt* — «соль».

С. 531

552. «Вайера» (ивр. וַיֵּרָא — «и явился») — четвёртый недельный раздел (парашат) Торы, охватывающий главы 18–22 Бытия: явление Господа Аврааму, история Содома и рождение Исаака.

С. 532

553. В оригинале *intercontinental kabbalistic missile* сокращено как ICKM по образцу ICBM — *intercontinental ballistic missile*, «межконтинентальная баллистическая ракета» (МБР). Русское МККР сохраняет замену «баллистическая» → «каббалистическая», но не буквенный рисунок английского сокращения.

С. 532

554. Саадия Гаон (882–942) — еврейский философ и гаон, то есть глава Сурской академии в Вавилонии. В VIII разделе «Книги верований и мнений» («Эмунот ве-деот») он пишет, что, если Израиль не раскается, перед Мессией бен Давидом должен явиться и погибнуть Мессия бен Иосиф. Тамиил свободно и пристрастно пересказывает эту линию традиции.

С. 534

555. Бене-Эфраим («сыны Эфраима») — небольшая телугуязычная община в Андхра-Прадеш, члены которой в конце XX века приняли иудаизм и объявили себя потомками потерянного колена Эфраима. Такое происхождение является самоидентификацией общины, а не установленным генеалогическим фактом.

С. 535

556. Английское написание имени Лота, *Lot*, совпадает со словом *lot*; выражение *a lot* означает «много». Это английская игра слов, а не этимология древнееврейского имени.

С. 536

557. В оригинале *Sodomites* одновременно означает жителей Содома и служит оскорбительным названием людей, связываемых с «содомией»; слово исторически употреблялось как ругательство в адрес геев. Русское «содомиты» сохраняет эту двойственность.

С. 536

Глава 44: Мир внутри, отверзающий врата

558. Корень ק־ב־ל означает «получать, принимать»; *каббала* — буквально «получение», затем «принятое предание, традиция». Привязки букв к путям Древа, четыре вида каббалы и описанный далее эффект затмения относятся к космологии романа, а не к единой общепринятой схеме иудаизма.

С. 538

559. Этот ряд построен по созвучиям, а не по историческому родству слов. Из перечисленного английское *cabal* действительно восходит к *kabbalah*. Средневековое латинское *cappella* («часовня», первоначально «маленький плащ») и английское *chaplain* («капеллан») связаны через позднелатинское *cappa* («плащ»), тогда как *cable* имеет другое происхождение. Капила в индуистской традиции прежде всего считается основателем школы санкхья; формула о «тайном знании» — часть игры Соху. «Почти в каждом европейском языке» — комическая гипербола.

С. 539

560. Уриил цитирует стихотворение Уильяма Блейка «Тигр» (*The Tyger*, 1794) из сборника «Песни опыта»; перевод редакции. Его следующая реплика, вероятно, обыгрывает Уризена — созданное Блейком олицетворение ограничивающего разума и закона. Это литературная параллель, а не прямое тождество имён.

С. 539

561. Кфицат ха-дерех (ивр. קְפִיצַת הַדֶּרֶךְ, дословно «сжатие, сокращение пути») — традиционный мотив о чудесно сократившейся дороге и необычайно быстром прибытии. В романе он превращён в буквальную телепортацию.

С. 541

562. Соху берёт согласный каркас *C-L-D* и подбирает созвучные слова из разных языков; это символические соответствия, а не научная этимология. В биологии *clade* — «клада», группа организмов, происходящих от общего предка; японское *nan* — вопросительная форма «что?». Сопоставления *anan — noun — nomen — noon* и *nebula — nabi — Nebo* также основаны на созвучии.

С. 542

563. В оригинале — *hidden and re-vealed*: автор разрывает *revealed* («явленное»), чтобы внутри проступило созвучное *veiled* («скрытое покровом»). Русское «рас-крытое» сходным образом обнажает «крытое».

С. 543

564. В оригинале — *literally enlightened*: *enlightened* значит и «обретшая просветление», и «озарённая светом». Русское «озарило» сохраняет обе грани — внезапное понимание и буквальный свет.

С. 543

565. *Drive-through* — обслуживание в ресторане или магазине без выхода из автомобиля. Соху собирается заменить автомобиль молнией.

С. 544

566. «Вечный сентябрь» — название непрерывного притока новичков в сеть Usenet, начавшегося на рубеже 1993–1994 годов. Раньше новые студенты массово появлялись там каждую осень и постепенно осваивали сетевые нормы; коммерческий доступ, особенно через AOL, сделал этот поток постоянным.

С. 545

Глава 45: На самом дне отдалённейших пещер

567. В оригинале шуточное *Department Of Nuking Things Back* — буквально «ведомство, которое наносит ядерный удар в ответ». Рассказчик так переименовывает НОРАД (NORAD, *North American Aerospace Defense Command*) — совместное американо-канадское командование аэрокосмического предупреждения и обороны. Комплекс в горе Шайенн создавался как защищённый командный центр НОРАД, а не как отдельное ведомство ответного ядерного удара.

С. 547

568. ТАРМАС (англ. THARMAS) — авторский акроним от *Thermonuclear Armaments Management System*, «Система управления термоядерным вооружением». Русская расшифровка не образует слово «ТАРМАС», поэтому имя сохраняет английское звучание. Одновременно Тармас — один из четырёх Зоа в мифологии Уильяма Блейка, связанный с телом и чувственным восприятием.

С. 552

569. Здесь возвращается каламбур из шутки «тук-тук» (глава 32). Английское *So who's got the cojones…* («Так у кого хватит яиц…») на слух звучит как *Sohu's got the cojones…* — «У Соху хватит яиц…». Вопрос Сары превращается в утверждение, и Соху с ним соглашается.

С. 554

Глава 46: Говорить о терпении страждущему

570. В оригинале романа вторая фраза звучит *A rock garden locked, a spring sealed up* — «запертый сад камней, запечатанный источник». Это дословно Песн. 4:12 в американском переводе NASB (1995): еврейское *gal* там понято как «груда камней», тогда как Синодальный перевод даёт «заключенный колодезь», а Библия короля Якова — *a spring shut up*. Именно эту версию автор, вероятно, выбрал ради Синг-Синга из следующего абзаца с его толкованием «камень на камне».

С. 555

571. Синг-Синг — тюрьма штата Нью-Йорк в Оссининге. Название унаследовано от прежнего имени поселения и восходит к местному народу Sint Sinck; толкование «камень на камне» — традиционная версия, которую муниципальная история Оссининга связывает с залежами известняка. А по-английски *Sing Sing* слышится как «пой-пой» (*sing* — «петь») и перекликается с *Song of*

Songs, «Песнью песней», — отсюда «не совпадение» в следующей фразе.

С. 555

572. Эта строка передана близко к английской Библии короля Якова: *because I am black, because the sun hath looked upon me*. Автор повторяет в следующем предложении слова *black* и *looked upon*: сокамерник «чёрный», но солнце больше на него «не смотрит». В Синодальном переводе этот каламбур исчезает: «Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня».

С. 555

573. Гоэтия — первая часть «Лемегетона», или «Малого ключа Соломона», английского гримуара XVII века. В ней перечислены 72 духа-демона с их печатями и даны ритуальные предписания для вызова и подчинения; отсюда в сцене взяты магические круги для связывания.

С. 556

574. Надпись пародирует популярный лозунг: «Они пытались похоронить нас, но не знали, что мы — семена». Дилан заменяет «семена» на «мины», превращая образ стойкости и возрождения в угрозу ответного взрыва.

С. 557

575. Уоттс — район Лос-Анджелеса. В августе 1965 года задержание темнокожего автомобилиста Маркетта Фрая по подозрению в вождении в нетрезвом виде стало непосредственным поводом к шестидневным массовым беспорядкам, известным как *Watts riots* или *Watts Rebellion*.

С. 559

576. В оригинале — *level as Kansas*: *level* означает и «честный, без подвоха», и «ровный». Отсюда шутка об образе равнинного Канзаса.

С. 563

577. Начиная со слов *one nation, indivisible, with liberty and justice for all* Дилан внезапно переходит к финалу американской Клятвы верности флагу: «единая нация, неделимая, со свободой и справедливостью для всех». В официальной формуле между *nation* и *indivisible* стоят слова *under God* («под Богом»), которые Дилан пропускает, а затем добавляет другую формулу присяги — *So help me God* («Да поможет мне Бог»).

С. 564

578. В оригинале — *make like a guillotine and head off*: *head off* значит «отправиться, уйти», но рядом с гильотиной фраза читается по словам — *head* «голова», *off* «долой». Русская фраза передаёт

столкновение ухода и гильотины через «голову с плеч» и «с глаз долой».

С. 565

Глава 47: Ибо узрел он новые женские формы

579. Быт. 2:18: так Бог объясняет, почему создаёт Еву. Цитата дана по Синодальному переводу.

С. 567

Глава 48: Подайте мне колесницу из огня

580. В оригинале Ана обрывается на *eve…*, а Симеон подхватывает это как *Eve* («Ева»): *Satan tempted Eve* — «Сатана искусил Еву». По-русски это созвучие не воспроизводится.

С. 573

581. В оригинале — *Noah built an arky*. *Arky* — детская рифмованная форма слова *ark* («ковчег») из песни *Rise and Shine*; сочетание *an arky* созвучно *anarchy* («анархия»), которой Симеон только что попрекнул Ану.

С. 574

582. Старик заново прочитывает припев песни Дона Маклина *American Pie*, разобранный в интерлюдии נ. *Chevy* («Шеви») он сближает уже не с *шевет* («колено»), а с ивритским *шавит* (שָׁבִיט, «комета»); *levee* («дамба»), как и прежде, — с Леви, то есть со священством, а пересохшая (*dry*) дамба превращается в священника, оставшегося ни с чем (*come up dry*). Строку о *good old boys* («славных парнях») он разбирает по словам: *good* — «праведные», *old* — «взрослые», *boys* — «дети», а «день, когда я умру» — день их гибели.

С. 579

Интерлюдия ס: Двоичность

583. *Божественная простота* (лат. *simplicitas Dei*) — богословское учение о том, что Бог не состоит из физических или метафизических частей, а Его сущность не отделима от Его свойств. В западной схоластике это учение подробно разрабатывал Фома Аквинский.

С. 581

584. В оригинале — *absolute values*. Это и «абсолютные ценности», и математические «абсолютные величины» — модули чисел. Второй смысл продолжает спор о минусе и отрицательных числах.

С. 583

585. *И-цзин* (кит. 易經, «Книга Перемен») — древнекитайский канон из 64 гексаграмм, сложенных из сплошных и прерывистых черт. Двоичную арифметику Лейбниц разработал сам, задолго до знакомства с гексаграммами, а о единице и нуле как образе творения из Бога и ничего писал герцогу Рудольфу Августу Брауншвейгскому ещё в 1696–1697 годах. Расположение гексаграмм Фуси ему прислал иезуит Иоахим Буве в письме от 4 ноября 1701 года; письмо дошло весной 1703-го, и Лейбниц описал совпадение в статье, вошедшей в академический том за 1703 год, который вышел в 1705-м. Так что рассказ Аны сжимает и переставляет события: *И-цзин* не был источником изобретения.

С. 584

586. *Вот в чём загвоздка* — отсылка к монологу Гамлета «Быть или не быть» (акт III, сцена 1): в оригинале *there's the rub*.

С. 584

587. Это почти дословная реплика сестры Мириам Годвинсон из компьютерной игры *Sid Meier's Alpha Centauri* (1999). В игре она сопровождает технологию «Управляемая сингулярность»: героиня переводит вопрос о зле в мире в вопрос о том, зачем совершенному Богу вообще понадобилось что-либо творить.

С. 584

588. *Ацмус* (ивр. *ацмут* — «сущность») — в хасидской мысли Божественная сущность как таковая, которую нельзя свести к свойствам или проявлениям Бога и описать через них. Приравнивание Ацмуса к «нулю бит» — шутливый вывод Аны внутри её двоичной модели, а не традиционное определение.

С. 585

589. *«Полученная традиция»* — буквальная игра с еврейским словом *каббала* (קַבָּלָה), происходящим от корня со значением «получать». Здесь имеется в виду полученное и переданное учение.

С. 585

590. Встречающаяся популярная расшифровка *Ашкенази рабби Ицхак* означает «ашкеназский рабби Ицхак», но исторически она оспаривается. Исследование материалов Каирской генизы подтверждает раскрытие *ха-Элохи рабби Ицхак* — «божественный рабби Ицхак»; слово *Ашкенази* действительно входило в полное имя Ицхака Лурии, однако не составляло этого акронима.

С. 585

591. В оригинале — *THE LORD IS 1*: автор заменяет слово *one* («един», «один») из уже встречавшейся формулы Шма цифрой 1. Шма традиционно читают утром и вечером; «все евреи» — комическое преувеличение Аны.

С. 585

Глава 49: Ужасы солнца и луны

592. Две строки из части IV поэмы Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Сказание о старом мореходе» (1798). В оригинале: *The moving Moon went up the sky / And nowhere did abide.*

С. 587

593. Строка из английского перевода Первого енохианского Ключа (Зова).

С. 587

594. В оригинале Соху соединяет английское *new* («новый») с ивритским *yareach* («луна»): *new Yareach*. Созвучие ведёт к *New York*, затем через Статую Свободы — к названию сонета *The New Colossus* («Новый колосс») и строке *Give me your tired, your poor* («Дайте мне ваших усталых, ваших бедных»). Финальное *Alas, poor Yareach, we new him well* переделывает реплику Гамлета *Alas, poor Yorick! I knew him, Horatio* («Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио») и сталкивает *new* с созвучным *knew* («знал»).

С. 588

595. Автор переделывает испанское *mano a mano* — «один на один», буквально «рука к руке»: второе *mano* («рука») заменено на *diablo* («дьявол»).

С. 588

596. Ивритское *davar/d'var* означает «слово, речь; дело, вещь», а глагол «говорить» образован от того же корня. Дальше Соху строит звуковую цепочку *d'var* → *diver* → *differ* → *di-*, а затем находит то же *di-* в английском *distract* («отвлекать»); это ассоциации, а не этимология. *Differ* восходит к латинскому *dis-* («врозь») + *ferre* («нести»), *distract* — к *dis-* + *trahere* («тянуть»): приставки *di-* со значением «два» нет ни в одном из этих слов.

С. 589

597. В оригинале обыгрывается созвучие английского *pain* («боль») и названия еврейской буквы פ — *pey* («пей»). Сходство неполное, но именно на нём строится ассоциация Соху.

С. 589

598. В одном из традиционных толкований очертаний букву пе описывают как каф с перевёрнутым юдом внутри. Вывод о «Божественной искре в человеческой форме» делает здесь сама Соху: это не универсальное значение буквы.

С. 589

599. Ивритское *ke'ev* (כְּאֵב) означает «боль» и отдалённо напоминает по звучанию название буквы каф; Соху продолжает намеренно натянутую цепочку созвучий.

С. 589

600. В Быт. 2:17 Бог предупреждает Адама о смерти, а в Быт. 3:6 Ева ест плод и даёт его Адаму. Но библейский текст не сообщает, что Адам ожидал мгновенной смерти или счёл угрозу пустой: это интерпретация, на которой Соху строит следующую ассоциацию.

С. 589

601. В оригинале — *Threat. Thread*: «угроза» и «нить» различаются последним согласным. Созвучие переводит мысль Соху от угрозы к золотой нити Блейка.

С. 589

602. Соху вспоминает начало пластины 77 поэмы Уильяма Блейка «Иерусалим: Эманация Гиганта Альбиона»: *I give you the end of a golden string; / Only wind it into a ball* («Я даю тебе конец золотой нити; лишь смотай её в клубок»). Дальше у Блейка нить ведёт к небесным вратам в стене Иерусалима. В оригинале романа второй глагол изменён с *wind* («сматывать») на *roll* («скатывать»).

С. 589

Интерлюдия ע: Ад на Земле

603. Свинец — нейротоксичный металл. Его воздействие, особенно в детстве, связано с нарушениями внимания и поведения; исследования находят и статистическую связь с последующим антисоциальным и преступным поведением. Такая связь означает повышенный риск, а не неизбежность преступления для каждого подвергшегося воздействию человека.

С. 593

604. Мицва (ивр. מִצְוָה) — заповедь, религиозная обязанность; в разговорном употреблении — доброе дело, благое деяние.

С. 596

Глава 50: Безмолвна, как отчаявшаяся любовь

605. Рассказчик строит из *NORAD* псевдоэтимологическую цепочку созвучий. Библейское еврейское *нэрд* (נֵרְדְּ) действительно означает растение нард, но глагол «спускаться» — *ярад* (יָרַד), с начальной буквой йод, а не нун; формы *Nereid*, *nerd* и *neared* тоже исторически не происходят одна от другой. Поэтому связь подземной базы, технарей и приближающейся угрозы — авторская игра слов, а не действительная этимология названия.

С. 598

606. В истории Ахера образ воробья превращается в вопрос о Божьем промысле в гибели праведника.

С. 599

607. Раввинистические источники называют Элишу бен Абуйю и по имени, и Ахером (ивр. אַחֵר — «Другой»), поэтому его имя не было буквально запретным. Противопоставление двух людей, один из которых нарушает заповедь и остаётся невредим, а другой исполняет её и погибает, есть уже в Иерусалимском Талмуде («Хагига» 2:1); роман меняет подробности этой истории. Подробное пояснение см. в примечаниях к главе 26. Здесь Соху лишь предполагает, что Ахер и есть Другой Король: роман пока не подтверждает её догадку.

С. 599

608. Рассказчик называет их «четырьмя душами», но использует первые четыре из обычно перечисляемых пяти уровней души: *нефеш*, *руах*, *нешама*, *хайя* и *йехида*. *Йехида* — высший уровень; её название связано с единственностью, а саму её связывают с неделимым единением души с Богом.

С. 604

609. Английская шутка заменяет созвучные *Stations* («стояния») и *Cetaceans* («китообразные»). *Stations of the Cross* («Крестный путь») — католическая молитвенная практика четырнадцати стояний, посвящённых Страстям Христовым; «китообразные креста» намеренно передают бессмысленный результат подмены.

С. 606

Интерлюдии פ и צ: 80-е и 90-е

610. Эпиграф из вымышленного учебника вольно пересказывает Дан. 5:25–30: в Библии Бог «исчислил» царство, Валтасар «взвешен на весах и найден очень лёгким», царство отдано мидянам и персам, а убийца Валтасара не назван. Кир взял Вавилон в 539 году до н. э., а с 538 годом связывают его указ о возвращении изгнанников (Езд. 1:1–4). «Серебро», число 538 и политические прогнозы отсылают к Нейту Сильверу (*silver* — «серебро») и его сайту FiveThirtyEight, известному прогнозами выборов: 538 — число выборщиков президента США. Каббалистическое обоснование этой связи — вымысел романа.

С. 607

611. Номинативный детерминизм — полушуточная гипотеза, будто люди чаще тяготеют к занятиям, созвучным их именам. Здесь фамилия нового пресс-секретаря *Speakes* созвучна английскому *speaks* — «говорит», поэтому кажется почти предопределённой для этой должности.

С. 608

612. Финеас Гейдж (1823–1860) — американский рабочий, которому в результате взрыва железный штырь прошёл через череп. Он выжил; его врач позднее описывал заметные изменения личности и поведения, однако масштаб и стойкость этих изменений остаются спорными, а популярные пересказы часто их преувеличивают.

С. 608

613. Растворение голема под дождём — правило мира романа, а не обычная деталь легенды.

С. 609

614. В перечне две шуточные пары. *El Salvador* по-испански значит «Спаситель», и рядом с ним стоит *El País del Diablo*, «Страна Дьявола». *Ecuador* — «экватор», и к нему подобрана страна *Primer Meridiano*, «Нулевой меридиан».

С. 611

615. Эриду — один из древнейших шумерских городов, который шумерская традиция считала первым; Ксанаду — летняя резиденция хана Хубилая, воспетая Кольриджем в поэме «Кубла Хан».

С. 611

616. Лотофаги (греч. Λωτοφάγοι, «поедатели лотоса») — мифический народ из «Одиссеи» Гомера, питающийся лотосом и пребывающий в блаженном забвении.

С. 611

617. В оригинале — вольная английская формула *he puts those who are in low places up to high places*, выбранная ради созвучия *Nader* / *nadir* («надир»: нижняя точка небосвода; переносно — самое дно). Синодальный перевод Иов. 5:11: «Униженных поставляет на высоту, и сетующие возносятся во спасение».

С. 612

Глава 51: Он дивился, что чувствует любовь

618. Оррерий (англ. *orrery*) — механическая модель Солнечной системы, показывающая движение планет и их спутников. Название *orrery* появилось лишь в начале XVIII века. Поэтому авторское *medieval orrery* либо применяет позднее название к более раннему устройству, либо является анахронизмом альтернативной истории; роман этого не уточняет.

С. 613

619. В оригинале — *the color of a robin's egg*. В американском английском *robin* — странствующий дрозд (*American robin*); его бледно-голубые яйца дали название оттенку *robin's-egg blue*. Имя Robin звучит так же, поэтому Король Комет подозревает намеренную игру слов. Европейская зарянка, которую по-русски также называют малиновкой, — другой вид.

С. 614

620. Стихи из Песни Песней (8:4; 8:6; 8:10; 8:14) по Синодальному переводу.

С. 617

Глава 52: Царь Света узрел её скорбь

621. Пародия на Лк. 2:20: «И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за всё то, что слышали и видели, как им сказано было». Вместо причины хвалы автор подставляет математическую формулу.

С. 618

622. Бат-мицва (ивр. בַּת מִצְוָה, «дочь заповеди») — религиозное совершеннолетие девочки в иудаизме. По традиционному еврейскому праву оно наступает в двенадцать лет независимо от церемонии; способы отметить этот день различаются между общинами.

С. 618

623. Мем, самех и ламед — названия еврейских букв; Ход, Нецах, Тиферет и Йесод — названия сефирот. Конкретная схема связей в этой сцене относится к устройству мира романа. В английской записи первые буквы дают M-S-L — согласный каркас слова *missile* («ракета»); поэтому следующей появляется ракета.

С. 620

624. В оригинале Уриил дважды говорит *there*. Сочетание *there, there* — формула утешения, примерно «ну-ну, не плачь»; Соху понимает *there* буквально как «там» и спрашивает: «Где?»

С. 622

625. В оригинале ответ *a spider* («паук») подменяет созвучное *in spite of* («вопреки») из заключительной строфы уже цитированного «Гимна предела прочности» Киплинга: *in spite of being broken / because of being broken / may rise and build anew* («вопреки тому, что сломлены, / и благодаря тому, что сломлены, / могли подняться и строить вновь»). Так Уриил превращает утешительный вывод стихотворения в тук-тук-шутку.

С. 624

626. Изречение рабби Тарфона (I–II вв. н. э.) из «Пиркей авот» («Поучения отцов»), этического трактата Мишны (2:16).

С. 625

Глава 53: Любитель буйного мятежа

627. Строки взяты из второй книги поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» (таблица 40). Сразу после них Блейк поясняет: уничтожить нужно «Отрицание» — ложную самость и рассудочную оболочку, — чтобы освободить Противоположности. Валери читает духовную формулу как революционный призыв.

С. 628

628. Рассказ о том, как юный Авраам разбил идолов в лавке отца и оставил орудие у самого большого, содержится не в Книге Бытия, а в мидраше «Берешит рабба» 38:13. Ответ отца — идолы ведь ничего не понимают — позволяет Аврааму показать противоречие идолопоклонства.

С. 629

629. В оригинале *Deas IRA*: фамилия Кларка и аббревиатура ИРА (Ирландской республиканской армии) вместе почти буква в букву складываются в *Dies irae* — латинское «День гнева». Так начинается средневековый гимн о Страшном суде, который входит в заупокойную мессу.

С. 629

630. Краткая формула «Стань тем изменением, которое хочешь видеть в мире» широко приписывается Махатме Ганди, но в его опубликованных трудах и речах её дословного источника не найдено. Близкая подтверждённая мысль есть в статье Ганди для *Indian Opinion* от 9 августа 1913 года: изменяя себя, человек меняет и окружающий мир. Расхожая атрибуция оставлена в реплике Дилана, как в оригинале.

С. 630

631. Популярная формула восходит к сатирическому монологу мистера Дули — персонажа Финли Питера Данна — о всевластии газеты в сборнике «Наблюдения мистера Дули» (1902). В исходном контексте это ироническое описание прессы, а не нормативный призыв к насилию.

С. 632

632. В оригинале — *making people softly and suddenly vanish away*: формула из финала «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла (1876), где герой *softly and suddenly vanished away — for the Snark was a Boojum*. Поэтому название БУДЖУМ и угроза исчезновения составляют один каламбур; «тихо и вдруг» сохраняет их словесную перекличку.

С. 632

Интерлюдия קּ: Буш

633. В Синодальном переводе Книги Судей 9:14 сказано: «Наконец сказали все дерева терновнику: иди ты, царствуй над нами». Автор передаёт терновник как *thorny bush* («колючий куст»), чтобы обыграть фамилию *Bush* — по-английски «куст».

С. 635

634. Книга Иезекииля 32:6. Английское *gore* означает пролитую кровь, особенно густую или свернувшуюся; фамилия кандидата *Gore* пишется так же.

С. 635

635. В реальных выборах президента США 2000 года оба термина относились к Флориде. *Hanging chad* — кусочек перфокарточного бюллетеня, который после прокола отделился не полностью; «бюллетень-бабочка» располагал имена кандидатов на двух соседних страницах, а места для проколов — между ними, что сбивало некоторых избирателей. Верховный суд США прекратил назначенный судом штата ручной пересчёт. Роман переставляет элементы кризиса: недопробитые бюллетени оказываются в Салише, нарушения — в Сущности Де-Мойн, а решающим штатом становится Джорджия.

С. 635

636. Этот и следующий большие фрагменты почти дословно воспроизводят первую инаугурационную речь Джорджа У. Буша 20 января 2001 года; роман встраивает их в альтернативную сцену переворота. В самой речи Буш связывает образ ангела в вихре с письмом Джона Пейджа Томасу Джефферсону от 20 июля 1776 года. Созвучие с ответом Бога Иову «из бури» (Иов 38:1) — смысловая связь, на которой строится шутка рассказчика, а не источник, названный самим Бушем.

С. 637

637. В оригинале Буш кричит *HELLLPPP* — растянутое *HELP* («помогите»), в котором первыми проступают буквы *HELL* («ад»). Во второй раз он повторяет *HELLLPPP* и обрывается на *HELL*, так что последними его словами оказываются «help… hell» — «помогите… ад».

С. 638

638. Здесь финал «Охоты на Снарка» получает новую развязку: у Кэрролла герой исчезает, потому что Снарк оказался Буджумом; в романе причиной становится Смертное Имя, которое Дилан вывел на телесуфлёр. Основная связь названия БУДЖУМ с формулой

исчезновения пояснена при её первом прямом проговаривании в предыдущей главе.

С. 638

Глава 54: Мой путь средь звёзд

639. В оригинале *outer darkness* — «тьма внешняя», евангельское обозначение места наказания: там «плач и скрежет зубов» (Мф. 8:12; 22:13; 25:30). Король Комет одновременно вкладывает в эти слова буквальный смысл — тьму далёкого космоса.

С. 640

Глава 55: Никто не может посетить его пределы

640. Автор условно сопоставляет латинские инициалы M–L–K с согласными слова מֶלֶךְ (*мелех*, «царь, король») — мем, ламед и конечной формой каф. Это каббалистическая игра, а не обычная запись инициалов Мартина Лютера Кинга на иврите.

С. 642

641. Мартин Лютер родился с фамилией *Luder* и позже изменил её написание на *Luther*; возможную связь с греческим *eleutherios* («свободный») обсуждают как сознательную игру самого Лютера, но строгое происхождение фамилии от *eleutheria* не установлено. Здесь автор использует эту спорную связь как каббалистическую этимологию.

С. 642

642. Скала Шаманка на мысе Бурхан находится на острове Ольхон; в ней есть сквозная пещера, издревле считавшаяся священной. Её не следует путать с Шаман-камнем у истока Ангары — другой байкальской святыней.

С. 644

Интерлюдия ר: Novus Ordo Seclorum

643. *Novus Ordo Seclorum* — лат. «Новый порядок веков». Это девиз на оборотной стороне Большой печати США; вместе с нею он воспроизведён на однодолларовой купюре. Девиз перерабатывает строку из IV эклоги Вергилия: *Magnus ab integro saeclorum nascitur ordo* («Великий ряд веков рождается заново»).

С. 650

644. Та же строка Байрона из «Поражения Сеннахериба» уже цитировалась в главе 29. В оригинале: *Hath melted like snow in the glance of the Lord* («Растаял, как снег под взглядом Господа»). У Байрона тает мощь ассирийского войска, а здесь — Вашингтон. Поэтому основной текст ближе следует английской строке; у А. К. Толстого она звучит иначе: «Весь растаял, как снег, перед блеском творца».

С. 651

Глава 56: Моление о чаше

645. Здесь цитируется *America the Beautiful*. Выбор песни связан с местом действия: Кэтрин Ли Бейтс написала стихотворение в 1893 году, вдохновившись видом с Пайкс-Пика близ Колорадо-Спрингс; впервые оно было опубликовано в 1895 году, а приведённые здесь строки входят в переработанную редакцию из авторского сборника 1911 года: *purple mountain majesties above the fruited plain* («пурпурное величие гор над плодородной равниной») и *alabaster cities gleam / undimmed by human tears* («алебастровые города сияют, не омрачённые человеческими слезами»).

С. 653

646. Робин читает Пс. 83:6–7 (в английской Библии — 84:5–6). В английском тексте псалма долина плача становится *a place of springs* — «местом источников»; *springs* — то же слово, что в названии Колорадо-Спрингс, где звучит речь.

С. 654

647. Точной формулы об «отзвуке в Вечности» у Блейка нет. Ближе всего к ней одна из «Пословиц Ада» в книге «Бракосочетание Рая и Ада»: *Eternity is in love with the productions of time* («Вечность влюблена в творения времени»). Сама же формулировка почти дословно повторяет девиз Максимуса из фильма «Гладиатор» (2000): *What we do in life echoes in eternity*.

С. 654

648. В Израиле одновременно служат два главных раввина: ашкеназский и сефардский.

С. 657

Глава 57: Принимая облик Ахании…

649. «Подмножества Голдблюма» — внутримировой термин. Аарон предлагает проверить, какие группы букв не изменяются при преобразовании темуры; иных свойств этой методики роман не сообщает.

С. 660

650. Темура (ивр. תמורה, «замена, перестановка») — каббалистический метод перестановки или замены букв.

С. 660

651. «Шахтер, 1992» — внутримировая библиографическая ссылка. Соху мгновенно называет автора и год работы, где описан соответствующий результат.

С. 660

652. Парцуфим (ивр. פרצופים, «лики») — в лурианской каббале целостные взаимосвязанные конфигурации сефирот; в каждой десять сефирот образуют единый символический «лик».

С. 660

653. Айн (ע) — шестнадцатая буква еврейского алфавита, тав (ת) — последняя. Английское *carry* значит и «перенести», и «перенести разряд» при вычислении: Соху обращается с буквами как с числами.

С. 660

654. Дожи — выборные главы Венецианской республики. Ежегодно в день Вознесения дож совершал обряд «обручения с морем» (итал. *Sposalizio del Mare*): бросал в море золотое кольцо в знак власти Венеции над Адриатикой.

С. 664

Глава 58: …И вот облик Энион

655. В оригинале — *Walls of Kujiracho*, авторский каламбур: японское *kujira* («кит») подменяет *Jericho* в устойчивом выражении *Walls of Jericho* («стены Иерихона»). «Кудзирачо» выдумано ради этой китовой игры слов, а не обозначает реальный или внутримировой город.

С. 666

656. 2,8 миллиона — не число из Библии, а итог современной полемической подборки Стива Уэллса: он сложил указанные в тексте количества погибших и получил 2 821 364. Результат зависит от того, какие эпизоды и чьи действия включать в подсчёт. Далее Ана ссылается на Чис. 16:41: после ропота из-за гибели людей кара унесла ещё 14 700 жизней (Чис. 16:49).

С. 667

657. Ирвинг Гринберг (р. 1933) — американский ортодоксальный раввин и богослов. В концепции «добровольного Завета» он действительно утверждал, что после Холокоста прежняя обязательность Завета была разрушена, но призывал евреев добровольно возобновить его и соблюдать заповеди. Юридические формулы о «неисполнении договора», обращении времени вспять и «отмене Холокоста» — сатирическое усиление Аны, а не цитата из Гринберга.

С. 668

658. Основа рассказа — Иерусалимский Талмуд, трактат «Хагига» 2:1:10. На обрезании Элиши рабби Элиэзер и рабби Иешуа изучают Тору, и их окружает небесный огонь; отец ребёнка пугается за дом. Гром, превращение воды в вино, извинения и обещание впредь быть осторожнее — добавления автора романа.

С. 669

659. Рабби Дов-Бер (Маггид из Межирича, ок. 1704–1772) — один из главных ранних учителей хасидизма. Поздняя хасидская традиция рассказывает, что, слишком долго молясь за больного, он услышал, что лишился доли в грядущем мире, и ответил, что теперь сможет молиться без расчёта на награду. Ад, Божий смех и исцеление больного — добавления автора романа.

С. 670

660. Здесь Аарон предлагает собственное толкование. В учении Лурии сосуды не выдерживают Божественного света и разбиваются, но задача тиккуна — собрать оставшиеся в осколках искры и восстановить нарушенный порядок. Поэтому «Бог несовершенен» — вывод Аарона, а не буквальная доктрина Лурии.

С. 672

661. *Perfecti* (лат. «совершенные») — традиционное историографическое название катаров, прошедших обряд *consolamentum* и живших по самым строгим правилам общины; в средневековых источниках сам термин употреблялся непоследовательно. Катары были дуалистическим христианским движением XII–XIV веков; против них вели Альбигойский крестовый поход и инквизиционные преследования. Массовое насилие исторически засвидетельствовано, но «несколько сотен тысяч» жертв и определение похода как одного из самых кровавых геноцидов — полемическая оценка повествователя, а не общепринятая статистика.

С. 673

662. В оригинале *perfect* («совершенный») перекликается с латинским *perfecti* и французским *parfait*, а фамилия философа *Parfit* звучит почти как *parfait* — поэтому Парфит шутливо назван «тёзкой» катаров. Дальнейшие «соответствия» — *prophets* («пророки»), *Parvati* («Парвати»), *Providence* («Провидение») — держатся на том же согласном каркасе П-Р-Ф/В-Т/Д. По смыслу их объединяет то же стремление исправить мир и сделать его лучше.

С. 673

663. Первая цитата — из § 95 «Liberation from the Self» книги Дерека Парфита *Reasons and Persons* («Причины и личности», 1984). Парфит описывает, как редукционистский взгляд на личность ослабил ощущение замкнутого «я».

С. 674

664. Вторая цитата — не из *Reasons and Persons*, а из главы 36 «What Matters Most» книги Парфита *On What Matters*, том 2 (2011), с. 612.

С. 674

665. С Парвати связан ласья — мягкий, изящный танец, который, по преданию, восходящему к «Натьяшастре», она исполняет в ответ на яростную тандаву своего супруга Шивы Натараджи. В распространённом толковании тандава связана с разрушением мира, а ласья — с его сотворением; отсюда «космический танец» Парвати в романе.

С. 674

Глава 59: Облачись в златую броню

666. «Хаотично-нейтральный» — одно из девяти мировоззрений в *Dungeons & Dragons*. Такой персонаж следует собственным прихотям и ставит личную свободу превыше порядка; Дилан обрывает «на стороне добра» и подменяет её игровой категорией.

С. 676

667. В оригинале Кларк говорит «нас девятеро», хотя на сцене всего пятеро бойцов; откуда взялось это число, текст не объясняет. Расчёт «четверо в секунду» подразумевает три пули на человека: одну останавливает Пуленепробиваемое Имя, ещё две убивают.

С. 678

668. В оригинале весь перечень построен на английских анатомических каламбурах: *pancreas* («поджелудочная железа») созвучно *St Pancras* (по-русски святой Панкратий); *Tarsus / tarsals* — «Тарс / кости предплюсны»; *Boniface / bone + face* — «Бонифаций / кость + лицо». *Aristotle's pupil* означает и «ученик Аристотеля», и «зрачок Аристотеля», а *Bach's well-tempered clavicle* обыгрывает название цикла Баха «Хорошо темперированный клавир» (*The Well-Tempered Clavier*): *clavier / clavicle* — «клавир / ключица».

С. 679

669. «Приостановка недоверия» (англ. *suspension of disbelief*) — условная готовность зрителя на время принять художественный вымысел и не требовать от него буквального правдоподобия.

С. 681

670. Кларк почти дословно повторяет Оби-Вана Кеноби из «Звёздных войн» («Новая надежда», 1977): если Вейдер его сразит, он станет могущественнее, чем тот может себе представить. Оби-Ван и правда опускает меч, гибнет и возвращается духом, так что «сюжет о Христе» у Кларка оборачивается киноцитатой.

С. 682

671. Дилан переводит во множественное число знаменитую фразу, приписываемую капитану Джону Полу Джонсу: *I have not yet begun to fight!* («Я ещё и не начинал сражаться!»). Её традиционно связывают с боем его корабля *Bonhomme Richard* с *HMS Serapis* 23 сентября 1779 года; наиболее известная формулировка записана 46 лет спустя со слов первого помощника Ричарда Дейла.

С. 683

Глава 60: О роза, ты больна!

672. «Большой ключ Соломона» (лат. *Clavicula Salomonis*) — псевдоэпиграфический гримуар, приписанный царю Соломону; его возникновение относят примерно к XIV–XV векам.

С. 686

673. «Священная магия Абрамелина Мага» (*The Book of the Sacred Magic of Abramelin the Mage*) — гримуар о длительном ритуале, цель которого — установить связь со Святым Ангелом-Хранителем; самая ранняя известная рукопись датирована 1608 годом.

С. 686

674. В оригинале — *The Antichrist's Cookbook*: пародия на название книги Уильяма Пауэлла 1971 года *The Anarchist Cookbook* («Поваренная книга анархиста»). Шутка строится на замене созвучного *anarchist* («анархист») на *Antichrist* («Антихрист»).

С. 686

675. В оригинале — *demonology*, *demononomy*, *demonography*. Первое означает «изучение демонов», третье — «трактат о демонах»; среднее, *demononomy*, в этой реплике служит комическим наукообразным словом, продолжающим ряд.

С. 687

Глава 61: И Ололон сказала: сойдём и мы, и предадим себя смерти в Ульро среди преступивших

676. БАТНА (англ. BATNA, Best Alternative To a Negotiated Agreement) — термин из теории переговоров: «наилучшая альтернатива переговорному соглашению», то есть то, что одна из сторон предпримет, если переговоры провалятся.

С. 690

Глава 62: Чтобы весь мир сорвался с петель

677. Откр. 8:8: после трубы второго ангела «третья часть моря сделалась кровью» (Синодальный перевод). Это шутка по шаблону интернет-мема «Хотите почувствовать себя старыми?»: будущее событие Откровения подаётся как календарная отметка.

С. 693

678. Фраза *This Machine Kills Fascists* («Эта машина убивает фашистов») была написана на гитаре американского фолк-певца Вуди Гатри. Добавка «НО БЕЗ РАЗБОРА» переосмысливает лозунг как чёрную шутку о ядерном компьютере.

С. 693

679. Английское *butler* значит «дворецкий», а *Butler* — фамилия Сэмюэла и Фрэнка Батлеров. Автор делает вид, будто это совпадение доказывает скрытый каббалистический смысл слова.

С. 695

680. «Дарвин среди машин» (англ. *Darwin Among The Machines*, 1863) — письмо Сэмюэла Батлера (1835–1902) в редакцию новозеландской газеты *The Press*. Позднее Батлер развил эти идеи в «Книге машин», трёх главах романа «Едгин» (*Erewhon*, 1872). Фраза о том, что Дарвин уже «показал» эволюцию людей, исторически сжата: в 1859 году он изложил механизм естественного отбора, а происхождение человека подробно рассмотрел в книге 1871 года.

С. 695

681. Связь названия с Фрэнком Батлером подтверждают его собственные воспоминания в заметке Шэрон Вуттон «Stanwood Butler Did It», опубликованной в *The Everett Herald* 3 декабря 2000 года. По словам Батлера, он участвовал в протесте против автострады Р. Х. Томсона, а Херберт позднее прямо связывал с ним название *Butlerian Jihad*. Однако ни эта заметка, ни история проекта в Муниципальном архиве Сиэтла не называют целью автострады «индустриализацию Сиэтла»: речь идёт о транспортном коридоре и защите городских районов. В той же заметке отдельно упомянуто предложение Батлера закрыть плавильный завод в Такоме. Основной текст сохраняет формулировку оригинала, а примечание отделяет подтверждённые факты от неподтверждённой цели автострады.

С. 696

682. В английском New International Version (Нав. 8:1) стоит *go up and attack Ai* («пойди и нападай на Гай»). Автор меняет *Ai*, название

города, на *AI* — сокращение от *artificial intelligence*, «искусственный интеллект», — и связывает стих с Батлерианским джихадом.

С. 696

683. Каламбур держится на английском. *Foretell leaves falling* («предвещают листопад») на слух почти не отличить от *foretell Eve's falling* («предвещают падение Евы»): яблоко — традиционный образ запретного плода, хотя в Быт. 3 вид плода не назван. А *orange* значит ещё и «оранжевый» — цвет осенней листвы перед листопадом.

С. 696

Глава 63: Мой гнев пылает до вершины неба

684. Джон Драйден, «Песнь на день Святой Цецилии» (*A Song for St Cecilia's Day, 1687*). Это заключительные строки «Большого хора»: связка *So… And Music shall untune the sky* завершает сравнение — как музыка когда-то привела небесные сферы в движение, так в последний час она «расстроит» небо. Святая Цецилия почитается как покровительница музыкантов.

С. 701

685. Красная тачка — отсылка к стихотворению Уильяма Карлоса Уильямса, известному как «Красная тачка» (1923; впервые опубликовано под номером XXII): *so much depends / upon / a red wheel / barrow / glazed with rain / water / beside the white / chickens* («так многое зависит от красной тачки, блестящей от дождевой воды рядом с белыми курами»). В романе механизмы Уриила буквально воплощают эту зависимость.

С. 701

Глава 64: Иному, лучшему быть миру

686. В оригинале название ресторана *Ai Oh Wah* звучит как *Iowa* — Айова, чьё опасное созвучие с Тетраграмматоном уже пояснено в интерлюдии ה. Русское «Ай-О-Ва» сохраняет и звучание, и разбиение слова на отдельные слоги, не раскрывая исход сцены заранее.

С. 704

687. Мф. 7:6, Синодальный перевод.

С. 707

Интерлюдия ש: Совершеннолетие

688. Откр. 6:12 (Синодальный перевод): «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь».

С. 709

689. Парафраз 1 Пет. 4:8 (Синодальный перевод): «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов». Дьявол здесь парафразирует Священное Писание, подставляя «смывает» вместо «покрывает».

С. 713

690. Шекспир, «Венецианский купец» (Акт I, Сцена 3), в переводе Т. Щепкиной-Куперник: «В нужде и чёрт священный текст приводит». В оригинале — реплика Антонио: «The devil can cite Scripture for his purpose».

С. 713

691. Мф. 4:8–9 (Синодальный перевод): «Опять берёт Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне».

С. 713

692. Мк. 9:44 (Синодальный перевод): «Где червь их не умирает, и огонь не угасает».

С. 714

693. В оригинале *Ash* — «пепел»: Уриил даёт ему это имя сразу после слов о том, что всё хорошее в нём сгорело дотла.

С. 717

694. В оригинале цепочка выглядит так: *Ash* → *Asher* → *Asher ben Thamiel* → *Asher Bentham*. Робин сопоставляет её с переименованием Аврама в Авраама (Быт. 17:5) и описывает переход к *Bentham* как удаление буквы ламед. Однако одного такого удаления для буквального получения *Bentham* недостаточно. Джереми Бентам — английский философ-утилитарист, сделавший принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа» центральным для своей этической и политической теории.

С. 719

695. Английское *for a song* — устойчивое «за бесценок», а буквально — «за песню». Фраза Робин читается в обоих смыслах сразу, и следующие слова о песне, которая «ещё не окончена», держатся за буквальный.

С. 720

696. Ашер вспоминает популярный образ вампира, который не отражается в зеркале: сам он, по крайней мере, такого признака не приобрёл.

С. 722

697. Апокатастасис — учение о конечном восстановлении творения. Относил ли Ориген это восстановление и к дьяволу с демонами, остаётся спорным: его противники приписывали ему такой взгляд, а Руфин отрицал, что Ориген его разделял.

С. 722

698. Иероним Стридонский (ок. 347–420), переводчик Вульгаты, был одним из влиятельных критиков оригенизма в споре с Руфином. Поэтому реплика Эллиса передаёт одну сторону древнего спора, а не бесспорный исторический факт.

С. 722

Глава 65: Плод моего таинственного древа

699. Фамилия *Burns* совпадает с английской формой «горит»: Бренда Бёрнс вспыхивает, и фамилия превращается в судьбу.

С. 724

700. Аллюзия на Еккл. 9:11 (Синодальный перевод): «Не проворным достаётся успешный бег, не храбрым — победа». Дилан сперва формулирует отвергаемое стихом убеждение, а фразой «Это неверно» возвращает библейское отрицание.

С. 725

Глава 66: В глубине полночной чащи

701. Строфа из песни Леонарда Коэна *Democracy* («Демократия», 1992).

С. 728

702. В Быт. 11 число народов не указано. В еврейской традиции Таблица народов из Быт. 10 обычно насчитывает семьдесят, а семьдесят два народа или языка появляются в традициях, основанных на Септуагинте, и в более поздних толкованиях. Число 72 здесь перекликается с семьюдесятью двумя буквами Шем ха-Мефораш — Явного Имени Бога.

С. 728

703. Роберт Мозес (1888–1981) — американский градостроитель, десятилетиями влиявший на облик Нью-Йорка через строительство мостов, шоссе и парков. В английском его фамилия пишется

так же, как имя библейского Моисея, — *Moses*. Поэтому роман противопоставляет сооружения Роберта Мозеса чудесам «обычного Моисея», который рассекает море.

С. 729

704. В оригинале — *the batteries in Battery Park*: *batteries* означает артиллерийские батареи и повторяет название парка. Место на южной оконечности Манхэттена действительно названо по старым береговым батареям; роман использует распространённое название *Battery Park*, хотя с 2015 года официальное название парка — *The Battery*. Русское «батареи в Бэттери-парке» сохраняет повтор.

С. 729

705. В Иез. 44:1–3 сказано, что Господь уже вошёл восточными воротами, после чего они остаются затворёнными; в стихе 3 упоминается «князь», но прямо не называется Мессия. Рассказчик выдаёт более позднее мессианское толкование Золотых Ворот за буквальные слова Иезекииля; перевод сохраняет формулировку оригинала.

С. 729

706. Рассказчик пересказывает популярную легенду. Золотые Ворота действительно неоднократно закрывали и перестраивали, в том числе в османскую эпоху, однако исторические исследования не находят в исламских источниках подтверждения, что их замуровали именно ради остановки Мессии или еврейского восстания. Эту мотивировку прослеживают до англоязычных путеводителей британской колониальной эпохи.

С. 730

707. В оригинале — *a gate way too cool to let the hoi polloi into*. Слова *gate way* зрительно складываются в *gateway* — «ворота», а *way too cool* значит «слишком крутые». Нарочито учёное *hoi polloi* означает «простонародье». Русская фраза передаёт смысл, а сноска — утраченную словесную механику.

С. 730

708. Имя *Emma* действительно восходит к германскому элементу со значениями «целый, всеобщий». Но *Lazarus* не означает буквально «спасение»: это авторская каббалистическая игра. В Библии Лазарь из Вифании воскресает (Ин. 11), а нищий Лазарь после смерти оказывается на лоне Авраамовом (Лк. 16:19–31); оба образа позволяют связать имя с воскресением и спасением.

С. 730

709. Остров Эллис назван по фамилии владельца, Сэмюэла Эллиса, а английская фамилия *Ellis* обычно восходит к *Elias* — греколатинской форме имени Илии. В иудейской традиции пророк Илия — предвестник прихода Машиаха. На этом созвучии роман и ставит остров рядом со Статуей Свободы, как Илию рядом с Мессией.

С. 730

710. Амоксиэль соединяет две формулы Откровения Иоанна. В Синодальном переводе Откр. 8:13: «горе, горе, горе живущим на земле»; Откр. 18:10: «горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришёл суд твой». Амоксиэль переносит эти слова о Вавилоне на Нью-Йорк; продолжение об Уриеле и механизме Небес принадлежит роману.

С. 731

711. В оригинале — *Azore of Countenance*. *Countenance* означает «лик, облик» и одновременно отсылает к компании «Каунтенанс». Каббалистическое *парцуфим* буквально значит «лики», но обозначает не просто лица, а составные конфигурации сефирот; термин впервые объяснён в главе 57. Здесь титул Симеона накладывает друг на друга оба значения.

С. 733

Глава 67: Ночь радости Энитармон

712. Строки из песни Леонарда Коэна *Everybody Knows* («Все знают»; 1988).

С. 735

713. «Эли, Эли» (ивр. «Боже мой, Боже мой») — песенная версия стихотворения Ханны Сенеш «Прогулка в Кесарию» (1942); музыку написал Давид Зехави в 1945 году. Роман даёт изменённую английскую версию: вместо исходных образов «шелест воды, молния в небе, молитва человека» здесь появляются «шум воды, грохот небес, молитва сердца»; русский текст передаёт именно вариант романа.

С. 738

714. Конфитеор (лат. *Confiteor* — «исповедуюсь») — покаянная молитва в католическом богослужении.

С. 738

715. В оригинале — *Less braying, more praying*: *braying* означает ослиный рёв, *praying* — молитву; колкость строится на почти полном созвучии этих слов.

С. 738

716. Мауриц Корнелис Эшер — нидерландский график, известный изображениями невозможных пространств и оптических парадоксов.

С. 738

717. В традиционной каббале Хесед означает «милость» или «любящую доброту». Здесь английский текст использует нестандартное *righteousness* («праведность»).

С. 739

718. Откр. 8:1: «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса». В романе седьмой печати соответствует седьмой парус.

С. 740

719. Пс. 106 (107):23–24 (Синодальный перевод).

С. 740

720. Персонажи Колриджа — отсылка к «Сказанию о Старом Мореходе» Сэмюэля Тейлора Колриджа (1798), где мореход сталкивается со сверхъестественными явлениями в открытом океане.

С. 740

721. В оригинале — *Tom said superficially*. Это *Tom Swifty* — шутка, в которой наречие в авторской ремарке каламбурно перекликается с репликой. В *superficially* («поверхностно») слышится *super fish* — «суперрыба», а Левиафан и есть исполинская рыба.

С. 742

722. В Библии короля Якова, которой следует английская цитата, стоит архаичное *habergeon* — короткая средневековая кольчуга. Синодальный перевод передаёт его как «латы»; рассказчик шутит именно над непонятным английским словом.

С. 743

723. Фраза *because it was there* («потому что он есть») — ответ, традиционно приписываемый британскому альпинисту Джорджу Мэллори на вопрос, зачем восходить на Эверест (1923).

С. 744

724. Йоханан бар Нафха — крупный палестинский амора III века, сыгравший основополагающую роль в традиции Иерусалимского Талмуда. В Бава Батра 74a рядом стоят два рассказа: Йоханан видит рыбу с глазами как две луны, а Рав Сафра — рогатую рыбу длиной триста парасангов с надписью на рогах. Роман свободно соединяет эти рассказы и заменяет парасанги милями.

С. 744

725. NaN (англ. *Not a Number* — «не число») — специальное значение в компьютерной арифметике для результата, который не является допустимым числом, например 0/0. Здесь корабль невозмутимо сообщает «NaN процентов»: масштаб повреждения уже невозможно выразить нормальным числом.

С. 745

Глава 68: …И в ярость впал небес чертог

726. Эпиграф — из стихотворения Уильяма Блейка «Серый монах» (*The Grey Monk*), сохранившегося в «Рукописи Пикеринга», беловой автограф которой датируют примерно 1807 годом. В оригинале строфа начинается *For a Tear is an Intellectual Thing…* («Слеза — Интеллектуальная Вещь»); *Sigh* означает «вздох» и одновременно отсылает к имени меча Джалакету — Вздох. Заголовок главы — вторая строка другого двустишия Блейка из «Изречений невинности»: *A Robin Red breast in a Cage / Puts all Heaven in a Rage* («Малиновку запри в острог — / И в ярость впал небес чертог»). *Robin* здесь одновременно имя героини: она заточена в Аду, и её участь приводит Небо в ярость.

С. 749

727. В оригинале стоит *the 140*. Шоссе CO 140 находится на юго-западе Колорадо и не пересекает Фаунтин-Крик. Зато в Колорадо-Спрингс рядом с Фаунтин-Крик находится развязка № 140 трассы I-25 — Nevada Avenue / Tejon Street. Контекст движения на юг от улицы Юинта совпадает именно с этим объектом, поэтому в переводе неоднозначная подпись карты раскрыта как номер развязки, а не как отсутствующее здесь шоссе 140.

С. 750

Глава 69: Любовь не для себя живёт

728. В оригинале заголовки глав 69–72 образуют первую строфу стихотворения У. Блейка «Ком земли и камень» («The Clod and the Pebble»): *Love seeketh not Itself to please / Nor for itself hath any care / But for another gives its ease / And builds a Heaven in Hell's despair*. Наш перевод: «Любовь не для себя живёт / Себе не ждёт она отрады / Но ближнему покой несёт / И строит Рай в отчаянье Ада». Полный стихотворный блок и сведения об источнике см. в Приложении Б, раздел «Главы 69–72».

С. 754

729. Городской коридор Фронт-Рейндж (Front Range Urban Corridor) — густонаселённая полоса вдоль восточного склона Скалистых гор: от Пуэбло в Колорадо до Шайенна в Вайоминге, через Колорадо-Спрингс и Денвер. Цитадель Запада в романе расположена близ Колорадо-Спрингс.

С. 757

Глава 70: Себе не ждёт она отрады

730. Тава (*Tavá*) по-ютски означает «солнце»; полное ютское название горы — *Tavá Kaa-vi*, то есть «Гора Солнца». В английском тексте стоит только *Tava*, но ему сразу приписан общий смысл полного названия.

С. 760

731. Авторская переработка Втор. 33:18–19. В библейском тексте Моисей обращается к Завулону и Иссахару, а в Синодальном переводе сказано: «созывают они народ на гору, там заколают законные жертвы». Роман опускает Иссахара и заменяет «законные жертвы» двусмысленной «жертвой праведников», чтобы фраза могла предвещать участь Соху.

С. 760

732. В основе цепочки лежит праиндоевропейский корень **kel-* — «скрывать, покрывать»; с ним связывают лат. *celare* («скрывать») и греч. *kalyptein* («скрывать»), *apokalyptein* («раскрывать»). Греческое название Откровения начинается существительным *Apokalypsis* («раскрытие, откровение»); *Apokalypto* в английском тексте — авторская игровая глагольная форма, а не историческое название книги.

С. 762

733. «Увертюра к „Вильгельму Теллю“» (1829) Джоаккино Россини; финальная часть стала знаменитой как тема телесериала «Одинокий рейнджер».

С. 764

734. В оригинале ковбойское *YEEEEHAW* («йи-ха!») записано так, что напоминает *YHWH*, латинскую передачу тетраграмматона — четырёхбуквенного Имени Бога. Поэтому Гадириэль «не думает о Третьей заповеди»: это запрет произносить Имя Господа напрасно.

С. 764

735. В оригинале — *There's a new seraph in town*: слово *seraph* («серафим») подменяет *sheriff* («шериф») в вестерновой формуле

There's a new sheriff in town — «В городе новый шериф». Ковбойская реплика делает ангельское звание Гадириэль частью угрозы.

С. 764

736. В английском тексте *strong arm* означает «сильная рука», а фамилия *Armstrong* состоит из тех же элементов в обратном порядке: *arm* + *strong*. Поэтому Нил Армстронг как Правая Рука Бога буквально исполняет английскую строку псалма; в Синодальном переводе тот же образ передан как «крепкою мышцею».

С. 765

737. Апеп (Апофис) и Кек — египетские божества первозданного мрака; Апеп — змей, враг солнечного бога Ра, а Кек — персонификация тьмы до сотворения мира.

С. 765

738. В оригинале перечислены три этнических оскорбления и одно общее уничижительное слово: *Pikey* — британское ругательство в адрес кочевых сообществ, прежде всего ирландских путешественников и рома; *Paki* — расистское оскорбление людей южноазиатского происхождения; *kike* — антисемитское оскорбление; *kook* — «чудак, псих». Они приведены здесь только для объяснения буквенной атаки Тамиила.

С. 765

739. В романе анахронично сказано «первый главный раввин Израиля». Исторически рав Авраам Ицхак Кук (1865–1935) был первым главным ашкеназским раввином Земли Израиля в период британского мандата; мистик и философ.

С. 765

740. Мф. 19:17 (по Синодальному переводу).

С. 765

741. Это авторская магия смысловых и буквенных соответствий, а не строгая анаграмма. В предыдущем объяснении *kayak* сводится к ряду Куф–Юд–Куф (ק־י־ק); здесь число 2 превращается в букву бет, после чего Соху получает *kokab* — «звезда» (כ־ו־כ־ב), а Тамиил удаляет крайнюю каф и читает остаток как *bakah* — «плач» (ב־כ־ה). Наборы букв буквально различаются: текст преобразует вместе со смыслом не только порядок и гласные, но и несколько согласных.

С. 766

742. В английской каббалистической цепочке используется KJV: *My face is foul with weeping*, где *foul* даёт Тамиилу «скверну». В Синодальном переводе это место звучит иначе: «Лицо мое побагровело от плача…».

С. 766

743. 616 — вариант Числа Зверя вместо 666, засвидетельствованный, в частности, в Кодексе Ефрема (*Codex Ephraemi Rescriptus*, V век) и папирусе 115.

С. 766

744. Из «16:16» Тамиил забирает цифры 616, и остаётся единица — *one*. По-английски *one* («один») и *won* («победил») звучат одинаково, поэтому его «Я победил» буквально прочитывает оставшееся число.

С. 766

745. Задуманная схема английской шутки: *Uriel. — Uriel who? — Uriel-ly should have known better…* Последняя реплика звучит почти как *You really should have known better…* — «тебе и правда следовало догадаться». Русское «урийльно» намеренно соединяет «Уриил» и «реально», но не воспроизводит английское созвучие полностью.

С. 769

746. Иоанном Патмосским условно называют автора Откровения: в тексте он называет себя Иоанном и сообщает, что находился на острове Патмос. Его тождество с другими новозаветными Иоаннами, характер пребывания на острове как ссылки и точная дата написания остаются предметом традиции и научных споров.

С. 770

Глава 71: Но ближнему покой несёт

747. Чхунсон (춘성) — корейский сон-мастер. *Суним* — почтительное обращение к буддийскому монаху. Английское написание *Ch'unsong* содержит фрагмент *unsong*, совпадающий с названием романа.

С. 771

748. Совершенное число равно сумме всех своих положительных делителей, кроме самого себя. Для 496: 1 + 2 + 4 + 8 + 16 + 31 + 62 + 124 + 248 = 496.

С. 772

749. В оригинале — *fluke*: и «случайная удача», и «лопасть китового хвоста». Поэтому «весь мир — гигантский *fluke*» одновременно описывает случайность и превращает космос в часть кита.

С. 772

750. В оригинале автор заменяет *crack in* («трещина в…») на почти созвучное *kraken* («кракен»); ранее введённая строка Коэна возвращается в виде морского чудовища.

С. 772

751. Английские формулы здесь ориентированы на ESV, а русские ссылки переведены в синодальную нумерацию. Иов 40:19 ESV (Иов 40:14 в Синодальном переводе) говорит не о Левиафане, а о Бегемоте: именно он назван «верхом путей Божиих». Во второй формуле автор соединяет Иов 41:9 ESV — *laid low*, «повержен» (Иов 41:1 в Синодальном переводе), — с Иов 41:25 ESV — *the mighty are afraid*, «силачи в страхе» (Иов 41:17), — но ссылается только на 41:9. Русский текст сохраняет метафору романа и ссылку оригинала, а примечание прямо фиксирует замену Бегемота Левиафаном и называет дополнительный стих.

С. 772

752. В полном тексте логии 3 после слов «внутри вас» следует «и вне вас», а затем — призыв познать себя. Английский текст романа обрывает цитату раньше; перевод сохраняет это авторское сокращение.

С. 773

753. Эпизод о Саймоне Муне находится в «Иллюминатусе!» — романе-трилогии Роберта Ши и Роберта Антона Уилсона. Герой ищет «хозяина» среди комнат собственного мозга; гуру отвечает: *Who's conducting the search?* — «А кто же ведёт поиск?»

С. 773

754. Пересказ о смерти Еноха уже оговорён при первом появлении в главе 22. В 3 Енох 15:1 описано превращение его тела; престол, Имя и титулы сведены здесь из разных мест текста и связанной традиции. История Ахера — отдельный эпизод Хагиги 15a: увидев Метатрона сидящим, он допускает «две власти на небе». «Д-В-О-Е. Смиритесь с этим» — авторская стилизация, а не историческая цитата.

С. 776

755. В XI тезисе о Фейербахе Маркс писал не о каббалистах, а о философах: они «лишь различным образом объясняли мир», тогда как задача — изменить его. «Каббалисты» — авторская подстановка.

С. 778

756. Это первые две строки катрена XCIX из «Рубайята» в переложении Э. Фицджеральда. По сравнению с полным вариантом в главе 22 автор романа заменяет *Fate* («Судьбой») на *Him*

(«с Ним»); русская цитата сохраняет эту замену и не добавляет отсутствующие в оригинале строки.

С. 778

757. В оригинале *to no avail* («без толку») звучит примерно как *Noah whale*; Аарон возвращается к уже объяснённой в главе 6 китовой шутке.

С. 779

758. Реплика вольно пересказывает финальный катрен «Изречений невинности» Уильяма Блейка: *God Appears & God is Light / To those poor Souls who dwell in Night / But does a Human Form Display / To those who Dwell in Realms of day*. Текст романа опускает *poor Souls* («бедные души») и заменяет утвердительное *does display* на *can display* («может явить»); перевод сохраняет именно эту авторскую переработку. Для довода Аны важно противопоставление непостижимого Света и доступного человеку Человеческого Облика Бога.

С. 780

759. Это поздняя еврейская легенда, а не эпизод Танаха или Талмуда. Она известна, в частности, по «Хиббур яфе» Ниссима бен Яакова; в пересказах детали различаются. В распространённой версии именно Илия молится, чтобы смерть коровы заменила смерть жены бедняка.

С. 781

760. Здесь прежняя графическая игра *Job/job* получает новое продолжение: *unemployment rate* означает «уровень безработицы», а *have a Job* можно прочитать как «иметь работу» или «иметь Иова». Написание совпадает, произношение различается.

С. 784

761. В Быт. 18:24–32 Авраам последовательно называет пятьдесят, сорок пять, сорок, тридцать, двадцать и десять праведников; английский текст романа пропускает сорок пять. Бог обещает пощадить город, если найдутся десять; дальнейший вывод о «горстке праведников, которым предстояло пострадать» принадлежит роману, а не библейскому эпизоду.

С. 786

762. Это не единая библейская цитата, а вольная композиция мотивов из глав 38–41 Книги Иова с авторскими добавлениями: основания земли, утренние звёзды, Плеяды, Орион, Бегемот и Левиафан сведены здесь в одну речь.

С. 787

763. *Go fish* — реплика из одноимённой карточной игры: так отвечают игроку, запросившему карту, которой нет у соперника, и он тянет из колоды («ищи дальше»). После всей линии Левиафана это ещё и рыбная шутка.

С. 787

Глава 72: И строит Рай в отчаянье Ада

764. Строфа из песни Леонарда Коэна «You Want It Darker» (2016; «Ты желаешь больше мрака»).

С. 790

765. Это авторская композиция по мотивам Хагиги 15b. Там после смерти Ахера Небесный суд не решается ни осудить его, ни принять в грядущий мир; рабби Меир обещает после собственной смерти добиться суда над учителем, и лишь тогда из могилы Ахера поднимается дым. Ежегодный глас в Йом-Кипур с формулой «кроме тебя» в этом талмудическом эпизоде отсутствует.

С. 792

766. Рабби Меир жил во II веке, тогда как развитое учение о Божественных искрах, заключённых в клипот и высвобождаемых ради исправления мира, связано прежде всего с лурианской каббалой XVI века. Поэтому здесь Натанда пересказывает историю Ахера на языке позднейшей каббалы; это художественное совмещение эпох, а не исторически засвидетельствованное учение рабби Меира.

С. 793

767. В оригинале созвучны *melekh* («царь», מֶלֶךְ) и *mal’akh* («ангел», מַלְאָךְ). Это звуковая ассоциация, а не общий трёхбуквенный корень: в слове «ангел» есть дополнительный алеф.

С. 795

768. Согласные у מֶלֶךְ (*мелех*, «царь») и מֹלֶךְ (*Молех*, Молох) одинаковы, а в масоретской огласовке различается лишь первый гласный знак: сеголь (три точки, «э») сменяется холамом (одна точка, «о»). Роман упрощает эту замену до «одной точки». Дальше сцена склеивает разные библейские места: об Ахазе сказано, что он провёл через огонь сына (4 Цар. 16:3) или сыновей (2 Пар. 28:3); Иеремия, живший примерно веком позже, обличает тех, кто отдаёт сыновей и дочерей Молоху (Иер. 32:35) и сжигает детей Ваалу, и пророчествует гибель Иудеи и Иерусалима (Иер. 19:4–7).

С. 795

769. В действительности *корбан* пишется קרבן: куф, реш, бет, **нун**. Английский текст романа отбрасывает последнюю букву, а затем меняет местами реш и бет, получая *кевер* — קבר, «могила». Перевод сохраняет эту авторскую магическую операцию, а сноска делает пропуск буквы явным.

С. 796

770. Цитата из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667), слова Сатаны: *«The mind is its own place, and in itself can make a heaven of hell, a hell of heaven»* («Разум — сам по себе место, и сам по себе может сделать рай из ада, ад из рая»).

С. 799

771. В Ис. 53:12 Раб Господень не назван «величайшим из грешников»: сказано, что он «к злодеям причтён был». Роман соединяет этот стих с мессианским прочтением образа и усиливает формулу; перевод сохраняет это авторское расширение.

С. 799

772. В английском оригинале — *Sepher haBashir*. Судя по описанному мотиву, имеется в виду «Сефер ха-Бахир» («Бахир», «Книга Сияния»). В § 111 «Бахира» с челом Аарона связано двенадцатибуквенное Явное Имя; семидесятидвухбуквенное Имя упомянуто следом отдельно. Роман сливает эти элементы со своим семидесятидвухбуквенным Шем ха-Мефорашем. Форма *haBashir* как название такого текста источниками не подтверждается; перевод сохраняет её как особенность оригинала.

С. 801

773. Отсылка к финальной фразе «Происхождения видов» Чарльза Дарвина: *endless forms most beautiful and most wonderful*. В мире романа эволюционная формула становится каббалистической метафорой творения.

С. 802

774. В английском оригинале речь Бога в главе 71 звучит так: *THE REASON EVIL EXISTS IS TO MAXIMIZE THE WHOLE COSMOS' TOTAL SUM GOODNESS. SUPPOSE WE RANK POSSIBLE WORLDS FROM BEST TO WORST. EVEN AFTER CREATING THE BEST, ONE SHOULD CREATE THE SECOND-BEST, BECAUSE IT STILL CONTAINS SOME BEAUTY AND HAPPINESS. THEN CONTINUE THROUGH THE SERIES, CREATING EACH UNTIL REACHING THOSE WHERE WICKEDNESS AND SUFFERING OUTWEIGH GOOD. SOME WORLDS WILL INCLUDE MUCH INIQUITY BUT STILL BE GOOD ON NET. THIS IS ONE SUCH.* Здесь ровно 72 слова (дефисное *SECOND-BEST* считается одним); их первые буквы образуют 72-буквенную цепочку *TREEITMTWCTSGSWRPWFBTWEACTBOSCTSBISCSBAHTCTTSCE*

URTWWASOGSWWIMIBSBGONTIOS — Шем ха-Мефораш. Русский перевод передаёт смысл речи, но не её английский акростих.

С. 803

775. Песня Мириам соединяет Исх. 15:21 («Пойте Господу, ибо высоко превознёсся Он») и Исх. 15:18 («Господь будет царствовать во веки и в вечность»); в библейском тексте эти строки не стоят рядом.

С. 804

776. Здесь английский текст возвращается к формулировке Фицджеральда из предисловия к «Рубайяту», тогда как в главе 5 и интерлюдиях ט и ע трижды повторяется авторская переработка первых трёх строк. Поэтому русский финальный вариант тоже отличается в первых трёх строках, но сохраняет узнаваемый последний вопрос.

С. 804

777. Авторская композиция из Быт. 1:1–3: начало фразы взято из стиха 1, описание земли и Духа — из стиха 2, а незавершённое «И сказал Бог…» ведёт к стиху 3. Это не непрерывная цитата.

С. 804

778. В оригинале *Blowhole-y of holies* — гибрид *Holy of Holies* («Святое святых») и *blowhole* («дыхало кита»). Утверждённое «Свят-дыхало святых» соединяет обе английские основы.

С. 805

Эпилог

779. Точный раввинский источник этой формулы при редакционной проверке не установлен. Эпиграф соединяет известные мотивы: «Сион спасётся правосудием» (Ис. 1:27) и раввинское противопоставление меры суда мере милосердия; это обобщение по мотивам традиции, а не проверенная дословная цитата.

С. 806

780. Вольная адаптация четырёх строк предпоследней строфы Эдгара Аллана По «Аннабель Ли». В оригинале романа имя *Annabel Lee* сокращено до созвучного *Anna*, и цитата становится обращением к Ане.

С. 806

781. Тук-тук-шутка Уриила: англ. *Albion-est* звучит как *I'll be honest* («честно говоря»); русск. «Альбион-естно» подставляет тот же хвост. Следующая реплика обыгрывает *Albion* как *all be one* — «все будут одним».

С. 807

782. У Блейка Альбион — не новая сущность, впервые возникающая в конце времён, а падший Универсальный Человек, распавшийся на четыре Зоа — четыре силы человеческой души; в финале они вновь соединяются в нём. Реплика романа упрощает восстановление Альбиона до его «возникновения».

С. 808

783. Ихор — жидкость, которая в древнегреческой мифологии течёт в жилах богов вместо крови.

С. 808

784. В оригинале — *unsung heroes*, «невоспетые герои»: так по-английски говорят о людях, чьи заслуги остались непризнанными. Слово *unsung* («неспетый, невоспетый») созвучно названию романа — *Unsong*.

С. 809

785. В оригинале двузубец — *bident* (*bi-* «два» + *dent-* «зуб»); повернув его одинарным концом, Аарон придумывает *unident* (*uni-* «один» + *dent-* «зуб»). Во фразе *I held the unident undaunted* слова перекликаются и началом, и созвучием *dent — daunt*. Русское «однозубец» делает словообразование видимым, а «не дрогнув» сохраняет смысл *undaunted*.

С. 810

Приложение А. Интерлюдия ♪: CHANGELOG

786. 5776 и 5777 — годы по еврейскому календарю. 5777 год наступил на Рош ха-Шана, 3 октября 2016 года, а интерлюдия вышла 12 октября, в Йом-Киппур; между этими праздниками длятся Дни трепета. Смену года Уриил оформляет как выход новой версии программы мироздания.

С. 811

787. Здесь обыгрывается теория «истощения эго»: самоконтроль считали ограниченным ресурсом, который расходуется при усилиях; в одной из версий его связывали с глюкозой. В 2016 году крупная попытка воспроизведения эффекта и отдельный анализ работ о глюкозе поставили эти объяснения под сомнение. Уриил описывает пересмотр научной гипотезы как изменение правил мира после обновления.

С. 811

788. FFUKUYAMA — Фрэнсис Фукуяма, автор эссе «Конец истории?» (1989). Он связывал «конец истории» с победой либеральной демократии в борьбе идеологий и в финале писал о скуке, которая может вновь запустить историю. Уриил превращает это опасение

в жалобу пользователя и устраняет «скучность» политической системы, добавляя национализм.

С. 811

789. Affluenza — смесь affluent («богатый») и influenza («грипп»), ироническая «болезнь богатства». На процессе 2013 года после смертельного ДТП этим словом воспользовался психолог со стороны защиты Итана Кауча, объясняя его безответственность воспитанием в богатой семье. Уриил отказывает метафоре в статусе настоящей болезни и отвечает на неё как на просьбу добавить новую игровую функцию.

С. 812

790. RDAWKINS — Ричард Докинз, известный критик религии. Награда в 2,56 шекеля обыгрывает обычай Дональда Кнута выдавать 2,56 доллара первому, кто сообщит о новой ошибке в его книгах. Это 256 центов — «шестнадцатеричный доллар»; замена долларов шекелями переносит награду за ошибки на Библию.

С. 813

791. Отсылка к работе «Logical Induction» («Логическая индукция»), впервые опубликованной как препринт в сентябре 2016 года. В ней предложен алгоритм, который уточняет вероятностные оценки математических утверждений ещё до того, как располагает их доказательствами; здесь научный результат представлен как новая возможность мироздания.

С. 813

792. Отсылка к молитве «У-нетане токеф», читаемой на Рош ха-Шана и Йом-Киппур. В ней перечисляется, кому предстоит умереть от воды, огня, меча, дикого зверя или голода. Уриил превращает ежегодный небесный приговор в список изменений программы и отменяет один из пунктов молитвы как нежелательную функцию.

С. 813

793. Намёк на лягушонка Пепе — героя интернет-мемов, часть вариантов которых в 2016 году присвоили американские ультраправые. В сентябре 2016 года штаб Хиллари Клинтон выпустил о нём разъяснение, и мультяшная лягушка стала темой предвыборной полемики.

С. 813

794. В 2010-х обсуждались проекты вроде EmDrive — микроволнового двигателя, которому приписывали тягу без выброса рабочего тела. Ускорение полностью изолированной системы за счёт внутренних процессов противоречило бы закону сохранения

импульса. Сообщения об эффекте и выяснение его причин здесь превращены в заявку о неисправности мира.

С. 813

795. Серия называется Berenstain Bears, но многие читатели помнят её как Berenstein Bears; это один из примеров «эффекта Манделы», общего для многих людей ошибочного воспоминания. Шутка трактует расхождение в памяти как реальную нестабильность написания, вызванную сбоем мироздания.

С. 814

796. Два разных грузовых судна под именем Windoc пострадали от преждевременно опущенных мостов на канале Уэлленд в Канаде — в 1938 и 2001 годах. Это совпадение превращено в повторяющийся сбой, будто сама программа связывает имя корабля со столкновением с мостом.

С. 814

797. KIC 8462852 привлекла внимание необычными нерегулярными падениями яркости, зарегистрированными космическим телескопом «Кеплер». В 2015–2016 годах их причина оставалась предметом споров, и среди гипотез всерьёз обсуждали даже гигантскую инопланетную конструкцию; Уриил называет неясный астрономический эффект поломкой.

С. 814

798. Намёк на генный драйв — механизм, благодаря которому определённая генетическая конструкция наследуется чаще обычного и может распространяться по популяции. Такие конструкции исследовали, в частности, для подавления размножения комаров. Фраза об одной особи, уничтожающей весь вид, гиперболически заостряет эту возможность.

С. 814

799. В «чудо-ягоде» (miracle berry) содержится белок миракулин, который временно меняет реакцию рецептора сладкого вкуса: кислые продукты начинают казаться сладкими. Уриил называет эту реальную особенность растения «эксплойтом» и поломкой вкусовых рецепторов.

С. 815

Приложение Б

800. Блейк никогда не печатал это стихотворение; в рукописи первоначально стояло “Never seek to tell thy love”, затем Блейк зачеркнул “seek” и заменил его на “pain”; в тексте Эрдмана приводится именно этот вариант.

С. 819

801. Это стихотворение существует только в рукописи; по-видимому, Блейк исправил “Thing” на “King”, но, как отмечает Эрдман, это исправление «не вполне ясно» (864).

С. 823